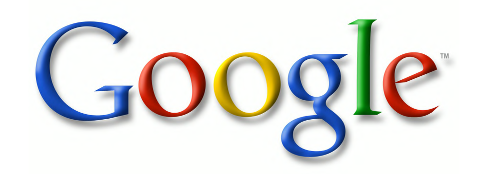
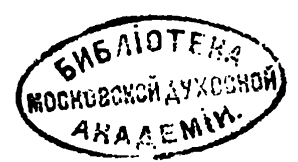


ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ.



ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCXXXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).
1877.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ УѢЗДНАГО ЗАХОЛУСТЬЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица:

Иванъ Захарычъ Сандыревъ, почтмейстеръ уѣзднаго города, 50 лѣтъ, занимается болѣе чтеніемъ газетъ, чѣмъ службой.
Ольга Николаевна Сандырева, его жена, свѣжая и расторопная женщина, лѣтъ 45.
Липочка, } **Настя**, } ихъ дочери.
Василій Сергѣевичъ Нивинъ, уѣздный врачъ, лѣтъ 35-ти, задумчивый, исхудалый, рѣчь и движенія вялыя.
Михаленко, почтальонъ.
Солдатка, } **Мѣщанинъ**, } сосѣди Сандыревыхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Небольшая гостиная въ домѣ Сандыревыхъ. Прямо—растворенная дверь въ залу; на правой сторонѣ (отъ актеровъ), въ углу—дверь во внутреннія комнаты; ближе къ зрителямъ, у стѣны—диванъ, передъ нимъ—круглый столъ и нѣсколько креселъ; съ лѣвой стороны, въ углу—дверь въ канцелярію, на первомъ планѣ—окно, передъ нимъ—ломберный столъ. Мёбель старая, разнокалиберная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сандыревъ, *одинъ, въ старомъ халатѣ, съ длиннымъ чубукомъ сидитъ на диванѣ, облокотясь на столъ; на столѣ передъ нимъ газета и географическая карта.*

Сандыревъ (*шаритъ пальцемъ по картѣ*).—Малый Зворникъ, малый Зворникъ... Какъ это затруднительно однако: и депеши читай, и на карту смотри: Малый Зворникъ... вотъ сей-часъ его подъ пальцемъ держалъ, провалился куда-то. Нѣтъ, впередъ надо булавочками замѣчать; попрошу у жены булавочекъ. Вотъ оно что значитъ недостатокъ географическихъ свѣдѣній! Вчера вдругъ читаю телеграмму изъ «Питсбурга»; а гдѣ этотъ «Питсбургъ», въ какомъ государствѣ, въ какой странѣ свѣта? Вотъ тутъ и занимайся политикой! Малый Зворникъ, Малый Зворникъ. (*Сандырева быстро входитъ въ шляпкѣ*).

Сандырева.—Ухъ, какъ устала.

Сандыревъ (*не глядя на жену*). — Новости, Олинька! Важныя новости.

Сандырева (*съ досадой*).—Какія такія новости? Гдѣ это?

Сандыревъ.—Въ Европѣ, матушка, въ Европѣ.

Сандырева (*опускаясь въ кресло и снимая шляпу*).—Господи! что это за человѣкъ! Да что намъ до Европы! Вы взгляните около себя-то, обратите вниманіе на свое семейство! А то, извольте подумать, какой европеецъ! Европа его занимаетъ, видите-ли!

Сандыревъ. — Да турки, матушка, турки.

Сандырева.—Злодѣи, вѣдь—они, варвары, да? неправда-ли? Ну, такъ знайте-же, что вы хуже всякаго турка! Тѣмъ, все-таки, простительно: они—нехристи; а вы... вы—извергъ, тиранъ, мучитель жены и семейства... Вѣдь, мы погибаемъ, завтра мы—нищіе...

Сандыревъ.—Да что, что такое?

Сандырева.—И онъ еще спрашиваетъ! Человѣкъ вы, или истуканъ?

Сандыревъ.—Да что за несчастіе? Каша изъ горшка ушла, что-ли?

Сандырева.—Ваша голова—горшокъ! Жена мучается, бѣгаетъ, а онъ политикой занимается. Я весь городъ облетала, вездѣ была, всѣмъ визиты сдѣлала; и все это для васъ, для семьи... гдѣ слезами, гдѣ шуткой и любезностями, выманивала

подпись къ одобрительному адресу о васъ отъ жителей города. Сорокъ подписей готово, и, по пріѣздѣ его превосходительства, адресъ будетъ поданъ самимъ городскимъ головою... Цѣните-ли вы это?

Сандыревъ (*разсматривая карту*).—Цѣню, цѣню, душенька.

Сандырева (*качая головой*). — «Цѣню»! Безчувственный вы человѣкъ!.. А Михаленко, вы знаете, вернулся изъ губерніи. Я слышала, что онъ донесъ обо всемъ: и поборы съ мужиковъ, и обложеніе содержателей почтъ съ хвоста лошади, и вашъ чубукъ—все, все... И завтра самъ генералъ у насъ на ревизіи, и завтра мы—въ отставкѣ и нищіе.

Сандыревъ (*не слушая*). — Ну Слава Богу! ну, очень радъ, очень радъ.

Сандырева.—Вотъ это хорошо, онъ очень радъ; да чему-же?

Сандыревъ.—Нашелъ! нашелъ.

Сандырева.—Что? Сто тысячъ?

Сандыревъ.—Нѣтъ, Малый Зворникъ.

Сандырева.—Чудовище! (*Входитъ Михаленко*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Сандыревъ, Сандырева и Михаленко.

Михаленко (*вытягиваясь*). — Честь имѣю лепортоваться; я прибылъ-съ изъ губерніи...

Сандырева.—Вотъ онъ... и ужь глазки залиты.

Михаленко.—Никакъ нѣтъ-съ, маковой росинки (*Сандыревъ откладываетъ газету, затягивается трубкой и смотритъ на Михаленко*).

Сандырева. — Чтò-же ты, злой человѣкъ, наговорилъ тамъ на Ивана Захарыча передъ его превосходительствомъ?..

Михаленко. — Ничего-съ... а только, что нѣтъ силы моей, возможности, говорю! Вся ваша воля... ежели меня въ Сибирь, ваше превосходительство, говорю, готовъ, съ удовольствіемъ; но только что...

Сандырева. — И давно бы тебя въ Сибирь слѣдовало, это правда! На чтò же ты жаловался, чѣмъ ты недоволенъ?

Михаленко. — Чубукъ, говорю, ваше превосходительство, никакого спокойствія, говорю, я себѣ не вижу... Жестокое побіеніе чубукомъ, говорю, получаю отъ ихъ высокоблагородія г. почтмейстера! Каждодневно эта битвà...

Сандыревъ. — А вотъ и сей-часъ будетъ тоже самое. (*Снимаетъ трубку съ чубука*).

Михаленко. — Извольте-съ, извольте, ваше высокородіе... такъ чтобъ ужь вполнѣ...

Сандыревъ (*вставая съ дивана*). — Вполнѣ, вполнѣ получишь, что тебѣ по моему усмотрѣнію слѣдуетъ. (*Михаленко убѣгаетъ въ залу*).

Сандырева. — Оставьте, бросьте, Иванъ Захарычъ!

Михаленко (*изъ залы*). — И про лошадиные хвосты-съ, и про мужицкіе грошики все доложилъ ихъ превосходительству. (*Убѣгаетъ*).

Сандыревъ (*хладнокровно*). — Ну, подожди! за мной не пропадетъ. (*Снова садится и углубляется въ газету*).

Сандырева. — Что-жъ это? опять за газеты? Ну, такъ слушайте! Я брошу васъ и убѣгу куда глаза глядятъ; живите какъ знаете! Да скажите-жъ вы мнѣ на милость, думаете вы хоть сколько-нибудь, о домѣ-то, о семьѣ-то?

Сандыревъ. — Нѣтъ, матушка, ничего не думаю. Мы—черви, и жизнь наша—ничтожество; такъ и думать не стоитъ. (*Указывая на газету*). Вотъ тутъ судьбы человѣчества, историческія задачи.

Сандырева. — Да, вѣдь, не намъ онѣ задаются, эти задачи; такъ не намъ ихъ и рѣшать. Наша задача—какъ бы не умереть съ голоду. Вы только посудите, что у насъ на рукахъ: Настя и Липочка—невѣсты безъ жениховъ. Нивинъ таскался прежде, посматривалъ будто на Липочку, да теперь съума сошелъ: какую-то дисертацію вздумалъ писать; два мѣсяца и глазъ не кажетъ. Я ужь на штуку пошла: сегодня посылала за нимъ, велѣла сказать, что-де Липа больна. Какого-нибудь толку нужно добиться. Ну, Настя, положимъ, не пропадетъ: эта—въ меня; а Липа, она только и умѣетъ пироги дѣлать, да спать... Теперь дальше-съ: Волю и Вику въ гимназію нужно опредѣлять; Соню, Сашу и Любу въ пансіонъ везти; для остальной оравы, ну—хотя бурсу какую-нибудь взять; а то—вѣдь срамъ: только и дѣла у нихъ, что сосѣдніе огороды пустошать, да сады добрыхъ людей обиваютъ! Отъ жалобъ на нихъ стонъ стоитъ по городу. (*Входятъ солдатка и мѣщанинъ*), Да вотъ извольте послушать.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сандыревъ, Сандырева, солдатка и мѣщанинъ.

Солдатка. — Будьте отцы-благодѣтели! Защитите хоть малость отъ дѣтокъ-то отъ своихъ!.. Разорили; всю картошку на огородѣ выпололи до чиста, а огурчика и отвѣдать не дали!..

Мѣщанинъ. — И я тоже на счетъ этихъ самыхъ дѣловъ... только по яблочной части... У меня въ саду тоже такую отдѣлку произвели... въ лучшемъ видѣ.

Сандырева. — Слышите, Иванъ Захарычъ, слышите-съ? какъ вамъ нравится?

Сандыревъ. — Хм... да... ну, ловите... и къ мировому ихъ!

Сандырева. — Вотъ это мило!

Мѣщанинъ (*хохочетъ*). — Оченно даже антересно... къ мировому-то? Такъ и мѣшковъ тѣхъ не хватитъ; вѣдь, ихъ никакъ, дѣтокъ-то вашихъ, до дюжины по огородамъ фуражируютъ, помилосердуйте!

Солдатка. — Да и какъ еще ты ихъ поймаешъ, скажи! Гляди-ка, какъ они по огороду-то, точно ужи, вьются. И, вѣдь, какіе озорники! Ты его догонять—ну, ужь и бѣжалъ бы безъ оглядки; а онъ еще между грядъ-то колесомъ катится, да языкомъ тебя дразнитъ.

Сандыревъ (*ударивъ кулакомъ по столу*). — Такъ вонъ-же вы, невѣжество!

Мѣщанинъ. — А ежели такъ, въ такомъ случаѣ, я направлю стопы свои къ господину исправнику. (*Раскланивается и уходитъ*).

Солдатка. — А я вдарюсь къ инвалидному. (*Уходитъ*).

Сандыревъ. — Ну, и убирайтесь вы, куда знаете, только провалитесь съ глазъ моихъ! (*Углубляется въ газеты*).

Сандырева. — Слышите вы, видите?

Сандыревъ. — Минуточку, душенька, одну минуточку спокойствія прошу я у васъ.

Сандырева. — Да пень—вы, или человѣкъ?..

Сандыревъ. — Съ вами, Ольга Николаевна, жить нѣтъ никакой возможности...

Сандырева. — Скажите, пожалуйста! онъ же еще въ претензіи.

Сандыревъ. — Цѣлое утро я искалъ Малый Зворникъ... нашелъ...

Сандырева. — Ну!

Сандыревъ. — Малый Зворникъ нашелъ, такъ Великій Изворъ потерялъ тутъ съ вами... Эхъ! (*Беретъ газету и карту, быстро уходитъ въ канцелярію*).

Сандырева. — Старый башмакъ! Чтò-бъ этотъ человѣкъ былъ безъ меня? И все-то, все должна нести на своихъ плечахъ слабая женщина. (*Изъ залы входитъ Липочка, зѣваетъ и потягивается*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сандырева и Липочка.

Сандырева. — Вотъ еще сокровище-то! Что ты зѣваешь?

Липочка. — Спать хочется.

Сандырева. — Да давно ль ты встала! Хоть бы постыдилась. Будятъ, будятъ, на силу добудятся.

Липочка. — Да зачѣмъ будить-то? что дѣлать-то? ходить цѣлый день взадъ да впередъ по комнатамъ.

Сандырева. — Такъ все и спать?

Липочка. — Да конечно лучше: ничего не слышишь, не видишь—и отлично. (*Садится въ кресло*). И зачѣмъ это люди родятся на свѣтъ, коли такая жизнь!

Сандырева. — Ну, философію ты оставь—не къ лицу она намъ съ тобой. Прими болѣзненный видъ: скоро Нивинъ придетъ.

Липочка. — Да какъ же я его приму, когда я здорова?

Сандырева. — Вотъ еще! Что ты маленькая, что-ли? Скажи, что боль подъ ложечкой, ну и голова, бокъ—мало-ль что можно наговорить! изнеможеніе этакое представь. А между тѣмъ, поглядывай на него, бросай такіе взгляды... ну, тамъ... грусть... упрекъ...

Липочка. — Ахъ, да вѣдь, это—комедія...

Сандырева. — Ну, дà, комедія; а ты думала чтò же? Приданаго-то нѣтъ у васъ, такъ поневолѣ примешься за комедію. Хочешь ты камнемъ, что ли, повиснуть на шеѣ у матери-то? Такъ, милая, я ужъ и такъ утопаю съ вами.

Липочка. — Обо мнѣ не безпокойтесь... я въ портнихи пойду!

Сандырева. — Да и пойдешь, пойдешь... Ничего тутъ нѣтъ

мудренаго. Ну, а покуда, что Богъ дастъ, побудь барышней, да слушайся матери. Охъ! пойти взглянуть, что у насъ дѣется въ канцеляріи. (*Уходитъ въ канцелярію; изъ залы входитъ Нивинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Липочка и Нивинъ.

Нивинъ (*подаетъ руку*).—Здравствуйте! Вы больны?

Липочка (*съ улыбкой*).—Очень!

Нивинъ (*садясь*).—Чѣмъ-же?

Липочка.—Здоровьемъ, должно быть.

Нивинъ.—Въ такомъ случаѣ, я хотѣлъ-бы заразиться отъ васъ; зачѣмъ-же меня звали-то?

Липочка.—Я не знаю; мамаша говоритъ, что я больна... вотъ у нея и спросите чѣмъ?

Нивинъ.—Интересная практика, нѣчего сказать.. Гдѣ же ваша мамаша?

Липочка.—Сейчасъ придетъ... Василій Сергѣевичъ... отравите меня!

Нивинъ.—Ого! То-есть, какъ же это?

Липочка.—Такъ просто; пропишите яду—я приму и умру. Никто и не узнаетъ, а если и узнаютъ—жалѣть меня некому... А мнѣ ужъ какъ не хочется жить: скука замучила меня.,

Нивинъ.—Незамѣтно-съ!

Липочка.—Вотъ то-то мнѣ и досадно: умереть ужасно хочется, а я все росту да толстѣю... Отравите меня; какъ-бы я была вамъ благодарна за это!

Нивинъ.—Какія страсти вы говорите! Надо полагать, въ меланхоліи находитесь.

Липочка.—Все мнѣ опостылѣло, а больше всего сама я себѣ надоѣла.

Нивинъ.—«Не милъ бѣлый свѣтъ?»—Дадимъ снадобья и пройдетъ, какъ рукой сниметъ, это—я съ удовольствіемъ, а на счетъ яду... нѣтъ, зачѣмъ-же! Это предусмотрѣно въ уложеніи о наказаніяхъ; тамъ такая статья, что за это въ Сибирь-съ! Хоть Сибирь—и малонаселенная страна, а все-таки, я своей особой увеличивать ея населеніе не желаю.

Липочка.—Нѣтъ, яду, яду, Василій Сергѣевичъ! сдѣлайте такую милость!

Нивинъ.—Вѣдь, ужь сказалъ, что не дамъ! Разсчету нѣтъ никакого, себѣ дороже... Погодите: «не все на небѣ будетъ ночь!»

Липочка.—Нѣтъ, для меня ужь разсвѣту не будетъ. Ну, что̀ за жизнь: ни цѣли, ни радости, ни надежды! Такъ идетъ изо-дня въ день, тянется, тащится что-то. Другіе хоть мечтать могутъ, фантазіи разныя себѣ придумываютъ, а я и этого не умѣю, не могу себя даже и обмануть ничѣмъ. Хоть-бы работать что-нибудь! я въ портнихи хочу идти.

Нивинъ.—А дома-то кто-жь вамъ мѣшаетъ работать?

Липочка.—Да какая-же у барышень работа? Шить что-нибудь нужное, полезное для дома — барышнямъ неприлично, а вышивать подушки, да коврики по канвѣ, вѣдь, это—ужь очень глупо. Когда впередъ знаешь, что работаешь только для виду, что твоя работа никому не нужна, что ее сейчасъ-же бросятъ, такъ ужь надо быть очень малодушной, чтобы прилежно заниматься этой работой... Нѣтъ, лучше въ портнихи...

Нивинъ.—Почему-же въ портнихи, непремѣнно?

Липочка.—Да, я ничего не умѣю больше. Нѣтъ, виновата, умѣю хорошо пироги печь. Ка̀къ это случилось, ужь я и не знаю: никогда и не училась и не желала отличаться этимъ мастерствомъ, а вдругъ какъ-то, по вдохновенію.

Нивинъ.—Такъ въ портнихи задумали?

Липочка.—Тамъ, по крайней мѣрѣ, жизнь есть.

Нивинъ.—Ну, неособенно привлекательная.

Липочка.—Все-же лучше моей, разнообразіе есть. Недѣлю работаютъ до упаду, что-нибудь выработаютъ, а праздникъ отдыхаютъ, а я постоянно отдыхаю. Какъ-то неловко смотрѣть на себя: такая я большая, сильная, а только и дѣлаю, что хожу по комнатамъ. Люди желаютъ, просятъ здоровья и силъ, а мнѣ они въ тягость, для меня они лишнія; ну, что̀ я за человѣкъ? окаменѣть-бы какъ-нибудь! Нѣтъ-ли такого лекарства?

Нивинъ.—Хоть въ аптекѣ такой микстуры нѣтъ, да вы не-безпокойтесь, ея и не нужно, сама жизнь все это сдѣлаетъ. Вотъ эта скука-то, это «изо-дня въ день-то одно и тоже безъ цѣли и радости» помаленьку такъ оболванитъ человѣка, что ужь никакіе громы не разбудятъ, никакіе гласи не воззовутъ.

Липочка.—«Помаленьку!» А каково ждать-то?

Нивинъ.—Потерпите, и въ скукѣ могутъ быть варіаціи.

Липочка.—Какія?

Нивинъ.—Можно скучать на разные манеры, въ разной обстановкѣ: можно скучать въ одиночку, а найдется еще скучающій человѣкъ—придется скучать самъ-другъ.

Липочка.—Вы говорите загадками.

Нивинъ (*взглянувъ на часы*). — Въ другой разъ, какъ-нибудь на досугѣ, пояснѣй скажу. (*Входитъ Сандырева*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Липочка, Нивинъ и Сандырева.

Сандырева. — Василій Сергѣевичъ! сколько лѣтъ! сколько зимъ! (*Нивинъ раскланивается*).—Забыли, совсѣмъ забыли насъ, Василій Сергѣевичъ.

Нивинъ.—Дома хочется сидѣть, Ольга Николаевна.

Сандырева.—Мы безпокоимъ васъ своими немочами, а вы, кажется, сами не такъ здоровы? Кàкъ вы похудѣли.

Нивинъ.—Да-съ, я не совсѣмъ-таки...

Сандырева.—Вы много занимаетесь; я слышала, вы пишите дисертацію.

Нивинъ.—Хм... Черезъ какое это агентство вы такія свѣдѣнія получаете?

Сандырева.—Слышали, Василій Сергѣевичъ, слухомъ земля полнится; мы отъ души порадовались.

Нивинъ.—Да-съ, пишу, да и казнюсь. Я люблю медицину, вѣрю въ великую будущность этой науки; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаю, что я-то—уже отставной, мертвый ея членъ! Не мнѣ, уѣздному врачу, двигать науку; мнѣ остается неуклонно посѣщать по утрамъ купчиху Соловую, по случаю ея «вдаровъ въ голову и рѣзи во чревѣ!», а по вечерамъ—постоянно одержимаго бѣлой горячкой ротмистра Кадыкова? (*встаетъ*).—Я изъ числа тѣхъ людей, которые, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, отдаются теченію, и, въ эту минуту, я, вмѣстѣ со всѣми обывателями, плыву туда, куда влечетъ насъ нашъ жалкій жребій.

Сандырева.—Какъ вы критикуете нашу провинцію!

Нивинъ.—Помилуйте, я себя не отдѣляю отъ провинціи; я самъ—провинція! Чѣмъ-же больна ваша дочь?

Сандырева (*Липочкѣ*).—Липочка, говори!

Липочка.—Я не знаю, мама.

Сандырева (*вспыхнувъ*).—Ахъ, мой другъ!.. Цѣлую ночь не спала, Василій Сергѣевичъ, головная боль и подъ ложечкой...

Нивинъ.—Можетъ быть, дурно пищевареніе? Это пройдетъ.

Сандырева.—И бредъ, Василій Сергѣевичъ, мучительный бредъ прошлую ночь былъ... ужь такъ бредила... Вообще, она у меня послѣднее время.—Богъ ее знаетъ что! (*вздохъ*). И скрываетъ отъ меня: дни ходитъ, какъ тѣнь: ни дѣла, ни мѣста

ей... ночи не спитъ, бредитъ просто на яву... Мое сердце болитъ, глядя, Василій Сергѣевичъ! И какъ часто въ бреду она называетъ васъ; ужь что ей представляется!

Липочка (*смѣется*).—Мама, ну что ты выдумаешь.

Сандырева.—Ты очень еще глупа, мой ангелъ! Ты не знаешь, что часто такъ начинаются очень серьёзныя и даже неизлечимыя болѣзни!

Нивинъ.—Такъ вы хотите лечить ее?

Сандырева.—Ахъ, какъ же! Непремѣнно, непремѣнно.

Нивинъ.—Ну, если непремѣнно, такъ мы постараемся обойтись безъ аптеки—зачѣмъ даромъ деньги платить! Нѣтъ-ли у васъ какого-нибудь снадобья:—бузины, смородиннаго листа, магнезіи?

Сандырева.—Какъ не быть, Василій Сергѣевичъ! все это есть.

Нивинъ.—Такъ дайте что-нибудь.

Сандырева.—Чего-же?

Нивинъ.—Это рѣшительно все равно, только немного: какъ рукой сниметъ (*откланивается*).—До свиданья!

Сандырева.—Куда-же вы, Василій Сергѣевичъ? Не хотите и посидѣть съ нами? Кофейку не прикажите-ли? Удѣлите намъ еще четверть часика!

Нивинъ.—Нѣтъ-съ, мнѣ въ больницу нужно. Честь имѣю кланяться! (*уходитъ*).

Сандырева (*провожая его, дочери*).—Злодѣйка ты для своей матери. (*Уходитъ*).

Липочка.—Вотъ еще положеніе-то! Представлять собой негодный товаръ, который съ рукъ нейдетъ и который насильно навязываютъ покупщику. Эка жизнь! Ахъ да пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ со мной! (*Закрываетъ лицо рукой*).

(*За сценой слышенъ свѣжій голосъ:* «Когда я былъ аркадскимъ принцемъ, когда я былъ аркадскимъ принцемъ! Тра-ла, Тра-ла... *Входитъ Настя*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Липочка и Настя.

Настя.—Тра-ла-ла-ла-ла-ла...—Покойной ночи, сестрица, что во снѣ видишь? Нивина, что-ли? (*Смотритъ въ окно*). Господи! Да когда-же меня, несчастную, кто нибудь подцѣпитъ? Вотъ-бы ухватилась! Хоть-бы ужь плохенькаго какого!.. Ну, вотъ идетъ мимо Сопѣлкинъ, Каптѣлкинъ, какъ его? бухгалтеръ управы...

ну, отчего-бы ему не влюбиться и не жениться на мнѣ?.. Голубчикъ, влюбись и женись!.. (*Подходитъ къ сестрѣ*). Сестрица, послушай, уступи мнѣ Нивина! Я-бы живо его скрутила; а вѣдь ты упустишь—гдѣ тебѣ!

Липочка.—Оставь меня въ покоѣ... Вѣшайся на шею кому хочешь. (*Входитъ Сандырева*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Липочка, Настя и Сандырева.

Сандырева. — Нѣтъ, Настя, Нивинъ, видно, сорвался у насъ.

Настя.—А можетъ быть, не совсѣмъ еще... погоди, не печалься! Не она, такъ я, мама, ловить буду его.

Сандырева.—Охъ, я и вздумать не могу безъ ужаса, что ты покинешь меня. Ты, вѣдь, у меня одна: и помощница, и другъ! Нѣтъ, Настя, погоди, ты еще молода. А теперь у насъ съ тобой дѣло есть. (*Липочка встаетъ и идетъ къ двери*).

Настя. Сестрица! не почивать-ли?

Липочка (*лѣниво и зѣвая*). Можетъ быть... Лучше спать, чѣмъ пустяки болтать. (*Уходитъ*).

Сандырева. Ну, съ Богомъ. Что въ ней проку-то! А ты, вотъ, мнѣ съ генераломъ-то чего-нибудь придумай, какъ-бы замазать, да затуманить наши дѣла-то. Остановится-ли у насъ, не остановится-ль, а ужь обѣдать-то, во всякомъ случаѣ, будетъ—вотъ тутъ-то ему десертъ и нуженъ. Онъ, вѣдь—великій лакомка... понимаешь?

Настя.—Еще-бы!

Сандырева. — Глазки, улыбочки... Ваше превосходительство! Ну то, да сё...

Настя.—Три года назадъ онъ пріѣзжалъ; я, мама, тогда такой маленькій прыщикъ была, а и то онъ поглаживалъ. А теперь мы смастеримъ кой-что... И какъ интересно его превосходительству глазки строить! Да онъ и остановится у насъ, гдѣ ему остановиться... на постояломъ дворѣ, что-ли?

Сандырева.—А вотъ увидимъ... Пронеси, Господи, грозу!

Настя. — А я, мама, умѣю глазки дѣлать, ужь выучилась. Вотъ такъ если? (*Принимаетъ кокетливое положеніе, съ вызывающей улыбкой*).

Сандырева. — Ахъ, прелесть! И умница, и хорошенькая ты у меня (*цѣлуетъ ее*). Нѣтъ, дешево я тебя не отдамъ... А въ канцеляріи-то у насъ чортъ ногу сломитъ! Почтальоны всѣ

пьяны, сортировщикъ совсѣмъ не явился. Помоги ужь ты мнѣ, а то я, кажется, умру, не дождавшись и генерала.

Настя. — Небойся, пойдемъ—все разсортируемъ! (*Слышенъ за сценой быстро приближающійся колокольчикъ*).

Сандырева (*всплеснувъ руками*). — Батюшки свѣты!

Настя. Это—онъ, мама! (*Убѣгаетъ на право; входитъ Михаленко*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Сандырева, Михаленко и Сандыревъ.

Михаленко. — Ихъ превосходительство! Самъ генералъ-съ! (*исчезаетъ*).

(*Сандырева бѣжитъ на лѣво и въ дверяхъ сталкивается съ мужемъ.*)

Сандырева (*съ ужасомъ*). — Въ халатѣ! Вылѣзьте изъ халата-то, вылѣзьте! Да бросьте вашъ проклятый чубукъ! О, несчастный! несчастный! (*Уходитъ. Сандыревъ остается, окаменѣвъ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Сандыревъ.
Сандырева.
Липочка.
Настя.
Шургинъ, гражданскій генералъ, губернскій начальникъ въ томъ вѣдомствѣ, въ которомъ служитъ Сандыревъ, лѣтъ подъ 50, средней важности, въ золотыхъ очкахъ
Петръ Степановичъ Ивановъ, чиновникъ при Шургинѣ, чистенькій, приглаженный молодой человѣкъ, въ разговорѣ постоянно конфузливо улыбается и не знаетъ куда дѣть глаза.
Городской голова, корявая личность, неопредѣленныхъ лѣтъ, силится поднять голову повыше, руки опущены, немного растопырены, въ мундирѣ.
Михаленко.

Декорація 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сандырева, *парадно одѣтая, потомъ* Липочка.

Сандырева (*подкрадывается къ затворенной двери въ залъ и прислушивается*). — Шаговъ не слышно, почиваетъ! (*Отхо-

дню). Не ждать намъ добра: сердитъ, ни съ кѣмъ и не говорилъ, только и словъ было «я хочу часа два отдохнуть!» Мое сокровище даже и встрѣтить не успѣлъ. Быть намъ нищими, чуетъ мое сердце. Каковъ чиновникъ съ генераломъ: новый какой-то, лицо—ничего, доброе; ни злобы, ни ядовитости незамѣтно, какъ у этихъ столичныхъ умниковъ! Онъ чуть-ли не изъ семинаристовъ... манеры-то, какъ будто... Чтò они тамъ съ моимъ дрожайшимъ въ канцеляріи? Вѣдь, мое золото въ состояніи самъ на свою голову нагородить съ политикой-то своей. (*Въ дверяхъ на право показывается Липочка*). Куда ты, куда ты! Ты и не показывайся, знай свои пироги, да смотри, чтобы миндальное не подгорѣло.

Липочка. — Да вѣдь, это—скучно...

Сандырева. Пироги... пироги!.. такъ и умирай надъ ними! (*Липочка уходитъ, изъ канцеляріи выходятъ: Ивановъ съ дѣлами, Сандыревъ къ книгами*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ивановъ, Сандыревъ и Сандырева.

Сандырева. — Пожалуйте! Здѣсь вамъ будетъ отлично. Канцелярія у насъ грязна, и посѣтители тамъ безпокоятъ; а здѣсь вы можете вполнѣ углубиться.

Ивановъ. — Да... здѣсь-съ лучше...

Сандырева, (*указывая на ломберный столъ*).—Вотъ на этомъ столѣ очень удобно; прошу васъ. (*Ивановъ усаживается. Сандыревъ кладетъ книги, закладываетъ руки за спину и безмолвно начинаетъ шагать. Ивановъ разбираетъ дѣла и книги*).

Сандырева (*указывая*).—Это—входящій, это—исходящій журналъ, здѣсь приходорасходная, а вотъ страховой корреспонденціи... У насъ порядокъ во всемъ удивительный! Иванъ Захарычъ силъ своихъ не щадитъ для службы. (*Сквозь слезы*).—Это—подвижникъ. А что касается доносовъ на него его превосходительству, говорю вамъ по совѣсти—одна клевета, низкая, гнусная клевета человѣка недостойнаго, презрѣннаго!

Ивановъ (*углубляясь въ бумаги*). — Я не знаю-съ.

Сандырева (*дергая мужа*). — А вы, какъ будто и не васъ касается... Да что вы, опомнитесь! Вѣдь, нищета грозитъ.

Сандыревъ. — Я, матушка, тридцать лѣтъ прослужилъ, и финтить мнѣ не приходится! Въ отставку—такъ въ отставку. А Михаленка я нынче вздую лучшимъ манеромъ... (*Уходитъ на право*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ивановъ и Сандырева.

Сандырева (*про себя*). — Вотъ чадушко-то! (*Подходитъ къ Иванову*). Вы разсматриваете страховую?

Ивановъ. — Да-съ, здѣсь нужно кое-что.

Сандырева. — Ахъ, все страховое для Ивана Захарыча — святыня! Онъ, я не знаю... онъ меня даже близко не допускаетъ къ этимъ пакетамъ! Ахъ, позвольте ваше имя.

Ивановъ. — Петръ Степановичъ-съ.

Сандырева. — Петръ Степанычъ, не прикажите-ли вамъ чаю, кофе или покушать что нибудь?

Ивановъ. — Нѣтъ-съ, ужь я сначала займусь.

Сандырева. — Петръ Степанычъ, а генералъ, кажется, несовсѣмъ здоровъ?

Ивановъ. — Нѣтъ-съ, онъ ничего...

Сандырева. — Или онъ не въ духѣ?

Ивановъ (*погружаясь въ бумаги*). — Да-съ, дорога... безпокойна...

Сандырева. — Ахъ, извините, я васъ отрываю отъ дѣла.

Ивановъ. — Ничего-съ.

Сандырева. — Я вамъ мѣшать не буду. (*Входитъ Настя, кокетливо одѣтая. Ивановъ разбираетъ бумаги, не замѣчая ее*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ивановъ, Сандырева и Настя.

Сандырева (*Настѣ*). — Поразсѣй его! Страховую смотритъ. — Охъ!

Настя (*кивнувъ головой*). — Я свое дѣло знаю.

Сандырева *Иванову*. — Я ухожу, вамъ никто не помѣшаетъ. (*Уходитъ*).

Ивановъ (*взглянувъ на Настю*). — Какая хорошенькая! (*Углубляясь въ бумаги, нѣсколько разъ оглядывается, потомъ привстаетъ, кланяется и опять нагибается надъ столомъ*).

Настя (*подходя*). — Неужели вамъ не надоѣли эти дѣла, бумаги? Отъ нихъ такъ пахнетъ гнилью?

Ивановъ. — Нельзя-съ, служба. — Ихъ превосходительство требуетъ.

Настя. — А вы его очень боитесь?

Ивановъ. — Какже-съ, помилуйте, начальникъ.

Настя. — Онъ добрый или сердитый генералъ?

Ивановъ. — Нѣтъ-съ, они очень даже снисходительны къ намъ.

Настя. — Къ кому—къ намъ?

Ивановъ. — Къ чиновникамъ.

Настя. — Ну, а къ прочимъ смертнымъ?

Ивановъ. — Я не знаю-съ, должно быть, тоже-съ.

Настя. — А генеральша ваша какая?

Ивановъ. — У насъ нѣтъ генеральши; они холостые-съ.

Настя. — Кто-жъ у него мать... сестра?

Ивановъ. — Никого нѣтъ-съ.

Настя. — Такъ одинъ и живетъ, ни одной женщины?

Ивановъ. — У нихъ только экономка-съ, Амалія Карловна!

Настя. — О, нѣмка!.. Старая въ чепцѣ?

Ивановъ. — Нѣтъ-съ, еще довольно молодая.

Настя. — И хорошенькая?

Ивановъ. — Нельзя сказать-съ... а ничего-съ.

Настя. — А вы влюблены въ нее?

Ивановъ. — Нѣтъ, помилуйте-съ, какъ возможно-съ?

Настя. — Въ кого же вы влюблены?

Ивановъ. — Я ни въ кого-съ... я еще (*займется надъ бумагами*).

Настя. — Какъ. Еще совсѣмъ не были влюблены?

Ивановъ. — Да-съ (*старается заняться дѣломъ*).

Настя. — Отчего же? Не находили по своему вкусу, или, можетъ быть, у васъ сердце каменное?

Ивановъ. — Нѣтъ, не каменное-съ, а не приходилось, еще не было случая-съ.

Настя. — Неужели вы еще ни въ кого не влюблялись? Такъ-таки ни въ кого?

Ивановъ. — Хм... нѣтъ-съ... еще я... я... не приходилось, не было случая-съ.

Настя. — И я еще ни въ кого не влюблена, тоже не приходилось, да здѣсь и не въ кого... А мнѣ ужасно хочется полюбить кого-нибудь: это, должно быть, очень интересно! А такъ, безъ любви, скучно жить.

Ивановъ. — Да-съ, это конечно, вы еще такъ молоды.. и здѣсь въ глуши...

Настя. — А музыку, театръ, общество вы любите?

Ивановъ. — Да-съ, въ свободное отъ службы время очень пріятно.

Настя. — Какъ я танцовать люблю... Ахъ, до упаду! А у насъ и танцоровъ нѣтъ; если пойдешь съ кѣмъ, такъ измучаешься, поварачивая своего кавалера! Давайте танцовать сейчасъ!

Ивановъ. — Ахъ, какже можно-съ! мнѣ надо дѣло дѣлать...

Настя. — Ничего... Давайте, пожалуйста, ну, немножко!

Ивановъ. — А ну какъ генералъ услышитъ, мнѣ кàкъ же тогда? Это, вѣдь — неприлично... чиновнику-съ...

Настя. — Мы тихонько... Да вы, можетъ быть, не умѣете?

Ивановъ (*вставая*). — Нѣтъ-съ, я умѣю, и если вамъ угодно-съ... только что могутъ быть непріятности. (*Настя напѣваетъ; они танцуютъ польку*).

Ивановъ (*останавливаясь*). — Позвольте—довольно-съ (*садится къ столу*).

Настя. — Ухъ, какъ хорошо! Вотъ наслажденье-то! Вотъ и представьте мое положеніе! Ну, хоть бы раза два, три въ годъ потанцовать какъ слѣдуетъ! А то, вѣдь, это—ужасъ что за кавалеры!

Ивановъ (*нагнувшись*). — Да-съ, такой барышнѣ, можно сказать... такому (*шепотомъ*) ангелу.

Настя (*съ притворной строгостью*). — Чтò, чтò? Чтò вы сказали? Кто вамъ позволилъ? Развѣ это можно?

Ивановъ. — Я ничего-съ: это вамъ такъ послышалось.

Настя. — Не отпирайтесь! Нѣтъ, я слышала. Извольте сейчасъ писать стихи мнѣ, въ свое оправданіе.

Ивановъ. — Я бы съ удовольстіемъ, да мнѣ некогда-съ; сейчасъ генералъ спроситъ, а у меня еще ничего-съ...

Настя. — Пишите, пишите стихи, а то не прощу. (*Звонокъ, входитъ Сандырева*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ивановъ, Настя и Сандырева.

Сандырева. — Кажется, звонокъ?..

Ивановъ. — Да-съ, генералъ...

Сандырева. — Ахъ, скорѣй прислугу, Настя!

Настя. — Какъ мы мило время провели; какъ мы танцовали, мама, сейчасъ здѣсь съ ними... (*убѣгаетъ*).

Сандырева. — Извините, она—шалунья у меня; она васъ обезпокоила?

Ивановъ. — Нѣтъ, напротивъ, очень пріятно-съ...

Сандырева. — Ребенокъ она у меня, чистый ребенокъ! (*уходитъ*).

Ивановъ. — Какая прелесть!.. Талія, ножка... да вся, что ужъ! И въ губернскомъ у насъ еще поищешь!.. (*разбираетъ дѣла*) Все изъ головы выскочило теперь... Гдѣ-то тутъ что-то нужно было повѣрить! Ахъ ты пропасть! ничего не помню. Даже въ ознобъ и жаръ бросаетъ! А сейчасъ генералъ... бѣда. (*двери изъ зала распахиваются, входитъ Шургинъ; Ивановъ привстаетъ и, снова уткнувшись, садится*)!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Ивановъ и Шургинъ.

Шургинъ — (*ходитъ и чиститъ ногти*). Что канцелярскія книги?

Ивановъ (*привставъ*).—Не очень-съ... порядокъ несовсѣмъ... а все-таки, нельзя сказать, ваше превосходительство!

Шургинъ. — Ничего не понимаю... говорите коротко и ясно.

Ивановъ. — Страховая-съ, ваше превосходительство, вотъ что-то... Впрочемъ...

Шургинъ (*останавливаясь*). — Я васъ не узнаю! вы всегда отвѣчали мнѣ отчетливо и понятно!..

Ивановъ. — У меня-съ голова, ваше превосходительство... Что-то у меня въ головѣ-съ...

Шургинъ. — Такъ отдохните немного, или возьмите холодный душъ и потомъ займитесь. Впрочемъ, кажется, безошибочно можно заключить, что здѣсь порядка никакого, упущеній тьма... Не говоря уже о злоупотребленіяхъ и разныхъ разностяхъ, лошадиные хвосты тамъ, поборы съ мужиковъ... (*Входитъ Сандыревъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Шургинъ, Ивановъ и Сандыревъ.

Сандыревъ (*вытягиваясь*). — Имѣю честь представиться... Не имѣлъ счастія лично встрѣтить ваше превосходительство.

Шургинъ (*киваетъ*). — Здравствуйте, здравствуйте! Вы давно служите? Я забылъ. (*Ходитъ*).

Сандыревъ. — Тридцать лѣтъ безпорочной службы, ваше превосходительство.

Шургинъ. — Странно! И терпѣлся такой порядокъ, такія злоупотребленія, такая распущенность!

Сандыревъ. — Злоупотребленій никакихъ, ваше пр—ство. Если что, такъ это по обоюдному соглашенію, за мои одолженія и неусыпный трудъ!

Шургинъ (*останавливаясь, возвышаетъ голосъ*). — Что вы мнѣ говорите! Служба не терпитъ никакихъ обоюдныхъ соглашеній. Вся ваша служебная дѣятельность опредѣлена закономъ; тамъ нѣтъ обоюдныхъ соглашеній. Входить въ соглашеніе съ частными лицами вы можете только въ ущербъ службѣ, въ ущербъ заведенному порядку. И, вдобавокъ, какой-то чубукъ — чортъ знаетъ что!

Сандыревъ. — Чубукъ-съ! это—мое человѣколюбіе, ваше пр—ство.

Шургинъ. — Какъ—человѣколюбіе? Вотъ не ожидалъ!

Сандыревъ. — Двадцать лѣтъ стараюсь отъ гнуснаго порока исправить человѣка.

Шургинъ. — Чубукомъ?

Сандыревъ. — Точно такъ, ваше превосходительство.

Шургинъ. — Странная филантропія. (*За сценой голосъ Насти:* «Вѣдь лебедь былъ моимъ папашей»). Поетъ!.. кто это?

Сандыревъ. — Моя дочька-съ, Настенька; если безпокоитъ, ваше превосходительство, то я прикажу...

Шургинъ. — Нѣтъ, пожалуйста!.. Вы пока мнѣ не нужны, мнѣ предстоитъ подумать. Можете идти и снять вашъ мундиръ. (*Сандыревъ раскланивается и уходитъ. Шургинъ ходитъ, вынимаетъ сигару; Ивановъ, вскочивъ, подаетъ ему огня; Шургинъ закуриваетъ и садится въ кресло*).

Шургинъ (*какъ бы про себя*). — Да, въ отставку, и нечего толковать, и оставаться здѣсь больше не зачѣмъ. Нѣтъ, этихъ древнихъ порядковъ терпѣть нельзя. (*Входитъ Настя съ корзиной печенья и горничная съ подносомъ, на которомъ кофе*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Шургинъ, Ивановъ, Настя и горничная.

Настя. — Ваше превосходительство, кофе... не угодно ли? (*Горничная ставитъ кофе на столъ и уходитъ*).

Шургинъ (*съ улыбкой*). — Благодарю-съ, благодарю... (*Ива-

ить быстро забирать дѣла и уходитъ въ канцелярію). Если не ошибаюсь, это вы пѣли сейчасъ?

Настя. — Да, я...

Шургинъ. — А у васъ хорошенькой голосокъ.

Настя. — Я, вѣдь, не училась; я такъ пою, какъ попало.

Шургинъ. — Тембръ хорошъ, свѣжій, звучный. (*Пьетъ кофе*).

Настя. — Можетъ быть. Я ничего не слыхала, не видала въ жизни, такъ сама судить не могу. Ваше превосходительство, я къ вамъ съ просьбой.

Шургинъ. — Что прикажете, весь—вниманіе...

Настя (*садясь*). — Я хочу служить, ваше превосходительство.

Шургинъ. — Служить? то есть, какъ?

Настя. — Такъ, какъ чиновники; вѣдь, теперь, говорятъ, женщины служатъ, имъ разрѣшено...

Шургинъ. — Ха, ха, ха... Какая мысль! прекрасно... Гдѣ же вы желаете служить?

Настя. — Подъ вашимъ начальствомъ, не иначе... Вы такой снисходительный къ подчиненнымъ, я слышала, а то есть ужасно сердитые генералы. Ахъ, тѣхъ я боюсь.

Шургинъ. — Ха, ха, ха... да, женщины служатъ... но частно... не нося мундира!

Настя (*кокетливо*). — И я буду частно.

Шургинъ. — Вамъ, вѣдь, большое жалованье нужно дать, ха, ха! а у меня нѣтъ.

Настя. — На первый разъ я буду довольна и небольшимъ.

Шургинъ. — За какой же столъ, къ какимъ дѣламъ мы васъ помѣстимъ?

Настя. — Я на все годна понемножку: я, вѣдь, письмоводителемъ у папа; я всѣ бумаги знаю!

Шургинъ. — Такъ вотъ что! А! такъ вотъ кого мнѣ распекать-то за безпорядокъ.

Настя. — Безпорядокъ! Какіе пустяки! кто это вамъ сказалъ? Вы не вѣрьте, ваше превосходительство! Я ночей не спала, готовясь къ вашей ревизіи, и все отлично!.. Я жду награды; неужели вы оставите меня безъ вниманія? (*Кокетничаетъ и дѣлаетъ глазки*).

Шургинъ. — Оставить васъ безъ вниманія—для меня невозможно; это выше силъ моихъ. (*Цѣлуетъ ея руки*). Я взялъ бы васъ въ личные секретари.

Настя. — Возьмите, и вы не будете жалѣть: я постараюсь изучить вашъ характеръ, привычки...

Шургинъ. — Послушайте, вы—очаровательны! (*Страстно*

хватаетъ ее за руки). Но это... это... (*Вставая*). Наконецъ, что я дѣлаю? я долженъ здѣсь выходить изъ себя, долженъ сердиться (*проходитъ*), долженъ нанести въ нѣкоторомъ родѣ ударъ, можетъ быть, неожиданный...

Настя (*встаетъ*). — Ударъ? кому?

Шургинъ. — Я долженъ... Вашему отцу грозитъ отставка.

Настя. — Въ такомъ случаѣ, отставка и мнѣ... его письмоводителю. Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете! Ну, генералъ, скажите? И вамъ не жаль меня... я такъ ждала васъ, ждала радости награды, а не казни!

Шургинъ (*останавливаясь*). — Да, конечно, это безхарактерно, но... но я обезоруженъ. (*Хватаетъ ее за руку*). И вы... вы... виновница! Ребёнокъ и волшебница въ одно и то же время. (*Осыпаетъ ея руку поцѣлуями*). Во что бы то ни стало, я дѣлаю васъ своимъ секретаремъ! Вы даете мнѣ право дѣйствовать? (*Не выпускаетъ ея рукъ*).

Настя. — Да, но какъ это будетъ?

Шургинъ. — Это—ужь моё дѣло; только знайте, что все, что сейчасъ послѣдуетъ, будетъ истекать отъ меня и клониться къ тому, чтобы вы были моимъ секретаремъ. Вы не заупрямитесь?

Настя. — Я—подчиненный; я исполню безъ возраженій все, что̀ будетъ угодно приказать вашему превосходительству.

Шургинъ. — О! какой у меня секретарь! какой секретарь!

Настя. — Значитъ, по̀ ревизіи все благополучно, да?

Шургинъ. — Ну, ужь пусть будетъ такъ.

Настя. — Милый, добрый генералъ! Вотъ—за это! (*Цѣлуетъ его въ лобъ и убѣгаетъ*).

Шургинъ (*одинъ*). — Поцѣлуй! Обожгла! я дрожу... что̀ со мной? голова кружится. (*Хватаясь за голову*). Огонь во всемъ! Удивительно, удивительно! ребёнокъ, и какая сила, какая прелесть женщины!.. (*Ходитъ*). Эта головка! Нѣтъ, разстаться съ ней невозможно! О, женщины! Есть ли жертва, которой бы я не принесъ для васъ! (*Отворяетъ дверь въ канцелярію*). Господинъ Ивановъ! господинъ Ивановъ! пожалуйте сюда! (*Ивановъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Шургинъ и Ивановъ.

Шургинъ. — Послушайте... вы ужь тамъ не очень... конечно, порядки не важные, но, все-таки, довольно сносно, удовлетворительно и злоупотребленій особенныхъ нѣтъ.

Ивановъ. — Слушаю-съ, ваше превосходительство.

Шургинъ. — Понимаете, рука не поднимается. Мнѣ жаль, большая семья! (*Садится*).

Ивановъ. — Совершенно справедливо, ваше превосходительство, очень большая.

Шургинъ. — Да? И вы согласны? ну, очень радъ! садитесь! мнѣ съ вами нужно переговорить...

Ивановъ. — Чтò прикажете, ваше превосходительство? (*Садится на конецъ стула*).

Шургинъ. — Вы знаете, какъ я внимателенъ ко всѣмъ моимъ подчиненнымъ, а къ вамъ особенно?

Ивановъ (*привскакивая*). — Вы—мнѣ второй отецъ, ваше превосходительство.

Шургинъ. — Дà! Вотъ, по окончаніи нашей поѣздки, вы получите нѣкоторое повышеніе... тамъ я увижу.

Ивановъ (*раскланиваясь*). — Изъ ничтожества поднимаете, ваше превосходительство, и дѣлаете человѣкомъ.

Шургинъ. — Но-о... вниманіе мое къ вамъ собственно идетъ еще далѣе, именно до отеческой заботы. Я хотѣлъ бы видѣть васъ женатымъ, семейнымъ, вполнѣ счастливымъ человѣкомъ. Вамъ уже пора объ этомъ подумать! Садитесь!

Ивановъ (*садится*). — Я думалъ-съ и много разъ уже думалъ-съ, ваше превосходительство, но не встрѣчалъ еще въ жизни такого предмета...

Шургинъ. — Не встрѣчали? Ахъ, мой милый, да счастье около васъ, оно «близко» и «возможно»! Вы видѣли здѣсь дѣвушку... дочь... ну, она пѣла еще?..

Ивановъ. — Видѣлъ-съ, ваше превосходительство.

Шургинъ. — Вотъ вамъ! Берите, берите, не задумывайтесь! Неправда ли, прелестная дѣвушка?

Ивановъ. — Дà-съ, она, ваше превосходительство, дѣйствительно...

Шургинъ. — Необыкновенно живая, умница! А какое граціозное созданіе?

Ивановъ. — Дѣйствительно, ваше превосходительство, не въ этой бы ей глуши...

Шургинъ. — Приданаго, конечно, нѣтъ; но, сожалѣя объ ихъ бѣдности, обѣщаю вамъ навсегда мое покровительство...

Ивановъ (*вскакивая*). — Ваше превосходительство, чѣмъ я могъ заслужить?.. (*Стоитъ*).

Шургинъ. — Вашею скромностью, любезнѣйшій, и преданностію мнѣ и дѣлу службы! Еще вотъ чтò я вамъ скажу: всякая длинная исторія съ ухаживаніемъ, съ продолжительнымъ сва-

товствомъ негодится для человѣка въ вашемъ положеніи; это мѣшаетъ службѣ; а вотъ тамъ, вдругъ! встрѣча, неожиданное сближеніе — повѣрьте, что здѣсь больше залога для тихаго счастья!

Ивановъ. — Но... но... она, ваше превосходительство, она, пожалуй, не пожелаетъ... можетъ быть, я не понравлюсь?

Шургинъ. — Ручаюсь вамъ за успѣхъ! Вѣрьте, что эта дѣвушка лучше насъ съ вами смотритъ на жизнь. Дѣйствуйте же немедленно! я сегодня же уѣзжаю, а вы останьтесь и сдѣлайте предложеніе. Завтра вы меня въ сосѣднемъ городѣ догоните.

Ивановъ (*млѣетъ отъ восторга*). — Ваше превосходительство, нѣтъ словъ для выраженія... (*Входитъ Настя*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Шургинъ, Ивановъ и Настя.

Шургинъ (*указывая глазами Настѣ на Иванова*). — Вотъ этотъ молодой человѣкъ имѣетъ до васъ великую просьбу и сегодня заявитъ ее вамъ... Я буду радъ очень, если вы не отвергнете ея—я ему протежирую! (*Настя улыбается, Ивановъ, вспыхнувъ, бросается вонъ. Входятъ: Сандыревъ и Сандырева*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Шургинъ, Настя, Сандыревъ и Сандырева.

Сандырева. — Осчастливьте, ваше превосходительство, не откажите нашего хлѣба-соли откушать.

Сандыревъ. — Осчастливьте, ваше превосходительство!

Шургинъ. — Очень благодаренъ, мнѣ пріятно. (*Къ Сандыревой*). Но ваша дочка прелестна, она—очаровательна.

Сандырева. — Страшная шалунья, ваше превосходительство! такой рѣзвый ребёнокъ! (*Входитъ Михаленко, едва держась на ногахъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Шургинъ, Сандыревъ, Сандырева и Михаленко.

Михаленко (*простирая руки*). — Притекаю къ тебѣ, праведенный судія! (*Падаетъ въ ноги*). Ваше превосходительство, явите милосердіе.

Шургинъ. — Онъ, кажется, мертвецки?

Михаленко. — Нин-ни-ни... Мои уста... ни-ни, окромя, помимо святой воды, чтобъ, значить, съ чистымъ сердцемъ.

Сандыревъ. — Я, вотъ, сейчасъ съ нимъ... (*Хватаетъ изъ угла чубукъ*).

Шургинъ. — Опять чубукъ! (*Сандыревъ останавливается съ чубукомъ*).

Сандырева. — Нѣтъ никакой возможности, ваше превосходительство, по-человѣчески!

Шургинъ. — Пожалѣйте вы, если не его, хоть ваши чубуки.

Михаленко. — Правда и милость...

Сандыревъ. — Не могу, ваше превосходительство. (*Выталкиваетъ Михаленко въ канцелярію. Изъ залы выходятъ городской голова и Настя*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Шургинъ, Сандыревъ, Сандырева, Настя и городской голова.

Городской голова (*раскланивается*). — Честь имѣемъ явиться къ вашему превосходительству, какъ есть, я—градской голова здѣшняго города... Да-съ.

Шургинъ. — Очень радъ, благодарю.

Городской голова. — И позвольте, ваше превосходительство, приподнести вашему превосходительству (*подаетъ бумагу*).

Шургинъ (*беретъ*). — Что такое?

Городской голова. — Насчетъ ихъ высокоблагородія, прописано все, какъ есть. Вотъ что! Да-съ.

Шургинъ (*читаетъ*). — Ахъ, это вы одобреніе отъ общества относительно г. почтмейстера!

Городской голова. — Такъ точно-съ, отъ общества-съ. Всѣ мы оченно чувствуемъ удоблетвореніе, ваше превосходительство, и никакихъ, къ примѣру, претензіевъ намъ отъ нихъ, акромя что какъ господинъ почтмейстеръ, Иванъ Захарычъ, хорошій они у насъ человѣкъ. Вотъ и все-съ.

Шургинъ. — Хотя я уже видѣлъ самъ на дѣлѣ... ноо... мнѣ очень пріятно и это подтвержденіе! Я остаюсь съ глубокою признательностію къ обществу, которое такъ цѣнитъ ревность моего чиновника! Общество — лучшій судья!

Городской голова. — Въ такомъ случаѣ, и мы, ваше превосходительство, оченно этому дѣлу рады. И больше ничего.

Шургинъ (*оглядывая всѣхъ*). — Теперь, кажется, все кончено?

Сандырева. — Милости прошу, ваше превосходительство, въ залу!

Шургинъ. — Благодарю съ! (*Подставляя Настѣ руку*). Позвольте. (*Идутъ, Шургинъ тихо говоритъ Настѣ, она смѣется; Сандырева подлетаетъ съ поклономъ къ головѣ; Сандыревъ беретъ его подъ руку и всѣ уходятъ въ залу*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Сандыревъ.
Сандырева.
Липочка.
Настя.
Ниввитъ.
Ивановъ.

Декорація та же.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сандыревъ, *въ старомъ форменномъ сюртукѣ съ газетой и трубкой, ходитъ взадъ и впередъ.* Сандырева.

Сандырева. — Скажите же мнѣ, что̀ это значитъ?

Сандыревъ. — Не знаю, матушка, не знаю.

Сандырева. — Самъ генералъ уѣхалъ...

Сандыревъ. — Не знаю, матушка.

Сандырева. — Да не перебивайте! Самъ генералъ уѣхалъ, а чиновникъ его остался.

Сандыревъ. — Не знаю, матушка, и отстань ты отъ меня! Тутъ такія извѣстія! а она пристаетъ съ глупостями.

Сандырева. — Съ глупостями, а! скажите! Да отецъ—вы или нѣтъ?

Сандыревъ. — Надо думать, что отецъ, коли дѣти есть.

Сандырева. — Дѣти есть! Много дѣтей, очень много! (*Утирая слёзы*). Ну, такъ я вамъ объясню, что̀ это значитъ: генералъ съ нами штуку сыгралъ; онъ всегда такъ дѣлаетъ, я слышала. Вотъ онъ отъѣдетъ станцію или двѣ, да оттуда и пришлетъ вамъ отставку, а чиновнику этому предписаніе: принять отъ васъ должность! Вотъ оно-съ!

Сандыревъ (*читая*). — Ну, и на здоровье.

Сандырева. — Что̀ же тогда? Шарманку на плечи?

Сандыревъ. — Ну, что̀-жъ, я могу? Вѣдь, ужь дѣла не поправишь. Сокрушаться прикажете, плакать, рвать на себѣ послѣдніе волосы? Такъ я—человѣкъ благоразумный... Ахайте ужь вы, а мнѣ не мѣшайте! Тутъ, матушка, государство разваливается, а она... Тамъ поминутно султановъ мѣняютъ, а не то-что почтмейстеровъ. Нѣтъ, лучше уйти отъ васъ, покойнѣй будетъ. (*Уходитъ направо*).

Сандырева (*вслѣдъ мужу*). — Уродъ, уродъ! Нѣтъ, больше силъ моихъ, погибаю! Несчастная я женщина. (*Изъ залы входитъ Настя*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Сандырева и Настя.

Сандырева. — Куда онъ пошелъ-то, Ивановъ этотъ?

Настя (*весело*). — Завернулъ на большую улицу.

Сандырева. — А Палашка слѣдитъ?

Настя (*смѣясь*). — Она—по другой сторонѣ, не отставая!

Сандырева. — Не смѣйся, мой другъ: скоро мы, скоро заплачемъ.

Настя. — Нѣтъ, мама̀, намъ будетъ весело—вотъ посмотри.

Сандырева. — Откуда веселье! Гдѣ его взять! Волкомъ взвоешь съ вами.

Настя. — Ужь будетъ веселье.

Сандырева. — Ахъ, не разстраивай ты меня!

Настя. — Я на картахъ гадала...

Сандырева. — На картахъ-то только о пустякахъ гадаютъ; а тутъ до серьёзнаго дошло. Ложись, да умирай!

Настя (*у окна*). — Вотъ Ивановъ возвращается. Ка̀къ онъ скоро!

Сандырева. — Вонъ и Палашка изъ-за угла. (*Уходя направо*). Не заходилъ ли куда, спросить. (*Уходитъ*).

Настя. — Ну, вотъ, идетъ. Генералъ сказалъ: «онъ имѣетъ великое дѣло до васъ»; ну, какое же можетъ быть дѣло иначе, и зачѣмъ бы Ивановъ остался? Онъ, кажется, будетъ такой послушный... И весело мнѣ, и, все-таки, страшно. (*Входитъ Ивановъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Настя и Ивановъ, *въ одной рукѣ изящный альбомъ, въ другой—портфёль съ бумагами.*

Ивановъ (*поднося альбомъ*). — Генералъ приказали-съ вручить вамъ...

Настя (*присѣдая*) — Merci... Какой хорошенькій! чудо! Вашъ генералъ — милый.

Ивановъ. — Да-съ, они очень... очень... (*Теряется, отходитъ къ ломберному столу и начинаетъ выбирать бумаги изъ портфёля*).

Настя (*читаетъ въ альбомѣ надпись*). — «Моему очаровательному секретарю на память перваго знакомства!» Merci, merci. (*Садится на кресло вдали отъ Иванова и разсматриваетъ альбомъ*). А дѣло, какое это великое дѣло у васъ?

Ивановъ (*не оборачиваясь*). — Да-съ... это — дѣло-съ... можетъ быть, тутъ нужно выраженіе, а я никогда-съ...

Настя. — Это дѣло, оно тамъ у васъ въ бумагахъ?

Ивановъ (*не оборачиваясь*). — Нѣтъ-съ, оно у меня въ сердцѣ-съ!

Настя. — Въ сердцѣ?

Ивановъ. — Я никогда еще не имѣлъ такого объясненія-съ; это—первый разъ въ жизни-съ. Всѣ чувства мои въ безпорядкѣ. (*Прячется совсѣмъ за бумагу*).

Настя. — А голова?

Ивановъ. — И голова-съ... я влюбленъ-съ.

Настя. — Въ кого?

Ивановъ. — Да я не смѣю, я никогда.

Настя. — Не бойтесь, говорите, мы здѣсь одни.

Ивановъ. — Да я въ васъ и влюбленъ-съ! (*Уткнувшись въ бумагу*). Только я чувствую, что недостоенъ... и боюсь...

Настя. — Такъ скоро!

Ивановъ (*оборачиваясь и скривая лицо*). — Да-съ, вдругъ-съ, и не успѣлъ опомниться, и самъ не знаю что-съ! (*привстаетъ*) Настасья Ивановна, если я не противенъ-съ, я прошу... моя душа... на-вѣки!.. (*садится и снова скрывается въ бумагъ. Входитъ Сандырева и смотритъ подозрительно на Иванова, не замѣчая Насти*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ивановъ, Настя и Сандырева.

Ивановъ (*привставъ и выглядывая изъ за бумаги*). Я-съ.. генералъ-съ... Его превосходительство они мнѣ-съ.

Сандырева. — Ахъ. Я предчувствую, я, предчувствую что вы скажете—какое для насъ несчастіе!..

Ивановъ (*все болѣе теряясь*). — Нѣтъ-съ; я хотѣлъ, я... имѣю-съ.

Сандырева. — Сердце мое говоритъ мнѣ! Заступница моя (*сквозь слезы*). Но за что же, за что же?.. Я догоню генерала, я брошусь ему въ ноги, буду просить, молить, выслушать меня и пощадить насъ!.. Это—ужасно!

Ивановъ. — Да я-съ... я вовсе... я-съ.

Сандырева (*со слезами*). — Знаю, знаю, вы, конечно, только исполняете приказаніе: но, Петръ Степанычъ, войдите въ наше положеніе и помогите! Я умоляю васъ, посовѣтуйте намъ, попросите генерала съ своей стороны, вы къ нему ближе! (*Хватая его за руку*). Ѣдемте, ѣдемте сейчасъ!

Ивановъ. — Нѣтъ-съ, вѣдь я, вѣдь совсѣмъ... позвольте мнѣ.

Настя (*подбѣгаетъ къ матери, хватаетъ ее за руку и освобождаетъ Иванова*). — Совсѣмъ не то, мама!

Сандырева. — Что же, что же? Господи...

Ивановъ. — Я... я-съ дѣлаю предложеніе дочкѣ вашей, то есть вамъ-съ, то есть дочкѣ-съ, Настасьѣ Ивановнѣ, и прошу ихъ руки.

Сандырева. — Ахъ! Настя! Господи!

Настя (*показываетъ альбомъ*). — Подарокъ мнѣ.

Сандырева (*вскрикиваетъ*). — Ахъ!

Настя. — Это—отъ генерала.

Сандырева. — Ахъ, не могу опомниться, не могу придти въ себя! Что это? жива ли я? Настя! Настя! (*обнимаетъ дочь*).

Если бы вы знали, Петръ Степанычъ, мою любовь къ ней! Жемчужинка моя (*хватая Иванова за руку*). Простите меня, что я... что я... вѣдь, я совсѣмъ обезумѣла... я вообразила... Охъ! Такъ неожиданно... благодарю васъ за честь, Петръ Степанычъ... Совсѣмъ растерялась... Пожалуйте къ намъ въ садъ, Петръ Степанычъ, тамъ мы будемъ пить чай, по семейному. Тамъ у насъ чудесно.

Ивановъ. — Съ большимъ удовольствіемъ.

Сандырева (*уходя на право*). — Я сейчасъ распоряжусь (*уходитъ*).

Ивановъ (*ободрившись*). — Настасья Ивановна, я нетерпѣливо жду-съ, во мнѣ ужасное мученіе-съ.

Настя. — Да вы, въ самомъ дѣлѣ, влюблены въ меня?

Ивановъ. — Безъ ума-съ! Ужь такъ-съ, что и не знаю!

Настя. — Да, можетъ быть, вамъ генералъ приказалъ?

Ивановъ. — Они мнѣ только совѣтывали, какъ отецъ.

Настя. — Ну, въ садъ! въ садъ! (*Хватаетъ его за руку и убѣгаютъ въ дверь залы. Входятъ изъ двери справа Сандыревъ съ газетой, Сандырева тащитъ его за руку*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Сандыревъ и Сандырева.

Сандырева. — Оставьте вашу газету, оставьте вашу Европу! Чтò у насъ совершается

Сандыревъ. — Ну, что такое? Ну, что такое?

Сандырева. — Эхъ ты—премудрость! Ну угадай чтò.

Сандыревъ. — Пожаръ, что-ли? Землетрясеніе?

Сандырева. — Вашей дочери Настѣ дѣлаютъ предложеніе...

Сандыревъ. — Предложеніе, да какое же? на счетъ чего?

Сандырева. — Онъ не понимаетъ! просятъ ея руки.

Сандыревъ. — Да!.. ну да, ну и хорошо. (*Смотритъ въ газету*).

Сандырева. — Да вы хоть полюбопытствуйте кто...

Сандыревъ. — Да, да, какъ-же, это надо!.. Ну кто-же, кто?

Сандырева. — Чиновникъ-съ, этотъ самый чиновникъ.

Сандыревъ. — Чиновникъ? это—хорошо. Какой чиновникъ?

Сандырева. — Генеральскій.

Сандыревъ. — Генеральскій? Генералъ, генеральскій...

Сандырева. — Да вы проснитесь! Онъ ужь не помнитъ, что у насъ было сегодня.

Сандыревъ (*третъ лобъ*). — Да, ну да, теперь я... да...

Сандырева. — Петръ Степанычъ Ивановъ, чиновникъ его превосходительства, что у насъ на ревизіи... понимаете?

Сандыревъ. — Ахъ... да... да... Такъ онъ это вотъ какъ?

Сандырева. — Да-съ! вотъ какъ! А генералъ подарилъ ей альбомъ.

Сандыревъ. — Кому альбомъ? Да, да, такъ, чиновникъ подарилъ альбомъ, а генералъ предложеніе!..

Сандырева. — Эхъ, Иванъ Захарычъ, вотъ до чего довела васъ политика!

Сандыревъ. — То есть, да, чиновникъ—прѐдложеніе, а генералъ—альбомъ! Понялъ я. Ну, что тутъ мудренаго!

Сандырева. — На силу-то, ахъ, тюленюшка! (*поднося ему свою руку*), цѣлуйте ручку и благодарите... За что̀ вамъ Богъ послалъ такую жену-то.

Сандыревъ. — Ты, да... благодарю, благодарю...

Сандырева. — То-то! цѣнить-то вы только не умѣете... Отправляйтесь въ садъ, къ жениху! Да бросьте хоть теперь-то. (*Вырываетъ газету и кладетъ на столъ*). Ступайте, будьте любезны и веселы (*выталкиваетъ*). Идите, идите... и я сейчасъ.

Сандыревъ. — Иду, иду... (*уходитъ*).

Сандырева. — Думано-ли, гадано-ли, чтобы такая развязка! (*подходитъ къ окну*) Нивинъ идетъ! (*въ окно*). Василій Сергѣевичъ, Василій Сергѣевичъ! На минутку. У насъ—радость! (*бѣжитъ къ дверямъ въ залъ и встрѣчается съ Нивинымъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Сандырева и Нивинъ.

Сандырева. — Когда же это было прежде, чтобы мимо шли и къ намъ не зашли?

Нивинъ. — Я право и не замѣтилъ, что мимо васъ прохожу.

Сандырева. — Вотъ какъ углублены! Прошу же васъ, присядьте на минутку (*садятся*). Наша ревизія чудесно сошла, Василій Сергѣевичъ! Генералъ былъ очень любезенъ!

Нивинъ. — Очень радъ.

Сандыревъ. — И радостная новость у насъ!

Нивинъ. — Что такое?

Сандырева. — Чиновникъ его превосходительства сдѣлалъ предложеніе Настенькѣ, Ивановъ по фамиліи; прекрасный молодой человѣкъ!

Нивинъ. — Какъ это скоро у васъ дѣлается.

Сандырева. — Богъ насъ устрояетъ, Василій Сергѣевичъ.

Нивинъ. — Хм... ревизія, сватовство — интересно...

Сандырева. — Именно, что чудесно! Ахъ! гляжу я все на васъ, Василій Сергѣевичъ, какъ измѣнились.

Нивинъ. — Старость подкрадывается.

Сандырева. — Охъ, что вы! Вамъ только еще жить да наслаждаться, Василій Сергѣевичъ! Наука, охъ, наука васъ сушитъ! Довольно бы, право довольно бы!

Нивинъ. — А что пословица-то говоритъ, Ольга Николаевна? Вѣкъ живи, вѣкъ учись!

Сандырева. — Да чему вамъ, помилуйте? Ужь вамъ ли чего не знать? Вы все знаете; вамъ кажется, что еще что-то осталось. Конечно, слава! прославиться человѣку хочется, показать всему свѣту свой умъ.

Нивинъ. — Показывать свѣту свой умъ, да еще всему! Ольга Николаевна, что вы! Далеко очень.

Сандырева. — Охъ, слава! изстрадается, измучается человѣкъ такъ, что самъ себя не понимаетъ, ну, и—стрѣляются. А вы думаете отчего? Все отъ этого.

Нивинъ. — Такъ-съ, именно, святая ваша рѣчь, Ольга Николаевна.

Сандырева. — Нѣтъ, глупая, дурацкая моя рѣчь, Василій Сергѣевичъ, простите меня; но отъ души, отъ нашего расположенія къ вамъ, не мо[illegible]держаться! И думаю я еще: не все-же слава; а развѣ такое [illegible]тье хуже! Вести добродѣтельную, семейную жизнь, дѣлать людямъ добро тамъ, гдѣ судьба поселила; много добра! Ахъ, много за такого добраго человѣка проливается горячихъ молитвъ! И какая любовь, какая забота окружаетъ его; онъ родной, дорогой становится для людей окружающихъ! И такъ ему хорошо, и ничего уже не хочется, не рвется онъ къ этой громкой, страшной славѣ!

Нивинъ. — Просто плыву; плыву по какой-то волшебной рѣкѣ, подъ тихими, сладкими звуками сиренъ.

Сандырева (*встаетъ*). — Смѣйтесь вы надъ дурой-бабой! Ну, Богъ съ вами! Дай Богъ только вамъ здоровья да силъ! А какимъ я васъ сейчасъ чайкомъ угощу; мы только-что получили, свѣженькій! Вѣдь, я знаю, что вы любите! я сію минуту. (*Уходитъ*).

Нивинъ. — Какова женщина!.. Да-съ, дама съ соображеніемъ. (*Помолчавъ*). Вотъ такъ-то и плывешь, и плывешь, да какъ задремалъ подъ эту тишину-то—ну, и прощай. Очнешься вдругъ, разбудить тебя что-нибудь — ни силы ужъ въ тебѣ, ни мысли, и такъ и тянетъ, такъ и затягиваетъ тебя плыть дальше это тихое море покоя и сна. Вчера изорвалъ я, въ сознаніи своего безсилія, начатую дисертацію, а сегодня... (*увидавъ входящую Липочку*) поплывешь! (*Входитъ Липочка со стаканомъ чаю*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Нивинъ и Липочка.

Нивинъ. — Какъ вы сегодня интересны, позвольте вамъ сказать.

Липочка (*поставивъ стаканъ*). — Это что же значитъ?

Нивинъ (*прихлебывая чай*). — То, что вы очень милы!

Липочка. — Вы ужъ за комплименты взялись, отъ скуки, что ли?

Нивинъ. — Невольно-съ, невольно! Вашъ видъ вызываетъ.

Липочка. — Или насмѣхаетесь? Васъ не разберешь.

Нивинъ. — Ничуть-съ! Вы—такая славная, сдобная, мягкая, свѣжая... Такъ можно выражаться?

Липочка. (*надувается*). — Въ [illegible]лочной можно.

Нивинъ. — Такъ извините [illegible] невѣжественность по части изліянія нѣжныхъ чувствъ! [illegible] грубъ... Нѣтъ, право, вы мнѣ начинаете очень нравиться. Въ васъ такъ полно выражается идея ненарушимаго жизненнаго покоя; какимъ здоровьемъ вѣетъ отъ васъ!

Липочка (*смѣется*). — Вы, кажется, въ поэзію ударились?

Нивинъ. — Да-съ, я сегодня въ удивительномъ ударѣ; я сегодня такъ хорошо настроенъ.

Липочка. — Что же это значитъ?

Нивинъ. — А значитъ, что человѣкъ разрѣшилъ свою задачу... Къ тихому пристанищу притекъ.

Липочка. — Слышали вы нашу новость?

Нивинъ. — Какже-съ, какже!

Липочка. — Я теперь буду шить приданое сестрѣ, а потомъ въ портнихи уйду; надоѣло и мнѣ дома, и я всѣмъ надоѣла.

Нивинъ. — Въ портнихи—дѣло хорошее... А если замужъ, какъ вы думаете, не лучше ли будетъ?

Липочка. — За кого это?

Нивинъ. — Ну, за человѣка солиднаго, благонамѣреннаго, не пьющаго... то есть «запоемъ»... и желающаго вкусить сладостей тихой семейной жизни... Ну, вотъ хоть за меня?

Липочка. — Вы все шутите!..

Нивинъ. — Ни капли шутки... А? ну, думайте, что ли! и сейчасъ повергнемся къ стопамъ родительскимъ! Оно и расходу меньше — двѣ свадьбы заразъ... А ужь какое ликованье для Ольги-то Николаевны будетъ!

Липочка (*надувшись*). — Ну, что вы врете.

Нивинъ. — Серьёзно-съ, серьёзно.

Липочка. — Да это я не знаю, что такое...

Нивинъ. — Помните, я говорилъ, что и въ скукѣ могутъ быть варіаціи? То вы скучали однѣ, а теперь будемъ скучать вдвоемъ.

Липочка. — Но что вы чувствуете ко мнѣ... и что я?.. Я не разберу ничего.

Нивинъ. — Разберемъ и почувствуемъ это мы уже послѣ.

Липочка. — А теперь надо повѣрить вамъ?

Нивинъ. — Полагаю, что надо.

Липочка (*серьёзно*). — Ну, хорошо. Вы—честный человѣкъ?

Нивинъ. — Да-съ, и красоту тѣлесную цѣнить умѣю.

Липочка (*нѣсколько обидясь, сквозь слезы*). — Кромѣ тѣлеснаго, я думаю, у меня и умишко есть, хоть небольшой, и сердце...

Нивинъ (*горячо пожимая ей руку*). — Развѣ я не замѣчаю, развѣ я не замѣчаю!

Липочка (*съ улыбко*[illegible] замѣтили—такъ и слава Богу. (*Входитъ Сандырева*)...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Липочка, Нивинъ и Сандырева.

Нивинъ. — Ольга Николаевна, благословите насъ! (*Сандырева пятится назадъ, ничего не понимая*). Я хочу жениться, и ваша дочь согласна.

Сандырева (*всплеснувъ руками*). — Боже мой, да какъ же это случилось!

Нивинъ. — Очень просто: вздумали, да и женимся.

Сандырева. — Василій Сергѣевичъ, какая честь! Липочка, ангелъ мой! (*Обнимаетъ дочь, изъ залы входитъ Сандыревъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Липочка, Нивинъ, Сандырева и Сандыревъ.

Сандырева. — Иванъ Захарычъ, пиши, пиши... записывай.

Сандыревъ. — Что, что, что̀ писать, что̀ записывать?

Сандырева. — Счастливый день—вотъ что. (*Указывая*) Вотъ — еще женихъ.

Сандыревъ. — Позвольте, позвольте! что такое?

Сандырева. — Василій Сергѣевичъ проситъ руки.

Сандыревъ. — Да, вотъ что; а я было хотѣлъ спросить васъ...

Нивинъ. — Что вамъ угодно.

Сандыревъ. — Гдѣ городъ Питс-бургъ?

Нивинъ. — Далеко, Иванъ Захарычъ.

Сандырева. — Ахъ, да опомнись ты.

Сандыревъ. — Погоди, матушка! То-то я и говорю; безъ знанія географіи никакъ не догадаешься гдѣ какой городъ. Вотъ Питсбургъ.

Сандырева. — Да послушай ты, Василій Сергѣевичъ дѣлаетъ намъ честь просить руку Липочки.

Сандыревъ. — Ха, ха, ха. Это что-то ужь того... какъ въ сказкѣ, двѣ свадьбы. Не ожидалъ, право не ожидалъ. (*Жметъ руку Нивину*). Такая честь... мнѣ пріятно, благодарю васъ.

Сандырева. — А ты все съ Европой.

Нивинъ. — Зачѣмъ вамъ новостей изъ Европы, когда у васъ дома такія внутреннія извѣстія! (*Входятъ Настя и Ивановъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Сандыревъ, Сандырева, Липа, Нивинъ, Настя и Ивановъ.

Сандырева. — Теперь ужь я и не знаю, право, кому кого поздравлять! Настя, обними сестру, она—тоже невѣста! Вотъ Василій Сергѣевичъ...

Настя. — Липочка! неужели? (*Объятія*). Василій Сергѣевичъ! поздравляемъ. (*Рукопожатіе*). А это—мой женихъ, рекомендую (*Нивинъ и Ивановъ раскланиваются*).

Сандырева. — Счастливый, счастливый день въ нашей жизни!

Настя. — Мы, мама, съ Петромъ Степанычемъ за музыкой послали.

Сандырева. — Веселитесь, дѣти, веселитесь! (*Сандыревъ беретъ со стола газету*).

Сандырева (*мужу*). — Цѣлуйте ручку, благодарите жену!

Сандыревъ (*цѣлуетъ*). — Благодарю, благодарю. Господа, это—не жена, это—сокровище; особенно въ нынѣшнее-то время (*тычетъ пальцемъ въ газету*).

Сандырева. — А! поняли, наконецъ?

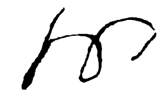
Сандыревъ. — Понялъ, матушка, понялъ. Какъ хорошо, покойно мужу-то! Ни объ чемъ не тужи! Какъ ему свободно заниматься политикой-то! (*Раскрываетъ газету и идетъ въ дверь напр[illegible]*).

Сандырева. — Иванъ Захарычъ! Иванъ Захарычъ!

Всѣ. — Куда вы, куда вы?

Сандыревъ. — Веселитесь, веселитесь! а я пойду, дочитаю.

Щ.......



МАЛЬТІЙСКІЕ РЫЦАРИ ВЪ РОССІИ.

(Изъ сказаній XVIII столѣтія).

XI.

По Большой Морской Улицѣ, бывшей еще въ ту пору, къ которой относится нашъ разсказъ, одною изъ довольно-пустынныхъ мѣстностей Петербурга, частенько пробирался въ сумерки высокій и статный мужчина. Нахлобучивъ на глаза треуголку и закрывая лицо воротникомъ плаща, онъ видимо старался, чтобы, не будучи никѣмъ узнаннымъ, шмыгнуть поскорѣе въ калитку небольшаго каменнаго дома и взобраться проворнѣе во второй этажъ. Тамъ этого таинственнаго посѣтителя, человѣка уже лѣтъ за сорокъ, но еще замѣчательно-красиваго, привѣтливо встрѣчала прехорошенькая дамочка лѣтъ двадцати пяти-шести. Съ живостію, свойственной француженкамъ, она тотчасъ послѣ дружескаго привѣтствія и нѣсколькихъ поцалуевъ, забрасывала гостя вопросами о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и, между прочимъ, о дѣлахъ политическихъ и о случаяхъ, бывшихъ при дворѣ. Хотя гость и несовсѣмъ охотно отвѣчалъ на такіе вопросы, сводя обыкновенно разговоръ на городскіе новости и слухи, но молоденькая хозяйка, такъ или иначе, всегда успѣвала вывѣдать отъ него многое: онъ какъ будто невольно проговаривался предъ нею.

Однажды, когда таинственный посѣтитель, впущенный съ лѣстницы горничною, тихонько пробрался къ хозяйкѣ, онъ засталъ ее одѣтою въ красную тюнику съ красными греческими сандаліями на маленькихъ ножкахъ. Въ такомъ нарядѣ она стояла передъ трюмо и съ такимъ увлеченіемъ декламировала наизусть французскіе стихи, что не замѣтила подкравшагося къ ней гостя.

— Ахъ, это ты, милый Жанъ? вскрикнула она, заслышавъ его присутствіе позади себя.—Какъ ты испугалъ меня!.. Она бы-

стро повернулась къ гостю и, взявъ его своею бѣленькой ручкой за подбородокъ, нѣжно поцаловала его.—Вотъ, видишь, я послѣдовала твоему совѣту и для роли Ифигеніи приготовила весь костюмъ краснаго цвѣта...

— И очень хорошо сдѣлала... Въ настоящее время, это—любимый цвѣтъ императора. Ты знаешь, какъ онъ впечатлителенъ, и если его такъ сильно раздражаетъ все, что̀ хоть сколько-нибудь бываетъ ему непріятно, то, наобо́ротъ, ему доставляетъ большое удовольствіе всякая случайность, если она подходитъ къ настроенію его духа. Государь проникнутъ рыцарскими чувствами, и потому цвѣта̀ имѣютъ для него особое значеніе. Сперва, ему нравился зеленый цвѣтъ, этотъ цвѣтъ любила дурняшка Нелидова; потомъ ему сталъ нравиться бланжевый цвѣтъ — любимый цвѣтъ Лопухиной, а теперь нравится красный, потому въ особенности, что это—цвѣтъ мальтійскаго ордена.

— И, быть можетъ, дамы его сердца... Такъ?.. А кстати, что же графъ Литта—этотъ образецъ рыцарства?.. какъ онъ хорошъ собою!.. Удивительно!.. Настоящій красавецъ, но ты, mon vieux turc, еще лучше его. Правда-ли что Литта оставляетъ орденъ для того, чтобы жениться на красавицѣ Скавронской?.. Говорятъ, что она—давнишняя его страсть... разсказывали, что еще въ Неаполѣ онъ влюбился въ нее... Какъ, однако, похвально постоянство, въ наше перемѣнчивое время! Впрочемъ, на то онъ и рыцарь, чтобы хранить до гроба вѣрность въ любви?.. болтала француженка.

При упоминаніи о Литтѣ и о Скавронской, гость какъ будто опомнился и быстро хватился рукою за боковой карманъ своего щегольскаго кафтана.

— Всякій разъ, когда я отправляюсь къ этой милочкѣ, подумалъ онъ:—я бываю точно растерянный!.. Вотъ и сегодня я во дворцѣ только наскоро пробѣжалъ «его» записку, надобно прочесть ее внимательно... Думая это, Жанъ или, собственно, графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ вынулъ изъ кармана небольшой листокъ бумаги, написанный чрезвычайно четкимъ почеркомъ, и хотѣлъ прочесть написанное.

— Это что у тебя?.. порывисто спросила француженка, заглянувъ изъ-за плеча Кутайсова и протягивая къ запискѣ свою ручку.

— Осторожнѣе... это — записочка государя... почти съ благоговѣніемъ проговорилъ Кутайсовъ.

— О чемъ?..

Кутайсовъ нахмурился; видно было, что пытливость красотки ему не слишкомъ нравилась.

— Государственные секреты... непроницаемыя тайны, которыя не должна знать твоя бѣдная Генріетта, подсмѣиваясь и въ то же время надувъ губки,ворковала француженка. — Впрочемъ, я вовсе не любопытна; я рѣшительно ничего не желаю знать о томъ, что у васъ дѣлается при дворѣ...

Говоря это, она подошла къ гостю и начала ласково трепать его по щекѣ. Въ отвѣтъ на ея ласки, онъ взялъ ее за талью и при этомъ выронилъ изъ рукъ записку, Генріетта, замѣтивъ это, кончикомъ сандаліи подсунула ее подъ кресло, зная, что влюбленный въ нее Кутайсовъ забываетъ обо всемъ въ присутствіи своей Генріетты. Затѣмъ, прекративъ разговоръ о Литтѣ, о Скавронской, о дворѣ и о политикѣ, она принялась разсказывать о томъ, какъ выступитъ въ роли Ифигеніи, и съ одушевленіемъ декламировала лучшія мѣста этой роли, заставляя Кутайсова, отлично знавшаго по-французки, читать реплики по книгѣ.

Кутайсовъ, восхищаясь драматическимъ талантомъ Генріетты, забылъ рѣшительно обо всемъ и заботился лишь о томъ, чтобъ избранница его сердца была какъ нельзя лучше принята публикою при появленіи на сценѣ въ роли Ифигеніи. Впрочемъ, и независимо отъ его заботъ по этой части, Генріетта Шевалье могла смѣло разсчитывать на самый блестящій успѣхъ.

Еще въ царствованіе Екатерины II французскій театръ существовалъ въ Петербургѣ постоянно, и французская труппа нерѣдко, по желанію государыни, играла въ эрмитажѣ. Обыкновенные же французскіе спектакли давались два раза въ недѣлю во вновь построенномъ у Лѣтняго - Сада деревянномъ театрѣ, который могъ для того времени считаться образцовымъ зданіемъ своего рода, какъ по расположенію сцены и мѣстъ, такъ и по отдѣлкѣ живописью и разными украшеніями. Впрочемъ, въ царствованіе Екатерины, театръ этотъ во время французскихъ спектаклей былъ довольно пустъ, такъ какъ лучшее петербургское общество почти каждый вечеръ собиралось или при дворѣ, или на балахъ, даваемыхъ въ разныхъ домахъ. Хотя императоръ Павелъ, подъ вліяніемъ событій, вызванныхъ французскою революціею, и оказывалъ непримиримую ненависть ко всему французскому, но театръ въ этомъ случаѣ составлялъ какое-то особое исключеніе. Павелъ Петровичъ вообще чрезвычайно любилъ французскіе спектакли, преимущественно же нравились ему трагедіи Расина. Французскіе актёры нетолько играли у него во дворцѣ, но онъ бывалъ иногда и въ частномъ театрѣ на французскихъ спектакляхъ, восхищаясь въ особенности игрою госпожи Шевалье. Присутствіе императора въ театрѣ привлекало

туда всю петербургскую знать. Но и помимо этого, она очень охотно ѣздила на французскіе спектакли, такъ какъ въ ту пору балы и при дворѣ, и въ частныхъ домахъ бывали очень рѣдко: императоръ неслишкомъ жаловалъ увеселенія этого рода. Въ добавокъ къ этому, чрезвычайный наплывъ въ Петербургъ французскихъ эмигрантовъ доставлялъ большой запасъ зрителей театральной залѣ, которая наполнялась множествомъ французовъ, проживавшихъ въ Петербургѣ въ качествѣ учителей, гувернёровъ, секретарей, библіотекарей въ разныхъ домахъ, а также французами и француженками, находившимися въ Петербургѣ по торговымъ и промышленнымъ занятіямъ. Въ ту пору считалось моднымъ обычаемъ, чтобы знатные и богатые люди абонировали ложи на французскіе спектакли на цѣлый театральный сезонъ. Абонементъ, однако, прекращался въ случаѣ бенефисовъ, назначаемыхъ въ пользу лучшихъ актёровъ и актрисъ; или, вѣрнѣе сказать, бенефисъ тогдашнихъ французскихъ артистовъ въ Петербургѣ состоялъ въ постановкѣ какой-нибуь новой замѣчательной пьесы, и затѣмъ сборъ за первое ея представленіе предоставлялся, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по спектаклю, кому-либо изъ артистовъ и артистокъ, по усмотрѣнію антрепренёра. Этому послѣднему не мало было, впрочемъ, хлопотъ съ актрисами, которыя дѣлились на двѣ партіи: на хорошенькихъ, хотя и безталантныхъ, но съ сильными покровителями, и на нехорошенькихъ, но даровитыхъ, поддерживаемыхъ всею публикою. Госпожа Шевалье не принадлежала собственно ни къ одному изъ этихъ разрядовъ, такъ какъ, будучи чрезвычайно красивой женщиной, она въ то же время отличалась и замѣчательнымъ драматическимъ дарованіемъ. Кромѣ Шевалье, около того времени славились на французской петербургской сценѣ: г-жа Гусъ, трагическая актриса, г-жа Билльо, игравшая роли первыхъ любовницъ, и субретка Сюзеттъ.

Молоденькая и смазливенькая французская актриса, по пріѣздѣ въ Петербургъ, тотчасъ же находила себѣ богатаго и знатнаго покровителя, а петербургскія дамы, въ свою очередь, влюблялись въ молодыхъ французскихъ актёровъ и въ особенности въ итальянскихъ пѣвцовъ, изъ которыхъ одинъ, Мандини, былъ баловень тогдашнихъ барынь большаго петербургскаго свѣта. Пользуясь ихъ влюбчивостію, онъ, по разсказу г-жи Лебрёнь, до того не церемонился съ ними, что ѣздилъ къ нимъ въ гости уже слишкомъ запросто—въ шлафрокѣ.

Покровителемъ при госпожѣ Шевалье состоялъ графъ Кутайсовъ, который, въ силу своего положенія при государѣ, доставилъ мужу ея какую-то должность по военному вѣдомству съ

чиномъ маіора. Импровизованный маіоръ нисколько не стѣснялся тѣмъ, что, вопреки существовавшимъ тогда строгимъ порядкамъ по военному чинопроизводству, пріобрѣлъ свой штаб-офицерскій рангъ такимъ легкимъ и страннымъ способомъ. Онъ чрезвычайно важничалъ своимъ военнымъ мундиромъ и, пользуясь отношеніями своей супруги къ Кутайсову, доставлялъ, кому было нужно, могущественную протекцію графа за болѣе или менѣе приличное вознагражденіе. Въ свою очередь, щедрый по природѣ, Кутайсовъ, получившій уже отъ императора огромное состояніе, тратилъ немало денегъ на Генріетту. Онъ, между прочимъ, купилъ ей на Дворцовой Набережной большой каменный домъ, куда она и перебралась изъ первоначально занимаемой ею въ Большой Морской скромной квартирки. Въ своемъ собственномъ домѣ маіорша-актриса устроилась на широкую ногу: роскошная мёбель и изящная бронза были выписаны для ея новоселья прямо изъ Парижа на огромную сумму. Въ новыхъ, великолѣпныхъ чертогахъ Генріетта жила открыто, принимая у себя множество гостей, которые обыкновенно пріѣзжали къ ней на чай, по окончаніи спектакля; и удостоиться такого приглашенія считалось нетолько за честь, но и за счастье. Въ числѣ самыхъ почетныхъ гостей у госпожи Шевалье былъ, разумѣется, Кутайсовъ, который не скрывалъ уже съ нѣкотораго времени своей сердечной привязанности къ молоденькой актрисѣ. Онъ являлся въ ея домѣ полнымъ хозяиномъ, тогда какъ законный ея сожитель, маіоръ «де» Шевалье, исполнялъ тамъ только должность дворецкаго. Генріетта представляла графу своихъ гостей, развязно рекомендовала каждаго изъ нихъ, просила за нихъ, и просьбы ея сопровождались всегда желаннымъ успѣхомъ. Эмигранты, мальтійскіе рыцари, явные и тайные іезуиты старательно забирались въ ея гостиную, а одинъ изъ іезуитовъ, патеръ Билли, былъ и ея исповѣдникомъ, и домашнимъ у нея человѣкомъ, исполняя усердно всѣ тѣ порученія молоденькой маіорши, которыя требовали ловкости и тайны. Между тѣмъ, Билли былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ іезуитскаго ордена и преданнѣйшимъ другомъ Грубера, который и узнавалъ чрезъ него многое, что дѣлалось при дворѣ, такъ какъ Кутайсовъ, при всей своей воздержанности на языкъ, иногда, въ припадкахъ сердечной откровенности, совершенно некстати пробалтывался передъ ласкавшейся къ нему Генріеттой.

За нѣсколько дней до бенефиса г-жи Шевалье, къ дому ея безпрестанно подъѣзжали экипажи съ лицами, желавшими получить билетъ на предстоящій спектакль непосредственно изъ ея прекрасныхъ ручекъ, а нѣкоторыя «знатныя персоны» посылали

къ г-жѣ Шевалье письма, въ которыхъ, согласно тогдашней напыщенности, заявлялось, что персоны эти не переживутъ того дня, когда не увидятъ торжество красоты, граціи и таланта, что неприсутствіе ихъ на спектаклѣ, въ которомъ явится сама богиня Мельпомена, будетъ для нихъ столь «жестокимъ истязаніемъ», что одна мысль объ этомъ приводитъ ихъ въ трепетъ и содраганіе. Въ виду этого, излагалась просьба о врученіи посланному билета, за который и препровождалось триста, шестсотъ и даже тысяча двѣсти рублей, тогда какъ въ обыкновенные спектакли ложи стоили только отъ двадцати до двадцати пяти рублей. Вообще, бенефисъ былъ обильною жатвою для госпожи Шевалье, такъ какъ никто изъ искавшихъ вниманія или покровительства графа Кутайсова, а кто не искалъ тогда и того, и другаго?—не жалѣлъ въ пользу бенефиціантки денегъ, и потому финансовыя дѣла вліятельной актрисы шли самымъ блестящимъ образомъ. Списокъ лицъ, взявшихъ билеты на бенефисъ г-жи Шевалье, съ означеніемъ, кто сколько заплатилъ за билетъ, представлялся Кутайсову, и прямымъ послѣдствіемъ разсмотрѣнія имъ этого списка была бо̀льшая или мѐньшая степень вниманія и расположенія его сіятельства, соотвѣтственно со сдѣланными взносами.

Въ бенефисъ г-жи Шевалье театръ былъ полонъ. Все, что только было въ Петербургѣ отборнаго по знатности и богатству, можно было видѣть на этотъ разъ въ театральной залѣ, блиставшей великолѣпными нарядами дамъ, придворными шитыми кафтанами и гвардейскими мундирами. За нѣсколько минутъ до шести часовъ—время, когда въ ту пору начинались спектакли, явился императоръ въ парадномъ мундирѣ преображенскаго полка, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, съ голубою лентою черезъ плечо и съ андреевскою звѣздою на груди. При его появленіи, всѣ встали и сѣли только послѣ поданнаго имъ рукою знака. Императоръ сѣлъ въ своей ложѣ, въ кресло, имѣвшее подобіе трона и поставленное на нѣкоторомъ возвышеніи. За креслами сталъ съ обнаженнымъ палашемъ кавалергардъ. Позади императора, на табуретахъ, помѣщались великіе князья Александръ и Константинъ, а за ними, въ нѣкоторомъ отдаленіи, находились, стоя: графъ Кутайсовъ, обер-церемоній-мейстеръ Валуевъ и дежурный генерал-адъютантъ Уваровъ.

Среди глубокой тишины, наступившей въ театральной залѣ, оркестръ заигралъ знаменитую въ ту пору увертюру Глюка къ оперѣ «Ифигенія». Когда оркестръ кончилъ, поднялся занавѣсъ, и на сценѣ появилась госпожа Шевалье. Избранный ею красный цвѣтъ наряда пріятно подѣйствовалъ на государя. Съ напря-

женнымъ вниманіемъ онъ сталъ слѣдить за ходомъ пьесы, которая мѣстами примѣнялась какъ нельзя болѣе къ тогдашнему положенію политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Раздоры между союзниками, греческими царями, отправлявшимися подъ Трою, готовность верховнаго вождя ихъ, Агамемнона, пожертвовать для успѣха общаго дѣла своею дочерью Ифигеніею, которую онъ долженъ былъ принести въ жертву разгнѣванной Діанѣ, его стараніе водворить согласіе между начавшими враждовать другъ съ другомъ союзниками производили на Павла Петровича сильное впечатлѣніе. На лицѣ его выражались то гнѣвъ, то удовольствіе, то задумчивость, и онъ, понюхивая повременамъ табакъ, повторялъ шопотомъ тѣ изъ стиховъ Расина, которые, какъ ему казалось, подходили къ образу его дѣйствій и намекали на его отношенія къ союзникамъ, расстроивавшимъ его планы, тогда какъ онъ самъ былъ готовъ жертвовать всѣмъ для возстановленія порядка въ Европѣ, потрясенной французскою революціею. По окончаніи спектакля, государь приказалъ Валуеву поблагодарить госпожу Шевалье за удовольствіе, доставленное его величеству, а, при выходѣ изъ ложи, съ дружелюбно-лукавою усмѣшкою потрепалъ Кутайсова по плечу. Кутайсовъ былъ теперь на верху блаженства, видя торжество своей возлюбленной. Изъ театра всѣ приглашенные отправились въ домъ бенефиціантки, гдѣ ихъ ожидалъ и чай, и роскошный ужинъ. Собравшіеся гости весело пировали у любезной хозяйки. Въ гостиной ея слышались и веселыя, шутливыя рѣчи, и завязывались серьёзные разговоры, а между тѣмъ, шнырявшіе среди гостей друзья и сторонники аббата Грубера тщательно прислушивались ко всему и жадно ловили каждое слово, надѣясь сдѣлать изъ него употребленіе, «ad majorem Dei gloriam»

XII.

Ежедневныя сходки явныхъ и тайныхъ іезуитовъ, проживавшихъ въ Петербургѣ во время царствованія Павла Петровича, происходили въ кондитерской, которую содержалъ, въ Большой Милліонной Улицѣ, швейцарецъ Гидль. Сюда собирались во множествѣ и другіе посѣтители, и между ними іезуиты старались пріобрѣтать себѣ сторонниковъ, вступая съ ними въ бесѣду и умѣло направляя ее къ своимъ цѣлямъ. При кондитерской Гидля была особая, находившаяся въ сторонѣ комната, предназначенная исключительно для іезуитовъ, и здѣсь у нихъ происходили нетолько братскія свиданія, но порою являлись сюда и залетныя

птички. Чрезвычайныя же засѣданія іезуитовъ назначались въ квартирѣ аббата Грубера; собранія у него никогда не бывали многочисленны, такъ какъ на нихъ приглашались исключительно главные дѣятели братства. Хозяинъ дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и предсѣдатель собранія, Груберъ, принималъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы ни одно слово, произнесенное здѣсь, не дошло до чужаго уха, а собиравшіеся къ нему іезуиты приходили по одиночкѣ, замѣняя при этомъ постоянно носимые ими испанскіе плащи и круглыя съ большими полями шляпы, обыкновенною верхнею одеждою того времени.

Въ одно изъ такихъ засѣданій, аббатъ, размѣстивъ своихъ гостей около письменнаго стола и сѣвъ у него самъ надъ кипою бумагъ, приготовленныхъ для доклада и справокъ, началъ бесѣду бойкою рѣчью на латинскомъ языкѣ, такъ какъ, при разноплеменномъ составѣ іезуитскаго ордена, языкъ этотъ былъ разговорнымъ языкомъ среди его членовъ.

— Вамъ, достопочтенные братья, сказалъ онъ:—уже извѣстно, что съ давнихъ поръ общество наше старалось о томъ, чтобы привлечь въ свою среду мальтійскихъ рыцарей. Предположеніе это осуществилось нынѣ блестящимъ образомъ, такъ какъ почти всѣ члены ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, замѣчательные по ихъ личнымъ качествамъ, уму, образованію и дѣятельности, а также по богатству и знатности, принадлежатъ уже къ обществу Іисуса. Кромѣ того, почти всѣ баварскіе братья нашего общества, по упраздненіи нашего ордена въ Германіи, вступили въ орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго. Присутствіе нашихъ собратій въ мальтійскомъ орденѣ остается тайною, и обстоятельство это еще болѣе способствуетъ распространенію и усиленію власти нашего общества, такъ какъ въ мальтійскихъ рыцаряхъ вовсе не подозрѣваютъ нашихъ усердныхъ союзниковъ. По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, намъ, изгнанникамъ изъ католическихъ странъ, удалось найти нетолько пріютъ, но и могущественное покровительство въ странѣ схизматиковъ — въ Россіи. Страна эта—новая для насъ нива, которую мы, для увеличенія славы Божіей, должны неустанно воздѣлывать, употребляя на это все наше умѣніе, всѣ наши силы, всѣ наши средства. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствуютъ намъ, въ особенности потому, что и наше общество, и древній католическо-рыцарскій орденъ имѣютъ теперь сильнаго защитника въ особѣ русскаго самодержца. Могли ли мы, преданнѣйшіе слуги римской церкви, предвидѣть когда-нибудь такое небывалое и странное положеніе поборниковъ святой церкви?.. И не должны-ли мы теперь пользоваться этимъ положеніемъ во славу Божію?..

Одобрительный шопотъ, въ которомъ слышалось славословіе имени Господня, прошелъ среди собесѣдниковъ, въ отвѣтъ на эти вопросы Грубера.

— Сообщите, братъ Іаковъ, почтенному собранію, продолжалъ аббатъ, обращаясь къ одному изъ патеровъ:—о томъ, какой ходъ имѣлъ въ Римѣ вопросъ о намѣреніи императора Павла принять на себя званіе великаго магистра мальтійскаго ордена.

— Его святѣйшество Пій VI, началъ братъ Іаковъ:—былъ чрезвычайно встревоженъ, узнавъ о такомъ намѣреніи русскаго государя, и никакъ не соглашался, чтобы во главѣ ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, непосредственно подчиненнаго папскому престолу, сталъ государь иновѣрный и, притомъ, нынѣ самый могущественный изъ всѣхъ монарховъ Европы. Съ своей стороны, общество наше черезъ кардинала Консальви старалось осуществить это предположеніе; агенты наши въ Ватиканѣ дѣятельно хлопотали о томъ, чтобъ измѣнить взглядъ его святѣйшества на это дѣло, представляя святому отцу, что покровительство, оказываемое государемъ греческаго закона такому истинно-католическому учрежденію, какъ мальтійскій орденъ, подаетъ надежду на утвержденіе господства католической церкви въ необъятныхъ владѣніяхъ царя...

— Это совершенно вѣрно!.. Возблагодаримъ Господа Бога за милости, оказываемыя имъ нашей святой церкви... подхватилъ съ чувствомъ патеръ Билли, возводя умиленно въ потолокъ свои впалые глаза.

— Я долженъ сказать, заговорилъ опять Груберъ:—что въ этомъ дѣлѣ избраннымъ орудіемъ Божіяго промысла былъ бальи графъ Литта. Онъ, послушный моимъ внушеніямъ, а также, пользуясь расположеніемъ и довѣріемъ къ нему императора Павла, успѣлъ нетолько склонить его величество принять подъ свою защиту мальтійскій орденъ, но и подготовить государя къ тому, чтобы онъ объявилъ себя великимъ магистромъ этого знаменитаго ордена. При настоящихъ обстоятельствахъ, такая готовность императора имѣетъ чрезвычайную важность. Онъ ревниво оберегаетъ свое достоинство, и надобно повести дѣло такъ, чтобъ взятіе Мальты французами онъ, какъ защитникъ ордена, принялъ за оскорбленіе, лично ему нанесенное французскою директоріею. Нужно, чтобы онъ въ этомъ дѣлѣ пошелъ, сколь возможно, далѣе и рѣшился бы силою оружія смирить безбожныхъ республиканцевъ. Тогда возстановится въ Европѣ прежній порядокъ, при которомъ святая наша церковь пользовалась принадлежащими ей божественными и мірскими правами...

— А позвольте спросить, достопочтенный аббатъ, отозвался

одинъ изъ патеровъ:—какъ поведемъ мы дѣло о бракѣ графа Литты съ графинею Скавронской? Въ городѣ начинаютъ все громче и громче говорить объ этомъ бракѣ, который отниметъ Литту не только у ордена, но, быть можетъ, и удалитъ его изъ лона святой церкви...

При этомъ вопросѣ нервное движеніе пробѣжало по лицу аббата, а окружавшіе его собесѣдники придвинулись къ нему еще ближе, желая выслушать его сообщеніе по этому предмету съ особымъ вниманіемъ.

— Любовь его преступна!.. съ негодованіемъ сказалъ Груберъ. —Ослѣпленный безумною страстью, онъ думаетъ только о томъ, чтобы вступить въ бракъ съ схизматичкой, рѣшившись даже отречься отъ рыцарскихъ обѣтовъ. Всѣ усилія мои разстроить косвеннымъ образомъ этотъ союзъ оставались тщетны, и я убѣдился, что и впослѣдствіи они не будутъ имѣть ни малѣйшаго успѣха. Выходъ графа Литты изъ ордена нетолько разстроитъ дальнѣйшіе наши планы, но и произведетъ самое пагубное впечатлѣніе на всѣхъ старающихся поддержать падающій орденъ... Я сдѣлаю еще одну попытку—попытку рѣшительную для обращенія этого безумца; я переговорю лично съ нимъ, и если попытка эта не удастся, то остается одно только средство для того, чтобъ удержать Литту въ орденѣ. Средство это, конечно, крайне прискорбно, но вы знаете, возлюбленные о Христѣ братія, что, по коренному правилу, принятому нашимъ обществомъ, цѣль оправдываетъ средства, а потому и позволительно будетъ употребить въ дѣло придуманную мною мѣру. Нельзя не имѣть въ виду, что если Литта оставитъ орденъ, то императоръ Павелъ легко можетъ остыть въ своемъ сочувствіи къ этому учрежденію, и тогда планы наши неминуемо разстроятся. Слѣдовательно, всего нужнѣе, при настоящемъ положеніи дѣлъ, удержать графа Литту въ томъ положеніи, какое онъ занимаетъ нынѣ и при дворѣ императора, и среди мальтійскаго рыцарства... Предположенная мною мѣра, продолжалъ таинственно Груберъ:—заключается въ томъ, чтобъ склонить его святѣйшество разрѣшить графу Миттѣ вступить въ бракъ съ Скавронской и, несмотря на это, остаться въ званіи бальи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго...

Іезуиты встрепенулись и съ выраженіемъ недоумѣнія взглянули на своего вожака.

— Конечно, нелегко будетъ убѣдить святого отца, чтобы онъ согласился на такое небывалое еще отступленіе отъ орденскаго статута, но намъ необходимо достигнуть этого. Правда, графъ Литта, по своему характеру, который не удовлетворяетъ

строгимъ требованіямъ со стороны нашего общества, не можетъ быть нашимъ истиннымъ сочленомъ, но намъ этого и ненужно. Вполнѣ достаточно, если онъ будетъ въ нашихъ рукахъ; мы черезъ него съумѣемъ сдѣлать многое у императора Павла; а бальи, въ свою очередь, несомнѣнно окажется толковымъ и послушнымъ нашимъ ученикомъ...

— Среди русскаго общества, замѣтилъ Билли:—мы дѣйствуемъ теперь довольно успѣшно. Русскіе очень охотно отдаютъ въ нашъ коллегіумъ своихъ сыновей, и въ Петербургѣ, какъ кажется, нѣтъ уже ни одного знатнаго дома, въ которомъ членъ нашего общества не былъ бы или наставникомъ дѣтей, или библіотекаремъ, или секретаремъ, или, наконецъ, постояннымъ гостемъ и другомъ семейства. Сверхъ того, мы исполняемъ здѣсь какъ слѣдуетъ и тайныя наставленія, «Morita Secreta», нашего общества, привлекая къ нему нетолько вельможъ и царедворцевъ, но даже мужскую и женскую прислугу въ знатныхъ русскихъ домахъ...

— Да, желанія нашего братства исполнились теперь свыше самыхъ смѣлыхъ ожиданій, самодовольно замѣтилъ Груберъ. — Какъ памятно мнѣ то время, когда мы такъ усиленно старались проникнуть въ столицу Русской Имперіи и когда всѣ наши къ тому попытки оставались безуспѣшны вслѣдствіе противодѣйствія епископа Сестренцевича. Должно сказать, что настоящимъ нашимъ положеніемъ въ Россіи мы обязаны собственно императрицѣ Екатеринѣ: она не допустила привести въ исполненіе въ своихъ владѣніяхъ папскую буллу объ уничтоженіи нашего ордена и позволила намъ жить въ Полоцкѣ, находя, что мы можемъ быть чрезвычайно полезны въ дѣлѣ воспитанія юношества, внушая ему страхъ Божій и безусловное повиновеніе установленнымъ властямъ. Такимъ образомъ, мы съ перваго разу достигли въ Россіи того, чего съ такимъ трудомъ и такъ долго добивались въ католическихъ государствахъ...

— Покойная государыня, добавилъ іезуитъ Өеранжи:—покровительствовала нашему братству и въ другихъ еще видахъ. Когда до свѣдѣнія ея дошло, что собратъ нашъ Перро до такой степени пріобрѣлъ расположеніе китайскаго богдыхана, что онъ сдѣлалъ его мандариномъ, то императрица намѣревалась вести посредствомъ нашего ордена переговоры съ Китаемъ, надѣясь выговорить значительныя торговыя выгоды для своихъ подданныхъ.

— Воздавая должную дань благодарности императрицѣ за оказанное ею намъ покровительство, нельзя не вспомнить, сказалъ іезуитъ Бжозовскій:—и о томъ расположеніи, какое оказы-

вали нашему братству сильные въ ея пору вельможи: графъ Чернышевъ, управлявшій Бѣлоруссіею, и въ особенности князь Потемкинъ.

— Князя Потемкина мы должны признать истиннымъ нашимъ благодѣтелемъ, съ живостію замѣтилъ Груберъ.—Всѣмъ намъ извѣстно, что, когда въ Москвѣ появилась, на русскомъ языкѣ, направленная противъ нашего ордена книга, то она встревожила все образованное русское общество. Въ этой враждебной намъ книгѣ прямо предостерегали русскихъ отъ тѣхъ опасностей, какими, будто бы, грозитъ наше водвореніе въ Россія. Мы были выставлены въ этой книгѣ, какъ тайные распространители католичества, какъ люди, которые не разбираютъ средствъ для достиженія своихъ пагубныхъ цѣлей; насъ звали тамъ а разрушителями общественныхъ порядковъ, готовыми даже на цареубійство. Короче сказать, въ этой книгѣ мы были представлены...

На этомъ словѣ Груберъ нѣсколько замялся, а его собесѣдники съ веселою улыбкою переглянулись между собою, какъ будто говоря: «да что объ этомъ толковать, это—старая пѣсня!..»

— Книга эта могла погубить насъ, продолжалъ Груберъ.—Императрица поколебалась въ своихъ взглядахъ на наши добродѣтели, но князь Потемкинъ успѣлъ испросить ея повелѣніе объ истребленіи этой книги до послѣдняго экземпляра...

— Да̀, князь Потемкинъ сдѣлалъ для насъ много хорошаго, заговорилъ іезуитъ Вихертъ: — не даромъ же онъ и находился въ нашихъ рукахъ. Во время осады Очакова онъ былъ окруженъ какъ членами нашего общества, такъ и женщинами, бывшими подъ нашимъ вліяніемъ. Онъ любилъ насъ, и я помню, какъ въ Оршѣ онъ служилъ въ нашемъ монастырѣ молебны и сдѣлалъ въ тамошнюю ризницу такой дорогой вкладъ, какихъ не дѣлали даже встарину самые богатые польскіе магнаты. Нельзя не замѣтить, что въ пользу общества Іисуса всего болѣе расположилъ его нашъ достойный сочленъ Нарушевичъ, и какъ легко удалось ему это сдѣлать, польстя лишь суетности князя Таврическаго! Занимаясь геральдикою, Нарушевичъ придумалъ будто Потемкины происходятъ отъ польскихъ шляхтичей Потемпскихъ, предки которыхъ были, въ древнія времена, владѣтельными князьями въ городѣ Потенсѣ, находящемся въ Италіи. Это баснословное родословіе сблизило Потемкина съ Нарушевичемъ, который и направилъ могущественное вліяніе князя въ пользу нашего братства. Кромѣ того, въ бытность мою въ Полоцкѣ, я старался о томъ, чтобы императрица осталась какъ нельзя болѣе довольна приготовленною ей отъ насъ встрѣчею, и мы вели

дѣло такъ, чтобы она видѣла въ насъ такихъ вѣрноподданныхъ, которые принимали ее съ необыкновеннымъ восторгомъ. Кончина ея была прискорбнымъ для насъ событіемъ, и мы не знали, какую участь готовитъ намъ царствованіе ея преемника...

— А между тѣмъ, хвала Господу! оно принесло нашему ордену едва ли не самыя счастливыя времена, замѣтилъ Груберъ.— Въ первые мѣсяцы новаго царствованія мы блуждали точно въ потемкахъ, не зная на кого опереться. Императоръ Павелъ не высказывалъ намъ ни расположенія, ни ненависти и, казалось, не обращалъ на насъ никакого вниманія. Мы нашли, однако, покровителей при его дворѣ и черезъ посредство ихъ старались внушать государю, что устройство римской церкви вообще, и въ особенности устройство нашего ордена, составляетъ лучшую форму выраженія монархическаго принципа, требуя безусловнаго, слѣпаго повиновенія. Внушенія эти согласовались съ воззрѣніями самаго императора, на котораго ужасы французской революціи произвели потрясающее дѣйствіе и который сталъ непримиримымъ врагомъ всего, что носитъ на себѣ оттѣнокъ революціонныхъ стремленій. Все это, главнымъ образомъ, содѣйствовало нашимъ успѣхамъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали того времени, когда императоръ выразитъ свое мнѣніе о нашемъ орденѣ, и вотъ, при возвращеніи его съ коронаціи изъ Москвы въ Петербургъ, онъ, будучи проѣздомъ въ Оршѣ, посѣтилъ нашъ монастырь. Генеральный викарій Ленкевичъ, присутствующій здѣсь братъ Вихертъ и я встрѣтили государя и всюду сопутствовали ему. Прежде, чѣмъ вступить въ церковь, государь высказалъ нѣсколько словъ, поразившихъ сердца наши радостію. «Я вхожу сюда, сказалъ государь окружавшимъ его лицамъ:—не такъ какъ входилъ со мною въ Брюннѣ императоръ Іосифъ въ монастырь этихъ почтенныхъ господъ. Первое слово императора, обращенное къ нимъ, было: «эту комнату взять для больныхъ, эту—для госпитальной провизіи!» Потомъ онъ приказалъ привести къ нему настоятеля монастыря и, когда тотъ явился, обратился къ нему съ вопросомъ: «когда же вы удалитесь отсюда?» Я же, заключилъ Павелъ Петровичъ:—поступаю совершенно иначе, хотя я—и еретикъ, а Іосифъ былъ римско-католическій императоръ».

— Эти слова убѣдили насъ въ милостивомъ расположеніи государя къ нашему ордену и показали, что пора дѣйствовать для насъ наступила, и да позволено будетъ заявить мнѣ, съ жаромъ сказалъ Вихертъ: — что братъ нашъ Гавріилъ Груберъ какъ нельзя болѣе воспользовался всѣми обстоятельствами для увеличенія славы Божіей.

— Благодарю васъ, сказалъ смиреннымъ голосомъ Груберъ,

*

вставъ съ своего мѣста и поклонившись Вихерту.—Я дѣйствовалъ по внушенію Божьему, а обстоятельства способствовали мнѣ. Желаніе императора сдѣлаться великимъ магистромъ мальтійскаго ордена приблизило къ нему графа Литту, встрѣченныя графомъ затрудненія при желаніи его вступить въ бракъ съ графиней Скавронской вызовутъ мое участіе въ устраненіи этихъ затрудненій и доставятъ мнѣ случай имѣть въ графѣ Литтѣ ревностнаго поборника за нашъ орденъ передъ лицомъ императора. Все устроивается такъ благопріятно для нашего общества, какъ нельзя было и предвидѣть. Теперь мы стали здѣсь твердою ногою и уже не отступимъ назадъ ни на шагъ, съ твердостію и съ воодушевленіемъ проговорилъ Груберъ.—Нужно вести дѣло такъ, чтобы императоръ Павелъ, какъ только русскіе отнимутъ у французовъ Мальту, возстановилъ тамъ орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго на прежнихъ основаніяхъ, и мнѣ положительно извѣстно, что его святѣйшество Пій VI, если осуществится то, о чемъ я сейчасъ сказалъ, намѣренъ удалиться на Мальту и жить тамъ подъ сильнòю защитою русскаго императора. Мало того: святой отецъ выразилъ состоящему при немъ русскому посланнику Лизакевичу свое намѣреніе отправиться въ Петербургъ, чтобы вести съ государемъ лично переговоры о соединеніи церквей. Какое торжество для нашего смиреннаго братства, если только вспомнить, что все это подготовлено нашимъ рвеніемъ ко славѣ Божіей и къ прославленію нашего святаго патрона!.. Мы, впрочемъ, успѣли бы гораздо болѣе, еслибы не имѣли такого непримиримаго врага, какимъ оказывается архіепископъ Сестренцевичъ; поэтому всѣ старанія наши должны быть направлены къ тому, чтобы нетолько лишить его того довѣрія, какимъ онъ, къ сожалѣнію, пользуется у императора, но и совершенно уничтожить его.

— Это необходимо сдѣлать, отозвался одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Нужно только выждать благопріятную минуту, подхватилъ другой.

— И нанести рѣшительный ударъ, подготовивъ вѣрныя средства для его паденія, добавилъ третій.

Послѣ толковъ и пересудовъ о Сестренцевичѣ, Груберъ сдѣлалъ собранію сообщенія и разъясненія по тѣмъ бумагамъ, которыя лежали у него на столѣ. Затѣмъ, іезуиты стали расходиться отъ Грубера по одиночкѣ, чтобъ не навлечь на свое сборище никакого подозрѣнія.

Послѣднимъ остался патеръ Билли, самый ближайшій человѣкъ къ Груберу. Когда вышли всѣ его собраты, онъ съ таин-

ственнымъ видомъ подалъ Груберу небольшую записочку. Она была написана по-русски, Груберъ, превосходно знавшій русскій языкъ, быстро пробѣжалъ ее глазами и злобно-радостная улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Откуда вы ее достали? торопливо спросилъ онъ.

— Сегодня утромъ я былъ у госпожи Шевалье, а къ ней вчера пріѣзжалъ прямо изъ дворца графъ Кутайсовъ. При мнѣ она подошла къ столику и, взявъ эту записку, проговорила въ полголоса: какой, однако онъ—забывчивый; онъ оставилъ у меня записочку императора, не вспомнивъ о ней; а сама, вмѣсто того, чтобъ приберечь ее, бросила эту записочку въ кучу писемъ и стиховъ, получаемыхъ ею ежедневно въ такомъ огромномъ количествѣ. Съ своей стороны, я воспользовался ея выходомъ въ другую комнату, отыскалъ записочку императора и счелъ долгомъ доставить ее вамъ. Госпожа Шевалье такъ разсѣянна и забывчива, что, вѣроятно, не вспомнитъ, куда дѣла записочку, а вамъ, быть можетъ, она пригодится...

— Даже и очень, пробормоталъ про себя Груберъ.

XIII.

— Неутѣшительныя, слишкомъ неутѣшительныя для насъ извѣстія приходятъ безпрестанно съ запада... Господь Вседержитель, во гнѣвѣ своемъ подвергаетъ святую церковь тяжкимъ испытаніямъ, глубоко вздохнувъ и обращаясь къ своему собесѣднику, проговорилъ аббатъ Груберъ, сидѣвшій въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, заваленномъ книгами, бумагами и письмами.

Горѣвшія на столѣ, подъ зеленымъ тафтянымъ колпакомъ, двѣ свѣчи, слабо освѣщали большую комнату, но и въ этомъ полумракѣ замѣтно выдавалось блѣдное лицо старика и его большіе глаза, внимательно и пытливо устремленные на собесѣдника.

— Правда ваша, господинъ аббатъ, тяжелыя времена наступили для христовой паствы. Революціонному потоку, какъ кажется, не будетъ предѣловъ, и онъ скоро охватитъ собою всю Европу, съ чувствомъ отозвался разговаривавшій со старикомъ молодой высокій и статный мужчина, одѣтый въ красный кафтанъ съ большимъ мальтійскимъ крестомъ, висѣвшимъ на шеѣ на широкой черной лентѣ.

— Да, революціонное движеніе охватитъ всю Европу, за исключеніемъ Россіи, которая нетолько останется спокойною, но,

быть можетъ, сдѣлается твердымъ оплотомъ для поддержанія святой римской церкви. Я знаю настоящій образъ мыслей императора Павла и вполнѣ убѣжденъ, что если удастся окончательно повліять на него, то онъ нетолько сдержитъ этотъ бурный потокъ, но и обратитъ его вспять; нужно только намъ слѣдуетъ приняться около него за дѣло.

Сказавъ это, старикъ всталъ съ кресла и, бодро выпрямившись, продолжалъ:—Наше общество—общество Іисуса—усердно трудится съ этою цѣлью при здѣшнемъ дворѣ, и вашъ священный орденъ долженъ былъ бы работать дѣятельно въ тѣхъ же самыхъ видахъ. Вы, почтенный бальи, достойный его представитель, пріобрѣли особенное благоволеніе и чрезвычайное довѣріе императора; нужно воспользоваться этимъ поскорѣе, такъ какъ вамъ, конечно, извѣстно, до какой степени характеръ государя непостояненъ и измѣнчивъ. Императоръ Павелъ—одна изъ самыхъ кипучихъ натуръ, и потому онъ такъ быстро увлекается сегодня одною, завтра другою и иногда совершенно противоположною идеею. Вы будете въ отвѣтѣ передъ Богомъ, если не воспользуетесь настоящими благопріятными обстоятельствами и ненавистью императора къ республиканцамъ. Праведный судія накажетъ васъ за это, произнесъ аббатъ пророческимъ голосомъ, грозно указывая вверхъ рукою. Вы, конечно, помните ваши рыцарскіе обѣты? сурово добавилъ онъ.

— Я очень твердо помню ихъ, господинъ аббатъ, но... не... заминаясь, отозвался мальтійскій кавалеръ.

— Значитъ тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются у меня относительно васъ, вполнѣ справедливы? гнѣвно перебилъ аббатъ. Значитъ, тотъ, чьи предки такъ доблестно въ продолженіи многихъ вѣковъ служили римскому престолу и священному ордену, измѣнилъ теперь и тому, и другому...

— Литта никогда не будетъ измѣнникомъ, твердымъ и громкимъ голосомъ возразилъ мальтійскій кавалеръ.—Въ крайнемъ случаѣ, онъ сдѣлаетъ только то, что въ правѣ и даже обязанъ сдѣлать каждый честный человѣкъ: онъ явно и торжественно отречется отъ того обѣта, который онъ прежде принялъ на себя и переносить который онъ теперь не въ силахъ...

— И отдастъ церковь Божію и священный рыцарскій орденъ на поруганіе и растерзаніе врагамъ христовымъ въ то время, когда самъ Господь посылаетъ ему средства спасти отъ погибели и церковь, и орденъ... запальчиво перебилъ іезуитъ:—какой позоръ!.. Какое страшное преступленіе!.. съ выраженіемъ ужаса добавилъ онъ.

— Я лучше предпочту явно отречься отъ моего обѣта, нежели

тайно нарушить его, прикрываясь лицемѣріемъ, горделиво сказалъ Литта.—Въ искреннемъ сознаніи своей слабости нѣтъ, какъ мнѣ кажется, ни позора, ни преступленія..

На губахъ іезуита скользнула язвительная улыбка; насмѣшливымъ взглядомъ окинулъ онъ Литту и, нагнувшись надъ письменнымъ столомъ, началъ рыться въ бумагахъ. Долго съ видомъ совершеннаго равнодушія копался онъ въ грудѣ бумагъ и, пріискавъ листокъ, на которомъ было написано нѣсколько строкъ, подалъ его Литтѣ.

— Вамъ знакомъ этотъ почеркъ? спросилъ Груберъ.

— Если я не ошибаюсь, это—почеркъ императора; отвѣчалъ Литта:—но я не могу понять этой записки, такъ какъ она написана по-русски.

— Вы не ошиблись: эти строки написаны его величествомъ, а вотъ и буквальный ихъ переводъ, сказалъ аббатъ, подавая графу другой листочекъ бумаги. Литта быстро пробѣжалъ глазами этотъ листочекъ, и на лицѣ бальи выразилось изумленіе.

— Этого не можетъ быть!.. Императору до нея нѣтъ никакого дѣла, проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Значитъ, вы обвиняете меня и въ подлогѣ, и въ подделкѣ, сказалъ равнодушно аббатъ и, взявъ изъ рукъ Литты листки, спряталъ ихъ въ ящикъ письменнаго стола.—Бесѣда наша кончилась, господинъ бальи, добавилъ онъ, кланяясь вѣжливо графу.

— Я слишкомъ далекъ, достопочтенный аббатъ, нетолько отъ подобнаго обвиненія, но даже и отъ подобнаго предположенія; но вы сами могли быть введены въ заблужденіе...

— Когда государь удостоилъ васъ въ первый разъ бесѣды, вѣдь онъ спросилъ васъ: давно ли знакомы вы съ графиней Скавронской?..

— Спросилъ, но что же изъ этого слѣдуетъ?.. съ живостію прибавилъ Литта.

— Вы ему разсказали о вашемъ знакомствѣ съ графиней, и чѣмъ его величество заключилъ этотъ разговоръ? добавилъ іезуитъ вопросительно, смотря на Литту.

— Государь проговорилъ только «гм»...

— Но знаете ли, какъ много значитъ въ его рѣчи этотъ, повидимому, ничтожный звукъ?.. Впрочемъ, продолжалъ Груберъ, принимаясь снова рыться въ бумагахъ, лежавшихъ на столѣ:—вотъ вамъ еще одна новость; она, конечно, крайне непріятна для васъ, и хотя вы узнаете ее и помимо меня, но, тѣмъ не менѣе, я считаю нужнымъ предупредить васъ на всякій случай. Потру-

дитесь прочитать вслухъ это извѣстіе, и аббатъ съ этими словами подалъ Литтѣ листокъ бумаги.

— Директорія, началъ читать по-французски Литта:—издастъ надняхъ декретъ объ обращеніи Верхней Италіи въ Цизальпинскую Республику, причемъ всѣ имущества, принадлежащія церквамъ, монастырямъ, дворянству и мальтійскому ордену, будутъ отняты у нынѣшнихъ ихъ владѣльцевъ и объявлены собственностію народа».

Литта вздрогнулъ.

— Въ вѣрности этого сообщенія нисколько не сомнѣвайтесь, любезный графъ. Общество Іисуса не получаетъ никогда ложныхъ извѣстій... И такъ, вы лишаетесь разомъ трехсотъ тысячъ франковъ ежегоднаго дохода, получаемаго вами съ двухъ вашихъ родовыхъ командорствъ... Нѣчего сказать, королевское было у васъ богатство!.. Весьма рѣдкіе счастливцы располагаютъ такимъ громаднымъ состояніемъ... А вашъ великолѣпный фамильный палаццо въ Миланѣ, ваши наслѣдственные замки и земли въ Италіи?.. Все это исчезнетъ изъ рода графовъ Литта, равнявшагося, по древности, знатности и богатству, съ знаменитымъ домомъ Висконти... И кому достанется все это богатство? безумцамъ, такъ дерзко-попирающимъ и божескіе законы, и государственныя установленія. Будемъ же мы стараться изо всѣхъ силъ, продолжалъ Груберъ, дружески протягивая Литтѣ свою костлявую руку:—убѣдить императора Павла возвратить алтари Богу и престолы государямъ...

— Но, честнóй отецъ, заговорилъ Литта, нерѣшительно подавая іезуиту свою руку:—я предварительно долженъ вамъ сознаться съ полною откровенностію, что я нахожусь въ страшномъ, мучительномъ положеніи... Будьте моимъ духовникомъ, вотъ вамъ моя исповѣдь: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я непреодолимо былъ увлеченъ одною молодою женщиною; я думалъ заглушить мою къ ней страсть и разнообразною дѣятельностію, и странствованіями по морямъ и по сушѣ, и боевою, и монашескою жизнью, но убѣдился, что всѣ усилія мои безполезны. Я еще колеблюсь, но, кажется, рѣшусь, наконецъ оставить орденъ, чтобъ быть свободнымъ и сдѣлаться мужемъ женщины, которая такъ дорога для меня...

— Неужели, благородный мальтійскій рыцарь, она дороже тебѣ твоихъ рыцарскихъ обѣтовъ? спросилъ аббатъ съ выраженіемъ насмѣшливаго укора.

— Дà, дороже!.. твердо отвѣчалъ Литта.

Старикъ пожалъ плечами.

— Но не дороже же она тебѣ, благородный рыцарь, оки-

дающаго тебя небеснаго блаженства? возразилъ онъ такъ увѣренно, что, казалось, на этотъ вопросъ можно было получить только желаемый отвѣтъ.

— Дороже!.. задыхаясь отъ сильнаго волненія, проговорилъ Литта.

Іезуитъ закрылъ руками уши и замоталъ головою. Онъ, казалось, не могъ перенести такого дерзко-откровеннаго отвѣта со стороны благороднаго рыцаря-католика.

— Легкомысленный безумецъ, ты богохульствуешь... какъ будто про себя проговорилъ аббатъ.—Но, если вы, достопочтенный бальи, заговорилъ онъ, обращаясь къ Литтѣ:—и вышли бы изъ ордена, то мечты ваши на счетъ брака съ графиней Скавронской все-таки не осуществятся. Вамъ извѣстно уже содержаніе той записочки, которую я показалъ вамъ, и, слѣдовательно, теперь вы знаете затрудненія, какія вы встрѣтите при исполненіи вашего предположенія. Императоръ, по причинамъ никому непонятнымъ, не желаетъ, чтобъ графиня вступила во второй бракъ...

— Но она—совершенно свободная женщина, и я полагаю, что никто не можетъ препятствовать ей располагать собою такъ, какъ она сама пожелаетъ... раздраженнымъ голосомъ отозвался Литта.

— Вы такъ думаете, но я скажу вамъ, что вы жестоко ошибаетесь. Здѣсь, въ Россіи, власть государя не имѣетъ предѣловъ. Неповиновеніе его воли можетъ навлечь на ослушника страшныя послѣдствія. Примите въ соображеніе, что графиня Скавронская, въ случаѣ вступленія ея съ вами въ бракъ, недозволенный императоромъ, можетъ лишиться всего своего огромнаго состоянія. Въ свою очередь, и вы, одинъ изъ первыхъ богачей Италіи, утратите вскорѣ все ваше наслѣдственное богатство, а графиня, какъ вамъ должно быть извѣстно, слишкомъ избалована роскошною жизнью. Какая же будущность предстоитъ ей въ супружествѣ съ вами? Хотя она—еще очень молодая женщина, но все же для нея миновала уже пора безотчетныхъ увлеченій; вы—тоже не юноша, для котораго любовь—единственное блаженство въ жизни. Имѣйте къ виду только одно, что бракъ вашъ съ графиней будетъ не угоденъ императору и что, вслѣдствіе этого...

— Государь строгъ, вспыльчивъ и, пожалуй, причудливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отличается рыцарскими чувствами въ отношеніи женщинъ, и потому графиня Скавронская можетъ быть вполнѣ безопасна отъ всякихъ со стороны его преслѣдованій, хотя бы она и нарушила его волю...

— Я допускаю, что въ отношеніи къ ней императоръ поступитъ снисходительно, но развѣ вы можете быть увѣрены, что онъ, узнавъ о вашемъ намѣреніи идти наперекоръ ему, не распорядится о высылкѣ васъ изъ Петербурга въ теченіи нѣсколькихъ часовъ? внушительно замѣтилъ аббатъ.

— Этого не можетъ быть, съ жаромъ перебилъ Литта:—государь не рѣшится на подобную мѣру...

— Пусть будетъ такъ, какъ вы говорите, но подумайте, божій воинъ, что вы, изъ любви къ женщинѣ и, притомъ, схизматичкѣ, рѣшаетесь покинуть орденъ и сложить съ себя принятые вами священные обѣты, т. е. нарушить клятву, данную вами во имя Господа!.. Остается сожалѣть, что и церковь и рыцарство лишаются, въ тяжкіе для нихъ дни, поборника, на котораго они могли такъ твердо полагаться. Подумайте, однако, графъ, до какой степени вы измѣните неожиданнымъ поступкомъ нарушите довѣріе, оказанное знаменитой вашей фамиліи и орденскимъ капитуломъ, и святымъ отцомъ. Въ столицѣ русской имперіи вы— первенствующій представитель древняго, теперь гибнущаго рыцарскаго ордена; неужели вы не чувствуете угрызенія совѣсти за то, что оставляете это священное учрежденіе въ то время, когда ему всего нужнѣе имѣть надежныхъ защитниковъ?.. Братъ вашъ, въ качествѣ нунція, состоитъ здѣсь представителемъ апостольскаго престола; подумайте только о томъ, въ какое прискорбное положеніе вы поставите его вашимъ выходомъ изъ ордена, непосредственно подвластнаго святѣйшему отцу?.. Нѣтъ, вы не рѣшитесь на это: примѣръ вашъ будетъ пагубенъ для мальтійскаго ордена; другіе могутъ послѣдовать за вами, и знаменитый орденъ святаго Іоанна Іерусалимскаго надетъ на радость врагамъ Христовой церкви изъ-за какихъ-то романическихъ похожденій бальи графа Юлія Литты... Вы непремѣнно должны остаться въ орденѣ и служить ему съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ служили прежде...

— Но это невозможно: уставы ордена не допускаютъ моего брака... возразилъ Литта.

— Вы ссылаетеся на уставы вашего ордена; но позвольте спросить васъ: соблюдаете ли вы самые существенные изъ нихъ? По этимъ уставамъ вы дали три главные обѣта: смиренія, нищеты и цѣломудрія. Хорошо, однако, смиреніе, когда вы украшаетесь почетнымъ титуломъ и жалуемыми вамъ орденами! А вашъ торжественный въѣздъ въ здѣшнюю столицу, развѣ былъ выраженіемъ смиренія?.. Вы дали обѣтъ нищеты, а сами, между тѣмъ, пользуетесь тремя стами тысячъ ежегоднаго дохода! На-

конецъ, какое значеніе имѣетъ для васъ обѣтъ цѣломудрія, если всѣ ваши мечты направлены на плѣнившую васъ красавицу?...

Литта, молча, слушалъ аббата, который продолжалъ:

— Уставы дѣйствительно не допускаютъ вашего брака; но развѣ не существуетъ въ Римѣ, въ лицѣ намѣстника Христова, власти превыше всякихъ уставовъ?.. Довѣрьтесь мнѣ, и я ручаюсь, что его святѣйшество разрѣшитъ вамъ, въ видѣ особаго исключенія, безъ примѣра въ прошедшемъ и безъ повторенія въ будущемъ, вступить въ бракъ, дозволивъ вамъ при этомъ оставаться по прежнему въ рыцарскомъ званіи... Святой отецъ не откажетъ въ этомъ, если признаетъ, что подобной уступки требуетъ настоящее положеніе ордена, а вы, съ вашей стороны, не преминете заслужить беспредѣльною преданностію церкви ту необыкновенную милость, какую окажетъ вамъ святѣйшій Пій VI...

— Я полагаю, что попытка склонить его святѣйшество къ подобному отступленію отъ орденскаго устава не будетъ имѣть никакого успѣха... безнадежно проговорилъ Литта.

— А я такъ не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, самоувѣренно замѣтилъ аббатъ.

— Но, кромѣ того, здѣсь встрѣчается еще и другое препятствіе... заговорилъ Литта.

— Нежеланіе государя, чтобъ графиня Скавронская вступила во второй бракъ? Пожалуй, что устранить это препятствіе будетъ труднѣе, нежели получить согласіе его святѣйшества. Слѣдуетъ, однако, попытаться: нужно будетъ уловить благопріятную минуту для объясненія съ императоромъ по этому предмету. Я, къ удивленію вашему, любезный графъ, буду съ вами вполнѣ откровененъ; говорю «къ удивленію», такъ какъ всѣ убѣждены, что откровенность не въ правилахъ и не въ обычаяхъ нашего общества. Это правда, но бываютъ случаи, когда приходится отступать отъ этого. Вы знаете, какое положеніе занялъ я при императорѣ: только графъ Кутайсовъ и я, скромный аббатъ, имѣемъ право входить къ его величеству безъ доклада во всякое время. Такое исключительное право даетъ мнѣ возможность постоянно бесѣдовать съ государемъ и вести съ нимъ разговоръ, примѣняясь къ настроенію его духа. Я прежде всего воспользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобъ устроить ваше дѣло, но, въ возмездіе за это, я потребую отъ васъ полнаго, неразрывнаго со мною союза единственно для блага святой церкви. Вы согласны на это?...

— Согласенъ... проговорилъ Литта.

На лицѣ аббата мелькнуло выраженіе удовольствія; онъ обнялъ Литту и громко поцѣловалъ его въ обѣ щеки.

XIV.

При наступленіи каждой осени, императоръ Павелъ Петровичъ переѣзжалъ на нѣкоторое время въ Гатчину. Имѣніе это, вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерины II, было пожаловано князю Григорію Григорьевичу Орлову. Когда новый владѣлецъ получилъ Гатчину, тамъ находилась только небольшая мыза, къ которой было приписано нѣсколько чухонскихъ деревушекъ съ сѣнокосами и пашнями. Орлову чрезвычайно полюбилась Гатчина, какъ мѣстность, бывшая въ ту пору самымъ удобнымъ подгороднымъ мѣстомъ для охоты. Тамъ сперва онъ выстроилъ небольшой каменный домъ, такъ называемый нынѣ «пріоратъ», сохранившійся и теперь въ первоначальномъ видѣ. Архитектура этого строенія напоминаетъ небольшой замокъ средневѣковаго барона. Все это зданіе составлено какъ будто изъ отдѣльныхъ, слѣпленныхъ между собою домиковъ съ высокими покатыми кровлями, на гребняхъ которыхъ, въ видѣ украшеній, виднѣются шары и желѣзные флюгеры. Надъ зданіемъ возвышается высокая, круглая башня съ остроконечною крышею. Небольшой этотъ зàмокъ стоитъ среди березъ, елей и сосенъ и красиво смотрится въ запруду, вода которой подходитъ подъ самый его фундаментъ.

Орловъ не удовольствовался этимъ тѣснымъ жилищемъ и въ 1766 году принялся строить въ Гатчинѣ, по плану знаменитаго архитектора Ринальди, громадный дворецъ на подобіе стариннаго зàмка, съ двумя высокими башнями по угламъ. Всѣ дворецъ строили изъ тесаннаго камня, и постройка его продолжалась пятнадцать лѣтъ. Онъ былъ оконченъ только въ 1781 году, и тогда Гатчина, на которую были затрачены Орловымъ несметныя суммы, сдѣлалась самымъ великолѣпнымъ частнымъ имѣніемъ въ окрестностяхъ Петербурга. Роскошная мёблировка комнатъ, собраніе картинъ, статуй, древностей и разныхъ рѣдкостей придавали жилищу князя Орлова видъ настоящаго царскаго дворца. Черезъ громадный паркъ, наполненный старыми развѣсистыми дубами, вился ручей, прозрачный до такой степени, что, когда его запрудили и обратили въ обширные пруды, то на днѣ ихъ, на двухсаженной глубинѣ, можно было видѣть каждый камешекъ. Весь Петербургъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, заговорилъ о Гатчинѣ, какъ о чемъ-то еще небываломъ и невиданномъ, а пріѣзжавшіе въ сѣверную нашу столицу иностранцы спѣшили взглянуть на роскошь, окружавшую вель-

мону-помѣщика. Недолго, впрочемъ, привелось князю Орлову пользоваться этою роскошью: въ 1783 году онъ умеръ въ припадкахъ страшнаго бѣшенства, и императрица, купивъ Гатчину у наслѣдниковъ князя, подарила это имѣніе великому князю Павлу Петровичу.

Въ продолженіи тринадцати лѣтъ, Гатчина было постояннымъ мѣстопребываніемъ наслѣдника престола, и, такъ какъ онъ не любилъ пріѣзжать въ Петербургъ, то жилъ здѣсь и зимою. Въ это время Гатчина стала обращаться въ маленькій городокъ, обстроившійся по регулярному плану, одобренному ея владѣльцемъ. Будучи императоромъ, Павелъ любилъ проводить осень въ Гатчинѣ, устраивая въ окрестностяхъ ея большіе манёвры. Въ Гатчину онъ приглашалъ гостей изъ Петербурга, а иногда вызывалъ оттуда къ себѣ сановниковъ, съ которыми желалъ заняться въ уединеніи какими либо особенно-важными дѣлами.

Въ одно изъ такихъ его пребываній въ Гатчинѣ, раннимъ осеннимъ утромъ, когда только-что начинало разсвѣтать, въ пріемной государя, находившейся въ нижнемъ этажѣ дворца, были два посѣтителя. Одинъ изъ нихъ мужчина лѣтъ шестидесяти, но еще бодрый и статный, съ замѣтной выправкой военнаго служаки, былъ одѣтъ въ суконный кафтанъ пурпуроваго цвѣта, доходившій почти до пятокъ; на немъ были шерстяные чулки такого же цвѣта, а на головѣ—бархатная скуфейка, подходившая подъ цвѣтъ кафтана. Его смѣлый взглядъ, его добродушное лицо и яркая одежда казались совершенною противоположностью тому, что̀ представлялъ собою другой посѣтитель императорской пріемной. Этотъ послѣдній былъ какой-то съежившійся старикашка, сутуловатый, съ огромною, несоотвѣтствующею его росту головою, въ его большихъ и тёмныхъ глазахъ, опущенныхъ внизъ, виднѣлся какой-то зловѣщій блескъ. Одѣтый въ длинную черную поношенную сутану, т. е. въ рясу католическихъ священниковъ, съ огромной черной войлочной шляпой въ рукахъ, онъ стоялъ въ углу пріемной, смиренно прижавшись къ стѣнѣ и сложивъ опущенныя внизъ руки, какъ будто стараясь выказать свое ничтожество передъ другимъ посѣтителемъ, который горделиво расхаживалъ по пріемной твердыми и мѣрными шагами и время отъ времени, останавливаясь у окна, пристально посматривалъ на площадь, ожидая чьего-то на ней появленія. Замѣтно было, что оба посѣтителя царской пріемной нетолько не чувствовали взаимнаго влеченія, но и тяготились присутствіемъ одинъ другаго, уклоняясь отъ всякаго разговора.

Пріемная государя была небольшая комната въ два окна, выходившія на полукруглый коридоръ, обращенный окнами на

площадь. Бѣлыя изъ простаго полотна, низко опущенные занавѣсы съ широкимъ шерстяными басонемъ и такою же бахромою отнимали много свѣта у этой и безъ того уже довольно мрачной комнаты. На стѣнахъ ея висѣли въ золоченыхъ рамахъ большія, почернѣвшія отъ времени картины, а все убранство ея состояло изъ простыхъ деревянныхъ, окрашенныхъ темною краскою стульевъ, обитыхъ зеленою кожею и простаго о двухъ складныхъ половинкахъ стола. Съ потолка спускалась люстра, въ видѣ стекляннаго круглаго фонаря, съ одною свѣчкою, а въ простѣнкѣ между ὀкнами было большое въ вызолоченной рамѣ зеркало. Какъ то непривѣтливо и сурово, особенно среди мертвой тишины, выглядывала эта царская пріемная, и много въ ней, въ разное время, было перечувствовано и волненія, и страха, да и настоящіе ея посѣтители, несмотря на ихъ наружное спокойствіе, не безъ тревожнаго біенія сердца поджидали появленія государя. Оба они встрепенулись и вопросительно взглянули другъ на друга, когда на гауптвахтѣ, расположенной подъ ὀкнами пріемной, раздался барабанный бой, возвѣщавшій о приближеніи ко дворцу императора.

Черезъ нѣсколько минутъ, камер-лакей растворилъ настежь двери, и въ пріемную вошелъ Павелъ Петровичъ. По лицу его было замѣтно, что онъ находился въ отличномъ расположеніи духа. Онъ живо отдалъ лакею свою огромную треуголку, высокую камышевую форменную трость и снялъ съ рукъ перчатки съ большими раструбами.

— Извините меня, ваше высокопреосвященство, сказалъ онъ по русски, обращаясь къ посѣтителю, одѣтому въ пурпуръ: — что я заставилъ васъ нѣсколько подождать противъ назначеннаго вамъ времени...

Отвѣтомъ на эти милостивыя слова былъ глубокій поклонъ высокопреосвященнаго, который, почтительно преклонивъ колѣно, поцѣловалъ руку, протянутую ему государемъ.

— А передъ вами, господинъ аббатъ, я и не извиняюсь: вы у меня—человѣкъ домашній, а съ близкими мнѣ людьми я не стѣсняюсь, зная, что они сами извинятъ меня, сказалъ императоръ, дружески потрепавъ по плечу Грубера, который, сложивъ на груди крестомъ руки и потупивъ глаза, низко-преннзко склонилъ свою большую голову передъ обласкавшимъ его государемъ, а вслѣдъ за тѣмъ искоса бросилъ надменно-злобный взглядъ на величаваго прелата.

— Когда имѣешь у себя подъ рукой военную команду, то съ нея не слѣдуетъ спускать глазъ, заговорилъ императоръ:—я обошолъ теперь всѣ караули, заглянулъ всюду и нашолъ все и

вездѣ въ полной исправности. Это мнѣ чрезвычайно пріятно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и понятно, такъ какъ только постояннымъ наблюденіемъ можно поддержать порядокъ по военной части. Вы, ваше высокопреосвященство, продолжалъ государь, обращаясь къ прелату:—хорошо понимаете это дѣло; вы—человѣкъ военный и, какъ я слышалъ, были когда-то отличнымъ кавалеристомъ и лихимъ рубакою. Вы кѣмъ были: гусаромъ, или уланомъ?..

— И тѣмъ, и другимъ, пріосанившись, бойко отвѣчалъ высокопреосвященный, а теперь государь, добавилъ онъ, склоняя скромно голову:—я—смиренный служитель алтаря Господня...

— Ну, ужь и смиренный! засмѣявшись, подхватилъ императоръ.—Вы—настоящая ecclesia militans—воинствующая церковь; вы безпрестанно воюете съ этими черноризцами, шутливо добавилъ государь, показывая глазами на аббата, стоявшаго неподвижно съ выраженіемъ безпредѣльнаго смиренія на лицѣ.—Впрочемъ, продолжалъ Павелъ Петровичъ:—я могу отдать каждому изъ васъ должную справедливость. Вы, господинъ аббатъ Груберъ, какъ начальникъ общества Іисуса въ Россіи, приносите великую пользу юношеству, воспитывая его въ страхѣ Божіемъ и въ повиновеніи придержащимъ властямъ. Вы, высокопреосвященный митрополитъ Сестренцевичъ, служите государству, какъ вѣрный и благочестивый пастырь церкви Христовой:—вы, охраняя ея неприкосновенныя права, не пытаетесь, въ то же время, по примѣру другихъ католическихъ іерарховъ, исхитить ее изъ-подъ верховной власти государя и не даете много воли вотъ этимъ господамъ, сказалъ императоръ, съ ласковою улыбкой погрозивъ пальцемъ аббату.

— Я стараюсь, государь, по мѣрѣ моихъ силъ, исполнить завѣтъ божественнаго нашего учителя: воздать Божіе Богови и кесарево кесареви, проговорилъ митрополитъ твердымъ и звучнымъ голосомъ.

— Прекрасно говорите и превосходно дѣлаете; поступайте всегда такъ. Моя покойная матушка не даромъ цѣнила ваши достоинства и заслуги. Она старалась, чтобъ его святѣйшество возвелъ васъ въ санъ кардинала, но римская курія заупрямилась. Она опасалась, что въ Россіи князь римской церкви не будетъ пользоваться подобающимъ ему почетомъ. Вслѣдствіе такого отказа, я самъ облекъ васъ въ кардинальскій пурпуръ и настоялъ у папы, чтобъ одежда эта была удержана и за вашими преемниками. Не знаю, какъ будутъ они носить ее, но вы носите ее, какъ честный человѣкъ, а это много значитъ въ моихъ глазахъ. Опасенія же святаго отца были напрасны, въ особенности въ настоящее время. Теперь дѣло идетъ не о спасеніи той или

другой церкви въ отдѣльности, но о спасеніи христіанства вообще. Нынѣ—не время спорить о церковныхъ несогласіяхъ, и если французскіе революціонеры осуществятъ свои дерзкіе замыслы, если они овладѣютъ Римомъ и низвергнутъ папу, я силою моего оружія возстановлю престолъ римскаго первосвященника... Да, я возстановлю его, рѣшительнымъ голосомъ добавилъ императоръ.

Говоря это, Павелъ Петровичъ волновался все сильнѣе и сильнѣе, глаза его блистали, и обыкновенно сиповатый его голосъ громко раздавался на всю комнату.

— Великодушію вашего величества нѣтъ предѣловъ!.. порывисто отозвался Сестренцевичъ. А между тѣмъ, аббатъ, оставаясь, какъ и прежде, неподвижнымъ, казалось, обдумывалъ что-то, слегка шевеля своими тонкими губами.

— Я рѣшился начать съ того, что поддержу мальтійскій орденъ. Онъ—такое учрежденіе, къ которому я съ самаго дѣтства питаю глубокое уваженіе. Помню, какъ я еще ребёнкомъ, послѣ того, какъ мой наставникъ Порошинъ прочелъ мнѣ нѣсколько главъ изъ исторіи этого ордена, игралъ, воображая себя мальтійскимъ рыцаремъ. Потомъ, я самъ прочитывалъ нѣсколько разъ книгу аббата Верто и убѣдился, что орденъ этотъ заслуживаетъ и сочувствія, и поддержки со стороны всѣхъ христіанскихъ государей. Чрезвычайно прискорбно для меня только то, что разныя интриги, происки и личные раздоры препятствуютъ мнѣ осуществить мои планы такъ, какъ я хотѣлъ бы это сдѣлать, и извините меня и вы, высокопреосвященный владыко, и вы, достопочтенный господинъ аббатъ, если я прямо скажу вамъ, что я отчасти и васъ обоихъ считаю виновниками моихъ неуспѣховъ. Вы оба—служители одной и той же церкви, а между тѣмъ, вы не уживаетесь между собою и не дѣйствуете въ духѣ братскаго единомыслія...

— Это потому, ваше величество... перебилъ съ живостію митрополитъ.

— Подождите, ваше высокопреосвященство, я еще не кончилъ, строго сказалъ императоръ и повелительнымъ движеніемъ руки далъ знать прелату, чтобы онъ замолчалъ.—Почему бы то ни было, но этого не должно быть, и я совѣтую вамъ прекратить ваши раздоры, заключилъ императоръ, обводя грознымъ взглядомъ и митрополита, и аббата.

Изъ нихъ первый не смутился нисколько отъ такого суроваго внушенія и, казалось, дѣлалъ надъ собою усиліе, чтобъ воздержаться отъ прямодушныхъ объясненій съ государемъ. Между тѣмъ, лицо іезуита судорожно передернулось и сдѣлалось еще

блѣднѣе, и онъ злобно изъ подлобья взглянулъ на своего противника.

— Чтобъ возстановить между вами миръ, я пригласилъ васъ къ себѣ, но объ этомъ мы поговоримъ послѣ, а теперь пойдемте наверхъ позавтракать — вы будете для меня пріятными гостями. Да кстати, вы, ваше высокопреосвященство, кажется, не были въ этомъ дворцѣ послѣ его передѣлки, такъ я покажу его вамъ, сказалъ императоръ съ тою привѣтливою любезностью, какою отличалось его обращеніе, когда онъ бывалъ въ духѣ и желалъ выразить кому-нибудь свое благоволеніе.

Изъ пріемной, чрезъ небольшую темноватую комнату, Павелъ Петровичъ и его гости вышли на парадную мраморную лѣстницу, устланную великолѣпнымъ ковромъ. На стѣнахъ лѣстницы были нарисованы al fresco виды Павловска и Гатчины; на одной изъ этихъ картинъ былъ представленъ императоръ, ведущій подъ своимъ начальствомъ отрядъ павловскаго полка. Они прошли чесменскую галлерею, въ которой были развѣшены картины, изображавшія нѣкоторые эпизоды изъ морскаго сраженія при Чесмѣ. Затѣмъ, они перешли въ греческую галлерею, наполненную древними статуями, бюстами и вазами, и зашли въ оружейную, гдѣ, еще при князѣ Орловѣ, начала составляться коллекція разнаго оружія. Покои гатчинскаго дворца отличались великолѣпіемъ: всюду блестѣла позолота, лоснился мраморъ, виднѣлись и лѣпная работа, и плафоны, расписанные кистью искусныхъ художниковъ, и штучные полы изъ разноцвѣтнаго дерева. Въ тронной — небольшой, впрочемъ, комнатѣ — стоялъ между оконъ, на возвышеніи въ три ступени, обтянутыя алымъ сукномъ, тронъ императора, вызолоченный и обитый малиновымъ бархатомъ съ вышитымъ на спинкѣ его двуглавымъ орломъ. Тронъ былъ осѣненъ балдахиномъ изъ такого же бархата, съ тяжелою золотою бахрамою и большими золотыми кистями. На стѣнахъ тронной были развѣшены драгоцѣнные гобелены, на которыхъ по одной стѣнѣ было изображено путешествіе дикаря въ паланкинѣ, а по другой — бой тигра съ пантерою. Въ сосѣдней съ тронною комнатѣ, называвшейся гостиною, находилась великолѣпная золоченная мебель съ шелковою обивкою, а по стѣнамъ гостиной висѣли замѣчательные по художественному исполненію рисунка гобелены съ изображеніемъ сценъ изъ похожденій Донъ-Кихота. Рядомъ съ гостинною была спальня императрицы. Комнату эту раздѣляла поперекъ бѣлая деревянная съ позолотою балюстрада, за которою находилась постель государыни, прикрытая тяжелымъ покрываломъ изъ серебряной парчи съ голубыми разводами; изъ такой же матеріи былъ сдѣланъ надъ постелью бал-

дахинъ. Бальная зала была обдѣлана бѣлымъ каррарскимъ мраморомъ съ сѣроватыми мраморными же колонами, а стѣны были обставлены диванчиками, стульями и табуретами изъ бѣлаго дерева, обитыми серебристо-бѣлымъ штофомъ. Изящный вкусъ и роскошь были замѣтны на каждомъ шагу въ этихъ, сперва княжескихъ, а потомъ царскихъ чертогахъ.

На половинѣ императрицы была также тронная зала; но тронъ государыни былъ гораздо меньше и ниже и не отличался такимъ пышнымъ убранствомъ, какъ тронъ императора. Въ столовой, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ, висѣли по стѣнамъ написанные масляными красками виды тѣхъ городовъ и мѣстностей, которые въ особенности понравились Павлу Петровичу, когда онъ, будучи еще великимъ княземъ, путешествовалъ, вмѣстѣ съ супругою, по Европѣ подъ именемъ графа Сѣвернаго. Государь оказался чрезвычайно любезнымъ и внимательнымъ хозяиномъ, онъ занималъ и митрополита, и аббата то серьёзными, то веселыми разсказами и въ бесѣдѣ своей обнаруживалъ и замѣчательную начитанность, и громадную память.

Послѣ завтрака, онъ предложилъ гостямъ спуститься внизъ въ его рабочій кабинетъ, гдѣ находились бумаги, по поводу которыхъ онъ хотѣлъ переговорить съ ними. Сойдя съ лѣстницы и пройдя пріемную, въ которой Сестренцевичъ и Груберъ недавно ожидали его, императоръ ввелъ митрополита и аббата въ просторную комнату. Передъ входными ея дверями, подъ большимъ портретомъ Петра Великаго, который былъ изображенъ скачущимъ на конѣ, стоялъ тронъ, обитый малиновымъ бархатомъ. Всѣ стѣны этой комнаты были увѣшаны картинами и портретами, и между этими послѣдними останавливалъ на себѣ вниманіе поясной портретъ фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, съ пудренной головой, въ стальныхъ латахъ, съ накинутою поверхъ ихъ черною рыцарскою мантіею и съ мальтійскимъ крестомъ на шеѣ. Дверь изъ этой комнаты вела въ кабинетъ государя, не отличавшійся ни удобствомъ, ни роскошнымъ убранствомъ. Тамъ, на овальномъ столѣ, поставленномъ передъ диваномъ, положена была кипа бумагъ. Войдя въ кабинетъ, государь заперъ на ключъ двери и затѣмъ, садясь на диванъ, предложилъ митрополиту и аббату занять кресла, стоявшія по сторонамъ дивана.

Началась дѣловая бесѣда. Въ сосѣдней комнатѣ можно было бы слышать рѣшительный и твердый голосъ государя, говорившаго съ сознаніемъ своей могущественной власти; но голосъ этотъ былъ порою покрываемъ звучнымъ и смѣлымъ голосомъ прела-

та, а въ промежуткахъ изрѣдка слышался тихій и вкрадчивый голосъ іезуита.

Бесѣда длилась около часа, послѣ чего митрополитъ вышелъ изъ кабинета государя, раскраснѣвшись и сильно взволнованный. Онъ отдалъ легкій поклонъ встрѣтившемуся ему въ пріемной графу Кутайсову. Слѣдомъ за митрополитомъ вышелъ изъ кабинета съ обычнымъ спокойнымъ выраженіемъ лица аббатъ Груберъ. Увидѣвъ Кутайсова, онъ подошелъ къ нему съ почтительнымъ поклономъ и, проводивъ глазами выходившаго изъ пріемной Сестренцевича, завелъ съ любимцемъ государя шопотомъ рѣчь о только-что кончившейся аудіенціи...

XV.

Возвращаясь въ Петербургъ изъ Гатчины, аббатъ, во время пути, тщательно обдумывалъ, какъ бы передать графу Литтѣ о бесѣдѣ, происходившей въ кабинетѣ государя. Онъ находилъ неудобнымъ сообщать объ этомъ съ полною откровенностію, такъ какъ тогда пришлось бы, между прочимъ, упомянуть и о тѣхъ, не слишкомъ благопріятныхъ для іезуитскаго ордена отзывахъ, которые, въ продолженіе бесѣды, высказывались императоромъ, хотя какъ будто и безъ всякаго съ его стороны желанія опорочить іезуитовъ. Аббатъ догадывался по нѣкоторымъ намекамъ, вырвавшимся у Павла Петровича, что около императора находятся лица, не слишкомъ благосклонныя къ обществу Іисуса, и что они стараются внушить государю недовѣріе къ этому учрежденію, выставляя тѣ опасности, какія могутъ угрожать Россіи вслѣдствіе участія іезуитовъ въ воспитаніи русскаго юношества. Груберъ понималъ, что если разсказать Литтѣ рѣшительно все, какъ было, безъ утайки, переиначки и безъ нѣкоторыхъ прибавленій и прикрасъ, то Литта можетъ придти къ заключенію, что главный представитель ордена іезуитовъ въ Россіи далеко не пользуется у императора тѣмъ значеніемъ, какое приписываютъ ему въ общественной молвѣ, и что положеніе его довольно шатко. Между тѣмъ, искательному іезуиту нужно было прежде всего убѣдить бальи, какъ представителя мальтійскаго ордена, въ той силѣ, какую имѣетъ у государя представитель общества Іисуса. Груберъ, послѣ своей побывки вмѣстѣ съ Сестренцевичемъ въ Гатчинѣ, долженъ былъ окончательно убѣдиться, что самые злѣйшіе и опаснѣйшіе враги іезуитскаго ордена могутъ находиться среди римско-католическаго духовенства и что во главѣ такихъ враговъ должно считать архіепископа могилев-

скаго и митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, Станислава Сестренцевича. Въ ушахъ аббата явственно слышалась смѣлая рѣчь прямодушнаго прелата, который, не стѣсняясь нисколько присутствіемъ одного изъ первенствующихъ представителей іезуитизма, рѣшался указывать государю на тотъ страшный вредъ, который послѣдователи Игнатія Лойолы наносятъ всегда и всюду своими подпольными кознями и государству, и обществу. Сестренцевичъ, побуждаемый непримиримою ненавистью къ іезуитамъ, говорилъ обо всемъ этомъ съ такою безпощадною рѣзкостью и неумѣренною запальчивостію, что государь нѣсколько разъ то ласково, то строго сдерживалъ через-чуръ расходившагося сановника римской церкви. Несмотря на такую благосклонность государя, Груберу нельзя было не опасаться того вліянія, какое могли произвести доводы митрополита на впечатлительнаго Павла Петровича. Хотя, при посредствѣ императора или, вѣрнѣе сказать по его требованію, противники въ знакъ примиренія подали другъ другу руки и поцѣловались, но, вслѣдствіе этого, взаимная вражда ихъ не уменьшилась нисколько, и въ то время, когда облаченный въ кардинальскій пурпуръ бывшій гусаръ и уланъ надѣялся расправиться когда нибудь съ своимъ противникомъ по-военному, безъ всякихъ интригъ и пролазничества, тонкій іезуитъ находилъ болѣе удобнымъ пускать въ ходъ и ловкую уступчивость, и притворство, чтобы тѣмъ легче запутать, а потомъ и погубить своего противника, рубившаго, по старой привычкѣ, съ плеча, безъ всякой оглядки. Когда императоръ выразилъ желаніе, чтобы распря между митрополитомъ и іезуитскимъ орденомъ кончилась, Груберъ съ смиреннымъ видомъ поспѣшилъ высказать, что онъ помнитъ всегда ту громадную разницу, какая, по уставамъ церкви, существуетъ между имъ, простымъ священникомъ, и главенствующимъ въ странѣ епископомъ; что если онъ порою позволяетъ себѣ не соглашаться съ мнѣніемъ его эминенціи, то это происходитъ единственно отъ того, что онъ, Груберъ, по крайнему своему разумѣнію, понимаетъ нѣсколько иначе папскія буллы и считаетъ нужнымъ охранять ихъ неприкосновенность и что, наконецъ, онъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, готовъ просить у митрополита прощеніе, если онъ чѣмъ либо, безъ всякаго, впрочемъ, съ своей стороны, умысла, могъ прогнѣвать достойнаго архипастыря.

При дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ пронырливый и искательный Груберъ пріобрѣлъ огромное вліяніе, и онъ пользовался этимъ для того, чтобы всюду, гдѣ только было можно, разставлять тайныя сѣти, ловя ими добычу и захватывая

прибыль для своего ордена. Находившіеся въ Петербургѣ иностранные дипломаты, видя то положеніе, какое успѣлъ занять Груберъ въ Россіи, заискивали его расположенія, считая его однимъ изъ пригодныхъ орудій для достиженія своихъ цѣлей. Австрійскій посланникъ, графъ Кобенцель, представитель королевской Франціи, графъ Эстергази, и посланникъ короля неаполитанскаго, герцогъ де-Серра-Капріоли, постоянно были готовы къ услугамъ скромнаго аббата, который, кромѣ того, успѣлъ завести обширныя сношенія и тѣсныя связи съ вліятельными людьми и внѣ Петербурга, почти во всѣхъ государствахъ Европы.

Слѣдуя издавна принятой іезуитскимъ орденомъ системѣ, Груберъ прежде всего захотѣлъ установить вліяніе ордена на воспитаніе молодого поколѣнія. Пользуясь дозволеніемъ императора Павла Петровича жить въ Петербургѣ, іезуиты учредили здѣсь свой капитулъ и открыли при немъ училище и пансіонъ, о которыхъ вскорѣ распространилась въ высшемъ обществѣ столицы самая лестная молва и главнымъ начальникомъ которыхъ былъ сдѣланъ Груберъ. Обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали ему: по присоединеніи Западнаго Края къ Россіи, польскіе магнаты пріѣзжали безпрестанно въ Петербургъ: одни изъ нихъ для того, чтобъ, представившись новому своему государю, обратить на себя его милостивое вниманіе; другіе являлись сюда съ политическими цѣлями, домогаясь удержать въ присоединенномъ краѣ прежніе порядки; третьи пріѣзжали хлопотать по своимъ частнымъ дѣламъ и тяжбамъ и, наконецъ, четвертые навѣщали Петербургъ съ тою цѣлью, чтобы пріискать для себя въ Россіи богатыхъ и знатныхъ невѣстъ. Императоръ Павелъ чрезвычайно благосклонно принималъ поляковъ, и изъ числа ихъ графъ Илинскій былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей. Пріѣзжавшіе въ Петербургъ богатые паны очень охотно отдавали своихъ сыновей на воспитаніе къ Груберу, въ завѣдываемый имъ іезуитскій пансіонъ; примѣру ихъ стали подражать и русскіе баре, такъ что вскорѣ заведеніе это наполнилось мальчиками изъ самыхъ знатныхъ въ ту пору русскихъ фамилій. Аббатъ воспитывалъ своихъ питомцевъ въ строгомъ католическомъ духѣ, желая болѣе всего подготовить въ нихъ будущихъ дѣятельныхъ пособниковъ іезуитскаго ордена.

Матеріальныя средства іезуитскаго ордена въ Россіи были въ ту пору громадны. Въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ онъ, въ общей сложности, владѣлъ, на правѣ помѣщика, 14,000 крестьянъ и, кромѣ того, располагалъ собственными капиталами болѣе чѣмъ на полтора милліона тогдашнихъ серебряныхъ рублей, независимо отъ разныхъ доходовъ, пожертвованій и прино-

ношеній, постоянно присылавшихся въ его кассу въ огромномъ количествѣ. Большая часть всего этого назначалась жертвователями на устройство учебныхъ и воспитательныхъ заведеній подъ попеченіемъ іезуитскаго ордена. Вообще, положеніе общества Іисуса въ Россіи, во время управленія имъ аббата Грубера, было чрезвычайно блестяще, и орденъ, благодаря ловкости и энергіи аббата, сталъ пріобрѣтать силу. Мало-по-малу, аббатъ вошелъ во всѣ знатные русскіе дома въ Петербургѣ: въ одномъ онъ являлся умнымъ и занимательнымъ гостемъ, въ другомъ—мудрымъ совѣтникомъ по разнымъ дѣламъ, въ третьемъ — другомъ семейства, въ четвертомъ—врачемъ, въ пятомъ — краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, глаголамъ котораго русскія барыни внимали съ особымъ благоговѣніемъ. Короче, въ царствованіе императора Павла Петровича іезуитъ Груберъ былъ одною изъ самыхъ замѣтныхъ личностей въ высшемъ петербургскомъ обществѣ.

Поддержкѣ іезуитскаго ордена въ Россіи содѣйствовали немало и прибывшіе въ Петербургъ изъ Франціи эмигранты. И при дворѣ, и въ высшемъ русскомъ обществѣ смотрѣли на нихъ, какъ на неповинныхъ ни въ чемъ страдальцевъ, принужденныхъ покинуть родину и лишенныхъ всего достоянія, вслѣдствіе злобы и ненависти богомерзкихъ якобинцевъ. Громкаго родового имени, даже частички «de» передъ фамиліею и заявленія о несокрушимой преданности королевскому дому Бурбоновъ и старому монархическому порядку достаточно было для того, чтобы каждому французу былъ открытъ прямой доступъ къ императору, который охотно предоставлялъ имъ высшія военныя и почетныя придворныя должности. Всѣ эмигранты кляли въ одинъ голосъ революцію, ниспровергнувшую религію сперва во Франціи, а теперь угрожавшую тѣмъ же самымъ и всей Европѣ. Въ охраненіи католической церкви они видѣли единственное средство къ возстановленію политическаго порядка и сильно разсчитывали на помощь въ этомъ случаѣ со стороны іезуитскаго ордена. При такомъ положеніи дѣлъ, аббатъ Груберъ находилъ самыхъ дѣятельныхъ для себя пособниковъ и среди являвшихся въ Петербургъ французскихъ эмигрантовъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ въ придворныхъ сферахъ.

Покровительство, оказанное императоромъ Павломъ Петровичемъ мальтійскому ордену, не безъ основанія считали явнымъ выраженіемъ его желанія поддержать католическую церковь на западѣ Европы, разумѣется, не столько для собственнаго ея благосостоянія, сколько для водворенія политическаго порядка, столь долго процвѣтавшаго тамъ въ неразрывной связи съ господствомъ этой

церкви. Груберъ понималъ ту благопріятную обстановку, въ какой онъ находился, и рѣшился повести исполненіе своихъ плановъ самымъ энергическимъ образомъ.

Понадумавшись хорошенько, взвѣсивъ и разсчитавъ каждое слово, онъ вечеромъ, въ день своего пріѣзда изъ Гатчины, отправился къ Литтѣ.

— Наша святая церковь, вашъ орденъ, а также лично и я, и вы имѣемъ самаго опаснаго врага тамъ, гдѣ, повидимому, всего менѣе можно было ожидать его, заговорилъ тихимъ, подавленнымъ голосомъ іезуитъ послѣ того, какъ разсказалъ Литтѣ, въ общихъ словахъ, о свиданіи съ государемъ. Литта съ выраженіемъ безпокойства посмотрѣлъ на аббата.

— Я говорю о здѣшнемъ митрополитѣ, продолжалъ Груберъ:— онъ—не пастырь, полагающій душу за овцы, а хищный волкъ, вкравшійся въ овчарню Христову. Онъ внушаетъ государю поставить въ дѣлахъ церкви свѣтскую власть выше духовной и, подъ покровомъ этой власти, хочетъ управлять произвольно, и должно опасаться, что, подъ его вліяніемъ, императоръ можетъ отказаться отъ той защиты, которую онъ пока готовъ оказать и его святѣйшеству папѣ, и вашему ордену, и вообще христіанству на Западѣ. Митрополитъ твердитъ государю о томъ, что, какіе бы революціонные перевороты ни происходили въ Европѣ, католическая церковь въ Россіи можетъ остаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ она и теперь существуетъ, и что всегда найдется возможность устроить ея управленіе по примѣру галликанской церкви безъ всякаго ущерба для основныхъ догматовъ католичества... Онъ, какъ мнѣ кажется, желаетъ сдѣлаться какимъ-то папою въ Россіи; онъ—человѣкъ чрезвычайно честолюбивый и, вдобавокъ, корыстный въ высшей степени...

— Съ послѣднимъ вашимъ замѣчаніемъ я несогласенъ, живо перебилъ Литта.—Насколько я знаю его эминенцію и сколько я наслышался о немъ, онъ чуждъ честолюбія и корысти. Ошибка въ его мнѣніяхъ и въ его дѣйствіяхъ происходитъ развѣ только отъ того, что онъ уже слишкомъ широко понимаетъ евангельскія слова: «Царство мое—не отъ міра сего», а потому не хочетъ вмѣшиваться, во имя церкви, ни въ какія дѣла и вопросы политическаго свойства. Притомъ, какъ бывшій военный, онъ ставитъ субординацію выше всего. Однажды, въ разговорѣ со мною, онъ высказалъ неудовольствіе на то, что вашъ орденъ стремится къ какой-то недозволенной самостоятельности и что онъ не видитъ никакого основанія къ тому, чтобы общество Іисуса не подчинялось власти мѣстнаго епископа точно такъ же, какъ подчиняется ей всякій другой монашескій орденъ. Между тѣмъ,

вы, по словамъ его, хотите, обойдя епископовъ, предоставить полную власть надъ орденомъ провинціаламъ и пріорамъ непосредственно подъ главенствомъ святого отца.

Іезуитъ молча слушалъ рѣчь Литты, и въ это время выдававшіяся на исхудаломъ его лицѣ скулы были въ нервномъ движеніи, и онъ по временамъ судорожно шевелилъ своими тонкими губами.

— Нашъ орденъ составляетъ особое братство, и мы съумѣемъ всегда и вездѣ быть настолько самостоятельными и независимыми, насколько намъ это нужно для достиженія нашихъ великихъ и богоугодныхъ цѣлей. Мы—духовное воинство, которое безпрерывно борется съ врагами Христова ученія. У насъ до сихъ поръ не было вооруженной силы, но, кажется, Господь, въ неисповѣдимыхъ своихъ судьбахъ, теперь посылаетъ намъ и ее. Я долженъ сказать вамъ, высокоуважаемый бальи, что многіе члены вашего рыцарскаго ордена желаютъ вступить въ тѣсный союзъ съ нашимъ обществомъ, и несомнѣнно, что такой союзъ будетъ взаимно полезенъ. Въ непродолжительномъ времени пріѣдетъ въ Петербургъ съ этою цѣлью командоръ баварской націи Пфюрдтъ, и при посредствѣ его дѣло уладится къ обоюдной пользѣ. Вы обѣщались уже дѣйствовать заодно со мною; я считаю уже васъ нашимъ собратомъ и нахожу нужнымъ предварить васъ о пріѣздѣ Пфюрдта. Разумѣется, что, въ случаѣ вашего несогласія, все, что̀ я говорилъ и говорю вамъ, останется тайной: на благородную скромность графа Литты можетъ положиться каждый...

— Такъ же, какъ и на его прямоту, добавилъ бальи:—и потому я долженъ съ полною откровенностію сказать вамъ, господинъ аббатъ, что я несогласенъ дѣйствовать въ томъ направленіи, въ какомъ дѣйствуетъ вашъ орденъ, и что между нимъ и нашимъ орденомъ не можетъ установиться предполагаемая вами связь...

— Отъ васъ зависитъ имѣть тотъ или другой взглядъ на дѣйствія общества Іисуса, съ равнодушнымъ видомъ отозвался аббатъ:—съ своей стороны, я могу сказать, что несходство вашихъ взглядовъ и мыслей со мною не будетъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ къ тому, чтобы устроить ваше дѣло такъ, какъ мы предположили. Безучастіе ваше къ судьбамъ нетолько нашего ордена, но и мальтійскаго рыцарства, въ настоящее время мнѣ вполнѣ понятны. Вы заняты не этимъ; да и вообще влюбленные люди не могутъ быть бодрыми дѣятелями. Отложимъ до времени начатый мною разговоръ и перейдемъ къ занимающему васъ лично вопросу. Въ послѣднее мое свиданіе съ госу-

даремъ мнѣ не удалось завести рѣчь о вашемъ дѣлѣ, но въ успѣхѣ его не сомнѣвайтесь: императоръ дозволитъ графинѣ Скавронской вступить съ вами въ бракъ, а его святѣйшество разрѣшитъ вамъ жениться и остаться въ орденѣ. Политическія обстоятельства скоро перемѣнятся, и ваши родовыя командорства съ ихъ громадными доходами возвратятся опять къ вамъ, если вы останетесь въ орденѣ. Нужно только устранить участіе митрополита и просить разрѣшеніе на бракъ съ графинею непосредственно въ Римѣ. Сестренцевичъ не благоволитъ къ вашему ордену, какъ къ учрежденію, которое примѣшиваетъ церковь къ дѣламъ политическимъ. Онъ постарается повредить вамъ и у государя, и у папы. На-дняхъ, императоръ пріѣдетъ въ Петербургъ, и я не заставлю васъ долго ждать моего увѣдомленія...

Сказавъ это, аббатъ самымъ дружественнымъ образомъ разстался съ Литтою.

XVI.

Скавронская сидѣла за утреннимъ кофе, ожидая съ нетерпѣніемъ пріѣзда Литты. Наканунѣ этого дня, поздно вечеромъ, аббатъ извѣстилъ его о своемъ свиданіи съ государемъ и приглашалъ пріѣхать къ нему пораньше утромъ, такъ какъ онъ долженъ былъ сообщить ему нѣкоторыя весьма важныя, касающіяся его свѣдѣнія. Молодая женщина, какъ будто нарочно въ ожиданіи жениха, хотѣла казаться еще болѣе привлекательною: она была въ утреннемъ негливѐ—бѣломъ батистовомъ капотѣ, отдѣланномъ дорогими кружевами, съ длинными и широкими рукавами, называвшимися на тогдашнемъ модномъ языкѣ «triste Amadis», а ея ненапудренные золотисто-русые волосы, собранные назади, поддерживались голубою лентой, охватывавшей голову черезъ лобъ, въ видѣ повязки.

Литта, впрочемъ, недолго заставилъ себя ждать. Пріѣхавъ къ Скавронской, онъ передалъ ей, что аббату удалось узнать мнѣніе государя какъ относительно выхода замужъ графини Скавронской, такъ и относительно того, чтобы графъ Литта, и послѣ брака съ нею, оставался въ мальтійскомъ орденѣ, если только удастся ему выхлопотать у папы такое разрѣшеніе. Аббатъ сообщилъ, что теперь, какъ кажется—самая лучшая пора для того, чтобы обратиться къ императору съ просьбою о разрѣшеніи брака, такъ какъ государь чрезвычайно заинтересованъ судьбою мальтійскихъ рыцарей и полагаетъ, что графъ Литта можетъ ока-

зать большое содѣйствіе тому, чтобы устроить дѣла ордена согласно намѣреніямъ Павла Петровича.

Рѣшено было воспользоваться удобною минутою. Литта тотчасъ же написалъ черновое письмо къ Кутайсову, изложивъ въ этомъ письмѣ просьбу Скавронской объ испрошеніи ей у государя особой аудіенціи, а она, переписавъ письмо на-бѣло, приказала верховому лакею отвезти его къ графу Кутайсову. Спустя нѣсколько времени, къ ней пріѣхалъ самъ Кутайсовъ, желая извѣстить ее, что его величество, согласно просьбѣ графини, приметъ ее завтра, въ восемь часовъ утра. Назначеніе особой аудіенціи считалось знакомъ милостиваго расположенія государя, такъ какъ удовлетвореніе подобной просьбы составляло исключеніе изъ общаго правила. При императорѣ Павлѣ, лица, неимѣвшія къ нему постояннаго доступа и желавшія просить его о чемъ-нибудь или объясниться съ нимъ по какому-нибудь дѣлу, должны были, по утрамъ въ воскресенье, являться во дворецъ и ожидать въ пріемной залѣ, смежной съ церковью, выхода оттуда государя по окончаніи обѣдни. Императоръ, останавливаясь въ пріемной, однихъ выслушивалъ тутъ же; съ другими же, приказавъ слѣдовать за нимъ, разговаривалъ въ одной изъ ближайшихъ комнатъ или, смотря по важности объясненія, уводилъ въ свой кабинетъ. Каждый изъ желавшихъ объясниться съ государемъ имѣлъ право являться въ пріемную три воскресенья съ ряду; но если въ эти три раза государь дѣлалъ видъ, что онъ не замѣчаетъ просителя или просительницы, то дальнѣйшее ихъ появленіе въ его воскресной пріемной нетолько было безполезно, но и могло навлечь на нихъ негодованіе императора. Такой порядокъ принятъ былъ и въ отношеніи лицъ, не имѣвшихъ къ государю никакихъ просьбъ, но только обязанныхъ или представиться ему, или поблагодарить его за оказанную имъ милость, а также и въ отношеніи иностранныхъ дипломатовъ, желавшихъ имѣть у него прощальную аудіенцію. Нѣкоторые изъ нихъ, побывавъ по воскресеньямъ три раза въ пріемной императора, не удостоивались нетолько его слова, но даже и его взгляда, и вслѣдствіе этого должны были понять, что дальнѣйшія ихъ домогательства объ отпускной аудіенціи будутъ совершенно неумѣстны.

Немало затрудненій представлялъ вопросъ о томъ: въ какомъ нарядѣ должна была явиться Скавронская къ государю, который не любилъ введеннаго при дворѣ такъ-называемаго русскаго платья, наряда, заимствованнаго императрицею Екатериною, во время посѣщенія ею города Калуги, отъ тамошнихъ богатыхъ купчихъ? Вообще, чрезвычайно трудно было приноровить

дамскій нарядъ къ прихотливому вкусу государя: иной разъ онъ, видя въ своемъ дворцѣ пышно-разодѣтую даму, былъ недоволенъ выставкою передъ нимъ суетной роскоши и высказывалъ, что ему болѣе нравится простая и скромная одежда придворныхъ дамъ, нежели пышные ихъ наряды. Въ другой же разъ, лицо его принимало пасмурное выраженіе, когда онъ замѣчалъ, что явившаяся во дворецъ дама была одѣта довольно просто, несоотвѣтственно своимъ средствамъ, и считалъ это неуваженіемъ, оказаннымъ къ его особѣ. Кутайсовъ, хотя и былъ самый близкій человѣкъ къ государю, но на вопросъ Скавронской о томъ: въ какомъ нарядѣ она должна представиться его величеству?—не могъ ей дать нетолько положительнаго наставленія, но даже и никакого совѣта. Самый цвѣтъ дамскаго костюма требовалъ часто счастливой угадки: иной день императору не нравились яркіе цвѣта, а другой день—темные, а между тѣмъ, произвести на него, при первомъ появленіи, чѣмъ бы то ни было непріятное впечатлѣніе значило испытать полный неуспѣхъ въ обращенной къ нему просьбѣ.

Отправляясь во дворецъ, Скавронская постаралась прибрать такой нарядъ, чтобы онъ не бросился въ глаза императору своею особенною пышностію, но чтобы, въ то же время, и не обратилъ на себя его вниманія своею излишнею простотою. Ранѣе обыкновеннаго поднялась она въ этотъ день съ постели, и еще не пробило семи часовъ утра, когда она, окончивъ уже свой туалетъ, не безъ замиранія сердца, садилась въ карету, запряженную шестернею цугомъ съ двумя ливрейными гайдуками на запяткахъ.

Кутайсовъ предупредилъ графиню, что императоръ разрѣшилъ ей, на этотъ разъ, пріѣхать къ главному подъѣзду михайловскаго зàмка, и добавилъ, что онъ, Кутайсовъ, будетъ ожидать ее въ первой залѣ для того, чтобъ провести къ государю и доложить ему о ней. Упомянутое разрѣшеніе было знакомъ особаго вниманія Павла Петровича къ графинѣ, такъ какъ правомъ пріѣзжать къ главному подъѣзду зàмка пользовались весьма немногія лица. Всѣ же прочія должны были подъѣзжать къ особой маленькой двери, подниматься и спускаться нѣсколько разъ по темноватымъ лѣстницамъ и проходить на половину государя по мрачнымъ корридорамъ, освѣщеннымъ фонарями даже и въ дневное время.

Домъ Скавронской находился на углу Большой Мильйонной, по сосѣдству съ мраморнымъ дворцомъ, и она издали уже увидѣла изъ кареты блиставшую на утреннемъ солнцѣ, вызолоченную башенку надъ куполомъ дворцовой церкви и развѣвавшійся на

другой башенкѣ зàмка императорскій флагъ, обозначавшій, что государь былъ дома, такъ какъ, при выѣздѣ его изъ зàмка, хотя бы на самое короткое время, флагъ каждый разъ бывалъ спущенъ до его возвращенія домой.

Сурово и непривѣтливо смотрѣло новое царское жилище, объ основаніи котораго ходила въ народной молвѣ странная легенда. На мѣстѣ построеннаго Павломъ Петровичемъ огромнаго зàмка стоялъ прежде деревянный, такъ-называвшійся «лѣтній» дворецъ, начатый постройкою при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ и оконченный при Елизаветѣ Петровнѣ. Дворецъ этотъ, оставаясь безъ поправокъ, приходилъ постоянно въ ветхость и сталъ грозить совершеннымъ разрушеніемъ. Однажды, при паролѣ, отданномъ на разводѣ, происходившемъ 20-го ноября 1796 года, императоръ приказалъ: «бывшій лѣтній дворецъ называть михайловскимъ». Вслѣдъ затѣмъ, онъ повелѣлъ сломать этотъ дворецъ, и 26-го февраля 1797 года на мѣстѣ прежняго дворца происходила торжественная закладка михайловскаго зàмка. Для основы новаго зданія былъ заготовленъ большой кусокъ мрамора въ видѣ высокой плиты съ высѣченною на немъ надписью о времени закладки. Около этого камня, по обѣимъ сторонамъ, были поставлены покрытые пунцовымъ бархатомъ столы съ вызолоченными на нихъ серебряными блюдами, на которыхъ лежали такія же лопатки, известь и яшмовые камни, обдѣланные на подобіе кирпичей, съ золотыми на нихъ вензелями императора и его супруги, серебряный молотокъ, а также золотыя и серебряныя монеты новаго чекана. На одномъ столѣ принадлежности эти были заготовлены для императора и императрицы, а на другомъ—для великихъ князей и великихъ княженъ. По отслуженіи архіепископомъ Инокентіемъ молебна, въ присутствіи двора, при пушечной пальбѣ съ петропавловской крѣпости и изъ орудій, поставленныхъ на Царицыномъ Лугу, была произведена закладка зàмка. Постройка его была поручена архитектору, итальянцу Бренну, и работа закипѣла съ изумительною быстротою: 6.000 рабочихъ ежедневно были заняты при этой постройкѣ. Такъ какъ мрамора на готовѣ не было, то его взяли отъ строившагося въ ту пору исаакіевскаго собора, который и стали достроивать изъ кирпича. Причину же постройки новаго дворца объясняли слѣдующимъ загадочнымъ случаемъ.

Однажды часовому, стоявшему въ караулѣ при лѣтнемъ дворцѣ, явился какой-то блистающій сіяніемъ юноша и заявилъ оторопѣвшему служивому, что онъ, юноша—архангелъ Михаилъ, приказываетъ ему идти къ императору и сказать, что онъ, архангелъ, желаетъ, чтобы на мѣстѣ стараго лѣтняго дворца былъ

построенъ храмъ во имя Архистратига Михаила. Часовой донесъ о бывшемъ ему видѣніи по начальству, и когда объ этомъ доложили императору, то онъ сказалъ: «Мнѣ уже извѣстно желаніе архангела Михаила; воля архистратига небесныхъ силъ будетъ исполнена». Вслѣдъ за тѣмъ, онъ распорядился о постройкѣ новаго дворца, при которомъ должна была быть построена и церковь во имя архангела Михаила, а самый дворецъ приказалъ называть михайловскимъ зàмкомъ.

При императорѣ Павлѣ, зàмокъ этотъ имѣлъ видъ средневѣковой твердыни: его окружали со всѣхъ сторонъ канавы, обложенныя камнемъ, съ пятью подъемными на нихъ мостами. Кромѣ того, зàмокъ былъ обведенъ со всѣхъ сторонъ землянымъ валомъ, на которомъ было разставлено двадцать бронзовыхъ пушекъ двѣнадцати-фунтоваго калибра. Зàмокъ окружалъ обнесенный каменною—вышиною въ сажень — стѣною, садъ, въ которомъ были цвѣтники, оранжереи и теплицы. Къ зàмку отъ Большой Садовой Улицы вели три липовыя и березовыя аллеи, посаженныя еще при императрицѣ Аннѣ, каждая изъ нихъ упиралась въ желѣзныя ворота, сдѣланныя въ той же рѣшеткѣ съ гранитными столбами. Рѣшетка эта была поставлена противъ главнаго фасада зàмка. Главныя ворота, украшенныя вензелями государя, подъ императорскою короною, открывались только для членовъ императорской фамиліи. Боковыя же ворота, изъ которыхъ одни назывались «воскресенскими», а другія—«рождественскими», были назначены для въѣзда и выѣзда экипажей. Проѣхавъ аллеи и ворота, карета Скавронской, черезъ подъемный мостъ, въѣхала на такъ называемый «коннетабль», обширную растилавшуюся передъ дворцомъ площадь, на которой была поставлена конная статуя Петра Великаго.

Подъѣзжая къ зàмку и смотря на красноватый цвѣтъ его стѣнъ, Скавронская ободряла себя мыслію о рыцарской любезности государя къ женщинамъ. Разсказывали, что, на одномъ изъ придворныхъ собраній, Павелъ Петровичъ, увлеченный бесѣдою съ какою-то молоденькою дамою, просилъ у нея на память бывшія на ея рукахъ перчатки. Разумѣется, что желаніе императора было исполнено немедленно, и онъ одну изъ этихъ перчатокъ послалъ строителю зàмка на образчикъ той краски, въ какую должны были быть окрашены тѣ части наружныхъ стѣнъ, которыя не будутъ обдѣланы мраморомъ или гранитомъ. Несмотря на яркій цвѣтъ своихъ стѣнъ, зàмокъ, все-таки, смотрѣлъ невесело, и угрюмости его стиля не ослабляли бывшія на немъ украшенія, состоявшія изъ вензелей въ мальтійскомъ крестѣ, гирляндъ изъ вызолоченной бронзы, фронтона, высѣчен-

наго изъ паросскаго мрамора, и гербовъ областей, входившихъ въ составъ русской имперіи. Крыша на зàмкѣ была мѣдная съ мраморною вокругъ нея балюстрадою и статуями, снятыми съ зимняго дворца.

Выйдя изъ кареты и поднявшись по широкой гранитной лѣстницѣ, Скавронская вошла въ обширныя сѣни, украшенныя колонами изъ краснаго мрамора. Полъ въ сѣняхъ былъ изъ бѣлаго мрамора, а въ нишахъ находились египетскіе истуканы; посреди же сѣней стояли на мраморныхъ пьедесталахъ бронзовыя статуи Геркулеса и Флоры. Въ сосѣдней съ сѣнями залѣ находился главный дворцовый караулъ, состоявшій постоянно изъ одного офицера и тридцати рядовыхъ. Караулъ этотъ былъ расположенъ такъ, что никто не могъ дойти до императора, минуя эту стражу. Въ этой комнатѣ встрѣтилъ Скавронскую ожидавшій ея пріѣзда Кутайсовъ и, ободряя ее, повелъ молодую вдовушку наверхъ, въ покои государя.

Лѣстница, по которой теперь они поднимались, представляла образецъ роскошной отдѣлки. Стѣны ея были выложены мраморомъ различныхъ цвѣтовъ, а мѣста, остававшіяся пока бѣлыми, предполагалось расписать фресками. На верху лѣстницы, у входа въ аппартаменты, стояли на часахъ два гренадера. Съ площадки лѣстницы Кутайсовъ и его спутница вошли въ большую овальную прихожую, посреди которой былъ поставленъ бюстъ короля шведскаго Густава-Адольфа. Двери изъ прихожей вели въ обширную залу, отдѣланную подъ желтый мраморъ съ темными разводами; зала эта была украшена картинами, изображавшими нѣкоторыя важнѣйшія событія изъ русской исторіи. Затѣмъ Скавронская прошла черезъ великолѣпно-убранную тронную залу. Стѣны этой залы были обиты пунцовымъ бархатомъ, затканнымъ золотомъ, а огромная печь была обложена бронзою. Насупротивъ трона, въ нишахъ около дверей, стояли античныя статуи Кесаря и императора Антонина, а по стѣнамъ были развѣшены гербы семидесяти шести тогдашнихъ русскихъ провинцій. Огромное зеркало, великолѣпная люстра и три стола—одинъ изъ verde-antico, а другіе два изъ зеленаго восточнаго порфира—дополняли убранство тронной залы. На плафонѣ ея были нарисованы двѣ аллегорическія картины, и въ каждой изъ нихъ виднѣлось, между прочимъ, знамя мальтійскаго ордена: Отсюда до комнатъ императора было уже недалеко: оставалось только пройти галлерею «арабескъ» съ мраморными колонами, привезенными изъ Рима. Галлерея эта была устроена въ подражаніе «лоджіямъ» Рафаэля, находящимся въ ватиканскомъ дворцѣ. Кутайсовъ попросилъ Скавронскую остановиться въ этой галле-

рей, а самъ, осторожно пріотворивъ дверь, заглянулъ въ слѣдующую комнату и на цыпочкахъ сталъ пробираться далѣе. Спустя нѣсколько минутъ, затворенная Кутайсовымъ дверь отворилась.

— Его величество приглашаетъ васъ войти, сказалъ онъ графинѣ и, пропустивъ Скавронскую впередъ, вышелъ въ галлерею и тамъ сѣлъ на диванъ, въ ожиданіи возвращенія своей кліентки.

Императоръ только-что вернулся съ развода и, какъ было замѣтно, находился въ хорошемъ расположеніи духа. Скавронская прошла черезъ прихожую, въ которой стоялъ караулъ отъ лейб-гусарскаго полка, и вошла въ большую бѣлую залу, по стѣнамъ которой висѣли прекрасные ландшафты и виды михайловскаго за̀мка и стояло шесть изящныхъ краснаго дерева шкаповъ, наполненныхъ книгами, составлявшими частную библіотеку императора. Скавронская остановилась въ этой комнатѣ, не зная, идти ли ей далѣе, какъ вдругъ въ дверяхъ противъ нея показался императоръ...

Число парадныхъ комнатъ въ михайловскомъ за̀мкѣ не ограничивалось тѣми, черезъ которыя проходила Скавронская; посѣтитель за̀мка могъ бы насмотрѣться еще болѣе на роскошь новыхъ царскихъ чертоговъ. Двери изъ галлереи Рафаэля вели не только въ покои государя, но и въ галлерею Лаокоона, названную такъ по превосходной древней статуѣ, стоявшей среди этой галлереи, стѣны которой были увѣшаны гобеленами, изображавшими событія изъ священной исторіи; но картины эти какъ-то не гармонировали съ придвинутыми къ нимъ статуями Діаны и Эндиміона, Психеи и Амура. Въ концѣ этой галлереи стояли на часахъ два гвардейскіе унтер-офицера съ эспонтонами въ рукахъ. Они охраняли входъ въ овальную гостиную съ каріатидами по стѣнамъ. Комната эта поражала своимъ убранствомъ: въ ней была мебель, обитая бархатомъ огненнаго цвѣта и отдѣланная серебряными шнурами и кистями. Гостиная эта была смежна съ громадною бальною залою, обложенною бѣлымъ мраморомъ, изъ нея былъ входъ въ круглую тронную залу, громадный куполъ которой поддерживали шесть колосальныхъ статуй, а стѣны ея были обтянуты краснымъ бархатомъ, затканнымъ золотомъ и покрытымъ золотою рѣзьбою. Всѣ о̀кна въ этой залѣ, кромѣ одного, изъ огромнаго цѣльнаго зеркальнаго стекла, вставленнаго въ раму изъ массивнаго серебра, были завѣшаны красною шелковою тканью. Въ этой тронной залѣ спускалась съ потолка замѣчательной работы огромная люстра, изъ чистаго серебра. Впрочемъ, такъ какъ императору не стала вдругъ нра-

виться красная отдѣлка комнаты, то онъ захотѣлъ отдѣлать ее желтымъ бархатомъ съ великолѣпнымъ серебрянымъ шитьемъ и съ серебряными массивными украшеніями по стѣнамъ. Столы, подзеркальники и вся мёбель въ этой комнатѣ должны были быть сдѣланы изъ чистаго серебра. Къ такой отдѣлкѣ уже и приступили, и на первый разъ было отпущено съ монетнаго двора на заготовку нужныхъ вещей сорокъ пудовъ серебра, но вскорѣ кончина государя нетолько прекратила эти работы, но и оставила михайловскій зàмокъ необитаемымъ въ теченіи нѣсколькихъ годовъ. Не были также окончены заказанные собственно для новаго дворца и великолѣпные столовые сервизы: одинъ изъ чистаго серебра, а другой—фарфоровый съ изящнорисованными видами михайловскаго зàмка.

Половина императрицы отличалась роскошною обстановкой и изяществомъ. Тамъ также были столы изъ бреччіи и восточнаго алебастра и изъ лапис-лазули; обитая бархатомъ и шелкомъ мёбель, изящная бронза парижскаго издѣлья; двери изъ краснаго, розоваго и кедроваго дерева; великолѣпные фарфоры, статуи, картины, гобелены, занавѣски изъ парчи, камины изъ карраскаго мрамора и плафоны, расписанные фресками и гуашью. На половинѣ государыни богатствомъ убранства отличалась въ особенности парадная опочивальня. Въ этой комнатѣ мѣсто для постели было отдѣлено масивною серебряною балюстрадой, вѣсившею четырнадцать пудовъ, а вызолоченная кровать стояла подъ свѣтлоголубымъ бархатнымъ балдахиномъ, подхваченнымъ серебренными шнурами съ такими же кистями.

Несмотря на затрату громадныхъ капиталовъ и на участіе въ постройкѣ михайловскаго зàмка лучшихъ художниковъ того времени какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, зданіе это было совершенно неудобно для житья. Страшная, разрушительная сырость, еще до переѣзда въ зàмокъ императора, перепортила и отдѣлку комнатъ, и мёбель, и картины. Въ покояхъ государя стѣны были обиты деревомъ, и это удерживало нѣсколько сырость, отдававшуюся отъ стѣнъ, но въ другихъ помѣщеніяхъ зàмка не было никакой возможности жить, а между тѣмъ Павелъ Петровичъ восхищался постройкой новаго дворца, и ничѣмъ легче нельзя было снискать его благосклонность, какъ похвалою, сдѣланною михайловскому зàмку...

XVII.

При появленіи государя, Скавронская сдѣлала ему низкій реверансъ по всѣмъ строгимъ правиламъ тогдашняго придворнаго этикета, отбивъ взадъ правою ножкою длинный шлейфъ сво-

его платья; а онъ встрѣтилъ ее съ тою утонченною вѣжливостію, какою обыкновенно отличался въ обращеніи своемъ съ дамами. Императоръ подвинулъ ей кресло и, пригласивъ ее садиться, самъ сѣлъ около нея.

— Я уже знаю цѣль вашего посѣщенія, началъ императоръ по французски;—вы пріѣхали просить меня, чтобы я разрѣшилъ вамъ вступить въ бракъ съ графомъ Литтою.

— Такъ точно, ваше величество, проговорила Скавронская.

— Противиться вторичному вашему браку я имѣлъ прежде достаточное основаніе. Это былъ съ моей стороны не пустой капризъ, которымъ обыкновенно любятъ объяснять мои распоряженія, хотя для нихъ и имѣются у меня вполнѣ уважительныя причины. Вы—молодая и слишкомъ богатая вдова; у васъ отъ перваго вашего мужа остались двѣ маленькія дочери, и я не желалъ, чтобы эти сиротки попали на попеченіе вотчима, который могъ бы нетолько не заботиться о нихъ, но даже и разстроить ихъ состояніе. Я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ качествѣ негласнаго надъ ними опекуна; я, какъ государь, считаю святымъ для себя долгомъ заботиться объ участи каждаго изъ моихъ подданныхъ, если мнѣ лично извѣстно его положеніе и если я могу своею властью сдѣлать что-нибудь въ его пользу. Говоря это, я, конечно, не позволяю себѣ предполагать, чтобы вашъ выборъ могъ пасть на недостойнаго человѣка, но я вообще слишкомъ недовѣрчивъ, а ваша молодость, неопытность и мягкость вашего характера побуждали меня заботиться нетолько о судьбѣ вашихъ малютокъ, но отчасти и о вашей собственной... Я знаю, вы были несчастливы въ первомъ супружествѣ—съ участіемъ добавилъ императоръ.

— Благодарю васъ, государь, за ваше милостивое вниманіе, тихо отозвалась взволнованная Скавронская.

— Вскорѣ по пріѣздѣ графа Литты въ Петербургъ, началъ государь:—до меня дошли слухи о предполагаемомъ съ нимъ вашемъ бракѣ, и я тогда же письменно поручилъ Ивану Павловичу узнать обстоятельно объ этомъ, прибавивъ, что я не изъявлю согласія на вашъ бракъ. Кутайсовъ вамъ ничего не говорилъ объ этомъ?..

— Ни полслова, ваше величество!

— И прекрасно сдѣлалъ: значитъ, умѣетъ цѣнить оказываемое ему мною довѣріе. Я тогда еще не зналъ графа Литты, но впослѣдствіи, познакомившись съ нимъ близко, убѣдился, что онъ—рыцарь въ полномъ значеніи этого слова. Я, съ своей стороны, не противлюсь теперь вашему съ нимъ браку. Поздравляю васъ, вы сдѣлали вполнѣ удачный выборъ. Къ сожалѣнію, бракъ вашъ

невозможенъ по другимъ, независящимъ вовсе отъ меня причинамъ: какъ рыцарь мальтійскаго ордена, графъ Литта далъ обѣтъ безбрачія, и ему не остается ничего болѣе, если онъ намѣренъ быть вашимъ супругомъ, какъ только выйдти изъ ордена, а между тѣмъ, какъ тяжело будетъ для него это; да и, кромѣ того, такой съ его стороны поступокъ совершенно противорѣчилъ бы тѣмъ планамъ, которые я составилъ относительно этого славнаго и древняго учрежденія. Мнѣ необходимо, чтобъ графъ Литта оставался на томъ мѣстѣ, которое онъ занимаетъ съ такою честью, т. е. чтобы онъ былъ представителемъ мальтійскаго ордена при моемъ дворѣ.

Императоръ нахмурился и началъ качать головою, что служило у него выраженіемъ озабоченности.

— Но, ваше величество, препятствіе, о которомъ вы изволили упомянуть, можетъ быть устранено, робко проговорила Скавронская.

— Устранено?.. Это какимъ способомъ?.. не безъ удивленія спросилъ онъ, пристально смотря на свою собесѣдницу.—Какъ однако находчивы влюбленныя женщины!.. Какой же способъ придумали вы?.. засмѣявшись, добавилъ онъ.

— Я слышала, государь, что папа своею властью можетъ отмѣнять, въ видѣ особыхъ исключеній, правила, находящіяся въ статутѣ мальтійскаго ордена, и, слѣдовательно, онъ можетъ разрѣшить графу Литтѣ вступить въ бракъ со мною и оставаться по прежнему въ орденѣ...

— Вотъ какъ! съ веселымъ видомъ воскликнулъ императоръ:— мы ужь и святѣйшаго отца начинаемъ примѣшивать къ нашимъ сердечнымъ дѣламъ!.. Я увѣренъ, впрочемъ, если подобное отступленіе возможно, что Пій VI, этотъ почтенный старецъ, не откажетъ для меня въ подобномъ снисхожденіи, а для графа Литты устроить дѣло такимъ образомъ было бы очень хорошо. Онъ сохранилъ бы свои наслѣдственныя командорства, доставляющія ему такой огромный доходъ; впрочемъ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, готовъ бы отказаться нетолько отъ нихъ, но и отъ всего, чтобы имѣть такую прелестную супругу, какъ вы, графиня.

— Позволяю себѣ замѣтить, ваше величество, заговорила Скавронская прерывающимся отъ волненія голосомъ:—что ни съ моей стороны, ни со стороны графа Литты нѣтъ въ настоящемъ случаѣ никакого разсчета на богатства: мы чувствуемъ, что мы были бы вполнѣ счастливы другъ съ другомъ и безъ всякаго состоянія...

— А я, съ моей стороны, былъ бы очень радъ, еслибы предположеніе ваше осуществилось. Подобная уступка папы не мало бы

посодѣйствовала распространенію ордена, а я имѣю на него большіе виды, протяжно и нѣсколько призадумавшись проговорилъ императоръ.—А, вы знаете ли, графиня, живо спросилъ онъ:—что и дамы могутъ быть членами этого знаменитаго ордена, и если бы я имѣлъ право распоряжаться въ орденѣ, то вы были бы въ числѣ первыхъ дамъ, которыхъ я украсилъ бы его знакомъ...

— Не нахожу словъ, какъ благодарить ваше величество за ваше милостивое расположеніе и за данное мнѣ позволеніе, которое, я надѣюсь, принесетъ мнѣ новое счастье въ моей теперешней одинокой жизни, съ чувствомъ, поднимаясь съ кресла, сказала Скавронская. Павелъ Петровичъ всталъ тоже и, подойдя къ письменному столу, взялъ листокъ бумаги и сталъ что-то записывать на немъ.

— Что касается папскаго разрѣшенія, то я насчетъ этого поговорю съ митрополитомъ Сестренцевичемъ. Впрочемъ, я потолкую объ этомъ съ аббатомъ Груберомъ: онъ хорошо знаетъ всѣ тонкости ватиканскаго двора и умѣетъ превосходно обдѣлать тамъ каждое дѣло. Пусть и графъ Литта, съ своей стороны, попроситъ его объ этомъ, да и вы, графиня, скажите ему нѣсколько любезныхъ словъ; вѣдь, этотъ старикъ, несмотря на видимую холодность, вѣроятно—поклонникъ молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ. Вы знаете аббата?.,

— Кто же не знаетъ его въ Петербургѣ, ваше величество? съ нимъ приходится постоянно встрѣчаться въ обществѣ.

— А у васъ въ домѣ бываетъ онъ?..

— Бываетъ....

— Г-мъ, проговорилъ императоръ.—Я надѣюсь, что вы позволите мнѣ быть на вашей свадьбѣ въ числѣ гостей, сказалъ Павелъ Петровичъ.

— Вы осчастливите меня этимъ, ваше величество, проговорила почтительно графиня, дѣлая прощальный реверансъ императору, который, вѣжливо поклонившись ей, проводилъ ее, молча, до дверей своего кабинета.

Въ галлереѣ Рафаэля Скавронская нашла ожидавшаго ее Кутайсова.

— Благополучно кончилось?.. спросилъ онъ чуть слышнымъ голосомъ.

— Какъ нельзя лучше... государь былъ чрезвычайно милостивъ, радостно проговорила Скавронская.

— Только поторопитесь кончить дѣло какъ можно скорѣе, а то все можетъ вдругъ перемѣниться, шепталъ онъ, идя рядомъ съ графиней.

*

Они не успѣли еще выйдти изъ галлереи, какъ позади ихъ раздался громкій, но нѣсколько сиповатый голосъ:

— Иванъ Павлычъ, поди-ко сюда!..

Они обернулись и увидѣли въ концѣ галлереи выходящаго изъ своихъ покоевъ государя. Кутайсовъ быстро сдѣлалъ знакъ глазами своей спутницѣ, чтобы она не останавливалась, а уходила поскорѣе, а самъ опрометью кинулся къ императору.

Скавронская подходила уже къ выходу изъ царскихъ апартаментовъ, когда ее нагналъ Кутайсовъ. Онъ былъ чрезвычайно взволнованъ, а его замѣчательно красивое лицо выражало признаки сильнаго безпокойства.

— Что съ вами, графъ!.. спросила она испуганнымъ голосомъ.

— Вы не тревожьтесь; дѣло, по которому потребовалъ меня къ себѣ государь, касается лично меня, и я поставленъ въ крайне непріятное положеніе.

— Не черезъ меня ли?.. заботливо спросила Скавронская.

— Отчасти черезъ васъ, Катерина Васильевна; но вы тутъ ровно не при чемъ, принужденно улыбаясь, отвѣчалъ Кутайсовъ.

Оглядываясь боязливо по сторонамъ и ускоряя все болѣе и болѣе шаги, какъ будто сзади его преслѣдовалъ кто-нибудь, выводилъ Кутайсовъ изъ дворца свою встревоженную спутницу и, прощаясь съ нею въ послѣдней залѣ, онъ сказалъ, что сегодня же побываетъ у нея, чтобы подробнѣе узнать объ ея бесѣдѣ съ государемъ. Скавронская отъ души поблагодарила Кутайсова, который, какъ чрезвычайно добрый человѣкъ, всегда былъ готовъ каждому оказать услуги или своею просьбою у государя, или предупрежденіемъ объ угрожавшей со стороны Павла Петровича кому-нибудь нежданной напасти.

Вскорѣ Кутайсовъ, отпущенный изъ дворца государемъ, возвратился къ себѣ домой и съ лихорадочнымъ безпокойствомъ принялся рыться въ своихъ бумагахъ и во всѣхъ ящикахъ своего письменнаго стола.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю, куда она могла дѣться, бормоталъ онъ.—Кажется, я уже всюду перешарилъ, а ея нигдѣ нѣтъ...

Чрезвычайно разстроенный, онъ пошелъ въ свой гардеробный шкапъ и сталъ нетолько пересматривать, но и выворачивать всѣ карманы своихъ кафтановъ и камзоловъ, и чѣмъ меньше оставалось надежды на успѣшность поисковъ, тѣмъ больше возстало его безпокойство. Наконецъ, онъ убѣдился въ безполезности дальнѣйшихъ исканій потеряннаго.

«Плохо же мнѣ будетъ!.. «*онъ*» этого терпѣть не можетъ», ду-

малъ Кутайсовъ и съ лихорадочнымъ страхомъ вспомнилъ о сплетенной изъ воловыхъ жилъ и стоявшей въ углу кабинета Павла Петровича палкѣ, которою государь расправлялся съ Кутайсовымъ въ минуты своего гнѣва, переходившаго часто въ изступленіе изъ-за какой-нибудь разсердившей его бездѣлицы.

Въ дурномъ расположеніи духа пріѣхалъ Кутайсовъ къ Скавронской; онъ засталъ у нея Литту, и она передала ему въ подробности разговоръ, бывшій у нея съ императоромъ.

— Почему, графъ, вы были такъ взволнованы, когда вышли отъ государя? съ участіемъ спросила Скавронская Кутайсова.

— Теперь я могу сказать вамъ о причинѣ моего волненія. Вы, быть можетъ, не знаете, что государь имѣетъ привычку, послѣ молитвы, сидѣть нѣсколько времени въ своемъ кабинетѣ, не допуская туда никого. Въ это время онъ думаетъ о тѣхъ дѣлахъ, которыя его занимаютъ, и свои по нимъ распоряженія записываетъ на особо-приготовленныхъ листкахъ и затѣмъ передаетъ эти листки тѣмъ, кому они предназначаются. Государь требуетъ, чтобы листки эти сохранялись въ цѣлости, и они очень часто служатъ средствомъ для оправданія себя передъ нимъ тѣмъ, кому онъ даетъ порученія. Въ числѣ такихъ листковъ, переданныхъ мнѣ, былъ тотъ, о которомъ упомянулъ въ разговорѣ съ вами его величество, а именно — въ которомъ онъ выразилъ свое несогласіе на вашъ бракъ съ графомъ Литтою. Разговорившись съ вами, государь вспомнилъ объ этомъ листкѣ и, позвавъ меня къ себѣ, приказалъ, чтобы я этотъ листокъ сегодня же вечеромъ возвратилъ ему, а между тѣмъ, я нигдѣ рѣшительно не могу его найдти. Я предчувствую страшныя непріятности: какъ государь бываетъ обворожителенъ въ минуты добраго расположенія, такъ бываетъ онъ ужасенъ и грозенъ въ порывахъ гнѣва. Моя небрежность сильно взволнуетъ его, даромъ мнѣ это не пройдетъ... Я, конечно, не смѣю роптать на него: я росъ и учился съ нимъ вмѣстѣ, и онъ слишкомъ много меня облагодѣтельствовалъ. Я, помимо опасенія его гнѣва, сильно досадую на себя, что подалъ ему поводъ къ неудовольствію, которое чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на его раздражительную натуру...

Въ то время, когда Кутайсовъ съ такимъ волненіемъ говорилъ о потерянной имъ записочкѣ государя, Скавронская и Литта мелькомъ переглянулись другъ съ другомъ: они догадывались, что это была та самая записочка, которую аббатъ показалъ графу; но имъ казалось неумѣстнымъ высказать Кутайсову свою догадку тѣмъ болѣе, что теперь это было бы совершенно безполезно, такъ какъ записка была въ рукахъ Грубера.

Мысль о роковой записочкѣ не выходила изъ головы Кутай-

сова, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что государь, быть можетъ, не вспомнитъ о ней сегодня вечеромъ, а потомъ и совсѣмъ забудетъ о ней. Возвращаясь домой отъ Скавронской, онъ припоминалъ всѣ малѣйшія обстоятельства, сопровождавшія полученіе этой записочки. Онъ вспомнилъ, что прямо изъ дворца пріѣхалъ съ нею къ своей возлюбленной, мадамъ Шевалье, и, желая занять милую хозяйку разсказами о городскихъ новостяхъ, разболтался съ нею, противъ обыкновенія, до излишней откровенности и, между прочимъ, показывалъ ей эту записочку. Припомнивъ все обстоятельно до малѣйшихъ подробностей, Кутайсовъ окончательно убѣдился, что онъ отыскиваемую имъ теперь записочку не могъ оставить нигдѣ, какъ только въ уборной посѣщаемой имъ красотки, и рѣшился отправиться къ ней для новыхъ поисковъ, никакъ не воображая, что оставленная у актрисы записочка могла очутиться въ письменномъ столѣ аббата.

XVIII.

Въ началѣ лѣта 1798 года, во Франціи, въ тулонскомъ военномъ портѣ, шли самыя дѣятельныя приготовленія къ морской экспедиціи, назначеніе которой оставалось для всѣхъ непроницаемой тайной. Извѣстно было только, что главное начальство надъ этою загадочною экспедиціею приметъ генералъ Наполеонъ Бонапарте. Въ первыхъ числахъ іюля, французскій флотъ, состоявшій изъ пятнадцати линейныхъ кораблей и десяти фрегатовъ и изъ дессанта въ тридцать тысячъ человѣкъ, вышелъ изъ Тулона. О военно-морскихъ приготовленіяхъ Франціи было извѣстно въ Англіи, которая хотѣла воспрепятствовать этому предпріятію французскаго флота, а потому адмиралъ Нельсонъ, находившійся въ Средиземномъ Морѣ, узнавъ о скоромъ выходѣ французскаго флота изъ Тулона и не имѣя свѣдѣнія о томъ, куда онъ направится, намѣревался или блокировать Тулонъ, или, встрѣтивъ непріятеля въ морѣ по выходѣ его изъ порта, дать ему рѣшительное сраженіе. Подъ начальствомъ англійскаго адмирала состояло четырнадцать линейныхъ кораблей, восемь фрегатовъ, четыре куттера и двѣ бригантины. Нельсону не удалось, однако, ни блокировать французскій флотъ въ Тулонѣ, ни встрѣтиться съ нимъ на своемъ пути къ этому порту. Англійская эскадра подошла къ Тулону уже на третій день послѣ ухода оттуда французскаго флота. Нельсонъ погнался за французами, но погоня была безуспѣшна. Между тѣмъ, 12-го іюля, Бонапарте явился передъ Мальтою, которая, несмотря на ея грозныя укрѣпленія, сдалась французамъ послѣ самаго непродолжительнаго боя, завязаннаго, какъ оказалось, только для вида. Завоева-

ніе Мальты стóило французамъ только трехъ убитыхъ и шести раненыхъ; уронъ же мальтійцевъ былъ нѣсколько болѣе. Предлогомъ для завоеванія Мальты послужили какія-то неопредѣленныя несогласія, бывшія между великимъ магистромъ мальтійскаго ордена, барономъ Гомпешемъ, и директоріею французской республики. При взятіи Мальты, французы овладѣли однимъ фрегатомъ, четырьмя галерами, тысяча-двумя стами пушекъ и большимъ количествомъ разныхъ военныхъ снарядовъ. На Мальтѣ французы нашли до 500 турецкихъ невольниковъ, которымъ тотчасъ же дана была полная свобода. Великій магистръ ордена, баронъ Гомпешъ, бывшій до своего избранія въ это званіе посломъ римско-нѣмецкаго императора на Мальтѣ, съ шестью рыцарями отправился въ Тріестъ подъ прикрытіемъ французскаго флота. Громко заговорили въ Европѣ объ измѣнѣ Гомпеша, на которую онъ будто бы рѣшился по предварительному уговору съ директоріею. Но, въ то же время, сталъ ходить слухъ, что безъ вѣдома его шесть мальтійскихъ кавалеровъ вѣроломно сдали Мальту французамъ за значительное денежное вознагражденіе. Французскій гарнизонъ занялъ Лавалетту, резиденцію великихъ магистровъ, а запоздавшій на выручку Мальты Нельсонъ, оставивъ для блокады острова нѣсколько кораблей, погнался опять за французами. Когда же онъ услышалъ, что французы, засѣвшіе въ Лавалеттѣ, готовы, будто бы, сдаться на капитуляцію англичанамъ, то послалъ въ Мальтѣ подкрѣпленія, предписавъ командиру стоявшей передъ островомъ эскадры условія будущей капитуляціи. Но надежды адмирала не сбылись: французы не думали вовсе уступить Мальту англичанамъ, которымъ по этому приходилось овладѣть островомъ вооруженною силою.

Когда пришло въ Петербургъ извѣстіе о взятіи Мальты французами, гнѣву императора Павла Петровича не было предѣловъ. Завоеваніе острова онъ считалъ нанесеннымъ ему лично оскорбленіемъ, такъ какъ Мальта принадлежала рыцарскому ордену, покровителемъ котораго онъ объявилъ себя передъ всею Европою. Его еще и прежде сильно раздражали завоевательные успѣхи французской республики, хотя при этомъ нисколько не затрогивалось его самолюбіе, какъ русскаго императора. Теперь же онъ находилъ, что французы дерзнули прямо оказать неуваженіе ему, какъ протектору мальтійскаго ордена, въ судьбахъ котораго онъ принималъ такое живое участіе. Въ это время, русская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Ушакова, крейсировала въ Средиземномъ Морѣ, а турки старались отнять захваченные у нихъ французами Іоническіе Острова. Въ припадкѣ сильнаго раздраженія, императоръ немедленно послалъ Ушакову рескриптъ, съ которомъ писалъ: «Дѣйствуйте вмѣстѣ съ турка-

ми и англичанами противъ французовъ, „яко буйнаго народа, истребляющаго въ предѣлахъ своихъ вѣру и Богомъ установленные законы».

Теперь была самая благопріятная пора для того, чтобы склонить государя къ дѣятельному заступничеству за разгромленный французами мальтійскій орденъ, которому, послѣ взятія Мальты, грозило окончательное паденіе. Нѣсколько времени тому назадъ, положеніе Литты было тяжело. Не надѣясь устроиться въ Петербургѣ, онъ писалъ на Мальту великому магистру: «частныя обстоятельства, среди которыхъ я нахожусь, и потеря большей части моего состоянія со времени вторженія французовъ въ Италію лишаютъ меня средствъ и не оставляютъ мнѣ болѣе ничего, какъ придумывать и пріискивать тихое убѣжище». Теперь же, Литта, руководимый аббатомъ Груберомъ, съ жаромъ принялся хлопотать за орденъ, имѣя въ виду и самому устроиться въ Россіи. Отъ папы дано было ему разрѣшеніе вступить въ бракъ съ Скавронской, оставаясь по прежнему въ званіи бальи. Императоръ, который оказывалъ Литтѣ особенное расположеніе и, вслѣдствіе занятій съ нимъ по дѣламъ ордена, сближался съ нимъ все болѣе и болѣе, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ подтвердилъ Скавронской данное имъ согласіе на вступленіе ея въ бракъ съ Литтою, и 18-го октября 1798 года свадьба ихъ была отпразднована съ большою пышностію, въ присутствіи государя и всей императорской фамиліи.

Державинъ вдохновился этимъ событіемъ и написалъ на бракъ Скавронской оду, которая начиналась слѣдующею строфою.

Діана съ голубого трона,
Въ полукрасѣ своихъ лучей,
Въ объятія Эндиміона
Какъ сходитъ скромною стезей...

Такъ, по словамъ поэта, сошла въ объятія Литты красавица Скавронская.

Сравненіе Литты съ Эндиміономъ вышло, впрочемъ, не слишкомъ удачно, такъ какъ Эндиміонъ былъ красавецъ-пастушокъ, взятый Юпитеромъ на небо и потомъ прогнанный имъ оттуда за неумѣренное волокитство, потому что зазнавшійся пастушокъ вздумалъ было пріударить ни болѣе, ни менѣе какъ за самою Юноною, супругою Юпитера. Діана же, влюбившись въ этого небеснаго изгнанника-волокиту, перенесла его во время его сна на гору Патмосъ и тамъ проводила съ нимъ время, наслаждаясь любовью.

Недовольствуясь этимъ сравненіемъ, заимствованнымъ изъ греческой миѳологіи, Державинъ образно сравнивалъ молодую вдовушку «съ младой виноградной вѣтвью, когда она, лишенная опоры, обовьется вокругъ новаго стебля, зацвѣтетъ опять

и, обогрѣтая солнцемъ, привлечетъ взоры всѣхъ своимъ румянцемъ». Сдѣлавъ это сравненіе, Державинъ продолжалъ:

Такъ ты въ женахъ, о милый ангелъ,
Магнитъ очей, заря безъ тучъ,
Какъ бракъ твой вновь дозволилъ Павелъ
И кинулъ на тебя свой лучъ —
Подобно розѣ развернувшись,
Любви душою разцвѣла,
Ты красота, что, улыбнувшись,
Свой поясъ Марсу отдала!..

Стихи пѣвца «Бога» и «Фелицы», хотя и выходили несовсѣмъ складны, но за то въ нихъ было все, что требовалось духомъ и вкусомъ тогдашняго времени: и сравненіе Павла Петровича съ солнцемъ, а Скавронской—и съ луною, и съ виноградною вѣтвью, и съ зарею, и съ розою, и уподобленіе Литты, мальтійскаго рыцаря, богу войны Марсу, и указаніе на печальное, безпомощное одиночество молоденькой вдовушки, лишенной супружеской опоры, и, наконецъ, намекъ на препятствіе, какое прежде встрѣчалъ бракъ Скавронской со стороны государя! Проживавшій въ ту пору въ Петербургѣ французскій піита Блэнъ-де-Сен-Моръ скропалъ также стихи въ честь брака Скавронской, но, по отзыву аббата Жоржеля, стихи эти были смѣшны и пошлы и, вдобавокъ, отличались отсутствіемъ граматики и синтаксиса.

Счастливо и весело зажили молодые супруги, и едва прошелъ медовый для Литты мѣсяцъ, какъ усердіе его на пользу мальтійскаго ордена ознаменовалось новымъ отраднымъ для него событіемъ. Онъ успѣлъ устроить дѣло такъ, что императоръ сталъ въ главѣ мальтійскаго ордена, какъ верховный защитникъ его правъ, готовый употребить для обороны ордена тѣ могучія силы, которыя были въ рукахъ его, какъ русскаго самодержца...

Императоръ продолжалъ по прежнему оказывать свое особенное благоволеніе мальтійскому ордену, желая сохранить его въ предѣлахъ Россійской Имперіи «яко учрежденіе полезное и къ утвержденію добрыхъ правилъ служащее», и, въ знакъ этого, пожаловалъ великому русскому пріорству, принадлежавшій нѣкогда канцлеру графу Воронцову домъ, называвшійся тогда поэтому «канцлерскимъ домомъ», въ которомъ нынѣ помѣщается пажескій корпусъ. Зданіе это, построенное знаменитымъ архитекторомъ графомъ Растрелли, повелѣно было называть «замкомъ мальтійскихъ рыцарей». Несмотря на весь просторъ и на все великолѣпіе этого помѣщенія, оно было несовсѣмъ удобно для жительства въ немъ цѣломудренныхъ и смиренныхъ рыцарей, такъ какъ плафоны его искусные художники росписали, по за-

казу прежняго владѣльца, самыми соблазнительными картинами, заимствовавъ содержанія ихъ, согласно вкусу времени, изъ греческой миѳологіи, и потому рыцари, ради соблюденія приличія, проходили по обширнымъ заламъ своего зàмка съ опущенными долу взглядами. Другихъ неудобствъ для нихъ не было, и пожалованный имъ зàмокъ представлялъ для ордена хорошее пріобрѣтеніе.

Спустя не много времени по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о взятіи французами Мальты, въ одной изъ залъ «зàмка», 26-го августа 1798 года, происходило собраніе мальтійскихъ кавалеровъ великаго пріорства россійскаго. На этомъ собраніи графъ Литта объявилъ, что сдача Мальты безъ боя составляетъ позоръ въ исторіи державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; что великій магистръ баронъ Гомпешъ, какъ измѣнникъ, не достоинъ носить предоставленнаго ему высокаго званія и долженъ считаться низложеннымъ. За тѣмъ, обращаясь къ вопросу: кого избрать на его мѣсто?—Литта полагалъ, что верховное предводительство надъ орденомъ лучше всего предоставить русскому императору, который уже выразилъ, съ своей стороны, такое горячее сочувствіе къ судьбамъ ордена, и что, поэтому, слѣдуетъ просить его величество о возложеніи на себя званія великаго магистра, если только государю угодно будетъ выразить на это свое согласіе. Къ этому Литта добавилъ, что такое желаніе выражено ему со стороны нѣкоторыхъ заграничныхъ великихъ пріорствъ и что регаліи великаго магистра будутъ привезены съ Мальты въ Петербургъ. Собравшіеся рыцари, подписавъ протестъ противъ Гомпеша и его неудачныхъ соратниковъ, единогласно и съ восторгомъ приняли предложеніе Литты и постановили: считать барона Гомпеша лишеннымъ сана великаго магистра и предложить этотъ санъ его величеству императору всероссійскому.

Съ извѣстіемъ о такомъ постановленіи отправился къ Павлу Петровичу, въ Гатчину, графъ Литта, и тамъ былъ подписанъ актъ о поступленіи острова Мальты подъ защиту Россіи, причемъ Павелъ Петровичъ повелѣлъ президенту академіи наукъ, барону Николаи, въ издаваемомъ отъ академіи наукъ календарѣ, означить островъ Мальту «Губерніею Россійской Имперіи». Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ выразилъ свое согласіе на принятіе имъ сана великаго магистра и, черезъ бывшаго въ Римѣ русскаго посла, Лазакевича, вошелъ объ этомъ въ переговоры съ папою Піемъ VI, который, благодаря тайнымъ проискамъ іезуитовъ, былъ уже подготовленъ къ этому вопросу и не замедлилъ дать императору отвѣтъ, исполненный чувствъ признательно-

сти и преданности. Папа называлъ Павла другомъ человѣчества, заступникомъ угнетенныхъ и приказывалъ молиться за него.

29-го ноября того же года, утромъ, разставлены были шпалерою въ два ряда гвардейскіе полки, на протяженіи отъ «зàмка мальтійскихъ рыцарей» до Зимняго Дворца, и около одиннадцати часовъ изъ воротъ зàмка выѣхалъ торжественный поѣздъ, состоявшій изъ множества парадныхъ придворныхъ каретъ, эскортируемыхъ взводомъ кавалергардовъ. Поѣздъ медленно направился къ Зимнему Дворцу, куда уже съѣхались по повѣсткамъ всѣ придворные, а также всѣ высшіе военные и гражданскіе чины. Мальтійскіе кавалеры, въ черныхъ мантіяхъ и въ шляпахъ съ страусовыми перьями, были введены въ большую тронную залу. Здѣсь императоръ и императрица сидѣли рядомъ на тронѣ, а на ступеняхъ трона стояли члены синода и сената. Императорская корона, держава и скипетръ лежали на столѣ, поставленномъ близь трона. Толпы зрителей тѣснились на хорахъ залы. Литта шелъ впереди рыцарей; за нимъ одинъ изъ нихъ несъ, на пурпуровой бархатной подушкѣ, золотую корону, а другой, на такой же подушкѣ, несъ съ золотою рукояткою мечъ; по бокамъ каждаго изъ этихъ рыцарей шли по два ассистента. Послѣ того, какъ Литта и рыцари отдали глубокій, почтительный поклонъ императору и его супругѣ, Литта произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь. Въ ней изложилъ онъ бѣдственное положеніе мальтійскаго ордена, который былъ лишенъ своихъ «наслѣдственныхъ» владѣній, и рыцари должны были разойтись во всѣ стороны свѣта. Въ заключеніе, Литта, отъ имени мальтійскаго рыцарства, просилъ государя принять на себя званіе великаго магистра. Канцлеръ князь Безбородко отвѣчалъ на эту просьбу, заявивъ, что его величество согласенъ исполнить желаніе мальтійскаго рыцарства. Послѣ этого, князь Куракинъ и графъ Кутайсовъ накинули на плеча императора черную бархатную, подбитую горностаемъ, мантію, а Литта, преклонивъ колѣно, поднесъ ему корону великаго магистра, которую императоръ надѣлъ на голову, а потомъ Литта же подалъ ему мечъ или «кинжалъ вѣры».

Принимая регаліи новой власти, императоръ былъ сильно взволнованъ, и присутствующіе замѣтили, что слёзы удовольствія выступили на его глазахъ. Обнаживъ мечъ великаго магистра, онъ осѣнилъ имъ себя крестообразно, давая этимъ знакомъ присягу въ соблюденіи орденскихъ уставовъ. Въ то же мгновеніе, всѣ рыцари обнажили свои мечи и, поднявъ ихъ вверхъ, потрясали ими въ воздухѣ, какъ бы угрожая врагамъ ордена. Императоръ отвѣчалъ, черезъ вице-канцлера, что употребитъ всѣ силы къ поддержанію древняго и знаменитаго мальтійскаго ордена.

Вслѣдъ затѣмъ, графомъ Литтою былъ прочитанъ актъ избранія императора великимъ магистромъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Рыцари приблизились къ трону и, преклонивъ колѣна, принесли, по обычной формулѣ, присягу въ вѣрности и послушаніи императору Павлу Петровичу, какъ своему вождю.

Желая сдѣлать этотъ день еще болѣе памятнымъ въ исторіи ордена, императоръ учредилъ, для поощренія службы русскихъ дворянъ, орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго. Уставъ этого ордена былъ прочитанъ самимъ государемъ съ трона, а особо изданною, на разныхъ языкахъ, декларацією, разосланною въ разныя государства, всѣ европейскіе дворяне приглашались вступить въ этотъ орденъ. Павелъ Петровичъ считалъ уже себя обладателемъ Мальты, занятой еще французами, и назначилъ туда русскаго коменданта съ трехтысячнымъ гарнизономъ. Вскорѣ была учреждена собственная гвардія великаго магистра, состоявшая изъ ста восьмидесяти девяти человѣкъ. Гвардейцы эти, одѣтые въ красные мальтійскіе мундиры, занимали, во время бытности государя во дворцѣ, внутренніе караулы, и одинъ мальтійскій гвардеецъ становился за его креслами во время торжественныхъ обѣдовъ, а также на балахъ и въ театрѣ. Императоръ съ чрезвычайною горячностью сочувствовалъ мальтійскому ордену и старался выразить свое сочувствіе при каждомъ удобномъ случаѣ: мальтійскій осьмиугольный крестъ былъ внесенъ въ россійскій государственный гербъ; императоръ сталъ жаловать его за военные подвиги вмѣсто георгіевскаго ордена; крестъ этотъ сдѣлался украшеніемъ дворцовыхъ залъ, и, въ знакъ своего благоволенія, императоръ раздавалъ его войскамъ на знамена, штандарты, кирасы и каски. Не была забыта въ этомъ случаѣ даже и придворная прислуга, которая съ того времени получила ливрею краснаго цвѣта, бывшаго цвѣтомъ военной одежды мальтійскихъ рыцарей.

Все вниманіе государя было обращено теперь на дѣла ордена, ходъ которыхъ, какъ надобно было ожидать, долженъ былъ руководить всею внѣшнею политикою Россіи. Графъ Литта, главный виновникъ столь пріятнаго для государя событія, оттѣснилъ всѣхъ прежнихъ любимцевъ императора и получилъ у него чрезвычайное значеніе; а между тѣмъ, за Литтою незамѣтно дѣйствовали іезуиты, идя безостановочно и твердо къ своей злокозненной цѣли...

XIX.

Въ тотъ день, когда императоръ принималъ въ зимнемъ дворцѣ мальтійскихъ рыцарей, появился высочайшій манифестъ,

въ которомъ Павелъ I былъ титулованъ «великимъ магистромъ ордена святого Іоанна Іерусалимскаго».

«Орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго, объявлялъ въ своемъ манифестѣ новый великій магистръ: — отъ самого своего начала благоразумными и достохвальными своими учрежденіями споспѣшествовалъ какъ общей всего христіанства пользѣ, такъ и частной таковой же каждаго государства. Мы всегда отдавали справедливость заслугамъ сего знаменитаго ордена, доказавъ особливое наше къ нему благоволеніе по возшествіи нашемъ на нашъ императорскій престолъ, установивъ великое пріорство россійское».

Затѣмъ въ манифестѣ объявлялось слѣдующее:

«Въ новомъ качествѣ великаго магистра того ордена, которое мы воспріяли на себя, по желанію добронамѣренныхъ членовъ его, обращая вниманіе на всѣ тѣ средства, кои возстановленіе блистательнаго состоянія сего ордена и возвращеніе собственности его, неправильно отторгнутой, и вящше обезпечить могуть и, желая, съ одной стороны, явить передъ цѣлымъ свѣтомъ новый доводъ нашего уваженія и привязанности къ столь древнему и почтительному учрежденію, съ другой же—чтобъ и наши вѣрноподданные, благородное дворянство россійское, коихъ предковъ и самихъ ихъ вѣрность къ престолу монаршему, храбрость и заслуги доказываютъ цѣлость державы, расширеніе предѣловъ имперіи и низложеніе многихъ и сильныхъ супостатовъ отечества не въ одномъ вѣкѣ въ дѣйство произведенное — участвовали въ почестяхъ, преимуществахъ и отличіяхъ, сему ордену принадлежащихъ, и тѣмъ былъ бы открытъ для нихъ новый способъ къ поощренію честолюбія на распространеніе подвиговъ ихъ отечеству полезныхъ и намъ угодныхъ, признали мы за благо установить и чрезъ сіе императорскою нашею властію установляемъ новое заведеніе ордена святого Іоанна Іерусалимскаго въ пользу благороднаго дворянства имперіи всероссійской».

Манифестъ этотъ, разосланный повсюду и прочитанный въ церквахъ и на площадяхъ съ барабаннымъ боемъ, сильно озадачилъ желавшихъ вполнѣ уразумѣть его. Если въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, вслѣдствіе пребыванія среди его графа Литта, и знали кое-что о знаменитомъ и древнемъ орденѣ святого Іоанна Іерусалимскаго, то внѣ этого небольшого круга не имѣли о немъ въ Россіи рѣшительно никакого понятія. Никто изъ провинціальныхъ дворянъ не зналъ, о чемъ собственно въ манифестѣ идетъ дѣло, такъ какъ въ самомъ манифестѣ, слишкомъ туманно написанномъ, не было никакихъ объясненій насчетъ обязанностей и преимуществъ членовъ этого «новаго по-

чтительнаго заведенія». Поднялись разные толки среди дворянства. Догадывались, впрочемъ, что тутъ есть что-то особенное важное и что орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго должно быть что-то необыкновенное, такъ какъ въ концѣ манифеста упоминалось, что сенату повелѣно внести въ императорскій титулъ и титулъ великаго магистра, а въ началѣ манифеста титулъ этотъ уже и явился послѣ словъ «самодержецъ всероссійскій». Въ то же время, въ особомъ указѣ, данномъ сенату, сказано было, что новый титулъ предоставляется помѣстить въ общемъ императорскомъ титулѣ, по усмотрѣнію синода. Несмотря на ту важность, какую придавалъ самъ императоръ мальтійскому ордену, синодъ, вѣроятно, видя въ принятіи имъ званія великаго магистра вліяніе окружавшей его католической партіи, отважился помѣстить званіе великаго магистра въ самомъ концѣ полнаго императорскаго титула.

Вслѣдъ за первымъ манифестомъ, явился другой манифестъ, относившійся также къ мальтійскому ордену. Въ этомъ манифестѣ объявлялось:

«По общему желанію всѣхъ членовъ знаменитаго ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, принявъ въ третьемъ году на себя званіе покровителя того ордена, не могли мы увѣдомиться безъ крайняго соболѣзнованія о малодушной и безоборонной сдачѣ укрѣпленій и всего острова Мальты французамъ, непріятельское нападеніе на оный островъ учинившимъ, при самомъ, такъ сказать, ихъ появленіи. Мы почесть инако подобный поступокъ не можемъ, какъ наносящій вѣчное безславіе виновникамъ онаго оказавшимся чрезъ то недостойными почести, которая была наградою вѣрности и мужества. Обнародовавъ свое отвращеніе отъ толь предосудительнаго поведенія недостойныхъ быть болѣе ихъ собратіею, изъявили они свое желаніе, дабы мы воспріяли на себя званіе великаго магистра, которому мы торжественно удовлетворили, опредѣляя главнымъ мѣстопребываніемъ ордена въ императорской нашей столицѣ, и имѣя непремѣнное намѣреніе, чтобы орденъ сей нетолько сохраненъ былъ при прежнихъ установленіяхъ и преимуществахъ, но чтобъ онъ въ почтительномъ своемъ состояніи на будущее время споспѣшествовалъ той цѣли, на которую основанъ онъ для общей пользы».

Поднесеніе императору Павлу Петровичу званія великаго магистра вызвало, разумѣется, искуственные восторги, хотя едва ли кто понималъ, къ чему все это дѣлается. Поэзія и краснорѣчіе принялись за напыщенное объясненіе этого событія, но и они оказались плохими толковниками значенія и духа небывалаго никогда у насъ рыцарства. Державинъ прежде всѣхъ воспѣлъ хвалебный гимнъ мальтійскому ордену. Описывая пріемъ,

сдѣланный императоромъ рыцарямъ въ зимнемъ дворцѣ, онъ воспѣвалъ:

И царь средь трона
Въ порфирѣ, въ славѣ предстоитъ,
Клейноды вкругъ, въ нихъ власть и сила.
Вдали Европы блещетъ строй,
Стрѣлъ тучи Азія пустила,
Идутъ американцы въ бой.
Темнятъ крылами понтъ грифоны,
Льютъ огнь изъ мѣдныхъ жерлъ драконы,
Полканы вихремъ пыль крутятъ;
Безмѣрныя поля, долины
Обсѣли вкругъ стада орлины
И всѣ на царскій смотрятъ взглядъ...

Вѣроятно, и изъ наиболѣе просвѣщенныхъ читателей этой оды нескоро могли догадаться, что подъ «американцами, идущими въ бой», разумѣлись жители русской Америки; подъ грифонами— корабли, подъ драконами—пушки, подъ полканами—конница, а подъ орлинными стадами—русскій народъ.

Восторгаясь зрѣлищемъ собранія мальтійскихъ рыцарей во дворцѣ, Державинъ спрашивалъ:

«И не Гаральди-ль то, Готфриды?
Не тѣни-ль витязей святыхъ?
Ихъ знамя! Ихъ остатокъ славный
Пришелъ къ тебѣ, о царь державный,
И такъ вѣщалъ напасти ихъ.

Оказывалось, что напасти, вѣщаемыя рыцарями, были порождены тѣмъ, что

Безвѣрье-гидра появилась,
Родилъ ее, излелѣялъ галлъ,
Въ груди, въ душѣ его вселилась,
И весь чудовищемъ онъ сталъ.
Ростетъ и съ тысячью главами
Съ несчетныхъ жалъ струитъ рѣками
Обманчивый по свѣту ядъ.
Народы, царства заразились
Развратомъ, буйствомъ помрачились
И Бога быть уже не мнятъ.

Далѣе рыцари вѣщали, что «не стало рыцарствъ во вселенной», что «Европа вся полна разбоевъ», и въ виду этого восклицали: «Ты, Павелъ, будь защитой ей!»

Стихотвореніе Державина понравилось государю, и чиновный поэтъ получилъ отъ него за свое произведеніе мальтійскій, осыпанный брильянтами, крестъ.

Духовные витіи, въ свою очередь, приноравливались къ настроенію государя, и Амвросій, архіепископъ казанскій, произнося слово въ придворной церкви, говорилъ, обращаясь къ императору:—«принявъ званіе великаго магистра державнаго ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, ты открылъ въ могуще-

ственной особѣ своей общее для всѣхъ вѣрныхъ чадъ церкви прибѣжище, покровъ и заступленіе».

Въ сущности, взгляды и поэта, и духовнаго витіи совпадали со взглядомъ Павла, такъ какъ государь думалъ, что, сохранивъ мальтійскій орденъ, онъ сохранитъ и древній оплотъ христіанской религіи, а, распространивъ этотъ орденъ и въ Европѣ, и въ Россіи, приготовитъ въ немъ силу, противодѣйствующую невѣрію и революціоннымъ стремленіямъ. Въ пылкомъ воображеніи императора составлялся планъ крестоваго противъ революціонеровъ похода, въ главѣ котораго онъ долженъ былъ стать, какъ новый Готфридъ Бульонскій. Съ воскресшимъ рыцарствомъ Павелъ Петровичъ мечталъ возстановить монархіи, водворить нравственность и законность. Ему слышались уже, какъ воздаяніе за его подвигъ, благословенія царей и народовъ, и казалось, что онъ, увѣнчанный лаврами побѣдителя, будетъ управлять судьбами всей Европы. Увлеченіе государя, проникнутаго духомъ рыцарства, не знало предѣловъ; съ помощью рыцарства онъ думалъ произвести во всей Европѣ переворотъ и религіозный, и политическій, и нравственный, и общественный. Пожалованіе мальтійскаго креста стало считаться теперь высшимъ знакомъ монаршей милости, а непредоставленіе званія мальтійскаго кавалера сдѣлалось признакомъ самой грозной опалы.

Въ умѣ государя составился обширный планъ относительно распространенія мальтійскаго рыцарства въ Россіи. Онъ намѣревался открыть въ орденъ доступъ нетолько лицамъ знатнаго происхожденія и отличившимся особыми заслугами по государственной службѣ, но и талантамъ принятіемъ въ орденъ ученыхъ и писателей, такихъ, впрочемъ, которые были бы извѣстны своимъ отвращеніемъ отъ революціонныхъ идей. Императоръ хотѣлъ основать въ Петербургѣ огромное воспитательное заведеніе, въ которомъ члены мальтійскаго ордена подготовлялись бы быть нетолько воинами, но и учителями нравственности, и просвѣтителями по части наукъ, и дипломатами. Всѣ кавалеры, за исключеніемъ собственно ученыхъ и духовныхъ, должны были обучаться военнымъ наукамъ и ратному искуству. Начальниками этого «рыцарскаго сословія» должны были быть преимущественно «целибаты», т. е. холостые. Императоръ хотѣлъ также, чтобъ члены организуемаго имъ въ Россіи рыцарства не могли уклоняться отъ обязанности служить въ больницахъ, такъ какъ онъ находилъ, что уходъ за больными «смягчаетъ нравы, образуетъ сердце и питаетъ любовь къ ближнимъ».

Намѣреваясь образовать рыцарство въ видѣ совершенно отдѣльнаго сословія, Павелъ Петровичъ озаботился даже о томъ, чтобы представители этого «сословія» имѣли особое, но, вмѣстѣ

съ тѣмъ, и общее кладбище для всѣхъ нихъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Съ этой цѣлью онъ приказалъ отвести мѣсто при церкви Іоанна Крестителя на Каменномъ Острову, постановивъ правиломъ, что каждый членъ мальтійскаго ордена долженъ быть погребенъ на этомъ новомъ кладбищѣ.

Слухи о безпримѣрномъ благоволеніи русскаго императора къ мальтійскому ордену быстро распространились по всей Европѣ, и въ Петербургъ потянулись депутаціи рыцарей этого ордена изъ Богеміи, Германіи, Швейцаріи и Баваріи. Всѣ эти депутаціи содержались въ Петербургѣ чрезвычайно щедро насчетъ русской государственной казны, и не мало рыцарей, поосмотрѣвшись хорошенько, нашли, что для нихъ было бы очень удобно остаться навсегда въ Россіи подъ покровительствомъ великодушнаго государя. Особенною торжественностію отличался пріемъ баварской депутаціи, состоявшей собственно изъ прежнихъ іезуитовъ, обратившихся, при уничтоженіи ихъ общества, въ мальтійскихъ рыцарей, которые, явившись въ Петербургъ по дѣламъ ордена, прикрыли свои іезуитскіе происки и козни рыцарскими мантіями.

Государь далъ баварскимъ депутатамъ публичную аудіенцію собственно только какъ великій магистръ мальтійскаго ордена, а не какъ русскій императоръ. Церемоніймейстеръ этого ордена повезъ ихъ утромъ во дворецъ въ придворной парадной каретѣ, запряженной шестернею бѣлыхъ коней, съ двумя гайдуками на запяткахъ; съ правой стороны кареты ѣхалъ конюшій, по бокамъ ея шли четыре скорохода, а передъ нею ѣхали верхомъ два мальтійскіе гвардейца. Въ богато-убранной залѣ принялъ императоръ депутацію рыцарей. Онъ сидѣлъ на тронѣ въ красномъ супервестѣ, черной бархатной мантіи и съ короною великаго магистра на головѣ. Справа около него стояли наслѣдникъ престола и священный совѣтъ ордена, слѣва — командоры, а вдоль стѣнъ залы находились кавалеры; русскихъ сановниковъ, не принадлежавшихъ къ мальтійскому ордену, въ аудіенц-залѣ на этотъ разъ не было. Предводитель депутаціи, великій бальи Пфюрдтъ, поклонился трижды великому магистру и, поцѣловавъ поданную ему императоромъ руку, представилъ благодарственную грамату великаго пріорства баварскаго, которую Павелъ передалъ графу Ростопчину, великому канцлеру ордена. Послѣ того, Пфюрдтъ произнесъ рѣчь, выражавшую безпредѣльную признательность императору за его попеченія о судьбахъ ордена; на рѣчь эту отвѣчалъ отъ имени императора графъ Ростопчинъ.

Въ то время, когда Павелъ Петровичъ съ такою горячностію занимался судьбою мальтійскаго ордена, дѣла этого ордена, по-

видимому, обѣщали чрезвычайно запутать внѣшнюю политику Россіи.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1798 года, соединенные флоты турецкій и русскій, пропущенные чрезъ Дарданеллы, овладѣли островами Зантомъ, Чериго и Кефалоніею, которые заняты были французами, а также овладѣли и самыми крѣпкими мѣстностями въ Албаніи. Портъ острова Корфу былъ уже во власти адмирала Ушакова, и только крѣпость оставалась еще въ рукахъ французовъ. Въ свою очередь, англійскій и неаполитанскій флоты дѣйствовали также успѣшно, отнявъ у французовъ Чивита-Веккію. Такое положеніе дѣлъ вскорѣ, однако, измѣнилось. Императору Павлу, ставшему во главѣ мальтійскаго ордена, этого вѣковаго борца противъ невѣрныхъ, не приходилось уже оставаться въ союзѣ съ турками, и, кромѣ того, онъ въ новомъ своемъ званіи считалъ первою для себя обязанностью выгнать французовъ съ острова Мальты, почему русская эскадра получила повелѣніе направиться къ этому острову, соединившись тамъ съ эскадрами англійскою и неаполитанскою. Условлено было, что, если союзники овладѣютъ Мальтою, то до заключенія мира съ Франціею будутъ управлять островомъ представители трехъ державъ съ намѣстникомъ, поставленнымъ отъ русскаго императора. Англія, однако, опасалась, что, при послѣднемъ условіи, Россія овладѣетъ Мальтою, почему и предложила отдать ее королю неаполитанскому съ тѣмъ, чтобы русскіе корабли находили тамъ такую же постоянную стоянку, какъ и англійскіе. Павелъ Петровичъ рѣшительно отказался отъ этого предложенія, шедшаго въ разрѣзъ съ его видами на достояніе мальтійскаго ордена, а между тѣмъ, король неаполитанскій сталъ смотрѣть на Мальту, какъ на принадлежащую ему собственность. Англичане, не сойдясь съ Россіею, медлили своимъ приходомъ къ Мальтѣ, и обстоятельство это чрезвычайно раздражало государя. Когда, наконецъ, они пришли и въ Петербургѣ стали ожидать взятія Мальты со дня на день, то оказалось, что англичане, руководившіе блокадою острова, ведутъ это дѣло съ умысломъ такъ небрежно, что французы, которымъ приходилось уже плохо, благодаря только слабости блокады, могутъ продержаться еще долгое время. Императоръ съ неудержимою рѣзкостію выражалъ свой гнѣвъ противъ вѣроломной политики лондонскаго кабинета. Терпѣніе, запасъ котораго у него былъ вообще неслишкомъ великъ—скоро истощилось, и онъ приказалъ русской эскадрѣ, оставивъ Мальту, удалиться на островъ Корфу.

Это было сигналомъ разрыва съ Англіею—разрыва, имѣвшаго потомъ чрезвычайно важныя послѣдствія.

Е. Карновичъ.

УАРДА.

РОМАНЪ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА.

Георга Эберса.

XI.

Какъ только Бентъ-Анатъ вышла изъ сада Мены, карликъ Нему вошолъ туда, съ письмомъ, и хотя кратко, но такъ комично разсказалъ о своихъ похожденіяхъ, что разсмѣшилъ обѣихъ женщинъ. Катути, съ совершенно несвойственною ей живостью, совѣтуя ему быть осторожнымъ, похвалила, однако, его ловкость и, разсматривая печать на письмѣ, сказала:

— Это былъ удачный день: онъ принесъ намъ много важнаго и обѣщаетъ въ будущемъ еще болѣе серьёзныя событія.

Неферть подошла къ ней очень близко и стала просить:

— Распечатай письмо и посмотри, нѣтъ ли чего-нибудь отъ *него*.

Катути разломала восковую печать, пробѣжала письмо глазами, потрепала по щекѣ свою дочь и сказала, въ видѣ утѣшенія:

— Можетъ быть, твой братъ написалъ вмѣсто него; я не вижу ни одной строчки, написанной его рукою.

Неферть заглянула въ письмо, но не для того, чтобы читать, а единственно для того, чтобы поискать тамъ почерка своего мужа.

Подобно всѣмъ египтянкамъ изъ хорошаго дома, она тоже умѣла читать и въ первые два года своего замужества часто имѣла случай удивляться и вмѣстѣ радоваться каракулькамъ, которыя выводила на папирусѣ желѣзная рука ея мужа въ письмахъ къ ней, тогда какъ она сама своими нѣжными паль-

*

цами умѣла держать тростниковое перо съ такою твердостью и увѣренностью.

Она внимательно заглянула въ письмо и со слезами на глазахъ сказала:

— Ничего нѣтъ; я пойду въ свою комнату, матушка.

Катути, поцѣловавъ ее, сказала:

— Но послушай сперва, что пишетъ твой братъ.

Нефертъ отрицательно покачала головою, молча отвернулась и пошла въ домъ.

Катути не любила своего зятя, но была сильно привязана къ своему прекрасному и легкомысленному сыну, портрету ея покойнаго мужа, любимцу женщинъ, самому веселому юношѣ изо всей знатной молодёжи, составлявшей колесничную гвардію царя. Какъ подробно въ этотъ разъ писалъ онъ, съ такимъ трудомъ державшій въ рукахъ тростинку! Это было настоящее письмо, тогда какъ обыкновенно онъ въ краткихъ словахъ просилъ о новыхъ средствахъ для удовлетворенія своихъ расточительныхъ наклонностей.

На этотъ разъ Катути была въ правѣ ожидать отъ сына благодарности, такъ какъ она недавно послала ему значительную сумму, которую взяла изъ доходовъ своего зятя. Она начала читать. Чѣмъ далѣе погружалась Катути въ массу ошибокъ и неразборчивыхъ фразъ, нацарапанныхъ ея любимцемъ, тѣмъ блѣднѣе становилось ея лицо, которое она неоднократно закрывала дрожащими руками, когда изъ нихъ выпадало письмо. Нему сидѣлъ противъ нея на землѣ и слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. Когда она, съ раздирающимъ душу крикомъ, вскочила и прислонилась лбомъ къ грубому стволу пальмы, онъ подкрался къ ней, началъ цѣловать ея ноги и вскричалъ съ такой теплотой, которая поразила даже Катути, привыкшую слышать отъ своего шута только веселыя или ядовитыя фразы:

— Госпожа, госпожа! что съ тобою случилось?

Катути собралась съ силами, обернулась къ нему и пыталась заговорить; но ея помертвѣвшія губы не шевелились, а глаза смотрѣли такъ тупо и безсмысленно, какъ будто на нее нашелъ столбнякъ.

— Госпожа, госпожа! снова воскликнулъ карликъ съ увеличивавшеюся нѣжностью: — что съ тобою? Не позвать ли твою дочь?

Катути сдѣлала отрицательный жестъ и тихо проговорила:

— Негодяи, презрѣнные!

Ея дыханіе сдѣлалось прерывистымъ, кровь прилила къ щекамъ и загорѣвшимся глазамъ; она наступила ногою на письм

и зарыдала такъ громко и сильно, что карликъ, еще никогда невидавшій слёзъ въ ея глазахъ, сильно перепугался и проговорилъ съ тихимъ укоромъ:

— Катути!

Она горько засмѣялась и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Зачѣмъ ты такъ громко произносишь это имя? Оно обезчещено и опозорено. Какъ будутъ всѣ торжествовать и злорадствовать! А я только-что хвалила этотъ день! Говорятъ, будто бы слѣдуетъ повсюду выказывать свое счастіе и скрывать несчастіе. Наоборотъ, наоборотъ! Даже богамъ не слѣдуетъ признаваться въ своей радости и въ своихъ надеждахъ, такъ какъ и они злобны и завистливы.

— Ты говоришь о позорѣ, а не о смерти, замѣтилъ Нему:— но я отъ тебя же научился, что все поправимо, кромѣ ея.

Эти слова подѣйствовали ободряющимъ образомъ на отчаявавшуюся женщину. Она быстро обернулась къ карлику и сказала:

— Ты уменъ и, надѣюсь, вѣренъ мнѣ. Итакъ, слушай. Но, еслибы ты былъ самимъ Амономъ, то не нашелъ бы спасенія: его нѣтъ!

— Поищемъ, возразилъ Нему, и его умные глаза встрѣтились со взорами его госпожи. — Говори, въ чемъ дѣло и положись на меня. Если я и не буду въ состояніи помочь, то умѣю молчать; это ты знаешь.

— Скоро дѣти станутъ толковать на улицѣ о томъ, чтò разсказывается въ этомъ письмѣ, сказала Катути съ рѣзкою горечью.—Только Неферть не должна ничего знать о случившемся, рѣшительно ничего, помни это. Но чтò это значитъ? Намѣстникъ идетъ! Скорѣе, скорѣе! Скажи ему, что я внезапно захворала, сильно захворала. Я не могу его видѣть теперь, не могу. Никого не впускать, никого! Слышишь?

Карликъ удалился.

Возвратившись по исполненіи приказанія госпожи, онъ нашелъ ее попрежнему въ лихорадочномъ возбужденіи.

— Ну, слушай, сказала она. — Сперва неважное, а потомъ страшное, невыразимое. Рамзесъ осыпаетъ Мену знаками своего благоволенія. Предстоялъ раздѣлъ военной добычи этого года. Для каждаго вождя были приготовлены большія сокровища и возницѣ предоставлено было право выбора преимущественно предъ всѣми другими.

— Далѣе? спросилъ карликъ.

— Далѣе? повторила Катути.—Какъ достойный глава семейства позаботился о своихъ домашнихъ? Какъ почтилъ онъ свою

покинутую жену? Какимъ образомъ онъ постарался освободить свою обремененную долгами собственность? Это—позоръ, это — гнусность! Онъ, смѣясь, прошелъ мимо серебра, золота и драгоцѣнныхъ камней и взялъ прекрасную плѣнницу, дочь государя Данаевъ, которую отвелъ въ свою палатку.

— Какой стыдъ! прошепталъ карликъ.

— Бѣдная, бѣдная Нефертъ! вскричала Катути, закрывая лицо руками.

— А еще что̀? мрачно спросилъ Нему.

— Это... это, сказала Катути. — Но дай мнѣ успокоиться; я хочу быть совершенно спокойною и хладнокровною. Ты знаешь моего сына: онъ легкомысленъ, но любитъ меня и свою сестру болѣе всего на свѣтѣ. Я, безумная, желая побудить его къ бережливости, ярко описала ему дурное положеніе нашихъ дѣлъ. Послѣ упомянутаго позорнаго поступка Мены, сынъ мой сталъ думать о насъ и о нашихъ заботахъ. Его часть добычи была мала и не могла помочь намъ. Товарищи его стали играть въ кости на свои доли; онъ пустилъ въ игру свою часть больше для того, чтобы выиграть для насъ. Но онъ проигралъ, все проигралъ... и, наконецъ, это—ужасно, непостижимо!—онъ, все думая о насъ и только о насъ, поставилъ противъ огромной суммы мумію своего покойнаго отца [1]. И проигралъ. Если онъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не выкупитъ этого священнаго залога, то подвергнется потерѣ чести [2]; мумія достанется выигрывавшему, а на долю моего сына и на мою достанется позоръ и изгнаніе.

Катути закрыла руками лицо, а карликъ пробормоталъ про себя: «Игрокъ и лицемѣръ!»

Когда его госпожа нѣсколько успокоилась, онъ сказалъ:

— Это ужасно, но еще не все потеряно. Ка̀къ велика сумма долга?

Въ тонѣ Катути звучало проклятіе, когда она отвѣтила:

— Тридцать вавилонскихъ талантовъ [3].

Карликъ вскрикнулъ, точно его ужалилъ скорпіонъ, и спросилъ:

---

[1] Первое дозволеніе закладывать муміи своихъ предковъ приписываютъ принадлежавшему, вѣроятно, къ IV династіи царю, котораго Геродотъ называетъ Азихисомъ. «Кто совершилъ подобный закладъ и не заплатилъ долга, тому, по его смерти, не будетъ дано мѣста въ семейной и ни въ какой могилѣ. И потомкамъ его будетъ отказано въ погребеніи ихъ». Геродотъ II, 136.

[2] Самое тяжкое, примѣнявшееся, повидимому, только къ воинамъ наказаніе, какое только могло постигнуть египетскихъ солдатъ. Діодоръ, I, 78.

[3] Сорокъ-пять тысячъ талеровъ.

— Кто рѣшился ставить подобную сумму противъ безумнаго заклада?

— Сынъ госпожи Гаторъ, Антефъ, который еще въ Ѳивахъ проигралъ наслѣдственное имѣніе своего отца.

— Который на одно пшеничное зерно не отступитъ отъ своихъ требованій! А Мена?

— Какимъ образомъ сынъ мой могъ обратиться къ нему послѣ подобнаго случая? Бѣдный мальчикъ проситъ меня обратиться къ намѣстнику за помощью.

— Къ намѣстнику? повторилъ карликъ и покачалъ своею большою головой. — Невозможно!

— Я знаю, каковы его дѣла; но его положеніе, его имя!

— Госпожа, сказалъ карликъ, и тонъ глубокой серьёзности звучалъ въ его словахъ: — не губи будущаго, ради настоящаго. Если твой сынъ утратитъ честь при царѣ Рамзесѣ, то она можетъ быть ему возвращена будущимъ царемъ Ани. Если намѣстникъ окажетъ тебѣ теперь эту громадную услугу, то онъ признàетъ свои счеты съ тобою поконченными; когда наше дѣло будетъ имѣть успѣхъ, и онъ вступитъ на тронъ. Теперь онъ подчиняется твоему руководству, потому что ты не нуждаешься въ немъ и хлопочешь объ его возвышеніи, повидимому, единственно ради него самого. Но какъ только ты обратишься къ нему и онъ выручитъ тебя, ты потеряешь свободу и независимость, необходимую тебѣ относительно его, и сознаніе, что ты желаешь извлекать изъ него пользу, будетъ для него тѣмъ непріятнѣе, чѣмъ труднѣе будетъ ему теперь скоро достать для тебя такую большую сумму. Тебѣ извѣстно его положеніе.

— Онъ весь въ долгахъ, я знаю это.

— Ты должна это знать, вскричалъ карликъ:—потому что ты сама побуждаешь его къ огромнымъ расходамъ. Ослѣпительными празднествами онъ пріобрѣлъ расположеніе народа; въ должности попечителя Аписа, онъ въ Мемфисѣ прожилъ большое состояніе [1], тысячами талантовъ награждалъ онъ предводителей войскъ, отправившихся въ Эѳіопію и снаряженныхъ на его счетъ; а чего ему стòютъ шпіоны въ лагерѣ царя—это тебѣ извѣстно. Онъ въ долгу у большинства богачей нашей страны, и это хорошо, такъ какъ, чѣмъ больше у него кредиторовъ, тѣмъ больше и союзниковъ. Они разсчитываютъ такимъ образомъ:

[1] Когда, при Птоломеѣ I Сотерѣ, умеръ Аписъ, его попечитель нетолько употребилъ на его погребеніе деньги, находившіяся въ его распоряженіи, но еще занялъ для этого 50 серебряныхъ талантовъ, то-есть 75 тысячъ талеровъ у царя. Во времена Діодора попечители Аписа издерживали для той же цѣли около 100 талантовъ, то-есть 150,000 талеровъ.

«намѣстникъ—несостоятельный должникъ; царь Ани будетъ благодарнымъ плательщикомъ».

Катути съ удивленіемъ посмотрѣла на карлика и сказала:

— Ты знаешь людей.

— Къ сожалѣнію, отвѣчалъ Нему.—Не прибѣгай къ намѣстнику и, вмѣсто того, чтобы принести въ жертву труды многихъ лѣтъ, а также будущее величіе свое и семьи своей, пожертвуй лучше честью твоего сына.

— И моего мужа, и моею собственною? вскричала Катути. — Да знаешь ли ты, что̀ это значитъ? Честь, это—такое слово, которое рабъ можетъ произнести, но значеніе котораго онъ никогда не въ состояніи понять. Вы потираете мѣсто, по которому васъ бьютъ, а мнѣ каждый палецъ, которымъ презрительно указали бы на меня, нанесъ бы рану, подобно копью съ отравленнымъ наконечникомъ. О, вѣчные боги, къ кому мнѣ обратиться за помощью?!

И она снова въ отчаяніи закрыла руками глаза, точно желая скрыть свой позоръ отъ своихъ собственныхъ взглядовъ.

Карликъ смотрѣлъ на̀ нее съ состраданіемъ и сказалъ измѣнившимся тономъ:

— Помнишь ты алмазъ, выпавшій изъ лучшаго кольца Нефертъ? Мы искали его, но не нашли. На слѣдующій день, проходя черезъ комнату, я наступилъ на что̀-то твердое. Я нагнулся и нашелъ потерянный камень. Что̀ ускользнуло отъ благороднѣйшей части лица, отъ глаза, то найдено грубою, презираемою подошвой, и, можетъ быть, рабу, маленькому Нему, незнающему чести, удастся придумать средство спасенія, которое не явилось высокому уму его госпожи.

— Что̀ замышляешь ты?

— Спасеніе, отвѣчалъ карликъ.—Правда ли, что твоя сестра, Сетхемъ, была у тебя и что вы помирились?

— Да̀.

— Въ такомъ случаѣ, иди къ ней. Никогда люди не чувствуютъ бо̀льшаго расположенія оказывать услуги, какъ послѣ примиренія, и притомъ Сетхемъ—твоя сестра и имѣетъ нѣжное сердце.

— Она не богата, возразила Катути:—каждая пальма въ ихъ саду—наслѣдство ея мужа и принадлежитъ ея дѣтямъ.

— И Паакеръ былъ у тебя тоже?

— Да̀; но, разумѣется, только по просьбѣ своей матери, отвѣчала Катути.—Онъ ненавидитъ моего зятя.

— Я знаю это, пробормоталъ карликъ: — но если его попроситъ Нефертъ?

Гордая вдова внезапно выпрямилась съ негодованіемъ. Она чувствовала, что слишкомъ многое позволила карлику, и приказала ему оставить ее одну.

Нему поцѣловалъ ея одежду и робко спросилъ:

— Слѣдуетъ ли мнѣ забыть, что ты имѣла ко мнѣ довѣріе, или же ты позволяешь мнѣ продолжать думать о спасеніи твоего сына?

Нѣсколько мгновеній Катути оставалась въ нерѣшимости, затѣмъ сказала:

— Ты умно опредѣлилъ то, чего мнѣ *не* слѣдуетъ дѣлать. Можетъ быть, Богъ укажетъ тебѣ, что̀ *я должна* предпринять. Теперь оставь меня одну.

— Буду я нуженъ тебѣ завтра утромъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, я отправлюсь въ городъ мертвыхъ и принесу жертву.

— Можешь, отвѣчала Катути и пошла въ домъ съ роковымъ посланіемъ своего сына.

Нему остался одинъ. Задумчиво смотрѣлъ онъ въ землю и пробормоталъ про себя:

— Они не должны подвергнуться безчестью теперь, не должны, иначе все пропало. Мнѣ сдается... мнѣ кажется... но прежде, чѣмъ я снова открою ротъ, я отправлюсь къ моей матери: она знаетъ больше, чѣмъ двадцать пророковъ.

XII.

Прежде, чѣмъ взошло солнце слѣдующаго дня, Нему переправился черезъ Нилъ, вмѣстѣ съ маленькимъ бѣлымъ осломъ, котораго много лѣтъ тому назадъ подарилъ ему покойный отецъ Мены. Онъ воспользовался утреннею прохладой для своего путешествія черезъ Некрополь. Когда онъ находился на половинѣ горы, онъ услыхалъ позади себя шумъ шаговъ путника, подходившаго къ нему все ближе и ближе.

Горная тропинка была узка, и, когда Нему замѣтилъ, что нагонявшій его человѣкъ былъ жрецъ, онъ придержалъ своего ослика и сказалъ почтительно:

— Проходи впередъ, святой отецъ: ты на своихъ двухъ ногахъ подвигаешься быстрѣе, чѣмъ я на своихъ четырехъ копытахъ.

— Больная нуждается въ моей помощи, отвѣчалъ Небсехтъ, другъ Пентаура, обгоняя медлительнаго всадника.

Въ это время, на пурпурный горизонтъ выплыло жаркое солнце, и изъ храма у ногъ путниковъ донеслись звуки благочестиваго многогласнаго мужского пѣнія. Карликъ соскользнулъ со своего осла и принялъ позу молящагося. Жрецъ послѣдовалъ его примѣру, но, между тѣмъ какъ Нему съ благоговѣніемъ обращалъ свои взоры къ небесному свѣтилу, глаза Небсехта были обращены къ землѣ. Одна изъ его высоко поднятыхъ рукъ опустилась и подняла рѣдкую окаменѣлую раковину. Черезъ нѣсколько минутъ, Небсехтъ всталъ, Нему—тоже.

— Прекрасное утро, сказалъ карликъ.—Святые отцы встали сегодня раньше обыкновеннаго.

Врачъ улыбнулся и сказалъ:

— Развѣ ты принадлежишь къ мертвому городу? Кто тамъ держитъ карликовъ?

— Никто, отвѣчалъ Нему:—но и я сдѣлаю тебѣ вопросъ: кто изъ живущихъ здѣсь за горами настолько знатенъ, что врачъ изъ дома Сети жертвуетъ для него своимъ спокойствіемъ?

— Та, къ которой я иду—особа маленькая, но ея страданія велики, отвѣчалъ Небсехтъ.

Нему посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и пробормоталъ:

— Это благородно, это... но онъ не высказалъ своей фразы вслухъ, а только потеръ себѣ лобъ и затѣмъ вскричалъ:

— Ты идешь, должно быть, по порученію царевны Бентъ-Анатъ, къ пораненной дочери парасхита. Какъ здоровье бѣдной дѣвочки?

Въ послѣднихъ словахъ звучало такое теплое участіе, что Небсехтъ отвѣчалъ ласково:

— Ей лучше; она останется жива.

— Благодареніе богамъ! воскликнулъ Нему въ то время, когда спутникъ опережалъ его.

Небсехтъ съ удвоенною скоростью поднялся на гору, спустился съ нея и сидѣлъ уже давно въ хижинѣ парасхита, когда Нему приблизился къ жилищу своей матери Гектъ, колдуньи, отъ которой Паакеръ получилъ любовный напитокъ.

Старуха сидѣла передъ дверью своей пещеры. Около нея лежала доска съ поперечными перекладинами, между которыми былъ положенъ маленькій мальчикъ, такимъ образомъ, что онѣ касались его головы и подошвъ ногъ.

Гектъ обладала искуствомъ производить карликовъ; за эти игрушки въ человѣческомъ образѣ платили хорошо, и истязуемый ребёнокъ съ его хорошенькимъ личикомъ обѣщалъ превратиться въ дорого-стоющій товаръ.

Какъ только колдунья увидала приближавшагося путника, то

нагнулась къ мальчику, взяла его на руки вмѣстѣ съ доскою, снесла въ свою пещеру и сказала строго:

— Если ты пошевелишься, то будешь битъ. А теперь я тебя привяжу.

— Пожалуйста, не привязывай, просилъ ребёнокъ.—Я буду молчать и лежать покойно.

— Протянись! приказала старуха и привязала плакавшаго ребёнка веревкой къ доскѣ. Если ты будешь лежать смирно, то я дамъ тебѣ медовый пирогъ и позволю поиграть съ цыплятами.

Дитя успокоилось; улыбка радости и надежды засвѣтилась въ его глазкахъ. Онъ уцѣпился ручонками за платье старухи и самымъ сладостнымъ тономъ сказалъ:

— Я буду тихъ, какъ мышенокъ, и никто не узнаетъ, что я здѣсь, а когда ты дашь мнѣ пирогъ, то выпусти меня на волю и позволь сходить къ Уардѣ.

— Она больна, зачѣмъ тебѣ туда?

— Мнѣ бы хотѣлось снести ей пирогъ, тихо проговорилъ мальчикъ со слезами на глазахъ.

Старуха дотронулась пальцемъ до подбородка мальчика, и таинственная сила влекла ее поцѣловать его. Но она отвернулась и сказала строго:

— Лежи смирно. Потомъ увидимъ.

И она накинула на него коричневый мѣшокъ. Затѣмъ снова вышла на воздухъ, поздоровалась съ Нему, угостила его молокомъ, хлѣбомъ и медомъ, сообщила ему свѣдѣнія объ Уардѣ, которой здоровье интересовало его, и, наконецъ, спросила:

— Что̀ привело тебя сюда? Нилъ еще былъ узокъ, когда ты послѣдній разъ приходилъ ко мнѣ, а теперь онъ уже давно сталъ убывать [1]. Ужь не посылаетъ ли тебя твоя госпожа, или ты самъ нуждаешься въ моей помощи? Вѣдь, сволочь вездѣ одинакова: никто не пойдетъ къ кому-нибудь, если не ожидаетъ отъ него пользы. Что̀ тебѣ нужно отъ меня?

— Я не нуждаюсь ни въ чемъ, возразилъ карликъ:—но...

— Но ты пришелъ по порученію третьяго лица, со смѣхомъ сказала колдунья.—Это—одно и то же. Требующій чего-нибудь для другихъ думаетъ, все-таки, о самомъ себѣ.

— Пожалуй, что и такъ, отвѣтилъ карликъ.—Во всякомъ слу-

---

[1] Дѣло происходило въ первые дни ноября. Въ началѣ іюня, Нилъ начинаетъ медленно прибывать, между 15 и 20 іюля вздувается сильнѣе, а въ первой половинѣ октября (а не сентября, какъ думали прежде) наводненіе достигаетъ высшей степени. Вскорѣ вода начинаетъ убывать, сперва медленно, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе.

чаѣ, твои слова доказываютъ, что ты не поглупѣла съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ, а это очень пріятно, такъ какъ мнѣ нуженъ твой совѣтъ.

— Я готова помочь тебѣ. Что̀ у васъ тамъ дѣлается?

Нему вкратцѣ разсказалъ своей матери, ясно и безъ утайки, что̀ приготовлялось въ домѣ его госпожи и какой позоръ грозилъ ей черезъ сына.

Старуха неоднократно качала своей сѣдой головой; но она не прерывала карлика, пока онъ не кончилъ. Затѣмъ она, посмотрѣвъ на него сверкающими глазами, спросила:

— И вы дѣйствительно думаете, что вамъ удастся посадить воробья на мѣсто орла, какого-нибудь Ани на тронъ Рамзеса?

— На нашей сторонѣ войска, сражающіяся въ Эѳіопіи! воскликнулъ Нему.—Жрецы объявили себя противъ царя и признали, что въ Ани течетъ настоящая кровь Ра.

— Это много значитъ, сказала старуха.

— А много собакъ — смерть для лани, со смѣхомъ сказалъ Нему.

— Но, вѣдь, Рамзесъ не можетъ считаться травимымъ звѣремъ: это скорѣе—левъ, серьёзно проговорила старуха:—вы играете въ опасную игру.

— Мы это знаемъ, возразилъ Нему:—но тутъ можно пріобрѣсти большой выигрышъ.

— Или проиграть все, пробормотала старуха, проведя пальцемъ по своей жилистой шеѣ.—Дѣлайте, что̀ хотите, мнѣ рѣшительно все равно, кто посылаетъ юношей на смерть, а у стариковъ угоняетъ скотину съ поля. Что̀ нужно вамъ отъ меня?

— Я пришелъ по собственной волѣ спросить тебя: что̀ должна дѣлать Катути, для спасенія своего дома и сына отъ безчестія?

— Гм! проворчала колдунья, вопросительно глядя на Нему, и выпрямилась, опираясь на свою палку.—Что̀ же дѣлается съ тобою, что ты такъ сильно принимаешь къ сердцу судьбу этихъ важныхъ господъ, точно все это касается тебя самого?

Карликъ покраснѣлъ и отвѣтилъ, запинаясь:

— Катути—добрая госпожа, и, если она будетъ благоденствовать, то и на нашу съ тобою долю достанется кое-что.

Гектъ, недовѣрчиво покачавъ головою, сказала со смѣхомъ:

— Можетъ быть, тебѣ достанется хлѣбъ, а мнѣ — корка! У тебѣ на умѣ еще кое-что другое, а для меня твоя грудь открыта такъ же, какъ грудь этой выпотрошенной вороны. Ты принадлежишь къ числу тѣхъ, руки которыхъ не могутъ оставаться спокойными и должны разминать всякое тѣсто, вездѣ что-нибудь двигать и устроивать. Будь ты тремя головами выше и сыномъ

креца, то могъ бы пойти далеко. Ты стремишься на высоту и кончишь жизнь на высотѣ: или другомъ царя, или на висѣлицѣ.

Старуха разсмѣялась, а Нему закусилъ губы и сказалъ:

— Если бы ты посылала меня въ школу и еслибъ я не былъ сыномъ колдуньи и карликомъ, то игралъ бы съ людьми, какъ они играли со мною; я умнѣе ихъ всѣхъ, и они не могутъ скрыть отъ меня ни одной своей мысли. Сто путей лежатъ открытыми передо мной въ то время, какъ они не знаютъ, что̀ дѣлать, а тамъ, гдѣ они беззаботно идутъ впередъ, я вижу угрожающую имъ пропасть.

— И, все-таки, ты приходишь ко мнѣ, насмѣшливо проговорила старуха.

— Я хочу посовѣтоваться съ тобою, сказалъ Нему серьёзно:— двѣ пары глазъ видятъ лучше одной, а посторонній зритель видитъ яснѣе, чѣмъ игрокъ; да, вѣдь, ты и обязана помогать мнѣ.

Колдунья разсмѣялась и спросила съ удивленіемъ:

— Я? Обязана? Къ чему?

— Помогать мнѣ, возразилъ карликъ, тономъ отчасти просьбы, отчасти упрека. — Ты лишила меня роста и сдѣлала калѣкой.

— Потому что вамъ, карликамъ, живется лучше, чѣмъ кому-либо.

Нему покачалъ головой и возразилъ съ грустью:

— Ты часто говорила мнѣ это; и относительно нѣкоторыхъ другихъ, рожденныхъ въ горѣ, подобно мнѣ, ты, можетъ быть, и права. Но мнѣ ты испортила жизнь, искалѣчила нетолько тѣло, но̀ и душу, и обрекла меня на невыразимыя страданія.

Большая голова карлика опустилась на его грудь, а лѣвая рука прижалась къ сердцу. Старуха приблизилась къ нему и ласково спросила.

— Что̀ съ тобою? Я думала, что тебѣ живется хорошо въ домѣ Мены.

— И это говоришь ты, которая сейчасъ показала мнѣ, какъ въ зеркалѣ, чѣмъ бы я могъ быть! Ты, изуродовавъ меня, продала казначею Рамзеса, а онъ подарилъ меня отцу Мены, своему зятю. Это было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Я былъ тогда юношей какъ всѣ другіе, только обладалъ болѣе живымъ умомъ и болѣе безпокойнымъ, пылкимъ характеромъ. Меня отдали, въ видѣ игрушки, маленькому Менѣ и онъ запрягалъ меня въ свою колясочку, украшалъ перьями и лентами и билъ плетью, если я бѣжалъ не довольно скоро. Ка̀къ смѣялась дѣвушка, дочь привратника, за которую я готовъ былъ отдать свою жизнь, когда я, въ своемъ пестромъ нарядѣ, бѣжалъ передъ колясочкой, когда

плеть молодаго господчика свистѣла надъ моими ушами, и потъ лился съ моего лба, а мое сердце обливалось кровью! Затѣмъ умеръ отецъ Мены. Мальчишку отдали въ школу дома Сети; я служилъ женѣ домоправителя, котораго Катути сослала въ свое родовое имѣніе въ Гермонтисѣ. Вотъ-то были тяжелые гòды! Дѣвочки играли со мною, какъ съ куклой [1], укладывали меня въ колыбель и заставляли притворяться спящимъ, между тѣмъ какъ во мнѣ зарождались любовь, ненависть и обширные планы. Когда я пытался сопротивляться, то онѣ сѣкли меня розгами. А когда я, однажды, забывшись отъ гнѣва, ударилъ до крови одну изъ дѣвочекъ, то случившійся при этомъ Мена повѣсилъ меня за поясъ на гвоздь въ кладовой и оставилъ меня тамъ. На меня напали крысы, и вотъ шрамы, оставшіеся у меня съ тѣхъ поръ! Они, можетъ быть, исчезнутъ со временемъ, но сердечныя раны, нанесенныя мнѣ тогда, не заживутъ никогда. Затѣмъ, Мена женился на Нефертъ, и его теща Катути поселилась въ его домѣ. Она взяла меня отъ управителя; я сдѣлался ей необходимымъ; она обращается со мною, какъ съ человѣкомъ, цѣнитъ мой умъ и слушается моихъ совѣтовъ. Поэтому я хочу возвеличить ее и вмѣстѣ съ нею и чрезъ нее сдѣлаться могущественнымъ. Когда Ани взойдетъ на тронъ, то мы будемъ управлять имъ—ты, я и она. Рамзесъ долженъ пасть, а вмѣстѣ съ нимъ Мена, тотъ мальчишка, который наругался надъ моимъ тѣломъ и отравилъ мою душу.

Старуха, молча, стояла противъ карлика, слушая его. Затѣмъ она опустилась на свою грубую деревянную скамью и сказала:

— Теперь я понимаю тебя: ты хочешь отомстить, надѣешься возвыситься, а я должна точить твой ножъ и держать тебѣ лѣстницу. Бѣдный малютка! садись, выпей глотокъ молока и послушайся моего совѣта. Катути нужно много денегъ, чтобы избавиться отъ безчестія. Ей стòитъ только поднять ихъ, такъ какъ онѣ лежатъ у ея порога.

Карликъ съ удивленіемъ взглянулъ на старуху.

— Могаръ Паакеръ—сынъ ея сестры Сетхемъ, не такъ ли?

— Да.

— Дочь Катути, Нефертъ — жена твоего господина Мены, и кому-то очень желательно заманить оставленную курочку на свой дворъ.

— Ты говоришь о Паакерѣ, который былъ сговоренъ съ Неферть прежде, чѣмъ она вышла за Мену.

— Паакеръ былъ у меня третьяго дня.

---

[1] Куклы изъ временъ фараоновъ хранятся въ музеяхъ.

— У тебя?

— Да, у меня, у старой Гекть, желая достать любовнаго напитка. Я дала ему кое-что въ этомъ родѣ, а какъ я очень любопытна, то отправилась вслѣдъ за нимъ, видѣла, какъ онъ подалъ молодой госпожѣ воду и узнала, кто она.

— И Нефертъ выпила заколдованный напитокъ? съ ужасомъ спросилъ карликъ.

— Уксусъ и морковный сокъ, со смѣхомъ сказала старуха.— Вельможа, являющійся ко мнѣ съ цѣлію пріобрѣсти расположеніе женщины, готовъ на все. Пусть Нефертъ попроситъ у Паакера денегъ—и долги молодого вѣтрогона будутъ заплачены.

— Катути гордо и строго оттолкнула меня, когда я заикнулся ей объ этомъ планѣ.

— Ну, такъ Паакеръ долженъ самъ предложить деньги. Ступай къ нему, намекни ему на возможность привязанности со стороны Нефертъ, разскажи, что̀ мучитъ этихъ женщинъ, и если онъ станетъ упираться, то только тогда намекни ему, что тебѣ извѣстно кое-что о напиткѣ.

Карликъ задумчиво смотрѣлъ внизъ и сказалъ, съ удивленіемъ взглянувъ на старуху:

— Это дѣйствительно такъ.

— Ваше дѣло, можетъ быть, не совсѣмъ такъ дурно, какъ мнѣ показалось сначала. Катути должна благодарить негодяя, проигравшаго мумію своего отца. Ты не понимаешь меня. Ну, если ты, дѣйствительно—самый умный человѣкъ по ту сторону Нила, то каковы должны быть тамъ другіе?

— Ты думаешь, сказалъ карликъ: — что будутъ хвалить мою госпожу за то, что она пожертвовала такою огромною суммою ради имени...

— Что̀ значатъ имена? что тутъ хвалить? нетерпѣливо вскричала старуха. — Я говорю о другихъ болѣе существенныхъ вещахъ. Съ одной стороны — Паакеръ, съ другой — жена Мены. Если могаръ готовъ пожертвовать ради молодой женщины цѣлымъ состояніемъ, то онъ захочетъ обладать ею, и Катути не станетъ ему мѣшать. Вѣдь, она знаетъ, за что̀ платитъ ей племянникъ. Но другой, т. е. Мена, стоитъ ему поперегъ дороги: его-то и нужно устранить. Возница близокъ къ Фараону, и петля, накинутая на одного, очень легко можетъ обвиться и вокругъ шеи другаго. Сдѣлайте могара вашимъ союзникомъ, умѣйте благоразумно имъ пользоваться — и тогда легко можетъ случиться, что укушенія крысъ, которымъ ты подвергнулся, будутъ отомщены смертельными ранами, и Рамзесъ, который стеръ бы васъ съ лица земли, еслибы напали на него открыто, погибнетъ

отъ удара дротика, брошеннаго въ него изъ засады. Когда тронъ освободится, то намѣстникъ вскарабкается на него своими слабыми ногами, если жрецы помогутъ ему въ этомъ. Вотъ ты сидишь, разинувши ротъ, а *я*, вѣдь, не посовѣтовала тебѣ ничего такого, чего бы ты не могъ придумать самъ.

— Ты—сосудъ всякой мудрости! воскликнулъ карликъ.

— Теперь отправляйся, сказала Гектъ:—сообщи твоей госпожѣ и намѣстнику эти мысли, и они подивятся твоей мудрости. Сегодня ты еще сознаёшь, что это *я* указала тебѣ, что̀ слѣдуетъ дѣлать, завтра ты забудешь это, а послѣ завтра вообразишь, что тебя вдохновляютъ девять великихъ боговъ. Я знаю это, но не могу ничего давать даромъ. Ты существуешь своимъ маленькимъ ростомъ, другихъ кормятъ ихъ сильныя руки, а я зарабатываю свой скудный хлѣбъ подобными мыслями. Послушай же: когда вы наполовину овладѣете Паакеромъ, а Ани выкажетъ расположеніе пользоваться его услугами, то скажи ему, что мнѣ извѣстна тайна, которая дѣлаетъ могара орудіемъ его желаній и что я согласна продать ее.

— У тебя купятъ ее, это—вѣрно! вскричалъ карликъ.—Чего ты требуешь?

— Немногаго, отвѣчала старуха: — именно: чтобы мнѣ дали письменное разрѣшеніе заниматься своимъ дѣломъ, чтобы меня не трогали даже жрецы и чтобы, по смерти моей, мнѣ не было отказано въ честномъ погребеніи.

— На это едва ли согласится намѣстникъ, такъ какъ онъ долженъ избѣгать всего, что оскорбляетъ служителей божества.

— И дѣлать все, что̀ унижаетъ Рамзеса въ ихъ глазахъ, прервала старуха.—Пойми: намѣстнику не придется писать *новаго* дозволенія, а только подтвердить старое, которымъ снабдилъ меня Рамзесъ, когда я вылечила его любимую лошадь. Они сожгли его со всѣмъ другимъ моимъ имуществомъ, когда ограбили мою хижину и объявили меня колдуньей, а мои вещи—тифоническими. Относительно погребенія еще будетъ время подумать. Я желаю, чтобы мнѣ возвратили разрѣшительную грамоту Рамзеса и—ничего больше.

— Ты будешь имѣть ее, сказалъ карликъ:—прощай. Я имѣю порученіе—посмотрѣть гробницу нашего дома, узнать, приносятся ли тамъ, какъ слѣдуетъ, заупокойныя жертвы, приказать налить новыхъ душистыхъ эссенцій и подновить кое-что. Когда сдѣлается попрохладнѣе, то я еще разъ буду проходить здѣсь, такъ какъ мнѣ хочется поговорить съ парасхитомъ Пинемомъ и посмотрѣть, что̀ дѣлается съ бѣдною Уардой.

XIII.

Въ то время, какъ происходилъ этотъ разговоръ, передъ хижиною парасхита два человѣка усердно занимались утвержденіемъ въ почвѣ кольевъ и растягиваніемъ на нихъ куска старой парусины.

Одинъ изъ нихъ, Пинемъ, по временамъ просилъ другого вспомнить о больной и работать потише.

Когда они кончили свою работу и устроили подъ легкимъ навѣсомъ ложе изъ свѣжей пшеничной соломы, то оба сѣли на землю и смотрѣли на хижину, у которой сидѣлъ врачъ Небсехтъ, ожидая пробужденія спавшей паціентки.

— Кто этотъ человѣкъ? спросилъ врачъ старика, указывая на его младшаго товарища, высокаго загорѣлаго воина, съ густою рыжею бородой.

— Мой сынъ, вернувшійся изъ Сиріи, отвѣчалъ парасхитъ.

— Отецъ Уарды? спросилъ Небсехтъ.

Солдатъ увердительно кивнулъ головой и сказалъ грубымъ голосомъ, не лишеннымъ, впрочемъ, оттѣнка чистосердечія:

— Этому трудно повѣрить: она такъ бѣла и румяна, но ея мать была иноземка, и Уарда своимъ нѣжнымъ сложеніемъ похожа на нее. Я боюсь тронуть ее мизинцемъ, но вотъ черезъ эту хрупкую куколку переѣхала колесница, и она выдержала это, и еще жива!

— Безъ помощи этого святого отца ты не увидѣлъ бы ея снова живою, замѣтилъ парасхитъ, приблизившись къ врачу и цѣлуя его одежду. — Да наградятъ тебя боги за то, прибавилъ онъ, обращаясь къ Небсехту: — что ты сдѣлалъ для насъ бѣдныхъ.

— Притомъ, и мы можемъ заплатить, вскричалъ солдатъ, ударяя по своему полному кошельку, висѣвшему у него на поясѣ: — въ Сиріи мы поживились добычей, и я куплю тельца, чтобы пожертвовать его вашему храму.

— Лучше пожертвуй животное изъ тѣста [1], сказалъ врачъ: — и если ты желаешь выказать мнѣ благодарность, то дай денегъ своему отцу, чтобы онъ могъ кормить твое нѣжное дитя и ухаживать за нимъ по моему указанію.

---

[1] При празднествахъ Селена (по-египетски Нехебтъ) приносили въ жертву свиней. Геродотъ (II, 47) говоритъ: «Люди бѣдные пекутъ свиней изъ пшеничнаго тѣста и приносятъ въ жертву». На памятникахъ видны изображенія разныхъ печеній, въ формѣ фигуръ животныхъ.

— Гм! пробормоталъ солдатъ. Онъ снялъ съ пояса кошелекъ, свѣсилъ его въ рукѣ и затѣмъ, подавая его парасхиту, сказалъ:

— Вѣдь, я пропилъ бы все это! Возьми его, отецъ, для дѣвочки и для матушки.

Между тѣмъ, какъ старикъ нерѣшительно протянулъ руку къ этому щедрому подарку, воинъ одумался и сказалъ, открывая кошелекъ:

— Позволь мнѣ только вынуть нѣсколько колецъ, потому что сегодня я еще не могу остаться на мели: меня ждутъ нѣсколько товарищей въ красномъ кабакѣ. Этого будетъ довольно также на завтра и на послѣ-завтра. Такъ будетъ ладно. На, возьми остальную бездѣлицу.

Небсехтъ одобрительно кивнулъ ему головою, и, между тѣмъ какъ парасхитъ, въ знакъ благодарности, цѣловалъ руку врача, солдатъ вскричалъ:

— Вылечи мою малютку, святой отецъ! Съ жертвами и подарками дѣло покончено, такъ какъ я теперь уже ничего не имѣю; но у меня есть два желѣзныхъ кулака и грудь твердая, какъ зубецъ крѣпости. Если ты будешь когда-нибудь нуждаться въ помощи, то призови меня, и я защищу тебя противъ двадцати враговъ. Ты спасъ мое дитя. Значитъ—жизнь за жизнь. Я обязываюсь быть твоимъ кровнымъ товарищемъ. Кашта отдался тебѣ — и ты можешь располагать его жизнью, какъ своею собственною.

Онъ вынулъ свой ножъ-кинжалъ изъ-за пояса, сдѣлалъ имъ надрѣзъ на своей рукѣ и выпустилъ нѣсколько капель крови на камень у ногъ врача.

— Взгляни сюда, сказалъ онъ:—это моя росписка. Что̀ я сказалъ—сказалъ.

— Я—человѣкъ мирный, проговорилъ, запинаясь, Небсехтъ:—и меня защищаетъ моя бѣлая одежда. Но, кажется, наша больная проснулась.

Врачъ всталъ и пошелъ въ хижину. Прекрасная голова Уарды лежала на колѣняхъ ея бабки, и ея большіе голубые глаза спокойно обратились къ жрецу.

— Ей хочется встать и выбраться на вольный воздухъ, сказала старуха:—она долго и сладко спала.

Врачъ пощупалъ ея пульсъ, осмотрѣлъ ея рану, на которой лежали зеленыя листья, и сказалъ:

— Превосходно. Кто далъ вамъ это цѣлебное растеніе?

Старуха въ смущеніи медлила отвѣтомъ, но Уарда сказала безъ колебанія:

— Старая Гектъ, которая живетъ вонъ тамъ, въ темной норѣ.

— Колдунья, пробормоталъ врачъ: — но мы оставимъ эти листья лежать попрежнему; такъ какъ они помогаютъ, то все равно откуда бы ни явились они.

— Гектъ тоже пробовала капли, которыя ты далъ, и призналась, что они пользительны, сказала старуха.

— Значитъ, мы оба довольны другъ другомъ, замѣтилъ Небсехтъ съ лукавою улыбкой.—Теперь мы перенесемъ тебя на свѣжій воздухъ, дѣвочка, потому что здѣсь воздухъ тяжелъ, какъ свинецъ, а твои нѣжныя легкія требуютъ болѣе тонкой пищи.

— Да, вынесите меня отсюда, просила больная:—хорошо, что ты не привелъ теперь съ собою другого, который пугалъ меня своими заклинаніями.

— Ты говоришь о слѣпомъ Тетѣ, сказалъ Небсехтъ:—онъ не придетъ больше; но молодой жрецъ, который успокоивалъ твоего отца, когда онъ прогонялъ царевну, будетъ посѣщать васъ. Онъ дружески къ вамъ расположенъ, и тебѣ бы слѣдовало...

— Пентауръ придетъ? съ живостью спросила дѣвушка.

— Раньше полудня. Но откуда тебѣ извѣстно его имя?

— Я знаю его, рѣшительно отвѣчала Уарда.

Врачъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Тебѣ не слѣдуетъ больше говорить; твои щеки пылаютъ, а лихорадка не должна возвращаться. Мы приготовили тебѣ палатку и перенесемъ тебя на воздухъ.

— Подождите, просила дѣвушка.—Бабушка, расчеши мои волосы, они спутались.

И она попыталась раздѣлить своими маленькими ручками массу золотисто бѣлокурыхъ волосъ и освободить ихъ отъ набившихся туда соломинокъ.

— Будь спокойна, уговаривалъ ее докторъ.

— Они такъ тяжелы, сказала она, указывая Небсехту на массу волосъ, какъ будто на какое-то непріятное бремя.—Помоги мнѣ, бабушка.

Старуха склонилась надъ головою больной и осторожно стала расчесывать ея длинныя косы грубымъ гребнемъ изъ сѣраго рога, осторожно вынимая соломинки и, наконецъ, положила двѣ пышныя глянцовитыя косы на плечо своей внучки.

Небсехтъ зналъ, что всякое движеніе вредно для больной, и хотѣлъ запретить безпокоить дѣвушку, но его языкъ онѣмѣлъ. Въ удивленіи, неподвижный, съ раскраснѣвшимися щеками, онъ стоялъ передъ Уардой и слѣдилъ со страхомъ и вниманіемъ за каждымъ движеніемъ ея рукъ.

*

Она не замѣчала его.

Когда старуха отложила гребень въ сторону, Уарда, глубоко вздохнувъ, попросила зеркало, и бабушка подала ей осколокъ темной полированной, пережженой глины. Больная обратила его блестящею стороною къ свѣту, съ минуту вглядывалась въ свое неясное изображеніе и проговорила:

— Я такъ давно не видала цвѣтовъ, бабушка.

— Вотъ возьми, дитя мое, сказала старуха и вынула изъ кружки розу, положенную царевной Бентъ-Анатъ на грудь дѣвушки. Но прежде, чѣмъ Уарда взяла цвѣтокъ, засохшіе лепестки его распались и осыпали ее. Небсехтъ нагнулся, собралъ ихъ и положилъ въ руку больной.

— Какъ ты добръ, сказала она.—Я называюсь Уардой также, какъ этотъ цвѣтокъ, и люблю розы и свѣжій воздухъ. Вынесите меня.

На зовъ Небсехта въ хижину вошолъ парасхитъ со своимъ сыномъ; они перенесли больную подъ простой, изготовленный ими навѣсъ. Ноги воина дрожали, когда онъ держалъ на своихъ рукахъ эту легкую ношу, и онъ глубоко вздохнулъ, опустивъ ее на цыновку.

— Какъ сине небо! воскликнула Уарда. — А! дѣдъ поливалъ мой гранатовый кустъ—я такъ и думала. Вонъ и мои голуби прилетѣли. Дай мнѣ зеренъ, бабушка. Какъ они радуются!

Красивыя птицы, съ чорными колечками на сѣровато-красноватыхъ шейкахъ, беззаботно летали вокругъ дѣвушки и клевали зёрна, которыя она клала на свои губы.

Небсехтъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на это очаровательное зрѣлище. Передъ нимъ точно открывался новый міръ, и въ его груди зашевелилось что-то невѣдомое. Онъ, молча, опустился на землю около хижины и сталъ чертить тростниковой палочкой на пескѣ изображеніе розы.

Голуби улетѣли на крышу; все было тихо кругомъ, но вдругъ залаяла собака парасхита, послышались шаги. Уарда приподнялась и сказала:

— Бабушка, это—жрецъ Пентауръ.

— Кто сказалъ тебѣ? спросила старуха.

— Я знаю, съ увѣренностью проговорила дѣвушка, и черезъ нѣсколько минутъ раздался звучный голосъ:

— Привѣтъ вамъ; какъ здоровье вашей больной?

Пентауръ остановился около Уарды, порадовался благопріятному отвѣту врача и залюбовался прелестнымъ личикомъ больной. Онъ держалъ въ рукахъ цвѣты, положенные осчастливленною дѣвушкой на алтарь богини Гаторъ, жрецомъ которой онъ сдѣ-

лася со вчерашняго дня. Уарда покраснѣла, взявъ цвѣты, и держала ихъ въ сложенныхъ рукахъ.

— Это посылаетъ тебѣ великая богиня, которой я служу, сказалъ Пентауръ:—и она даруетъ тебѣ исцѣленіе. Оставайся подобною ей. Ты чиста и прелестна, какъ она, и озаряешь радостью эту мрачную хижину. Сохрани свою невинность, и повсюду, куда ты направишь свои шаги, ты возбудишь любовь, подобно тому, какъ цвѣты выростаютъ на томъ мѣстѣ, котораго коснется Гаторъ своею золотою ногою [1]. Да будетъ надъ тобой ея благословеніе!

Онъ произнесъ эти послѣднія слова, обращаясь частію къ Уардѣ, частію къ старикамъ, и собирался уже уходить, когда изъ-за маисовой соломы, наваленной вблизи навѣса, раздался боязливый дѣтскій крикъ и вслѣдъ за тѣмъ появился мальчикъ, державшій въ высоко поднятой рукѣ небольшой кусокъ пирога, половину котораго отняла у него собака, повидимому, хорошо знакомая съ ребёнкомъ.

— Какимъ образомъ ты попалъ сюда, Шерау? спросилъ парасхитъ плакавшаго мальчика, того самаго несчастнаго, котораго Гектъ превращала въ карлика.

— Я хотѣлъ, плача проговорило дитя:—принести Уардѣ пирогъ. Она больна, а я такъ много...

— Бѣдняжка, сказалъ парасхитъ, гладя мальчика по головѣ:—ну, отдай его Уардѣ.

Шерау приблизился къ больной, сталъ передъ ней на колѣни и проговорилъ, глядя на нее сіяющими глазами:

— Возьми его. Онъ очень вкусенъ и сладокъ, а когда мнѣ опять дадутъ пирогъ и Гектъ пуститъ меня, то я принесу его тебѣ.

— Благодарю тебя, добрый Шерау, сказала Уарда, цѣлуя ребёнка. Затѣмъ, обращаясь къ Пентауру, она прибавила: — онъ уже нѣсколько недѣль не ѣлъ ничего, кромѣ сердцевины папируса [2] и хлѣба изъ лотоса [3], а, все-таки, принесъ мнѣ пирогъ

---

[1] Гаторъ часто называютъ «золотою». У этой богини много общаго съ «золотой» Афродитой.

[2] По Геродоту, II, 92, Діодору, Плинію, XIII, 10, египтяне употребляли въ пищу нижнюю часть папирусоваго тростника (навѣрное сердцевину) и всего охотнѣе высушенную на печи.

[3] Зерно лотоса, похожее на макъ, толкутъ въ ступѣ и пекутъ изъ него хлѣбъ. Герод., II, 92. Такъ какъ по памятникамъ видно, что лотосъ росъ въ огромномъ количествѣ на водѣ, а папирусъ на берегу Нила, то весьма вѣроятно замѣчаніе Діодора, что дитя стоило родителямъ до своего совершеннолѣтія не болѣе 20 драхмъ (около 15 марокъ). Странно, что, несмотря на полезность этихъ растеній, въ особенности папируса, ни то, ни другое не встрѣчается болѣе въ Египтѣ.

который моя бабка дала вчера старой Гекть, чтобы снести домой.

Мальчикъ вспыхнулъ и проговорилъ:

— Осталась только половина, но я не трогалъ его: ваша собака отхватила и тутъ, и здѣсь. Онъ тронулъ медъ и провелъ пальцемъ по своимъ краснымъ губамъ. Я уже давно жду здѣсь за соломою, но боялся вонъ тѣхъ чужихъ господъ, прибавилъ онъ, указывая на Небсехта и Пентаура. — А теперь мнѣ пора домой.

И мальчикъ спустился въ долину. Тамъ онъ остановился. Солнце стояло почти среди неба, и онъ долженъ былъ возвратиться къ колдуньѣ, къ своимъ доскамъ, но ему такъ хотѣлось пройти подальше, хотя бы только до гробницы, строившейся для царя.

Около самаго ея входа былъ устроенъ навѣсъ изъ пальмовыхъ листьевъ, а подъ нимъ часто отдыхалъ скульпторъ Батау, дряхлый старикъ. Онъ былъ глухъ, но справедливо считался первымъ художникомъ своего времени; ему принадлежали прелестныя изображенія и ряды іероглифовъ въ роскошныхъ постройкахъ Сети въ Абидосѣ и Ѳивахъ, а теперь онъ работалъ надъ украшеніемъ стѣнъ въ гробницѣ Рамзеса.

Шерау часто подкрадывался къ нему, благоговѣйно смотрѣлъ на его работу и пытался самъ выдѣлывать изъ глины фигуры звѣрей и людей.

Однажды старикъ замѣтилъ его, молча, взялъ у него изъ рукъ его работу и съ улыбкой одобренія отдалъ ее назадъ. Съ тѣхъ поръ, между ними установились особыя отношенія. Шерау получилъ позволеніе садиться около скульптора и подражать созданнымъ имъ фигурамъ. Все это дѣлалось молча, но иногда глухой старикъ уничтожалъ неискусную работу мальчика, иногда исправлялъ ее, прижавъ гдѣ-нибудь пальцемъ, и нерѣдко одобрительно кивалъ ему головою.

Когда онъ не приходилъ, то учитель скучалъ по немъ; самые счастливые часы были для Шерау тѣ, которые онъ проводилъ со старымъ скульпторомъ. Мальчику также не воспрещалось брать глину къ себѣ домой. Тамъ онъ за спиною старой Гекть вылѣплялъ разныя фигурки, которыя, едва кончивъ, тотчасъ уничтожалъ.

Лежа на одрѣ своихъ страданій, онъ старался оставшимися на свободѣ руками воспроизвести тѣ образы, которые представлялись его воображенію, и при этомъ занятіи искуствомъ онъ забывалъ о настоящемъ и его горькая судьба пріобрѣтала сладостный оттѣнокъ счастья.

Теперь было слишкомъ позднее время и мальчику пришлось отказаться отъ посѣщенія гробницы Рамзеса.

Онъ еще разъ взглянулъ на хижину и затѣмъ поспѣшно направился къ мрачной пещерѣ.

XIV.

Пентауръ также скоро покинулъ хижину парасхита. Онъ задумчиво шелъ по горной тропинкѣ, которая вела къ тому храму [1], управленіе которымъ поручилъ ему Амени. Онъ видѣлъ приближеніе непріятныхъ и тяжелыхъ минутъ. Храмъ, настоятелемъ котораго онъ сдѣлался, былъ основанъ принадлежавшею къ низвергнутой династіи, царицею Гатасу [2] и посвященъ ея собственной памяти и богинѣ Гаторъ.

Служившіе тамъ жрецы пользовались особыми письменно утвержденными привилегіями, которыя строго соблюдались до тѣхъ поръ. Ихъ санъ былъ наслѣдственъ, переходя отъ отца къ сыну, и они имѣли право выбирать себѣ начальниковъ изъ своей собственной среды.

Ихъ настоятель Руи опасно заболѣлъ, и Амени, имѣвшій надъ ними главный надзоръ, назначилъ на его мѣсто Пентаура, не спросивъ на это ихъ согласія.

Они съ неудовольствіемъ приняли навязаннаго имъ начальника и образовали противъ него тѣсный союзъ, когда оказалось, что онъ намѣренъ ввести строгіе порядки и устранить укоренившіяся между ними злоупотребленія.

Привѣтствованіе восходящаго солнца они передали храмовымъ служителямъ; Пентауръ потребовалъ, чтобы хоть младшіе изъ нихъ участвовали въ пѣніи утренняго гимна, и самъ управлялъ хорами. Они вели торговлю богатыми жертвами, приносимыми на алтарь богини; ихъ новый начальникъ запретилъ это злоупотребленіе такъ же, какъ и вымогательство, которое они дозволяли себѣ относительно напуганныхъ женщинъ, которыя въ значительномъ числѣ посѣщали храмъ Гаторъ преимущественно предъ другими святилищами.

Пріученный въ домѣ Сети къ строгости относительно самого

[1] Этотъ храмъ, сравнительно съ другими, сохранился хорошо. Рисунки самыхъ интересныхъ изображеній, найденныхъ въ немъ, находятся въ сочиненіи Дюмихена: Флотъ египетской царицы.

[2] Дочь Тутмеса I жена своего брата Тутмеса II, опекунша своего второго брата Тутмеса III. Эта энергическая женщина, изображалась въ шлемѣ и съ мужскою бородой.

себя, къ порядку, аккуратности и чистотѣ нравовъ, глубоко проникнутый достоинствомъ своего сана, онъ привыкъ съ особеннымъ рвеніемъ возставать противъ тѣлесной и умственной лѣни. Поэтому ему была противна праздная жизнь и лживость его подчиненныхъ, и онъ рѣшился пробудить здѣсь новую жизнь съ тѣмъ бо̀льшею энергіей, чѣмъ глубже онъ заглянулъ наканунѣ въ бѣдствія и заботы человѣческаго существованія.

Убѣжденіе, что лѣнивая толпа, надъ которою онъ начальствовалъ, призвана утѣшать сотни устрашенныхъ сердецъ, осушать потоки слёзъ и возстановлять угаснувшія надежды, побуждало его дѣйствовать энергически. Вчера онъ былъ свидѣтелемъ, какъ его подчиненные съ холоднымъ равнодушіемъ выслушивали сѣтованія покинутой жены, обманутой дѣвушки, неплодной женщины, озабоченной матери и одинокой вдовы, думая только о томъ, чтобы извлечь выгоду изъ несчастія и выманить дары для богини Гаторъ, т. е., въ сущности, для своего кармана и чрева.

Теперь онъ снова приближался къ аренѣ своей дѣятельности. Величественный храмъ террасами спускался въ долину, а съ запада былъ прислоненъ къ полукруглой гигантской стѣнѣ отвѣсной желтоватой мѣловой горы, упиравшейся въ небо. На аккуратно сложенномъ фундаментѣ нижнихъ построекъ виднѣлись вытесанные изъ камня исполинскіе копчики съ знаками жизни, символически изображавшіе Горуса, сына богини, ведущаго все блекнущее къ новому процвѣтанію, все умирающее—къ воскресенію.

На каждой террасѣ находилась открытая къ востоку зала, съ двадцатью двумя древними колоннами, на задней стѣнѣ которой виднѣлись прекрасныя изображенія и надписи, которыя въ тонкой скульптурной работѣ повѣтствовали потомкамъ о великихъ дѣяніяхъ Гатасу, совершенныхъ ею съ помощью ѳивскихъ боговъ.

На третьей и четвертой террасахъ находились маленькія комнаты, прислоненныя къ стѣнѣ, къ которымъ вели гранитныя ворота. Тамъ происходили омовенія, поклоненія статуямъ богини, приносились жертвы тѣни царицы и выслушивалась исповѣдь знатныхъ богомольцевъ. Въ боковой пристройкѣ помѣщались священныя коровы богини.

Подойдя къ главнымъ воротамъ храма, Пентауръ сдѣлался свидѣтелемъ зрѣлища, которое привело его въ сильное негодованіе. Какая-то женщина просила впустить ее на передній дворъ, чтобы у алтаря богини помолиться за своего тяжко-заболѣвшаго мужа. Но жирный привратникъ грубо отказалъ ей.

— Вонъ тамъ написано, сказалъ онъ, указывая на надпись надъ

воротами:—что черезъ этотъ порогъ могутъ переступать только чистые, для очищенія же необходимо окуриваніе.

— Ну, такъ, покади и возьми это серебряное кольцо, больше у меня нѣтъ, сказала женщина.

— Серебряное кольцо! съ негодованіемъ вскричалъ привратникъ.—Неужели богиня должна обѣднѣть изъ-за тебя? Зерны ладана, которыя мы употребляемъ для очищенія, стоютъ вдесятеро дороже.

— Но у меня нѣтъ ничего больше; мой мужъ, за котораго я пришла помолиться, боленъ, а мои дѣти...

— Такъ ихъ-то ты хочешь откармливать и лишить богиню того, что̀ ей слѣдуетъ? Подавай три кольца, или я запру ворота.

— Будь милостивъ! съ плачемъ вскричала женщина. — Что̀ будетъ съ нами, если богиня не поможетъ моему мужу?

— А развѣ наша богиня обязана давать ему лекарство? У ней есть болѣе важныя заботы, чѣмъ леченіе больныхъ нищихъ. Да это совсѣмъ и не ея дѣло. Отправляйся къ Имхотепу [1] или Хунсу [2], или къ великому Техути, которые помогаютъ больнымъ; а здѣсь не занимаются лекарской пачкотней.

— Я прошу только утѣшенія въ моемъ горѣ, сказала женщина съ рыданіемъ.

— Утѣшенія?—со смѣхомъ сказалъ привратникъ, смѣривъ глазами молодую, довольно полную женщину. Утѣшеніе ты можешь имѣть за болѣе дешевую цѣну.

Женщина поблѣднѣла и ударила по протянутой къ ней рукѣ привратника.

Въ эту минуту, взбѣшенный Пентауръ очутился между ними. Онъ съ благословеніемъ простеръ свою руку надъ низко поклонившеюся ему женщиной и сказалъ:

— Божество находится вблизи того, кто обращается къ нему. Ты чиста, войди во дворъ.

Какъ только женщина вошла въ храмъ, жрецъ обратился къ привратнику и вскричалъ:

---

[1] Сынъ бога Пта. Греки называли его Асклепіосъ (Эскула̀пъ). Главнымъ мѣстомъ поклоненія ему былъ Мемфисъ. — Обыкновенно его изображаютъ съ шапочкой на головѣ и съ книгою на колѣняхъ. Очень хороши его статуи въ берлинскомъ, луврскомъ, болонскомъ и другихъ музеяхъ. Бронзовая очень красивая фигура этого бога принадлежитъ пастору Гакену въ Ригѣ.

[2] Третій изъ ѳивской троицы, украшенный юношескимъ локономъ, сынъ Амона и Мутъ, отождествляемый съ богомъ Тотомъ, который часто призывался въ качествѣ хорошаго совѣтника для излеченія больныхъ. Его обширный храмъ въ Ѳивахъ (карнакскій) хорошо сохранился. Въ эпоху XX династіи (1273 – 1095) его статуя однажды посылалась въ Азію, для излеченія одержимой демонами свояченицы Рамзеса XII (дочери азіатскаго царя).

— Такъ-то вы служите божеству? Вы злоупотребляете тяжкимъ положеніемъ сердецъ, томящихся безпокойствомъ. Подай сюда ключи отъ воротъ. Ты устраняешься отъ должности и завтра отправишься въ поле—пасти гусей богини Гаторъ.

Привратникъ, съ громкимъ воплемъ, упалъ на колѣни, но Пентауръ отвернулся отъ него, вошелъ въ ограду храма и началъ взбираться по ступенямъ, которыя вели къ его жилищу, находившемуся на верхней террасѣ.

Нѣсколько жрецовъ, мимо которыхъ онъ проходилъ, повернулись къ нему спиной; другіе громко жевали, уставившись глазами въ свои кушанья, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ его. Они образовали между собою тѣсный союзъ и рѣшились во-что бы то ни стало выжить непрошеннаго пришельца.

Войдя въ свою комнату, пышно разукрашенную для его заболѣвшаго предмѣстника, онъ надѣлъ свое новое облаченіе, мысленно сравнивая при этомъ горестныя чувствованія минувшаго и настоящаго.

На какой обмѣнъ осудилъ его Амени! Здѣсь, куда бы Пентауръ ни обращалъ взоры, его встрѣчали тупость и недоброжелательство, между тѣмъ какъ въ домѣ Сети сотни дѣтей спѣшили къ нему навстрѣчу и съ любовью цѣплялись за его платье. Тамъ онъ былъ уважаемъ всѣми, каждое его слово имѣло вѣсъ, и, ежедневно высказывая свои мысли, онъ чувствовалъ, что въ серьёзныхъ разговорахъ съ товарищами и начальниками его дарованія изощряются и онъ пріобрѣтаетъ новыя сокровища для своей внутренней жизни.

Событія послѣднихъ дней пробѣгали передъ его умственнымъ взоромъ. Ему представился образъ Бентъ-Анатъ, пріобрѣтая все болѣе явственныя и обольстительныя формы. Его сердце начало биться сильнѣе, кровь быстрѣе потекла въ его жилахъ; онъ закрылъ свое лицо руками и припоминалъ себѣ ея каждый взглядъ, ея каждое слово.

— «Я охотно послѣдую за тобой», сказала она ему возлѣ хижины парасхита; и теперь онъ спрашивалъ себя: достоинъ ли онъ быть ея руководителемъ?

Онъ разрушилъ старыя преграды, но не съ тѣмъ, чтобы нанести вредъ дому, который для него дорогъ, а для того, чтобы впустить новый свѣтъ въ его мрачныя комнаты.

«Дѣлать то, въ справедливости чего мы чувствуемъ серьёзное убѣжденіе, это можетъ казаться предосудительнымъ въ глазахъ людей, но не предъ богомъ», думалъ Пентауръ.

Онъ глубоко вздохнулъ и вышелъ на террасу въ возвышен-

номъ настроеніи и съ твердою волей—и здѣсь не только говорить правду, но и создать мѣсто для нея.

Поэтъ не нашелъ на верхнихъ террасахъ ни одного изъ своихъ подчиненныхъ; всѣ они собрались на переднемъ дворѣ храма и слушали разсказъ привратника, съ которымъ они, по-видимому, раздѣляли его гнѣвъ—Пентауръ зналъ противъ кого.

Твердою поступью онъ подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Я изгналъ этого человѣка изъ нашей среды, потому, что онъ позоритъ насъ. Завтра онъ оставляетъ храмъ.

— Я иду сейчасъ, проворчалъ привратникъ:—и, по порученію святыхъ отцовъ (при этомъ онъ переглянулся съ жрецами), спрошу главнаго жреца Амени: должно ли быть отнынѣ дозволено и нечистымъ вступать въ святилище?

Онъ уже приближался къ воротамъ, но Пентауръ загородилъ ему дорогу и сказалъ рѣшительно:

— Ты останешься здѣсь, а завтра, послѣ завтра и всегда будешь пасти гусей, пока мнѣ не вздумается простить тебя.

Привратникъ вопросительно взглянулъ на жрецовъ. Ни одинъ изъ нихъ не пошевельнулся.

— Ступай въ свой домъ, вскричалъ Пентауръ, подступая къ нему ближе. Привратникъ повиновался.

Пентауръ заперъ дверь узкаго прохода, отдалъ одному изъ храмовыхъ служителей ключъ и сказалъ:

— Ты будешь отправлять его должность; сторожи этого человѣка и если онъ станетъ отлынивать, то проводи его завтра до самыхъ гусей. Взгляните, друзья мои, какъ много богомольцевъ стоитъ тамъ на колѣняхъ передъ нашими алтарями: идите туда и исполняйте свою обязанность. Я иду въ исповѣдальню выслушивать жалобы и утѣшать.

Жрецы разошлись въ разныя стороны и приблизились къ жертвователямъ.

Пентауръ снова поднялся по лѣстницѣ и усѣлся въ тѣсной, закрытой занавѣсомъ исповѣдальнѣ, на стѣнахъ которой было видно изображеніе Гатасу, получавшей изъ сосцовъ священной коровы богини Гаторъ[1] молоко вѣчной жизни.

Едва онъ успѣлъ сѣсть, какъ одинъ изъ неокоровъ[2] возвѣстилъ ему о прибытіи какой-то знатной женщины подъ покрываломъ. Лица слугъ, которые несли ея паланкинъ, были тоже непроницаемо окутаны, и она просила проводить ее въ исповѣдальню.

---

[1] Необыкновенно живое и вполнѣ сохранившееся рельефное изображеніе.

[2] Неокоры составляли низшій разрядъ жрецовъ, къ которому принадлежали также и служители храма.

Пентауръ удалился за занавѣску и ожидалъ незнакомку съ безпокойствомъ, которое ему должно было казаться тѣмъ страннѣе, что онъ часто находился въ подобномъ положеніи. Амени посылалъ къ нему даже знатнѣйшихъ сановниковъ, когда они являлись въ домъ Сети, желая получить объясненіе своихъ сновидѣній.

Высокая женская фигура вошла въ уединенную душную комнату, опустилась на колѣни и долго сосредоточенно молилась передъ изображеніемъ богини Гаторъ. Пентауръ никѣмъ невидимый, тоже воздѣлъ свои руки кверху и обратился къ наполняющему вселенную духу, прося у него силы и чистоты.

Закутанная фигура выпрямилась и сбросила свое покрывало. Это была Бентъ-Анатъ. Въ волненіи своей души, она явилась къ богинѣ Гаторъ, управляющей біеніемъ женскаго сердца и прядущей нити, соединяющія мужчинъ и женщинъ.

«Великая владычица небесъ, многоименная, прекраснолицая, громкимъ голосомъ начала молиться Бентъ-Анатъ:—золотая Гаторъ, вѣдающая горе и блаженство, настоящее и будущее! снизойди къ твоей дочери и направь умъ своего служителя, для поданія мнѣ благого совѣта. Я—дочь отца, великаго, благороднаго и правдиваго подобно божеству. Онъ совѣтуетъ мнѣ—онъ не хочетъ меня принуждать—выйти за человѣка, котораго я никогда не въ состояніи полюбить. Но я встрѣтила другого, не знатнаго по рожденію, но великаго духомъ и дарованіями».

До сихъ поръ Пентауръ, не будучи въ состояніи вымолвить слова, слушалъ царевну. Неужели ему слѣдовало скрываться долѣе и подслушать ея тайну? или же онъ долженъ выйти и показаться ей? Его гордость громко говорила ему: «Теперь она назоветъ твое имя. Ты—избранникъ этой прекраснѣйшей и знатнѣйшей изъ женщинъ». Но другой голосъ, слушаться котораго пріучила его тяжкая школа самовоспитанія, говорилъ ему: «пусть не знающая не скажетъ ничего такого, чего стыдилась бы знающая!» Онъ покраснѣлъ за нее, раздвинулъ занавѣсъ и появился передъ Бентъ-Анатъ.

Царевна въ испугѣ отшатнулась и спросила:

— Не Пентуаръ ли ты, или же одинъ изъ небожителей?

— Я – Пентауръ, твердо проговорилъ онъ:—человѣкъ со всѣми человѣческими слабостями, но съ желаніемъ добра. Останься здѣсь и излей свою душу передъ нашей богиней. Вся моя жизнь будетъ одною молитвой за тебя.

Поэтъ выразительно посмотрѣлъ на нее и тотчасъ, точно боясь опасности, быстро направился къ выходу исповѣдальни. Бентъ-Анатъ окликнула его, и онъ пріостановился.

— Дочь Рамзеса, сказала она:—не нуждается въ оправданіи по поводу прихода сюда, но дѣвушка Бентъ-Анатъ—при этихъ словахъ она покраснѣла—ожидала встрѣтить здѣсь не тебя, а стараго Руи, съ которымъ хотѣла посовѣтоваться. Теперь же я помолюсь.

Бентъ-Анатъ упала на колѣни, а Пентауръ вышелъ изъ комнаты. Когда царевна оставила исповѣдальню, съ южной стороны террасы, на которой она стояла, послышались голоса. Она подошла къ парапету.

— Да здравствуетъ Пентауръ! донеслись голоса снизу. Поэтъ подошелъ, бросился впередъ и сталъ рядомъ съ дочерью царя. Оба глядѣли внизъ въ долину, и ихъ видѣли всѣ.

— Да здравствуетъ Пентауръ! Да здравствуетъ нашъ наставникъ! Возвратись въ домъ Сети. Долой преслѣдователей Пентаура! Долой нашихъ поработителей!

Во главѣ юношей, которые, узнавъ, куда сосланъ ихъ учитель, убѣжали изъ дома Сети, чтобы заявить ему свою преданность, находился царевичъ Рамери, который съ торжествующимъ видомъ кивнулъ своей сестрѣ. Молодой Анана выступилъ впередъ, чтобы въ торжественной и хорошо заученной рѣчи сообщить наставнику, что, въ случаѣ отказа Амени возвратить его въ домъ Сети, они рѣшили—просить своихъ отцовъ перевести ихъ въ другую школу.

Молодой ученый говорилъ хорошо, и Бентъ-Анатъ одобрительно слушала его. Но лицо Пентаура все болѣе и болѣе омрачалось, и прежде чѣмъ его любимый ученикъ докончилъ свою рѣчь, онъ прервалъ его серьёзными словами.

Его голосъ звучалъ сперва укоризненно, потомъ грозно, но, какъ ни громко говорилъ онъ, въ его словахъ не было гнѣва, а только горе.

— Дѣйствительно, заключилъ онъ:—мнѣ приходится жалѣть о каждомъ словѣ, когда-либо произнесенномъ мною передъ вами, если оно подвинуло васъ на это безумное дѣло. Вы рождены во дворцахъ; научитесь повиноваться, чтобы повелѣвать впослѣдствіи. Отправляйтесь назадъ въ школу! Вы колеблетесь? Ну, такъ я приду со своими сторожами и прогоню васъ насильно, такъ какъ вы не дѣлаете мнѣ чести изъявленіями вашего расположенія.

Школьники не возразили ничего; удивленные и разочарованные, они отправились обратно.

Бентъ-Анатъ опустила глаза, когда встрѣтилась со взглядами своего брата, пожимавшаго плечами, и посмотрѣла со страхомъ и уваженіемъ на поэта. Но потомъ ея взоры обратились къ рав-

нинѣ, гдѣ поднялись густыя облака пыли, раздался лошадиный топотъ и стукъ колесъ и, въ ту же минуту, у террасы остановилась колесница Септа̀, перваго гороскопа, и повозка съ сильно вооруженными стражами дома Сети.

Проворный старикъ быстро спустился на земь, строго прикрикнулъ на толпу обратившихся въ бѣгство учениковъ, приказалъ стражамъ отвести ихъ обратно въ школу и съ юношескою поспѣшностью направился къ воротамъ храма.

Жрецы приняли его съ глубочайшимъ почтеніемъ и тотчасъ же высказали ему всѣ свои жалобы.

Онъ слушалъ ихъ милостиво, но, не давъ имъ договорить, сталъ хотя съ трудомъ, но поспѣшно подниматься по ступенямъ, но которымъ ему на встрѣчу спускалась Бентъ-Анатъ.

Царевна чувствовала, что, если гороскопъ узнаетъ ее, то она подвергнется порицанію и ложнымъ толкамъ. Она протянула руку къ своему густому покрывалу, но быстро отдернула ее, со спокойнымъ достоинствомъ взглянула на гнѣвно смотрѣвшаго старика и гордо прошла мимо него. Гороскопъ поклонился ей, не благословивъ ея, и, встрѣтивъ Пентуара на второй террасѣ, приказалъ ему удалить изъ храма всѣхъ богомольцевъ.

Это было исполнено въ нѣсколько минутъ, и жрецы сдѣлались свидѣтелями одной изъ самыхъ тяжелыхъ сценъ, когда-либо происходившихъ въ ихъ тихомъ убѣжищѣ.

Первый изъ гороскоповъ дома Сети былъ заклятой противникъ поэта, рано посвященнаго въ мистеріи. Смѣлый умъ Пентаура нерѣдко пытался расшатать старыя основы, объ укрѣпленіи которыхъ энергичный старикъ съ глубокимъ убѣжденіемъ старался всю свою жизнь. Непріятныя происшествія, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ домѣ Сети и также здѣсь нѣсколько минутъ тому назадъ, онъ считалъ послѣдствіями необузданности сбившагося съ толку мечтателя и самымъ рѣзкимъ образомъ высказалъ, что вся отвѣтственность за «возмущеніе» воспитанниковъ падаетъ на Пентаура.

— Ты смутилъ нетолько нашихъ воспитанниковъ, но также и дочь Рамзеса. Оскверненіе еще не было снято съ нея, а ты назначилъ ей свиданіе не въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, а въ священномъ храмѣ этой чистой богини.

Пентауръ съ гнѣвомъ отвергъ упреки старика, назвалъ ихъ недостойными его возраста, сана и имени и, опасаясь увлечься гнѣвомъ, собирался уйти; но гороскопъ приказалъ ему остаться и въ его присутствіи допросилъ жрецовъ, которые единогласно обвинили Пентаура въ томъ, что кромѣ Бентъ-Анатъ, онъ ввелъ въ храмъ еще другую нечистую женщину,

прогналъ и заключилъ въ тюрьму привратника, сопротивлявшагося подобному беззаконію.

Гороскопъ приказалъ освободить «обиженнаго».

Пентауръ воспротивился этому приказанію, указалъ на свое право распоряжаться здѣсь и дрожащимъ голосомъ попросилъ гороскопа удалиться изъ храма.

Тогда Септà показалъ ему кольцо Амени, въ знакъ того, что послѣдній на время пребыванія гороскопа въ Ѳивахъ сдѣлалъ его своимъ уполномоченнымъ; затѣмъ, онъ объявилъ Пентаура лишённымъ сана, но приказалъ ему, покамѣстъ, не отлучаться изъ храма, и затѣмъ вышелъ изъ святилища Гатасу̀.

Пентауръ молча преклонился при видѣ кольца своего начальника, затѣмъ удалился въ исповѣдальню, въ которой встрѣтился съ Бентъ-Анатъ. Онъ чувствовалъ себя потрясеннымъ въ своихъ самыхъ основныхъ вѣрованіяхъ; его мысли путались, чувства сталкивались, его била лихорадка; и слыша смѣхъ жрецовъ и привратника, торжествовавшихъ свою легкую побѣду, онъ содрагался, точно обезчещенный, который видитъ въ зеркалѣ свое клеймо.

Но, мало-по-малу, онъ пришелъ въ себя: его душа стала успокоиваться и, когда онъ вышелъ изъ исповѣдальни, чтобы взглянуть на востокъ, гдѣ на противуположномъ берегу Нила находился дворецъ, въ которомъ жила Бентъ-Анатъ, онъ почувствовалъ глубокое презрѣніе къ своимъ врагамъ, и въ немъ проснулось гордое сознаніе мужественной силы. Онъ сознавалъ, что имѣетъ враговъ, что для него наступаетъ время борьбы, но ожидалъ ея такъ, какъ юный герой ожидаетъ наступленія утра первой битвы.

XV.

Послѣполуденныя тѣни стали уже удлинняться, когда великолѣпная колесница приблизилась къ воротамъ террасоваго храма.

На колесницѣ стоялъ Паакеръ, вожатый царя, и правилъ горячими сирійскими конями. Позади него стоялъ старый невольникъ эѳіопъ и огромная собака слѣдовала за колесницей, высунувъ запекшійся языкъ.

У воротъ храма онъ былъ окликнутъ и сдержалъ своихъ коней. Тщедушный человѣчекъ шелъ ему на встрѣчу, и онъ, узнавъ въ немъ карлика Нему, воскликнулъ съ негодованіемъ:

— Изъ-за тебя, дрянь, я остановилъ своихъ коней. Чего тебѣ надо?

— Я хочу попросить тебя, смиренно кланяясь сказалъ карликъ, взять меня съ собою въ Өивы на обратномъ пути.

— Ты—карликъ возницы Мены? спросилъ вожатый.

— Точно такъ, отвѣчалъ Нему:—я принадлежу его супругѣ, госпожѣ Нефертъ. Я своими маленькими ногами тащусь медленно, а твои кони мчатся такъ быстро.

— Садись, приказалъ Паакеръ.—Развѣ ты пришелъ пѣшкомъ въ городъ мертвыхъ?

— Нѣтъ, господинъ мой, отвѣчалъ Нему:—я пріѣхалъ на ослѣ, но какой-то злой духъ влѣзъ въ мою скотину и поразилъ ее болѣзнью. Я долженъ былъ бросить ее на дорогѣ. Звѣри Анубиса [1] поужинаютъ сегодня лучше нашего.

— Говорятъ, что обстоятельства твоей госпожи плохи, спросилъ вожатый.

— Хлѣбъ-то у насъ еще есть, отвѣчалъ Нему:—а въ Нилѣ воды довольно. Для женщинъ и карликовъ не требуется много мяса, но наша послѣдняя скотина принимаетъ такой видъ, что слишкомъ жестка для человѣческихъ зубовъ.

Вожатый не понялъ шутки карлика и вопросительно поглядѣлъ на него.

— Скотъ превращаютъ въ деньги, а они неудобны для зубовъ; но скоро съ нимъ покончатъ, и тогда придется придумывать рецептъ печенія сытныхъ пироговъ изъ земли, воды и пальмовыхъ листьевъ. Мнѣ-то, вѣдь, все равно; карлику нужно немного; но жаль бѣдную, изнѣженную мою госпожу!

Паакеръ такъ сильно стегнулъ плетью своихъ лошадей, что они высоко взвились на дыбы, и ему понадобилась вся его сила, чтобы сдержать ихъ.

— Ты сломаешь имъ челюсти, замѣтилъ старый рабъ, стоявшій за Паакеромъ.—Жаль прекрасныхъ животныхъ.

— Ты, что ли, станешь платить за нихъ? огрызнулся Паакеръ. Затѣмъ снова обратился къ карлику и спросилъ съ волненіемъ:

— Зачѣмъ допускаетъ Мена, чтобы женщины нуждались?

— Онъ разлюбилъ свою жену, отвѣчалъ карликъ, печально опустивъ глаза.—При послѣднемъ раздѣлѣ добычи, онъ отказался отъ серебра и золота и набралъ себѣ въ палатку чужеземокъ. Злые духи ослѣпили его; развѣ есть на свѣтѣ женщина прекраснѣе Неферть?

---

[1] Шакалы.

— А ты любишь свою госпожу?

— Какъ свѣтъ моихъ глазъ.

Во время этого разговора они доѣхали до террассоваго храма. Паакеръ бросилъ возжи рабу, велѣлъ ему подождать вмѣстѣ съ карликомъ и заявилъ привратнику о своемъ желаніи, чтобы его проводили къ настоятелю храма, Пентауру. Требованіе свое онъ подкрѣпилъ полною горстью денегъ.

Привратникъ, помахивая передъ нимъ кадиломъ, впустилъ его въ святилище и сказалъ:

— Ты найдешь его на третьей террасѣ; но онъ уже пересталъ быть нашимъ настоятелемъ.

— Однакоже, его называли такъ въ Домѣ Сети, откуда я пріѣхалъ, возразилъ Паакеръ.

Привратникъ, съ презрительною улыбкой, пожалъ плечами и, проговоривъ: «Пальмовое дерево скоро подымается, но еще скорѣе падаетъ», велѣлъ храмовому служителю проводить Паакера къ Пентауру.

Этотъ послѣдній тотчасъ узналъ могара, спросилъ, что ему нужно, и узналъ, что онъ явился съ цѣлью получить объясненіе видѣннаго имъ страннаго сна.

Прежде, чѣмъ начать описаніе своего сна, Паакеръ объявилъ, что онъ проситъ оказать ему эту услугу не безвозмездно. Замѣтивъ, что при этихъ словахъ черты жреца омрачились, онъ прибавилъ:

— Я принесу вашей богинѣ въ жертву прекрасное животное, если твое истолкованье сна будетъ благопріятно.

— А въ противномъ случаѣ?—спросилъ Пентауръ, которому въ Домѣ Сети никогда не приходилось имѣть ни малѣйшаго дѣла съ платежами богомольцевъ и дарами ханжей.

— Тогда я пришлю барана, отвѣчалъ Паакеръ, который замѣтилъ звучавшую въ словахъ жреца тонкую насмѣшку и вообще имѣлъ обыкновеніе соразмѣрять свои жертвы божеству съ тѣмъ значеніемъ, которое оно имѣло для его собственной особы.

Пентауръ вспомнилъ о приговорѣ, который произнесъ о Паакерѣ жрецъ Гагабу, и ему вздумалось испытать—до какой степени доходитъ ослѣпленіе этого человѣка. Поэтому, онъ, съ трудомъ удерживаясь отъ улыбки, сказалъ:

— А если я тебѣ не предскажу ничего дурного, но вмѣстѣ и ничего вполнѣ хорошаго?

— Тогда—одну антилопу и четырехъ гусей, быстро отвѣчалъ Паакеръ.

— А если я вовсе не захочу служить тебѣ? спросилъ Пентауръ.—Если я подумаю, что недостойно жреца допускать пла-

тежи богамъ, какъ будто какимъ либо подкупнымъ должностнымъ лицамъ, по мѣрѣ ихъ милости къ отдѣльному человѣку; если я тебѣ, и именно тебѣ—вѣдь, я знаю тебя со школьной скамейки—скажу теперь, что есть вещи, которыхъ нельзя купить за пріобрѣтенныя по наслѣдству деньги?

Вожатый съ изумленіемъ и бѣшенствомъ отступилъ назадъ; Пентауръ спокойно продолжалъ:

— Я стою здѣсь, какъ служитель божества, но, какъ видно по выраженію твоего лица, немногаго не доставало для того, чтобы ты и на мнѣ испробовалъ свойственное твоему характеру насиліе. Боги посылаютъ намъ сны не для того, чтобы создавать намъ будущія радости или предостерегать насъ отъ несчастій; посредствомъ сновидѣній они подаютъ намъ только совѣтъ—приготовлять наши души такимъ образомъ, чтобы мы были способны съ покорностью переносить дурное и съ сердечною благодарностію принимать хорошее и изъ того и другаго извлекать пользу для нашей внутренней жизни. Я не стану истолковывать твои сны! Приходи безъ даровъ, но со смиреннымъ сердцемъ, съ жаждою внутренняго просвѣтленія — и тогда я буду просить боговъ—вразумить меня, а тебѣ даже дурной сонъ объяснить такимъ образомъ, чтобы онъ послужилъ тебѣ въ благо. Оставь меня и храмъ!

Паакеръ заскрежеталъ зубами отъ гнѣва, но сдержался и сказалъ только, медленно удаляясь:

— Еслибы ты не былъ уже смѣщенъ съ твоей должности, то, можетъ быть, поплатился бы за дерзость, съ которою ты отталкиваешь меня. Мы еще встрѣтимся, и тогда ты узнаешь, что наслѣдственныя деньги въ надлежащихъ рукахъ могутъ сдѣлать больше, чѣмъ тебѣ желательно.

«Еще одинъ врагъ», подумалъ Пентауръ, оставшись одинъ, и выпрямился съ радостнымъ сознаніемъ, что онъ служитъ правдѣ.

Во время разговора вожатаго съ Пентауромъ, карликъ Нему говорилъ съ привратникомъ и узналъ отъ него о происшедшихъ въ храмѣ событіяхъ.

Блѣдный отъ бѣшенства, Паакеръ сѣлъ въ свою колесницу и погналъ лошадей прежде, чѣмъ Нему успѣлъ вскарабкаться на подножку, но рабъ-эѳіопъ схватилъ карлика и въ сохранности поставилъ его за своимъ господиномъ.

«Мошенникъ, негодяй! онъ поплатится мнѣ за это; собаку эту зовутъ Пентауромъ», бормоталъ про себя могаръ.

Отъ карлика не ускользнуло ни одно изъ его словъ, и какъ только онъ услыхалъ имя поэта, то сказалъ вожатому:

— Настоятелемъ этого храма они назначили мерзавца; его зовутъ Пентауромъ. Онъ былъ прогнанъ изъ дома Сети за свою безнравственность и теперь, говорятъ, побудилъ учениковъ къ бунту и заманилъ нечистыхъ женщинъ въ святилище. Мои губы не смѣютъ выговорить это, но привратникъ клялся, что первый гороскопъ изъ дома Сети засталъ его на свиданіи съ Бентъ-Анатъ, дочерью царя, и тотчасъ же удалилъ его отъ должности.

— Съ Бентъ-Анатъ? повторилъ Паакеръ и прежде, чѣмъ карликъ успѣлъ отвѣчать, пробормоталъ: «Да, съ Бентъ-Анатъ». Онъ вспомнилъ о завчерашнемъ днѣ, о томъ, какъ долго царевна оставалась со жрецомъ въ хижинѣ парасхита, когда самъ Паакеръ говорилъ съ Нефертъ и ходилъ къ колдуньѣ.

— Не желалъ бы я быть въ кожѣ жреца, сказалъ Нему:—потому что, хотя Рамзесъ находится и далеко, но намѣстникъ Ани довольно близко. Правда, это—такой человѣкъ, что онъ рѣдко прибѣгаетъ къ строгости, но, вѣдь, и голубь не позволяетъ трогать своего собственнаго гнѣзда.

Паакеръ вопросительно посмотрѣлъ на карлика.

— Мнѣ извѣстно это, увѣрялъ Нему.—Намѣстникъ проситъ у Рамзеса руки его дочери. Да, онъ уже сватался, продолжалъ карликъ, въ отвѣтъ на недовѣрчивую улыбку вожатаго:—и царь не прочь дать свое согласіе; вѣдь онъ—охотникъ устраивать свадьбы; тебѣ это извѣстно наилучшимъ образомъ!

— Мнѣ?—съ удивленіемъ спросилъ могаръ.

— Да не онъ ли заставилъ Катути выдать свою дочь за возницу Мену? Я знаю это отъ нея самой, и она можетъ подтвердить тебѣ это.

Паакеръ отрицательно покачалъ головою, но карликъ настойчиво продолжалъ:

— Однако это дѣйствительно такъ. Катути желала имѣть тебя, и только тебя, своимъ зятемъ; но царь—никакъ не она—разстроилъ эту свадьбу. Тебя тогда выставили, должно быть, съ дурной стороны при Высокихъ Вратахъ, потому что Рамзесъ произнесъ на твой счетъ много жесткихъ словъ. Нашъ братъ, маленькій человѣчекъ, похожъ на мышь, которая узнаетъ много вещей, притаившись за занавѣской.

Паакеръ разомъ остановилъ своихъ лошадей, сошелъ съ колесницы, бросилъ возжи рабу, позвалъ карлика къ себѣ и сказалъ:

— Отсюда мы пойдемъ до рѣки пѣшкомъ, и ты разскажешь

мнѣ что̀ тебѣ извѣстно; но если съ твоихъ губъ сорвется хоть одно слово неправды, то я велю разорвать тебя своимъ собакамъ.

— Я знаю, что ты всегда держишь свое слово, со вздохомъ отвѣчалъ карликъ:—но иди потише, если ты не хочешь, чтобы я задохся. Пусть сама Катути разскажетъ тебѣ ка̀къ случилось все это. Рамзесъ принудилъ ее отдать Нефертъ возницѣ. Незнаю, что̀ именно наговорилъ про тебя Мена, только это были далеко нелестные отзывы. Бѣдная моя госпожа! Она позволила шалопаю, баловню женщинъ, уговорить ее, а теперь жалуется и плачетъ. Когда я съ Катути прохожу мимо высокихъ воротъ твоего дома, то часто она горько вздыхаетъ и сѣтуетъ, и конечно основательно, потому что скоро наступитъ конецъ нашему великолѣпію и намъ придется искать какого-нибудь скромнаго уголка въ нижней странѣ, между Аму [1], потому что благородные будутъ избѣгать насъ, какъ отверженныхъ. Ты можешь порадоваться, что не связалъ своей судьбы съ нашею, но у меня вѣрное сердце, и я раздѣлю съ моею госпожей ея несчатіе.

— Ты говоришь загадками, сказалъ Паакеръ. — Что̀ вамъ грозитъ?

Карликъ разсказалъ, ка̀къ братъ Нефертъ проигралъ мумію своего отца, какъ велика проигранная сумма и ка̀къ его госпожа Катути, вмѣстѣ съ своею дочерью, должна будетъ подвергнуться утратѣ чести.

— Кто спасетъ Нефертъ? проговорилъ онъ, запинаясь.—Безсовѣстный мужъ ея проматываетъ наслѣдственное имущество и добычу; Катути не имѣетъ ничего, а слова «дай мнѣ» разгоняютъ друзей подобно тому, какъ куръ разгоняютъ крики коршуна. Бѣдная моя госпожа!

— Сумма велика, пробормоталъ Паакеръ про себя.

— Она громадна, вздохнулъ карликъ:—да и гдѣ найти ее въ эти тяжелыя времена?—Съ нами было бы не то, если бы... если бы... И притомъ, это способно свести съ ума! — Я не думаю, чтобы Нефертъ хоть крошечку заботилась о своемъ хвастливомъ супругѣ. Она столько же думаетъ о тебѣ, сколько о немъ.

Паакеръ посмотрѣлъ на карлика на половину съ недовѣрчивымъ и наполовину съ угрожающимъ видомъ.

— Да, о тебѣ, подтвердилъ карликъ.—Со-времени вашей по-

---

[1] Семиты, населявшіе въ тѣ времена, къ которымъ относится этотъ разсказъ, восточную дельту. См. Эберса «Aegypten und die Bücher Mose's, а также отдѣлъ: «Le Sémitisme en Égypte» во 2-мъ изданіи «Histoire d'Égypte» Бругта. Изъ древняго названія Аму впослѣдствіи образовалось названіе Біамиты.

ѣзди въ городъ мертвыхъ—это было за-вчера — она говоритъ только о тебѣ, выхваляетъ твою дѣятельность и твой твердый, мужественный характеръ. Точно какія-то чары заставляютъ ее думать о тебѣ.

Паакеръ до того ускорилъ свои шаги, что Нему снова былъ принужденъ просить его идти потише.

Молча дошли они до Нила, гдѣ Паакера ожидала богатая барка, на которую былъ поставленъ и его экипажъ. Онъ сошелъ въ каюту, позвалъ къ себѣ Нему и сказалъ:

— Я—ближайшій родственникъ Катути; мы помирились: почему же она не обратилась ко мнѣ въ своей нуждѣ?

— Потому, что она горда и твоя кровь течетъ также и въ ея жилахъ. Она скорѣе умретъ вмѣстѣ съ своею дочерью, сказала она, чѣмъ станетъ просить милостыни у тебя, противъ котораго она такъ виновата.

— Такъ она вспомнила обо мнѣ?

— Тотчасъ же, и при этомъ нисколько не сомнѣвалась въ твоемъ благородствѣ. Я повторяю, она высоко ставитъ тебя, и если бы стрѣла врага или кара боговъ поразили Мену, то она съ восторгомъ привела-бы свою дочь къ тебѣ въ объятія, и мнѣ кажется, что и Неферть не забыла товарища своего дѣтства. Уже за-вчера вечеромъ, возвращаясь изъ города мертвыхъ, еще прежде, чѣмъ дошли до насъ письма изъ лагеря, она была полна тобой [1], даже звала тебя во снѣ; я знаю это отъ Кандаке, ея черной служанки.

Вожатый опустилъ глаза и сказалъ:

— Странно: въ ту же самую ночь и я видѣлъ сонъ, въ которомъ мнѣ явилась твоя госпожа; дерзкій жрецъ въ храмѣ Гаторъ долженъ былъ объяснить мнѣ его...

— И онъ, глупецъ, отказалъ тебѣ? Но есть и другіе люди, понимающіе, кое-что въ сновидѣніяхъ; и я—не послѣдній между ними. Спрашивай своего слугу. Девяносто девять разъ изо ста мои объясненія бываютъ удачны. Въ чемъ заключался твой сонъ?

— Я стоялъ возлѣ Нила, отвѣчалъ Паакеръ, опустивъ глаза и водя своимъ хлыстикомъ по шерсти пестраго ковра каюты:— воды были спокойны, и я увидалъ Неферть, которая стояла на другомъ берегу и кивала мнѣ оттуда. Тогда я позвалъ ее, и она пошла по волнамъ точно по этому ковру, точно по камнямъ, лежащимъ въ пустынѣ, не замочивъ своихъ ногъ. Странное зрѣ-

---

[1] Быть полнымъ (meh) кѣмъ нибудь употребляется и на египетскомъ языкѣ вмѣсто выраженія «быть влюбленнымъ въ кого нибудь».

лице! Она подошла ко мнѣ близко, и я хотѣлъ уже схватить ее за руку, но она нырнула въ воду, какъ лебедь. Я вошелъ въ воду, чтобы поймать ее и, когда она вынырнула снова, охватилъ ее своими руками, но вотъ тутъ-то и произошло самое странное, необычайное! Она растаяла, какъ снѣгъ въ сирійскихъ горахъ, когда его берутъ въ руку; только ея волосы превратились въ водяныя лиліи, глаза—въ двѣ свѣтленькія рѣзво-плавающія рыбки, губы—въ двѣ коралловыя вѣтки, а изъ всего тѣла ея образовался крокодилъ съ головою Мены, который смотрѣлъ на меня, смѣясь и оскаливъ зубы. Тогда мною овладѣла сильная ярость; я бросился на него съ обнаженнымъ мечемъ, онъ вонзилъ свои зубы въ мое тѣло, я ударилъ его своимъ оружіемъ; Нилъ потемнѣлъ отъ нашей крови, и такъ мы боролись другъ съ другомъ, боролись цѣлую вѣчность. Наконецъ, я проснулся.

Вожатый глубоко вздохнулъ при послѣднихъ словахъ и казалось, что его дикій сонъ снова пробудилъ въ немъ ужасъ.

Карликъ слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ; но прошло много минутъ прежде, чѣмъ онъ началъ говорить:

— Странный сонъ! Однако, для человѣка знающаго не трудно его объяснить. Нефертъ стремится къ тебѣ; она хочетъ сдѣлаться твоею, но она ускользнетъ изъ твоихъ рукъ, хотя бы тебѣ казалось, что ты уже держишь ее: она растаетъ, какъ ледъ, и разсѣется, какъ песокъ, если ты не съумѣешь устранить крокодила съ твоего пути.

Въ эту минуту барка подошла къ пристани. Вожатый вскочилъ и вскричалъ:

— Мы у цѣли!

— Мы у цѣли, повторилъ карликъ выразительно.—Но вонъ тамъ еще придется перейдти черезъ маленькій мостикъ.

Когда оба стояли уже на берегу, Нему сказалъ:

— Благодарю за твое гостепріимство; и если я могу тебѣ служить, то приказывай.

— Поди сюда, вскричалъ вожатый и повелъ карлика подъ тѣнь сикоморы, облитой лучами заходившаго солнца.

— Чтò ты разумѣешь подъ мостикомъ, который намъ придется перейти? Я не понимаю цвѣтистыхъ рѣчей и требую болѣе ясныхъ словъ.

Карликъ съ минуту подумалъ и затѣмъ спросилъ:

— Могу ли я откровенно и прямо высказать свои мысли? Ты не будешь на меня сердиться?

— Говори.

— Крокодилъ, это—Мена. Сгони его сò свѣта, и ты перей-

дешь мостъ, потому что тогда Неферть будетъ твоею, если ты будешь слѣдовать моимъ совѣтамъ.

— Что мнѣ слѣдуетъ дѣлать?

— Сгони возницу со свѣта!

Паакеръ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая сказать, что это—дѣло уже давно рѣшенное, и, ради хорошаго предзнаменованія, повернулся такимъ образомъ, чтобы восходившая луна была у него справа; но карликъ продолжалъ:

— Обезпечь за собою Неферть, чтобы она не ускользнула отъ тебя, какъ въ сновидѣньи, прежде, чѣмъ ты достигнешь цѣли; то-есть, спаси честь твоей будущей тёщи и твоей будущей жены, такъ какъ ты, конечно, не можешь желать — ввести въ свой домъ женщину, отмѣченную клеймомъ позора.

Паакеръ задумчиво смотрѣлъ въ землю, а Нему прибавилъ:

— Могу ли я сказать своей госпожѣ, что ты хочешь спасти ее? Могу? Въ такомъ случаѣ, все устроится хорошо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Солнце зашло, и ночной мракъ покрывалъ городъ мертвыхъ.

Слабый свѣтъ виднѣлся въ пещерѣ колдуньи Гектъ, а передъ хижиною парасхита горѣлъ огонь, который бабка больной Уарды по временамъ поддерживала кусочками высушеннаго навоза. Двое мужчинъ сидѣли передъ хижиною и молча смотрѣли на слабое пламя, котораго тусклый свѣтъ былъ затемненъ болѣе яркимъ сіяніемъ луны, между тѣмъ какъ третій, отецъ Уарды, потрошилъ большого барана, которому онъ отрѣзалъ голову.

— Какъ воютъ шакалы! сказалъ старый парасхитъ, плотнѣе натягивая на свои нагія плечи изорванный бумажный платокъ, накинутый имъ для защиты отъ ночной прохлады и росы.

— Они чуютъ свѣжее мясо, отвѣчалъ врачъ Небсехтъ.—Выбросьте имъ потомъ требуху; а спину и ноги изжарьте. Поосторожнѣе вырѣзай сердце, воинъ; пожалуйста, осторожнѣе. Вотъ—оно. Животное было изъ крупныхъ.

Небсехтъ взялъ сердце барана въ руку и внимательно разсматривалъ его. Старый парасхитъ боязливо взглянулъ на него и сказалъ:

— Я обѣщалъ, сдѣлать для тебя все, что ты захочешь, если ты вылечишь Уарду; но ты требуешь невозможнаго.

— Невозможнаго?—сказалъ Небсехтъ.—Почему же это невозможно? Ты вскрываешь трупы, постоянно бываешь въ домѣ бальзамировщиковъ. Устрой такъ, чтобы очутиться вблизи конопъ [1]. Положи туда это сердце и вынь человѣческое. Никто не замѣтитъ этого. Да вѣдь, я не тороплю тебя; нѣтъ надобности, чтобы это было сдѣлано непремѣнно завтра или послѣ завтра. Пусть твой сынъ каждый день покупаетъ барана на мои деньги и рѣжетъ его, пока намъ не удастся устроить дѣло. Твоя внучка скоро поправится при хорошей мясной пищѣ. Мужайся!

— Я не боюсь опасности, сказалъ старикъ:—но развѣ я смѣю лишать покойника будущей жизни? Да и кромѣ того, я прожилъ столько лѣтъ въ горѣ и позорѣ—никто не считалъ ихъ—я слѣдовалъ заповѣдямъ, чтобы въ будущей жизни меня признали праведникомъ и чтобы на поляхъ Аалу и въ солнечной баркѣ найти вознагражденіе за все, чего я былъ лишонъ здѣсь. Ты добръ и ласковъ. Изъ-за чего же ты, ради прихоти, жертвуешь вѣчнымъ блаженствомъ человѣка, который въ теченіи долгой жизни не зналъ счастья и не сдѣлалъ тебѣ никакого зла?

— Для чего именно мнѣ нужно сердце, отвѣчалъ Небсехтъ:— этого ты не можешь понять; но если ты достанешь мнѣ его, то окажешь содѣйствіе великой и полезной цѣли. Прихотей у меня нѣтъ, и я—не тунеядецъ. А что касается до твоего блаженства, то будь покоенъ. Я—жрецъ и беру на себя твой поступокъ и его послѣдствія; слышишь ли? я беру его на свою отвѣтственность. Я говорю тебѣ, какъ жрецъ, что дѣло, котораго я требую отъ тебя—дѣло доброе; а если судьи мертвыхъ спросятъ тебя, зачѣмъ ты вынулъ сердце изъ конопа, то отвѣчай имъ: «Потому что жрецъ Небсехтъ приказалъ мнѣ сдѣлать это и обѣщалъ взять на себя всю отвѣтственность».

Старикъ задумчиво потупился, а врачь продолжалъ настойчивѣе:

— И если ты исполнишь мое желаніе, то, клянусь тебѣ, я по-

---

[1] Вазы изъ глины, известковаго камня или алебастра, служившія для храненія внутренностей набальзамированныхъ египтянъ и изображавшія четырехъ геніевъ смерти: Амсета, Гапи, Туамутефа и Кхебсеннуфа. Вмѣсто крышки, на каждой конопѣ находилась голова генія, которому она была посвящена. Амсетъ (подъ покровительствомъ Изиды) имѣетъ человѣческую голову, Гапи (покровительствуемый богинею Нефтисъ)—голову обезьяны, Туамутефъ (покровительствуемый богинею Нейтъ)—голову шакала, Кхебсеннуфъ (подъ покровительствомъ богини Сельկъ)—голову ястреба. Въ одной христіанской коптской рукописи, вмѣсто этихъ боговъ, упоминаются имена четырехъ архангеловъ.

забочусь, чтобы, въ случаѣ твоей смерти, твоя мумія была снабжена всѣми амулетами и самъ напишу тебѣ книгу выхода на дневной свѣтъ [1] и прикажу облечь тебя въ пелены мумій [2], какъ вельможу. Это оградитъ тебя противъ всѣхъ демоновъ, и ты получишь доступъ въ чертогъ сугубаго награждающаго и карающаго правосудія и будешь признанъ достойнымъ блаженства.

— Но похищеніе сердца увеличитъ тягость моихъ грѣховъ, когда станутъ взвѣшивать мое собственное сердце, со вздохомъ сказалъ старикъ.

Небсехтъ, съ минуту подумавъ, заговорилъ:

— Я дамъ тебѣ записку, въ которой заявлю, что самъ приказалъ тебѣ совершить это похищеніе. Ты зашьешь ее въ мѣшочекъ, будешь носить на груди и прикажешь положить съ собой въ могилу. Если затѣмъ Техути [3], заступникъ душъ, приметъ на себя твое оправданіе передъ Озирисомъ и судьями мертвыхъ [4], то подай ему мою записку. Онъ прочтетъ ее и тебя признаетъ праведнымъ.

— Я не умѣю читать, пробормоталъ старикъ, и въ его голосѣ слышалось легкое недовѣріе.

— А я клянусь девятью великими богами, что напишу именно то, что обѣщалъ тебѣ. Я дамъ удостовѣреніе, что я, жрецъ Небсехтъ, приказалъ тебѣ взять сердце и что это—вина моя, а не твоя.

— Такъ принеси же мнѣ это удостовѣреніе.

Врачъ отеръ потъ со лба, подалъ руку парасхиту и сказалъ:

— Завтра ты получишь его, а я не отойду отъ твоей внучки, пока она не выздоровѣетъ.

Воинъ, разрѣзавшій барана, не слыхалъ ни слова изъ этого разговора. Теперь онъ протянулъ надъ огнемъ деревянную заостренную палку съ воткнутою на ней частью баранины, чтобы изжарить ее. Шакалы завыли громче, когда запахъ растоплен-

---

[1] Такую надпись имѣетъ первая глава книги мертвыхъ.

[2] Тексты изъ книги мертвыхъ находятъ подъ пеленами у бедръ или подъ мышкой, часто въ гробу подъ муміей или возлѣ нея.

[3] т. е. Тотъ.

[4] На рисункахъ къ 125 главѣ книги мертвыхъ изображенъ судъ надъ умершими у египтянъ. Подъ балдахиномъ сидитъ на тронѣ Озирисъ, въ качествѣ верховнаго судьи; около него находятся 42 ассисента. Тутъ же стоятъ вѣсы; обезьяна съ собачьей головой, священное животное Тота, направляетъ ихъ. Съ одной стороны находится сердце умершаго, съ другой—изображеніе богини истины, вводящей душу въ судилище. Богъ Тотъ пишетъ протоколъ. Душа завѣряетъ, что она не совершила 42 смертныхъ грѣховъ, и если ей вѣрятъ, то ее считаютъ «говорящей правду» и признаютъ блаженной. Тогда душа получаетъ обратно свое сердце и возраждается къ новой божественной жизни.

наго сала разошелся по воздуху. Старикъ, глядя на жаркое, забылъ о страшномъ обязательствѣ, которое принялъ на себя. Въ его хижинѣ уже цѣлый годъ не было и помину о мясѣ.

Отломивъ для себя кусочекъ хлѣба, врачъ Небсехтъ смотрѣлъ на ужинавшихъ. Они отрывали мясо отъ костей, и въ особенности солдатъ пожиралъ непривычное ему лакомое кушанье съ жадностью звѣря. Онъ ржалъ, точно лошадь у яслей, и отвращеніе наполнило душу жреца.

«Чувственные люди, звѣри съ сознаніемъ! бормоталъ онъ про себя: — а все-таки — люди. Странно! Они безъисходно опутаны узами чувственнаго міра, а между тѣмъ, несравненно пламеннѣе насъ стремятся къ сверхчувственному, и оно къ нимъ гораздо ближе, чѣмъ къ намъ.

— Не хочешь ли мяса? вскричалъ солдатъ, замѣтивъ, что врачъ шевелитъ губами. Онъ оторвалъ кусокъ мяса отъ кости бедра и протянулъ его къ Небсехту.

Врачъ попятился, и жадный взглядъ, блестящіе зубы и грубыя смуглыя черты этого человѣка испугали его. При этомъ онъ вспомнилъ нѣжныя черты и бѣлое лицо больной дѣвушки и невольно спросилъ:

— Уарда—твоя собственная дочь?

Солдатъ ударилъ себя въ грудь и отвѣчалъ:

— Это также вѣрно, какъ то, что царь Рамзесъ — сынъ Сети.

Когда отецъ съ сыномъ окончили свой ужинъ и истребили поданныя имъ женою парасхита плоскія лепешки, которыми они вытирали жиръ со своихъ пальцевъ, солдатъ, въ неповоротливомъ мозгу котораго надолго засѣлъ вопросъ врача, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Ея мать была чужеземка. Она положила бѣлую голубку въ гнѣздо ворона.

— Изъ какой земли была твоя жена? спросилъ Небсехтъ.

— Не знаю, право.

— Развѣ ты не спрашивалъ ее объ ея происхожденіи? вѣдь, она была жена твоя.

— Какъ не спрашивать! Но развѣ она могла отвѣчать мнѣ толкомъ? Это — странная, длинная исторія.

— Разскажи мнѣ ее, просилъ Небсехтъ. — Ночь длинна, и я больше люблю слушать, чѣмъ говорить. Но прежде я взгляну на нашу больную.

Убѣдившись, что Уарда спитъ спокойно, ея дыханіе ровно и правильно, онъ снова обратился со своимъ вопросомъ къ отцу и сыну, и послѣдній началъ разсказъ.

— Это было давно. Сети былъ еще живъ, но Рамзесъ управлялъ уже вмѣсто него. Я вернулся домой съ сѣвера. Меня послали туда къ работникамъ, которые должны были строить крѣпость въ Цоанѣ, городѣ Рамзеса [1]. Я былъ сдѣланъ надсмотрщикомъ надъ шестью работниками; все это были аму [2] изъ племени евреевъ [3], которое Рамзесъ держалъ въ тяжкой кабалѣ. Въ числѣ работниковъ были сыновья богатыхъ стадовладѣльцевъ, такъ какъ при выборѣ рабочихъ не спрашивалось: «что у тебя есть»? а спрашивалось: «изъ какого ты племени»? Крѣпостныя работы и каналъ для соединенія Нила съ Тростниковымъ Моремъ надлежало окончить, и царь, да процвѣтетъ его жизнь, здравіе и сила! взялъ съ собою на войну молодыхъ воиновъ изъ Египта, а народъ аму, родственный по племени съ врагами царя на востокѣ, употребилъ на работы. Хорошо жилось въ Гозенѣ, такъ какъ это—прекрасная сторона, изобилующая хлѣбомъ, травою, овощами, рыбами и птицами [4], и у меня не было недостатка въ самыхъ лучшихъ вещахъ, потому что изъ шести подвластныхъ мнѣ людей двое были матушкины сынки, родители которыхъ много разъ снабжали меня серебромъ. Каждый человѣкъ любитъ своихъ дѣтей, но евреи любятъ ихъ нѣжнѣе, чѣмъ всѣ другіе люди. Мы ежедневно должны были доставить извѣстное число кирпича [5], и тутъ я помогалъ молодымъ людямъ, когда солнце жгло слишкомъ сильно; и въ одинъ часъ я одинъ натаскивалъ больше кирпичей, чѣмъ они въ три, потому что я силенъ, а тогда былъ еще сильнѣй, чѣмъ теперь.

Тутъ настало время, когда меня освободили. Я долженъ былъ вернуться въ Ѳивы къ военноплѣннымъ работникамъ, назначеннымъ для постройки храма Амона; и, такъ какъ я принесъ домой кое-какія деньжонки, а окончаніе огромного жилища царя боговъ еще было далеко, то мнѣ пришло на мысль обзавестись женою, только не изъ египтянокъ. Дочерей парасхитовъ было довольно, но я хотѣлъ выбраться изъ проклятой касты отца, а другія здѣшнія дѣвушки, какъ я зналъ, боялись нашей нечистоты. Въ нижней странѣ мнѣ было лучше: тамъ женщины изъ

---

[1] Рамисъ Библія. Исходъ I.

[2] Семиты.

[3] Относительно слѣдовъ пребыванія евреевъ въ Египтѣ, оказывающихся изъ памятниковъ и папирусовъ, смотри Шаба: Mélanges égyptologiques, и Эберса: Aegypten und die Bücher Mose's.

[4] Относительно Гозена и упоминовенія о немъ на памятникахъ см. Эберса: «Чрезъ Гозенъ до Синая, изъ книги странствованія и изъ библіотеки». Въ письмѣ одного «писца» къ своему начальнику сильно расхваливаются прелести этой мѣстности.

[5] Исходъ I. 13 и 14. Исходъ V, 7 и 8.

племенъ аму и шазу охотно приходили въ мою палатку. Съ тѣхъ поръ я сталъ подумывать о женѣ-азіаткѣ.

Много разъ появлялись въ продажѣ военноплѣнныя дѣвушки, но онѣ или не нравились мнѣ, или были слишкомъ дороги. Между тѣмъ мои денежки растаяли, потому что въ свободные отъ работъ часы мы жили весело. Притомъ, въ кварталѣ иноземцевъ было довольно плясуній.

Однажды, какъ разъ во время священнаго празднества лѣстницы [1] прибылъ новый транспортъ военноплѣнныхъ; въ ихъ числѣ было много женщинъ, которыя продавались у большой пристани съ публичнаго торга. За красивыхъ и молодыхъ платили большую цѣну, но даже и тѣ, которыя были постарше, оказались слишкомъ дорогими для моего кармана.

Совсѣмъ подъ конецъ торга, были выведены двѣ женщины: одна слѣпая и другая нѣмая, какъ добросовѣстно сообщилъ покупателямъ глашатай, который такъ усердно расхваливалъ качества другихъ плѣнницъ. Слѣпая имѣла здоровыя руки, и ее купилъ хозяинъ питейнаго дома, у котораго она еще и теперь ворочаетъ ручную мельницу; а нѣмая держала на рукахъ ребенка, и никто не могъ сказать стара она или молода. Она имѣла видъ мертвой, а ея малютка, повидимому, хотѣла раньше ея лечь въ могилу. Притомъ, волосы ея были рыжіе, огненно-рыжіе, настоящаго цвѣта Тифона. Ея бѣлое, какъ снѣгъ, лицо было не хорошо и не дурно, а только въ немъ была замѣтна усталость, смертельная усталость. По ея сухимъ, бѣлымъ рукамъ, какъ темные шнурки извивались синія жилы, и кисти рукъ безсильно были опущены, и на нихъ висѣла дѣвочка. Когда подымался вѣтеръ, то мнѣ казалось, что онъ унесетъ ее вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Глашатай ожидалъ заявленія покупщиковъ. Всѣ молчали, потому что ея нѣмая тѣнь не годилась ни къ чему: она была полумертвая, а погребеніе дорого стòитъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Тогда глашатай подошелъ къ ней и ударилъ ее хлыстомъ, чтобы нѣсколько оживить ее и показать покупателямъ, что она не такъ хила, какъ это кажется. Она вздрогнула, крѣпко прижала къ себѣ ребенка, осмотрѣлась вокругъ, точно ища помощи и остановила глаза прямо на моемъ лицѣ. То, чтò тутъ произошло, было похоже на какое-то чудо. Ея глаза были больше, чѣмъ у какой бы то ни было женщины, которую мнѣ случалось видѣть, и въ нихъ сидѣлъ какой-то демонъ, который имѣлъ надо мною власть и управлялъ мною до конца.

---

[1] Большой праздникъ въ честь Амона Хема.

Было нежарко, я ничего не пилъ; однакоже, едва встрѣтивши ея взглядъ, я, противъ своей воли и вопреки разсудку, предложилъ для покупки ея все, что имѣлъ. Я могъ бы купить ее дешевле. Мои товарищи смѣялись надо мною; продавецъ взялъ мои деньги, пожимая плечами, но я помогъ ей оправиться, взялъ ребенка на руку, перевезъ ее въ лодкѣ черезъ Нилъ, посадилъ мою жалкую собственность на тачку и потащилъ, какъ известковую глыбу, къ своимъ старикамъ.

Мать покачала головой, а отецъ посмотрѣлъ на меня, какъ на безумнаго, но никто изъ нихъ не сказалъ ни слова. Ей сдѣлали постель; я построилъ вотъ эту развалившуюся вещь возлѣ (тогда это была настоящая хижина), работая въ свободное время, по ночамъ. Скоро моя мать полюбила ребеночка. Онъ былъ совершенно маленькій, и мы назвали его Пенну, т. е. мышенкомъ, потому что онъ былъ такой маленькій и чистенькій, какъ мышенокъ. Я пересталъ ходить туда, гдѣ прежде бросалъ деньги, откладывалъ свои заработки и купилъ козу, которая и стояла передъ нашей дверью, когда я принесъ женщину въ собственную хижину.

Она была нѣма, но не глуха; она не понимала нашего языка, но демонъ въ ея глазахъ говорилъ за нее и слышалъ все, что я говорю. Она понимала рѣшительно все и могла все высказать своими взглядами; но лучше всего умѣла благодарить. Когда же ей надобно было о чемъ-нибудь попросить, тогда демонъ въ ея глазахъ дѣлался еще могущественнѣе.

Сначала мнѣ было досадно, когда она въ изнеможеніи прислонялась къ стѣнѣ и ребенокъ будилъ меня своимъ крикомъ; но ей достаточно было поднять глаза, и демонъ сжималъ мое сердце, внушая мнѣ, что крикъ этотъ—просто пѣніе. А Пенну, дѣйствительно, кричалъ пріятнѣе другихъ дѣтей, и пальчики его были такіе славные, бѣленькіе. Случилось, что онъ однажды кричалъ очень долго. Я нагнулся къ нему и хотѣлъ поманить его, а онъ вцѣпился мнѣ въ бороду. Какъ я удивился! Впослѣдствіи онъ часто трепалъ меня такимъ образомъ, и его мать замѣтила, что мнѣ это пріятно, и когда я приносилъ ей что-нибудь хорошее, яйцо, цвѣтокъ или пирогъ, то она поднимала ребенка вверхъ и клала его ручки на мою бороду. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ женщина, при покоѣ и уходѣ, укрѣпилась настолько, что могла уже держать ребенка на рукахъ. Она всегда была бѣла и нѣжна, но день ото дня молодѣла и хорошѣла; она едва ли имѣла двадцать лѣтъ отъ роду, когда я купилъ её. Имени ея я не узналъ никогда, и мы просто звали ее «женщиною».

Восемь мѣсяцевъ она жила у насъ, какъ вдругъ нашъ мы-

шонокъ умеръ. Я плакалъ такъ же, какъ и она, а когда я, наклонясь надъ маленькимъ трупомъ, заливался слезами и думалъ: «Теперь дитя уже не протянетъ къ тебѣ своихъ пальчиковъ», то въ первый разъ почувствовалъ на своей щекѣ прикосновеніе мягкой руки женщины. Она, точно дитя, гладила мою грубую бороду и при этомъ смотрѣла на меня съ чувствомъ такой благодарности, что мнѣ стало на душѣ такъ легко, будто Фараонъ разомъ подарилъ мнѣ Верхній и Нижній Египетъ.

Когда схоронили мышонка, женщина опять стала слабѣть, но мать моя отходила ее. Я жилъ съ нею, какъ отецъ съ дочерью. Она была такая привѣтливая, но когда я приближался къ ней и хотѣлъ приласкать ее, то она взглядывала на меня, и демонъ въ ея глазахъ прогонялъ меня прочь. Она дѣлалась все здоровѣе и прекраснѣе; она была такъ хороша, что я скрывалъ ее ото всѣхъ и томился желаніемъ сдѣлать ее моею женою. Настоящею хозяйкою она, разумѣется, не могла быть никогда; ея ручки были такъ нѣжны, и она даже не умѣла доить козу. Это и все другое моя мать дѣлала за нее.

Днемъ она сидѣла въ хижинѣ и работала; она была очень искусна во всѣхъ женскихъ рукодѣльяхъ и плела кружева такія тонкія, точно паутину; мать продавала ихъ и на вырученныя деньги покупала ей благовонія. Она очень любила ихъ, а также и цвѣты; эту любовь и Уарда наслѣдовала отъ нея.

Вечеромъ, когда всѣ удалялись изъ города мертвыхъ, она ходила здѣсь взадъ и впередъ по долинѣ, задумчиво глядя на луну, которую особенно любила.

Однажды, въ зимнюю пору, я возвратился домой. Уже стемнѣло, и я ожидалъ найти ее у двери. И вотъ шагахъ во ста, позади хижины старой Гектъ, я услыхалъ бѣшеный лай цѣлой стаи шакаловъ и тотчасъ понялъ, что они напали на человѣка, и я даже зналъ, на *кого* именно, хотя никто ничего не говорилъ мнѣ, и женщина не могла ни кричать, ни звать на помощь. Я въ ужасѣ вырвалъ изъ земли колъ, къ которому была привязана коза, схватилъ головню съ очага, бросился на помощь къ несчастной, прогналъ звѣрей и принесъ въ хижину безчувственную женщину. Мать помогла мнѣ, и мы привели ее въ чувство. Когда мы остались одни, я плакалъ, какъ ребенокъ, съ радости, что она спасена. Она позволила поцѣловать себя, и вотъ тогда она сдѣлалась моею женою, черезъ три года послѣ того, какъ я купилъ ее. Она родила мнѣ дѣвочку, которую сама назвала Уардой; она показала на розу, а потомъ на ребенка, и мы поняли ее безъ словъ. Затѣмъ она вскорѣ умерла. Хотя ты—жрецъ, но я говорю тебѣ, что если меня призоветъ самъ Озирисъ, и я

буду допущенъ въ обитель блаженныхъ, то спрошу, увижу ли тамъ свою жену, и если привратникъ дастъ отрицательный отвѣтъ, то я готовъ отправиться къ проклятымъ душамъ лишь, бы найти ее тамъ.

— И неужели никакой признакъ не указалъ вамъ ея происхожденія? спросилъ Небсехтъ.

Воинъ закрылъ лицо руками, громко рыдая, и не слыхалъ вопроса, а парасхитъ сказалъ.

— Она была дочерью знатнаго лица; въ ея одеждѣ мы нашли золотую вещицу съ брильянтомъ и странными буквами. Вещица эта очень драгоцѣнна, и моя жена бережетъ ее для Уарды.

II.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, Небсехтъ удалился изъ хижины парасхита.

Онъ былъ доволенъ состояніемъ здоровья больной и въ глубокой задумчивости направлялся къ храму Гатасу, повидаться со своимъ другомъ Пентауромъ и написать удостовѣреніе, обѣщанное старику.

Съ солнечнымъ восходомъ, онъ приблизился къ храму. Онъ ожидалъ услыхать утреннее пѣніе жрецовъ, но все оставалось безмолвнымъ. На его стукъ, заспанный привратникъ отперъ ворота.

Небсехтъ спросилъ у него о настоятелѣ храма.

— Онъ умеръ въ эту ночь, зѣвая отвѣчалъ привратникъ.

— Что такое? воскликнулъ врачъ въ ужасѣ.—Кто умеръ?

— Нашъ старый начальникъ Руи, этотъ почтенный человѣкъ.

Небсехтъ глубоко вздохнулъ и спросилъ о Пентаурѣ.

— Ты принадлежишь къ Дому Сети, сказалъ привратникъ:—и не знаешь, что его лишили должности? Святые отцы отказались прославлять вмѣстѣ съ нимъ рожденіе Ра. Онъ, вѣроятно, распѣваетъ теперь одинъ на верху въ башнѣ. Тамъ ты найдешь его.

Небсехтъ быстро поднялся по ступенямъ. Нѣсколько жрецовъ едва замѣтивъ его, стали вмѣстѣ и запѣли. Онъ не обратилъ на нихъ вниманія и, наконецъ, нашелъ своего друга на верхней терасѣ занятаго писаніемъ.

Онъ вскорѣ узналъ обо всемъ случившемся и воскликнулъ съ бѣшенствомъ:

— Для мудрецовъ въ домѣ Сети ты слишкомъ правдивъ, а для здѣшней сволочи—слишкомъ ревностенъ и чистъ. Я зналъ, что

будетъ такъ, когда они посвятили тебя въ мистеріи. Для насъ, посвященныхъ, остается только одинъ выборъ: лгать или молчать!

— Старое заблужденіе! сказалъ Пентауръ. Мы знаемъ, что божество едино, мы называемъ его «Всѣмъ» [1], «Покровомъ всего» [2] или Ра. Но подъ Ра мы, разумѣемъ нѣчто другое, чѣмъ люди чувственные, потому что для насъ вселенная есть Богъ и въ каждой изъ ея частей мы признаемъ форму проявленія Высшаго Существа, кромѣ котораго не существуетъ ничего ни въ высотѣ, ни въ глубинѣ.

— Мнѣ, посвященному, ты это можешь говорить, прервалъ Небсехтъ.

— Но я не скрываю этого и отъ міряиъ, вскричалъ Пентауръ:— но имъ я показываю только части, такъ какъ они не могутъ понять цѣлаго. Развѣ я обманываю, когда, вмѣсто словъ: «я говорю», употребляю слова: «мои уста говорятъ», когда я утверждаю, что твой глазъ смотритъ, хотя, въ сущности, смотришь самъ ты? Когда показывается свѣтъ Единаго, то я пламенно благодарю его въ пѣсняхъ и эту наиболѣе сіяющую изъ его формъ называю богомъ Ра. Когда я созерцаю нивы, то призываю вѣрующихъ воздать благодарность богинѣ Реннутъ [3], т. е. той дѣятельности Единаго, посредствомъ которой зерно достигаетъ полной и роскошной зрѣлости. Если я удивляюсь изобилію даровъ, изливаемыхъ на нашу страну этою рѣкою, которой начало сокрыто отъ насъ, то прославляю Единаго подъ именемъ «таинственнаго» бога Гапи. [4] Созерцаемъ ли мы солнце, жатву или Нилъ, или же наблюдаемъ гармонію въ видимомъ или невидимомъ мірѣ, мы всегда имѣемъ дѣло только съ Единымъ, Всеобъемлющимъ; къ нему принадлежимъ и мы сами, въ качествѣ тѣхъ

---

[1] Священные тексты называютъ Бога часто «Единымъ» и «Единственнымъ». Пантеистическое ученіе мистерій яснѣе всего высказывается въ тѣхъ текстахъ, которые находятся почти во всѣхъ гробницахъ царей въ Өивахъ, на стѣнахъ входной залы. Они заключаютъ въ себѣ восхваленія богу Ра, который признается въ 75 главнѣйшихъ формахъ его проявленія. Превосходный трактатъ относительно этихъ текстовъ и пантеизма въ ученіи египтянъ находится у Е. Навилля въ его сочиненіи «La litanie du soleil». Тексты книги мертвыхъ, сохраняемаго въ Булакѣ и истолкованнаго Стерномъ и Гребо гимна къ солнцу, надписи на саркофагахъ и на стѣнахъ храма Птоломеевъ и трактатъ Плутарха объ Изидѣ и Озирисѣ, египетскія мистеріи Ямвлиха и рѣчь Гермеса Трисмегистоса къ человѣческой душѣ суть главнѣйшіе источники для изслѣдованія египетскаго тайнаго ученія.

[2] Teb temt. Руководясь подобнымъ же представленіемъ, Евсевій даетъ вселенной форму греческой өиты (Θ).

[3] Богиня жатвы.

[4] Нилъ.

формъ его проявленія, въ которыя онъ вложилъ свое собственное самосознаніе. Кругъ представленія толпы тѣсенъ...

— И поэтому мы, львы, предоставляемъ имъ, какъ больному со слабыми челюстями, дробить на тонкія мелкія частички тотъ кусокъ, который сами проглатываемъ [1] разомъ?

— Нѣтъ, мы только чувствуемъ себя обязанными тотъ крѣпкій напитокъ, который грозитъ свалить съ ногъ даже взрослыхъ, разбавить и подсластить прежде, чѣмъ мы подадимъ его дѣтямъ, т. е. умственно-несовершеннолѣтнимъ. Подъ аллегорическими образами и символами и, наконецъ, въ одномъ прекрасномъ и богатомъ красками миѳѣ мудрецы минувшихъ временъ скрыли высочайшія истины, но вмѣстѣ сдѣлали ихъ доступными пониманію толпы [2].

— Доступными пониманію? повторилъ врачъ.—Доступными? Въ такомъ случаѣ, къ чему служитъ покровъ?

— Неужели ты думаешь, что толпа могла бы смотрѣть нагой истинѣ прямо въ лицо [3], не приходя въ отчаяніе?

— Если могу смотрѣть я, то можетъ и другой, который обладаетъ прямымъ зрѣніемъ и желаетъ созерцать только истину. Ты—поэтъ, художникъ, а я—человѣкъ, стремящійся единственно къ правдѣ.

— Единственно? Именно за это-то стремленіе я «уважаю тебя»; ты знаешь, что и я не желаю ничего, кромѣ правды.

Врачъ кивнулъ другу головою и сказалъ:

— Знаю, все знаю; но наши пути идутъ рядомъ, не касаясь одинъ другого; конечная же наша цѣль есть разрѣшеніе загадки, которая допускаетъ различныя истолкованія. Вы думаете, что обладаете правильнымъ рѣшеніемъ ея; но, можетъ быть, для нея не существуетъ никакого рѣшенія?

— Мы довольствуемся самымъ прекраснымъ и соотвѣтственнымъ рѣшеніемъ, возразилъ Пентауръ.

— Прекраснымъ? Я не знаю твоего благого бога, и страннѣе всего мнѣ-то обстоятельство, что вы вообще различаете два начала въ мірѣ: добро и зло. Если вселенная есть Богъ, а Богъ,

---

[1] «Жрецы, говоритъ Климентъ Александрійскій:—не открываютъ своихъ мистерій никому, кромѣ царя или тѣхъ изъ своей среды, которые отличаются добродѣтелью или мудростью». Тоже показываютъ намъ во многихъ мѣстахъ египетскіе памятники.

[2] См. примѣч. къ I части.

[3] Въ Саисѣ статуя Аѳины (Нейтъ) имѣла слѣдующую подпись: «я есмь все, прошедшее, настоящее и будущее; ни одинъ смертный не снималъ моего покрова» (Плутархъ «Изида и Озирисъ» 9); подобное же цитируется Прокломъ въ «Тимонѣ» Платона.

какъ учитъ писаніе, есть само благо и кромѣ него нѣтъ ничего—то гдѣ же мѣсто для зла?

— Ты говоришь, какъ ученикъ, сказалъ съ неудовольствіемъ Пентауръ.—То, что мы называемъ дурнымъ, злымъ—само въ себѣ божественно, разумно и чисто, но оно представляется нашимъ отуманеннымъ чувствамъ въ другомъ свѣтѣ, потому что мы созерцаемъ только путь, а не цѣль, только отдѣльное, и никогда—цѣлое. Подобно тебѣ, порицаютъ, напримѣръ, поверхностные слушатели музыкальную пьесу, гдѣ слышатъ дисгармонію, которую арфистъ извлекъ изъ струнъ только за тѣмъ, чтобы дать слушателямъ возможность глубже почувствовать слѣдующую за тѣмъ гармонію; глупецъ бранитъ живописца, покрывшаго свое полотно черною краской, не дожидаясь окончанія картины, которая должна ярче выступить на темномъ фонѣ; такъ дитя ругаетъ благородное дерево, котораго плоды гніютъ, для того чтобы изъ ихъ зеренъ произросла новая жизнь. Кажущееся зло есть не болѣе, какъ предварительная ступень къ высшему благосостоянію, а смерть—порогъ новой жизни, подобно тому, какъ румяный свѣтъ каждой вечерней зари исчезаетъ въ ночной тьмѣ только для того, чтобы вслѣдъ за тѣмъ появиться снова въ яркомъ утреннемъ сіяніи наступающаго молодого дня.

— Какою убѣдительностью отзывается это! возразилъ Небсехтъ.—Все, даже отталкивающее, отвратительное пріобрѣтаетъ прелесть въ твоихъ устахъ. Но я могъ бы поставить твою фразу наоборотъ и сказать, что зло управляетъ міромъ и по временамъ оно даетъ намъ попробовать каплю сладкаго удовольствія, дабы мы тѣмъ сильнѣе и непріятнѣе могли почувствовать горечь жизни. Вы видите во всемъ гармонію и добро, а по моимъ наблюденіямъ выходитъ, что жизнь пробуждается страстью, что все существованіе есть борьба и что одно существующее пожираетъ другое.

— И неужели ты не чувствуешь красоты видимаго, неужели неизмѣнная цѣлесообразность во всемъ не наполняетъ тебя смиреннымъ благоговѣніемъ?

— Я никогда не отъискивалъ красоты, отвѣчалъ врачъ:—у меня даже нѣтъ и органа, посредствомъ котораго я могъ бы уловить ее самостоятельно, хотя охотно постигаю ее при твоемъ посредствѣ; но цѣлесообразность въ природѣ я допускаю вполнѣ, потому что она есть истиная душа вселенной. Вы называете Темтомъ Единаго, т. е. сумму; единства достигаете сложеніемъ многихъ чиселъ; и это мнѣ нравится, потому что составныя части вселенной и силы, которыя предписываютъ жизни ея

пути, въ точности соотвѣтственны по мѣрѣ и числу; но только въ нихъ нѣтъ благости и красоты.

— Подобные взгляды, вскричалъ Пентауръ съ прискорбіемъ:— суть слѣдствіе твоихъ странныхъ занятій. Ты убиваешь и разрушаешь для того, чтобы, по твоему выраженію, выслѣдить тайну жизни. Присмотрись къ возникновенію бытія въ природѣ, открой органъ, котораго, по твоимъ словамъ, тебѣ не достаетъ— именно, глаза—и красота видимаго міра и безъ моей помощи покажетъ тебѣ, что ты молишься ложному богу.

— Я не молюсь вовсе, сказалъ Небсехтъ:—потому что управляющій міромъ законъ столько же мало можетъ быть тронутъ просьбами, какъ ваши песочные часы, правильно выпускающіе свои песчинки. И кто тебѣ говоритъ, что я не стараюсь дойти до источника бытія? Я умертвилъ кое-какихъ звѣрей не единственно для того, чтобы познакомиться съ ихъ организмомъ, но также и для изслѣдованія того, какимъ образомъ сложился онъ. Но именно при этой работѣ мой органъ для уразумѣнія прекраснаго скорѣе былъ замкнутъ, чѣмъ открытъ. Увѣряю тебя, что возникновеніе вещей представляетъ такъ же мало привлекательности, какъ уничтоженіе и разложеніе.

Пентауръ вопросительно посмотрѣлъ на Небсехта.

— Я объясню тебѣ мою мысль образами, продолжалъ послѣдній.—Посмотри на это вино: какъ оно чисто и ароматично; однако же, винодѣлы выдавили его изъ ягодъ своими мозолистыми ногами. А эти полныя колосья? Золотомъ блестятъ они и дадутъ снѣжнобѣлую муку, когда мы смелемъ ихъ, однако же, они произрастаютъ изъ согнившаго зерна. Недавно ты хвалилъ мнѣ красоту большой почти оконченной залы съ колоннами, въ храмѣ Амона, по ту сторону, въ Ѳивахъ [1]. Какъ будетъ удивляться ей потомство! Я видѣлъ, какъ она возникала. Тамъ въ дикомъ безпорядкѣ лежали массы каменныхъ плитъ, и кучи пыли захватывали мое дыханіе, а меньше чѣмъ черезъ три мѣсяца меня послали туда, потому что болѣе сотни работниковъ были забиты на смерть при обтесываніи камней на солнопекѣ. Если бы я, подобно тебѣ, былъ поэтомъ, то показалъ бы тысячу подобныхъ картинъ, которыя бы тебѣ не понравились. А покамѣстъ съ насъ довольно наблюдать существующее и изслѣдовать управляющій имъ законъ.

— Я никогда не могъ вполнѣ уразумѣть твои стремленія и

---

[1] Этотъ храмъ былъ основанъ Рамзесомъ I, постройку его продолжалъ Сети I и окончилъ Рамзесъ II. Остатки этой громадной залы съ ея 134 колоннами не имѣютъ себѣ подобныхъ во всемъ свѣтѣ.

не понимаю почему ты не обратился къ наукѣ гороскоповъ, сказалъ Пентауръ.—Неужели ты думаешь, что жизнь растеній и животныхъ, измѣнчивая и зависящая отъ условій ея обстановки, можетъ быть подведена подъ законы, числа и мѣру, подобно движеніямъ звѣздъ?

— Ты спрашиваешь меня объ этомъ? Развѣ та исполинская рука, которая заставляетъ свѣтила двигаться по тщательно намѣченнымъ для нихъ путямъ, не можетъ быть съ тѣмъ вмѣстѣ и довольно тонкою для того, чтобы предписывать условія для полета птицъ и для біенія человѣческаго сердца?

— Вотъ мы опять дошли до сердца, съ улыбкою сказалъ поэтъ.—Подвинулся ли ты ближе къ своей цѣли?

Врачъ сдѣлался очень серьёзнымъ и сказалъ:

— Завтра, можетъ быть, я уже получу то, что̀ мнѣ нужно. Вонъ лежитъ твоя палитра съ красной и черной краской, папирусъ и тростниковая палочка. Могу ли я воспользоваться этимъ листкомъ?

— Разумѣется. Но разскажи мнѣ сперва...

— Не спрашивай: ты не одобрилъ бы моего намѣренія и ты снова сталъ бы спорить.

— Мнѣ кажется, возразилъ поэтъ, кладя свою руку на плечо врача: — намъ нѣчего бояться спора. До сихъ поръ онъ былъ связующимъ звеномъ и освѣжающею росою нашей дружбы.

— Пока дѣло шло о мнѣніяхъ, а не о дѣйствіяхъ.

— Ты хочешь овладѣть человѣческимъ серцемъ! воскликнулъ Пентауръ:—подумай, что̀ ты дѣлаешь! Вѣдь, сердце, это—сосудъ живущаго въ немъ изліянія души вселенной.

— А развѣ это тебѣ доподлинно извѣстно? возразилъ врачъ съ раздраженіемъ.—Въ такомъ случаѣ, представь доказательство. Случалось ли тебѣ когда-нибудь разсматривать сердце? Дѣлалъ ли это кто-нибудь изъ моихъ собратій? Даже сердце преступника или военноплѣннаго они объявляютъ неприкосновеннымъ, и когда мы стоимъ безпомощно возлѣ больныхъ и наши лекарства приносятъ такъ же часто вредъ, какъ и пользу, то отъ чего это происходитъ? Единственно отъ того, что мы принуждены работать подобно тѣмъ астрономамъ, которыхъ заставляли бы наблюдать звѣзды, глядя на нихъ сквозь доску. Въ Геліополисѣ я просилъ главнаго жреца Раготепа, истинно ученаго главу нашего сословія, который уважалъ меня, позволить мнѣ изслѣдовать сердце одного умершаго аму; но онъ воспротивился этому, такъ какъ великая Сехетъ приводитъ на поля блаженныхъ не однихъ египтянъ, но также и добродѣтельныхъ семитовъ. Затѣмъ повторялись старыя сомнѣнія: «вѣдь, грѣшно разрѣзать

даже сердце животнаго, такъ какъ и у него оно есть вмѣстилище души, можетъ быть, помраченной и осужденной души человѣка, которая, прежде, чѣмъ она возвратится къ Единому, должна предпринять очистительныя странствованія чрезъ тѣла животныхъ». Я не унялся и возразилъ ему, что мой прадѣдъ Небсехтъ прежде, чѣмъ написать свой трактатъ о сердцѣ [1], вѣроятно, изслѣдовалъ этотъ органъ. Тогда онъ отвѣчалъ, что написанное моимъ предкомъ было открыто ему божествомъ, и поэтому его сочиненіе помѣщено въ священныхъ книгахъ бога Тота [2], которыя тверды и неопровержимы, какъ всемірный разумъ. Онъ обѣщалъ доставить мнѣ спокойствіе для работы, говорилъ, что я—избранный умъ и что, можетъ быть, небесныя силы озарятъ и меня своими откровеніями. Я былъ тогда молодъ и проводилъ мои ночи въ молитвахъ, но я сохнулъ и умъ мой тускнѣлъ, вмѣсто того, чтобы проясняться. Тогда я убилъ сперва курицу, затѣмъ крысу, затѣмъ кролика, разрѣзалъ ихъ сердца, изслѣдовалъ идущіе отъ нихъ сосуды. Я знаю теперь немного болѣе прежняго, и долженъ достать человѣческое сердце, чтобы добиться истины.

— Зачѣмъ оно тебѣ? спросилъ Пентауръ: — вѣдь, ты не можешь усмотрѣть своими человѣческими глазами безконечное и невидимое.

— Извѣстенъ ли тебѣ трактатъ моего прадѣда? — спросилъ Небсехтъ.

— Отчасти, отвѣчалъ Пентауръ.—Онъ говоритъ, что, къ чему бы онъ ни прикоснулся своими пальцами: къ головѣ, рукамъ, или къ желудку—онъ всюду находитъ сердце, такъ какъ его сосуды развѣтвляются по всѣмъ членамъ и, такимъ образомъ, сердце есть связующій узелъ всѣхъ этихъ сосудовъ. Далѣе, онъ объясняетъ, какимъ образомъ они распредѣлены по членамъ и показываетъ, что различныя настроенія души, какъ то: гнѣвъ, печаль и даже тотъ смыслъ, который придаетъ слову «сердце» на общеупотребительномъ языкѣ, говорятъ въ пользу его мнѣнія.

— Именно; мы уже говорили объ этомъ, и я думаю, что онъ правъ, насколько дѣло касается крови и животныхъ ощущеній; но чистый, свѣтлый разумъ имѣетъ другое мѣстопребываніе (при этомъ врачъ коснулся рукою своего широкаго хотя низкаго лба). Я наблюдалъ сотни головъ на мѣстѣ казни и снималъ

---

[1] Этотъ трактатъ составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ главъ папируса Эберса. Изданіе Энгельмана въ Лейпцигѣ.

[2] Эти книги греки назвали герметическими. Папирусъ Эберса—тотъ самый, который Климентъ Александрійскій назвалъ книгою о лекарствахъ.

также покровы черепа у живыхъ животныхъ [1]. Но позволь мнѣ написать прежде, чѣмъ кто-нибудь помѣшаетъ намъ.

Небсехтъ взялъ тростинку, смочилъ черную краску, приготовляемую изъ угольевъ папируса, и началъ писать изящными гіератическими буквами [2] записку для парасхита, которою онъ удостовѣрялъ, что онъ самъ уговорилъ его похитить сердце и въ точности объяснялъ, что принимаетъ на себя вину старика передъ Озирисомъ и судьями мертвыхъ. Когда онъ кончилъ, Пентауръ протянулъ руку за запиской, но Небсехтъ сложилъ ее и сунулъ въ висѣвшій у него на шеѣ мѣшечекъ, гдѣ хранился амулетъ, доставшійся ему отъ матери; затѣмъ онъ сказалъ, вздохнувъ съ облегченіемъ:

— Ну, съ этимъ мы покончили. Прощай, Пентауръ.

Поэтъ удерживалъ своего друга, съ жаромъ умоляя его отказаться отъ своего намѣренія; но Небсехтъ остался нечувствительнымъ къ его просьбамъ и старался высвободить свои пальцы изъ сильныхъ рукъ Пентаура. Взволнованный поэтъ не догадывался, что онъ причиняетъ сильную боль своему другу, пока этотъ послѣдній, послѣ новой напрасной попытки къ освобожденію, не вскричалъ:

— Ты раздавилъ мнѣ пальцы!

Тогда улыбка мелькнула на губахъ Пентаура; онъ оставилъ врача и, поглаживая его помятую руку, сказалъ:

— Не сердись на меня, Небсехтъ. Ты знаешь силу моихъ

---

[1] Человѣческій мозгъ употреблялся, какъ средство противъ болѣзни глазъ о чемъ упоминается въ папирусѣ Эберса. Герофилъ, одинъ изъ первыхъ ученыхъ александрійскаго музеума, нетолько изучалъ тѣла казненныхъ преступниковъ, но производилъ опыты и надъ живыми. Онъ утверждаетъ, что четвертая впадина человѣческаго мозга есть вмѣстилище души.

[2] Въ эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, у египтянъ существовало два способа писанья: *іероглифическій,* въ которомъ буквы состояли изъ изображеній конкретныхъ предметовъ, математическихъ и произвольно изобрѣтенныхъ фигуръ, и который обыкновенно былъ употребляемъ для надписей на памятникахъ; и *іератическій*, которымъ обыкновенно писали на папирусѣ; въ немъ составлявшія письмо изображенія подвергались, для скорости письма, такимъ измѣненіямъ и сокращеніямъ, что въ нихъ только смутно можно было узнать ихъ первообразъ. Въ VIII столѣтіи, произошло дальнѣйшее сокращеніе гіератическаго письма, называвшееся демотическимъ или простонароднымъ и употреблявшееся въ обыденныхъ сношеніяхъ гражданъ. Между тѣмъ какъ въ основѣ гіероглифическаго и гіератическаго письма лежитъ древній священный діалектъ, демотическія буквы были употребляемы только для передачи разговорной рѣчи народа. См. Rougé, Chrestomatie égyptienne. H. Brugsch, Hieroglyphische Grammatik, Le Page Renouf, краткая hieroglyphical grammar. Ebers, Ueber das hieroglyphische Schriftsystem, изд. 2, 1875 г. въ лекціяхъ Вирхова-Гольтцендорфа.

несчастныхъ рукъ, а сегодня мнѣ приходилось крѣпко держать тебя, потому что ты замышляешь какое-то безуміе.

— Безуміе? спросилъ врачъ, улыбаясь въ свою очередь.—Пожалуй, что и такъ; но развѣ тебѣ не извѣстно, что мы, египтяне, съ особенною нѣжностью привязаны къ своимъ безумствамъ и готовы пожертвовать имъ всѣмъ своимъ достояніемъ?

— Но не *чужою* жизнію и чужимъ счастіемъ.

— Вѣдь, я говорилъ тебѣ, что не могу считать сердце вмѣстилищемъ разума. Что касается до меня самого, то я не желаю быть похороненнымъ ни съ моимъ собственнымъ, ни съ бараньимъ сердцемъ.

— Я говорю не объ ограбленномъ покойникѣ, а о живомъ человѣкѣ. Если поступокъ парасхита откроется, то онъ пропалъ и спасенная тобою дѣвушка будетъ ввергнута въ мрачную пучину бѣдствія.

Небсехтъ посмотрѣлъ на своего друга съ такимъ страхомъ и изумленіемъ, какъ будто услыхалъ отъ него какую-то ужасную вѣсть, но затѣмъ вскричалъ:

— Я раздѣлилъ бы со старухой и Уардой все, что имѣю.

— А кто защитилъ бы ихъ?

— Отецъ Уарды.

— Этотъ грубый пьяница, котораго завтра или послѣ завтра могутъ послать, кто знаетъ, куда!

— Онъ — хорошій человѣкъ, возразилъ врачъ со всѣми признаками волненія и сильно запинаясь:—но кто захотѣлъ бы чѣмъ-нибудь обидѣть дѣвушку? Она такъ... такъ... она такъ мила, кротка и прекрасна!

При послѣднихъ словахъ, онъ опустилъ глаза и покраснѣлъ, какъ дѣвушка.

— Ты понимаешь это лучше меня, продолжалъ онъ:—вѣдь, и ты находишь ее прекрасною! Странно! Ты будешь смѣяться надо мною, когда я признаюсь—вѣдь, я—такой же человѣкъ какъ и всѣ—когда я признаюсь, что, наконецъ, я, кажется, открылъ въ себѣ недостававшій мнѣ органъ для пониманія красоты. И нетолько это мнѣ кажется, но я, дѣйствительно, открылъ его, потому что, хотя я не высказывалъ этого, я съ самаго начала чувствовалъ бурю, закипѣвшую въ глубинѣ моего сердца, и раздававшійся въ моихъ ушахъ крикъ, что въ первый разъ больная для меня оказалась привлекательнѣе болѣзни. Какъ очарованный, сидѣлъ я въ хижинѣ, неподвижно глядя на ея волосы, на ея глаза и прислушиваясь къ ея дыханію. Слишкомъ долгое отсутствіе мое, должно быть, давно уже замѣчено въ домѣ Сети; можетъ быть, тамъ уже открыли мои препараты, ища меня

въ моей комнатѣ. Два дня и двѣ ночи я уже не работаю изъ-за этой дѣвочки! Еслибы я принадлежалъ къ числу тѣхъ профановъ, которые стекаются къ вамъ, то сказалъ бы, что меня околдовали демоны. Но это не такъ; да, это не такъ! повторилъ онъ, сверкая глазами.—Во мнѣ проснулось животное: пошлыя влеченія сердца, готоваго разорвать свое вмѣстилище въ груди, заглушили живущія въ моемъ мозгу другія, болѣе тонкія и чистыя побужденія; и какъ разъ въ ту минуту, когда я надѣялся сравниться въ знаніи съ божествомъ, которое вы называете владыкою всякаго знанія, мнѣ приходится почувствовать, что животное во мнѣ сильнѣе того, что̀ я называю моимъ Богомъ.

При послѣднихъ словахъ, врачъ, возбужденный и взволнованный до крайней степени, смотрѣлъ въ землю, почти забывъ о присутствіи поэта, который съ удивленіемъ и глубокимъ участіемъ слушалъ исповѣдь своего друга.

Послѣ нѣкоторой паузы, Пентауръ положилъ свою руку на руку Небсехта и сказалъ съ тономъ задушевности:

— Моей душѣ нечужды тѣ чувства, которыя испытываешь ты. Моя голова и мое сердце возбуждены подобно твоимъ; но я знаю, что хотя то, что мы теперь чувствуемъ, и чуждо нашимъ привычнымъ ощущеніямъ, но оно не ниже, а выше ихъ и имѣетъ болѣе внутренней цѣнности. Ты ощущаешь въ себѣ присутствіе не животнаго, а божества, Небсехтъ. Благость есть прекраснѣйшая принадлежность небожителей; ты всегда съ благодушіемъ относился ко всѣмъ великимъ и малымъ; но я спрашиваю тебя: чувствовалъ ли ты когда-нибудь такое непреодолимое побужденіе излить на другое существо цѣлый океанъ доброты, не пожертвовалъ ли бы ты для Уарды всѣмъ, что ты имѣешь и самимъ собою, съ бо̀льшею радостью, съ бо̀льшимъ самоотверженіемъ, чѣмъ для отца, матери и для своихъ наиболѣе давнихъ друзей?

Небсехтъ утвердительно кивнулъ головой, а Пентауръ вскричалъ:

— Хорошо! Слѣдуй же новому, возникшему въ тебѣ божественному побужденію. Будь добръ къ Уардѣ и не жертвуй ею ради своихъ суетныхъ желаній. Бѣдный другъ! При своемъ изслѣдованіи тайнъ жизни, ты никогда не приглядывался къ самой жизни, которая открыта для нашихъ взоровъ, широко раскидываясь вокругъ насъ. Неужели ты думаешь, что дѣвушка, которая могла до такой степени воспламенить самаго хладнокровнаго мыслителя Өивъ, не будетъ предметомъ желаній для сотни чувственныхъ людей, когда у нея не будетъ защитника? Долженъ ли я говорить тебѣ, что въ числѣ танцовщицъ въ

кварталѣ иноземцевъ на десять приходится девять дѣвушекъ, происходящихъ отъ почтенныхъ родителей? Можешь ли ты примириться съ мыслію, что посредствомъ твоей руки невинность будетъ предана пороку, роза брошена въ грязь? Стоитъ ли Уарды то человѣческое сердце, которое ты желаешь получить? Теперь ступай, а завтра приходи опять ко мнѣ, твоему другу, который умѣетъ сочувствовать всему, что чувствуешь ты, и къ которому ты сегодня сдѣлался гораздо ближе, потому что научился раздѣлять его чистѣйшее счастіе.

Пентауръ протянулъ руку врачу; тотъ медленно пожалъ ее и задумчиво и нерѣшительно направился черезъ гору въ долину царскихъ могилъ и къ хижинѣ парасхита, не обращая вниманія на жгучій зной полуденнаго солнца.

Онъ нашелъ солдата у постели дочери и спросилъ:

— Гдѣ старикъ?

— Онъ пошелъ на работу въ домъ бальзамировщиковъ. Онъ велѣлъ сказать тебѣ, чтобы ты не забылъ о росписќѣ и книгѣ, если съ нимъ что-нибудь случится. Онъ былъ какъ помѣшанный, когда уходилъ отъ насъ, и понесъ съ собою въ мѣшкѣ сердце барана. Останься возлѣ дѣвушки; матушка занята, а я долженъ отправляться съ военноплѣнными въ Гармонтисъ [1].

III.

Во время разговора, происходившаго между двумя друзьями, Катути съ безпокойствомъ ходила взадъ и впередъ по открытой залѣ въ домѣ своего зятя. Снѣжно-бѣлая кошка слѣдовала за нею, то играя шлейфомъ ея длиннаго простаго платья, то обращаясь къ постаменту, который прежде былъ занятъ серебряною, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ проданною, статуэткой и гдѣ теперь, скорчившись, сидѣлъ карликъ Нему.

Онъ любилъ это мѣсто, дававшее ему возможность созерцать сверху свою госпожу и другихъ переросшихъ его людей.

— А если ты меня обманулъ? сказала Катути съ угрожающимъ жестомъ, проходя мимо него.

— Тогда повѣсь меня на крючокъ, чтобы выудить мною крокодила. Мнѣ только любопытно знать: какимъ образомъ онъ предложитъ тебѣ деньги?

— Ты поклянешься въ другой разъ, прервала его госпожа

[1] Нынѣшній Эрментъ, ближайшій городъ къ югу отъ города Ѳивъ, находящійся въ разстояніи одного дня пути отъ этого послѣдняго.

съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ:—что ты не отъ моего имени просилъ Паакера спасти насъ?

— Я готовъ дать тысячу клятвъ, отвѣчалъ карликъ.—Долженъ ли я повторить тебѣ нашъ вчерашній разговоръ? Говорю тебѣ: онъ отдастъ свои нивы и свой домъ за одинъ ласковый взглядъ Неферть.

— Еслибы Мена любилъ ее такъ, какъ онъ! — со вздохомъ проговорила Катути и снова начала молча ходить по комнатѣ, между тѣмъ какъ карликъ глядѣлъ на ворота сада. Катути внезапно остановилась передъ нимъ и сказала такимъ зловѣщимъ тономъ, что карликъ содрогнулся:

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы она овдовѣла!

Карликъ махнулъ рукой, тотчасъ же спустился со своего постамента и вскричалъ:

— Вотъ остановилась колесница; я слышу громкій лай собаки: это—онъ! Не позвать ли мнѣ Неферть?

— Нѣтъ, тихо отвѣчала Катути и схватилась за спинку стула, какъ бы ища опоры. Карликъ, пожимая плечами, удалился за групу широколиственныхъ растеній. Нѣсколько минутъ спустя, Паакеръ стоялъ передъ Катути, которая приняла его со спокойнымъ, полнымъ самообладанія достоинствомъ. Ни одна черта ея изящнаго лица не выдала внутренняго ея волненія, и на привѣтствіе вожатаго она отвѣчала съ покровительственною любезностью.

— Я думала, что ты придешь: сердце твое похоже на сердце твоего отца. Если ты примирился съ нами, то примирился вполнѣ.

Паакеръ явился предложить своей теткѣ ту сумму денегъ, въ которой она нуждалась для выкупа муміи своего мужа. Онъ долго обдумывалъ, не предоставить-ли этого дѣла своей матери, но отъ этого удерживалъ его отчасти какой-то страхъ, отчасти тщеславіе. Онъ любилъ рисоваться своимъ богатствомъ, и Катути должна была узнать, что̀ онъ въ состояніи сдѣлать и какого зятя она лишилась. Ему было бы пріятнѣе всего тотчасъ же взять деньги изъ кладовой и приказать рабамъ нести ихъ передъ нимъ, подобно тому, какъ носили дань передъ покоренными властителями. Но этого нельзя было сдѣлать, и потому онъ ограничился тѣмъ, что надѣлъ себѣ на палецъ большое кольцо съ драгоцѣннымъ брилліантомъ, подаренное его отцу царемъ Сети, и украсилъ себя множествомъ запястій. Когда онъ, прежде, чѣмъ выйти изъ дома, посмотрѣлся въ зеркало, то остался очень доволенъ собою.

Послѣ его разговора съ карликомъ и толкованія его сна,

передъ нимъ явственно виднѣлся тотъ путь, по которому ему слѣдовало идти для достиженія своей цѣли. Мать Неферть нужно было избавить отъ позора, подкупить ее золотомъ, а Мену—отправить на тотъ свѣтъ. Своими союзниками онъ считалъ: беззастѣнчивое насиліе, которое онъ называлъ «твердою рѣшимостью», мудрость карлика Нему и любовный напитокъ. Теперь онъ подошелъ къ Катути, увѣренный въ побѣдѣ, точно купецъ, явившійся для покупки дорогого товара и чувствующій себя довольно богатымъ, чтобы заплатить за него.

Полная достоинства и гордости манера тетки смутила Паакера. Онъ представлялъ ее себѣ совершенно иною—надломленною горемъ и умоляющею о помощи, и разсчитывалъ послѣ своего великодушнаго поступка на благодарность Неферть такъ же, какъ ея матери. Но прекрасной жены Мены тутъ не было, и Катути не приказала позвать ее даже и послѣ того, когда онъ освѣдомился объ ея здоровьи.

Вдова не помогла ему ничѣмъ, и такимъ образомъ прошло много времени въ обыкновенныхъ разговорахъ. Наконецъ, Паакеръ, съ рѣзкостью, которую она сочла за прямоту, сообщилъ ей, что онъ слышалъ о чудовищномъ поступкѣ ея сына и рѣшился избавить ея семейство отъ безчестья, какъ близкихъ родственниковъ своей матери. Катути поблагодарила его, въ полныхъ достоинства, но задушевныхъ словахъ, болѣе за дѣтей своихъ, чѣмъ за себя, такъ какъ передъ ними, сказала она, жизнь лежитъ еще впередъ, а для нея она уже оканчивается.

— Какіе еще твои года! возразилъ Паакеръ.

— Можетъ быть, самые лучшіе, сказала вдова: — по крайней мѣрѣ, для меня, считающей существованіе тяжкою обязанностью

— Я вполнѣ понимаю, сколько безпокойства должно доставлять тебѣ управленіе этимъ имѣніемъ, обремененнымъ долгами.

Катути кивнула головой и сказала съ грустью:

— Все это можно бы перенести, еслибы я не была осуждена видѣть, какъ погибаетъ моя бѣдная дочь и не имѣть возможности помочь ей, хотя бы совѣтомъ. Она когда-то тебѣ нравилась, и я спрашиваю тебя: была-ли нетолько въ Ѳивахъ, но даже въ цѣломъ Египтѣ дѣвушка, равная ей по красотѣ? Была-ли Неферть достойна любви и не достойна-ли она ея и теперь? Заслуживаетъ-ли она того, чтобы мужъ оставлялъ ее въ одиночествѣ терпѣть нужду, пренебрегалъ ею и взялъ въ свою палатку иноземку вмѣсто своей, точно отвергнутой имъ, жены? Я вижу по твоему лицу, о чемъ ты думаешь: ты сваливаешь вину случившагося на меня. Твое сердце спрашиваетъ: зачѣмъ было нарушено данное тебѣ слово? И твоя

честная душа говоритъ тебѣ, что ты устроилъ бы для Нефертъ лучшую судьбу! При этихъ словахъ, Катути взяла племянника за руку и продолжала, все болѣе и болѣе воспламеняясь: — Мы узнали въ тебѣ сегодня самого великодушнаго человѣка въ Өивахъ. Ты отплатилъ за нашу тяжкую вину передъ тобой величайшимъ благодѣяніемъ. Мы любили тебя еще тогда, когда ты былъ ребенкомъ. Для меня было всегда священно желаніе твоего отца, бывшаго для насъ всегда любящимъ братомъ, и я готова была скорѣе сама подвергнуться непріятности, чѣмъ огорчить твою мать—мою сестру. Я берегла и воспитывала свое дитя, со всевозможнымъ стараніемъ, для юнаго героя, отличавшагося въ дальней Азіи, т. е. для тебя, только для тебя. Но твой отецъ умеръ, и съ нимъ рушилась моя поддержка и опора...

— Я знаю все, прервалъ ее Паакеръ, мрачно опустивъ глаза внизъ.

— Кто могъ разсказать тебѣ это? спросила вдова.—Вѣдь, твоя мать, послѣ этого невѣроятнаго случая, не захотѣла ни принять, ни выслушать меня. Самъ царь былъ сватомъ Мены, который для него дороже родныхъ сыновей. А когда я указала ему на твои болѣе давнія права, то онъ *приказалъ*, а кто можетъ сопротивляться повелѣнію владыки двухъ міровъ, сыну солнца? А между тѣмъ, какъ часто твой отецъ подвергалъ для него опасности свою жизнь, какъ много ранъ получилъ онъ на службѣ ему! Ради твоего отца, ему слѣдовало бы избавить тебя отъ такого позора и страданія.

— А я самъ развѣ не служилъ ему? спросилъ Паакеръ, и яркая краска выступила на его щекахъ.

— Онъ мало зналъ тебя, сказала Катути въ видѣ извиненія. Затѣмъ ея голосъ принялъ новый оттѣнокъ, и она съ участіемъ спросила:—чѣмъ ты тогда, при всей своей молодости, возбудилъ его неудовольствіе, его отвращеніе, даже...

— Что? спросилъ вожатый, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

— Оставь это, отвѣчала вдова успокоивающимъ тономъ.

— Что еще возбудилъ я въ Рамзесѣ, кромѣ неудовольствія и отвращенія? Я хочу знать это! вскричалъ Паакеръ съ возраставшею запальчивостью.

— Ты пугаешь меня, отвѣчала вдова.—Унижая тебя, онъ, конечно, имѣлъ въ виду возвысить въ глазахъ Нефертъ своего любимца.

— Что сказалъ онъ? вскричалъ могаръ, причемъ капли холоднаго пота потекли по его темному лбу и видны были только бѣлки его вращавшихся глазъ.

Катути попятилась отъ него, но онъ послѣдовалъ за нею, схватилъ ее за руку и хриплымъ голосомъ спросилъ снова:

— Чтò онъ сказалъ?

— Паакеръ! вскричала вдова, тономъ жалобы и упрека.— Пусти меня. Для тебя будетъ лучше, если я не повторю словъ, которыми Рамзесъ старался отвратить отъ тебя сердце Нефертъ. Оставь меня и вспомни, съ кѣмъ ты говоришь.

Но Паакеръ только крѣпче сжалъ ея руку и еще настойчивѣе повторилъ свой вопросъ.

— Стыдись! вскричала Катути.—Мнѣ больно, пусти меня! Ты не хочешь пустить, пока не узнаешь, чтò онъ сказалъ? Пусть будетъ по твоему. но я буду говорить только по принужденію. Онъ сказалъ, что, еслибы ему не было извѣстно, что твоя мать Сетхемъ—честная женщина, то онъ не считалъ-бы тебя сыномъ твоего отца, такъ какъ ты имѣешь съ нимъ такъ же мало сходства, какъ сова съ орломъ.

Паакеръ тотчасъ же выпустилъ руку Катути, и его блѣдныя губы пробормотали:—И такъ. ..и такъ...

— Нефертъ и я защищали тебя, но напрасно. Не принимай этихъ дурныхъ словъ слишкомъ близко къ сердцу. Твой отецъ былъ человѣкъ, не имѣвшій себѣ равнаго, и Рамзесъ не забылъ, что ты состоишь въ родствѣ съ прежнимъ царскимъ домомъ. Его дѣдъ, его отецъ и онъ самъ—выскочки, и еще живъ одинъ человѣкъ, имѣющій больше, чѣмъ онъ, правъ на тронъ фараоновъ.

— Намѣстникъ Ани, сказалъ Паакеръ твердо.

Катути утвердительно кивнула головой, подошла къ могару ближе и тихо сказала:

— Я отдаюсь въ твои руки, хотя знаю, что онѣ могутъ подняться противъ меня. Но ты—мой естественный союзникъ, такъ какъ тотъ же самый поступокъ Рамзеса, который опозорилъ тебя, сдѣлалъ меня участницею плановъ намѣстника. У тебя царь похитилъ невѣсту, у меня—дочь; твою душу онъ наполнилъ ненавистью къ надменному сопернику, а въ мое сердце влилъ огонь скорби о потерянномъ счастіи моего дитяти. Я чувствую въ своихъ жилахъ частицы крови Гатасу, и мой умъ довольно силенъ для того, чтобы управлять мужчинами. Это я пробудила дремавшія стремленія въ груди намѣстника и обратила глаза его къ трону, для котораго предназначили его боги. Слуги небожителей, жрецы—на нашей сторонѣ; мы имѣемъ...

Въ эту минуту послышался шумъ въ саду; запыхавшійся рабъ вбѣжалъ въ залу и вскричалъ:

— Намѣстникъ ожидаетъ у воротъ!

Паакеръ стоялъ точно ошеломленный, но скоро пришелъ въ себя и хотѣлъ удалиться, но Катути удержала его, говоря:

— Я пойду навстрѣчу Ани; онъ будетъ радъ видѣть тебя, потому что ставитъ тебя высоко и былъ другомъ твоего отца.

Какъ только Катути вышла изъ залы, карликъ Нему вышелъ изъ своего убѣжища за лиственными растеніями, сталъ передъ Паакеромъ и нагло спросилъ:

— А что? хорошій или худой совѣтъ далъ я тебѣ вчера?

Но Паакеръ не отвѣчалъ и, оттолкнувъ его пинкомъ ноги въ сторону, началъ задумчиво ходить взадъ и впередъ.

Катути встрѣтила намѣстника въ серединѣ сада. Онъ держалъ въ рукѣ исписанный свитокъ и уже издали привѣтствовалъ ее радостнымъ движеніемъ руки.

Вдова смотрѣла на своего друга съ удивленіемъ. Ей показалось, что онъ какъ будто выросъ и помолодѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла его въ послѣдній разъ.

— Привѣтъ тебѣ, вскричала она, отчасти дружескимъ, отчасти почтительнымъ тономъ и подняла руки съ видомъ благоговѣнія, точно онъ носилъ уже двойную корону Верхняго и Нижняго Египта.—Не встрѣтилъ-ли ты девять боговъ [1], не поцѣловали-ли тебя гаторы во снѣ. Нынче—свѣтлый день, счастливый день: я вижу это по твоему лицу.

— Богатый извѣстіями! весело, но съ достоинствомъ отвѣчалъ Ани.—Прочти это посланіе.

Катути взяла папирусный свитокъ у него изъ рукъ, прочла его, возвратила намѣстнику и серьёзно сказала:

— Снаряженныя тобою войскà разбили соединенныя полчища кушитовъ [2] и ведутъ ихъ князей съ несмѣтными сокровищами, а также двѣнадцать тысячъ военноплѣнныхъ въ Ѳивы! Благодареніе богамъ!

— И благодареніе прежде всего, прибавилъ Ани:—потому что военоначальникъ Шешенкъ, мой молочный братъ и другъ, здравый и невредимый, ведетъ домой нашихъ воиновъ. Я думаю, Катути, что образы нашихъ сновидѣній сегодня пріобрѣтаютъ плоть и кровь.

— Они дѣлаются героями! вскричала вдова.—Тебя самого, мой

---

[1] Египтяне обыкновенно представляли себѣ боговъ групами: по три и по девяти, но также—по-восьми, тринадцати и пятнадцати боговъ. Въ сказкѣ о о двухъ братьяхъ, одинокому Батау являются девять боговъ и создаютъ ему жену.

[2] Эѳіоповъ.

повелитель, коснулось дыханіе божества. Ты приближаешься ко мнѣ, какъ истинный сынъ Ра; мужество Мента [1] сіяетъ въ твоихъ глазъ, а на твоихъ губахъ мелькаетъ улыбка побѣдоноснаго Горуса.

— Терпѣніе, терпѣніе, другъ мой, сказалъ Ани, умѣряя пылкость вдовы:—теперь болѣе чѣмъ когда либо надлежитъ держаться стараго правила—преувеличивать силу противника и умалять свою собственную. Ничто не удалось мнѣ изъ того, на что я навѣрное разсчитывалъ; напротивъ, удалось многое, въ чемъ я боялся полной неудачи. Теперь едва возникаетъ только начало успѣха!

— Но счастіе, такъ же, какъ и несчастіе, никогда не приходитъ одно, возразила Катути.

— Я согласенъ съ тобою, сказалъ Ани.—Мнѣ кажется, я замѣтилъ, что событія жизни являются попарно. Каждое бѣдствіе имѣетъ своего товарища, какъ и каждое счастіе. Можешь-ли ты мнѣ объявить о второй побѣдѣ?

— Женщины не выигрываютъ никакихъ битвъ, съ улыбкою отвѣчала вдова:—но онѣ пріобрѣтаютъ друзей, и я пріобрѣла сильнаго союзника.

— Какого-либо бога или какое-либо войско? спросилъ намѣстникъ.

— Нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ, отвѣчла она.—На нашей сторонѣ—Паакеръ, вожатый царя. Выслушай! и она разсказала намѣстнику исторію любви и ненависти своего племянника.

Ани слушалъ ее молча, затѣмъ сказалъ, съ выраженіемъ безпокойства и озабоченности:

— Этотъ человѣкъ—слуга Рамзеса и скоро вернется къ нему. Пусть многіе догадываются о нашихъ планахъ, но каждый новый знающій о нихъ человѣкъ можетъ сдѣлаться измѣнникомъ. Ты понуждаешь меня; ты преждевременно толкаешь меня впередъ! Тысяча сильныхъ враговъ менѣе опасны, чѣмъ одинъ ненадежный союзникъ.

— На Паакера мы можемъ положиться, рѣшительно сказала Катути.

— Кто тебѣ ручается за него? спросилъ намѣстникъ.

— Онъ будетъ отданъ въ твои руки, отвѣчала вдова.—Мой умный карликъ Нему знаетъ, что Паакеръ совершилъ одинъ поступокъ, за который законъ наказываетъ смертью.

Лицо намѣстника просіяло, и онъ, успокоившись, сказалъ:

---

[1] Египетскій богъ войны.

— Это измѣняетъ дѣло. Онъ совершилъ убійство?

— Нѣтъ, отвѣчала Катути.—Карликъ поклялся сообщить тебѣ, и только тебѣ одному, то, чтò ему извѣстно. Онъ вполнѣ намъ преданъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ задумчиво Ани.—Но и онъ тоже неостороженъ, слишкомъ неостороженъ! Вы похожи на тѣхъ всадниковъ, которые, чтобы выиграть закладъ, заставляютъ коня перескакивать черезъ копья. Если конь упадетъ на остріе, то тѣмъ хуже для него: вы бросаете его и пѣшкомъ продолжаете свой путь.

— Или же сами натыкаемся на копья, вмѣстѣ съ благороднымъ конемъ, серьёзно сказала Катути.—Ты долженъ больше выиграть, а потому можешь больше и потерять, чѣмъ мы; но и самые ничтожные люди любятъ жизнь; и нужно-ли говорить тебѣ, Ани, что я работаю для тебя не съ тѣмъ, чтобы посредствомъ тебя пріобрѣсти выгоды, а потому, что ты мнѣ дорогъ, какъ братъ, и я вижу въ тебѣ воплощеніе попраннаго права моихъ отцовъ?

Ани протянулъ ей руку и сказалъ:

— А съ Бентъ-Анатъ ты тоже говорила въ качествѣ моего друга? Правильно-ли я понимаю твое молчаніе?

Катути грустно кивнула головой, но Ани сказалъ:

— Вчера это заставило-бы меня отказаться отъ нея, но сегодня мужество мое выросло и, если мнѣ помогутъ гаторы, то она, все-таки, будетъ моею.

Съ этими словами, онъ пошелъ впереди Катути въ залу, гдѣ Паакеръ по прежнему безпокойно ходилъ взадъ и впередъ.

Вожатый низко поклонился намѣстнику, который отвѣчалъ ему полугордымъ, полудружескимъ движеніемъ руки и затѣмъ, опустившись въ кресло, привѣтствовалъ Паакера, какъ сына своего друга и родственника своей фамиліи.

— Всѣ, сказалъ онъ:—прославляютъ твою безстрашную рѣшимость въ дѣйствіи. Люди, подобные тебѣ, рѣдки, у меня ихъ вовсе нѣтъ. Я бы желалъ, чтобы ты стоялъ ко мнѣ поближе; но Рамзесъ не захочетъ лишиться тебя, хотя... Правда, твоя должность имѣетъ двѣ стороны: она требуетъ отваги и умѣнья хорошо писать. Никто не отказываетъ тебѣ въ первой, но ты несиленъ во второмъ. Мечъ и тростниковое перо, это—два различныя оружія. Послѣднее требуетъ нѣжныхъ пальцевъ, а первый—твоего жесткаго кулака. Прежде царь порицалъ твои донесенія; болѣе-ли онъ доволенъ ими теперь?

— Надѣюсь, отвѣчалъ вожатый.—Мой братъ Горусъ—привычный писецъ, и онъ сопровождаетъ меня въ моихъ поѣздкахъ.

— Вотъ это — дѣло! вскричалъ намѣстникъ. Еслибы власть была въ моихъ рукахъ, я увеличилъ бы число твоихъ помощниковъ, далъ бы тебѣ четырехъ, пятерыхъ, шестерыхъ писцовъ, которыми бы ты распоряжался неограниченно, давая имъ матеріалъ для посылаемыхъ отчетовъ. Твоя должность требуетъ мужества и осмотрительности; эти качества рѣдко бываютъ соединены одно съ другимъ; а героевъ пера цѣлыя сотни въ храмахъ.

— Я того же мнѣнія, подтвердилъ Паакеръ.

Ани задумчиво опустилъ глаза и затѣмъ продолжалъ:

— Рамзесъ любитъ сравнивать тебя съ твоимъ отцомъ. Это справедливо, потому что покойникъ былъ единственный въ своемъ родѣ человѣкъ: храбрѣйшій воинъ и вмѣстѣ искуснѣйшій писецъ. О тебѣ составленъ неправильный приговоръ. Мнѣ прискорбно, потому что ты, по своей матери, принадлежишь къ моей злополучной, но высокой фамиліи. Посмотримъ, не удастся-ли мнѣ поставить тебя на надлежащее мѣсто. Покамѣсть, ты нуженъ въ Сиріи, а въ случаѣ нужды, можешь удалиться въ свое наслѣдственное помѣстье. Ты доказалъ, что не боишься смерти и умѣешь служить. Теперь тебѣ слѣдуетъ наслаждаться своимъ богатствомъ вмѣстѣ съ женою.

— Я не женатъ, сказалъ Паакеръ.

— Въ такомъ случаѣ, пусть Катути отыщетъ тебѣ первѣйшую красавицу въ странѣ, когда ты вернешься домой, съ улыбкою сказалъ намѣстникъ.—Она каждый день смотрится въ зеркало и поэтому имѣетъ понятіе о женской привлекательности.

Съ этими словами, Ани всталъ, привѣтствовалъ Паакера съ изысканною лаской, протянулъ руку вдовѣ и сказалъ, выходя изъ залы:

— Пришли мнѣ сегодня же... платокъ съ карликомъ Нему.

Входя уже въ садъ, онъ еще разъ обернулся и крикнулъ Паакеру:

— У меня сегодня будутъ ужинать нѣсколько друзей; приходи и ты.

Вожатый поклонился. Онъ смутно чувствовалъ, что его опутываютъ какими-то невидимыми нитями. До сихъ поръ онъ гордился преданностію своему призванію, своими заслугами въ качествѣ могара, а теперь онъ узналъ, что тотъ самый царь, котораго почетная цѣпь украшаетъ его шею, презираетъ его и, можетъ быть, только въ память его отца, терпитъ его въ трудной и опасной должности, которую онъ принялъ добровольно и безкорыстно, несмотря на свои богатства, манившія его въ Ѳивы. Онъ зналъ, что онъ плохо владѣетъ перомъ, но что нѣтъ ника-

кого основанія оказывать ему пренебреженіе. Сто разъ онъ желалъ устроить свое положеніе въ томъ видѣ, въ какомъ его изображалъ ему Ани. Просьбы его о дозволеніи имѣть при себѣ писцовъ были отклонены Рамзесомъ. Противъ нихъ царь возражалъ, что замѣченное могаромъ должно быть сохранено въ тайнѣ и что за молчаніе второго лица никто не можетъ поручиться.

Когда выросъ его братъ Горусъ, онъ сопровождалъ могара, въ качествѣ его послушнаго помощника, даже и послѣ того, какъ женился. Жена его осталась въ Ѳивахъ съ своимъ ребёнкомъ, у своей свекрови Сетхемъ.

Теперь онъ исправлялъ должность Паакера въ Сиріи, и исправлялъ дурно, по мнѣнію вожатаго; однакоже, его дѣятельность была награждаема одобреніемъ, потому что этотъ хитрецъ умѣлъ послушнымъ перомъ писать складныя слова.

Привыкшій къ одиночеству, могаръ теперь углубился въ себя и забылъ окружавшую его обстановку и даже вдову, которая, сидя на подушкѣ, молча, наблюдала за нимъ.

Онъ смотрѣлъ въ пустое пространство, между тѣмъ какъ безсвязныя мысли тѣснились въ его мозгу. Онъ чувствовалъ себя жестоко обиженнымъ и обязаннымъ жестоко отомстить за себя. Всѣ его чувствованія были неясны и смутны: любовь сливалась съ ненавистью; но съ рѣшительною, никакимъ сомнѣніемъ не тревожимою увѣренностью онъ надѣялся обладать прекрасною Нефертъ.

Боги были глубоко виноваты въ его проступкѣ! Какъ часто онъ обращался къ нимъ и какіе скудные дары они посылали ему за его усердіе! Онъ зналъ только одно вознагражденіе за свою испорченную жизнь и считалъ возможнымъ разсчитывать на него съ такою же увѣренностью, какъ на капиталъ, отданный въ ссуду подъ надежное обезпеченіе.

Въ настоящую минуту, горькія ощущенія отравляли сладостное чувство надежды, и онъ напрасно искалъ спокойствія и ясности духа.

На подобномъ распутіи онъ не могъ ждать отвѣта ни отъ какого амулета или гаданья; тутъ приходилось обдумывать и составлять планы, а между тѣмъ, онъ не былъ въ состояніи найти мысль и изобрѣсти какой-нибудь планъ.

Паакеръ порывисто схватился за свой горячій лобъ и, очнувшись отъ задумчивости, вспомнилъ о мѣстѣ, гдѣ онъ находится, о матери любимой женщины, о своемъ разговорѣ съ нею и объ ея фразѣ, что она умѣетъ руководить мужчинами.

— Пусть же она думаетъ за меня, проговорилъ онъ про себя:—а дѣйствовать—мое дѣло.

Онъ медленно направился къ ней и сказалъ:

— Дѣло остается по прежнему: мы съ тобою—союзники.

— Противъ Рамзеса и за Ани, возразила она, подавая ему красивую правую руку.

— Черезъ нѣсколько дней я отправляюсь въ Сирію, а ты подумай: не дашь ли ты мнѣ какихъ порученій? Деньги для твоего сына ты получишь сегодня, послѣ захожденія солнца. Могу я привѣтствовать Неферть?

— Не теперь; она молится въ храмѣ.

— А завтра?

— Съ удовольствіемъ, мой милый! Она будетъ рада увидѣть и поблагодарить тебя.

— Прощай, Катути!

— Называй меня матерью, сказала вдова, махая своимъ покрываломъ вслѣдъ удалявшемуся гостю.

IV.

Какъ только Паакеръ исчезъ за кустарникомъ, Катути ударила въ металлическій щитъ и спросила у появившейся рабыни, возвратилась ли Неферть изъ храма.

— Ея носилки только-что остановились у заднихъ воротъ, отвѣчала раба.

— Скажи, что я ее ожидаю здѣсь.

Невольница удалилась, и нѣсколько минутъ спустя Неферть вошла въ залу.

— Ты звала меня, заговорила она, поздоровавшись съ матерью и опускаясь на свое ложе.— Я устала. Возьми опахало, Нему, и отгоняй отъ меня мухъ.

Карликъ сѣлъ на подушку передъ ея ложемъ и сталъ махать полукруглымъ опахаломъ изъ страусовыхъ перьевъ. Катути прервала его, сказавъ:

— Оставь это; мы должны поговорить вдвоемъ.

Карликъ пожалъ плечами и всталъ, а Неферть поглядѣла на свою мать такимъ взглядомъ, которому невозможно было противиться, и сказала такъ мягко, какъ будто отъ этого зависѣло все ея счастіе.

— Оставь его. Мухи такъ мучатъ меня. Вѣдь, Нему скроменъ.

Съ этими словами, она схватила руками большую голову карлика, позвала бѣлую кошку, которая граціознымъ прыжкомъ вскочила къ ней на плечо, гдѣ и стала, выгнувъ спину, въ ожиданіи, чтобы ее погладили.

Нему вопросительно поглядѣлъ на свою госпожу, но послѣдняя, обратясь къ своей дочери, сказала убѣдительно:

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою о вещахъ весьма серьёзныхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила жена Мены:—но, вѣдь, не могу же я допустить, чтобы меня съѣли мухи. Разумѣется, если ты желаешь...

— Такъ пусть Нему остается, сказала Катути тономъ няньки, уступающей капризному ребенку.—Онъ и безъ того знаетъ, о чемъ идетъ дѣло.

— Вотъ видишь! воскликнула Нефертъ, цѣлуя голову кошки и снова подавая карлику опахало изъ перьевъ.

Вдова взглянула на дочь съ явнымъ сожалѣніемъ, приблизилась къ ней и въ сотый разъ была поражена ея удивительной красотой.

— Бѣдное дитя, проговорила она со вздохомъ:—съ какою радостью я избавила бы тебя отъ ужасной вѣсти, которую ты неизбѣжно должна узнать. Перестань играть съ кошкой; я должна сообщить тебѣ вещи страшно серьёзныя.

— Ну, такъ говори, сказала Нефертъ:—я сегодня не боюсь даже самаго худшаго. Гороскопъ сказалъ мнѣ, что звѣзда Мены находится подъ знаками счастья, а въ храмѣ Безы я спрашивала оракула и узнала, что у мужа моего все идетъ хорошо. Я облегчила свою душу молитвою. Говори, я уже знаю, что въ письмѣ брата изъ лагеря не было ничего хорошаго: ты плакала третьяго дня вечеромъ, а вчера была въ дурномъ расположеніи духа.

— Твой братъ, со вздохомъ сказала Катути:—причиняетъ мнѣ много горя, и черезъ него мы были бы обезчещены...

— Мы? Обезчещены! вскричала Нефертъ, въ испугѣ хватаясь за кошку.

— Твой братъ проигралъ огромную сумму денегъ и, чтобы отыграться, заложилъ мумію своего отца.

— Ужасно! воскликнула Нефертъ.—Намъ придется обратиться къ царю. Ради Мены, онъ не откажетъ мнѣ. Рамзесъ великъ и благороденъ и не захочетъ, чтобы изъ-за легкомыслія безумнаго мальчишки была опозорена цѣлая семья. Конечно, я напишу ему.

Все это она проговорила съ дѣтскою увѣренностью и какъ будто считая дѣло поконченнымъ, но просила Нему поживѣе махать опахаломъ.

Въ сердцѣ Катути кипѣли негодованіе и удивленіе по поводу невозмутимаго хладнокровія дочери, но она удержалась отъ упрека и спокойно сказала:

— Намъ уже оказана помощь, такъ какъ мой племянникъ Паакеръ, узнавъ, чтò грозитъ намъ, предложилъ свои услуги и, притомъ, добровольно, безъ всякой просьбы съ нашей стороны, единственно изъ сердечной доброты и преданности намъ.

— Добрый Паакеръ, воскликнула Нефертъ:—онъ такъ любитъ меня, и ты знаешь матушка: я всегда защищала его; онъ навѣрное только ради меня поступилъ такъ великодушно. При этомъ молодая женщина засмѣялась, приблизила холодную мордочку кошки къ своему носу и сказала, подражая лепету дѣтей: «Вотъ видишь ли, кисынька, какъ добры люди къ твоей маленькой госпожѣ».

Катути снова почувствовала себя оскербленною ребячествомъ дочери и сказала:

— Мнѣ кажется, тебѣ не слѣдовало бы такъ шалить и забавляться, когда съ тобою говорятъ о такихъ серьёзныхъ вещахъ. Я давно замѣчаю, что ты совершенно равнодушна къ судьбѣ своего родительскаго дома. Однако, тебѣ придется искать убѣжище подъ нашею кровлей, когда твой мужъ тебя...

— Чтò такое? спросила Нефертъ, выпрямляясь и начиная дышать порывисто.

Какъ только Катути замѣтила волненіе дочери, она пожалѣла, что такъ неосторожно приступила къ своему разсказу: она любила Нефертъ и знала, что огорчитъ ее. Поэтому она продолжала съ бòльшею мягкостью:

— Ты, шутя, только-что похвалилась, что люди расположены къ тебѣ; это—правда; ты привлекаешь сердца своею особой. И Мена, разумѣется, тоже любилъ тебя; но разлука—врагъ вѣрности, и Мена...

— Чтò такое сдѣлалъ Мена? въ другой разъ прервала Нефертъ свою мать, при чемъ ноздри ея задрожали.

— Мена, рѣшительно заговорила Катути:—попралъ ногами то уваженіе и ту вѣрность, которыми онъ обязанъ былъ относительно тебя.

— Мена? спросила молодая женщина, сверкая глазами, и, сбросивъ кошку на полъ, вскочила со своего ложа.

— Твой братъ пишетъ, твердо сказала Катути:—что Мена, вмѣсто своей доли добычи въ серебрѣ и золотѣ, взялъ къ себѣ въ палатку дочь властителя Данаевъ. Каковъ безчестный негодяй!

— Безчестный негодяй? воскликнула Нефертъ, машинально повторяя слова матери.

Катути въ страхѣ отступила отъ нея: ея кроткая, флегматическая дочь стояла передъ нею преобразованная до такой степени, что ее трудно было узнать. Она была олицетвореніемъ де-

мона мести. Глаза ея сверкали, она задыхалась, члены ея трепетали; съ необычайною силой и быстротой она схватила карлика за руку, потащила его къ двери одной изъ внутреннихъ комнатъ, толкнула его черезъ порогъ, захлопнула дверь и затѣмъ, съ побѣлѣвшими губами, приблизилась къ матери.

— Ты назвала его безчестнымъ негодяемъ? вскричала она подавленнымъ, хриплымъ голосомъ: — безчестный негодяй! Возьми это слово назадъ, матушка; возьми назадъ, а не то...

Катути все болѣе и болѣе блѣднѣла и сказала успокоительнымъ тономъ:

— Слово это можетъ показаться жесткимъ; но, вѣдь, онъ измѣнилъ тебѣ и публично нанесъ тебѣ оскорбленіе.

— И этому я должна вѣрить? сказала Нефертъ съ ироническимъ смѣхомъ:—я должна этому вѣрить, потому что тебѣ написалъ это негодяй, проигравшій въ кости прахъ и честь своего отца! Да, настоящій, подлинный негодяй, котораго мой мужъ могъ бы убить однимъ щелчкомъ! Выслушай же меня: еслибы я собственными глазами видѣла, и видѣла нѣсколько разъ, что Мена ведетъ самую прекрасную изъ женщинъ въ свою палатку, то я, все-таки, смѣялась бы какъ теперь и сказала бы тебѣ: «кто знаетъ, что онъ хочетъ тамъ передать или объявить красавицѣ?» и ни на одну минуту не усомнилась бы въ его вѣрности, потому что твой сынъ лживъ, а Мена правдивъ. Озирисъ нарушилъ свою вѣрность Изидѣ [1], а Мена можетъ пользоваться благосклонностью сотни женщинъ, но ни одной изъ нихъ, кромѣ меня, не возьметъ въ свою палатку!

— Такъ оставайся при своей увѣренности, возразила Катути съ горечью:—а меня оставь при моей.

— При *твоей*? спросила Нефертъ, и ея разгорѣвшіяся щеки поблѣднѣли снова:—въ чемъ же она состоитъ? Ты охотно выслушиваешь самое дурное и низкое о человѣкѣ, который осыпаетъ тебя благодѣяніями. Негодяемъ, безчестнымъ негодяемъ называешь ты того, кто позволяетъ тебѣ распоряжаться какъ тебѣ угодно.

— Нефертъ! вскричала Катути съ негодованіемъ, я буду...

— Дѣлай, что хочешь, прервала ее разгнѣванная женщина:— но не брани великодушнаго человѣка, который не мѣшалъ тебѣ обременить его имѣніе долгами, ради твоего сына и твоего честолюбія. Съ третьяго дня я знаю, что мы небогаты; я долго думала объ этомъ и спрашивала себя: куда же дѣвался нашъ хлѣбъ, нашъ скотъ, куда пошли наши овцы и платежи

---

[1] Плутархъ «Изида и Озирисъ», 14.

нашихъ съемщиковъ? Ты не брезгала наслѣдственнымъ имуществомъ *негодяя*, а я говорю тебѣ, что сочла бы себя недостойною быть женою благороднаго Мены, еслибы потерпѣла, чтобы его имя позорили подъ его собственною кровлей. Оставайся при своемъ убѣжденіи, но, въ такомъ случаѣ, одна изъ насъ должна покинуть этотъ домъ: ты, или я...

При этихъ словахъ, Нефертъ разразилась порывистыми рыданіями, упала передъ своимъ ложемъ на колѣни, спрятала лицо въ подушки и плакала судорожно и не переставая.

Катути стояла за нею, потрясенная, дрожащая, растерянная.

Неужели это—ея кроткое, мечтательное дитя? Осмѣливалась ли когда-нибудь дочь говорить такимъ образомъ со своею матерью? Но кто изъ нихъ правъ: она или Нефертъ? Этотъ вопросъ она съ усиліемъ отстранила отъ себя, опустилась возлѣ молодой женщины на колѣни, обняла ее, прижалась къ ея головѣ своею и прошептала тономъ мольбы:

— Ты—жестокое, злое дитя; прости твою бѣдную, достойную сожалѣнія мать и не переполняй мѣры ея злополучія.

Нефертъ встала, поцѣловала ей руку и, молча, удалилась въ свою комнату.

Катути осталась одна. Ей казалось, что какая-то мертвая рука сжала ея сердце, и она тихо бормотала про себя: «Ани правъ Къ лучшему все то, отъ чего мы ждемъ самого худшаго!»

Она сжала руками свой лобъ, какъ будто не могла вѣрить неслыханному. Сердце ея рвалось къ дочери, но, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за нею, она собрала все свое мужество, чтобы вызвать въ своей памяти все, въ чемъ упрекала ее Нефертъ. Ни одного слова не пропустила она и, наконецъ, прошептала:

— Она можетъ испортить все. Ради Мены, она пожертвуетъ мною и всѣмъ міромъ; Мена и Рамзесъ — одно, и, если она замѣтитъ то, что̀ мы предпринимаемъ, то выдастъ насъ, не задумываясь. До сихъ поръ все происходило передъ нею незамѣченнымъ, но сегодня что-то открылось въ ней: глаза, губы, уши, которые были закрыты до настоящаго времени. Съ нею произошло то же, что бываетъ съ нѣмыми, которымъ какой-нибудь сильный испугъ возвращаетъ способность говорить. Изъ милой дочери она сдѣлается моимъ сторожемъ и судьею.

Катути не произнесла послѣднихъ словъ, но услыхала ихъ въ глубинѣ своей души. Испуганная повторявшимъ ихъ внутреннимъ голосомъ, боясь своего уединенія, она позвала карлика и приказала ему велѣть приготовить носилки, намѣреваясь посѣтить храмъ и раненыхъ воиновъ, присланныхъ изъ Сиріи.

— А платокъ для намѣстника? спросилъ Нему.

— Это былъ только предлогъ, отвѣчала Катути:—намѣстникъ желаетъ поговорить съ тобою о вещахъ, которыя ты, будто бы, узналъ о Паакерѣ. Чтò это такое?

— Не спрашивай, сказалъ карликъ:—я никакъ не могу выдать эту тайну. Клянусь Безой, покровителемъ карликовъ [1], будетъ лучше для тебя, если это останется, покамѣсть, тебѣ неизвѣстнымъ.

— Я узнала сегодня довольно новаго, отвѣчала Катути:—иди къ Ани, и, если тебѣ удастся отдать Паакера въ его власть вполнѣ, то... Но у меня пока нѣтъ ничего, чѣмъ бы наградить тебя; поэтому я останусь только благодарною; когда же мы достигнемъ цѣли, то я сдѣлаю тебя свободнымъ и богатымъ.

Нему поцѣловалъ ея платье и тихо спросилъ:

— А въ чемъ состоитъ эта цѣль?

— Тебѣ извѣстно, къ чему стремится Ани, отвѣчала вдова:—для себя я желаю только одного.

— Чего именно?

— Видѣть Паакера на мѣстѣ Мены.

— Въ такомъ случаѣ, наши желанія сходятся, замѣтилъ карликъ, выходя изъ залы.

Катути посмотрѣла ему вслѣдъ и пробормотала:

— Это должно быть: если все останется по старому и Мена возвратится и потребуетъ отчета, то... Тутъ нѣчего раздумывать, нельзя допускать подобной бѣды.

V.

Когда Нему, возвращаясь отъ намѣстника, приближался къ жилищу своей госпожи, его остановилъ какой-то мальчикъ, прося его слѣдовать за нимъ въ кварталъ чужеземцевъ.

Видя нерѣшимость карлика, мальчикъ показалъ ему кольцо его матери Гектъ, которая, по своимъ дѣламъ, пришла въ городъ и желала говорить съ сыномъ.

Нему былъ измученъ усталостью, потому что онъ привыкъ ѣздить верхомъ, но его осликъ издохъ, а Катути не могла дать ему другого. Половина принадлежавшаго Менѣ скота была распродана, а остальной половины было едва достаточно для обработки полей.

На углахъ наиболѣе оживленныхъ улицъ и на рынкахъ стояли мальчики съ ослами, которыхъ они отдавали въ наймы за

---

[1] Онъ считался покровителемъ карликовъ, можетъ быть, по причинѣ своего пигмейскаго роста.

ничтожную плату [1], но Нему отдалъ свое послѣднее кольцо за платье и новый парикъ, чтобы въ приличномъ видѣ явиться къ намѣстнику. Въ прежніе дни, его карманъ никогда не бывалъ пустъ: Мена часто бросалъ ему серебряныя и золотыя деньги, но его беспокойная и честолюбивая душа не сѣтовала объ утраченномъ благосостояніи. Съ любовью вспоминалъ онъ о тѣхъ годахъ изобилія и теперь, когда онъ, задыхаясь, тащился по пыльнымъ улицамъ, онъ чувствовалъ себя великимъ и довольнымъ.

Намѣстникъ позволилъ ему говорить, и ловкому маленькому человѣку скоро удалось приковать его вниманіе. При изображеніи безумной страсти Паакера, Ани хохоталъ до слезъ, а при остальныхъ разсказахъ и требованіяхъ карлика онъ оказался серьёзнымъ и сговорчивымъ.

Нему чувствовалъ себя подобно выросшей на землѣ уткѣ, которую пустили въ воду, или жуку, превратившемуся въ птицу, которой въ первый разъ позволено расправить свои крылья и летѣть. Онъ безъ жалобы доплавался бы или долетался бы до смерти, еслибы обстоятельства не поставили границъ для его рвенія и жажды дѣятельности.

Весь въ поту, покрытый пылью, добрался онъ до пестрой палатки въ кварталѣ иноземцевъ [2], гдѣ обыкновенно останавливалась колдунья Гектъ, когда она приходила въ Ѳивы.

Придумывая обширные проекты, взвѣшивая возможныя случайности, соображая замысловатые планы, замѣняя однѣ комбинаціи другими, менѣе опасными и болѣе удобными, маленькій политикъ не обращалъ вниманія на окружавшую его суету. Онъ миновалъ храмъ, гдѣ финикіяне поклонялись своей Астартѣ [3],

---

[1] Въ новѣйшихъ египетскихъ городахъ осѣдланные ослы замѣняютъ наши извощичьи дрожки. На египетскихъ памятникахъ только чужеземцы изображаются ѣдущими верхомъ на ослахъ, но въ гробницахъ почти всѣхъ египетскихъ вельможъ съ древнихъ временъ исчисляется, сколько покойники имѣли ословъ; и число это часто было весьма значительно. Сохранилось также одно изображеніе изъ временъ древняго Египта, представляющее господина, который сидитъ на носилкахъ, утвержденныхъ на спинѣ двухъ ословъ. Лепсіусъ: Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien, Abt. II, 126.

[2] Геродотъ, II, 112, упоминаетъ о кварталѣ тирянъ въ Мемфисѣ, который былъ расположенъ къ югу отъ храма Пта и гдѣ поклонялись иноземной Афродитѣ (ξείνῃ Ἀφροδίτῃ).

[3] Эта финикійская богиня часто является на египетскихъ памятникахъ, вмѣсто Сехетъ. Въ Эдфу она изображается съ львиною головой и стоитъ на колесницѣ, запряженной лошадьми. На папирусѣ, относящемся ко времени нашего разсказа, ея имя является нерѣдко вмѣстѣ съ изображеніемъ Рамзеса II, его лошади и собаки.

святилище Сета, гдѣ они приносили жертвы своимъ вааламъ [1], не замѣчая доносившихся до него криковъ плясавшихъ молельщиковъ и звуковъ кимваловъ и лютней.

Палатки и непрочно построенные деревянные дома танцовщицъ и публичныхъ женщинъ не привлекали его; впрочемъ, ихъ обитательницы, которыя, по вечерамъ, украшенныя пестрыми нарядами, соблазняли ѳивянскую молодёжь къ разнымъ увеселеніямъ и безумствамъ, и безъ того отдыхали до тѣхъ поръ, пока солнце сіяло въ небѣ. Только въ игорныхъ домахъ было шумно, и полицейскіе стражники съ трудомъ сдерживали страстные порывы воиновъ, проигравшихъ свою долю добычи, и ярость матросовъ, считавшихъ себя обманутыми. Цѣлью, къ которой стремился Нему, была большая пестрая палатка, ничѣмъ не отличавшаяся отъ многихъ подобныхъ ей. Входъ ея былъ широкъ, но теперь завѣшанъ большимъ кускомъ грубой холстины, замѣнявшимъ дверь.

Карликъ пробрался въ палатку. На пыльномъ полу ея были разостланы потертые куски ковровъ, на которыхъ сидѣли пестроодѣтыя молодыя женщины, туалетомъ которыхъ занималась теперь старуха. Она подкрашивала имъ ногти на рукахъ и ногахъ хиной и подтушевывала черной краской ихъ брови и рѣсницы, чтобы придать глазамъ ихъ болѣе блеска, бѣлила, румянила ихъ и намазывала имъ волосы душистымъ масломъ. Въ палаткѣ было душно и жарко, и ни одна изъ женщинъ не произносила ни одного слова. Всѣ сидѣли, не шевелясь; только изрѣдка которая нибудь изъ нихъ брала пористый глиняный кувшинъ съ водой или открывала ящичекъ, чтобы достать оттуда пилюлю изъ кифи и положить ее въ ротъ.

Къ стѣнамъ палатки были прислонены бубны, флейты и лютни; на полу лежали четыре тамбурина. На кожѣ одного изъ нихъ спала кошка, окруженная обручами съ побрякушками, котята ея играли бубенчиками другого тамбурина.

[1] По свидѣтельству папируса Салье, I, царь гиксосовъ Апепи (Apophis) «избралъ своимъ владыкою Сета и не поклонялся никакому другому изъ египетскихъ боговъ». Впослѣдствіи, сами египтяне дали вааламъ семитовъ названіе Сета, какъ это видно изъ найденнаго въ Карнакѣ мирнаго договора Рамзеса съ хетами, гдѣ призываются, съ одной стороны, разные сети хетовъ—Астарта и проч., а съ другой—египетскія божества. На ряду съ названіемъ Сетъ является и другое: «Сутехъ». О Сетѣ-Тифонѣ трактуютъ: Дистель, въ своихъ Etudes égyptologiques и разныхъ другихъ мѣстахъ; Шаба въ своемъ «Voyage Égyptien»; Эберсъ въ своихъ «Aegypten und die Bücher Moses»; Бругшъ въ «Geogr. Inschriften» и въ послѣднее время Э. Мейеръ въ диссертаціи о Сетѣ. Финикійскіе культы наиболѣе обстоятельно разсмотрѣны въ знаменитомъ сочиненіи Мовера.

Черезъ маленькую заднюю дверь палатки входила и выходила старая негритянка, чтобы отгонять рои мухъ и мошекъ отъ глиняныхъ сосудовъ съ остатками кушаній, гранатами, крошками хлѣба и стебельками чесноку, оставшимися на коврѣ, послѣ окончившагося, нѣсколько часовъ тому назадъ, обѣда дѣвушекъ.

Старая Гектъ сидѣла вдалекѣ отъ дѣвушекъ на пестро-раскрашенномъ сундукѣ; она вынула изъ кармана какой-то маленькій свертокъ и вскричала:

— Возьми это курево и сожги шесть зеренъ: это уничтожитъ насѣкомыхъ. При этомъ, она указала на мухъ, кружившихся надъ тарелкой, которую она держала въ рукахъ.—Если хотите, я истреблю и мышей и вызову змѣй изъ ихъ норъ лучше, чѣмъ это дѣлаютъ врачи изъ жрецовъ [1].

— Побереги свое колдовство для себя, сказала хриплымъ голосомъ одна изъ дѣвушекъ:—съ тѣхъ поръ, какъ ты пошептала надо мною и дала мнѣ питья, чтобы сдѣлать меня снова стройною и гибкою, меня безпокоитъ скверный кашель по ночамъ и усталость одолѣваетъ меня въ пляскѣ.

— Но, вѣдь, ты сдѣлалась же стройнѣе, возразила Гектъ:—и скоро ты перестанешь кашлять.

— Когда она умретъ, шепнула служанка старухѣ.—Я знаю это. Такъ кончаетъ большинство изъ нихъ.

Мать Нему пожала плечами и встала съ сундука, увидавъ проскользнувшаго въ палатку карлика.

Дѣвушки тоже замѣтили его и подняли тотъ неизобразимый крикъ, похожій на куриное кудахтанье, который обыкновенно испускаютъ восточныя женщины при каждомъ душевномъ волненіи.

Нему былъ хорошо знакомъ дѣвушкамъ, такъ какъ только въ ихъ палаткѣ останавливалась его мать каждый разъ, когда она приходила въ Ѳивы, и самая веселая изъ нихъ вскричала:

— Ты подросъ со времени послѣдняго своего посѣщенія, малютка.

И ты тоже подросла, быстро отвѣчалъ Нему:—но не вся: только твой ротъ сдѣлался побольше.

— А ты столько же золъ, какъ и малъ, замѣтила дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ, моя злость мала, смѣясь, сказалъ карликъ: — потому что я очень малъ и тонокъ. Здравствуйте, дѣвушки. Да поможетъ вамъ Беза въ вашемъ одѣваньи. Здравствуй, матушка, ты прислала за мной?

Старуха кивнула головой; карликъ сѣлъ возлѣ нея на сундукѣ, и они начали шептаться другъ съ другомъ.

---

[1] Рецепты для изгнанія вредныхъ насѣкомыхъ находятся въ папирусѣ Эберса.

— Какъ ты запыленъ и какой у тебя усталый видъ! сказала Гектъ:—ужь не пѣшкомъ ли ты шелъ по солнопеку?

— Мой оселъ издохъ, отвѣчалъ Нему:—а у меня не было денегъ, чтобы взять наемное животное.

— Начало будущаго блеска, хихикнула старуха: — что ты сдѣлалъ?

— Паакеръ выручилъ насъ, отвѣчалъ карликъ:—и я только-что имѣлъ продолжительный разговоръ съ намѣстникомъ.

— Ну?

— Онъ возобновитъ для тебя дозволительную грамату, если ты отдашь вожатаго въ его руки.

— Хорошо, хорошо. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ рѣшился навѣстить меня, разумѣется, переодѣтый, я бы...

— Онъ неподатливъ, и было бы съ моей стороны неблагоразумно присовѣтовать ему такое невыполнимое дѣло.

— Гм! пробормотала старуха: — можетъ быть, ты правъ: кому приходится просить слишкомъ часто, тотъ долженъ добиваться только выполнимаго. Одно дерзкое требованіе часто навсегда отбиваетъ у благодѣтеля охоту благодѣтельствовать. Посмотримъ, увидимъ. Что случилось еще?

— Войско намѣстника разбило эѳіоповъ и несетъ богатыя сокровища въ Ѳивы.

— Ими покупаютъ людей, пробормотала старуха: — хорошо, хорошо.

— Мечъ Паакера наточенъ. За жизнь моего господина я не дамъ теперь больше, чѣмъ имѣю въ карманѣ, а ты знаешь, почему я притащился сюда по пыли пѣшкомъ.

— Отсюда ты можешь ѣхать, сказала Гектъ и подала сыну серебряное колечко.

— Видѣлся ли вожатый опять съ твоею госпожею Нефертъ?

— Произошли странныя вещи, отвѣчалъ карликъ и разсказалъ матери, что произошло между Катути и Неферть. Нему имѣлъ тонкій слухъ и не забылъ ни одного слова изъ того, что подслушалъ.

Старуха слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ, затѣмъ сказала:

— Вотъ какъ! Да, вѣдь, это—что-то необыкновенное! Всѣ матери похожи на обезьянъ: онѣ съ радостію позволяютъ замучить себя ради своихъ дѣтей, которыя довольно плохо благодарятъ ихъ за это, а замуженія женщины, обыкновенно, широко открываютъ уши, когда имъ разсказываютъ о безпутствѣ ихъ мужей. Но твои госпожи, это—другое дѣло!

Старуха задумчиво опустила глаза и продолжала:

— Въ сущности, и это можно объяснить очень легко. Ты разсказывалъ мнѣ однажды, что, когда обѣ твои госпожи, мать съ дочерью, ѣдутъ на празднества и панегиріи [1], стоя одна возлѣ другой на колесницѣ, то любо на нихъ смотрѣть. Катути, говорилъ ты, заботится о томъ, чтобы цвѣта ея одеждъ и цвѣты въ ея волосахъ подходили одни къ другимъ. Для которой изъ двухъ женщинъ, обыкновенно, прежде выбирается нарядъ при подобныхъ случаяхъ?

— Всегда для Катути, которая не отступаетъ отъ извѣстныхъ цвѣтовъ, отвѣчалъ Нему.

— Вотъ видишь ли, засмѣялась колдунья: — это и должно быть такъ. Эта мать всегда прежде всего думаетъ о себѣ и о тѣхъ вещахъ, которыхъ желаетъ добиться. Но эти вещи висятъ слишкомъ высоко, и поэтому она пользуется всѣми попадающимися ей подъ руку предметами, и даже своею дочерью, чтобы сдѣлать изъ нихъ себѣ лѣстницу для достиженія своей цѣли. Я увѣрена, что она направитъ Паакера на Мену; эта женщина способна выдать свою дочь, вонъ, за ту хромую собаку, лишь бы только осуществить свои честолюбивые планы.

— А какова Нефертъ! Посмотрѣла бы ты на нее: изъ голубки она превратилась въ львицу.

— Потому что она любитъ Мену такъ, какъ ея мать любитъ самоё себя, объяснила старуха.—Поэты сказали бы, что она полна имъ; къ ней это совершенно подходитъ; въ ней не остается мѣста ни для чего другого.

— А Мена?

— Мужчины всѣ равны, и Мена окажется не лучше другихъ.

— А что ты думаешь о Паакерѣ? Вѣдь, онъ совсѣмъ внѣ себя отъ страсти.

— Можетъ быть, и такъ, отвѣчала старуха:—вѣдь, онъ упрямъ до бѣшенства; теперь онъ не пожалѣлъ бы жизни, чтобы добиться запрещеннаго; можетъ быть, онъ успокоился бы, еслибы Нефертъ принадлежала ему. Но довольно болтать вздоръ. Я должна отправиться, вонъ, въ ту золотую палатку, гдѣ теперь собираются всѣ имѣющіе полные кошельки съ деньгами. Мнѣ надобно поговорить съ хозяйкой.

— Чтò тебѣ тамъ нужно? спросилъ Нему.

— Маленькая Уарда скоро выздоровѣетъ, отвѣчала старуха:— вѣдь, ты видѣлъ ее? Не правда ли, какъ она хороша, дивно хороша! Вотъ я и хочу посмотрѣть, чтò дастъ мнѣ за нее хозяйка. Дѣвушка легка и граціозна, какъ газель, и черезъ нѣсколько недѣль она научится отлично плясать.

---

[1] Праздничные съѣзды съ ярмарками.

Нему поблѣднѣлъ и сказалъ рѣшительно:

— Этого ты не сдѣлаешь.

— Почему нѣтъ, если это принесетъ мнѣ хорошій доходъ?

— Потому что я запрещаю тебѣ это, прохрипѣлъ карликъ.

— Вотъ какъ! засмѣялась колдунья.—Ты желаешь быть моею Неферть, а мнѣ приходится играть роль ея матери, Катути! Но будемъ говорить серьёзно. Видѣлъ ли ты дѣвочку и не думаешь ли пріобрѣсти ее для себя самого?

— Да, отвѣчалъ Нему:—когда мы достигнемъ цѣли, то Катути отпуститъ меня на волю и обогатитъ меня. Тогда я куплю у сосѣда Пинема его внучку и женюсь на ней. Я построю себѣ домъ по сосѣдству съ домомъ суда и буду давать совѣты истцамъ и отвѣтчикамъ, какъ это дѣлаетъ горбатый Сентъ, который теперь разъѣзжаетъ по улицамъ на собственной своей колесницѣ.

— Гм! промычала старуха.—Объ этомъ можно бы подумать, но, пожалуй, теперь ужъ слишкомъ поздно. Въ бреду дѣвушка все говорила о жрецѣ изъ дома Сети, навѣщавшемъ ее по порученію Амени. Это — красивый юноша, который, вѣроятно, позаботится о ней. Говорятъ, онъ—сынъ садовника; его зовутъ Пентауромъ.

— Пентауромъ? повторилъ карликъ.—У него гордая осанка и наружность покойнаго могара, и онъ мѣтитъ гораздо выше; но его гордая спина скоро будетъ сломлена.

— Тѣмъ лучше, сказала старуха: — Уарда была бы подходящею тебѣ женою. Она добра и скромна, и нельзя знать..

— Чего? спросилъ карликъ.

— Кто была ея мать. Она была не изъ здѣшнихъ: ее привезли изъ чужихъ земель, и у нея нашли украшенія, съ странными надписями. Надо будетъ показать это военноплѣннымъ, какъ только Уарда будетъ принадлежать тебѣ: можетъ быть, кто-нибудь изъ нихъ разберетъ эти чужеземныя письмена. Она происходитъ изъ хорошаго дома—это я знаю навѣрное: Уарда—вылитый портретъ своей матери и уже при своемъ рожденіи имѣла видъ ребёнка знатнаго происхожденія. Ты улыбаешься, дурень. Тысяча младенцевъ перешла черезъ мои руки, и, когда ихъ приносятъ ко мнѣ, обернутыхъ въ лохмотья, я всегда узнаю—принадлежатъ ли ихъ родители къ людямъ знатнымъ, или простымъ. Форма ноги и многіе другіе признаки служатъ указаніемъ. Пусть Уарда остается тамъ, гдѣ она теперь; я помогу тебѣ. Если случится что-нибудь новое, то сообщи мнѣ.

VI.

Когда Нему возвратился домой, теперь уже верхомъ на ослѣ, онъ не нашелъ тамъ ни Катути, ни Нефертъ. Первая поѣхала въ храмъ, а оттуда въ городъ, между тѣмъ какъ Неферть, повинуясь непреодолимому побужденію, отправилась къ своей царственной подругѣ, Бентъ-Анатъ.

Царскій дворецъ былъ похожъ больше на маленькій городъ, чѣмъ на домъ [1]. То крыло его, въ которомъ жилъ намѣстникъ, было обращено къ сушѣ, а строенія, гдѣ помѣщался царь со своимъ семействомъ, выходили къ Нилу.

Всѣмъ плывшимъ мимо резиденціи фараоновъ она представлялась нетолько въ блестящемъ, но и въ привлекательномъ видѣ, будучи расположена среди садовъ отдѣльными частями и разнообразными постройками.

Къ обширному главному корпусу, въ которомъ помѣщались парадныя залы, прилегали, въ симетрическомъ порядкѣ, тройные ряды павильйоновъ различной величины. Всѣ они соединялись между собою колоннадами или мостами, подъ которыми тянулись каналы, орошавшіе сады, придавая дворцу видъ города, расположеннаго на островахъ.

Всѣ постройки дворца фараоновъ и необозримая стѣна ограды были сложены изъ легкаго нильскаго кирпича и искусно обдѣланнаго дерева; у высокихъ воротъ стѣны стояли на часахъ тяжело вооруженные воины.

Стѣны и столбы, навѣсы колоннады даже крыши сіяли пестрыми размалеванными узорами, а у всѣхъ воротъ стояли высокія мачты, на которыхъ, во время пребыванія царя, развѣвались красные и синіе флаги. А теперь ихъ металлическія острія, служившія громоотводами [2], торчали обнаженными въ воздухѣ.

Справа отъ главнаго зданія находились окруженные роскошными садами дома царскихъ женъ; нѣкоторыя изъ этихъ построекъ прямо глядѣлись въ окружавшую ихъ воду. Къ этой части дворца примыкали, необозримыми рядами, царскія кладовыя, а позади средняго корпуса, въ которомъ жилъ самъ Фараонъ,

---

[1] Повторяемое во многихъ книгахъ мнѣніе, что храмы были вмѣстѣ и дворцами фараоновъ—неосновательно. Въ хорошо сохранившихся храмахъ, какъ, напр., въ Дендерѣ и Эдфу, мы знаемъ назначеніе всѣхъ помѣщеній, и всѣ они предназначены для религіозныхъ цѣлей. По памятникамъ извѣстно, что также и цари жили въ обширныхъ помѣщеніяхъ, окруженныхъ садами и построенныхъ изъ легкихъ матеріаловъ. Дворцы походили на домà вельможъ, только были обширнѣе ихъ.

[2] Со словъ надписи въ Дендерѣ, прежде всѣхъ сообщной Дюмихеномъ.

стояли казармы царскихъ тѣлохранителей и сокровищницы. Лѣвое крыло дворца было предоставлено для помѣщенія придворныхъ чиновъ, безчисленнаго множества слугъ, царскихъ коней и колесницъ.

Несмотря на отсутствіе царя, во дворцѣ Рамзеса кипѣло оживленное движеніе. Сотня садовниковъ поливали лужайки, цвѣточныя клумбы, кусты и деревья; стражники ходили туда и сюда, конюхи водили лошадей, а во флигелѣ, занимаемомъ женщинами царскаго дома, суетились, какъ пчелы въ ульѣ, служанки и рабыни, царедворцы и жрецы.

Въ этой части дворца хорошо знали Неферть. Стража и часовые у дверей пропускали ея носилки безъ оклика, съ глубокими поясными поклонами; въ саду ее встрѣтилъ одинъ изъ царедворцевъ, который проводилъ ее къ церемоніймейстеру, а тотъ ввелъ ее, послѣ короткаго доклада, въ покой любимой дочери царя.

Обширная комната, гдѣ Неферть нашла Бентъ-Анатъ, была обращена къ Нилу.

Отверстіе двери, закрытое свѣтлыми занавѣсками, вело на длинную галлерею съ изящной рѣшоткою изъ позолоченной мѣди, вокругъ которой обвивались розовые кусты, покрытые блѣдно-розовыми цвѣтами.

Въ ту именно минуту, какъ жена Мены появилась на порогѣ, царевна приказала служанкамъ отдернуть занавѣсъ, такъ какъ солнце склонялось къ западу и наступала прохлада, а Бентъ-Анатъ любила именно въ это время сидѣть на галлереѣ и предаваться созерцаніямъ.

Комната Неферть въ домѣ Мены была отдѣлана гораздо нарлднѣе комнаты царевны. Ея мужъ и мать окружили ее множествомъ прелестныхъ вещицъ. Тамъ обои были изъ небесно-голубой парчи, затканной серебромъ; стулья и кушетка были покрыты тканью изъ перьевъ, сдѣланною руками эѳіопскихъ женщинъ и имѣвшею видъ груди какой-то разноцвѣтной птицы. Статуя богини Гаторъ на домашнемъ алтарѣ была изваяна изъ поддѣльнаго изумруда, называемаго мафкатъ, а остальныя небольшія статуэтки боговъ—изъ лапис-лазули, малахита, агата и выложенной золотомъ бронзы. На ея уборномъ столикѣ виднѣлся цѣлый радъ баночекъ съ мазями и вазочекъ изъ черного дерева и слоновой кости, съ самою тонкою рѣзьбою. Все это было разставлено самымъ изящнымъ образомъ и вполнѣ подходило къ наружности самой Неферть.

Жилище Бентъ-Анатъ также вполнѣ соотвѣтствовало ея характеру.

Комнаты были высоки и просторны, и ихъ меблировка состояла изъ вещей, хотя драгоцѣнныхъ, но отличавшихся простотою. Нижняя часть стѣнъ была обложена изразцами, изъ тонкаго бѣлаго съ фіолетовымъ фаянса, изъ которыхъ каждый имѣлъ видъ звѣзды, а всѣ вмѣстѣ представляли собою разныя красивыя фигуры. Наверху стѣны были обиты тою же прекрасною темнозеленою саисскою матеріей, изъ которой состояла обивка дивановъ у стѣнъ.

Тростниковые стулья и табуреты стояли вокругъ весьма большаго стола, среди этой комнаты, къ которой примыкало много другихъ. Всѣ эти комнаты были величественны, прекрасны и отличались гармоничными пропорціями, но показывали, что ихъ обладательница находила мало удовольствія въ мелочныхъ украшеніяхъ, но тѣмъ болѣе любила выхоленныя растенія, удивительные и рѣдкіе экземпляры которыхъ, художественно расположенные, наполняли углы многихъ комнатъ, между тѣмъ какъ въ другихъ, по угламъ, возвышались высокіе постаменты изъ чернаго дерева въ формѣ обелисковъ, на которыхъ стояли драгоцѣнныя курильницы.

Ея простая спальня могла бы служить помѣщеніемъ для какого-нибудь любящаго садоводство царевича въ такой же степени, какъ и для царевны.

Бентъ-Анатъ ласково встрѣтила жену Мены, взяла ее правою рукой за подбородокъ, поцѣловала ея нѣжный узкій лобъ и сказала:

— Милое созданіе, наконецъ-то, ты явилась ко мнѣ одинокой, безъ приглашенія. Это—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ мужчины отправились на войну. Когда приглашаетъ дочь Рамзеса, то о сопротивленіи не можетъ быть и рѣчи, а ты являешься добровольно...

Нефертъ подняла свои увлаженные слезами глаза, съ видомъ мольбы, и ея взглядъ былъ такъ убѣдителенъ, что Бентъ-Анатъ прервала свою рѣчь и, взявъ молодую женщину за обѣ руки, воскликнула:

— Знаешь ли, у кого должны быть такіе глаза? У того божества, изъ слёзъ котораго, упавшихъ на землю, выростали цвѣты.

Нефертъ опустила глаза и, вспыхнувъ, проговорила:

— Мнѣ бы хотѣлось навѣки сомкнуть эти глаза: я очень несчастна. При этомъ, двѣ крупныя слезы скатились по ея щекамъ.

— Что случилось съ тобою, моя милочка? спросила ее царевна съ участіемъ и прижимая ее къ себѣ.

Нефертъ со страхомъ посмотрѣла на церемоніймейстера и на придворныхъ женщинъ, которыя вошли вмѣстѣ съ нею въ комнату. Бентъ-Анатъ поняла этотъ намекъ и приказала имъ

удалиться. Оставшись на-единѣ со своею огорченною подругой, она сказала:

— Теперь разсказывай, что тяготитъ твое сердце? Какимъ образомъ это грустное выраженіе появилось на твоемъ миломъ дѣтскомъ личикѣ? Говори, я утѣшу тебя, и ты снова сдѣлаешься моею веселой, беззаботной куколкой.

— Твоею куколкой? повторила Нефертъ, и искра негодованія сверкнула въ ея глазахъ.—Ты права, называя меня такимъ образомъ: я не заслуживаю другого имени, такъ какъ во всю мою жизнь была игрушкою своей семьи.

— Нефертъ, я не узнаю тебя! вскричала Бентъ-Анатъ.—Неужели это—моя кроткая, ласковая мечтательница?

— Вотъ именно самое подходящее слово! Я спала и всегда грезила, пока не разбудилъ меня Мена; а когда онъ покинулъ меня, я снова заснула и проспала цѣлыхъ два года. Но сегодня меня разбудили такъ грубо и внезапно, что я уже никогда больше не найду спокойствія.

При этихъ словахъ, слёзы медленно потекли по щекамъ Нефертъ; Бентъ-Анатъ была такъ сильно растрогана, какъ будто жена Мены была ея собственнымъ ребенкомъ. Она ласково усадила молодую женщину возлѣ себя на диванъ и не успокоилась до тѣхъ поръ, пока Нефертъ не высказалась вполнѣ.

Въ послѣдніе часы, съ дочерью Катути произошло нѣчто подобное состоянію слѣпорожденнаго, который внезапно получилъ способность зрѣнія. Сегодня въ первый разъ она спросила себя: почему ея матери, а не ей самой поручено управленіе домомъ, госпожею котораго называется она? [1], и отвѣчала сама себѣ: «потому, что Мена считаетъ тебя неспособною думать и дѣйствовать». Онъ часто называлъ ее розочкой, и теперь она чувствовала, что она не важнѣе и не лучше цвѣтка, который ростетъ и блекнетъ, и радуетъ зрѣніе только своими пестрыми листочками.

— Моя мать, сказала она царевнѣ:—разумѣется, любитъ меня: но она дурно управляла имѣніями моего мужа, очень дурно, а я, несчастная, спала и грезила о Менѣ, не видя и не слыша, что дѣлается съ нашимъ наслѣдственнымъ имуществомъ. Теперь мать боится моего мужа; а кого боятся, того не любятъ, говорилъ мой дядя, а кого не любятъ, относительно того готовы охотно вѣрить всему дурному. Поэтому, она слушаетъ людей, которые бранятъ Мену и разсказываютъ, будто онъ изгналъ меня изъ своего сердца и взялъ иноземку въ свою палатку. Но

---

[1] «Госпожа дома» есть обыкновенный титулъ знатныхъ замужнихъ египтянокъ.

это—ложь, и я не могу и не хочу видѣть лица своей матери, если она будетъ портить и отравлять единственное, что̀ мнѣ остается, что̀ меня поддерживаетъ—воздухъ и кровь моей жизни, любовь, горячую любовь мою къ мужу!

Бентъ-Анатъ слушала ее, не прерывая. Нѣкоторое время, она молча сидѣла возлѣ Нефертъ, затѣмъ сказала:

— Выйдемъ на галерею. Тамъ я скажу тебѣ, что̀ думаю, и, можетъ быть, Тотъ вдохнетъ спасительный совѣтъ въ мое сердце. Я тебя люблю и знаю тебя вполнѣ; и хотя и не имѣю мудрости, но, все-таки, я не слѣпа и обладаю сильною рукою, способною дѣйствовать.

Живительная свѣжесть повѣяла отъ рѣки на встрѣчу вышедшимъ на воздухъ женщинамъ. Наступилъ вечеръ, и дневной зной смѣнился пріятною прохладой. Зданія бросали удлиненныя тѣни, и множество лодокъ съ возвращавшимися изъ некрополя людьми покрывали рѣку, которая величественно катила свой переполненный потокъ къ сѣверу.

Вокругъ нихъ зеленѣлъ садъ, изъ котораго вьющіяся душистыя розы доходили до самой рѣшетки балкона царевны. Этотъ садъ былъ распланированъ знаменитымъ художникомъ еще во времена Гатасу, и картина, рисовавшаяся въ его воображеніи, когда онъ бросалъ сѣмена и насаждалъ ростки, теперь, черезъ нѣсколько столѣтій послѣ его смерти, превратились въ дѣйствительность. Онъ представлялъ себѣ садъ въ видѣ ковра, на которомъ стоятъ многочисленныя дворцовыя зданія. Разнообразно-извивавшіяся водяныя жилы, на которыхъ плавали лебеди, тоже составляли очертанія узоровъ сада, и окаймленныя ими фигуры были прикрыты тѣнью растеній разныхъ величинъ, формъ и цвѣтовъ. Красивыя площадки изъ сочно-зеленыхъ лужаекъ вездѣ составляли фонъ ткани, надъ которою возвышались гармонически расположенныя цвѣточныя гряды и группы кустовъ, между тѣмъ какъ старыя высокія деревья, въ томъ числѣ *корабли Гатасу* [1], изъ которыхъ многіе были привезены въ Египетъ изъ Аравіи, придавали цѣлому солидный и грандіозный видъ.

По другую сторону сада, Нилъ окружалъ островъ, на которомъ зеленѣли священныя дубравы Амона.

Городъ мертвыхъ, на другомъ берегу рѣки, былъ хорошо виденъ съ галереи Бентъ-Анатъ. Тамъ тянулись ряды сфинксовъ, которые, начинаясь отъ пристани для праздничныхъ барокъ и доходя до исполинскаго сооруженія Аменофиса III съ его колоссами, величайшаго въ Ѳивахъ, вели къ Дому Сети и къ хра-

---

[1] Деревья неха, привезенныя въ большихъ кадкахъ въ Египетъ, изображены въ храмѣ Гатасу, въ Эль-Бахри.

*

му Гатасу. Тамъ стояли лабораторіи бальзамировщиковъ и улицы жителей мертваго города. На дальнемъ западѣ возвышались Ливійскія Горы, съ ихъ безчисленными могилами, а позади раскидывалась обширною дугою скрытая ими долина царскихъ гробницъ.

— Я чувствую себя хорошо, съ глубокимъ вздохомъ сказала Бентъ-Анатъ.—Возвратился ли миръ въ твою душу?

Нефертъ отрицательно покачала головой.

Царевна усадила ее, сѣла возлѣ нея и начала снова:

— Твоему сердцу нанесли рану, тебѣ испортили прошлое и ты страшишься за будущее. Позволь мнѣ быть съ тобою откровенною, хотя бы мои слова были тебѣ непріятны. Ты—больна, и мнѣ хотѣлось бы излечить тебя. Согласна ли ты выслушать меня?

— Говори, сказала Нефертъ.

— Мое дѣло—не говорить, а дѣйствовать. Мнѣ кажется, что я знаю, чего тебѣ недостаетъ и чѣмъ я могу помочь тебѣ. Ты любишь своего мужа. Обязанность отозвала его отъ тебя, и ты чувствуешь себя покинутой и одинокой. Это—естественно. Но тѣ, которыхъ я люблю—мой отецъ и мои братья—тоже отправились на войну; мать моя давно умерла; благородная женщина, которую царь оставилъ мнѣ въ качествѣ собесѣдницы, нѣсколько недѣль тому назадъ, тоже похищена смертью. Посмотри сюда, на этотъ полуопустѣвшій городъ, гдѣ я живу. Кого можно назвать болѣе одинокою: тебя или меня?

— Меня, отвѣчала Нефертъ.—Ничье одиночество не можетъ сравниться съ одиночествомъ женщины, разлученной съ мужемъ, къ которому рвется ея сердце.

— Но ты увѣрена въ любви Мены? спросила Бентъ-Анатъ.

Нефертъ прижала руку къ сердцу и утвердительно кивнула головой.

— И онъ вернется, а съ нимъ возвратится и твое счастье.

— Надѣюсь, тихо проговорила Нефертъ.

— А кто надѣется, сказала Бентъ-Анатъ: — тотъ обладаетъ счастіемъ будущаго. Скажи, помѣнялась ли бы ты своею долею съ богами, пока Мена былъ съ тобой?—Нѣтъ? Въ такомъ слу-случаѣ, ты чрезмѣрно богата, потому что тебѣ принадлежитъ также блаженнѣйшее воспоминаніе, счастіе прошлаго. Что же значитъ настоящее? Пока я говорю, оно уже миновало! Теперь я спрашиваю тебя: о какомъ блаженствѣ могу вспомнить я и на какое вѣрное счастье я имѣю основаніе надѣяться?

— Ты не любишь, возразила Нефертъ.—Подобно лунѣ, ты, холодная и неуклонная, идешь по своему пути. Правда, высшее счастіе осталось для тебя чуждымъ, но зато ты не знаешь и горькаго страданія.

— Какого страданія? спросила Бентъ-Анатъ.

— Горести тоскующаго сердца, пожираемаго пламенемъ Сехетъ, отвѣчала Нефертъ.

Царевна долго смотрѣла задумчиво на полъ, затѣмъ быстро вскинула глаза и сказала своей подругѣ:

— Ты ошибаешься. Я знаю любовь и тоскливые порывы. Но между тѣмъ, какъ ты ожидаешь только праздничнаго дня, для того чтобы снова надѣть свои драгоцѣнные уборы, составляющіе твою собственность, моя драгоцѣнность не принадлежитъ мнѣ, подобно жемчужинѣ, мерцаніе которой я вижу на днѣ глубокаго моря.

— Ты любишь! радостно вскричала Нефертъ.—Благодарю Гаторъ за то, что она коснулась, наконецъ, твоего сердца.

Бентъ-Анатъ съ улыбкой поцѣловала ее въ лобъ и сказала:

— Какъ это волнуетъ тебя, оживляетъ твой умъ и развязываетъ тебѣ языкъ! Ты, я думаю, готова слушать меня до утра, лишь бы я разсказывала тебѣ о моей любви. Но мы не для этого вышли на галлерею. Слушай же. Я одинока такъ же, какъ ты; моя любовь менѣе счастлива, чѣмъ твоя; мнѣ изъ дома Сети грозятъ тяжкія непріятности, и, при всемъ этомъ, меня не оставило спокойное мужество и наслажденіе жизнью. Какъ ты объяснишь это?

— Мы такъ различно созданы! сказала Нефертъ.

— Правда; но мы обѣ молоды, мы обѣ—женщины и желаемъ счастья. У меня рано умерла мать, и я не имѣла руководителя, потому что мнѣ уже повиновались въ то время, когда я болѣе всего имѣла нужду въ руководствѣ. Тебя воспитала мать, которая, когда ты была ребенкомъ, возилась съ своею хорошенькою дочкой и позволяла ей мечтать и играть—вѣдь это такъ шло къ дѣвочкѣ!—не ограждая ея отъ вредныхъ наклонностей. Затѣмъ къ тебѣ посватался Мена. Ты искренно полюбила его, но изъ четырехъ долгихъ лѣтъ ты обладала имъ только нѣсколько мѣсяцевъ; твоя мать осталась при тебѣ, и ты едва замѣчала, что она управляетъ, вмѣсто тебя, твоимъ собственнымъ домомъ и несетъ всѣ труды по хозяйству. У тебя была большая игрушка, которой ты посвящала свои дни: это были мысли о твоемъ отсутствующемъ мужѣ, предметѣ и цѣли тысячи грёзъ. Я знаю это, Нефертъ: все, что ты, въ теченіи двадцати мѣсяцевъ, видѣла, слышала и чувствовала, было направлено и относилось только къ нему одному; и въ этомъ, въ сущности, нѣтъ ничего дурного. Но прекрасное чувство любви и вѣрности росло въ твоемъ мечтательномъ сердцѣ безъ удержу и призора, какъ дикое растеніе; оно поднялось до чрезмѣрной вышины и омрачило твой

умъ и твою душу. Я не порицаю тебя, такъ какъ твои садовники, должно быть, не замѣчали или не хотѣли замѣтить что съ тобою происходило. Послушай, Нефертъ: до тѣхъ поръ, пока я была ребенкомъ, и я также дѣлала только то, что мнѣ нравилось. Я никогда не находила удовольствія въ мечтаніяхъ: меня занимали бѣшеныя игры съ братьями; я любила коней, увлекалась соколиною охотой [1]. Они часто говорили, что я имѣю сердце мальчишки, да и я сама охотно сдѣлалась бы мальчикомъ.

— Я—никогда, прошептала Нефертъ.

— Ты—маленькая роза, сказала Бентъ-Анатъ.—Когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, продолжала она:—то я, при всей своей дикости, почувствовала себя такою унылою, неудовлетворенною, несмотря на всю доброту и любовь, которыя окружали меня. Однажды, это было четыре года тому назадъ, незадолго передъ твоею свадьбой, отецъ позвалъ меня играть съ нимъ въ триктракъ [2]. Ты знаешь, съ какою увѣренностію онъ побѣждаетъ самыхъ искусныхъ противниковъ; но въ тотъ день онъ былъ разсѣянъ, и я два раза сряду одержала надъ нимъ верхъ. Я, съ радостною гордостью, прыгнула, поцѣловала его прекрасную голову и вскричала: «Дѣвушка побѣдила бога, героя, подъ пятою котораго пресмыкаются иноземныя племена [3], которому поклоняются жрецы и народъ». Онъ улыбнулся и отвѣчалъ мнѣ: «небожительницы часто превосходятъ небесныхъ владыкъ, и наша богиня побѣды Нехебъ [4]—женщина». Затѣмъ онъ, болѣе серьёзнымъ тономъ, проговорилъ: «меня называютъ богомъ, дитя; но я чувствую себя богоподобнымъ только въ одномъ: именно въ томъ, что я каждый часъ могу, посредствомъ своего труда въ огромныхъ размѣрахъ, быть полезнымъ, останавливая здѣсь и поощряя тамъ [5]. Я богоподобенъ только тогда, когда дѣйствую и создаю великое». Эти слова, Нефертъ, запали въ мою душу, подобно сѣменамъ. Я тотчасъ же поняла, чего мнѣ недостаетъ; и когда, черезъ нѣсколько недѣль за тѣмъ, мой

---

[1] Во многихъ папирусахъ изъ временъ, къ которымъ относится нашъ разсказъ, говорится о дрессированіи соколовъ.

[2] Въ Мединетъ-Габу сохранилось изображеніе Рамзеса III, играющаго со своею дочерью въ триктракъ.

[3] Формула, часто повторяемая въ донесеніяхъ о побѣдахъ.

[4] Эйлейтіа грековъ, противупоставляемая сѣверной богинѣ Буто—богиня юга, которая, въ качествѣ богини побѣды, часто изображается парящею, въ образѣ коршуна, надъ головою отправляющагося на войну Фараона.

[5] Эмблемы, почти всегда находящіяся въ рукахъ Фараоновъ и многихъ боговъ, крючковатый посохъ и плеть, вѣроятно, указываютъ на обязанность царей—удерживать и подгонять.

отецъ отправился съ твоимъ мужемъ и стотысячнымъ войскомъ на войну, я рѣшилась сдѣлаться достойною своего отца и быть полезною въ отведенныхъ для меня предѣлахъ. Ты не знаешь всего, что происходитъ тамъ, въ заднихъ домахъ, подъ моимъ руководствомъ. Триста дѣвушекъ прядутъ тамъ чистый лёнъ и ткутъ изъ него полотняные бинты для раненыхъ воиновъ; много дѣтей и старухъ ищутъ по горамъ разныя цѣлебныя растенія, другіе сортируютъ ихъ согласно предписаніямъ врачей. Въ кухняхъ варятся плоды въ сахарѣ для больныхъ въ лагерѣ. Тамъ солятъ, вялятъ и коптятъ куски мяса для продовольствія войскъ во время ихъ переходовъ черезъ пустыни. Погребщикъ приноситъ мнѣ вино въ большихъ каменныхъ кувшинахъ, а мы переливаемъ его въ хорошо завязанные мѣхи, назначаемые для воиновъ; лучшіе сорта мы разливаемъ въ крѣпкія бутылки, которыя тщательно засмоляемъ, чтобы онѣ сохранились въ дорогѣ и послужили освѣженіемъ для героевъ. За всѣмъ этимъ и за многимъ другимъ мнѣ приходится наблюдать, и поэтому, ночью, боги не посылаютъ мнѣ никакихъ сновидѣній; послѣ сильнаго утомленія, меня одолѣваетъ глубокій сонъ. Я все сказала, Нефертъ, и теперь обращаюсь къ тебѣ: присоединись ко мнѣ, помоги мнѣ въ моихъ трудахъ, и этимъ ты заставишь Мену нетолько относиться къ тебѣ съ любовью, но и гордиться тобою.

— Научи меня приносить пользу, проговорила растроганная Нефертъ.

— Завтра я навѣщу васъ и попрошу твою мать отпустить тебя ко мнѣ, въ замѣнъ моей умершей подруги. Послѣзавтра ты переберешься во дворецъ. Ты поселишься въ комнатахъ покойницы и станешь, подобно ей, помогать мнѣ въ моихъ занятіяхъ. Да будетъ благословенна эта минута!

VII.

Во время этого разговора, врачъ Небсехтъ все еще оставался передъ хижиною парасхита и ожидалъ старика, волнуемый разнородными ощущеніями.

То онъ дрожалъ за него, то окончательно забывалъ объ опасности, которой подвергалъ Пинема, и думалъ только объ исполненіи своего желанія, мечтая объ удивительныхъ открытіяхъ, которыя произведутъ его изслѣдованія человѣческаго сердца.

На нѣсколько минутъ онъ углублялся въ научныя соображенія; но ихъ безпрестанно нарушало безпокойство о парасхитѣ и близость Уарды.

Онъ по цѣлымъ часамъ оставался съ нею наединѣ, такъ какъ

ея отецъ и бабка не могли далѣе откладывать исполненіе своихъ обязанностей. Первый долженъ былъ сопровождать плѣнныхъ въ Гермонтисъ, а старуха принадлежала къ числу плакальщицъ, которыя, съ распущенными волосами, вымазавъ себѣ лобъ и грудь нильскимъ иломъ, съ воемъ и стономъ провожали мертвыхъ по пути въ некрополь.

При захожденіи солнца, Уарда все еще лежала передъ хижиною. Она была блѣдна и имѣла утомленный видъ. Ея густые волосы снова распустились и смѣшались съ соломою ея ложа. Когда Небсехтъ подходилъ къ ней съ намѣреніемъ пощупать ея пульсъ или заговорить съ нею, она отворачивала отъ него свое лицо.

Когда солнце исчезло за горами, онъ снова наклонился надъ нею и сказалъ:

— Становится прохладно; не снести ли мнѣ тебя въ хижину?

— Оставь меня, проговорила она съ неудовольствіемъ:—мнѣ жарко, отойди дальше! Я уже не больна и могу сама войти въ хижину, когда захочу; но, вѣдь, дѣдъ и бабка придутъ сейчасъ.

Небсехтъ всталъ, сѣлъ на корзину въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія отъ Уарды и спросилъ, заикаясь:

— Не слѣдуетъ ли мнѣ отодвинуться еще дальше?

— Дѣлай что хочешь, отвѣчала она.

— Ты неласкова ко мнѣ, отвѣчалъ онъ съ грустью.

— Ты постоянно смотришь на меня, а этого я терпѣть не могу. Кромѣ того, я сильно безпокоюсь, такъ какъ дѣдъ былъ нынче совершенно другой, чѣмъ всегда, и говорилъ странныя рѣчи о смерти и о высокой цѣнѣ, которую требуютъ отъ него за мое выздоровленіе. Затѣмъ, онъ просилъ меня не забывать его и былъ такой странный и взволнованный. Гдѣ это онъ остается такъ долго? Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ поскорѣй былъ здѣсь.

И Уарда стала тихо плакать. Небсехтомъ овладѣлъ невообразимый ужасъ, и совѣсть стала мучить его за то, что онъ потребовалъ человѣческой жизни въ награду за простое исполненіе долга. Онъ хорошо зналъ законы, и ему было извѣстно, что за похищеніе человѣческаго сердца старика немедленно заставили бы выпить кружку съ ядомъ, если бы его поступокъ былъ открытъ.

Темнѣло. Уарда перестала плакать и спросила врача:

— Кàкъ ты думаешь: не пошелъ ли онъ въ городъ занять ту огромную сумму денегъ, которую требуешь ты или твой храмъ за ваши лекарства? Но, вѣдь, у насъ есть еще золотой обручъ царевны и половина добычи отца, а въ сундукѣ лежитъ нетро-

нутою та плата, которую бабка получила въ два года за свою службу плакальщицы. Неужели всего этого мало вамъ?

Послѣдній вопросъ дѣвушки звучалъ озлобленіемъ и упрекомъ; врачъ, отличавшійся строгою правдивостью, молчалъ, не рѣшаясь сказать «да». Онъ за свою помощь требовалъ чего-то болѣе золота и серебра. Теперь онъ вспомнилъ о предостереженіи Пентаура, и, когда залаяли шакалы, онъ поспѣшилъ зажечь приготовленные куски смолы. Притомъ, онъ спрашивалъ себя: какая судьба ожидаетъ Уарду, если не станетъ стариковъ и его самаго? и рискованный планъ, смутно мелькавшій въ его воображеніи, теперь обозначился болѣе явственными чертами. Въ случаѣ исчезновенія старика, Небсехтъ намѣревался хлопотать о поступленіи въ касту [1] колхитовъ или бальзамировщиковъ, которые едва ли отказали бы ему въ принятіи его въ свою среду, зная его ловкость. Онъ думалъ, женившись тогда на Уардѣ, жить съ нею вдали отъ свѣта, вполнѣ посвятивъ себя своему новому ремеслу, изъ котораго надѣялся извлечь много свѣдѣній для своихъ изысканій. Какое было ему дѣло до удобствъ жизни, признательности людей и привилегированнаго положенія?

Онъ могъ надѣяться, что пойдетъ впередъ гораздо быстрѣе по новому каменистому пути, нежели по старой гладко-укатанной дорогѣ. Вѣдь, онъ и безъ того не чувствовалъ потребности высказываться и сообщать другимъ пріобрѣтенныя свѣдѣнія; знаніе, само по себѣ, вполнѣ удовлетворяло его. О своихъ обязательствахъ относительно дома Сети онъ уже не думалъ. Цѣлые три дня онъ не смѣнялъ одежды, бритва не касалась его лица и головы, ни одна капля воды не освѣжала его рукъ и ногъ. Онъ чувствовалъ себя вполовину одичавшимъ, какъ бы уже отчасти превратившимся въ презрѣннѣйшаго изъ людей—въ парасхита. Это нисхожденіе на низшую ступень необычайно волновало его, такъ какъ равняло съ Уардою, и она, лежавшая теперь съ растрепанными волосами, больная и испуганная, какъ разъ подходила къ той будущности, которую онъ представлялъ себѣ.

— Ты ничего не слышишь? вдругъ спросила дѣвушка. Небсехтъ сталъ прислушиваться.—раздался собачій лай, и вслѣдъ затѣмъ старый парасхитъ со своею женою остановился передъ лачужкой; они прощались со старой Гектъ, повстрѣчавшейся съ ними при возвращеніи ихъ изъ Өивъ.

— Какъ долго васъ не было! воскликнула Уарда, увидавъ стариковъ:—я такъ боялась.

[1] Эта каста существовала еще во времена римскихъ императоровъ, и намъ многое извѣстно о ней изъ греческихъ папирусовъ.

— Вѣдь, врачъ былъ съ тобою, сказала старуха, уходя, чтобы приготовить незатѣйливый ужинъ, а парасхитъ, ставъ на колѣни, началъ ласкать свою внучку такъ нѣжно, но вмѣстѣ съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто онъ былъ ей не кровнымъ родственникомъ, а преданнымъ слугою.

Затѣмъ онъ всталъ и подалъ Небсехту, котораго всѣ члены дрожали отъ волненія, мѣшокъ изъ грубаго холста, который онъ носилъ всегда съ собою на узкой перевязи.

— Тамъ лежитъ сердце, шепнулъ онъ врачу:—возьми его оттуда и возврати мнѣ мѣшокъ: тамъ лежитъ мой ножъ, и онъ необходимъ мнѣ.

Дрожащими пальцами вынулъ Небсехтъ сердце изъ мѣшка, старательно уложилъ его въ ящикъ съ лекарствами, затѣмъ опустилъ руку въ боковой карманъ и, приблизившись къ парасхиту, заговорилъ шепотомъ:

— Вотъ, возьми мою росписку, повѣсь ее себѣ на шею, и, когда ты умрешь, то я тебѣ, какъ вельможѣ, заверну въ твои пелены книгу о выступленіи на дневной свѣтъ [1]. Но это еще не все. То состояніе, которое я получилъ въ наслѣдство, мой братъ, свѣдущій въ дѣлахъ, помѣстилъ на проценты, и въ теченіи десяти лѣтъ я не трогалъ доходовъ съ него. Я отдамъ ихъ тебѣ, и ты со своею старухою будешь обезпеченъ на старости лѣтъ.

Парасхитъ взялъ мѣшочекъ съ полосою папируса и выслушалъ врача до конца. Теперь онъ, отвернувшись отъ него, сказалъ спокойно, но рѣшительно:

— Оставь у себя свои деньги: мы съ тобою поквитались, то-ёсть, въ томъ случаѣ, прибавилъ онъ тономъ мольбы:—если дѣвочка выздоровѣетъ.

— Она вполовину уже здорова, заикаясь, проговорилъ врачъ.— Но почему ты не хочешь... не хочешь моего подарка...

— Потому, что до сихъ поръ я никогда не занималъ и не попрошайничалъ, прервалъ его парасхитъ:—а на старости лѣтъ не хочу начинать. Тутъ—жизнь за жизнь; но то, что я сдѣлалъ сегодня, этого не могъ бы заплатить самъ Рамзесъ, со всѣми своими сокровищами!

Небсехтъ потупился и не съумѣлъ ничего отвѣтить старику.

— Чье сердце принесъ ты мнѣ и какимъ образомъ попало оно въ твои руки? помолчавъ, спросилъ врачъ у парасхита.

— Прежде скажи мнѣ, возразилъ старикъ:—зачѣмъ ты заставилъ меня совершить такой тяжкій грѣхъ?

— Потому что я хочу ознакомиться съ устройствомъ человѣ-

---

[1] См. примѣч. къ 1-й главѣ этого тома.

ческаго сердца, отвѣчалъ Небсехтъ:—чтобы, встрѣчая болѣзни сердца, умѣть ихъ излечивать.

Парасхитъ смотрѣлъ нѣкоторое время, молча, въ землю и затѣмъ спросилъ:

— И ты говоришь правду?

— Совершенную правду, рѣшительно отвѣчалъ Небсехтъ.

— Это радуетъ меня, проговорилъ старикъ:—такъ какъ ты подаешь помощь даже и бѣднымъ людямъ.

— Столь же охотно, какъ и богатымъ! А теперь скажи: у кого ты взялъ сердце?

— Я пришелъ въ домъ бальзамировщиковъ, началъ старикъ: — и нашолъ три трупа, въ которыхъ долженъ былъ сдѣлать восемь предписанныхъ надрѣзовъ моимъ каменнымъ ножомъ. Когда мертвецы лежатъ нагіе на деревянныхъ скамьяхъ, то они всѣ походятъ другъ на друга, и нищій лежитъ такъ же неподвиженъ, какъ и царскій сынъ. Но я хорошо зналъ, кто именно лежитъ передо мною. Крѣпкое старое тѣло посреди стола принадлежало умершему пророку храма Гатасу, а съ другой стороны, рядомъ, лежалъ каменотесъ изъ некрополя и умершая отъ чахотки танцовщица изъ квартала иноземцевъ—двѣ жалкія, изможденныя фигуры. Пророка я зналъ хорошо: онъ сотни разъ встрѣчался мнѣ въ своихъ золотыхъ носилкахъ, и его всегда называли богатымъ Руи. Я сдѣлалъ свое дѣло надо всѣми тремя; меня, по обыкновенію, прогнали каменьями, и затѣмъ я привелъ въ порядокъ ихъ внутренности съ помощью своихъ товарищей. Внутренности пророка предполагалось сохранять въ прекрасныхъ канопахъ изъ алебастра, а внутренности каменотеса и танцовщицы слѣдовало положить обратно въ ихъ тѣла. Тогда я спросилъ себя: кого изъ нихъ мнѣ слѣдуетъ лишить его сердца? Я подошелъ къ бѣднякамъ и быстро приблизился къ грѣшной женщинѣ. Я услыхалъ голосъ демона, взывавшаго къ моему сердцу: «эта женщина была бѣдна, несчастна и презираема, подобно тебѣ самому, пока странствовала по спинѣ Себа [1]; можетъ быть, она найдетъ прощеніе и радость въ томъ мірѣ, если ты не ограбишь ея святотатственною рукою». А когда я взглянулъ на тощее тѣло каменотеса, на его руки, болѣе мозолистыя, чѣмъ мои собственныя, демонъ шепнулъ мнѣ то же самое. Затѣмъ я сталъ передъ жирнымъ

---

[1] Себъ-Земля. Себа, который на памятникахъ часто именуется «отцомъ Боговъ», Плутархъ называетъ Кроносомъ. Онъ есть Богъ времени, а какъ египтяне считали матерію вѣчною, то этимъ представленіемъ, а не случайностью объясняется то, что въ іероглифическихъ письменахъ земля служитъ знакомъ, изображающимъ вѣчность.

тѣломъ умершаго отъ удара пророка Руи и вспомнилъ о почетѣ и богатствѣ, которыми онъ наслаждался на землѣ. Тутъ я, оставшись одинъ, поспѣшилъ подмѣнить его сердце бараньимъ. Можетъ быть, я вдвойнѣ виновенъ, потому что позволилъ себѣ такую позорную шутку именно съ сердцемъ пророка; но на него навѣсятъ множество амулетовъ, на мѣсто его сердца вложатъ въ его внутренность скарабеевъ [1], защитятъ его священнымъ масломъ и благочестивыми надписями отъ всѣхъ враговъ на тропинкахъ Аменти [2]; между тѣмъ какъ бѣдняка никто не снабдитъ спасительнымъ талисманомъ. Притомъ... Ты, вѣдь, поклялся мнѣ—на томъ свѣтѣ, въ судилищѣ, принять мою вину на себя?

Небсехтъ протянулъ руку старику и сказалъ:

— Да; и на твоемъ мѣстѣ я сдѣлалъ бы тотъ же выборъ. Возьми эту воду: раздѣли ее на четыре пріема и давай Уардѣ по одному изъ нихъ четыре вечера сряду [3]. Начни сегодня; послѣ завтра, я думаю, она будетъ уже здорова. Скоро я приду опять посмотрѣть на нее. Теперь иди спать и дай мнѣ здѣсь на дворѣ какое-нибудь мѣстечко. Прежде, чѣмъ погаснетъ звѣзда Изиды [4], я отправлюсь, потому что меня уже давно ждутъ въ домѣ Сети.

Когда, парасхитъ въ слѣдующее утро, вышелъ изъ хижины, врача уже не было, но лежавшій у мѣста, гдѣ былъ разведенъ огонь, платокъ съ большимъ кровавымъ пятномъ показалъ старику, что нетерпѣливый Небсехтъ въ прошлую ночь уже разсматривалъ сердце пророка и, вѣроятно, разрѣзалъ его.

Ужасъ овладѣлъ Пинемомъ; съ мучительнымъ безпокойствомъ онъ, при появленіи на небѣ, въ золотой баркѣ, Бога-солнца, палъ на колѣни и началъ съ жаромъ молиться сперва объ Уардѣ, потомъ о спасеніи своей грѣшной души.

Онъ всталъ съ облегченіемъ. Убѣдясь, что выздоровленіе его внучки дѣлаетъ успѣхи, парасхитъ попрощался съ женщинами, взялъ свой кремневый ножъ и бронзовый крюкъ [5] и пошелъ въ домъ бальзамировщиковъ, на свою грустную работу.

Група строеній, въ которыхъ подвергалось бальзамированію

---

[1] Особаго рода жуки. Въ муміи, на мѣсто сердца, вкладывались изображенія священнаго жука-скарабея, которыя дѣлались изъ различнаго матеріала.—На болѣе значительныхъ экземплярахъ находимъ мы 26-ю, 30-ю и 64-ю главы книги мертвыхъ, въ которыхъ говорится о сердцѣ.

[2] Подземный міръ.

[3] Наставленіе, часто встрѣчающееся въ медицинскихъ папирусахъ.

[4] Сиріусъ или звѣзда Сотисъ.

[5] По свидѣтельству Геродота (II. 87), посредствомъ крюка у труповъ вынимали мозгъ черезъ носъ.

большинство умершихъ өивянъ, была расположена на обнаженной почвѣ пустыни, далеко отъ его хижины, къ югу отъ дома Сети, у подошвы горы, и сама по себѣ составляла довольно обширный кварталъ, окруженный стѣною изъ высушеннаго нильскаго кирпича.

Трупы доставлялись колхитамъ [1] черезъ главныя ворота, обращенныя къ Нилу, тогда какъ жрецы, парасхиты, тарихевты [2], ткачи, которые должны были отправлять здѣсь свою дневную работу, а равно безчисленное множество водоносовъ, приносившихъ туда воду изъ Нила въ мѣхахъ, входили черезъ боковую дверь.

У сѣвернаго конца квартала колхитовъ возвышалось красивое деревянное строеніе, со своею собственною дверью, въ которомъ принимались заказы отъ родственниковъ умершихъ, но часто также и отъ тѣхъ людей, которые заблаговременно заботились о о своемъ будущемъ помѣщеніи въ могилѣ [3].

Стеченіе народа къ этому дому было значительно: теперь въ его комнатахъ двигалось до пятидесяти человѣкъ мужчинъ и женщинъ разныхъ сословій, и нетолько изъ Өивъ, но и изъ многихъ менѣе значительныхъ городовъ верхняго Египта, съ цѣлію сдѣлать покупки или дать порученія занятымъ здѣсь должностнымъ лицамъ.

Рынокъ мертвыхъ былъ довольно богатъ. Возлѣ стѣнъ стояли рядами гробы всѣхъ формъ, отъ простаго ящика до богато-позолоченнаго и раскрашеннаго сундука въ формѣ муміи. Въ деревянныхъ шкафахъ лежало множество свертковъ изъ грубаго и тонкаго полотна, которыми обвертывались члены мумій и которые, подъ покровительствомъ богинь Нейтъ, Изиды и Нефтисъ— представительницъ ткацкаго искуства—изготовлялись принадлежавшими къ дому бальзамировщиковъ мастерами или выписывались издалека, преимущественно изъ Саиса.

Посѣтителямъ помѣщенія для образчиковъ предстоялъ свобод-

---

[1] Весь цехъ бальзамировщиковъ.

[2] Классъ людей, занимавшійся просаливаніемъ труповъ.

[3] Описаніе это сдѣлано по извѣстнымъ мѣстамъ у Геродота (II. 85—9') и Діодора (I. 95), существенно дополненнымъ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ нѣкоторыхъ рукописей древняго Египта, именно изъ Булакскаго папируса III, изданнаго Марріетомъ, и папируса 5158, хранящагося въ Луврѣ. Наиболѣе обстоятельное изслѣдованіе этого предмета находится у Масперо, въ его Mémoire sur quelques papyrus du Louvre, II. Le rituel de l'embaumement. Изъ этого обряда бальзамированія мы узнаемъ многія до тѣхъ поръ неизвѣстныя подробности относительно приготовленія мумій и наблюдавшихся при немъ обычаевъ. Какъ удивительно сохранялись посредствомъ бальзамированія самыя нѣжныя ткани человѣческаго тѣла, видно изъ физіологическаго изслѣдованія двухъ пражскихъ мумій, сдѣланнаго Чермакомъ.

ный выборъ гробовъ и пеленъ, а также шейныхъ повязокъ, скарабеевъ, столбиковъ, бантовъ изъ лентъ, головныхъ подпорокъ, угловъ, треугольниковъ, разщепленныхъ колецъ, посоховъ и другихъ символическихъ фигуръ [1], которыя обыкновенно или привѣшивались къ тѣлу умершаго, или вкладывались въ обвивавшія его пелены.

Многочисленны были также штемпеля изъ жженой глины [2], которые закапывались въ землю, чтобы, въ случаѣ споровъ о границахъ, служить указаніемъ, какъ далеко простирается область данной наслѣдственной усыпальницы; фигурки боговъ, которыя клались въ песокъ, чтобы очистить и освятить его, такъ какъ онъ принадлежалъ Сету-Тифону [3]; также статуэтки, называемыя шебти, которыхъ по нѣскольку или по одной клали, въ маленькомъ ящичкѣ, въ могилу, въ надеждѣ, что онѣ, съ помощью заступа, плуга и мѣшочка съ сѣменами, который привѣшивался къ ихъ плечамъ, будутъ помогать покойникамъ въ работѣ на нивахъ блаженныхъ.

Вдова и домоправитель умершаго богатаго Руи, пророка храма Гатасу, и сопровождавшій ихъ знатный жрецъ вели оживленный разговоръ съ должностными лицами дома бальзамировщиковъ и выбирали для покойника самые дорогія изъ имѣвшихся на лицо моделей гроба (мумія въ оберткѣ изъ картона клалась въ деревянный ящикъ, а этотъ послѣдній помѣщался въ каменный саркофагъ), самое тонкое полотно и амулеты изъ малахита, лапислазули, кроваваго ясписа, сердолика и зеленаго полевого шпата [4], такъ же какъ и прекрасныя алебастровыя канопы. Они писали на восковой доскѣ имена умершаго, его родителей, жены и дѣтей, вмѣстѣ со всѣми его титулами, и распоряжались, какіе тексты написать на его гробницѣ и какіе на сверткѣ папируса, который положатъ съ нимъ. Относительно надписи на стѣнахъ гробницы, на пьедесталѣ статуи и на поверхности доски рѣшили поговорить впослѣдствіи; писать ее поручено жрецу Дома Сети, который также долженъ былъ составить списокъ богатыхъ посмертныхъ жертвъ, оставленныхъ умершимъ. Послѣднее должно было со-

[1] Амулеты, которые въ большомъ числѣ клались вмѣстѣ съ муміями и которые можно найти во всѣхъ египетскихъ музеяхъ. Намъ извѣстно часто весьма странное значеніе большой части ихъ, потому что почти каждому посвящена глава книги мертвыхъ.

[2] Въ формѣ кегли ихъ можно найти во всѣхъ музеяхъ.

[3] Ихъ находили въ пескѣ въ удивительномъ множествѣ, въ особенности при раскопкахъ, сдѣланныхъ Маррiетомъ.

[4] Такъ называемый камень Викторіи, находимый очень далеко отъ Египта и котораго раннее появленіе доказываетъ, какъ далеко простирались торговые пути, уже въ древнѣйшія времена соединявшіе народы.

вершиться позднѣе, когда, при наслѣдственномъ раздѣлѣ, опредѣлится сумма самаго имущества. Уже одно только бальзамированіе самыми лучшими маслами и эссенціями, съ пеленами, амулетами, съ гробами безъ каменнаго саркофага стоило большихъ денегъ [1].

Вдова была облечена въ длинную траурную одежду; ея лобъ былъ слегка помазанъ нильскимъ иломъ, и, среди торга съ бальзамировщиками, цѣны которыхъ она называла огромными и грабительскими, она, по требованію приличій, время отъ времени разражалась громкими воплями.

Болѣе скромные граждане скорѣе покончивали свои заказы, но случалось нерѣдко, что за набальзамированіе главы семейства, отца или матери, отдавали доходы цѣлаго года.

Бальзамированіе бѣдныхъ было дешево, а наибѣднѣйшихъ колхиты обязаны были бальзамировать даромъ, въ видѣ уплаты подати царю, которому они также были обязаны доставлять полотно изъ своихъ ткацкихъ.

Это дѣловое помѣщеніе дома бальзамированія было старательно отдѣлено отъ прочихъ частей зданія, доступъ въ которыя былъ строго воспрещенъ постороннимъ. Колхиты составляли замкнутую корпорацію изъ многихъ тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ нѣсколькихъ жрецовъ. Эти послѣдніе пользовались почетомъ, такъ же какъ и тарихевты, занимавшіеся собственно самымъ бальзамированіемъ; они могли появляться среди другихъ гражданъ, хотя въ Ѳивахъ отъ нихъ, все-таки, сторонились съ нѣкоторою боязнію; только надъ парасхитами, которые вскрывали трупы, тяготѣло полное проклятіе оскверненія. Разумѣется мѣсто дѣятельности этихъ людей было мрачно. Каменная зала, въ которой происходило вскрываніе труповъ, и тѣ помѣщенія, гдѣ ихъ натирали маслами, сообщались съ различными препаровочными, лабораторіями и всякими москательными складами.

На дворѣ, защищенномъ отъ лучей солнца навѣсомъ изъ полынновыхъ вѣтвей, находился бассейнъ, выложенный камнемъ и наполненный растворомъ натрія, въ которомъ просаливали тѣла; въ каменномъ тоннелѣ ихъ просушивали на искуственно раскаленномъ сквозномъ вѣтрѣ.

Ткацкія и мастерскія столяровъ-гробовщиковъ и лакировщиковъ находились въ многочисленныхъ деревянныхъ домикахъ вблизи помѣщеній для образчиковъ. Но въ весьма дальнемъ отъ

[1] По словамъ Діодора, перваго разряда бальзамированіе стоило одинъ талантъ серебра или 1500 талеровъ, второго разряда—двадцать минъ или около 400 талеровъ.

нихъ разстоянія была расположена самая обширная изъ этихъ построекъ—низкое, массивное, необозримо длинное каменное зданіе, въ которомъ уже окончательно препарированныя тѣла обвертывались пеленами, украшались амулетами и приготовлялись для путешествія въ другой міръ. То, что происходило внутри этого строенія, въ которое непосвященные были допускаемы только на нѣсколько минутъ, было до такой степени странно, что можно было подумать, будто сами боги занимаются тѣлами мертвыхъ.

Изъ оконныхъ отверстій, обращенныхъ къ улицѣ, день и ночь раздавались молитвы, гимны и горестные вопли. Занимавшіеся здѣсь должностные люди изъ жрецовъ носили на лицахъ маски боговъ подземнаго міра [1]. Часто встрѣчался Анубисъ съ головою шакала, которому прислуживали мальчики съ лицами такъ называемыхъ дѣтей Горуса, а въ головахъ и въ ногахъ стояли или сидѣли плакальщицы: одна—съ эмблемою богини Нефтисъ, а другая—съ эмблемою Изиды на головѣ.

Каждый отдѣльный членъ умершаго, съ помощью священныхъ маслъ, амулетовъ и изреченій, посвящался какому-нибудь извѣстному божеству; для повитія каждаго мускула былъ назначенъ особо-приготовленный кусокъ полотна; каждому снадобью и каждой пеленѣ приписывалось происхожденіе отъ какого-нибудь божества, и соединеніе въ этомъ мѣстѣ гимновъ, переодѣтыхъ фигуръ и разнообразныхъ благовоній дѣйствовало одуряющимъ образомъ на посѣтителей.

Само собою разумѣется, что все то мѣсто, гдѣ совершалось бальзамированіе, и вся прилегавшая къ нему мѣстность были пропитаны запахомъ смолы, розоваго масла, мускуса и другихъ специй.

Когда вѣтеръ дулъ съ юго-запада, то онъ иногда переносилъ этотъ запахъ черезъ Нилъ въ Ѳивы, и это считалось дурнымъ предзнаменованіемъ, и не безъ причины, такъ какъ съ юго-запада вѣялъ вѣтеръ пустыни, парализующій энергію людей и наносящій вредъ караванамъ.

На дворѣ, передъ домомъ образчиковъ, стояло нѣсколько групъ, ѳиванскихъ гражданъ, окружавшихъ отдѣльныя личности, которымъ они выражали свое соболѣзнованіе. Только-что явившійся начальникъ жертвенной бойни храма Амона, повидимому знакомый многимъ и почтительно всѣми привѣтствуемый, еще не успѣвъ выразить своего соболѣзнованія вдовѣ пророка Руи, подъ

[1] На это обстоятельство указываетъ многое въ прежнихъ изображеніяхъ, и оно вновь подтверждено папирусомъ III музеума въ Булакѣ. Выдѣлка масокъ изъ papier mâché была уже давно извѣстна египтянамъ. Въ головахъ многихъ ящиковъ съ муміями находятъ картонныя маски покойниковъ.

вліяніемъ ужаса, внушеннаго ему страшнымъ происшествіемъ, объявилъ, что въ Өивахъ—и гдѣ же? въ самомъ храмѣ царя боговъ [1], произошло событіе, которое предвѣщаетъ несчастье.

Множество любопытныхъ слушателей окружало его, когда онъ разсказывалъ, что намѣстникъ Ани, обрадованный побѣдами войскъ, посланныхъ въ Эѳіопію, приказалъ раздать гарнизону Өивъ и сторожевымъ воинамъ Амонова храма большое количество вина; и, въ то время, когда они пировали, волки [2] ворвались въ стойла священныхъ овновъ [3] бога. Нѣкоторые овны избѣгли смерти; но великолѣпный овенъ, котораго самъ Рамзесъ, отправляясь на войну, прислалъ въ подарокъ изъ Мендеса [4], благородное животное, избранное Амономъ для мѣста пребыванія своей души [5], былъ найденъ растерзаннымъ. Воины, которые нашли его, тотчасъ же распространили въ городѣ печальную вѣсть. Въ то же время, изъ Мемфиса пришло извѣстіе о кончинѣ священнаго быка Аписа.

Обступившіе разсказщика люди огласили воздухъ горестными воплями, которымъ вторили онъ самъ и вдова пророка.

Изъ дома образчиковъ вышли продавцы и должностныя лица, изъ бальзамировальныхъ комнатъ—тарихевты и парасхиты, изъ ткацкихъ—работники и работницы со своими надзирателями и, узнавъ о несчастныхъ происшествіяхъ, присоединились къ этимъ жалобнымъ воплямъ. Они кричали и выли, рвали себѣ волосы и посыпали свои лбы пылью. Это былъ дикій, одуряющій гамъ.

Когда онъ нѣсколько поутихъ и печаловавшіеся вернулись къ своимъ занятіямъ, то можно было явственно слышать доносимыя сюда сильнымъ восточнымъ вѣтромъ сѣтованія жителей некрополя и даже гражданъ города Өивъ.

— Дурныя вѣсти о царѣ и о войскѣ теперь не заставятъ себя долго ждать, сказалъ начальникъ жертвенной бойни:—смерть

---

[1] Амонъ Өивскій.

[2] Волки теперь исчезли изъ Египта. Они принадлежали къ священнымъ животнымъ; имъ покланялись и ихъ погребали въ Ликополисѣ (городъ волковъ), нынѣшнемъ Сіутѣ. По словамъ Геродота, ихъ хоронили тамъ, гдѣ ихъ находили околѣвшими. Эліанъ (De nat. anim. IX, 18) разсказываетъ, что въ мѣста, гдѣ почитали волковъ, было запрещено ввозить смертельную для нихъ траву lykochtonon.

[3] Амонъ, впрочемъ, имѣлъ также своихъ священныхъ быковъ.

[4] Въ Мендесѣ овны въ особенности пользовались почетомъ. Недалеко отъ Мансуры, въ нильской дельтѣ, были открыты развалины древняго города, и Бругшъ издалъ найденныя тамъ надписи, которыя содержатъ въ себѣ подробныя свѣдѣнія о культѣ овна и подтверждаютъ нѣкоторыя извѣстія о немъ имѣющіяся у древнихъ, бросая на эти послѣднія новый свѣтъ.

[5] Овны имѣютъ тоже названіе, какъ душа—«Ба», и священные экземпляры ихъ считаются земными формами проявленія души бога Ра.

овна, которому мы дали имя Рамзеса, огорчить его еще глубже, чѣмъ кончина Аписа. Дурной, дурной знакъ!

— Мой умершій мужъ, Озирисъ-Руи, сказала вдова:—предвидѣлъ все это. Если бы я только смѣла говорить, то могла бы разсказать разныя вещи, которыя не понравились бы многимъ.

Начальникъ жертвенной бойни улыбнулся, такъ какъ ему было извѣстно, что пророкъ храма Гатасу былъ приверженцемъ прежняго царскаго дома, и отвѣчалъ:

— Солнце-Рамзесъ, конечно, можетъ быть покрыть тучами, но его заката не могутъ пережить ни тѣ, которые боятся его, ни тѣ, которые желаютъ, чтобы онъ исчезъ съ неба.

Жрецъ холодно поклонился и пошелъ въ домъ ткачей, гдѣ ему предстояла работа, а вдова сѣла въ свои носилки, ожидавшія ее у воротъ.

Старый парасхитъ Пинемъ со своими товарищами оплакивалъ смерть священныхъ животныхъ и сидѣлъ теперь въ препаровочной залѣ на жесткомъ полу, приготовляясь закусить, потому что наступилъ уже полдень.

Каменная комната, гдѣ онъ ѣлъ свой обѣдъ, была плохо освѣщена; свѣтъ входилъ въ нее чрезъ небольшое отверстіе въ крышѣ. Надъ нею стояло полдневное солнце, и пукъ сіявшихъ лучей, въ которыхъ кружились тончайшія пылинки, проникая сквозь царившій въ комнатѣ сумракъ, падалъ на ея сѣрый каменный полъ. Ко всѣмъ стѣнамъ были прислонены сундуки для мумій, и на гладко-полированныхъ столахъ лежали трупы, прикрытые кусками грубаго полотна. Тамъ и сямъ, по каменному полу скользила крыса и изъ широкихъ трещинъ между плитами пола выползали вялые скорпіоны.

Нервы стараго парасхита давно уже были застрахованы противъ непріятнаго чувства, возбуждаемаго подобною обстановкой. Онъ разостлалъ передъ собою грубый платокъ и разложилъ на немъ кушанья, которыми жена наполнила его мѣшокъ съ провизіей: сперва—краюху хлѣба, затѣмъ нѣсколько соли и, наконецъ, одну рѣдьку.

Но мѣшокъ все еще не былъ пустъ. Пинемъ засунулъ туда руку и нашелъ тамъ кусокъ мяса, завернутый въ капустные листы. Старая Гектъ принесла для Уарды изъ Ѳивъ ляжку газели, и парасхитъ теперь видѣлъ, что женщины сунули ему въ мѣшокъ кусокъ отъ этой ляжки, для его подкрѣпленія. Но онъ не рѣшался имъ воспользоваться: ему казалось, что этимъ онъ ограбилъ бы больную. Поѣдая хлѣбъ и рѣдьку, онъ посматривалъ на кусокъ мяса, какъ на какую-то драгоцѣнность, и съ гнѣвомъ разгонялъ мухъ, которыя осмѣливались садиться на лакомое блюдо.

Наконецъ, онъ попробовалъ и мяса, при чемъ вспомнилъ о

своихъ прежнихъ обѣдахъ; о томъ, какъ часто въ своемъ мѣшкѣ съ провизіей онъ находилъ цвѣтокъ, который Уарда, чтобы развеселить его, присоединяла къ хлѣбу.

Его добрые старые глаза увлажились слезами, а сердце наполнилось благодарностью за такую любовь. Онъ поднялъ свои взоры; они упали на столъ съ трупами, и парасхитъ спрашивалъ себя: что было бы съ нимъ, если бы, вмѣсто лишеннаго своего сердца пророка, тамъ, безъ движенія, лежала его внучка—это свѣтлое солнце его старости? Холодная дрожь пробѣжала по его членамъ, и онъ подумалъ, что даже цѣною своего собственнаго сердца онъ неслишкомъ бы дорого заплатилъ врачу, спасшему Уарду. А все-таки... Въ теченіе своей долгой жизни онъ перенесъ такъ много страданія и позора, что не могъ отказаться отъ надежды на лучшую участь за гробомъ. Съ этою мыслью, онъ схватилъ данную ему Небсехтомъ расписку, поднялъ ее обѣими руками вверхъ, какъ бы желая показать ее небожителямъ, и началъ молиться богамъ преисподней, и въ особенности судьямъ въ чертогѣ истины и справедливости, чтобы они не поставили ему въ вину того, что онъ совершилъ не для себя, а для другого, и чтобы они не отказали въ оправданіи Руи, хищнически лишенному своего сердца.

Между тѣмъ какъ его душа предавалась сосредоточенной молитвѣ, передъ дверью препаровочнаго дома послышался шумъ. Парасхиту показалось, что произносятъ его имя, и едва онъ, прислушиваясь, всталъ, какъ одинъ тарихевтъ явился къ нему и велѣлъ ему слѣдовать за собою.

Въ залахъ, наполненныхъ смолистыми запахами и различными ароматами, гдѣ совершалось самое бальзамированіе, стояло множество тарихевтовъ; они осматривали какой-то предметъ, лежавшій въ алебастровой чашѣ. У старика задрожали колѣни, когда онъ узналъ баранье сердце, положенное имъ къ внутренностямъ пророка Руи. Старшій тарихевтъ спросилъ его: онъ-ли вскрывалъ тѣло умершаго пророка?

Пинемъ пробормоталъ утвердительный отвѣтъ.—Дѣйствительно ли это его сердце?

Старикъ утвердительно кивнулъ головою.

Тарихевты, не обращая на него болѣе вниманія, начали перешептываться между собою; одинъ изъ нихъ удалился и потомъ пришелъ опять съ начальникомъ жертвенной бойни изъ ѳивскаго храма Амона, котораго онъ еще засталъ въ ткацкой, и привелъ его къ старшему изъ колхитовъ.

— Покажите мнѣ сердце, сказалъ начальникъ жертвенной бойни, приближаясь къ тарихевтамъ: — я въ темнотѣ могу раз-

личить все. Я ежедневно разсматриваю сотни звѣриныхъ сердецъ. Давайте его сюда. Клянусь всѣми богами неба и преисподней, это — сердце барана!

— И оно найдено въ груди Руи, рѣшительно подтвердилъ тарихевтъ.—Вчера, этотъ парасхитъ вскрылъ тѣло въ нашемъ присутствіи.

— Удивительно, сказалъ жрецъ Амона:—просто невѣроятно. Но, можетъ быть, все-таки, произошла ошибка. Вы, можетъ быть, только-что рѣзали...

— Мы очищаемся, прервалъ старшій колхитъ главнаго жреца:—для празднества долины; уже цѣлыхъ десять дней у насъ не убивали ни одного животнаго для ѣды; къ тому же, хлѣва и бойни расположены далеко отсюда, по ту сторону ткацкихъ.

— Странно, повторилъ жрецъ. — Сохрани это сердце самымъ тщательнымъ образомъ, колхитъ, или, еще лучше, положи его въ футляръ. Мы снесемъ его къ главному пророку Амона. По-видимому, тутъ совершилось чудо.

— Сердце должно остаться въ некрополѣ, сказалъ старшій колхитъ: — а потому было бы приличнѣе отнести его къ великому Амени, первому пророку дома Сети.

— Ты—здѣсь хозяинъ, было произнесено въ отвѣтъ: — и поэтому пойдемъ.

Нѣсколько минутъ спустя, главный жрецъ и старшій изъ колхитовъ отправились въ своихъ носилкахъ внизъ, въ долину. За ними слѣдовалъ тарихевтъ, сидѣвшій на стулѣ, укрѣпленномъ между двумя ослами, осторожно держа въ рукѣ ящичекъ изъ слоновой кости, въ которомъ лежало сердце барана.

Старый парасхитъ Пинемъ видѣлъ, какъ жрецы исчезли за кустами. Онъ готовъ былъ бѣжать за ними и во всемъ покаяться.

Его терзали упрёки совѣсти; онъ называлъ себя обманщикомъ, и хотя его неособенно дѣятельный умъ и не могъ сообразить, какія послѣдствія повлечетъ за собой совершенное имъ грѣховное дѣло, но онъ предчувствовалъ, что имъ посѣяно сѣмя, изъ котораго произрастутъ всевозможныя неправды. Ему казалось, что онъ вполнѣ погрязъ въ грѣхѣ и лжи и что богиня истины, которой онъ честно служилъ всю свою жизнь, съ укоризною отвращаетъ отъ него свой ликъ. Послѣ всего случившагося, онъ уже никогда не могъ надѣяться быть оправданнымъ судьями загробнаго міра. Цѣль долгой жизни, богатой самоотреченіемъ и молитвами, безвозвратно погибла. Его сердце обливалось кровью; въ его ушахъ шумѣло; умъ готовъ былъ помутиться, и, когда онъ снова хотѣлъ приняться за работу, его руки такъ дрожали, что онъ не въ состояніи былъ ничего сдѣлать.

ПРЕДСКАЗАНІЕ И ИЗСЛѢДОВАНІЕ БУРЬ ВЪ РОССІИ.

Историческій очеркъ.

«Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою». *Н. Карамзинъ.*

Первый, кто въ Россіи пытался организовать систему метеорологическихъ изслѣдованій для предсказаній погоды, былъ М. В. Ломоносовъ, который заявлялъ объ этомъ въ своемъ «*Разсужденіи о большой точности морского пути*», читанномъ 8 мая 1759 года въ публичномъ засѣданіи императорской академіи наукъ. Вотъ подлинныя слова этого замѣчательнаго русскаго ученаго: «Предзнаніе погодъ коль нужно и полезно на землѣ, вѣдаетъ больше земледѣлецъ, которому во время сѣянія и жатвы вёдро, во время ращенія дождь, благорастворенный теплотою, надобенъ; на морѣ знаетъ мореплаватель, которому коль бы великое благополучіе было, когда бъ онъ всегда указать могъ на ту сторону, съ которой долговременные потянутъ вѣтры или внезапная ударитъ буря».—«Извѣстно, коль полезно есть предвидѣть напередъ сильныя и опасныя бури, чтобъ нечаянно не напали».—«Примѣтилъ я и заключилъ въ атмосферѣ волны»... и далѣе, поясняя свой взглядъ на происхожденіе и распространеніе этихъ волнъ, Михайло Васильевичъ замѣчалъ: «Все сіе по истинной теоріи ничѣмъ другимъ, какъ частыми и вѣрными мореплавающихъ наблюденіями и записками перемѣнъ воздуха утверждено и въ порядокъ приведено быть должно. А особливо, когда бы въ разныхъ частяхъ свѣта, въ разныхъ государствахъ тѣ, кои мореплаваніемъ пользуются, учредили самопишущія метеорологическія обсерваторіи, къ коихъ расположенію и учрежденію съ разными новыми инструментами имѣю новую идею, особливаго требующую описанія» [1]. Слѣдовательно, у Ломоносова

---

[1] *М. В. Ломоносовъ.* Полное собраніе сочиненій, академич. изд. 1785 г. Спб. Ч. 3, стр. 229.

еще раньше, нежели у кого либо изъ европейскихъ ученыхъ, была идея о расположеніи и учрежденіи метеорологическихъ обсерваторій, даже самопишущихъ съ разными новыми, имъ придуманными инструментами [2]. Къ сожалѣнію, Ломоносовъ, заваленный разными работами, которыя нерѣдко были ему вовсе не по душѣ, былъ отвлеченъ отъ дальнѣйшаго развитія какъ этой идеи, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, не менѣе интересныхъ. Упомяну о барометрѣ, устроенномъ имъ для измѣренія разностей притяженія [3]. Не будь Ломоносовъ отвлеченъ отъ продолженія занятій съ этимъ барометромъ, онъ пришелъ бы къ той идеѣ, которая ровно черезъ 100 лѣтъ возникла въ умахъ братьевъ Сименсъ, устроившихъ глубомѣръ, которому предстоитъ блестящая будущность [4]. «Время Ломоносова, говоритъ одинъ изъ его біографовъ:—неспособно было оцѣнить его спеціальныя ученыя занятія, а послѣдующее время забыло о нихъ, обратившись къ своимъ западнымъ учителямъ» [5].

Черезъ полвѣка послѣ Ломоносова, когда метеорологія, по замѣчанію г. академика Веселовскаго, даже въ Европѣ едва считалась наукой [6], В. Н. Каразинъ, въ засѣданіи императорскаго московскаго общества естествоиспытателей, 15 марта 1810 года, заявлялъ слѣдующее: «Увѣренъ, что если мы будемъ изслѣдовать ближайшія причины атмосферическихъ явленій, если будемъ дѣлать сравненія, въ разныя времена года и въ разныхъ точкахъ земнаго шара, направленія вѣтровъ, измѣненій магнитной стрѣлки, тяжести воздуха и количества въ немъ электричества; если будемъ сопоставлять періодическія перемѣны погоды съ не періодическими, которыя, однакоже, должны бы имѣть также нѣкоторую правильность, безъ вліянія какихъ-нибудь постороннихъ причинъ; если будемъ принимать въ разсчетъ возвышенность наблюдательныхъ пунктовъ надъ уровнемъ моря, состояніе ихъ почвъ, лѣсной ли, степной ли, болотистой ли и т. д.; если будемъ обращать вниманіе на дѣйствіе солнечныхъ лучей при различномъ ихъ отраженіи и рефракціи, то мы дойдемъ до теоріи неподверженной сомнѣнію, которая и дастъ намъ возможность предсказывать погоду на данное время и на данное мѣсто... Въ астрономіи мы видимъ уже пользу отъ постоянныхъ

---

[2] *Г. Рыкачевъ*, въ статьѣ своей: «Распространеніе сисемы штормовыхъ сигналовъ и примѣненіе ея къ Россіи («Морск. Сборн» 1876, дек., стр. 62) говоритъ, что Борда и Лавуазье *возбудили* вопросъ о предсказаніи погоды.

[3] *Ломоносовъ*. Полное собраніе сочиненій, Спб. 1789, Ч. 3, стр. 227.

[4] «Морск. Сбор.» 1876, нояб., стр. 103—113.

[5] *Н. Лавровскій*, О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ. Харьковъ, 1865, стр. 10.

[6] *К. Веселовскій*, О климатѣ Россіи. Спб. 1857, стр. IIX.

и связныхъ наблюденій. Нельзя не желать, чтобы подобныя же наблюденія были удѣломъ и метеорологіи. И какая страна представляетъ столько, какъ не наше отечество, средствъ къ тому? Пространство Россіи, занимающей чуть не шестую часть всей обитаемой поверхности земнаго шара; уѣздныя училища, находящіяся въ разныхъ ея пунктахъ отъ Колы до Тифлиса и отъ Либавы до Нижнекамчатска; подчиненіе сихъ училищъ одному начальству и обязанность ихъ имѣть у себя физическіе инструменты—все это обѣщаетъ наблюденіямъ, производимымъ постоянно и разумно, счастливые результаты» [7]. Гумбольдтъ, въ бытность свою въ Москвѣ, въ 1829 г., высказалъ сочувствіе этимъ мыслямъ [8], но метеорологическія обсерваторіи устроены въ Россіи *лишь 30 лѣтъ спустя* [9], по другому плану, исходившему изъ Германіи. Въ 1828 году, Каразинъ заявлялъ о безуспѣшности его упорныхъ съ 1810 г. представленій о заведеніи метеорологическихъ обсерваторій [10]; онъ даже подвергался насмѣшкамъ за эти «представленія»: такъ напр., графъ Аракчеевъ, проѣзжая чрезъ г. Богодуховъ, говорилъ мужичкамъ, просившимъ о помощи, по случаю неурожая: «странно, что вы голодаете; подъ бокомъ у васъ живетъ колдунъ, который сводитъ съ небесъ дождь и громъ, когда захочетъ; обратитесь къ нему» [11]. Но вотъ, въ 1829 году, Гумбольдтъ, прибывъ въ С.-Петербургъ, предложилъ нашей академіи наукъ присоединиться къ составившемуся въ Германіи союзу магнитныхъ наблюденій, вслѣдствіе чего академія наукъ поручила одному изъ своихъ сочленовъ, А. Купферу, привести мысль Гумбольдта въ исполненіе. Гумбольдтъ—не Каразинъ, а про Ломоносова тогда совсѣмъ почти забыли. Усердно принялась академія наукъ за устройство магнитныхъ обсерваторій въ России, встрѣтивъ при этомъ содѣйствіе со стороны горнаго вѣдомства, благодаря которому былъ утвержденъ составленный проектъ учрежденія и метеорологическихъ обсерваторій: въ Екатеринбургѣ, Барнаулѣ, Нерчинскѣ, Богословскѣ, Златоустовѣ и Лугани; а при горномъ корпусѣ въ С.-Петербургѣ учреждена главная обсерваторія, которой поручено снабжать всѣ прочія обсерваторіи вывѣренными инструментами и обученными наблюдателями. Самыя наблюденія положено печатать на счетъ

---

[7] Mémoire lu à la Société Imp. des naturalistes de Moscou, dans la séance du 15 mars 1810. Kharkow, 1812, 8°, 10 страницъ. Переводъ этой статьи напечатанъ въ «Сынѣ Отечества», 1817, № 52, Ч. 42, стр. 265, и въ «Русской Старинѣ», 1871, т. 3 стр. 719.

[8] «Русск. Старина», 1871, т. 3, стр. 722.

[9] *К. Веселовскій*, О климатѣ Россіи, стр. IX.

[10] «Сынъ Отеч.» 1828, стр. 185.

[11] «Русск. Старина», 1871, т. 3, стр. 722.

сумиъ горнаго вѣдомства, въ особомъ изданіи, на русскомъ и французскомъ языкахъ [12].

Въ 1831—1836 гг., профессоръ Л. Канцъ, въ Галле, издалъ свое «*Lehrbuch der Meteorologie*», въ которомъ метеорологія получила первую основательную научную разработку. Здѣсь Канцъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ проводилъ мысль о томъ, что если мы будемъ знать состояніе погоды для даннаго времени въ другихъ странахъ, то намъ возможно будетъ судить о погодѣ, которую мы должны ожидать. Но черезъ 10 лѣтъ послѣ того, Франсуа Араго, въ своей запискѣ «О предсказаніяхъ погоды», утверждалъ, что «никогда, ни при какихъ успѣхахъ наукъ, добросовѣстный ученый, дорожащій своею славою, не рѣшится предсказывать погоду» [13]. При юномъ, въ то время, состояніи метеорологіи, и нельзя было иначе относиться къ подобной задачѣ, разрѣшеніе которой стоитъ только у конца научнаго и практическаго развитія этой науки.

Въ 1849 году, на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го апрѣля положенія, учреждена въ С.-Петербургѣ, при институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ, *главная физическая обсерваторія* «для производства физическихъ наблюденій и испытаній въ обширномъ видѣ и вообще для изслѣдованія Россіи въ физическомъ отношеніи». Этой главной обсерваторіи подчинены были нетолько всѣ магнитныя и метеорологическія обсерваторіи горнаго вѣдомства, но также и тѣ, которыя учреждены или впредь учредятся другими вѣдомствами, въ той мѣрѣ, какъ они пожелаютъ [14].

Наблюденія, производившіяся до 1853 года, какъ на метеорологическихъ обсерваторіяхъ горнаго вѣдомства, такъ и на другихъ, устроенныхъ иными вѣдомствами и частными лицами, сведены и обработаны академикомъ Веселовскимъ въ его замѣчательномъ сочиненіи «*О климатѣ Россіи*», изданномъ въ 1857 году. Всѣ эти наблюденія имѣли одну цѣль: полученіе возможно большаго числа метеорологическихъ данныхъ для характеристики климата мѣстъ наблюденія; задачи, поставленной Ломоносовымъ, почти не касались; главная физическая обсерваторія издавала только огромные, наполненные одними числами, фоліанты, въ которые не вводилось почти никакихъ руководящихъ объясненій или графическихъ изображеній, столь выгодныхъ для общаго обзора совершающихся надъ Россіею метеорологическихъ процессовъ. Въ отвѣтъ на вопросъ *объ изслѣдованіи Россіи въ фи-*

---

[12] *К. Веселовскій*, О климатѣ Россіи, стр. X.
Перев. М. Хотинскаго. Спб. 1866. т. 1, стр. 2.
[13] *Ф. Араго*, Избранныя статьи изъ записокъ о научныхъ предметахъ.
[14] *А. Веселовскій*, О климатѣ Россіи, стр. X.

зическомъ отношеніи главная физическая обсерваторія сдѣлала очень мало; ей именно должна была бы принадлежать значительная часть того огромнаго труда, который исполненъ академикомъ Веселовскимъ для его сочиненія «О климатѣ Россіи». К. С. Веселовскій свелъ данныя наблюденія и обработалъ ихъ въ общую климатическую картину Европейской Россіи.

Можно было бы привести любопытныя подробности о томъ, какъ получились метеорологическія данныя на нѣкоторыхъ изъ нашихъ обсерваторій, при указанномъ мною направленіи въ изслѣдованіи Россіи въ климатическомъ отношеніи. Но и при такомъ направленіи, не всегда оно поддерживалось съ надлежащею настойчивостію, какъ это видно, напр., изъ слѣдующаго случая. Въ сороковыхъ годахъ, при екатеринославской гимназіи, устроилась небольшая метеорологическая обсерваторія, снабженная инструментами изъ С.-Петербурга, и наблюденія производились воспитанниками, подъ руководствомъ учителя физики. Я очень живо помню, какъ мы, ученики меньшихъ классовъ, смотрѣли съ завистью на учениковъ старшихъ классовъ, ходившихъ дѣлать наблюденія въ оригинальной башнѣ, возникшей на нашихъ глазахъ. Но не суждено было намъ и въ старшемъ возрастѣ проникнуть въ обсерваторію, потому что въ скоромъ времени по устройствѣ, это полезное дѣло заглохло, частью отъ нерадѣнія приставленныхъ лицъ, а частію также отъ охлажденія къ этому дѣлу въ С.-Петербургѣ: настоятельныхъ требованій исполненія не было, и предпріятіе рушилось. Любопытно, что въ 1864 году, во Франціи, директору парижской обсерваторіи Леверье удалось исходатайствовать у министра просвѣщенія разрѣшеніе на устройство метеорологическихъ станцій при всѣхъ нормальныхъ школахъ, гдѣ наблюденія также поручены воспитанникамъ, подъ руководствомъ учителей, и положено награждать лучшихъ воспитанниковъ, при выпускѣ, коллекціей необходимѣйшихъ метеорологическихъ инструментовъ, такъ сказать, для разсажденія метеорологовъ-наблюдателей. Такимъ образомъ, Россія опередила было Францію, но, къ сожалѣнію, безуспѣшно. Впослѣдствіи увидимъ, какъ это дѣло развилось во Франціи.

Вышеупомянутая идея Ломоносова, не нашедшая себѣ почвы въ Россіи, возникла почти черезъ сто лѣтъ во Франціи, и уже въ видѣ приложенія телеграфныхъ сообщеній къ предувѣдомленію портовъ о приближеніи бурь. Первая идея на континентѣ Европы о сообщеніи метеорологическихъ наблюденій путемъ телеграфа и о ежедневной публикаціи ихъ принадлежитъ младшему французскому астроному Ліэ (Liais). Главный французскій астрономъ Леверье оказывалъ этому приложенію очень мало со-

чувствія въ началѣ, даже былъ однимъ изъ противниковъ метеорологіи, и только въ послѣдствіи сдѣлался большимъ ея «партизаномъ». Ліэ высказалъ свою идею еще 6 (18) октября 1850 г. передъ академическимъ обществомъ въ Шербургѣ, такими словами: «Quand le réseau télégraphique sera complété, on pourra, en réunissant les observations de nombreuses stations, arriver à des pronostics plus certains qu' aujourd'hui; et en suivant la propagation des ouragans, les annoncer à l'avance aux lieux vers lesquels ils se dirigent». Въ той же рѣчи Ліэ говорилъ о пользѣ публикаціи наблюденій въ формѣ синоптическихъ картъ, т. е. такихъ, на которыхъ нанесены *одновременныя* данныя метеорологическихъ наблюденій въ разныхъ мѣстностяхъ. Когда, въ началѣ 1854 г., Ліэ вступилъ въ парижскую обсерваторію, въ то же время какъ и Леверье, то сообщилъ послѣднему, что въ Соединенныхъ Штатахъ уже слѣдятъ за распространеніемъ бурь при помощи телеграфовъ. Черезъ 8 мѣсяцовъ, въ ноябрѣ 1854 г. Леверье поручилъ Ліэ составить проектъ организаціи метеорологическихъ изслѣдованій парижской обсерваторіи. Въ составленномъ проектѣ говорилось объ употребленіи въ Соединенныхъ Штатахъ телеграфа для изученія ураганов и предлагалось тоже самое и для Франціи. Первыя метеорологическія карты были также составлены Ліэ для 7 (19) и 14 (26) февраля 1855 г.— вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Въ это время, Ліэ окончилъ свою работу о балаклавской бурѣ 2 (14) ноября 1854 г., такъ сильно потрепавшей англо-французскій флотъ въ Черномъ Морѣ [15]; Ліэ показалъ свою работу Леверье и, обращая притомъ его вниманіе на чрезвычайную правильность распространенія атмосферическихъ волнъ, опредѣляемыхъ высотами барометра, еще разъ завелъ рѣчь о пользѣ употребленія метеорологическихъ телеграммъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Это подѣйствовало на Леверье, и онъ рѣшился на пробы. Вмѣстѣ съ нимъ Ліэ былъ въ администраціи телеграфныхъ линій и далъ списокъ лицъ, занимавшихся во Франціи метеорологическими наблюденіями, которыя и были приглашены сообщать по телеграфу наблюденія, производимыя по предложенному имъ плану. Результаты первыхъ полученныхъ наблюденій были нанесены Ліэ на нѣмыя карты Франціи, съ обозначеніемъ господствующихъ вѣтровъ. Эти первыя карты были представлены Леверье во французскую академію 7 (19) февраля 1855 г., но въ отчетѣ объ этомъ засѣ-

---

[15] *Г. Рыкачевъ*, въ вышеупомянутой статьѣ его, ошибочно приписываетъ г. Леверье эту работу о балаклавской бурѣ: см. въ *Compt. rend.* 1855, т. 41, стр. 197, статью: M. Le Verrier présente un travail fait à l'observatoire Imp. par M. Liais sur la tempête de la mer Noire, en novembre 1854.

даніи стояло только, что «карты составлены по свѣдѣніямъ, собраннымъ администраціей телеграфовъ», а имя составителя не упомянуто [16]. На замѣчаніе объ этомъ со стороны Ліэ, Леверье обѣщалъ исправить неполноту отчета и опять 14 (26) февраля представилъ въ академію новую карту Ліэ на этотъ разъ—отъ имени обсерваторіи, говоря, что эта карта, равно какъ и представленныя въ предшествовавшій понедѣльникъ, составляютъ часть ряда опытовъ, которые поручены Ліэ [17]. Такъ разсказываетъ объ этихъ фактахъ самъ Ліэ, какъ видно близко знакомый съ ними [18]. Затѣмъ, въ засѣданіи 7 (19) марта 1855 г., Леверье говорилъ: «Par la liaison, au moyen de la télégraphie électrique, des divers stations où se font les observations météorologiques, on pourra connaître à chaque instant le sens et la vitesse de propagation des tempêtes; et on pourra annoncer plusieurs heures à l'avance, sur nos côtes, certains coups de vents, et spécialement les plus dangereux» [19]. Въ этихъ словахъ обнаруживается уже полный переходъ Леверье къ практической метеорологіи для надобностей мореплаванія. Впрочемъ, Леверье вскорѣ убѣдился въ трудности ежедневныхъ предсказаній и ограничивался только передачею извѣстій о *дѣйствительномъ* состояніи погоды, и въ своемъ письмѣ отъ 4-го апрѣля 1860 г. къ профессору Эри, королевскому астроному, онъ говорилъ, что: «извѣстить объ ураганѣ, какъ только онъ покажется въ какомъ-нибудь мѣстѣ Европы, слѣдить за его движеніемъ съ помощію телеграфа и во время предувѣдомить тѣ берега, которымъ онъ можетъ угрожать—таковъ долженъ быть *послѣдній результатъ* той системы, которой мы придерживаемся. Чтобы достигнуть этого, необходимо употребить всѣ средства европейской сѣти телеграфовъ, долженствующихъ посылать извѣстія какому-нибудь главному центру, изъ котораго будутъ предувѣдомляться тѣ мѣста, которымъ буря угрожаетъ своимъ движеніемъ. Эта часть нашего предпріятія—самая затруднительная, и чтобы наша система имѣла успѣхъ теперь, когда въ ней всюду чувствуется и сознается необходимость, слѣдуетъ избѣгать пользоваться ею преждевременно» [20].

Изъ предъидущаго видно, что въ Америкѣ телеграфныя сообщенія о погодѣ начались ранѣе 1854 года. Къ сожалѣнію, не

---

[16] *Compt. rend.* 1855, т. 40, стр. 439.

[17] *Compt. rend.* 1855, т. 40, стр. 454.

[18] *Emm. Liais*, L' éspace céleste. Déscription physique de l'univers. Paris, sine anno. стр. 413—416.

[19] *Compt. rend.* 1855, т. 40, стр. 623.

[20] *«Морск. Сборн.»* 1866, октяб. стр. 79, въ неоф. части.

имѣя подъ руками полныхъ сѣвероамериканскихъ источниковъ, не могу привести болѣе точныхъ указаній.

Въ Англіи пользованіе телеграфомъ для метеорологіи началось еще ранѣе: по крайней мѣрѣ, Леверье, въ засѣданіи французской академіи наукъ 7 (19) марта 1855 г., сообщалъ что на всемірной выставкѣ въ Лондонѣ, въ 1851 г., при входѣ ежедневно были выставляемы извѣстія о состояніи атмосферы въ разныхъ городахъ Соединеннаго Королевства, и по этому поводу, въ виду ожидаемой парижской выставки, Леверье спрашивалъ: «неужели въ 1855 году мы покажемъ себя болѣе отсталыми, нежели англичане въ 1851 году?» [21].

Въ предъидущемъ было указано на собираніе метеорологическихъ наблюденій, которыя, не подвергаемыя обработкѣ по опредѣленной системѣ, пропадали почти даромъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ накоплялось такъ много, что собираніемъ или разработкою ихъ не могли заняться частныя лица. Со времени же приложенія телеграфа къ сообщенію метеорологическихъ наблюденій и въ виду возможности составленія по нимъ предувѣдомленій о наступающихъ буряхъ, явилась надобность въ *немедленной* обработкѣ наблюденій, для составленія по нимъ обзора состоянія атмосферы на значительномъ пространствѣ земли. При помощи телеграфа, взглядъ метеоролога, занимающагося подобною обработкою, переносится, такъ сказать, разомъ въ большое число пунктовъ; при этомъ умноженіи точекъ зрѣнія, значительно расширяется горизонтъ наблюденія, и открывается возможность опредѣлять ближайшее послѣдованіе атмосферическихъ перемѣнъ на этомъ горизонтѣ. Едва ли нужно описывать то чувство высокаго духовнаго наслажденія, которое испытываетъ метеорологъ при созерцаніи атмосферы на этомъ горизонтѣ, гораздо болѣе широкомъ, нежели какой раскрывается подъ аэронавтомъ, поднявшимся въ самые высокіе, еще возможные для жизни, слои воздуха; аэронавтъ не знаетъ о существующихъ въ видимыхъ имъ мѣстностяхъ условіяхъ температуры, давленія, влажности и вѣтра, между тѣмъ какъ метеорологъ получаетъ о нихъ по телеграфу числовыя данныя и можетъ, на основаніи ихъ, составлять заключенія о будущемъ.

Возможность предугадывать вѣроятное состояніе атмосферы въ ближайшемъ будущемъ въ особенности важна для моряковъ, которымъ, какъ замѣтилъ еще Ломоносовъ, «коль бы великое благополучіе было, когда бъ они всегда указать могли на ту сторону, съ которой долговременные потянутъ вѣтры или внезапная

---

[21] «*Compt rend.*» 1855, т, 40, стр. 624.

ударитъ буря». Не менѣе важно для моряковъ знаніе о томъ, какія атмосферическія условія господствуютъ въ разныхъ частяхъ моря, потому что, зная эти условія, моряки избираютъ для своихъ плаваній тѣ пути, которые будутъ для нихъ наиболѣе благопріятны. Конечно, опытные капитаны пріобрѣтали въ этомъ отношеніи много познаній; но пока не было системы для собиранія въ одно цѣлое этихъ плодовъ опытовъ, они оставались принадлежностію только немногихъ лицъ и пропадали для ихъ преемниковъ. Въ мореходной и практической Англіи, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, хлопотали объ основаніи особаго учрежденія, гдѣ бы собирались и разсматривались метеорологическія наблюденія, производящіяся на судахъ, и извлекались бы изъ нихъ, для общей пользы, свѣдѣнія о метеорологическомъ состояніи морей [22]. Къ сожалѣнію, тогда попытка эта осталась безъ успѣха и возобновилась только въ 1853 году, когда извѣстный американскій лейтенантъ Мори, при просвѣщенномъ содѣйствіи своего правительства, успѣлъ издать первыя *карты вѣтровъ и теченій*, которыя, сократвъ время переходовъ, очевидно убѣдили моряковъ въ пользѣ свѣдѣнія и обработки метеорологическихъ данныхъ, собираемыхъ отдѣльными лицами. Для дальнѣйшаго развитія этого дѣла, по предложенію Мори, въ томъ же 1853 году, собралась въ Брюсселѣ международная метеорологическая конференція, которая выработала общій планъ метеорологическаго изслѣдованія морей. По изданіи отчета этой конференціи, англійскій парламентъ утвердилъ проектъ учрежденія метеорологическаго департамента, для собиранія, разсмотрѣнія и практическаго примѣненія метеорологическихъ наблюденій и ученой разработки всѣхъ вопросовъ, касающихся метеорологіи. При этомъ, имѣлось въ виду двѣ цѣли: 1) собираніе метеорологическихъ данныхъ для океановъ, что составляетъ *статистическую* часть метеорологіи, и 2) предсказаніе погоды для острововъ Великобританіи, вмѣстѣ съ производствомъ наблюденій надъ измѣненіями погоды въ предѣлахъ этихъ острововъ, съ тою цѣлію, чтобы опредѣлить законы, на которыхъ основываются или должны основываться подобныя предсказанія, что составляетъ *динамическую* и *практическую* часть метеорологіи [23]. Въ сентябрѣ 1859 г., въ одномъ собраніи британской ассоціаціи, въ Абердинѣ, созрѣла мысль о необходимости сообщать телеграфнымъ путемъ извѣстія объ атмосферическомъ состояніи отдаленныхъ портовъ Великобританіи и Ирландіи—въ одинъ централь-

[22] «*Морск. Сборн.*» 1864, октяб. отчетъ гидрографическаго департамента за 1863 г. стр. 603.

[23] «*Морск. Сборн.*» 1866, августа, стр. 87—88, въ неоф. части.

ный пунктъ, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, извѣщать портà о приближеніи бурь и, такимъ образомъ, хотя отчасти отвращать ихъ вредныя дѣйствія [24]. Въ 1860 г. королевскій астрономъ Эри писалъ къ Леверье, что, такъ какъ въ Великобританіи скоро начнутся занятія метеорологическаго департамента, то проситъ его устроить обмѣнъ телеграфныхъ метеорологическихъ депешъ между парижскою и гринвичскою обсерваторіями. Леверье съ готовностію принялъ это предложеніе и воспользовался имъ, чтобы значительно увеличить объемъ метеорологическихъ наблюденій въ приморскихъ пунктахъ. Эри, ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, обратился къ общему содѣйствію всѣхъ европейскихъ обсерваторій, изъ которыхъ почти всѣ приняли съ полнымъ сочувствіемъ предложеніе Эри, и вскорѣ сѣть электрическихъ телеграфовъ, отъ Алжиріи до самыхъ сѣверныхъ широтъ и отъ Португаліи до Россіи, соединила всѣ метеорологическія наблюденія Европы, которыя, съ тѣхъ поръ, ежедневно публикуются въ Bulletin de l'observatoire. Этотъ бюллетень представляетъ читателямъ карту Европы, на которой линіями обозначаются уровни показаній барометра, черезъ каждые 5 миллиметровъ, а стрѣлки показываютъ силу и направленіе вѣтра. Если карта представляетъ барометрическія кривыя, расположенныя вокругъ центральнаго платò Франціи, то это всегда указываетъ на наступленіе большихъ дождей; если же линіи показываютъ пониженіе барометра вдоль береговъ, то нужно ожидать бури и т. п.

Въ февралѣ 1861 г., въ Англіи, были устроены первые сигналы, которыми предостерегали моряковъ и рыбаковъ о приближающихся буряхъ. Въ августѣ 1861 г., адмиралъ Фицрой, главный двигатель этого предпріятія въ Англіи и начальникъ метеорологическаго департамента, опубликовалъ свои первыя возвѣщенія вѣроятно предстоящей погоды, а черезъ полгода, послѣ различныхъ изслѣдованій и опытовъ, была введена уже вполнѣ организованная система; предувѣдомленія посылались постоянно, и польза ихъ сдѣлалась очевидною для всѣхъ моряковъ [25].

Директоръ гидрографическаго департамента нашего морскаго министерства, контр-адмиралъ Зеленый, въ отчетѣ за 1862 годъ, указывалъ на необходимость учредить при департаментѣ метеорологическое отдѣленіе подобное тому, какое существуетъ въ Англіи [26]. Вслѣдствіе этого, въ концѣ 1863 г., управляющій на-

---

[24] *Brit. Assoc. Report* за 1859 годъ. стр. LI.

[25] «Морск. Сборн.» 1864, октября. Отчетъ директора гидрограф. департамента за 1863 г., стр. 604.

[26] «Морск Сборн.» 1870, октяб., стр. 38, въ статьѣ г. *Мордвинова* «О метеорол. работахъ въ Россіи, производящихся въ гидрограф. департаментѣ».

шимъ морскимъ министерствомъ, вице-адмиралъ Н. К. Краббе, имѣя въ виду доказанную уже на дѣлѣ пользу предувѣдомленій о вѣроятномъ состояніи атмосферы, поручилъ гидрографическому департаменту составить соображенія о средствахъ примѣненія къ нашимъ морямъ системы ежедневныхъ телеграфныхъ сообщеній метеорологическихъ наблюденій, для составленія выводовъ о вѣроятномъ наступленіи бурь и для предувѣдомленія о нихъ нашихъ портовъ. Гидрографическій департаментъ обратился къ академику Купферу съ просьбою оказать со стороны главной физической обсерваторіи содѣйствіе предпріятію, которое можетъ быть полезно столько же для успѣховъ метеорологіи, сколько и для мореплаванія. Академикъ Купферъ принялъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ [27].

Разсмотрѣвъ, совмѣстно съ директоромъ главной физической обсерваторіи, академ. Купферомъ, вопросъ, поставленный г. управляющимъ морскимъ министерствомъ, гидрографическій департаментъ пришелъ къ убѣжденію, что для серьёзнаго изученія бурь и для прочнаго основанія системы предувѣдомленія портовъ о вѣроятномъ состояніи атмосферы, необходимо принять слѣдующія мѣры [28].

1) Усилить производство метеорологическихъ наблюденій въ Ревелѣ, Николаевѣ, Архангельскѣ, Астрахани и Николаевскѣ на Амурѣ, сдѣлавъ эти пункты главными метеорологическими станціями, каждый для своего моря, и для того снабдить ихъ полнымъ комплектомъ метеорологическихъ инструментовъ лучшаго достоинства и, по возможности, самопишущими, а именно: барометромъ, термометромъ, психрометромъ, спиртовымъ термометромъ, дождемѣромъ и флюгеромъ. Наблюденія на этихъ станціяхъ предполагалось производить черезъ каждые 2 часа.

2) Кромѣ имѣемыхъ уже морскихъ метеорологическихъ станцій въ Кронштадтѣ, Кеми, Баку, Астрахани и Петровскѣ, учредить новыя станціи въ Нарвѣ, Балтійскомъ Портѣ, Гапсалѣ, Перновѣ, Ригѣ, Либавѣ, Выборгѣ, Або, Улеоборгѣ, Торнео, Одессѣ, Севастополѣ, Керчи, Бердянскѣ, Таганрогѣ, Поти и Колѣ. Сверхъ того, въ Приморской Области Восточной Сибири предполагалось устроить метеорологическія станціи въ Петропавловскѣ, Дуэ, де-Кастри, Императорской Гавани, въ гаваняхъ Ольга, Находка, Владивостокъ и Новгородская.

3) За неимѣніемъ въ бо́льшей части этихъ мѣстъ морскихъ

---

[27] «Записки Имп. Акад. Наукъ», т. 5, стр. 84 (засѣданіе физик. матем. отдѣленія, 5 фев. 1864).

[28] «Морск. Сборн.» 1865, авг., отч. дирек. гидрогр. департ. за 1864 г., стр. 239.

офицеровъ, пріискать наблюдателей изъ частныхъ лицъ, нѣсколько знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, выдавая имъ за производство наблюденій суточныя деньги по 50 коп. въ сутки, или по 15 р. въ мѣсяцъ.

4) Изготовить для всѣхъ станцій новые инструменты, тщательно вывѣренные на главной физической обсерваторіи, ограничившись на первое время для всѣхъ станцій второго разряда только барометромъ и термометромъ; должны производиться 3 раза въ день, въ 7 час. утра, въ 2 час. по полудни и въ 9 час. вечера, изъ которыхъ утреннія и вечернія наблюденія предшествующаго дня должны быть пересылаемы по телеграфу, въ 8 час. утра, въ главную физическую обсерваторію, гдѣ изъ нихъ долженъ быть составляемъ выводъ о вѣроятномъ состояніи атмосферы на слѣдующій день; этотъ выводъ долженъ быть тотчасъ отправляемъ по телеграфу во всѣ порта.

5) Съ окончательнымъ учрежденіемъ станцій и съ открытіемъ метеорологической корреспонденціи по телеграфу, ежедневно печатать листокъ метеорологическихъ извѣстій, съ метеорологическою картою дня, для разсылки его по почтѣ какъ въ порты, такъ и всѣмъ корреспондентамъ и другимъ лицамъ, заинтересованнымъ этимъ дѣломъ.

10 августа 1864 г. эти мѣры удостоились одобренія Государя Императора и воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе внести единовременно въ смету морскаго министерства 2000 рублей для пріобрѣтенія инструментовъ для вновь учреждаемыхъ 17 метеорологическихъ станцій, и ежегодно вносить въ подлежащія статьи сметы этого министерства 1500 рублей на печатаніе ежедневныхъ метеорологическихъ извѣстій и 3285 рублей на суточныя деньги наблюдателямъ новыхъ метеорологическихъ станцій.

Еще до полученія этого Высочайшаго разрѣшенія, именно весною 1864 года, морское министерство, принявшееся съ просвѣщенною энергіею за осуществленіе метеорологическаго предпріятія въ Россіи, нашло необходимымъ командировать вицедиректора гидрографическаго департамента, г. Горковенко, въ Германію, Голландію, Англію и Францію для спеціальнаго изученія всѣхъ подробностей метеорологическихъ учрежденій этихъ странъ и для составленія подробнаго проекта метеорологическихъ работъ въ департаментѣ. Вмѣстѣ съ г. Горковенко, отправленъ былъ за-границу и капитан-лейтенантъ Тресковскій, назначенный завѣдующимъ метеорологическою частію въ гидрографическомъ департаментѣ [29].

---

[29] «Морск. Сборн.» 1870, октяб., стр. 40 въ статьѣ г. *Мордвинова* (см примѣч. 26).

Затѣмъ, морское министерство отнеслось къ министерству народнаго просвѣщенія съ предложеніемъ объ учрежденіи таковыхъ же метеорологическихъ станцій и внутри Россіи. Вслѣдствіе этого, министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, хорошо знакомый съ нуждами мореплаванія, благодаря прежнему служенію своему въ морскомъ вѣдомствѣ, потребовалъ отъ академика Купфера свѣдѣній и соображеній по этому предмету. Академикъ Купферъ доносилъ, что «съ тѣхъ поръ, какъ явилась возможность опредѣлять заранѣе вѣроятное наступленіе бурь, изученіе предшествующихъ имъ явленій сдѣлалось столь важно для всего человѣчества, что Франція и Англія уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовали у себя спеціальныя учрежденія, гдѣ собираются и разсматриваются всѣ метеорологическія наблюденія, произведенныя въ разныхъ пунктахъ, преимущественно же наблюденія, произведенныя въ портахъ обоихъ государствъ, и изъ нихъ выводятся предувѣдомленія о приближеніи тѣхъ сильныхъ переворотовъ въ атмосферѣ, которые бываютъ причиною стольких бѣдствій, подвергая опасности жизнь и собственность большаго числа людей. Эти труды имѣли послѣдствіемъ предотвращеніе многихъ кораблекрушеній; въ настоящее время, даже рыбаки не выходятъ въ море, не посовѣтовавшись прежде съ устроенными по берегамъ сигналами, помощію которыхъ парижское и лондонское метеорологическія бюро передаютъ свои предостереженія. Для того, чтобы ввести въ Россіи это полезное примѣненіе науки на пользу человѣчества, необходимо, по мнѣнію Купфера, прежде всего увеличить число мѣстъ метеорологическихъ наблюденій или метеорологическихъ станцій, учредивъ таковыхъ до 30, кромѣ существующихъ. Производство на сихъ станціяхъ метеорологическихъ наблюденій слѣдуетъ поручить учителямъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, достаточно къ тому подготовленнымъ, съ вознагражденіемъ ихъ за этотъ трудъ небольшими суммами, сообразуясь съ точностію и достоинствомъ произведенныхъ каждымъ изъ нихъ наблюденій. Такимъ образомъ, на устройство и содержаніе предполагаемыхъ къ учрежденію 30 станцій достаточно будетъ 3000 рублей единовременно на покупку новыхъ инструментовъ и 4000 рублей ежегодно на вознагражденіе наблюдателей». [30]

Признавая учрежденіе метеорологическихъ станцій внутри Россіи весьма полезнымъ и необходимымъ, министръ народнаго просвѣщенія сносился по этому предмету съ министромъ финансовъ, который увѣдомилъ его, что не встрѣчается препятствія къ испро-

[30] Постановленіе министерства нар. просв. 18 февр. 1865 г.

шенію Высочайшаго разрѣшенія на отпускъ изъ государственнаго казначейства означенныхъ суммъ. Имѣя въ виду всю важность учрежденія метеорологическихъ станцій внутри Россіи, для предувѣдомленій о вѣроятномъ наступленіи бурь, и испытанную уже въ другихъ странахъ Европы пользу установленія правильной системы такихъ предувѣдомленій, А. В. Головнинъ полагалъ необходимымъ приступить безъ всякаго замедленія къ приведенію въ исполненіе предложенія морскаго министерства и академика Купфера, такъ какъ устройство метеорологическихъ станцій только въ портовыхъ городахъ не было бы достаточно для достиженія желаемой цѣли. [31]

Чтобы сдѣлать систему телеграфныхъ предувѣдомленій еще полнѣе, въ особенности имѣя въ виду, что почти всѣ бури приходятъ къ намъ съ запада, академикъ Купферъ считалъ необходимымъ получать по телеграфу еще наблюденія изъ нѣсколькихъ пунктовъ западной Европы. Съ этою цѣлію, онъ былъ командированъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ декабрѣ 1864 г., за-границу, для сношенія съ иностранными учеными о выборѣ наилучшихъ пунктовъ наблюденій и для соглашенія съ телеграфными управленіями разныхъ государствъ о безденежной передачѣ по телеграфу ежедневныхъ метеорологическихъ наблюденій въ главную физическую обсерваторію въ С.-Петербургѣ. Въ Европѣ предложенія эти были приняты весьма сочувственно всѣми учеными метеорологами, а именно: Дове въ Берлинѣ, Леверье въ Парижѣ, Матсучи въ Туринѣ, Іелинскимъ въ Вѣнѣ и Бейсъ-Балло въ Утрехтѣ, равно какъ и телеграфными управленіями, бо̀льшая часть которыхъ обѣщала доставлять безденежно метеорологическія телеграмы до границы Россіи. [32]

Послѣ этого, вслѣдствіе представленія г. министра народнаго просвѣщенія, Высочайше утвержденнымъ 18 февраля 1865 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, постановлено:

1) Ассигновать изъ государственнаго казначейства дополнительнымъ къ сметѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1865 годъ кредитомъ единовременно 3000 рублей на учрежденіе внутри Имперіи нѣкотораго числа метеорологическихъ станцій, въ мѣстностяхъ, которыя, по предварительномъ сношеніи съ главною физическою обсерваторіею, признаны будутъ министерствомъ народнаго просвѣщенія наиболѣе для сего удобными, и по 4000 рублей ежегодно на содержаніе сихъ станцій.

2) Представить министру народнаго просвѣщенія: а) назна-

---

[31] Постановленіе министерства народ. просв. 18 февр. 1865.

[32] «Морской Сборн.» 1865, авг., стр. 241 въ отч. дир. гидр. депар. за 1864 г.

ченные на годовое содержаніе метеорологическихъ станцій 4000 рублей распредѣлить между наблюдателями, соотвѣтственно достоинству трудовъ каждаго изъ нихъ; б) производство на станціяхъ метеорологическихъ наблюденій поручать нетолько учителямъ среднихъ и низшихъ училищъ, но также и другимъ извѣстнымъ учебному вѣдомству лицамъ, могущимъ оказать полезное въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе и в) устраивать означенныя станціи и требовать изъ государственнаго казначейства разрѣшенныя на сей предметъ суммы по мѣрѣ того, какъ телеграфное управленіе, съ своей стороны, признаетъ возможнымъ исправную и своевременную передачу по телеграфу мѣстныхъ наблюденій въ главную физическую обсерваторію.

Въ исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, предложено было директору главной физической обсерваторіи представить свои соображенія относительно тѣхъ мѣстностей, лежащихъ на телеграфныхъ линіяхъ, въ которыхъ должны быть учреждены метеорологическія станціи, и изыскать простѣйшій и какъ можно менѣе обременительный способъ передачи депешъ о состояніи погоды. Академикъ Купферъ указалъ на слѣдующіе 30 пунктовъ: Новгородъ, Псковъ, Витебскъ, Гродно, Могилевъ, Черниговъ, Житоміръ, Каменецъ-Подольскъ, Кишиневъ, Рязань, Орелъ, Курскъ, Кременчугъ, Бахмутъ, Царицынъ, Пятигорскъ, Ставрополь, Саратовъ, Самару, Симбирскъ, Пензу, Тамбовъ, Уфу, Пермь, Вятку, Нижній-Новгородъ, Ярославль, Тверь, Вологду и Вытегру.

Такимъ образомъ, по устройствѣ всѣхъ станцій въ вѣдомствахъ морскомъ и народнаго просвѣщенія, главная физическая обсерваторія должна была получать по телеграфу метеорологическія депеши болѣе нежели изъ пятидесяти пунктовъ [33]. Въ лондонскомъ метеорологическомъ бюро, въ 1864 году, ежедневно, за исключеніемъ воскресеній, получалось отъ 30 до 40 телеграммъ о состояніи погоды [34]. Хотя, сравнительно съ поверхностію Англіи это число наблюденій оказывается и бо́льшимъ, но русскія метеорологическія станціи, распредѣленныя на гораздо бо́льшемъ пространствѣ земли, давали возможность слѣдить за послѣдовательностію метеорологическихъ процессовъ на гораздо бо́льшемъ горизонтѣ и, вслѣдствіе того, выполнять свою задачу съ успѣхомъ бо́льшимъ, нежели въ Англіи, пріютившейся въ сѣверозападномъ углу Европы.

По утвержденіи сметъ на 1865 годъ, министерства морское и

---

[33] Въ то время уже передавались по телеграфу въ С.-Петербургъ метеорологическія депеши изъ Москвы, Дерпта, Варшавы и Кіева.

[34] «Морск. Сборн.» 1864, май, стр. 131.

народнаго просвѣщенія заказали инструменты, необходимые для предположенныхъ метеорологическихъ станцій, и озаботились пріисканіемъ наблюдателей. Послѣдовало сношеніе съ министромъ почтъ и телеграфовъ по предмету передачи въ главную физическую обсерваторію ежедневныхъ метеорологическихъ наблюденій.

Описываемое предпріятіе министерствъ морскаго и народнаго просвѣщенія сдѣлалось въ Россіи довольно популярнымъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, находилъ, что кромѣ практической пользы для мореплаванія, а иногда и для земледѣльцевъ, сѣть метеорологическихъ станцій и результаты производимыхъ на нихъ наблюденій могутъ принести и общую научную пользу [35]. Въ виду этого, министръ внутреннихъ дѣлъ открылъ въ издававшейся при его министерствѣ газетѣ—«Сѣверной Почтѣ», метеорологическій отдѣлъ и слѣдующимъ образомъ пояснялъ его цѣль: «Законы, присущіе атмосферическимъ явленіямъ, въ главныхъ основаніяхъ своихъ опредѣлены и объяснены преимущественно въ отношеніи къ свойству и общимъ причинамъ явленій. *Но послѣдовательность ихъ и причины ихъ перемѣнчивости въ разныхъ мѣстностяхъ* менѣе изслѣдованы и менѣе извѣстны. Мы знаемъ, напримѣръ, что направленіе и сила вѣтровъ вообще объясняются постоянными воздушными теченіями отъ экватора къ полюсамъ и отъ полюсовъ къ экватору, вращательнымъ движеніемъ земли и окружающей ее атмосферы, различными условіями этой атмосферы надъ морскими пространствами и надъ материками, очертаніями ихъ границъ, хребтами горъ и другими неровностями земной поверхности. Мы знаемъ, что пониженіе температуры сгущаетъ и осаждаетъ водяные пары, что скопленіе этихъ паровъ по временамъ образуетъ ливни, часто сопровождаемые электрическими явленіями, и что, вслѣдствіе этого, вдругъ образуется сравнительная пустота, куда воздухъ стремится со всѣхъ сторонъ. Но если мы спросимъ, почему это случается именно тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ; почему именно оно обнаруживаетъ въ одно время, а не въ другое; почему въ это же самое время, въ другихъ мѣстахъ, видны или ощущаемы другія явленія, въ какой взаимной связи стоятъ они между собою; почему смѣняются они именно въ данномъ, а не въ другомъ порядкѣ? и т. п., то въ настоящее время найдемъ весьма немного удовлетворительныхъ отвѣтовъ на наши вопросы, и, вѣроятно, еще не скоро наука окончательно выработаетъ эти отвѣты. — Очевидно, что успѣху метеорологіи должны способствовать учащеніе наблюде-

[35] «Сѣвер. Почта», 1865, № 220, на 12 октября.

ній, систематическое распредѣленіе ихъ результатовъ и наглядность сравнительныхъ данныхъ. Съ этой точки зрѣнія, могутъ быть полезны графическіе пріемы, способствующіе къ одновременному обозрѣнію разнородныхъ и разномѣстныхъ наблюденій [36].

Въ этихъ видахъ, министръ внутреннихъ дѣлъ принялъ слѣдующія мѣры:

1. Начальники губерній на всемъ пространствѣ Европейской Россіи приглашены къ оказанію содѣйствія для производства правильныхъ метеорологическихъ наблюденій въ губернскихъ городахъ и къ печатанію результатовъ наблюденій въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Такимъ образомъ, прибавлялось нѣсколько пунктовъ къ главной сѣти метеорологическихъ станцій и облегчалась передача результатовъ наблюденій во всеобщее свѣдѣніе.

2. Сводъ наблюденій, получаемыхъ по почтѣ чрезъ посредство губернскихъ вѣдомостей, печатался еженедѣльно въ «Сѣверной Почтѣ», и при этомъ разъ въ недѣлю издавалась синоптическая метеорологическая карта Европейской Россіи, изображающая, при помощи условныхъ знаковъ, одновременное состояніе разныхъ атмосферическихъ явленій въ одинъ и тотъ же моментъ времени, именно въ 2 часа по полудни для петербургскаго меридіана. На первой метеорологической картѣ, для 6 октября, были такимъ образомъ помѣщены свѣдѣнія изъ 37 мѣстностей.

Хотя предпріятіе министерства внутреннихъ дѣлъ приведено было въ исполненіе гораздо ранѣе, чѣмъ подобное же предпріятіе министерствъ морскаго и народнаго просвѣщенія, но, къ сожалѣнію, оно не могло принести особенной пользы, потому что инструменты, которыми производились наблюденія по предложенію начальниковъ губерній, никѣмъ не были повѣрены, и барометрическія наблюденія, входившія въ составъ метеорологическихъ картъ и неприведенныя къ уровню моря, не могли быть сравниваемы между собою. Тѣмъ не менѣе, однакоже, предпріятіе министерства внутреннихъ дѣлъ, поддерживаемое въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, вполнѣ заслуживаетъ уваженія и показываетъ, до какой степени предпріятіе двухъ другихъ министерствъ было своевременно и популярно.

Въ предъидущемъ было замѣчено, что главная физическая обсерваторія состояла при институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ и связь ея съ императорскою академіею наукъ была только чрезъ посредство директора обсерваторіи, избиравшагося, согласно уставу, изъ числа членовъ академіи. Когда академикъ Куп-

---

[36] «Сѣвер. Почта», 1865, № 220.

феръ былъ приглашенъ гидрографическимъ департаментомъ къ принятію участія въ устройствѣ новой системы метеорологическихъ станцій, то довелъ объ этомъ до свѣдѣнія академіи наукъ, 5-го февраля 1864 года. Затѣмъ, 19 го марта того же года, министръ народнаго просвѣщенія началъ переписку съ министерствомъ финансовъ о передачѣ обсерваторій изъ горнаго вѣдомства въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, и хотя распоряженіе объ этомъ послѣдовало только спустя два года, но академія наукъ, увѣдомленная министромъ народнаго просвѣщенія о готовящемся переходѣ въ ея вѣдѣніе главной физической обсерваторіи, также принимала нѣкоторое участіе въ разсказываемомъ мною дѣлѣ о практическомъ примѣненіи метеорологіи въ Россіи.

Инструменты, необходимые для метеорологическихъ обсерваторій въ томъ размѣрѣ, какъ это было предположено министерствами морскимъ и народнаго просвѣщенія, были готовы къ веснѣ 1865 года, и для установки ихъ на избранныхъ станціяхъ были командированы капитанъ-лейтенантъ Тресковскій и кандидатъ дерптскаго уриверситета Миллеръ, первый на счетъ морского министерства—въ восточную Россію, а второй, на счетъ министерства народнаго просвѣщенія—въ западную. Эта установка инструментовъ заняла вторую половину 1865 года. Капитанъ-лейтенантъ Тресковскій выѣхалъ изъ С.-Петербурга 16-го іюля и возвратился 27-го ноября, посѣтивъ станціи: Новгородъ, Вытегру, Вологду, Ярославль, Нижній-Новгородъ, Вятку, Пермь, Уфу, Самару, Симбирскъ, Саратовъ, Пензу, Царицынъ, Астрахань, Пятигорскъ, Ставрополь, Таганрогъ, Бердянскъ, Бахмутъ, Кременчугъ, Тамбовъ,. Рязань и Тверь, устроивъ во всѣхъ этихъ городахъ метеорологическія станціи. Г. Миллеръ выѣхалъ изъ С.-Петербурга также въ іюлѣ 1865 г. и возвратился въ январѣ 1866 года; въ это время имъ частію вновь устроены, частію осмотрѣны метеорологическія станціи въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Нарвѣ, Балтійскомъ Портѣ, Гапсалѣ, Перновѣ, Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ, Гродно, Могилевѣ, Черниговѣ, Курскѣ, Житомірѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Кишиневѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Севастополѣ, Керчи и Выборгѣ. Устройство прочихъ станцій въ Финляндіи: Гельсингфорсѣ, Або, Улеоборгѣ и Торнео, предоставлено было директору магнито-метеорологической обсерваторіи въ Гельсингфорсѣ, профессору Бореніусу, обѣщавшему дѣятельное участіе въ этомъ. Кромѣ того, новые метеорологическіе инструменты были отправлены въ Николаевскъ на Амурѣ, Архангельскъ, Кемь и Колу.

На бо̀льшей части изъ устроенныхъ метеорологическихъ стан-

цій были установлены только барометры и наружные термометры. Имѣя въ виду, со временемъ, завести на всѣхъ метеорологичечкихъ станціяхъ полный комплектъ инструментовъ, гидрографическій департаментъ, по незначительности своихъ денежныхъ средствъ, рѣшился сдѣлать это понемногу и къ концу 1865 года изготовилъ нѣсколько психрометровъ, дождемѣровъ и флюгеровъ, которые имѣли быть отправленными въ тѣ приморскія станціи, гдѣ еще не было подобныхъ инструментовъ. Гидрографическій депарментъ надѣялся, что министерство народнаго просвѣщенія приметъ подобную же мѣру, которая дастъ возможность, безъ большихъ одновременныхъ издержекъ, чрезъ короткое время, имѣть всѣ устроенныя въ 1865 году станціи съ совершенно полнымъ комплектомъ метеорологическихъ инструментовъ [37].

Къ сожалѣнію, надежды эти не сбылись, и почти рушилось дѣло, начатое въ такихъ широкихъ размѣрахъ министерствами морскимъ и народнаго просвѣщенія.

Академія наукъ, принявшая съ 1866 года главную физическую обсерваторію въ свое завѣдываніе и, слѣдовательно, ставшая во главѣ очерченнаго здѣсь метеорологическаго предпріятія въ Россіи, объясняетъ эту неожиданную пріостановку его «рядомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и въ особенности смертію первыхъ двухъ директоровъ главной физической обсерваторіи» [38]. Г. Рыкачевъ, нынѣшній помощникъ директора этой обсерваторіи, также говоритъ, что «преждевременная смерть академика Купфера надолго задержала приведеніе въ исполненіе предпринятаго имъ дѣла» [39]. Но, во 1-хъ, дѣло это предпринято было не имъ, а морскимъ министерствомъ, какъ показано въ предыдущемъ; а во 2-хъ, Купферъ умеръ еще 23-го мая 1865 года, т. е. *до* командировки гг. Тресковскаго и Миллера, ѣздившихъ открывать метеорологическія станціи и успѣвшихъ въ этомъ, какъ мы видѣли. Еще любопытнѣе другое объясненіе г. Рыкачева, состоящее въ томъ, что Купферъ не успѣлъ составить инструкціи, не имѣя которой, наблюдатели вновь открытыхъ метеорологическихъ станцій, хотя и получили инструменты, но не приступали къ наблюденіямъ [40]. Но если Купферъ умеръ, не успѣвъ составить новой инструкціи, то, отправляя гг. Тресков-

---

[37] «Морск. Сборн.» 1866, сентябрь, отч. директ. гидрогр. депар. за 1866 г., стр. 204—211.

[38] «Записки импер. акад. наукъ» Т. 16, стр. 36.

[39] «Морск. Сборн.» 1876, декаб., стр. 74, въ статьѣ г. Рыкачева, названной въ примѣч.

[40] Тамъ-же.

скаго и Миллера открывать метеорологическія станціи, слѣдовало бы снабдить ихъ, по крайней мѣрѣ, прежнею инструкціею Купфера, изданною еще въ 1841 году подъ заглавіемъ «*Руководство къ дѣланію магнетическихъ и метеорологическихъ наблюденій*» и издававшеюся потомъ нѣсколько разъ [41]. Это «Руководство», названное впослѣдствіи «Наставленіемъ», было бы вполнѣ удовлеторительно *на время*, до составленія новаго. Дерптскій профессоръ Л. Кемцъ, приглашенный въ Россію изъ Галле, издалъ въ 1860 году свою еще болѣе полную инструкцію для производства метеорологическихъ наблюденій [42], которою также можно было снабдить наблюдателей, еслибы захотѣли употребить энергію для поддержанія только-что начатаго съ такимъ большимъ успѣхомъ метеорологическаго дѣла. Директоръ гидрографическаго департамента, въ своемъ отчетѣ за 1865 годъ, также говорилъ, что «смерть академика Купфера и недавнее назначеніе академика Кемца въ должность директора главной физической обсерваторіи замедлили составленіе подробныхъ инструкцій для всѣхъ метеорологическихъ станцій, почему и самое доставленіе наблюденій на обсерваторію отложено на нѣкоторое время»; но вслѣдъ затѣмъ, контр-адмиралъ Зеленый, какъ-бы сознавая несостоятельность такой отговорки, прибавлялъ: «можно съ полною увѣренностію сказать, что съ весны 1866 года система телеграфныхъ сообщеній метеорологическихъ наблюденій со всѣхъ станцій откроетъ свое дѣйствіе» [43].

Но не суждено было осуществиться и этой надеждѣ.

Послѣ смерти Купфера, Кемцъ, назначенный на его мѣсто приказомъ 31-го декабря 1865 г., былъ именно такимъ лицомъ, отъ котораго слѣдовало ожидать самой полезной дѣятельности по устройству метеорологическаго дѣла въ Россіи. Академія наукъ, назначая Кемца въ директоры главной физической обсерваторіи, «принимала въ соображеніе, во-первыхъ, то, что, при предполагаемой передачѣ въ ея вѣдѣніе главной физической и подчиненныхъ ей обсерваторій, предстоитъ коренное преобразованіе сихъ послѣднихъ для приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ современными требованіями науки, и, во-вторыхъ—что, при предстоящемъ учрежденіи при обсерваторіи особаго бюро для ежедневнаго сравненія между собою получаемыхъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи и изъ-за границы метеорологическихъ данныхъ и для вывода изъ нихъ заключеній объ ожидаемыхъ перемѣнахъ пого-

---

[41] У меня имѣются изданія 1841 и 1855 годовъ; кромѣ того имѣю еще 2-е изданіе «*Руководство къ производству метеор. наблюденій, Купфера, 1857* г.

[42] *L. Kämtz*, Repertorium für Meteorologie, Dorpat, 1860, 1 Band, 1 Heft.

[43] «Морск. Сборн.», 1866 г., сентяб., стр. 211.

ды, на директора главной физической обсерваторіи должны будутъ лечь заботы какъ по устройству нѣсколькихъ новыхъ метеорологическихъ станцій, такъ и по выбору системы наблюденій и наилучшихъ инструментовъ, по пріисканію наблюдателей и по установленію порядка въ высылкѣ наблюденій въ обсерваторіи, ихъ обработкѣ въ оной и ежедневной публикаціи» [44]. Академикъ Кемцъ принялъ на себя эту задачу и вскорѣ получилъ штатнаго помощника (съ 1-го апрѣля 1866 г.).

Передача главной физической обсерваторіи изъ горнаго вѣдомства въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія и вѣдѣніе академіи наукъ послѣдовала при Кемцѣ, 14-го февраля 1866 г. Черезъ два мѣсяца послѣ этого, 14-го апрѣля, министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ передалъ свой портфѣль обер-прокурору святѣйшаго синода, графу Д. А. Толстому.

Кемцъ управлялъ главною физическою обсерваторіею почти два года [45] и, какъ замѣчаетъ нынѣшній директоръ обсерваторіи, г. Вильдъ, «въ этотъ промежутокъ времени не издалъ ничего отъ имени этого учрежденія» [46]. Помощникъ директора обсерваторіи, г. Рыкачевъ, идетъ нѣсколько далѣе и бросаетъ неожиданную тѣнь на творца научной метеорологіи, утверждая, что Кемцъ умеръ, «не успѣвъ освоиться съ состояніемъ метеорологическаго дѣла въ Россіи» [47]. Напротивъ того, можно утверждать, что Кемцъ, какъ спеціалистъ по метеорологіи, былъ хорошо знакомъ съ метеорологическимъ дѣломъ въ Россіи еще до поступленія въ директоры главной физической обсерваторіи, а нѣкоторыя частности, относившіяся собственно до обсерваторіи, могли быть имъ *усвоены* въ нѣсколько дней.—Бросивъ такую неожиданную тѣнь на Кемца, г. Рыкачевъ замѣчаетъ: «самое положеніе главной физической обсерваторіи въ то время было настолько неустроено, что, въ случаѣ смерти директора, неминуемо должна была прекращаться и всякая ученая дѣятельность обсерваторіи; связь съ внутренними и внѣшними корреспондентами также прерывалась, такъ какъ, по штату, у директора не было ни одного ученаго помощника, и весь составъ обсерваторіи, кромѣ директора, ограничивался смотрителемъ и двумя наблюдателями, которые производили наблюденія только механически и могли дѣлать вычисленія, не требовавшія знанія лога-

[44] «Жур. Мин. Нар Просв.» т. 130, стр. 3 и 4, въ отчетѣ академіи за 1865 годъ.

[45] Л. Кемцъ умеръ 8-го декабря 1867 г., на 68 году жизни.

[46] «Лѣтописи глав. физ. обсерв.» за 1865 годъ. Спб. 1869 г., стр. VI.

[47] «Морск. Сборн.» 1876 г., декаб., стр. 74, въ статьѣ г. Рыкачева, названной прежде.

ріомовъ»[48]. Дѣйствительно, личный составъ главной физической обсерваторіи въ то время былъ не великъ, сравнительно съ нынѣшнимъ; но при директорѣ Кемцѣ онъ былъ, какъ замѣчено выше, усиленъ съ 1-го апрѣля 1866 г. учрежденіемъ должности помощника, которымъ еще и прежде состоялъ, хотя неоффиціально, кандидатъ дерптскаго университета Миллеръ[49], получившій оффиціальную командировку. Да и относительно самого директора Кемца мы видѣли, что имѣла въ виду академія наукъ, давая ему такое назначеніе. Пересматривая записки академіи за то время, я не нашелъ указаній на такое печальное тогда положеніе главной физической обсерваторіи, какимъ его рисуетъ теперь г. Рыкачевъ. Мнѣ кажется, что были иныя причины разсматриваемой пріостановки метеорологическаго предпріятія въ Россіи, и, между прочимъ, причины, возникшія на западѣ въ тѣхъ самыхъ государствахъ, примѣръ которыхъ и возбудилъ дѣло въ Россіи. Здѣсь я имѣю въ виду прекращеніе предсказаній погоды въ Англіи и во Франціи.

Система предсказаній погоды, развитая адмираломъ Фицроемъ, подверглась критическому разсмотрѣнію комитета, назначеннаго въ Англіи, послѣ смерти Фицроя, 30-го (18-го) апрѣля 1865 г., для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ о метеорологическомъ департаментѣ, которымъ завѣдывалъ покойный адмиралъ. Комитетъ, окончивъ свои занятія, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

«Основанія и правила, которыми руководствовался метеорологическій департаментъ, для предсказаній погоды вообще, не были приведены въ ясную и систематическую форму и не выведены научнымъ образомъ изъ наблюденій и фактовъ.

«Ежедневныя предсказанія, въ большинствѣ случаевъ, были невѣрны и, по мнѣнію комитета, безполезны.

«Предувѣдомленія о буряхъ, только относительно *силы* наступающаго вѣтра, были настолько справедливы и точны, что въ пользѣ ихъ нѣтъ сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что эти предувѣдомленія во многомъ улучшились съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ были примѣнены къ дѣлу.

«И, наконецъ, предувѣдомленія о буряхъ, относительно силы вмѣстѣ съ *направленіемъ* вѣтра, по своей неточности и невѣрности, не могутъ быть полезными»[50].

---

[48] Тамъ же.

[49] «Морск. Сбор.» 1870 г., октяб., стр. 47, въ статьѣ г. Мордвинова, названной прежде.

[50] *Edinburgh Review*, № 258, за іюль 1866 г., въ статьѣ «Weather Forecasts and Storm Warnings», стр. 70—71.

На этомъ основаніи, комитетъ рекомендовалъ англійскому королевскому обществу покровительства наукъ прекратить эти предсказанія и не возобновлять ихъ до тѣхъ поръ, пока строго-научныя данныя, выведенныя изъ собранныхъ наблюденій, не придадутъ системѣ предсказаній погоды болѣе научнаго характера. Королевское общество послѣдовало мнѣнію комитета, и предсказанія погоды были прекращены, несмотря на адресы извѣстныхъ англійскихъ торговыхъ городовъ: Ливерпуля, Манчестера, Гулля, Бристоля и другихъ, просившихъ о продолженіи прежней системы предсказаній погоды и принимавшихъ на свой счетъ половину издержекъ на это. Оставлено было только собираніе метеорологическихъ матеріаловъ, составленіе изъ нихъ статистическихъ и динамическихъ картъ состоянія атмосферы и передача по телеграфу, изъ одного мѣста въ другое, дѣйствительнаго состоянія атмосферы [51].

Къ такому же убѣжденію пришелъ и директоръ парижской обсерваторіи, астрономъ Леверье, который прекратилъ свои предсказанія о погодѣ, печатавшіяся въ ежедневныхъ метеорологическихъ бюллетеняхъ обсерваторіи, и теперь сообщалъ въ нихъ только дѣйствительное состояніе атмосферы въ разныхъ мѣстахъ Европы, откуда онъ получалъ ежедневно метеорологическія депеши по телеграфу. Дове—въ Берлинѣ и Матеучи—въ Туринѣ также ограничились только системою предувѣдомленій о буряхъ, да и въ этомъ отношеніи встрѣчали значительныя затрудненія.

Такой поворотъ дѣла, очерченный также и г. директоромъ гидрографическаго департамента въ его отчетахъ за 1866 и 1867 годы, не могъ не имѣть вліянія на ходъ дѣла въ Россіи, гдѣ, повторяю, оно началось только по примѣру Англіи и Франціи. Нашъ гидрографическій департаментъ также обратилъ особенное вниманіе на разработку наблюденій и данныхъ, касающихся метеорологическаго характера нашихъ морей, и приступилъ къ исполненію этого труда собственными средствами, «безъ всякой помощи другихъ вѣдомствъ» [52].

Если наше морское министерство отказывалось отъ помощи другихъ вѣдомствъ и не встрѣчало особеннаго сочувствія въ обществѣ, то иное положеніе приняло это дѣло въ Англіи, гдѣ къ 1867 году многіе береговые пункты такъ громко заявили желаніе получать предувѣдомленія о буряхъ, что метеорологическое бюро должно было возобновить свою прежнюю дѣятельность. Въ

---

[51] «Морск. Сборн.» 1869 г., сентяб., стр. 142 въ отч. дирек. гидрогр. депар. за 1868 годъ.

[52] «Морск. Сборн.» 1870 г., октяб., стр. 37, въ статьѣ г. Мордвинова, названной прежде.

іюнѣ 1867 г., это метеорологическое бюро письменно обратилось ко всѣмъ европейскимъ обсерваторіямъ съ желаніемъ узнать, въ какомъ положеніи находится тамъ вопросъ о передачѣ по телеграфу извѣстій о состояніи погоды [53]. Неизвѣстно, что̀ отвѣчала на этотъ вопросъ наша главная физическая обсерваторія. Въ концѣ 1867 года, установился, помощію трансатлантическаго телеграфа, обмѣнъ метеорологическихъ наблюденій между Европою и Соединенными Штатами [54].

Послѣ смерти академика Кемца, черезъ 5 мѣсяцевъ, въ маѣ 1868 года, въ директоры главной физической обсерваторіи былъ избранъ Г. И. Вильдъ, изъ Берна, гдѣ онъ стоялъ во главѣ швейцарскихъ метеорологическихъ обсерваторій. Прибывъ въ С.-Петербургъ, въ сентябрѣ 1868 г., г. Вильдъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, успѣлъ ознакомиться съ новымъ кругомъ предстоящей ему дѣятельности и, 26-го ноября, въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія академіи наукъ, читалъ донесеніе о состояніи главной физической обсерваторіи. «Изобразивъ въ этомъ донесеніи положеніе, въ которомъ онъ нашелъ заведеніе по вступленіи своемъ въ завѣдываніе имъ и указавъ на нѣкоторыя причины недостатковъ въ устройствѣ обсерваторіи и въ принятой системѣ метеорологическихъ наблюденій въ Россіи, г. Вильдъ заканчивалъ свое донесеніе (къ сожалѣнію, не опубликованное) предложеніемъ, на первый разъ, нѣкоторыхъ мѣръ, необходимость которыхъ онъ подробно указывалъ въ своемъ донесеніи. Эти мѣры суть слѣдующія: «1) опредѣленіе при обсерваторіи особаго механика, 2) постройка деревянной двух-этажной башни на сѣверовосточной части обсерваторіи и 3) назначеніе комиссіи изъ членовъ академіи для обсужденія плана преобразованія системы метеорологическихъ наблюденій въ Россіи» [55]. Для всесторонняго обсужденія такого преобразованія, академія наукъ, въ томъ же засѣданіи, 26-го ноября 1868 г., назначила комиссію изъ академиковъ: Якоби, Гельмерсена, Веселовскаго, Струве, Шренка и Вильда. Въ статьѣ «о метеорологическихъ работахъ въ гидрографическомъ департаментѣ», г. Мордвиновъ, быть можетъ, ближе знакомый съ подробностями донесенія г. Вильда, говоритъ, что новый директоръ главной физической обсерваторіи «счелъ своею первою обязанностію довести до конца дѣло, начатое по инициативѣ морскаго министерства и неоконченное по выше объясненнымъ причинамъ; окончить это дѣло необхо-

---

[53] «Морск. Сборн.» 1870 г., февр., стр. 86, въ статьѣ о дѣятельности англійскаго метеорологическаго бюро.

[54] Тамъ же, стр. 80.

[55] «Записки имп. акад. наук.» т. 14, стр. 147.

димо было уже потому, что неопредѣленное состояніе его имѣло весьма вредное вліяніе на успѣхъ всего хода метеорологическихъ работъ въ Россіи; потребность же въ преобразованіи метеорологическихъ наблюденій въ нашей странѣ была тѣмъ ощутительнѣе, что, въ послѣднее время, во всѣхъ странахъ были употреблены усилія для усовершенствованія и распространенія метеорологическихъ наблюденій»[56]. Назначенная академіею коммиссія также прежде всего признала, что возложенная на нее задача «до нѣкоторой степени состоитъ лишь въ исполненіи того, что уже въ 1865 году признавалось вообще необходимымъ» но это дѣло не составляло существенной части донесенія коммиссіи, читаннаго и одобреннаго въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія академіи, 20-го мая 1869 года[57]. Изъ этого донесенія комиссія узнаетъ слѣдующія подробности о положеніи разсматриваемаго здѣсь метеорологическаго дѣла въ началѣ 1869 года.

«Ежедневно главная физическая обсерваторія получаетъ метеорологическія телеграммы о погодѣ, въ 7 часовъ утра, изъ Москвы, Гельсингфорса, Ревеля, Риги, Варшавы, Кіева, Одессы, Николаева, Тифлиса, Константинополя, Рима, Чивита-Веккія и Парижа. Такимъ образомъ, къ вечеру того дня, къ которому относятся наблюденія, бо́льшею же частію на слѣдующій день, главная физическая обсерваторія имѣетъ лишь весьма недостаточный обзоръ состоянія погоды въ Европѣ. Этотъ обзоръ только въ особыхъ случаяхъ можетъ служить для предсказанія погоды слѣдующаго дня, но ни въ какомъ случаѣ не представляетъ для главной физической обсерваторіи возможности съ нѣкоторою достовѣрностію разсылать предостереженія о приближающихся буряхъ».

Въ предъидущемъ уже было замѣчено, что бури приходятъ къ намъ преимущественно съ запада; докладчикъ донесенія академической комиссіи 1868 года указывалъ, что, въ среднемъ выводѣ бури пробѣгаютъ дня въ три пространство отъ крайнихъ точекъ Ирландіи до С.-Петербурга. Слѣдовательно, благодаря такому пришествію къ намъ бурь преимущественно съ запада, мы въ Россіи можемъ получать заблаговременныя извѣстія о нихъ путемъ обыкновенныхъ телеграфныхъ депешъ. По мнѣнію же упомянутой комиссіи, для довольно вѣрнаго предсказанія этихъ бурь на главной физической обсерваторіи необходимы болѣе точныя и болѣе полныя телеграфическія свѣдѣнія о состоя-

[56] «Морск. Сборн.» 1870 г., октяб., стр. 48.
[57] «Записки имп. акад. наук.», т. 16, стр. 37.

нія погоды въ западныхъ и сѣверо-западныхъ странахъ Европы. Не имѣя ничего противъ умноженія извѣстій изъ этихъ странъ, я позволяю себѣ поставить слѣдующій вопросъ: но кàкъ же метеорологическія учрежденія, соотвѣтствующія нашей главной физической обсерваторіи и расположенныя на западѣ Европы, въ Парижѣ и Лондонѣ, предсказываютъ бури, не имѣя ни одной метеорологической станціи въ Атлантическомъ Океанѣ? Они, дѣйствительно, поставлены въ положеніе предвѣщателей бурь для Европы, иногда на основаніи только слабыхъ намёковъ со стороны метеорологическихъ наблюденій, и дѣлаютъ это за одни или за двое сутокъ до приближенія бури къ берегамъ, а для с.-петербургской главной обсерваторіи задача дѣлается несравненно болѣе легкою и часто сводится на полученіе изъ Парижа увѣдомленія о томъ, что вотъ идетъ буря по такому-то направленію. Затѣмъ, задача главной физической обсерваторіи заключается въ томъ, чтобы провѣрить это предувѣдомленіе изъ Парижа и точнѣйшимъ образомъ опредѣлить пути, по которымъ бури распространяются уже внутри Европы, до Ледовитаго Моря и до Урала. Для этой-то цѣли и необходимо то увеличеніе телеграфныхъ сообщеній внутри Россіи, о которомъ распорядились было въ 1865 году и опять начали хлопотать въ 1869 г.

Донесеніе академической комиссіи имѣло такое заглавіе: *Предположенія о преобразованіи системы метеорологическихъ наблюденій въ Россіи*. Существенная часть этихъ предположеній состоитъ въ опредѣленіи двухъ главныхъ мѣръ для обезпеченія возможности постепеннаго улучшенія метеорологическихъ наблюденій въ Россіи: во-первыхъ, основаніе 16-ти, кромѣ с.-петербургской, главныхъ обсерваторій въ разныхъ пунктахъ имперіи, а именно: въ Гельсингфорсѣ, Дерптѣ, Вильно, Варшавѣ, Кіевѣ, Одессѣ или Николаевѣ, Архангельскѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Казани, Тифлисѣ, Екатеринбургѣ, Оренбургѣ, Ташкентѣ, Иркутскѣ и Николаевскѣ, и, во-вторыхъ—составленіе новой инструкціи для наблюдателей, соотвѣтственно настоящему состоянію метеорологіи [57].

На эти проектированныя 16 главныхъ обсерваторій академическая комиссія возлагала слѣдующія обязанности: открывать

[57] Инструкція эта, составленная г. Вильдомъ, была читана и одобрена въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія академіи 4-го февраля и напечатана въ октябрѣ 1869 г.; затѣмъ въ 1871 г. издано дополненіе къ этой инструкціи; а въ засѣданіи означеннаго отдѣленія академіи, 9-го сентября 1875 г., г. Вильдъ представилъ новую, составленную имъ инструкцію для метеорологическихъ станцій, которая также напечатана. Такъ же точно можно было поступить и съ инструкціей Купфера или Кемца, послѣ смерти перваго изъ нихъ.

въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ второстепенныя метеорологическія станціи, руководить ими, провѣрять доставляемыя ими наблюденія и вычисленія, печатать ихъ въ особомъ изданіи по установленной системѣ и доставлять свои изданіи въ главную физическую обсерваторію, «которая, конечно, будетъ соблюдать въ отношеніи къ нимъ такую же взаимность». Такимъ образомъ, главная физическая обсерваторія проектировала облегчить, по возможности, свои обязанности и главную надежду полагала на университеты, которые сами примутъ мѣры къ учрежденію у себя главныхъ обсерваторій, т. е. пожертвуютъ крупную долю своихъ небогатыхъ специальныхъ средствъ.

При такомъ «раздѣленіи труда», главная физическая обсерваторія оставляла за собою слѣдующее:

«Она должна снабжать инструкціями для наблюденій; она должна озаботиться изготовленіемъ хорошихъ инструментовъ и тщательною провѣркою ихъ съ нормальными; она же должна до времени нести труды по завѣдыванію и инспектированію метеорологическихъ станцій, по собиранію и контролированію производимыхъ ими наблюденій; точно также на ней почти на одной будутъ лежать всѣ работы по изданію наблюденій въ свѣтъ. Наконецъ, кажется, было бы всего соотвѣтственнѣе съ пользою дѣла, чтобы подобно тому, какъ это было въ нѣкоторой степени и доселѣ, на обсерваторіи лежала обязанность обработки наблюденій для установки познаній о климатѣ, равно какъ обработки телеграфныхъ извѣстій о погодѣ. Но, какъ независимо отъ всѣхъ этихъ работъ, съ которыми неизбѣжно должна быть связана обширная внутренняя и внѣшняя переписка, главная физическая обсерваторія имѣетъ еще задачею своею служить для всей страны образцовою станціею для метеорологическихъ наблюденій въ обширномъ размѣрѣ, прокладывать, по возможности, пути новыхъ изысканій и даже, по идеѣ первоначальнаго своего учрежденія, простирать свою дѣятельность и на другіе физическіе вопросы, то всѣмъ этимъ требованіамъ обсерваторія не можетъ удовлетворять при нынѣшнемъ своемъ составѣ. По заявленію директора, обсерваторія и теперь, при нынѣшнихъ ея средствахъ, не можетъ выполнять поставленныхъ ей болѣе ограниченныхъ задачъ. Дѣйствительно, совершенно невозможно, чтобы директоръ, съ однимъ помощникомъ, двумя наблюдателями и однимъ смотрителемъ, въ странѣ, въ пять разъ превосходящей всю остальную Европу, съ успѣхомъ исполнялъ такое дѣло, съ которымъ въ Европѣ едва могутъ справиться около 20 подобныхъ учрежденій, снабженныхъ гораздо болѣе богатыми средствами».

По этимъ соображеніямъ, комиссія полагала, что «непремѣннымъ условіемъ преобразованія системы метеорологическихъ наблюденій въ Россіи должно быть приведеніе въ исполненіе предположеній объ увеличеніи и преобразованіи главной физической обсерваторіи» [58]. Едва ли здѣсь нужны какіе-либо коментаріи.

Далѣе, изъ отчета главной физической обсерваторіи за 1870 годъ узнаемъ, что, вслѣдствіе полученнаго г. Вильдомъ отъ академіи наукъ порученія, онъ представилъ 16-го декабря 1869 г. подробный проектъ расширенія и преобразованія обсерваторіи, который былъ переданъ на разсмотрѣніе новой комисіи. По разсмотрѣніи его и одобреніи академіею, 19-го мая 1870 года, онъ былъ представленъ, въ іюнѣ, президентомъ академіи въ министерство народнаго просвѣщенія. Вслѣдствіе этого, 4-го мая 1871 года, высочайше утвержденъ слѣдующій штатъ главной физической обсерваторіи съ 1-го января 1872 г.

	Число лицъ.	Содержаніе. Руб.	Всего. Руб.
Директоръ, ему содержанія (независимо отъ оклада, получаемаго по званію академика)	1	1,800	1,800
Помощникъ директора	1	1,360	1,360
Наблюдатели: старшіе	2	1,200	2,400
Наблюдатели: младшіе	2	800	1,600
Вычислители	2	400	800
Письмоводитель	1	800	800
Смотритель	1	500	500
Механикъ	1	450	450
На содержаніе обсерваторіи въ ученомъ отношеніи			6,000
На ученыя путешествія и на поѣздки для осмотра метеорологическихъ станцій			1,200
На изданіе наблюденій			4,000
На содержаніе обсерваторіи въ хозяйственномъ отношенія (на ремонтъ зданій, содержаніе прислуги, отопленіе, освѣщеніе и проч.)			5,000
		Итого....	25,910

Примѣчаніе. Директоръ, письмоводитель и смотритель получаютъ помѣщеніе въ зданіи обсерваторіи.

Такимъ образомъ, къ прежде отпускавшимся 14,600 рублямъ прибавлено съ 1872 года еще 11,310 рублей. Кромѣ того, въ

[58] «Записки имп. акад. наукъ». Т. 16, стр. 51.

томъ же засѣданіи государственнаго совѣта, 4-го мая 1871 г., разрѣшено было ассигновать изъ государственнаго казначейства 20,202 р. 22 к. на распространеніе зданій обсерваторіи [59].

Хотя, въ виду всего этого, г. Вильдъ и заявилъ, что «теперь главная физическая обсерваторія поставлена въ возможность достойнымъ образомъ поддерживать свое значеніе въ ряду однородныхъ съ нею учрежденій въ Европѣ» [60], но потомъ произошли еще другія увеличенія штата главной физической обсерваторіи, послѣдовавшія по высочайше утвержденнымъ мнѣніямъ государсвеннаго совѣта [61].

а) 5-го марта 1874 г. на печатаніе метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій главной физической обсерваторіи, дополнительныхъ	4,000 р.
б) 9-го января 1876 г. на добавочное жалованье директору Вильду	2,000 »
в) 9-го мая 1876 г. на отдѣленіе морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій при главной физической обсерваторіи	8,720 »

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить 4,000 рублей, отпускаемыхъ на содержаніе метеорологическихъ станцій въ имперіи, въ силу вышеупомянутаго правительственнаго распоряженія 18-го февраля 1865 года.

Но возвратимся къ прерванному разсказу о положеніи въ Россіи телеграфныхъ сообщеній о погодѣ для надобностей мореплаванія и земледѣлія.

Отчетъ по главной физической обсерваторіи за 1870 г. говоритъ, что съ 1-го января 1871 г. было полученіе метеорологическихъ телеграммъ изъ Архангельска, Гельсингфорса, Ревеля Риги, Дерпта, Вильно, Москвы, Казани, Харькова, Кіева, Одессы, Николаева, Севастополя, Ставрополя, Екатеринбурга, Оренбурга, Астрахани, Гудаура, Александрополя, Тифлиса и Поти — всего изъ 21 станціи. Отвѣтныя депеши, съ обозначеніемъ показаній барометра, термометра и флюгера, посылались отъ главной физической обсерваторіи въ Кронштадтъ, Ригу, Дерптъ, Варшаву, Кіевъ, Одессу, Николаевъ, Тифлисъ, Харьковъ, Москву и Казань, въ самой сжатой формѣ, какъ согласился на это телеграфный департаментъ на первое время, пока не будетъ учреж-

---

[59] «Собраніе узаконеній и распоряженій правительства», 1871 г., № 49

[60] «Записки имп. акад. наукъ». Т. 19, стр. 220.

[61] «Смета доходовъ и расходовъ мин. нар. просв.» на 1877 годъ, стр. 110 и 111

дено при обсерваторіи особое отдѣленіе для этой цѣли [62]. При этомъ, не было дѣлаемо никакихъ предсказаній, такъ какъ въ то время на этотъ предметъ, по штату обсерваторіи, не было ассигновано особыхъ средствъ. Осуществленіемъ этихъ предсказаній впослѣдствіи главная физическая обсерваторія обязана была содѣйствію морскаго министерства и телеграфнаго вѣдомства.

Гидрографическій департаментъ очень сочувственно принялъ составленную г. Вильдомъ инструкцію въ руководство для морскихъ станцій, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями, въ виду тѣхъ условій, которыя слѣдовало соблюдать при производствѣ метеорологическихъ наблюденій въ портахъ, на маякахъ и въ другихъ приморскихъ пунктахъ [63]. «Но для того, чтобы начать производить наблюденія, согласно съ этою новою инструкціей, необходимо было предварительно пополнить инструменты, имѣющіеся на нашихъ приморскихъ станціяхъ, на что требовалось около 1,700 рублей. Такъ какъ департаментъ не могъ заразъ удѣлить изъ своихъ суммъ денегъ, просимыхъ г. Вильдомъ, для вышеуказанной цѣли, то было рѣшено отдать въ его распоряженіе въ 1869 году только 500 рублей, ассигнованныхъ для требованій по метеорологической части, а остальныя 1,200 рублей внести въ смету будущаго года» [64].

Въ отчетѣ директора гидрографическаго департамента, директоръ главной физической обсерваторіи сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на морскихъ станціяхъ всѣ необходимыя наблюденія производились одновременно [65]. Въ свое время, я былъ удивленъ тѣмъ, что иниціатива по этому важному вопросу принадлежала не главной физической обсерваторіи. Между тѣмъ, *одновременныя* для всѣхъ станцій въ странѣ наблюденія уже давно практиковались на западѣ Европы. На международномъ конгрессѣ метеорологовъ въ Вѣнѣ, въ сентябрѣ 1873 года, делегатъ отъ Соединенныхъ Штатовъ, генералъ Альбертъ Майеръ, предложилъ отъ имени своего правительства организовать систему метеорологическихъ наблюденій, хотя одинъ разъ въ сутки, но въ одинъ и тотъ же моментъ времени для всѣхъ странъ. Это предложеніе было принято очень сочувственно и положено было приступить къ осуществленію его съ 1-го января 1874 года. Вотъ времена для главныхъ метеорологическихъ учрежденій, со-

---

[62] Циркуляръ главн. физ. обсерваторіи, отъ 27-го марта 1870 г. № 17.

[63] «Морск. Сборн.» 1873, сентябрь, стр. 98, въ отч дирек. гидрогр. департ. за 1871 г.

[64] «Морск. Сборн.» 1871, сентябрь. стр. 161, въ отч. дирек. гидрогр. департ. за 1869 г.

[65] «Морск. Сборн.» 1874, августъ, стр. 229, въ отч. дирек. гидрогр. департ. за 1872 г.

отвѣтствующія одному и тому же абсолютному моменту времени для всего сѣвернаго полушарія:

Вашингтонъ	наблюдаетъ	въ	7	ч.	35	м.	утра
Гринвичъ	»	»	0	»	43	»	пополудни
Парижъ	»	»	0	»	53	»	»
Брюссель	»	»	1	»	1	»	»
Утрехтъ	»	»	1	»	4	»	»
Христіанія	»	»	1	»	26	»	»
Копенгагенъ	»	»	1	»	35	»	»
Берлинъ	»	»	1	»	37	»	»
Вѣна	»	»	1	»	49	»	»
Константинополь	»	»	2	»	39	»	»
С.-Петербургъ	»	»	2	»	44	»	»

Хотя г. Вильдъ, въ качествѣ делегата отъ Россіи, и присоединился на упомянутомъ конгрессѣ къ этой важной системѣ, но и до сихъ поръ еще она не вошла у насъ въ практику, и наши метеорологическія станціи продолжаютъ наблюдать по *своимъ* часамъ, а главная физическая обсерваторія не затрудняется дѣлать выводы изъ разновременныхъ наблюденій.

Въ настоящее время, наблюденія по системѣ, предложенной Альбертомъ Майеромъ, производятся почти въ 400 станціяхъ, главнымъ образомъ, расположенныхъ въ сѣверномъ полушаріи. Они посылаются къ автору этой системы и будутъ имъ опубликованы въ новомъ изданіи, носящемъ заглавіе: Bulletin of international Meteorological Observations, taken simultaneously.

Въ 1873 году, гидрографическій департаментъ исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе на ежегодное внесеніе въ смету морского министерства еще 1,700 рублей пособія главной физической обсерваторіи на изданіе бюллетеней, такъ какъ обсерваторія предполагала приступить съ середины 1874 года къ предувѣдомленіямъ о погодѣ и предсказаніямъ бурь [65]. Такимъ образомъ, морское вѣдомство продолжало неустанно содѣйствовать метеорологическому дѣлу въ Россіи и понемногу подвигало его впередъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ также пожелало, чтобы учрежденныя имъ въ прежнее время метеорологическія станціи, по истощеніи денежныхъ средствъ, насчетъ которыхъ производилась покупка инструментовъ и обработка доставляемыхъ наблюденій, были сосредоточены въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Число этихъ станцій доходило до 33, и изъ этого числа только 9 находились въ такихъ мѣстахъ, изъ которыхъ главная физи-

[65] «Морск. Сборн.» 1875, январь, стр. 255, въ отч. дирек. гидрогр. департ. за 1873 г.

ческая обсерваторія уже получала метеорологическія наблюденія. По этому предмету г. Вильдъ полагалъ, что академія наукъ можетъ, не принимая на себя никакихъ обязанностей, войти съ метеорологическими станціями въ непосредственныя сношенія, и тѣ изъ нихъ, которыя окажется удобнымъ, включить въ общую сѣть метеорологическихъ наблюденій [66]. Тѣмъ и окончилась эта сторона дѣла, затронутая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Съ 1-го января 1872 года, главная физическая обсерваторія получала наблюденія уже изъ бóльшаго числа станцій и начала издавать метеорологическій бюллетень, благодаря неустанному содѣйствію гидрографическаго департамента, которое, съ половины 1873 года, начало поступать въ размѣрѣ 2,200 рублей ежегодно. Гидрографическій департаментъ прикомандировалъ къ главной физической обсерваторіи лейтенанта барона Майделя; на обязанности котораго и лежало составленіе бюллетеня. Въ бытность мою на главной физической обсерваторіи, въ іюлѣ 1873 г., я имѣлъ возможность, благодаря любезности г. Майделя, ознакомиться съ этою его дѣятельностію въ подробностяхъ.

Отъ главной телеграфной станціи въ С.-Петербургѣ проведенъ проводникъ въ главную физическую обсерваторію, въ особую комнату, гдѣ установлены телеграфные аппараты для пріема и передачи метеорологическихъ депешъ, составляемыхъ по условленной международной системѣ. По утрамъ, получаются здѣсь метеорологическія депеши изъ нижеприведенныхъ пунктовъ имперіи и Западной Европы, съ обозначеніемъ высоты барометра, температуры, влажности воздуха, направленія и силы вѣтра, облачности, состоянія погоды (и состоянія моря въ приморскихъ станціяхъ) въ 7 ч. утра даннаго дня; депеши приносятъ также извѣстіе о количествѣ дождя или снѣга, выпавшаго въ предшествующіе сутки, о высотѣ барометра, температурѣ, облачности, направленіи и силѣ вѣтра въ 9 ч. вечера наканунѣ, и замѣчанія о томъ, гдѣ дождь, гдѣ туманъ или гроза и проч. Г. Вильдъ требовалъ также отъ своихъ корреспондентовъ-наблюдателей, чтобы они вносили еще въ депеши и свои замѣчанія о вѣроятной будущей погодѣ [67], но это не вошло въ практику.

Лейтенантъ Майдель, сидѣвшій въ комнатѣ по сосѣдству съ телеграфною, наносилъ разныя метеорологическія данныя, по мѣрѣ полученія депешъ, на цѣлую карту Европы и Западной Азіи, послѣ приведенія барометра высотъ къ уровню моря и нѣкоторыхъ другихъ вычисленій. Дежурная вычислительница переписывала для литографа эти исправленныя и пополненныя де-

---

[66] «Записки имп. акад. наукъ». Т. 15, стр. 130.

[67] Циркуляръ главн. физич. обсерваторіи отъ 27 марта 1870 г., № 17.

пеши на особомъ бланкѣ, а лейтенантъ Майдель составлялъ метеорологическую карту дня, на которой, по принятой всюду системѣ, наносятся данныя наблюденія при помощи особыхъ обозначеній; такъ, напримѣръ, вѣтеръ обозначается стрѣлкою со штрихами, число которыхъ соотвѣтствуетъ силѣ вѣтра, опредѣляемой теперь числами 0, 1, 2, 3.... и до 9; стрѣлкамъ даются на картѣ положенія, соотвѣтствующія направленіямъ вѣтра. Облачность изображается на картѣ кружками, которые остаются совершенно бѣлыми ○, если небо ясно, или зачерняются вполнѣ ●, если все небо покрыто облаками; если же облака покрываютъ 1/4, или 1/2, или 3/4 неба, то соотвѣтственно этому затемняется 1/4, или 1/2, или 3/4 кружка. Состояніе барометра и термометра наносится на карту цифрами, напримѣръ, 749,8 и —6°,3 и потомъ линіями соединяются тѣ пункты, въ которыхъ высоты барометра одинаковы; такія линіи, называемыя изобарами, проводятся черезъ каждые 5 миллиметровъ высоты барометра, напримѣръ, для 740, 745, 750 мм. и т. д. Эти изобары показываютъ, какъ распредѣлено давленіе атмосферы надъ Европою, обусловливающее, какъ увидимъ ниже, весь порядокъ метеорологическихъ явленій.

Окончивъ сводъ полученныхъ наблюденій и составивъ метеорологическую карту дня, лейтенантъ Майдель дѣлалъ потомъ, руководствуясь этою картою, общій обзоръ состоянія погоды въ Европѣ и подносилъ оконченную работу директору главной физической обсерваторіи, послѣ чего бюллетень, за подписью г. Вильда, литографировался въ той же комнатѣ, гдѣ находятся и телеграфные снаряды.

Вся эта работа оканчивалась къ 3 ч. по полудни, послѣ чего налитографированный бюллетень, безъ карты, разсылался въ редакціи с.-петербургскихъ газетъ и на метеорологическія станціи. Краткое извлеченіе изъ бюллетеня посылается по телеграфу въ наши порта и въ нѣкоторые главные города Россіи, приведенные выше. Если сведенныя на картѣ наблюденія указываютъ на приближеніе бури къ Балтійскому Морю, то въ расположенные возлѣ него порта посылаются особыя телеграммы о поднятіи штормовыхъ сигналовъ.

Штормовые сигналы введены, какъ замѣчено выше, адмираломъ Фицроемъ въ Англіи и составляются изъ *барабана* и *конуса*, которые вывѣшиваются на мачтѣ. Такъ называемый барабанъ—собственно цилиндръ—есть кубическая клѣтка, обтянутая черною просмоленною матеріею, такъ что видимая издали, съ какой бы то ни было стороны, кажется четыреугольникомъ ■. Конусъ всегда представляется треугольникомъ ▲ или ▼. Это—весь аппаратъ; но, несмотря на всю его простоту, онъ можетъ давать различныя комбинаціи, смотря потому, будетъ ли бара-

банъ выше или ниже конуса, и будетъ ли вершина конуса обращена вверхъ или внизъ. Напримѣръ:

▲	означаетъ	бурю	съ	сѣвера,	между	СЗ и СВ
▼	»	»	»	востока	»	СВ и ЮВ
■	»	»	»	юга	»	ЮЗ » ЮВ
▲■	»	»	»	запада	»	ЮЗ » СЗ и т. д.

Объясненіе сигналовъ было распространено въ Англіи тысячами экземпляровъ между рыбаками и моряками во всѣхъ гаваняхъ такъ, чтобы никто не могъ отговариваться незнаніемъ сигналовъ, которые онъ видитъ, и ужъ пусть самъ себя винитъ, если не послушался сигнала [68]. Соотвѣтственно этому, и с.-петербургскій биржевой комитетъ отпечаталъ объясненіе принятыхъ у насъ сигналовъ на 10 ти различныхъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ, эстскомъ, латышскомъ, финскомъ, шведскомъ, датскомъ, голландскомъ, англійскомъ и французскомъ; самая сигнальная мачта вблизи главной физической обсерваторіи была устроена также на средства того же биржеваго комитета. Послѣ этого сигналы устроены были въ Гельсингфорсѣ, Кронштадтѣ, Ревелѣ, Ригѣ и Виндавѣ.

Когда ожидается буря, то въ приморскіе пункты посылается тетеграмма, примѣрно, слѣдующаго содержанія: «*завтра*, *утромъ*, *поднять барабанъ и оставить на весь день*»; это значитъ, что завтра будетъ буря съ юга. Во время ночи сигнальные знаки составляются изъ фонарей, развѣшиваемыхъ на рамахъ такъ, что образуютъ либо четыреугольникъ : :, либо треугольникъ .˙., которые комбинируются также, какъ и въ предъидущемъ. Поднятый сигналъ означаетъ вообще предостереженіе, чтобы моряки и рыбаки были на сторожѣ и внимательно слѣдили за ходомъ метеорологическихъ инструментовъ, чтобы, по измѣненіямъ ихъ, заключить о дѣйствительно наступающей неблагопріятной погодѣ. Еще при адмиралѣ Фицроѣ, метеорологическое бюро въ Англіи разослало значительное число особо устроенныхъ барометровъ въ нѣкоторые небольшіе порта и рыбацкія деревни, расположенныя кругомъ береговъ Великобританіи. Число такихъ инструментовъ, находившихся въ раздачѣ въ 1868 году, равнялось 106, именно 57—въ Англіи, 38—въ Шотландіи и 17—въ Ирландіи. Англійское метеорологическое бюро продолжаетъ эту раздачу всѣмъ лицамъ, которыя заявятъ на это свое желаніе.

---

[68] 3-го января 1878 года, нашъ корветъ «Аскольдъ», въ Плимутѣ, несмотря на присланное наканунѣ отъ гринвичской обсерваторіи предувѣдомленіе, чтобы ни одно судно не уходило въ море, такъ какъ предвидится въ скоромъ времени жесточайшій штормъ, снялся съ якоря и отправился въ океанъ, гдѣ во время дѣйствительно наступившей бури, потерпѣлъ такія поврежденія, что долженъ былъ возвратиться въ Плимутъ для исправленій. (Вокругъ свѣта, плаваніе корвета «Аскольдъ», стр. 78).

Что̀ дѣлаетъ въ этомъ направленіи наша главная физическая обсерваторія — мнѣ неизвѣстно; знаю только, что изготовляемые ею метеорологическіе приборы стоютъ очень дорого.

Привожу списокъ пунктовъ въ Россіи и западной Европѣ, откуда главная физическая обсерваторія получала депеши въ 1872—1876 годахъ; звѣздочками означены *полученія* телеграфныхъ извѣстій, а знакъ — соотвѣтствуетъ *неполученію* извѣстій. Списокъ этотъ составленъ по метеорологическимъ бюллетенямъ за пять лѣтъ.

Мѣста.	72	73	74	75	76
1. Улеаборгъ	*	*	*	*	*
2. Куопіо	*	*	*	*	*
3. Николайштадтъ	*	*	*	—	—
4. Тамерфорсъ	*	*	*	*	*
5. Гельсингфорсъ	*	*	*	*	*
6. Архангельскъ	*	*	*	*	*
7. Петрозаводскъ	—	—	—	*	*
8. Бѣлозерскъ	—	—	*	*	*
9. Вологда	—	—	—	*	*
10. Великій-Устюгъ	—	—	—	*	*
11. Ревель	*	*	*	*	*
12. Дерптъ	*	*	*	*	*
13. Виндава	*	*	*	*	*
14. Рига	—	*	*	*	*
15. Либава	—	—	—	—	*
16. Вильно	*	*	*	*	*
17. Варшава	*	*	*	*	*
18. Пинскъ	—	—	—	*	*
19. Кіевъ	*	*	*	*	*
20. Одесса	*	*	*	*	*
21. Николаевъ	*	*	*	*	*
22. Севастополь	*	*	*	*	*
23. Керчь	—	*	*	*	*
24. Харьковъ	*	*	*	*	*
25. Москва	*	*	*	*	*
26. Казань	*	*	*	*	*
27. Екатеринбургъ	*	*	*	*	*
28. Ирбитъ	—	*	*	*	*
29. Оренбургъ	*	*	*	*	*
30. Саратовъ	—	*	*	*	*
31. Ставрополь	*	*	*	*	*
32. Новороссійскъ	*	*	*	*	*
33. Сухумъ	*	*	*	*	*
34. Поти	*	*	*	*	*
35. Сочи	—	—	—	*	*
36. Тифлисъ	*	*	*	*	*
37. Кутаисъ	*	—	*	*	*
38. Баку	*	*	*	*	*
39. Гудауръ	*	*	—	—	—
40. Владикавказъ	*	*	*	*	*
41. Астрахань	—	—	—	—	*
42. Ташкентъ	—	*	*	*	*
43. Семипалатинскъ	—	—	—	*	*
44. Барнаулъ	*	*	*	*	*
45. Омскъ	—	—	—	*	*
46. Томскъ	—	—	—	*	*
47. Красноярскъ	—	—	—	*	*
48. Иркутскъ	*	*	*	*	*
49. Нерчинскъ	*	*	*	*	*
50. Николаевскъ	*	*	*	*	*
51. Владивостокъ	—	—	*	*	*

1. Висби	—	*	*	*	*
2. Стокгольмъ	—	*	*	*	*
3. Гёрнезандъ	—	*	*	*	*
4. Гапаранда	—	*	*	*	*
5. Фане	—	*	*	*	*
6. Копенгагенъ		*	*	*	*
7. Боде	—	*	*	*	*
8. Христіанзундъ	—	*	*	*	*
9. Скудеснесъ	—	*	*	*	*
10. Окси	—	*	*	*	*
11. Свинемюнде	—	—	—	—	*
12. Нейфарватеръ	—	—	—	—	*
13. Боркумъ	—	—	—	—	*
14. Гамбургъ	—	—	—	—	*
15. Крефельдъ	—	—	—	—	*
16. Лейпцигъ	—	—	—	—	*
17. Карлсруэ	—	—	—	—	*
18. Краковъ	*	*	*	*	*
19. Львовъ	*	*	*	*	*
20. Прага	*	*	*	*	*
21. Германштадтъ	—	*	*	*	*
22. Буда	—	*	*	*	*
23. Вѣна	*	*	*	*	*
24. Тріестъ	*	*	*	*	*
25. Лезина	*	*	*	*	*
26. Дебрицинъ	—	*	*	*	*
27. Римъ	*	*	*	*	*
28. Парижъ	*	*	*	*	*
29. Иль д'Э	—	—	—	—	*
30. Сисіе	—	—	—	—	*
31. Сен-Матьё	—	—	—	—	*
32. Гринэ	—	—	—	—	*
33. Клермонъ	—	—	—	—	*
34. Біарицъ	—	—	—	—	*
35. Перпиньянъ	—	—	—	—	*
36. Константинополь	*	*	*	*	*
37. Ярмутъ	—	—	*	*	*
38. Валенсія	—	—	*	*	*
39. Турзе	—	—	*	*	*
40. Сумбургъ	—	—	*	*	*

Эта таблица показываетъ, что постепенно увеличивалось число мѣстъ, изъ которыхъ главная физическая обсерваторія получала по телеграфу метеорологическія наблюденія. Къ сожалѣнію, очень часто телеграфныя депеши запаздывали и, притомъ, изъ значительнаго числа мѣстъ, вслѣдствіе чего метеорологическіе бюллетени пестрятъ пробѣлами, нерѣдко весьма большими. Затѣмъ, таблица показываетъ, что съ 1876 года, когда съ 1-го іюля главная физическая обсерваторія начала получать особыя суммы (8720 р. въ годъ) на «отдѣленіе морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій», число мѣстъ соотвѣтствующихъ наблюденій увеличилось неособенно значительно; равнымъ образомъ, не произошло измѣненій въ формѣ и содержаніи метеорологическихъ бюллетеней. Впрочемъ, это увеличеніе отпускаемыхъ суммъ имѣетъ слѣдующее назначеніе:

	Содержаніе въ годъ.
Помощнику директора главной физической обсерваторіи добавочныхъ за завѣдываніе «отдѣленіемъ»...	1360 р.
I. *Обработка наблюденій на корабляхъ и на приморскихъ станціяхъ, т. е. морская метеорологія:*	
Физикъ....................................	1200 »
Адъюнктъ..................................	800 »
Вычислитель...............................	400 »
Чертежникъ	480 »
II. *Телеграфныя сообщенія о погодѣ и штормовыя предостереженія:*	
Физикъ....................................	1200 »
Адъюнктъ..................................	800 »
Чертежникъ................................	480 »
Литографъ.................................	360 »
Хозяйственныя и ученыя потребности, прислуга, канцелярскія принадлежности для литографированія и для изданія бюллетеня, разсылка бюллетеней и проч.	1640 »
Итого.	8720 р.

Слѣдуетъ замѣтить, что, согласно Высочайше утвержденному 9-го мая 1876 г. узаконенію объ учрежденіи при главной физической обсерваторіи отдѣленія морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній и проч., постановлено: «причитающуюся на содержаніе означеннаго отдѣленія сумму 8720 р. отпускать изъ государственнаго казначейства съ зачетомъ въ оную ассигнуемыхъ уже обсерваторіи ежегодно изъ суммъ морскаго министерства 2200 рублей, для чего, перенеся эту послѣднюю сумму, съ

1877 года, изъ сметы морскаго министерства въ смету министерства народнаго просвѣщенія, исключить оную изъ морской сметы» [69].

Итакъ, личный составъ главной физической обсерваторіи увеличился 8-ю новыми лицами, хотя и прежде этого дѣло шло въ такихъ же размѣрахъ. Никакихъ измѣненій не представляютъ и метеорологическіе бюллетени 1877 года, которые также издаются безъ картъ, хотя еще въ 1864 году гидрографическій департаментъ, вмѣстѣ съ академикомъ Купферомъ, положили «печатать ежедневно листокъ метеорологическихъ извѣстій съ метеорологическою картою дня», что̀ въ числѣ другихъ принятыхъ тогда мѣръ, удостоилось одобреніе Государя Императора [70]. Позволительно надѣяться, что, благодаря усиленному личному составу и увеличенію средствъ на изданія, главная физическая обсерваторія не замедлитъ выполненіемъ этой своей обязанности, возложенной на нея еще 12 лѣтъ тому назадъ.

Предостереженіе о приближающихся буряхъ главная физическая обсерваторія начала посылать съ (10) 22 октября 1874 г. Привожу подробности объ этомъ, взятыя изъ метеорологическихъ бюллетеней.

«(9) 21 октября. «Барометръ въ сѣверной Европѣ и во всей Россіи понизился, болѣе всего близъ Скудеснеса, гдѣ сегодня настоящая буря съ юга. Пасмурная погода въ сѣверо-западной Россіи, можетъ быть, будетъ сопровождаться сильными вѣтрами, при чемъ температура, которая понизилась особенно въ Финляндіи, вѣроятно, опять повысится. Господствовавшіе вчера довольно сильные вѣтры въ южной Россіи ослабѣли. Черное Море все еще неспокойно».

«(10) 22 октября. «Упомянутый вчера центръ шторма находился вечеромъ близъ Скудеснеса, гдѣ барометръ понизился до 718 миллиметровъ, и сегодня утромъ былъ западнѣе Гёрнезанда; онъ подвигается по направленію въ среднюю Финляндію и производитъ въ южной части Балтійскаго Моря сильные и очень сильные вѣтры между югомъ и западомъ. Въ Петербургѣ поднятъ сегодня штормовой сигналъ, и порта Балтійскаго Моря были тотчасъ предупреждены депешами. На югѣ Россіи дуютъ умѣренные вѣтры, небо вообще ясное».

«(11) 23 октября. «Вчерашній центръ шторма находится сегодня надъ Ботническимъ Заливомъ. Поэтому въ балтійскихъ провинціяхъ и въ Финляндіи дуютъ почти вездѣ сильные юго-

---

[69] Собраніе узаконеній и распоряженій правительства, 1876, № 79.
[70] См. здѣсь стр. 10, пунктъ 5.

западные вѣтры. Погода вездѣ пасмурная, въ Финляндіи—дождливая. Въ теченіи прошлой ночи, по полученнымъ изъ Ревеля извѣстіямъ, вѣтеръ въ Финскомъ Заливѣ достигъ очень значительной силы; послѣ того онъ уменьшился и, вѣроятно, еще будетъ уменьшаться».

Послѣ этого, въ періодъ времени до 1-го іюля 1876 г., главная физическая обсерваторія еще 20 разъ посылала предостереженіе о вѣроятномъ приближеніи бури къ Балтійскому Морю; «изъ нихъ, говоритъ помощникъ директора обсерваторіи:—14 разъ предостереженія были своевременны и основательны; 3 раза сигналъ былъ полученъ слишкомъ поздно, а остальные 3 раза предостереженія вовсе не оправдались. Запоздавшія предостереженія были 9 ноября 1874 г. и 19 марта и 17 мая 1875 г.; два изъ нихъ—9 ноября и 17 мая—запоздали потому, что наканунѣ, по случаю воскреснаго дня, отдѣленіе было закрыто» [71]. Кромѣ того, было еще 5 случаевъ, когда, по той же самой причинѣ, т. е. въ праздники, балтійскіе порта не были предупреждены сигналами о наступленіи сильныхъ вѣтровъ [72]. Въ то время «отдѣленіе» существовало только на средства гидрографическаго департамента; но съ 1-го іюля 1876 года, какъ мы видѣли, «отдѣленіе морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій» устроилось, конечно, согласно желаніямъ главной физической обсерваторіи; тѣмъ не менѣе, соблюденіе праздниковъ продолжается, какъ это, напр., показываетъ метеорологическій бюллетень на (17) 29 октября 1876 года: «Запоздавшія вчерашнія депеши сообщили намъ о бурѣ отъ югозапада у сѣверозападныхъ береговъ Норвегіи; буря эта распространяется сегодня надъ всей Скандинавіей, имѣя свой центръ еще къ сѣверозападу отъ Норвегіи. По случаю воскреснаго дня наши балтійскіе порта, не были объ ней предупреждены». Это соблюденіе праздниковъ въ подобномъ дѣлѣ наводитъ на весьма грустныя мысли объ участи имуществъ и жизней тѣхъ моряковъ и рыбаковъ, которые страдаютъ при этомъ, а иногда и гибнутъ. Фарисеямъ, строго соблюдавшимъ *субботніе дни*, Спаситель сказалъ: «*Кто изъ васъ, имѣя овцу, если она въ субботу упадетъ въ яму, не возьметъ ея и не вытащитъ? Сколько же лучше человѣкъ овцы? Итакъ, можно въ субботы дѣлать добро*» [73]. Въ предъидущемъ было замѣчено мимоходомъ,

---

[71] «Морск. Сборн.» 1876, декаб., стр. 86, въ статьѣ г. *Рыкачева*, названной выше.

[72] Тамъ же, стр. 87.

[73] «Евангел Матө.» XII, 11 и 12.

что въ лондонскомъ метеорологическомъ бюро, въ 1864 году, телеграммы о состояніи погоды не были получаемы по воскреснымъ днямъ; и въ послѣдующіе годы, правильность системы штормовыхъ предувѣдомленій въ Англіи еженедѣльно прерывалась по воскресеніямъ, когда никто изъ телеграфистовъ не присутствуетъ на своихъ станціяхъ въ теченіи бо̀льшей части этого дня [74]. Но извѣстно, до какихъ странностей англичане доводятъ свое соблюденіе воскреснаго дня. У насъ же телеграфная служба въ воскресные дни не прекращается, да, и по идеѣ своего устройства, телеграфы предназначены для передачи извѣстій со скоростію электричества. Мы видѣли, что телеграфное вѣдомство устроило на главной физической обсерваторіи особое отдѣленіе, т. е. сдѣлало съ своей стороны все, что̀ только было возможно для успѣшности системы морскихъ предувѣдомленій. При такомъ содѣйствіи со стороны телеграфнаго вѣдомства, при квартирахъ въ зданіи обсерваторіи и при многочисленности персонала, составляющаго отдѣленіе «морской метеорологіи», соблюденіе праздниковъ по меньшей мѣрѣ возмутительно. Будемъ надѣяться, что скоро наступитъ время, когда общество подаиія помощи при кораблекрушеніяхъ будетъ преслѣдовать судомъ виновниковъ тѣхъ кораблекрушеній, которыя можно было бы предотвратить.

Читатель замѣтилъ, конечно, что главная физическая обсерваторія посылаетъ предувѣдомленія о буряхъ только въ прибалтійскіе порта. Когда это дѣло затѣвалось въ Россіи, въ 1863 году, то гидрографическій департаментъ предполагалъ привести въ дѣйствіе систему предувѣдомленій первоначально только въ небольшомъ размѣрѣ, именно для портовъ Финскаго Залива и Балтійскаго Моря [75]. Теперь, съ устройствомъ отдѣленія морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній и проч., слѣдовало бы распространить систему штормовыхъ предостереженій и на порта другихъ русскихъ морей, въ особенности на тѣ пункты, изъ которыхъ отправляются цѣлые отряды рыболововъ, во мракѣ невѣдѣнія о томъ, что̀ сулитъ имъ злая непогодушка. Одно изъ двухъ: или стоны жертвъ на небалтійскихъ моряхъ не доходятъ до главной физической обсерваторіи, или она еще не чувствуетъ себя въ состояніи предъугадывать бури на этихъ моряхъ.

Кромѣ мореплаванія, метеорологія, по существу своему, имѣетъ

---

[74] «Морск. Сборн.» 1870, сентяб., стр. 119.

[75] «Морск. Сборн.» 1864, октяб., стр. 605, въ отч. директ. гидрогр. департ. за 1863 годъ.

задачею приносить существенную пользу еще и земледѣлію. Едва ли нужно доказывать вліяніе атмосферическихъ явленій и перемѣнъ на успѣхи земледѣлія, такъ какъ эта истина всѣмъ извѣстна. Когда изслѣдованія вѣтровъ и теченій, сдѣланныя американскимъ лейтенантомъ Мори въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, привели къ значительному сокращенію срока морскихъ переѣздовъ, а, вслѣдствіе того, и къ сбереженію цѣлыхъ мильйоновъ, выплачиваемыхъ за провозъ людей и товаровъ, то земледѣльческія общества многихъ штатовъ адресовали къ американскому конгрессу записки, въ которыхъ испрашивали распространенія метеорологическихъ наблюденій и на континенты, для основанія и разработки той отрасли знаній, которая можетъ быть названа земледѣльческою метеорологіею [76]. Черезъ 10 лѣтъ послѣ этого, во Франціи, въ 1864 году, 13 августа, министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи обратился къ префектамъ департаментовъ съ циркуляромъ слѣдующаго содержанія [77].

«Съ давняго времени правительство заботится о средствахъ распространенія и усовершенствованія метеорологическихъ наблюденій, дѣлаемыхъ спеціально въ интересахъ земледѣлія и мореплаванія. Полученные уже результаты, несмотря на недостаточность средствъ, которыми мы можемъ располагать, даютъ возможность думать, что можно было бы въ значительной степени ослабить тяжесть несчастій, слишкомъ часто постигающихъ наши жатвы, еслибы вѣроятности перемѣнъ погоды могли быть изслѣдованы въ болѣе широкихъ размѣрахъ и опубликованы заранѣе.

«Что касается до меня, то я думаю, что écoles normales primaires могли бы оказать при этомъ полезныя услуги.

«Съ этою же почтою я пишу къ гг. директорамъ школъ, приглашая ихъ на будущее время записывать мѣстныя метеорологическія явленія. Собранныя такимъ образомъ наблюденія будутъ направляемы въ парижскую обсерваторію, чтобы изъ сравненія данныхъ, собранныхъ подъ различными широтами, наука была въ состояніи извлечь указанія болѣе или менѣе вѣрныя.

«Но, чтобы достигнуть этой цѣли, т. е. чтобы нормальныя школы могли въ точности исполнить трудъ, который я на нихъ возлагаю, необходимо, чтобы каждая изъ этихъ школъ пріобрѣла извѣстную коллекцію метеорологическихъ инструментовъ; въ этомъ-то важномъ случаѣ намъ необходима помощь общиннаго

---

[76] «Maury», The Physical Geography of the Sea, Lond. 1871, стр. VII.
[77] Annuaire météorologique de l'observ. phys. centr. pour l'an 1873. Paris, стр. 203.

совѣта вашего департамента. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь въ томъ, что совѣтъ вполнѣ оцѣнитъ необходимость важной мѣры, предназначенной обезпечить такіе важные интересы; я былъ бы совершенно счастливъ, еслибы совѣтъ въ слѣдующемъ же засѣданіи собралъ необходимую сумму для пріобрѣтенія инструментовъ по прилагаемому списку, которыхъ стоимость не превышаетъ 250 франковъ: барометръ Фортена, термометръ à minimum Рутерфорда, термометръ à maximum Негретти, психрометръ, дождемѣръ и флюгеръ.

Призывъ министра былъ принятъ съ большимъ сочувствіемъ, и бо̀льшая часть общинныхъ совѣтовъ назначила суммы, необходимыя для устройства метеорологическихъ наблюденій при нормальныхъ школахъ. Тотчасъ же было приступлено къ покупкѣ инструментовъ, и установка ихъ была указана парижскою обсерваторіею послѣ тщательнаго изученія плановъ, доставленныхъ школами.

Не входя въ подробности этого интереснаго предпріятія во Франціи, перехожу къ 1871 году, когда бѣдствія только-что окончившейся войны съ Германіей легли на Францію своимъ тяжелымъ гнётомъ. Предпріятіе, затѣянное еще въ 1864 году, постепенно развиваясь, достигло до того, что въ 1871 году въ департаментахъ имѣлись цѣлыя научныя комиссіи, занятыя климатическими изслѣдованіями уже съ довольно замѣтнымъ успѣхомъ. Циркуляромъ отъ 6-го сентября къ префектамъ, министръ народнаго просвѣщенія возвѣщалъ, что «теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо употребить всѣ усилія, чтобы возвысить производительность почвы до maximum'а ея силы, пріучая народъ къ сравненію и разсужденію, которыя суть самые вѣрные двигатели всякой полезной дѣятельности». Въ циркулярѣ обращалось вниманіе ученыхъ комиссій департаментовъ на приложенный къ нему рапортъ директора парижской обсерваторіи и было высказано желаніе, чтобы были приняты мѣры, рекомендуемыя этимъ рапортомъ, для дальнѣйшаго развитія полезной дѣятельности ученыхъ комиссій. Вотъ извлеченіе изъ этого рапорта директора парижской обсерваторія Делонэ къ министру просвѣщенія [79].

«Множество людей и самыхъ замѣчательныхъ приложатъ свое стараніе для разъисканія многочисленныхъ причинъ нашихъ бѣдствій: необходимо вполнѣ обнаружить эти причины, чтобы уничтожить ихъ во Франціи.

---

[79] Annuaire météorologique de l'observ. phys. centr. pour l'an 1873. Paris, стр. 208—214.

«Обязанность ученыхъ—совсѣмъ иная и болѣе ограничена; но каждый изъ насъ, по мѣрѣ своихъ силъ, долженъ стараться съ помощью науки возстановить богатство и могущество своей страны.

«Изъ всѣхъ нашихъ промышленностей самая жизненная и самая распространенная есть обработка земли. Наши противники уже давно приступили къ ней съ спокойнымъ умомъ, методически и обдуманно, что составляетъ ихъ силу, и они съумѣли извлечь изъ почвы, относительно бѣднѣйшей, при климатѣ болѣе суровомъ, богатства, которыхъ мы не получаемъ отъ почвы болѣе производительной. А между тѣмъ, уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ замѣчательные успѣхи французскаго земледѣлія свидѣтельствуютъ о способности французской земли и ея обитателей къ производительности, самой богатой и самой разнообразной.

«Такъ какъ въ настоящее время наши налоги въ большомъ размѣрѣ увеличились, а наши средства къ дѣйствію ослабѣли, то необходимо, чтобы всѣ способности и добрая воля каждаго приняли участіе къ возвышенію національной производительности на высшую степень силы. Не оставляя чистой науки, ученые должны болѣе, чѣмъ когда-либо, обратить вниманіе на практическую сторону своихъ изслѣдованій и постараться о распространеніи въ публикѣ полезныхъ свѣдѣній и способовъ.

«Наука цѣнна сама по себѣ; въ практикѣ же повседневной жизни она еще цѣннѣе, быть можетъ потому, что пріучаетъ размышлять, сравнивать и дѣйствовать на основаніи строгаго разсчета. Эти качества не такъ рѣдки между нами, какъ это думаютъ; но они у насъ не имѣютъ направленія. У насъ въ высшей степени необходимо развивать ихъ и направлять нетолько помощью печати, но и на практикѣ по деревнямъ.

«Метеорологія, въ этомъ двоякомъ отношеніи, есть одна изъ отраслей нашихъ знаній, которая можетъ принести наиболѣе пользы, если, вмѣсто того, чтобы порицать ее за ея прежнія заблужденія, взглянуть на нее болѣе широкимъ взглядомъ по отношенію ея къ произведеніямъ почвы. Тогда она уже не будетъ достояніемъ ученаго, который одинъ слѣдитъ въ своемъ кабинетѣ за ея развитіемъ; тогда она станетъ достояніемъ цѣлаго народа, который изучаетъ и обработываемую имъ почву, и небо, благопріятствующее его трудамъ или уничтожающее ихъ, и произведенія, принаровленныя къ тому или другому по его силамъ, и распредѣленіе культуръ, которое даетъ наиболѣе надеждъ на прибыль для всей страны и для каждаго работника отдѣльно.

«Организація такого рода, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, дѣйствовала во Франціи съ 1864 года, благодаря участію ученыхъ комиссій въ департаментахъ, которыхъ труды собраны въ парижской обсерваторіи и потомъ опубликованы, при покровительствѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ годичныхъ метеорологическихъ отчетахъ.

«Достигнутый въ настоящее время успѣхъ обязываетъ насъ усовершенствовать общій трудъ».

Метеорологическія наблюденія во Франціи, по необходимости, ограничены числомъ станцій; растѣнія же растутъ вездѣ, и вездѣ они представляютъ собой результатъ совокупности всѣхъ совершающихся вокругъ метеорологическихъ явленій. Поэтому, наблюденія за растеніями составляютъ необходимое дополненіе къ наблюденіямъ барометрическимъ, термометрическимъ, вѣтровымъ и др., производящимся обыкновенно на метеорологическихъ станціяхъ. Во Франціи многочисленные наблюдатели за растеніями вписываютъ свои наблюденія въ бланки, въ которыхъ имѣются особыя графы для различныхъ фазъ развитія растеній. Эти наблюденія, полученныя центральною обсерваторіею, наносятся сперва на карты отдѣльныхъ департаментовъ, а потомъ департаментскія карты соединяются въ одну карту Франціи. Всѣ мѣстности, напримѣръ, въ которыхъ пшеница цвѣла въ одно и то же время, соединяются на картѣ одною линіей. Послѣдовательность и расположеніе подобныхъ линій показываютъ наглядно вліяніе географической широты, возвышенія мѣстъ, свойства почвы и проч. Сравненіемъ картъ, полученныхъ за нѣсколько послѣдовательныхъ лѣтъ и представляющихъ, съ одной стороны, совокупность разныхъ метеорологическихъ явленій, а съ другой—ходъ хлѣбопашества, французы надѣются достигнуть полезныхъ заключеній относительно вліянія свѣта, теплоты и влаги на качество и количество жатвы; это сравненіе покажетъ также, насколько успѣхъ жатвъ зависитъ отъ свойствъ почвы и способа ея обработки.

Во Франціи же совершенъ и дальнѣйшій важный шагъ въ практическомъ приложеніи метеорологіи, именно: основана система телеграфныхъ предувѣдомленій о погодѣ для земледѣльцевъ. Эти предувѣдомленія существенно разнятся отъ тѣхъ, которыя дѣлаются для моряковъ. Для моряковъ, главнымъ образомъ, нужно знать силу и направленіе вѣтра въ приближающейся бурѣ. Для земледѣльцевъ необходимо знать наступленіе дождя или грозы, и въ особенности града, дѣйствія котораго иногда бываютъ столь опустошительны; что же касается вѣтра, то онъ въ земледѣліи имѣетъ значеніе только въ исключительныхъ слу-

чаяхъ. Умѣніе предвидѣть и предсказывать дождь, причины котораго зависятъ отъ условій, совершенно различныхъ въ разныхъ странахъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе трудныхъ задачъ науки и потому требуетъ самаго внимательнаго и глубокаго изученія атмосферическихъ условій въ странѣ въ данное время и проницательнаго сужденія о нихъ.

Благодаря двадцатилѣтнему опыту составленія предувѣдомленій для французскихъ моряковъ, парижская обсерваторія теперь, несоблюдающая праздниковъ, не теряетъ изъ виду ни одной бури, чтобы увѣдомлять приморскіе пункты о ея приближеніи изъ Атлантическаго Океана къ Ламаншу ли, или къ берегамъ Бискайскаго Залива, или къ Средиземному Морю. Что же касается до труднаго вопроса о земледѣльческихъ предувѣдомленіяхъ, то они дѣлаются съ такимъ же большимъ процентомъ неудачъ, какъ и морскія предувѣдомленія двадцать лѣтъ тому назадъ. Но эта трудность не останавливаетъ парижской обсерваторіи, а, напротивъ того, побуждаетъ ее къ болѣе тщательному изслѣдованію и изученію; число неудачъ, въ первый годъ довольно значительное, со временемъ, конечно, уменьшится, и земледѣліе получитъ отъ этой системы такую же пользу, какую уже получаетъ мореплаваніе.

Земледѣльческія предувѣдомленія начаты парижскою обсерваторіею только въ формѣ вѣроятности [80]; посылаемыя по телеграфу въ главные пункты департаментовъ, они должны быть дополняемы или даже измѣняемы мѣстными метеорологами-экспертами, которые лучше знаютъ мѣстныя особенности обитаемыхъ ими округовъ. Вышеупомянутыя метеорологическія коммиссіи въ департаментахъ содѣйствуютъ парижской обсерваторіи своими изслѣдованіями о дождяхъ нетолько относительно количества ихъ, но также и относительно послѣдовательнаго распространенія ихъ отъ кантона къ кантону и отъ департамента къ департаменту, особенно когда дождь устанавливается послѣ засухи. Относительно грозъ обращается вниманіе на то, чтобы, при первомъ появленіи ихъ, телеграфировать объ этомъ въ главный пунктъ департамента, а оттуда въ парижскую обсерваторію, чтобы послѣдняя могла во-время предувѣдомить другіе департаменты. Также и относительно града и наводненій, происходящихъ подъ вліяніемъ большихъ дождей. Нигдѣ грозы не изучаются съ такою энергіей, какъ во Франціи.

---

[80] Въ засѣданіи парижской академіи наукъ, 22-го мая 1876 г., Леверье докладывалъ объ организаціи системы земледѣльческихъ предувѣдомленій. См. «Comt. rend.». 1876, т. 82-й, стр. 1,178.

Земледѣльческія предувѣдомленія во Франціи начаты съ 1-го мая 1876 года, и сперва посылались въ ограниченное число департаментовъ; эти первые опыты прекращены съ наступленіемъ осени, чтобы возобновиться съ весны 1877 г. въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Привожу одинъ примѣръ, чтобы показать основанія, на которыхъ строются подобныя предувѣдомленія. 7-го мая, парижская обсерваторія усмотрѣла изъ общаго расположенія изобаръ надъ Европою, что барометръ, приведенный къ уровню моря, показывалъ въ Палермо 753,6; въ Неаполѣ, Флоренціи, Перпиньянѣ и Мадридѣ 755; въ Москвѣ, Living Бернѣ, Лиможѣ и Бордо 760; въ С.-Петербургѣ, Парижѣ и Лоріанѣ 765; въ Гельсингфорсѣ, Гельдерѣ и Гринкэстлѣ 770; въ Гернёзандѣ и Скудеснесѣ 775 мм. Далѣе было обращено вниманіе на то, что барометръ въ Скандинавіи нетолько стоялъ высоко, но и поднялся въ теченіи сутокъ на 10 мм., и что въ Сициліи, при низкомъ стояніи, онъ еще упалъ на 5 мм. Въ виду этого двоякаго измѣненія въ давленіи атмосферы, необходимо должно было установиться надъ Западною Европою полярное теченіе воздуха къ Средиземному Морю—теченіе, которое должно обусловить господство восточныхъ вѣтровъ, обыкновенно приносящихъ съ собою ясную погоду. Ясная же погода въ весеннее время содѣйствуетъ, во время ночи, сильному охлажденію отъ лучеиспусканія, послѣдствіемъ котораго бываютъ майскіе морозы. Едва ли нужно добавлять, что все это, дѣйствительно, оправдалось. Получая предувѣдомленіе о возможности майскаго мороза, садоводы, для защиты нѣжныхъ растеній, разводятъ костры изъ сырого матеріала для полученія дыма, который становится защитою отъ лучеиспусканія.

Нельзя не пожелать, чтобы наша главная физическая обсерваторія не осталась равнодушною къ этой практической сторонѣ принадлежащей ей задачи «изслѣдованія Россіи въ физическомъ отношеніи».

Въ декабрѣ 1874 г., на четвертомъ съѣздѣ русскихъ сельскихъ хозяевъ въ Харьковѣ, я дѣлалъ докладъ о необходимости устройства въ Россіи сельско-хозяйственныхъ метеорологическихъ станцій; въ отвѣтъ на это, съѣздъ, большинствомъ голосовъ, постановилъ: «признавая важность изученія климатическихъ особенностей различныхъ мѣстностей Россіи для успѣховъ нашего сельскаго хозяйства, обратиться къ правительству съ ходатайствомъ объ учрежденіи возможно-бо́льшаго числа сельско-хозяйственныхъ метеорологическихъ станцій по тому плану и съ такой организаціей ихъ дѣятельности, какъ это имъ (правительствомъ) бу-

деть признано болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ»[81]. Не входя въ дальнѣйшія объясненія по этому предмету, въ которомъ я остался въ положеніи «гласа вопіющаго въ пустынѣ», замѣчу только, что выраженіе «просить правительство» раздается у насъ довольно часто по такимъ дѣламъ, по которымъ мы сами должны были бы помочь правительству.

Затѣмъ, перехожу къ послѣдней части моей тэмы, именно — къ изслѣдованію бурь въ Россіи, т. е. къ тому, насколько сущность этихъ явленій выяснена главною физическою обсерваторіею ежедневными, въ теченіи 5-ти лѣтъ, обработками матеріала, доставляемаго метеорологическими наблюденіями, которыя сообщаются по телеграфу.

Просматривая вышеупомянуые отчеты директора гидрографическаго департамента, мы находимъ, что собрано и обработано большое количество метеорологическихъ наблюденій на моряхъ и у береговъ, составлены весьма подробныя метеорологическія карты нашихъ морей и проч.: все это составляетъ важное пріобрѣтеніе и для практики, и для науки. Не менѣе важное, хотя и громоздкое пріобрѣтеніе для науки составляютъ лежащіе передо мною 5 томовъ метеорологическихъ бюллетеней за 1872—1876 годы. Но въ этихъ томахъ имѣются только ежедневныя наблюденія и ежедневные общіе обзоры состоянія атмосферы, да еще нѣсколько приложеній, изъ которыхъ для моей тэмы наиболѣе важно то, которое посвящено *путямъ бурь въ Европѣ, въ 1872, 1873 и 1874 годахъ*. Привожу это изслѣдованіе дословно.

«Флота лейтенантъ баронъ Майдель, который три года тому назадъ гидрографическимъ департаментомъ былъ прикомандированъ къ главной физической обсерваторіи для непосредственнаго завѣдыванія отдѣленіемъ телеграфныхъ отчетовъ о состояніи погоды и основанныхъ на нихъ метеорологическихъ бюллетеней, къ сожалѣнію, 1 (13) сего августа, оставилъ службу въ обсерваторіи, чтобы принять участіе въ гидрографическихъ работахъ въ Тихомъ Океанѣ.

«Баронъ Майдель, до выхода своего, составилъ, по моему желанію, за время завѣдыванія имъ сказаннымъ отдѣленіемъ, на основаніи изготовляемыхъ имъ ежедневно, а въ послѣдствіи пополняемыхъ синоптическихъ картъ, пути циклоновъ (т. е. бурь) въ Европѣ и прилегающихъ частяхъ западной Сибири. Карты, на которыхъ показаны эти пути, составлены для первыхъ семи мѣсяцевъ, съ января по іюль, за 3 года, для остальныхъ 5-ти мѣсяцевъ за два года. Поэтому я приказалъ заготовить для при-

[81] Труды IV съѣзда русск. сельск. хоз. въ Харьковѣ. Изд. импер. общ. сел. хоз. южн. Россіи. Одесса, стр. 117—189.

ложенія къ нашему бюллетеню только первые 7 мѣсяцевъ, остальные будутъ заготовлены, какъ только они будутъ пополнены по мѣрѣ наблюденій также за 3 года.

«Сужденіе наше объ этихъ штормовыхъ путяхъ я нахожу полезнымъ отложить до окончанія заготовленія картъ за всѣ 12 мѣсяцевъ». С.-Петербургъ, 14 (26) августа 1874 г. Г. Вильдъ.

Изготовленіе этихъ картъ окончено, и онѣ разосланы, но обѣщанное «сужденіе» о нихъ еще не появлялось.

Считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія о буряхъ, по возможности, самыя краткія; можетъ быть, это слѣдовало сдѣлать и раньше, но я не хотѣлъ прерывать историческую нить разсказа.

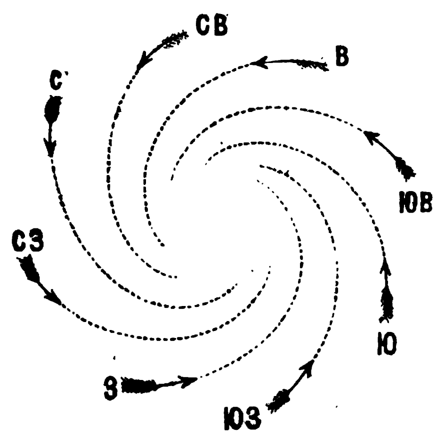
Уже давно извѣстно, что въ одно и то же время, въ разныхъ мѣстахъ земли существуютъ, по сосѣдству, неодинакія давленія атмосферы, при чемъ всегда можно обозначить однѣ области съ низкимъ стояніемъ барометра, а другія — съ высокимъ. Подъ вліяніемъ этой разности давленій, всегда устанавливается передвиженіе воздуха по направленію отъ области высокаго стоянія барометра къ области низкаго стоянія его и, притомъ, со скоростію тѣмъ бо́льшею, чѣмъ больше разность атмосферическаго давленія въ этихъ областяхъ.

Далѣе обнаружено, что если мы, помощію линій, соединимъ мѣста, въ которыхъ въ данный моментъ барометръ стоитъ на одной и той же высотѣ, то эти изобары представляются въ видѣ сомкнутыхъ линій, болѣе или менѣе овальной формы и расположенныхъ концентрически какъ около мѣста съ наименьшимъ (minimum), такъ и около мѣста съ наибольшимъ (maximum) давленіемъ атмосферы; но въ особенности правильно располагаются изобары около минимума давленія.

Чѣмъ ближе расположены другъ къ другу изобары, обыкновенно вычерчиваемыя черезъ каждые 5 мм. высоты барометра, тѣмъ больше будетъ скорость вѣтра, обусловленнаго этими разностями атмосфернаго давленія. Чѣмъ больше удалены другъ отъ друга изобары, тѣмъ меньше будетъ скорость происходящаго при этомъ вѣтра.

Направленіе устанавливавшагося при этомъ вѣтра бываетъ *не къ* центру наименьшаго давленія, или *не къ* такъ называемому барометрическому минимуму, а всегда *вправо* отъ этого пункта; вслѣдствіе этого, происходитъ, что движеніе вѣтра къ барометрическому минимуму совершается, выражаясь геометрически, не по направленію радіусовъ, а по направленію спиралей, постепенно загибающихся къ центру наименьшаго давленія, какъ это видно изъ приложеннаго чертежа. Такой видъ движеній возду-

ха образуется подъ вліяніемъ вращенія земли около оси, вслѣдствіе чего, въ нашемъ полушаріи южный вѣтеръ, по мѣрѣ распространенія своего на сѣверъ, постепенно дѣлается югозападнымъ и даже западнымъ, а сѣверный вѣтеръ, по мѣрѣ своего распространенія на югъ, постепенно дѣлается сѣверовосточнымъ. Вліяніе этого поворота южныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ распространяется также на восточные и западные вѣтры, которые также поворачиваютъ вправо отъ барометрическаго минимума. Но, такъ какъ, вслѣдствіе вліянія барометрическаго минимума, къ нему долженъ устремляться притокъ воздуха со всѣхъ сторонъ, то отклонившіяся вправо, подъ вліяніемъ вращенія земли, теченія воздуха, съ приближеніемъ къ барометрическому минимуму, начинаютъ заворачивать влѣво, причемъ, въ общемъ, эти движенія воздуха совершаются по направленію спиралей, загибающихся внутрь области низкаго давленія. Такимъ образомъ, при большихъ разностяхъ атмосфернаго давленія, бурныя движенія воздуха совершаются вихреобразно, иногда на огромныхъ пространствахъ.



Это вихреобразное движеніе воздуха давно было узнано практическими мореплавателями: по крайней мѣрѣ, Дж. Каперъ, находившійся на службѣ въ ост-индской компаніи, уже въ 1801 году высказалъ такой взглядъ, на основаніи двадцатилѣтнихъ наблюденій; онъ даже измѣрилъ діаметръ двухъ ост-индскихъ вихреобразныхъ бурь [82].

Паддингтонъ, въ 1839 году, придалъ этимъ вихреобразнымъ бурямъ названія *циклоновъ*. Моряки чаще всего называютъ ихъ истерминами.

Скорость и сила вѣтра внутри вращающейся бури возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ центру, вблизи котораго иногда она доходитъ до 150 и болѣе верстъ въ часъ. Пространство, охваченное вихревымъ движеніемъ бури, нерѣдко имѣетъ болѣе 1,500 верстъ въ діаметрѣ. Вѣтеръ, во время бури, дуетъ не съ постоян-

---

[82] *Th. Reye*, Die Wirbelstürme, Tornados und Wettersäulen in der Erd-Atmosphaere, Hannover, 1872, стр. 77.

ною силою, а бо́льшею частію въ видѣ сильныхъ порывовъ, которые въ особенности опасны для мореплавателей.

Центръ циклона не остается на одномъ и томъ же мѣстѣ, но перемѣщается по земной поверхности съ бо́льшею или меньшею скоростію, и большинство бурь, посѣщающихъ Европу и Россію, приходитъ изъ Атлантическаго Океана и, притомъ, изъ той тропической его части, которая расположена возлѣ вест-индскихъ острововъ. По вышеуказаннымъ изслѣдованіямъ лейтенанта Майделя, оказалось, что изъ ста бурь въ Европѣ, 87 перемѣщались отъ Запада къ Востоку, 2 по обратному направленію, отъ Востока къ Западу, и 11 имѣли неопредѣленное и измѣнчивое перемѣщеніе [88]. Циклоны, посылаемые Атлантическимъ Океаномъ, чаще всего направляются къ сѣверо-западной Европѣ и теряются въ Ледовитомъ Океанѣ. Но, такъ какъ размѣры этихъ вихревыхъ движеній бываютъ громадны, то, при положеніи центра бури надъ Скандинавіей, вліяніе ея иногда распространяется до Чернаго Моря; по крайней мѣрѣ, въ Харьковѣ пониженіе барометра указываетъ мнѣ иногда на появленіе бури въ сѣверозападной Европѣ и прежде, нежели я получу объ этомъ телеграфическую депешу отъ главной физической обсерваторіи.

Въ тѣхъ пунктахъ, по которымъ перемѣщается центръ бури, происходятъ, при приближеніи его, очень сильныя пониженія барометра. Когда центръ бури надвинется въ данное мѣсто, то въ это время барометръ обнаруживаетъ minimum давленія; затѣмъ, съ удаленіемъ центра бури, барометръ начинаетъ повышаться.

Такъ какъ на свое перемѣщеніе по Европѣ каждая буря употребляетъ нѣсколько дней, то, при бо́льшей скорости движенія воздуха въ область барометрическаго минимума, можно было бы ожидать, что иногда нѣсколькихъ часовъ было достаточно для наполненія образовавшейся тамъ сравнительной пустоты воздуха, еслибы онъ не взлеталъ вверхъ входящимъ потокомъ, который потомъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы, расходится во всѣ стороны. Такимъ образомъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней поддерживается слабое давленіе въ центрѣ бури.

Изобары, концентрически окружающія барометрическій минимумъ или центръ бури, однѣ представляютъ высоты барометра ниже среднихъ, опредѣленныхъ за болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, а другіе—выше среднихъ. Надъ тою областію, надъ которою изобары въ циклонѣ соотвѣтствуютъ вы-

---

[88] «Морск. Сборн.» 1876. Декар. стр. 78, въ статьѣ г. Рыкачева, названной выше.

сотамъ барометра *ниже* среднихъ, обыкновенно бываютъ чрезвычайно густыя облака и сильныя выпаденія дождя; это—обыкновенные спутники вращающихся бурь; часто также бываютъ при этомъ сильныя грозы.

Центральныя метеорологическія учрежденія, какъ, напримѣръ, главная физическая обсерваторія, получающія по телеграфу метеорологическія наблюденія изъ большого числа пунктовъ, распредѣленныхъ на огромномъ пространствѣ, имѣютъ возможность вычертить изобары циклона и ознакомиться съ его свойствами, по крайней мѣрѣ, главными, хотя бы онъ и находился еще въ значительномъ разстояніи отъ даннаго метеорологическаго учрежденія. Въ этомъ лежитъ основаніе возможности предвидѣть заранѣе, хотя бы и въ общихъ только чертахъ, тѣ перемѣны погоды, которыя необходимо должны послѣдовать подъ вліяніемъ вращающейся бури.

Такъ какъ къ центру бури воздухъ стремится спиралеобразно со всѣхъ сторонъ и такъ какъ онъ приносится изъ далекихъ разстояній, гдѣ существуютъ весьма различныя условія температуры, то при этомъ происходитъ, что теплый воздухъ южныхъ странъ приносится въ переднюю часть бури, перемѣщающейся къ востоку; а болѣе холодный воздухъ сѣверныхъ странъ приносится въ заднюю часть бури. Вслѣдствіе этого, въ передней части бури, при уменьшающемся давленіи воздуха, температура, влажность и облачность увеличиваются; въ задней же части бури происходятъ совершенно обратныя явленія.

Лейтенантъ Майдель, въ одной работѣ своей, помѣщенной 1-мъ декабря 1873 года и приложенной къ метеорологическому бюллетеню, пытался вывести правило для опредѣленія пути вращающейся бури по этимъ измѣненіямъ температуры. Опредѣлить путь, по которому буря будетъ перемѣщаться, или гдѣ будетъ находиться барометрическій минимумъ на другой день—очень важно для того, чтобы можно было предсказать для болѣе или менѣе значительнаго пространства направленіе вѣтра и характеръ погоды. Упомянутыя повышенія температуры въ передней части бури, конечно, въ разныхъ пунктахъ различны; если же соединить линіями пункты съ одинакими повышеніями температуры, то также получится система сомкнутыхъ концентрическихъ кривыхъ, сгруппированныхъ около центральнаго пункта, въ которомъ повышеніе температуры будетъ наибольшее. Проводя теперь отъ этого пункта прямую линію къ пункту, занятому барометрическимъ минимумомъ, Майдель нашелъ, что, относительно пути перемѣщенія бури, пунктъ наибольшаго повышенія температуры находится всегда *впереди* и *вправо*, и притомъ, въ сред-

немъ разсчетѣ, вправо подъ угломъ около 60°; но въ отдѣльныхъ случаяхъ величина этого угла измѣнялась отъ 30° до 110°. Лейтенантъ Майдель предполагалъ продолжить это интересное изслѣдованіе на основаніи новыхъ матеріаловъ со стороны наблюденій; но, какъ мы видѣли, онъ былъ отозванъ къ другимъ занятіямъ. Будемъ надѣяться, что главная физическая обсерваторія, при послѣдовавшемъ увеличеніи штата ея, продолжитъ это изслѣдованіе, для котораго она имѣетъ больше средствъ, нежели какими можетъ располагать частное лицо въ провинціальномъ университетѣ.

Здѣсь оканчивается все то, что сдѣлано въ Россіи по изслѣдованію бурь. Но, чтобы полнѣе познакомить читателя съ сущностію этихъ грандіозныхъ и нерѣдко грозныхъ явленій въ атмосферѣ, приходится обратиться къ иностраннымъ источникамъ.

Благодаря содѣйствію метеорологическихъ бюро національной обсерваторіи въ Соединенныхъ Штатахъ, извѣстнаго подъ названіемъ Chief Signale Office, Эл. Лумисъ, профессоръ въ Jale College, произвелъ чрезвычайно интересное изслѣдованіе бурь, замѣченныхъ въ сѣверной Америкѣ въ 1872—1874 гг. Изслѣдованіе это составило предметъ двухъ мемуаровъ, помѣщенныхъ Лумисомъ въ «American Journal of sience and arts» за іюль 1874 и январь 1875 годовъ [84]. Передаю сущность его, въ сжатомъ очеркѣ, полагая, что удлиненіе моей статьи не будетъ безполезнымъ.

Приступая къ этому изслѣдованію, Лумисъ запасся нѣсколькими нѣмыми картами Соединенныхъ Штатовъ, въ совершенно такомъ же масштабѣ, какой принятъ для синоптическихъ картъ національной обсерваторіи. На одной изъ этихъ картъ Лумисъ, подобно Майделю, нанесъ пути всѣхъ бурь, случившихся въ январѣ за всѣ три года, и, притомъ, пути бурь вычерчивались только въ томъ случаѣ, когда центръ бури могъ быть точно обозначенъ для двухъ послѣдующихъ дней. Подобнымъ же образомъ пути бурь, бывшихъ въ февралѣ, были вычерчены на другой картѣ, и т. д., для всѣхъ 12 мѣсяцевъ. Эти карты, въ совокупности, представили бурные пути для 485 дней, что составляетъ полное число случаевъ въ 3 года наблюденій. Потомъ всѣ эти результаты были сведены въ форму таблицъ, въ которыхъ были обозначены положенія путей бурь относительно меридіановъ, величины суточнаго перемѣщенія бурь, скорость вѣтра, высота барометра въ центрѣ бури, величина паденія барометра въ пред-

[84] Подробное извлеченіе изъ этихъ мемуаровъ помѣщено въ «Zeitschrift der österr. Gesellsch. f. Meteorologie», 1874, стр. 245 и 1875 г., стр. 161.

шествующіе 24 часа, величина поднятія барометра въ 24 часа и проч.

Слѣдующая табличка представляетъ среднее направленіе и среднюю скорость перемѣщенія бурь для каждаго мѣсяца изъ 485 случаевъ.

Январь	С	81°	В	40,0	Іюль	С	97°	В	37,4
Февраль	С	74	В	48,0	Августъ	С	85	В	27,6
Мартъ	С	81	В	45,3	Сентябрь	С	75	В	34,3
Апрѣль	С	74	В	41,2	Октябрь	С	74	В	38,7
Май	С	77	В	34,3	Ноябрь	С	78	В	43,5
Іюнь	С	89	В	32,4	Декабрь	С	83	В	43,9

годъ: С 81° В, 39 верстъ.

Итакъ, среднее направленіе путей бурь за 3 года было С 81° В, или 9° къ сѣверу отъ востока, а средняя скорость перемѣщенія равнялась 39 верстамъ въ часъ; но въ зависимости отъ времени года происходили весьма значительныя разности какъ въ направленіи, такъ и въ скорости. Направленіе сѣверо-американскихъ бурь лѣтомъ бываетъ южнѣе, а зимою сѣвернѣе, и средняя разность въ этомъ отношеніи простирается до 23°. Скорость перемѣщенія наибольше зимою и наименьше лѣтомъ; въ февралѣ она бываетъ самая бо̀льшая, а въ августѣ—самая малая.

Для отдѣльныхъ бурь различія въ направленіи и скорости перемѣщенія бурь значительны. Въ одномъ случаѣ, именно 20-го октября 1873 года, буря, начавшаяся въ Мексиканскомъ Заливѣ, распространилась на С 44° З; въ нѣсколькихъ случаяхъ направленіе бурь было болѣе 60° къ югу отъ востока; слѣдовательно, разность между направленіями путей бурь превышаетъ 180°.

Относительно скорости перемѣщенія, разность между отдѣльными бурями еще больше. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, центръ бури оставался неподвижнымъ въ теченіе 24 часовъ, а иногда и болѣе, тогда какъ въ 5-ти случаяхъ центръ бури перемѣщался со скоростію болѣе 1800 верстъ въ 24 часа, а въ одномъ случаѣ, 5-го мая 1873 года, средняя за 24 часа скорость перемѣщенія простиралась до 86,3 верстъ въ часъ, что̀ соотвѣствуетъ 2,070 верстамъ въ сутки. Такимъ образомъ, скорость перемѣщенія бурь измѣнялась отъ 0 до 86,3 верстъ въ часъ.

Эти результаты были получены изъ наблюденій, сдѣланныхъ черезъ 24 часа; поэтому, они представляютъ не дѣйствительное перемѣщеніе бурь отъ часа къ часу, а только *среднее суточное* перемѣщеніе. Наблюденія въ Соединенныхъ Штатахъ, телеграфируемыя въ Chief Signal Office, производятся на всѣхъ стан-

ціяхъ въ одинъ и тотъ же моментъ времени, 3 раза въ сутки, именно въ 7 ч. 35 м. утра, 4 ч. 35 м. вечера и 11 ч. ночи для уашингтонскаго меридіана; слѣдовательно, эти три наблюденія даютъ возможность съ бо́льшею подробностію опредѣлить измѣненія въ положеніи центра бури. Дѣйствительно, при сравненіи между собою отдѣльныхъ наблюденій, оказалось, напримѣръ, что, 17-го апрѣля 1873 г., путь центра бури вблизи Чикаго, представилъ кривую вида ᘯ; а отъ 7-го до 11-го мая 1874 г., къ западу отъ Верхняго Озера, центръ бури описалъ кривую вида ᘯ. Въ первомъ случаѣ, направленіе перемѣщенія измѣнилось на 360° въ періодъ немного болѣе 24 часовъ; въ обоихъ же случаяхъ, дѣйствительное движеніе центра совершалось нѣсколько часовъ *къ западу*, со скоростію отъ 15 до 23 верстъ въ часъ. Если бы можно было знать перемѣщеніе бури изъ часа въ часъ, то мы увидѣли бы, что буря можетъ возвращаться въ прежнее мѣсто и что скорость перемѣщенія можетъ измѣняться отъ 25 верстъ въ часъ къ западу до 90 верстъ въ часъ къ востоку.

Въ виду столь значительныхъ разностей въ направленіи и скорости перемѣщенія центровъ бурь, Лумизъ замѣчаетъ, что знаніе ихъ среднихъ величинъ представляетъ весьма невѣрное руководство для предсказанія распространенія бурь изо-дня въ день. Естественно поэтому, что передъ американскимъ изслѣдователемъ возникъ вопросъ о томъ: какія наиболѣе важныя возмущающія причины вліяютъ на скорость и направленіе бурь въ ихъ перемѣщеніяхъ? Для этой цѣли Лумизъ внесъ въ свои таблицы почти весь матеріалъ, доставляемый синоптическими картами, и сравнилъ его со скоростію и направленіемъ перемѣщенія центровъ бурь. При этомъ сравненіи, очень ясно обнаружилось *суточное неравенство* въ перемѣщеніи бурь, которое представлено въ слѣдующей табличкѣ, гдѣ числа перваго столбца даютъ среднюю часовую скорость въ верстахъ для промежутка времени отъ 7 ч. 35 м. утра до 4 ч. 35 м. пополудни; числа втораго столбца имѣютъ такое же значеніе для интервала между 4 ч. 35 м. вечера и 11 ч. ночи, а числа третьяго столбца — для интервала отъ 11 ч. ночи до 7 ч. 35 м. утра слѣдующаго дня.

Январь	39,9	56,0	42,3	Іюль	37,8	48,9	42,3
Февраль	42,9	55,5	43,3	Августъ	36,3	42,9	31,2
Мартъ	40,8	50,4	40,8	Сентябрь	35,4	45,3	36,7
Апрѣль	33,7	38,8	34,4	Октябрь	34,4	44,4	35,2
Май	28,8	38,4	29,3	Ноябрь	50,4	60,9	44,0
Іюнь	33,7	38,8	33,3	Декабрь	50,0	55,5	44,9
Годъ	38,8	47,8	38,1				

Эта табличка показываетъ, что средняя скорость перемѣщенія бурь, въ періодъ отъ 4 ч. 35 м. вечера до 11 ч. ночи, почти на 25% больше, чѣмъ въ остальныя части сутокъ. Въ разные мѣсяцы избытокъ этотъ колеблется между 14 и 32%, но всегда самая бóльшая скорость перемѣщенія бываетъ въ вечерніе часы.

Это суточное неравенство несомнѣнно связано съ суточнымъ неравенствомъ какого-либо другаго, а можетъ быть, и нѣсколькихъ другихъ метеорологическихъ элементовъ. Наибóльшая скорость перемѣщенія бурь бываетъ около 7 ч. вечера. Но этотъ моментъ не есть часъ максимума силы вѣтра, ни максимума или минимума температуры, и потому можно утверждать, что суточное неравенство перемѣщенія бурь не зависитъ прямо ни отъ скорости вѣтра, ни отъ абсолютной температуры. Однако же, этотъ часъ (7 ч. вечера) есть тотъ моментъ, когда температура дня уменьшается наиболѣе быстро, а это условіе очень благопріятно для болѣе быстраго выдѣленія дождя.

Выпаденіе дождя составляетъ обстоятельство, которое, повидимому, имѣетъ рѣшительное вліяніе на измѣненіе въ направленіи пути бури. Область выпаденія дождя обыкновенно протягивается на восточной сторонѣ центра бури болѣе, нежели на западной. Слѣдовательно, область выпаденія дождя имѣетъ удлиненную овальную форму и центръ бури перемѣщается по направленію наибольшей оси этого овала. Эта удлиненная форма дождевой области составляетъ характеристическую особенность бурь, проходящихъ надъ Соединенными Штатами.

Для опредѣленія: существуетъ ли какая-либо связь между протяженіемъ области дождя и скоростію перемѣщенія бури? были взяты выпаденія дождя въ каждой станціи за предшествующій интервалъ между наблюденіями, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда путь бури могъ быть точно вычерченъ для слѣдующихъ 24 часовъ; разстояніе же, на которое распространялась область дождя къ востоку отъ центра бури, измѣрялось по картѣ. Слѣдующія числа представляютъ средніе за 3 года результаты, полученные изъ сравненія 232 случаевъ, которые оказались годными для этого изслѣдованія:

Часовая скорость.	Протяженіе области дождя.
Въ верстахъ:	
60,0	960
43,8	852
33,4	800
23,0	633

Хотя эти числа и не представляютъ строгой пропорціональности скорости перемѣщенія бурь восточному протяженію области дождя; но, принимая во вниманіе, во-первыхъ, то, что наблюденія рѣдко были достаточно многочисленны для точнаго опредѣленія дождевой области, и во-вторыхъ, что несомнѣнно и другія причины также вліяютъ на результатъ, Лумисъ находитъ достаточно выясненнымъ, что необыкновенное протяженіе области обыкновенно сопровождается бо́льшею противъ средняго скоростію перемѣщенія бури. Результатъ наблюденій за три года показалъ, что среднее протяженіе области дождя къ востоку отъ центра бури равна 813 верстамъ. Когда восточное протяженіе этой области бываетъ на 150 верстъ больше, то часовая скорость перемѣщенія бури увеличивается на 20 верстъ; если же восточное протяженіе области дождя бываетъ на 150 верстъ меньше противъ средняго (813), то часовая скорость перемѣщенія бури уменьшается верстъ на 15.

Чтобы опредѣлить вліяніе области дождя на направленіе пути бури, Лумисъ опредѣлилъ также, по какому направленію эта область наиболѣе протянута. Оказалось, что существуетъ слѣдующее соотношеніе между среднимъ направленіемъ путей бурь и среднимъ направленіемъ осей дождевыхъ областей:

Направленіе бурь.	Направленіе осей дождевыхъ областей.
С 44° В	С 53° В
С 111 В	С 115 В

Изъ этого результата трехлѣтнихъ наблюденій слѣдуетъ, что, когда направленіе перемѣщенія бури бываетъ болѣе сѣверное, то ось дождевой области наклонена къ пути бури на 9° къ югу; а если направленіе пути бури болѣе южное, то наклоненіе другъ къ другу этихъ двухъ направленій бываетъ меньше всего только 4°; въ общемъ же, оба направленія такъ мало разнятся одно отъ другого, что одно приблизительно опредѣляетъ другое. Если, по этому, въ какомъ-либо случаѣ мы можемъ получить по телеграфу точныя свѣдѣнія о предѣлахъ дождевой области вокругъ центра бури, то можемъ быть въ состояніи предсказать съ значительною степенью вѣроятности направленіе и скорость перемѣщенія бури. Соединенные Штаты и Россія, занимающіе огромныя пространства континентовъ, наиболѣе удобны для развитія обширной системы подобнаго изслѣдованія бурь, въ видахъ составленія предсказаній о будущемъ распространеніи ихъ.

Обнаруженная, такимъ образомъ, связь между перемѣщеніемъ бурь и протяженіемъ области дождя не можетъ быть разсматри-

ваема за случайную, и не трудно открыть, по крайней мѣрѣ, отчасти, причину такой связи. Выпаденіе дождя, т. е. выдѣленіе паровъ изъ атмосферы, обыкновенно сопровождается пониженіемъ барометра; кромѣ того, когда пары въ атмосферѣ сгущаются, то скрытая теплота ихъ дѣлается свободною и она повышаетъ температуру окружающаго воздуха, заставляя его расширяться кверху и стекать въ стороны по всѣмъ направленіямъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы, причиняя тѣмъ новое уменьшеніе давленія надъ областью осажденія паровъ и увеличивая давленіе вокругъ области дождя. Такъ поддерживается барометрическій минимумъ въ центрѣ бури, на что было указано въ предъидущемъ.

Перемѣщеніе бури къ востоку зависитъ не отъ верхняго теченія атмосферы отъ запада, какъ думали прежде, но буря сама пріуготовляетъ себѣ путь къ востоку, вслѣдствіе бо̀льшаго осажденія паровъ на восточной сторонѣ ея. Такимъ образомъ, барометръ постоянно падаетъ на восточной сторонѣ бури и поднимается на западной, гдѣ притекаетъ холодный воздухъ.

Чтобы опредѣлить, существуетъ ли связь между скоростію перемѣщенія бури и скоростію вѣтра на разныхъ сторонахъ бури, Лумизъ выбралъ всѣ тѣ случаи, когда центръ бури былъ такъ расположенъ, что скорость вѣтра была дана въ значительномъ числѣ станцій, какъ на восточной, такъ и на западной сторонѣ отъ центра. Раздѣливъ затѣмъ область, окружающую центръ бури, на 4 квадрата; сѣверный, восточный, южный и западный, Лумизъ опредѣлилъ для каждой бури среднюю скорость вѣтра для мѣстъ наблюденія въ различныхъ квадратахъ, включая сюда только тѣ станціи, которыя находились внутри вліянія центра бури. Изобара 760 мм. была обыкновенно принимаема за предѣлъ бури, но иногда нужно было отбрасывать нѣкоторыя наблюденія въ этой области, когда они, очевидно, находились подъ вліяніемъ другого центра бури. Только 79 случаевъ (въ 1872 и 1873 гг.) оказались пригодными для этого сравненія. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ была опредѣлена средняя скорость вѣтра (наблюдаемая въ англ. миляхъ) для восточнаго и западнаго квадрантовъ, а также и для южнаго; въ бо̀льшемъ числѣ случаевъ не доставало наблюденій для сѣвернаго квадранта, или число наблюденій было столь мало, что нельзя было получить вѣрной средней. Слѣдующія числа показываютъ среднюю скорость вѣтра въ различныхъ квадрантахъ, согласно этимъ опредѣленіямъ, въ верстахъ, въ часъ:

Западный квадрантъ.	Южный квадрантъ.	Восточный квадрантъ.	Сѣверный квадрантъ.
15,1	13,2	12,4	11,4

Слѣдовательно, оказывается, что скорость вѣтра наибольшая въ западномъ квадрантѣ и что она постепенно уменьшается, по мѣрѣ перехода изъ одного квадранта въ другой, по направленію вращенія бури.

Потомъ наблюденія были раздѣлены на двѣ групы, и въ одной изъ нихъ отнесены тѣ случаи, для которыхъ скорость перемѣщенія бури была больше средней, а другая група содержала случаи, когда скорость перемѣщенія бури была меньше средней; при этомъ были взяты среднія, какъ для скорости перемѣщенія бури, такъ и для скорости вѣтра въ восточномъ и западномъ квадрантахъ бури, гдѣ были получены слѣдующіе результаты въ верстахъ:

Скорость бури въ часъ.	Скорость вѣтра въ вост. квадран.	Скорость вѣтра въ запад. квадран.
48,1	13,2	13,5
27,1	11,7	16,9

Эти числа показываютъ, что, чѣмъ сильнѣе вѣтеръ на западной сторонѣ бури, тѣмъ меньше скорость перемѣщенія бури. Скорость вѣтра въ западномъ квадрантѣ обыкновенно превосходитъ скорость въ восточномъ на 22 процента. Если скорость вѣтра въ восточномъ квадрантѣ равна скорости его въ западномъ, тогда скорость перемѣщенія бури бываетъ на 10 верстъ въ часъ *больше* противъ средней, а если скорость вѣтра въ западномъ квадрантѣ превышаетъ скорость въ восточномъ на 44%, то скорость перемѣщенія бури бываетъ на 10 верстъ въ часъ *меньше* противъ средней.

Могутъ возразить, говоритъ Лумизъ, что увеличеніе скорости вѣтра въ западномъ квадрантѣ должно бы побуждать бурю двигаться къ востоку болѣе быстро. Но съ каждой стороны центра бури, вѣтеръ дуетъ косвенно во внутрь, и потому необходимо допустить, что въ центральной области бури происходитъ восхожденіе воздуха вверхъ; это же есть причина выдѣленія паровъ, т. е. причина выпаденія дождя. Увеличеніе скорости вѣтра въ западномъ квадрантѣ сопровождается увеличеніемъ скорости восходящаго движенія въ этомъ квадрантѣ, т. е. увеличеніемъ выдѣленія дождя. Это увеличенное осажденіе паровъ стремится замедлить движеніе центра бури къ востоку, и эта причина можетъ дѣйствовать съ достаточною силою для передвиженія центра бури къ западу, какъ это и было на самомъ дѣлѣ нѣсколь-

ко разъ въ 1872, 73 и 74 годахъ. Съ другой стороны, увеличеніе скорости вѣтра въ восточномъ квадрантѣ стремится произвести бóльшее осажденіе паровъ на восточной сторонѣ центра бури, т. е. стремится двигать центръ бури къ востоку или увеличивать скорость перемѣщенія ея.

Такимъ образомъ, Эл. Лумизъ бросилъ нѣкоторый свѣтъ на таинственность процессовъ въ буряхъ, прежде очень трудно поддававшуюся изслѣдованію.—Вдаваться въ болѣе подробныя поясненія бурь—значило бы выйти изъ предѣловъ той задачи, которую я поставилъ себѣ въ этомъ историческомъ очеркѣ изслѣдованій, предпринятыхъ въ Россіи. Нынѣшнее ежедневное изученіе бурь, по одновременнымъ наблюденіямъ въ нѣсколькихъ сотняхъ метеорологическихъ станцій, обѣщаетъ въ недалекомъ будущемъ полную теорію этихъ грандіозныхъ явленій въ нашей атмосферѣ.

Ю. Морозовъ.

27-го января 1877 г., Харьковъ.

ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ.

V.

Французскіе критики дѣлятъ творчество Жоржъ-Зандъ на два нетолько рѣзко-разграниченные, но и совершенно противоположные одинъ другому періода. Первый — періодъ бурь, вражды къ обществу, періодъ огненныхъ филиппикъ противъ Жана и проповѣди отрицательныхъ теорій; второй—періодъ здоровыхъ созданій, примиренія съ обществомъ и здороваго творчества. Такъ говорятъ и Тэнъ, и Зола̀, послѣдній, высказывая еще приговоръ, что творчество Жоржъ-Зандъ отжило свой вѣкъ и настала пора другого, реальнаго. Правда, романы молодости и зрѣлаго возраста Жоржъ-Зандъ рѣзко отличаются отъ романовъ старости ея; но эту перемѣну можно сравнить съ слѣдомъ, оставляемымъ временемъ на лицѣ и голосѣ человѣка, который сохранилъ неприкосновенною всю внутреннюю суть свою. Душевное содержаніе сильныхъ личностей остается тоже, и надъ нимъ безсильно время. Изъ «Исторіи моей жизни», оконченной, когда Жоржъ-Зандъ было около пятидесяти лѣтъ, мы видимъ, какъ въ ней съ дѣтства зрѣли—подъ разными формами, наложенными то волтеріанствомъ бабушки, то католицизмомъ монастыря, то исторіей и поэзіей, то отношеніями ея къ крестьянамъ, носившимъ ее на рукахъ и съ дѣтьми которыхъ она играла, и, наконецъ, вліяніемъ Ламеннэ и Пьера Леру—тѣ идеи, которыя были религіею ея жизни. Какъ въ романахъ, бывшихъ плодомъ періода бурныхъ стремленій, такъ и въ тѣхъ, которые были созданы въ пору зрѣлости, когда улеглись эти стремленія, мы видимъ тѣ же идеалы. Жоржъ-Зандъ до послѣдней минуты осталась вѣрна себѣ. Критики тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, видѣвшіе въ «Индіанѣ», «Жакѣ», «Валентинѣ» проповѣдь эмансипаціи женщины и разрушенія брака, могли бы видѣть то же и въ послѣднемъ романѣ ея «Фламарандъ», гдѣ мужъ, по неосновательному подозрѣнію, похищаетъ ребёнка у жены и мститъ

ей цѣлую жизнь за то, что самъ не стòилъ любви женщины, отданной ему въ тѣ годы, когда сама она не могла понимать, чтò дѣлала. Спокойный тонъ послѣдняго романа не похожъ на полную страстнаго озлобленія декламацію «Индіаны» и другихъ романовъ перваго періода; но и «Фламарандъ» приводитъ читателя къ тому же выводу. Онъ показываетъ женщину, истерзанную цѣпями, наложенными на нее обществомъ, и говоритъ ему: «смотри, чтò ты узаконяешь». Во всѣхъ романахъ ея, начиная отъ «Compagnon du Tour de France», «Meunier d'Angibault» и кончая послѣдними мелкими повѣстями, какъ «Франсіа» и тѣмъ же «Фламарандомъ», мы видимъ тѣ же идеалы, отрицательные, съ точки зрѣнія идей католицизма и буржуазіи. Мы видимъ, кàкъ въ искуственной жизни, созданной средневѣковой цивилизаціей, задыхаются и гибнутъ живыя силы, кàкъ простой здравый смыслъ народа, его живое поэтическое чувство и жизнь среди природы залечиваютъ раны души и изъ больного человѣка дѣлаютъ здороваго работника. Все лживое, искуственное, вся безобразная короста, наросшая на человѣкѣ, надышавшемся отравленными міазмами разлагающагося міра, спадаетъ, когда онъ вдыхаетъ вѣяніе простой жизни труда—жизни, близкой къ природѣ, жизни среди народа и для народа. Мотивы тѣ же во всѣхъ романахъ ея; но въ первыхъ преобладалъ лиризмъ. Личность автора выступала въ длинныхъ и краснорѣчивыхъ тирадахъ, которыя онъ вкладывалъ въ уста своихъ героевъ или говорилъ отъ своего лица. Въ романахъ втораго періода видно болѣе зрѣлое творчество: тонъ объективный, спокойный, но òбразы, изображаемые авторомъ, говорятъ то же, чтò и въ первыхъ романахъ.

Жоржъ-Зандъ начала писать въ періодъ романтизма, когда живы были идеалы Вертера, Ренэ и Чайльд-Гарольда. Вліяніе ихъ только отчасти сказалось въ первыхъ произведеніяхъ ея. Чудовищный эгоизмъ этихъ героевъ, которые считаютъ себя избранниками человѣчества, проклинаютъ жизнь и ищутъ смерти, потому что жизнь не дала имъ того, чего они хотѣли, а сами они не даютъ ей ничего, такой эгоизмъ не могъ быть религіей женщины. Въ сердцѣ ея слишкомъ много любви, и сила эта удержала ее отъ пропасти отчаянія, въ которой погибли герои разочарованія и проклятій. Жоржъ-Зандъ пережила періодъ мефистофельскаго отношенія къ жизни, и плодомъ этого мучительнаго кризиса были «Письма путешественника» и «Лелія». За «Леліей» явились другіе герои и героини, содержаніе которыхъ здоровѣе и жизненнѣе. Нѣтъ возможности передать содержаніе всѣхъ романовъ ея: она написала болѣе восьмидесяти томовъ. Мы остановимся толь-

ко на романахъ, замѣчательныхъ не столько по художественности, сколько по вліянію, которое они имѣли на общество.

Первымъ произведеніемъ, послѣ котораго имя Жоржъ-Зандъ сдѣлалось европейскою извѣстностью, было «Индіана». Въ этомъ романѣ видѣли отрицаніе брака; но то было отрицаніе формы, а не идеи. Во всѣхъ романахъ своихъ, какъ и въ исповѣди своей жизни, Жоржъ-Зандъ проповѣдуетъ идею любви прочной, нравственнаго союза, основаннаго на полномъ пониманіи, на общемъ стремленіи къ идеалу. Страсть, даже въ такихъ романахъ, какъ «Лукреція Флоріани», всегда является послѣдствіемъ энтузіазма, влеченія сердца. Ни одна изъ героинь ея не измѣняетъ любимому человѣку ради одной чувственности, какъ, напримѣръ, Магдалина, героиня повѣсти Авдѣева. Увлеченія Лукреціи Флоріани—исканіе идеала. Прежняя любовь умираетъ въ ней не отъ желанія перемѣны, но потому, что любимый человѣкъ оказался недостойнымъ любви. Та же Флоріани десятокъ лѣтъ съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ сноситъ тиранію короля и умираетъ жертвой безпрерывной нравственной пытки. Въ «Орасѣ» Евгенія-гризетка живетъ неповѣнчанная съ Полемъ, но она съ справедливой гордостью считаетъ себя честной женщиной. Она—не содержанка: она связана не прихотью, дѣлитъ жизнь любимаго человѣка; она глубоко стыдлива и цѣломудренна; она возмущается противъ культа плоти, провѣдуемаго коммунистами, и, по отношеніямъ ея къ Полю, видно, что это—союзъ святой и вольный на всю жизнь. Она—жена Поля, если не передъ закономъ, то передъ совѣстью, тогда какъ Индіана, выданная ребёнкомъ, непонимавшимъ жизни, за грубаго, стараго солдата, котораго не любитъ и боится, въ сущности—не жена, а жертва. Индіана увлекается первымъ красивымъ ловеласомъ, который обольстилъ ея служанку и подругу дѣтства и обманываетъ обѣихъ женщинъ. Мужъ увозитъ Индіану за моря, бьетъ ее, и она бѣжитъ, вынося опасности и грубыя оскорбленія, приходитъ къ Раймону, который звалъ ее къ себѣ, и находитъ его женатымъ. Онъ скрываетъ свою женитьбу; онъ хочетъ сдѣлать Индіану своей содержанкой. Жена застаетъ сцену объясненія, и Индіана уходитъ въ отчаяніи. Ее спасаетъ Ральфъ, родственникъ ея, который съ дѣтства любилъ ее и былъ ея ангеломъ-хранителемъ. Ральфъ — человѣкъ измученный; онъ бѣжитъ съ Индіаной въ Новый Свѣтъ, чтобы тамъ покончить съ жизнью, бросившись вмѣстѣ въ водопадъ. Но оба спасаются какимъ-то чудомъ и живутъ въ счастливомъ уединеніи, разорвавъ со свѣтомъ, который заставилъ ихъ столько выстрадать. Гдѣ же собственно въ этомъ романѣ отрицаніе брака? Раймонъ оказывается него-

дяемъ, Индіана—жертва страсти, съ которою борется сначала и которой послѣ приноситъ сама геройскія жертвы. Жизнь ея съ Ральфомъ, по смерти мужа — идеалъ счастливаго брака.

«Жакъ»—второй романъ, въ которомъ видѣли ту же проповѣдь противъ брака. Жакъ—человѣкъ болѣзненный, нервный, поживиій и вынесшій много отравленныхъ воспоминаній, женится на молоденькой дѣвушкѣ, нѣжной, наивной. Онъ не хочетъ, чтобы жена принадлежала ему только во имя долга; онъ жаждетъ любви. Онъ предвидитъ, что можетъ придти время, когда скажется разность лѣтъ, и требуетъ отъ жены искренняго признанія, если она полюбитъ другого, обѣщая быть ей отцомъ. Фернанда оскорблена этою мыслью; ей кажется невозможнымъ полюбить другого. Но съ перваго же мѣсяца начинаются недоразумѣнія между супругами. Фернанда мучается тоской мужа; ей непонятно его недовольство жизнью, его порывы; она ревнуетъ его къ прежнимъ воспоминаніямъ. Онъ оскорбляется и молчитъ. Разладъ ростетъ. Двое дѣтей Фернанды умираютъ. Она полюбила другого, простого, добраго малаго, который ей болѣе подъ пару. Жакъ уѣзжаетъ, благословляя Фернанду на новое счастье. Но общество не дало роману мирной развязки. Мать Фернанды, старая развратница, надѣвшая маску нравственности, преслѣдуетъ дочь. Фернанда готовится быть матерью; ребёнка ея ждетъ позоръ. Жакъ случайно читаетъ письмо ея къ Октаву, гдѣ она пишетъ: «наши дѣти не будутъ умирать». У Жака оставалось одно въ жизни—счастіе Фернанды. Пока онъ живъ, Фернанда покрыта позоромъ—и онъ умираетъ.

Въ «Валентинѣ» тоже видѣли проповѣдь противъ брака, и Жоржъ-Зандъ сдѣлала въ предисловіи оговорку, что она не думала отрицать бракъ, и желающіе извлечь мораль увидятъ, что незаконная любовь не увѣнчивается счастьемъ. Но убійство Бенедикта, по ошибкѣ ревниваго мужа — фактъ внѣшній и не имѣетъ вліянія на внутреннее значеніе романа. Валентина — наивная, честная натура; мать выдаетъ ее за ловкаго интригана и честолюбца де-Лансака. Дѣвушка, непонимающая жизни, принимаетъ дружбу къ жениху за любовь. Она честно относится къ нему, не скрываетъ отъ него тайныхъ свиданій своихъ съ сестрой отъ одного отца и падчерицей своей матери, дѣвушкой, погибшей въ глазахъ свѣта. Случайность заставляетъ ее сблизиться съ Бенедиктомъ. Она полюбила его, но выходитъ за Лансака. Она не смѣетъ противиться матери. Лансакъ, ради денегъ, отступается отъ своихъ правъ и, узнавъ о любви жены къ Бенедикту, окончательно грабитъ ее. Валентина—хорошая католичка; къ ней не привилась уживчивая мораль бабушки, «философ-

ски» смотрѣвшей на любовь, съ точки зрѣнія нравовъ регентства. Счастье Валентины отравлено терзаніями совѣсти и стыдомъ. Въ «Графинѣ Рудольштатъ», продолженіи романа «Консуэло», въ которыхъ Жоржъ-Зандъ, въ длинныхъ поэтическихъ монологахъ, при совершеніи брачной церемоніи у иллюминатовъ, высказываетъ свои идеи о бракѣ, она показала женщину—жертву брака по одному чувству долга. Ванда, талантливая, героическая дѣвушка, была выдана, изъ династическихъ интересовъ аристократическаго рода, за добраго простяка, графа Христіана, который ни разу не задумался надъ жизнью и спокойно идетъ по колеѣ, проторенной цѣлымъ рядомъ предковъ. Умъ Ванды пытливый. Она ищетъ истины, она рвется изъ оковъ католицизма. Кровавыя преданія войны гусситовъ наложили свой слѣдъ на нее. Дѣти ея, плодъ не любви, а долга, родятся слабыми и умираютъ одинъ за другимъ. Выживаетъ одинъ Альбертъ, полупомѣшанный геній. Ванда любитъ человѣка, который сказалъ ей такъ жадно искомое слово истины; она давитъ свое чувство. Цѣною страданій она поняла, что даромъ сгубила свое счастье. «Нѣтъ, женщина не имѣетъ права обманывать любовь, учитъ она, когда сдѣлалась жрицей храма иллюминатовъ.—Чтò бы ни говорили циничные философы о пассивности женщины въ порядкѣ природы, отличіе подруги человѣка отъ самки животнаго всегда будетъ состоять въ правѣ оцѣнки и выбора въ любви. Тщеславіе и корысть дѣлаютъ изъ бòльшей части браковъ скрѣпленную клятвой проституцію, по выраженію древнихъ лоллардовъ. Самоотверженіе и великодушіе могутъ привести простую душу къ тому же. Я была женщиной сильной, рослой, прекрасной; осанка моя была величественна, а въ тридцать лѣтъ уже я была согбенной и дрожащей, такою, какою ты меня теперь видишь. И знаешь ли, дитя, причину такого ранняго старчества? То было несчастіе, отъ котораго я хочу спасти тебя. Это—неполная привязанность, несчастный союзъ, это—страшное усиліе мужества и покорности, привязавшія меня впродолженіи десяти лѣтъ къ человѣку, котораго я уважала, но не могла любить. Мужчина не скажетъ тебѣ, какія у женщины святыя права въ любви и истинныя обязанности ея. Онъ написалъ свои законы, онъ выработалъ свои идеи, не спросясь насъ».

Всѣ романы Жоржъ-Занда—доказательства, что никогда она не была проповѣдницей разнузданности и безнравственности. Она была поэтомъ страсти, и во многихъ романахъ ея есть сцены страсти, писать которыя рѣшились бы немногія женщины. Жоржъ-Зандъ постоянно съ презрѣніемъ относится къ одной чувственности. Какъ жалка маркиза въ романѣ «Compagnon du Tour de

France», которая отдается красавцу-рабочему, прозванному Коринеяниномъ за его культъ красоты и талантъ къ скульптурѣ, и не хочетъ выйти за него замужъ, а ищетъ жениховъ среди шумной титулованной молодежи. Можно предвидѣть, что эта маркиза, при бо̀льшей опытности, сдѣлается экземпляромъ тѣхъ маркизъ наполеоновской имперіи, реальныхъ до цинизма, типы которыхъ далъ Зола̀ въ своихъ романахъ. У Жоржъ-Занда есть не такъ рѣзко очерченный характеръ такой женщины. Это—графиня въ одномъ изъ послѣднихъ романовъ ея «Constance Verrier». Графиня не понимаетъ ни волненій, ни страданій: она относится къ любви съ «философіей» нравовъ регенства и видитъ въ ней пріятное развлеченіе—не болѣе. Для нея не существуетъ ни привязанности, ни дружбы. Ея черствость, безсердечіе, иронія, непониманіе высшихъ интересовъ жизни возмущаютъ читателя. Такая же женщина—виконтесса въ «Орасѣ»; она мѣняетъ любовниковъ изъ любопытства, изъ прихоти, изъ тщеславія; въ ней нѣтъ ни искры чувства, хотя она—великая актриса разыгрывать чувствительныя сцены и говорить громкія фразы. Культъ жизни этихъ женщинъ—одно наслажденіе. Онѣ цѣнятъ блестящее положеніе въ свѣтѣ, какъ главный источникъ наслажденія, и, чтобы не скомпрометировать это положеніе, растопчутъ безжалостно жизнь человѣка, котораго увѣряютъ въ любви. Въ одномъ изъ послѣднихъ романовъ Жоржъ-Занда «Césarine Dietrich» есть еще видоизмѣненіе такого типа. Цезарина талантлива и честолюбива. Она любитъ блескъ и хочетъ играть роль и властвовать. Она—дочь мильйонера, и роль ея въ свѣтѣ блестяща, но это не удовлетворяетъ ея. «Я хочу лучшаго, говоритъ она:—чѣмъ показывать въ свѣтѣ самыя прекрасныя плечи и роскошные наряды». Она безжалостно играетъ людьми, она растопчетъ жизнь всѣхъ, кто станетъ ей на пути. Она—не женщина нравовъ регенства, но культъ ея жизни—наслажденіе другого рода и божество—тоже *я* и ничего болѣе. И наука, и мысль, и писательство для нея—средства заставить говорить о себѣ и покорить человѣка, который понялъ ее и, несмотря на увлеченіе страсти, не хотѣлъ принести въ жертву бездушной кокеткѣ женщину, которая много лѣтъ любила его и хотѣла уморить себя, чтобы возвратить ему свободу. Эти женщины—низшій типъ, и Жоржъ Зандъ произноситъ имъ приговоръ словами человѣка, который не промѣнялъ своей простенькой гризетки-жены на блестящую кокетку. «Я—не герой, говоритъ онъ:—Я—человѣкъ своего времени, но женщина не будетъ управлять мною, если она не честна и не любитъ искренно. Еще немного прогресса, и кокетки, какъ тираны и деспоты, будутъ имѣть поклонниками только развратныхъ и женоподобныхъ мужчинъ».

Любовь играетъ въ произведеніяхъ Жоржъ-Занда едва ли не главную роль, особенно въ первыхъ романахъ. Жоржъ-Зандъ—поэтъ любви; она съ тонкимъ чутьемъ описываетъ и первое волненіе чувства, еще не сознающаго само себя, и горячечный бредъ страсти, который разрѣшатся трагедіей. Герои и героини первыхъ романовъ ея—олицетвореніе чувства и страсти; они—не живые люди, и намъ, людямъ другой поры, нужно сдѣлать усиліе, чтобы понять такія созданія отживающаго романтизма, какъ Индіана, Ральфъ. Еслибы Жоржъ-Зандъ ограничилась только этой стороной, то романы ея имѣли бы только художественное и нравственное значеніе. Но съ любовью связаны и семья, и совершенствованіе человѣка, и общественное устройство. Въ лучшихъ романахъ своихъ Жоржъ-Зандъ указываетъ на эту сторону любви. Героини романовъ ея ищутъ въ любви нравственнаго идеала; онѣ обмануты, онѣ—игрушки эгоизма, чувственности и тщеславія мужчинъ и рвутъ обманувшую ихъ любовь, потому что хотятъ быть равноправными подругами, а не игрушками. Исключеніе—романъ «Леоне-Леони». Жюльета до безумія любитъ негодяя, который обокралъ ея отца, ведетъ жизнь члена клуба червонныхъ валетовъ и продаетъ ее другому. И она для этого негодяя бросаетъ честнаго человѣка. Но если вглядѣться глубже, то Жюльетта—не исключеніе. Жоржъ-Зандъ, съ вѣрнымъ чутьемъ психолога, не придала Жюльеттѣ ни одной черты лучшихъ героинь своихъ. Жюльеттѣ чуждо все въ мірѣ, кромѣ ея Леоне-Леони, и будь ея Леоне-Леони не мошенникомъ, а вѣрнымъ возлюбленнымъ, опрятненькимъ филистеромъ, она ничего бы не просила болѣе у жизни. Женщина должна вносить въ любовь стремленіе къ идеалу, женщина не должна быть рабой, которую семья передаетъ нелюбимому человѣку, женщина не должна платиться цѣлою жизнью страданій за ошибку — вотъ чему учитъ Жоржъ-Зандъ. Любовь недостойнаго человѣка приноситъ за собою ломку естественныхъ влеченій сердца, нравственное униженіе, ненужныя страданія и гибель семьи. Такая семья даетъ больное поколѣніе и душой, и тѣломъ. Здоровой семьи не будетъ, пока не измѣнится взглядъ на женщину, пока лучшія изъ женщинъ будутъ задавлены условіями общества.

Жоржъ-Зандъ, какъ высоко ни поднимала женскую личность, видѣла ясно, какъ часто сама женщина виновата въ разладѣ семьи, и романъ «Вальвѐдръ» доказываетъ, какъ несправедливъ былъ отзывъ, что романы ея—только апологія женщины и филиппики противъ несправедливости и деспотизма мужчины. Героиня «Вальвѐдра», Алида—красавица, кокетка, романическая и пустая барыня. Она воображала, что бракъ—романъ, въ которомъ мужъ

долженъ стоять на колѣняхъ въ постоянномъ обожаніи передъ женой. Мужъ ея—ученый и идеальный мужъ. Она ревнуетъ его къ наукѣ, она требуетъ, чтобы онъ все принесъ ей въ жертву, и считаетъ себя непонятой и несчастной. Мужъ говоритъ ей: «учись для дѣтей». Она отвѣчаетъ: «мое призваніе—не учить азбукѣ дѣтей, а жить для дѣтей и для мужа»; и въ то же время она ненавидитъ младшаго сына за то, что тотъ нехорошъ собой. Мужъ говоритъ ей: «если ты выше обыкновенныхъ женщинъ—тебѣ открыты искуство, литература: работай, учись». Она видитъ и въ искуствѣ, и въ литературѣ потѣху отъ скуки, а въ художникахъ и литераторахъ—блестящихъ гостей для салона и поклонниковъ. Мужъ, наконецъ, охладѣлъ къ ней, а она не хочетъ понять, что причиной всему—она сама, и убѣждена, что она—жертва холодности и пресыщенія мужа. Она разыгрываетъ роль жертвы, выставляетъ сестру мужа, добрую старую дѣву, которая замѣняетъ мать ея же дѣтямъ, дуэньей, приставленной стеречь ее. Красотой и ролью жертвы она кружитъ голову юношѣ-поэту, который увозитъ ее. Юноша увлеченъ нестолько любовью, сколько молодостью своей, романичностью приключенія и самолюбіемъ. Онъ хочетъ тоже увезти сыновей Алиды. Убѣжавшая чета проводитъ время въ сентиментальныхъ разговорахъ. У Алиды холодное сердце при пылкомъ воображеніи; она невольно лжетъ и себѣ, и другимъ; въ ней, при полномъ отсутствіи какого бы то ни было идеала, религіознаго, семейнаго или общественнаго, уцѣлѣли кое-какіе оттатки католицизма, и она, испортивъ эгоизмомъ жизнь мужа, бросивъ дѣтей, связавъ по рукамъ юношу, которому нужно было готовиться для карьеры литератора, считаетъ себя возвышенной героиней, потому что отношенія ея къ юношѣ остались платоническими. Она умираетъ отъ давнишней болѣзни сердца и развязываетъ всѣмъ руки. Послѣ такого характера «непонятой женщины», имѣетъ ли Золá право обвинять Жоржъ-Зандъ въ томъ, что послѣ чтенія романовъ ея женщины объявать себѣ непонятыми, страдалицами—а мужей тиранами и деспотами, и будутъ прелюбодѣйствовать въ воображеніи съ романическими любовниками. Юный поэтъ, увезшій Алиду—самолюбивый мальчикъ передъ Вальвѐдромъ. Вальвѐдръ, нетолько ученый, какъ философъ, онъ—человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Жоржъ-Зандъ дала идеалъ здоровой любви въ соціальныхъ романахъ своихъ «Мельникъ Анжибо» и «Грѣхъ г. Антуана». Въ первомъ—молодая женщина, выросшая въ преданіяхъ католицизма, брошенная мужемъ для балетныхъ корифеекъ, полюбила образованнаго работника. Смерть мужа на дуэли изъ-за

танцовщицы освободила ее; она предлагаетъ руку работнику, но тотъ отказывается. Онъ не хочетъ бросить своихъ братьевъ и вступить въ враждебный ему міръ. Между нимъ и Марселлой стоитъ столь многое. Марселла упросила его разстаться на годъ; она стоитъ на рубежѣ двухъ міровъ; она хочетъ узнать правду и сознательно на всю жизнь подать ему руку, когда будетъ знать куда идти. Нѣсколько мѣсяцевъ жизни въ деревнѣ, знакомство съ народомъ открыли ей глаза и вытравили въ ней послѣдніе остатки барства. Она раззорена мужемъ и готовится работать, чтобы воспитать сына. Любимый человѣкъ, возвратясь, видитъ уже не прежнюю балованную барыню, но женщину, понявшую жизнь и всѣмъ существомъ отдавшуюся идеямъ его. «Будемъ любить другъ друга, говоритъ ему Марселла: — не развращая себя общеніемъ съ тѣми, которые торжествуютъ, не унижаясь съ тѣми, которые покоряются. Будемъ любить другъ друга, какъ два путника, которые переплываютъ моря, чтобы открывать новый міръ, но которые не знаютъ, пристанутъ ли они къ берегу. Будемъ любить другъ друга не для того, чтобы быть счастливыми эгоизмомъ вдвоемъ, какъ называютъ любовь, но чтобы искать вмѣстѣ что̀ мы оба — бѣдныя птицы, занесенныя бурей, можемъ дѣлать день за днемъ, чтобы остановить бичь, который разсѣваетъ нашу расу, и чтобы собрать подъ наши крылья нѣсколько бѣглецовъ, измученныхъ, какъ и мы же, ужасомъ и мукой». Въ романѣ: «Грѣхъ господина Антуана», фабрикантъ Кордонкэ—олицетвореніе приличной буржуазіи—хочетъ вытравить въ сынѣ идеи соціализма и ставитъ отреченіе условіемъ своего согласія на женитьбу сына съ бѣдной дѣвушкой. Молодая дѣвушка съ негодованіемъ отказывается быть наградой измѣны и выбираетъ разлуку.

Жоржъ-Зандъ во всѣхъ романахъ своихъ проповѣдуетъ любовь, какъ святыню, какъ жизнь вмѣстѣ для лучшихъ цѣлей. Она возмущалась постоянно противъ нѣкоторыхъ изъ друзей своихъ, сводившихъ все исключительно на одну естественную почву. «Цѣльный человѣкъ, говоритъ она въ запискахъ своихъ: — можетъ быть порожденъ только полной любовью. Тѣло можетъ произвести только тѣло, но мысль одна можетъ дать жизнь мысли. Что̀ же мы такое? Мы—люди, которые только стремились быть людьми — и ничего болѣе. Мы—существа пассивныя, неспособныя къ свободѣ и равенству и недостойныя ихъ, потому что мы, бо̀льшею частью, родились отъ слѣпого и пассивнаго акта воли, и еще слишкомъ много чести называть актомъ воли то, при чемъ сердце и нравственное чувство не проявляются. Тогда любовь— рабство плоти». Это—суть идей Жоржъ-Занда, очищенныхъ отъ

покрывала мистицизма, въ которомъ она такъ затемняла свою мысль. И кто скажетъ, что писательница ошибалась въ нравственныхъ выводахъ. Женщина, которая рабски подчиняется, мужчина, который владѣетъ ею только во имя права, воспитаютъ не человѣка, а раба. Люди, которыхъ сводитъ одна прихоть, разойдутся, бросивъ дѣтей на произволъ судьбы. Низводить любовь на одно «рабство плоти»—значитъ низводить человѣка на степень животнаго.

Ставя свой идеалъ любви и брака, Жоржъ-Зандъ не измѣняла ему ни въ первыхъ, ни въ послѣднихъ произведеніяхъ своихъ. Въ иныхъ романахъ, какъ въ Мон-Ревэшъ онъ, по счастливому случаю, сходится съ установленными формами, въ другихъ—въ разладѣ съ ними. Жоржъ-Зандъ съ чутьемъ художника черпала матеріалъ изъ жизни. Мистическія мечты ея о загробной любви и союзѣ на вѣчность могутъ вызвать улыбку; ими она заплатила дань своему вѣку: мистицизмъ этотъ былъ ступенью, черезъ которую должна была проходить мысль. Многіе писатели, современники Жоржъ-Занда, отрѣшились отъ него. Жоржъ-Зандъ до конца жизни сохранила слѣды его.

VI.

Пересмотрѣвъ массу романовъ Жоржъ-Занда, остановишься въ изумленіи передъ силой, разнообразіемъ и плодотворностью ея фантазіи. Въ основаніи всего, что ни писала она, лежитъ мысль: религіозная, нравственная, философская или соціальная. Многіе и лучшіе романы ея — пламенныя проповѣди инаго строя общества, и, несмотря на то, ихъ нельзя назвать тенденціозными, съ точки зрѣнія нашихъ тенденціозныхъ романовъ. Тенденція не является въ видѣ морали, къ которой подгоняютъ и людей, и жизнь; она органически связана со всѣми героями и героинями ея. Идеи, которыми жила Жоржъ-Зандъ, не были полетомъ, который уносился первымъ вѣтромъ; онѣ стали частью ея существа, и въ этомъ тайна ея вліянія на умы Идеи ея были пережиты и вымучены ею, слово-же, вдохновленное такими идеями, производитъ впечатлѣніе, даже когда его говоритъ дюжинный человѣкъ.

Жоржъ-Зандъ была создана періодомъ ломки и борьбы идей, и произведенія ея, имѣвшія наиболѣе вліянія—тѣ, въ которыхъ она беретъ тэмой и современную ей эпоху, и великіе историческіе кризисы другихъ вѣковъ и другихъ странъ. Въ «Консуэло» и «Графинѣ Рудольштатъ» она описываетъ XVIII вѣкъ съ его блестящими монархами, игравшими въ свободу мысли и либера-

лизмъ, съ сухимъ скептицизмъ волтеріанства и beaux esprits, который безпощадно разъѣдаетъ старый міръ, и, рядомъ съ скептицизмомъ и его убивающимъ смѣхомъ, она указываетъ намъ людей, которые не могли жить однимъ отрицаніемъ, но шли на проповѣдь братства и любви. Легко улыбнуться надъ церемоніями иллюминатовъ и тѣмъ почти религіознымъ паѳосомъ, съ какимъ относится къ нимъ авторъ. Но такое отношеніе «съ кондачка»—не дѣло мыслящаго читателя. Оставя въ сторонѣ поэтическій мистицизмъ Жоржъ-Занда, подкупавшій ее видѣть не отжившій, но живой смыслъ въ манихеизмѣ лоллардовъ, и въ пророчествѣ иллюминатовъ, мыслитель увидитъ и въ тѣхъ, и въ другихъ здоровые элементы жизни, которые, измѣняясь исторически, всплыли во Франціи съ 30 по 48 г. подъ разными формами и, утративъ все, что въ нихъ и тогда еще оставалось нереальнаго, сдѣлались могучимъ двигателемъ прогресса. Альбертъ, герой обоихъ романовъ—поэтъ и почти сумасшедшій какъ были всѣ соціально-религіозные реформаторы. Онъ пророчествуетъ о близкомъ царствіи Божіемъ на землѣ. «Сынъ мой, ты—крестникъ раба, говоритъ онъ сыну... ты, по отцу—потомокъ Подибрадовъ, древнихъ королей; по матери, ты—сынъ цыганки; я надѣюсь ты будешь съ нею и съ рабами, не то я, сынъ королей, отрекусь отъ тебя. Ты—новый человѣкъ, а!» «Ступай во Францію, обращается онъ къ другу, вождю партій иллюминатовъ, который спрашивалъ у него совѣта:—Франція изо всѣхъ странъ избрана Богомъ. Соединись, сынъ мой, съ старшими братьями... Я слышу, какъ гремитъ надъ Франціей голосъ Исаіи: «Возстань, тебя осѣнилъ свѣтъ, и слава Вѣчнаго сошла на тебя и народы пойдутъ въ твоемъ свѣтѣ». Табориты пѣли это на Таборѣ. Таборъ теперь—Франція».

Въ «Пиччиннино» Жоржъ-Зандъ описываетъ эпоху борьбы Сициліи за освобожденіе. Клерикальный гнетъ давитъ страну; феодолизмъ раздираетъ ее. Женщина является апостоломъ свободы и братства. Она—владѣтельница маленькаго княжества и благодѣтельница своихъ вассаловъ. Она вліяніемъ своимъ обращаетъ разбойника, въ которомъ бродятъ рыцарскія стремленія вмѣстѣ съ инстинктами хищника и крупнымъ честолюбіемъ, обращаетъ въ героя-бойца за независимость Сициліи. Онъ, подъ дамокловымъ мечемъ инквизиціи, распространяетъ идеи XVIII вѣка. Она пришла къ истинѣ мучительнымъ искусомъ. Изнасилованная знаменитымъ разбойникомъ Дестаторомъ, повѣнчанная съ нимъ и запертая въ тюрьму гордою родней за то, что не хотѣла блестящимъ бракомъ изгладить пятно въ глазахъ свѣта, она, путемъ мысли, неустанно работавшей среди мрака тюрьмы, изъ

непонимавшей жизни дѣвочки выросла въ женщину-проповѣдницу. «Я вынесла изъ тюрьмы одну страсть, говоритъ она.—Эта страсть сжигала меня, какъ лихорадка: то была жажда бороться за слабыхъ противъ притѣснителей». Старый другъ ея, живописецъ Анжело—сынъ народа; братъ его, монахъ Фра-Анжело, котораго ортодоксальные католики отлучили бы отъ церкви—безпощадный «justicier d'aventure», какъ онъ называетъ себя; сынъ ея отъ Дестатора, воспитанный, какъ сынъ ремесленника, видѣвшій «результатъ прекрасныхъ обѣщаній, данныхъ народу», слышавшій отъ буржуа, что «промышленность возвратитъ народу свободу», и искавшій напрасно людей, вмѣсто которыхъ «увидѣлъ машины», все это—поэтическія олицетворенія элементовъ эпохи борьбы. Тонъ романа уже не проникнутъ такъ сильно мистицизмомъ; но того требовала и самая форма романа. Сицилійскіе бароны, составлявшіе заговоры противъ кардиналовъ, не могли походить на мистиковъ-иллюминатовъ, порожденныхъ метафизической философіей и піэтизмомъ Германіи.

Романы «Орасъ», «Мельникъ Анжибо», «Пьеръ Гюгененъ», какъ у насъ былъ переведенъ романъ «Compagnons du Tour de France», были созданы эпохой отъ 30 до 48 г. Въ нихъ мы видимъ идеализованные образы бродившихъ общественныхъ слоевъ. Орасъ—представитель буржуазіи, талантливой, честолюбивой, у которой, подъ вліяніемъ идей XVIII в. и идей романтизма 30 г., былъ свой періодъ юности, поэзіи и бурь. Орасъ мечтаетъ о вулканической страсти и топчетъ въ грязь честную гризетку, беззавѣтно полюбившую его, потому что бѣдность и трудъ лишили ее изящества; онъ пустую интрижку съ бездушной свѣтской кокеткой раздуваетъ въ поэтическое чувство, потому что связь съ нею льстила его тщеславію, а, когда виконтесса выпроводила его, онъ мститъ ей, разглашая о связи, и зато оплевывается свѣтской молодежью. Гризетка сдѣлалась извѣстной актрисой; она замужемъ за честнымъ работникомъ, который былъ ея ангеломъ хранителемъ; Орасъ является мучать ее и, въ порывѣ ярости, хочетъ убить ее. Въ немъ смѣсь чувства и искренняго, и напускного, и онъ раздуваетъ его въ себѣ, чтобы увѣрить и себя, и еще болѣе другихъ, что онъ—человѣкъ, стоящій выше будничной толпы. Въ отношеніи къ общественному дѣлу, онъ оказывается такъ же плохъ, какъ и въ личныхъ отношеніяхъ. Онъ честолюбивъ, метитъ въ депутаты. Онъ—радикалъ, и ему нужна популярность. Но у него есть вѣрное политическое чутье: онъ видитъ, что отчаянная попытка фанатика Ларовиньера можетъ только повредить дѣлу. Но онъ не высказывается прямо противъ нея, изъ страха потерять популярность между рабочими и сту-

дентами. Болѣзнь матери выручаетъ его изъ неловкаго положенія, вызывая изъ Парижа, хотя какъ для человѣка, желавшаго играть роль въ политикѣ, такъ и для фанатика идеи, такой предлогъ увертываться въ минуту движенія—не оправданіе. Ларовиньеръ—этотъ ограниченный и честный фанатикъ—правъ, замѣчая ему, когда онъ, отчасти въ искреннемъ, отчасти въ напускномъ и красивомъ порывѣ отчаянія, говоритъ о самоубійствѣ: «Я не буду жалѣть васъ. Вы заслужили страданіе и не страдаете по заслугамъ. У васъ есть льстецы и сеиды, но я знаю чего они стóятъ. Будьте мужчиной и ступайте умирать на баррикадахъ».

Жоржъ-Зандъ въ концѣ романа представляетъ Ораса, отказавшимся отъ всѣхъ мечтаній о томъ, что онъ—герой, стоящій выше презрѣнной толпы, и зажившимъ жизнью простого, честнаго буржуа-либерала, и въ заключеніе говоритъ отъ себя: «Мы всѣ знали такой типъ со всѣми недостатками его и любили его». Орасъ былъ представителемъ молодой буржуазіи, кипѣвшей силами и стѣснявшей отжившую аристократію реставраціи. Она несла многое свѣжее на смѣну отжившаго, и симпатіи автора понятны въ то время. Она несла болѣе широкое пониманіе искуства, идеалы науки, свободы и равенства—включительно до капитала. Но, несмотря на умъ, талантъ и обаяніе, которое Орасъ имѣлъ, какъ всякая сила, онъ ниже простого честнаго рабочаго Арсѐна, прозваннаго Мазаччіо. Арсенъ идетъ въ дѣло, не думая ни о какой роли: братья идутъ, онъ идетъ за ними. Арсѐнъ не виноватъ, что онъ не понимаетъ политики и обманутъ фразами людей, которые, какъ Орасъ, съ эстетической точки зрѣнія, презираютъ его грязь, грубость и разсчетливость, не понимая, что для него лишняя копейка—такъ часто спасенье отъ голодной смерти. Арсѐнъ—идеальный представитель массы, которая бываетъ страшна въ своихъ волненіяхъ, прощаетъ великодушно и начинаетъ сознавать, что въ ней, а не въ Орасахъ, будущее цивилизаціи. «Народъ, говоритъ Жоржъ-Зандъ:—это—забытое страданіе, это—поруганная справедливость. Это—идея, если хотите, но это—единственная великая и истинная идея моего времени».

Тѣ же мотивы еще сильнѣе и ярче высказываются въ романахъ «Грѣхъ господина Антуана» и «Петръ Гюгененъ. Въ нихъ—тоже критическое отношеніе къ буржуазно-республиканскимъ идеямъ и тотъ-же идеалъ иныхъ лучшихъ временъ. Ни одна республиканская газета не захотѣла печатать «Грѣхъ господина Антуана», и Жоржъ-Зандъ отдала его въ «Эпоху», óрганъ орлеанской монархіи, который тогда считалъ теорію Жоржъ-Занда пустыми фантазіями и былъ радъ знаменитому имени. На всѣхъ улицахъ Парижа были прибиты объявленія: Lisez le péché de

M-r Antoine. Романъ поднялъ цѣлую бурю восторговъ съ одной стороны, брани и клеветъ—съ другой: и восторги, порожденные преувеличенными надеждами, и брань, и клеветы, вызванныя столько же преувеличеннымъ ужасомъ, не оправдались. Вліяніе романа оказалось далеко не такъ сильно, какъ ожидали всѣ стороны, подъ вліяніемъ общественнаго возбужденія. Масса народа не прочла «Грѣхъ г. Антуана», и Жоржъ-Зандъ разсказываетъ анекдотъ, какъ друзья ея въ Берри, гдѣ всѣ ее знали, для шутки опрашивали встрѣчныхъ крестьянъ: «Читали ли вы «Грѣхъ г. Антуана»? Весь Парижъ кричитъ о немъ». И крестьяне смотрѣли на нихъ, какъ на сумасшедшихъ. Въ этомъ романѣ характеры оригинальны, и появляется новый типъ, такъ метко названный у насъ «кающимся дворяниномъ». Типъ этотъ былъ созданъ во Франціи причинами если не тождественными, то аналогичными съ тѣми, которыя вызвали его у насъ. Кающійся дворянинъ носитъ всѣ признаки любимыхъ героевъ Жоржъ-Зандъ и людей поры романтизма. Онъ—человѣкъ, сердце котораго разбито обманомъ жены и друга; онъ проклялъ людей и заперся въ своемъ замкѣ. Тамъ наука, философія и думы надъ жизнью открыли ему глаза. Онъ увидѣлъ безплодность своей жизни, сожженной въ тоскѣ, и передъ смертью захотѣлъ жить, какъ братъ, между людьми. Онъ прощаетъ другу, съ которымъ ушла его жена, усыновляетъ дочь ея и передаетъ по завѣщанію все состояніе свое ея мужу, молодому человѣку, представителю идей Леру, съ тѣмъ, чтобы они основали земледѣльческую ассоціацію. Рядомъ съ кающимся Буагибо, представителемъ аристократіи, есть и другой дворянинъ, котораго собственно нельзя назвать кающимся, потому что онъ живетъ себѣ просто, непосредственно, безъ всякихъ теорій: онъ ведетъ жизнь кающагося дворянина на практикѣ, потому что такъ велѣла судьба и онъ подчинился ей съ безпечнымъ добродушіемъ. Онъ бѣденъ и не можетъ водить знакомство съ ровней. Онъ живетъ въ дружбѣ съ народомъ, который помогъ ему въ нуждѣ. Онъ непосредственно принялъ уроки жизни и сталъ братомъ тѣхъ, которые были ему братьями на дѣлѣ. Крестьяне сидятъ за его столомъ, какъ равные, и онъ у нихъ—тоже. Дочь его зоветъ выростившую ее вѣрную служанку матерью. Дочь, несмотря на пансіонское воспитаніе, не забыла первыхъ уроковъ сельской жизни. Она живетъ жизнью зажиточной крестьянки: хозяйничаетъ, прядетъ и не жалѣетъ объ искуственной жизни барышень. Господинъ Антуанъ былъ бы совершенно счастливъ, если бы ему не приходилось подчасъ тяжело вздохнуть, видя горе и бѣду своихъ друзей-крестьянъ и вспоминая прежнюю дружбу съ Буагибо.

Романъ этотъ и теперь, когда реализмъ такъ самонадѣянно поетъ отходную произведеніямъ такого рода, производитъ сильное впечатлѣніе. Мирная идиллія крестьянской жизни дворянина, который каялся, самъ того не зная, такъ обаятельна; пламенныя мечты молодого энтузіаста, котораго отецъ его, энергическій спекуляторъ и неумолимый деспотъ, подкупаетъ любовью на ренегатство и который находитъ отца и учителя въ старомъ кающемся дворянинѣ Буагибо; долгіе разговоры обоихъ друзей, въ которыхъ они обсуждаютъ вопросы о цѣляхъ жизни и судьбахъ народа—все проникнуто такимъ огнемъ и поэзіей, что, читая, невольно забываешь, что все это—прекрасные сны поэта-художника, а не дѣйствительность.

Кающійся дворянинъ встрѣчается и въ другихъ второстепенныхъ романахъ Жоржъ-Занда, когда она выбирала тэмой историческія эпохи, аналогичныя съ пережитой ею Sturm und Drang Periode. Въ романѣ «L'homme de neige», гдѣ потомокъ древняго аристократическаго рода Швеціи, спасенный отъ смерти преданными слугами и воспитанный бѣдняками, въ концѣ вступаетъ въ свои правà и примыкаетъ къ горсти лучшихъ людей Швеціи, несшихъ идеи свободы; въ романѣ «Красавцы Буа-Дорэ», герой, полупомѣшанный старикъ, бредившій былыми побѣдами надъ женскими сердцами и Астреей и, несмотря на свою причудь, въ каждомъ важномъ шагѣ жизни умѣвшій быть и честнымъ, и разумнымъ, порвалъ съ многими предразсудками своего времени, видитъ въ крестьянахъ своихъ людей, а не вьючный скотъ. И Буа-Дорэ, и племянникъ, спасенный отъ гибели въ L'homme de neige — эмбріоны типа кающагося дворянина XIX вѣка. Первый созданъ идеями XVIII вѣка, броженіе которыхъ въ шведскомъ обществѣ, вмѣстѣ съ технически-суровыми преданіями о свободѣ въ народѣ Далекарліи, послужило мотивомъ роману; второй—волненіями гугенотовъ и ларошельской войной—эпохой во Франціи, когда поднялось и было задавлено много живыхъ силъ.

Романъ «Compagnons du Tour de France» былъ признанъ не художественнымъ, и дѣйствительно въ немъ скорѣе слышится страстное слово человѣка, передающаго другимъ такъ жадно жданную истину, которую онъ узналъ, нежели художникъ, воспроизводящій тѣ стороны жизни, которыя, по сродству съ природой его, всего болѣе владѣютъ его фантазіей. Идею романа подала автору книга одного рабочаго о цѣховыхъ союзахъ. Авторъ книги имѣлъ цѣлью разрозненные и враждебные другъ другу союзы сплотить въ дружную ассоціацію. Герой романа—Мессія цѣховыхъ союзовъ. Онъ силенъ по характеру и по уму.

Онъ самъ образовалъ себя и имѣетъ сильное вліяніе на умы товарищей. Онъ живетъ въ тяжелое время. Двадцатые годы во Франціи были годами разложенія. Пьеръ Гюгененъ видитъ, съ одной стороны, честолюбивую буржуазную молодежь, которая рвется пробить себѣ дорогу и стать на мѣсто и старой, и новой аристократіи, продавшихъ Наполеона; съ другой — народъ, городовой пролетаріатъ, крупная часть котораго видитъ дѣло въ цѣховыхъ стазахъ, основанныхъ на мистической подкладкѣ преемственности отъ строителей Соломонова Храма. Онъ говоритъ вербующему его въ тайный союзъ представителю революціонной буржуазіи: «Вы не жили нашею жизнью; вы не наболѣли нашими ранами; вы—тоже іезуиты, всегда даете обѣщанія, которыя не въ силахъ сдержать. Въ васъ однѣ политическія идеи, а не нравственные идеалы. Потомъ вы идете насъ узнавать, а, когда насъ узнаете, увидя грубость, вы уходите съ отвращеніемъ и говорите: «Я видѣлъ народъ. Онъ—животное грубое; нужны цѣлые вѣка выучить его, чтобы онъ сталъ способнымъ управлять собой. Горе кто спуститъ съ цѣпи дикаго звѣря!» Когда вамъ надо говорить красивыя фразы на трибунѣ, то народъ—здоровая честная, работящая часть населенія, уважающая права̀ другихъ и стремящаяся пріобрѣсти эти права̀ не насиліемъ и анархіей, а трудолюбіемъ и прилежаніемъ, способностью къ образованію и уваженіемъ къ законамъ страны. Это—воскресное платье, въ которомъ вы показываете народъ. Но когда вы видите засаленное платье, которое работникъ носитъ всю недѣлю, но страшныя раны его, позорныя болѣзни и насѣкомыя, заѣдающія его, глубокое негодованіе его, когда онъ доведенъ до отчаянія, справедливыя угрозы его, когда онъ обманутъ и затоптанъ ногами, ужасный бредъ его, когда сожалѣніе о вчерашнемъ и ужасъ завтрашняго дня заставляютъ его пить, какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ, «забвеніе страданій», когда вы видите его такимъ—вы стыдитесь оправдывать его и умываете руки. А я—братъ и тому опрятному работнику, который работаетъ въ вашихъ жилищахъ, и тому, который, покрытый лохмотьями, дико реветъ у вашего порога. Вы ничего не сдѣлали вашими перемѣнами кокарды». Но что̀ скажетъ онъ братьямъ своимъ? Пьеръ Гюгененъ указываетъ на гибель вражды, на кровную необходимость сплоченія. Но, сплотившись, что̀ они будутъ дѣлать? Пьеръ самъ мучительно ищетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Случай сводитъ его съ старымъ графомъ Вильнёвъ, философомъ-соціалистомъ въ теоріи, на манеръ того, какъ Фридрихъ II былъ философомъ-либераломъ. Старый графъ—ученикъ Руссо и Вольтера. Онъ хорошо понимаетъ, въ чемъ лекарство отъ болѣзней вѣка,

и иронически относится къ карбонаріямъ-буржуа. Онъ интересуется Пьеромъ Гюгененомъ, какъ любитель музыки заинтересовался бы виртуозомъ; старый графъ не любилъ никогда грубыхъ наслажденій, а только эстетическія. Когда Пьеръ Гюгененъ, съ неумолимой логикой человѣка, который ищетъ истину, спрашиваетъ графа: «Чтò же дѣлать? Мнѣ говорятъ: работайте и богатѣйте. Но я не могу жить, кàкъ вы живете, зная то, что знаете, и видя страшную пропасть?» Графъ отвѣчаетъ: «Мудрость жизни — восхищаться тѣмъ, чтò вы говорите, и переносить то, что творится на землѣ».—«Дà, покориться общему несчастію, горько возражаетъ Пьеръ: — переносить безропотно иго, гнетущее невинныя головы, смотрѣть спокойно на то, кàкъ идетъ міръ, не пытаясь открыть другую истину, другой порядокъ, другую нравственность». И Пьеръ отворачивается отъ сильнаго и мудраго міра, который прячетъ свѣтильникъ подъ спудомъ, потому что свѣтъ его привлекъ бы незваныхъ гостей, а мудрому изъ сильныхъ міра нужно спокойствіе, чтобы любоваться одному свѣтомъ своего свѣтильника. Не въ нихъ сила, говоритъ Жоржъ-Зандъ своими романами.

Она искала этой великой спасающей силы, она мучительно звала ее. Она съ восторгомъ привѣтствовала эпоху, когда всѣ ждали явленія ея а, когда надежды на спасеніе были обмануты, она оплакала ихъ жаркими, изъ сердца вылившимися, строками. Послѣ героевъ, мучительно искавшихъ истины, послѣ героевъ, которые, полные вѣры, шли сложить свои головы на баррикадахъ, или мессій, которые, не вѣря въ буржуазныя баррикады, учили народъ братскому единенію, какъ Пьеръ Гюгененъ, явились герои романовъ эпохи затишья, утомленія и реакціи. Они не были героями. Въ нихъ нѣтъ ни инищіативы, ни страстныхъ порывовъ, которые били могучимъ ключемъ въ прежнихъ романахъ. Время создало другой складъ людей. Теперь уже задача была не въ томъ, чтобы взять что-нибудь у жизни; нужно было устоять на ногахъ подъ напоромъ отхлынувшей назадъ волны, нужно было найти силы не упасть въ вонючій илъ, который она оставила за собой. И создалось вялое поколѣніе, лучшимъ людямъ котораго было подъ силу только добиться честной независимости и зажить въ своемъ тѣсномъ углу, не мирясь со зломъ, но и не вступая съ нимъ въ борьбу.

Такой герой—Вальрèгъ изъ романа «Даніелла». Онъ—небогатый юноша, воспитанный идеальнымъ священникомъ и отправившійся проложить себѣ дорогу въ Парижъ. У него есть кое-какія литературныя способности, кое-какія крохи наслѣдства. Онъ можетъ пробить себѣ дорогу въ міръ наживы, но для этого надо

засушить себя и въ двадцать лѣтъ дрожать надъ каждымъ грошомъ, быть счетоводной машиной, не знать праздника жизни и заморить въ груди сердце, которое отзывается на всякое страданіе брата. Не выберетъ онъ этотъ путь, вѣрно намѣченный съ блестящей перспективой, быть можетъ, сотень тысячъ при лысинѣ и параличѣ—его ждетъ жизнь богѣмы, когда будутъ проѣдены кроки, на выработку таланта, который можетъ обмануть. Вальрѐгъ поддается унынію. Ему надо учиться, и онъ готовъ сложить руки. У него есть другъ старикъ, товарищъ людей періода бурь и стремленій, который указываетъ ему путь и упрекаетъ за вялость и равнодушіе «за это самоубійство души по трусости и безпечности». «Вамъ хорошо говорить, отвѣчаетъ Вальрѐгъ:—вы не были жертвою ранняго разочарованія. Вы принадлежите поколѣнію, созрѣвшему подъ дуновеніемъ великихъ идей. Когда вы были моихъ лѣтъ, вы жили подъ вѣяніемъ идей великой будущности общества, вы жили снами о близкомъ и быстромъ прогрессѣ. Ваши идеи были задавлены, гонимы, надежды были разбиты, но онѣ не были вытравлены въ вашей груди. Вы привыкли ждать и надѣяться. Вы, пятидесятилѣтніе, счастливѣе насъ. Но мы—двадцатилѣтнія дѣти! Нашъ умъ началъ расправлять крылья, когда сіяло солнце республики; солнце скрылось — и крылья наши опали. Мы росли, видя кругомъ измѣны. Намъ натвердили: прошлое не существуетъ, человѣкъ созрѣлъ для прекраснаго сна; свобода—болѣе не пустое слово, и каждый человѣкъ тебѣ братъ. И что же мы увидѣли? Теперь я вступаю въ общество, быстро измѣненное непредвидѣнными событіями, въ общество, которое толкаетъ впередъ съ одной стороны, толкаетъ назадъ—съ другой, которое въ схваткѣ съ обольщеніями, съ мыслію—загадачной во многихъ отношеніяхъ, какъ всегда будетъ загадочна индивидуальная мысль, навязанная массамъ. Я ищу себѣ нравственное положеніе въ жизни и не нахожу ничего, не нахожу своего мѣста въ новыхъ интересахъ, приковавшихъ вниманіе и волю людей моего времени. Люди теперь не способны говорить ни о чемъ, кромѣ матеріальныхъ интересовъ, и это не одного страха ради полиціи».

Вальрѐгъ изъ людей толпы; они—ничто безъ вождя и знамени; онъ попадаетъ въ свалку разнузданныхъ, алчныхъ инстинктовъ, когда надѣялся примкнуть къ строю подъ знамя, въ религіозной преданности къ которому выросъ. Онъ видитъ алчно терзающую другъ друга толпу людей наживы, или скаредно пріумножающихъ гроши, или швыряющихъ на грубыя потѣхи накопленное. И, въ сторонѣ отъ свалки этой массы, онъ видитъ двухъ-трехъ ветерановъ, которые упрекаютъ его въ слабости и

малодушіи. Трудно вѣрить въ человѣчество, когда все, что есть въ немъ святого, уцѣлѣетъ въ двухъ-трехъ ветеранахъ, которыхъ не сегодня-такъ завтра унесетъ смерть.

Вальрѣгу вѣру въ людей и силы работать даетъ любовь итальянской крестьянки, идеальной Даніэллы. Эта Даніэлла—самородокъ. Она—нетолько героиня любви (героизмъ такого рода—не рѣдкость въ женщинахъ), но она, необразованная и полуграмотная, способна понимать все великое и прекрасное жизни. Она является Вальрѣгу порукой лучшаго будущаго.

Въ такія эпохи, для людей, неспобныхъ пристать къ безобразной свалкѣ, возможна жизнь или съ перомъ въ рукѣ, въ тиши кабинета, готовя слово, которое указало бы путь для грядущихъ поколѣній, или, если оно не можетъ раздаться такъ далеко, то хоть бы напомнило современникамъ о забытой и поруганной истинѣ, или—жизнь въ тѣсномъ кругу, въ тиши деревни, устроивая быть горсти людей, если есть на то средства. Жизнь возможна только для тѣхъ, кому судьба дала или талантъ, великъ онъ или малъ, или состояніе. Жоржъ-Зандъ, по необходимости, должна была создавать такихъ людей, когда хотѣла чертить свою идеальную жизнь. Къ этому разряду принадлежатъ романы «Маркизъ Вильмеръ» и «Мадмуазель Мерекемъ».

Маркизъ Вильмеръ, по завязкѣ—исторія простая. Сынъ знатной барыни влюбляется въ компаньйонку матери, бѣдную дворянку, и, послѣ разныхъ препятствій, романъ оканчивается бракомъ. Эту простую канву фантазія художника заткала богатыми мотивами. Замѣчателенъ, по концепціи, характеръ самаго Вильмера—писателя-мыслителя, и Каролины—героини романа. Вильмеръ—писатель-историкъ. Онъ—здоровый геній, который еще не нашелъ своего слова и ждалъ своего кризиса развитія. Онъ мыслилъ и писалъ быстро, но совѣсть философа и моралиста создавала для пыла историка-энтузіаста препятствія, вѣчно возрождавшіяся. Онъ былъ жертвою сомнѣній, какъ нѣкоторые богомолы искреннiе, но больные, которые вѣчно воображаютъ, что не сказали всей истины духовнику. Онъ хотѣлъ обратить все общество къ исповѣданію соціальной истины и не допускалъ, насколько то было нужно, что бóльшая часть того, что въ этой наукѣ есть истиннаго и реальнаго—относительно. Онъ не могъ примириться съ этимъ. Онъ хотѣлъ открыть смыслъ фактовъ, погребенныхъ въ тайникахъ прошлаго, и удивлялся, когда онъ, съ трудомъ схвативъ нѣсколько признаковъ ихъ, что нашелъ какъ часто они противорѣчатъ другъ другу; тогда онъ тревожился и не вѣрилъ собственному пониманію или собственной неподкупности мысли и на цѣлые мѣсяцы оставлялъ работу.

Вліяніе Каролины заставило его докончить трудъ. Умъ ея не былъ творческимъ умомъ, но аналитическимъ, и Вильмеру нуженъ былъ именно союзъ съ такимъ умомъ, чтобы окончить работу. Они оба—созданія, любимыя художникомъ. Онъ съ отрадой останавливается на нихъ, набросавъ очеркъ общества, среди котораго они живутъ. Въ обществѣ этомъ, «съ извѣстными манерами и видомъ неопредѣленнаго превосходства, можно быть до послѣдней возможности ничтожнымъ. Теперь нѣтъ убѣжденій ни въ чемъ, жалуются на все и не знаютъ средства помочь ничему. Говорятъ дурно обо всемъ мірѣ и, несмотря на то въ хорошихъ отношеніяхъ съ цѣлымъ міромъ. Нѣтъ болѣе негодованія, есть только злословіе. Безпрестанно предсказываютъ самыя страшныя катастрофы и живутъ, какъ будто наслаждаются полнѣйшей безопасностью. Наконецъ, всѣ пусты и безсодержательны, какъ неувѣренность, какъ безсиліе». Въ такомъ же обществѣ работаетъ и героиня романа «M—lle Merquem». Это—дѣвушка энергическая, геройская натура. Красавица и богатая, она до тридцати лѣтъ дожила безъ любви, опираясь только на самое себя. Зàмокъ ея—оазисъ въ пустынѣ. Въ немъ вся интеллигенція òкруга; въ немъ только услышишь слово мысли, въ немъ одномъ, когда все сосѣдство кругомъ занято своими мелкими интересами, напоминаютъ, что внѣ общественныхъ интересовъ нѣтъ жизни. Героиня выросла въ товарищескихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ крестьянамъ. Дѣдъ ея, отставной адмиралъ, устроилъ ихъ бытъ; нищета и эксплуатація неизвѣстны на его земляхъ. Онъ сдѣлалъ попытку цивилизовать ихъ, и въ зàмкѣ читаются лекціи научно-популярныя, въ которыхъ принимаетъ участіе и сама героиня. Крестьяне—моряки; у нихъ есть клубъ для спасенія погибающихъ, и сама дѣвица Меркемъ не разъ въ бурю пускается въ море, съ горстью преданныхъ крестьянъ, спасать утопающихъ.

Впрочемъ, въ романѣ этомъ главный мотивъ—любовь. Авторъ мастерски выполнилъ трудную психологическую задачу—описать развитіе чувства въ дѣвушкѣ тридцати лѣтъ, никогда не любившей. Героиня горда. Она не хочетъ повторить въ своей любви пошлость семейной жизни; она не хочетъ быть игрушкой. Темпераментъ ея спокойный, цѣль жизни есть. Она встрѣчаетъ, наконецъ, человѣка, который понимаетъ ее и будетъ съ нею продолжать дѣло ея. «Я принимаю любовь, не какъ заблужденіе и слабость, но какъ мудрость и силу», говоритъ она.

Оба послѣдніе романа относятся Тэномъ къ спокойнымъ и наиболѣе художественнымъ созданіямъ Жоржъ-Занда. Дѣйствительно, въ нихъ нѣтъ длинныхъ и краснорѣчивыхъ раз-

сужденій «Грѣха г. Антуана» и «Мельника Анжибо»; но мотивы, создавшіе героевъ—тѣ же. Мы видимъ ту же соціальную струю. Она не бьетъ черезъ край, какъ въ первыхъ романахъ, но течетъ ровно и глубоко. Для Жоржъ-Зандъ нѣтъ героевъ, которые не были бы крещены этой струей. У нея есть еще другой рядъ романовъ, гдѣ герои—артисты, музыканты. Но и въ нихъ она олицетворяетъ другую сторону соціальной задачи. Всѣ герои этихъ романовъ видятъ въ искуствѣ — святыню; артисты, которые не видятъ этого — не артисты, а ремесленники-шарлатаны, и, несмотря на успѣхъ, который они встрѣчаютъ въ невѣжественной публикѣ, имъ никогда не знать минуты того полнаго торжества, когда артистъ овладѣваетъ публикой. Такія минуты выпадаютъ только на долю такихъ артистовъ, которые въ искуствѣ видятъ средство пробуждать въ толпѣ великіе идеалы. Жоржъ-Зандъ сама въ искуствѣ видѣла служеніе идеалу. Она не понимала искуства для искуства. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ она говоритъ: что̀ хорошо—полезно. Но пользу она понимала широко: какъ забвеніе мелкихъ будничныхъ дрязгъ, какъ служеніе идеалу прекраснаго и великаго. Она не понимала прекраснаго an und für sich, какъ эстетики; въ прекрасномъ для нея должна воплотиться идея. Идея, которой она служила—идея нравственнаго совершенствованія, идея соціальнаго развитія. Въ романахъ своихъ изъ жизни артистовъ: «Pierre qui roule», «Le beau Laurence», «La derniére Aldini», идея искуства, какъ свѣточа жизни, торжествуетъ надъ предразсудками свѣта, надъ мрачнымъ изувѣрствомъ, надъ своекорыстными разсчетами. Артисты ея, какъ содержатель кочующей трупы и талантливый актеръ Беллмаръ, горько сознаютъ свою зависимость отъ грубыхъ вкусовъ толпы; они считаютъ роль потѣшниковъ ея унизительной. Нищета заставляетъ ихъ порой спускаться до этой роли, и они за то платятся минутами гнетущаго отвращенія къ жизни. Судьба улыбается имъ, и съ какимъ ликованіемъ они говорятъ: Публика, мы—не рабы твои болѣе. Мы—учители твои.

VIII

Жоржъ-Зандъ въ народѣ искала тѣхъ же идеальныхъ характеровъ. И въ сельскихъ романахъ, и въ соціальныхъ, гдѣ являются герои изъ народа, они—не люди массы, а натуры исключительныя, по силѣ чувства, по нравственному чутью, по таланту и по инстинктамъ апостольства, по стремленію къ наукѣ, которые то смутно бродятъ въ нихъ, то выясняются въ сознаніи своихъ правъ на иную жизнь. Жоржъ-Зандъ трезво смотрѣла на

народъ и потому относилась равнодушно къ политикамъ, которые сводятъ все на перемѣну кокарды. «Нужно признать, говоритъ она:—что человѣкъ деревни долженъ пережить великія превращенія для того, чтобы сдѣлаться способнымъ понимать блага новой религіи и новаго общества; но не знаютъ того, что природа во всѣ времена производитъ въ средѣ этой существа, которымъ нѣчему учиться, потому что прекрасное, что идеалъ живетъ въ нихъ, и имъ не нужно развиваться, чтобы быть прямыми дѣтьми Бога, святилищами справедливости, разума, любви и искренности: они готовы для идеальнаго общества, которое уже заявляетъ о себѣ».

Въ массѣ народа мы видимъ Бриколена, разжившагося кулака, который довелъ одну дочь до помѣшательства и хочетъ сгубить и другую ради денегъ; и мужа Атенаисы, который всаживаетъ вилы въ грудь соперника; мы видимъ и скаредное дрожаніе надъ грошами, и безчеловѣчное затаптываніе всего, что стоитъ на дорогѣ, и животныя страсти, и самое мрачное изувѣрство объ руку съ грубымъ невѣжествомъ, и порой мошенничествомъ, какъ знахарка, тётка маленькой Фадетты, или любовница мужа Мадлены въ «Франсуа-Найденышѣ». Эта масса—темный фонъ, на которомъ выступаютъ свѣтлые образы идеальныхъ представителей народа. Въ Мопрà крестьянинъ-старикъ съ оригинальнымъ прозвищемъ Patience. Старикъ обладаетъ умомъ философскимъ. Онъ—олицетвореніе народной совѣсти, возмущенной противъ лжеидеализма. Въ немъ дикая вражда живетъ рядомъ съ теплой любовью. Пасьянсъ, въ своемъ уединеніи, живетъ, допрашивая у природы отвѣтъ на свои горькія думы о жизни, о несправедливости людской. Онъ ушелъ въ свою пустыню, чтобы не «работать, какъ вьючный скотъ» на другихъ. Пасьянсъ—граматный, и онъ изъ прочитанныхъ классиковъ и думъ, навѣянныхъ природой, сложилъ свое міросозерцаніе. То было ученіе Руссо, до котораго додумался умъ-самородокъ философа изъ народа. Пасьянсъ, въ думахъ своихъ, видитъ гибель феодальнаго міра и торжество новаго; а въ ожиданіи этого времени, Пасьянсъ—защитникъ и спаситель своихъ братьевъ.

И въ этомъ романѣ, какъ во многихъ другихъ, женщина подаетъ руку народу. Эдмея, поклонница Руссо, находитъ слово для многого, что смутно томило бѣднаго Пасьянса. Трогательная дружба между старымъ крестьяниномъ и молодой дѣвушкой, которые наболѣли злобой дня и вмѣстѣ ищутъ спасенія, создала однѣ изъ лучшихъ страницъ, написанныхъ Жоржъ-Зандомъ. Сродни Пасьянсу и рабочій-поэтъ изъ «Compagnon du Tour de France». Внутренній голосъ твердилъ ему: иди впередъ, работай,

думай, ищи. Ты долженъ знать и учить. А судьба приковала его къ вьючному труду; потомъ отняла у него и кусокъ хлѣба. Ему оторвало ноги машиной. Союзъ кормитъ его, а онъ служитъ братьямъ своимъ пѣснью. Пѣсня эта была создана горькой жизнью, сознаніемъ задавленныхъ силъ: она была плодомъ мысли, искавшей свѣта, чувства, наболѣвшаго за себя и за братьевъ. «Молодость прошла въ каторгѣ труда, поетъ старикъ рабочій:—я сжегъ счастливую пору жизни въ мечтахъ и наукѣ». И въ то же время пѣснь его—мощный призывъ труду: въ трудѣ—освобожденіе, въ трудѣ—достоинство работника; онъ—не трутень, не паразитъ, высасывающій чужіе соки; онъ не бѣгаетъ труда, онъ хочетъ только, чтобы трудъ не превращалъ его въ машину. Сродни этому поэту и другой поэтъ-работникъ Одебертъ, изъ романа «Черный городъ». Натура его помельче, онъ не имѣетъ того обаянія, которое имѣетъ безногій поэтъ изъ «Compagnons du Tour de France». Старый Одебертъ тщеславенъ; у него есть и свои комическія стороны, потому что онъ—отчасти непризнанный геній. Талантъ его не отвѣчаетъ честолюбію. Одебертъ мечтаетъ быть общественнымъ реформаторомъ и можетъ только указать на зло, но не на выходъ. Онъ несетъ свои планы на судъ старшей знающей братьѣ и видитъ, что онъ въ положеніи человѣка, открывающаго во второй разъ Америку. Онъ ждетъ отъ нея указанія—ему отвѣчаютъ: «еще не открыто средство помощи». Старый Одебертъ могъ скопить деньгу — холера унесла всю семью. Онъ устроиваетъ маленькую фабрику на артельныхъ началахъ. Онъ ждетъ сочувствія общества—его надуваютъ купцы, какъ поставщики сырья, такъ и покупатели его товара. Маленькая фабрика задавлена большими. Одеберту грозитъ несостоятельность, и онъ, написавъ на стѣнѣ свои послѣднія мысли, накидываетъ себѣ петлю на шею. Передъ смертью онъ особенно заботится о своемъ правописаніи. Его спасаетъ рабочій, который мечтаетъ разжиться, и покупаетъ его фабрику, и Одебертъ доживаетъ свой вѣкъ полупомѣшаннымъ поэтомъ.

Семо-Шпагъ, работникъ, купившій фабрику. Онъ молодъ, честолюбивъ. Но положеніе его не даетъ здоровой цѣли честолюбію. Онъ не хочетъ работать въ мастерскихъ: она притупляетъ умъ человѣка. Онъ любитъ честную дѣвушку, боится любви; онъ видѣлъ такъ много примѣровъ, какъ нищета превращала жену работника изъ цвѣтущей красавицы, изъ любящей женщины въ безобразную, высохшую мумію, въ мегеру, проклинающую и мужа, и дѣтей. Послѣ нѣсколькихъ годовъ скитаній, онъ научается понимать, что честолюбіе его узко, что безумно, ради жажды богатства и блеска, давить въ себѣ человѣчныя чувства. Онъ признаётъ му-

дрость доброй простой женщины, тетки Лаврентіи, которая учила: «Рабочему разжива — несчастье. Чтобы разжиться, нужно отрывать по куску сердца и на каждый прибавлять по золотому въ карманъ. Мужъ мой копилъ, говоря: поживемъ, всю жизнь копилъ, и сердце его засохло, и онъ сталъ драться, и мы не были счастливы». Судьба улыбается раскаявшемуся честолюбцу. Онъ становится собственникомъ фабрики, которую поведетъ не эксплуататорскимъ путемъ.

Мельникъ Анжибо и старый рабочій Жанъ изъ романа «Грѣхъ г. Антуана», типичны, какъ олицетвореніе силы народа, сознанія созрѣвшаго въ немъ чувства равенства и отношенія его къ высшимъ классамъ. Мельникъ Анжибо—не революціонеръ. Онъ честный работникъ; онъ хочетъ жить въ своемъ углу и проситъ одного, чтобы ему не мѣшали жить. Онъ—не демагогъ и не кричитъ: à bas les aristos. Онъ проученъ примѣрами того, къ чему привели эти крики. Онъ много думалъ и понялъ, что за одними «aristos» придутъ другіе. Но онъ не пойдетъ кланяться врагамъ. Онъ—не Бриколенъ, который за деньги побратается съ кѣмъ угодно, полѣзетъ въ самую мутящую душу грязь. Мельникъ Анжибо тогда только протянетъ руку людямъ не изъ народа, когда увидитъ, что они ему—свои. Рѣчь его мѣтка и полна юмора, и здоровая философія природы, навѣянная жизнью среди полей—послѣдняя школа, которую проходитъ героиня романа Марселла. Уроки этой школы вытравляютъ изъ нея послѣдніе слѣды идей стараго міра, и свѣтская барыня мужественно встрѣчаетъ раззореніе и становится работницей. Мельникъ ясно понимаетъ время, въ которое онъ живетъ; онъ—созданіе переходной эпохи, онъ видитъ силу, зрѣющую въ народѣ, и безсиліе мудрецовъ міра. Онъ говоритъ: «мы живемъ въ то время, когда обязанности сталкиваются, когда вмѣстѣ съ образованіемъ нѣтъ силы ума и съ силой ума нѣтъ образованія». Мельникъ ждетъ всего отъ будущаго, сознавая, что въ настоящемъ ему одно дѣло—работать и не гнуть спины передъ aristos.

У Жоржъ-Зандъ есть и другой характеръ народный, характеръ озлобленія и разрыва съ обществомъ: это—старый Жанъ, браконьеръ въ романѣ «Грѣхъ г. Антуана». Старый Жанъ—неутомимый работникъ. Онъ помогъ рабочимъ врага своего фабриканта Кордонне ради того, чтобы показать, какъ «люди работаютъ». Жанъ честенъ, гордится тѣмъ, что чужою копейкой не жилъ, и живетъ браконьерствомъ, чтобы не платить пеню, законности которой не признаетъ. Онъ ненавидитъ фабриканта Кордонне, несмотря на высокую плату, которую ловкій спекуляторъ даетъ рабочимъ. Жанъ чуетъ въ немъ врага, который

убьетъ мелкую промышленность и закабалитъ рабочаго. Зато старый Жанъ—крѣпкій другъ сыну его Эмилю. Эмиль—свой человѣкъ народу и не пойдетъ по пути отца. Жанъ, который предпочитаетъ выгодной работѣ у Кордонне, скитаться по лѣсу, какъ дикій звѣрь, пойдетъ работать къ Эмилю. Въ старомъ Жанѣ Жоржъ-Зандъ показываетъ и вражду настоящаго, и будущее примиреніе народа съ старшей братіей. Замѣчательна, по глубинѣ психологическаго анализа, сцена, когда маркизъ Буагибо и Жанъ подаютъ другъ другу руку. Покаявшемуся дворянину нуженъ еще искусъ практической жизни, чтобы идеалъ братства, до котораго онъ додумался въ своемъ уединеніи, сталъ для него не мертвой теоріей. Въѣвшіяся въ плоть и кровь привычки барства всплываютъ при первомъ столкновеніи съ народомъ. Буагибо и Жанъ встрѣчаются врагами и расходятся братьями. Простой здоровый смыслъ народа учитъ кающагося дворянина мудрости. И Жанъ, и Буагибо были обмануты женами. Обоимъ жены измѣнили для ихъ лучшихъ друзей. Жанъ сначала поколотилъ жену и ушелъ; потомъ затосковалъ, вернулся и полюбилъ сына ея, какъ своего. Маркизъ цѣлую жизнь не могъ забыть оскорбленія; къ жгучему сознанію несчастія, обмана, измѣны самыхъ дорогихъ людей ему въ мірѣ примѣшивалось и отравленное сознаніе пятна на благородномъ гербѣ. Примиреніе сошло къ нему вмѣстѣ съ пониманіемъ братства, и народъ научилъ его примиренію.

Образованіе пришло къ немногимъ изъ дѣтей народа, и создался характеръ лишняго человѣка, которымъ отмѣчены переходныя эпохи. Это—Бенедиктъ въ романѣ «Валентина». Бенедиктъ обрисованъ нѣсколько блѣдно, и можно только догадываться, что въ немъ есть силы для лучшаго болѣе по любви къ нему Луизы, нежели по чертамъ, которыя ему придалъ авторъ. Луиза—сильная недюжинная натура. Обольщенная дѣвушка, выгнанная мачихой, трудомъ подняла ребенка. Она видитъ въ Бенедиктѣ силу, которая должна пробиться и быть полезной. Она упрекаетъ, его зачѣмъ онъ тратится на безплодныя мечты, говоритъ ему о долгѣ гражданина. «Приносить пользу обществу? горько отвѣчаетъ Бенедиктъ:—я понимаю это слово у народовъ новыхъ и свободныхъ. А у насъ, гдѣ для обработки земли недостаетъ рукъ, а на всѣ профессіи громадная конкурренція; гдѣ вся эссенція страны собрана вокругъ дворцовъ, ползаетъ передъ богачами и лижетъ слѣды ихъ; гдѣ капиталы сосредочены въ рукахъ немногихъ и служатъ приманкой для алчности, притѣсненія и надувательства—въ такой странѣ человѣкъ не можетъ быть гражданиномъ». У Бенедикта нѣтъ силъ пахать зем-

лю. Поэтическіе инстинкты возмущены міромъ кулачества разжившихся крестьянъ, которые лѣзутъ въ баре. Онъ не можетъ пристать къ нему. Въ другомъ мірѣ ему нужно пристать къ свалкѣ алчныхъ интересовъ. Бенедиктъ умираетъ молодымъ, но, еслибы онъ прожилъ вѣкъ у Одеберта, то и тогда бы былъ лишнимъ человѣкомъ. Къ нему несправедливо отнестись съ суровымъ укоромъ, какъ и къ другимъ лишнимъ людямъ. Бенедиктъ—не изъ тѣхъ крупныхъ, талантливыхъ личностей, которыя могутъ пробить себѣ дорогу къ какой нибудь профессіи сквозь стѣну, поставленную между нимъ и этими профессіями. Люди другого міра, гораздо неспособнѣе его, идутъ проторенньмъ путемъ. Судьба проторила для него одинъ путь—зажить богатымъ крестьяниномъ-кулакомъ. Зачѣмъ же онъ не шелъ путемъ Пьера Гюгенена? Но много ли родится людей съ инстинктами мессій, какъ Пьеръ Гюгененъ? Бенедиктъ типъ человѣка, отставшаго отъ маленькихъ и не приставшаго къ большимъ. Въ эпохи движеній они у мѣста. Они идутъ за большими, которые ихъ поведутъ. Но, въ эпохи застоя, они оказываются лишними людьми. Жить жизнью маленькихъ они не могутъ; та, въ которой они нашли бы мѣсто, не сложилась. Положеніе трагическое, и выходятъ люди съ наболѣвшей душой, люди, которые смотрятъ на жизнь людей съ ироніей Бенедикта. Жоржъ-Зандъ сама вѣрно понимала этотъ характеръ лишняго человѣка и опредѣлила его словами, которыми Пьеръ Гюгененъ доказываетъ Аморі—работнику и талантливому скульптору, такому же больному переходной эпохи, какъ и Бенедиктъ, всю неразумность отчаянія: «Насъ такъ долго пріучали судить о томъ, что̀ должно быть, по тому, что̀ дѣлается; о томъ, что возможно, по тому, что̀ существуетъ, что мы каждую минуту впадаемъ въ уныніе, видя, какъ настоящее разбиваетъ всѣ наши надежды. Это оттого, что мы не понимаемъ хорошо законовъ жизни человѣчества. Мы должны изучать общество, какъ мы изучаемъ человѣка въ его развитіи физіологическомъ и нравственномъ. Итакъ, вопли отчаянія, отсутствіе разума, разнузданность инстинктовъ, ненависть узды и правилъ—все, что̀ характиризуетъ юношество человѣка, все это—только кризисы тяжелые и неизбѣжные, но необходимые, черезъ которые нужно пройти къ зрѣлости того зародыша, который ростетъ въ человѣчествѣ».

Жоржъ-Зандъ вездѣ, гдѣ только являются герои изъ народа, указываетъ на здоровыя силы, которыя живутъ въ немъ, несмотря на вѣковую порчу. Возьмите суевѣрнаго, суроваго стараго крестьянина-далекарлійца, въ которомъ живы сознаніе независимости и гордость честью семьи контрабандистовъ изъ «Пиччинино»,

съ ихъ безпощадной местью и братствомъ крѣпкимъ до смерти; дезертира Карла изъ «Консуэло» съ его неподкупной вѣрностью и готовностью идти на смерть. И въ самыхъ испорченныхъ натурахъ она видитъ человѣческую искру. Порча народа—не разложеніе; она—налётъ, который спадетъ отъ времени. Въ немъ и подъ порчей уцѣлѣло сознаніе своего достоинства и чувство чести. Въ небольшой повѣсти «Франсіа» мы видимъ и французскую аристократію, и народъ, встрѣчающихъ войска священнаго союза, вступающія въ Парижъ. Аристократія ползаетъ передъ ними, не понимая униженія Франціи. Народъ своимъ суровымъ молчаніемъ высказываетъ свое осужденіе позорнымъ восторгамъ. Свѣтскія красавицы спѣшатъ завести интриги съ сѣверными варварами. Общество встрѣчаетъ ихъ такъ же привѣтливо. Бѣдная гризетка полюбила блестящаго князя-офицера. Старый капралъ упрекаетъ ее. «У тебя нѣтъ сердца; ты—подлая: ты забыла твою родину и твою убитую мать. Даже публичныя женщины лучше тебя. Въ день вступленія войскъ ихъ не было видно ночью на улицахъ». Братъ Франсіа, избалованный ею гаменъ, Додоръ, лѣнтяй, который слоняется по бульварамъ и въ пятнадцать-шестнадцать лѣтъ кутитъ на деньги прежняго любовника сестры, парикмахера, и тотъ возмущается противъ ея связи съ русскимъ офицеромъ и не хочетъ жить долѣе на ея счетъ. «Охъ, говоритъ онъ, сжимая кулаки:—еслибы я зналъ объ этомъ ранѣе, я сталъ бы работать. Слушай, Фофа, ты хочешь быть счастливой и не хочешь понимать меня. Но счастье не вѣчно продолжается, и, когда ты вернешься къ намъ, то ты упадешь еще ниже въ нашемъ обществѣ. Я, вѣдь, живу съ честными работниками. Меня и то упрекаютъ, что я ничего не дѣлаю. Говорятъ: ты на возрастѣ, невсегда сестра при тебѣ будетъ. Намъ плохо придется, когда увидятъ деньги у насъ въ карманѣ. Швырни ему въ лицо его деньги». Тотъ же Додоръ, когда въ театрѣ дѣлаютъ овацію союзникамъ и бѣлому знамени и поются куплеты Лансо, забрасывающіе грязью Францію, плюетъ въ бѣлый платокъ, бросаетъ его въ публику и въ бѣшенствѣ кричитъ: «Я кинусъ внизъ головой въ эту кучу навоза», посылая изъ райка свои проклятія партеру. Потомъ, гаменъ устраиваетъ въ кафе скандалъ солдатамъ союзниковъ и попадаетъ въ полицію. Можно сказать много очень хорошихъ словъ на счетъ и узости чувства національной вражды, и грубости способовъ проявленія его; но дѣло въ томъ, что этотъ гаменъ оказался честнѣе публики партера; въ развратномъ уличномъ мальчишкѣ сказалась совѣсть Франціи; а эта блестящая публика продавала и честь, и совѣсть за чечевичную похлебку и не имѣла оправданія въ томъ, что творитъ—

оправданія, которое имѣетъ бѣдный Додоръ, когда его упрекнуть въ томъ, что онъ видѣлъ честь и славу Франціи въ Наполеонѣ и военныхъ лаврахъ.

Женскіе народные типы Жоржъ-Занда—олицетвореніе ума, энергіи, силы. Маленькая Фадетта заставила уважать себя цѣлую деревню, которая видѣла въ ней колдунью, исчадіе ада. Она вліяніемъ своимъ изъ простоватаго, мѣшковатаго парня сдѣлала смышленаго работника. Савиньена изъ романа «Compagnon du Tour de France»—женщина другаго типа. Въ ней нѣтъ задора и тонкости маленькой Фадетты. Въ ней спокойная и непреклонная сила. Она поняла жизнь, какъ суровое отреченіе, и несетъ ее, вынося на плечахъ дѣтей и мужественно встрѣчая всѣ невзгоды жизни. Любовь Савиньены выводитъ на путь труда и искуства Аморй, тогда какъ страсть къ свѣтской красавицѣ едва не погубила его. Женщина—нравственная сила, поднимающая общество: вотъ что̀ говоритъ Жоржъ-Зандъ своими героинями. Она—сила своимъ стремленіемъ къ правдѣ, своимъ самоотверженіемъ. Гризетка Эрнестина на послѣднія трудовыя копейки кормитъ больную работницу и устроиваетъ мастерскую на артельныхъ началахъ. Крестьянка Мадлена, подъ попреками и побоями мужа, ростить сироту. Тонина въ «Черномъ Городѣ»—характеръ покрупнѣе. Рабочіе прозвали ее принцессой, и слово это—признаніе ея нравственнаго изящества. Принцесса, когда бѣда нагрянетъ на рабочихъ Чернаго Города, работаетъ на нихъ, какъ служанка. Къ Тонинѣ идутъ за совѣтомъ, и всегда Тонина съумѣетъ приложить умъ къ бѣдѣ. Тонина счастлива сознаніемъ, что она нужна. Она отказываетъ другу дѣтства, своей единственной привязанности въ жизни, за то, что онъ думаетъ только о богатствѣ и любитъ самого себя. Ея идеалъ въ жизни выше. Судьба раздвигаетъ кругъ ея вліянія и дѣлаетъ ее владѣтельницей фабрики. Другъ дѣтства возвращается; благодаря ей, онъ понялъ всю мелочность своего честолюбія и вмѣстѣ съ нею работаетъ для превращенія Чернаго Города, бывшаго адомъ кромѣшнымъ, въ эдемъ рабочихъ.

Тонина—характеръ практическій. Въ романѣ «Жанна» Жоржъ-Зандъ взяла другую сторону народной жизни—стремленіе къ мученичеству. Стремленіе это живо въ немногихъ исключительныхъ личностяхъ; оно томитъ ихъ среди темной жизни народа; онѣ вѣрятъ, что внесутъ хоть искру свѣта, если обрекутъ жизнь свою на страданіе, ради искушенія братьевъ. Жанна, простая крестьянская дѣвушка, выросшая въ деревнѣ, гдѣ еще живы преданія о Іоаннѣ д'Аркъ. Она—чистая непосредственная натура, «чистый типъ, который, казалось, былъ созданъ для золотого вѣка». Ка-

толицизмъ вмѣстѣ съ остатками языческихъ преданій сложили ея міросозерцаніе. Жанна живетъ въ то время, когда реакція отозвалась нищетою въ деревняхъ, когда въ народѣ просыпается сожалѣніе о Наполеонѣ; имя его связано съ лучшей порой, а кровавыя жертвы его честолюбія забыты. Жанна связываетъ культъ Наполеона съ спасеніемъ народа. Подъ вліяніемъ суевѣрнаго преданія, она даетъ обѣтъ дѣвства, считая себя обреченной принести эту жертву для спасенія братьевъ. Жанна является свѣтлымъ откровеніемъ народной жизни для тѣхъ изъ старшей братьи, которые, какъ сынъ и дочь ея крестной матери, ищутъ выхода изъ искуственной цивилизаціи. Встрѣча съ нею уясняетъ для нихъ смыслъ жизни и тщету цѣлей, которыми живетъ ихъ общество. Они оба открываютъ Жаннѣ міръ мысли. Жоржъ-Зандъ оборвала жизнь Жанны, и слѣдуетъ пожалѣть о томъ. Вліяніе цивилизованной мысли, внесенное въ міросозерцаніе Жанны, дало бы богатый матеріалъ для освѣщенія этой стороны народной жизни. Жанна умираетъ и въ предсмертномъ бредѣ поетъ наивную народную жалобную пѣснь.

—Dites-donc moi, ma mère,
Où les Français en sont?
Ils sont dans la misère—
Toujours comme ils étions.

Въ послѣднія минуты высказалась печаль объ общемъ горѣ, томившая всю молодую жизнь Жанны, для спасенія отъ котораго она такъ наивно отрекалась отъ радостей жизни. Жанна—не живой человѣкъ, а созданіе автора таковъ былъ приговоръ реальной французской критики; а Жоржъ-Зандъ говоритъ въ предисловіи, что встрѣчала въ народѣ такіе характеры. На лѣтописяхъ жизни всѣхъ народовъ занесено много именъ мучениковъ; а сколько есть еще именъ, оставшихся безвѣстными! Тѣ же стихіи создавали ихъ повсюду: сила, которая не можетъ улечься въ избитую колею жизни, любовь, которая беретъ на себя крестъ для спасенія братіи, и вѣчная потребность имѣть свои святая святыхъ въ жизни. Еслибы Жанна была невозможна въ жизни, Жоржъ-Зандъ не была бы художникомъ. Можно жалѣть, что стихіи, создавшія Жанну, воплотились въ такой формѣ, можно положительно утверждать, что форма эта отживаетъ свой вѣкъ и въ будущемъ они должны проявиться въ другихъ чертахъ. Онѣ и въ настоящее время воплощаются и, во время самыхъ блестящихъ произведеній Жоржъ-Занда, воплощались въ другой формѣ, и Жоржъ-Зандъ дала намъ въ другихъ романахъ героевъ народной жизни—олицетвореніе этой формы. Но тѣ герои уже вышли изъ міра католицизма и языческихъ преданій, изъ котораго Жанна, въ семнадцать лѣтъ, не могла найти выхода.

Не одна теплая любовь къ народу, среди котораго выросла Жоржъ-Зандъ, но и деистская философія ея заставила ее отнестись съ особеннымъ сочувствіемъ къ Жаннѣ. Жанна—сельская Изида, говоритъ она; Жанна олицетвореніе типовъ первобытнаго христіанства; и гугеноты, и квакеры—доказательство, что такіе типы жили среди французскаго народа.

IX.

Узкое пониманіе реализма вноситъ хаосъ въ оцѣнку произведеній Жоржъ-Занда, какъ и въ оцѣнку созданій искуства вообще. Подъ реальнымъ искуствомъ понимается изображеніе живыхъ людей, трезвой правды жизни, и эту трезвую правду видѣли въ одномъ изображеніи бѣдности и несовершенства жизни. Искуство — воспроизведеніе жизни во всей ея полнотѣ. Оно создается жизнью, оно измѣнчиво, какъ жизнь, въ которой смѣняются періоды прилива силъ съ періодами истощенія; оно подчинено законамъ неизмѣннымъ и неопредѣленнымъ, какъ и самая жизнь, несмотря на всю измѣнчивость и пестроту явленій ея. Критика, порожденная однимъ моментомъ жизни, не разъ впадала въ крайность и мѣрила произведенія искуства аршиномъ, обрѣзаннымъ по этому моменту. Въ эпохи, когда «бѣдность и несовершенство жизни» гнетутъ всего тяжелѣе, является пониманіе искуства, только какъ воспроизведеніе этихъ сторонъ жизни. И въ то же время реализмъ этотъ утверждаетъ, что крѣпко стоитъ на естественной точкѣ зрѣнія. Но развѣ въ природѣ только безплодныя песчаныя степи, болота, заражающія міазмами, или унылыя, безконечныя тундры и стоячія, гніющія воды? Въ ней и луговыя степи, въ раздольи которыхъ такъ легко дышется; въ ней и лѣса, съ ихъ поэтической сѣнью и тишиной, и свѣтлые ручьи, и величественныя моря. Реализмъ, требовавшій картинъ песчаныхъ степей, по которымъ, казалось, только-что прошла смерть, безконечныхъ тундръ и гніющихъ болотъ, съ уныло нависшимъ надъ ними свинцовымъ небомъ, грѣшилъ противъ правды жизни и съуживалъ рамки искуства. Онъ походилъ на естествоиспытателя, который потребовалъ бы, чтобы наука занялась исключительно инфузоріями на томъ основаніи, что онѣ кишатъ несчетными милліардами милліардовъ, а не болѣе совершенными формами животной жизни, потому только, что численность ихъ ничтожна въ сравненіи съ численностью инфузорій. Жоржъ-Зандъ ставятъ именно такой упрекъ ультра-реалисты. Зола признаетъ ее послѣдней представительницей идеалистическаго искуства и именно за то, что она не занималась разсматриваньемъ

въ микроскопъ инфузорій, нравственно, съ любовью останавливалась на болѣе совершенныхъ формахъ. Микроскопическое изслѣдованіе бактерій и вибріоновъ—тоже область искуства. Художественное воспроизведеніе ихъ уясняетъ жизнь. Но не всякое художественное произведеніе бываетъ въ то же время поэтическимъ произведеніемъ; поэзіи нѣтъ мѣста въ изображеніи инфузорій. Поэзія тамъ, гдѣ красота, гдѣ воспроизведеніе всего лучшаго, что живетъ въ душѣ человѣка, поэзія тамъ, гдѣ идеалъ. Гоголь—не поэтъ въ «Мертвыхъ Душахъ», а великій художникъ. Онъ—и художникъ, и поэтъ въ «Тарасѣ Бульбѣ», въ лирическихъ мѣстахъ своихъ произведеній. Шекспиръ—поэтъ въ «Десдемонѣ», «Офеліи», «Лирѣ», «Гамлетѣ»; онъ—художникъ въ «Фальстафѣ», въ «Виндзорскихъ Кумушкахъ». Поэзія неразрывно связана съ положительными идеалами. Тамъ, гдѣ воспроизведеніе отрицательныхъ сторонъ жизни, тамъ—художество, но не поэзія. Поэзіи нѣтъ въ гніющихъ болотахъ, въ подернутыхъ плесенью стоячихъ водахъ, въ плоско-нависшемъ грязно-свинцовомъ небѣ, хотя живописецъ можетъ изобразить ихъ съ изумительною художественностью. Жоржъ-Зандъ была болѣе поэтомъ, нежели художникомъ, но поэзія ея пустила глубоко корни къ душу человѣчества. Всѣ герои и героини ея на много ступеней выше людей трезвой дѣйствительности, но кто скажетъ, что и у простыхъ смертныхъ не было въ жизни лучшихъ минутъ, когда они стояли въ уровень съ героями Жоржъ-Занда, и жалки тѣ, которые не знали такихъ минутъ: это—бактеріи и вибріоны нравственнаго міра. У Жоржъ-Зандъ встрѣчаются изрѣдка художественныя возсозданія такихъ вибріоновъ, какъ напр., старый помѣщикъ, отецъ Андре, который такъ упрекаетъ въ неблагодарности сына за его женитьбу на бѣдной гризеткѣ: «Когда ты родился, хилый и дрянной выкидышъ, ни одна кормилица не хотѣла тебя брать. Я далъ лучшую козу въ кормилицы и долженъ былъ съѣсть двухъ козлятъ, которыхъ оставилъ на племя, чтобы спасти выкидыша. Я выносилъ крикъ, который ненавижу; за каждый зубъ я тратился на хорошій подарокъ служанкѣ, которая ходила за тобой». А ребёнокъ родился хилымъ выкидышемъ, потому что отецъ истиранилъ мать, нѣжную, любящую душу, и сознательно, и безсознательно своею черствостью, грубостью и эгоизмомъ; а служанкѣ, подъ видомъ подарковъ на зубокъ, платилось за услуги другаго рода. Въ концѣ отецъ убиваетъ и жену сына, заставляя ее выносить оскорбленія отъ своей содержанки. Натура поэта не могла долго останавливаться на вибріонахъ.

Реализмъ явился отрицаніемъ идеализма, порожденнаго мистицизмомъ, и впалъ въ крайность. Изгоняя все чуждое дѣйстви-

тельности, преслѣдуя всякое взлетаніе въ заоблачныя выси, онъ приковывалъ искуство только къ изображенію бѣдности и несовершенства жизни, упуская изъ вида, что самое сознаніе этой бѣдности и этого несовершенства есть уже разрывъ съ дѣйствительностью и посылка на иное будущее. Безъ такой посылки, безъ идеала, на основаніи котораго дѣлаютъ оцѣнку дѣйствительности, который слышится, какъ незримыя слёзы, сквозь видимый міру смѣхъ, невозможно искуство, даже и то, которое творитъ только вибріоновъ и бактерій. Не инфузоріи дѣлаютъ микроскопическія изслѣдованія инфузорій, а человѣкъ. Реальная критика смѣшала отрицаніе отживающихъ идеаловъ идеализма съ отрицаніемъ идеаловъ вообще и стала требовать одного воспроизведенія пошлой и гнетущей дѣйствительности. Узкій реализмъ признавалъ дѣйствительно существующимъ только то, что̀ онъ могъ ощупать и измѣрить своими руками. Такой способъ оцѣнки убивалъ въ критикѣ воображеніе, силу, безъ которой невозможно перенестись въ душу другого человѣка, переживать въ мысли то, чего не довелось пережить фактически. Въ критикѣ должна быть та же ширь пониманія, тотъ же отзывъ на всѣ элементы жизни, какъ и въ искуствѣ. Она объясняетъ то, что̀ создаетъ искуство. Узкій реализмъ, сводившій все на опытъ, вносилъ произволъ личности въ критику вмѣсто опредѣленныхъ законовъ. Критикъ прилагалъ къ художественнымъ произведеніямъ мѣрку своего я. Но, ка̀къ ни будь богата и многосторонняя личность, все же она—только крохотная частица всего человѣчества. Такая субъективность дѣлала нерѣдко произвольной оцѣнку естественности того или другого лица или факта жизни. «Такая-то черта, такой-то герой, такое-то положеніе неестественны», говорилъ критикъ, а все это было естественно. Иные отзывы о естественности и неестественности художественныхъ произведеній до того произвольны, что ихъ не объяснишь и личнымъ опытомъ. Извѣстенъ отзывъ Наполеона о Вертерѣ. Наполеонъ находилъ неестественнымъ то, что Гёте не одну несчастную любовь показалъ мотивомъ самоубійства Вертера, но и честолюбіе, а самъНаполеонъ умеръ отъ Ватерлоо, вошедшаго внутрь, какъ онъ говорилъ.

Естественность, которую ставятъ критеріемъ искуства — естественность другого рода, чѣмъ живая жизнь. Воспроизведеніе жизни не есть самая жизнь, оно подчиняется своимъ законамъ. Еслибы какой-нибудь писатель вздумалъ буквально описывать изо-дня въ день, изъ часа въ часъ, жизнь своего героя, онъ исписалъ бы сотни томовъ, которые никто не сталъ бы читать. Чутье художника выбираетъ изъ дѣйствительности только тѣ

черты, которыя необходимы для рельефности и жизненности образа, типическія черты, и проходитъ мимо другихъ. Такой выборъ есть идеализація своего рода. Романы, въ которыхъ герои списаны съ живыхъ людей, не имѣютъ успѣха; ими интересуется только кружо̀къ людей, знающихъ оригиналы портретовъ. Только типы возбуждаютъ прочный интересъ въ широкомъ кругу. Чтобы создать типъ, нужно отдѣлить всѣ частные признаки, свойственные исключительно той или другой особи, и воспроизвести тѣ общіе, которые свойственны этому типу. Типъ не можетъ быть копіей того или другого человѣка, но въ немъ должны быть тѣ черты, на которыя откликнется и тотъ, и другой. И, несмотря на произведенія искуства, самыя художественныя всегда блѣднѣе жизни. Одна женщина, сошедшая съума отъ любви, оставалась равнодушной во время игры Маріо и Гризи въ «Пуританахъ», потрясшей до слёзъ публику. Она находила ее холодной и вялой. Жоржъ-Зандъ оставила столько огненныхъ страницъ, въ которыхъ вылились и му̀ки отчаянія души, наболѣвшей отъ ничтожества и мелкоты людской, и пламенная вѣра ея въ лучшія судьбы человѣчества, и она въ «Исторіи моей жизни» говоритъ, ка̀къ часто ее мучило сознаніе безсилія своего передать такъ же ярко и пламенно все, что̀ жило въ ея головѣ и сердцѣ. Она не любила перечитывать свои произведенія именно за то, что они казались ей безцвѣтными и блѣдными. Все это доказываетъ невозможность предъявлять искуству требованія дѣйствительности. А эти требованія породили произведенія реальнаго искуства, для искуства, какъ было и такъ гонимое идеалистское искуство для искуства. Что̀ же другое, какъ не такое искуство для искуства, повѣсть г. Потѣхина «Около денегъ»? Пускай въ ней вѣрно скопирована дѣйствительность, описаніе крестнаго хода вѣрно до мельчайшихъ подробностей, какъ разсказъ очевидца, умѣющаго толково разсказать, пускай и возможны въ крестьянскомъ быту такіе супруги, какъ Капитонъ и жена его, которые дѣлаютъ уговоръ гулять годъ на сторонѣ ради общей наживы, но какую идею выжмешь изъ этой повѣсти? Какую сторону народной жизни раскрыла она? Всегда и вездѣ были мошенники, мастера наживаться около денегъ другихъ, и если, авторъ находитъ удовольствіе въ описаніи ихъ, то читатель видитъ въ немъ досужую вѣстовщицу съ хорошо привѣшеннымъ языкомъ, которая высыпаетъ изъ своего короба вѣстей все, что̀ ей удалось подмѣтить и подслушать. Чѣмъ такое искуство, изображающее помойныя ямы жизни ради изображенія ихъ, лучше прежняго искуства для искуства, изображавшаго идеальныхъ дѣвъ и неземныхъ героевъ?

Жоржъ-Зандъ не понимала искуства для искуства. Она поставила девизомъ своимъ пользу. «Все, что живетъ внѣ ученія о пользѣ, не можетъ быть ни истинно-великимъ, ни истинно-добрымъ», повторяетъ она вслѣдъ за Жерардомъ и понимаетъ пользу широко. Въ этомъ отношеніи она должна была бы удовлетворить требованію публицистической критики, еслибы эта критика шире понимала задачи свои. Дѣло этой критики—разъяснять общественное значеніе писателя, стихіи общественной жизни и эпоху развитія, создавшія его—то, что онъ получилъ отъ общества, и что внесъ въ него. Настолько ли богаты произведенія его мотивами и настолько ли глубоко и широко захватываютъ мотивы эти жизнь, чтобы продержаться долѣе настоящей минуты? Публицистическая критика всего чаще видѣла одну настоящую минуту и, на основаніи ея, судила художественныя произведенія. Изъ-за злобы дня она забыла злобу вѣковъ, забыла, что злоба дня — плодъ злобы вѣковъ. Публицистическая критика дошла до такой крайности увлеченія, что иногда ставила бездарную повѣсть, которая служила интересамъ минуты, выше великихъ произведеній, которыя учатъ понимать цѣлыя эпохи жизни человѣчества, и на основаніи такой оцѣнки создалась та тенденціозная литература, которая возводила въ атлантовъ, вправляющихъ сорвавшійся съ петель міръ, докторовъ, учителей, дѣвушекъ, которыя выучили грамотѣ дюжину ребятъ. Непроходимой скукой вѣяло отъ этихъ мертворожденныхъ писаній, хотя они были вызваны потребностью идеала, которой не удовлетворялъ реализмъ, требовавшій отъ искуства одного изображенія безплодныхъ пустырей, да заплесневѣлыхъ болотъ. Десятилѣтній опытъ тенденціозной литературы и слишкомъ двадцатипятилѣтній нашего реальнаго искуства показалъ, что и то, и другое не удовлетворяютъ потребностямъ общества. Мы изучили наши язвы во всемъ зіяющемъ безобразіи ихъ. Мы жадно ждемъ, чтобы намъ указали на силы, которыя ручались бы за исцѣленіе. Есть ли онѣ, или язвы наши безнадежны? Мы просили живой воды, и намъ, вмѣсто нея, подносили картонныя декораціи тенденціозной литературы. Мы поняли теперь, чѣмъ должно быть искуство, которое давало бы эту живую воду. Оно должно воплощать все лучшее, что живетъ въ душѣ человѣка, и быть пророчествомъ лучшаго времени, воплощать всѣ мечты его о времени иномъ, всѣ зародыши, которые таятся для осуществленія этого времени. Реальное искуство, которое воспроизводитъ только то, что можно осязать, вычеркиваетъ изъ области искуства цѣлый рядъ именъ, какъ Шелли, Жоржъ-Зандъ, Шиллеръ и всѣ поэмы Байрона, за исключеніемъ Донъ-Жуана,

вычеркиваетъ много свѣтлыхъ созданій Шекспира и Гёте. Оно вычеркиваетъ изъ души человѣчества и могучаго двигателя — мечту. Мечта, правда, уносила насъ въ заоблачныя выси, мечта населяла жизнь нашу призраками и дѣлала насъ существами, изнывающими по невозможномъ, безсильными приложить руки къ дѣлу. Увидѣвъ это, мы, какъ дѣти, принялись разбивать то, обо что̀ мы ушиблись. Все, что̀ создано мыслью человѣка, жило прежде въ мечтѣ. Мечта носила плодотворные зародыши, изъ которыхъ вызрѣла мысль. Пригнетая искуство къ одной настоящей минутѣ, мы губили возможность посылокъ на будущее и походили на садовника, который, вмѣсто того, чтобы обрѣзать побѣги, истощающіе дерево, станетъ вырывать его съ корнемъ.

Реализмъ Зола̀, съ рѣзкой самоувѣренностью утверждающаго, что искуство Жоржъ-Зандъ отжило свой вѣкъ, и она была послѣдней представительницей идеализма въ литературѣ, похожъ на такого садовника. Многіе изъ мотивовъ произведеній Жоржъ-Зандъ отжили свой вѣкъ, Иные и вовсе чужды нашей жизни, какъ борьба съ католицизмомъ; иными мы жили въ ранней молодости, и они стали для насъ, какъ говорятъ нѣмцы: ein überwundener Standpunkt, но многіе изъ нихъ и теперь близки намъ, и въ нихъ мы находимъ отголосокъ и тому, что̀ живетъ въ насъ, и тому, что̀ будетъ жить въ душѣ человѣчества, пока въ немъ не вымретъ стремленіе къ лучшему.

Намъ чуждо теперь то страстно-озлобленное чувство, которое заставляетъ Сильвію въ романѣ «Жакъ» «не прощать этой грязи человѣчества, потому что существо прощающее унижаетъ себя». Фазисъ огульнаго презрѣнія къ человѣчеству пережитъ. Мы видимъ зло, мы прослѣдили причины его; мы ненавидимъ тѣхъ, кто является воплощеніемъ злобы дня; мы не прощаемъ тѣмъ, кто вѣдаетъ, что̀ творитъ, но мы не поднимаемся въ заоблачныя выси, чтобы изнывать тамъ отъ созерцанія грязи человѣчества и видѣть эту грязь иногда въ отсутствіи разныхъ тонкостей и превыспренностей. Мы улыбнемся, когда та же Сильвія говоритъ: «Я знаю хорошо—я, бѣдная женщина—ка̀къ душа теряетъ свое величіе, принимая запятнанный идолъ. Придетъ всегда время когда она разобьетъ алтарь его, у котораго она падала ницъ передъ ложнымъ богомъ. Вмѣсто холодной покорности судьбѣ, необходимой при этомъ актѣ, ненависть и отчаяніе заставляютъ трепетать сердце». Мы знаемъ, что душа теряетъ свое величіе, принимая какого бы то ни было кумира; мы знаемъ, что «падать ницъ» можно только передъ святая святыхъ всего человѣчества, и бѣдна, и мелка та личность, которая видитъ эту святая святыхъ въ одномъ человѣкѣ. Мы улыбнемся и надъ дѣви-

цей Меркемъ, когда она готова отказать любимому человѣку, чтобы не разбить сердце другому, любовь котораго она много лѣтъ терпѣла, чтобы имѣть на него спасительное вліяніе. Мы улыбнемся надъ многими превыспренностями героевъ и героинь ея, волочащихъ жизнь свою безцѣльными жертвами, хотя мы не можемъ сказать, что такихъ людей не было; мы болѣе всего улыбнемся надъ сочувствіемъ автора къ нимъ. Намъ страненъ и ходульный Ральфъ, и пьедесталъ, на которомъ стоитъ Жакъ. Страданія этихъ героевъ такъ раздуты и такъ прозрачны. Мы не станемъ плакаться, какъ Жоржъ-Зандъ о томъ, что такъ много людей, «сердце которыхъ столь медленно бьется, столь хило и безплодно, что въ немъ не можетъ пустить корня никакая привязанность, что они знаютъ только одну прочную привязанность къ собственнымъ выгодамъ». Мы оставляемъ мертвыхъ хоронить своихъ мертвецовъ. Но мы не улыбнемся, когда Жоржъ-Зандъ въ «Леліи» говоритъ: «Тайны міровыхъ судебъ носятся надъ нашими головами, но такъ далеко и высоко, что взоры наши не могутъ достичь до нихъ. Мы служимъ ставкой въ игрѣ неизвѣстныхъ партнеровъ, безмолвныхъ привидѣній, которыя улыбаются, читая наши судьбы на своихъ записяхъ— и намъ не позволено просматривать ихъ акты, ни вопрошать ихъ о намѣреніяхъ ихъ! Намъ вполнѣ понятно мучительно-гнетущее чувство пассивности и жгущее насъ стыдомъ чувство собственнаго безсилія и безправности, и законная злоба на то, что жизнь наша—ставка въ рукахъ другихъ игроковъ».

Въ романахъ Жоржъ-Зандъ много такихъ строкъ, которыя будутъ такъ же понятны и близки, какъ понятны и близки выписанныя нами строки пока придется переживать тотъ же разладъ между дѣйствительностью и идеаломъ, тѣ же стремленія къ жизни иной, чуждой той бѣдности и несовершенства, отъ которыхъ мы изболѣли душой. Если порывы героевъ Жоржъ-Зандъ выбиться изъ міра католицизма теперь уже—пережитый моментъ для мыслящей части Франціи, то въ борьбѣ съ католицизмомъ сказались инстинкты движенія, вѣчно живые въ человѣческой природѣ. Эти инстинкты, не во гнѣвъ будь сказано Зола̀, будутъ создавать идеальное искуство и въ то время, когда романы Жоржъ-Зандъ будутъ совершенно забыты. Но это время еще далеко. Теперешнее охлажденіе къ ней французской публики смѣнится серьёзнымъ пониманіемъ, когда идеи, проповѣдницей которыхъ она была, пробьются изъ подъ коры шовинизма и меркантилизма. Несправедливость общества къ лучшимъ писателямъ своимъ—фактъ извѣстный. Диккенсъ не разъ жаловался на охлажденіе къ нему; и охлажденіе это было вы-

звано именно тѣми романами, въ которыхъ всего сильнѣе била демократическая струя. Шелли былъ долгое время забытъ въ Англіи по смерти, гонимъ при жизни и оцѣненъ только немного лѣтъ тому назадъ.

Общечеловѣчные мотивы романовъ Жоржъ-Зандъ—порука, что для нея придетъ время настоящей оцѣнки. Они были высказаны съ окраской и времени, и среды, и личности автора, но окраска эта не мѣшаетъ намъ оцѣнить живую струю, бьющую подъ нею, какъ окраска, въ которой является намъ рефлексія Гамлета, не мѣшаетъ видѣть въ немъ мотивы, близкіе намъ, вѣчно живые, пока человѣку придется въ мучительномъ колебаніи стоять на рубежѣ двухъ міровъ. Талантъ Жоржъ-Зандъ не могъ создать такіе ðбразы, какіе создалъ Шекспиръ, но въ немъ была сила, не признать которой невозможно. Золà, на основаніи реальной критики, осуждаетъ длинныя рѣчи, которыя тянутся на цѣлыхъ страницахъ, и пламенное краснорѣчіе ея героевъ и героинь. Но эти рѣчи и это краснорѣчіе не кажутся ли грѣхомъ противъ дѣйствительности оттого, что мы живемъ въ другое время? То было время подъема всѣхъ силъ: тогда, какъ мы видимъ изъ записокъ Жоржъ-Занда и изъ записокъ нашихъ людей сороковыхъ годовъ, люди напролетъ говорили ночи, доискиваясь истины; то было время лиризма. Теперь онъ чуждъ намъ, какъ забытые сны юности, но право этимъ нѣчего хвалиться. Лиризмъ этотъ не былъ словами и словами: то била черезъ край живая струя, которая оплодотворяла жизнь. Герои и героини Жоржъ-Зандъ были людьми дѣла, какъ ея владѣтельная графиня въ «Секретарѣ», Агнеса въ «Пичинино», ея Пьеръ Гюгененъ, Эмиль Кордонне.

Жоржъ-Зандъ въ романахъ своихъ всего болѣе—моралистъ и психологъ; общественный строй затронутъ въ романахъ ея настолько, насколько онъ отражается на личностяхъ героевъ ея. Но общество—конгломератъ личностей, и, если личность стоитъ низко, то низокъ будетъ и общественный строй; все, что̀ поднимаетъ личность, поднимаетъ и его. Жоржъ-Зандъ, какъ женщина, не могла не быть болѣе всего моралистомъ и психологомъ въ своихъ романахъ. Хотя она вышла изъ границъ, отведенныхъ мысли женщины, и въ романахъ своихъ затрогивала самыя глубокія и трудныя общественныя задачи, но тотъ складъ, въ который вѣками отливали мысль женщины, не измѣнится въ нѣсколько годовъ. Замкнутость женской жизни заставляетъ сосредоточиваться на внутреннемъ мірѣ. Жоржъ-Зандъ вступила въ кружо̀къ политическихъ дѣятелей, когда ей было тридцать лѣтъ, и условія, въ которыхъ она жила до этихъ поръ, должны

были оставить неизгладимый слѣдъ. Мистицизмъ, отъ котораго она не могла отрѣшиться, заставлялъ ее порой цѣнить многія психологическія черты an sich, безъ всякаго отношенія ихъ къ пользѣ общества, и видѣть нѣчто великое въ разныхъ тонкостяхъ и превыспренностяхъ, на томъ основаніи, что въ нихъ сказалась нравственная сила человѣка; туманъ, застилавшій ея глаза, не давалъ ей тогда разглядѣть безплодность такой траты силъ. Эта сторона ея морализма отжила свой вѣкъ.

Но рядомъ съ нею были другія стороны. Мораль Жоржъ-Зандъ была широкой человѣчной моралью. Она понимала достоинство человѣка въ стремленіи къ истинѣ, въ героической борьбѣ за лучшее, въ самоотверженномъ служеніи высшимъ цѣлямъ, и цѣли эти—совершенствованіе человѣчества, которое для нея было нераздѣльно слито съ благомъ народа. «Народъ, говоритъ она:—это—попранное право, это—забытое страданіе, это—поруганная справедливость. Это—идея, если вы хотите, но это—единственная великая и истинная идея нашего времени». Она не понимала идеаловъ, которые оставляли бы въ сторонѣ тѣхъ, кто составляетъ главную массу человѣчества. Она понимала и вѣковыя страданія ея и видѣла всѣ недостатки и силы ея. Она понимала, какъ ничтожны, чтобы направить эти силы, чтобы вытравить вѣками въѣвшіеся пятна, тѣ пружины, которыми доктринеры и правой, и лѣвой стороны мечтаютъ перевернуть міръ и которыя лопаются, какъ тонкія нити. Вотъ почему политическіе мотивы играютъ очень слабую роль въ ея романахъ, и народъ, словами Пьера Гюгенена, осуждаетъ докринеровъ политики и революціи. Она идеализировала народъ въ своихъ романахъ, какъ идеализировала все; но кто скажетъ, что въ лучшихъ представителяхъ своихъ народъ неспособенъ подняться на ту высоту, на которую она поставила его, что представители эти—только плодъ досужей фантазіи автора? Эта сторона таланта Жоржъ-Зандъ дѣлаетъ его близкимъ намъ и теперь и ручается за справедливую оцѣнку его, когда французская публика, пресытившись реализмомъ въ искуствѣ, запроситъ положительныхъ идеаловъ, какъ пресытилась нашимъ реализмомъ и наша публика, требующая теперь тѣхъ же идеаловъ отъ нашихъ писателей.

М. Цебрикова.

НЕДАВНЕЕ [1].

(Изъ воспоминаній управительской дочери).

I.

На Позорихѣ.

Грустно и однообразно шла наша жизнь на позорихинской пристани. Помѣщались мы довольно тѣсно, всего въ трехъ комнатахъ, изъ которыхъ двѣ были очень маленькія. Обѣдали зачастую въ кухнѣ, гдѣ мать, постоянно грустная, проводила бо́льшую часть времени, помогая неловкой, ничего неумѣющей кухаркѣ изъ мѣстныхъ крестьянокъ. Отецъ тоже сильно скучалъ: дѣла у него не было никакого, кромѣ пріемки нѣсколькихъ возовъ руды и чугуна въ день, которые перевозили на пристань изъ алакшинскаго завода. По вечерамъ же онъ былъ совершенно свободенъ и сначала положительно не зналъ, ка́къ ихъ скоротать, пока, наконецъ, не догадался выпросить у служащихъ въ алакшинскомъ заводѣ книгъ. Книги эти были преимущественно старые романы. Сначала отецъ самъ читалъ ихъ вслухъ, но потомъ, когда уставалъ, сталъ заставлять читать меня. Скоро я до страсти полюбила чтеніе и способна была цѣлые дни проводить за книжкой. Изрѣдка мы ѣздили въ гости въ алакшинскій заводъ, изрѣдка къ намъ пріѣзжали гости. Чаще другихъ пріѣзжала къ намъ тётка отца, бабушка Анна Степановна. Мать хоть и очень не любила ея за скупость, но, все-таки, бывала рада и ей. Она была хорошая разсказчица, и, несмотря на свои преклонныя лѣта—ей было 70 лѣтъ—разсказывала событія давно минувшихъ дней съ такою живостью, часто доходившею до комизма, что не было возможности не хохотать. Мы, дѣти, страшно наскучавшіяся въ захолустьи, всегда встрѣчали ее съ вели-

---

[1] Первыя главы были помѣщены въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1876 г. № 12.

чайшей радостью. Сказки изъ «Тысячи и одной ночи», которыя бабушка помнила отлично со всѣми мельчайшими подробностями, разсказанныя необычайно живо, даже представленныя въ лицахъ, приводили насъ въ неописанное восхищеніе. И подъ эти разсказы незамѣтно уходили длинные зимніе вечера.

Особенно памятенъ мнѣ одинъ изъ нихъ, когда бабушка, подзадориваемая развеселившеюся матерью, съ особеннымъ увлеченіемъ разсказывала о томъ, какъ она выходила замужъ и какъ старалась понравиться жениху, который какъ только появился въ алакшинскомъ заводѣ, такъ и заполонилъ ея сердце.

— Въ церкви я его въ первый разъ увидала, ну, да и послѣ часто видала, потому что ему все мимо насъ ходить доводилось. А ему-то меня посмотрѣть было негдѣ: въ церкви-то, какъ былъ въ первый разъ, онъ меня не упримѣтилъ, а я какъ увижу, что онъ идетъ мимо, такъ за косячекъ и спрячусь, да изъ-за косячка-то и высматриваю, какъ Елена прекрасная..

Мы расхохотались: трудно было намъ представить себѣ, чтобъ эта маленькая, сгорбленная старушка, съ морщинистымъ лицомъ и заострившимся носомъ, когда-нибудь походила на сказочную красавицу. Бабушка поглядѣла на насъ и сама разсмѣялась.

— А въ тѣ поры я не такая была, заговорила она снова: — хоть я и невеличка была ростомъ и не очень изъ себя дородна, да какъ надѣну стеганный подсердечничекъ, такъ съ издали-то показываю какъ будто полная. А изъ лица я была красовитая, бѣлая, румяная, чернобровая, глаза веселые. Вотъ ты выростешь, будешь на меня похожа, добавила бабушка, обратившись ко мнѣ.

Я поморщилась: перспектива вырости и стать похожей на бабушку мнѣ не очень нравилась.

— Ну, ужь, бабушка, на тебя я похожа не буду: пятнышка-то у меня нѣту, сказала я.

У бабушки было довольно большое родимое пятно на верхней губѣ.

— Ну, только пятнышка нѣтъ, а то совсѣмъ на меня будешь похожа, повторила бабушка. — У меня тогда пятнышка не было видно. Женихъ мой до свадьбы и не зналъ объ немъ.

— Да какъ же ты это дѣлала, бабушка?

— Мушки въ тѣ поры носили, такъ я тутъ завсегда мушку лѣпила.

— Какія это мушки?

— А такія вотъ: черненькія. У кого бархатныя, у кого тафтяныя. У меня бархатныя были.

— А платья тогда какія носили?

— Платьевъ тогда не носили, а носили юпки и кофты, тѣлогрѣи, шугаи, эпанчи. На головѣ шитыя золотомъ косынки. А мужчины носили камзолы, брызжи и косы.

— Косы! удивилась я. — Какія косы?

— Такія же, какъ у дѣвицъ. Тогда волосъ не стригли, а кто стригъ, такъ тѣ подвязывали косы фальшивыя, либо парики надѣвали. По конецъ косы кошелекъ привязывали: у кого бисерный, у кого серебряный, у кого золотомъ шитый. У моего жениха былъ золотомъ шитый и съ жемчужной кисточкой. Камзолъ былъ зеленый бархатный, господинъ съ своего плеча подарилъ, а подкамзолье—глазетовое. Какъ увидала я его въ церкви во всемъ снарядѣ, такъ себя не вспомнила. Росту большого, румяный да полный; всѣхъ въ заводѣ красивѣе былъ мой Григорій Захаровичъ.

— Помнится, немножко глазами косилъ, сказалъ отецъ, желая подразнить бабушку.

— Чтò ты? Чтò ты? замахала она рукой: — ничуточки, никапелечки, сокольи глазыньки были! Кабы косой былъ, небось меня бы не подглядѣлъ, добавила бабушка, усмѣхнувшись.—Да ты его и помнить не можешь: вѣдь, тебя въ ту пору чуть отъ земли было видно.

— А сколько этому лѣтъ теперь? спросила мать.

— Да вотъ ужь сорокъ-два года вдовѣю, да съ милымъ моимъ дружкомъ Григоріемъ Захарычемъ жила пять годковъ; тòлько пять годковъ! вздохнула бабушка и перекрестилась, шепча молитву. — Много лѣтъ прошло, много, а я эти годки лучше вчерашняго дня помню. Хорошо мы съ нимъ жили, совѣтно.

— А сама сказывала: когда-то такого тычка далъ, что и не опомнилась, разсмѣялась мать.

— Ну, это одинова было, да и я сама виновата была: не въ свое дѣло сунулась, мужиковъ отпустила.

— Какихъ мужиковъ?

— А въ ту пору здѣсь народу мало было, и по зимамъ пригоняли изъ другихъ вотчинъ для работъ въ рудникахъ. Народъ руду копать непривычный былъ, въ шахты спускаться боялся; ну вотъ, они и откупались, которые побогаче, а которые убѣгомъ уходили.

— Что же ты, бабушка, деньги съ нихъ взяла?

— Взяла, родные: съ восьми человѣкъ по крестовику взяла, да съ двухъ по два. А Григорій Захарычъ узналъ, да такъ осердился, что даже пѣна у рта показалась. Вишь, нельзя отпускать-то ихъ было! Онъ, какъ отъѣзжалъ изъ Питера, самому

господину захвастался, что вдвое болѣ руды добудеть, и каждымъ работникомъ дорожилъ тогда. Послѣ, какъ переселили сюда на жительство крестьянъ съ цуморской и другихъ дачъ, и стало народу больше, такъ и самъ, бывало, отпускалъ, коихъ побогаче. А много было битвы съ этими переселенцами! Поживутъ немного, сбѣжатъ. Поймаютъ ихъ, приведутъ въ кандалахъ, дерутъ, дерутъ въ полиціи, опять заставятъ робить. Помаленьку, однако, привыкли, обзавелись домами, ребятишки народились — ну, и не стали бѣгать. А какъ дѣти выросли, такъ тѣ ужь охотнѣе пошли на работу, потому, окромя какъ руду копать, и дѣлать-то ничего не умѣютъ. Все это были моего Григорія Захарыча заботы; вѣрный слуга господину былъ—ну, и господинъ его любилъ и жаловалъ: и деньгами, и платьемъ, и часами.

— И онъ носилъ это платье, бабушка?

— Сперва носилъ, ходилъ въ немъ къ обѣднѣ, а послѣ не сталъ: простой кафтанъ суконный носить сталъ. А сперва носилъ и чулки, и башмаки съ пряжками, и камзолъ бархатный, и косу...

Я живо представила описываемый бабушкой костюмъ и расхохоталась. Бабушка поглядѣла на меня съ снисходительной улыбкой и прибавила:

— Въ тѣ поры это хорошо было и нисколько не смѣшно.

Разсказы о старинѣ еще продолжались, но мнѣ ужь не сидѣлось на мѣстѣ, и, бросивъ чулокъ, который я вязала, я убѣжала въ кухню, отдѣлявшуюся отъ комнатъ небольшими сѣнями. Тамъ я принялась пересказывать кухаркѣ и сторожу, какой костюмъ носилъ прежде дѣдушка. Сторожъ исполнялъ у насъ обязанность дворника и кучера. Это былъ сѣдой, но еще плотный и бодрый старикъ съ жиденькими волосами, висѣвшими довольно длинными прядями на его шеѣ. Эти-то волосы и навели меня на мысль, что не худо бы было заплести ему косу и, нарядивъ во что-нибудь подобное описанному бабушкой платью, показать ей: Мосей сидѣлъ на низенькомъ самодѣльномъ стулѣ въ одномъ бѣльѣ и босой и старательно вязалъ варежку или исподку, какъ онъ ее называлъ. Зная нелюбезность и ворчливость Мосея, я съ нѣкоторымъ страхомъ подошла къ нему и принялась заплетать ему косу, прибавивъ для густоты нѣсколько мочала. Къ моему удивленію и радости, Мосей хотя и протестовалъ немного вначалѣ, но потомъ покорился: онъ весь былъ углубленъ въ свою работу. Кончивъ косу, я бѣгомъ бросилась въ комнаты и тамъ, схвативъ съ гвоздя въ спальной свою бѣлую юпку съ оборкой и отцовъ архалукъ, пустилась обратно, выпросивъ прежде у отца кисетъ съ табакомъ.

— Чего ты там затѣяла? съ неудовольствіемъ крикнула мнѣ мать.

— Ничего, мамаша. Вы приходите всѣ въ кухню, пожалуйста, приходите, только не сейчасъ, а погодя немного.

Вбѣжавъ въ кухню и убѣдившись, что Мосей не расплелъ косы, я прицѣпила къ ней прежде всего кисетъ съ табакомъ и затѣмъ предложила Мосею надѣть мою юпку на шею.

— Твою юпку на шею? Мосей удивленно поднялъ голову, низко наклоненную надъ вязаньемъ. Я воспользовалась этимъ и, не ожидая его согласія, набросила ему юпку на голову, потомъ проворно стянула ее около шеи густыми сборками, завязала крѣпкимъ узломъ и затѣмъ услужливо подала ему отцовъ архалукъ — подъ этимъ названіемъ существовалъ у отца какой-то стеганный кафтанъ изъ крайне пестрой бумажной матеріи. Ублажая Мосея всѣми возможными ласковыми именами, я заставила его надѣть архалукъ, и, пока онъ разглядывалъ болтающіяся на груди зеленыя стеклянныя пуговицы и петлички изъ краснаго шнурка, я отыскала на полкѣ старую узко-верхую войлочную шляпу и, накрывъ ею голову Мосея, заставила его встать и повернуться. Расправляя на шеѣ оборку юпки, долженствовавшую изображать брыжи, для чего я влѣзла на лавку, я взглянула на стряпку, слѣдившую все время съ молчаливымъ вниманіемъ за совершеніемъ туалета. Веретено съ пряжей выпало у нея изъ рукъ; ея сѣрое, рябое лицо расплылось въ широкую улыбку, и вся она тряслась отъ беззвучнаго смѣха. Мосей тоже взглянулъ на нее.

— Ишь, вѣдь, баловница! проговорилъ онъ, не зная смѣяться ему, или сердиться. Онъ очень не любилъ, когда надъ нимъ смѣялись.

Въ это время дверь въ кухню отворилась, и въ ней показались отецъ, мать со свѣчей въ рукѣ, бабушка и сестры.

— Кланяйся бабушкѣ, Мосей! скомандовала я, снова вскакивая на лавку и поднявъ кверху стоявшую на столѣ свѣчу, чтобъ лучше освѣтить Мосея.

Но Мосей не кланялся. Его лицо вдругъ сдѣлалось сердитое; съ выраженіемъ самаго комичнаго неудовольствія онъ поворачивался къ бабушкѣ бокомъ всякій разъ, какъ она старалась заглянуть на него спереди. А бабушка, быстро войдя въ роль, съ забавными ухватками, величая Мосея своимъ ясным соколикомъ, бѣгала около него, уговаривая его не сердиться, не гнѣваться, а поздороваться съ нею какъ слѣдуетъ. Отецъ и мать смѣялись; кухарка, держась за бока, каталась на лавкѣ. Что до меня, то я, разумѣется, была на верху блаженства отъ своей выдумки и

до того скакала на лавкѣ отъ смѣха и восторга, что, наконецъ, свалилась и уронила свѣчу. Мосей бросился подымать свѣчу, а бабушка меня, но я уже вскочила и, показывая бабушкѣ кисетъ съ табакомъ, спрашивала: такой ли кошелекъ привязывалъ дѣдушка къ косѣ? Мосей терпѣть не могъ табакъ, считая его поганымъ зельемъ, и, увидавъ, чтò такое прицѣплено было къ его косѣ, онъ вдругъ вышелъ изъ себя и, не щадя своихъ волосъ, принялся вырывать вплетенныя въ нихъ мочала и снимать съ себя архалукъ и юпку. Въ послѣдней онъ долго путался и сталъ совсѣмъ красный отъ гнѣва и усилій развязать крѣпко затянутый узелъ.

— Безстыдница! Выдумала издѣваться надъ старикомъ, ворчалъ онъ, топчась на одномъ мѣстѣ.—Нашли забаву, окаянные! Ну-ко ты, развяжи!

Это относилось къ кухаркѣ, все еще отъ смѣха не могшей приняться за пряжу. Она помогла ему распутать узелъ, а мы съ бабушкой, сидя на лавкѣ, уговаривали Мосея не сердиться. Отецъ и мать уже ушли изъ кухни, и расходившійся Мосей пошелъ вслѣдъ за ними, прося отца кликнуть меня.

— Вѣдь я къ вамъ не для смѣха приставленъ, а для дѣла, говорилъ онъ. — А вы чтò выдумали? озорничать надо мной! Я и жить у васъ послѣ этого не стану.

— Вотъ расходился, старый хрычъ! прикрикнула на него мать.—Вѣдь, тебя не силой же нарядили? Зачѣмъ поддавался!

— Подай ему рюмку водки, предложилъ отецъ. Но мать, нелюбившая Мосея за грубость и лѣнь, не согласилась и выгнала его изъ комнаты. Мнѣ она сдѣлала выговоръ, пригрозивъ на слѣдующій разъ хорошей волосянкой, если я не оставлю водить компанію съ мужиками. Съ той поры, между Мосеемъ и матерью шла постоянная война, кончившаяся, наконецъ, изгнаніемъ Мосея и водвореніемъ на его мѣсто другаго сторожа.

II.

Въ рудникѣ.

Какъ-то, ужь въ концѣ зимы, отцу вздумалось повезти меня и мать въ рудникъ, въ гости къ смотрителю.

— Мы съ тобой, Софья, въ шахту спустимся, говорилъ отецъ дорогой. Я разумѣется выразила полнѣйшую готовность и удовольствіе.

— Не тамъ ли поджигатель-то работаетъ? спросила мать.

Наканунѣ къ намъ пріѣзжалъ кто-то изъ завода и сообщилъ, что изъ Куфгорта привезли закованнаго въ цѣпи арестанта для работы въ рудникѣ; что сослали его въ работу за то, что онъ ругалъ управляющаго, бунтовалъ народъ и, наконецъ, заподозрѣнъ былъ въ поджогѣ дровъ въ заводѣ. Дровъ, впрочемъ, сгорѣло немного, такъ какъ пожаръ замѣтили во время и погасили. Но, что̀ всего удивительнѣе, взбунтовавшійся былъ сынъ одного изъ служащихъ въ заводѣ, кончившій курсъ въ заводской школѣ и уже съ годъ прослужившій въ правленіи. Отецъ и мать были знакомы съ его родными и знали, что онъ былъ любимый сынъ у матери. «Вотъ и дождалась радости Евгенія Ивановна отъ своего Валериньки!» вздыхая, говорила мать, удивленная и опечаленная этимъ случаемъ:

Подъѣзжая къ руднику, мы были удивлены тѣмъ, что узкая, вся избитая рудовозами дорога была широко расчищена и всѣ выбоины углажены.

— Развѣ ждутъ кого? удивлялся отецъ, оглядываясь по сторонамъ и понукая нашу толстую, неуклюжую лошадь.

— Развѣ вы ожидаете кого? повторилъ онъ свой вопросъ, здороваясь съ смотрителемъ, когда мы пріѣхали въ рудникъ.

— Да ожидаемъ, улыбаясь отвѣтилъ смотритель: — важную особу ожидаемъ сегодня.

— Кого же это? встревожились отецъ и мать:—мы, значитъ, не во время пріѣхали къ вамъ.

— Нѣтъ, отчего же! всѣмъ будетъ мѣста. Особа хотя важная, но насъ она не стѣснитъ.

— Да кто такой будетъ? скажите на милость.

— Локомобиль привезутъ сегодня, смѣясь, сказалъ смотритель.

— Ну, вотъ что̀! а я и въ самомъ дѣлѣ думалъ—важная особа.

— Везутъ! вбѣжалъ запыхавшійся двѣнадцатилѣтній сынъ смотрителя.

— Чтожъ, пойдемте посмотрѣть? предложилъ смотритель, взявшись за фуражку. Мы поспѣшно одѣлись и пошли на дорогу. Тамъ уже собралась кучка мужчинъ, женщинъ и ребятишекъ. Всѣ были въ какомъ-то радостномъ настроеніи: ребятишки суетились, толкались и взвизгивали; женщины подсмѣивались другъ надъ другомъ, что побросали работу и выбѣжали смотрѣть неизвѣстно на что̀. Мы остановились на краю дороги въ то самое время, какъ изъ-за горы показались сани, запряженныя парой, въ нихъ двое мужчинъ въ барашковыхъ шубахъ и бобровыхъ шапкахъ.

— Это—алакшинскій управляющій и механикъ, сказалъ смотритель:—а вонъ, слѣдомъ за ними, и важная особа ѣдетъ.

Важную особу везли на длинныхъ, нарочно устроенныхъ дровняхъ нѣсколько паръ лошадей, запряженныхъ цугомъ. Человѣкъ двацать рабочихъ окружали ее, стоя на отводахъ, на передкѣ и запяткахъ. Всѣ они улыбались, кланяясь съ знакомыми, и самая машина весело блестѣла своей новой щеголеватой полировкой на яркомъ февральскомъ солнцѣ. Такъ какъ дорога шла нѣсколько на подгоръ, то ѣхали довольно быстро и скоро поравнялись съ нами.

— Вотъ такъ штука! говорили бабы, идя толпой слѣдомъ за локомобилемъ.—Гдѣ же это такую штуку изладили? Неужто въ Кужгортѣ? спрашивали онѣ у окружающихъ машину рабочихъ.

— Досталось имъ! отвѣтили тѣ:—изъ-за моря выписали.

— Изъ-за моря! Ишь ты! Сами-то вѣрно не могли такую доспѣть, говорили въ толпѣ. И пошли толки и предположенія о томъ, какъ ее везли изъ-за моря и сколько за нее денегъ заплачено. Мы шли вмѣстѣ съ толпой до рудника, гдѣ въ наскоро сколоченный сарай стали устанавливать привезенный локомобиль.

— Еще много времени пройдетъ, пока его пустятъ въ дѣйствіе; мы той порой успѣемъ въ рудникъ сходить, сказалъ отецъ, обращаясь къ матери.--Пойдешь ты? лѣстницы здѣсь хорошія.

— Нѣтъ, не пойду; боюсь, сказала мать, заглядывая въ шахту.—Не умѣю я ходить по такимъ лѣстницамъ.

— А я пойду, мама? мнѣ можно? просила я.—Я не боюсь.

— Только шубку сними, а то всю отвозишь въ грязи, сказалъ рабочій, котораго смотритель откомандировалъ сопровождать насъ.

— Вотъ, надѣнь мою гуню, предложилъ какой-то мальчишка съ насмѣшливой улыбкой. Я покосилась на него съ недовольнымъ лицомъ.

— Ничего, надѣнь, сказалъ мнѣ отецъ, надѣвая самъ предложенный рабочимъ азямъ.—Только скорѣе, не то оставимъ.

Я быстро надѣла некрасивую гуню мальчишки, подпоясалась какимъ-то обрывкомъ и полѣзла вслѣдъ за начинавшимъ спускаться отцомъ. Впереди всѣхъ спускался рабочій съ пукомъ зажженной лучины, за нимъ шелъ отецъ, и, такъ какъ онъ никогда не бывалъ въ рудникахъ, то спускался очень медленно. За нимъ спускалась и я, задомъ на передъ, держась обѣими ру-

ками за скользкія и грязныя ступени узенькихъ лѣсенокъ, наконецъ, пошли по длинному, нѣсколько искривленному, покатому коридору. Со стѣнъ и потолка звучно капала вода и ручейкомъ струилась по срединѣ земляного пола. Тамъ, гдѣ ручеекъ былъ шире и глубже, были набросаны доски. Въ срединѣ коридора намъ встрѣтился штейгеръ и воротился съ нами, чтобъ показать намъ лучшіе забои. Повстрѣчалось нѣсколько человѣкъ рабочихъ въ грязныхъ рубашкахъ, лаптяхъ и кожанныхъ фартукахъ. На колѣняхъ у нихъ были привязаны ремешками куски кожи. Мы шли довольно долго, какъ вдругъ сопровождавшій насъ рабочій нагнулся и юркнулъ въ какую-то темную дыру въ боку коридора, приглашая и насъ послѣдовать за нимъ. Отецъ, кряхтя, нагнулся. Даже я почти касалась головой потолка этого низкаго прохода. Въ проходѣ намъ встрѣтилось нѣсколько человѣкъ рабочихъ съ тачками. Они ползли на колѣняхъ, толкая тачки передъ собой. Проходъ имѣлъ въ длину саженъ десять, въ ширину около сажени.

— Уфъ! вздохнулъ отецъ, разгибаясь, когда мы вышли въ другой коридоръ, гдѣ можно было стоять прямо.—Зачѣмъ же это тутъ такъ низко? спросилъ онъ, обращаясь къ штейгеру.

— Да вотъ видите ли, здѣсь руды не было, а рыли этотъ проходъ только для того, чтобъ ближе было руду возить. А еслибы все по этому коридору катать руду, такъ надо саженъ пятьдесятъ сдѣлать въ одинъ конецъ, столько же назадъ возвращаться.

— Ну, все-таки, можно бы сдѣлать повыше, а то вотъ извольте съ тачкой-то ползти на колѣняхъ, да еще въ грязи, сказалъ отецъ брезгливо.

— Выше-то дороже бы стоило, возразилъ штейгеръ:—кабы хоть сколько-нибудь руды было, а то все—пустыя породы, да еще очень крѣпкія. Экономію соблюсти захотѣли.

Мы подвигались впередъ не скоро, потому что поминутно встрѣчались рабочіе съ тачками. Одни катили руду, другіе—землю. Работа кипѣла. Изъ коридора, по которому мы шли, начиналось много штрековъ; въ нихъ мерцали сальные огарки и пучки лучины и копошились люди. Въ одинъ изъ такихъ штрековъ или забоевъ мы и вошли.

— Вотъ гдѣ богатство-то, Василій Степанычъ! Вотъ извольте-ко посмотрѣть, сказалъ штейгеръ, взявъ изъ рукъ рабочаго пукъ лучины и поднимая его къ верху, въ уровень съ головой.—Посторонитесь, дайте поглядѣть, прибавилъ онъ, обращаясь къ работавшимъ тамъ мужикамъ. Они посторонились, мы подошли, и

передъ нами заблестѣла и заискрилась стѣна, вышиною въ сажень, синеватымъ желѣзистымъ блескомъ.

— Сплошь руда, сказалъ штейгеръ, поводя пукомъ лучины сверху внизъ:—земли почти-что нѣтъ. Одно слово—богатство!

Отецъ взялъ у рабочаго молотокъ и сталъ отбивать нѣсколько кусковъ руды. А я стояла и глядѣла то на богатство, находящееся передъ моими глазами, то на сгорбленныя и худыя, съ закоптѣвшими лицами, одѣтыя въ невообразимо грязныя рубашки, фигуры рабочихъ, то на свои грязныя руки.

— Что глядишь на руки-то? проговорилъ надъ моимъ ухомъ какой-то грубый голосъ:—измарала, что ли, ихъ? Ничего, вода заберетъ.

Я подняла голову и встрѣтила худощавое, запыленное лицо рабочаго съ жиденькой бородкой и ласковые сѣрые глаза, смотрѣвшіе на меня не то покровительственно, не то укоризненно.

— Ничего, продолжалъ онъ:—вымоешься; за то будешь помнить, каково въ рудникѣ, будешь другимъ сказывать.

Въ это время, въ коридорѣ раздались какіе-то необычайные крики; рабочіе и всѣ мы поспѣшили къ выходу. По коридору бѣжалъ какой-то рабочій, размахивая молоткомъ и звякая кандалами. Увидавъ насъ, онъ закричалъ.

— Изверги! Палачи! Мучители! Не хочу я здѣсь быть больше, не хочу! Лучше въ солдаты пойду. Если меня оставятъ здѣсь, я убью кого-нибудь или себя убью.

И онъ остановился противъ насъ, размахивая молоткомъ. На эти крики рабочіе повысыпали изъ забоевъ и штрековъ и, высоко поднявъ надъ головой пуки зажженной лучины, стояли поодаль и смотрѣли.

— Валеринька! Тебя ли я вижу? вдругъ воскликнулъ отецъ, выходя изъ-за рабочихъ и съ искренней жалостью и ужасомъ протягивая руки. Это и былъ арестантъ, о которомъ мы слышали наканунѣ. У Валериньки опустились руки, и молотокъ, которымъ онъ такъ гнѣвно размахивалъ, упалъ на полъ.

— Василій Степанычъ! вскрикнулъ онъ и, зарыдавъ, бросился къ отцу въ объятія.

Не помню, что говорилъ ему отецъ, но помню, что онъ плакалъ и уговаривалъ его покориться и просить прощенія.

— Никогда! никогда! кричалъ Валеринька: — я сказалъ имъ и повторяю, что готовъ въ солдаты идти. Зачѣмъ они меня здѣсь держатъ? Какой я—работникъ! Я надѣлаю здѣсь вреда и себѣ, и имъ. Помучить имъ охота человѣка, поиздѣваться надъ

нимъ? Ну, такъ будетъ ужь, помучили! А жить у нихъ не стану. И робить не стану. Вотъ я имъ...

И Валеринька оглянулся, отыскивая выпавшій молотокъ. Но рабочіе ужь подняли его и, окруживъ Валериньку, старались оттѣснить его отъ отца въ глубину коридора.

— Скажите имъ, что они—варвары, душегубы! кричалъ Валеринька, обращаясь къ отцу, но отецъ уже не слушалъ и, махнувъ рукой, поспѣшно пошелъ къ проходу. Валериньку, продолжавшаго кричать, тащили въ глубь коридора. Мы вошли въ проходъ, и крики вдругъ точно оборвались; слышалось только поскрипыванье тачекъ и шлепанье ногъ по жидкой грязи. Молча, не проронивъ ни одного слова, поднимались мы по лѣстницамъ и, выбравшись на свѣжій воздухъ, глубоко, радостно вздохнули. Выйдя изъ шахты, мы застали наверху кучку народа, столпившагося посмотрѣть, какъ спустятъ посредствомъ пара первую бадью, колеблющуюся надъ темнымъ отверстіемъ шахты на канатѣ. Совершенно неожиданно для всѣхъ, раздался пронзительный свистокъ, отъ котораго всѣ вздрогнули, нѣкоторые даже вскрикнули, а затѣмъ весело разсмѣялись своему испугу. Когда свистокъ смолкъ, бадья юркнула въ шахту, точно ее бросили туда. Вздрогнувшій и заколебавшійся канатъ показалъ, что она остановилась. Черезъ пять минутъ дали знать, что она наполнена, и бадья почти моментально съ шумомъ вылетѣла кверху. Ловко подхваченная ожидающими рабочими, она быстро выбросила содержимое на землю и, немного поколебавшись въ воздухѣ, снова изчезла въ отверстіи шахты.

— Ну, пошла машина въ ходъ! проговорилъ отецъ и, вздохнувъ, пошелъ къ дому смотрителя.

Возвращались мы домой поздно вечеромъ, и ужь не такъ весело, какъ ѣхали впередъ. Отецъ, совсѣмъ пьяный, спалъ въ саняхъ и занялъ такъ много мѣста, что мнѣ пришлось помѣститься на козлахъ. Кучеромъ у насъ былъ работникъ, котораго намъ дали съ рудника, и я, чтобъ не свалиться съ козелъ, всю дорогу держалась рукой за его ременный поясъ. Рука у меня устала и озябла, и я хотѣла было попроситься сѣсть къ матери въ ноги, но она была такая сердитая и унылая, что я не смѣла и пикнуть.

Спустя нѣсколько времени, узнали мы, что желаніе Валериньки исполнилось: его отдали въ солдаты.

Юровская—ниже. Съ Юровской пристани караванъ былъ отправленъ наканунѣ въ полдень; съ Петровской отправка была назначена въ десять часовъ того же дня, какъ и отъ насъ. Когда, въ шестомъ часу утра, я вышла въ нашу большую комнату, караванный, уже одѣтый въ свой рабочій сюртукъ, подбитый мѣхомъ и страшно выцвѣтшій отъ яркаго весенняго солнца, сидѣлъ за столомъ и основательно закусывалъ. Жена его укладывала ему что-то на дорогу въ кожаный мѣшокъ, благодарила мать и извинялась передъ ней за хлопоты и безпокойство, которыя доставилъ ея мужъ, жившій у насъ все время грузки. Позавтракавъ, караванный простился съ матерью, поцѣловалъ жену и вышелъ на берегъ. Тамъ все уже было готово: рабочіе распредѣлены по коломенкамъ, лоцманы на мѣстахъ. Съ появленіемъ караваннаго, поднялся гулъ отъ говора заспѣшившихъ рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ сильно трусили и прощались съ остававшимися на берегу, какъ будто шли на смерть. Караванный весело шутилъ, стараясь ободрить трусившихъ: ему помогали лоцманы, въ которые выбирались люди бывалые, извѣстные столько же отвагой и находчивостью, сколько знаніемъ теченія рѣки и мѣстныхъ условій. Всѣмъ имъ для храбрости поднесено было по стакану водки, и, когда всѣ встали на мѣста, караванный, стоявшій на скамейкѣ, устраиваемой для лоцмана посрединѣ судна, скомандовалъ:

— Молитесь Богу! и, снявъ свою рыжую шапку съ ушами, широко перекрестился, обратившись лицомъ на востокъ. Всѣ послѣдовали его примѣру и минуты двѣ молча молились.

— Ну, съ Богомъ! Отчаливай! крикнулъ онъ, соскакивая со скамейки, на которую тотчасъ всталъ лоцманъ; а караванный сошелъ на берегъ и командовалъ, стоя на берегу. А такъ какъ его охрипшій голосъ былъ плохо слышенъ, то его приказанія повторялись мужикомъ, обладавшимъ очень здоровой глоткой. Рабочій этотъ, прозванный эхомъ караваннаго, повторялъ не только всѣ приказанія, но и всѣ бранныя слова, которыми караванный подкрѣплялъ свои приказанія. Подъ конецъ онъ до того вошелъ въ свою роль, что сталъ даже подражать движеніямъ и манерѣ караваннаго, и это очень смѣшило всѣхъ стороннихъ наблюдателей. Сами дѣйствующіе, разумѣется, не замѣчали смѣшной стороны: имъ не до того было.

Какъ только отвязали канатъ, коломенка стремительно понеслась внизъ, и на ней поднялась невообразимая суматоха. Сначала, какъ показалось намъ, всѣ забѣгали, затолкались и закричали, но голосъ лоцмана покрылъ этотъ нестройный гулъ; рабо-

чіе бросились къ кормовымъ весламъ и принялись усиленно работать ими [1].

— Слушай команды! кричалъ имъ вслѣдъ караванный.—Слушай команды! повторялъ эхо рабочій. «Анды»! глухо вторила гора. Всѣ примолкли и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ судна. Тотчасъ ниже насъ находилось опасное мѣсто, а именно та куча камней, о которой я упоминала выше. Въ половодье эти камни заливало водой, и только кой-гдѣ торчали ихъ острыя верхушки. Если коломенку наносило на нихъ силой теченія, то она непремѣнно почти моментально разбивалась и шла ко дну. Руда, конечно, пропадала, но рабочіе подвергались большой опасности. Ухватчики—такъ назывались люди, обязанные подавать помощь при крушеніяхъ—стояли около лодокъ, готовые перенимать утопающихъ. Но, на этотъ разъ, коломенка слегка всколыхнулась, круто поворачиваясь, и прошла благополучно опасное мѣсто. Лоцманъ выстрѣлилъ изъ ружья, и караванный радостно отвѣтилъ ему тоже ружейными выстрѣлами. Коломенка скрылась за горой.

Провожающіе поздравили караваннаго съ благополучнымъ отваломъ, и, разумѣется, дѣло не обошлось безъ выпивки. Мать моя и жена караваннаго отправились пить чай, а мы остались и смотрѣли. Ровно черезъ часъ отчалила другая коломенка; снова шумъ, суматоха и крики. Коломенка эта пошла сначала какъ-то не ладно, бокомъ. На ней поднялась страшная ругань; караванный бросился въ лодку и что-то кричалъ, плывя вслѣдъ за коломенкой, но вотъ она сдѣлала туръ и еще туръ и тоже миновала опасное мѣсто. Караванный воротился обратно и, выходя изъ лодки, громко сказалъ: слава Богу! Рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобъ на этомъ мѣстѣ не разбивалось нѣсколько коломенокъ; но на этотъ разъ не разбилась ни одна, и въ одиннадцать часовъ, отправивъ послѣднюю коломенку, караванный выпилъ еще на прощанье, сѣлъ въ косную и отплылъ, салютуя свой отвалъ нѣсколькими ружейными выстрѣлами, которые гулко повторило горное эхо. Берегъ опустѣлъ. Всѣ мы отправились въ комнаты и, пообѣдавши наскоро, снова вышли на берегъ. Теперь мы смотрѣли вверхъ по Асьвѣ, ожидая появленія коломенки съ Петровской пристани. По разсчету алакшинскаго управляющаго, она должна была проплыть мимо насъ въ

[1] Кормовыхъ веселъ бываетъ два: на носу и на кормѣ. Они состоятъ изъ толстаго бревна, въ нижній конецъ котораго вдѣлывается гребокъ, а въ верхній—нѣсколько ручекъ. Чтобъ гребнуть такимъ весломъ, берутся за него разомъ человѣкъ десять. Гребныя же весла употребляются уже тогда, когда выплывутъ въ Каму.

половинѣ перваго, если отвалитъ ровно въ 10 часовъ. На то, чтобъ проплыть сорокаверстное разстояніе, отдѣляющее Позориху отъ Петровской пристани, полагалось два съ половиной часа. Управляющій держалъ въ рукахъ часы и поглядывалъ кверху. 35 минутъ уже, и ничего не видно, 40 минутъ, 45. Появилось, что-то небольшое черное. Всѣ тщетно напрягали зрѣніе, стараясь разглядѣть что̀ это такое. Вслѣдъ за этимъ, показались другіе, еще болѣе мелкіе предметы. Они быстро приближались.

— Сума! закричали рабочіе, стоявшіе выше на берегу, а тамъ рукавицы, шапки...

— Ну, значитъ—убилась, проговорилъ управляющій, пряча часы въ карманъ. Мы глядѣли на плывущія мимо суму, рукавицы и шапки и не замѣтили появленія вверху рѣки новаго предмета.

— А это—что̀? это—что̀? закричали на берегу. Всѣ, кто сидѣлъ, повскакали съ мѣстъ, и у всѣхъ захватило дыханіе. Схватившись за часть еще державшейся вмѣстѣ палубы [1] и кормовое весло, плыли нѣсколько человѣкъ. На самомъ краю торчала женская, повязанная желтымъ платкомъ голова. Одной рукой женщина держалась за бревно, въ которомъ укрѣплялось кормовое весло, въ другой—держала узелъ, приподнявъ его на тоже бревно. Сама она была въ водѣ по поясъ. Кромѣ нея тутъ было еще трое мужчинъ. Ухватчики выплыли на трехъ лодкахъ, чтобъ перенять потерпѣвшихъ крушеніе, но за быстротой не могли попасть во-время, да и боялись, чтобы, при столкновеніи, не опрокинулась лодка. Обломокъ проплылъ мимо насъ и, показавъ по очереди искаженныя ужасомъ лица утопающихъ, устремился прямо на камни. Лодки плыли вслѣдъ за нимъ, тщетно кидая веревки утопающимъ. Вдругъ лодки быстро отвернули въ сторону, выдергивая обратно веревки, за которыя никто не успѣлъ ухватиться.

— Крѣпче держитесь! Крѣпче! закричали съ лодки утопающимъ:—сейчасъ васъ стукнетъ о камни. Баба! бросай узелъ, держись обѣими руками!

Баба выпустила узелъ и обняла бревно съ силой отчаянія. Узелъ поплылъ одинъ, минуя камни и постепенно погружаясь. Раздался трескъ стукнувшейся о камни палубы. Нѣкоторыя доски вынырнули торчмя изъ воды и быстро поплыли далѣе. Люди исчезли подъ водой всѣ, кромѣ бабы, которая плыла съ бревномъ прочь отъ камней, оттолкнутая силой удара. Ее первую пере-

[1] Палуба устраивается въ видѣ плота, ни чемъ не прикрѣпляются къ судну и когда оно разобьется, то палуба снимается водой и плыветъ одна пока не развалится.

няли въ лодку. Переняли и еще двухъ, вынырнувшихъ изъ воды вмѣстѣ съ досками, а третій вѣрно убился и утонулъ. Его ужь и не искали, а везли на берегъ тѣхъ, которыхъ удалось спасти. Всѣ они страшно перекрѣпли и не могли сказать ни слова. Ихъ унесли въ казармы и велѣли имъ дать водки. Съ нетерпѣніемъ и страхомъ ждали мы слѣдующей коломенки. Въ половинѣ второго она появилась и быстро проплыла мимо насъ, благополучно обогнувъ опасное мѣсто. Лоцманъ махалъ шапкой въ знакъ привѣтствія и что-то кричалъ. Въ отвѣтъ, ему тоже кричали что-то и махали шапками. Ровно черезъ часъ появлялись коломенки одна за другой и благополучно проплыли всѣ. Вслѣдъ за послѣдней коломенкой, въ половинѣ восьмого, плыла лодка караваннаго. Съ нея сначала раздалось нѣсколько выстрѣловъ, а затѣмъ, когда она поравнялась съ нами, караванный, высокій черноволосый мужчина, въ дубленомъ полушубкѣ, сдѣлавъ рупоръ изъ рукъ, прокричалъ хриплымъ голосомъ, докладывая алекшинскому управляющему.

— Благодареніе Господу, утонула всего одна коломенка!

— А людей сколько? спрашивалъ управляющій, также сдѣлавъ рупоръ изъ рукъ.

— Не считалъ! раздалось въ отвѣтъ.

Опять замахали шапками, раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ, и послѣдняя лодка скрылась изъ глазъ.

— Ну, не хвастайся очень; впереди то еще много опасныхъ мѣстъ, проворчалъ управляющій, направляясь къ дому. И всѣ пошли за нимъ, проведя на берегу цѣлый день, съ семи часовъ утра и до восьми вечера. Усталая, голодная, назябшаяся, пришла я въ кухню попросить ѣсть. Тамъ сидѣла спасенная женщина, грустно понуривъ голову.

— Ты что̀ такъ закручинилась? обратилась къ ней мать, хлопотавшая около печки въ кухнѣ.

— Хозяинъ, что-ли, твой утонулъ-то?

— Нѣтъ, моего хозяина вытащили, отвѣчала она, не поднимая головы.

— Такъ что̀ же ты? Узла, что ли, жалко?

— Жалко, страсти какъ жалко! проговорила женщина, и по ея блѣдному и худому лицу быстро заструились слёзы.

— Да что у тебя такое было въ узлѣ? спросила удивленная мать.—Перемѣнка бѣлья да развѣ еще хлѣба сколько-нибудь? Такъ чего же объ этомъ плакать. Слава Богу, что сама-то жива осталась!

— Нѣту, родная, не хлѣбъ былъ въ узлѣ-то, отвѣтила женщина: — робёночекъ былъ у меня туто, всего двухнедѣльный еще...

И она закрыла лицо передникомъ и заплакала навзрыдъ.

— Такъ зачѣмъ же ты его выпустила изъ рукъ-то? сказала мать, растерявшаяся отъ этого неожиданнаго объясненія.

— Да закричали: бросай узелъ, держись крѣпче! ну, я выпустила изъ рукъ, сквозь слёзы разсказывала женщина: — а онъ еще долго плылъ; я какъ ужь въ лодкѣ была, такъ все видѣла, какъ онъ плылъ.

— Чтожь ты ничего не говорила мужикамъ? Можетъ быть, и поймали бы.

— Да языкъ отнялся: видѣть-то вижу, а говорить не могу; зубъ на зубъ не попадалъ, такъ меня трясло.

— Съ перепугу, замѣтила мать.—А какъ ты попала туда!

— На пристань-то? Да въ стряпкахъ я тамъ была у мужиковъ. Тамъ робёночекъ у меня и родился. Оставаться-то тамъ нельзя мнѣ, домой надо попадать: весна теперь, работа. Я и вздумала: сплыву, молъ, на караванѣ. Да вотъ и утопила робёночка! И она опять заплакала.

— Бѣдная ты! пожалѣла ее мать:—а еще есть у тебя дѣти?

— Нѣту, не живутъ. Четверо было, да умираютъ все. Думала этотъ жить будетъ: такой здоровенькій родился, да спокойный такой былъ. Ну что ты пособишь? опять вотъ что случилось!

Такъ-то невесело кончился день отвала каравана—день, котораго мы ожидали, какъ большого праздника.

IV.

Страда.

Въ послѣднихъ числахъ іюня отецъ получилъ приказъ ѣхать страдовать. Это значило, что онъ долженъ былъ отправиться на юровскую пристань и тамъ наблюдать за рабочими, которыхъ вышлютъ изъ алакшинскаго завода. Я, разумѣется, стала проситься съ отцомъ. Я страшно наскучалась за зиму, и всякая поѣздка куда бы то ни было казалась мнѣ величайшимъ счастьемъ. Мать отпустила меня неохотно, и, конечно, еслибъ она знала, что̀ такое страда на асьвинскихъ лугахъ, то и совсѣмъ бы не отпустила. Мы выѣхали съ отцомъ въ восемь часовъ утра, но, такъ какъ ѣхали на одной только лошади и дорога была очень дурная, то пріѣхали на юровскую пристань почти ужь вечеромъ.

Мы были очень утомлены и дорогой, и жаромъ іюньскаго дня, и когда наша усталая лошадка, спустившись въ ложбину, поворотила изъ-за горы на берегъ Асьвы, повѣявшей на насъ отрадной прохладой и свѣжестью, мы очень обрадовались. Гора, изъ-за которой мы выѣхали, спускалась къ Асьвѣ двумя неширокими уступами. На нижнемъ ея уступѣ пріютился деревянный, двух-этажный домикъ смотрителя. Узенькая лѣсенка, придѣланная къ лицевой сторонѣ дома, обращенной къ Асьвѣ, вела во второй этажъ, на широкое крыльцо съ навѣсомъ, въ родѣ балкона, висѣвшее почти надъ самой водой. Мы оставили лошадь во дворѣ, находящемся повыше на берегу, пѣшкомъ дошли до дома и тихонько, ни кѣмъ не замѣчанные, взобрались на крыльцо. Лѣстница была крутая и высокая, ступеней въ тридцать, и отецъ, взойдя, поспѣшилъ сѣсть и отереть свой вспотѣвшій лобъ.

— Посмотри-ка, мѣста здѣсь какія! сказалъ онъ, окидывая глазами открывавшуюся передъ ними мѣстность. Я взглянула сначала внизъ, на протекавшую подъ нами Асьву, на широкія луговины, залегшія по обѣимъ берегамъ ея, уходившія далеко къ верху по ея теченію и покрытыя густой богатой растительностью. Прямо передъ нами была прогалина: лѣсистые угоры какъ будто разступались въ этомъ мѣстѣ, и начинавшее понижаться солнце било изъ этой прогалины прямо въ глаза. Я отвернулась и стала смотрѣть внизъ по теченію Асьвы. Небольшая ложбина, изъ которой мы выѣхали на берегъ Асьвы, загораживалась высокимъ утесомъ, острымъ, каменистымъ угломъ врѣзывавшаяся прямо въ воду. Асьва скрывалась за этой горой, дѣлая поворотъ. На широкой луговинѣ на правомъ берегу Асьвы одиноко бѣлѣлъ высокій бѣлый камень, имѣющій видъ исполинской колонны. За нимъ начинались небольшіе лѣсистые угоры, постепенно переходящіе въ цѣлую гряду высокихъ каменистыхъ отроговъ.

— Все то же, что и у насъ, сказала я, оглядѣвшись:—кругомъ горы.

— А вы вотъ завтра сходите на эту гору, вотъ чтò за домомъ-то, такъ съ нея богатый видъ будетъ; очень далеко видать, сказалъ сзади меня чей-то мужской голосъ. Я оглянулась: то былъ петровскій смотритель, здоровавшійся съ отцомъ. Онъ пригласилъ насъ въ комнаты, и мы вошли.

Тамъ мы застали довольно странную сцену: алакшинскій управляющій, тотъ самый, что сплавлялъ караванъ, порядочно навеселѣ, сидѣлъ у окна, на которомъ стояла бутылка съ водой, а на столѣ другая, съ водкой, и возлѣ нея рюмка. Передъ нимъ,

въ почтительной позѣ, стоялъ высокій, сутулый рабочій въ нанковомъ кафтанчикѣ и, усмѣхаясь, теребилъ свою небольшую, темную бородку. Плутоватые, каріе глаза то бѣгали по сторонамъ, то въ упоръ глядѣли на управляющаго и снова скользили въ сторону.

— А! здравствуй Василій Степанычъ! проговорилъ управляющій, протягивая руку вошедшему отцу. — А я со вчерашняго дня здѣсь, съ утра. Ихъ тамъ лѣшій, что-ли, задавилъ?

— Кого это? спросилъ отецъ, не понимая вопроса.

— Да Кирилова съ рабочими. Никого, вѣдь, кромѣ этой дубины, нѣту здѣсь, сказалъ управляющій, ткнувъ пальцемъ въ сторону рабочаго, отошедшаго при нашемъ появленіи къ дверямъ.— Да и онъ-то потому здѣсь, что водкой пахнетъ. Знаешь, чѣмъ я тутъ съ утра занимаюсь?

— Нѣтъ, не знаю. Можетъ, рыбачили, сказалъ отецъ, подсаживаясь къ управляющему и вытаскивая свой кисетъ и трубку.

— Г-мъ, рыбачили... промычалъ управляющій:—вотъ явилась эта дубина да и говоритъ мнѣ: «съ началомъ сѣнокоса!» А у меня тутъ на столѣ бутылка съ водой стояла. Ну, говорю, выпей рюмку водки. Наливай, говорю, самъ. Вотъ онъ и хлопнулъ. Что, каково? спрашиваю. Ничего, говоритъ: кабы другую, да не такую. Ну, погоди, говорю, подамъ и не такую, а ты вотъ эту посудину прежде опростай. Онъ, каналья, черезъ горлышко было припался! Нѣтъ, говорю, пей по рюмочкѣ. Да такъ вотъ съ утра то восьмую бутылку воды этой онъ и тянетъ. А выпьетъ бутылку воды, тогда я ему рюмку водки на закуску...

Управляющій расхохотался, хохоталъ смотритель, разсмѣялся и отецъ.

— Что-же? отъ скуки—и то занятіе, проговорилъ онъ.

Для того, чтобъ трава была скошена, высушена и сметана въ стоги, управляющимъ и смотрителямъ, разумѣется, не было надобности пріѣзжать, такъ какъ изъ среды рабочихъ же выбирарались нарядники, которымъ и поручалось непосредственное наблюденіе за уборкой сѣна; но они, все-таки, пріѣзжали и приказывали смотрителямъ пріѣзжать, чтобъ покутить вмѣстѣ. Водка отпускалась на угощеніе рабочихъ заводовладѣльцемъ довольно щедро, но собственно рабочимъ водки этой попадало очень не много: угощались только тѣ, къ кому начальство особенно благоволило, и тѣ, которые сами назойливо выпрашивали, потѣшая начальство услугами, шутками и чѣмъ только могли. Часовъ съ десяти утра начиналась выпивка и карты. Затѣмъ слѣдовалъ обѣдъ и послѣобѣденный сонъ. Затѣмъ чаепитіе, снова выпивка и карты, вечеромъ устраивалась рыбная ловля. Такъ проходило

иногда съ недѣлю времени, и дней пять, если погода благопріятствовала.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда, пришли рабочіе, но еще не всѣ: остальные пришли только на другой день поутру. Когда часовъ въ восемь утра, я вышла на крыльцо, трава на ближайшихъ луговинахъ была уже подкошена, и вездѣ, куда могъ достичь глазъ, виднѣлись головы рабочихъ или ихъ согнутыя спины, и поблескивали на солнцѣ косы. Дологъ и скученъ показался мнѣ этотъ день, потому что я не знала, чѣмъ его наполнить. Ягодъ собирать, которыя я любила, по близости не было никакихъ, и, побродивъ нѣкоторое время по ближайшимъ склонамъ горъ, я воротилась въ комнаты, занимаемыя семействомъ смотрителя, и принялась возиться съ его двухлѣтнимъ сынишкой. Къ вечеру пріѣхали еще гости: братъ жены смотрителя, фельдшеръ и его сестра, молоденькая дѣвушка. Она очень понравилась мнѣ. Мы просидѣли съ нею на крыльцѣ весь вечеръ, разговаривая, и условились ѣхать вмѣстѣ въ алакшинскій заводъ на слѣдующее же утро.

— Оттуда я какъ нибудь попаду домой, говорила я ей:—а то ждать здѣсь, когда отецъ поѣдетъ, не хочется.

— Чтоже ждать-то? соскучитесь однѣ. Здѣсь только и удовольствія, что пѣсенъ наслушаемся вволю, сказала моя новая знакомка.

И дѣйствительно, въ этотъ вечеръ мы наслушались пѣсенъ вдоволь. Рабочіе разложили костры по берегамъ Асьвы и, расположившись групами, пѣли почти неумолкая. Невозмутимая тишина благодатной, теплой, напоенной ароматомъ скошеннаго сѣна ночи, ясное звѣздное небо съ подымавшимся изъ-за горы мѣсяцемъ, узенькой полоской отражавшееся въ спокойной, тихо журчащей Асьвѣ, располагали къ мечтальности и къ безмолвному созерцанію. Мы притихли и, усѣвшись на ступени крыльца, слушали молча.

— Кто это поётъ тамъ, съ этой стороны? спросилъ за нами чей-то хриплый голосъ. Мы оглянулись. Вверху лѣстницы, держась за перила, стоялъ управляющій и мутными, посоловѣлыми отъ двухдневнаго пьянства глазами глядѣлъ на насъ, указывая одной рукой куда-то въ пространство.

— Мы не знаемъ, отвѣтила моя собѣседница.

— Эй, сюда! Кто нибудь! Сюда! крикнулъ управляющій.

Шедшій по берегу рабочій, до котораго долетѣлъ этотъ возгласъ, сейчасъ же подбѣжалъ къ крыльцу и почтительно снялъ фуражку.

*

— Кто тамъ поетъ? спросилъ у него управляющій, показывая рукой за домъ.

— Не могу знать-съ; наши всѣ здѣсь, отвѣтилъ рабочій, показывая рукой на ближайшую къ дому групу. Управляющій съ минуту молчалъ, прислушиваясь.

— Чудесно поютъ, сказалъ онъ, наконецъ, какимъ-то умиленнымъ тономъ:—Ишь, подлецы, какъ заливаются! И махнувъ рукой, управляющій добавилъ уходя:—снеси имъ штофъ водки туда.

Рабочій послѣдовалъ за нимъ и черезъ нѣсколько времени, со штофомъ за пазухой, почти бѣгомъ бѣжалъ по узенькой тропинкѣ, огибающей возлѣ самой воды утесъ, отъискивать прельстившихъ управляющаго пѣвцовъ. Но черезъ полчаса онъ вернулся съ вытянутымъ и недовольнымъ лицомъ; штофъ съ водкой былъ у него цѣлъ. Мы, въ это время, только-что сѣли за ужинъ, накрытый на крыльцѣ.

— Тамъ никого нѣту-съ, доложилъ рабочій, всходя на крыльцо и останавливаясь передъ управляющимъ. Тотъ не сейчасъ вспомнилъ, куда посылалъ рабочаго, но, увидавъ штофъ съ водкой, который рабочій вытащилъ изъ-за пазухи, вспомнилъ.

— Какъ никого нѣтъ! Кто жь поетъ?

— Да никто не поетъ. Я, какъ забѣжалъ за гору, такъ ничего и не стало слышно. Я думалъ—замолчали, давай кричать: Эй, ребята, сюда! Сюда, на берегъ! никто не отзывается. Я еще побѣжалъ впередъ, еще покричалъ. Все-таки, никого неслышно, я и вернулся.

Управляющій поднялся изъ-за стола и слушалъ.

— Да вотъ, вѣдь, ты слышишь: опять поютъ? Слышите всѣ? Всѣ встали изъ-за стола и начали слушать. Дѣйствительно, за горой пѣли любимую пѣсню алакшинскихъ рабочихъ и пѣли великолѣпно. «Ахъ, вы ночи-ли, ночи темныя» слышалось изъ-за горы.

— Ну вотъ, вѣдь, слышишь? повторилъ управляющій, обращаясь къ рабочему.

— Слышу съ, отвѣтилъ рабочій, прислушиваясь и въ тоже время поглядывая на ближайшую артель сидѣвшихъ около костра рабочихъ. Они сидѣли какъ разъ противъ утеса и то-же пѣли «Ночки».

— Да это они поютъ, а тамъ только отдается-съ, сказалъ онъ, наконецъ, какъ-то нерѣшительно, точно боясь, что на него разсердятся. Снова всѣ начали слушать. Рабочіе вдругъ смолкли; гора, отчетливо повторивъ послѣднія слова пѣсни, постепенно

замолкла, и только звучный гулъ колебалъ свѣжій ночной воздухъ.

Всѣ громко расхохотались, когда поняли ошибку.

— Что же ты давече не сказалъ? обратился управляющій къ рабочему.

— Дя, я давече и самъ не могъ разобрать, гдѣ поютъ, сказалъ рабочій, все еще державшій штофъ въ рукахъ.

— Ну, такъ снеси ты этотъ штофъ въ свою артель, сказалъ управляющій, и рабочій убѣжалъ съ просіявшимъ лицомъ. Долго еще смѣялись надъ ошибкой; а рабочіе, получившіе штофъ водки, закричали, ура! и гора повторила это «ура» и съ прежней отчетливостью стала повторять разудалую «молодку», смѣнившую заунывныя «ноченьки». Послѣ ужина, всѣ, кто еще могъ держаться на ногахъ, сошли на берегъ, подышать чистымъ воздухомъ, полюбоваться на свѣтлую Асьву, отражавшую утесистые берега и узенькую полоску далекаго звѣзднаго неба. Всѣ мы, кромѣ отца, заснувшаго за столомъ, тихо подвигались по берегу къ ярко пылавшему костру. Я оглянулась на домъ, оставшійся позади насъ и на бѣловатую каменную гору за домомъ, облитую блѣднымъ свѣтомъ взошедшаго мѣсяца, и увидала, что по крутой тропинкѣ, гдѣ я съ трудомъ могла пройти днемъ, быстро спускалась какая-то высокая сгорбленная фигура съ палкой въ рукахъ. Я указала на эту фигуру другимъ.

— Еще кого-то Богъ даетъ изъ завода, сказалъ петровскій смотритель. Въ это время, мы подошли къ костру со стороны Асьвы и остановились, и почти одновременно съ нами высокая фигура тоже подошла къ костру со стороны горы, и его яркое пламя освѣтило атлетически сложеннаго темноволосаго мужика съ страшно блѣднымъ лицомъ и унылымъ, потухшимъ взглядомъ большихъ карихъ глазъ. Его сильная мускулистая рука сжимала толстую суковатую палку. Онъ молча поклонился, подойдя къ костру, и съ минуту молчалъ, тяжело дыша. Это былъ лѣсникъ или, по мѣстному названію, старожилъ съ Переломной Горы, верстахъ въ пяти отъ петровской пристани. Кто-то изъ рабочихъ обратился къ нему съ вопросомъ, не помню, какимъ, но помню его отвѣтъ, поразившій всѣхъ и разомъ заставившій примолкнуть и пѣсни, и говоръ.

— Собака бѣшеная меня искусала третьяго дня. Ни пить, ни ѣсть не могу, тоска напала страшная, мѣста себѣ изобрать не знаю. Услыхалъ, что сюда пріѣхалъ фельдшеръ, и пришелъ, не свезётъ-ли меня въ больницу, говорилъ лѣсникъ нѣсколько хриплымъ голосомъ. Сказавъ это, онъ обвелъ всѣхъ грустными, вдругъ вспыхнувшими лихорадочнымъ блескомъ глаза-

ми и, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, опустилъ ихъ въ землю и поникъ головой, крѣпко опершись на глубоко вдавившуюся въ землю палку. Все его красивое блѣдное лицо исказилось отъ нестерпимаго страданія.

— Чтожь тотчасъ не шелъ въ больницу? спросилъ его кто-то, когда прошелъ первый моментъ горестнаго удивленія.

— Да думалъ такъ пройдетъ. Вѣдь, я самъ прижогъ рани-то каленымъ желѣзомъ; думалъ—пройдетъ, сказалъ онъ, не подымая головы.

— Ахъ, ты бѣдняга, бѣдняга! говорили рабочіе, обступая его.

— Однако, братцы, вы бы отъ меня подальше, сказалъ лѣсникъ, вдругъ поднявъ голову и снова оглядывая всѣхъ.—Больно мнѣ тяжело. Связали бы вы меня, братцы; нѣтъ-ли возжей крѣпкихъ. У меня, вѣдь, силища-то страшенная, одинъ на медвѣдя хаживалъ. И, снова вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, онъ переломилъ свою толстую палку, какъ тоненькую тросточку. Трескъ переломившагося дерева, казалось, еще болѣе усилилъ его страданія и, щелкая зубами, онъ закрылъ глаза и протянулъ руки.

— Вяжите, вяжите! бормоталъ онъ:—вяжите хоть кушакомъ. Дѣйствительно, кто-то изъ рабочихъ загнулъ ему руки назадъ и связалъ ихъ кушакомъ, пока другіе бѣгали за возжами. Принесли возжи и вскорѣ подали лошадь фельдшера. Связаннаго по рукамъ и по ногамъ лѣсника усадили въ тележку; двое рабочихъ сѣли по сторонамъ его, а самъ фельдшеръ на козлы и они поѣхали по алакшинской дорогѣ. Мы съ сестрой фельдшера должны были остаться ночевать.

Замолкли пѣсни, и только боязливый, полный глубокаго сожалѣнія и участія говоръ долго еще слышался у костровъ.

Послѣ мы узнали, что лѣсникъ умеръ черезъ нѣсколько дней въ страшныхъ мученіяхъ.

V.

Пропалъ безъ вѣсти.

Помнится, это было въ концѣ лѣта или уже въ началѣ осени; къ намъ поступила новая кухарка. Это была высокая и плотная женщина съ длиннымъ, некрасивымъ лицомъ и грубымъ, почти мужскимъ голосомъ; звали ее Ульяной. Она понравилась моей матери опрятностью и умѣньемъ ходить за коровами. Она

жила у насъ уже съ недѣлю, какъ къ намъ пріѣхалъ управляющій изъ алакшинскаго завода. Между прочимъ, онъ спросилъ объ Ульянѣ и, узнавъ, что она живетъ у насъ, велѣлъ позвать ее въ комнаты.

— Ульяна, тебя Андрей Алексѣичъ зоветъ! прибѣжала я въ кухню.

— Чего ему? не иду я, грубо отрѣзала она, не трогаясь съ мѣста.

— Какъ не пойдешь, зоветъ, вѣдь! Чего-жь ты? Иди.

— Сказала, не пойду. Такъ и ему скажи: не пойдетъ, молъ.

Она сѣла за прялку и такъ усердно начала прясть, что только веретено прыгало и жужжало. Ея и безъ того непривѣтливое лицо стало еще суровѣе; широкія русыя брови насупились, губы сжались. Я постояла передъ ней съ минуту, удивленная и недоумѣвающая, и пошла въ комнаты.

Управляющій разсмѣялся, когда я передала ему отвѣтъ Ульяны, и пошелъ самъ въ кухню. За нимъ шла мать и говорила, что ей очень жаль будетъ лишиться Ульяны, что она—такая работящая и опрятная. Изъ этого я заключила, что управляющій хочетъ увезти Ульяну.

— Ты опять ушла отъ мужа? обратился Андрей Алексѣичъ къ Ульянѣ, которая и не подумала встать и оставить свою работу при его входѣ. Она молчала и не глядѣла на него.

— Идолъ ты эдакой! вѣдь, я тебя веревками велю связать да увезти къ нему.

Ульяна все молчала и пряла.

— Чортъ, не баба! вскричалъ управляющій и, выхвативъ веретено изъ рукъ Ульяны, забросилъ его на палати.

Ульяна быстро встала и, держась одной рукой за прялку, начала говорить спокойно и самоувѣренно:

— Я тебѣ сказала, Андрей Алексѣичъ, что не стану съ нимъ жить—и не стану, хошь что̀ дѣлай. Увезёте вы меня, а я опять уйду. Я у отца и матери жила въ достаткѣ, а онъ меня содержитъ въ бѣдности, силы у его нѣтъ, хорошую работу робить не можетъ, живетъ въ караулахъ, а въ его-ли года жить въ караулахъ. Коровы купить не можетъ... Я поколь въ силахъ, хошь сама что ни на есть зароблю. Здѣсь я живу въ теплѣ, и сыта̀, и жалованье получаю, а съ нимъ что̀ я выживу?

— Да, вѣдь, онъ мужъ—тебѣ, пойми ты, отпѣтая! горячился Андрей Алексѣичъ.

— Что̀—што̀ мужъ! наплевала бы я на его.

— Такъ не пойдетъ ли онъ къ намъ жить? спросила мать,

которой очень не хотѣлось отпустить Ульяну.—Вотъ, вмѣстѣ Өаддея, и пусть живетъ.

— Хорошо, я пошлю его сюда.

— Ладно, пусть прійдетъ, я его вытюжу, сказала Ульяна сквозь зубы, когда управляющій и мать выходили изъ кухни, и въ тонѣ ея голоса слышалось столько гнѣва и презрѣнія, что я такъ и порѣшила, что при встрѣчѣ не обойдется безъ драки, и ужь заранѣе представляла себѣ, кàкъ она будетъ утюжить своего супруга, боясь только одного—кàкъ бы не прозѣвать этой интересной сцены.

Весь другой день я поджидала мужа Ульяны и, все-таки, не видала, какъ онъ пришелъ. Онъ пришелъ рано утромъ, дня черезъ два послѣ того, какъ былъ у насъ управляющій, и, когда я встала и вышла изъ комнаты, онъ уже вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей и смазывалъ тележку въ оградѣ. Я спустилась съ крыльца и подошла къ нему. Это былъ не высокій съ узенькими плечами и впалой грудью мужикъ. Худое испещренное рябинами лицо съ жиденькой желтоватой бородкой и такими же волосами уныло выглядывало изъ-подъ неуклюжей войлочной шапки. Его сѣровато-голубые глаза на нѣсколько мгновеній остановились на мнѣ и потомъ скользнули въ сторону съ выраженіемъ какой-то тоскливой тревоги. Эта тоскливая тревога проглядывала у него всегда и во всемъ. Ульяна держала себя первое время въ отношеніи его очень сдержанно и почти постоянно молчала. За то Данило (такъ звали ея мужа) неутомимо заговаривалъ съ нею, и хотя его часто обрывали выраженіями самаго глубочайшаго презрѣнія, онъ только испуганно моргалъ глазами и умолкалъ, но не надолго. Съ нами онъ иногда разговаривалъ въ отсутствіи Ульяны, но при ней его разговоры всегда прерывались какими-нибудь крайне грубыми и насмѣшливыми замѣчаніями съ ея стороны.

Такъ, когда-то онъ разсказалъ намъ, что родомъ онъ изъ-подъ Кумора, изъ крестьянъ, что отецъ Ульяны взялъ его въ домъ и велѣлъ ему переписаться въ мастеровые, но послѣ—на другую дочь взялъ другого зятя, а его не залюбилъ и выгналъ изъ дому. Что съ тѣхъ поръ и жена его не стала любить.

— А прежде любила? спросила я.

— Да хошь не любила, а все же получше была. А теперь, вѣдь, она меня готова со свѣту сжить. Я этто въ караулѣ собачку себѣ завелъ, небольшую, Шарикомъ звали—такъ она и ее заненавидѣла. Бросила однова въ ее камнемъ, да въ самую спину изгадала, та тутъ и присѣла; покорчилась маленько да и поколѣла.

— Тебѣ жалко было?

— Жалко. Такая ласковая была собаченка! Пса, баетъ, выдумалъ заводить, а ты бы, баетъ, завелъ корову. А собака—что же? вѣдь, тоже животная. Въ глаза тебѣ глядитъ, точно молвить хочетъ, говорилъ Данило.—Просился нынѣшнимъ лѣтомъ опять въ крестьяне, да она не захотѣла: не пойду, баетъ, и не думай въ крестьянки. Да и управляющій не согласился: гдѣ, баетъ, тебѣ крестьянскую работу править: вишь, ты какой лядащій. И почто онъ меня такъ обозвалъ, не знаю! Данило вздохнулъ и задумался.

Вскорѣ послѣ этого разговора, въ ненастное сентябрьское утро, когда мы сидѣли вокругъ стола, съ верховьевъ Асьвы приплыла лодка и въ ней нѣсколько мужчинъ и женщина съ веревочными путами на рукахъ и ногахъ. Женщина эта убила свекра, и ее везли въ алакшинскій заводъ для отправки въ уѣздный острогъ и преданія суду. Когда намъ сказали, что привезли убійцу и что она сидитъ на кухнѣ, мы всѣ пошли посмотрѣть на нее. Мать ожидала увидѣть нѣчто ужасное и очень удивилась, увидавши полненькую, небольшого роста бабеночку, лѣтъ двадцати пяти, съ быстрыми карими глазами и маленькимъ вздернутымъ носомъ. Ея верхняя губа тоже слегка вздергивалась кверху и даже не прикрывала зубовъ бѣлыхъ и мелкихъ, какъ у кошки. При нашемъ входѣ, она съ минуту молча глядѣла на мать и потомъ вдругъ обратилась къ ней съ просьбой.

— Будь мать родная, возьми моего-то ребенка въ дочери. Вѣдь, онъ ни въ чемъ неповиненъ: за что̀ ему страждать?

— Да гдѣ онъ у тебя? спросила мать.

— А вотъ туто на лавкѣ спитъ.

Мать заглянула подъ брошенную на лавкѣ шубу, гдѣ спала укрытая совсѣмъ съ головой дѣвочка лѣтъ двухъ, и вздохнувъ сказала:

— Не надо мнѣ, у меня своихъ много. Потомъ она что-то стала разспрашивать у женщины, а насъ выслала изъ кухни.

Шелъ сильный дождь весь день, и мужики выпросили у отца позволеніе провести у насъ день и ночевать. Они и такъ всѣ перемокли и перезябли дорогой, и имъ хотѣлось немножко отдохнуть и обсушиться. Насъ не пускали въ кухню весь день.

— Что, дѣвочка проснулась? спросила мать, когда Ульяна подала намъ обѣдъ. Она набрала ей старенькихъ рубашекъ моей сестры и хотѣла переодѣть ее.

— Давно не спитъ. Дуракъ-отъ у меня ея съ рукъ не спускаетъ, сердито сказала Ульяна, уходя.

— Пусть ее сюда принесутъ, крикнула ей вслѣдъ мать.

Вошелъ Данило съ дѣвочкой на рукахъ. Ея голова была повязана какой-то синей тряпкой; синяя же холщевая рубашка одѣвала ея миніатюрную фигурку. Крохотныя покраснѣвшія ножки были босы. Дѣвочка держала палецъ во рту и глядѣла вокругъ себя широко раскрытыми удивленными глазами василькового цвѣта. Данило поставилъ ее на полъ и велѣлъ идти къ барынѣ. И она пошла, слегка переваливаясь и нисколько не робѣя. Мать сняла съ ея головы синюю тряпицу, и густые волосы льняного цвѣта, шелковистые и мягкіе, какъ ленъ, волнистыми прядями обрамили ея хорошенькое личико. Мы усадили ее на стулъ и принялись угощать, чѣмъ могли. Она быстро развеселилась, трогала все на столѣ своими маленькими рученками, лепетала что-то и стучала ложкой по столу. Изъ ея лепета мы поняли только, что она все хвалила.

— Ай баско, ай баско! говорила она, притрогиваясь то къ тарелкѣ на столѣ, то къ яркому платку на шеѣ матери, то стукая по столу серебряной ложкой. Тарелки она называла ставцами. Она говорила довольно чисто, только на мѣстномъ нарѣчіи, и мы плохо понимали ее. Данило стоялъ у дверей и переводилъ намъ то, чего мы не понимали. Послѣ обѣда, мать переодѣла дѣвочку въ рубашку и платье сестры, а снятую рубашку велѣла вымыть, и голые ножки обула въ шерстяные чулочки и старенькіе башмаки. Дѣвочка гладила на себѣ платье рукой, гладила чулки и башмаки и долго не рѣшалась въ нихъ ходить. Но, наконецъ, пошла робкими неловкими шагами, высоко подымая ноги. Я подошла къ Данилѣ, все еще стоявшему у дверей, и спросила:

— А что, вѣдь хорошенькая дѣвочка?

Данило не отвѣтилъ. Я взглянула на него: въ глазахъ у него стояли, слёзы, и все лицо какъ-то странно измѣнилось. И умиленіе, и жалость, и глубокая нѣжность сквозили во всѣхъ чертахъ его лица, въ нервно подергивавшихся губахъ, въ глазахъ, устремленныхъ на ребёнка.

— Чтò это ты, Данило? спросила я, удивившись.

— Да ничего, съ усиліемъ выговорилъ онъ, моргнувъ глазами. Двѣ крупныя слезы скользнули съ рѣсницъ и упали на рукавъ его полушубка.

— Пойдемъ, голубушка, я унесу тебя къ мамкѣ, проговорилъ Данило, подходя къ дѣвочкѣ и подымая ее на руки. Мы запросили было, чтобъ онъ оставилъ дѣвочку съ нами, но онъ, подъ предлогомъ, что ребёнокъ своимъ шумомъ помѣшаетъ матери уснуть послѣ обѣда, унесъ дѣвочку въ кухню. Когда мать уснула, я пробралась въ кухню, чтобъ еще разъ посмотрѣть на убійцу и на ея хорошенькую дѣвочку. Данило сидѣлъ у стола, дер-

ла дѣвочку на колѣняхъ и забавлялъ ее старыми разрозненными картинами, которыя были выметены съ соромъ изъ комнаты. Мать дѣвочки спала на лавкѣ, закрывшись шубой; на палатяхъ спали привезшіе ее мужики. Ульяна мыла посуду, сердито постукивая тарелками.

— Ступай, дай сѣна коровамъ! крикнула она, не оглядываясь и не называя мужа.

Но Данило не двигался съ мѣста: онъ, кажется, даже не слыхалъ этого приказанія.

— Тебѣ говорятъ! повторила Ульяна, полуоборотившись и искоса взглянувъ на мужа, раскладывавшаго на столѣ карты. Опять Данило не обратилъ на нее никакого вниманія.

— Пойдешь ты, али нѣтъ? закричала, наконецъ, Ульяна, подходя къ столу.

Данило слегка вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Не пойду, сказалъ онъ тѣмъ же покорнымъ тономъ, какимъ отвѣчалъ «сейчасъ!» только смыслъ словъ былъ другой:— ступай сама.

Ульяна даже руками хлопнула отъ удивленія и ушла изъ кухни исполнять работу мужа, должно быть, первый разъ въ жизни. Я тоже скоро ушла и даже не видала болѣе хорошенькой дѣвочки. Ее увезли вмѣстѣ съ матерью на другой день рано утромъ. Послѣ уже узнали мы о сценѣ, разыгравшейся между Ульяной и ея мужемъ въ ночь, которую убійца провела у насъ. Разбудивъ ночью жену, Данило принялся уговаривать ее взять въ дочери ребёнка убійцы, съ неожиданными для него настойчивостью и энергіей. Онъ убѣждалъ ее всячески, умолялъ со слезами, но Ульяна и слышать не хотѣла. Тогда Данило сказалъ, что онъ самъ возьметъ дѣвочку, возьметъ да и только, не поглядитъ на нее, свою всегдашнюю супротивницу.

— Только смѣй, придурай ты этакой! я и тебя, и ее зашибу, какъ собаку! сказала ему на это Ульяна.

— Ее зашибешь? ребёнка-то? ужаснулся Данило.

Мать дѣвочки проснулась и, вслушавшись въ споръ, разомъ прекратила его:

— Не отдамъ я вамъ ребёнка, хоша бы вы и оба согласны были, сказала она: — вы, бѣдные, сами ничего не имѣете—гдѣ вамъ ребёнка содержать! Мнѣ охота отдать ее въ хорошіе люди, чтобы она нужды не знала.

Тщетно умолялъ Данило обѣихъ женщинъ; ни одна не согласилась. Крестьянка, впрочемъ, можетъ быть, и согласилась бы, но жена Данилы слышать ничего не хотѣла. Дня два послѣ этого Данило ходилъ, какъ въ воду опущенный; онъ вдругъ

какъ-то похудѣлъ и осунулся, тревожное выраженіе глазъ смѣнилось какимъ-то тупымъ уныніемъ. Онъ почти ничего не говорилъ съ женой и или сидѣлъ неподвижно въ углу, облокотившись руками на колѣни, или копался гдѣ-нибудь во дворѣ. Двое изъ троихъ мужиковъ, сопровождавшихъ преступницу, возвратились черезъ два дня и сказали, что ее, въ сопровожденіи третьяго изъ нихъ, отправили къ исправнику, что дѣвочку въ заводѣ не взялъ никто, и она увезла ее съ собой. Послѣ уже, зимой, мы узнали, что дѣвочку взялъ знакомый отцу и матери бездѣтный сельскій приказчикъ. Онъ былъ человѣкъ зажиточный, и съ этой стороны желаніе бѣдной крестьянки исполнилось. Мужики ночевали у насъ и на другой день отправились домой. Путь предстоялъ имъ трудный: подниматься вверхъ по Асьвѣ въ лодкѣ не было никакой возможности, съ дождей она прибыла сильно, мѣстами даже выступила изъ береговъ; поэтому, они отправились пѣшкомъ глухими лѣсными тропинками, идущими къ верховьямъ Асьвы вдоль горныхъ кряжей. Сообщеніе на лошадьяхъ съ верховьями Асьвы возможно бываетъ только зимой. Они уложили по полупуду хлѣба въ свои кожанныя сумы, туда же запрятали соль и порохъ, которымъ запаслись въ алакшинскомъ заводѣ, и очень благодарили мать за коробку спичекъ, которую она дала имъ на дорогу, предварительно уложивъ ее въ жестяную коробку. Одинъ изъ нихъ еще не видалъ спичекъ, хотя и слыхалъ объ нихъ, и очень удивлялся, когда чиркнутая о стѣну спичка загоралась. Другой уже видалъ и даже искалъ ихъ купить въ алакшинскомъ заводѣ, но не нашелъ. Спички только около того времени начали входить у насъ въ употребленіе. Оба мужика были высокіе, широкоплечіе, съ умными, энергичными лицами, съ красивыми темнорусыми волосами. У обоихъ было по кремневому ружью за плечами, по ножу за голенищемъ бахилъ [1] и по топору за кушакомъ. Оба промышляли звѣроловствомъ и охотой и, переплывъ противъ насъ Асьву на лодкѣ, спокойно и смѣло углубились въ лѣсъ, гдѣ въ теченіи двухсуточнаго пути имъ не предстояло встрѣчать жилья человѣческаго. Проводивъ глазами ихъ узковерхія шапки изъ оленьей кожи, долго мелькавшія между обнаженными отъ листьевъ кустарниками, мы съ отцомъ вернулись въ комнаты. Отцу хотѣлось въ тотъ день ѣхать въ алакшинскій заводъ на именины къ управляющему, но мать не соглашалась. Дорога

---

[1] Бахилы, родъ сапогъ, голенищи которыхъ привязываютъ крестъ на-крестъ ремешками отъ щиколки и до колѣна; подошва широкая, безъ каблука; носокъ тупой.

послѣ дождя испортилась, а лошадь у насъ хромала уже другую недѣлю и ѣхать на ней было почти невозможно. Но, раздумавши ѣхать въ алакшинскій заводъ, отецъ рѣшился поздравить управляющаго письмомъ и, написавъ его, послалъ съ нимъ Данилу. Мать тоже дала ему какія-то порученія и наказала не возвращаться вечеромъ, а отправиться въ обратный путь утромъ другого дня. Данило сунулъ письмо за-пазуху, молча выслушалъ приказанія матери и, привѣсивъ за плечи четвертной боченокъ въ холщевомъ мѣшкѣ, предназначавшійся для водки, ушелъ изъ дому часовъ въ десять утра. Въ костюмѣ своемъ онъ не измѣнилъ ничего, а, какъ ходилъ дома въ потасканномъ синемъ бешметѣ и войлочной шапкѣ, такъ и ушелъ. Тщетно мы ждали его на другой и на третій день—Данило не возвращался.

Прождавъ два дня, отецъ поѣхалъ самъ въ алакшинскій заводъ узнавать, что̀ сталось съ Данилой, и возвратился на другой день на здоровой лошади, которую ему дали съ алакшинской конюшни вмѣсто нашей больной, и съ другимъ кучеромъ. Данило не приходилъ въ заводъ, никто не видалъ его тамъ. Управляющій обѣщался послать его поискать, хотя и не было возможности предположить, что онъ заблудился, такъ какъ дорога отъ насъ до алакшинскаго завода была широкая и нѐзачѣмъ было Данилѣ заходить въ лѣсъ. Несмотря на ненастье, дорогу и ея окраины обыскали, заглядывали въ канавы и ямы, смотрѣли по́дъ мостиками, въ рвахъ и болотинахъ, и нигдѣ ничего, даже слѣда никакого не нашли. Такъ и пропалъ Данило. Много разъ, въ долгіе осенніе вечера, прислушиваясь къ шуму вѣтра и завыванью волковъ, которыхъ въ эту осень было какъ-то особенно много, мы говорили о томъ, куда бы это могъ пропасть Данило, и дѣлали различныя предположенія. Сестры говорили, что его волки съѣли, я—что убили разбойники, мать—что онъ ушелъ въ свою родную деревню или куда-нибудь странствовать; но отецъ возражалъ намъ, что волки днемъ на людей не нападаютъ, разбойниковъ въ лѣсахъ у насъ нѣтъ, а въ свою деревню Данилѣ идти нѐзачѣмъ. Однакожъ, въ мѣсто родины Данилы написали и спрашивали о немъ, объявили и по всѣмъ другимъ сёламъ и заводамъ и, все-таки, не узнали ничего. Никто ничего не слыхалъ о Данилѣ, не видалъ ни его, ни вещей которыя на немъ были. На томъ и порѣшили, что онъ пропалъ безъ вѣсти.

VI.

Прошла зима и снова наступила весна. Полтора года уже прожили мы на Позорихѣ, а положеніе нашихъ дѣлъ нисколько не измѣнилось. Зимой мать ѣздила въ Кужгортъ—просить главноуправляющаго о перемѣщеніи отца въ какое-нибудь другое мѣсто, и онъ обѣщалъ. Однакожь, ожидаемаго распоряженія по этой просьбѣ не получилось ни зимой, ни весной.

— Забыли насъ здѣсь, тоскливо говорила мать: — знать, тутъ мы и останемся на-вѣкъ, въ этой трущобѣ.

— Чтò-жь, и въ трущобахъ люди живутъ, съ досадой возражалъ отецъ, котораго сердило постоянное недовольство матери.

Онъ скучалъ сильно и самъ, но не жаловался и даже какъ будто не желалъ перемѣны. Однакожь, мать ѣздила въ Кужгортъ съ просьбой съ его согласія. Во время ея отсутствія отецъ выписалъ двѣ газеты: «Сынъ Отечества» и «Московскія Вѣдомости» и зачитывался ими. Такъ какъ время было военное (это было въ севастопольскую войну), то газеты имѣли особенный интересъ. Только и было разговоровъ и толковъ, что о войнѣ и о политикѣ. У отца и алакшинскаго управляющаго споры по поводу политическихъ соображеній доходили до ссоръ. Часто даже карты забывались для этихъ споровъ. Взамѣнъ газетъ, выписываемыхъ отцомъ, мы получали изъ алакшинскаго завода «Собраніе Романовъ» и «Русскій Вѣстникъ», и я зачитывалась до одурѣнія. Мать, хотя и любила иногда послушать мое чтеніе, все-таки, была очень недовольна, что я для книжки готова все забыть. Чтобъ отвлечь меня отъ этого и поучить чему-нибудь путному, она великимъ постомъ свезла меня въ заводъ къ молоденькой вдовѣ-управительшѣ, поселившейся тамъ зимой. И я, въ теченіи двухъ съ половиной мѣсяцовъ, изучала искуство шить по канвѣ, гладью, строчить строчки и плести кружево. Насъ училось у управительши пять дѣвочекъ, и по вечерамъ мы танцовали подъ звуки стараго оргàна до того испорченнаго, что по временамъ онъ только хрипло вздыхалъ и шипѣлъ, точно тяготился своимъ положеніемъ. Всякій разъ это хрипѣнье и вздохи вызывали въ насъ припадки неудержимой веселости. Жизнь эта до того понравилась мнѣ, что когда, въ половинѣ іюня, мнѣ пришлось вернуться домой, я была очень огорчена. А уѣхать понадобилось потому, что управительшу сталъ сватать какой-то женихъ, и она уѣхала въ Кужгортъ, чтобъ тамъ съиграть свадьбу, и ея маленькая школа рукодѣлья

и танцованія закрылась. По пріѣздѣ домой, я сначала сидѣла за пяльцами по цѣлымъ днямъ, показывая матери пріобрѣтенныя мной познанія. Не оставляла также упражняться и въ танцахъ, что дѣлалось всегда во время послѣобѣденнаго отдыха. Я становилась передъ зеркаломъ въ позицію, присѣдала, кланялась, танцовала вальсъ, безъ кавалера и музыки, и учила сестеръ фигурамъ кадрили. Но вскорѣ все это надоѣло мнѣ, и я снова принялась за чтеніе романовъ, а чтобъ мать не бранила меня и не отнимала книжку, я уходила съ нею въ лѣсъ, будто искать землянику, и, сѣвши гдѣ-нибудь подъ ёлкой, погружалась въ міръ, бóльшей частію, нелѣпыхъ вымысловъ. Разъ, лежа въ лѣсу, я до того была погружена въ чтеніе какого-то романа, что не примѣтила набѣжавшей тучки, и только сильно зашумѣвшій лѣсъ, отъ поднявшагося вѣтра, заставилъ меня оглядѣться. Съ минуту я глядѣла на небо, слѣдя за быстро гонимыми вѣтромъ облаками, клубившимися, какъ дымъ. Прямо передо мной стояла уродливая, съ отломленной вершиной и потому необычайно разросшаяся въ ширину ель гигантскихъ размѣровъ. Вѣтеръ сердито трепалъ ея мохнатыя вѣтви, схватывая ихъ и разомъ заворачивая въ одну сторону. Мнѣ нравилось это; я нѣсколько разъ взглядывала на нее, подбирая листки своей растрепавшейся книжки, и мнѣ казалось, что между вѣтвями качаются какіе-то старые, порыжѣлые бахилы. Вѣтеръ утихалъ, и бахилы скрывались за вѣтвями, принимавшими свое нормальное положеніе; поднимался онъ снова, и опять бахилы высовывались изъ-за загнувшихся вѣтвей, раскачиваемыя вѣтромъ.

— Кто это ихъ тутъ повѣсилъ? думала я, вставая и подходя къ ёлкѣ съ другой стороны. Но только-что я разглядѣла висѣвшій на ёлкѣ предметъ, какъ точно приросла къ мѣсту—до того были сильны изумленіе и ужасъ, охватившіе меня. Тамъ висѣлъ человѣкъ. Когда, наконецъ, я почувствовала, что ноги мои могутъ двигаться, я громко закричала и бросилась бѣжать, роняя по дорогѣ листки изъ своей книжки. Вѣтеръ стихъ, и хлынувшій дождикъ прибилъ къ землѣ эти листки, и по нимъ послѣ отъискали лѣсину съ висѣвшимъ на ней человѣкомъ. Мокрая, грязная, изцарапавъ себѣ лицо и руки, избившись о камни, съ которыми вмѣстѣ я иногда скатывалась на крутыхъ мѣстахъ, я прибѣжала домой и перепугала всѣхъ и своимъ видомъ, и своимъ разсказомъ. Мать сначала не вѣрила мнѣ:

— Ты до того зачиталась, что тебѣ, наконецъ, мечтиться начало, говорила она. Но отецъ повѣрилъ и, взявъ съ собой сторожа Егора, замѣнившаго Данилу, ушелъ въ лѣсъ и вскорѣ возвратился, вполнѣ убѣдившись въ истинѣ моего разсказа. Но

что поразило насъ еще большимъ страхомъ и удивленіемъ, такъ это то, что въ внсѣвшемъ человѣкѣ отецъ и Егоръ признали пропавшаго безъ вѣсти Данилу. Любопытство, все-таки, превозмогло суевѣрный страхъ, который мать чувствовала къ покойникамъ, и она, а съ нею и Ульяна, сопровождаемые отцомъ и сторожемъ, пошли посмотрѣть на удавленника. Домой мать вернулась перепуганная, почти не менѣе меня. Со мной сдѣлался сильный жаръ и бредъ; я тщетно зарывалась въ подушки головой—удавленникъ, съ своимъ страшнымъ, почернѣвшимъ лицомъ и провалившимися глазами, все качался передо мной посреди темныхъ вѣтокъ мохнатой ели. Всю ночь мнѣ прикладывали компресы къ головѣ, и только къ утру жаръ утихъ, и я уснула.

Утромъ отецъ уѣхалъ въ алакшинскій заводъ съ донесеніемъ о нашедшемся мертвомъ тѣлѣ.

Какое впечатлѣніе произвело это происшествіе на Ульяну—не знаю. По наружности, въ ней не было замѣтно никакой перемѣны. Только спать въ тотъ вечеръ она легла позднѣе обыкновеннаго, и двери, къ ночи никогда не запиравшіяся, заперла засовомъ. Точно боялась, чтобъ мертвый мужъ не пришелъ къ ней.

— Истуканъ, не баба! говорила объ ней мать:—хотя бы слезинку выронила или вздохнула, или какъ-нибудь на словахъ пожалѣла.

Когда, по окончаніи слѣдствія, караулившимъ трупъ Данилы, мужикамъ велѣно было зарыть его гдѣ-нибудь въ лѣсу, какъ самоубійцу, они приглашали Ульяну пойти съ ними и проститься съ Данилой, но она отказалась.

— Ты хоть съѣздали посмотри, говорили они: — все же будешь знать, гдѣ могила. А то, вѣдь, и не найдешь послѣ. Развѣ примѣточку тебѣ какую ни на есть поставить?

— Не надо, я искать не буду, громко отвѣтила она. И больше не сказала ни слова. Жить у насъ послѣ этого она не стала, а ушла къ отцу въ заводъ, говоря, что надо помочь ему управиться со страдой.

Скоро послѣ этого и мы переселились съ Позорихи. Получилось, наконецъ, долго ожидаемое распоряженіе о перемѣщеніи отца въ алакшинскій заводъ въ конторщики «до другой лучшей, болѣе подходящей для него вакансіи», значилось въ предписаніи. И мать ожила духомъ и почему-то начала питать надежду на возвращеніе въ Куморъ. Однако, ей пришлось отказаться отъ этой надежды! Мы прожили тутъ не полгода, не годъ, какъ думала мать, а много лѣтъ. Когда мы жили на Позорихѣ, невозможность имѣть всегда водку и неимѣнье выпивающихъ знако-

мыхъ заставляли отца вести болѣе трезвую жизнь; съ переѣздомъ же въ алакшинскій заводъ, отецъ опять часто сталъ ходить по гостямъ и рѣдко возвращался домой трезвымъ. Но я не буду описывать нашу жизнь, которая была также однообразна, какъ и на Позорихѣ, и только чаще стали повторяться ссоры между отцомъ и матерью. Лучше опустить завѣсу на эту жизнь, полную горя и слёзъ.

Въ одну суровую и особенно тяжелую зиму, когда въ алакшинскомъ заводѣ и всѣхъ окрестныхъ рудникахъ свирѣпствовалъ тифъ, мать моя сдѣлалась одною изъ его первыхъ жертвъ. Кàкъ ее хоронили, я не помню, такъ какъ я тоже была больна тифомъ и лежала въ постели. Послѣ ужъ сказывали мнѣ, что отецъ очень плáкалъ и убивался, а мнѣ давали совѣты и наставленія, кàкъ лучше развлекать отца и хозяйничать. Но хозяйничала я очень не долго: черезъ семь мѣсяцевъ послѣ смерти матери, отецъ женился на двадцатипяти-лѣтней дѣвушкѣ, дочери запасчика. Мы уживались съ нею довольно хорошо, потому что она была нетребовательная женщина. Къ тому, что отецъ выпивалъ, она относилась довольно равнодушно, какъ къ чему-то необходимому и неизбѣжному въ нашей жизни, и поэтому у насъ не было ни споровъ, ни упрековъ, ни слёзъ. Когда, бывало, отецъ возвращался домой на-веселѣ, то она ухаживала за нимъ и помогала ему раздѣться, укладывала спать, шутила. Отцу это нравилось, и онъ сталъ замѣтно меньше пить. Наша жизнь потекла покойнѣе и ровнѣе, но почему-то чувствовалось, какъ будто уровень нашихъ требованій понизился. Мать не ходила никуда, кромѣ управляющихъ и попа; теперь же у насъ завелись знакомые попроще. Прежде играли только въ благородныя игры: въ бостонъ, преферансъ и ералашъ; теперь играли иногда и въ дурачки. Отецъ не читалъ мачихѣ своихъ газетъ, ни я—романовъ; сама она читать не умѣла и не интересовалась ничѣмъ, кромѣ кухни, бѣлья и платья. Да еще очень интересовалась тѣмъ, чтò дѣлается у сосѣдей, да и вообще у всѣхъ жителей завода. Такъ прошло около года. Я осталась отъ матери на пятнадцатомъ году; теперь мнѣ шелъ семнадцатый, и меня считали невѣстой. Мачиха моя начинала толковать про жениховъ, и я съ нею толковала о женихахъ охотно. Это и развлекало, и забавляло меня.

Наступило освобожденіе изъ крѣпостной зависимости, но въ алакшинскомъ заводѣ оно произошло какъ-то незамѣтно. Все было по старому, и только мастеровые взяли два дня праздника по прочтеніи манифеста. Однакожь, мало-по-малу, начались тол-

ки, разговоры, ожиданія чего-то лучшаго впереди. По временамъ стали слышаться восклицанія: «такъ что жъ? теперь мы—вольные!» «Э, да что намъ, вѣдь, мы теперь—вольные!» «А вотъ возьму да и уйду, вздумаю и уйду! вѣдь, я теперь—вольный!» и т. п. Около этого времени, я получила письмо отъ тётки, сестры отца, которая жила въ Кужгортѣ. Она приглашала меня къ себѣ погостить, посмотрѣть людей и себя показать. Послѣднія слова въ письмѣ были подчеркнуты.

— Поѣзжай, сказалъ отецъ:—Кужгортъ—большой заводъ, посмотри.

— Можетъ быть, тамъ и женишокъ-то получше выищется, прибавила мачиха.

Я поѣхала смотрѣть людей и себя показывать. Я ѣхала въ Кужгортъ мѣсяца на два, на три, а прожила тамъ два года.

А. К.

«самымъ замѣчательнымъ изъ политическихъ поэтовъ (Германіи) сороковыхъ годовъ» и почему о его стихахъ говорили въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, что это—«поэзія жизни, поэзія здоровья и силы». О значеніи Эбенезера Элліотта едва ли можно составить ясное понятіе по изданному сборнику его стиховъ, такъ какъ издатели выпустили чуть ли не болѣе половины самыхъ замѣчательныхъ его стихотвореній: «Риѳмы о хлѣбныхъ законахъ (Corn Low Rhymes)»; тѣ же его произведенія, которыя имѣютъ совершенно личный характеръ, хотя и заключаютъ нѣкоторыя красивыя и прочувствованныя пьесы (для примѣра упомяну замѣчательное по музыкальному эфекту стихотвореніе «Листья и люди» начинающееся: Drap, drap into the grave, Old Leaf); но, все-таки, эти пьесы не довольно значительны и многочисленны, чтобы служить основаніемъ для прочной литературной славы. Конечно, внимательный читатель найдетъ, что зять и біографъ Элліотта, Уоткинсъ (*У. Wotkins*: «Life, Poetry and letters of Ebenezer Elliot», London, 1850), былъ слишкомъ строгъ, когда сказалъ о стихотвореніяхъ своего тестя (стр. 71): «они, по крайней мѣрѣ, равняются по достоинству, второстепеннымъ (second best) стихотвореніямъ Байрона». И странно, и несправедливо сравнивать поэтовъ столь различныхъ по складу мысли, по культурнымъ привычкамъ и по общественному положенію, какъ лордъ Байронъ и стихотворецъ, пѣсни котораго сочинялись для шеффильдскихъ рабочихъ и пѣлись народными хорами на громадныхъ рабочихъ митингахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ Англіи. Устраняя же всякое сравненіе, читатель, вѣроятно, найдетъ, что, напримѣръ, ода, начинающаяся словами: «Викторія! увѣнчанная кипарисомъ!» и къ которой я вернусь ниже, нетолько стóитъ вниманія по своему содержанію, но еще и по замѣчательной формѣ. Однако, произведенія Элліотта, вообще взятыя отдѣльно отъ эпохи, ихъ вызвавшей и вдохновившей, не могутъ имѣть никакого особеннаго значенія. Остается новая книга Гюго. Она вызвала уже столько хвалебныхъ и порицательныхъ критическихъ отзывовъ, возбудила такую горячую полемику, что, казалось бы, она одна заслуживала бы чисто самостоятельнаго отзыва, независимо отъ прежней дѣятельности автора, отъ которой онъ самъ въ значительной мѣрѣ отрекся. Признаюсь, что я не могу раздѣлять этого взгляда на два тома новаго выпуска «Légende des siècles». Я почти увѣренъ, что, еслибы эти два тома не носили на себѣ громкаго имени Виктора Гюго и если бы въ воображеніи читателя съ каждымъ стихотвореніемъ, въ нихъ помѣщеннымъ, съ каждою строчкою, въ нихъ прочитанною, не ассоціировались совершенно неизбѣжно воспо-

минанія о всей полувѣковой дѣятельности автора «Одъ», «Пѣсенъ въ сумерки», «Наказаній», «Несчастныхъ», то эти томы едва ли вызвали бы нетолько полемику и хвалебныя или рѣзко порицательныя статьи, но врядъ ли были бы прочитаны внѣ присяжнаго кружка тѣхъ, которые читаютъ *все новое*, по вкусу или по обязанности. Это не можетъ вовсе служить укоромъ Виктору Гюго: рядъ стихотвореній, писанныхъ имъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и помѣщенныхъ частью въ сборникахъ того времени, частью въ позднѣйшихъ: «Contemplations» и «Chansons des rues et des bois», доказали совершенно безспорно, что онъ—одинъ изъ величайшихъ мастеровъ французской стихотворной техники и могъ въ свое время дать произведенія нетолько безупречныя, но превосходныя по формѣ. Но теперь ему 75 лѣтъ, и чувство формы должно было неизбѣжно ослабѣть съ годами; всѣ же прежніе его недостатки, давно подмѣченные критиками: и длинноты, и повторенія, и натянутые эпитеты, и невозможныя метафоры— все это должно было разростись еще значительнѣе. Безпристрастный и справедливый читатель не долженъ былъ ожидать отъ новыхъ двухъ томовъ стихотвореній внѣшней красоты, которою увлекалъ читателей Гюго тому 40 или 30 лѣтъ; читатель долженъ былъ заранѣе знать, что въ техническомъ отношеніи едва пять-шесть пьесъ окажутся стоющими въ нѣкоторой мѣрѣ прежнихъ произведеній старѣющаго поэта. Въ «Revue des deux mondes» за 1-ое апрѣля нынѣшняго года, желчный бонапартистъ Сен-Репэ-Тальяндьѐ, только-что освистанный парижскими студентами, приводитъ о Гюго слѣдующій анекдотъ (очень можетъ быть— апокрифическій): Кто-то хотѣлъ издать *избранныя* стихотворенія Гюго; знаменитый поэтъ будто бы отвѣтилъ на это: «Когда путешественникъ возвращается съ Мон-Блана, приходитъ ли ему въ голову поднять камень и сказать: вотъ—гора?» Правда ли это, или нѣтъ, но до сихъ поръ, дѣйствительно, *избранныхъ* стихотвореній Гюго не появлялось. Когда-нибудь подобный сборникъ будетъ составленъ и, при самомъ строгомъ выборѣ, онъ составитъ довольно объемистый томъ, но бо́льшую часть этого тома, какъ слѣдуетъ ожидать, наполнятъ произведенія, относящіяся къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ, затѣмъ изъ позднѣйшихъ войдетъ въ него, вѣроятно, нѣсколько характеристическихъ стихотвореній изъ «Наказаній» и изъ «Страшнаго Года», но очень малая доля какъ перваго, такъ и второго выпуска «Легенды вѣковъ». Изъ двухъ томовъ, только-что появившихся, по художественной отдѣлкѣ, *цѣликомъ*, едва ли можно выбрать стихотвореній пять.—Два лучшія въ этомъ отношеніи, безспорно—«Petit Paul» (II, 321) и «Cimetière d'Eylau», (II, 239), при чемъ по-

слѣднее составляетъ естественный pendant къ знаменитому стихотворенію въ «Наказаніяхъ», гдѣ описывается, какъ снѣгъ падалъ на армію Наполеона, возвращавшуюся изъ Россіи. «Petit Paul» есть короткая біографія ребенка, который выросъ до года любимый дѣдомъ, потомъ попалъ въ руки мачихи, которая его преслѣдовала, убѣжалъ на кладбище къ дѣду и тамъ замерзъ у воротъ. Конечно, и это произведеніе не лишено манерности и вычурности, но лишь настолько, чтобы въ каждой частности признать индивидуальность знаменитаго автора, а есть въ немъ очень красивыя черты: припомню читателямъ мѣсто, которое начинается стихомъ: «Un an, c'est bien petit pour être paria» (стр. 320), но особенно ту тонко подмѣченную психологическую черту, когда злая мачиха, только - что безжалостная для маленькаго пасынка, обращается къ *своему* ребенку и разомъ становится другою женщиною:

Viens toi! Viens, amour! Viens, mon bonheur! и т. д.

Многіе поставятъ рядомъ съ предъидущими стихотвореніями, по простотѣ и красотѣ формы, «Jean Chouan» (II, 233) и «Guerre civile» (II, 317), но мнѣ кажется, что то и другое стихотвореніе должно оттолкнуть многихъ читателей по мысли. О шуанахъ и республиканцахъ недостаточно сказать: «Братья, мы всѣ сражались; мы хотѣли будущаго; вы хотѣли прошедшаго» (стр. 256), потому что это — вовсе не одно и то же, и лишь индиферентистъ имѣетъ право ставить безгранично рядомъ борцовъ за будущее и за прошедшее. Точно также сыщикъ-убійца, котораго народъ милуетъ изъ-за его ребёнка (Guerre civile), многимъ покажется неумѣстной идеализаціей семейнаго элемента, въ виду общественнаго дѣла. Затѣмъ, уже идутъ стихотворенія, въ которыхъ есть прекрасныя мѣста, но рядомъ съ ними уродливости формы или повторенія и длинноты, которыя, въ формальномъ отношеніи, не дозволяютъ назвать стихотвореніе, цѣликомъ, прекраснымъ. Напримѣръ, въ «Question sociale» (II, 339) превосходное сопоставленіе матери-проститутки и дочери-нищей изуродовано выраженіями: enfant formidable, enfant tragique и т. п. Очень красивое, хотя и очень длинное, стихотвореніе изъ средневѣковой жизни: «L'aigle du casque» (I, 257) ослабляется до послѣдней крайности въ концѣ, когда мѣдный орелъ оживаетъ на шлемѣ побѣдителя, по совершеніи послѣднимъ еще одной жестокости, призываетъ «небеса, горы и рѣки во свидѣтели», «que c'est un homme méchant», и начинаетъ клевать его. Очень недурное начало стихотворенія: «Denoncé à celui, qui chassa les vendeurs» (II, 273) кончается самою деревянною моралью. Затѣмъ, уже начинаются длиннѣйшія стихотворенія съ тысячу

разъ повторенною мыслію, которыя признать художественными произведеніями никакимъ образомъ нельзя. Затѣмъ, невообразимыя метафоры и сближенія. Затѣмъ, напримѣръ, рядъ стихотвореній, носящихъ названіе: «Le groupe des idylles», и каждое изъ которыхъ озаглавлено еще именемъ знаменитаго поэта; но чтò общаго между Орфеемъ, Асклепіадомъ, Данте и стихотвореніями, обозначенными ихъ именемъ — этого никто сказать не можетъ. Впрочемъ, еслибы я сталъ кропотливо выискивать всѣ недозволительные промахи формы, которые можно подмѣтить въ двухъ томахъ второго выпуска «Légende des siècles», то это скучное и никому неинтересное дѣло потребовало бы очень много мѣста, и читатель меня за это не поблагодарилъ бы. Мнѣ это тѣмъ болѣе вовсе не нужно, что я съ самаго начала заявилъ, что въ стихотвореніяхъ 75-тилѣтняго поэта странно искать ту художественность формы, которою отличались многія произведенія его молодости. Зато подъ этою слабою уже формою остается содержаніе, мысль автора, оцѣнка которой не лишена значенія, потому что Гюго есть, по мысли, представитель извѣстной доли передовыхъ людей современной Франціи. Но понять эту мысль въ ея особенности можно лишь, прослѣдивъ ея генезисъ изъ первыхъ произведеній Гюго, чрезъ рядъ сборниковъ, составившихъ его славу и удержавшихъ его, несмотря на ослабленіе художественности формы, на первомъ мѣстѣ современной французской поэзіи. Самые недостатки формы Гюго развивались подъ вліяніемъ времени и обстоятельствъ и имѣютъ тоже свое историческое значеніе. Такимъ образомъ, и эти два тома, чтобы получить свой надлежащій смыслъ въ глазахъ читателя, вызываютъ обращеніе къ развитію въ Европѣ лирики тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, какъ отраженія тогдашней современности; при этомъ взглядѣ на вещи, Гюго, Мюссэ, Элліоттъ, Гервэгъ являются элементами одного общаго развитія, которое охватывало и очень много другихъ писателей и произведеній, но отраженіе котораго можно прослѣдить и въ четырехъ авторахъ, имена которыхъ случайно сближены въ настоящую минуту одновременнымъ появленіемъ названныхъ выше книгъ.

Эти четыре личности принадлежали къ различнымъ поколѣніямъ: старшій изъ нихъ, Эбенезеръ Элліоттъ, родился въ 1781 г. Годъ рожденія Гюго всѣмъ памятенъ по его извѣстному стихотворенію: «Этому вѣку было два года; Римъ смѣнялъ Спарту, Наполеонъ уже вырабатывался изъ Бонапарте»... Мюссэ былъ восемью годами моложе Гюго. Наконецъ, младшій изъ четырехъ, Гервэгъ, родился въ 1817 году.

Гюго былъ первый изъ нихъ, который выступилъ съ произведеніями, доставившими ему сразу видное мѣсто въ литературномъ мірѣ Франціи, а, такъ какъ французскій языкъ господствовалъ въ Европѣ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, Гюго вошелъ и въ европейское литературное движеніе. Онъ выступилъ подъ знаменемъ роялизма и строгаго католицизма, одновременно съ Ламартиномъ, подъ вліяніемъ «Le génie du Christianisme» и «Les Martyrs» Шатобріана (первый появился въ самый годъ рожденія Гюго), подъ вліяніемъ Бональда, котораго воспѣвалъ Ламартинъ. Сент-Бёвъ, стоявшій въ началѣ въ рядахъ французскихъ романтиковъ, какъ поэтъ и какъ критикъ ихъ партіи, относитъ къ 1819 г. первыя проявленія этой школы. Въ 1822 г. появились первыя «Оды» Гюго, въ предисловіи къ которымъ 20-ти лѣтній авторъ заявлялъ, что «человѣческая исторія поэтична лишь тогда, когда на нее смотрятъ съ высоты монархическихъ идей и религіозныхъ вѣрованій». Въ нихъ воспѣвалась Вандея, смерть герцога беррійскаго, рожденіе герцога бардосскаго. Въ нихъ католическій Богъ говоритъ «серафимамъ, пророкамъ, архангеламъ» при появленіи Людовика XVII: «Courbez-Vous, c'est un roi». Въ нихъ «l'enfant sublime», какъ назвалъ Виктора Гюго Карлу X-му Шатобріанъ, привѣтствовалъ рожденіе enfant du miracle, какъ рожденіе новаго спасителя міра, ставя рядомъ съ яслями Виѳлеема колыбель, о которой писалъ: «Другою колыбелью Его рука спасаетъ насъ еще разъ». Революціонеры конца XVIII вѣка были тогда въ стихахъ Гюго «кровожаднымъ сенатомъ», «кровавыми когортами», «позорной ордой убійцъ», и XVIII вѣкъ падалъ въ вѣчность подъ грознымъ проклятіемъ. За два года до этихъ первыхъ «Одъ» Гюго, явились первыя «Размышленія» Ламартина, котораго одинъ критикъ нашего времени называетъ «отцомъ лирическаго краснобайства, распространителемъ звучной, но пустой фразы, отсутствія мысли, скрытаго подъ богатыми метафорами, чувствительной мечтательности безразсудныхъ или испорченныхъ умовъ, изливаемой безъ всякой цѣли». Въ его произведеніяхъ полились, рядомъ съ нѣсколькими прочувствованными стихотвореніями личной жизни, безконечныя изображенія плачущихъ ангеловъ съ грустно опущенными крыльями. Другіе поэты прямо перелагали въ стихи главы шатобріановыхъ «Les Martyrs». Въ этомъ молодомъ романтизмѣ реакція Бурбоновъ какъ бы получала свое оправданіе и свое эстетическое прославленіе. Но увлеченіе подобнымъ миражемъ прошедшаго не имѣло корней въ обществѣ и должно было быстро разлетѣться подъ напоромъ его потребности въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Молодое поколѣніе, которое восхищалось «Одами» Гюго и «Размыш-

леніями» Ламартина, было осуждено на горькія разочарованія и на печальную дѣятельность, но, во всякомъ случаѣ, оно не могло остановиться на томъ клерикально-легитимистскомъ маскарадѣ, который справлялся около Людовика XVIII и Карла X. Альфредъ Мюссэ, писавшій подъ впечатлѣніями послѣднихъ годовъ реставраціи, тѣмъ не менѣе, довольно хорошо изобразилъ настроеніе молодёжи, рожденной среди войнъ первой имперіи и очутившейся среди легитимистскихъ торжествъ общества реставраціи.

«Зачатыя въ промежуткѣ между двумя битвами, пишетъ онъ въ «Исповѣди сына вѣка»: — воспитанныя въ коллегіяхъ при раскатахъ барабаннаго боя, тысячи дѣтей смотрѣли другъ на друга мрачно, пробуя свои слабыя мышцы... Одинъ человѣкъ жилъ въ Европѣ; остальныя существа старались наполнить свои легкія воздухомъ, которымъ онъ уже дышалъ»... Затѣмъ, совершилась катастрофа: «Франція, вдова Цезаря, вдругъ почувствовала, что она ранена. Ею овладѣлъ обморокъ; она заснула такимъ глубокимъ сномъ, что старые короли, думая, что она умерла, завернули ее бѣлымъ покровомъ.. Тогда надъ разрушеннымъ міромъ расположилась озабоченная молодёжь. Всѣ эти дѣти были каплями горячей крови, которая затопила землю; они родились среди войны, для войны... Въ ихъ мысли былъ цѣлый міръ; они смотрѣли на землю, на небо, на улицы и на дороги: все это было пусто, и вдали звучали лишь колокола ихъ приходовъ... Со всѣхъ сторонъ сходились люди, еще дрожавшіе отъ страха, который овладѣлъ ими при ихъ отъѣздѣ, тому двадцать лѣтъ. Всѣ они требовали, спорили, кричали... Когда дѣти говорили о славѣ, имъ отвѣчали: «сдѣлайтесь священниками»; когда они говорили о честолюбіи — «сдѣлайтесь священниками», о надеждахъ, о любви, о жизни — «сдѣлайтесь священниками!»...

«Но на трибуну ораторовъ взошелъ человѣкъ, который держалъ въ рукѣ контрактъ между королемъ и народомъ; онъ началъ говорить, что слава—прекрасная вещь и честолюбіе—тоже и война, но что есть вещь еще прекраснѣе, которую называютъ свободою.—Дѣти подняли головы и вспомнили о своихъ дѣдахъ, которые тоже говорили о ней. Они вспомнили таинственные бюсты съ длинными мраморными волосами и съ римскими надписями, стоявшіе въ темныхъ углахъ отцовскаго дома. Они вспомнили, какъ по вечерамъ, на посидѣлкахъ, ихъ бабушки качали головой и говорили о рѣкѣ крови, гораздо болѣе ужасной, чѣмъ рѣки, пролитыя императоромъ. Въ этомъ словѣ: «свобода» для нихъ было что-то, заставлявшее биться ихъ сердца, и какъ отдаленное и страшное воспоминаніе, и какъ дорогая надежда, еще болѣе отдаленная. Они вздрогнули, услышавъ его; но, возвра-

щаясь домой, они увидѣли три корзины, которыя несли въ Кламаръ [1]. Это были трое молодыхъ людей, которые произнесли слишкомъ громко слово: «свобода»... Но слово было сказано, и дрожжи мысли стали неудержимо дѣйствовать на общество, полное противорѣчивыхъ традицій, полное разнородныхъ побужденій къ переработкѣ этихъ традицій. Въ то самое время, когда всѣ барды романтизма воспѣвали коронацію Карла X, самаго полнаго представителя стараго режима, въ ихъ средѣ уже происходило разложеніе понятій. Удаленіе отъ дѣлъ Шатобріана вызвало первые протесты его почитателей противу легитимистскаго правительства, и въ іюнѣ 1824 г., Гюго писалъ свою оду Шатобріану, гдѣ спрашивалъ его: «Скажи, что̀ же тебѣ было дѣлать при дворѣ»? Но несравненно болѣе рѣзкую революцію въ мысли совершали молодые французскіе романтики на чисто литературной почвѣ... Уже въ предисловіи ко второй книжкѣ одъ (1824) Гюго говорилъ: «Существуетъ теперь въ литературѣ, какъ въ государствѣ, двѣ партіи, и война поэтовъ, повидимому, будетъ столь же ожесточенна, какъ была бѣшена война общественная», и затѣмъ, противуполагая новыя литературныя формы старымъ, пытается отвергнуть всякую связь свою съ революціею. «Современная литература, пишетъ онъ:— какъ ее создали Шатобріаны, Стали, Ламеннэ, ни въ чемъ не принадлежитъ революціи. Какъ софистическія и распущенныя произведенія Вольтера, Дидро̀, Гельвеціуса были заранѣе выраженіемъ соціальныхъ нововведеній, развившихся въ дряхлости послѣдняго вѣка, такъ современная литература составляетъ заранѣе получившееся выраженіе религіознаго и монархическаго общества, которое, конечно, выйдетъ изъ среды стольких старыхъ обломковъ, стольких недавнихъ развалинъ. Надо сказать и повторять это: «умы волнуются не потребностью въ новизнѣ, но потребностью въ истинѣ, и эта потребность громадна». И вотъ, для удовлетворенія «потребности въ истинѣ», новые поэты стали взывать къ миѳологическимъ существамъ иной категоріи, отвергнувъ Аполлона, музъ и грацій. Около Виктора Гюго составился знаменитый Cénacle, гдѣ началось поклоненіе новымъ формамъ рѣчи, поклоненіе ихъ представителямъ, взаимное восхваленіе, и въ этомъ кружкѣ, который то съуживался, то расширялся, измѣняя свой составъ, съ двадцатыхъ годовъ до семидесятыхъ, осталось неприкосновеннымъ лишь одно: идолопоклонство предъ всѣмъ, что̀ писалъ, говорилъ и дѣлалъ Гюго; ядовитая атмосфера безусловныхъ почитателей и гиперболичес-

[1] Мѣсто близъ Парижа, гдѣ хоронятъ казненныхъ.

жихъ хвалителей не перестала окружать его, и всѣ недостатки, которые выработались и усилились съ теченіемъ времени въ его произведеніяхъ, должно безспорно приписать именно этой гибельной атмосферѣ хвалителей.—Все же то, что̀ поставило Гюго, несмотря на всѣ его недостатки, на одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной литературѣ, вызвано было вовсе не знаменитымъ Cénacle двадцатыхъ годовъ или преемниками этого Cénacle въ Парижѣ и въ Джерси до нынѣшняго Rappel, но зависѣло отъ той чуткости, съ которой Гюго прислушивался къ измѣненіямъ *мысли* и *общественныхъ стремленій* своей современности, какъ она двигалась внѣ этого Cénacle и его жрецовъ, молившихся на Гюго. Вблизи поэта поклавялись всѣмъ недостаткамъ формы его произведеній, и эти формальные недостатки становились все хуже и хуже. Въ обществѣ подготовлялась революція 1830 года, распространялось недовольство буржуазнымъ королевствомъ Луи-Филиппа, поднялась и разлетѣлась волна идеализаціи бонапартизма, росъ вопросъ о «несчастныхъ», страшная реакція послѣдовала за двухмѣсячнымъ эпизодомъ новой исторіи Парижа 1871 года; и Гюго шелъ, шагъ за шагомъ, подъ вліяніемъ времени впередъ, становился авторомъ бонапартистскихъ одъ, натягивалъ «бронзовую струну» на свою лиру, спрашивалъ: восходитъ или закатывается солнце міра, становился авторомъ «Несчастныхъ», авторомъ «Казней», авторомъ «Ужаснаго года».— Всѣ его произведенія носятъ на себѣ отличительныя черты этихъ двухъ стремленій. Въ «Одахъ» форма безупречна, въ «Orientales» уже проявляется вычурность, которая отразилась въ произведеніяхъ лириковъ всей Европы (всего болѣе у Фрейлиграта въ Германіи и у нашего Бенедиктова). Уже въ «Feuilles d'Automne» и въ «Voix de Crépuscules» находили длинноты и повторенія, тѣмъ не менѣе въ произведеніяхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, какъ напечатанныхъ тогда же, такъ и въ послѣдствіи, въ первомъ томѣ «Contemplations» или въ «Chansons des rues et des bois» еще много прелестныхъ въ своей цѣлости лирическихъ произведеній. Въ послѣдующей лирикѣ Гюго длиннота и вычурность все болѣе преобладаетъ, и лишь мысль выкупаетъ недостатки формы, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она свидѣтельствуетъ о расширеніи и просвѣтленіи взгляда поэта на жизнь, на міръ и на исторію. Но это, по необходимости, вызывало вопросъ: при условіяхъ личнаго развитія и личной обстановки Гюго и при условіяхъ того общества, среди котораго и подъ вліяніемъ котораго происходило его развитіе, возможны ли были для Гюго достаточно широкое развитіе и выработка достаточно яснаго міросозерцанія?

вая поэзія, начинался подъ дурными предзнаменованіями, если одинъ изъ самыхъ крупныхъ его представителей отмѣчаетъ его начало формулою лицемѣрія.—Гюго встрѣтилъ іюльскую побѣду восторженною пѣснью (Dicté après Juillet 1830 помѣщено въ Chants de Crepuscule). «О, будущее великолѣпно! Молодые французы, молодые друзья, вѣкъ чистый и мирный открывается предъ вашими болѣе прочными шагами.—Всякій день принесетъ свое завоеваніе. Мы увидимъ, какъ величественно поднимается подобно безбрежному морю отъ основанія къ вершинѣ, все выше и выше, неудержимая свобода». Онъ описывалъ дни, когда «все возстало: Мужчина, ребенокъ, женщина, всякій у кого были руки, всякій кто обладалъ душою, все пришло, все прибѣжало. И съ шумомъ бросался городъ день и ночь на тяжелые батальйоны. Напрасно ядра, гранаты, пули и картечь разрывали внутренность стараго города; камни мостовой и стѣны, падавшія подъ тысячью усилій, бросали кучи труповъ къ дверямъ домовъ, пушки издали пробивали ряды толпы, но она смыкалась, какъ море волнъ, и задыхающійся набатъ плясалъ на башняхъ, призывая къ бунту предмѣстья своимъ ужаснымъ предсмертнымъ стономъ». «Вчера вы были толпой, говорилъ поэтъ парижанамъ:—сегодня вы—народъ». Но прошелъ годъ, и лирикъ, воспѣвавшій когда-то Бурбоновъ, только-что восторгавшійся великолѣпіемъ будущаго, думавшій одно время, что поэту можно ограничиться формою, какъ въ «Les Orientales», личною поэзіею, какъ въ большинствѣ «Les feuilles d'Automne» («томъ бѣдныхъ стиховъ, чуждыхъ интересовъ борьбы»), начинаетъ этотъ томъ (въ ноябрѣ 1831 г.) предисловіемъ, гдѣ говоритъ: «Настоящая минута серьёзна для политики... Внутри, всѣ общественные вопросы требуютъ перерѣшенія... Наконецъ, внутри, какъ извнѣ, кипитъ борьба вѣрованій, переработка убѣжденій»; Гюго кончаетъ этотъ томъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній своего пера.

«Друзья, еще слово, и я закрываю навсегда эту книгу, отнынѣ чуждую моей мысли... Я—сынъ этого вѣка! Всякій годъ, какое-нибудь заблужденіе уходитъ изъ моего ума; удивляясь самому себѣ и разувѣрясь во всемъ, я преклоняюсь благоговѣйно лишь предъ вами: святая отчизна и святая свобода! Я ненавижу притѣсненіе глубокой ненавистью».—Затѣмъ, слѣдуетъ картина тогдашней Европы и ея повелителей и далѣе:

«О, муза должна идти на помощь беззащитнымъ народамъ! Тогда я забываю любовь, семью, дѣтство и нѣжныя пѣсни, и покой досуга и прибавляю къ своей лирѣ бронзовую струну».

Годы шли. Барбье писалъ свой «Собачій пиръ». Буржуазное

королевство развертывалось въ своемъ биржевомъ и фабрикантскомъ величіи. Усталый Беранже умолкалъ, потому что новые «Ventrus» іюльской монархіи нисколько не отличались отъ прежнихъ «Ventrus», которыхъ такъ хлестко били его пѣсни въ эпоху реставраціи. Гюго выступилъ со своими «Пѣснями Сумерекъ», которыя начиналъ слѣдующей прелюдіей:

«Кàкъ назвать тебя, смутный часъ, который мы переживаемъ? Блѣдный потъ струится у всѣхъ по лбу. Въ небесахъ и въ сердцѣ людей мракъ смѣшанъ со свѣтомъ.—Вѣрованія, страсти, отчаянья, надежды—нигдѣ нѣтъ яркаго дня и нигдѣ нѣтъ полной ночи.—Міръ, надъ которымъ скользятъ призраки, на половину покрытъ тѣнью, гдѣ все очерчивается. Мысль оглушена шумомъ этой тѣни: въ ней смѣшано все: и пѣсня птицелова, и шелестъ листа, подъ которымъ можетъ быть скрыто гнѣздо или развертывается цвѣтокъ.—Въ ней смѣшано все: шаги тѣхъ, которые блуждаютъ безъ дорогъ и ищутъ пути среди обширныхъ полей, и шумъ тростника, зеленые ремни котораго толкаются другъ о друга, и далекій звонъ вечерняго колокола, разсѣевающійся въ небесахъ, и плачъ усталой нищей на дорогѣ, и крикъ того, кто зоветъ сатану, и того, кто молится Іеговѣ, и все убывающіе голоса прохожихъ, и голосъ чувствующаго сердца, и шумъ шаговъ, идущихъ къ цѣли... И звукъ лиры въ ладьѣ, которая скользитъ далеко отъ берега и предается теченію, и вздохи оргàна лѣсовъ на горахъ, и плачущій голосъ городовъ, и стонъ человѣка рядомъ со стономъ вещей, потому что въ этомъ вѣкѣ, полномъ насмѣшекъ, всякое убѣжденіе скоро отлагаетъ въ глубинѣ всѣхъ сердецъ отвратительную тину сомнѣнія! И изъ всѣхъ этихъ шумовъ вытекаетъ странная пѣсня — грозная или благотворная—которую поетъ во мракѣ наша работающая эпоха, гробовщикъ или кормилица, приготовляя ясли или роя могилу.

«На востокѣ, на востокѣ! чтò видите вы вы тамъ, поэты? Обращайтесь къ востоку мыслью и глазами.—Увы, отвѣчали ихъ голоса послѣ долгаго молчанія:—мы видимъ тамъ таинственный свѣтъ! Таинственный свѣтъ въ мрачномъ небѣ бѣлѣетъ на горизонтѣ за холмами, какъ бы дальній огонь нашей кузницы, который виденъ, хотя не слышны еще удары молота. Но мы не знаемъ: предвѣщаетъ ли эта дальняя заря намъ день, истинное жаркое солнце; потому что среди мрака въ этотъ неопредѣленный часъ то, чтò мы принимаемъ за востокъ, есть, можетъ быть, и западъ. Можетъ быть, вечернюю зарю мы принимаемъ за утреннюю! Это солнце, къ которому влечется человѣкъ, это солнце, которое мы призываемъ на горизонтъ, имъ позлащаемый, это

солнце, на которое мы надѣемся, можетъ быть, оно есть закатившееся солнце... Господи! точно ли предъ нами загорается заря? Опасеніе ростетъ ежеминутно. Стало-ли *уже* все неразличимо? Или *еще* нельзя различить ничего? Конецъ-ли это, Господи, или начало? Страшныя сумерки въ душѣ и на землѣ! Закрылись ли *уже* или *еще* не открыты тѣ глаза, для которыхъ въ другомъ мірѣ было создано неизвѣстное солнце, къ намъ идущее или отъ насъ уходящее? Не есть ли это смутное волненіе, на которомъ останавливаются наши мысли, не есть-ли это шумъ крыльевъ, которые всюду готовятся къ отлету! Можетъ быть, въ эту минуту земля говоритъ: «прощай!» Не есть-ли это смутное волненіе, которое поражаетъ нашъ слухъ, иногда чистое, какъ дыханіе, и чарующее, какъ лютня, не есть-ли это шумъ пробуждающагося Эдема? Можетъ быть, въ эту минуту земля говоритъ: «здравствуй!» Тамъ шелеститъ дерево: веселье это или жалоба? Тамъ поетъ птица: плачетъ она, или смѣется? Тамъ шумитъ океанъ: отъ радости-ли, или отъ страха? Тамъ человѣкъ лепечетъ: пѣснь это, или крики? Ни одна душа не спокойна при столь недостаточномъ свѣтѣ.—Печально сидитъ на скамьѣ у стѣны своего дома старый священникъ; онъ наклоняется и, едва различая слова, разбираетъ по складамъ при этомъ мракѣ темную книгу. Напрасно ты мечтаешь, напрасно ты трудишься, священникъ! Человѣкъ не понимаетъ уже того, что̀ открылъ Богъ; повсюду сомнительный смыслъ выставляетъ свои шипы; вотъ угроза, но тамъ обѣщаніе... Что за дѣло! Судьба уноситъ насъ далеко отъ того, что̀ идетъ за нами, уноситъ и тѣхъ, кто бодрствуетъ, и тѣхъ, кто спитъ.—Для смерти или для жизни, нашъ вѣкъ увидитъ совершеніе.—Поблѣднѣетъ-ли или загорится скоро этотъ горизонтъ, который наполненъ неяснымъ и звучнымъ шумомъ—подожди еще нѣсколько минутъ, духъ человѣка! Или распространится мракъ, или свѣтило появится!»

И въ другомъ мѣстѣ того же сборника, въ стихотвореніи отъ декабря 1834 года (Conseil), мы находимъ выраженіе разочарованія. «Ничто еще не дало почекъ на вашихъ вѣткахъ, разбросанныхъ по нашей молодой землѣ, гдѣ въ продолженіи послѣднихъ сорока лѣтъ разбилось столько душъ, ученія, обѣщающія золотые плоды, надежды народовъ, которыя потрясала надъ нашими головами торопливая рука революцій. — Мы все ждемъ! Господи, пожалѣй народы, которые, всегда удовлетворенные лишь на половину, идутъ отъ надежды къ надеждѣ, и покажи намъ, наконецъ, человѣка твоего выбора между всѣми этими трибунами и царями, которыхъ ты пробуешь на Франціи...»

Въ этихъ самыхъ словахъ, писанныхъ въ 1834 году, какъ

въ первой фразѣ «Журнала революціонера 1830 года», безсознательно высказывалась внутренняя болѣзнь общества, которая подрывала ожиданія восторженныхъ лириковъ «великолѣпнаго будущаго», усиливала неясность «общественныхъ сумерекъ» и ослѣпляла глаза прорицателей, смотрѣвшихъ на востокъ. Гюго, со многими своими современниками, могъ увѣрять искренно, что каждый годъ уноситъ изъ ихъ ума какое-либо заблужденіе, какую либо иллюзію; онъ могъ гордиться, что изъ легитимиста сталъ поклонникомъ свободы, и, въ послѣднемъ предисловіи къ «Одамъ», (1853) могъ сравнивать себя съ маршалами республики и имперіи, говоря: «Изо всѣхъ лѣстницъ, идущихъ изъ мрака къ свѣту, наиболѣе заслуживаетъ похвалы и наиболѣе трудна при восхожденіи, конечно, слѣдующая: родиться аристократомъ и роялистомъ и сдѣлаться демократомъ. Перейти изъ прилавка во дворецъ, если хотите—вещь рѣдкая и хорошая, но перейти изъ заблужденія къ истинамъ болѣе рѣдко и болѣе прекрасно». Но дѣло было въ томъ, что поэты бонапартизма, преклонявшіеся предъ величіемъ павшаго деспота Франціи, лгали безсознательно сами себѣ, когда говорили, что они «преклоняются благоговѣйно только предъ «свободою» и «отчизною». — Они имѣли еще слишкомъ много кумировъ, которымъ продолжали поклоняться; они имѣли еще слишкомъ много иллюзій, которыя ихъ отуманивали; они все ждали *одного* какого-нибудь «избранника Господня», въ формѣ цезаря, въ формѣ республиканскаго диктатора, въ формѣ мистическаго пророка; они не знали даже того, *какое* солнце можно ожидать, какое солнце *должно* появиться изъ сумерекъ, охватывавшихъ міръ тридцатыхъ годовъ. Они не имѣли руководящаго начала, которое въ массѣ старыхъ традицій, въ массѣ новыхъ общественныхъ требованій, въ массѣ утопическихъ мечтаній позволило бы имъ отличить жизнь отъ зародыша жизни.—Они, какъ говорилъ Мюссэ въ приводимой выше выпискѣ, вздрагивали при словѣ, которое напоминало традицію горы и жиронды; они чувствовали отвращеніе отъ жалкаго клерикальнаго маскарада реставраціи; но они не отдавали себѣ вовсе отчета въ томъ, на сколько полвѣка, протекшіе со времени Мирабо, Верньйо и Дантона, могли измѣнить смыслъ формулъ, которыя врѣзаны были въ тѣло Франціи событіями конца XVIII-го вѣка; для нихъ внутренній переворотъ девяностыхъ годовъ, по своему историческому величію, чуть-ли не заслонился «военными подвигами» республиканскихъ армій на Рейнѣ, въ Италіи, на «волшебномъ Востокѣ», а эти «подвиги» незамѣтно преображались въ поклоненіе подвигамъ новаго цезаря, незамѣтно вели къ пренебреженію страданій родины въ виду ея «славы», къ пренебреженію

болтуновъ, толковавшихъ о «свободѣ», въ виду блеска, который придала Франціи желѣзная рука того, кто раздавилъ во Франціи свободу. Можно ли было при этомъ видѣть путь изъ общественныхъ сумерекъ? Можно ли было возвыситься до настоящаго благоговѣнія къ свободѣ и къ отчизнѣ въ томъ смыслѣ, который *могли* имѣть эти слова въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ? Нѣтъ; можно было только *искать* выхода, ощупывать грозные вопросы, которые являлись въ неясныхъ очертаніяхъ; можно лишь обращаться къ молитвѣ, признавая, въ то же время, что и окружающимъ священникамъ приходится читать только «по складамъ», во мракѣ, «темныя книги»; можно было лишь провозглашать, что дѣтство есть лучшій періодъ жизни, обѣщать «великолѣпное будущее» и потомъ разочаровываться въ немъ, такъ какъ *избранники* божіе не являлись. Можно было дѣлаться изъ легитимиста поклонникомъ Наполеона, «пророкомъ его», замѣнить оду на коронацію Карла X стихотвореніемъ о Наполеонѣ II, о іюльской революціи, затѣмъ «Наказаніями», но яснаго взгляда на жизнь, на общественныя задачи, на историческое значеніе явленій не могло выработаться въ этой сферѣ мысли. Стихотворенія могли быть очень поэтичны, очень прочувствованы и выработаны, но они не могли быть художественными прорицаніями истины, невидимой большинству, какъ хотѣли себя увѣрить эти романтики, такъ любившіе отожествленіе *поэта* съ пророкомъ, потому что въ головахъ этихъ прорицателей существовали такія же сумерки, такіе же идолы, такія же иллюзіи, какъ и среди большинства, ихъ окружавшаго.

Въ данномъ случаѣ, французскаго клерикальнаго, а потомъ либеральнаго романтизма, дѣло ухудшилось еще однимъ обстоятельствомъ, которое зависѣло частью отъ случайнаго личнаго положенія его представителей, частью и отъ общаго факта борьбы противъ старыхъ литературныхъ авторитетовъ—явленія, характеризовавшаго нѣмецкій романтизмъ Тиковъ и Шлегелей въ началѣ вѣка точно такъ же, какъ французскій романтизмъ позднѣйшаго времени. Романтики сомкнулись въ исключительную клику, поставили на своемъ знамени девизъ новой литературной формы, которая должна была удивить и поразить ихъ современниковъ, неизбѣжно перешли въ искуственность и въ вычурность, а, вслѣдствіе исключительности и самопоклоненія клики, легко вдались въ фразёрство и въ игру словами, которая, какъ для автора, такъ и для его поклонниковъ, совершенно замѣнила поэтичность образовъ и выработку простоты и искренности слова. Эти общія причины, вызвавшія всюду вычурность романтизма, усилились для Гюго тѣмъ личнымъ идолопоклонствомъ, которое

его окружало въ семьѣ и въ кругу друзей съ самаго начала его литературной дѣятельности до настоящаго времени—идолопоклонствомъ, которое считало преступленіемъ малѣйшее порицаніе недостатковъ его слога. При отсутствіи добросовѣстной критики, Гюго постоянно усиливалъ всѣ недостатки своей стихотворной формы, а онъ ей придавалъ особенное значеніе.

Съ гордостью писалъ онъ въ 1834 г. (напечатано въ позднѣйшихъ «Contemplations»). «Итакъ, именно *я*—агнецъ и козлище отпущенія. Въ хаосѣ вѣка, сжимающемъ ваше сердце, я попралъ ногами вкусъ и старый французскій стихъ и сказалъ—отвратительный я человѣкъ — мраку: «да будетъ!», и мракъ насталъ... Я признаюсь: я—тотъ возмутительный человѣкъ, и хотя, по правдѣ сказать, я думаю, что совершилъ еще иныя преступленія, которыя вы упустили изъ виду: немножко затронулъ темные вопросы, изслѣдовалъ слова̀, искалъ лекарства, оскорбилъ старые вьюки стараго ослинаго завода, потрясъ прошедшее съ верху до низу и разорилъ содержаніе настолько же, насколько и форму—но я ограничиваюсь этимъ: именно *я*—громадное чудовище, именно *я*—ужасный и незнающій границъ демагогъ и разоритель стараго букваря. Потолкуемъ... Вотъ, честно высказанныя, многія изъ моихъ преступленій, и я приношу мою голову... Я произвелъ простолюдина — точное слово, изъ капрала въ полковники... Всѣ слова теперь облиты свѣтомъ; писатели освободили языкъ... Такъ заканчивается процессъ движенія. Благодаря тебѣ, священный прогрессъ: революція звучитъ теперь въ воздухѣ, въ рѣчи, въ книгѣ». Но эти слова̀ были лишь отчасти вѣрны. Дѣйствительно, ломка формы для французскаго стиха была громадна подъ перомъ Гюго, и смѣлость образовъ, какъ смѣлость языка, должна была испугать поклонниковъ рутины съ самаго начала. Если нѣкоторыя баллады или «Восточныя стихотворенія» 1828 г. представляли неслыханную для французскаго языка легкость и простоту оборота, напримѣръ, нѣкоторыя мѣста «Pas d'armes du roi Jean»:

Cette ville
Aux longs cris,
Qui profile
Son front gris
Des toits frêles,
Cent tourelles,
Clochers grêles,
C'est Paris! и т. д.

Или знаменитые «Джинны», которые начинаются чисто-музыкальнымъ изображеніемъ тишины

Murs, ville
Et port,

Asile
De mort,
Mer grise
Où brise
La brise —
Tout dort...

Затѣмъ ростутъ по длинѣ стихи, вмѣстѣ съ ростущимъ шумомъ и движеніемъ, которое описываетъ поэтъ, до двѣнадцатисложной строфы: «Cris de l'enfer! Voix, qui hurle et qui pleure! и т. д., и затѣмъ снова убываютъ до замирающей строфы:

On doute
La nuit...
J'ecoute:
Tout fuit,
Tout passe;
L'espace
Efface
Le bruit.

Но тогда уже проявлялись черезчуръ дерзкіе пріемы стихосложенія, которые можно было бы принять скорѣе за каррикатуру на новую школу, чѣмъ за серьёзное ея произведеніе. Такимъ дозволительно считать, напримѣръ, конецъ баллады: «La chasse du Burgrave» (тоже 1828 г.):

Et tandis que ton sang ruisselle,
Celle
Qu'epousa le comte Alexis
Six,
Sur le front ridé du Burgrave
Grave,
Pauvre cerf, des rameaux aussi;
Si
Qu'au bourg vous rentrez à la brune
Brune,
Après un jour si hazardeux,
Deux.

Если подобныя вещи писались въ *серьёзъ*, то немудрено, что большинство принимало точно такъ же въ *серьёзъ* и знаменитую «Балладу лунѣ», которую писалъ, по собственному своему сознанію, какъ пародію, 19-ти лѣтній Альфредъ де-Мюссэ.

«Les Orientales» были сборникомъ, спеціально-посвященнымъ формальному элементу стихотворства и образности. Совершенно понятно, что поэзія, которая ищетъ *сознательно* только форму, независимо отъ содержанія, должна обратиться въ фразёрство, и фраза, вычурная метафора, невозможный эпитетъ сдѣлались характеристикою направленія, обозначеннаго именемъ Гюго. Подъ этою фразою вѣрная мысль искажалась до каррикатурнаго преувеличенія, ложная мысль проскользала подъ покровомъ пыл-

каго выраженія. Гюго вполнѣ ошибался, когда онъ приписывалъ себѣ «производство изъ капраловъ въ полковники» *точнаго слова*. Въ большинствѣ его произведеній, какъ въ большинствѣ произведеній его школы, а она, какъ сказано выше, распространилась на всю Европу, «точное слово» точно такъ же оставалось нижнимъ чиномъ, какъ и у классиковъ; въ высшихъ должностяхъ служила новая аристократія словъ; только это не была аристократія, сглаженная, выравненная, подстриженная и напомаженная, подобно маркизамъ времени Людовика XV: это была аристократія, одѣвавшаяся въ крикливыя краски, съ искуственно взъерошенными волосами (poëte échévelé, sublime — модный терминъ школы), съ искуственной безцеремонностью манеръ, но, все-таки, аристократія, для которой простота и безъискуственность выраженія составляли плебейство. Буржуазная монархія, со своими «львами», была лишь измѣненнымъ изданіемъ предшествовавшихъ merveilleux, ѐще болѣе раннихъ précieuses и позднѣйшихъ gommeux. Лживое общество «сумерекъ» XIX вѣка, она постоянно пыталась приспособить во всѣхъ сферахъ противурѣчивыя слова, какъ «революціонеръ 30 года» приспособлялъ «слово — *монархія*» къ «вещи — *республикѣ*»; она представляла, подъ покровомъ либеральныхъ фразъ, самую ожесточенную борьбу между личностями за чинъ «избранника» судьбы, «бога» минуты (Мюссэ спрашивалъ: «Qui de nous va devenir un Dieu?»), чтобы въ этомъ чинѣ распоряжаться общественными силами и средствами въ *своихъ* видахъ, совершенно такъ же, какъ ими распоряжались и до сихъ поръ «избранники» судьбы. Экономическіе вопросы выступали все ярче на первое мѣсто. Раздраженіе между классами обозначалось все опредѣленнѣе, и будущій авторъ «Несчастныхъ» писалъ въ 1830 г.: «Законъ, который снизу (?) кажется несправедливымъ и дурнымъ, сказалъ однимъ: *наслаждайтесь*, другимъ: завидуйте» («Pour les pauvres» въ «Feuilles d'automne») и находилъ исходъ изъ народныхъ бѣдствій лишь въ старинномъ «милосердіи». Но даже милосердіе было диссонансомъ или лицемѣріемъ въ обществѣ, гдѣ повсемѣстно кипѣла борьба за обогащеніе, гдѣ въ парламентахъ беранжеровскихъ «ventrus» выработывались министры, подобные Тесту и Кюбьеру, чтобы позже разцвѣсти еще полнѣе среди второй имперіи. Ея время должно было указать «избранниковъ судьбы» въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ могла ожидать цивилизація XIX вѣка; это были: Наполеонъ III во Франціи, князь Бисмаркъ въ Германіи. Еслибы романтическая литература была истиннымъ выраженіемъ времени въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, она могла быть только отрицательною, сатирическою, она могла только би-

чевать то общество, которое фигурировало въ романахъ Бальзака, въ «Мемуарахъ діавола» Сулье. Но романтики школы Гюго были столь же неспособны къ общественной сатирѣ, какъ къ «точному» выраженію и къ простотѣ. Имъ нужно было воспѣвать нѣчто великое и громить нѣчто великое среди міра нравственныхъ и политическихъ пигмеевъ. Они завертывали въ театральныя тоги и ставили на театральные котурны мелкихъ торгашей и политикановъ, заботившихся лишь о вопросахъ самого мизернаго эгоизма. Въ то время, какъ одна отрасль литературы, Скрибы, Поль-де-Коки и многое множество другихъ, прямо купали читателей и зрителей въ пошлости, какъ естественномъ проявленіи общественныхъ влеченій, романтики возвеличивали эту пошлость жизни до небывалыхъ и невозможныхъ героевъ даннаго слова, героевъ долга, героевъ преступленія, и Гюго, думавшій разгромить владѣльца Франціи въ своихъ «Châtiments», самъ не сознавалъ, что придавалъ этому шулеру на престолѣ трагическое значеніе, которое ставило слишкомъ *высоко* его мелкую и тупую фигуру. «Собачій пиръ» Барбье для эпохи Людовика-Филиппа, какъ «Собачій пиръ» Золà (и вообще Ругоновъ) для второй имперіи, принадлежатъ къ крайне немногимъ литературнымъ произведеніямъ, въ которыхъ *сознательно* характеризовано это общество XIX вѣка въ его нравственномъ развитіи. Бальзакъ характеризовалъ первое полнѣе и вѣрнѣе, но совершенно безсознательно, чисто вслѣдствіе художественнаго такта, безо всякаго участія теоретическаго пониманія грязнаго міра, который онъ возсоздавалъ; Бальзака въ этомъ отношеніи совершенно справедливо можно сравнить, какъ мнѣ кажется, съ Гоголемъ. Романтизмъ же Гюго и его школы, какъ стремленіе насильственно стать на идеальную точку зрѣнія среди общества, не имѣвшаго идеаловъ, долженъ былъ фатально привести къ литературѣ фразы, къ новому маскараду великими идеями среди господства биржевыхъ интересовъ, причемъ новые маскарадные костюмы были ничѣмъ не лучше только-что сданныхъ старьевщикамъ реставраціонныхъ костюмовъ съ ихъ средневѣковыми формами жизни того же общества. Несмотря на громадный талантъ и на личную искренность Гюго въ мысляхъ, имъ высказанныхъ, онъ и его школа были обречены своимъ положеніемъ на направленіе, въ которомъ господствовали фальшь и вычурная фраза.

Тѣмъ не менѣе, если фатальное вліяніе эпохи, которая, подъ маскою либеральныхъ идей, преслѣдовала мелкія эгоистическія цѣли, осудило лирику Гюго и его школы на фальшь и на фразу, должно отдать ему справедливость, что онъ съ самого начала

поставилъ для поэзіи высшія общественныя цѣли, стремился сдѣлать ее выраженіемъ интимныхъ идей общественнаго движенія и во всю жизнь оставался вѣренъ этому стремленію. «Поэзія, писалъ онъ въ предисловіи къ первому изданію своихъ одъ (1822):—не въ формѣ идей, но въ самыхъ идеяхъ». При самомъ преувеличенномъ понятіи о средствахъ, которыя даетъ поэту его талантъ, онъ налагалъ на поэта и высшую историческую обязанность. «Поэтъ долженъ стремиться въ особенности, писалъ онъ въ предисловіи 1824 г.: — исправить зло, сдѣланное софистами. Онъ долженъ идти предъ народами, подобно свѣточу, и указывать имъ путь».

И въ эпоху, о которой я говорю, не въ одной Франціи и не въ одной сферѣ романтизма высказывалось это стремленіе поэзіи служить общественнымъ задачамъ. Въ Англіи, подъ вліяніемъ движенія, вызвавшаго реформу парламента, организаціи рабочихъ обществъ, проповѣдь Оуэнизма, волненіе чартистовъ, лигу противъ хлѣбныхъ законовъ и отмѣну послѣднихъ, возникла довольно обширная лирика писателей, которые никогда не были въ чинахъ первостепенныхъ, но поэтическое слово которыхъ громко звучало въ возбужденныхъ массахъ. Тутъ не было никакого стремленія подставить метафизическія начала подъ побужденія эпохи. Когда англичанинъ писалъ о «свободѣ», онъ понималъ подъ этимъ опредѣленную форму свободы при опредѣленной формѣ законовъ и общественныхъ отношеній, или онъ прямо искалъ поэтическую сторону въ техническихъ успѣхахъ періода. Такъ, Эбенезеръ Эллiотъ и Чарльзъ Мэкэй воспѣвали желѣзныя дороги («Steam of Sheffield», «The Poetry of Railways»), и Мэкэй восклицалъ: «Нѣтъ поэзіи въ желѣзныхъ дорогахъ?—безумная мысль!» Такъ, Эллiотъ воспѣвалъ прессу, которая «приноситъ благословленіе всѣмъ странамъ», которую онъ называлъ «вторымъ ковчегомъ». Тутъ было менѣе искуственности уже потому, что дѣло никогда не ограничивалось какою-либо книжною или театральною борьбою между романтиками и классиками или похвалами какого-нибудь узкаго поэтическаго Cénacle. Въ то время, какъ восьмидесятилѣтніе лорды проводили ночи въ спорахъ о реформѣ парламента, десятки тысячъ рабочихъ и либеральной буржуазіи собирались близь Бирмингэма на Ньюголъ—Гилль 7-го мая 1832 года и, выжидая рѣшенія парламента, пѣли торжественный «гимнъ союза» (Union hymn).

«...Мы быстро идемъ на священный призывъ свободы! Мы идемъ! Мы идемъ, мы идемъ совершать славное общее дѣло! Слышишь! мы повторяемъ отъ моря до моря священный пароль: свобода!

«Богъ ведетъ насъ съ поля, съ моря, отъ плуга, отъ наковальни, отъ ткацкаго станка! Мы идемъ спасать права нашей родины. Слышишь, мы повторяемъ отъ моря до моря священный пароль: свобода.

«Богъ ведетъ насъ! Мы не обнажаемъ меча, мы не зажигаемъ восковыхъ огней. Во имя союза, справедливости, разума, закона, мы требуемъ себѣ наслѣдственнаго права нашихъ отцовъ. Мы повторяемъ пароль: свобода! Мы хотимъ, мы хотимъ, мы хотимъ быть свободными!..»

Погруженные въ перипетіи общественной борьбы, поэты этого направленія въ Англіи не сомнѣвались, что «сумерки» тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ предшествуютъ восходу общественнаго солнца, а не его закату. — Въ 1846 г., Чарльзъ Мэкэй писалъ свое стихотвореніе, которое повторялось англичанами во всѣхъ частяхъ свѣта:

«Люди мысли! бодрствуйте и работайте ночью и днемъ! сѣйте зерно, срывайте покровы, расчищайте дорогу! Люди дѣла! помогайте имъ и поддерживайте ихъ, какъ можете! Ключъ готовъ брызнуть, свѣтъ готовъ сверкнуть, теплота готова разлиться, цвѣтокъ готовъ развернуться, полночный мракъ готовъ просвѣтлѣть. Люди мысли, люди дѣла, расчищайте дорогу!

«Помогайте зарѣ, слово и перо! Помогайте ей, надежды честныхъ людей! Помогай ей, бумага! помогай ей, типографскій шрифтъ! Помогайте ей, потому что часъ пришелъ, и наше дѣло не должно обратиться въ игру! Люди мысли, люди дѣла, расчищайте дорогу!»

«Смотрите! Туча готова разсѣяться на свѣтломъ небѣ! Безстыдная несправедливость готова распасться, какъ глина! Смотрите: право готово побѣдить! Расчищайте дорогу!»

Въ этой фалангѣ поэтовъ общественнаго движенія въ Англіи видное мѣсто занимаетъ Эбенезеръ Элліотъ (новое изданіе стихотвореній котораго только-что появилось). Онъ рано началъ писать стихи, но онъ останется въ исторіи литературы, какъ выразитель общественнаго движенія, только подъ своимъ прозвищемъ «Риѳмача о хлѣбныхъ законахъ (Corn-Low Rhymer)» и по своимъ стихотвореніямъ, все возвращающимся къ страданіямъ бѣднаго народа подъ тяжестью налоговъ и высокой цѣны хлѣба.—Онъ самъ вышелъ изъ простонародья, долженъ былъ долго и упорно бороться съ бѣдностью, нѣсколько разъ начинать съ начала устройство своей жизни, сближался съ реформистами, съ оуэнистами, съ чартистами, но расходился со всѣми, кто не достаточно упорно держался его дорогой идеи—отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Кругозоръ Эбенезера Элліота былъ неосо-

бенно широкъ въ общественномъ отношеніи. Онъ непомѣрно радовался торжеству парламентской реформы 1832 года и непомѣрно возвеличивалъ за это ограниченнаго и капризнаго Уильяма IV; онъ воспѣвалъ политическаго интригана Гэскенсона и виговъ-реформистовъ; онъ писалъ эпиграммы на комунистовъ, когда ему казалось, что движеніе, вызванное Оуэномъ, можетъ противодѣйствовать его любимой цѣли, но за то съ истинно британскимъ упорствомъ онъ со всѣхъ сторонъ нападалъ на дороговизну хлѣба и на подати, подавлющія бѣдняковъ, съ полнымъ сознаніемъ, что онъ исполнилъ гражданскій долгъ. «Для тебя, моя родина, писалъ онъ:—я исполняю строгую обязанность человѣка, рожденнаго свободнымъ, не обращая вниманія на то, что ослы, волки и ядовитыя пресмыкающіяся грозятъ мнѣ, хлопая ушами и выставляя свои зубы». Должно сказать, что въ иныхъ своихъ стихотвореніяхъ по этому предмету онъ возвысился до истинной поэзіи, несмотря на однообразіе мотивовъ. Въ одномъ стихотвореніи онъ говоритъ умирающей работницѣ:

«Иди, милая, и отдохни тамъ, гдѣ бѣдные перестаютъ платить.—Ты таешь, мало-по-малу, отходя въ страну блаженныхъ... Тамъ не работаютъ въ отчаяньи; тамъ нѣтъ ни притѣснителей, ни притѣсненныхъ; тамъ нѣтъ налога на хлѣбъ, такого же обжорливаго, какъ могила. Но тамъ ждутъ тебя съ улыбками и слезами твоя гордость—браконьеръ, котораго потопилъ далекій океанъ, и его братъ, зарѣзанный на войнѣ, и ихъ мать, которая умерла отъ разбитаго сердца, и ребенокъ, который сосалъ, пока не замерзъ на ея груди.—Иди, милая, въ прекрасные острова, гдѣ обиженные свободны, и отдохни тамъ, гдѣ бѣдные перестаютъ платить...»

Или передаетъ разговоръ съ ребенкомъ:

«Дитя, развѣ твой отецъ умеръ?—Нѣтъ больше отца. Зачѣмъ они наложили налогъ на хлѣбъ? Да будетъ Божья воля. Мать продала свою кровать. Лучше умереть, чѣмъ идти замужъ. Куда ей преклонить голову? У насъ нѣтъ дома!.. Отецъ долго искалъ работы; онъ не нашелъ ея... Почему обанкрутился его хозяинъ? Да будетъ Божья воля.—Докторъ сказалъ, что надо перемѣнить воздухъ. У насъ не было хлѣба. Задыхаясь, отецъ стоналъ, что умираетъ.—Теперь онъ съ блаженными. Мать говоритъ, что смерть—самое лучшее. У насъ нѣтъ угла...»

Или описываетъ дѣтей съ фабрикъ Престона: какъ они выходятъ «тысячами» изъ своей тюрьмы «съ блѣдными губами, улыбаясь, какъ живая смерть, съ потухшими глазами», идутъ по улицѣ и «поютъ пѣснь свободы».

«Илоты Альбіона, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ:—трудятся,

чтобы умереть, подобно лиліи или розѣ, лишенной корня, подобно печальному вздоху, продолжающемуся всю жизнь, подобно усталой, преслѣдуемой птичкѣ, осужденной метаться, пока она не умретъ; у нихъ нѣтъ земли, нѣтъ покоя, нѣтъ радости, нѣтъ надежды; они все нуждаются въ хлѣбѣ и въ воздухѣ; заботы преслѣдуютъ ихъ до гроба».

Или, наконецъ, обращается къ Богу съ молитвою: «Отомсти, Боже! за раззоренныхъ бѣдняковъ, но не огнемъ, не мечемъ... Отомсти за наши лохмотья, за наши цѣпи, за наши вздохи, за голодъ, который смотритъ изъ глазъ нашихъ дѣтей... Дай почувствовать британской саранчѣ болѣе тяжелый твой гнѣвъ. Порази ихъ бѣдностью».

Но встрѣчаются ноты и болѣе воинственныя; напримѣръ: «Пѣсня битвы», или «Пѣсни для шеффильдскаго союза рабочихъ».

Болѣе спокойную и торжественную ноту беретъ Эллiотъ, обращаясь къ властителю Англіи. Онъ говоритъ Георгу IV отъ имени «ангела, записывающаго дѣла людей»:

«Я—не смерть, король!.. Но, когда люди умираютъ, я молча стою, записываю дѣла воиновъ, святыхъ угодниковъ и рабовъ. Они умираютъ, но послѣ нихъ живутъ ихъ дѣла на добро или на зло... Что̀ я напишу о тебѣ?.. Отвѣчай, пока не упала роковая завѣса. — Придетъ завтра, и султанъ будетъ позабытъ даже въ своемъ гаремѣ... Король дорогого хлѣба! Время слышитъ и вѣчно слышитъ съ вѣчными стонами печальныя имена, вызывающія ненависть и ужасъ. Но ты, ты одинъ изъ всѣхъ монарховъ издалъ законы противъ хлѣба, который нуженъ народу. Король *хлѣбныхъ законовъ*! Такъ прочтутъ твое имя и на вѣки такъ! будутъ читать его... Царь голода! что за блѣдныя толпы возстаютъ около тебя! Низведенные въ могилы ненавистными человѣческими демонами, они идутъ благодарить тебя своими слезами и вздохами. Не пугайся толпы со впалыми глазами... Пробуди, Боже, твоего медлящаго ангела! Онъ слишкомъ долго спитъ... Да придетъ въ движеніе рука его... прежде, чѣмъ гибель и разрушеніе разнесутъ прахъ могучихъ и гордыхъ, при пожарѣ, который охватитъ башню и храмъ... между тѣмъ какъ страна будетъ шататься изъ стороны въ сторону, какъ судно безъ парусовъ, котораго некому спасти или руководить... Разбитое судно безъ кормила, съ экипажемъ, обезумѣвшимъ отъ голода... и на этомъ разрушающемся суднѣ—ни пищи, ни надежды, ни закона».

Я сказалъ выше, что Эллiотъ слишкомъ восхвалялъ «Уильяма великаго», потому что при этомъ королѣ случайно прошелъ биллъ реформы. Но скоро, слишкомъ скоро, англійская реформа парламента оказалась столь же безсильною предъ бѣдствіями

народа, какъ всѣ предъидущія мѣры правительства. При вступленіи на престолъ Викторіи, въ минуту кроваваго подавленія волненія въ Канадѣ и возбужденія въ Англіи движенія чартистовъ, Эллiотъ обратился къ королевѣ съ одою, въ которой отражалось тяжелое настроеніе времени. Эта ода была посвящена рабочей ассоціаціи Шеффильда. Въ противоположеніе этимъ стихотвореніямъ, Эллiотъ передѣлалъ національно-лойяльный англійскій гимнъ «God save the king!» въ «God save the people!» Множество его стихотвореній спеціально назначены были для рабочихъ ассоціацій и для рабочихъ хоровъ.

Но время шло для Англіи, какъ для Франціи, и надежды на улучшеніе положенія народа не исполнялись, хотя Грэи и Россели смѣнили Уэллингтона; Робертъ Пиль смѣнилъ Мельборна, и, наконецъ, хлѣбные законы были отмѣнены. Политическія измѣненія, все-таки, не касались глубокихъ общественныхъ ранъ, отъ которыхъ страдало большинство. Въ позднѣйшихъ «Рифмованныхъ предикахъ» Эллiотъ обращается къ «барду будущаго» со словами: «Принеси въ твоихъ стихахъ тому, кто трудится и вздыхаетъ, бѣлую буквицу и незабудку; принеси въ его мастерскую душистую мяту и тминъ. Свѣти, какъ звѣзды надъ могилами, и скажи: поднимись, зерно, посѣянное въ гѡрѣ! чтобы очи нашего Отца увидѣли прекрасный цвѣтокъ союза умовъ и чтобы великое сердце разумнаго человѣчества могло пѣть повсюду гимнъ мудрыхъ: свобода есть миръ! знаніе есть свобода! истина есть религія!» Эта пѣсня надъ могилами о воскресеніи высказывала много разочарованія съ того времени, когда была писана «пѣсня битвы» или ода «королевѣ землетрясенія».

Шестидесяти шести-лѣтній Эллiотъ увидѣлъ и 1848-й годъ и посвятилъ ему старческое стихотвореніе, въ которомъ еще болѣе высказывается, среди длиннотъ, разочарованіе въ историческомъ движеніи. «Я видѣлъ во снѣ, пишетъ онъ:—что молчаніе было богомъ... и всѣ побѣды увѣнчали замораживающую смерть, которая покрывала рукою міръ, и перомъ, подобнымъ мечу, льдомъ вмѣсто чернилъ, съ затаеннымъ смѣхомъ писала на обширной могилѣ мысли эпитафію умершей надежды: ея сонъ была—свобода».

Въ 1849 году Эллiотъ умеръ.

Въ то же время, шелъ снова въ изгнаніе изъ Германіи нѣмецкій лирикъ, котораго прославили крайне-лѣвые гегеліанцы въ Deutsche Iahrbücher, какъ царя поэтовъ!—Это былъ Георгъ Гервэгъ. Движеніе 30-го года и свѣжая струя, внесенная въ нѣмецкую поэзію Генрихомъ Гейне послѣ опошленныхъ подражателями пріемовъ Гёте и Шиллера, вызвали, тогда цѣлую групу новыхъ

нѣмецкихъ лириковъ.—Революція въ метафизикѣ, обозначенная именами Давида Штраусса и Людвига Фейербаха, политическое возбужденіе, произведенное «четырьми вопросами» Якоби, придали этой лирикѣ новаго направленія чисто-общественный характеръ, въ которомъ политическіе, экономическіе и метафизическіе вопросы сливались въ одно цѣлое. Анастасій Грюнъ (графъ фонъ-Ауэрспергъ), Николай Ленау (Нимбшъ фон-Штреленау), Карлъ Бэкъ, Францъ Дингельштедтъ, Робертъ Пруцъ, Генрихъ Гофманъ фон-Фаллерслебенъ, Альфредъ Мейснеръ, Рудольфъ Готшалль, Морицъ Гартманъ и многіе другіе выступили со своими общественно-политическими произведеніями въ періодъ между 1830 и 1846 годами; но самыми крупными талантами въ этой фалангѣ молодыхъ титановъ, нападавшихъ на современный имъ нѣмецкій Олимпъ, были Фердинадъ Фрейлигратъ и Георгъ Гервэгъ, первый, какъ поэтъ поэтическаго образа, второй—какъ поэтъ лирическаго настроенія. По стихотворному таланту, Гервэгъ далеко уступалъ Фрейлиграту, который находился, особенно во время своей первой поэтической дѣятельности, подъ сильнымъ вліяніемъ Гюго, между тѣмъ какъ Гервэгъ гораздо болѣе отражалъ вліяніе Беранже, и частью, особенно позже—вліяніе Гейне. Но ни тотъ, ни другой, въ чисто эстетическомъ отношеніи не могутъ сравниться со своими французскими образцами; вліяніе же формы Гейне на нѣмецкихъ лириковъ было, должно сознаться, самое гибельное: то гармоническое соединеніе сатиры и даже шаржа съ глубокимъ чувствомъ, которое составляетъ характеристическую черту лучшихъ произведеній Гейне, могло удаться *только* ему, а всѣ его подражатели были обречены на тяжоловѣсность, грубость формъ или на явную искуственность; въ то время большинство нѣмецкихъ поэтовъ (а весьма многіе и въ другихъ странахъ) были увлечены прелестью гейновской поэзіи и неудержимо внесли съ свои стихи его манеру. Это придало большей части поэтическихъ произведеній Германіи за разсматриваемый періодъ, а пожалуй и почти до нашего времени, такіе формальные недостатки, которые не позволяютъ ей дать высокое мѣсто въ развитіи всемірной литературы. Но дѣло идетъ здѣсь не объ эстетическомъ значеніи нѣмецкой лирики 30-хъ и 40-хъ годовъ, а объ отраженіи въ ней общественнаго движенія, и въ этомъ отношеніи я остановлюсь, по необходимости, довольно коротко, исключительно на Георгѣ Гервэгѣ.

Я уже сказалъ, что появленіе его «Стихотворенія живого человѣка» въ одинъ и тотъ же годъ съ «Сущностью христіанства» Людвига Фейербаха, было встрѣчено восторженно крайне-лѣвою стороною гегелизма, которая въ то время представляла разсадникъ

самыхъ прогрессивныхъ общественныхъ мнѣній. Но именно это признаніе Гервэга представителемъ тогдашнихъ передовыхъ мнѣній доказываетъ, какъ неустановились въ то время элементы этого движенія въ Германіи и какъ неясны были общественные и политическіе идеалы, которые были выставлены тамъ даже передовыми групами. Если во французской лирикѣ мы видѣли фальшь и фразёрство, вслѣдствіе приложенія слишкомъ высокихъ идей къ обществу, проникнутому слишкомъ мелкими интересами; если въ Англіи лирика односторонне выставляла на видъ одно частное лекарство, какъ всеобщую панацею противу общественныхъ бѣдствій, то въ Германіи намъ представляется совершенная спутанность понятій о томъ, въ чемъ именно состоитъ жизнь того «живаго человѣка», который объявлялъ войну всей существующей мертвечинѣ.

Гервэгъ характеризовалъ свой сборникъ слѣдующимъ образомъ:

«Здѣсь — то, чтò часто волновало болью мою душу и работало въ ней въ тихія ночи; здѣсь возбужденія, которыя приносила мнѣ моя мать—мое время; и то, чтò я чувствовалъ *вмѣстѣ* съ нимъ, и то, чтò я чувствовалъ *на зло* ему. Здѣсь все это въ томъ видѣ, какъ оно выливалось изъ моей груди, какъ я его влагалъ въ рѣзко обточенныя формы...»

Главный мотивъ, возвращающійся въ этихъ стихотвореніяхъ— *свобода*, и призывъ къ бою за свободу изъ мертвящей, сонной дѣйствительности Германіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; но *противъ кого* собственно долженъ былъ начаться этотъ бой и каковы должны были быть союзники—это очень трудно вычитать изъ словъ 24-хъ-лѣтняго поэта. — Я обращусь за цитатами къ самымъ опредѣленнымъ изъ его стихотвореній въ этомъ отношеніи.

«Лишь тотъ свободенъ, пишетъ Гервэгъ (Wer ist frei?):—и о томъ я думаю, кто можетъ *самъ* заслужить свободу въ борьбѣ, кто добудетъ ее собственнымъ оружіемъ. Этого человѣка я воспѣваю; этотъ человѣкъ свободенъ!»—Свобода, продолжаетъ онъ:— повсюду, но надо ее добыть гдѣ бы то ни было, надо за нее умирать, и тогда будешь свободенъ.»—«Я—тяжелая, мрачная туча, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (An Frau Caroline S.):—въ которую Богъ вложилъ лишь громъ.—Я—не веселый радостный любезникъ, который своимъ гербомъ беретъ розу и кубокъ; я сижу, какъ гость на стулѣ Банко...»—Въ извѣстной «Пѣснѣ ненависти» онъ призываетъ всѣхъ, «оставшихся вѣрными свободѣ», взывать по дорогамъ Германіи: «Вы довольно долго любили; учитесь, наконецъ, ненавидѣть!» И далѣе: «Не переставайте биться за свобо-

на землѣ, и *наша ненависть будетъ священнѣе*, чѣмъ наша любовь. Пока наша рука не распадется въ прахъ, она не должна оставлять меча; мы довольно долго любили и хотимъ, наконецъ, ненавидѣть». Онъ призываетъ къ «послѣдней войнѣ»: «Кто можетъ сложить руки, молись о хорошемъ мечѣ... Мы будемъ имѣть еще битву и въ ней прекраснѣйшую побѣду, послѣднюю битву на землѣ, послѣднюю священную войну.—Сбирайтесь, всѣ народы, около вашего боеваго знамени! Свобода—фельдмаршалъ, и мы зовемъ впередъ!» И въ другомъ «Призывѣ» онъ требуетъ, чтобы кресты съ могилъ обратили въ мечи: «Желѣзо должно быть спасителемъ... Да не будетъ мира, пока не будетъ свободы! Да не будетъ до тѣхъ поръ жены для мужа, золотого колоса для поля; пока не будетъ свободы, пока не будетъ побѣды, да не глядитъ изъ колыбели ни одинъ грудной младенецъ веселымъ взглядомъ на міръ.» Онъ обѣщаетъ, что «скоро на востокѣ и на западѣ раздастся крикъ радости, повторенный мильйонами голосовъ; послѣдній властитель будетъ называться *свобода*, и его царство будетъ прочно на-вѣки».

Но въ томъ же стихотвореніи, гдѣ онъ говоритъ: «что̀ такое свободный человѣкъ», онъ воспѣваетъ единство Германіи и полагаетъ, что тогда «Германія будетъ свободна». Пѣвецъ свободы молитъ о томъ, чтобы Богъ «возбудилъ мстителя, возбудилъ героя», молитъ о «героѣ, вооруженномъ божественнымъ гнѣвомъ»; и какъ разъ рядомъ со стихотвореніемъ, только что приведеннымъ, гдѣ онъ называетъ свободу «послѣднимъ властителемъ» и поетъ о «вѣчности» ея царства, находимъ извѣстное стихотвореніе, обращенное къ королю прусскому: «Государь, разверни свое знамя! Еще есть время, еще мы пойдемъ за тобою, еще умолкнетъ всякое порицаніе!.. Еще ты можешь видѣть вѣрныя сердца, которыя охотно пойдутъ за тобою на смерть, на смерть и на побѣду въ священной борьбѣ. Ты—послѣдняя звѣзда, на которую смотрятъ; ты—послѣдній государь, на котораго разсчитываютъ». Надо сознаться, что все это не выказываетъ особенной ясности пониманія «свободы», о которой Гервэгъ писалъ такъ много.

То сомнѣніе въ успѣхѣ, которое мы видѣли выше въ стихотвореніяхъ Гюго, не отсутствовало и въ «Стихотвореніяхъ живого человѣка». Гервэгъ изображалъ окружавшее его «озабоченное» общество: «Ни единаго дыханія не потеряютъ они, ни единаго—нѣтъ, все несутъ они немедленно на рынокъ; всякое біеніе сердца приноситъ проценты; эти господа обращаютъ въ хлѣбъ камни, обращаютъ въ хлѣбъ смѣхъ и слёзы»... Въ подобной средѣ не мудрено было поэту «слагать пламенную пѣснь среди глубокой ночи вѣрнѣйшему другу земли», воспѣвать «мертвыхъ

и смерть», хотя это и составляло противорѣчіе съ основною мыслію сборника, начинавшагося вызовомъ на бой всей общественной мертвечины, въ видѣ «мертваго рыцаря». Гервэгу приходилась сознаться, что онъ былъ «въ самый прекрасный день обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ», что «каждая карта», имъ выдернутая, была «проигрышемъ», что едва онъ вынималъ мечъ, на этомъ мечѣ оказывалась «зазубрина за зазубриной». Поэтъ сознавалъ свое одиночество въ борьбѣ и писалъ:

«Одиноко развертывай твои крылья, одиноко иди къ идеаламъ, одиноко бросайся въ море жизни, одиноко борись за свое небо!»

Прошло три года; вышелъ второй томъ «Стихотвореній живого человѣка» (1844). Нота сомнѣнія и разочарованія раздавалась громче. Сравнивая 1841 и 1843 годы, поэтъ писалъ: «Велико было желаніе, потому невыразимо страданіе; вся Германія встала въ воодушевленіи и пробовала, задумавшись, остріе своего меча; великолѣпно звучало слово, но дѣло было жалко. Что скрывали тѣ тучи, которыя скоплялись ежедневно въ грозу при сильномъ жарѣ? Театральную молнію для ребятъ — фи, комедія становится невыносима!» Обращаясь къ Германіи, поэтъ пародировалъ Гейне въ стихахъ: «Германія! не обременяй головы заботами на мягкой перинѣ! Спи среди земныхъ волненій—чего тебѣ больше нужно? Пусть у тебя похитятъ всякую свободу, не обороняйся, у тебя останется христіанская вѣра; спи—чего тебѣ больше нужно? И если бы тебѣ все запретили, не горюй очень; тебѣ останутся Шиллеръ и Гёте; спи, чего тебѣ больше нужно?..» Тѣмъ не менѣе, и тутъ поэтъ говорилъ, что Германіи «недостаетъ настоящаго героя... который понимаетъ великое свободное дѣло... Который можетъ волшебствомъ слить раздѣленныя части нашего отечества въ новый союзъ». Тѣмъ не менѣе, воспѣвая возможное великое будущее Германіи и германскаго флота, призывая нѣмцевъ быть «обновителями міра», Гервэгъ говорилъ: «Это совершится, когда пробьетъ часъ желаемаго единства, когда *одинъ* государь облечется нѣмецкимъ пурпуромъ и *одному* слову повелителя будетъ повиноваться *одинъ* народъ отъ По до Зунда (!!)». Сомнѣніе недалеко увело передоваго поэта Германіи, если онъ все еще видѣлъ величіе отечества и идеалы своего времени какъ разъ въ томъ, что впослѣдствіи составило идеалъ «желѣзнаго канцлера».

Итакъ, неясность идеаловъ, болѣе или менѣе искреннее фразёрство и поэтическая игра громкими словами, которыя въ самихъ поэтахъ оставляли много сомнѣнія, или ограниченіе узкими задачами, долженствующими будто-бы обратиться въ отысканіе панацеи для народныхъ бѣдствій — таково было содержа-

ніе лирики разныхъ странъ Европы, лирики, которая считала себя и которую считали другіе выраженіемъ передовыхъ стремленій общества того времени. Вовсе неудивительно, что рядомъ съ этою лирикою являлись и представители иного направленія, люди съ болѣе тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, которые возмущались пустотою громкихъ метафоръ безъ истиннаго содержанія; люди съ менѣе развитою впечатлительностью къ общественному страданію, которые были способны понять безсодержательность либеральной болтовни парламентаристовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, но не были способны видѣть настоящій исходъ изъ либеральнаго маскарада; даже не могли, подобно своимъ болѣе развитымъ современникамъ, останавливаться на минутномъ сомнѣніи и разочарованіи въ общественныя «сумерки» и при «одиночествѣ» борцовъ за свободу, а затѣмъ идти далѣе, спотыкаясь и ошибаясь, снова и снова покланяясь устарѣлымъ и вреднымъ идоламъ, но, всетаки, подвигаясь впередъ, отыскивая ощупью путь. Тонкіе эстетики и проницательные цѣнители лжи своего времени, о которыхъ я теперь говорю, остановились на гораздо болѣе простой и сподручной точкѣ зрѣнія—на презрѣніи къ окружающимъ ихъ общественнымъ заботамъ, на индиферентизмѣ, на обращеніи всѣхъ своихъ поэтическихъ силъ на личные мотивы. Это презрѣніе къ окружающему, если невполнѣ охватило поэзію Гейне, то составило весьма значительный элементъ ея; во французской лирикѣ оно нашло совершенно полнаго и выработаннаго представителя въ Альфредѣ де-Мюссэ.

18-ти лѣтъ, онъ былъ введенъ въ священный Cénacle романтизма въ домѣ Гюго; восхитилъ своихъ товарищей своимъ замѣчательнымъ талантомъ и, несмотря на свою молодость, сразу занялъ видное мѣсто въ кругу этихъ литературныхъ революціонеровъ, когда, по его позднѣйшему выраженію (Réponse à Ch. Nodier), «въ большой романтической лавкѣ каждый—и мастеръ, и ученикъ—имѣлъ свою пѣсню». Но разница сказалась очень скоро, и черезъ годъ появилась знаменитая «Баллада лунѣ», пародія романтической поэзіи, которая сначала забавляла самихъ романтиковъ, но которую приняло весьма серьёзно большинство читателей и даже критиковъ. Въ умахъ множества лицъ имя Мюссэ осталось надолго связаннымъ съ «точкою надъ і» въ извѣстныхъ стихахъ:

«Это была луна среди темной ночи, надъ пожелтѣвшею колокольнею, какъ точка надъ і. Луна! какой мрачный духъ тащитъ на концѣ нитки, во мракѣ, твое лицо и твой профиль? Не единственный ли ты глазъ кривого неба? Какой херувимъ-святоша

смотрить на насъ изъ-подъ твоей блѣдной маски?.. Кто тебѣ выкололъ глазъ недавно? Не наткнулась ли ты на острую вершину дерева, потому что ты пришла блѣдная и печальная и приставила къ моему окну твой рогъ сквозь рѣшетку?»...

Затѣмъ, скоро послѣдовалъ полный разрывъ. Въ «Тайныхъ мысляхъ Рафаэля» Мюссэ осмѣивалъ уже «бородатыхъ романтиковъ» наравнѣ съ «гладко-выбритыми классиками»; онъ раскаявался въ томъ, что «не разъ оскорблялъ» языкъ своей родины. Съ тѣхъ поръ, Мюссэ остался одинокъ среди борющихся литературныхъ партій; онъ оставался непризнаннымъ представителями французской критики до самой своей смерти. Въ 1836 году появилось его первое «Письмо Дюпюи и Котоннэ», гдѣ онъ описывалъ борьбу романтизма въ 1824 году, когда дѣло шло «о живописномъ и о гротескѣ, о ландшафтѣ въ поэзіи, объ исторіи въ формѣ драмы, о гербовой драмѣ, о чистомъ искуствѣ, о слитіи трагическаго элемента съ комическимъ, о воскресеніи среднихъ вѣковъ», и кончалъ письмо положеніемъ, что романтизмъ есть не иное что̀, какъ «злоупотребленіе прилагательными». Самъ Мюссэ, въ своихъ стихотвореніяхъ, былъ поэтомъ чистой, обдѣланной формы; онъ пускалъ въ печать лишь то, что̀ находилъ достаточно выработаннымъ, и на какихъ-нибудь полутораста страницахъ его стихотвореній, вошедшихъ въ его полныя сочиненія (изд. въ одномъ томѣ), трудно найти хоть одно стихотвореніе, небрежное по формѣ, между тѣмъ, какъ нѣкоторыя изъ его лирическихъ произведеній (я говорю, согласно задачѣ этой статьи, преимущественно о нихъ), по музыкальности стиха, по точности, по простотѣ и по выразительности языка, принадлежатъ къ совершеннѣйшимъ продуктамъ французской поэзіи нынѣшняго вѣка. Его «Rolla», его «Ночи» (La nuit de Mai, La nuit de Décembre, La nuit d'Août, La nuit d'Octobre; первая и послѣдняя писаны подъ вліяніемъ его разрыва съ Жоржъ-Зандъ) или его мелочи, писанныя на музыку Листа (Adieu, Suzon! и другія), могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ его мастерства въ отдѣлкѣ стиха. Мюссэ, безъ всякаго сомнѣнія, останется во французской литературѣ, какъ одинъ изъ самыхъ высшихъ образцовъ художественной простоты и безупречной формы. Кромѣ того, какъ поэтъ личнаго чувства не въ особенно высокихъ его проявленіяхъ, но въ весьма тонкой поэтической формѣ, Мюссэ имѣетъ немногихъ, равныхъ ему, и въ этомъ отношеніи его лирика не уступаетъ его болѣе извѣстнымъ театральнымъ провербамъ.

Но намъ важенъ онъ въ настоящую минуту не въ этомъ отношеніи, а какъ выразитель особенной стороны направленія мы-

сли его времени.—Тутъ онъ является характеристическимъ представителемъ общественнаго индифферентизма и ограниченія высшихъ интересовъ интересами личными. Вѣчно влюбленный, мѣняя свои «глубокія» и неглубокія привязанности съ такою же быстротою, какъ платье—а свѣтское франтовство было съ самой молодости его характеристической чертою—преданный игрѣ и возбуждающимъ напиткамъ, съ ненавистью относясь ко всякому опредѣленному труду, Мюссэ долженъ былъ неизбѣжно отразить въ жизни, какъ въ поэзіи, самыя дрянныя наклонности своего времени.—Онъ обладалъ настолько ясностью мысли, что фразёрство либеральныхъ романтиковъ его оттолкнуло, но онъ не *прошелъ* сквозь развитіе 30-хъ и 40-хъ годовъ, чтобы ранѣе своихъ современниковъ дойти до истинныхъ задачъ человѣчества XIX вѣка; въ его мысли, съ 1829 по 1857 г. (годъ его смерти), нетолько незамѣтно *развитія* въ общественномъ отношеніи, отъ него нетолько нельзя было ожидать, чтобы онъ въ будущемъ затронулъ одну изъ тѣхъ нотъ, которыя звучатъ въ «Les Misérables» или въ рабочихъ пѣсняхъ Гервэга, но даже индифферентистъ 1832 г. сталъ въ 1838 г. пѣвцомъ крестинъ графа Парижскаго, когда романтики давно уже перестали воспѣвать Бурбоновъ; онъ писалъ «Сонъ Августа», когда щелкалъ бичъ «Châtiments» и бонапартистская легенда развернулась въ реальныя прелести Морни, Сент-Арно, Гаусмана и потеряла всякое эстетическое значеніе.

Что̀ зналъ хорошо Мюссэ и зналъ по собственному сердцу, это было — нравственное разложеніе окружавшаго его общества. Онъ въ «Роллѣ» обращается ко Христу со словами: «Кто намъ возвратитъ молодость, намъ, старикамъ, только-что вчера родившимся? Мы такъ же стары, какъ были стары люди въ день твоего рожденія.—Мы столько же ожидаемъ, мы болѣе потеряли, чѣмъ тогда.—Во второй разъ вытянулся въ своей могилѣ Лазарь, болѣе блѣдный и холодный.—Гдѣ же спаситель, чтобы отворить его могилу?.. Кто изъ насъ, кто изъ насъ сдѣлается богомъ? Земля такъ же стара, такъ же выродилась, такъ же точно она трясетъ головою въ отчаяньи, какъ въ минуту, когда Іоаннъ явился на пескѣ морей... Вернулись времена Клавдія и Тиверія; какъ тогда, все здѣсь умерло съ теченіемъ времени; Сатурнъ высосалъ всю кровь своихъ дѣтей, но человѣческая надежда устала быть матерью; ея грудь наболѣла отъ слишкомъ долгаго кормленія, и она отдыхаетъ въ своемъ безплодіи».

И позже, въ стихахъ «къ лѣни», въ болѣе конкретной сатирѣ выступаетъ и «господинъ журнализмъ и его шутовство, это пра-

во ежедневно надувать за завтракомъ три или четыре тысячи дураковъ; царство бумаги, злоупотребленіе письмомъ, обращающее пошлый фёльетонъ въ диктатуру». Выступаютъ и «наши нравы, которые потому лишь считаются болѣе строгими, что мы прячемъ и полощемъ стаканы, когда въ какомъ-либо позорномъ углу совершили тѣ вѣчные грѣхи, отъ которыхъ громко хохотали наши предки». Выступаютъ и «наши пышныя рѣчи, эти цвѣтки болтовни», и «постыдная болѣзнь—звяканье денегъ, животное наслажденіе, которое считаетъ себя истиннымъ; отупѣлое обжорство, пьянство, эгоизмъ, который храпитъ, убаюканный своимъ скотствомъ; наконецъ, новѣйшій тиранъ, новая язва—посредственность, ничего непонимающая, кромѣ самой себя»...

Въ томъ же стихотвореніи Мюссэ характеризовалъ въ слѣдующихъ словахъ сущность общественной болѣзни своего времени:

«Всякому, кто умѣетъ смотрѣть, слишкомъ легко понять, почему все больно во Франціи: болѣзнь умныхъ людей—ихъ равнодушіе; болѣзнь людей съ сердцемъ—ихъ безполезность».

И самъ онъ открыто признавалъ себя зараженнымъ первою болѣзнью. Съ особенною энергіею нападалъ онъ на политику и на политиковъ. Еще въ 1832 г. онъ писалъ:

«Я не сдѣлался политическимъ писателемъ, потому, что не влюбленъ въ собранія на площадяхъ.—Кромѣ того, въ мои цѣли не входитъ быть человѣкомъ вѣка и его страстей. Печальное ремесло—идти за толпою и пытаться кричать громче коноводовъ... Какъ много теперь людей воспѣваютъ свободу, какъ они воспѣвали королей или героя брюмэра! Какъ много тѣхъ, которые привѣшиваются къ народному рычагу, чтобы снова поднять бога, котораго они прежде осыпали ударами!.. Я никогда не воспѣвалъ ни мира, ни войны; если мой вѣкъ ошибается—мнѣ что за дѣло:—тѣмъ лучше, если онъ правъ, тѣмъ хуже, если онъ не правъ; лишь бы можно еще было спать среди шума вотъ все, что мнѣ надо».

Рисуя человѣка «великаго, правдиваго, смѣлаго и гордаго... благородное сердце, наивное, какъ ребёнокъ», онъ находитъ совершенно согласнымъ съ этой характеристикой, что «ни одинъ сынъ Адама подъ святыми лучами солнца не высказывалъ на землѣ, отъ востока до запада, болѣе широкое презрѣніе къ народамъ и къ королямъ... Какой бы это ни былъ хлѣбный трудъ, ремесло лакея вызывало его неудержимый смѣхъ».

Такъ писалъ онъ въ 1853 году (Rolla) и чрезъ два года заявлялъ снова (La loi sur la presse): «Я неособенно уважаю политическихъ людей; я не люблю нашихъ площадей, гдѣ только орутъ и вертятся по всѣмъ направленіямъ... Никогда я не по-

сиилъ, чтобы люди могли быть равными на землѣ; я—не республиканецъ по рожденью; слава Богу, я никогда не писалъ памфлетовъ... Я слишкомъ лѣнивъ, чтобы принадлежать какой-либо партіи и не состою жеребцомъ ни въ какой конюшнѣ».

Но равнодушіе и безучастіе въ политикѣ есть мечта: кто не становится въ ряды оппозиціи, тотъ тѣмъ самымъ усиливаетъ консерваторовъ, и рано или поздно обстоятельства принудятъ его стать вполнѣ въ ихъ ряды.—Въ 1836 году, когда уже буржуазная монархія Луи-Филиппа вполнѣ выказала свое значеніе и разсѣяла всѣ иллюзіи, которыя существовали въ началѣ 30-хъ годовъ, Мюссэ, бывшій товарищъ герцога Орлеанскаго по школѣ, писалъ по поводу покушенія Мэнье, Луи-Филиппу стихи, гдѣ говорилъ, что онъ «освященъ народомъ и Провидѣніемъ», и обращался къ нему со словами: «Будемъ вмѣстѣ защищаться и дадимъ себѣ время дожить до позднихъ лѣтъ; ты—для насъ, мы—для твоихъ дѣтей». Съ этимъ стихотвореніемъ судьба съиграла характеристическую шутку: оно очень не понравилось Луи-Филиппу, потому, что поэтъ обращался къ нему со словомъ: *ты*. Король-выскочка не понималъ, что именно въ этомъ словѣ заключалось высшее уваженіе, что это слово составляетъ святыню для развитаго человѣка и что профанація его высшими, въ знакъ презрѣнія къ низшимъ, или пьяницами въ брудершафтахъ есть нравственное преступленіе.—Чрезъ три года еще Мюссэ уже писалъ стихотвореніе на «крестины графа Парижскаго», гдѣ обращался къ Франціи со словами:

«Довольно ли тебѣ пустыхъ теорій, чудовищныхъ софизмовъ, которыми насъ убаюкивали? Республиканскихъ призраковъ, вышедшихъ изъ прошедшаго; злоупотребленій всѣми правами, постыдныхъ сновидѣній убійцъ въ бреду или безумныхъ дѣтей?.. Пусть, кто хочетъ, говоритъ, что твое великое сердце падаетъ, что миръ ослабляетъ тебя, что твои силы истощаются: именно тѣ, которые говорятъ это, вѣрятъ этому всего менѣе... Пусть они волнуются, эти люди страстей, новыя пародіи нашихъ старинныхъ говоруновъ; пусть они играютъ свои холодныя комедіи... Что тебѣ слова, обдѣланныя фразы? Продалъ ли ты свой хлѣбъ, свой скотъ и свое вино? Если мы имѣемъ это, остальное—ничто...» И далѣе называлъ Луи-Филиппа: «Этотъ популярный король, который уже восемь лѣтъ безъ страха и безъ гнѣва, какъ сильный кормчій, указываетъ намъ дорогу».—За это стихотвореніе Мюссэ удостоился подарка алмазомъ и мѣста библіотекаря при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Въ 1841 г. индифферентистъ, «никогда не воспѣвавшій ни войны, ни мира», писалъ «Нѣмецкій Рейнъ» въ отвѣтъ на извѣстное стихотворе-

ніе Беккера; это было и по формѣ одно изъ худшихъ стихотвореній Мюссэ.—Въ стихотвореніи «Къ лѣни» того же года (1841) онъ опять задѣлъ «грязныхъ придворныхъ самодержавнаго народа, спеленатыхъ въ старый позументъ Руссо, въ обноски Вольтера, въ лохмотья карманьолы, украденной у Робеспьера». Тутъ же онъ задѣлъ и соціалистовъ-революціонеровъ, между тѣмъ какъ еще прежде спеціально осмѣялъ фурьеристовъ (Dupont et Durand), которымъ посвятилъ и одно изъ писемъ Дюпюи и Катоннэ.

Чрезъ два года, Мюссэ написалъ стихи на смерть своего соученика, которыя опять неудостоились высшаго благоволенія, потому что рядомъ съ принцемъ упомянутъ былъ еще болѣе симпатично какой-то буржуазный товарищъ.—Мюссэ скоро перестал почти писать; послѣ 1844 года едва можно насчитать всего дюжину стихотвореній.—Одинокій, истощенный излишествами, онъ снова сошелся съ Гюго, который переживалъ паденіе французскаго романтизма, возвращеніе къ Расину и Корнелю при геніальной игрѣ Рашели и временное опьяненіе публики третьестепеннымъ талантомъ Понсара, между тѣмъ какъ иные изъ бывшихъ романтиковъ, какъ Дюма, организовали фабричное производство романовъ и драмъ, другіе, какъ Сент-Бёвъ, обращались въ индифферентистовъ.—Революція 1848 г. лишила Мюссэ и его синекуры и увидѣла его въ іюньскіе дни въ рядахъ національной гвардіи... конечно, въ защиту породы, представляемой Кавеньякомъ.—Новый Цезарь вернулъ синекуру поэту, проводившему послѣдніе годы преимущественно за шахматною доскою.—Въ 1852 году, Мюссэ счелъ себѣ за особенную честь выборъ во французскую академію, изъ которой отсутствовалъ изгнанникъ Гюго.—Но ему оставалось идти далѣе, и въ 1853 г., два года послѣ убійствъ 2-го декабря, онъ писалъ по заказу министра Фортуля «Сонъ Августа», который кончался хоромъ музъ: «Сестры, будемъ воспѣвать новые дни славы, болѣе великіе, чѣмъ тѣ, которые прошли». Къ его счастію, политическія событія сдѣлали неудобнымъ это восхваленіе новаго Августа; дѣло шло къ крымской войнѣ; «Сонъ Августа» оставался въ портфёлѣ до самой смерти поэта, но безжалостный братъ его, авторъ біографіи, названной въ началѣ статьи, заклеймилъ память Альфреда Мюссэ, обнародовавъ это произведеніе и приводя этимъ еще одинъ примѣръ того, каково можетъ быть и будетъ всегда истинное значеніе индифферентизма въ политикѣ.

Довольно характеристично было отношеніе Мюссэ и къ вѣрованіямъ, изъ-за которыхъ шла борьба въ обществѣ.—Въ то вре-

ми, когда романтики уже бросали католическіе мотивы конца 20-хъ годовъ и имя Вольтера снова появлялось въ ихъ произведеніяхъ, соединенное съ выраженіемъ уваженія къ его дѣятельности, въ 1833 г. Мюссэ писалъ «Ролла»—одно изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ произведеній по красотѣ формы, и въ немъ помѣщалъ знаменитую діатрибу противъ Вольтера: «Доволенъ ли ты, Вольтеръ, и твоя отвратительная улыбка осталась ли еще на твоихъ обнаженныхъ костяхъ?» и т. д. Онъ признавался, что утратилъ вѣру потому, что «родился слишкомъ поздно въ слишкомъ старомъ мірѣ», но онъ оплакивалъ недостатокъ вѣры, приписывалъ ему всѣ пороки и преступленія своего времени и спрашивалъ своихъ современниковъ: «Что же остается намъ, богоубійцамъ?» Въ біографіи, о которой я говорилъ, братъ его увѣряетъ, что Альфредъ де-Мюссэ старательно изучалъ философовъ и вдумывался въ нихъ; во всякомъ случаѣ, это не оставило слѣдовъ въ его произведеніяхъ, и послѣднимъ его словомъ по философскимъ вопросамъ, были въ 1838 г. стихи «Espoir en Dieu», остающіеся на точкѣ зрѣнія самаго обыденнаго и безцвѣтнаго деизма. И тутъ Альфредъ де-Мюссэ остался именно сыномъ своего времени: его сомнѣнія и критическое отношеніе къ мнѣніямъ привели его не къ какому-либо цѣльному міросозерцанію, а къ приспособленію къ наиболѣе мелкимъ и безсодержательнымъ формамъ вѣрованій.—Пѣвецъ пошлаго трона орлеанской династіи въ политикѣ, онъ сталъ пѣвцомъ и наиболѣе пошлаго изъ существовавшихъ около него міросозерцаній.

Я, собственно, кончилъ задачу этой статьи. Въ четырехъ представителяхъ поэзіи этого періода мы видѣли, какъ этотъ періодъ, начавшійся при такихъ блестящихъ предзнаменованіяхъ, такою рѣшительною побѣдою надъ послѣднимъ усиліемъ стараго феодальнаго общества, привелъ фатально къ разочарованію, къ сомнѣнію, и отсюда далъ два господствующія направленія; одно — направленіе вычурной фразы, завертыванія пошлой дѣйствительности великолѣпными театральными покровами; другое—направленіе индиферентизма ко всѣмъ вопросамъ общественной жизни, которое неизбѣжно приводило къ приспособленію, къ пошлости современнаго общества. Замѣчательные таланты, искреннее желаніе служить истинѣ и угадать поэтическимъ путемъ исходъ изъ существующихъ «сумерекъ», способность видѣть пустоту, вычурность и лицемѣріе существующей культуры — одинаково оказывались безсильны для того, чтобы сдѣлать плодотворнымъ движеніе тридцатыхъ годовъ. Оно должно было совершить свой циклъ, и исходъ изъ него долженъ былъ быть найденъ вовсе не

поэтическими пророками и не скучающими скептиками: поэзія могла лишь примкнуть къ новому движенію, когда оно сформировалось, а не могла «указывать путь» народамъ, какъ мечталъ молодой Гюго въ 1824 г. Она всегда была лишь отраженіемъ дѣйствительности, а не двигателемъ ея.

Она не примкнула къ новому движенію, насколько это было возможно для ея авторовъ. Я кончу эту статью нѣсколькими словами, относящимися именно къ этимъ дальнѣйшимъ фазисамъ развитія, которыхъ слѣды вошли въ составъ двухъ изъ произведеній, упомянутыхъ выше, но я долженъ, по необходимости, очень ограничиться въ этомъ случаѣ.

Въ 1849 г. умеръ Элліотъ, разочарованный въ своей великой панацеѣ противъ народныхъ бѣдствій—въ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, и питая лишь надежду на воскресеніе рабочихъ Англіи изъ могилъ, въ которыя ихъ зарыла исторія. Въ 1857 г. умеръ Мюссэ, безцѣльно проволочивъ свою пустую жизнь, не добывъ себѣ ни глубокой привязанности изъ тысячи своихъ интрижекъ, ни общественнаго уваженія, несмотря на весь свой талантъ; онъ умеръ, утомленный рядомъ пошлыхъ общественныхъ строевъ, къ которымъ ему приходилось приспособляться, окончательно академикомъ и поэтомъ новаго французскаго Августа. Гюго и Гервэгъ жили въ изгнаніи. Гюго писалъ неутомимо; онъ все искалъ исхода; онъ бросалъ «Les Châtiments», какъ искупленіе своего стараго опьяненія легендою бонапартизма; онъ давалъ въ «Les Misérables» комментарій со своей точки зрѣнія на тотъ страшный вопросъ о пауперизмѣ, который становился главнымъ живымъ вопросамъ для Европы; онъ становился въ «L'Année terrible» поэтомъ времени, до котораго не могъ коснуться никто безъ раздраженія или страшной боли. И эта чуткость къ вопросамъ времени оставляла его все первымъ въ ряду французскихъ поэтовъ, возбуждала все снова интересъ поколѣній, смѣняющихся около дряхлѣющаго поэта, къ его произведеніямъ. Съ ослабленіемъ эстетической стороны жизни—что̀ составляетъ общую характеристику послѣдняго времени — къ формальнымъ недостаткамъ поэта читатели становились все болѣе снисходительными, лишь бы онъ касался живыхъ вопросовъ, ихъ занимавшихъ. Еслибы Гюго не жилъ постоянно окруженный безусловными поклонниками, онъ, вѣроятно, былъ бы болѣе строгъ къ своимъ произведеніямъ, оставлялъ бы очень многое неоконченнымъ, сокращалъ бы значительно то, что̀ давалъ публикѣ, и вѣрнѣе отражалъ бы въ своихъ стихахъ развитіе современной мысли. Но не даромъ, въ 1824 г., онъ хотѣлъ, чтобы поэтъ «указывалъ путь народамъ»; не даромъ въ «Orientales» онъ хотѣлъ дать

поэзію безъ содержанія; не даромъ онъ, въ продолженіи четверти вѣка своей первоначальной дѣятельности, сдѣлался главнымъ представителемъ театральной фразы, которая одѣвала въ пышныя платья пошлое общество. Когда онъ въ «Легендѣ вѣковъ» попытался угадать исторію поэтическимъ провидѣніемъ, эта задача оказалась ему не по силамъ. Онъ внесъ въ нее идолы вычурной формы и неяснаго, будто бы поэтическаго, міросозерцанія, которыя отняли у нея всякій философскій смыслъ. Его религіозное воззрѣніе осталось тѣмъ смутнымъ идеалистическимъ пантеизмомъ, который безпрестанно впадаетъ въ деизмъ, но, въ сущности, не даетъ ничего читателю, кромѣ фразы. Его пониманіе исторіи, объясняемой двумя теченіями, изъ которыхъ одно есть фатализмъ древней Греціи, другое—провидѣнціализмъ Апокалипсиса («La vision, d'où est sorti ce livre» въ началѣ перваго тома послѣдняго выпуска «Légende des siècles») есть, опять-таки, не болѣе, какъ туманная картина, далеко отставшая отъ той задачи пониманія исторіи, которую уже поставило наше время. Его вѣчное воспѣваніе дѣтства (куда относится и самоновѣйшее его произведеніе «L'Art d'être grand père», появившееся, когда планъ этой статьи былъ уже совершенно составленъ и статья, бо̀льшею частію, написана) не касается даже тѣхъ трудныхъ вопросовъ, которые вызваны современными условіями семьи и семейной жизни. Слабыя по формѣ, новыя произведенія Гюго и по содержанію не соотвѣтствуютъ уже требованіямъ времени. Поэтъ, слишкомъ много служившій вычурной, театральной фразѣ, не *можетъ* уже, при всемъ желаніи, перейти къ болѣе простой и голой постановкѣ вопросовъ, какая нужна теперь. Нѣсколько эффектныхъ и прочувствованныхъ стиховъ; нѣсколько удачныхъ о̀бразовъ; нѣсколько отрывковъ, которые *останутся* въ литературѣ—вотъ все, что̀ онъ далъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ. Исторія отдастъ ему справедливость: онъ былъ всю жизнь тщательнымъ искателемъ истины; онъ старался придать поэзіи общественное служеніе; онъ чутко прислушивался къ зову времени и пытался идти за нимъ, но идти ему было трудно: онъ тащилъ привязанное къ его ногѣ ядро служенія фразѣ и самопоклоненіе, вынесенное изъ эпохи лицемѣрія и пошлости, изъ эпохи эксплуатированія великихъ словъ для мелкихъ цѣлей, вынесенное изъ тѣснаго кружка̀ исключительныхъ и близорукихъ поклонниковъ. Онъ сдѣлалъ, что̀ могъ, и въ этомъ отношеніи никто не можетъ требовать ничего болѣе.

Гервэгъ никогда не стоялъ такъ высоко во мнѣніи европейскаго общества и не имѣлъ около себя хвалителей. Сдѣлавшись гражданиномъ Базеля, онъ велъ жизнь изгнанника въ условіяхъ

гораздо менѣе выгодныхъ, чѣмъ Гюго. Онъ нетолько-что прислушивался къ волненіямъ времени; онъ въ нихъ участвовалъ самымъ энергическимъ образомъ, словомъ и дѣломъ. Новый сборникъ его стихотвореній есть почти цѣликомъ сборникъ политическихъ и соціальныхъ стихотвореній, отражающихъ одно за другимъ крупныя событія жизни Германіи съ 1844 по 1875 г. Онъ начинается столь же общими призывами къ борьбѣ за свободу, какъ въ прежнихъ сборникахъ; онъ продолжается болѣе рѣзкими нападками на Пруссію и ея короля, къ которому когда-то такъ наивно обращался Гервэгъ. Настаетъ 1848 г. Гервэгъ осмѣиваетъ франкфуртскую парламентскую говорильню и эрцгерцога во главѣ ея. Онъ, съ оружіемъ въ рукахъ, идетъ въ ряды бойцовъ; но въ декабрѣ 1848 г. ему опять приходится писать: «Моя Германія, успокой свои члены въ старой постели, такой теплой и такой мягкой; глаза твои слипаются, сонное нѣмецкое царство!» Слѣдующія стихотворенія начинаются съ 1856 года. Нужды прошли. Гервэгъ пишетъ въ «Кладдерадачѣ», причемъ сочиняетъ шутливый *вѣчный* календарь для Германіи. Его насмѣшка горька и безрадостна. Его не увлекаетъ ни борьба прусскихъ либераловъ противъ Бисмарка, ни паденіе стараго германскаго союза подъ ударомъ Пруссіи въ 1866 г., ни объединеніе Германіи, о которомъ онъ писалъ такъ горячо когда-то. Но онъ одинъ изъ всѣхъ названныхъ поэтовъ *прошелъ* чрезъ туманъ иллюзій 30-хъ и 40-хъ годовъ и не только узналъ, что это— иллюзіи, но *вышелъ* на свѣтъ, оставивъ эти иллюзіи *за собою*.

УАРДА.

РОМАНЪ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА.

Георга Эберса.

VIII.

Извѣстіе о смерти священнаго амонова овна въ Ѳивахъ и быка Аписа въ Мемфисѣ дошло также и до Дома Сети, гдѣ было принято съ сѣтованіями, въ которыхъ приняли участіе всѣ его жители, начиная съ главнаго гороскопа до самыхъ младшихъ учениковъ въ низшихъ классахъ школы.

Главный жрецъ Амени уже три дня находился въ Ѳивахъ и долженъ былъ возвратиться въ этотъ день. Его возвращенія многіе ожидали съ волненіемъ и безпокойствомъ. Первый гороскопъ сгаралъ желаніемъ передать ему, для наказанія, провинившихся учениковъ и обвинить передъ нимъ Пентаура и Бентъ-Анатъ. Посвященные знали, что по ту сторону Нила происходили серьёзныя совѣщанія, а провинившіеся ученики понимали, что теперь они подвергнутся строгому суду. Возмутившаяся толпа была заперта на хлѣбъ и на воду на открытомъ дворѣ; и, такъ какъ обыкновенное мѣсто заключенія было тѣсно, то всѣ они спали цѣлыя двѣ ночи въ амбарѣ на тонкомъ соломенномъ тюфякѣ. Умы юношей были возбуждены въ высшей степени, но происходившее въ глубинѣ ихъ души проявлялось совершенно различнымъ образомъ.

Съ братомъ Бентъ-Анатъ, сыномъ Рамзеса, Рамери. было поступлено такъ же, какъ съ его товарищами, которые вчера выказали себя болѣе заносчивыми, чѣмъ обыкновенно, а теперь ходили, повѣсивши головы.

Въ одномъ углу двора сидѣлъ Анана, любимый ученикъ Пен-

таура, закрывъ свое лицо руками, покоившимися на колѣняхъ. Рамери подошелъ къ нему, тронулъ его за плечо и сказалъ:

— Мы заварили кашу и должны перенести послѣдствія. Но какъ тебѣ не стыдно! твои глаза мокры, и слёзы текутъ у тебя черезъ пальцы. И это хнычетъ семнадцатилѣтній юноша, который черезъ нѣсколько мѣсяцовъ будетъ писцомъ и самостоятельнымъ человѣкомъ!

Анана взглянулъ на царевича, быстро отеръ свои глаза и сказалъ:

— Я былъ зачинщикомъ. Амени выгонитъ меня изъ заведенія, и я буду принужденъ со стыдомъ вернуться къ своей матери, у которой, кромѣ меня, нѣтъ никого другого въ мірѣ.

— Бѣдный мальчикъ! сказалъ Рамери съ чувствомъ:—и хоть бы наша продѣлка послужила, по крайней мѣрѣ, въ пользу Пентаура!

— Мы повредили ему, съ живостью отвѣчалъ Анана:—мы дѣйствовали точно безумные.

Рамери утвердительно кивнулъ головой, съ минуту стоялъ въ задумчивости, затѣмъ проговорилъ:

— Знаешь ли, Анана, что ты вовсе не былъ зачинщикомъ? Это въ моей глупой головѣ зародился планъ, и потому я все беру на свою отвѣтственность. Я—сынъ Рамзеса, и Амени не будетъ со мною такъ крутъ, какъ съ вами.

— Онъ станетъ насъ допрашивать, и я скорѣе подвергнусь наказанію, чѣмъ стану лгать! возразилъ Амени.

Рамери покраснѣлъ и вскричалъ:

— Видалъ ли ты когда-нибудь, чтобы мой языкъ грѣшилъ противъ свѣтлой дочери Ра, истины? Эй, вы! Антефъ, Гани, Сентъ и всѣ! отвѣчайте: подстрекалъ ли я васъ, или нѣтъ? Кто, кромѣ меня, посовѣтовалъ вамъ отправиться къ Пентауру? Развѣ я не грозилъ, что буду просить отца взять меня изъ дома Сети? Развѣ я не подстрекалъ васъ сдѣлать то же самое? Да, или нѣтъ? Вотъ видите ли вы всѣ, вотъ видишь ли, Анана? Я—зачинщикъ всей этой исторіи! *я*—причина всему, и, когда насъ станутъ допрашивать, то дайте мнѣ говорить первому. Никто не долженъ произносить имя Ананы, еслибъ васъ вздумали даже наказывать палками и морить голодомъ; мы будемъ стоять на одномъ, что *я*—единственный виновникъ всей этой исторіи.

— Славный ты мальчикъ! сказалъ сынъ главнаго пророка храма Амонова въ Ѳивахъ, пожимая правую руку Рамери, между тѣмъ какъ Анана пожималъ ему лѣвую.

Царевичъ, смѣясь, высвободилъ свои руки и воскликнулъ:

— Пусть же теперь возвращается старикъ—мы находимся во

вооруженія. Но, я настою на томъ, чтобы отецъ отправилъ меня въ Хенну, если они не призовутъ обратно Пентаура.

— Онъ поступилъ съ нами, какъ съ какими-нибудь мальчишками-школьниками, сказалъ самый старшій изъ юныхъ преступниковъ.

— И онъ былъ совершенно правъ, возразилъ Рамери:—я тѣмъ сильнѣе уважаю его за это, но объ этомъ я думаю по своему и хочу подѣлиться съ вами своею премудростью.

При этихъ словахъ, онъ взглянулъ на своихъ собесѣдниковъ съ комическою серьёзностью и продолжалъ, подражая голосу Амени: — Большой человѣкъ отличается отъ маленькаго тѣмъ, что онъ презираетъ и оставляетъ безъ вниманія то, что̀ льститъ его тщеславію и въ данную минуту кажется ему желательнымъ и даже полезнымъ, если оно не совпадаетъ съ болѣе возвышенными цѣлями, которыя онъ поставилъ себѣ и которыя осуществятся, можетъ быть, еще только послѣ его смерти.—Это я слышалъ частію отъ своего отца, частію придумалъ самъ, и теперь спрашиваю васъ: могъ ли Пентауръ, какъ «большой человѣкъ», обращаться съ нами иначе?

— Ты высказываешь то, что̀ говорило мнѣ мое сердце уже со вчерашняго дня, воскликнулъ Анана: — мы поступили, какъ негодные мальчишки, и, вмѣсто того, чтобы поставить на своемъ, повредили какъ Пентауру, такъ и самимъ себѣ.

Послышался грохотъ подъѣзжавшей колесницы, и Рамери, прерывая Анану, вскричалъ:

— Это—онъ! будьте мужественны, ребята! Помните: я—виновникъ всего. Палкой онъ меня не побьетъ, а взглядами своими уничтожитъ!

Амени быстро сошелъ со своей колесницы. Привратникъ сообщилъ ему, что главный колхитъ и начальникъ жертвенной бойни изъ храма Амона въ Ѳивахъ желаютъ говорить съ нимъ.

— Пусть подождутъ, сухо проговорилъ Амени: — отведи ихъ пока въ садовую комнату. Гдѣ первый гороскопъ?

Онъ еще не договорилъ, какъ старикъ, о которомъ онъ спрашивалъ, подошелъ къ нему твердою поступью, собираясь сообщить ему обо всемъ случившемся въ его отсутствіе. Но главный жрецъ уже узналъ въ Ѳивахъ все, что старикъ такъ торопился передать ему. Когда Амени оставлялъ Домъ Сети, то приказывалъ каждое утро доносить себѣ обо всемъ, тамъ происходившемъ. Поэтому, когда старикъ началъ свой разсказъ, онъ прервалъ его краснорѣчивыя жалобы и сказалъ:

— Я знаю все. Ученики привязаны къ Пентауру и ради него сдѣлали глупость. Ты же встрѣтилъ его вмѣстѣ съ царевной

Бентъ-Анатъ въ храмѣ Гатасу, куда онъ дозволилъ войти простой женщинѣ прежде, чѣмъ она была подвергнута полному очищенію. Это—дурныя вещи, къ которымъ слѣдуетъ отнестись со строгостью. Но—не сегодня. Успокойся. Пентауръ не избѣгнетъ наказанія, но мы должны немедленно вызвать его обратно въ Домъ Сети, такъ какъ онъ будетъ намъ нуженъ завтра при празднествѣ Долины. До произнесенія надъ нимъ приговора никто не можетъ быть съ нимъ неласковъ; я прошу объ этомъ тебя и поручаю сказать о томъ же и другимъ.

Гороскопъ пытался изобразить своему начальнику неудовольствіе, которое будетъ вызвано подобною несвоевременною снисходительностью; но Амени не позволилъ ему кончить, а потребовалъ отъ него обратно свое кольцо, позвалъ одного молодого жреца, передалъ ему драгоцѣнный обручикъ и приказалъ ему взять ожидавшую у воротъ колесницу и отъ его имени передать Пентауру приказаніе—возвратиться въ Домъ Сети.

Гороскопъ, внутренно негодуя, покорился, однако же, этому распоряженію и спросилъ: неужели и преступные мальчишки должны остаться ненаказанными?

— Столь же мало, какъ и Пентауръ, отвѣчалъ Амени:—но какъ можешь ты называть преступленіемъ эту ребяческую штуку? Оставь юношамъ ихъ веселость и заносчивость! Воспитатель сдѣлается губителемъ, если будетъ держать свои глаза постоянно открытыми, не умѣя закрывать ихъ въ надлежащее время. Ты качаешь головой, Септà, но я говорю тебѣ: заносчивая продѣлка мальчика—предтеча дѣятельности мужчины. Я накажу за случившееся только одного изъ школьниковъ, но и онъ остался бы безъ наказанія, еслибы особенныя причины не побуждали меня держать его вдали отъ нашего празднества.

Гороскопъ не возражалъ своему начальнику, зная, что, когда его глаза сверкаютъ такимъ образомъ и его движенія, обыкновенно столь плавныя, становятся такими безпокойными, какъ теперь, то творится нѣчто важное.

Главный жрецъ замѣтилъ происходившее въ душѣ гороскопа и сказалъ:

— Теперь ты не понимаешь меня, но сегодня вечеромъ, въ собраніи посвященныхъ, ты узнаешь все. Происходятъ великія вещи! Наши товарищи, въ храмѣ Амона, на другомъ берегу, отрекаются отъ того, что для всѣхъ насъ, носящихъ бѣлыя одежды, должно было бы считаться самымъ священнымъ; они непремѣнно станутъ намъ поперекъ дороги, когда настанетъ время дѣйствовать. На праздникѣ Долины мы будемъ стоять напротивъ ихъ. Всѣ Ѳивы будутъ присутствовать при томъ праздне-

ствѣ, и тутъ-то придется показать, кто умѣетъ болѣе достойнымъ образомъ служить божеству—они, или мы. Намъ придется напрячь всѣ наши силы, и вотъ именно тутъ-то намъ невозможно обойтись безъ Пентаура. Завтра онъ долженъ появиться въ качествѣ херхеба [1], но только завтра, а послѣзавтра мы призовемъ его на судъ. Между провинившимися учениками находятся наши лучшіе пѣвцы, а также и молодой Анана, заправляющій хоромъ юношей; я немедленно допрошу безразсуднаго мальчика. Сынъ Рамзеса также находится между провинившимися?

— Онъ, повидимому, былъ однимъ изъ зачинщиковъ, отвѣчалъ гороскопъ.

Амени взглянулъ на старика съ многозначительною улыбкою и сказалъ:

— Семья царя ведетъ себя отлично! Его старшая дочь, утратившая чистоту и оказавшая сопротивленіе, должна быть удалена отъ храма и отъ благочестивыхъ людей, а мы еще, пожалуй, будемъ принуждены исключить его сына изъ училища. Ты со страхомъ глядишь на меня? Но, вѣдь, я же сказалъ тебѣ, что наступило время дѣйствовать. Но объ этомъ мы поговоримъ сегодня вечеромъ. Теперь—еще одинъ вопросъ. Дошло ли до васъ извѣстіе о смерти священнаго амонова овна? Да? Рамзесъ самъ пожертвовалъ его божеству, и они нарекли его именемъ царя. Это—плохое предзнаменованіе!

— И Аписъ также умеръ, сказалъ гороскопъ жалобно, воздѣвая руки кверху.

— Его божественная душа возвратится обратно къ божеству, отвѣчалъ Амени.—Теперь у насъ много дѣла. Прежде всего, намъ надобно показать себя достойными соперниками нашихъ собратій съ другого берега и привлечь Өивы на нашу сторону. Устроенная нами на завтра панегирія должна представлять нѣчто небывалое. Намѣстникъ Ани предоставилъ мнѣ значительныя средства и...

— И, прервалъ его гороскопъ:—наши чудодѣи умѣютъ обдѣлывать совершенно особыя дѣла, нежели жители амонова храма, которые пируютъ въ то время, какъ мы дѣйствуемъ.

Амени, утвердительно кивнувъ головою, проговорилъ съ улыбкой:

— Да, и мы гораздо необходимѣе народу, чѣмъ они. Ихъ дѣло—руководить имъ при жизни, а мы уравниваемъ ему путь смерти, а среди свѣта ходить безъ проводника не такъ трудно, какъ во мракѣ. Мы можемъ потягаться со жрецами храма Амона!

---

[1] Праздничный ораторъ.

— Разумѣется, пока ты управляешь нами! воскликнулъ гороскопъ.

— И пока этотъ домъ не оскудѣетъ людьми съ вашимъ умомъ, прибавилъ Амени, обращаясь при этомъ частію къ гороскопу, частію ко второму пророку Дома Сети, старому, грубоватому Гагабў, который подошелъ къ нимъ.

Они оба отправились вмѣстѣ съ Амени въ садъ, гдѣ его ожидали два жреца съ чудодѣйственно явившимся сердцемъ.

Амени привѣтствовалъ начальника жертвенной бойни съ величавою благосклонностью, а старшаго колхита—съ гордою сдержанностью, выслушалъ ихъ донесеніе, разсмотрѣлъ вмѣстѣ съ гороскопомъ и Гагабў сердце, лежавшее въ ящичкѣ, нерѣшительно дотронулся до него своими тонкими острыми пальцами, задумчиво посмотрѣлъ на этотъ ѳрганъ, облитый всякими душистыми снадобьями, и важно проговорилъ:

— Если, какъ утверждаешь ты, колхитъ, это сердце—не человѣческое, и если оно, по твоему увѣренію, мой собратъ изъ храма Амона, принадлежитъ овну и найдено было въ груди Озириса Руи, то предъ нами—загадка, которую можетъ разрѣшить только божество. Идите за мною на большой дворъ. Вели тамъ ударить четыре раза въ доску, Гагабў: я бы желалъ созвать всѣхъ нашихъ товарищей.

Звуки призывнаго тамтама раздались до самой дальней части широко-раскинутыхъ храмовыхъ зданій. Посвященные, святые отцы, храмовые служители и ученики въ нѣсколько минутъ стеклись со всѣхъ сторонъ. Ни одинъ изъ здоровыхъ не находился въ отсутствіи, такъ какъ на четырехкратный призывъ, раздававшійся только въ рѣдкихъ случаяхъ, каждый житель Дома Сети былъ обязанъ явиться на первый большой дворъ храма. Пришелъ даже врачъ Небсехтъ, который, услыхавъ необычайный звукъ четвертаго набата, подумалъ — ужь не случился ли пожаръ.

Амени приказалъ собравшимся выстроиться для шествія, сообщилъ своимъ удивленнымъ слушателямъ, что въ груди умершаго благочестиваго настоятеля храма Гатасу найдено баранье сердце вмѣсто человѣческаго, и приказалъ имъ слѣдовать за собою, говоря, что каждому слѣдуетъ пасть на колѣни и молиться въ то время, какъ онъ внесетъ сердце во святыя святыхъ и станетъ вопрошать боговъ о значеніи этого чуда.

Амени, держа сердце въ рукѣ, сталъ во главѣ длиннаго шествія и затѣмъ исчезъ за занавѣскою святилища; посвященные молились въ залѣ съ шестью колоннами, находившейся передъ святилищемъ, жрецы и ученики на обширномъ дворѣ, кото-

рый къ западу замыкался колоннадою съ входными воротами храма.

Около часа пробылъ Амени въ безмолвномъ святилищѣ, изъ котораго поднимались густыя облака ѳиміама, затѣмъ снова показался съ золотымъ сосудомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями.

Его высокая фигура красовалась теперь въ богатомъ облаченіи, и шедшій впереди его жрецъ обѣими руками держалъ сосудъ такъ высоко, что онъ значительно превышалъ его голову.

Глаза Амени казались прикованными къ этому сосуду, и онъ слѣдовалъ за нимъ, опираясь на свой посохъ и смиренно склонясь всею своею фигурою.

Посвященные склонили свои головы на каменный полъ залы, а жрецы и ученики касались пола своими лицами, видя, что ихъ гордый начальникъ шелъ съ такимъ смиреннымъ и набожнымъ видомъ. Только тогда, когда Амени дошелъ до средины двора и приблизился къ ступенямъ алтаря, на которомъ былъ найденъ сосудъ съ сердцемъ, молящіеся поднялись и стали прислушиваться къ словамъ главнаго жреца, который громкимъ, внятнымъ голосомъ торжественно провозгласилъ:

— Еще разъ падите ницъ! Благоговѣйте, молитесь и благодарите! Благородный начальникъ боенъ амонова храма въ Ѳивахъ не былъ введенъ въ заблужденіе своимъ искуствомъ: сердце овна дѣйствительно найдено въ благочестивой груди нашего Руи. Во святая святыхъ я вполнѣ внятно слышалъ голосъ божества, и дивенъ былъ этотъ глаголъ, коснувшійся моего слуха. Волки разорвали священнаго овна въ его святилищѣ на томъ берегу рѣки: но сердце божественнаго животнаго переселилось въ грудь благочестиваго Руи. Совершилось великое чудо, и боги дозволили намъ узрѣть необычайное знаменіе. Душѣ всевышняго было неугодно пребываніе въ тѣлѣ этого еще невполнѣ священнаго овна, и она искала болѣе чистаго вмѣстилища, которое и обрѣла въ благородной груди *нашего* Руи и въ этомъ священномъ сосудѣ. Въ немъ будетъ храниться это сердце, пока новый овенъ, пожертвованный болѣе достойными руками, вступитъ въ стойло Амона. Это сердце будетъ присоединено къ наисвященнѣйшимъ предметамъ; оно имѣетъ силу исцѣлять многоразличныя болѣзни; изреченіе которое было начертано въ облакахъ ѳиміама и которое, повторяю вамъ буквально: «Высокое вознесется еще выше, а то, что само возвышало себя, скоро низвергнется во прахъ», повидимому, можетъ быть истолковано въ благопріятномъ смыслѣ. Возстаньте, пастофоры! Берите священныя изображенія, вынесите ихъ сюда, поставьте божественное сердце во главѣ шествія, и мы съ благодарственными молитвами

пойдемъ вокругъ храма. А вы, неокоры, берите жезлы и возвѣщайте во всѣхъ частяхъ города о великомъ чудѣ, ниспосланномъ намъ божествомъ!

Когда шествіе, обойдя вокругъ храма, разошлось, начальникъ жертвенныхъ боенъ откланялся Амени, отвѣсилъ ему глубокій и церемонный поклонъ и проговорилъ съ почти враждебною холодностью:

— Мы съумѣемъ отнестись съ уваженіемъ къ тому, что ты слышалъ во святая святыхъ. Чудо совершилось, и до свѣдѣнія царя также будетъ доведено, какимъ образомъ происходило все это и какими словами было провозглашено.

— Оно было провозглашено словами Всевышняго, съ достоинствомъ отвѣчалъ главный жрецъ. Затѣмъ, онъ поклонился уходившему и обратился къ групѣ жрецовъ, разговаривавшихъ о великомъ событіи дня.

Амени освѣдомился у нихъ насчетъ приготовленій къ завтрашнему празднеству и затѣмъ приказалъ позвать главнаго гороскопа и отвести провинившихся учениковъ на ихъ школьный дворъ.

Старикъ донесъ, что Пентауръ возвратился, и самъ отправился съ начальникомъ училища къ освобожденнымъ узникамъ, которые, ожидая самаго лучшаго, помирали со смѣху, когда царевичъ Рамери предложилъ, если ихъ вздумаютъ поставить на колѣни на горохъ, сперва сварить его.

— Намъ пропишутъ длинную спаржу [1], а не горохъ, сказалъ другой ученикъ, сдѣлавъ движеніе, изображавшее ударъ, и указывая на свою спину.

Снова раздался веселый смѣхъ, но онъ умолкъ, какъ только послышались хорошо знакомые шаги Амени.

Каждый боялся самого худшаго, и даже Рамери потерялъ охоту смѣяться, когда передъ ними явился главный жрецъ. Хотя въ глазахъ Амени не было видно ни гнѣва, ни угрозы, но его наружность внушала такое почтеніе, что каждый и безъ того признавалъ въ немъ своего судью, противъ приговора котораго немыслимо никакое сопротивленіе.

Къ удивленію легкомысленныхъ юношей, Амени обратился къ нимъ съ ласковыми словами, похвалилъ побудительную причину ихъ поступка — привязанность ихъ къ высокодаровитому учителю; но затѣмъ явственно и вразумительно поставилъ имъ на видъ, какими безумными средствами и какою цѣною старались

[1] Спаржа была извѣстна египтянамъ. По словамъ Плинія, они употребляли, въ видѣ лекарства отъ зубной боли, вино, въ которомъ была сварена спаржа

они достигнуть своей цѣли. Представь себѣ только, обратился онъ къ царевичу, что твой отецъ перевелъ бы изъ Сиріи въ Эѳіопію военачальника, который, по его мнѣнію, будетъ тамъ болѣе на мѣстѣ, и что по этой причинѣ войска, состоявшія подъ начальствомъ упомянутаго вождя, перешли къ непріятелю: какъ посмотрѣлъ бы ты на подобный поступокъ?

Въ этомъ духѣ онъ дѣлалъ имъ выговоръ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ и заключилъ свою рѣчь обѣщаніемъ, что, въ ознаменованіе великаго чуда, придающаго особую святость этому дню, онъ постарается быть особенно милосердымъ. Полной безнаказанности, сказалъ онъ:—невозможно допустить, ради примѣра; и затѣмъ спросилъ, кто изъ нихъ былъ зачинщикомъ? Только одинъ онъ подвергнется наказанію.

Едва успѣлъ онъ проговорить послѣднія слова, какъ царевичъ Рамери выступилъ впередъ и сказалъ весьма скромно:

— Мы сознаемъ, святой отецъ, что надѣлали глупостей, и я вдвойнѣ сожалѣю объ этомъ, такъ какъ это была моя выдумка, а другіе были увлечены мною. Я сильно люблю Пентаура, а послѣ тебя нѣтъ никого ему подобнаго въ Домѣ Сети.

Лицо Амени омрачилось, и онъ возразилъ съ негодованіемъ:

— Ученикамъ, въ томъ числѣ и тебѣ, неприлично произносить приговоры надъ ихъ учителями. Еслибъ ты не былъ сыномъ царя, владычествующаго надъ Египтомъ, подобно богу Ра, то я подвергнулъ бы тебя тѣлесному наказанію за твое легкомысліе. Но относительно тебя у меня связаны руки, а я долженъ всюду и всегда имѣть возможность дѣйствовать ими, во избѣжаніе вреда для тѣхъ сотенъ людей, которые поручены мнѣ.

— Накажи меня! воскликнулъ Рамери.—Сдѣлавъ глупость, я готовъ подвергнуться всѣмъ ея послѣдствіямъ.

Амени благосклонно взглянулъ на энергичнаго юношу и охотно пожалъ бы ему руку и погладилъ его по курчавой головѣ, но замышляемое для Рамери наказаніе долженствовало служить болѣе серьёзнымъ цѣлямъ, и Амени не позволялъ себѣ порывовъ чувства, которое могло бы помѣшать ему въ выполненіи хорошо обдуманнаго плана. Поэтому, онъ отвѣчалъ царевичу съ неумолимою строгостью:

— Я долженъ наказать тебя и сдѣлаю это безотлагательно, попросивъ тебя еще сегодня оставить Домъ Сети. Царевичъ поблѣднѣлъ. Но Амени продолжалъ тономъ утѣшенія:

— Я не изгоняю тебя съ позоромъ изъ нашей среды, но дружески прощаюсь съ тобою. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, ты и безъ того оставилъ бы наше заведеніе и, по приказанію царя, да процвѣтетъ его жизнь, благоденствіе и сила! от-

правился бы въ лагерь, гдѣ упражняются бойцы на колесницахъ. Другого наказанія я не могу придумать для тебя. Итакъ, протяни мнѣ свою руку; изъ тебя выйдетъ дѣльный человѣкъ, а можетъ быть—и великій герой!

Царевичъ, пораженный удивленіемъ, стоялъ передъ Амени и даже не пожалъ протянутой къ нему правой руки главнаго жреца. Тогда этотъ послѣдній приблизился къ нему и заговорилъ:

— Ты, вѣдь, сказалъ, что готовъ подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ своей необдуманности, а слово царскаго сына должно быть непреложно. Передъ захожденіемъ солнца, мы проводимъ тебя изъ храма.

Жрецъ отвернулся отъ юношей и вышелъ со школьнаго двора.

Рамери глядѣлъ ему вслѣдъ. Сильная блѣдность покрыла его цвѣтущее здоровьемъ лицо, и губы его помертвѣли.

Никто изъ товарищей не рѣшался приблизиться къ нему, такъ какъ каждый понималъ, какъ не кстати было бы легкомысленно нарушить душевное настроеніе, охватившее юношу. Всѣ глядѣли на него молча.

Онъ вскорѣ замѣтилъ это, постарался собраться съ духомъ и затѣмъ сказалъ очень мягко, подавая руку Ананѣ и еще другому пріятелю:

— Неужели же я такъ дуренъ, что рѣшаются изгнать меня изъ вашей среды и причинить моему отцу такое огорченіе?

— Ты отказался подать руку Амени, сказалъ Анана.—Поди, пожми его руку и упроси его быть менѣе строгимъ относительно тебя; можетъ быть, онъ и оставитъ тебя еще въ заведеніи.

Рамери проговорилъ только одно «нѣтъ». Но это «нѣтъ» прозвучало столь рѣшительно, что всѣ, знавшіе его поняли, что сказанное имъ слово—неизмѣнно.

Еще до захожденія солнца царевичъ распростился со школой. Амени благословилъ его, сказалъ ему, что со временемъ, когда ему придется самому повелѣвать, онъ пойметъ его строгость, и позволилъ остальнымъ воспитанникамъ проводить его до Нила. Пентауръ дружески простился съ нимъ у воротъ.

Когда Рамери остался наединѣ со своимъ домоправителемъ въ каютѣ позолоченой барки, то слёзы невольно полились у него изъ глазъ.

— Неужели царевичъ плачетъ? спросилъ его спутникъ.

— Изъ-за чего? рѣзко отвѣчалъ царскій сынъ.

— Мнѣ показалось, будто по щекамъ царевича катились слёзы, возразилъ тотъ.

— Эти слёзы проливаются отъ радости, что я, наконецъ, вы-

брался на волю изъ этой западни! воскликнулъ Рамери, выпрыгнулъ на твердую землю и нѣсколько минутъ спустя уже находился во дворцѣ фараоновъ, у своей сестры Бентъ-Анатъ.

IX.

Этотъ богатый событіями день долженъ былъ принести множество неожиданностей не однимъ только жителямъ некрополя, но и тѣмъ дѣйствующимъ лицамъ нашего разсказа, которыя жили въ Θивахъ.

Послѣ безсонной ночи, госпожа Катути встала рано. Наканунѣ, Нефертъ возвратилась поздно, кротко объявила матери, что ее долго, задержала Бентъ-Анатъ, и затѣмъ привѣтливо протянула ей свой лобъ для прощальнаго поцѣлуя.

Когда вдова собиралась удалиться въ свою спальню и Нему зажигалъ свѣтильню ея лампы, она вспомнила о той тайнѣ, которая должна была предать Паакера въ руки намѣстника. Она потребовала отъ карлика, чтобы онъ сообщилъ ѣй, что̀ знаетъ, и Нему разсказалъ ей, наконецъ, хотя и съ величайшею неохотою (такъ какъ онъ боялся своей матери), что вожатый далъ его госпожѣ Нефертъ любовный напитокъ, половина котораго, навѣрное, еще находится въ его рукахъ.

Нѣсколькими часами раньше, эта новость привела бы Катути въ ужасъ и негодованіе; теперь же она хотя и осуждала могара, но вмѣстѣ съ тѣмъ спросила: неужели подобный напитокъ можетъ возымѣть извѣстное дѣйствіе?

— Разумѣется, отвѣчалъ карликъ, если выпито будетъ все; Нефертъ же выпила только половину.

Поздно ночью удалилась Катути въ свою спальню, занятая мыслями о безумной любви Паакера, о невѣрности Мены, о перемѣнѣ, происшедшей съ Нефертъ, и ее терзали тысячи предположеній, опасеній и страховъ; ее безпокоилъ подрывъ въ ея дочери того чувства, которое должно было бы оставаться неприкосновеннымъ и ненарушимымъ — чувства любви ея къ матери.

Вскорѣ послѣ солнечнаго восхода, она отправилась въ домашнюю молельню, принесла жертву статуѣ своего покойнаго мужа, изображеннаго подъ видомъ Озириса, поѣхала въ храмъ, помолилась тамъ и, по возвращеніи домой, все-таки, не нашла своей дочери въ открытой залѣ, гдѣ имѣла обыкновеніе завтракать.

Катути любила проводить утренніе часы въ одиночествѣ, безъ помѣхи, и поэтому, не мѣшала привычкѣ своей дочери—спать очень

долго въ искуственно затемненной комнатѣ. Въ то время, когда вдова отправлялась въ храмъ, Нефертъ выпивала въ постели чашку молока, затѣмъ ее одѣвали, и, при своемъ возвращеніи, мать находила ее на извѣстной уже намъ верандѣ.

Сегодня Катути должна была завтракать одна; наскоро утоливъ свой голодъ, она тщательно прикрыла отъ насѣкомыхъ и пыли закуску Нефертъ—пшеничный пирогъ и немного вина въ серебряной кружечкѣ—и отправилась въ спальню дочери.

Найдя ее пустою, она перепугалась; но вскорѣ узнала, что Нефертъ приказала гораздо ранѣе обыкновеннаго нести себя въ храмъ.

Глубоко вздохнувъ, она снова вышла на веранду, чтобы принять своего племянника Паакера; онъ явился съ двумя великолѣпными букетами цвѣтовъ [1], которые рабъ несъ за нимъ, и въ сопровожденіи своей огромной собаки, которая принадлежала еще его отцу.

Онъ объявилъ, что желалъ узнать о здоровьи своихъ родственницъ и что одинъ букетъ предназначается для Нефертъ, а другой—для ея матери. Катути смотрѣла на Паакера съ новымъ интересомъ, съ тѣхъ поръ какъ узнала, что онъ прибѣгалъ къ помощи любовнаго напитка.

Въ томъ сословіи, къ которому онъ принадлежалъ, никогда не случалось, чтобы юноша бывалъ до такой степени увлеченъ страстью къ женщинѣ, какъ этотъ человѣкъ, который съ непреклонной силой воли стремился къ своей цѣли и для достиженія ея не останавливался ни передъ какими средствами. Вожатый, выросшій у нея на глазахъ, котораго слабости были ей извѣстны и на котораго она привыкла смотрѣть съ высоты своего величія, внезапно явился передъ нею подъ видомъ новаго, почти совершенно незнакомаго человѣка, бывшаго для своихъ друзей избавителемъ, а для враговъ—безпощадныхъ противникомъ.

Всѣ эти соображенія промелькнули въ головѣ Катути въ теченіи нѣсколькихъ секундъ. Теперь она устремила свои взоры на приземистую фигуру своего племянника, и ей показалось страннымъ, что онъ, и по наружности, совершенно не похожъ на своего высокаго, стройнаго и красиваго отца. Она неоднократно восхищалась изящными руками своего покойнаго зятя, который, однако, умѣлъ хорошо справляться съ мечемъ, но руки его сына были широкія и имѣли вульгарную форму. Въ то время, какъ Паакеръ разсказывалъ ей, что ему придется скоро отправиться

[1] Изображенія на памятникахъ показываютъ, что въ древнемъ Египтѣ такъ же, какъ и у насъ, букеты цвѣтовъ подносились въ знакъ дружескаго расположенія.

въ Сирію, она невольно слѣдила за движеніями его руки, которая часто прикасалась къ поясу, какъ будто тамъ было скрыто что-нибудь. Это «нѣчто» скрытое былъ продолговатый алебастровый флакончикъ съ любовнымъ напиткомъ. Катути примѣтила его, и ея щеки поблѣднѣли, когда она стала догадываться о томъ, что заключалось во флаконѣ.

Отъ Паакера не могло скрыться волненіе его тётки, и онъ проговорилъ съ участіемъ:

— Я вижу, что ты страдаешь; управляющій конскими заводами Мены въ Гермонтисѣ, вѣроятно, былъ у тебя. Не былъ? Ко мнѣ онъ приходилъ вчера и просилъ у меня позволенія присоединиться къ моей дружинѣ. Онъ недоволенъ на тебя, потому что долженъ былъ разстаться съ нѣсколькими парами золотистыхъ лошадей Мены. Самыхъ лучшихъ купилъ именно я. Великолѣпныя животныя! Теперь онъ хочетъ отправиться къ своему господину, чтобы открыть ему глаза, какъ онъ говоритъ. Да садись же, тетушка, ты сильно поблѣднѣла!

Катути не послѣдовала этому приглашенію, но улыбнулась и сказала голосомъ, въ которомъ слышалось отчасти негодованіе, отчасти состраданіе:

— Старый дуракъ дѣйствительно воображаетъ, что съ этими лошадьми соединенъ для насъ вопросъ о нашемъ благѣ или нашей погибели. Неужели ты возьмешь его съ собой? Онъ хочетъ открыть глаза Менѣ? Но, вѣдь, никто еще не закрывалъ ихъ.

Послѣднія слова едва слышно сорвались съ губъ Катути, и ея взглядъ устремился на полъ. Паакеръ тоже смотрѣлъ на полъ и молчалъ; но вскорѣ онъ оправился и сказалъ:

— Если Нефертъ не придетъ скоро, то я уѣду.

— Нѣтъ, нѣтъ, останься! прервала его вдова. Она желаетъ видѣть тебя и должна сейчасъ возвратиться. Вотъ еще стоятъ нетронутыми ея пирогъ и вино.

— Съ этими словами, она сняла покрывало со стола, подняла вверхъ серебряную кружечку и сказала:

— Я оставлю тебя на минуту и посмотрю, не вернулась ли Нефертъ.

Какъ только она ушла съ веранды и Паакеръ убѣдился, что никто его не увидитъ, онъ немедленно выхватилъ флакончикъ изъ-за пояса, поднялъ его вверхъ, призывая имя своего умершаго отца, и вылилъ всю жидкость въ кружку Нефертъ, которая переполнилась до самыхъ краевъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Нефертъ вошла на веранду, а вслѣдъ затѣмъ и ея мать.

Паакеръ взялъ букетъ и несмѣло приблизился къ молодой

женщинѣ, которая въ этотъ день выступала съ такою увѣренностью и смотрѣла такъ величественно, что родная мать посматривала на нее съ удивленіемъ, а Паакеръ нашелъ, что никогда она не была такъ свѣжа и прекрасна. Развѣ могла она любить своего мужа, если его измѣна такъ мало огорчала ее? Неужели ея сердце принадлежитъ теперь другому? А можетъ быть, любовный напитокъ подѣйствовалъ, и самъ онъ, Паакеръ, замѣнилъ Мену?

Да, это такъ! Вѣдь, какъ она поздоровалась съ нимъ! Уже издали она протянула ему свою руку, долго оставила ее въ его рукѣ, ласково поблагодарила его и восхваляла его преданность и великодушіе.

Потомъ, она приблизилась къ столу, попросила Паакера сѣсть съ нею рядомъ и, разламывая свой пирогъ, освѣдомилась о здоровьѣ своей тетки, а его матери—Сетхемъ. Катути и Паакеръ слѣдили съ замираніемъ сердца за всѣми ея движеніями. И вотъ она взяла свою кружечку и поднесла ее къ губамъ, но тотчасъ же опять поставила на столъ, собираясь отвѣтить на замѣчаніе могара по поводу ея поздняго завтрака.

— Я, дѣйствительно, была лѣнтяйкой, проговорила она, покраснѣвъ:—но сегодня встала рано, чтобы, пользуясь утренней прохладой, отправиться въ храмъ на молитву. Вамъ извѣстно, что случилось со священнымъ овномъ Амона. Ужасное несчастіе! Жрецы были сильно взволнованы, но благородный Бекъ-энъ-хунсу принялъ меня самъ, истолковалъ мой сонъ, и теперь у меня такъ легко и радостно на душѣ.

— И все это сдѣлано безъ меня? спросила Катути съ легкимъ оттѣнкомъ упрека.

— Я не хотѣла безпокоить тебя, отвѣчала Нефертъ.—А по утрамъ, прибавила она, слегка покраснѣвъ: — ты, вѣдь, никогда не берешь меня съ собою въ городъ и въ храмъ.

Она снова взялась за кружку, взглянула на вино и сказала, не выпивая его:

— Не хочешь ли, Паакеръ, я разскажу тебѣ, что видѣла сегодня во снѣ? Это былъ престранный сонъ!

Могаръ просто задыхался отъ волненія и ожиданія и, однако, просилъ ее разсказать.

— Представь себѣ, начала Нефертъ, двигая взадъ и впередъ чашечку по ея полированной подставкѣ, смоченной нѣсколькими перелившимися капельками вина:—представь себѣ, Паакеръ! я видѣла во снѣ ладонное дерево, стоящее по ту сторону, въ большой кадкѣ, которое мнѣ привезъ твой отецъ, когда я была еще ребенкомъ, и которое съ тѣхъ поръ великолѣпно выросло.

Ни одного дерева во всемъ саду я не люблю такъ, какъ это, потому что оно постоянно напоминаетъ мнѣ о твоемъ незабвенномъ отцѣ, который меня такъ любилъ.

Паакеръ кивнулъ утвердительно головой.

Нефертъ посмотрѣла на него, прервала свой разсказъ и, замѣтивъ, что его щеки вспыхнули, сказала:

— Становится жарко. Не хочешь ли и ты выпить вина или воды?

Съ этими словами, она подняла чашечку и осушила ее до половины, затѣмъ вздрогнула и, скорчивъ свое прекрасное лицо въ комическую улыбку, обернулась къ стоявшей за ея стуломъ Катути, протянула къ ней чашку и сказала.

— Однако, сегодня вино слишкомъ кисло! Попробуй-ка его, матушка!

Вдова взяла серебряный сосудецъ и поднесла его къ губамъ, не замочивъ ихъ. Когда затѣмъ она отстраняла его, ея черты озарились улыбкой, а глаза обратились на вожатаго, смотрѣвшаго на нее со страхомъ. Подобно молніи, въ ея головѣ промелькнула мысль.

«*Ты* ухаживаешь за этимъ человѣкомъ, а онъ боится твоего расположенія»! Катути способна была хохотать отъ души въ то самое время, когда совершалось самое постыдное дѣло въ ея жизни. Она весело возвратила вино дочери и сказала:

— Я пила и послаще этого, но кислота освѣжаетъ во время жары.

— Это правда, отвѣчала жена Мены, выпивая чашку до дна, и прибавила:

— Теперь я разскажу свой сонъ до конца. Итакъ, я видѣла явственно ладонное дерево, подарокъ твоего отца. Оно стояло передо мной во всей своей красотѣ; казалось даже, что я слышу его запахъ; я, любуясь, подошла къ прекрасному растенью. Вдругъ показались въ воздухѣ, по крайней мѣрѣ, сотня сѣкиръ, которыми махали какія-то невидимыя руки, и эти сѣкиры стали наносить бѣдному дереву такіе сильные удары, что вѣтви падали одна за другою, и, наконецъ, повалился на землю и самый стволъ его. Не думайте, что это огорчило меня; напротивъ, мнѣ было весело смотрѣть на сверканье сѣкиръ и на щепки, летѣвшія во всѣ стороны. Когда, наконецъ, отъ дерева не осталось ничего для разрушенія, кромѣ корня, лежавшаго въ землѣ, я вздумала пробудить дерево къ новой жизни. Мои слабыя руки внезапно сдѣлались сильными, ноги—быстрыми; я достала много воды изъ пруда, полила ею корни, и когда уже совершенно устала отъ усилія, показалась нѣжная зелень, выступила

ночка, появился зеленый листокъ, и сочный стебель быстро выросъ въ вышину, отвердѣлъ, превратился въ древесный стволъ, пустилъ изъ себя сучья и вѣтки и украсилъ сучья листочками, вѣтки цвѣтами бѣлыми, красными и голубыми. — Затѣмъ, появилось множество пестрыхъ птичекъ, которыя сѣли на вершинѣ дерева и начали пѣть. При этомъ зрѣлищѣ мое сердце пѣло еще громче птицъ, и я сказала себѣ, что безъ меня дерево погибло бы и что оно обязано мнѣ своею жизнію.

— Прекрасный сонъ, сказала Катути:—онъ напоминаетъ мнѣ время твоего дѣтства, когда ты половину ночи обыкновенно лежала, не засыпая, и выдумывала причудливыя сказки. Ка̀къ истолковалъ тебѣ жрецъ этотъ сонъ?

— Онъ обѣщалъ мнѣ много разныхъ разностей и увѣрялъ меня, что предназначенное мнѣ счастіе, послѣ сильныхъ нападеній на него, наконецъ, выростетъ въ свѣжую зелень.

— И это ладонное дерево подарилъ тебѣ отецъ Паакера?— спросила Катути, оставляя веранду и выходя въ садъ.

— Мой отецъ привезъ его тебѣ съ восточныхъ границъ въ Ѳивы! вскричалъ вожатый.

— Это-то именно меня и радуетъ, сказала Нефертъ.—Твой отецъ былъ мнѣ милъ и дорогъ, какъ будто онъ былъ моимъ роднымъ отцомъ. Помнишь ли ты, ка̀къ мы однажды катались по пруду: лодка опрокинулась, и ты меня, безчувственную, вытащилъ изъ воды? никогда я не забуду взгляда, съ которымъ онъ посмотрѣлъ на меня, когда я очнулась въ его объятіяхъ; ни у кого я не видала такихъ умныхъ и вѣрныхъ глазъ, какъ у него.

— Онъ былъ добръ и очень любилъ тебя, сказалъ Паакеръ и вспомнилъ, съ своей стороны, часъ, въ который онъ осмѣлился напечатлѣть поцѣлуй на губахъ лишившагося чувствъ прекраснаго ребенка.

— И какъ рада я, вскричала Нефертъ:—что, наконецъ, наступилъ день, когда мы всѣ вмѣстѣ можемъ говорить о немъ, что старое неудовольствіе, тяготившее мою душу, наконецъ, забыто! Ка̀къ ты добръ—это я узнала теперь. Мое сердце переполняется благодарностью, когда я думаю о моемъ дѣтствѣ и о томъ, что всѣмъ, что̀ было въ немъ прекраснаго и незабвеннаго, я обязана тебѣ. Посмотри на свою собаку, какъ она ластится ко мнѣ, показывая, что не забыла меня... Все выходящее изъ вашего дома пробуждаетъ во мнѣ такія пріятныя воспоминанія.

— Мы всѣ очень любили тебя, сказалъ Паакеръ и нѣжно посмотрѣлъ на нее.

— А какъ хорошо было въ вашемъ саду! вскричала Не-

ферть.—Вотъ этотъ букетъ, который ты принесъ мнѣ, слѣдуетъ поставить въ воду и долго сохранять, какъ знакъ привѣтствія тѣхъ мѣстъ, гдѣ я беззаботно и счастливо могла играть и грезить!

При этихъ словахъ, она прижалась губами къ пестрымъ цвѣтамъ, а Паакеръ вскочилъ, схватилъ ея правую руку и покрылъ ее жаркими поцѣлуями.

Нефертъ вздрогнула и отняла руку, но онъ снова протянулъ свою, чтобы обнять отстранявшуюся женщину.

Его дрожавшая рука уже касалась ея стройнаго стана, когда въ саду раздался громкій призывъ, и Нему поспѣшилъ въ залу увѣдомить, что пріѣхала царевна Бентъ-Анатъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, явилась Катути, а за нею — любимая дочь Рамзеса.

Паакеръ отступилъ и простился прежде, чѣмъ Нефертъ успѣла выразить свое негодованіе.

Точно пьяный, онъ дошелъ до своей колесницы. Онъ считалъ себя любимымъ женою Мены: его сердце было наполнено восторгомъ; онъ думалъ наградить старую Гектъ золотомъ и тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ, съ цѣлью просить намѣстника Ани—отпустить его въ Сирію. Тамъ будетъ рѣшенъ вопросъ: онъ, или Мена?

X.

Между тѣмъ какъ Нефертъ, окованная испугомъ, не могла произнести ни слова, чтобы привѣтствовать свою подругу, Бентъ-Анатъ съ царственнымъ достоинствомъ сообщила вдовѣ свое рѣшеніе—предоставить ея дочери почетное мѣсто знатнѣйшей компаньонки царевны, сказавъ, что жена Мены сегодня же должна переѣхать къ ней во дворецъ.

Никогда еще она не говорила такъ съ Катути, и послѣдняя не могла не замѣтить, что Бентъ-Анатъ съ намѣреніемъ измѣнила свой прежній дружескій тонъ.

«Нефертъ жаловалась ей на меня, подумала Катути:—и царевна не считаетъ уже меня достойною прежней ласковой доброты».

Она была оскорблена и встревожена, и хотя сознавала, какою опасностью угрожали ей открывшіеся глаза Нефертъ, но мысль, что она теряетъ свою дочь, нанесла ея сердцу жестокую рану. Поэтому, слёзы, наполнившія глаза ея, и горе, звучавшее въ ея голосѣ, были непритворны, когда она отвѣчала царевнѣ:

— Ты требуешь лучшей половины моей жизни, но твое дѣло—повелѣвать, а мое—повиноваться.

Бентъ-Анатъ сдѣлала гордый жестъ, какъ бы въ подтвержденіе словъ Катути, а Нефертъ бросилась къ матери, обвилась руками вокругъ ея шеи и долго плакала на ея груди.

Въ глазахъ царевны тоже показались слёзы, когда Катути, наконецъ, подвела къ ней свою дочь и еще разъ поцѣловала ее въ лобъ.

Бентъ-Анатъ схватила руку Нефертъ и не выпускала ея, между тѣмъ какъ Катути передавала служанкамъ и рабамъ платья и уборы Нефертъ, для отправленія ихъ съ нею.

— Не позабудь объ ящикѣ съ высохшими цвѣтами, объ изображеніяхъ боговъ и объ амулетахъ, просила Нефертъ.—Мнѣ хотѣлось бы имѣть при себѣ также и ладонное дерево, которое подарилъ мнѣ дядя.

Ея бѣлая кошечка играла у ея ногъ съ упавшимъ на полъ букетомъ Паакера, и когда она замѣтила, это, то подняла его и поцѣловала кошку.

— Возьми этого звѣрька съ собой, сказала царевна:—это была твоя любимая игрушка.

— Нѣтъ, возразила Нефертъ и покраснѣла.

Царевна поняла ее, пожала ей руку и спросила, указывая на Нему:

— Карликъ тоже — твоя собственность. Возьмешь его съ собою?

— Я дарю его матери, отвѣчала Нефертъ. Она позволила карлику поцѣловать ея одежду и ноги, обняла еще разъ Катути и вышла изъ сада съ Бентъ-Анатъ.

Какъ только Катути осталась одна, она поспѣшила въ молельню, гдѣ стояли изображенія ея предковъ отдѣльно отъ статуй предковъ Мены. Она упала передъ статуей своего мужа отчасти съ жалобой, отчасти съ благодарностью.

Эта разлука была прискорбна ея сердцу, но она въ то же время освобождала ее отъ страшной тяжести, давившей ей грудь. Со вчерашняго дня она чувствовала себя въ положеніи спускающагося съ горы человѣка, котораго врагъ преслѣдуетъ по пятамъ. Скоро чувство избавленія отъ грозившей опасности взяло верхъ надъ горестью матери. Передъ нею лежалъ теперь гладкій путь къ цѣли ея стремленій.

Быстро и порывисто ходила теперь по дорожкамъ сада Катути, обыкновенно отличавшаяся такою величественною поступью; въ первый разъ со времени полученія изъ лагеря ужаснаго извѣстія, удалось ей явственно увидать положеніе вещей и об-

думать мѣры, которыя долженъ принять Ани въ ближайшемъ будущемъ.

Она сказала себѣ, что все обстоитъ благополучно и время для быстрыхъ и смѣлыхъ дѣйствій наступило.

Когда явились посланцы царевны, она со спокойнымъ самообладаніемъ распоряжалась упаковкою вещей, которыя Нефертъ желала взять съ собою, и тотчасъ же послала своего карлика къ Ани—просить его къ себѣ. Но прежде, чѣмъ Нему успѣлъ отправиться, появились скороходы намѣстника, его колесница и отрядъ сопровождавшихъ его тѣлохранителей.

Вскорѣ затѣмъ, Катути ходила со своимъ другомъ по саду. Она разсказала ему, что Бентъ-Анатъ взяла Нефертъ къ себѣ, и повторила все, что̀ она обсудила и придумала въ теченіи послѣднихъ часовъ.

— У тебя умъ мужчины, сказалъ Ани:—и на этотъ разъ ты побуждаешь не напрасно. Амени готовъ дѣйствовать, а Паакеръ уже сегодня собираетъ свой отрядъ; завтра онъ будетъ еще присутствовать на празднествѣ Долины, а послѣ-завтра отправится въ Сирію.

— Онъ былъ у тебя? спросила Катути.

— Онъ пріѣхалъ изъ твоего дома во дворецъ, отвѣчалъ Ани.—Щеки Паакера пылали, онъ въ высшей степени былъ проникнутъ рѣшимостью, хотя еще онъ не подозрѣваетъ, что я держу его въ своей власти.

Разговаривая такимъ образомъ, они вошли на веранду и сѣли рядомъ. Ани спросилъ Катути, открылъ ли ей Нему тайну своей матери. Катути притворилась ничего не знающею, позволила разсказать ей исторію любовнаго напитка и съ большимъ искусствомъ разъиграла роль матери, приведенной въ ужасъ. Намѣстникъ, успокоивая ее, утверждалъ, что никакого дѣйствительнаго любовнаго напитка не существуетъ, но вдова вскричала:

— Теперь-то я понимаю, въ первый разъ теперь понимаю мою дочь! Паакеръ влилъ ей напитокъ въ вино, потому что, какъ только Нефертъ сегодня утромъ выпила свою чашку, она какъ-будто преобразилась. Слова ея, обращенныя къ Паакеру, звучали нѣжно, и если онъ съ такою радостью отдался въ твое распоряженіе, то это потому, что онъ былъ увѣренъ въ любви къ нему моей дочери. Питье старухи оказалось дѣйствительнымъ.

— Значитъ, въ самомъ дѣлѣ существуютъ подобные напитки, задумчиво сказалъ Ани.—Но они могутъ привлекать сердца только къ молодымъ людямъ. А если такъ, то старая колдунья занимается дурнымъ дѣломъ, потому что юность сама по себѣ есть очарованіе, возбуждающее любовь. Если бы я былъ такъ

молодъ, какъ Паакеръ! Ты смѣешься надъ вздыхающимъ человѣкомъ или, лучше, надъ вздыхающимъ старикомъ! Да, надъ старикомъ, потому что я прожилъ уже половину жизни. И, однакоже, Катути, другъ мой, умнѣйшая изъ женщинъ! объясни мнѣ одно: когда я былъ молодъ, я былъ любимъ и наслаждался любовью многихъ женщинъ, но ни одна изъ нихъ не была для меня ни чѣмъ другимъ, какъ игрушкой, не исключая и моей рано умершей жены. А теперь я желаю обладать дѣвушкой, которой я годился бы въ отцы, не для потѣхи, а для достиженія посредствомъ ея своихъ цѣлей; и такъ какъ она отвергаетъ меня, то я чувствую себя встревоженнымъ и безумнымъ, какъ... Да, не многаго не достаетъ для того, чтобы я уподобился покупщику любовнаго напитка Паакеру!

— Такъ ты говорилъ съ Бентъ-Анатъ? спросила Катути.

— И былъ такъ уменъ, отвѣчалъ Ани, что отказъ, переданный мнѣ царевной, черезъ тебя, заставилъ ее повторить собственными ея устами. Ты видишь, что мой умъ не въ порядкѣ.

— Подъ какими же предлогами отказала тебѣ она?

— Предлогами! вскричалъ Ани.—Бентъ-Анатъ—и предлоги! Эта дѣвушка исполнена царской гордости, и сама великая Ма [1] не правдивѣй ея. Вотъ это я признаю. Относительно ея наши продѣлки кажутся мнѣ необычайно жалкими. Въ моихъ жилахъ, все-таки, течетъ много капель крови Тутмеса и если жизнь и научила меня сгибать спину, то, все-таки, это униженіе причиняетъ ей боль. Я никогда не зналъ радостнаго чувства удовлетворенности своимъ положеніемъ и своею дѣятельностью, потому что всегда былъ болѣе, чѣмъ смѣлъ быть, и постоянно дѣлалъ меньше, чѣмъ мнѣ слѣдовало бы дѣлать. Чтобы не имѣть все время озлобленнаго вида, я всегда улыбался. Я постоянно ношу маску; я служу тому, относительно котораго считаю себя урожденнымъ господиномъ; я ненавижу Рамзеса, который, искренно или нѣтъ, называетъ меня своимъ братомъ, и, притворяясь, что я утверждаю основаніе его господства, я усердно подкапываю его. Все мое существованіе—ложь!

— Но оно сдѣлается истиной, прервала его Катути:—какъ только боги позволятъ тебѣ быть тѣмъ, чтò ты на самомъ дѣлѣ, настоящимъ царемъ этой страны.

Удивительно, сказалъ намѣстникъ, улыбаясь.—Почти эти же словà сказалъ мнѣ сегодня главный жрецъ Амени. Умъ жрецовъ и умъ женщинъ имѣютъ въ себѣ много сродственнаго, да вы и сражаетесь сходнымъ оружіемъ. Вмѣсто мечей, служатъ вамъ словà,

[1] Богиня истины.

вмѣсто пикъ—ловушки, и вы накидываете свои сѣти не на тѣло, а на душу.

— Порицаешь или хвалишь ты насъ за это? спросила вдова.— Во всякомъ случаѣ, мы не лишены могущества, и потому я думаю, что мы—пригодные союзники.

— Да, съ улыбкой подтвердилъ Ани:—но ни одна слеза, отъ горя или отъ радости, не проливается въ этой странѣ безъ того, чтобы виновникомъ ея, въ концѣ концовъ, не оказался жрецъ или женщина. Серьёзно, Катути: изъ десяти великихъ событій вы, женщины, замѣшаны въ девяти. Ты дала толчокъ всему, что̀ здѣсь приготовляется, и признаюсь, что нѣсколько часовъ тому назадъ, не обращая вниманія на нашъ недавній успѣхъ, я отказался бы отъ своихъ притязаній на тронъ, еслибы—опять-таки, женщина—Бентъ-Анатъ сказала «да», вмѣсто «нѣтъ».

Ты заставляешь меня думать, сказала Катути, что слабый полъ одаренъ болѣе твердою волей, чѣмъ сильный. Но мы, женщины, имѣемъ также и свои слабости, къ числу которыхъ прежде всего принадлежитъ любопытство. Могу я спросить: какія причины выставила Бентъ-Анатъ для своего отказа тебѣ?

— Ты знаешь такъ много, что можешь узнать все. Она позволила мнѣ говорить съ нею наединѣ. Было еще рано, и она только-что вернулась изъ храма, гдѣ старый, дряхлый первый пророкъ доженъ былъ возвратить ей чистоту. Свѣжая, гордая, прекрасная, она встрѣтила меня, и у меня сердце забилось, какъ у юноши. Между тѣмъ какъ она показывала мнѣ свои цвѣты, я сказалъ самому себѣ: «Я пришелъ сюда для того, чтобы посредствомъ ея пріобрѣсти право на тронъ, но если она соблаговолитъ быть моею, то я буду вѣрнымъ братомъ и намѣстникомъ Рамзеса и наслаждаться спокойствіемъ и счастіемъ съ нею и чрезъ нее, пока еще не поздно. Если она отвергнетъ меня, то да исполнится велѣніе судьбы, и, вмѣсто мира и любви, я избираю борьбу за отнятую у моего дома корону.—Я приступилъ къ сватовству, но Бентъ-Анатъ тотчасъ прервала меня, назвала благороднымъ человѣкомъ и достойнымъ женихомъ...

— Но затѣмъ послѣдовало: «но»? прервала его Катути.

— Да, подтвердилъ Ани:—и оно состояло просто-на-просто въ словѣ «нѣтъ». Я спросилъ о причинахъ отказа. Но она просила меня удовольствоваться этимъ «нѣтъ». Я настаивалъ, но она прервала меня и, съ гордою рѣшимостью, призналась, что она предпочитаетъ мнѣ другого. Я пожелалъ узнать имя счастливца. Она отказалась сообщить его. Тутъ въ первый разъ кровь моя закипѣла и мое желаніе обладать ею усилилось; однакоже,

я долженъ былъ оставить ее отвергнутымъ, безъ надежды и съ новымъ жгучимъ ядомъ въ моемъ сердцѣ.

— Ты ревнивъ, сказала Катути.—И ты не знаешь, къ кому ревнуешь ее?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ани.—Но я надѣюсь узнать это черезъ тебя. Я не умѣю тебѣ объяснить, что̀ происходитъ въ моей душѣ; знаю только одно, что я входилъ во дворецъ Бентъ-Анатъ съ колебаніемъ, а вышелъ оттуда съ твердою рѣшимостью. Я устремляюсь теперь впередъ, чтобы не имѣть уже возможности къ отступленію. Съ этихъ поръ тебѣ не будетъ надобности понукать меня: напротивъ, придется удерживать. И какъ будто боги хотѣли показать, что имъ угодно помочь мнѣ, я нашелъ въ своемъ домѣ ожидавшихъ меня главнаго жреца Амени и вожатаго Паакера. Амени будетъ дѣйствовать въ мою пользу въ Египтѣ, а Паакеръ—въ Сиріи. Мои побѣдоносныя войска, вернувшіяся изъ Эѳіопіи, вступаютъ завтра торжественно въ Ѳивы, какъ будто во главѣ ихъ сражался самъ царь, и затѣмъ примутъ участіе въ празднествѣ Долины. Въ послѣдствіи мы пошлемъ ихъ на сѣверъ и расположимъ въ крѣпостяхъ, защищающихъ Египетъ отъ вторженія непріятелей съ востока: Танисѣ, Пелузіумѣ, Дафне и Мигдолѣ. Рамзесъ, какъ тебѣ извѣстно, требуетъ, чтобы подвластные жрецамъ земледѣльцы были обучены здѣсь и присланы къ нему въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ. Я посылаю ему одну половину этихъ рабовъ, а другая должна служить моимъ цѣлямъ. Преданный Рамзесу гарнизонъ Мемфиса будетъ посланъ въ Нубію и отдѣленъ отъ войскъ, вѣрныхъ мнѣ. Ѳиванскій народъ подчиняется управленію жрецовъ, и завтра Амени покажетъ ему—кто настоящіи царь, кто прекратитъ войну и освободитъ этотъ народъ отъ налоговъ. Народъ увидитъ, кто пріятнѣе богамъ: послѣдній ли отпрыскъ древняго царскаго дома, или позднѣйшій наростъ новаго? Дѣти Рамзеса будутъ устранены отъ празднества, такъ какъ Амени, вопреки настояніямъ перваго пророка амонова храма въ Ѳивахъ, объявилъ Бентъ-Анатъ нечистою. Молодой Рамери провинился, и Амени, замышляющій нѣчто очень важное, изгонитъ его изъ Дома Сети. Это дѣйствуетъ на толпу! Въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Сиріи, это тебѣ извѣстно. Рамзесу придется много пострадать отъ хетовъ и ихъ союзниковъ. Наши воины утомлены вѣчнымъ пребываніемъ въ полѣ, и, когда дѣло дойдетъ до крайности, то всѣ эти тысячи перейдутъ на нашу сторону; и если Паакеръ выполнитъ свою обязанность, то мы побѣдимъ, даже не сражаясь. Дѣло теперь идетъ прежде всего о быстротѣ въ дѣйствіи.

— Я не узнаю въ тебѣ осторожнаго, предусмотрительнаго медлителя, сказала Катути.

— Потому что осторожная обдуманность была бы теперь неосторожностью, возразилъ Ани.

— А если царь заблаговременно узнаетъ обо-всемъ?

— Это—мои слова! вскричалъ Ани.—Мы помѣнялись ролями.

— Ты ошибаешься, возразила Катути. Я—тоже настаиваю на скорѣйшемъ дѣйствіи, но желала только напомнить тебѣ о необходимыхъ мѣрахъ предосторожности. Только *твои* письма и никакія другія должны дойти до лагеря въ слѣдующую недѣлю.

— Вотъ ты опять сходишься въ мнѣніи съ жрецомъ, смѣясь, замѣтилъ намѣстникъ:—Амени совѣтовалъ мнѣ то же самое. До царя дойдутъ только тѣ мои письма, въ которыхъ я жалуюсь на хищниковъ пустыни, нападающихъ на гонцовъ.

— Это благоразумно, сказала вдова.—Прикажи также сторожить гавани Тростниковаго Моря и наблюдать за писцами. Когда ты сдѣлаешься царемъ, то изъ нынѣшняго поведенія будешь знать—кто былъ къ тебѣ хорошо или дурно расположенъ.

Ани отрицательно покачалъ головой и отвѣчалъ:

— Это поставило бы меня въ затруднительное положеніе, потому что, еслибы я вздумалъ наказывать тѣхъ, которые теперь привязаны къ своему царю, то мнѣ пришлось бы царствовать съ невѣрными слугами, а вѣрныхъ прогнать. Тебѣ нѣчего краснѣть, другъ мой, такъ какъ мы оба одной крови, и мое дѣло—твое дѣло.

Катути схватила протянутую къ ней руку намѣстника и сказала:

— Это правда; я не желаю никакой другой награды, кромѣ той, чтобы видѣть домъ моихъ отцовъ возстановленнымъ.

— Можетъ быть, это удастся, сказалъ Ани:—если не... если не... Подумай, Катути, развѣдай, съ помощью твоей дочери, кого это она, ты знаешь о комъ я говорю—кого это любитъ Бентъ-Анатъ?

Вдова вздрогнула, такъ какъ послѣднія слова Ани произнесъ громко и съ запальчивостью, несовмѣстной съ его обычною вѣжливою манерой; но вслѣдъ затѣмъ она улыбнулась и начала перечислять намѣстнику имена немногихъ знатныхъ юношей, которые не послѣдовали за царемъ на войну, а остались въ Өивахъ.

— Не Хамусъ ли это? спросила она, наконецъ.—Правда, онъ въ лагерѣ, однако...

Въ эту минуту, явился Нему, который не пропустилъ ни одного слова изъ этого разговора. Онъ пришелъ какъ будто изъ сада и вскричалъ:

— Простите меня, мои повелители! но я узналъ странныя вещи.

— Говори! сказала Катути.

— Царевна Бентъ-Анатъ, божественная дочь Рамзеса, говорятъ, живетъ въ открытой любовной связи съ молодымъ жрецомъ изъ Дома Сети.

— Безсовѣстный наглецъ! вскричалъ Ани, и его глаза гнѣвно засверкали.—Докажи истину своихъ словъ, иначе ты простишься съ своимъ языкомъ.

— Тогда вели отрѣзать его у меня, какъ у клеветника и государственнаго измѣнника, согласно закону, сказалъ карликъ смиренно, но вмѣстѣ съ лукавою улыбкой.—Но на этотъ разъ я могу сохранить его, такъ какъ въ состояніи доказать то, что говорю. Вы знаете, что Бентъ-Анатъ объявлена нечистою, такъ какъ она болѣе часа оставалась въ хижинѣ парасхита. Тамъ она имѣла свиданіе съ жрецомъ. При второмъ свиданіи въ храмѣ Гаторъ, ее засталъ Септà, первый гороскопъ Дома Сети.

— Кто этотъ жрецъ? спросилъ Ани, съ притворнымъ спокойствіемъ.

— Человѣкъ низкаго происхожденія, которому поручена была школа въ Домѣ Сети и который славится, какъ истолкователь сновъ и стихотворецъ. Его имя Пентауръ, и его можно назвать красивымъ и статнымъ мужчиной. Онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на умершаго отца вожатаго Паакера—видалъ-ли ты его, мой повелитель?

Намѣстникъ мрачно глядѣлъ въ землю и сдѣлалъ утвердительное движеніе, а Катути вскричала:

— Какъ я глупа! Карликъ говоритъ правду. Я видѣла, какъ она покраснѣла, когда ея братъ объявилъ, что изъ-за этого Пентаура мальчики хотятъ взбунтоваться противъ Амени. Она думаетъ о Пентаурѣ и ни о комъ другомъ!

— Хорошо, сказалъ Ани:—мы увидимъ.

Съ этими словами, онъ простился съ Катути, которая прошептала про себя, когда онъ вышелъ изъ сада:

— Онъ сегодня выказалъ рѣдкую рѣшительность и ясность мыслей; но ревность начинаетъ уже ослѣплять намѣстника и скоро заставитъ его почувствовать, что онъ не можетъ обойтись безъ моихъ проницательныхъ глазъ.

Нему проскользнулъ вслѣдъ за Ани.

За групою фиговыхъ деревьевъ онъ окликнулъ его и быстро прошепталъ, почтительно кланяясь:

— Моя мать знаетъ очень многое, высокій повелитель! ска-

щенный ибисъ [1] ходитъ и по болоту, когда отправляется за добычей: почему бы и тебѣ не поискать золота въ пыли? Я сказалъ бы тебѣ, какимъ образомъ ты могъ бы поговорить съ нею, не будучи замѣченнымъ.

— Говори, прошепталъ Ани.

— Заключи ее въ тюрьму, выслушай ее и затѣмъ выпусти. одаривъ, если она заслужитъ это, или наказавъ ударами, въ противномъ случаѣ. Но ты узнаешь нѣчто невыразимо-важное, что̀ она упорно скрываетъ даже отъ меня.

— Мы увидимъ, сказалъ намѣстникъ, бросая карлику нѣсколько золотыхъ колецъ и входя въ свою колесницу.

По близости дворца собралась такая густая толпа народа, что намѣстникъ, опасаясь, не произошло ли чего нибудь дурного, приказалъ своему возницѣ придержать лошадей и нѣсколькимъ полицейскимъ солдатамъ велѣлъ помочь своимъ скороходамъ. Но, повидимому, его ожидали радостныя вѣсти, такъ какъ у воротъ дворца онъ услыхалъ несомнѣнно ликующіе клики толпы, а на дворѣ онъ нашелъ пословъ изъ Дома Сети, которые, по порученію Амени, возвѣстили ему и народу, что произошло великое чудо: сердце растерзаннаго дикими звѣрями амонова овна найдено въ груди благочестиваго пророка Руи.

Ани немедленно сошелъ съ своей колесницы, преклонилъ колѣна въ виду всего народа, послѣдовавшаго его примѣру, воздѣлъ руки къ небу съ молитвой и громкимъ голосомъ возблагодарилъ боговъ.

Когда онъ, черезъ нѣсколько минутъ, всталъ и вошелъ во дворецъ, появились рабы, которые, по порученію Ани, роздали хлѣбъ толпѣ.

— Намѣстникъ щедръ, сказалъ одинъ столяръ изъ Ѳивъ своей сосѣдкѣ:—посмотри, какъ бѣлъ хлѣбъ. Я припрячу его и отнесу дѣтямъ.

— Дай мнѣ кусочекъ! вскричалъ какой-то нагой мальчишка; затѣмъ, онъ вырвалъ изъ рукъ столяра его хлѣбецъ и убѣжалъ, проворно проскользнувъ черезъ толпу.

---

[1] Ibis religiosa, птица, нынѣ исчезнувшая изъ Египта. Было два вида этой посвященной Тоту птицы, муміи которой найдены были во многихъ мѣстахъ. «Въ Гермополисѣ, говоритъ Эліанъ:—показывали безсмертнаго ибиса». «Ибисъ, говоритъ Плутархъ:—уничтожаетъ ядовитыхъ пресмыкающихся и подалъ первый примѣръ употребленія врачебныхъ чистительныхъ средствъ, такъ какъ видѣли, что онъ самъ очищаетъ себя посредствомъ вспрысканій (клювомъ). Наиболѣе добросовѣстные жрецы черпаютъ свою очистительную священную воду тамъ, гдѣ пьетъ ибисъ, потому что онъ никогда не пьетъ нездоровой или отравленной воды и не приближается къ ней». Плутархъ, «Изида и Озирисъ», гл. 75.

*

— Крокодилово отродье! вскричалъ ограбленный:—необузданность мальчишекъ увеличивается съ каждымъ днемъ.

— Они голодны, сказала женщина, въ видѣ извиненія:—отцы на войнѣ, а матери не имѣютъ для дѣтей ничего, кромѣ сердцевины папируснаго тростника и лотосовыхъ корней.

— Пусть онъ полакомится, смѣясь сказалъ столяръ: — протиснемся налѣво: вонъ идетъ слуга съ новымъ запасомъ хлѣба.

— Намѣстникъ, должно быть, сильно обрадованъ чудомъ, замѣтилъ башмачникъ.

— Да, вѣдь, давно не происходило ничего подобнаго, замѣтилъ корзинщикъ: — и Ани радуется въ особенности тому, что именно Руи былъ удостоенъ получить священное сердце. Вы спрашиваете почему? Эхъ, вы, тупыя головы! Вѣдь, Гатасу принадлежитъ къ числу предковъ Ани.

— А Руи былъ пророкомъ въ храмѣ Гатасу, сказалъ столяръ.

— Жрецы по ту сторону Нила преданы старому царскому дому, я знаю это, увѣрялъ хлѣбникъ.

— Какъ будто это какая-нибудь тайна! вскричалъ башмачникъ:—да и то сказать: старое время было лучше теперешняго. Война проглатываетъ все, и весьма почтенные люди бѣгаютъ теперь босикомъ, потому что не въ состояніи заплатить за кожу. Да и добыча стала плоха за послѣдніе годы. Рамзесъ—великій герой и сынъ Ра, но что̀ можетъ онъ сдѣлать безъ боговъ, которымъ, повидимому, уже не нравится пребываніе въ Ѳивахъ; иначе зачѣмъ бы священному сердцу овна искать новаго жилища въ городѣ мертвыхъ и въ груди приверженца стараго...

— Придержи свой языкъ, предостерегъ его корзинщикъ:— вонъ идетъ стража.

— А мнѣ нужно идти на работу, сказалъ хлѣбопёкъ:—у меня къ завтрашнему празднику полны руки дѣла.

— У меня тоже, вздохнулъ башмачникъ: — вѣдь, кому охота слѣдовать за царемъ боговъ въ городъ мертвыхъ босикомъ?

— Вы заработаете пропасть денегъ! вскричалъ корзинщикъ.

— Заработали бы, возразилъ башмачникъ:—еслибы имѣли лучшихъ помощниковъ. Но всѣ подмастерья на войнѣ. Теперь приходится работать съ оборванными мальчишками. Да, притомъ и жены! Моя для процессіи купила себѣ новое платье, а дѣтямъ, даже самымъ малымъ, шейныя повязки. Правда, я охотно оказываю почтеніе своимъ покойникамъ, и они нерѣдко награждаютъ за это своею помощью, но чего стоютъ мнѣ жертвоприношенія— этого и сказать нельзя. Тѣмъ болѣе, что половина всего заработка уходитъ на..

— Въ первую пору горести о моей умершей хозяйкѣ, сказалъ хлѣбопёкъ:—я далъ обѣтъ—приносить каждый мѣсяцъ маленькую и каждый годъ большую жертву. Жрецы не прощаютъ ничего изъ обѣщаннаго, а времена становятся все тяжелѣе. Притомъ, покойница не любитъ меня и неблагодарна ко мнѣ такъ же, какъ была при жизни. Когда она является мнѣ во снѣ, то не говоритъ мнѣ ни одного ласковаго слова и нерѣдко мучитъ меня.

— Она теперь—свѣтлый, всезнающій духъ, сказала жена корзинщика:—и ты, должно быть, былъ невѣренъ ей. Преображенные знаютъ все, чтò происходитъ и происходило на землѣ.

Хлѣбопёкъ задумчиво крякнулъ, а башмачникъ вскричалъ:

— Клянусь Анубисомъ, властителемъ преисподней, я желаю умереть *прежде* моей старухи, потому что, если она у Озириса узнаетъ все, чтò я дѣлалъ здѣсь на землѣ, а она можетъ, вѣдь, принять, какой угодно, òбразъ—то будетъ являться мнѣ каждую ночь щипать меня и давить.

— Если ты умрешь прежде нея, сказала женщина:—то она, все таки, послѣ придетъ къ тебѣ въ преисподнюю и *тамъ* увидитъ тебя насквозь.

— Это не такъ опасно, засмѣялся башмачникъ, потому что, вѣдь, и я тогда буду преображеннымъ и *ея* прошлая жизнь будетъ для меня открыта. Эта жизнь окажется тоже несовсѣмъ бѣлою, и, если жена броситъ въ меня чулкомъ, то я поподчую ее туфлей.

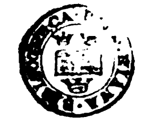
— Пойдемъ домой, сказала жена корзинщика мужу, таща его за собою:—ты не услышишь здѣсь ничего хорошаго.

Присутствовавшіе засмѣялись, а хлѣбопёкъ вскричалъ:

— Мнѣ пора; я долженъ быть въ городѣ мертвыхъ прежде, чѣмъ смеркнется, и заказать столъ для завтрашняго праздника. Мои товары стоятъ какъ разъ возлѣ узкаго прохода въ долину. Приведи ко мнѣ своихъ дѣтей, башмачникъ, я имъ дамъ коечего сладкаго. Не отправишься ли ты вмѣстѣ со мной на другую сторону?

— Мой младшій братъ съ товарами уже тамъ, отвѣчалъ башмачникъ:—у насъ еще много дѣла съ покупателями въ Ѳивахъ, а я стою здѣсь, теряя время въ болтовнѣ! Будетъ ли завтра показано чудодѣйственное сердце священнаго барана?

— Разумѣется, сказалъ хлѣбопёкъ: — прощай. Вотъ мои сундуки!



XI.

Вмѣстѣ съ хлѣбопекомъ, сотни людей отправились въ некрополь, несмотря на довольно позднее время дня. Имъ было позволено провести тамъ предшествующую празднику ночь, подъ надзоромъ полицейской стражи: они должны были уставить столы и навѣсы для торга, разложить свои товары, разбить шатры, потому что съ восходомъ солнца на слѣдующій день всякое торговое движеніе по священной рѣкѣ было запрещено: по ней могли ходить только праздничныя барки и тѣ лодки, которыя перевозили изъ Өивъ на другой берегъ богомольцевъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, принадлежавшихъ къ числу өиванскихъ и иногородныхъ жителей.

Въ залахъ и лабораторіяхъ Дома Сети дѣятельность тоже была оживленнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Провозглашеніемъ святости чудодѣйственнаго сердца приготовленія къ празднеству были прерваны на нѣкоторое время. Теперь они снова пошли своимъ чередомъ. Здѣсь происходила спѣвка хоровъ; тамъ, на священномъ озерѣ, производились репетиціи предстоявшаго зрѣлища [1]; далѣе—ризничьи очищали отъ пыли и одѣвали статуи боговъ [2], воздвигались священныя эмблемы, провѣтривались и приводились въ порядокъ шкуры пантеръ и другія части жреческаго облаченія, чистились и убирались скипетры, курильницы и другая металическая утварь, украшались праздничныя барки, предназначенныя для процессіи. Въ священныхъ рощахъ Дома Сети младшіе ученики, подъ руководствомъ храмовыхъ садовниковъ, плели гирлянды и вѣнки для украшенія пристани, сфинксовъ, храма и статуй боговъ. Передъ пилонами, на обитыхъ мѣдью мачтахъ, воздвигались знамена и посреди двора раскидывался навѣсъ изъ пурпурной парусины.

---

[1] Каждый храмъ имѣлъ свое священное озеро. Геродотъ (II, 171) упоминаетъ о представленіяхъ, которыя давались на священномъ озерѣ богини Нейтъ въ Саисѣ—ночью. «Эти представленія называютъ мистеріями, говоритъ онъ:—хотя я многое знаю объ этомъ предметѣ, но, все-таки, умолчу о томъ изъ уваженія къ нему». На сцену выводились миөы объ Изидѣ, Озирисѣ и Сетѣ-Тифонѣ.

[2] Одѣваніе боговъ было дѣломъ ризничныхъ; оно должно было, при богослуженіи, производиться по строго-установленному обряду. Относительно этой и другихъ частей знаменательнаго египетскаго ритуала, въ особенности поучительны надписи въ семи святилищахъ Абидоса. Изданы А. Маріеттомъ

Завѣдующій жертвоприношеніями, съ помощью писцовъ, записывавшихъ доставляемые предметы, также неокоровъ и рабовъ-земледѣльцевъ, принималъ уже теперь, возлѣ боковой двери, дары храму скотомъ, зерномъ и плодами, которые обыкновенно доставлялись къ празднику Долины гражданами изъ всѣхъ частей страны [1].

Амени появлялся то возлѣ пѣвчихъ, то возлѣ маговъ, которые должны были показать народу изумительныя превращенія; то возлѣ неокоровъ, которые воздвигали торжественныя сѣдалища для намѣстника, для пословъ другихъ жреческихъ общинъ страны и для ѳиванскихъ пророковъ; то возлѣ жрецовъ, разставлявшихъ курильницы; то возлѣ служителей, приготовлявшихъ тысячи лампъ для праздничной ночи, словомъ—вездѣ то понукая, то хваля. Когда онъ убѣдился, что все идетъ наилучшимъ образомъ, то приказалъ одному изъ «святыхъ отцовъ» позвать Пентаура.

Простившись съ изгнаннымъ изъ храма сыномъ Рамзеса Рамери, молодой жрецъ, вмѣстѣ со своимъ другомъ Небсехтомъ, отправился въ его рабочую комнату.

Врачъ безпокойно ходилъ между своими сосудами и клѣтками. Находясь въ лихорадочномъ возбужденіи, онъ запальчиво двигалъ своими неловкими членами, то отталкивая ногой какой-нибудь пучекъ растеній, то ударяя кулакомъ по столу, и разсказывалъ Пентауру, въ какомъ положеніи онъ нашелъ свою рабочую комнату, возвратясь изъ хижины парасхита.

Его любимыя птицы были заморены голодомъ, змѣи освободились, и обезьяна, вѣроятно, испуганная ими, послѣдовала ихъ примѣру.

— Звѣрь-чудовище! вскричалъ онъ съ гнѣвомъ: — онъ опрокинулъ мои горшки съ жуками, опрокинулъ ящики съ мукой, которою кормились мои черви и птицы, и весь выпачкался въ ней; выбросилъ за окно мои ножи, иглы, щипцы, циркули и тростниковыя перья, и, когда я вошелъ въ комнату, онъ сидѣлъ *вонъ* на томъ шкапу, весь бѣлый какъ рабъ-эѳіопъ, который день и ночь ворочаетъ мельничный жорновъ. Онъ держалъ свитокъ съ моими замѣтками о строеніи тѣла животныхъ, плодомъ нѣсколькихъ лѣтъ изученія, съ глубокомысленнымъ видомъ уткнувъ туда свою косую голову. Я хотѣлъ отнять у него книгу, но онъ убѣжалъ съ нею, выпрыгнулъ въ окно, сѣлъ на краю колодца и бѣшено сталъ теребить папирусъ. Я бросился вслѣдъ за нимъ, но онъ сѣлъ въ ведро, уцѣпился за цѣпь и, насмѣшливо вытара-

[1] Что въ Домъ Сети (курнахскій храмъ) присылались послы даже съ Дельты—это видно изъ надписей въ колоннадѣ на восточной сторонѣ этого храма.

пившись на меня, спустился въ колодезь, когда я вытащилъ его снова, онъ съ остатками книги прыгнулъ въ глубину.

— Да не былъ ли пьянъ бѣдный звѣрь? спросилъ Пентауръ.

— Я выловилъ его ведромъ и положилъ на солнцѣ для просушки. Но онъ наглотался разныхъ лекарствъ и издохъ сегодня въ полдень. Мои замѣтки тоже пропали! Правда, у меня еще осталось кое-что, но, говоря вообще, приходится начинать съизнова. Ты видишь, что и звѣри смотрятъ на мои работы столь же враждебно, какъ и мудрецы. Животное лежитъ вонъ тамъ, въ этомъ ящикѣ.

Пентауръ посмѣялся при разсказѣ своего друга, а потомъ пожалѣлъ о его потерѣ. Теперь онъ спросилъ озабоченнымъ тономъ:

— Тамъ лежитъ звѣрь? ты забываешь, что онъ долженъ былъ содержаться въ молельнѣ Тота, при библіотекѣ. Онъ принадлежитъ къ священной породѣ обезьянъ съ собачьими головами [1], и на немъ найдены были всѣ благопріятные знаки. Библіотекарь ввѣрилъ его тебѣ, для излеченія его больного глаза.

— Онъ выздоровѣлъ, отвѣчалъ Небсехтъ.

— Но у тебя потребуютъ его трупъ, не тронутый, для бальзамированія, сказалъ Пентауръ.

— Потребуютъ? пробормоталъ Небсехтъ и посмотрѣлъ на своего друга съ видомъ мальчишки, у котораго отбираютъ яблоко, которое онъ уже ѣлъ.

— Ты, должно быть, опять напроказилъ! вскричалъ Пентауръ, дружески угрожающимъ тономъ.

— Врачъ кивнулъ головой и отвѣчалъ: — я вскрылъ его и изслѣдовалъ его сердце.

— Ты помѣшался на сердцахъ, точно чувствительная женщина! вскричалъ поэтъ:—что же сдѣлалось съ человѣческимъ сердцемъ, которое досталъ тебѣ, старый парасхитъ?

Небсехтъ разсказалъ безъ утайки, что сдѣлалъ для него отецъ Уарды, и объявилъ, что онъ изслѣдовалъ человѣческое сердце и не нашелъ въ немъ ничего такого, чего бы не было и въ сердцахъ животнаго. «Но я долженъ видѣть его работающимъ

---

[1] Обезьяны съ собачьей головой (Kynokephalos) были посвящены Тоту-Гермесу, какъ богу мѣсяца. Муміи ихъ были найдены въ Ѳивахъ и близъ древняго Гермонолиса. Собачьеголовыя обезьяны, углубленныя съ серьёзнымъ видомъ въ книгу, часто изображались весьма живо. Статуи этого звѣря были находимы въ большомъ числѣ. Въ библіотечной комнатѣ храма Изиды, въ Филэ, находится въ особенности удавшееся рельефное изображеніе кинокефала, на лѣвой стѣнѣ.

въ связи съ другими органами человѣка, вскричалъ онъ въ волненіи:—и я твердо рѣшился на это. Я оставляю Домъ Сети и буду просить колхитовъ, чтобы они приняли меня въ свой цехъ. Если они согласятся, то первоначально я буду исправлять должность самыхъ послѣднихъ парасхитовъ».

Пентауръ поставилъ врачу на видъ, какой невыгодный обмѣнъ онъ намѣревается сдѣлать и, при жаркихъ возраженіяхъ Небсехта, вскричалъ:

— Мнѣ не нравится это разрѣзываніе сердецъ. Ты самъ говоришь, что оно не научило тебя ничему. Находишь ли ты его дѣломъ хорошимъ, прекраснымъ или хоть полезнымъ?

— Мнѣ мало дѣла до того, отвѣчалъ Небсехтъ:—хорошъ или дуренъ, прекрасенъ или отвратителенъ, полезенъ или безполезенъ предметъ моего наблюденія; я желаю только знать, *какъ* и *что* въ немъ происходитъ—и болѣе ничего.

— Слѣдовательно, ради любопытства, ты хочешь подвергнуть опасности благополучіе тысячи ближнихъ, приняться за самое печальное ремесло и оставить это мѣсто благороднаго труда, гдѣ мы стремимся къ просвѣщенію, къ внутреннему просвѣтлѣнію и истинѣ!

Натуралистъ иронически засмѣялся.

Жила на лбу Пентаура вздулась отъ гнѣва, и его голосъ звучалъ угрозой, когда онъ спросилъ:

— Неужели ты думаешь, что твои пальцы и глаза нашли истину, для достиженія которой благородные умы напрасно напрягаютъ всѣ свои силы въ теченіи тысячи лѣтъ? Твое глупое копанье въ пыли низводитъ тебя въ разрядъ грубыхъ, чувственныхъ людей, и, чѣмъ болѣе ты убѣждаешься, что обладаешь истиной, тѣмъ позорнѣе отдаешься во власть жалкаго заблужденія.

— Еслибы я, дѣйствительно, думалъ, что обладаю истиною, то развѣ я сталъ бы искать ее? возразилъ Небсехтъ:—чѣмъ болѣе я наблюдаю и познаю, тѣмъ болѣе чувствую недостаточность нашего могущества и знанія.

— Эти слова отзываются скромностью, сказалъ Пентауръ: — но я знаю, къ какой самонадѣянности ведетъ тебя твоя работа. Тебѣ кажется несомнѣннымъ все, что̀ ты видишь глазами и осязаешь пальцами, и въ глубинѣ своей души съ высокомѣрною улыбкою называешь ты ложнымъ все, что̀ не поддается твоимъ опытамъ. Но эти опыты ты пріобрѣтаешь только въ области чувственнаго міра, забывая, что есть вещи, для которыхъ существуетъ совершенно другой порядокъ.

— Этихъ вещей я не знаю, спокойно возразилъ Небсехтъ.

— Однако, мы, посвященные, обращаемъ наше вниманіе и на нихъ, вскричалъ поэтъ:—предположенія объ ихъ свойствѣ и дѣятельности были высказаны за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени. Сто поколѣній подвергли эти предположенія изслѣдованію, одобрили и передали намъ по наслѣдству, въ качествѣ вѣры. При всей скудости нашего знанія, вдохновенные пророки могутъ прозрѣвать въ будущее; многимъ смертнымъ даруются чудодѣйственныя силы, а это противорѣчитъ законамъ чувственнаго міра, кромѣ которыхъ ты не признаешь ничего другого, и, однако же, объясняется такъ легко, если мы допустимъ существованія высшаго порядка. Духъ Божій живетъ какъ въ природѣ, такъ и въ каждомъ изъ насъ. Чувственный человѣкъ можетъ достигнуть только обыденнаго, обыкновеннаго знанія, но въ пророкахъ дѣйствуетъ божественное свойство знанія въ чистой его формѣ, т. е. всезнаніе, и магамъ способность совершать сверхъестественныя дѣйствія даетъ не человѣческая сила, а божественная, нестѣсняемая никакими предѣлами, то есть—всемогущество.

— Избавь меня отъ пророковъ и чудесъ! вскричалъ врачъ.

— Я думалъ, возразилъ Пентауръ:—что даже тотъ порядокъ вещей, который ты признаешь, ежедневно являетъ тебѣ поразительнѣйшія чудеса, такъ какъ Единый нарушаетъ по временамъ обыкновенный порядокъ вещей, дабы указать частицѣ своего существа, называемой нашею душою, высшее цѣлое, къ которому она принадлежитъ, т. е. самого себя. Еще сегодня ты былъ свидѣтелемъ, что сердце священнаго овна...

— Эхъ, человѣкъ! прервалъ Небсехтъ своего друга:—это священное сердце—сердце злополучнаго барана, котораго пьяница-солдатъ купилъ у барышника и который былъ убитъ въ стадѣ нечистаго. Отверженецъ-парасхитъ вложилъ его въ грудь Руи и...

При этихъ словахъ, Небсехтъ открылъ ящикъ, выбросилъ оттуда на полъ трупъ обезьяны и кое-какое платье и затѣмъ вынулъ алебастровое блюдо и, подавая его Пентауру, продолжалъ:

— А вотъ это сердце билось въ груди пророка Руи. Сердце барана вы завтра будете носить въ торжественномъ шествіи! Я тотчасъ же разсказалъ бы тебѣ всю исторію, но, ради старика, рѣшился молчать, и притомъ... Но что̀ съ тобою?

Пентауръ отвернулся отъ своего друга, закрылъ свое лицо обѣими руками и застоналъ, точно отъ жестокой физической боли.

Небсехтъ подозрѣвалъ, что̀ происходитъ съ поэтомъ. Подобно

ребенку, желающему, но не рѣшающемуся просить у матери прощенія въ своей винѣ, онъ подошелъ къ Пентауру, сталъ позади его и не смѣлъ заговорить съ нимъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ Пентауръ выпрямился во весь ростъ, поднялъ руки къ небу и вскричалъ: «Единый! когда ты позволяешь звѣздамъ падать съ неба въ лѣтнія ночи, то и тогда твой вѣчный неизмѣнный законъ согласуетъ въ прекрасную гармонію пути никогда неотдыхающихъ [1]. Ты, проникающій вселенную чистый духъ, который проявляешься во мнѣ отвращеніемъ ко лжи, продолжай дѣйствовать во мнѣ, наполняя меня, когда я думаю — свѣтомъ, когда дѣйствую—благодатью, когда говорю—истиной, всегда одною истиной!»

Поэтъ произнесъ эти слова съ глубокимъ волненіемъ, и Небсехтъ прислушивался къ нимъ, точно къ звукамъ какого-то дальняго прекраснаго міра. Онъ съ любовью приблизился къ другу и протянулъ ему руку. Пентауръ схватилъ ее, порывисто пожалъ и проговорилъ.

— Я пережилъ тяжкую минуту. Ты не знаешь, чѣмъ былъ для меня Амени; а теперь, теперь...

Онъ не договорилъ. Послышались шаги, направлявшіеся къ комнатѣ врача, и затѣмъ появился молодой жрецъ, требуя чтобы оба друга тотчасъ же явились въ собраніе посвященныхъ. Черезъ нѣсколько секундъ, они вошли въ залу засѣданія, ярко освѣщенную лампами. Всѣ начальствующіе Дома Сети находились на лицо.

Амени сидѣлъ за длиннымъ столомъ на высокомъ тронномъ сѣдалищѣ; по правую руку его помѣщался Гагабу, а по лѣвую—третій пророкъ храма. Начальники отдѣльныхъ жреческихъ разрядовъ, и въ томъ числѣ первый гороскопъ, тоже помѣщались у стола, между тѣмъ какъ остальные жрецы, всѣ въ снѣжно-бѣлыхъ полотняныхъ одеждахъ, сидѣвшіе съ видомъ степеннымъ и важнымъ, составляли двойной бѣлый полукругъ, посреди котораго возвышалась статуя богини истины и справедливости.

Позади трона Амени стояла пестроразмалеванная фигура Тота, бога, который хранилъ мѣру и порядокъ вещей, внушалъ мудрыя рѣчи нетолько людямъ, но и богамъ, и былъ главою искуствъ и знаній.

Въ углубленіи на крайнемъ концѣ залы видны были изображенія ѳиванской троицы, къ которой Рамзесъ I и его сынъ Сети, основатели храма, приближались съ жертвенными дарами. Жрецы были размѣщены въ строгомъ порядкѣ, сообразно чину каждаго

[1] Такъ называются планеты въ священныхъ египетскихъ текстахъ.

и времени посвященія въ таинства. Пентауръ занималъ самое низшее мѣсто.

Совѣщаніе, въ собственномъ смыслѣ этого слова, еще не начиналось до сихъ поръ: Амени спрашивалъ, получалъ отвѣты и отдавалъ приказанія относительно предстоявшаго на другой день праздника.

Повидимому, все было хорошо приготовлено и устроено для великолѣпія этого торжества, хотя жрецы жаловались на скудное поступленіе жертвеннаго скота отъ земледѣльцевъ, обремененныхъ тягостными военными налогами, и кромѣ того, въ торжественномъ шествіи должны были отсутствовать лица, которыя обыкновенно придавали ему наибольшій блескъ, именно: царь и его семейство.

Это послѣднее возбуждало неодобреніе со стороны нѣкоторыхъ жрецовъ; они высказали, что опасно устранять отъ участія въ праздничной церемоніи обоихъ живущихъ въ Ѳивахъ дѣтей Рамзеса. Тогда Амени всталъ и проговорилъ.

— Мальчика Рамери мы удалили изъ этого дома; царевну Бентъ-Анатъ мы должны были лишить чистоты, и если слабохарактерный настоятель храма Амона въ Ѳивахъ оправдаетъ ее, то она можетъ считаться чистою по ту сторону рѣки, гдѣ люди живутъ для жизни, но не здѣсь, гдѣ мы обязаны приготовлять души къ смерти. Намѣстникъ, внукъ свергнутаго съ престола царя, явится во всемъ блескѣ царственнаго величія. Я вижу, что вы удивляетесь, друзья. Теперь я скажу только одно. Совершается нѣчто великое, и можетъ случиться, что надъ нашимъ народомъ, истощеннымъ войною, скоро взойдетъ новое солнце міра. Нынѣ происходятъ чудеса, и я видѣлъ во снѣ кроткаго, благочестиваго мужа, который возсѣдалъ на тронѣ представителей Ра на землѣ. Онъ внялъ нашему голосу; онъ далъ намъ то, что̀ намъ принадлежитъ по праву; онъ возвратилъ на наши нивы нашихъ земледѣльцевъ, отправленныхъ на войну; онъ низвергнулъ алтари чуждыхъ боговъ и изгналъ нечистыхъ чужеземцевъ съ этой священной почвы.

— Ты говоришь о намѣстникѣ Ани! вскричалъ главный гороскопъ.

Собраніе заволновалось, но Амени продолжалъ:

— Можетъ быть: этотъ мужъ былъ похожъ на него; но вѣрно одно: онъ имѣлъ черты истинныхъ и настоящихъ потомковъ Ра. Къ нимъ принадлежалъ и Руи, въ грудь котораго вселилось священное сердце овна. Этотъ залогъ божественной милости завтра будетъ показанъ народу, которому будетъ возвѣщено также еще нѣчто другое. Внимайте и воздайте хвалу промыслу небожителей!

Часъ тому назадъ я получилъ извѣстіе, что въ стадахъ Ани въ Гермонтисѣ обрѣтенъ новый Аписъ, со всѣми священными знаками.

Слушатели снова заволновались.

Амени предоставилъ жрецамъ полную свободу высказать свое изумленіе и, наконецъ, вскричалъ:

— Теперь перейдемъ къ рѣшенію послѣдняго вопроса. Присутствующему здѣсь жрецу Пентауру было предоставлено званіе проповѣдника при торжествѣ. Онъ совершилъ тяжкій проступокъ, но я думаю выслушать его уже послѣ празднества и, принявъ во вниманіе чистоту его побужденій, не лишать его этой почетной роли. Раздѣляете ли вы мое желаніе? Никто не высказываетъ возраженія? Итакъ, выходи, ты, младшій изъ всѣхъ, которому эта священная община поручаетъ столь великое дѣло!

Пентауръ поднялся съ своего мѣста, сталъ противъ Амени и, по его требованію, въ крупныхъ, смѣло набросанныхъ чертахъ, представилъ очеркъ того, что онъ думаетъ сказать въ присутствіи вельможъ и народа.

Все собраніе, въ томъ числѣ даже противники Пентаура, слушали его съ видомъ одобренія. Самъ Амени похвалилъ его и затѣмъ сказалъ:

— Здѣсь недостаетъ только одного, на чемъ тебѣ слѣдовало бы остановиться подольше и что̀ ты долженъ выставить съ особенною яркостью: я говорю о чудѣ, которое такъ взволновало сегодня души наши. Надлежитъ показать, что боги вложили сердце...

— Позволь мнѣ, прервалъ его Пентауръ, серьёзно глядя въ выразительные, еще недавно имъ самимъ воспѣтые глаза первосвященника:—позволь мнѣ просить тебя не избирать меня глашатаемъ новаго чуда.

Удивленіе выразилось на лицахъ членовъ собранія. Многіе взглянули вопросительно на своихъ сосѣдей и, наконецъ, на Амени. Послѣдній зналъ Пентаура и былъ увѣренъ, что не прихоть, а какія либо серьёзныя причины побуждали его къ такому отказу. Въ чистомъ голосѣ молодого жреца слышалось колебаніе, почти отвращеніе, когда онъ произносилъ слова «новое чудо».

Пророкъ Амени смѣрилъ Пентаура медленнымъ, испытующимъ взоромъ и затѣмъ сказалъ:

— Ты правъ, мой другъ.—До произнесенія надъ тобою приговора, до тѣхъ поръ, пока ты не пріобрѣтешь снова той душевной ясности, которую мы цѣнимъ въ тебѣ, твои уста недостой-

ны возвѣстить народу о божественномъ чудѣ. Углубись въ свою душу и покажи благочестивымъ людямъ ужасъ предъ грѣхомъ и ту стезю сердечнаго просвѣтлѣнія, на которую предстоитъ тебѣ вступить. О чудѣ же объявлю я *самъ*!

Жрецы радостно привѣтствовали это рѣшеніе своего вождя, который, вслѣдъ за этимъ, распустилъ собраніе, прося остаться только Гагабу и Пентаура.

Когда они остались втроемъ, Амени спросилъ молодого жреца.

— Почему отказываешься ты возвѣстить народу о необычайномъ чудѣ, наполнившемъ радостію сердца всѣхъ жрецовъ города мертвыхъ?

— Потому что ты училъ меня, что истина есть высшая ступень и что другой болѣе высокой не существуетъ.

— Я учу тебя этому вторично и теперь, возразилъ Амени.—И, такъ какъ ты признаешь это ученіе, то я, именемъ свѣтлой дочери Ра, спрашиваю тебя: не сомнѣваешься ли ты въ подлинности чуда, которое съ осязательною ясностію произошло предъ нашими глазами?

— Сомнѣваюсь, отвѣчалъ Пентауръ.

— Останься на высокой ступени истины, продолжалъ Амени:— и скажи намъ далѣе: какими сомнѣніями смущена твоя вѣра?

— Я знаю, мрачно отвѣчалъ поэтъ:—что сердце, къ которому толпа приступитъ завтра съ обожаніемъ и предъ которымъ преклонятся даже посвященные, какъ предъ сосудомъ души Ра, было вынуто изъ окровавленной груди обыкновеннаго барана и положено въ канопы съ внутренностями Руи.

Амени отступилъ шагъ назадъ, а Гагабу вскричалъ:

— Кто сказалъ это? Кто можетъ это доказать?

— Я *знаю* это, рѣшительно проговорилъ Пентауръ: — но я долженъ умолчать объ имени того, отъ кого я узналъ все.

— Въ такомъ случаѣ, мы думаемъ, что ты заблуждаешься и что тебя одурачилъ какой-нибудь обманщикъ, вскричалъ Амени.— Мы разслѣдуемъ, кто выдумалъ это, и накажемъ его. Смѣяться надъ голосомъ божества—тяжкій грѣхъ; и далекъ отъ истины тотъ, кто охотно выслушиваетъ ложь. Ослѣпленный безумецъ! Священно, трижды священно сердце, которое я намѣреваюсь показать завтра народу и предъ которымъ ты самъ, добровольно или по принужденію, повергнешься ницъ въ благоговѣйной молитвѣ! Иди и обдумывай словà, съ которыми ты завтра долженъ будешь возвысить души народа, и знай одно: истина тоже имѣетъ разныя степени, и образъ ея многоразличенъ, какъ формы божества. Подобно тому, какъ солнце печетъ не по ровному и не по прямому пути; подобно тому, какъ звѣзды движутся по извили-

стымъ стезямъ, которыя мы сравниваемъ съ извивающимися движеніями змѣи Мегенъ [1], избранникамъ, наблюдающимъ за пространствомъ и временемъ и обязаннымъ направлять судьбу людей, нетолько дозволено, но и повелѣно для достиженія высшихъ цѣлей и его побѣды избирать запутанныя стези, которыхъ *вы* не понимаете, воображая, что онѣ уклоняются далеко отъ путей истины. Вы видите только настоящій день, предъ нами же открытъ и завтрашній; и вы обязаны вѣрить тому, что *мы* повелѣваемъ вамъ признавать истиной. Замѣть также и слѣдующее правило: ложь пятнаетъ душу, а сомнѣніе убиваетъ ее.

Амени говорилъ съ великимъ волненіемъ. Когда Пентауръ удалился и главный жрецъ остался наединѣ съ Гагабу, то вскричалъ.

— Что это значитъ? Кто портитъ намъ чистую дѣтскую душу этого высокодаровитаго юноши?

— Онъ портитъ самъ себя, сказалъ Гагабу.—Онъ устраняетъ древній законъ, потому что чувствуетъ въ своемъ творческомъ умѣ зарожденіе новаго закона.

— Но законы, вскричалъ Амени:—являются и произростаютъ подобно тѣнистымъ лѣсамъ; ихъ никогда не создаетъ одна личность. Я любилъ Пентаура, но я долженъ связать его волю, иначе онъ выйдетъ изъ предѣловъ, подобно слишкомъ переполненному водою Нилу, который разрушаетъ плотину. А что онъ говоритъ о чудѣ...

— Это сдѣлано по твоему распоряженію?

— Клянусь Единымъ—нѣтъ! вскричалъ Амени.

— Однако же, Пентауръ правдивъ и склоненъ вѣрить, задумчиво возразилъ старикъ.

— Я знаю это, сказалъ Амени.—Положимъ, дѣйствительно, случилось то, что онъ говоритъ. Но кто сдѣлалъ это и кто сообщилъ ему о такомъ постыдномъ дѣяніи?

Оба жреца въ раздумьи опустили глаза въ землю. Амени первый прервалъ послѣдовавшее затѣмъ молчаніе и вскричалъ:

— Пентауръ пришелъ сюда съ Небсехтомъ, и они—задушев-

---

[1] Змѣя Мегенъ часто встрѣчается въ текстахъ, трактующихъ «о томъ, что находится въ глубинѣ (въ преисподней)»; она изображается волнообразною, извивающеюся и служитъ символическимъ изображеніемъ извивовъ, которымъ слѣдуетъ солнце въ своемъ прохожденіи чрезъ область ночи и подземнаго міра. Змѣеобразныя миѳологическія фигуры имѣютъ столь же часто дружественное, какъ и непріязненное значеніе. Въ каждомъ храмѣ имѣлись священныя змѣи, и муміи ихъ были найдены въ Ѳивахъ. Плутархъ (Изида и Озирисъ, гл. 74) говоритъ, что змѣя считалась священною, потому что она не старѣетъ и, не имѣя членовъ, движется легко, подобно звѣздамъ.

ные друзья. Гдѣ былъ врачъ во время моего пребыванія въ Ѳивахъ?

— Онъ лечилъ пораненную царевной дочь парасхита Пинема и оставался у него три дня, отвѣчалъ Гагабу.

— А Пинемъ вскрывалъ грудь Руи! вскричалъ главный жрецъ.— Теперь я знаю, кто смутилъ вѣру Пентаура: косноязычный сумасбродъ, который поплатится мнѣ за это! Теперь мы будемъ думать о завтрашнемъ праздникѣ, но послѣ-завтра я допрошу его. Слѣдуетъ выказать желѣзную строгость.

— Прежде спокойно выслушаемъ Небсехта, сказалъ Гагабу.— Онъ — украшеніе нашего храма, потому что сдѣлалъ много изслѣдованій и искуство его велико.

— Но это можно обсудить послѣ праздника, прервалъ Амени.—Еще о многомъ намъ предстоитъ позаботиться.

— А затѣмъ еще больше придется намъ подумать. Мы вступили на опасный путь. Ты, вѣдь, знаешь, что я горячъ, несмотря на свою старость, и, увы! боязнь никогда не была моимъ свойствомъ. Но Рамзесъ могущественъ, и обязанность повелѣваетъ мнѣ спросить: не побуждаетъ ли тебя ненависть къ слишкомъ быстрымъ и неосторожнымъ дѣйствіямъ противъ царя?

— Я не чувствую никакой ненависти къ Рамзесу, серьёзно отвѣчалъ Амени.—Еслибы онъ не носилъ короны, то я могъ бы даже любить его. Я его знаю, какъ брата, цѣню все, что есть въ немъ великаго, и охотно признаю, что его достоинства не омрачаются ничѣмъ мелочнымъ. Но тебѣ, столько же, какъ мнѣ, извѣстно, что онъ—нашъ врагъ. Не твой, не мой, даже не боговъ, но врагъ древнихъ, издавна чтимыхъ законовъ, по которымъ должны управляться этотъ народъ и эта страна. Посему онъ врагъ—и *тѣхъ*, которые обязаны охранять священныя ученія древности и указывать надлежащій путь властителю. Я говорю о жрецахъ, которыми я управляю и за права которыхъ я ратую съ помощію всѣхъ способностей моего ума. Тебѣ извѣстно, что, согласно нашему тайному закону, въ этой борьбѣ сами боги покрываютъ блескомъ чистаго свѣта правды все, что въ другихъ случаяхъ является достойнымъ осужденія, въ качествѣ лжи, измѣны и крамолы. Подобно тому, какъ врачъ прибѣгаетъ къ ножу и огню для изцѣленія болящаго, мы должны совершить страшныя дѣла, чтобы спасти цѣлое отъ опасности. Ты видишь, что я веду борьбу съ помощью всевозможныхъ средствъ, такъ какъ, если мы останемся праздными, то скоро изъ вождей государства превратимся въ рабовъ царя.

Гагабу утвердительно кивнулъ головой; Амени же съ возраставшимъ жаромъ продолжалъ:

— Ты былъ моимъ учителемъ, и я цѣню тебя высоко; поэтому, ты долженъ теперь узнать, какими я руководствуюсь побужденіями и что̀ привело меня къ рѣшимости—начать страшную борьбу. Я, какъ тебѣ извѣстно, былъ воспитанъ въ этомъ домѣ вмѣстѣ съ Рамзесомъ. Онъ имѣлъ надо мною преимущество въ быстромъ соображеніи, въ смѣлости мыслей, но я обладалъ бо̀льшимъ прилежаніемъ и бо̀льшею глубиною мышленія. Онъ часто подсмѣивался надъ моими усиленными трудами, но мнѣ его блистательныя способности казались суетнымъ и обманчивымъ украшеніемъ ума. Я сдѣлался жрецомъ, а онъ сталъ управлять государствомъ, сперва вмѣстѣ съ отцомъ и, наконецъ, одинъ, по смерти Сети. Мы сдѣлались старше, но основы нашихъ природныхъ свойствъ не измѣнились. Онъ ринулся къ блистательнымъ подвигамъ, онъ поработилъ народы и потоками крови своихъ подданныхъ поднялъ славу египетскаго имени до одуряющей высоты. Я же проводилъ жизнь въ упорномъ трудѣ, обучалъ юношество и стоялъ на стражѣ уставовъ, которые утверждаютъ порядокъ въ обществѣ людей и связуютъ народъ съ божествомъ. Съ жаркимъ рвеніемъ я углублялся въ древнее писаніе и много узналъ поучительныхъ изреченій отъ старцевъ, соединяя такимъ образомъ настоящее съ прошедшимъ. Чѣмъ были жрецы? Какимъ образомъ мы достигли своего настоящаго положенія? Что̀ сталось бы съ Египтомъ, еслибы не было насъ? Не процвѣтаетъ никакого искуства, никакого знанія, никакой науки, которыхъ бы не изобрѣли, не создали и не ввели въ употребленіе жрецы. Мы короновали властителей, мы называли ихъ богами и учили народъ, что онъ долженъ чтить ихъ, какъ боговъ, такъ какъ толпа нуждается въ сильной рукѣ, которая управляетъ ею и предъ которою она трепещетъ, какъ передъ десницей всемогущей судьбы. Мы охотно служили этому богу на тронѣ, который, подобно Единому, повелѣвалъ и господствовалъ согласно вѣчнымъ законамъ, т. е. согласно *нашему* правилу. Изъ нашей среды онъ избиралъ совѣтниковъ; мы сообщили ему, что̀ полезно странѣ; онъ охотно выслушивалъ насъ и выполнялъ наши указанія. Прежніе цари были руками, а мы, жрецы—головой. А *теперь?* Чѣмъ сдѣлались мы? Насъ употребляютъ на то, чтобы поддерживать вѣру въ народѣ, потому что, когда народъ перестанетъ чтить боговъ, то какимъ образомъ онъ станетъ преклоняться предъ властителями? Рамзесъ благочестивъ: онъ усердно приноситъ жертвы и любитъ молитву. Мы необходимы ему, какъ воскурители ѳиміама, какъ умертвители жертвенныхъ животныхъ, какъ чтецы молитвъ и снотолкователи, но мы перестали быть совѣтниками. Мой покойный отецъ, главный

жрецъ, какъ и я, по порученію большаго совѣта пророковъ, просилъ отца Рамзеса отказаться отъ нечестивой мысли соединить Сѣверное Море съ нечистымъ потокомъ Тростниковаго Моря посредствомъ судоходнаго канала. Подобное предпріятіе приноситъ пользу только азіатамъ [1]. Но Сети не послушался нашего совѣта [2]. Мы хотѣли сохранить древнее раздѣленіе нашей страны, но Рамзесъ ввелъ новое ко вреду жрецовъ. Мы предостерегали противъ новыхъ кровавыхъ войнъ, но царь дѣлалъ походъ за походомъ. Мы обладаемъ старыми освященными грамматами, освобождающими нашихъ крестьянъ отъ военной службы, но тебѣ извѣстно, что онъ уничтожилъ ихъ. Съ древнихъ временъ никто въ этой странѣ не могъ воздвигать храмовъ чужимъ богамъ, а Рамзесъ благопріятствуетъ чужеземцамъ и строитъ нетолько на сѣверѣ, но даже и въ священномъ Мемфисѣ и здѣсь, въ Ѳивахъ, въ занимаемой ими части города, алтари и великолѣпные храмы въ честь кровожадныхъ, ложныхъ боговъ Востока [3].

— Твои слова вполнѣ справедливы. Насъ все еще называютъ жрецами, но увы! въ нашемъ совѣтѣ не нуждаются. «Ваше дѣло, сказалъ Рамзесъ:—приготовлять людямъ прекрасный жребій на томъ свѣтѣ, судьбою же ихъ на землѣ управляю я одинъ».

— Да, таковы его слова! вскричалъ Амени.—И еслибы онъ не сказалъ даже ничего, кромѣ *этого*, то, все-таки, былъ бы осужденъ! Онъ и его домъ—враги нашей благородной страны. Нужно ли мнѣ говорить тебѣ, откуда происходитъ родъ Фараона? Нѣкогда мы называли чумою и разбойниками шайки, пришедшія съ востока, которыя, подобно саранчѣ, налетѣли на нашу страну, ограбили и опустошили ее. Къ нимъ принадлежали предки Рамзеса. Когда предки Ани изгнали гиксосовъ, мужественный родъ вождя, царствующій нынѣ въ Египтѣ, просилъ, какъ милости, дозволенія остаться на Нилѣ. Онъ служилъ въ войскѣ, отличился военными подвигами, и, наконецъ, Рамзесу I удалось привлечь войскà на свою сторону и свергнуть съ престола родъ истинныхъ сыновъ Ра, погрязшій въ ереси. Съ прискорбіемъ признаюсь, что правовѣрные жрецы, въ томъ числѣ твой и мой дѣдъ, поддержали смѣлаго похитителя престола, который былъ вѣренъ древнему ученію. Не менѣе сотни предковъ моего, такъ

---

[1] Гавани Тростниковаго, т. е. Краснаго Моря, были въ рукахъ финикіянъ, которые оттуда плавали къ югу, для обогащенія себя произведеніями Аравіи и сокровищами Офира.

[2] Царь Нехо тоже приступалъ къ устройству Суэзскаго Канала, но, по свидѣтельству Геродота (II. 58), не выполнилъ этого предпріятія, вслѣдствіе указанія оракула, что оно послужитъ только къ выгодѣ иноземцевъ.

[3] Въ Египтѣ съ самыхъ раннихъ временъ были запрещены жертвы людьми, которые даже въ позднѣйшее время приносились финикійскому Молоху.

же какъ и твоего, дома умерли здѣсь, у священнаго Нила; изъ предковъ же Рамзеса намъ извѣстны только десять, и мы знаемъ, что они произошли отъ чуждыхъ народовъ, изъ шаекъ Аму. И онъ похожъ на всѣхъ семитовъ. Они любятъ бродячую жизнь, называютъ насъ пахарями [1] и смѣются надъ мудрымъ, правильнымъ порядкомъ, въ которомъ мы, обработывая черную почву, при здоровомъ трудѣ духа и тѣла, доживаемъ до глубокой старости. Они рыскаютъ за добычей, плаваютъ по соленымъ водамъ и не знаютъ милаго осѣдлаго домашняго крова. Они останавливаются, гдѣ могутъ поживиться прибылью, и если тамъ уже болѣе захватить нѣчего, то они переносятъ свой домъ на другое мѣсто. Таковъ былъ Сети, таковъ теперь и Рамзесъ. Онъ готовъ пожить одинъ годъ въ Ѳивахъ, но затѣмъ отправляется воевать на чужбину. Царь Рамзесъ—чужеземецъ по своей крови, по своему характеру, сердцу и лицу. Онъ постоянно стремится на просторъ; наша страна слишкомъ тѣсна для него, и, при всей живости своего ума, онъ никогда не достигнетъ истиннаго благополучія. Онъ не внимаетъ никакому ученію, онъ приноситъ вредъ Египту, и потому я говорю: долой его съ трона!

— Долой! съ живостью повторилъ Гагабу.

Амени подалъ старику свою руку, дрожавшую отъ волненія, и затѣмъ болѣе спокойнымъ тономъ продолжалъ:

— Намѣстникъ Ани, и по отцу, и по матери, есть истинный сынъ этой страны. Я хорошо знаю его, и мнѣ извѣстно, что, хотя онъ уменъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ боязливо остороженъ и возстановитъ наши древнія, наслѣдственныя права. Здѣсь выборъ не труденъ. Я сдѣлалъ его и постараюсь выполнить до конца то, что̀ началъ. Теперь ты знаешь все и поможешь мнѣ.

— Тѣломъ и жизнію! вскричалъ Гагабу.

— Укрѣпи также сердца нашихъ товарищей, сказалъ Амени на прощанье.—Пусть каждый посвященный подозрѣваетъ происходящее, но о немъ не должно быть произносимо ни слова.

XII.

Солнце двадцать девятаго утра второго мѣсяца наводненія [2] взошло, и горожане и горожанки, старики и дѣти, свободные и рабы въ Ѳивахъ, подъ руководствомъ жрецовъ, славословили во-

[1] Бедуины еще и теперь презрительно называютъ земледѣльческое населеніе Египта феллахами, т. е. пахарями.

[2] 29-е Фаофи. Египтяне дѣлили годъ на три времени, по 4 мѣсяца въ каждомъ: время наводненія, время обсѣмененія и время жатвы. Второй мѣсяцъ наводненія называли Фаофи, и 29-е число Фаофи, день празднества Долины, соотвѣтствовало нашему 8-му ноября (н. ст.).

сходившее дневное свѣтило у дверей храмовъ, къ которымъ принадлежали населяемыя ими части города.

Өиванцы цѣлыми семействами стояли у пилоновъ, въ ожиданіи шествія жрецовъ, къ которому они намѣревались присоединиться, чтобы вмѣстѣ съ нимъ идти къ большому храму государства, а оттуда, вмѣстѣ съ праздничными барками, переправиться черезъ рѣку въ некрополь.

Въ этотъ день празднества Долины, великій богъ Өивъ, Амонъ, былъ переносимъ, въ торжественной процессіи, въ городъ мертвыхъ, дабы тамъ, по выраженію жрецовъ [1], онъ принесъ жертву своимъ покоющимся на другомъ берегу родителямъ. Шествіе направлялось къ западу, гдѣ исчезли мильйоны солнцъ, за которыми ежегодно слѣдовало новое солнце, возникавшее изъ глубины ночи.

«Обновленный свѣтъ, говорили жрецы:—не забываетъ о свѣтѣ угасшемъ, изъ котораго онъ произошелъ, и, въ качествѣ Амона, отдаетъ ему дань своего поклоненія, чтобы научить благочестивыхъ—не забывать своихъ покойниковъ, которымъ они обязаны жизнію.

«Приноси жертвы, гласитъ благочестивое изреченіе:—твоему отцу и твоей матери, покоющимся въ долинѣ могилъ, такъ какъ это угодно богамъ, которые примутъ эти дары, какъ будто они принесены имъ самимъ. Посѣщай часто своихъ умершихъ, дабы то, что̀ ты дѣлаешь для нихъ, сдѣлалъ и для тебя сынъ твой [2]».

Празднество Долины было праздникомъ мертвыхъ, но оно не имѣло въ себѣ ничего печальнаго, не сопровождалось сѣтованіями, скорбью и жалобными воплями. Это было веселое торжество, посвященное благочестивому воспоминанію о тѣхъ, кого не переставали любить и послѣ ихъ смерти, которыхъ радостно прославляли, какъ блаженныхъ, и о которыхъ думали съ чувствомъ пріязни, принося въ честь ихъ жертвы въ гробничныхъ молельняхъ или передъ ихъ могилами.

Отецъ, мать и дѣти тѣснились другъ къ другу. Домашніе рабы слѣдовали за ними съ провизіей и факелами, для освѣщенія мрака гробницы и доро̀ги при возвращеніи, ночью, домой.

Даже самый бѣдный изъ жителей еще наканунѣ запасся мѣстечкомъ въ одной изъ большихъ лодокъ, переправлявшихъ про-

---

[1] Maspero, Mémoire sur quelque Papyrus du Louvre, p. 75. Pap. Nr. 3. B и lag. T. 3. Z. 22, 23.

[2] Изъ сохранившагося въ Булакѣ папируса IV, который содержитъ въ себѣ нравоучительныя правила. Онъ былъ изданъ Маріеттомъ и переведенъ Брушемъ Э. де-Ружé и, наконецъ, Шаба̀ въ его періодическомъ изданіи L'Égyptologie, гдѣ онъ подвергнутъ превосходному аналитическому разбору.

цессію на другой берегъ. Богатыя барки въ блестящемъ уборѣ стояли въ готовности, ожидая своихъ обладателей вмѣстѣ съ ихъ семействами; дѣтямъ грезились ночью во снѣ священные праздничные корабли Амона, по словамъ ихъ матерей, мало уступавшіе въ великолѣпіи золотой баркѣ, на которой богъ-солнце со своими спутницами плаваетъ по небесному океану.

Большая подымавшаяся отъ Нила лѣстница храма уже кишѣла жрецами, рѣка—лодками, а берегъ былъ усѣянъ народомъ; уже раздавалась шумные звуки праздничной музыки, шумъ толпы гражданъ, которые, всѣ въ пыли, толкали другъ друга, чтобы пробиться къ своимъ лодкамъ и баркамъ; уже всѣ домà и хижины Ѳивъ опустѣли, и ожидалось выступленіе бога изъ воротъ храма. Но еще не видно было членовъ царскаго дома, которые, въ этотъ день, обыкновенно, пѣшкомъ отправлялись въ храмъ Амона, и теперь народъ обмѣнивался вопросами: почему такъ долго не является прекрасная дочь Рамзеса, Бентъ-Анатъ, задерживая этимъ выходъ процессія?

Жрецы уже пѣли свои гимны за стѣною, скрывавшею отъ глазъ народа пеструю внутренность храма; вотъ и намѣстникъ съ блестящею свитой вошелъ въ святилище; вотъ отворились ворòта, и показались мальчики въ передникахъ, долженствовавшіе усѣять путь бога цвѣтами; уже дымъ курильницъ возвѣщалъ о приближеніи Амона, а дочь Рамзеса все еще медлила своимъ появленіемъ.

Въ народѣ ходили разные слухи, въ высшей степени противорѣчившіе одинъ другому, но между ними неизмѣннымъ оставался одинъ, къ сожалѣнію толпы, подтвержденный храмовыми служителями: именно, что царевна не участвуетъ въ шествіи, что она устранена отъ празднества Долины.

Она, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Рамери и женою Мены Неферть, стояла на галлереѣ дворца и смотрѣла на рѣку, ожидая приближенія бога.

Рано утромъ, наканунѣ этого дня, старый главный жрецъ Амона въ Ѳивахъ Бекъ-энъ-Хунсу возвратилъ ей чистоту, но вечеромъ онъ пришелъ сообщить, что Амени запрещаетъ ей входъ въ некрополь до тѣхъ поръ, пока она не получитъ прощенія въ своемъ проступкѣ отъ боговъ запада.

Будучи нечистою, она посѣтила храмъ богини Гаторъ и осквернила его, и Бекъ-энъ-Хунсу признавалъ, что строгій начальникъ города мертвыхъ былъ правъ въ своемъ запрещеніи.

Бентъ-Анатъ обратилась тогда къ помощи Ани, но хотя намѣстникъ и обѣщалъ походатайствовать въ ея пользу, но поздно вечеромъ онъ явился къ ней и увѣдомилъ, что Амени оказался

неумолимымъ. Притомъ, намѣстникъ, съ видомъ сожалѣнія, далъ ей совѣтъ—во избѣжаніе публичнаго скандала, не идти на перекоръ строгости Амени, достойной всякаго уваженія, и держаться вдали отъ празднества.

Катути прислала къ своей дочери карлика Нему, приглашая ее съ собою принять участіе въ шествіи и принести жертву въ гробницѣ ихъ отцовъ, но Нефертъ велѣла ей передать, что она не можетъ и не желаетъ оставить свою подругу и повелительницу.

Бентъ-Анатъ отпустила знатнѣйшихъ лицъ своего придворнаго штата на праздникъ, прося ихъ вспомнить тамъ и о ней.

Увидавъ съ балкона, что народъ собирается и лодки снуютъ по рѣкѣ, она вернулась въ свою комнату и позвала къ себѣ Рамери, который въ рѣзкихъ словахъ изливалъ свой гнѣвъ на дерзость Амени. Она схватила его за обѣ руки и сказала:

— Братъ! мы оба провинились; перенесемъ же терпѣливо послѣдствія нашей вины и будемъ поступать такъ, какъ будто отецъ находится при насъ.

— Онъ сорвалъ бы съ плечъ высокомѣрнаго жреца кожу пантеры, еслибы Амени осмѣлился такъ унижать тебя въ его присутствіи! вскричалъ юноша.

При этихъ словахъ, слёзы бѣшенства потекли по его щекамъ.

— Перестань сердиться теперь, сказала Бентъ-Анатъ. — Ты былъ еще малъ, когда отецъ твой въ послѣдній разъ участвовалъ въ этомъ праздникѣ...

— О, я хорошо помню то утро, вскричалъ, прерывая ее, Рамери:—и никогда не забуду его?

— Знаешь ли ты, кàкъ отецъ просилъ прощенія у придворныхъ и слугъ и кàкъ онъ внушалъ и намъ подавлять въ этотъ день въ нашей груди всякій гнѣвъ, всякое неудовольствіе? «Этому празднику, говорилъ онъ: — приличествуетъ нетолько чистая одежда, но также и сердце безъ пятна»; итакъ, не произноси болѣе ни одного слова злобы противъ Амени, котораго къ подобной строгости, можетъ быть, вынуждаетъ его законъ. Отецъ, конечно, узнаетъ и обсудитъ все это. Я пойду теперь въ свою молельню, гдѣ стоятъ изображенія нашихъ предковъ, и буду думать о матери и блаженныхъ духахъ, милыхъ нашему сердцу, которымъ сегодня я не могу принести жертву.

— Я иду съ тобой, сказалъ Рамери.

— Ты, Нефертъ, сказала Бентъ-Анатъ: — останься здѣсь и нарви моихъ цвѣтовъ, сколько хочешь. Возьми самые лучшіе. Сплети изъ нихъ вѣнокъ, и, когда онъ будетъ готовъ, мы по-

шлемъ посланца на другую сторону, чтобы онъ положилъ этотъ вѣнокъ, вмѣстѣ съ другими дарами, въ гробницу матери твоего Мены.

Когда, черезъ полчаса, братъ съ сестрою воротились, на рукѣ Нефертъ висѣли два вѣнка: одинъ для умершей царицы, а другой—для матери Мены.

— Я отнесу вѣнки на другую сторону и положу ихъ въ гробницы!—вскричалъ Рамери.

— Ани думаетъ, что намъ лучше не показываться народу, предостерегала Бентъ-Анатъ.—Едва ли замѣтили, что тебя нѣтъ въ числѣ учениковъ, но...

— Но я отправлюсь туда, не какъ сынъ Рамзеса, а въ платьѣ садовника, прервалъ царевичъ.—Слышите звуки трубъ? Это выносятъ бога изъ храма!

Рамери вышелъ на галлерею; обѣ женщины послѣдовали за нимъ и стали смотрѣть на пристань, которую позволяло имъ видѣть ихъ острое зрѣніе.

— Это будетъ жалкое шествіе безъ отца и безъ насъ [1], что̀ служитъ мнѣ утѣшеніемъ, сказалъ Рамери.—Хоръ музыки великолѣпенъ! Вотъ идутъ вѣероносцы и пѣвцы. А вотъ — первый пророкъ храма, старый Бекъ-энъ-Хунсу. Какой у него почтенный видъ! но ему будетъ тяжело идти. Теперь приближается Амонъ: я уже слышу запахъ священнаго ѳиміама.

Съ этими словами, Рамери упалъ на колѣни; Бентъ-Анатъ и Нефертъ послѣдовали его примѣру, когда появились: сперва— великолѣпный быкъ, гладкая кожа котораго блестѣла на солнцѣ и который несъ между рогами золотой дискъ, украшенный блестяще-бѣлыми страусовыми перьями; а затѣмъ—отдѣленный отъ быка только нѣсколькими вѣероносцами, самъ Амонъ. Онъ то показывался, то скрывался отъ взоровъ за большими полукруглыми, укрѣпленными на длинныхъ палкахъ, зонтиками изъ черныхъ и бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ, которыми прикрывали его жрецы.

Таинственно, какъ его имя, было его шествіе: онъ, казалось, медленно выплывалъ, на своемъ драгоцѣнномъ сѣдалищѣ, изъ воротъ храма, направляясь къ Нилу. Его тронъ стоялъ на столѣ, богато украшенномъ букетами и гирляндами и покрытомъ пурпурно-золотою парчей, прикрывавшею также и жрецовъ, которые несли столъ, двигаясь медленнымъ и мѣрнымъ шагомъ.

Затѣмъ показались жрецы, которые несли ящикъ съ вѣчнозелеными священными деревьями Амона; и, когда при этомъ

[1] Въ этомъ описаніи процессіи я руководствовался въ особенности изображеніями большаго выхода въ праздникъ лѣстницы въ Мединетъ-Габу.

снова раздалось пѣніе гимновъ и показался дымъ ѳиміама, Бентъ-Анатъ прошептала:

— Здѣсь шелъ бы отецъ.

— А съ нимъ и ты! вскричалъ Рамери.—Вслѣдъ затѣмъ—Мена съ тѣлохранителями. Дядя Ани идетъ пѣшкомъ. Какъ странно онъ одѣтъ: точно сфинксъ [1], перевернутый вверхъ ногами.

— Какъ это? спросила Нефертъ.

— Сфинксъ, смѣясь, объяснилъ Рамери:—имѣетъ тѣло льва и голову человѣка, а у дяди тѣло облечено въ мирную одежду жреца, голова же покрыта шлемомъ воина.

— Если бы здѣсь былъ царь, раздаватель жизни, сказала Нефертъ:—то и ты, Рамери, находился бы въ числѣ его носителей.

— Разумѣется, отвѣчалъ Рамери:—и зрѣлище имѣетъ совсѣмъ другой видъ, когда воинственная фигура отца украшаетъ его золотой тронъ, когда за нимъ покровительственно простираютъ свои крылья статуи истины и справедливости, впереди его покоится могущественный боевой товарищъ его левъ, а надъ головой раскидывается балдахинъ, украшенный змѣями Урея. Однако, гороскопамъ и пастофорамъ со знаменами и изображеніями боговъ и стадамъ жертвенныхъ животныхъ не видно конца! Посмотри: и сѣверная страна прислала своихъ пословъ, какъ будто отецъ мой находится здѣсь. Я различаю знаки на знаменахъ [2]. Распознаешь ли ты изображенія царскихъ предковъ, Бентъ-Анатъ? Несовсѣмъ? Я тоже; но мнѣ показалось, что шествіе открываетъ первый Ахмесъ, изгнавшій гиксосовъ, предокъ нашей бабки, а не дѣдъ Сети, какъ бы это слѣдовало. Вотъ идутъ воины! Это—полки, которые снарядилъ Ани, только въ эту ночь побѣдоносно возвратившіеся изъ Эѳіопіи. Какъ народъ привѣтствуетъ ихъ криками! Впрочемъ, они оказались такими храбрыми. Подумайте только, Бентъ-Анатъ и Нефертъ, какое зрѣлище мы увидимъ, когда отецъ возвратится съ сотнею плѣнныхъ князей, которые будутъ покорно слѣдовать за его конями, управляемыми Меной, со всѣми вельможами страны и тѣлохранителями на великолѣпныхъ колесницахъ.

---

[1] Въ Египтѣ не было сфинксовъ женскаго пола. Сфинксъ назывался *небъ*, т. е. господинъ. Лежащіе львы имѣли человѣческія или бараньи головы.

[2] Каждый округъ Египта (ихъ было 44) имѣлъ свой знакъ на подобіе герба, который носили на знаменахъ при торжественныхъ процессіяхъ. Въ храмахъ Птолемеевъ (въ Филэ, Эдфу и Дендерѣ) тексты, сопровождающіе списки округовъ, содержатъ много интересныхъ подробностей относительно религіозной жизни въ каждомъ округѣ. Географическимъ раздѣленіемъ нильской долины занимались въ особенности Гаррисъ, Бругшъ, Дюмихенъ и I. де Ружé

— Они и не думают еще о возвращеніи домой, со вздохомъ сказала Неферть.

Между тѣмъ какъ въ процессіи показывались все новые отряды войскъ намѣстника, хоры музыки и рѣдкіе звѣри [1], парадная барка Амона отчалила отъ лѣстницы пристани.

Это было великолѣпное большое судно, все изъ ярко полированнаго, богато обложеннаго золотомъ, дерева: его бортъ былъ украшенъ блестящимъ стеклярусомъ, поддѣланнымъ подъ изумруды и рубины [2]. Мачты и реи были позолочены и передъ послѣдними раздувались пурпурные паруса. Стулья для жрецовъ были сдѣланы изъ слоновой кости, и вокругъ корабля, его мачтъ и снастей обвивались гирлянды изъ лилій, перемѣшанныхъ съ розами.

Нильская барка намѣстника была не менѣе богата. Деревянная обдѣлка сверкала густой позолотой; каюта была убрана вавилонскими коврами, и на носу барки красовалась, какъ нѣкогда на морскихъ корабляхъ Гатасу, золотая львиная голова, въ которой, вмѣсто глазъ, сверкали два большіе рубина.

Послѣ того, какъ жрецы сѣли въ судно и священная барка пристала къ противоположному берегу, народъ бросился въ лодки, которыя, переполненныя до послѣдней степени, такъ густо покрыли ширину рѣки, что только кое-гдѣ солнце находило небольшія мѣста для отраженія своихъ лучей въ желтоватой водѣ Нила.

— Теперь я позаимствую платье у какого-нибудь садовника и отправлюсь на ту сторону съ вѣнками! вскричалъ Рамери.

— Ты хочешь оставить насъ однѣхъ? спросила Бентъ-Анатъ.— Еслибы отецъ былъ здѣсь, съ какою радостью отправилась бы я съ тобою!

— Отправимся вмѣстѣ! вскричалъ юноша. — Платье найдется и для васъ.

— Глупости, отвѣчала Бентъ-Анатъ и вопросительно взглянула на Неферть, которая пожала плечами, какъ бы желая сказать: твоя воля — моя.

---

[1] Рѣдкія животныя были ведены въ большомъ числѣ при торжественной процессіи, устроенной Птолемеемъ Филадельфомъ, которую подробно описываетъ одинъ изъ ея очевидцевъ (Каликсенъ). Птолемей подражалъ въ этомъ случаѣ обычаю, существовавшему въ раннія времена, какъ видно изъ изображеній въ гробницѣ Рехъ-ма-Ра (18 династія).

[2] Эти поддѣльные камни разныхъ цвѣтовъ и фигуръ египтяне выдѣлывали съ большимъ искуствомъ. Въ собраніи Минутоли и въ другихъ коллекціяхъ, въ особенности въ Булакѣ, находятся мозаичныя жемчужины, подражаніе которымъ едва ли удалось бы даже нашимъ художникамъ по этой части.

Отъ умнаго Рамери не ускользнула эта мимика подругъ, и онъ вскричалъ съ живостью:

— Вы согласны отправиться со мною—я вижу это по вашимъ глазамъ! Каждый оборванецъ бросаетъ сегодня цвѣты въ общую гробницу, которая скрываетъ черную мумію его отца; почему же дѣти Рамзеса и жена его возницы лишены этого права и не могутъ принести вѣнка своимъ покойникамъ?

— Я осквернила бы гробницу своимъ присутствіемъ, краснѣя, проговорила Бентъ-Анатъ.

— Ты? вскричалъ царевичъ, обнимая и цѣлуя сестру.—Ты милое, великодушное созданіе, которое живетъ только для того, чтобы облегчать горе и осушать слёзы—прекрасное подобіе нашего отца? ты осквернила бы?.. Бекъ-энъ-Хунсу возвратилъ тебѣ чистоту, и если Амени...

— Но, вѣдь, Амени имѣлъ на то право, сказала Бентъ-Анатъ.—Я не хочу слышать о немъ сегодня ни одного дурного слова.

— Ну, хорошо! Онъ оказался добрымъ и милостивымъ къ намъ, насмѣшливо сказалъ Рамери, отвѣшивая глубокій поклонъ въ сторону некрополя:—и ты не чиста. Поэтому, не ходи въ гробницу и въ храмъ ради меня, а останься съ нами въ толпѣ народа. Дороги туда не очень чувствительны: по нимъ ежедневно расхаживаетъ множество нечистыхъ парасхитовъ и тому подобныхъ людей. Будь разсудительна, Бентъ-Анатъ, иди со мной! Мы переодѣнемся: я поведу васъ, положу вѣнки, куда слѣдуетъ; мы помолимся передъ могилой, посмотримъ священное шествіе, на чудеса маговъ и услышимъ рѣчь по случаю праздника. Подумай только, что ее будетъ говорить Пентауръ, несмотря на все, что̀ они имѣютъ противъ него. Домъ Сети хочетъ блеснуть сегодня, и Амени хорошо знаетъ, что Пентауръ, когда онъ откроетъ свои уста, дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ всѣ эти мудрецы, когда они поютъ въ священномъ хорѣ! Пойдемъ со мной, сестра!

— Будь по твоему! сказала Бентъ-Анатъ съ быстрою рѣшимостью.

Рамери испугался теперь этихъ опрометчивыхъ словъ, которыя, однакоже, радовали его; а Нефертъ посмотрѣла на Бентъ-Анатъ и тотчасъ же снова опустила свои большіе глаза. Она теперь знала, кто—избранникъ ея подруги, и въ умѣ ея промелькнулъ тревожный вопросъ: «чѣмъ это кончится?»

XIII.

Часъ спустя, стройная, просто одѣтая горожанка, къ юному лицу которой плохо шли нѣсколько темныхъ складокъ на лбу и щекахъ, смуглый юноша и нѣжнаго вида мальчикъ переправлялись черезъ Нилъ.

Было трудно узнать въ нихъ величавую Бентъ-Анатъ, бѣлолицаго Рамери и прекрасную Нефертъ.

Когда они сошли на берегъ, за ними послѣдовали двое дюжихъ и вѣрныхъ надзирателей за носилками царевны, которымъ было приказано дѣлать видъ, что они не имѣютъ никакого отношенія къ своимъ госпожамъ и ихъ спутнику.

Переправа черезъ Нилъ была продолжительна, и тутъ дѣти Рамзеса узнали въ первый разъ, съ какимъ множествомъ препятствій принуждены бороться обыкновенные смертные, чтобы достигнуть цѣли, которая, такъ сказать, сама идетъ на встрѣчу коронованнымъ лицамъ.

Никто не очищалъ имъ дороги, ни одна барка не посторонилась для ихъ лодки, каждый старался вытѣснить ихъ изъ ряда и обогнать, чтобы раньше пристать къ другому берегу.

Когда, наконецъ, они вышли на лѣстницу пристани, процессія дошла уже до Дома Сети. Амени, со своими хорами пѣвчихъ, вышелъ ей на встрѣчу и принялъ Амона на берегу Нила. Пророки города мертвыхъ собственноручно помѣстили бога въ священный ковчегъ Дома Сети, изъ кедроваго дерева искусно отдѣланный серебромъ и золотомъ и украшенный драгоцѣнными камнями. Тридцать пастофоровъ подняли его на свои плечи и по Сфинксовой Улицѣ, соединявшей гавань съ храмомъ, понесли въ святилище. Тамъ и остался Амонъ, между тѣмъ какъ прибывшіе, по случаю празднества, послы изъ всѣхъ округовъ страны складывали свои жертвенные дары въ передней залѣ храма. На пути къ этому послѣднему колхиты [1] опередили Амона и, по древнему обычаю, усыпали путь его пескомъ.

Черезъ часъ, процессія снова вышла изъ храма, направилась къ югу, остановилась сперва въ гигантскомъ храмѣ Аменофиса III, передъ которымъ, подобно стражамъ, стояли два высочайшіе колосса Нильской Долины, затѣмъ въ храмѣ великаго Тутмеса, оттуда повернула въ сторону, остановилась у восточнаго склона Ливійскихъ Горъ [2], вошла на терассы храма Гатасу, помедлила

---

[1] Peyron, Papyri Graeci regii Taurinenses. T. I, p. 41, 42, 85—88.

[2] Нынѣ Курнетъ-Мурраи и Абдъ-эль-Курнахъ.

у гробницъ древнихъ царей вблизи его [1] и къ закату солнца достигла настоящаго мѣста празднества, то есть входа въ долину, гдѣ находилась гробница Сети [2], и на западномъ продолженіи которой было нѣсколько могилъ Фараоновъ изъ свергнутой съ престола династіи.

Эта часть некрополя посѣщалась обыкновенно при свѣтѣ лампъ и факеловъ, передъ возвращеніемъ Амона домой и передъ праздничными представленіями у священнаго озера на крайнемъ югѣ города мертвыхъ, начинавшимися въ полночь.

Вслѣдъ за богомъ, въ укрѣпленной на длинномъ шестѣ вазѣ изъ прозрачнаго хрусталя несли священное сердце овна.

Положивъ свой вѣнокъ на богатый жертвенный алтарь своихъ царственныхъ предковъ и не будучи никѣмъ узнаны, наши друзья далеко за-полдень присоединились къ слѣдовавшему за процессіей народу. Передъ гробницею предковъ Мены они поднялись на восточный склонъ Ливійскихъ Горъ. Эта гробница устроена была пророкомъ Амона, по имени Неферготепъ, прадѣдомъ Мены, и ея узкія ворота были осаждаемы большою толпой народа. Въ первой изъ вырубленныхъ въ скалѣ комнатъ, изъ которыхъ она состояла, каждый праздникъ арфистъ пѣлъ заупокойную пѣснь въ честь умершаго пророка, его жены и сестры. Ее сочинилъ домашній пѣвецъ Неферготепа; она была высѣчена въ камнѣ второй комнаты гробницы, и Неферготепъ завѣщалъ управленію мертваго города кусокъ земли, подъ условіемъ употребленія доходовъ съ него на плату арфисту, который въ каждый праздникъ обязанъ былъ пѣть подъ звуки струнъ.

Возница Мена хорошо зналъ эту пѣсню, и Нефертъ, умѣвшая аккомпанировать ей на лютнѣ, часто пѣла ее, такъ какъ египтяне, въ часы радости, въ особенности въ подобный праздникъ, вспоминали своихъ мертвецовъ.

Теперь, вмѣстѣ съ своими спутниками, она начала слушать арфиста, который пѣлъ:

Мирно спитъ великій; будемъ
Долгъ прекрасный исполнять.
Суждено издревле людямъ
Постепенно исчезать.
Племя юношей смѣняетъ
Стариковъ; и каждый день
Солнце юное всплываетъ,
Солнце-старецъ сходитъ въ тѣнь.
....

[1] Нынѣ Эль-Ассассифъ и Драхъ-абу'ль-Негга.
[2] Нынѣ Бибанъ и Мулукъ.

Торжествуй душою чистой,
О, пророкъ, сей день святой;
Вотъ тебѣ елей душистый
Съ благовонною смолой.
Мы съ веселыми сердцами
Дань сестрѣ твоей несемъ:
Ей цвѣточными вѣнками
Грудь и руки обовьемъ.
Предъ тобой мы пожелали
Пѣть и въ струны ударять.
Прочь заботы и печали!
Будемъ громко ликовать —
До минуты угасанья,
До поры, когда сойдемъ
Въ царство вѣчнаго молчанья,
Гдѣ покой мы обрѣтемъ.

Когда пѣсня умолкла, многіе люди протѣснились въ низкую гробничную молельню, чтобы выразить свою благодарность за пѣсню, положивъ на жертвенный алтарь пророка цвѣтокъ. Неферть и Рамери тоже вошли туда, и первая, послѣ долгой безмолвной молитвы къ просвѣтленному духу умершаго о томъ, чтобы онъ охранялъ Мену, положила свой вѣнокъ возлѣ вмѣстилища, гдѣ покоилась мумія ея свекрови.

Нѣсколько царедворцевъ прошли весьма близко отъ царскихъ дѣтей, не узнавъ ихъ. Молодые люди постарались пробраться къ мѣсту празднества, но давка была такъ велика, что они часто были принуждены входить въ какую-нибудь гробницу, чтобы уклониться отъ напора толпы. Въ каждой гробничной молельнѣ они находили наполненные жертвенные алтари и въ бо̀льшей части гробницъ видѣли собравшіяся семейства, которыя здѣсь, угощаясь печеньями, фруктами, пивомъ и виномъ, вспоминали о своихъ покойникахъ такимъ образомъ, какъ будто эти послѣдніе были путешественники, которые нашли счастіе въ дальней сторонѣ и которыхъ, рано или поздно, они могутъ увидѣть снова.

Солнце приблизилось уже къ западу, когда они достигли настоящаго мѣста празднества.

Здѣсь стояло множество столовъ и палатокъ со съѣстными припасами всякаго рода, въ особенности сладкими печеньями для дѣтей, финиками, фигами, гранатами и другими плодами. Подъ легкими, защищавшими отъ солнца навѣсами продавались туфли и платки всякихъ матерій и цвѣтовъ, вещи для украшенія, амулеты, опахала, зонтики, благовонныя эссенціи всякаго рода и другіе дары для жертвенныхъ столовъ. Корзинки садовниковъ и цвѣточницъ были уже опорожнены, но барышникамъ было еще много дѣла, и у питейныхъ и игорныхъ столовъ происходила большая суетня.

Наибольшій успѣхъ пріобрѣли маги Дома Сети, вокругъ которыхъ сидѣли на землѣ густыя толпы, впрочемъ, охотно пропускавшія дѣтей къ переднимъ рядамъ.

Когда наши путники дошли до этого мѣста, религіозное торжество было уже окончено.

Все еще стоялъ балдахинъ, подъ которымъ царское семейство обыкновенно слушало торжественную праздничную рѣчь и гдѣ въ этотъ день возсѣдалъ намѣстникъ Ани; еще видны были сѣдалища вельможъ и преграды, удерживавшія народъ вдали отъ знати, отъ жрецовъ и членовъ царскаго дома.

Здѣсь Амени собственными устами провозгласилъ ликующему народу о чудѣ, совершившемся съ сердцемъ овна, и о томъ, что явился новый Аписъ въ стадахъ намѣстника.

Данное имъ истолкованіе этихъ божественныхъ знаменій переходило изъ устъ въ уста. Они обѣщали миръ и счастіе странѣ, при посредствѣ любимца боговъ, и хотя онъ этого не высказалъ точными и опредѣленными словами, но, все-таки, даже самые тупоумные не могли не понять, что подъ этимъ любимцемъ разумѣется не кто иной, какъ Ани, потомокъ великой Гатасу, пророкъ которой былъ осчастливленъ священнымъ сердцемъ овна.

При словахъ Амени, всѣ смотрѣли на намѣстника, который въ присутствіи народа принесъ жертву у священнаго сердца и получилъ благословеніе главнаго жреца.

Пентауръ тоже окончилъ свою рѣчь, когда Бентъ-Анатъ и ея спутники добрались до мѣста празднества. Она слышала, какъ одинъ старикъ сказалъ своему сыну: «Жизнь тяжела. Она часто казалась мнѣ бременемъ, которое жестокіе боги взваливаютъ на наши плечи; но когда я послушалъ молодого жреца изъ Дома Сети, то почувствовалъ, что небожители—благи и что мы должны благодарить ихъ за многое».

Въ другомъ мѣстѣ, жена жреца говорила своему мальчику: «Хорошо ли ты видѣлъ Пентаура? Онъ—низкаго происхожденія, но превосходитъ вельможъ умомъ и дарованіями, съ которыми онъ пойдетъ далеко».

Двѣ дѣвушки разговаривали между собою и одна изъ нихъ сказала другой: «Проповѣдникъ—самый красивый мужчина изъ всѣхъ, какихъ только я видѣла, и его голосъ звучалъ, какъ прекрасная пѣсня». — «А какъ сверкали его глаза, когда онъ прославлялъ истину, какъ высшую добродѣтель! сказала другая. — Я думаю, въ немъ обитаютъ всѣ боги».

Бентъ-Анатъ покраснѣла, услыхавъ эти слова. Такъ какъ смеркалось, то она думала вернуться домой; но Рамери хотѣлъ

послѣдовать за двигавшеюся по западной долинѣ съ факелами и свѣтильниками процессіей, чтобы и гробница ихъ дѣда, Сети, не осталась непосѣщенною.

Царевна уступила неохотно, но въ эту минуту было трудно добраться до рѣки, потому что всѣ спѣшили по другому направленію. Поэтому, братъ съ сестрою и Нефертъ отдались теченію толпы и, уже по заходѣ солнца, достигли долины запада, гдѣ въ эту ночь не показывался ни одинъ хищный звѣрь, такъ какъ шакалы и гіены, испуганные свѣтомъ фонарей изъ пестраго папируса и факелами въ рукахъ посѣтителей некрополя, убѣжали въ пустыню.

Дымъ факеловъ и свѣтильниковъ и пыль, поднятая ногами безчисленныхъ пѣшеходовъ, скрыли звѣздное небо отъ взоровъ и окутали процессію и слѣдовавшую за нею толпу точно облакомъ.

Наши путники дошли до хижины парасхита Пинема, но здѣсь они принуждены были остановиться, потому что полицейская стража отгоняла надвигавшуюся толпу длинными палками назадъ справа и слѣва, чтобы очистить путь для приближавшейся процессіи.

— Посмотри, Рамери, сказала Бентъ-Анатъ, указывая на дворъ парасхита, находившійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ:—тамъ живетъ бѣлая дѣвушка, черезъ которую я переѣхала. Ей лучше. Обернись: тамъ за терновымъ плетнемъ сидитъ она, возлѣ своего дѣда, у огня, который ей свѣтитъ прямо въ лицо.

Царевичъ приподнялся на цыпочки, заглянулъ на жалкій дворикъ и вскричалъ сдержаннымъ голосомъ:

— Какое прелестное созданіе! Но что̀ это она дѣлаетъ со старикомъ? Онъ, кажется, молится, а она то подноситъ ему платокъ къ губамъ, то третъ ему виски. И какое безпокойство видно на ея лицѣ!

— Парасхитъ, должно быть, боленъ, отвѣчала Бентъ-Анатъ.

— Онъ, навѣрное, выпилъ слишкомъ много вина на мѣстѣ праздника, засмѣялся Рамери.—Это вѣрно! Посмотри, какъ подергиваются его губы туда и сюда и какъ онъ ворочаетъ глазами. Отвратительно! онъ—точно бѣсноватый.

— Но онъ—славный, хорошій человѣкъ, съ нѣжнымъ сердцемъ, съ живостью возразила царевна.—Я освѣдомлялась о немъ. Говорятъ, онъ честенъ и воздерженъ; и, навѣрное, онъ не пьянъ, а боленъ.

— Вотъ дѣвушка встала! вскричалъ Рамери, опуская бумажный фонарь, который онъ купилъ на мѣстѣ праздника.—Отступи

назадъ, Бентъ-Анатъ; она, должно быть, ждетъ кого-нибудь. Видала ли ты когда-нибудь такое бѣлое человѣческое дитя и такую очаровательную головку? Даже тифоническіе волосы изумительно идутъ къ ней! Но она сама пошатывается; должно быть, она еще очень слаба. Вотъ она опять сѣла возлѣ старика и третъ ему лобъ. Бѣдняжка! Посмотри, какъ она всхлипываетъ. Я переброшу къ ней мой кошелекъ.

— Оставь! вскричала Бентъ-Анатъ:—я богато одарила ее, и слёзы ея, повидимому, не таковы, чтобы ихъ можно было унять золотомъ. Завтра я пошлю сюда старую Аснатъ спросить: какая нужна здѣсь помощь? Посмотри, Нефертъ, впередъ: вотъ двигается шествіе. Какъ напираетъ грубая толпа! Какъ только богъ пройдетъ, мы отправимся домой.

— Прошу тебя объ этомъ, сказала Нефертъ:—мнѣ такъ страшно! при этихъ словахъ, она, дрожа, прижалась къ царевнѣ.

— Мнѣ тоже хотѣлось бы быть теперь дома, сказала Бентъ-Анатъ.

— Посмотрите! вскричалъ Рамери.—Вотъ они! Не правда ли, это великолѣпно? И какъ теперь сіяетъ сердце овна: точно звѣзда!

Весь народъ и съ нимъ вмѣстѣ наши путники пали на колѣни.

Процессія противъ нихъ пріостановилась, какъ это дѣлала она каждый разъ, пройдя около тысячи шаговъ. Выступилъ глашатай и громкимъ голосомъ, раздававшимся на далекое пространство, прославилъ великое чудо, къ которому вскорѣ присоединилось и другое: священное сердце начало сіять при наступленіи ночи.

Со времени своего возвращенія изъ дома бальзамировщиковъ, парасхитъ Пинемъ не принималъ никакой пищи и на всѣ вопросы своей встревоженной семьи не отвѣчалъ ни слова. Устремивъ неподвижный взоръ впередъ, онъ бормоталъ непонятныя слова и часто хватался рукою за лобъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ, онъ громко захохоталъ, и его встревоженная жена пошла въ Домъ Сети за врачемъ Небсехтомъ.

Во время ея отсутствія, Уарда должна была растирать своему дѣду виски листьями, которые колдунья Гектъ положила ей на грудь. Предполагалось, что, такъ какъ они были дѣйствительны одинъ разъ, то могутъ прогнать демона болѣзни и въ другой.

Когда процессія, освѣщенная тысячами факеловъ и фонарей, остановилась передъ потонувшимъ во мракѣ домомъ парасхита

и одинъ горожанинъ крикнулъ другому: «Вотъ идетъ священное сердце овна!» старикъ вздрогнулъ и всталъ. Его глаза уставились на святыню, сіявшую въ своемъ хрустальномъ сосудѣ. Медленно, дрожа всѣмъ тѣломъ и вытянувъ шею впередъ, онъ поднялся съ своего мѣста.

Глашатай началъ прославлять чудо.

Тогда, между тѣмъ какъ народъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ вслушивался въ громко произносимыя слова глашатая, парасхитъ, не давъ ему кончить, вышелъ изъ двери своего дома, ударилъ себя кулакомъ въ лобъ и бросился къ священному сердцу съ безумнымъ, насмѣшливымъ хохотомъ, который раздался далеко и былъ повторенъ эхомъ нагихъ утесовъ долины.

Внезапно поднявшаяся съ колѣнъ толпа была объята ужасомъ. Шествовавшій позади священнаго сердца главный жрецъ тоже вздрогнулъ и повернулся въ сторону страшнаго безумца. Амени никогда не видалъ парасхита, но онъ замѣтилъ мерцавшій сквозь пыль и мракъ огонёкъ на его дворѣ; онъ зналъ, что въ этомъ мѣстѣ живетъ вскрыватель труповъ и, быстро сообразивъ дѣло, шепнулъ одному изъ сопровождавшихъ шествіе по обѣимъ сторонамъ полицейскихъ нѣсколько словъ, затѣмъ подалъ знакъ — и процессія двинулась далѣе, какъ будто ничего не случилось.

Старикъ, хохоча все громче и безумнѣе, пытался пробиться къ священному сердцу, но толпа оттолкнула его назадъ. Между тѣмъ какъ послѣднія групы торжественнаго шествія проходили передъ нимъ, онъ, осыпаемый ругательствами и оскорбленіями, дотащился до двери своей хижины. Тамъ онъ упалъ въ изнеможеніи, и Уарда бросилась къ старику, который лежалъ на землѣ, едва узнаваемый, въ пыли и мракѣ.

— Растопчите насмѣшника!

— Въ куски его!

— Подожгите это нечистое гнѣздо!

— Бросьте его и эту дѣвку въ огонь! ревѣла съ дикимъ бѣшенствомъ толпа, которой помѣшали въ ея благоговѣйномъ созерцаніи.

Двѣ старухи сорвали фонари съ палокъ и начали бить несчастнаго, между тѣмъ какъ одинъ солдатъ-эѳіопъ схватилъ Уарду за волосы и оттащилъ ее отъ Пинема.

Въ эту минуту показались жена парасхита и съ нею Пентауръ. Старуха не нашла Небсехта, но встрѣтила Пентаура, который, послѣ своей рѣчи, вернулся въ Домъ Сети. Она разсказала ему о демонахъ [1], вселившихся въ ея мужа, и умоляла его идти

[1] Египтяне вѣрили, что сумасшедшіе были одержимы демонами. Знаменитый памятникъ въ парижской библіотекѣ, о которомъ превосходно трактуетъ Ру-

съ нею. Пентауръ, не колеблясь, отправился за нею въ своемъ рабочемъ платьѣ, какъ былъ, не надѣвая своей бѣлой одежды жреца, казавшейся ему неудобною для настоящаго случая.

Приблизившись къ хижинѣ парасхита, онъ услыхалъ ревъ толпы и раздавшійся сквозь него громкій вопль Уарды.

Онъ поспѣшилъ впередъ и увидалъ тускло освѣщенную скуднымъ огнемъ очага и пестрымъ свѣтомъ фонаря руку чернаго солдата, вцѣпившагося въ волосы беззащитной дѣвочки и съ быстротою мысли сдавилъ шею воина своими желѣзными пальцами. Затѣмъ, онъ охватилъ его станъ, приподнялъ его и бросилъ на дворъ парасхита.

Толпа съ яростью кинулась на Пентаура, но имъ овладѣла чуждая ему до этихъ поръ жажда борьбы. Онъ вырвалъ колъ изъ тяжелаго эѳіопскаго дерева, поддерживавшій навѣсъ, который заботливый дѣдъ устроилъ для своей внучки, началъ быстро размахивать имъ надъ своею головою, какъ тростинкой, прогналъ толпу и крикнулъ Уардѣ, чтобы она держалась возлѣ него.

— Тотъ обреченъ на смерть, вскричалъ онъ: — кто тронетъ дѣвушку. Не стыдно ли вамъ нападать на слабаго старика и на беззащитнаго ребенка во время священнаго праздника!

Толпа замолчала на минуту, но за тѣмъ снова двинулась впередъ и заревѣла: «Разорвать нечистыхъ! Зажечь домъ!»

Нѣсколько ремесленниковъ изъ Ѳивъ бросились на Пентаура, въ которомъ ни по чему нельзя было узнать жреца; но онъ привелъ въ дѣйствіе свой колъ прежде, чѣмъ могли его достичь ихъ кулаки и палки. Отъ каждаго удара его падало по одному человѣку. Но борьба не могла быть продолжительною, такъ какъ нѣсколько молодыхъ парней перепрыгнули черезъ плетень, чтобы напасть на Пентаура сзади. Онъ окруженъ былъ теперь яркимъ свѣтомъ, потому что за нимъ сухія пальмовыя вѣтви хижины были подожжены и трескучее пламя поднялось къ темному ночному небу.

Онъ услыхалъ за своею спиною бѣшеные крики, протянулъ свою лѣвую руку надъ головой прильнувшей къ нему дѣвушки и сталъ размахивать своею дубиной, съ сознаніемъ, что оба они погибли, но что онъ до послѣдняго вздоха долженъ защищать невинную жизнь этого милаго созданія.

Это были послѣдніе взмахи, потому что двумъ людямъ удалось схватить страшную дубину, другіе помогли имъ и вырвали у бойца его оружіе, между тѣмъ какъ враги приближались къ

же, повѣствуетъ о свояченицѣ Рамзеса XII, что злые духи, которыми она была одержима, были изгнаны статуей Хунсу, посланною въ ея азіатское отечество.

нему хотя медленно, боясь бѣшеной и страшной силы своего обезоруженнаго противника. Уарда, задыхаясь и трепеща отъ страха, прижалась къ нему.

Пентауръ глухо застоналъ, когда увидѣлъ себя обезоруженнымъ. Въ эту минуту, точно поднявшись изъ земли, къ нему подскочилъ какой-то юноша, подалъ ему мечъ упавшаго солдата, который лежалъ у его ногъ и прислонился своею спиной къ спинѣ Пентаура. Въ одно мгновеніе, поэтъ выпрямился и испустилъ громкій крикъ вызова, подобно герою, отстаивающему послѣдній фортъ штурмуемой крѣпости, и замахалъ своимъ новымъ оружіемъ. Его противники на минуту попятились назадъ, тѣмъ болѣе, что и союзникъ его, молодой Рамери, грозно поднялъ свою сѣкиру.

— Подлые убійцы бросаютъ огонь! вскричалъ царевичъ.—Ко мнѣ, дѣвушка! Я потушу горящую смолу на твоемъ платьѣ. Съ этими словами, онъ схватилъ Уарду за руку, привлекъ ее къ себѣ, потушилъ пламя на ея платьѣ, между тѣмъ какъ Пентауръ защищалъ его своимъ мечемъ.

Нѣсколько мгновеній царевичъ и жрецъ стояли спиной одинъ къ другому, но брошенный камень попалъ въ голову жрецу. Онъ зашатался, и уже толпа съ ревомъ бросилась къ нему, какъ вдругъ на мѣстѣ борьбы появилась высокая женская фигура и крикнула изумленному народу:

— Оставьте ихъ! Я приказываю вамъ это! Я—Бентъ-Анатъ, дочь Рамзеса.

Яростная толпа въ удивленіи подалась назадъ.

Пентауръ не былъ ошеломленъ ударомъ, однако же, подумалъ, что онъ грезитъ. Онъ видѣлъ и слышалъ, но ему казалось, что ему снится прекрасный сонъ. Онъ хотѣлъ упасть къ ногамъ дочери Рамзеса, но его умъ, пріученный въ школѣ Амени къ быстрому соображенію, позволилъ ему мгновенно окинуть взглядомъ положеніе Бентъ-Анатъ, и, вмѣсто того, чтобы преклонить колѣни, онъ вскричалъ:

— Кто бы ни была эта женщина, но это—*не* Бентъ-Анатъ, дочь Рамзеса, хотя бы и имѣла сходство съ нею. Но я—жрецъ Дома Сети, по имени Пентауръ, хотя на мнѣ и нѣтъ бѣлой одежды, и херхебъ [1] сегодняшняго праздника. Оставь это мѣсто, женщина! Я приказываю тебѣ, именемъ моего священнаго сана.

Бентъ-Анатъ повиновалась.

Пентауръ былъ спасенъ, потому что, когда народъ сталъ приходить въ себя послѣ своего изумленія, когда пораненные жре-

---

[1] Проповѣдникъ или праздничный ораторъ.

цомъ люди и ихъ сообщники снова поднялись противъ него, а одинъ молодой парень, которому онъ разбилъ руку, яростно вскричалъ: «онъ—боецъ, а не жрецъ! въ куски обманщика!», то вдругъ какой-то голосъ крикнулъ изъ толпы: «Дайте дорогу моему бѣлому одѣянію и оставьте проповѣдника Пентаура, который—мнѣ другъ. Многіе изъ васъ должны знать меня».

— Ты—Небсехтъ, врачъ, который вылечилъ мою сломанную ногу! вскричалъ матросъ.

— И мой больной глазъ, сказалъ ткачъ.

— Этотъ красивый высокій мужчина—проповѣдникъ: я узнаю его! вскричала одна изъ дѣвушекъ, отзывъ которой о Пентаурѣ Бентъ-Анатъ слышала на мѣстѣ празднества.

— Проповѣдникъ тамъ, проповѣдникъ здѣсь! вскричалъ парень и бросился впередъ, но народъ удержалъ его и почтительно раздвинулся, когда Небсехтъ просилъ дать ему мѣсто, чтобы онъ могъ осмотрѣть раненыхъ.

Прежде всего онъ наклонился надъ старымъ парасхитомъ и вскричалъ въ ужасѣ:

— Позоръ вамъ! вы убили старика.

— А я, сказалъ Пентауръ: — былъ принужденъ запятнать кровью свою мирную руку, чтобы спасти невинную больную внучку его отъ такой же участи.

— Ядовитыя сердца! скорпіоны! аспиды! изверги! закричалъ Небсехтъ на толпу и быстро вскочилъ, чтобы отыскать глазами Уарду.

Когда онъ увидалъ ее благополучно сидящею у ногъ колдуньи Гектъ, которая пробралась на дворъ, то глубоко вздохнулъ и затѣмъ снова обратилъ свое вниманіе на раненыхъ.

— Неужели ты повалилъ все это, что тутъ лежитъ кругомъ?—шопотомъ спросилъ онъ своего друга.

Пентауръ утвердительно кивнулъ головой и улыбнулся, но не съ видомъ торжества, а со стыдомъ, подобно мальчику, который, противъ своей воли, нечаянно задушилъ въ своей рукѣ плѣнную птичку.

Небсехтъ озабоченно и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и спросилъ далѣе:

— Почему ты тотчасъ же не объявилъ, кто ты?

— Потому что мною овладѣлъ духъ бога Мента, когда я увидѣлъ, какъ вонъ тотъ проклятый негодяй вцѣпился дѣвушкѣ въ волосы. Я не видѣлъ и не слышалъ ничего, я...

— Ты поступилъ какъ слѣдовало, прервалъ его врачъ:—но чѣмъ это кончится?

Въ эту минуту раздался звукъ трубъ. Посланный главнымъ

жрецомъ для арестованія парасхита начальникъ стражи явился со своими солдатами.

Прежде, чѣмъ онъ вошелъ на дворъ, онъ приказалъ народу разойтись. Сопротивлявшіеся были выпровожены силой, и черезъ нѣсколько минутъ, долина была очищена отъ буйной толпы и пылавшій домъ окруженъ.—Рамери, Бентъ-Анатъ и Нефертъ тоже были принуждены оставить свое мѣсто на дворѣ у плетня. Увидавъ, что Уарда спасена, царевичъ послѣдовалъ за своею сестрою.

Нефертъ, отъ страха и волненія, готова была упасть; надзиратели за носилками взяли другъ друга за руки, на которыя она сѣла, и ее понесли передъ дѣтьми Рамзеса. Никто изъ нихъ не говорилъ ни слова, даже Рамери; онъ не могъ забыть Уарды и благодарнаго взгляда, съ которымъ она посмотрѣла ему вслѣдъ. Только Бентъ-Анатъ сказала: «Домъ парасхита горитъ: гдѣ будутъ спать бѣдняжки?»

По очищеніи долины отъ народа, начальникъ стражи вошелъ на дворъ и нашелъ здѣсь, кромѣ старой Гектъ и Уарды, Пентаура и Небсехта, занятаго попеченіемъ о раненыхъ.

Пентауръ вкратцѣ разсказалъ начальнику стражи о случившемся и назвалъ свое имя.

Послѣдній протянулъ ему руку и сказалъ:

— Если бы въ войскѣ Рамзеса было много воиновъ такихъ, какъ ты, святой отецъ, то война съ хетами скоро бы окончилась. Но ты побилъ не азіатовъ, а ѳиванцевъ, и потому, какъ мнѣ ни прискорбно это, я долженъ отвести тебя, въ качествѣ моего плѣнника, къ Амени.

Затѣмъ, начальникъ стражи велѣлъ взять трупъ парасхита и нести его въ Домъ Сети.

— Мнѣ слѣдовало бы взять подъ стражу и дѣвушку, сказалъ онъ, обращаясь къ Пентауру.

— Она больна, отвѣчалъ жрецъ.

— И если она не ляжетъ сейчасъ же отдохнуть, то она умретъ, прибавилъ врачъ.—Оставь ее: она находится подъ особеннымъ покровительствомъ царевны Бентъ-Анатъ, которая недавно переѣхала ее лошадьми.

— Я возьму ее къ себѣ въ домъ, сказала колдунья:—и тамъ буду ходить за нею. Тамъ лежитъ ея бабка, она чуть не задохнулась отъ дыма и пламени, но приходитъ уже въ себя, и у меня найдется мѣсто для обѣихъ.

— До завтра, сказалъ врачъ.—Я постараюсь завтра навѣстить ее опять.

Старуха засмѣялась и пробормотала: «Еще многіе пожелаютъ заботиться о ней».

Солдаты, по слову своего начальника, подобрали раненыхъ и удалились съ Пентауромъ и трупомъ параскита.

Между тѣмъ, дѣти Рамзеса и Нефертъ съ большими препятствіями дошли до пристани. Одинъ изъ носильщиковъ былъ посланъ позвать ожидавшую ихъ лодку и поторопить ее, такъ какъ уже приближались свѣтильники процессіи, которая несла Амона обратно въ Ѳивы. Еслибы имъ не удалось тотчасъ же сѣсть въ свою лодку, то имъ предстоялъ цѣлый часъ ожиданія, потому что въ ночное время, когда процессія переправлялась черезъ рѣку, ни одно непринадлежавшее къ ней судно не имѣло права отчалить отъ пристани.

Съ величайшимъ нетерпѣніемъ Бентъ-Анатъ и Рамери ждали своей лодки, такъ какъ Нефертъ ослабѣла до обморока, и Бентъ-Анатъ, на которую она опиралась, чувствовала дрожаніе ея членовъ.

Наконецъ, надсмотрщикъ носилокъ подалъ знакъ; быстрая, но неказистая лодка подошла; Рамери велѣлъ протянуть къ нему весло и притащилъ лодку поближе къ лѣстницѣ пристани.

Въ ту же минуту, начальникъ полицейской стражи вскричалъ: «Это—послѣдняя лодка, которая отчалитъ до переправы бога».

Бентъ-Анатъ начала спускаться, такъ скоро, какъ только позволяла ей тяжесть Нефертъ, висѣвшей на ея рукѣ, по полутемной, едва освѣщенной свѣтомъ фонаря лѣстницѣ. Но прежде, чѣмъ она дошла до послѣдней ступени, она почувствовала на своемъ плечѣ жесткую руку, и грубый голосъ Паакера закричалъ:

— Назадъ, сволочь! прежде переправимся мы!

Полицейскіе не остановили его, потому что знали вожатаго и его характеръ; а Паакеръ приложилъ палецъ къ губамъ и громко свистнулъ.

Тотчасъ же послышались удары вёселъ, и Паакеръ крикнулъ своимъ гребцамъ:

— Оттолкните вотъ эту лодку въ сторону. Этотъ народъ можетъ подождать.

Барка вожатаго была больше и имѣла болѣе многочисленный экипажъ, чѣмъ лодка дѣтей Рамзеса.

— Скорѣй въ лодку! крикнулъ Рамери.

Бентъ-Анатъ снова пошла впередъ, молча; такъ какъ, ради народа и Нефертъ, не хотѣла быть узнанною въ другой разъ, но Паакеръ загородилъ имъ дорогу и вскричалъ:

— Развѣ вы не слышали, сволочь, что вы должны ждать, пока мы не отправимся? Эй, люди! Отодвиньте ихъ лодку назадъ.

У Бентъ-Анатъ похолодѣла кровь въ жилахъ, когда вслѣдъ затѣмъ на трапѣ пристани поднялась перебранка.

Голосъ Рамери покрывалъ всѣ остальные голоса; но Паакеръ вскричалъ.

— Какъ? эти оборванцы еще упрямятся? Я ихъ проучу. Сюда, Дешеръ! Возьми женщину и мальчишку!

На этотъ зовъ съ лаемъ кинулась его большая рыжая собака, которая досталась ему отъ отца и постоянно сопровождала Паакера.

Испуганная Нефертъ вскрикнула, но собака тотчасъ узнала ее и начала ласкаться къ ней, съ радостнымъ воемъ.

Паакеръ, который уже приблизился къ лодкамъ, обернулся съ удивленіемъ, увидалъ свою собаку у ногъ Нефертъ, неузнаваемой въ одеждѣ мальчика, прыгнулъ назадъ и вскричалъ:

— Я тебя научу, мальчишка—портить собаку колдовствомъ или ядомъ! Приэтомъ онъ поднялъ свою плеть и началъ хлестать по плечамъ жены Мены, которая упала съ пронзительнымъ крикомъ испуга и боли.

Шнуры плети просвистѣли мимо щекъ несчастной женщины потому что Бентъ-Анатъ сильно навалилась на руку вожатаго.

Ужасъ, отвращеніе, гнѣвъ лишили ее языка; но Рамери услыхалъ крикъ Нефертъ и въ два прыжка очутился возлѣ женщинъ.

— Подлый негодяй! вскричалъ онъ и поднялъ весло, которое было у него въ рукѣ. Привыкшій къ борьбѣ, Паакеръ сохранилъ спокойствіе и крикнулъ своей собакѣ съ какимъ-то особеннымъ свистомъ:

— Разорви его, Дешеръ!

Собака кинулась на царевича, но онъ нанесъ разъяренному звѣрю такой сильный ударъ своимъ тяжелымъ деревяннымъ оружіемъ, что тотъ, захрипѣвъ, повалился на землю.

Паакеръ думалъ, что у него въ цѣломъ мірѣ не найдется такого надежнаго друга, какъ эта собака, вѣрная спутница въ странствованіяхъ его по пустымъ и непріятельскимъ землямъ. Когда онъ теперь увидалъ ее валяющеюся на землѣ въ судорогахъ, то имъ овладѣла злобная ярость и съ высоко-поднятою плетью онъ бросился на юношу, но тотъ, будучи въ высшей степени возбужденъ разнообразными приключеніями этой ночи и раздраженъ противъ грубаго оскорбителя женщинъ, которыхъ защитникомъ считалъ себя теперь, ударилъ вожатаго весломъ по лѣвой рукѣ такъ сильно, что тотъ уронилъ свою плеть и съ

проклятіемъ схватился правою рукой за кинжалъ, висѣвшій у него на поясѣ.

Тогда Бентъ-Анатъ бросилась между Паакеромъ и Рамери, назвала имя сво[illegible]и брата, приказала Паакеру унять своихъ матросовъ, отвела Нефертъ, которая осталась неузнанною, въ лодку, с[illegible]нее съ своими спутниками и скоро пристала къ берегу у дворца, между тѣмъ какъ Паакеръ и его мать Сетхемъ, которая со своихъ носилокъ была свидѣтельницей ссоры, впрочемъ, не разбирая словъ и не узнавая дѣйствующихъ лицъ, были принуждены еще долго ожидать на лѣстницѣ пристани.

Собака Паакера была мертва, боль въ рукахъ давала себя чувствовать, а въ его сердцѣ кипѣло бѣшенство.

— Отродье Рамзеса! бормоталъ онъ про себя:—искатели приключеній! Они узнàютъ меня! Мена и Рамзесъ довольно близки другъ къ другу. Я имъ обоимъ дамъ почувствовать!

XIV.

Когда, наконецъ, отчалила барка вожатаго съ его матерью и трупомъ собаки, которую онъ велѣлъ набальзамировать и похоронить въ Кинополисѣ, т. е. въ Собачьемъ городѣ[1], гдѣ собаки считались священными преимущественно предъ всѣми другими животными—Паакеръ отправился въ Домъ Сети. Тамъ, въ слѣдовавшую за празднествомъ ночь, обыкновенно давали большой пиръ, на который собирались знатные жрецы мертваго города и Ѳивъ, прибывшіе по случаю праздника послы и избранные сановники.

Его отецъ, во время пребыванія своего въ Ѳивахъ, каждый разъ присутствовалъ на этомъ пиршествѣ; самому же Паакеру теперь въ первый разъ выпало на долю это отличіе, котораго добивались столь многіе и которымъ онъ былъ обязанъ намѣстнику, какъ о томъ сообщилъ ему Амени, дѣлая ему наканунѣ такое почетное приглашеніе.

Его мать перевязала ему руку, пребитую царевичемъ Рамери.

---

[1] Древне-египетскій городъ Сака (нынѣшній Самалутъ), въ которомъ Анубисъ чтился, какъ главное божество. Плутархъ разсказываетъ, что оксиринхиты, чтившіе рыбу оксиринхитосъ, затѣяли съ своими сосѣдями кинополитами, которые считали собаку священною, войну изъ-за этихъ животныхъ. Поводомъ къ войнѣ было то, что кинополиты ѣли эту рыбу, а оксиринхиты, изъ мести, ловили собакъ, убивали ихъ и пожирали за жертвенными пирами. Подобную же исторію разсказываетъ Ювеналъ, въ XV сатирѣ, объ омбитахъ и тентиритахъ.

Она сильно болѣла, но онъ ни за что не хотѣлъ пропустить пиръ въ Домѣ Сети, хотя онъ и побаивался этого пира. Его родъ былъ знатенъ не менѣе какой бы то ни было фамиліи въ Египтѣ; въ чистотѣ своей крови Паакеръ не уступалъ царю, однакоже, онъ никогда не чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ въ обществѣ знатныхъ вельможъ.

Воспитаніе пріучило его къ строгому исполненію своихъ обязанностей, и онъ ревностно посвятилъ себя своему дѣлу, но привычки его жизни далеко уклонялись отъ обычаевъ общества, въ которомъ онъ выросъ и котораго украшеніемъ былъ его красивый, мужественный и великодушный отецъ.

Грубость и низменность натуры высказывались и въ звукѣ его голоса, и въ аляповатыхъ чертахъ его лица, и въ угловатыхъ движеніяхъ его приземистой фигуры.

Въ лагерѣ онъ могъ жестикулировать какъ угодно, но это было недозволительно въ обществѣ людей его сословія. Поэтому, а также и потому, что онъ не обладалъ даромъ свободной рѣчи и разговора, которымъ обладали они, онъ въ ихъ средѣ чувствовалъ себя стѣсненнымъ и не на своемъ мѣстѣ. и едвали принялъ-бы приглашеніе Амени, еслибы оно не льстило его тщеславію.

Было уже поздно, но пиръ начинался только около полуночи, такъ какъ гости, передъ началомъ его, присутствовали при представленіи, которое было дано на священномъ озерѣ, въ южной части некрополя, при свѣтѣ лампъ и факеловъ и сюжетомъ котораго были дѣянія Изиды и Озириса.

Войдя на торжественно разукрашенный дворъ, гдѣ были поставлены столы для пира, Паакеръ нашелъ уже всѣхъ гостей въ сборѣ. Явился и намѣстникъ Ани и сѣлъ по правую руку Амени, во-главѣ средняго, самаго почетнаго стола, за которымъ многія мѣста остались незанятыми, потому что пророки и жрецы храма Амона въ Ѳивахъ, извиняясь невозможностью, отказались отъ приглашенія. Они были вѣрными приверженцами Рамзеса и его дома; ихъ маститый настоятель не одобрялъ смѣлаго поведенія Амени относительно дѣтей царя, и въ пресловутомъ чудѣ священнаго сердца они видѣли враждебную продѣлку, направленную некрополемъ противъ государственнаго храма, предпочитаемаго во-многихъ отношеніяхъ Фараономъ.

Вожатый подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ предводитель войскъ, возвратившихся изъ Эѳіопіи, вмѣстѣ съ другими высшими начальниками ихъ. Возлѣ перваго мѣсто было свободно, что и увидалъ Паакеръ, но, въ тоже время онъ замѣтилъ, что главный военачальникъ мигнулъ своему ближайшему сосѣду, чтобы

тотъ сѣлъ къ нему поближе; вожатому показалось, что это сдѣлано съ цѣлью избѣжать сосѣдства его, Паакера, и онъ со злобнымъ взглядомъ повернулся спиной къ столу воиновъ.

Взоры гостей обратились къ могару, искавшему глазами мѣста; и, такъ какъ никто не манилъ его къ себѣ, то кровь его закипѣла. Онъ хотѣлъ тотчасъ же съ проклятіемъ оставить залу пира и уже повернулся къ двери, когда намѣстникъ, шопотомъ обмѣнявшись нѣсколькими словами съ Амени, позвалъ его, приглашая занять оставленное для него мѣсто и указывая на стулъ возлѣ себя, предназначавшійся прежде для главнаго пророка государственнаго храма.

Паакеръ съ глубокимъ поклономъ занялъ это почетное мѣсто и не смѣлъ поднять глазъ, боясь встрѣтить выраженіе насмѣшки или неудовольствія на лицахъ другихъ гостей. Однакоже онъ не могъ и вообразить себѣ своего дѣда Ассу или своего отца иначе, какъ въ сосѣдствѣ этого мѣста, которое и дѣйствительно они занимали довольно часто. А развѣ онъ не былъ ихъ потомкомъ и наслѣдникомъ? Развѣ его мать Сетхемъ не происходила изъ царскаго рода? Развѣ Домъ Сети не больше обязанъ ему, чѣмъ имъ?

Одинъ изъ слугъ возложилъ вѣнокъ на его широкія плечи, другой подалъ ему вина и кушанья.

Онъ поднялъ взоры и увидалъ игриво сверкавшіе глаза сидѣвшаго противъ него Гагабу, второго пророка, и снова потупился.

Тогда съ нимъ заговорилъ намѣстникъ и разсказалъ, слегка повернувшись къ сидѣвшимъ вокругъ гостямъ, что могаръ завтра отправляется въ Сирію и думаетъ снова приняться за исполненіе своихъ трудныхъ обязанностей.

Паакеру показалось, что этими словами Ани какъ будто извиняется, объясняя причину, почему онъ указалъ вожатому такое почетное мѣсто. Наконецъ, Ани поднялъ кубокъ и выпилъ за успѣхъ развѣдокъ и побѣдоносный конецъ всѣхъ боевыхъ предпріятій могара.

Верховный жрецъ отвѣтилъ на тостъ и громко, отъ имени Дома Сети, поблагодарилъ Паакера за прекрасный кусокъ земли, который онъ въ это утро пожертвовалъ храму, въ качествѣ праздничнаго дара.

Послышался одобрительный голосъ, и вмѣстѣ съ нимъ чувство неувѣренности въ себѣ начало оставлять могара.

Рука Паакера, въ которой онъ все еще чувствовалъ сильную боль, оставалась въ повязкѣ, положенной его матерью.

— Ты раненъ? спросилъ намѣстникъ.

— Это—пустяки, отвѣчалъ могаръ.—Когда я провожалъ мать къ лодкѣ, то упалъ...

— То упалъ, засмѣялся одинъ изъ его бывшихъ школьныхъ товарищей, который теперь занималъ важную должность начальника ѳиванской полицейской стражи:—то упалъ шестъ или весло на его палецъ.

— Вотъ что! вскричалъ намѣстникъ.

— И одинъ совсѣмъ молоденькій юноша напалъ на него, продолжалъ начальникъ стражи.—Мои люди мнѣ въ подробности донесли обо всемъ. Мальчикъ сначала убилъ его собаку...

— Красавца Дехера? спросилъ главный ловчій съ сожалѣніемъ. — Твой отецъ возлѣ меня часто хаживалъ съ нимъ на охоту за кабанами.

Паакеръ кивнулъ головой; но начальникъ стражи, въ сознаніи своего высокаго положенія, продолжалъ, не обращая вниманія на краску гнѣва ,покрывавшую щеки вожатаго:

— Когда собака лежала на землѣ, дерзкій мальчишка выбилъ кинжалъ у тебя изъ руки.

— И эта ссора произвела безпорядокъ? серьёзно спросилъ Амени.

— Нѣтъ, отвѣчалъ начальникъ стражи:—сегодняшній праздникъ вообще прошелъ необыкновенно спокойно. Если бы несчастное приключеніе съ помѣшаннымъ парасхитомъ не помѣшало нѣсколько шествію, то мы могли бы только похвалить толпу. Кромѣ воинственнаго жреца, котораго мы представили вамъ, были схвачены только нѣсколько воровъ. Они всѣ принадлежали къ кастѣ [1]; поэтому, только отняли у нихъ добычу и отпустили ихъ. Но скажи, Паакеръ, какіе благодѣтельные духи сошли на тебя тамъ на пристани, что ты позволилъ парню уйти ненаказаннымъ?

— Ты сдѣлалъ это? вскричалъ старый Гагабу:—а, вѣдь, обыкновенно ты золъ...

Амени укоризненнымъ взглядомъ заставилъ старика замолчать и спросилъ вожатаго:

— Что было причиною ссоры и кто былъ этотъ юноша?

— Дерзкій народъ, вскричалъ Паакеръ: — хотѣлъ выдвинуть свою лодку прежде той, въ которой ждала моя мать, а я защи-

[1] По свидѣтельству Діодора (I. 80), въ Египтѣ существовали особыя касты воровъ. Всѣ граждане должны были записываться въ списки сословій съ показаніемъ, чѣмъ они живутъ; въ томъ числѣ и воры. Имя записывалось у начальника воровъ, и ему они должны были доставлять всѣ краденыя вещи. Обворованный долженъ былъ представить письменное обозначеніе похищенныхъ у него предметовъ, при чемъ указать день и часъ похищенія, и такимъ образомъ легко отыскивалъ свои вещи у начальника воровъ, и тотъ возвращалъ ихъ владѣльцу за уплату четверти стоимости возвращаемой собственности, каковая четверть поступала въ пользу воровъ. Подобное учрежденіе, сравнительно, недавно существовало, говорятъ, въ Каирѣ.

щалъ свое право. Тогда юноша напалъ на меня, убилъ мою собаку, и, клянусь моимъ отцомъ, крокодилы давно уже пожрали бы его, еслибы между нимъ и мною не кинулась женщина, которая объявила, что она—Бентъ-Анатъ, дочь Рамзеса. Это была, дѣйствительно, она, а юноша—молодой царевичъ Рамери, котораго вчера вы изгнали изъ этого дома.

— Ого! вскричалъ начальникъ охоты:—ого, господинъ могаръ! такъ-то ты говоришь о дѣтяхъ царя?

И другія приверженныя къ Фараону должностныя лица выразили неудовольствіе, а Амени прошепталъ Паакеру: «молчи!» Затѣмъ громко сказалъ:

— Ты, мой другъ, никогда не былъ мастеромъ взвѣшивать слова, а сегодня ты, повидимому, говоришь въ бреду. Подвинься сюда, Гагабу, и осмотри рану Паакера. Она не позорна для него, потому что ее нанесъ сынъ царя.

Старикъ снялъ повязку съ сильно вздувшейся руки могара и вскричалъ:

— Это былъ скверный ударъ: три пальца у тебя раздроблены и съ ними вмѣстѣ — посмотри — изумрудъ въ твоемъ кольцѣ съ печатью.

Паакеръ взглянулъ на свои пальцы и испустилъ вздохъ облегченія, такъ какъ было раздроблено кольцо не съ именемъ Тутмеса III, служившее ему оракуломъ, а тотъ драгоцѣнный перстень, который царствующій государь подарилъ нѣкогда его отцу. Въ золотой оправѣ перстия осталось только нѣсколько осколковъ гладко вышлифованнаго камня печати. Имя царя упало на полъ вмѣстѣ съ недостающими кусочками и исчезло. Поблѣднѣвшія губы Паакера снова зашевелились, и внутренній голосъ прошепталъ ему: «Боги указываютъ тебѣ твой путь! Имя уничтожено; то же должно быть и съ тѣмъ, кто его носитъ!

— Жаль кольца, сказалъ Гагабу:—и если ты не хочешь, чтобы и рука послѣдовала за нимъ—къ счастію, это лѣвая—то перестань пить, прикажи отвести себя къ врачу Небсехту и попроси его хорошенько вправить и забинтовать сломанныя кости.

Паакеръ всталъ и раскланялся; Амени пригласилъ его на слѣдующій день въ Домъ Сети, а намѣстникъ—въ свой дворецъ.

Когда дверь затворилась за вожатымъ, казначей Дома Сети сказалъ:

— Плохой былъ это день для могара; можетъ быть, онъ научитъ его, что въ Ѳивахъ нельзя свирѣпствовать, какъ на полѣ битвы. Съ нимъ случилась еще другого рода исторія, не хотите ли послушать?

— Разсказывай! воскликнули собесѣдники.

— Вы знаете стараго Сени, началъ казначей:—онъ былъ богатый человѣкъ, но раздавалъ все свое имущество бѣднымъ, послѣ того какъ лишился семи здоровыхъ сыновей, погибшихъ отъ войны и болѣзней. Онъ оставилъ для себя небольшой домъ съ садикомъ и говорилъ, что пусть боги окажутъ въ загробной жизни такое же милосердіе его дѣтямъ, какое онъ оказываетъ здѣсь на землѣ сирымъ и безпомощнымъ. Напитайте голодныхъ, напойте жаждущихъ, одѣньте нагихъ, гласитъ законъ, а, такъ какъ Сени не можетъ уже ничего раздавать, то онъ, едва одѣтый, томимый голодомъ и жаждою, ходитъ по городу и на мѣстахъ празднествъ выпрашиваетъ милостыню для своихъ пріемныхъ дѣтей, т. е. бѣдныхъ и неимущихъ. Всѣ мы подавали ему, такъ какъ каждому извѣстно, для кого именно онъ унижается и протягиваетъ руку. И вотъ онъ сегодня снова обходилъ всѣхъ со своею сумкой и взглядомъ своихъ добрыхъ глазъ выпрашивалъ милостыню. Паакеръ подарилъ намъ на праздникъ хорошій участокъ земли и, пожалуй, вправѣ считать, что сдѣлалъ достаточно. Когда Сени обратился къ нему, онъ попросилъ его отойти, но старикъ не унялся со своими просьбами, неустанно слѣдовалъ за Паакеромъ до могилы его отца, и много людей шло за нимъ. Тогда вожатый грубо отогналъ его, а когда нищій, наконецъ, схватилъ его за платье, онъ поднялъ плеть и нѣсколько разъ ударилъ его, приговаривая: «вотъ тебѣ твоя доля!» Добрый старикъ безропотно вынесъ все и, открывая свой мѣшокъ, сказалъ со слезами на глазахъ: «свою долю я получилъ, а теперь очередь моихъ бѣдныхъ!» Я присутствовалъ при этой сценѣ и видѣлъ какъ Паакеръ быстро удалился въ гробницу и какъ его мать Сетхемъ бросила Сени свой полный кошелекъ. Другіе послѣдовали ея примѣру, и никогда не случалось старику собирать столь обильную жатву, какъ въ этотъ разъ. Бѣдняки обязаны этимъ могару. Около его гробницы собралось множество народа, и ему пришлось бы плохо, еслибъ стража не разогнала толпу.

Во время этого разсказа, возбудившаго всеобщее одобреніе, намѣстникъ и главный жрецъ весьма усердно перешептывались между собою.

— Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, сказалъ Амени:—что Бентъ-Анатъ присутствовала на празднествѣ?

— И она опять имѣла сношенія съ жрецомъ, котораго ты такъ горячо защищаешь, прошепталъ Ани.

— Еще въ нынѣшнюю ночь Пентауръ будетъ подвергнутъ допросу, отвѣчалъ главный жрецъ:—блюда уже уносятъ, и начинается попойка. Отправимся допрашивать поэта.

— Теперь нѣтъ на лицо свидѣтелей, возразилъ Ани.

— Они не нужны намъ, съ увѣренностью проговорилъ Амени:—онъ не въ состояніи сказать неправду.

— Ну, такъ отправимся, съ улыбкою проговорилъ намѣстникъ:—этотъ бѣлый негръ возбуждаетъ мое любопытство, и мнѣ интересно знать, какъ онъ справится съ правдой. Ты забываешь, что здѣсь замѣшана женщина.

— Безъ женщины дѣло нигдѣ не обойдется, возразилъ Амени. Затѣмъ онъ подозвалъ къ себѣ Гагабу, посадилъ его на свое мѣсто, попросилъ завести веселый разговоръ, поусерднѣе подчивать гостей виномъ и не допускать никакихъ разговоровъ о царѣ, государствѣ и войнѣ.—Ты знаешь, сказалъ онъ въ заключеніе:—что сегодня мы не одни. А развѣ мало тайнъ выдавало вино? Поразмысли объ этомъ! Оглядка назадъ—мать осторожности.

Намѣстникъ Ани потрепалъ старика по плечу и сказалъ:

— Про тебя говорятъ, что ты не можешь равнодушно видѣть ни пустой, ни полной чаши. Дай сегодня полную волю своему отвращенію къ той и другой, а когда ты найдешь, что наступила настоящая минута, то сдѣлай знакъ моему домоправителю, который сидитъ вонъ тамъ въ углу. Онъ привезъ нѣсколько сосудовъ съ благороднѣйшимъ виноградным сокомъ изъ Библоса [1] и подастъ его вамъ. А я еще приду проститься съ вами.

Амени всегда удалялся до начала попоекъ.

Когда двери затворились за нимъ и его спутникомъ, гостямъ на шеи были надѣты новые вѣнки изъ розъ, а ихъ головы были украшены цвѣтами лотоса, и чаши снова наполнились виномъ. Явились музыканты съ арфами, лютнями, флейтами и бубнами и заиграли веселые мотивы. Ихъ дирижёръ отбивалъ тактъ, хлопая въ ладоши, а когда гости оживились, то стали помогать ему мѣрными ударами.

Живой старикъ Гагабу поддержалъ свою славу здороваго питуха и хорошаго распорядителя попойки.

Вскорѣ веселье засіяло на серьёзныхъ лицахъ жрецовъ, а воины и придворные старались перещеголять одинъ другого самыми забористыми шутками.

Уже занималось утро, когда пировавшіе вышли изъ залы. Немногіе изъ нихъ были въ состояніи безъ посторонней помощи найти дорогу со двора. Обыкновенно, бо́льшую часть изъ нихъ ожидавшіе тутъ же рабы поднимали къ себѣ на головы и несли,

---

[1] Гебалъ-Библосъ въ Финикіи. Тамъ произростали виноградныя лозы, пользовавшіяся громадною извѣстностью и у грековъ.

точно тюки, до носилокъ, которыя и доставляли ихъ домой. Но на этотъ разъ для всѣхъ были приготовлены постели въ Домѣ Сети, такъ какъ разразилась ужасная гроза.

Въ то время, какъ гости поднимали свои чаши и веселье ихъ все увеличивалось, приведенный въ качествѣ узника Пентауръ былъ допрашиваемъ въ присутствіи намѣстника.

Люди, которыхъ Амени послалъ за Пентауромъ, нашли его на колѣняхъ, погруженнымъ въ такую глубокую задумчивость, что онъ не услыхалъ ихъ приближенія. Онъ лишился внутренняго спокойствія, духъ его былъ глубоко возмущенъ, и молодой жрецъ никакъ не могъ совладать съ собою и ясно понять новую бурную жизнь, клокотавшую въ его груди.

До тѣхъ поръ, онъ никогда не ложился спать, не давъ себѣ отчета въ прожитомъ днѣ, и безъ труда различалъ самые тонкіе оттѣнки зла и добра въ своихъ поступкахъ.

А въ этотъ день, передъ его взорами, обращенными назадъ, проносились смутные образы. Они сталкивались и перепутывались одинъ съ другимъ, и, когда онъ хотѣлъ уяснить ихъ и привести въ порядокъ, то передъ нимъ возставала фигура Бентъ-Анатъ, налагая оковы на его сердце и умъ.

Его незлобивая рука поднялась на подобныхъ ему людей и пролила человѣческую кровь; онъ желалъ почувствовать раскаянье въ своемъ грѣхѣ, но не могъ. Какъ только онъ начиналъ бранить и упрекать себя, ему тотчасъ представлялась рука воина, схватившая за волосы ребёнка, одобреніе царевны, восторгъ, свѣтившійся въ ея глазахъ, и онъ говорилъ себѣ, что поступилъ хорошо и что, случись ему завтра очутиться въ подобномъ же положеніи, онъ сдѣлалъ бы то же самое.

Но онъ, все-таки, сознавалъ, что повсюду сокрушилъ преграды, поставленныя для него судьбою, и ему казалось, что никогда уже ему не удастся возвратиться къ прежней тихой, тѣсно замкнутой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мирной жизни.

Онъ взывалъ къ божеству и къ просвѣтленному духу своей простой благочестивой матери, и молилъ о ниспосланіи ему душевнаго спокойствія и смиреннаго довольства своею долею. Но все оказывалось напраснымъ: чѣмъ долѣе онъ оставался колѣнопреклоненнымъ и съ воздѣтыми кверху руками, тѣмъ смѣлѣе становились его желанія и тѣмъ труднѣе было ему признать себя виновнымъ и сожалѣть о своихъ поступкахъ.

Призывъ Амени къ допросу былъ для него какъ бы избавленіемъ, и онъ послѣдовалъ за посланнымъ, ожидая строгаго на-

казанія, но безъ малѣйшаго страха, а даже съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ.

Исполняя приказаніе сурово глядѣвшаго главнаго жреца, Пентауръ отдалъ отчетъ во всемъ и разсказалъ, какъ онъ, за отсутствіемъ всѣхъ врачей, послѣдовалъ за женою парасхита къ ея мужу, одержимому злыми духами, какъ онъ для спасенія дѣвушки, подвергнувшейся нападенію толпы, поднялъ свою руку и нанесъ сильные удары.

— Ты убилъ четырехъ человѣкъ и вдвое больше тяжело ранилъ, сказалъ Амени:—зачѣмъ ты не объявилъ, что ты—жрецъ, произносившій сегодняшнюю рѣчь, и смутилъ народъ грубымъ насиліемъ, вмѣсто того, чтобы успокоить его кроткими увѣщаніями?

— На мнѣ не было надѣто одежды жреца.

— И въ этомъ ты также провинился, сказалъ Амени: — вѣдь, ты знаешь, что законъ предписываетъ намъ выходить изъ этого дома не иначе, какъ въ бѣлой одеждѣ. И развѣ тебѣ не извѣстно могущество твоей рѣчи? и неужели ты рѣшишься спорить со мной, если я стану утверждать, что и въ простомъ рабочемъ платьѣ ты могъ бы своимъ краснорѣчіемъ сдѣлать то же, что̀ и смертельными ударами?

— Мнѣ, можетъ быть, и удалось бы это, отвѣчалъ Пентауръ:— но толпою овладѣла звѣрская ярость; мнѣ было нѣкогда спокойно обсудить все, и, когда я швырнулъ въ сторону, какъ какую-нибудь ядовитую гадину, того злодѣя, который схватилъ за волосы невиннаго ребёнка, тогда мною овладѣлъ духъ борьбы: я не дорожилъ жизнію и, ради спасенія ребёнка, готовъ былъ убить тысячи людей.

— Твои глаза сверкаютъ, сказалъ Амени:—какъ будто ты совершилъ какой-нибудь геройскій поступокъ, а между тѣмъ, ты, вѣдь, убилъ беззащитныхъ и безобидныхъ гражданъ, которые были возмущены позорнымъ святотатствомъ. Я, право, не понимаю, откуда у сына садовника и служителя божества взялось такое воинственное настроеніе.

— Да, воскликнулъ Пентауръ: — когда толпа стала тѣснить меня и я отбивался отъ нея, напрягая всѣ свои силы, то почувствовалъ наслажденіе бойца, защищающаго отъ напора враговъ ввѣренное ему знамя. Это, разумѣется—грѣхъ для жреца, и я готовъ понести за него наказаніе, но таковы были мои чувствованія.

— И ты понесешь за нихъ наказаніе, строго проговорилъ Амени:—кромѣ того, ты не сказалъ всей правды. Почему ты умолчалъ, что Бентъ-Анатъ, дочь Рамзеса, вмѣшалась въ эту

борьбу и спасла тебя, объявивъ предъ лицомъ толпы свое званіе и приказавъ оставить тебя? Не уличилъ ли ты ея во лжи предъ народомъ, не признавъ ея за Бентъ-Анатъ? Отвѣчай намъ, ты, стоящій на высшей ступени, ты, поборникъ правды!

При этихъ словахъ своего начальника, Пентауръ поблѣднѣлъ и, указывая на намѣстника, сказалъ:

— Вѣдь, мы—не одни.

— Существуетъ только одна правда, холодно сказалъ Амени:—то, что̀ ты готовъ сказать мнѣ, можетъ выслушать и этотъ важный сановникъ, намѣстникъ царя. Узналъ ли ты Бентъ-Анатъ? да, или нѣтъ?

— Моя спасительница была и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не была похожа на нее, отвѣчалъ Пентауръ, котораго кровь снова закипѣла при тонкой ироніи въ словахъ начальника:—и еслибъ я даже навѣрное зналъ, что это, дѣйствительно—царевна, какъ, напримѣръ, знаю, что ты—тотъ самый человѣкъ, который когда-то считалъ меня достойнымъ похвалы, а теперь хочешь непремѣнно унизить меня, то, все-таки, поступилъ бы опять совершенно такъ же, чтобы избавить отъ непріятностей женщину, болѣе походящую на богиню, которая для того, чтобы спасти меня, бѣднаго, спустилась въ грязь съ вершины трона.

— Ты все еще продолжаешь быть ораторомъ, сказалъ Амени и затѣмъ прибавилъ строго: — прошу отвѣчать мнѣ коротко и ясно. Такъ какъ Бентъ-Анатъ открылась вожатому царя, то мы, навѣрное, знаемъ, что она, переодѣтая простою женщиной, присутствовала на нашемъ празднествѣ и спасла тебя. Было ли тебѣ извѣстно, что она переправится черезъ Нилъ?

— Ка̀къ могъ я это знать?

— Но ты вообразилъ, что видишь передъ собою Бентъ-Анатъ, когда она появилась на мѣстѣ побоища?

— Мнѣ показалось такъ, отвѣчалъ Пентауръ нерѣшительно и опустивъ глаза.

— Въ такомъ случаѣ, съ твоей стороны было очень смѣло отвергать царскую дочь, назвавъ ее обманщицею.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ Пентауръ:—но, вѣдь, ради меня она рисковала блескомъ имени, какъ своего собственнаго, такъ и ея великаго отца—ка̀къ же мнѣ было не пожертвовать свободой и жизнію, чтобы...

— Мы слышали уже достаточно, прервалъ его Амени.

— Нѣтъ еще, сказалъ теперь намѣстникъ:—что̀ сдѣлалось съ дѣвушкой, которую ты спасъ?

— Старая колдунья, по имени Гектъ, сосѣдка парасхита, взяла ее, вмѣстѣ съ ея бабкой, въ свою пещеру, отвѣчалъ Пентауръ,

который затѣмъ, по приказанію главнаго жреца, былъ снова отъведенъ въ темницу Дома Сети.

Едва успѣлъ онъ скрыться, какъ намѣстникъ воскликнулъ:

— Это—опасный человѣкъ! Мечтатель! Пламенный почитатель Рамзеса!

— И его дочери, съ улыбкою замѣтилъ Амени: — но только почитатель. Тебѣ нѣчего бояться его: я отвѣчаю за чистоту его помысловъ.

— Но онъ прекрасенъ, и рѣчь его отважна, возразилъ Ани:— я присвоиваю его себѣ въ качествѣ плѣннаго, такъ какъ онъ убилъ одного изъ моихъ воиновъ.

Черты Амени омрачились, и онъ произнесъ весьма серьёзно:

— Дарованная намъ грамата гласитъ, что только нашему совѣту жрецовъ предоставлено право судить членовъ Дома Сети. Вѣдь, и ты, будущій царь, добровольно обѣщалъ полное подтвержденіе всѣхъ правъ для насъ, поборниковъ твоего собственнаго священнаго древняго права.

— И все это будетъ даровано вамъ, сказалъ Ани съ успокоительною улыбкою:—но это—человѣкъ опасный, и, вѣроятно, вы не оставите его безъ наказанія.

— Его подвергнутъ строгому суду, сказалъ Амени: — но въ нашемъ присутствіи и въ этомъ домѣ.

— Онъ совершилъ убійство, воскликнулъ Ани: — и не одно. Онъ повиненъ смерти!

— Онъ дѣйствовалъ въ виду самозащиты, возразилъ Амени:—а такого излюбленнаго богами человѣка, какъ этотъ, нельзя губить, если даже неумѣстное благородство увлекло его къ совершенію дурныхъ поступковъ. Я знаю и вижу, что ты желаешь ему зла. Обѣщай мнѣ не покушаться на его жизнь, если ты уважаешь меня въ качествѣ союзника.

— Охотно даю слово, улыбаясь, сказалъ намѣстникъ, подавая руку главному жрецу.

— Благодарю тебя, сказалъ Амени: — Пентауръ былъ наиболѣе многообѣщающимъ изъ моихъ учениковъ, и, несмотря на многія заблужденія, я, все-таки, ставлю его высоко. Когда онъ разсказывалъ объ охватившемъ его воинственномъ порывѣ—развѣ не уподоблялся онъ въ ту минуту великому Ассѣ или его сыну, старшему могару, покойному отцу вожатаго Паакера?

— Это сходство просто поразительно. А, вѣдь, говорятъ, что онъ—низкаго происхожденія. Кто была его мать?

— Дочь нашего привратника: некрасивое, набожное и кроткое созданіе.

— Теперь я возвращусь къ пирующимъ, сказалъ намѣстникъ

послѣ краткаго раздумья:—но я имѣю къ тебѣ просьбу. Я говорилъ тебѣ о тайнѣ, которая предаетъ въ наши руки вожатаго Паакера. Все это знаетъ старая колдунья Гектъ, пріютившая у себя жену парасхита. Пошли за нею стражу съ приказаніемъ арестовать ее и привести сюда. Я хочу самъ допросить ее, и такимъ образомъ могу сдѣлать это, не возбуждая ничьего вниманія.

Амени немедленно отправилъ нѣсколькихъ вооруженныхъ людей и затѣмъ тихо приказалъ преданному слугѣ освѣтить такъ-называемую комнату допросовъ и приготовить для него сѣдалище въ сосѣдней комнатѣ.

XV.

Между тѣмъ какъ гости пировали въ Домѣ Сети, а стражи Амени отправились въ долину царскихъ гробницъ разбудить старую Гектъ, съ юго-запада поднялся сильный, палящій ураганъ. Черныя облака мчались по небу, а темная пыль клубилась по землѣ. Стройные стволы пальмъ сильно гнулись; на мѣстѣ праздника вѣтеръ вырывалъ колья палатокъ, высоко поднималъ на воздухъ полотняныя ихъ покрышки и гналъ ихъ среди ночного мрака, точно исполинскія бѣлыя привидѣнія, и хлесталъ по желтоватымъ водамъ Нила, заставляя ихъ вздыматься и волноваться, точно море.

Паакеръ принудилъ своихъ трепещущихъ лодочниковъ перевезти его черезъ Нилъ. Много разъ лодка была готова опрокинуться, но онъ своею здоровою лѣвою рукою самъ вѣрно и смѣло поправлялъ руль, хотя, при колебаніи лодки, его сломанные пальцы причиняли ему страшную боль. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ, имъ, наконецъ, удалось пристать къ берегу.

Ураганъ погасилъ фонари на мачтахъ, и на берегу онъ не нашелъ ни слугъ, ни факелоносцевъ. Среди непроглядного мрака, въ борьбѣ съ раскаленнымъ вѣтромъ, онъ пробрался до величественныхъ воротъ своего дома. Обыкновенно своеобразный лай его собаки извѣщалъ привратника о возвращеніи господина, а теперь сопровождавшимъ его матросамъ пришлось долго и напрасно стучать у тяжелыхъ воротъ.

Когда онъ вошелъ, наконецъ, къ себѣ во дворъ, то увидалъ повсемѣстный мракъ: ураганъ погасилъ и здѣсь всѣ фонари и факелы. Свѣтъ виднѣлся только въ окнахъ комнаты его матери.

Вотъ и собаки залаяли, но ихъ голоса звучали плачевно и

боязливо, такъ какъ буря пугала животныхъ. Ихъ вой хваталъ вожатаго за сердце, напоминая ему убитую собаку, голоса которой онъ уже не слыхалъ теперь.

Когда онъ вошелъ въ свои комнаты, его старый рабъ-эѳіопъ встрѣтилъ его громкими воплями, относившимися къ собакѣ, которую онъ выростилъ еще для отца Паакера и очень любилъ.

Вожатый бросился на стулъ и приказалъ принести воды, чтобы, согласно предписанію врача Небсехта, освѣжить въ ней болѣвшую руку.

Какъ только старикъ увидалъ сломанные пальцы, онъ разразился новыми воплями, а когда Паакеръ приказалъ ему замолчать, то онъ спросилъ:

— Неужели еще живъ тотъ, кто сдѣлалъ это и убилъ собаку?

Паакеръ утвердительно кивнулъ головой и, молча, глядѣлъ на полъ, въ то время какъ его рука лежала въ прохлаждающей водѣ. Онъ чувствовалъ себя несчастнымъ и задавалъ себѣ вопросъ: почему ураганъ не опрокинулъ его лодку и воды Нила не поглотили его самого? Страшное ожесточеніе бушевало въ его груди, и онъ желалъ превратиться въ ребёнка, чтобы имѣть возможность выплакаться. Но это настроеніе вскорѣ измѣнилось: его грудь начала подниматься отъ прерывистаго дыханія, а въ глазахъ засверкалъ зловѣщій огонь. Онъ думалъ не о своей любви, а о мести, представлявшейся ему теперь еще сладостнѣе этой любви.

— Рамзесово отродье! пробормоталъ онъ про себя.—Я уничтожу ихъ всѣхъ заразъ: царя, Мену, гордыхъ царевичей и многихъ изъ ихъ приверженцевъ, и я даже знаю, какимъ образомъ устрою это! Подождите вы у меня!

И онъ съ угрозою высоко поднялъ свою правую руку, сжатую въ кулакъ.

Въ это время, отворилась дверь его комнаты, и госпожа Сетхемъ, шаги которой были заглушены завываніемъ бури, подошла къ мечтающему о мести сыну и, ужаснувшись, при видѣ бѣшенства, исказившаго его лицо, громко назвала его по имени.

Паакеръ вздрогнулъ и затѣмъ проговорилъ, повидимому, спокойно:

— Это—ты, матушка? уже скоро настанетъ утро, и лучше спать, нежели бодрствовать въ это время.

— Я никакъ не могла быть покойна въ своей комнатѣ, отвѣчала Сетхемъ.—Буря завываетъ такъ ужасно, и на меня нападаетъ невыносимый страхъ, точно какъ передъ смертію твоего отца.

— Ну, такъ оставайся здѣсь и отдохни на моемъ ложѣ.

— Я пришла сюда не для того, чтобы спать, отвѣчала Сетхемъ.—Ужасно то, что̀ случилось съ тобою на пристани, и сердце мое замираетъ! Нѣтъ, нѣтъ, сынъ мой, я не говорю о разбитой рукѣ, ка̀къ ни горько мнѣ, что ты переносишь сильную боль; но я думаю о царѣ и его гнѣвѣ, когда онъ узнаетъ о твоей ссорѣ. Онъ расположенъ къ тебѣ менѣе, нежели къ твоему покойному отцу—это мнѣ хорошо извѣстно! Ка̀къ дико ты хохоталъ и какой ужасный имѣлъ видъ, когда я вошла сюда. Я содрогнулась съ головы до ногъ!

Оба молчали нѣсколько времени, прислушиваясь къ урагану, бушевавшему все съ бо̀льшею силой. Наконецъ, Сетхемъ сказала:

— Еще кое-что другое безпокоитъ мое сердце и умъ. Я не могу забыть сегодняшняго проповѣдника, молодого Пентаура. Его фигура, лицо, всѣ движенія и даже голосъ, какъ двѣ капли, напоминаютъ мнѣ твоего покойнаго отца, какимъ онъ былъ въ то время, какъ сватался за меня. Кажется, какъ будто боги хотѣли вторично возсоздать лучшаго изъ людей, котораго взяли изъ этого міра.

— Да, госпожа моя, вмѣшался въ разговоръ старый рабъ-эѳіопъ:—подобнаго сходства не видали очи ни одного изъ смертныхъ. Я видѣлъ, какъ онъ бился передъ хижиною парасхита, и тогда онъ тоже былъ вполнѣ похожъ на покойнаго господина! Онъ замахнулся коломъ совершенно такъ же, какъ нашъ господинъ своимъ боевымъ топоромъ!

— Молчи и пошолъ вонъ, дуракъ! крикнулъ Паакеръ: — жрецъ, матушка, имѣетъ сходство съ отцомъ—это я допускаю; но онъ—дерзкій негодяй, страшно оскорбившій меня, и съ которымъ я еще посчитаюсь такъ же, какъ и со многими другими!

— Какой ты злой и какъ много въ тебѣ ненависти! прервала его Сетхемъ.—Твой отецъ былъ такъ добръ и любилъ людей.

— А меня они развѣ любятъ? спросилъ вожатый съ горькимъ смѣхомъ.—Даже небожители и тѣ не оказываютъ мнѣ милосердія, а усыпаютъ мой путь терніями. Но я собственноручно устраню эти терніи безъ чьей бы то ни было помощи, достигну своей цѣли и низвергну во прахъ тѣхъ, которые станутъ мнѣ противодѣйствовать.

— Мы не въ состояніи пустить по вѣтру ни одного пера безъ помощи небожителей! воскликнула Сетхемъ:—такъ говорилъ и твой отецъ, бывшій совершенно другимъ человѣкомъ какъ по плоти, такъ и духомъ. Съ этого вечера, ты внушаешь мнѣ ужасъ; я содрагаюсь отъ тѣхъ проклятій, которыя ты изрыгалъ про-

тивъ дѣтей твоего царя и повелителя, друга твоего покойнаго отца!

— Но мнѣ онъ—врагъ! воскликнулъ Паакеръ:—ты услышишь про меня еще кое-что другое, кромѣ проклятій. А отродье Рамзеса узнаетъ, можно ли безнаказанно презирать и оскорблять сына твоего мужа. Я низвергну ихъ въ пропасть и буду хохотать, когда они задохнутся въ пескѣ подъ моими ногами!

— Безсовѣстный! воскликнула Сетхемъ внѣ себя: — я—женщина, которую часто называли мягкою и слабою; но клянусь моею вѣрностью твоему покойному отцу (на котораго ты похожъ столь же мало, какъ терніе на пальму), я вырву съ корнемъ любовь къ тебѣ изъ своего сердца, если ты... не... не... Теперь я все вижу! Теперь мнѣ ясно все! Признавайся, убійца! Гдѣ тѣ семь стрѣлъ съ грѣховными словами, прежде висѣвшія здѣсь? Гдѣ то оружіе, на которомъ ты выцарапалъ: «Смерть Менѣ»?

Внѣ себя и задыхаясь отъ волненія, проговорила Сетхемъ эти слова; вожатый отстранился отъ нея, какъ дѣлалъ въ дѣтствѣ, когда она собиралась наказывать ого. Она послѣдовала за нимъ, схватила его за поясъ и хриплымъ голосомъ повторила свой вопросъ.

Тогда онъ вздрогнулъ отъ негодованія, оторвалъ ея руку отъ пояса и произнесъ тономъ угрозы:

— Эти стрѣлы я вложилъ въ свой колчанъ и не ради шутки. Теперь ты знаешь это!

Не будучи въ состояніи выговорить ни слова, негодующая мать еще разъ подняла руку на выродившагося сына, но онъ оттолкнулъ эту руку и сказалъ:—Я—уже болѣе не ребёнокъ, а господинъ въ этомъ домѣ. То, что я захочу сдѣлать, мнѣ не запретитъ даже цѣлая сотня бабъ!

И съ этими словами онъ указалъ рукою на дверь.

Сетхемъ, громко зарыдавъ, вышла изъ комнаты.

Въ дверяхъ она еще разъ оглянулась на него. Онъ сѣлъ и склонился лбомъ къ столу, на которомъ стояла прохладная вода. Въ душѣ Сетхемъ происходила тяжелая борьба. Наконецъ, она, обливаясь слезами, еще разъ произнесла имя сына, открыла ему свои объятія и сказала:

— Я здѣсь, я здѣсь, склонись ко мнѣ на грудь! Только оставь ужасныя мысли о мести!

Паакеръ не пошевельнулся, не взглянулъ на нее и отрицательно покачалъ головою.

Тогда Сетхемъ опустила руки и сказала тихо:

— Чему училъ тебя твой отецъ и что говорится въ книгахъ писанія? Величайшая заслуга—вознаградить мать за то, что она

лелѣяла и ростила тебя, чтобъ она не воздѣла рукъ своихъ къ богу и онъ не услыхалъ ея мольбы.

При этихъ словахъ, Паакеръ громко зарыдалъ, но, все-таки, не оглянулся на свою мать.

Она нѣжно звала его по имени, но онъ не шевелился. Тогда ея взглядъ случайно упалъ на колчанъ со стрѣлами, лежавшій между другимъ оружіемъ. Ея сердце сжалось, и она воскликнула дрожащимъ голосомъ:

— Я запрещаю тебѣ предаваться этому безумному мщенію, слышишь? Откажись отъ него! Ты не шевелишься? Нѣтъ? Великіе боги, что мнѣ дѣлать?

Она въ отчаяніи подняла свои руки, затѣмъ, съ быстрою рѣшимостью направилась къ колчану, вырвала изъ него стрѣлу и попыталась разломать ее.

Тогда Паакеръ соскочилъ со своего мѣста и отнялъ у нея стрѣлу. Острый ея конецъ слегка задѣлъ руку, и изъ царапины заструились темныя капли крови на плиты пола.

Вожатый, увидя это, хотѣлъ взять пораненную руку, но Сетхемъ, никогда не выносившая вида крови, ни своей собственной, ни чужой, помертвѣла, оттолкнула его и проговорила какимъ-то глухимъ голосомъ, совершенно несвойственнымъ ея привѣтливому тону:

— Эта окровавленная материнская рука не прежде прикоснется къ твоей, пока ты не произнесешь великой клятвы—отказаться отъ мысли о мести и убійствѣ и не покрывать позоромъ имени твоего отца! Я высказала это и призываю въ свидѣтели блаженный духъ твоего отца, моля его дать мнѣ силы сдержать свое слово.

Паакеръ упалъ на колѣна и корчился въ страшныхъ судорогахъ, между тѣмъ какъ Сетхемъ направлялась къ двери. Тамъ она снова остановилась на нѣсколько минутъ. Ея губы были сомкнуты, но глаза призывали его къ себѣ.

Напрасно. Наконецъ, она вышла изъ комнаты. Порывъ вѣтра сильно захлопнулъ за нею дверь. Паакеръ застоналъ и, закрывъ глаза правою рукою, воскликнулъ: «О, мать моя, мать моя! Я не могу, никакъ не могу вернуться назадъ!»

Неистовый порывъ урагана заглушилъ его вопль, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздались два такіе ужасные удара, какъ будто каменныя скалы свалились съ неба на землю. Паакеръ содрогнулся, подошелъ къ окну, въ которое пробивался сѣроватый утренній разсвѣтъ, и разбудилъ рабовъ. Вскорѣ они стеклись на его призывъ, а домоправитель уже издали закричалъ ему:

— Буря свалила мачты у большихъ воротъ дома.

— Невозможно! закричалъ Пааверъ.

— Истинная правда, возразилъ слуга:—онѣ были подпилены у основанія. Это, навѣрное—дѣло рукъ того цыновочника, которому ты переломилъ ключицу. Онъ бѣжалъ въ эту ужасную ночь.

— Выпустить собакъ! воскликнулъ могаръ.—Всѣ, имѣющіе ноги, бѣгите за негодяемъ! Кто поймаетъ его, получитъ свободу и пять горстей золота!

Гости Дома Сети отправились на покой, когда главный жрецъ Амени былъ увѣдомленъ о прибытіи колдуньи Гектъ. Онъ тотчасъ же отправился въ залу, въ которой намѣстникъ ожидалъ колдунью.

Услыхавъ шаги главнаго жреца, Ани очнулся отъ глубокой задумчивости и поспѣшно спросилъ:

— Пришла ли она?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, намѣстникъ сказалъ, приводя въ порядокъ длинные, спутавшіеся локоны своего парика и поправляя свою широкую шейную повязку:

— Говорятъ, будто эта колдунья могущественна. Пожалуйста, благослови меня, чтобы оградить отъ ея чаръ. Я хотя и ношу этотъ глазъ Горуса и эту кровь Изиды [1], но, вѣдь, нельзя знать...

— Мое присутствіе послужило бы тебѣ защитой, сказалъ Амени.—Но... нѣтъ, нѣтъ! я знаю, что ты желаешь говорить съ нею наединѣ. Такъ пусть ее введутъ въ комнату, гдѣ священныя изреченія послужатъ огражденіемъ отъ ея чаръ. Прощай, я иду спать, и, обращаясь къ жрецу, прибавилъ:—святой отецъ, впусти колдунью въ одну изъ освященныхъ комнатъ и, опрыскавъ порогъ, введи къ ней достопочтеннаго господина Ани.

Главный жрецъ удалился въ небольшую комнатку рядомъ съ тою, гдѣ долженъ былъ происходить разговоръ со старухой и откуда, благодаря искусно устроенной слуховой трубѣ, было слышно всякое слово, произнесенное самымъ тихимъ голосомъ въ сосѣдней комнатѣ.

Ани, увидавъ колдунью, въ ужасѣ отступилъ. Видъ ея въ настоящую минуту былъ ужасенъ.

Буря разорвала на ней одежду, и ея сѣдые, еще густые волосы, растрепанные вѣтромъ, падали ей на лицо.

---

[1] Амулетъ Тета, въ видѣ банта, обыкновенно состоящій изъ кроваваго ясписа, на которомъ были начертаны посвященныя ему главы 75 или 76 книги смерти. Онъ называется «Кровь Изиды», «Мудрость (chu) Изиды».

Опираясь на свою палку, она сильно подалась впередъ и устремила на намѣстника пристальный взглядъ. Ея глаза, покраснѣвшіе отъ степного песку, который билъ ей въ лицо, горѣли какимъ-то страннымъ огнемъ. Она имѣла видъ гіены, высматривающей добычу, и у Ани пошолъ морозъ по кожѣ, когда она привѣтствовала его своимъ хриплымъ голосомъ и стала упрекать за странный выборъ времени для разговора съ нею.

Выразивъ ему затѣмъ свою благодарность за возобновленіе граматы и подтвердивъ, что Паакеръ получилъ отъ нея любовный напитокъ, она отстранила волосы съ лица. Ей пришло въ голову, что, вѣдь, и она—женщина.

Намѣстникъ сидѣлъ на креслѣ, а она стояла. Но ходьба въ бурю утомила ея старое тѣло, и поэтому она просила Ани позволить ей сѣсть, такъ какъ она должна разсказать ему длинную исторію; исторія эта вполнѣ предастъ въ его власть вожатаго Паакера.

Намѣстникъ указалъ на одинъ изъ угловъ комнаты. Она поняла знакъ и усѣлась на плитахъ пола.

Когда онъ просилъ ее начать свой разсказъ, она долгое время молча глядѣла на полъ и затѣмъ проговорила какъ бы отчасти про себя:

— Я разскажу все, ради своего спокойствія. Я не хочу оставаться ненабальзамированною послѣ смерти. Вѣдь, неизвѣстно, можетъ быть и есть что-нибудь на томъ свѣтѣ, и я не хочу лишиться этого; а мнѣ бы хотѣлось увидать его тамъ и хотя бы въ кипящемъ котлѣ проклятыхъ!—Итакъ, слушай меня, но сперва обѣщай мнѣ, что, несмотря на все, чтò ты узнаешь, ты оставишь меня мирно доживать вѣкъ и позаботишься о моемъ бальзамированіи, когда я умру. Иначе я не скажу ничего.

Ани утвердительно кивнулъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ! заговорила старуха.—Я скажу тебѣ слова клятвы: «Если я не сдержу слова, даннаго Гектъ, которая предаетъ могара въ мою власть, то пусть духи, которыми она повелѣваетъ, ниспровергнутъ меня прежде, чѣмъ я вступлю на тронъ»? Не сердись, господинъ мой, и скажи только одно «да». То, чтò ты узнаешь теперь, стòитъ дороже какого-нибудь ничтожнаго слова.

— Ну, пусть будетъ по твоему: я говорю *«да»*! воскликнулъ намѣстникъ, нетерпѣливо ожидавшій разоблаченій.

Старуха пробормотала нѣсколько невнятныхъ словъ, потомъ собралась съ духомъ и, сильно вытянувъ впередъ свою худощавую шею, посмотрѣла сверкающими глазами на своего собесѣдника и спросила его:

— Случалось ли тебѣ въ годы молодости слыхать о пѣвицѣ Беки? Ну, такъ посмотри же теперь на меня: она сидитъ передъ тобою!

При этихъ словахъ, она засмѣялась хриплымъ голосомъ и, какъ будто стыдясь своей отвратительной фигуры, прикрыла лохмотьями одежды свою высохшую грудь.

— Да, заговорила она:—всѣ наслаждаются ягодами винограда и выдавливаютъ ихъ, а когда выпьютъ сокъ, то кожу выбрасываютъ въ навозъ. Я уподобляюсь этой кожѣ! Не смотри на меня съ такимъ сожалѣніемъ! Вѣдь. и я когда-то была виноградиной, и, несмотря на мою бѣдность и презрѣнное положеніе, никто не можетъ отнять у меня моего прошлаго. На мою долю досталось то, чего лишены тысячи: цѣльная, полная жизнь, со всѣми ея радостями и горестями, съ любовью и ненавистью, съ блаженствомъ, отчаяніемъ и мщеніемъ. Итакъ, я должна разсказывать и сѣсть на это сѣдалище? Оставь меня, я привыкла сидѣть такимъ образомъ, на корточкахъ. Я знала, что ты согласишься выслушать меня до конца; вѣдь я когда-то находилась въ сношеніяхъ съ вами. Крайности легко сходятся. Это я узнала по опыту. Самые знатные протягивали руки къ самой красивой, и было время, когда я водила на поводу тебѣ подобныхъ. Итакъ, я начну съ самаго начала. Мой отецъ былъ человѣкъ знатный: правитель въ Абидосѣ. Когда первый Рамзесъ овладѣлъ трономъ, онъ остался вѣрнымъ дому твоихъ отцовъ. Тогда новый царь сослалъ его со всѣмъ семействомъ въ эѳіопскія золотыя копи, и тамъ погибли мои родители, братья и сестры. Одна я спаслась какимъ-то чудомъ. Такъ какъ я была красива и умѣла пѣть, то одинъ музыкантъ взялъ меня къ себѣ и отправился со мною въ Ѳивы. Не бывало ни одного праздника у знатныхъ тамошнихъ господъ, гдѣ дѣло обошлось бы безъ Беки. Обильно пожинала я тогда цвѣты, золото и нѣжные взгляды; но я была горда, и несчастіе моей семьи озлобило меня въ тѣ годы, въ которые даже и горькій напитокъ имѣетъ вкусъ меда. Ни одинъ изъ юношей, сыновей знатныхъ отцовъ, желавшихъ обладать мною, не осмѣливался прикоснуться даже къ моей рукѣ! Но пробилъ и мой часъ! Прекраснѣе и лучше всѣхъ другихъ, притомъ серьёзнѣе и сдержаннѣе былъ молодой Асса, отецъ старшаго могара, дѣдъ поэта Пентаура... то-есть, я хотѣла сказать вожатаго Паакера. Вѣдь, ты еще зналъ его! Гдѣ бы я ни пѣла, онъ постоянно сидѣлъ напротивъ меня, не спуская глазъ съ моего лица, и я не была въ состояніи отвернуться отъ него, а объ остальномъ ты можешь самъ догадаться. Нѣтъ, ты не можешь всего представить себѣ! Та̀къ, ка̀къ я любила Ассу, не могла любить ни одна жен-

щина ни до, ни послѣ меня! Почему ты не смѣешься? Вѣдь, должно быть очень смѣшно слышать подобныя вещи изъ беззубаго рта старой колдуньи. Онъ давно уже умеръ; я глубоко возненавидѣла его, но, какъ ни безумны мои слова, мнѣ кажется, что любовь моя не погасла и теперь! Асса въ то время также сильно любилъ меня, и цѣлые два года мы принадлежали другъ другу. Потомъ онъ отправился на войну съ царемъ Сети и долго не возвращался, а, когда я снова увидала его, то онъ уже былъ женатъ на женщинѣ изъ богатаго и знатнаго дома. Въ то время я была еще довольно красива, но онъ даже ни разу не взглянулъ на меня при празднествахъ. Я много разъ старалась встрѣчаться съ нимъ, но онъ обѣгалъ меня, точно прокаженную; я начала тосковать и заболѣла горячкой. Доктора рѣшили, что пришолъ мой конецъ, и тогда я послала къ нему письмо, состоявшее только изъ слѣдующихъ словъ: «Умирающая Беки желаетъ еще разъ увидать Ассу». Въ папирусъ я вложила его первый подарокъ—простое колечко. И какой же былъ полученъ отвѣтъ? Горсть золота! Золото—это золото—клянусь тебѣ, уязвило мои глаза сильнѣе, нежели раскаленное желѣзо, которымъ поражаютъ зрачки преступниковъ, приговоренныхъ къ лишенію зрѣнія. Даже и теперь, при вспоминаніи объ этихъ минутахъ, мнѣ... Но развѣ вы, знатные господа, способны понять страданія растерзаннаго сердца? Когда васъ соберется двое или трое и ты вздумаешь разсказать эту исторію, то человѣкъ наиболѣе достойный уваженія благоразумно замѣтитъ: «Онъ, право, поступилъ прекрасно; вѣдь, онъ былъ женатъ и, отправившись къ пѣвицѣ, возбудилъ бы негодованіе своей жены». Не правду ли я говорю? Вѣдь, я знаю, никому не придетъ въ голову мысль, что, вѣдь, и та, другая, есть также существо, одаренное человѣческими чувствами, женщина, заслуживающая состраданія; никто не сообразитъ, что, если поведеніе Ассы избавило его дома отъ мимолетнаго неудовольствія, то *тамъ* возбудило безграничное и безконечное отчаяніе. Асса избавился отъ непріятности, но зато на него и его домъ обрушились тысячи проклятій. А онъ считалъ себя необычайно добродѣтельнымъ, нанося навѣки неизлечимый ударъ преданному сердцу, единственнымъ преступленіемъ котораго была любовь къ нему, Ассѣ. Да онъ и пришолъ бы навѣрное, еслибъ его чувства ко мнѣ окончательно испарились, еслибъ онъ не страшился самого себя и не опасался, что при видѣ умирающей старое пламя можетъ вспыхнуть съ новою силою. Я пожалѣла бы о немъ, но того, что онъ прислалъ мнѣ золото, я не могла забыть никогда, и за это месть постигла даже его внука.

Послѣднія слова старуха проговорила какъ бы во снѣ, не обращая вниманія на своего слушателя.

Ужасъ овладѣлъ намѣстникомъ, ему представилось, что передъ нимъ находится безумная, и онъ невольно отодвинулъ назадъ свой стулъ.

Колдунья замѣтила это, перевела духъ и затѣмъ продолжала: «Вы, знатные господа, находящіеся на вершинѣ, не имѣете понятія о томъ, что̀ творится въ пропастяхъ и ущельяхъ, да и не желаете знать. Я не стану распространяться о подробностяхъ. Выздоровѣвъ, я встала съ одра болѣзни исхудалою и лишонною голоса. Золота у меня было достаточно, и при помощи его я стала покупать у всѣхъ, занимавшихся въ Ѳивахъ колдовствомъ, различныя снадобья, чтобы воспламенить Ассу новою любовью ко мнѣ; затѣмъ я прибѣгала къ различнымъ заклинаніямъ и колдовствамъ, съ цѣлью погубить его. Я также старалась возстановить свой голосъ; но всякія питья, которыя я принимала, не дѣлали его не только мягче, а еще грубѣе. Исключенный изъ своей касты жрецъ, знаменитѣйшій между магами, взялъ меня къ себѣ въ домъ, и отъ него я научилась многому. Вслѣдствіе преслѣдованій старыхъ своихъ товарищей, онъ перебрался сюда въ некрополь вмѣстѣ со мною. А когда они поймали и повѣсили его, то я осталась жить въ его хижинѣ и сама сдѣлалась колдуньей. Дѣти показываютъ на меня пальцами, честные люди сторонятся отъ меня; всѣ они внушаютъ ко мнѣ ужасъ, и я чувствую ужасъ къ себѣ самой. И всему этому виною только одинъ человѣкъ, самый уважаемый изо всѣхъ гражданъ въ Ѳивахъ—благочестивый Асса! Много лѣтъ я занималась колдовствомъ и пріобрѣла навыкъ въ различныхъ искуствахъ, и вотъ однажды садовникъ Зентъ, арендовавшій участокъ земли, принадлежащій Дому Сети, у котораго я давно покупала травы для составленія различныхъ напитковъ принесъ мнѣ новорожденнаго ребенка, родившагося съ шестью пальцами на одной ногѣ. Къ моему искуству обратились для устраненія лишняго пальца. Благочестивая мать малютки лежала въ горячкѣ, а то она не допустила бы ничего подобнаго. Я оставила у себя маленькаго крикуна, такъ какъ подобныя вещи легко излечиваются. На слѣдующее утро, вскорѣ послѣ солнечнаго восхода, передъ моею пещерою послышался сильный шумъ. Меня звала служанка изъ знатнаго дома. Госпожа отправилась, въ сопровожденіи ея, навѣстить гробницу своихъ отцовъ и тамъ разрѣшилась мальчикомъ. Служанка говорила, что ея госпожа лежитъ безъ памяти и просила меня пойти помочь ей. Я взяла шестипалаго мальчика подъ плащъ; моя раба несла за мною воду, и вскорѣ я стояла—догадываешься ли ты гдѣ? Пе-

редъ гробницею отца Ассы. Родильница, лежавшая въ корчахъ, была его невѣстка, госпожа Сетхемъ. Мальчикъ, рожденный ею, былъ совершенно здоровъ, но сама она—въ страшной опасности. Я послала прислугу съ носилками въ Домъ Сети за помощью. Дѣвушка говорила, что отецъ ребенка, могаръ, отправился на войну, а дѣдъ ребенка, почтенный Асса, обѣщалъ г-жѣ Сетхемъ сойтись съ нею въ гробницѣ и долженъ скоро быть здѣсь. Она исчезла съ носилками. Я обмыла ребенка и поцѣловала его точно своего собственнаго. Тутъ я услыхала шаги далеко въ долинѣ; во мнѣ проснулось воспоминаніе о той минутѣ, когда я, полумертвая, получила золото отъ Ассы и прокляла его, и—я сама не знаю, ка̀къ это случилось—я отдала новорожденнаго внука Ассы своей рабынѣ, приказавъ отнести его въ мою пещеру, а шестипалаго положила къ себѣ на колѣни. И вотъ я сидѣла съ нимъ до появленія Ассы; минуты казались мнѣ часами; а когда онъ стоялъ передо мной, хотя и посѣдѣвшій, но все еще прекрасный и не согнутый отъ старости, я сама передала ему шестипалаго сына садовника, и всѣ злые духи ликовали при этомъ въ глубинѣ моей души. Онъ поблагодарилъ меня, не узнавая, подалъ мнѣ и въ этотъ разъ горсть золота. Я взяла его и слышала, какъ жрецы, явившіеся изъ Дома Сети, предрекали много хорошаго малюткѣ, родившемуся въ счастливую минуту; возвратясь къ себѣ въ пещеру, я смѣялась тамъ до слёзъ; впрочемъ, не знаю: отъ смѣха-ли происходили эти слёзы? Черезъ нѣсколько дней я отдала садовнику внука Ассы и сказала, что шестой палецъ сведенъ. Я сдѣлала легкую царапину на ногѣ малютки для удостовѣренія этихъ глупыхъ людей. Такимъ образомъ, внукъ Ассы, сынъ могара, выросъ подъ именемъ сына садовника, былъ названъ Пентауромъ, воспитывался въ Домѣ Сети; въ немъ замѣчалось поразительное сходство съ Ассою; а шестипалый сынъ садовника превратился въ вожатаго Паакера. Вотъ моя тайна!

Ани безмолвно выслушалъ разсказъ ужасной старухи.

Мы какъ-то невольно считаемъ себя обязанными всякому, сообщающему намъ что̀-либо интересное или достойное вниманія. Намѣстнику даже и въ голову не пришло наказать старуху за совершенное ею преступленіе; напротивъ того, ему припоминались восторженные разсказы о пѣсняхъ и красотѣ пѣвицы Беки, слышанные имъ отъ пріятелей старше его. Взглянувъ на колдунью, онъ содрогнулся; затѣмъ заговорилъ:

— Ты будешь жить никѣмъ не обезпокоенная, а когда умрешь, то я позабочусь о твоемъ бальзамированіи; но оставь свое колдовство; ты, вѣдь, должна быть богата, а если этого нѣтъ, то скажи мнѣ: чего именно тебѣ нужно? Разумѣется, я не рѣша-

юсь предлагать тебѣ золото, зная, что оно возбуждаетъ твою ненависть.

— Твое золото можетъ пригодиться мнѣ, но теперь отпусти меня.

Она поднялась съ пола и направилась къ двери; но намѣстникъ остановилъ ее вопросомъ:

— Не Асса ли—отецъ твоего сына, маленькаго Нему, карлика госпожи Катути?

При этомъ колдунья громко разсмѣялась, воскликнувъ:

— А развѣ малютка похожъ на Ассу или на Беки? Я подобрала его такъ же, какъ и многихъ другихъ дѣтей.

— Но онъ уменъ, сказалъ Ани.

— Это, дѣйствительно — правда. У него голова полна всякихъ плановъ, и онъ глубоко преданъ своей госпожѣ — Катути. Онъ поможетъ тебѣ въ достиженіи твоей цѣли, такъ какъ и у него есть своя собственная.

— Какая?

-- Чтобы Катути достигла величія черезъ тебя, а богатства— съ помощью Паакера, который завтра отправляется въ путь съ намѣреніемъ сдѣлать вдовою ту женщину, которою онъ желаетъ обладать.

— Тебѣ извѣстно многое, задумчиво проговорилъ Ани: – и мнѣ хотѣлось бы спросить тебя еще объ одномъ дѣлѣ, хотя, соображаясь съ твоимъ разсказомъ, я могу самъ догадаться объ отвѣтѣ. Но, можетъ быть, ты теперь научилась тому, чего не знала въ молодости. Существуютъ ли любовные напитки, могущіе имѣть дѣйствіе?

— Я не стану обманывать тебя, такъ какъ не хочу, чтобы ты нарушилъ данное мнѣ слово, отвѣчала Гектъ.—Любовный напитокъ дѣйствуетъ очень рѣдко и только на тѣхъ женщинъ, которыя еще никого не любятъ. Если же дать напитокъ женщинѣ, въ груди которой запечатлѣлся образъ другого мужчины, онъ увеличитъ только ея страсть къ тому, кого она любила прежде.

— А скажи мнѣ еще вотъ что̀, спросилъ Ани:—есть ли средство издали погубить врага?

— Разумѣется есть, отвѣчала Гектъ. — Люди неважные могутъ прибѣгнуть къ клеветѣ, а знатные и сильные могутъ поручить другимъ то, чего не желаютъ совершить сами. Мой разсказъ не возбудилъ въ тебѣ сильнаго негодованія; мнѣ кажется, что ты неслишкомъ долюбливаешь поэта Пентаура. Ты улыбаешься! Ну хорошо! Я никогда не теряла его изъ виду и знаю, что онъ сдѣлался столь же красивъ и гордъ, какъ былъ Асса. Онъ также и похожъ на него, и я не прочь была бы полюбить его всѣми силами этого неблагоразумнаго сердца. Ка̀къ это странно! У многихъ женщинъ, приходящихъ ко мнѣ, я замѣ-

чаю, что онѣ привязываются всѣми силами души къ дѣтямъ тѣхъ мужчинъ, которые вѣроломно обманули ихъ; но я не хочу любить внука Ассы; я буду стараться вредить ему и стану помогать всякому, преслѣдующему его. Хотя Асса умеръ, но то горе, которое онъ причинилъ мнѣ, никогда не стихнетъ, какъ долго я ни жила бы на свѣтѣ. Пусть свершится судьба Пентаура! Если ты хочешь погубить его, то переговори съ Нему, который также не любитъ его и будетъ тебѣ гораздо полезнѣе, нежели мои ничтожныя заклинанія и безсмысленно сваренныя питья. А теперь отпусти меня домой.

Нѣсколько часовъ спустя, Амени пригласилъ намѣстника къ себѣ на завтракъ.

— Извѣстно ли тебѣ, кто такая колдунья Гектъ? спросилъ Ани.

— Еще бы не знать этого! Она—пѣвица Беки, бывшая когда-то предметомъ восторга цѣлыхъ Ѳивъ. Можно ли узнать, что̀ такое она разсказывала тебѣ?

Ани счелъ нужнымъ скрыть отъ главнаго жреца тайну рожденія Пентаура и отвѣтилъ уклончиво. Тогда Амени просилъ позволить ему сообщить намѣстнику кой о чемъ, гдѣ была замѣшана старуха, и разсказалъ, какъ дѣло, давно уже ему извѣстное, все то, что̀ подслушалъ нѣсколько часовъ тому назадъ, сдѣлавъ, впрочемъ, много измѣненій и пробѣловъ въ своемъ повѣствованіи.

Ани представился сильно удивленнымъ и вполнѣ согласился съ главнымъ жрецомъ, когда этотъ послѣдній сталъ просить его до поры до времени не открывать Паакеру его настоящаго происхожденія.

— Онъ—человѣкъ весьма странный, сказалъ Амени: — и можетъ натворить намъ невообразимыхъ хлопотъ, если раньше осуществленія своихъ плановъ узнаетъ, кто онъ такой.

Буря утихла, и къ утру небо, покрытое быстро мчавшимися разорванными тучами, стало все болѣе и болѣе проясняться.

Сильная прохлада смѣнила горячее вѣяніе, но вскорѣ палящее солнце снова раскалило воздухъ Ѳивъ.

Въ садахъ и на улицахъ лежало много вырванныхъ съ корнями деревьевъ; много непрочно выстроенныхъ хижинъ и бо̀льшая часть палатокъ въ части города, занятой иностранцами, были опрокинуты; сорваны сотни крышъ изъ пальмовыхъ листьевъ.

Намѣстникъ отправился въ Ѳивы вмѣстѣ съ Амени, желавшимъ собственными глазами удостовѣриться въ тѣхъ опустошеніяхъ, которыя буря надѣлала въ его садахъ.

На Нилѣ они повстрѣчались съ лодкой Паакера. Они окликнули ее, и намѣстникъ пригласилъ вожатаго поскорѣе навѣстить его во дворцѣ.

Сады главнаго жреца нисколько не уступали садамъ могара ни по обширности, ни по красотѣ. Эти владѣнія—наслѣдіе предковъ, переходившее изъ рода въ родъ съ незапамятныхъ временъ—были весьма обширны, а великолѣпный домъ имѣлъ видъ дворца.

Амени сидѣлъ въ тѣнистой бесѣдкѣ и завтракалъ въ обществѣ своей все еще прекрасной жены и юныхъ очаровательныхъ дочерей.

Онъ ласково утѣшалъ жену относительно нѣкоторыхъ незначительныхъ ущербовъ, причиненныхъ бурей, обѣщалъ дочерямъ выстроить, на мѣстѣ разрушенной голубятни, новую, гораздо лучше, шутилъ съ ними и дразнилъ ихъ.

Тутъ строгій начальникъ Дома Сети, суровый глава некрополя дѣлался ласковымъ мужемъ, нѣжнымъ отцомъ, любителемъ цвѣтовъ и домашнихъ птицъ.

Когда онъ всталъ изъ-за стола, то младшая дочь взяла его за правую, а старшая за лѣвую руку, и они направились къ птичьему двору.

На пути туда слуга доложилъ ему о прибытіи Сетхемъ, матери Паакера.

— Проведи ее къ хозяйкѣ дома, отвѣчалъ онъ.

Но, когда рабъ, имѣвшій въ рукѣ щедрую подачку, сталъ увѣрять, что вдова могара желаетъ переговорить наединѣ съ главнымъ жрецомъ, Амени проговорилъ съ неудовольствіемъ:

— Неужели же мнѣ никогда невозможно отдохнуть, подобно всѣмъ другимъ людямъ? Пусть госпожа приметъ ее, и тамъ она подождетъ меня. Не правда ли, дѣти, я теперь принадлежу вамъ, курамъ, уткамъ и голубямъ?

Младшая дочь поцѣловала его, старшая съ любовью пожала его руку, и онѣ радостно повели его съ собою.

Часъ спустя, Амени пригласилъ госпожу Сетхемъ къ себѣ въ садъ.

Нелегко было опечаленной и томимой страхомъ матери рѣшиться на это посѣщеніе.

Ея добрые глаза были переполнены слезами, когда она разсказывала главному жрецу о томящемъ ее горѣ.

— Ты—его духовный совѣтникъ, сказала она:—и тебѣ извѣстно, какъ мой сынъ чтитъ боговъ Дома Сети, принося имъ жертвы и дѣлая различныя приношенія. Онъ не хочетъ слушать меня, свою мать, но ты имѣешь власть надъ его сердцемъ. Онъ замышляетъ ужасное дѣло, и, если ты не пригрозишь ему карою

боговъ, то онъ подниметъ свою руку противъ Мени, а можетъ быть, даже и противъ...

— Противъ царя, сурово проговорилъ Амени.—Я это знаю и поговорю съ нимъ.

— Благодарю тебя, сказала растроганная вдова, цѣлуя одежду жреца.—Вѣдь, ты же самъ объявилъ моему мужу послѣ рожденія нашего сына, что онъ явился на свѣтъ при счастливыхъ предзнаменованіяхъ и выростетъ на славу и украшеніе своего отечества и семейства. А теперь онъ собирается испортить себѣ и настоящую, и будущую жизнь.

— То, что̀ я предсказалъ твоему сыну, прервалъ ее Амени:— сбудется, хотя боги и ведутъ насъ, людей, невѣдомими путями.

— Ка̀къ благотворно подѣйствовали на меня твои слова! воскликнула Сетхемъ.—О, еслибъ ты зналъ, какой страшный ужасъ угнеталъ мое сердце, когда я рѣшилась обратиться къ тебѣ. Да вѣдь, ты не знаешь еще всего! При восходѣ солнца, страшная буря низвергла на землю величавыя мачты изъ кедровыхъ деревьевъ, присланныя Паакеромъ въ Египетъ изъ Сиріи, съ далекаго Ливана, для украшенія воротъ нашего дома, и на которыхъ развѣвались наши флаги.

— Такимъ образомъ, будетъ сражена заносчивость твоего сына, сказалъ Амени:—а тебѣ за твое терпѣніе ниспошлется новая радость.

— Еще разъ благодарю тебя, воскликнула Сетхемъ.—Но я должна еще кое-что разсказать тебѣ. Вѣдь я знаю, ка̀къ ты дорожишь тѣмъ временемъ, которое удѣляешь своему семейству; я хорошо помню, ка̀къ ты однажды сказалъ моему мужу, что здѣсь, въ Ѳивахъ, чувствуешь себя точно вьючное животное, освобожденное отъ сбруи и пасущееся на зеленомъ лугу. Поэтому, я не стану долго задерживать тебя, но боги послали мнѣ странное сновидѣніе. Паакеръ не послушался моего материнскаго совѣта. Удручонная горемъ, я возвратилась въ свои комнаты, и, когда заснула на нѣсколько минутъ, то уже солнце взошло на небѣ. И вотъ мнѣ приснился говорившій торжественную рѣчь жрецъ Пентауръ, въ лицѣ и голосѣ котораго существуетъ поразительное сходство съ моимъ покойнымъ мужемъ. Паакеръ выступилъ ему на встрѣчу, разразился противъ него страшными ругательствами и, сжавъ кулаки, собирался бить его. Тогда жрецъ воздѣлъ свои руки вверхъ, точно для молитвы, точь въ точь какъ дѣлалъ вчера при мнѣ на мѣстѣ празднества, но не для того, чтобы прославлять боговъ, а чтобы схватить моего сына и вступить съ нимъ въ единоборство. Борьба длилась недолго, такъ какъ Паакеръ сталъ

съёживаться и умаляться, утратилъ свой человѣческій образъ, и къ ногамъ Пентаура упалъ уже не мой сынъ, а большой кусокъ сырой глины—такой, изъ которой горшечники дѣлаютъ посуду.

— Странный сонъ! въ волненіи воскликнулъ Амени.—Странный сонъ! Но онъ предвѣщаетъ тебѣ нѣчто хорошее. Глина податлива, и потому, госпожа Сетхемъ, обрати вниманія на то, что возвѣщаютъ тебѣ боги. Небожителямъ угодно изъ теперешняго твоего сына создать тебѣ другого, лучшаго; какими путями—это остается тайною. Поди, принеси жертву и положись на мудрое указаніе тѣхъ, которые управляютъ міромъ и жизнію смертныхъ. И вотъ что я еще посовѣтую тебѣ: если Паакеръ придетъ къ тебѣ съ раскаяніемъ въ сердцѣ, то прими его ласково и увѣдомь меня объ этомъ; но если онъ не оставитъ своего упрямства, то не допускай его въ свои комнаты, и пусть онъ отправляется въ путь, не простившись съ тобой.

Когда Сетхемъ удалилась съ упокоеннымъ сердцемъ, Амени прошепталъ: «Она получитъ отличную замѣну вмѣсто этого грубаго созданія; какъ часто я сомнѣвался въ пророческомъ свойствѣ сновъ, но сегодня приходится укрѣпиться въ своей вѣрѣ относительно ихъ. Разумѣется, материнское сердце видитъ и предчувствуетъ болѣе, нежели другіе посторонніе люди».

У воротъ дворца Сетхемъ повстрѣчалась съ колесницею своего сына. Оба видѣли одинъ другого, но оба смотрѣли въ сторону, не желая раскланиваться изъ приличія и не будучи въ состояніи привѣтствовать другъ друга съ душевною теплотою. Уже тогда, когда лошади оставили за собою людей, несшихъ носилки, мать оглянулась на сына, а сынъ на мать. Ихъ взгляды встрѣтились, и оба почувствовали болѣзненный ударъ въ сердце.

Вечеромъ того же дня, вожатый, поговоривъ съ намѣстникомъ, получивъ въ Домѣ Сети благословеніе на всѣ свои предпріятія и принеся жертву на могилѣ отца, отправился въ Сирію.

Когда онъ собирался садиться въ колесницу, ему объявили, что пойманъ человѣкъ, подпилившій столбы у его воротъ.

— Выколоть ему глаза!

Это были послѣднія слова, произнесенныя вожатымъ въ его собственныхъ владѣніяхъ.

Госпожа Сетхемъ долго смотрѣла ему вслѣдъ.

Она отказалась попрощаться съ нимъ, а теперь молила боговъ обратить его сердце къ добру и избавить его отъ грѣха и напасти.

ЗОЛОТЫЯ СЕРДЦА.

VI.

Незамужницы.

Послѣ перваго знакомства, я сталъ очень часто, нетолько-что ежедневно, но раза по два въ день, посѣщать полубарскій выселокъ. Старая Кузьминишна связывала меня съ нимъ все сильнѣе, почти родственными узами, и меня что-то тянуло въ майорской колоніи, едва я успѣвалъ утромъ протереть глаза. Я перестаъ пить парное молоко у своей хозяйки и договорился насчетъ его съ Кузьминишной; я сталъ даже очень рѣдко навѣщать Морозовыхъ. Я полюбилъ всей душой майорскій садикъ, съ его древней, могучей, одинокой елью, величественно царившей надъ окрестною зеленью, съ лавочками подъ ея густо и тяжело нависшими вѣтвями, отъ которыхъ лился здоровый смолистый ароматъ. Я любилъ лежать на копнѣ скошенной травы, у ея масивнаго ствола, смотрѣть сквозь вѣтви на голубое, чистое, какъ бирюза, небо, внимать мѣрному, добродушному ворчанью Кузьминишны, обыкновенно сидѣвшей рядомъ на лавочкѣ, въ своихъ оловянныхъ очкахъ, и слушать постукиваніе и потрескиваніе деревянныхъ спицъ, которыми она вязала какую-то безконечную штуку. Дѣтствомъ, самымъ раннимъ, самымъ зеленымъ пахнуло на меня, и моя изболѣлая грудь сладко отдыхала въ этой мирной истомѣ. Ничто не нарушало этого покоя, ничто не тревожило моей груди. Напротивъ, мнѣ чрезвычайно нравилось, когда кто-нибудь завертывалъ въ этотъ уголокъ: то майоръ при-

детъ, весь въ поту, въ пыли, красный, но живой, дѣятельный; присядетъ на уголъ лавки, съострить что-нибудь на нашъ съ Кузьминишной счетъ, набьетъ трубку и долго сопитъ ею; то Кузя забѣжитъ «на одну секунду», броситъ, мимоходомъ, какой-нибудь афоризмъ собственной философіи, въ родѣ того, «что ежели по настоящему времени судя, то самое лучшее—отрѣшиться, потому вездѣ—единственно, какъ мамонъ, и болѣе ничего!» Приходила къ намъ и Катя, улыбалась нашимъ «собесѣдованіямъ» и, полузадумчиво-разсѣянно помахавъ зеленой вѣткой въ лицо, порывисто опять уходила куда-то.

По уходѣ ея, на меня почему-то постоянно наплывали цѣлыя вереницы мыслей, вопросовъ, недоумѣній, и до того овладѣвали мною, что я часто ничего не слышалъ изъ болтовни Кузьминишны, даже не замѣчалъ, когда она уходила. Да, я сталъ замѣчать, что помимо Кузьминишны, помимо той невыразимо умиряющей душу истомы, въ которой отдыхалъ мой больной организмъ, меня влекло къ майорской колоніи что-то другое, еще болѣе сильное: это былъ ὀбразъ загадочной дѣвушки, съ глубокими карими глазами, въ которыхъ свѣтилась непонятая еще мною, неподдававшаяся точному анализу и опредѣленію «идея», одушевлявшая этотъ ὀбразъ, придававшая ему особый, таинственный смыслъ. И вотъ, совершенно непреднамѣренно, незамѣтно для самого себя, я сталъ старательно наблюдать за Катей. Разговаривая съ Кузьминишной, я всегда какъ-то невольно сводилъ разговоръ на Катю. Кузьминишна, впрочемъ, этого не замѣчала, такъ какъ и сама имѣла слабость, кстати и некстати, болтать о своей питомицѣ.

Помню, какъ-то разъ зашла Катя въ садъ, улыбнулась намъ, присѣла на скамью и стала играть съ большимъ дымчатымъ котомъ, неизмѣннымъ спутникомъ и любимцемъ Кузьминишны, пригрѣвшимся на солнечномъ пятнѣ. Мы смотрѣли на нее.

— Что же вы замолчали? спросила Катя, оставляя кота:— развѣ я вамъ мѣшаю?

— Ну, матушка, ужь ты-то не мѣшаешь! Богъ знаетъ, что съ тобой подѣлалось. Нѣтъ, чтобы посидѣла съ людьми, да поговорила, а то сидитъ одна, али ходитъ Богъ знаетъ гдѣ! ворчала Кузьминишна.

— Да о чемъ говорить? Говорить-то не о чемъ. Обо всемъ уже давно переговорили.

Нужно замѣтить, что Катя не говорила со мною еще ни разу такъ, какъ въ день перваго знакомства; она, дѣйствительно, какъ будто, считала, что уже тогда слишкомъ много сказала, такъ

много, что больше говорить нѣчего и нѣзачѣмъ. Это часто бываетъ съ сосредоточенными и порывистыми натурами: то онѣ неожиданно выложатъ передъ вами всю душу, помимо вашего ожиданія и часто помимо собственнаго желанія, то вдругъ сдѣлаются къ вамъ холодны, равнодушны, недовѣрчивы, и тѣмъ холоднѣе, чѣмъ сильнѣе, чѣмъ жарче былъ первый сердечный порывъ.

Кузьминишна совсѣмъ разворчалась, а Катя опять присѣла къ коту и стала щекотать его вѣткой. Затѣмъ она, съ обычной своею порывистостью, поднялась, сняла съ шеи платокъ и накинула его на голову.

— Я ухожу, Кузьминишна. Пріѣдетъ папа обѣдать—меня не ждите, сказала она.—Лицо ея сдѣлалось опять такъ внушительно серьёзно, что, казалось, никакія возраженія не могли имѣть для нея значенія.

— Ну, опять пошла егозить, буркнула Кузьминишна:—да ты скажи хоть—куда идешь-то? Чай, по избамъ бродить съ этой... съ Морозихой?

— Да, къ ней... До свиданія, обратилась Катя ко мнѣ: — я васъ, навѣрное, завтра опять увижу здѣсь... Вы позволите, мы будемъ уже по родному: я не стану постоянно повторять вамъ «здравствуйте да прощайте!» Какъ-то смѣшно выходитъ.

— Нѣтъ, не могу согласиться, потому что тогда вы со мной совсѣмъ уже перестанете говорить.

— Когда будетъ о чемъ говорить, такъ наговоримся.

Она улыбнулась и скорой походкой пошла черезъ огородъ въ поле.

— Егоза, какъ есть настоящая егоза! опять заговорила Кузьминишна:—яблочко отъ яблони недалеко падаетъ: вся въ отца, вылитая! У того, даромъ что до сѣдинъ дожилъ, а еще все зуда-то не прошла, и она по немъ идетъ. Спокойна была, какъ пріѣхала, годъ прожила: сидитъ себѣ да книжки читаетъ... Анъ хвать-по-хвать, и проговорилась: «я, говоритъ, хочу въ лекаря учиться, въ бабки, это—мало»... И отцу такъ сказала: только, говоритъ, я ужъ теперь не одна поѣду, а съ тобой вмѣстѣ тамъ жить будемъ... Ну, старый хрычъ и радъ!

— Такъ они скоро ѣдутъ совсѣмъ отсюда?

— Чего тутъ—ѣдутъ!.. И сама теперь не пойму... Старый и то все думалъ, что поѣдутъ... И не разберу ужъ!..

— А она раздумала?

— А ужъ и не знаю... Вотъ, вѣдь, она—какой крѣпышъ, настоящій кремень. У нея тоже скоро-то ни до чего не досту-

леньким дворомъ между домомъ и сараемъ. Я особенно любилъ и этотъ уютный дворъ, и этотъ садикъ раннимъ-раннимъ утромъ. Бывало, проснешься случайно раньше обыкновеннаго—и выйдешь: тишь кругомъ (въ особенности меня очаровывала эта тишь); никто еще изъ людей не копошится, не кричитъ, не суетится; не слышно еще этой безтолковой провинціальной сутолоки жизни, которая такъ нарушаетъ днемъ общую гармонію въ природѣ. И вотъ, среди этой тиши постепенно пробуждается жизнь: поперекъ двора лежитъ еще густая тѣнь, и только противоположная стѣна сарая вся уже залита утреннимъ солнечнымъ свѣтомъ; я силюсь увидать солнце, поднимаюсь на цыпочки, но не могу—оно еще скрывается отъ меня за крышей. Вотъ выпорхнулъ изъ слуховаго окна пѣтухъ и, усѣвшись на конецъ крыши, захлопалъ крыльями и заоралъ на всю улицу; ему тотчасъ же отвѣтили его единоплеменники, и нѣсколько времени въ разныхъ концахъ слышалось ихъ перекликиванье. Мѣрной, неторопливой походкой, поклохтывая, вышли изъ курятника куры, сотни цыплятъ разсыпались по двору, расправляя маленькія пушистыя крылья. Дворняшка Орёлка почуяла меня и, выставивъ изъ окна конуры двѣ переднія лапы, прищуриваясь, понюхала воздухъ и, наконецъ, лѣниво потягиваясь, вылѣзла вся.

Въ хлѣву промычалъ телёнокъ, и его рыжая съ бѣлыми пятнами голова высунулась между перекладинами, задвигавшими хлѣвное окно. Я, весь объятый какой-то особенно пріятной дрожью, весь проникнутый-невыразимо теплыми и нѣжными ощущеніями, конечно, не забывалъ приласкать и Орёлку, и телёнка. А въ саду было еще лучше. По мокрой травѣ лежали длинныя тѣни отъ яблонь! черезъ заборъ, сквозь густые вязы и липы пробивались цѣлые снопы лучей и, разбившись о густую листву, разсыпались золотомъ по травѣ и блестѣли изумрудами въ капляхъ росы. Ни вороны, ни галки, съ ихъ дисгармоническимъ карканьемъ, не просыпались еще. Но за то утреннія птицы уже давно привѣтствовали солнце.

Мнѣ вспоминается воскресенье, и я уже слышу доносящіеся до меня откуда-то очень издалека особенные присущіе воскресному утру звуки: мѣрное поскрипиванье лѣниво катящихся колесъ, иногда рѣдкое фырканье лошади, изрѣдка—тихій окрикъ возчика. Это—крестьяне, ѣдущіе въ городъ на базаръ изъ дальнихъ и ближайшихъ деревень; это—отъ ихъ возовъ слышится скрипъ, а вотъ скоро потянуло и дегтемъ, который такъ рѣзко поражаетъ обоняніе въ утреннемъ воздухѣ. Я почему-то былъ всегда неравнодушенъ къ этому колесному скрипу и къ этому

дегтярному аромату. Скрипъ и запахъ дегтя становятся все слышнѣе; возы уже проѣзжаютъ мимо дома. Мы съ Орёлкой выбѣгаемъ на улицу. Мимо насъ, слабо поднимая пыль, медленно тянутся телеги, лѣтнія роспуски, плетушки и одноколки, мѣрно покачиваясь на колесахъ и поталкивая дремавшихъ спустя ноги мужиковъ и бабъ. Это, вѣроятно—крестьяне очень дальніе, верстъ за пятьдесятъ, которые ѣхали, не спавши, цѣлую ночь. Усталыя лошади, понуривъ головы, ступаютъ тоже медленно; за возами идутъ лѣниво, привязанныя къ задамъ телеги, коровы, изрѣдка пытаясь натянуть бичевку и оторваться, съ нѣкоторыхъ возовъ глядятъ добрыми большими глазами головы телятъ. — Проснувшіяся бабы начинаютъ креститься на виднѣющіяся вдали колокольни, «прибираются», повязывая головы красными платками. Весь поѣздъ, возовъ въ 5 — 10, тянется лѣниво, и только два жеребенка оживляютъ это путешествіе, позвякивая весело бубенцами да перебѣгая съ одной стороны улицы на другую. Не успѣлъ еще скрыться съ глазъ первый поѣздъ, какъ уже издали снова слышится скрипъ и запахъ дёгтя и свѣжаго сѣна—и новый рядъ возовъ тянется за первымъ. Но мы не даромъ стоимъ и ждемъ съ Орёлкой. Изъ-за поворота улицы появляется новый рядъ возовъ, и вотъ, едва они успѣли поровняться съ нами, какъ изъ середины его отдѣляется знакомая сивая старая кобылка, съ поблекшими сѣрыми добрыми и вѣчно унылыми глазами: грубо покрикивая на нея, двѣ сидящія въ телегѣ женщины приправляютъ къ воротамъ нашего дома. Я и Орёлка весело бросаемся къ подъѣжающимъ.

— Наткась, наткась, кто насъ повстрѣчалъ!.. Вотъ ужъ не ждали не гадали! Да чего это ты, родной, всталъ такъ рано? ласково привѣтствуютъ меня пріѣзжія женщины, выскакивая неторопливо изъ телеги:—У насъ ребятишки по деревнямъ—и то еще спятъ объ эту пору...

— Хорошо очень утромъ-то! отвѣчалъ я, ликуя, что мнѣ удалось перещеголять даже деревенскихъ ребятишекъ.

— Хорошо, родной! Здорово эдакъ-то вставать. А папенька съ маменькой здоровеньки ли?

— Здоровы, ничего; и всѣ здоровы.

— Ну, благодареніе Господу! Мы вотъ вамъ мучкѝ привезли, заказывалъ тогда папенька-то. Первая мучка, только-что смолота. Вотъ нако тебѣ деревенскаго гостинчику, испробуй. Изъ этой самой мучкѝ лепешку спекла, кушай во здоровіе.

И женщины тащили откуда-то изъ глубины телеги вываленную въ сѣнѣ лепешку и совали ее мнѣ, съ прибавленіемъ двухъ

калёныхъ яицъ, съ полуоблупившеюся шелухой. Я не могу уже теперь передать ясно тѣ ощущенія «деревни», которыя тогда охватывали меня всецѣло, но помню что-то невыразимо пріятное и въ поглаживаніи заскорузлыхъ рукъ, которыми нѣжили меня крестьянки, и въ прикосновеніи теплыхъ побѣлѣвшихъ старыхъ губъ сивки, которыми любезничала она со мною, когда я гладилъ ея голову. Что то невыразимо вкусное было и въ этомъ особенномъ запахѣ «деревни», который вдругъ наполнилъ весь нашъ маленькій дворикъ, когда телега была введена въ ворота, и въ этой сѣрой, крутой, разрисованной крестиками и кружочками большой деревенской лепешкѣ изъ «первой мучки». Но всего яснѣе, всего рѣзче врѣзались въ мою память образы этихъ двухъ женщинъ. Случалось, когда онѣ были заняты чѣмъ-нибудь и не обращали на меня вниманія, я долго, молча, наблюдалъ надъ ними, всматриваясь въ ихъ грубыя, загорѣлыя лица, въ ихъ мѣрныя, медленныя движенія, когда онѣ таскали на спинахъ трехъ-четырехъ-пудовые мѣшки. Я вслушивался въ ихъ тягучую размѣренную, вѣжливую, но неподобострастную рѣчь, когда онѣ говорили съ моимъ отцемъ. Изъ своихъ наблюденій прежде всего я вывелъ одно: что эти женщины не были женщины, какъ я представлялъ ихъ по окружавшимъ меня, что онѣ — если и женщины, то совершенно «особенныя», какъ напр. совершенно особенными представлялись мнѣ женщины Новой Гвинеи или Африки, которыхъ я разсматривалъ въ «Живописномъ Обозрѣніи». И на такое представленіе я имѣлъ много данныхъ. Такъ напр., я привыкъ видѣть нашихъ городскихъ женщинъ непремѣнно въ качествѣ подспорья: я не могъ иначе представить ихъ себѣ, какъ именно чьей-либо женой, сестрой, дочерью, матерью, непремѣнно служащею, покоряющеюся, подчиняющеюся отцу, брату, мужу, чаще всего мужу. Если я встрѣчалъ какую-нибудь женщину изъ городскихъ, то въ моемъ умѣ сейчасъ же, по ассоціаціи представленій, рисовался образъ ея супруга, сообразно тому выраженію, какое носило ея лицо. Здѣсь же не было ничего подобнаго. Чѣмъ больше я всматривался, чѣмъ ближе наблюдалъ этихъ женщинъ, тѣмъ окончательнѣе терялась для меня всякая возможность представить возлѣ нихъ мужика. Онъ при нихъ совершенно дѣлался ненужнымъ. Кажется, не было для нихъ такого положенія, такого затрудненія, съ которымъ онѣ не управились бы сами и при которомъ нужно было бы понуканье или помощь мужика. Вотъ эта-то именно черта и выдѣляла ихъ въ моемъ умѣ изъ всѣхъ прочихъ женщинъ, это-то соединеніе въ одномъ лицѣ того, что во всей окру-

жающей меня обстановкѣ было немыслимо, въ особенности и поражало мое воображеніе, заставляло меня причислить ихъ къ какому-то особенному міру, жившему совершенно иной жизнью. Я приведу только одинъ случай, который помню особенно хорошо и который еще болѣе укрѣпилъ во мнѣ такое представленіе. Нужно, впрочемъ, кстати, замѣтить, что одну изъ нихъ звали Павла (сама она звала себя «Павлія»), а другую—Аксентья (что это за имя, и существуетъ ли такое въ календарѣ—я не знаю, но ее всѣ такъ звали, хотя оказывалось, что она была крещена Секлетеей); обѣ онѣ были дѣвки, каждой лѣтъ около тридцати, почти одногодки. Вмѣстѣ онѣ были извѣстны подъ названіемъ «келейницъ».

Однажды, когда онѣ такимъ же образомъ заѣхали къ намъ въ домъ—свалить пуда два муки, умыться, «прибраться» и затѣмъ поспѣшить на базаръ, я попросился ѣхать вмѣстѣ съ ними. Онѣ согласились, посадили меня на передокъ телеги и, къ моему величайшему удовольствію, дали въ руки вожжи, которыми, впрочемъ, я ничего не могъ подѣлать, такъ какъ сивка не выражала ни малѣйшаго желанія нетолько идти вскачь, какъ мнѣ хотѣлось, но даже прибавить шагу. Впрочемъ, послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ, я сталъ очень нѣжно править, такъ какъ крестьянки постоянно мнѣ замѣчали, что ихъ «сивушку» забижать не слѣдуетъ, что она сорокъ верстъ безъ отдыху прошла и т. д.

Скоро добрались мы до базарной площади, гдѣ кипѣла уже жизнь, несмотря на раннюю пору. Пріѣхавшіе крестьяне выбирали мѣста; заспанное начальство хрипло покрикивало на нихъ, уставляя воза «по ранжиру»; помѣстились и мы около казензеиныхъ вѣсовъ. Павла и Секлетея сейчасъ же захлопотали: распустили у лошади хомутъ, бросили ей связку сѣна, затѣмъ вытащили три мѣшка съ мукой и горохомъ и поставили у колеса телеги. Не прошло и полчаса, какъ базаръ загудѣлъ. Появились городскіе покупатели. Все шумѣло, кричало, волновалось. Кричали и шумѣли Павла и Секлетея съ покупателями, но не тѣми пискливыми голосами, которыми пронзительно оглушаютъ наши городскія торговки, а грубыми, мужицкими, резонно-наставительными рѣчами. Онѣ бились изъ каждой лишней копѣйки на мѣру, изъ каждой полушки, которую приходилось сдавать покупателю; изъ-за этой полушки — онѣ бѣгали по сосѣднимъ продавцамъ, по лавочкамъ, чтобы размѣнять деньги и не дать покупателю случай утянуть у нихъ цѣлую копейку, пользуясь неимѣніемъ сдаточной полушки. Иногда то Павла, то Секле-

тея уходили надолго и ворочались съ какой-нибудь покупкой: лоханкой, оглоблей, связкой веревокъ. Такъ прошло часа два. Я уже сильно затомился и совсѣмъ было задремалъ подъ однообразный базарный гулъ, какъ вдругъ позади меня раздался крикъ, шумъ, хохотъ. Я обернулся и увидалъ, что уже лошадь наша заложена, мѣшки и покупки сложены въ телегу, а Павла и Секлетея, окруженныя огромной толпой, бѣгутъ куда-то, крича: «держите, держите, православные!.. Кацавейку стащилъ проходимецъ-то!»

— Лови, лови его, баба!.. ха, ха, ха! покрикивалъ вслѣдъ имъ базаръ.

Скоро я увидѣлъ, какъ Павла и Секлетея нагнали какого-то пьянаго, съ глупымъ лицомъ, парня, тащившаго подъ мышкой кацавейку. Онѣ ухватили его за руки и повисли на нихъ. Парень сталъ выбиваться, ругая и грозя, но кацавейки не отдавалъ. Вдругъ, къ моему изумленію и къ удовольствію всего базара, на парня посыпались удары: все чаще и чаще; наконецъ, онъ былъ сшибенъ съ ногъ, а Павла и Секлетея, вцѣпившись ему въ волоса, сидѣли на немъ верхомъ и кричали: «отдай, оглашенный, честью! Отдай, говорятъ, не то—неравенъ часъ, тутъ и жизни твоей конецъ!»

— Ха, ха, ха!.. Важно! Ну, бабы... Лихо!.. Эдакой бабѣ попасться въ лапы, что чорту!.. поощрялъ базаръ.

У парня, наконецъ, была вырвана кацавейка, но онъ, вырываясь, изорвалъ на Павлѣ и Секлетеѣ сарафаны и рубахи.

— Нѣтъ, ты погоди, оглашенный! Ты не буйствуй! На твое буйство начальство есть! Ахъ, оголтѣлый!.. Благо силенъ—такъ думаетъ на него и управы нѣтъ!.. Думаетъ, что бабы—такъ и обижать!.. Ахъ, обидчикъ! покрывали базаръ голоса Павлы и Секлетеи, которыя наскоро скрутили парню назадъ руки и, завязавъ ихъ кушакомъ, потащили его къ своему возу. Парень, красный отъ стыда, глупо глядѣлъ на толпу и, подталкиваемый сзади Секлетеей, шелъ за Павлой, которая вела его впереди за поясъ, какъ барана.

— Ахъ, грѣхъ какой!.. Ахъ, грѣхъ какой! повторяла запыхавшаяся Павла на ходу.

Когда они подошли къ возу, парень опять-было выразилъ намѣреніе вырваться, но его опять удержали...

— Нѣтъ, нѣтъ, постой... Теперь намъ по дорогѣ... Нѣтъ, ты намъ выплати, что̀ требуется...

— Такъ, такъ... бабы! Веди до конца! Не отпущай! опять поощрялъ базаръ.

И вотъ, черезъ нѣсколько минутъ, мы двинулись. Павла и Секлетея, стоя по бокамъ парня, крѣпко держали его за руки, а другою рукой Секлетея вела подъ уздцы сивку. Я возсѣдалъ на телегѣ и торжественно ѣхалъ за ними, перебирая вожжами.

Базаръ проводилъ насъ поощрительнымъ гамомъ и смѣхомъ. Скоро мы подъѣхали къ полицейскому управленію. Я остался съ лошадью, а Павла и Секлетея ввели парня въ канцелярію. Немного спустя вышла Секлетея, и мы съ нею вдвоемъ отправились домой, оставивъ Павлу вести «судное дѣло».

Былъ уже довольно поздній вечеръ, когда я подходилъ къ Суровкѣ. Я, впрочемъ, нарочно разсчиталъ придти къ тому времени, когда мои келейницы, управившись съ дневной работой, должны были отдыхать дома. Суровка — большое, нѣкогда барское сельцо, растянулась на цѣлую версту вдоль бойкой «столбовой» дороги, на берегу довольно большой рѣки, среди заливныхъ луговъ съ одной стороны и большого лѣса — съ другой. Несмотря, впрочемъ, на такое приволье, Суровка была замѣчательно бѣдна. Большинство избъ въ ней или окончально развалилось, или пустуютъ съ провалившимися крышами, разбитыми окнами и голо-торчащими вблизи столбами, остовами деревенскихъ службъ, или же такъ малы, дряхлы и неприглядны, что тяжело было смотрѣть на эту «голь вопіющую»; въ особенности поразителенъ былъ контрастъ между ними и нѣсколькими новыми деревянными и каменными домами, крытыми желѣзомъ, съ рѣзьбой въ русскомъ стилѣ, съ вычурными флюгерами на дымовыхъ и водосточныхъ трубахъ. А между тѣмъ, и эти малыя, хилыя, неприглядныя избы, крытыя соломой, и эти, если не дубовые, то все же довольно плотные терема, какъ-то нахально-мозолившіе глаза своей узорчатой пестротой, охраняли подъ своимъ кровомъ ту же крестьянскую «душу», принадлежали тѣмъ же суровецкимъ крестьянамъ, прадѣды которыхъ нѣкогда «собща осѣли» на этомъ привольномъ мѣстѣ, а дѣти ихъ и сами они принадлежатъ одному «обчеству», хранятъ, по крайней мѣрѣ, формально, традиціи пресловутой сельской общины, оставленныя имъ тѣми же «собща осѣвшими» здѣсь прадѣдами-колонизаторами, расчищавшими первобытную почву и строившими одинаково-однообразную избу «для всѣхъ вопче»...

Красный шаръ заходящаго солнца, словно разрѣзанный на двѣ половины узкой облачной полосой у горизонта, медленно катил-

ся къ лѣсу. Деревенская улица была еще шумна. Кое-гдѣ запоздавшія бабы загоняли потерявшихся овецъ и коровъ. Больше всего были оживлены крестьянскіе ребятишки, рыскавшіе по улицѣ верхами на лошадяхъ, сбивая ихъ въ «ночное». Кучки малыхъ дѣвчатъ стояли на дорогѣ и завистливо смотрѣли на гарцовавшихъ братишекъ, въ тайномъ томленіи отъ ожиданія, когда они отзовутся на ихъ просьбы и, посадивъ впереди себя на шею смирнаго бурки, лихо прокатятъ ихъ по улицѣ. Къ первой попавшейся мнѣ такой кучкѣ обратился я съ разспросами о келейницахъ.

— А гдѣ бы мнѣ у васъ тутъ тетку Павлу да Секлетею найдти.

— Это баушки будутъ—Павла да Секлетея-то—вотъ кто!.. поправили меня дѣвчонки.

— Да, да, это вѣрно, что теперь онѣ—бабушки... поправилъ я.—Такъ вотъ ихъ-то мнѣ и нужно...

— Коли тебѣ нужно, такъ мы тебя проводимъ. Онѣ, вонъ, у насъ тамъ, на тыку живутъ.

— Ну, проводите. Я вамъ за это цѣлый пятакъ дамъ, на пряники, поощрилъ я.

— Подемъ, подемъ! Мы всѣ тебя за пятакъ-то проводимъ! зашумѣла куча и побѣжала, обступивъ меня со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторыя даже пустились нѣсколько впередъ, въ припрыжку. Самая малая изъ нихъ, съ растрепаной головой и большимъ вздутымъ животомъ, съ тонкими грязными ногами старалась забѣжать впередъ меня и посмотрѣть мнѣ въ лицо; ей, видимо, хотѣлось что-то сообщить мнѣ.

— А онѣ отъ насъ уйтить хочутъ, баушки-то! наконецъ удалось ей выкрикнуть, не рискуя попасть мнѣ подъ ноги.

— Отчего такъ?

— Гонютъ ихъ.

— Кто?

— На міру!.. Богатѣи гонютъ.

— Пашка!.. Перестань!.. Замолчи!.. закричали на малую солидныя старшія:—экая долгогривая!.. Космы-то долгія, а ума нѣтъ!

— За что-же это? спрашивалъ я.

— А они, богатѣи-то, говорятъ больно ишь старухи-то супротивны.

Но дѣвчуркѣ не дали продолжать и одна, постарше всѣхъ, схватила её изъ-за моей спины за рукавъ и оттащила назадъ...

— Поговори еще!.. не видишь рази—чужакъ онъ! Кто его

знаетъ! Можетъ, подосланъ! Тятько-то вздеретъ тогда!.. наставительно и строго шептали сзади меня.

Я обратился съ разспросами къ старшимъ, но онѣ какъ-то испуганно всѣ спрятались за меня. Вдругъ, разговаривавшая со мною малая дѣвчурка вырвалась отъ сдерживавшей ее толпы сверстницъ, отбѣжала на середину улицы и храбро прокричала оттуда мнѣ:—Баушка-то Павла недавно въ тёмной сидѣла! Она самому старшинѣ...

Но тутъ вся куча, шумѣвшая вокругъ меня, какъ стая воробьевъ, бросилась за дѣвчуркой. Дѣвчурка, выпятивъ еще больше свой животъ, со всѣхъ ногъ побѣжала отъ нихъ, заливаясь на всю улицу писклявымъ смѣхомъ.

По серединѣ Суровка пересѣкалась широкимъ переулкомъ, дѣлившимъ её съ давнихъ временъ на двѣ значительно-различныя половины: на одной жили преимущественно бывшіе помѣщичьи крестьяне, на другой—государственные или, какъ говорятъ мужики, казенные. Съ одной стороны этого проулка находился небольшой, грязноватый и полузаросшій прудокъ; около него лежала на козелкахъ водопойная колода, а близь нея было брошено большое старое бревно. Это старое бревно, вѣроятно, искони было сѣдалищемъ деревенскихъ старцевъ, около которыхъ собирался міръ и часто толковалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Около него и теперь собралась толпа. Проходя мимо, я разсмотрѣлъ человѣкъ пять стариковъ, сидѣвшихъ на бревнѣ; въ кружокъ около размѣстились мужики по-моложе: кто, сидя на корточкахъ, ковырялъ задумчиво щепкой землю, кто просто сидѣлъ на травѣ, поджавъ ноги, кто стоялъ, переваливаясь съ ноги на ногу или медленно переходя съ одной стороны сборища на другую. Всѣ они слушали кого-то, изрѣдка вставляя односложныя замѣчанія.

— Вотъ она, баушка-то Павла, съ стариками говоритъ! показали мнѣ дѣвчонки на высокую, сгорбленную и сухую женщину, съ чернымъ платкомъ на головѣ, въ синемъ крашенинномъ сарафанѣ и лаптяхъ, стоявшую среди толпы передъ стариками.

— А вона и келья ейная тутъ! Вона, на пригоркѣ-то!.. Ступай, теперь самъ найдешь!

Подойдя къ угольной избѣ и никѣмъ незамѣченный, я сталъ вслушиваться въ мірской говоръ. Сначала я никакъ не могъ понять, объ чемъ шла рѣчь, и только внимательно слѣдилъ за Павлой, на которой было сосредоточено общее вниманіе.

Какъ измѣнилась она! какъ тяжело осѣли на ней тридцать

лѣтъ безустанной рабочей жизни! Я едва могъ признать въ ней ту высокую, здоровую, мускулистую дѣвку, которую зналъ я въ дѣтствѣ. Въ ея наружности теперь было еще меньше женственности, чѣмъ прежде. Она, казалось, ничѣмъ не отличалась отъ стариковъ, сидѣвшихъ на бревнѣ, кромѣ костюма. Рубашка висѣла мѣшкомъ на ея загорѣлой, сухой, впалой груди, изъ впадины которой рѣзко виднѣлся большой осьмиконечный мѣдный крестъ, висѣвшій на суровомъ шнуркѣ; сумрачно-сердитые глаза смотрѣли изъ подъ сѣдыхъ бровей; сухой, длинный носъ выдавался впередъ между глубокими складами щекъ, а на костлявомъ подбородкѣ выросло нѣсколько сѣдыхъ волосъ. Несмотря на это, несмотря на ея согбенную горбомъ спину, несмотря на то, что въ ея цѣпкихъ, длинныхъ рукахъ былъ посохъ, въ ней не чувствовалось ни упадка силъ, ни старческой дряблости. Напротивъ, ея грубоватый, почти мужской голосъ раздавался замѣчательно рѣзко и сильно. Я замѣтилъ даже, что теперь этотъ голосъ производилъ особенное впечатлѣніе на міранъ: они всѣ, при словахъ Павлы, чувствовали себя какъ-то не по себѣ, чѣмъ-то сильно смущались и старались не глядѣть ей въ глаза. Я, должно быть, пришелъ уже къ концу мірской бесѣды, потому что скоро всѣ замолчали, даже Павла, какъ замолкаютъ люди, когда уже исчерпали весь матеріалъ по данному вопросу, но рѣшеніе еще неуспѣло сложиться, а каждый въ умѣ подводилъ итоги.

— А за симъ честному міру кланяемся... Отъ насъ ему послѣднее слово сказано!.. Прощенья просимъ! проговорила Павла и съ суровымъ взглядомъ поклонилась въ обѣ стороны, въ два пріёма.

Мужики смущенно молчали.

— А ты обожди, обожди малость! Ахъ, бабы! прошамшалъ самый дряхлый изъ всѣхъ стариковъ, съ огромной сѣдой головой, сидѣвшій на бревнѣ въ серединѣ всѣхъ: — а ты не суровься... зачѣмъ суровиться?.. Мало что мы въ Суровкѣ родились!..

Павла остановилась, облокотившись на посохъ, и ждала. Старикъ крякнулъ.

— Такъ, значится, новыхъ наложеньевъ вы съ Аксентьей не примаете? сталъ онъ допрашивать.

— Не примаемъ. Потому, это—наложенье отъ богатѣевъ, а не свыше... Пущай богатѣи и платятъ...

— Ахъ, бабы! А-ахъ, бабы! сокрушался старикъ:—такъ, значится, старшинскаго приказу сполнять не хотите?

— Нѣту, не желаемъ... Хочетъ съ нами честной міръ жить, какъ изстари жили, и мы согласны...

— Ахъ, бабы!.. Да развѣ мы чтò сказали бы, кабы у насъ земли было вдосталь... Ну-тка, сообрази!..

— Кàкъ земли нѣту? Есть у васъ земля, есть! А наша земля сиротская... А грѣха развѣ вы на себя не возьмете, коли съ сиротской земли будете наложенья брать?

— Ты молчи, молчи объ этомъ. Вѣрно это, а-ахъ, вѣрно! заговорили разомъ старики: — да не объ этомъ рѣчь, а объ томъ, что васъ велѣно на бабье положенье свести, а тую вашу землю плательщикамъ отдать.

— А мы на бабье положенье не желаемъ... И это наше вамъ слово сказано... Потому вамъ, честному міру, вѣдомо, что мы отродясь мужиками въ міру изжили и вамъ честно служили...

— Молчи, молчи объ этомъ! Ахъ, это мы все знаемъ!.. Да кабы у насъ власть была на это самое дѣло!.. А вы смиритесь!

— Нѣту, міръ честной, отъ насъ умиренья не будетъ.

— Ахъ, бабы! Ахъ, бабы! не переставалъ сокрушаться большеголовый старикъ, поглаживая бороду. — Такъ, значитъ, отъ васъ умиренья не будетъ? опять сталъ онъ допрашивать, какъ будто надѣялся этимъ путемъ сбить настойчивую Павлу, выведя ее изъ терпѣнія.

— Нѣту, не будетъ. Не слуги мы міру, коли онъ отъ своихъ уставовъ отрѣшается... Не слуги, коли міръ сталъ сиротъ обирать...

— И новыхъ наложеньевъ не примаете?

— Нѣту, не примаемъ...

— И на бабье положенье не желаете?

— Не желаемъ.

— Такъ, значитъ, порѣшить межь нами хотите?

— Ваша мірская воля! поклонилась Павла: — а въ конецъ себя покорять не желаемъ...

Павла поклонилась еще разъ, мотнула подогомъ и торопливо пошла къ своей кельѣ.

— Ахъ, бабы!.. Да ты обожди! Постой, можетъ, сговоримся! кричали ей вслѣдъ старики.

Но Павла, не оборачиваясь, махнула рукой и ушла.

— Чтò ты тутъ сдѣлаешь? А? Ахъ, грѣхъ какой!.. Сколько годовъ прожили, а наткось, чѣмъ кончили! А? Какихъ бабъ отъ себя оттолкнули! сокрушались мужики.

— Упрямства въ нихъ много. Ровно коровы бодливы.

— Это такъ, такъ.

— А по нонѣшнему времени, смирись — то и жизнь. Смирненько бы, смирненько надоть — то и поживешь, резонировалъ какой-то старичокъ: — не прежняя нонѣ пора, нонѣ ужь міру противъ богатѣя не выстоять... Нѣту! Ну, и умирись!

Я послушалъ сокрушенія мужиковъ и направился къ келейницамъ. Келья ихъ стояла нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ избъ, вдаваясь въ глубь гуменниковъ. Это была небольшая, съ однимъ окномъ на улицу, но длинная во дворъ, раздѣленная сѣнцами на двѣ половины изба, построенная еще ихъ отцомъ. Оставшись послѣ него сиротами, онѣ тридцать лѣтъ прожили въ этой избѣ, такъ хорошо знакомой всему окружному крестьянскому міру. Такъ какъ вмѣстѣ съ ними остался, послѣ смерти отца, молодой братъ, отданный въ ученье на заводъ, то за ними былъ оставленъ надѣлъ, и этотъ надѣлъ обработывали Павла и Сиклетея, какъ они выражались, «на всемъ мужицкомъ положеніи». Онѣ такъ свыклись съ этимъ положеніемъ, что и не замѣчали, что оно было совершенно особенное и исключительное; привыкли къ этому и мужики-міряне, и само начальство, такъ какъ Павла и Сиклетея, за одно съ прочими мірянами, отбывали всѣ натуральныя повинности, участвовали на сходахъ, даже бывали сотскими. Это «положеніе» такъ, наконецъ, укрѣпилось за ними, что, по смерти брата-фабричнаго, умершаго въ молодыхъ годахъ на заводѣ, никому и на мысль не пришло отобрать у келейницъ землю и «ссадить ихъ на бабье положенье», тѣмъ болѣе, что, съ годами, Павла и Сиклетея, граматныя начетчицы, стали пользоваться все бо́льшимъ и бо́льшимъ уваженіемъ. Ихъ сила, терпѣніе, умѣнье вести хозяйство, а больше всего то, что онѣ, ведя почти аскетическую жизнь, пріючали у себя много деревенскихъ сиротъ—давали имъ большой вѣсъ среди прочихъ крестьянъ, а сами онѣ, вслѣдствіе своего особеннаго положенія, были храбры со всякимъ начальствомъ, и ихъ иногда трусили не на шутку сами старшины. Въ особенности умѣли онѣ всегда выхлопатывать разныя льготы для сиротъ у міра. У нихъ же самихъ съ мірскимъ начальствомъ происходили частыя стычки изъ-за разныхъ «новыхъ наложеній», которыхъ, по какимъ-то причинамъ, никакъ не хотѣли признавать Павла и Сиклетея. Разборъ этихъ столкновеній старшины всегда передавали на мірское обсужденіе, и міръ обыкновенно освобождалъ ихъ отъ этихъ «наложеній», принимая уплату ихъ на себя. Но въ послѣднее время, когда этихъ «наложеній» стало все больше, а населеніе росло, земли же недоставало и, кромѣ того, среди

суровецкаго общества появились богатѣи, разжившіеся кулачествомъ, собственники, скупившіе у помѣщиковъ окрестныя земли и обработывавшіе ихъ батраками изъ своихъ же сообщинниковъ, между міромъ и келейницами эти столкновенія сдѣлались чаще. Богатѣи не хотѣли брать на себя круговую поруку уплаты за нихъ «новыхъ наложеній»; кромѣ того, они жаловались, что за келейницами земля даромъ пропадаетъ, а на міру недоимки ростутъ. Между келейницами и богатѣями началась борьба. Начальство стояло за богатѣевъ, а міръ малодушествовалъ...

Мы уже видѣли, къ чему пришло дѣло. Въ Павлѣ и Синклетеѣ, кажется, уже созрѣло окончательное рѣшеніе, и онѣ не желали поступаться чѣмъ-либо и не шли «на умиренья».

Я вошелъ въ темныя сѣнцы и отворилъ дверь налѣво. Войдя въ эту древнюю, съ почернѣвшими стѣнами комнату, съ русской печкой, по обыкновенію, въ лѣвомъ углу, но довольно просторную, я тотчасъ почувствовалъ ту особенную пріятность, которая возбуждаетъ въ насъ домовитость. Всюду видѣлась замѣчательная чистота, выскобленныя и вымытыя мыломъ лавки и столы; въ переднемъ углу была большая божница съ деревяннымъ голубемъ, висѣвшимъ съ потолка, съ толстыми въ кожанныхъ переплетахъ книгами, съ черными иконами, на которыхъ чуть видно свѣтились лики святыхъ отъ лившагося на нихъ слабаго сіянія зажженной восковой свѣчи, которую держала въ рукахъ Синклетея, стоя передъ божницей «на поклонахъ». Павла, что-то тихо бормоча, копалась за печкой.

Старухи встрѣтили меня ласково, даже у Павлы голосъ сталъ чуть-чуть нѣжнѣе. Синклетея была много женственнѣе Павлы: она и ростомъ была ниже, и черты лица у нея мягче, и голосъ пѣвучѣе, хотя спина у нея такъ же была сгорблена, какъ и у Павлы. Начались, конечно, разспросы. Разспрашивала меня больше Синклетея, усѣвшись передо мной, со свѣчкой въ рукахъ, и смотря мнѣ въ лицо своими, нѣсколько ослѣпшими, мутными глазами. Павла собиралась меня угощать.

— Ну, ну, приговаривала Синклетея къ каждому моему разсказу о моемъ житьѣ, о судьбѣ моихъ родныхъ, и часто крестилась.

Скоро Павла поставила на столъ ватрушку и стаканъ молока.

— Покушай-ка, Миколаичъ, покушай нашего угощеньица, не побрезгуй, пригласила она и сѣла по другую сторону стола.

Я сталъ, въ свою очередь, разспрашивать ихъ, и онѣ передали мнѣ все, что разсказалъ я раньше. Говорила больше Павла,

*

какъ-то тягуче и на распѣвъ, перемѣшивая свою рѣчь церковно-славянскими оборотами. Разсказывала она долго. Сиклетея только изрѣдка вставляла слово, а больше вздыхала и не переставала смотрѣть на меня.

— Ка̀къ же вы рѣшили? спросилъ я.

— А такое наше рѣшенье: все сдать на міръ и отрѣшиться... Будетъ ужь, Миколаичъ, пожили для міру...

— И уйти?

— И уйти.

— Куда же?

— Нигдѣ путь не заказанъ тому, кто отрѣшится, сказала Павла.

— И это не тяжело вамъ, тридцать лѣтъ проживши здѣсь?

— Возьми крестъ свой, сказано... Чѣмъ тяжелѣе, тѣмъ и богоугоднѣе. Въ томъ-то, милушка, и сила, что умѣй отъ куска, отъ жилища, отъ живота отрѣшиться, и будетъ вѣра твоя велика. А безъ этого — все тлѣнъ и слабость... Посмотри теперь на нашъ міръ; гдѣ въ немъ сила, гдѣ крѣпость? Нѣту той силы... А отчего? Оттого, что разучился человѣкъ отрѣшаться. Умирать человѣкъ не умѣетъ. А ежели я умереть умѣю, ежели отрѣшиться осилю себя, то кого убоюся? Кто противъ сердца заставитъ меня что̀ сотворить? Нѣту той силы—вотъ что̀ я тебѣ скажу... Такъ-то! А въ комъ теперь это есть? Ни въ комъ нѣту: все ради грѣшныя и слабыя плоти живетъ...

Долго говорила на эту тэму Павла, говорила глубокоубѣжденнымъ словомъ. Сиклетея крестилась при всякомъ текстѣ, который Павла вставляла въ свою рѣчь. Вдругъ, въ срединѣ ея рѣчи, раздался сзади меня вздохъ и чей-то шопотъ. У дверей на скамьѣ сидѣли старикъ и старуха и еще двѣ какія-то бабы и благочестиво слушали проповѣдь Павлы. Въ такомъ же родѣ, вѣроятно, шли бесѣды между Павлой и расколоучителями, которые, какъ мнѣ сказывали, нерѣдко заходили къ келейницамъ, хотя Павла и Сиклетея держались только старообрядчества и ни къ какой сектѣ не принадлежали. Среди этихъ слушателей, въ полутьмѣ, я замѣтилъ еще женскую фигуру, сидѣвшую въ углу съ крещенными на груди руками. При слабомъ свѣтѣ восковой свѣчи, я не могъ разсмотрѣть издали ея лица и полагалъ, что это—Морозиха.

— Ну, что̀, любушка, ка̀къ она тамъ? спросила Павла, обращаясь къ этой женщинѣ.

Та поднялась.

— Теперь ничего... лучше... Нужно будетъ зайти завтра къ

Ивану Терентьичу—къ лекарю... Здравствуйте! протянула мнѣ руку Катя и прибавила, понизивъ голосъ:—еслибы я не слыхала вашего разговора здѣсь, я бы подумала, что вы за мной слѣдите.

— Али знакомы? спросила Павла:—ну, вотъ—и дѣло... Такъ зайди, любушка, къ нему... Пущай завернетъ. Онъ — человѣкъ душевный, Иванъ-то Терентьичъ! Она, вѣдь, тоже—мать; ребятишки. Нельзя не помочь! А объ нашемъ дѣлѣ скажи ему, касатка, чтобы оставилъ хлопотать... Мы ужь рѣшенье уставили...

— Хорошо! Прощайте пока, сказала Катя, повязываясь платкомъ.

— Не по дорогѣ ли мнѣ съ вами? спросилъ я ее.

— Пожалуй, проводите...

— Ну, до свиданія, бабушки, Еще увидимся?

— Увидимся еще, касатикъ! Ещё вѣдь не скоро уйдешь. Желаніе будетъ—со старухами поговорить—приходи. Теперь мы у бездѣлья, потому какъ съ землей ужь все покончили. Сдали ужь её...

— Чтò же еще осталось вамъ?

— Мало ли дѣловъ! Вотъ тоже сиротки у насъ есть. Мать-то у нихъ заболѣла, пристроить нужно... Вотъ старичка слѣпинькаго тоже не бросишь средь улицы, давно ужь онъ у насъ, годовъ, поди, пять живетъ, да вотъ еще дѣвушки, тоже сироты, есть. Много дѣла, много горя... Немалый тоже муравейникъ потревожился! Охъ, немалый! Все же нужно къ мѣсту прибрать... Матрена-то Петровна обѣщалась, слышь ты, въ Семенки сходить посправиться? обратилась она къ Катѣ.

— Да.

— Такъ ты ужь, касатка, завтра пришли её сюда.

Старушки съ поклонами проводили насъ до воротъ.

Наступала уже ночь. На небѣ загорались звѣзды. Воздухъ становился влаженъ. Съ рѣки подымался холодный паръ. На лугу, за деревней, было тихо, и только слышались изрѣдка тѣ особенные звуки, которые присущи русской ночи: кое-гдѣ крякаетъ утка, полуночникъ прошумитъ крыльями, откуда-то доносится мѣрный шумъ падающей воды; слышится тяжелое отфыркиваніе и звонъ цѣпей стреноженной лошади. Вдали, по дорогѣ, скрыпитъ обозъ. Гдѣ-то скрипнула запоздалая калитка. Мы шли скоро, перебрасываясь незначительными фразами. Не доходя до перекрестка, отъ котораго шла влѣво дорога къ полубарскому выселку, а вправо въ деревню, гдѣ жилъ я, Катя неожиданно спросила меня:

— А что вы думаете относительно философіи этихъ простыхъ, русскихъ бабъ?

— Это о томъ, что нужно умѣть умирать и отрѣшаться?

— Да.

— Я думаю, что эта философія спеціально выработана ими для себя, такъ какъ носителями ея могутъ быть только онѣ.

— Вы думаете?

Я не отвѣчалъ. Мы подошли къ перекрестку; Катя пожала мнѣ, молча, руку, и мы разстались.

Вскорѣ послѣ этого, какъ-то раннимъ утромъ, я направился изъ своей деревни къ полубарскому выселку, спѣша застать у Кузьминишны парное молоко. Я обыкновенно входилъ не съ улицы выселка и не черезъ переднюю калитку, чтобы никого не тревожить, но прямо пробирался задами, черезъ огородъ и садъ, къ завѣтной ели и здѣсь ожидалъ, въ прохладной утренней тѣни, Кузьминишну.

Я шелъ не спѣша. Утро было особенно хорошо. Солнце еще стояло низко, и его косые лучи, казалось, скользили по верхушкамъ деревьевъ и кустовъ. Воздухъ былъ свѣжъ и рѣдокъ; едва ощутительное дуновеніе вѣтра наносило откуда-то запахъ липоваго цвѣта. Вблизи чирикали малиновки, перелетая по кустамъ впереди меня. На зелени лежала сильная роса. Стаи воробьевъ выпархивали внезапно изъ густой зелени овощей и, усѣвшись на деревѣ, начинали отряхать смоченныя росою крылья. Было очень тихо. Я скрылся въ кусты малины, соблазненный сочными ягодами. Нѣсколько минутъ спустя, изъ-за вѣтвей малинника я примѣтилъ женскую фигуру, спустившуюся съ крыльца и легкой торопливой походкой направившуюся подъ ель. На ней было легкое кисейное платье и маленькая соломенная шляпка съ опущенною вуалью; на плечи накинутъ былъ пестрый платокъ, въ который маленькая фигурка лихорадочно старалась закутать плечи и руки; видимо ее тревожила утренняя сырость. Я въ недоумѣніи слѣдилъ за нею. Она повернула въ бесѣдку подъ елью и вдругъ заговорила съ кѣмъ-то. Я тихо обошелъ кусты и, дойдя до плетня, гдѣ валялся обрубокъ дерева, присѣлъ на него. Здѣсь не было такой гущины, и сквозь рѣдкія вѣтви я могъ разсмотрѣть собесѣдниковъ.

Въ пришедшей фигурѣ я узналъ Лизавету Николаевну; она сѣла на край скамейки и старалась закинуть за голову спутав-

шійся вуаль. Передъ нею сидѣла Катя, широко открывъ глаза, въ боязливо-вопросительномъ недоумѣніи.

— Я къ вамъ, заговорила порывисто Лизавета Николаевна, задыхаясь отъ нервной одышки:—извините, что рано... Но такъ лучше: теперь никого нѣтъ.

Она оглянулась кругомъ.

— Я давно собиралась къ вамъ, но мнѣ хотѣлось раньше все, все обдумать, приготовить. Я хочу вамъ сказать: если вы, Катерина Егоровна... если я вамъ мѣшаю... если, можетъ быть, совершенно невинно, стою на пути къ тому...

— Вы... мнѣ? еще болѣе недоумѣвая, спрашивала Катя.

Но Лизавета Николаевна, кажется, не слыхала этихъ словъ: она низко опустила глаза и, взявъ руку Кати, проговорила торопливо:

— Я все обдумала, все рѣшила. Да, я была виновата... Но вы поймете... вы простите мнѣ: я была молода, я вѣрила... Теперь я вижу... нѣтъ, не теперь, я давно уже должна была знать... Господи! я знала это, и у меня не было силъ!.. Я такъ любила его я такъ была молода... А теперь я все рѣшила: довольно! Не я нужна была ему въ спутницы.. Сколько лѣтъ онъ потерялъ со мной. Катерина Егоровна, скажите мнѣ только одно слово, только одно—и я уйду! я уже все рѣшила: имѣніе отдамъ крестному отцу въ завѣдываніе. А сама... сама... уѣду опять въ Питеръ, куда-нибудь тамъ... Тамъ стану сидѣлкой, мамкой, воспитательницей... Это по мнѣ, это мнѣ по силамъ... Вы видите, мнѣ не будетъ тяжело: я выбираю себѣ дѣло по любви... А вы, вы и Петя, будете свободны... Вы займете при нёмъ мѣсто друга, которое не по праву заняла я... Вы рука объ руку съ нимъ пойдете, не стѣсняя и не обременяя одинъ другаго.

Пока говорила Лизавета Николаевна, Катя напряженно смотрѣла ей въ лицо, и ея щеки постепенно покрывались краской, пока не зардѣлись сплошь.

— Я васъ, право, очень плохо понимаю, почти прошептала она, боязливо смотря въ лицо Морозовой, и, дѣйствительно, все лицо ея выражало какой-то испугъ.

Лизавета Николаевна, при этихъ словахъ, съ горькой улыбкой подняла на нее глаза.

— Катерина Егоровна! я думала поговорить съ вами, какъ съ другомъ, сказала она:—Я думала, что между нами ненужно никакихъ офиціальныхъ объясненій. Я надѣялась, что вы чистосердечно откликнетесь на мой порывъ. Мы знаемъ другъ друга давно... я васъ всегда считала искренной, честной!

— Я и теперь та же, сказала Катя:—но я только не понимаю, зачѣмъ вы принимаете *такое именно* рѣшеніе, когда можно бы все проще и лучше... Зачѣмъ уѣзжать и расходиться?.. Вмѣстѣ лучше...

— Да? Такъ вы... хотѣла что-то сказать Лизавета Николаевна и недоговорила, смотря все еще въ лицо Кати, на которомъ свѣтилась такая ясная искренность, что глаза Лизаветы Николаевны заискрились надеждой.

— О, еслибъ это было такъ? прибавила она, крѣпко сжимая руку Кати:—тогда... тогда я опять надѣюсь, что еще съумѣю сдѣлать все для него. Пока до свиданія! поднялась Лизавета Николаевна, быстро спуская на лицо вуаль.—Я не хочу, чтобъ меня видѣлъ кто-нибудь! Лучше, если не будутъ знать...

Она пожала Катѣ руку и пытливо еще разъ взглянула въ ея смущенное лицо. Секунду обѣ женщины стояли молча одна передъ другой.

— Если же...' если вы еще сами не знаете, заговорила едва слышно Лизавета Николаевна: — если вы сами ошибаетесь... если, можетъ быть, вы сами убѣдитесь, что, любите его, что онъ васъ любитъ (*Онъ* мнѣ ничего, ничего не говорилъ, торопливо вставила она:—это я сама)... если такъ, то вспомните, что я вамъ говорила сегодня, что я все рѣшила...

— Не могу ли я пройти здѣсь, черезъ садъ, спросила Лизавета Николаевна, замѣтивъ дорогу прямо въ поле:—вы, кажется, ходили къ намъ здѣсь гдѣ-то... ближе?

— Да, можно... Вотъ прямо, указала Катя, проходя съ нею нѣсколько по дорожкѣ между грядами.

Лизавета Николаевна ушла; Катя медленно вернулась. Необычайное смущеніе лежало на ея лицѣ: она шла тихо, наклонивъ голову, съ пылающими щеками, приложивъ одну руку къ груди.

Объ чемъ она думала? Чѣмъ больше я всматривался въ выраженіе ея лица, тѣмъ для меня становился опредѣленнѣе отвѣтъ. Выраженіе это было именно то, когда въ душу человѣка вдругъ забрасываютъ мысль, которая никогда ясно не сознавалась имъ прежде, никогда не стояла на первомъ планѣ. «Неужели это такъ?.. Неужели я, въ самомъ дѣлѣ, влюблена въ него»?.' казалось, говорили ея задумчивые глаза. Она чуть-чуть пріостановилась, и затѣмъ, вдругъ покачавъ отрицательно головой, быстро пошла къ дому, какъ будто рѣшившись что-то скорѣе, скорѣе кончить... По дорогѣ она сломила вѣтку сирени, махнувъ ею нѣсколько разъ себѣ въ лицо, и вошла на крыльцо. Здѣсь она быстро обернулась, какъ будто ей почуялось, что кто-то

шелъ за нею, посмотрѣла по направленію дороги, по которой ушла Лизавета Николаевна, и скрылась.

На третій день послѣ этой сцены, въ то время, какъ я только-что подходилъ сзади къ полубарскому выселку, мнѣ на встрѣчу подвигались двѣ женскія фигуры, шедшія той мелкой, сѣменящей походкой, которой обыкновенно ходятъ богомолки; у обѣихъ были въ рукахъ кривыя палки, за плечами по небольшому узлу, въ который были связаны пальто на случай непогоды. Обѣ были одѣты почти одинаково: въ простыя ситцевыя платья, съ такими же платками на головѣ, низкой крышей спущенными надъ лицами, отъ солнечныхъ лучей; обѣ объ чемъ-то весело говорили. Онѣ шли по межь-польной дорогѣ, на одной сторонѣ которой лежала свѣже-поднятая пашня, а по другой—оврагъ. Изъ оврага прямо имъ на встрѣчу подымался мужикъ, съ косой на плечѣ и точиломъ за поясомъ; голова у него повязана была краснымъ платкомъ вмѣсто шапки; за нимъ шли двѣ дѣвки, въ рѣденькихъ, полинялыхъ ситцевыхъ сарафанахъ, висѣвшихъ на нихъ, какъ тряпки, съ граблями на плечахъ.

— Матренѣ Петровнѣ!.. отсалютовалъ мужикъ, снимая съ головы шлыкъ и развязывая его:—какъ здоровеньки?..

— Ничего!.. Что намъ дѣлается? отвѣчала одна изъ женщинъ. Я узналъ въ ней сестру Морозова.

— Куда?

— Въ Семёнки—правимъ.

— Ну, ну! По болѣстямъ?

— Да.

— Такъ, такъ... Жарко будетъ идти-то! Да чего вы пѣшіе?

— А что-жь намъ? Мы здоровыя. А лошади теперь въ дѣлѣ.

— Вѣрно. Ну, дай Богъ счастливо! Скоро ли вернетесь?

— Скоро.

— Ну то-то! Ты отъ насъ, смотри, совсѣмъ не уйди! Въ Семёнкахъ-то вѣдь хорошо жить—не то, что у насъ... Мотри, какъ разъ соблазнишься. Мою бабу съ ребятишками не забудь. Плохо они поправляются, а мнѣ неколи теперь присмотрѣть. Вотъ и дѣвчонкамъ тоже не въ пору.

— Нѣтъ, не забуду, весело отвѣтила Морозиха.

— Ну, такъ счастливо! Дай Богъ путь! сказалъ мужикъ и протянулъ ей свою руку.

— Вы вотъ здѣсь идитё, посовѣтовали имъ вслѣдъ дѣвки, показывая въ оврагъ:—здѣсь прохладнѣе... А то изморитесь.

— Мы и то хотѣли...

Мужикъ и дѣвки зашагали. Спутницы хотѣли было спуститься въ оврагъ.

— Катерина Егоровна! окликнулъ я.

— Ахъ! это вы, сказала Катя, пріостанавливаясь:—до свиданія!

— Вы куда это? Далеко?

— Да. Верстъ за пятьдесятъ.

— За пятьдесятъ верстъ? переспросилъ я.

— Да. Что вы такъ смотрите?

— Пѣшкомъ?

— Какъ видите.

— И надолго?

— Да... Вѣроятно... На недѣлю, на полторы...

— Что же это васъ побудило?

— Да я, вотъ, съ нею...

— Съ Матреной Петровной? сказалъ я, улыбаясь Морозовой.

Матрена Петровна Морозова—или, по народному, Морозиха—маленькая, но здоровая, хотя и съ нѣсколько блѣднымъ лицомъ, дѣвушка, уже въ лѣтахъ, какъ говорятъ, т. е. ей лѣтъ подъ тридцать, съ чрезвычайно добрымъ лицомъ, по которому постоянно бѣгала чуть замѣтная, добродушная улыбка, съ большими черными умными глазами, смотрѣвшими замѣчательно смирно и кротко, стыдливо опустила широкія рѣсницы и зардѣлась.

— Да, коротко отвѣчала Катя.—Прощайте!

Катя подала мнѣ руку серьёзно, порывисто, почти съ сердцемъ, а Морозова протянула несмѣло и все съ тою же чуть замѣтной улыбкой на лицѣ. Рука Кати была слегка влажна и горяча, но нѣжна, напротивъ, рука Морозовой была совсѣмъ потная, кожа на ней рябая, складками.

Обѣ женщины спустились въ оврагъ и прежней мелкой походкой пошли вдоль его.

Матрена Петровна Морозова была сестра Петра Петровича, годами пятью моложе его. Пока онъ скитался по научнымъ капищамъ, Матрена Петровна жила вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, на фабрикѣ, гдѣ отецъ ея былъ самымъ мелкимъ конторщикомъ. Жили они, нѣсколько лучше на видъ, чѣмъ обыкновенные рабочіе: такъ, у нихъ была квартирка въ четыре комнатки, обитая обоями, съ цвѣтами на ὀкнахъ, а отецъ ходилъ въ сюртукѣ, вмѣсто поддёвки; но онъ получалъ такъ мало жалованья и, кромѣ того, любилъ такъ часто выпивать, что они вѣчно сидѣли безъ денегъ, и Матрена Петровна должна была работать.

Когда померъ отецъ, жить стали еще хуже; мать была стара и работать на фабрикѣ не могла. Матрена Петровна должна была сдѣлаться простой работницей. Впрочемъ, это продолжалось не болѣе года. Мать скоро тоже умерла, а къ этому времени кончилъ курсъ въ университетѣ и Морозовъ. Онъ, задумавши тогда заняться адвокатурой, сейчасъ же взялъ-было сестру къ себѣ, но она пробыла у него недолго, такъ какъ онъ самъ подумывалъ уже черезъ полгода бросить адвокатуру и уйти опять учиться. Матренѣ Петровнѣ снова пришлось идти въ работницы. Да ей и не казалось это особенно тяжелымъ, а съ братомъ ей было скучно. Онъ обѣщался высылать ей понемногу, хотя и у самого ничего не было. Такъ отрывалъ онъ ее нѣсколько разъ отъ рабочей жизни, но всякій разъ она опять уходила на родину, такъ какъ Морозовъ очень часто мѣнялъ мѣсто и профессію и самъ сидѣлъ безъ денегъ. Это раздражало нѣсколько Морозова: онъ хотѣлъ всячески вытащить сестру изъ условій невѣжественной среды, тяжелой работы, но не было средствъ, а безъ средствъ, онъ видѣлъ, что ничего ей лучшаго доставить не могъ, какъ опять сдѣлать какой-нибудь швеей и заставить корпѣть вмѣстѣ съ нимъ на студенческихъ квартирахъ. Между тѣмъ, у Матрены Петровны была уже крѣпкая связь съ фабрикой: здѣсь были у нея подруги, знакомыя—и она не тосковала.

Но вотъ, наконецъ, Петръ Петровичъ, уже женатый, поселился въ имѣніи жены (посадъ съ фабрикой, гдѣ онъ родился, былъ верстахъ въ тридцати отъ имѣнія; такъ какъ много народа изъ окрестныхъ деревень и даже изъ имѣнія его жены ходило на заработки на эту фабрику, то почти всѣ крестьяне знали Петра Петровича и Матрену Петровну); онъ взялъ къ себѣ тогда и сестру. Однако, послѣдняя прожила у нихъ недолго. Ее слишкомъ тяготила барская обстановка; притомъ же она никакъ не могла сойтись съ нервной Лизаветой Николаевной, никакъ не могла помириться съ тѣмъ бездѣльемъ и досугомъ, какой представился ей теперь. Она было просила «братца крёстнаго», какъ звала она Петра Петровича, пустить ее опять на фабрику, но онъ и слышать не хотѣлъ. Онъ мечталъ самъ у себя открыть такое же заведеніе, думалъ пріискать «хорошаго, здороваго, честнаго и развитаго работника», который бы руководилъ имъ вмѣстѣ съ Матреной Петровной, сдѣлавшись ея мужемъ. Но не такъ вышло дѣло. Матрена Петровна сначала поскучала, а затѣмъ, скоро стала уходить къ крестьянамъ, гдѣ она чувствовала себя, какъ дома; ея дѣятельная натура

тотчасъ же нашла себѣ приложеніе: она то помогала бабамъ и дѣвкамъ ткать, то оставалась въ рабочую пору съ ребятишками и учила ихъ по букварю, то ходила за больными крестьянками, а иногда напрашивалась на исполненіе разныхъ крестьянскихъ порученій. Такъ, вдругъ она выдумывала, что ей есть случай въ городъ ѣхать и собирала отъ бабъ разныя порученія, пятаки на покупку платковъ, восковыхъ свѣчъ, вообще всего, что нельзя было пріобрѣсти въ деревнѣ. Крестьянки были рады, и ей нравилось, когда, вернувшись изъ уѣзднаго городка (верстъ сорокъ до него было), она отдавала отчетъ въ данныхъ ей порученіяхъ и вся деревня встрѣчала ее съ вѣстями и обновами.

Морозову не особенно нравилось, что сестра его обращается «въ Христову невѣсту»; онъ боялся, что, подъ давленіемъ невѣжества, она легко ударится въ религіозный піетизмъ, въ ханжество. Нѣсколько разъ онъ ей, хотя и добродушно, выговаривалъ это, а она стала бояться его, чтобъ онъ не сдѣлалъ ея барыней, не заставилъ сидѣть и зѣвать въ барскомъ домѣ вмѣстѣ съ «барыней сестрицей», какъ прозвала она свою невѣстку; она стала избѣгать встрѣчи съ ними и на нѣсколько времени уходила въ дальнія деревни, гдѣ скоро опять всѣ крестьяне дѣлались ея хорошими знакомыми. Ходила она и въ раскольничьи скиты, и на богомолье, съ порученіемъ помолиться за «грѣшныхъ рабовъ». Ея кроткій нравъ и привычка къ работѣ, ея «золотыя руки», какъ говорили крестьянскія бабы, ея, наконецъ, завѣдомое цѣломудріе—доставили ей общую любовь и уваженіе. Относительно ея цѣломудрія многіе были въ недоразумѣніи, такъ какъ она не прикрывалась никакимъ лицемѣрнымъ ригоризмомъ, гуляла съ дѣвками и вела себя весело и свободно. Только иногда влюбленныя подруги ея замѣчали нѣкоторую грусть въ ней, когда приходилось имъ вести съ нею интимные разговоры про своихъ возлюбленныхъ. Очевидно, для нея уже былъ пройденъ періодъ страсти, былъ пережитъ ею, и она свято хранила память о немъ. Теперь, чѣмъ старше дѣлалась она, тѣмъ становилась религіознѣе.

Въ майорской колоніи вставали очень рано. Случалось, въ особенности по праздникамъ, что я заставалъ уже подъ елью майора, Кузю и Трошу, распивавшими чай. Майоръ обыкновенно курилъ трубку за трубкой и пускалъ тонкія струи дыма, высоко и плавно вившіяся въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ. Онъ былъ въ

неглиже, съ торчавшими въ разныя стороны еще непричесанными волосами, въ ночной сорочкѣ, на которую накинутъ старенькій военный плащъ, и въ нанковыхъ брючкахъ—своемъ обыкновенномъ домашнемъ костюмѣ. Кузя, напротивъ, былъ всегда уже въ парадѣ: волосы густо намазаны масломъ, чуйка плотно застегнута на всѣ крючки (онъ никогда не являлся въ одной рубашкѣ съ пріѣзда Кати, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рисковалъ встрѣтиться съ нею, даже никогда не позволялъ себѣ распускать полы, какъ бы ему жарко ни было); сапоги у него были всегда смазаны свѣжей ворванью, а верхи голенищъ блестѣли лакомъ! Флегматичный же Троша былъ, кажется, всегда «на одномъ положеніи», когда бы я его ни встрѣчалъ: вѣчный пальмерстонъ, значительно засаленный и вылинявшій бобровый картузъ, весь пропитанный жиромъ и потомъ. По костюму, онъ напоминалъ бы совсѣмъ еврея, еслибы не его надменно-барская пренебрежительная физіономія, какой у евреевъ никогда не бываетъ, и не поразительная медлительность, съ которою онъ что-либо дѣлалъ: пьетъ онъ чай, какъ будто совершаетъ великій подвигъ; идетъ—словно ему сапоги нести въ тягость; говоритъ—лыка не вяжетъ языкомъ. Катя и Кузьминишна, впрочемъ, рѣдко здѣсь бывали вмѣстѣ съ ними. Чай разливалъ обыкновенно самъ майоръ. Когда я являлся передъ компаніей, гг. пайщики вдругъ начинали торопиться (почему-то мое появленіе служило для нихъ косвеннымъ укоромъ, что они куда-то запоздали); Кузя опрокидывалъ чашку и уходилъ, раскланявшись, Троша начиналъ спѣшить и жегся, допивая съ блюдечка чай, а майоръ поднималъ конфузливо воротникъ пальто, и затѣмъ, вставая, говорилъ:—э-э! каково мы запоздали!.. Вотъ бездѣльники!.. Больные и тѣ ужь поднялись!.. Пора, пора!.. Онъ наскоро докуривалъ трубку, показывалъ мнѣ на столъ и приговаривалъ: «Честь и мѣсто, а насъ прошу извинить!.. Мы—по хозяйству!» и затѣмъ уходилъ вслѣдъ за медленно-двигавшимся Трошей.

Сегодня я пришелъ въ полубарскій выселокъ, должно быть, очень рано, такъ какъ подъ елью еще не было гг. пайщиковъ, и только стоялъ, въ ожиданіи ихъ, приготовленный чайный приборъ: большой, уѣмистый, съ полинявшей позолотой, фарфоровый стаканъ, обыкновенно имѣющійся въ каждомъ чиновничьемъ или купеческомъ семействѣ для главы дома — онъ, навѣрно, назначался для майора—и двѣ низенькія пузастыя чашки, украшенныя китайцами—для Кузи и Троши. На крыльцѣ, по верхъ кустовъ, показалась сѣдая голова Кузьминишны, которая, вытянувъ свою длинную, тонкую, землистаго цвѣта шею, уже выгля-

дывала меня. Скоро она явилась передо мной съ кринкой молока.

— Ушла! ушла наша-то егоза, начала она безъ всякихъ предвареній, какъ будто уже мы заранѣе условились съ нею относительно всего, что̀ дѣлаетъ Катя.

— Да зачѣмъ, вотъ ты мнѣ что скажи!

Она только махнула отчаянно рукой и побѣжала опять въ домъ. Я сталъ замѣчать, что, съ нѣкотораго времени, Кузьминишна какъ будто сердилась на Катю и была недовольна. Но не ея поведеніемъ собственно, а тѣмъ, что сама она, привыкшая знать и вѣдать все, до послѣдней малости, касавшееся своей воспитанницы, теряла нить къ уразумѣнію ея поступковъ. Это очень тревожило ее. Я, все-таки, хотѣлъ допросить Кузьминишну о цѣли путешествія Кати. Но вмѣсто нея показался Кузя, таща пыхтѣвшій самоваръ. Мы обмѣнялись самыми вѣжливыми привѣтствіями, послѣ которыхъ Кузя заговорилъ также внезапно на свою излюбленную тэму, какъ будто и у насъ съ нимъ уже было сдѣлано предварительно согласіе насчетъ извѣстнаго пункта.

— Это что же говорить! Во всякомъ случаѣ — лучшее дѣло! Потому, какъ ежели замѣсть того, чтобы злобствовать одиночно, такъ наилучше—снизойти, усмотрѣть, провѣрку сдѣлать... А не то что—порѣшить: «мамонъ»—и шабашъ! Нѣтъ, такъ нельзя... Тоже нужно спервоначала присмотрѣться! Ка̀къ вы полагаете? говорилъ Кузя, обдувая и вытирая полами чуйки самоваръ.

— Да вы это объ чемъ, Кузьма Кузьмичъ?

— А вы развѣ неизвѣстны?

— Объ чемъ? О томъ, что Катерина Егоровна ушла?..

— Н-да-съ... это тоже можетъ къ моей рѣчи приложеніе имѣть, но только—другое!

— Что̀ же?

— Событіе, можно сказать, потому какъ оное произвело во многихъ здѣшнихъ обывателяхъ умопомраченіе!..

— Вотъ ка̀къ? Не слыхалъ!

Кузя посмотрѣлъ внимательно на меня, какъ будто сомнѣвался, чтобы я не зналъ «онаго событія», приведшаго многихъ къ умопомраченію.

— Гм!.. Башкирова навѣщаете?

— Нѣтъ, не навѣщаю.

— Напрасно... Извините; конечно, я не могу... Но, по своему, думаю: это вы напрасно... Потому, какъ вполнѣ человѣкъ, и представляютъ собою большой интересъ... (Кузя вдругъ накло-

нился ко мнѣ и продолжалъ, понизивъ голосъ). Вчерашняго числа, такъ, въ сумерки, чтобы не столь было очевидно... Господина Башкирова изволилъ навѣстить его—ство... самолично! сса-мо-оли-ично-съ!..

— Дикій баринъ?

— Они самые-съ... отшельникъ... саа-мо-ли-ично-съ!.. И въ экипажѣ, съ гербами-съ, я при семъ съ камердиномъ! И къ господамъ Морозовымъ не заѣхали... Съ часъ времени изволили провести!

— Вотъ какъ!

— Н-да-съ..

— По какому же это случаю?..

— А по случаю тому, что г. Башкировъ, по ихъ приказанію, къ нимъ не явились, такъ какъ въ то время при одномъ больномъ мужичкѣ неотступно пребывали.

— Вотъ какъ!

— Н-да-съ... И, первымъ дѣломъ, сейчасъ же его—ство сами пріѣхали полюбопытствовать насчетъ мужичка!

— Ну, такъ что же на это г. Башкировъ?

— А г. Башкировъ (мы лично тамъ были) изволили его—ству сказать, что ежели имъ будетъ интересно, то пусть къ нему наѣзжаютъ... Да вотъ, г. майоръ вамъ это лучше разъяснятъ... Вотъ, они идутъ-съ!..

Майоръ, въ сопровожденіи Троши, спускался съ крыльца; онъ посмотрѣлъ изъ-подъ руки въ нашу сторону и закричалъ: «А что, батюшка, слышали, слышали?» — Здравствуйте, прибавилъ онъ, присаживаясь ко мнѣ на скамью.

Я сказалъ, что уже слышалъ, и поинтересовался узнать, чѣмъ майоръ объяснитъ «оное событіе»...

Но пока онъ, ероша волосы, думалъ, какъ подступить къ объясненію столь необычайнаго событія, Троша, съ недовольнымъ видомъ, рѣшилъ, что это объясняется «измором»...

— Какъ такъ? вскрикнулъ майоръ.

— А, такъ — изморъ...

— Ну, ну — будетъ... Погодите, остановилъ его майоръ и, обращаясь ко мнѣ, изложилъ свой взглядъ на это событіе съ разныхъ точекъ зрѣнія; болѣе же всего онъ остановился на точкѣ зрѣнія психологической, косвеннымъ образомъ соглашаясь съ Кузей и только развивая его объясненіе.

Майоръ продолжалъ обсуждать «оное событіе» все время, пока гг. пайщики пили чай. Троша невозмутимо и сердито молчалъ, неудостоивая болѣе возраженіями и только усиленно выпивая

чашку за чашкой, да покрякивалъ и пыхтѣлъ. Кузя, напротивъ, постоянно поощрялъ майора фразами въ родѣ: «это доподлинно! Это—какъ есть!.. Что ни есть—сущая правда!» Всѣ эти фразы онъ произносилъ какъ-то восторженно, но, въ то же время, и неособенно кстати, потому, какъ кажется, что онъ, собственно, плохо понималъ діалектическія тонкости майора и, если подкрѣплялъ его рѣчь своими возгласами, то больше изъ личной своей преданности и глубокаго уваженія къ майору. Скоро, однако, гг. пайщики, по обыкновенію, заторопились. Сообщенная ими новость была такого характернаго свойства, что я рѣшился, наконецъ, поближе сойтись съ Башкировымъ и побывать у Морозовыхъ, которыхъ давно не навѣщалъ.

Н. Златовратскій.

ТРЯПИЧКИНЫ-ОЧЕВИДЦЫ.

1.

Отъ дунайскаго корреспондента Подхалимова 1-го въ редакцію газеты «Краса Демидрона». [1]

Станція Бологое. Ровно недѣлю тому назадъ, вы призвали меня, г. редакторъ, и, выложивъ передъ моими обрадованными глазами пачку ассигнацій, сказали: «ты—малый проворный! вотъ деньги иди и воспѣвай!» Фраза, въ устахъ редактора газеты «Краса Демидрона», глубоко-знаменательная. Перенеситесь мыслью за двадцать лѣтъ тому назадъ и отвѣтьте: возможно ли было что-нибудь подобное въ то время?! Прежде цари, призывая полководцевъ, говорили: иди и побѣждай! теперь—съ бóльшею лишь осторожностью въ выборѣ выраженій—тоже самое дѣлаютъ редакторы газетъ...

Какъ бы то ни было, но я—на пути къ Дунаю. Незнаю, что̀ будетъ дальше, но первыя впечатлѣнія, вынесенныя на пути между Петербургомъ и Бологовымъ, удивительно отрадны. Я не буду занимать васъ описаніемъ нашего переѣзда черезъ валдайскій хребетъ, хотя, по словамъ спеціалистовъ, эти горы представляютъ, въ стратегическомъ отношеніи, отличнѣйшія удобства. Описаніе это было бы небезъинтересно, въ такомъ лишь

---

[1] Чтобы удовлетворить справедливымъ требованіямъ нашихъ читателей, мы отправили корреспондетовъ на оба театра войны: на Дунай—г. Подхалимова 1-го и въ Малую Азію—г. Подхалимова 2-го. Оба намъ извѣстны, какъ молодые люди чрезвычайно талантливые, добросовѣстные и, главное, непьющіе. Надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за это новое доказательство нашихъ заботъ объ ихъ интересахъ, которое стòитъ намъ, при этомъ, довольно значительныхъ издержекъ. *Примѣч. редакціи газеты «Краса Демидрона».*

случаѣ, еслибъ возможно было предположить, что театръ военныхъ дѣйствій перенесется сюда; но такъ какъ турки, навѣрное, никогда не дерзнутъ проникнуть такъ далеко, то я полагаю, что говорить объ этомъ предметѣ преждевременно. Пускай Европа думаетъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ ничего нѣтъ, кромѣ валдайскихъ колокольчиковъ и валдайскихъ барановъ; для насъ, съ стратегической точки зрѣнія, такое самоувѣренное невѣжество даже выгодно...

Купивъ въ гостиномъ дворѣ чемоданъ и уложивъ свой несложный багажъ, я отправился изъ Петербурга съ утреннимъ 9-ти часовымъ поѣздомъ, и, конечно, взялъ мѣсто въ вагонѣ третьяго класса. Я сдѣлалъ это намѣренно, хотя полученныя мною отъ васъ средства позволяли мнѣ претендовать и на второй, а съ нѣкоторою натяжкою даже и на первый классъ. Но я прежде всего хотѣлъ познакомиться съ чувствами, одушевляющими простой русскій народъ въ настоящую славную минуту, а для наблюденій подобнаго рода вагонъ 3-го класса—сущій кладъ. И, какъ вы увидите дальше, я былъ съ избыткомъ вознагражденъ за тѣ маленькія неудобства, которыя сопряжены съ продолжительнымъ пребываніемъ въ обстановкѣ, отнюдь не напоминающей благоуханной атмосферы петербургскихъ салоновъ (я невольно вспомнилъ при этомъ, какъ хорошо въ вашихъ гостиныхъ, г. редакторъ, и какимъ отличнымъ, душистымъ мокка вы меня угощали, давая инструкціи, какъ мнѣ вести себя на Дунаѣ!)

Какъ и слѣдовало ожидать, настроеніе нашего вагона было отличное. Пассажиры были точно на подборъ молодецъ къ молодцу! Всѣ имѣли видъ увѣренный, бодрый, и, какъ только прошли первыя минуты обычной суматохи усаживанія, такъ тотчасъ же, разумѣется, выступилъ на сцену животрепещущій восточный вопросъ. Насчетъ участи, ожидающей турокъ, судили разно, но замѣчательно, что ни въ комъ не было ни тѣни колебанія или сомнѣнія; напротивъ того, всѣхъ воодушевляла твердая рѣшимость не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока самое имя Турціи существуетъ на картѣ Европы. Никому изъ насъ лично не приходилось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, большинство выказывало такую отвагу, что я безъ труда понялъ чего можно бы было ожидать отъ этихъ людей, еслибъ ихъ не стѣсняли предѣлы вагона, подобно тому, какъ меня стѣсняютъ предѣлы газетной статьи. Многіе, буквально, рвались на поле битвы. Напримѣръ, одинъ почтенный мѣщанинъ (онъ содержитъ въ Углицкомъ Уѣздѣ питейный домъ и мелочную лавку) сказалъ мнѣ:

— Кажется, пусти меня теперича въ страженіе, такъ я одинъ десяти туркамъ-чуркамъ головы поснесу!

А сидѣвшій тутъ же по близости духовный пастырь, движимый похвальнымъ соревнованіемъ, присовокупилъ:

— Духовно мы, сударь, давно ужъ за Дунаемъ, а нѣкоторые даже и далѣе.

Разумѣется, я охотно воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вступить въ собесѣдованіе.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? спросилъ я.

— А затѣмъ и стало, что дома своихъ дѣловъ много, отвѣтилъ мѣщанинъ. Священникъ же, соревнуя ему, пояснилъ:

— Духомъ мы высоко паримъ, но немощная плоть паренью нашему не мало препонъ представляетъ, отъ сего и унываемъ. Питейный-то домъ, напримѣръ, ихній, по настоящимъ обстоятельствамъ, прикрыть бы можно, дабы съ легкимъ сердцемъ устремиться туда, куда гласъ чести всѣхъ вѣрныхъ призываетъ, а мы, на мѣсто того, немощствуемъ.

Выясненіе это заставило меня задуматься. Священникъ правъ, думалось мнѣ, но не вполнѣ. Спору нѣтъ, что было бы и патріотичнѣе, и согласнѣе съ чувствами истиннаго русскаго, прикрыть на время кабакъ, чтобы удовлетворить святой потребности сразиться съ исконнымъ врагомъ цивилизаціи и христіанства, но, съ другой стороны, если всѣ пойдутъ сражаться, кто же тогда будетъ производить торговлю распивочно и на выносъ, вносить гильдейскіе сборы? Провидѣніе не безъ разсчета, конечно, устраиваетъ, предоставляя однимъ спеціальность охранять и защищать границы государства, а другимъ — спеціальность воздѣлывать землю, производить торговые обороты и уплачивать соотвѣтствующіе окладные и неокладные сборы. Извѣстно, что въ странахъ цивилизованныхъ силы, матеріально-производительныя, составляютъ такой же зиждущій государственный нервъ, какъ и силы духовно-производительныя, такъ что ежели послѣднія и нагляднѣе двигаютъ государство по пути преуспѣнія, то первыя, хотя и нестоль наглядно, но столь же несомнѣнно споспѣшествуютъ этому, снабжая (въ видѣ жалованья, столовыхъ, квартирныхъ и проч.) необходимыми матеріальными средствами воиновъ, администраторовъ, ученыхъ, литераторовъ и даже насъ, грѣшныхъ корреспондентовъ. Ваша уважаемая газета давно уже сознала эту важную истину и неоднократно развивала ее въ передовыхъ статьяхъ своихъ. Помнится, вы, однажды, сказали: отнимите у войны ея нервъ—деньги, и она немедленно утратитъ свою цѣлесообразность! Пушки, лишенныя пороха, не будутъ палить (да еще вопросъ: осуществимы ли са-

*

мыя пушки безъ денегъ?); люди и лошади, лишенные провіанта и фуража, въ непродолжительномъ времени впадутъ въ изнеможеніе [1]. Англичане отлично это поняли, и мнѣ кажется, что нашимъ господамъ-шовинистамъ, проповѣдующимъ, сидя дома на печи, поголовное ополченіе, тоже не мѣшало бы зарубить эту истину у себя на носу.

Вотъ почему я думаю, что почтенный батюшка былъ несовсѣмъ правъ, обвиняя кабачниковъ и прочихъ негоціантовъ въ немощи плотской (впрочемъ, онъ и самъ впослѣдствіи сознался мнѣ, что высказался въ этомъ смыслѣ болѣе для того, чтобъ выдержать свойственную его званію учительную роль). Если и дѣйствительно плотская немощь не дозволяетъ имъ прикрывать, по чувству патріотизма, кабаки, то это—немощь естественная, обусловливаемая недостаткомъ не патріотизма, но самымъ распредѣленіемъ божіихъ даровъ между людьми. Всякому свое: одни употребляютъ, для прославленія отечества, холодное и огнестрѣльное оружіе, другіе, въ тѣхъ же видахъ, изощряютъ свои коммерческія способности, а третьи упражняютъ свои мышцы, воздѣлывая землю. Даже мы, корреспонденты, едва ли правильно поступили бы, еслибъ, въ порывѣ отваги, бросились въ самый пылъ битвы, вмѣсто того, чтобы, находясь въ безопасномъ мѣстѣ, быть лишь достовѣрными очевидцами ея. Подумайте: еслибъ мы были перебиты, развѣ газеты были бы въ состояніи разнообразить столбцы и удовлетворять справедливому любопытству публики? Кàкъ подѣйствовало бы это на годовую подписку? Чтò сталось бы съ розничной продажей?

Покуда я такимъ образомъ размышлялъ, кто-то въ углу вагона крикнулъ:

— Чтò долго разговаривать! идемъ всѣ противъ турка—и сказъ весь!

Чтò произошло въ эту минуту—я не берусь описать. Представьте себѣ поѣздъ, несущійся на всѣхъ парàхъ, представьте грохотъ колесъ, тяжелое дыханіе паровоза—и чтожъ! даже всего этого оказалось недостаточнымъ, чтобъ заглушить гулъ нашихъ голосовъ, слившихся въ одномъ общемъ чувствѣ!.. Дà, нужно имѣть перо Немировича-Данченко, чтобъ передать эту картину! всѣ поздравляли другъ друга, обнимались, цѣловались, а одна старушкà, сидя въ углу, тихо плакала. Откуда взялся этотъ внезапный наплывъ чувствъ? Почему теперь, а не прежде или послѣ?

---

[1] Дѣйствительно, мы всегда утверждали это, и очень рàды, что живыя наблюденія нашего корреспондента подтверждаютъ наше мнѣніе.

Примѣчаніе той же редакціи.

На это я могу отвѣтить только слѣдующее: спросите у своего сердца, г. редакторъ!

Ежели человѣкъ имѣетъ сердце чувствительное, то онъ отвѣтитъ на эти вопросы очень легко, а ежели при этомъ онъ еще выпивши, то отвѣтъ, и безъ словъ, самъ собою окажется начертаннымъ на его лицѣ...

Часовъ въ одиннадцать началось въ вагонѣ другаго рода движеніе: пассажиры принялись разгружать свои дорожные мѣшки и вынимать изъ нихъ всевозможную провизію. Опять прекрасная бытовая картина, но на этотъ разъ уже совершенно мирнаго свойства.

Не видно ни пармезановъ, ни анчоусовъ, ни гомаровъ, ничего такого, что напоминало бы утонченности иноземной гастрономіи. Русскій человѣкъ понимаетъ, что теперь не такая минута, когда слѣдовало бы поощрять ввозную торговлю [1]. Но за то, на всѣхъ колѣнахъ вы замѣтите рыжеватую паюсную икру, нашу родную углицкую колбасу, и въ особенномъ изобиліи печеныя яица. Во всѣхъ углахъ слышится дѣятельная работа зубовъ, на всѣхъ лицахъ написано неподдѣльное удовольствіе, которое, въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе законно, что всѣ эти припасы суть результатъ усидчиваго труда.

Простые русскіе люди и насыщаются просто: раскладываютъ на колѣняхъ листы бумаги, въ которой завернута провизія, отрѣзываютъ дорожнымъ ножомъ что̀ имъ нужно и затѣмъ предоставляютъ дальнѣйшую работу пальцамъ и зубамъ.

Я невольно залюбовался этой картиной, хотя, сознаюсь откровенно, лично мнѣ было несовсѣмъ ловко, потому что повсемѣстная ѣда обострила и мой апетитъ, а я былъ настолько непредусмотрителенъ, что никакого запаса съ собой не взялъ. Къ счастію, я какъ-то проговорился, что я корреспондентъ, отправляющійся на Дунай, и этого одного достаточно было, чтобъ вывести меня изъ затруднительнаго положенія. Какъ только слово «корреспондентъ» облетѣло всѣ скамьи вагона, такъ мнѣ въ одну минуту накидали цѣлую массу печеныхъ яицъ... Скажите по совѣсти: возможно ли что-нибудь подобное за-границей, или гдѣ бы то ни было, кромѣ нашей хлѣбосольной и изобильной Россіи?

Этого мало: меня обступила цѣлая толпа съ вопросами: въ чемъ заключается должность корреспондента и платятъ ли за нее

---

[1] Хотя, съ другой стороны, воздержаніе отъ употребленія ввозныхъ товаровъ должно имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ уменьшеніе таможеннаго дохода. Это тоже не мѣшаетъ имѣть въ виду. *Примѣч. той же редакціи.*

жалованье? Разумѣется, я, какъ могъ, удовлетворилъ законному любопытству этихъ добрыхъ людей, и, къ удовольствію моему, могу сказать, что объясненія мои были вездѣ встрѣчены сочувственно. Одни, совершенно въ стилѣ Немировича-Данченко, восклицали:

— Господи! хоть бы глазкомъ на страженья то посмотрѣть!

Другіе наивно замѣчали:

— Ишь ты! за чтò ноньче деньги платятъ!

Затѣмъ, по русскому обычаю, раздалось: выпьемъ! и пошла круговая.

Всѣ подходили ко мнѣ, и пили за мое здоровье, а также и за ваше, г. редакторъ, потому что я объявилъ, что, лишь благодаря вашему иждивенію, я могъ осуществить давнишнее желаніе моего сердца увидѣть Дунай и Балканы.

Покуда все это происходило, подошелъ ко мнѣ одинъ почтенный рыбинскій купецъ (называется онъ, какъ я послѣ узналъ, Иванъ Иванычъ Тр.) и сталъ уговаривать меня, чтобы я ѣхалъ съ нимъ въ Рыбинскъ.

— Ты—малый проворный, на войну завсегда поспѣешь, а лясы точить и у насъ въ Рыбинскѣ можно!

Къ этой же просьбѣ присоединилъ свой голосъ и отецъ Николай (имя священника, говорившаго о плотской немощи), который тоже оказался обитателемъ рыбинскихъ палестинъ. Напрасно я отговаривался, во-первыхъ, тѣмъ, что для корреспондента время—тѣ же деньги, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что я уже заплатилъ за свое мѣсто до самой Москвы—гостепріимный Иванъ Иванычъ ни объ чемъ слышать не хотѣлъ.

— Пустое ты городишь! говорилъ онъ:—времени тебѣ дѣвать нéкуда, а деньги, которыя за мѣсто тобой плочены, всѣ до копеечки возвратимъ! Полюбился ты мнѣ, парень-то очень ужь ты проворный! На Дунай собрался—лёгко ли дѣло!

Я попробовалъ еще сопротивляться, но когда отецъ Николай разсчиталъ мнѣ по пальцамъ, что если я нѣсколько дней и опоздаю на поля битвъ, то потери отъ этого не будетъ никакой, а между тѣмъ, я могу упустить единственный въ своемъ родѣ случай для наблюденій за проявленіями русскаго духа, такъ какъ именно теперь въ Рыбинскѣ проходятъ караваны съ хлѣбомъ, то я вынужденъ былъ согласиться. Не знаю, похвалите ли вы меня за это уклоненіе отъ первоначально утвержденнаго вами маршрута, но, увѣряю васъ, что газета отъ этого ничего не проиграетъ [1]. Съѣзжу въ Рыбинскъ, наблюду за проявленіями русскаго духа, и затѣмъ—маршъ на Дунай!

---

[1] Дай-то Богъ. *Примѣч: той же редакціи.*

Чтò происходило потомъ, я не помню, потому что очень крѣпко уснулъ. Не видѣлъ ни Любани, ни Малой Вишеры, ни Окуловки и только въ Березайкѣ былъ разбуженъ моими будущими спутниками. Проснулся и не безъ изумленія увидѣлъ, что кто-то взялъ на себя трудъ собрать мои печеныя яица и уложить ихъ въ плетушку, которая и стояла возлѣ меня. Вотъ еще замѣчательная черта русскаго характера! Кто въ другой странѣ проявилъ бы такую трогательную заботливость о спящемъ корреспондентѣ!

Такимъ образомъ, я очутился въ Бологовѣ, откуда и бесѣдую съ вами!

Содержатель буфета, узнавъ, что я отправляюсь черезъ Рыбинскъ на Дунай, отъ всей души предложилъ мнѣ графинъ очищенной, причемъ наотрѣзъ отказался отъ уплаты денегъ по таксѣ. Вотъ вамъ и еще фактъ. Ужели послѣ всего этого можно усомниться въ силѣ русскаго чувства! Чтò я содержателю бологовскаго буфета? чтò онъ мнѣ? И вотъ, однакожь, оказывается, что между нами существуетъ невидимая духовная связь, которая его заставляетъ пожертвовать графиномъ водки, а меня принять эту жертву.

Итакъ, не знаю чтò будетъ дальше, но до сихъ поръ требованія моего желудка (а можетъ быть, и издержки по передвиженію, если почтенный Иванъ Иванычъ сдержитъ свое слово) были удовлетворяемы безвозмездно. Вы, конечно, поймете сами какого рода чувства должны волновать мое сердце въ виду этого факта! Я же, съ своей стороны, могу присовокупить: да, добрые люди, поступокъ вашъ навсегда останется запечатлѣннымъ въ моемъ благодарномъ сердцѣ, и да будетъ забвенна десница моя, ежели я не заявлю объ немъ въ «Красѣ Демидрона»!

Но, въ заключеніе, позвольте напомнить и вамъ, г. редакторъ, сколь многимъ я обязанъ вашей изысканной добродѣтели. Я былъ простымъ половымъ въ трактирѣ «Старый Пекинъ»,[1] когда вы, замѣтивъ мою расторопность, сначала сдѣлали меня отмѣтчикомъ, а потомъ отправили и корреспондентомъ на мѣста битвъ. Гдѣ, въ какой странѣ возможенъ такой фактъ!

Подхалимовъ 1-й.

2.

Рыбинскъ. Дорога отъ Бологева до Рыбинска тоже весьма замѣчательна въ стратегическомъ отношеніи. Она окружена сплош-

[1] Г. Тряпичкинъ, черезчуръ скроменъ. Онъ былъ не половымъ, а маркёромъ, чтò предполагаетъ уже значительно высшую степень развитія.

Прим. той же редакціи.

ными болотами, посреди которыхъ тамъ и сямъ, въ разбросанномъ видѣ, живутъ остатки тверскихъ либераловъ 1862 года. Теперь эти люди живутъ среди своихъ болотъ и занимаются молочными скопами. Отъ души желаю имъ успѣха въ ихъ полезныхъ занятіяхъ, и такъ какъ съ тѣхъ поръ страсти значительно улеглись, то не думаю, чтобы кто-нибудь нашолъ въ моихъ сочувственныхъ пожеланіяхъ что-либо предосудительное.

По разсказамъ туземцевъ, болота здѣшнія таковы, что въ нихъ безъ труда возможно было бы потопить пѣхоту цѣлаго міра, не говоря уже о кавалеріи, артиллеріи и войскахъ прочихъ родовъ оружія. Слѣдовательно, насчетъ безопасности здѣшнихъ культурныхъ центровъ, какъ-то: Бѣжецка, Краснаго Холма, Весьегонска и даже самаго Вышняго-Волочка мы можемъ быть спокойны. А сверхъ того, я убѣжденъ, что и тверскіе либералы, въ случаѣ проникновенія въ ихъ палестины врага, забывъ прежніе счеты, дадутъ имъ солидный урокъ [1].

Была уже ночь, когда мы выѣхали изъ Бологова. Спутники мои оказались отличнѣйшими людьми. Иванъ Иванычъ Тр. веселый малый, высокій, плотный, румяный, кудрявый, съ голубыми, но необыкновенно странными глазами, которые дѣлались совершенно круглыми, по мѣрѣ того какъ опорожнялась висѣвшая у него черезъ плечо фляга. Подобно всѣмъ русскимъ, не отказывающимъ себѣ въ удовольствіи выпить лишнюю рюмку водки, онъ говорилъ разбросанно, нетолько не вникая строго въ смыслъ выраженій, но даже не имѣя, повидимому, достаточно разнообразнаго запаса ихъ. Однако, я не скажу, чтобъ онъ былъ глупъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, а только, вслѣдствіе удачно сложившихся жизненныхъ обстоятельствъ, не чувствовалъ настоятельной надобности въ размышленіи. Такіе люди въ общежитіи чрезвычайно пріятны. Они никого собой не обременяютъ, никому не навязываютъ своихъ мнѣній, но, взамѣнъ того, являются отличнѣйшими собутыльниками, и хотя не поражаютъ своимъ краснорѣчіемъ, но охотно смѣются, поютъ, стучатъ ногами и вообще выказываютъ веселое расположеніе духа. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ людямъ вообще свойственно заблуждаться, то и личности, подобныя Тр., конечно, не изъяты отъ недостатковъ. Во-первыхъ, они любятъ прибѣгать къ шуткамъ черезчуръ исказительнаго характера, а во-вторыхъ, недовольно

[1] Мы тоже въ этомъ вполнѣ увѣрены. Недавно мы имѣли случай быть свидѣтелями, какъ одинъ изъ тверскихъ либераловъ сравнивалъ генерала Черняева съ генераломъ Гарибальди: это—уже несомнѣнное доказательство, что путь заблужденій покинутъ навсегда.

Прим. редакціи газеты «Краса Демидрона».

смирны во хмѣлю. Противъ перваго изъ этихъ недостатковъ никакихъ средствъ еще не придумано; что же касается до второго, то необходимо только зорко слѣдить, чтобы эти люди не шли дальше того числа́ бутылокъ, которое человѣкъ вообще можетъ вмѣстить, и, какъ только этотъ предѣлъ достигнутъ, то нужно какъ можно скорѣе укладывать ихъ спать... Затѣмъ, относительно отца Николая могу сказать, что отличнѣйшія качества его ума и сердца были въ настоящемъ случаѣ для меня тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что онъ являлся прекраснымъ комментаторомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда смыслъ рѣчей Ивана Иваныча дѣлался слишкомъ загадочнымъ. Судя же потому, какъ онъ выражался о препонахъ, представляемыхъ плотскою немощью паренію духа, я едва ли ошибусь, сказавъ, что изъ него могъ бы выйти очень даровитый духовный витія, если бы арена его дѣятельности была нѣсколько пообширнѣе.

Несмотря на ночное время, никому изъ насъ спать не хотѣлось, и потому я, въ качествѣ корреспондента, счелъ долгомъ вступить въ разговоръ съ моими спутниками.

— Иванъ Иванычъ! обратился я къ моему амфитріону:—какъ вы думаете объ нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ?

Но онъ не безъ изумленія взглянулъ на меня и, вмѣсто отвѣта, откупоривъ фляжку, сказалъ:

— Выпьемъ... коррреспондентъ!

Я не отказался сдѣлать ему удовольствіе, но восклицаніе его, все-таки, мало удовлетворило меня. Отецъ Николай, видя мое недоумѣніе, поспѣшилъ ко мнѣ на помощь.

— Вмѣстѣ съ прочими, значитъ, сказалъ онъ:—какъ прочіе, такъ и мы.

— Вѣрррно! подтвердилъ и Иванъ Иванычъ.

— Но лично что̀ же вы думаете? личное ваше мнѣніе въ чемъ заключается? настаивалъ я, ничего не понимая въ этой странной воздержности.

— А въ кутузку не желаешь... коррреспондентъ? отвѣтилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Нетолько не желаю, но даже не понимаю, причемъ тутъ кутузка.

— Ну, а мы даже очень отлично понимаемъ.

— Позвольте, однакожъ! Если въ вашихъ мнѣніяхъ нѣтъ ничего предосудительнаго, то почему не высказать ихъ? Если энтузіазмъ самъ просится изъ вашей груди, то почему не выразить его публично, всенародно? Неужели вамъ неизвѣстно, что нынче никому выражать свой энтузіазмъ не воспрещается?

— И не воспрещается, и извѣстно, а всё-таки... выпьемъ, коррреспондентъ!

Я опять не отказалъ ему въ удовольствіи вмѣстѣ выпить, но, все-таки, стоялъ на своемъ:

— Но почему же? почему?

— А потому что потому—вотъ тебѣ и сказъ!

— Боязно-съ, пояснилъ отецъ Николай: думаютъ—слово-то не трудно молвить, анъ оно, пожалуй—не то, какое надобно. Ну, и кутузка притомъ же. Хоша нынче она и утратила прежнее всенародное значеніе, а, все-таки, въ совершенствѣ забвенію не предана.

— Вѣрррно! опять подтвердилъ Иванъ Иванычъ.

— Но, вѣдь, вы сами были давича очевидцемъ, какъ люди совершенно простые выражали свой энтузіазмъ! И выражали такъ открыто, что, навѣрное, никто изъ нихъ не опасался подвергнуться за это административному воздѣйствію!

— То-мужики, имъ все можно, потому что имъ и подъ замкомъ посидѣть ничего; а мы—люди обстоятельные. Для насъ не токмà что день или недѣля, а всякій часъ дорогъ! Будетъ... выпьемъ!

Я убѣдился, что продолжать этотъ разговоръ было бы безполезно, но, признаюсь, сдержанность почтеннѣйшаго Ивана Иваныча сдѣлала на меня горькое впечатлѣніе. Я никакъ не могъ вообразить себѣ, чтобы представленіе о кутузкѣ было до сихъ поръ такъ живо среди народа. Пришлось опять припомнить вашу газету, или лучше сказать, безчисленныя передовыя статьи ея, въ которыхъ выражалась мысль, что физіономія народа надолго, если не навсегда, опредѣляется его воспитаніемъ.—Святая, безспорная истина! Подумайте, какъ давно уже пали стѣны кутузки, но такъ какъ въ продолженіи вѣковъ она составляла главную основу нашего народнаго воспитанія, то и теперь стоитъ передъ нами, какъ живая! Кутузокъ уже нѣтъ, самый характеръ нашей культуры настолько измѣнился, что нетолько исправники и становые пристава, но даже сотскіе, служатъ образцомъ предупредительности и вѣжливости, а мы все еще жмемся къ сторонкѣ, скрываемся, боимся проронить лишнее слово, какъ будто вотъ-вотъ насъ сейчасъ возьмутъ за шиворотъ! Спрашивается: сколько прекраснѣйшихъ изліяній чувствъ остается, вслѣдствіе этого, подъ спудомъ? Сколькихъ драгоцѣнныхъ и поистинѣ умилительныхъ картинъ мы лишаемся случая быть свидѣтелями!

Начните хоть бы съ насъ, кореспондентовъ: какую массу совершенно неожиданныхъ бытовыхъ сценъ мы могли бы воспро-

извести, еслибъ не существовало этого фаталистическаго само-запрета относительно изліяній чувствъ! Конечно, и теперь мы достаточно сильны по части подражанія мужицкому жаргону, но, все-таки, намъ нужно насиловать свое воображеніе или прибѣгать къ перу Немировича-Данченко, чтобы достигнуть какихъ-нибудь солидныхъ результатовъ въ смыслѣ увеличенія розничной продажи газетъ. Тогда какъ не будь этого... Но этого мало: самое начальство, смѣю спросить, развѣ оно не теряетъ отъ этого въ смыслѣ самоутѣшенія и самопоощренія? Увы! взирая на ровную поверхность нашего общества, изрѣдка возмущаемую восторгами мужиковъ, само общество не знаетъ, что̀ скрывается въ этихъ глубинахъ: доброе ли чешуйтое, которое можно выпотрашить и употребить въ снѣдь, или злой крокодилъ, который самъ можетъ поглотить, ежели приблизиться къ нему безъ достаточной осторожности?!

Нѣтъ, прочь кутузки! прочь самое воспоминаніе объ нихъ! По крайней мѣрѣ, на время войны... Пусть всякій полагаетъ, что онъ обо всемъ можетъ откровенно высказать свою мысль! И пусть нетолько полагаетъ, но и въ самомъ дѣлѣ высказывается! Результатовъ отъ такой внутренней политики можно ожидать только вполнѣ удовлетворительныхъ. Во-первыхъ, всякій другъ передъ другомъ, навѣрное, будетъ стараться, чтобъ мысль его была, по возможности, восторженная и патріотическая; во-вторыхъ, еслибъ въ общемъ строѣ голосовъ и оказались нѣкоторые диссонансы, то можно бы таковые отмѣтить въ особыхъ спискахъ, и, по окончаніи войны, съ выразителями ихъ поступать на основаніи существующихъ постановленій. Тогда какъ теперь, при общемъ молчаніи, невозможно даже опредѣлить, гдѣ кончается благонамѣренность и гдѣ начинается область превратныхъ толкованій...

— Скажи ты мнѣ, сдѣлай милость, что̀ это за должность такая: корреспондентъ? прервалъ мои размышленія Иванъ Иванычъ.

Я объяснилъ, что въ недавнее время возникла шестая великая держава, называемая прессою, которая, стремясь къ украшенію столбцовъ и страницъ, повсюду завела корреспондентовъ. Эти послѣдніе обязываются замѣчать все, что̀ происходитъ на ихъ глазахъ, и описывать въ легкой и забавной формѣ, способной заинтересовать и увеселить читателя. Писанія свои корреспонденты отправляютъ въ газеты для напечатанія, но бабушка еще на двое сказала, увидятъ ли они свѣтъ. Все искуство корреспондента въ томъ заключается, чтобы угадать, какіе восторги своевременны и какіе преждевременны. Напримѣръ: во время серб-

ской войны, нѣкоторые восторги были сочтены преждевременными, и потому множество корреспондентовъ погибло напрасною смертью; теперь же, повидимому, эти самые восторги вполнѣ своевременны. Но и то только, повидимому, ибо, ежели будущее неисповѣдимо вообще, то въ отношеніи къ корреспонденту оно неисповѣдимо сугубо. «Лови моментъ!»—вотъ единственное правило, которое умный корреспондентъ обязанъ вполнѣ себѣ усвоить—и тогда онъ получитъ за свой трудъ достаточное вознагражденіе, чтобы...

Иванъ Иванычъ не далъ мнѣ докончить и съ изумленіемъ спросилъ:

— Такъ и корреспондентамъ деньги платятъ?

— Конечно, и даже совершенно достаточныя, чтобы не...

— Ахъ, прахъ-те побери! Отецъ Николай, слышь?

— Слышу и ничего въ томъ предосудительнаго не нахожу, ибо знаю, по собственному опыту, что такое духовный трудъ, особливо, ежели оный совершается въ благоприличныхъ формахъ и въ благопотребное время...

— Нѣтъ, да ты шутишь! настоящими ли деньгами-то платятъ вамъ? не гуслицкими ли?

— Настоящими, сказалъ я:—и вотъ вамъ доказательство...

Я вынулъ изъ бумажника десяти-рублевую и подалъ ему. Онъ поднесъ ее къ фонарю, посмотрѣлъ на огонь и вдругъ, съ быстротою молніи, опустилъ ее въ свой карманъ.

— Я ее дома ужо въ рамку вставлю и на стѣнкѣ въ гостиной у себя повѣшу! сказалъ онъ.

Положеніе мое было критическое. Съ одной стороны, я понималъ, что это—шутка (испытательнаго характера), но съ другой—мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ жалко, такъ жалко этой десятирублевой бумажки, что даже сердце въ груди невольно стѣснилось. Не желая, однакожъ, выказать свои опасенія, я рѣшился пойти на компромиссъ (опять вспомнилъ ваши передовыя статьи, гдѣ это слово такъ часто употребляется).

— Прекрасно, сказалъ я:—въ такомъ случаѣ, вы мою бумажку вывѣсите, а мнѣ отдадите свою равносильной цѣнности.

Къ несчастію, голосъ мой при этомъ дрогнулъ, и это дало ему поводъ продолжать свою шутку.

— Жирно будетъ! воскликнулъ онъ.

— Но почему же?

— А потому что потому... выпьемъ, корреспондентъ!

Онъ откупорилъ фляжку, налилъ чарочку и поднесъ ее къ моему лицу; но въ то время, какъ я уже почти касался губа-

ми, онъ ловкимъ манёвромъ отдернулъ чарочку и выпилъ вино самъ.

— За твое здоровье... корреспондентъ! Это была новая шутка, и опять испытательнаго характера; но на сей разъ я рѣшился не высказывать своихъ чувствъ.

— Итакъ, сказалъ я, возвращаясь къ прерванному разговору о позаимствованной у меня бумажкѣ:—за вами десять рублей.

— Шалишь, любезный! Хочешь, грѣхъ пополамъ?

— Но зачѣмъ же я получу только пять рублей, коль скоро вы у меня взяли цѣлыхъ десять?

— Ну, слушай! Пойдемъ на аккордъ: пять рублей я тебѣ отдамъ сейчасъ, а пять—черезъ годъ. Хочешь? А твою бумажку въ рамку вставить велю и подпишу: корреспондентова бумажка... по рукамъ, что ли?

— Не могу и на это согласиться, потому что и это не будетъ справедливо. А впрочемъ, я понимаю, что это—съ вашей стороны шутка, и охотно буду ожидать, покуда вы сами найдете возможнымъ положить ей конецъ.

— Разсердился... корреспондентъ!

— Ни мало... И, въ доказательство, что уваженіе мое къ вамъ нисколько не поколеблено, я, если угодно, хоть сейчасъ же выпью вмѣстѣ съ вами за ваше здоровье.

— Вотъ это—дѣло! ай, да корреспондентъ! Выпьемъ!

Опять появляется фляжка, и увы! вновь повторяется тотъ же манёвръ, вслѣдствіе котораго чарка, проскользнувши у меня мимо губъ, опрокидывается въ горло моего амфитріона.

Я прислонился головой къ стѣнкѣ вагона и сдѣлалъ видъ, что желаю заснуть. Замѣчательно, что батюшка, впродолженіи этихъ шутокъ, ни разу не вступился за меня. Онъ, видимо, уклонялся отъ вмѣшательства, и даже въ то время, когда шутки Ивана Иваныча пріобрѣтали несомнѣнно острый характеръ, старался смотрѣть въ окно, хотя тамъ, по ночному времени, ничего не было видно. Ясно, что, еслибъ Ивану Иванычу вздумалось, въ самомъ дѣлѣ, присвоить себѣ мои десять рублей, то я не имѣлъ бы даже свидѣтеля столь вопіющаго факта! Повторяю, впрочемъ: серьёзныхъ опасеній насчетъ преднамѣреннаго присвоенія я не имѣлъ; но, все-таки, думалось: а что̀, если онъ позабудетъ?

Не прошло, однакожь, четверти часа, какъ Иванъ Иванычъ хлопнулъ меня по колѣнкѣ и предложилъ выпить на мировую. Я, разумѣется, поспѣшилъ согласиться, и на этотъ разъ уже не было употреблено никакихъ фальшивыхъ манёвровъ.

— Слушай, корреспондентъ! сказалъ онъ при этомъ:—ты па-

рень проворный! постой, я тебѣ загадку загону. Отчего нашъ рубль, теперича, шесть гривенъ на биржѣ стóитъ?

Я призадумался, потому что мнѣ и самому, правду сказать, какъ-то не приходило въ голову, отчего это такъ? Однако, припомнивъ кое-что изъ вашихъ передовыхъ статей, отвѣтилъ, что всему причиной коварство англичанъ.

— Такъ неужто англичанинъ такую власть надъ нами взялъ, что нашъ рубль въ полтинникъ обратить можетъ?

— Это—не власть, а естественное послѣдствіе слабости нашего денежнаго рынка.

— Да рынокъ-то нашъ отчего слабъ?

— А это, опять-таки, отъ того, что англичане...

Я остановился въ недоумѣніи и сталъ соображать. Не оттого ли это, мелькнуло вдругъ у меня въ головѣ, что у насъ, взамѣнъ книгопечатанія, въ усиленной степени развито билетопечатаніе? Но онъ уже не слушалъ меня.

— Самъ-то ты, вижу я, слабъ... корреспондентъ! Батя! по маленькой!

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ отецъ Николай, который уже перересталъ смотрѣть въ окно.

— Такъ ты за Дунай и далѣе? вновь обратился ко мнѣ Иванъ Иванычъ.

— Да, за Дунай.

— «Ѣхалъ казакъ за Дунай»... а попалъ въ Рыбинскъ!

— Да, и въ Рыбинскъ. Во-первыхъ, вы сами меня пригласили, а во-вторыхъ, такъ какъ военныя дѣйствія еще не начались, то отчего же мнѣ, предварительно, не быть свидѣтелемъ драгоцѣнныхъ выраженій русскаго духа!

— Смотри, какъ бы безъ тебя войну не кончили!

— Не безпокойтесь. Лучше скажите мнѣ вотъ что. Теперь время трудное; одни жертвуютъ жизнью, другіе — знаніями, третьи—корреспонденты, напримѣръ—поддерживаютъ въ публикѣ духъ, знакомятъ ее съ ходомъ военныхъ дѣйствій... Ну, а прочіе какъ?

— А тебѣ зачѣмъ нужно знать?

— А хоть бы затѣмъ, чтобы познакомить публику съ дѣйствительнымъ настроеніемъ русскаго общества въ настоящую минуту.

— Изволь, братецъ. А мы... прочіе, то есть... какъ чуть что, сейчасъ пошлемъ за ящичкомъ — и деньги готовы!

— За какимъ же это ящичкомъ?

— А за апчественнымъ. Прежде у насъ апчественныхъ денегъ не было, а ныньче — есть. Такъ, замѣсто того, чтобъ со

списочкомъ по домамъ ходить, взялъ, сколько требуется, изъ ящичка—и шабашъ!

— Оно изъ общественнаго-то ящичка ровнѣе, пояснилъ отецъ Николай.

— Почему же ровнѣе?

— Чудакъ ты! Про англичанина знаешь, а этого не можешь понять! Извѣстно, апчественный ящикъ всѣхъ равняетъ. Тамъ и твой гривенникъ, и его пятакъ, и твоя копейка — все тамъ складено! Значитъ, отъ всякаго и жертва идетъ, глядя по состоянію.

— Стало быть, вы лично никакой тягости отъ этихъ пожертвованій не ощущаете?

— Какая тягость! Сказано тебѣ: со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ!

Вотъ вамъ фактъ. Мнѣ кажется, что, при разсмотрѣніи вопроса объ русской общинѣ, онъ долженъ имѣть первостепенное значеніе. Удивительное дѣло! Какъ только было дано разрѣшеніе завести общественныя кассы, такъ тотчасъ же онѣ получили у насъ такое же право гражданственности, какъ и растрата оныхъ! Это—уже не фантазія, не вымыселъ безпокойнаго и празднаго воображенія, а фактъ. Кассы наполняются, потомъ растрачиваются... и снова наполняются — какая изумительная, знаменательная и, въ то же время, отрадная настойчивость! Гдѣ, въ какой странѣ, вы увидите что-либо подобное?

Въ этихъ мысляхъ, я незамѣтно заснулъ. Да и время было, потому что письмо мое и безъ того уже вышло изъ предѣловъ обыкновенной газетной корреспонденціи [1].

Я проснулся въ десятомъ часу утра. Горячее солнце стояло уже высоко и обливало желтоватымъ свѣтомъ внутренность вагона. Кругомъ царствовало суетливое движеніе: пассажиры громко разговаривали, собирая свои пожитки, въ виду скораго достиженія цѣли нашего путешествія.

— А вотъ и наша Рыбна! весело воскликнулъ Иванъ Иванычъ, указывая пальцемъ въ окно.

Я потянулся, протеръ глаза, и, сознаюсь откровенно, первою моею мыслію было воспоминаніе о взятыхъ у меня десяти рубляхъ.

— Итакъ, сказалъ я: — вы должны мнѣ десять рубликовъ, почтеннѣйшій Иванъ Иванычъ!

---

[1] Напротивъ того. Чѣмъ больше подобныхъ фактовъ, тѣмъ лучше, и мы просимъ нашего корреспондента не стѣснять себя. Но въ то же время присовокупляемъ и другую покорнѣйшую просьбу: поспѣшить на Дунай.

Прим. той же редакціи.

глубокаго интереса, возбуждаемаго настоящей войной, мы и еще разъ не пожалѣли трудовъ и издержекъ. А именно: отыскали, на замѣну безъ вѣсти пропавшаго малоазіатскаго корреспондента нашего—другого, г. Ящерицына, котораго испытанное и вполнѣ намъ извѣстное проворство не оставляетъ желать ничего лучшаго. Вчера мы лично присутствовали на дебаркадерѣ николаевской желѣзной дороги при его отправленіи и можемъ сказать съ полною увѣренностью: онъ уѣхалъ. Такимъ образомъ, черезъ мѣсяцъ, никакъ не болѣе, читатели наши будутъ имѣть подробнѣйшій выборъ самыхъ свѣжихъ новостей, почерпнутыхъ прямо изъ перваго источника. При этомъ считаемъ не лишнимъ напомнить почтеннѣйшей публикѣ, что розничная продажа нашей газеты *никогда не была воспрещена, а тѣмъ менѣе пріостанавливаемо самое изданіе газеты*, и что̀ слухи будто бы мы прекращаемъ нашу дѣятельность по недостатку средствъ—чистѣйшая ложь, выдуманная нашими противниками, въ видахъ распространенія ихъ вредныхъ и *очень часто недопускаемыхъ къ розничной продажѣ* изданій, что, какъ извѣстно, при совокупномъ примѣненіи системы предостереженій, влечетъ за собою пріостановку оныхъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки, а иногда даже и совершенное прекращеніе, по усмотрѣнію начальства. А отъ этого, кромѣ потребителей розничной продажи, очевидно, страдаютъ и годовые подписчики.

4.

Варнавинъ. Васъ, конечно, удивитъ, что я пишу изъ Варнавина. Что̀ дѣлать, волны народной восторженности увлекли меня дальше, нежели я предполагалъ. Впрочемъ, я изъ Кинешмы [1]

---

[1] Такимъ образомъ, помѣщенная нами въ одномъ изъ предъидущихъ нумеровъ телеграмма г Подхалимова 1-го разъясняется. Онъ, дѣйствительно, телеграфировалъ изъ Кинешмы, а не изъ Кишинева, и мы глубоко извиняемся передъ полевымъ телеграфнымъ вѣдомствомъ въ той неосмотрительности, съ какою мы поспѣшили обвинить его въ неисправности, въ которой оно оказывается совершенно невиновнымъ. Впрочемъ, съ одной стороны, это насъ отчасти и радуетъ, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и тѣ обвиненія противъ телеграфнаго вѣдомства, которые проникли въ иностранную печать, окажутся столь же неосновательными, какъ и наше, и такимъ образомъ означенное вѣдомство выйдетъ совершенно чистымъ въ глазахъ просвѣщенной Европы. Затѣмъ, чтобы сложить съ себя хотя часть отвѣтственности передъ читателями за поступки нашихъ корреспондентовъ, мы заявляемъ: 1) что мы нетолько не одобряемъ страннаго образа дѣйствій г. Подхалимова 1-го, но даже строго порицаемъ ихъ; 2) что мы не видимъ ничего любопытнаго, ни даже забавнаго въ его корреспонденціяхъ; напротивъ того, находимъ ихъ вполнѣ неумѣстными и, если, за всѣмъ тѣмъ, печатаемъ ихъ, то потому только, чтобы хотя

уже телеграфировалъ вамъ, что русскія войска благополучно переправились черезъ Дунай у Зимницы и еще въ какомъ-то мѣстѣ—забылъ. Слѣдовательно, главное вамъ извѣстно.

Пожалуйста, извините меня, что я медленно спѣшу. Дѣйствительно, я не поспѣлъ къ переходу на Дунай, но къ переходу черезъ Балканы поспѣю, это—вѣрно. Впрочемъ, собственно говоря, въ виду той копеечной платы, которою вы меня награждаете, и извиняться не стóитъ [1]...

Въ Рыбинскѣ я пробылъ всего три недѣли и, признаюсь, разстался съ моимъ амфитріономъ безъ особенной горести. Слишкомъ испытательный характеръ его шутокъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе острый характеръ, такъ что подъ конецъ я не могъ безъ опасенія смотрѣть въ глаза будущему. Я не говорю уже о томъ, что, когда всѣмъ подавали за обѣдомъ уху изъ живыхъ стерлядей, то для меня, какъ онъ самъ выражался, спеціально готовили таковую изъ *дохлой* рыбы; но были шутки и покрупнѣе. Такъ напримѣръ: воспользовавшись моимъ восторженнымъ положеніемъ по случаю взятія Баязета, онъ уложилъ меня соннаго въ гробъ, покрывъ старой столовой красной салфеткой и поставивъ по четыремъ угламъ сальныя свѣчи, такъ что, когда я ночью проснулся и увидѣлъ себя въ комнатѣ одного и въ такой обстановкѣ, то чуть въ самомъ дѣлѣ не умеръ со страху. Въ другой разъ, воспользовавшись таковымъ же моимъ положеніемъ по случаю взятія Ардагана, онъ вывезъ меня на дрогахъ въ городской лѣсъ и бросилъ въ канаву, такъ что я, будучи пробужденъ воемъ собакъ, долженъ былъ, для спасенія своего, лѣзть на дерево и въ другой разъ чуть не умеръ со страху.

отчасти восполнить издержки, употребленныя нами на посылку корреспондентовъ; 3) что, вмѣстѣ съ симъ, мы вторично и съ строжайшею настоятельностью предлагаемъ г. Подхалимову 1-му прекратить свои блужданія и отправиться на театръ военныхъ дѣйствій—*немедленно*; и 4) что, въ этихъ же видахъ, нами отправлено письмо къ г. варнавинскому уѣздному исправнику, котораго мы просимъ подѣйствовать на г. Подхалимова 1-го путемъ убѣжденія, а буде это окажется недѣйствительнымъ, то подъискать, на мѣсто его, кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, оказывающаго склонность къ правописанію и воспроизведенію картинъ природы, и немедленно отправить на Дунай, а намъ телеграфировать объ издержкахъ, которыя мы, безъ упущенія времени, съ благодарностью возвратимъ. *Прим. редакціи газеты «Краса Демидрона».*

[1] Это—наглая ложь, за которую мы, по окончаніи военныхъ дѣйствій, непремѣнно призовемъ г. Подхалимова къ суду. Мы платимъ не по копейкѣ, а по три копейки за каждую строку; сверхъ того, приняли на себя всѣ путевыя издержки, по разсчету за мѣсто въ вагонѣ 2-го класса, и кормовыхъ по 5 рублей въ сутки, за каждый проведенный въ пути и на мѣстѣ военныхъ дѣйствій день. *Прим. газеты той же редакціи.*

*

Этотъ послѣдній поступокъ даже уклончиваго отца Николая привелъ въ недоумѣніе (я не обвиняю, впрочемъ, его за эту излишнею склонность къ дипломатіи, потому что въ домѣ Тр. каждую суботу служать всенощныя, а это—немаловажное подспорье для причта), такъ что онъ сказалъ въ лицо самому Ивану Иванычу:

— Хотя шутка, сударь, вообще непредосудителвна, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже пріятнымъ развлеченіемъ служить можеть, но въ семъ разѣ вы подвергли господина корреспондента опасности быть растерзаннымъ дикими звѣрьми и тѣмъ самымъ довольно ясно доказали, что предѣлы невиннаго препровожденія времени преступаются вами безъ надлежащей осмотрительности!

— Ишь, вѣдь, городитъ! какихъ ты еще дикихъ звѣрей въ нашемъ лѣсу сочинилъ? нимало не смущаясь, возразилъ на это Иванъ Иванычъ.

— Все-таки, сударь! въ иномъ разѣ и собака, не хуже волка, свою роль съиграетъ!

— Бѣду нашелъ? вѣдь, все равно турки его растреплютъ— чего-жъ тутъ! Еще хуже будетъ: слыхалъ, чай, какъ турки то съ *ранеными* поступаютъ... ахъ, варвары, прахъ ихъ побери!

— И на это скажу: неправильно, въ предвидѣніи смерти чаемой, а быть можетъ и не неизбѣжной, подвергать человѣка смерти опредѣлительной и неминуемой. Жестокой отвѣтственности за это подпасть можете.

— «Опредѣлительной» да «чаемой!»—не умеръ—вѣдь! Отдышался!

Такъ-таки и не успѣлъ отецъ Николай довести моего амфитріона до чистосердечнаго раскаянія!

Въ заключеніе всего, Иванъ Иванычъ пригласилъ меня съ собой въ Нижній, куда онъ ѣхалъ по торговымъ дѣламъ, и высадилъ, ночью, соннаго, въ согласіи съ капитаномъ парохода, на пустынномъ берегу Волги. Такъ что я на другой день проснулся, томимый жаждою, подъ палящими лучами солнца, и только отъ проходящихъ бурлаковъ узналъ, что нахожусь въ семи верстахъ отъ Кинешмы. Справедливость, однакожь, требуетъ сказать, что я нашелъ свой сакъ въ сохранности и, сверхъ того, въ карманы моего пальтò заботливою рукою г. Тр. были положены: булка, кусокъ колбасы и бутылка водки. Сверхъ того, я нашелъ у себя въ боковомъ карманѣ: сторублевый кредитный билетъ и записку слѣдующаго содержанія: «прощай, корреспондентъ!» Однако, этому доброму дѣлу онъ придалъ шутовскія формы, надѣлавшія мнѣ не мало хлопотъ, а именно нарисовалъ на сторублевомъ билетѣ усы, такъ что, когда я, придя въ Ки-

нецму, хотѣлъ размѣнять ассигнацію на мелкія, то меня повели къ исправнику въ качествѣ обвиняемаго въ превратныхъ толкованіяхъ! Исправникъ же, хотя и убѣдился моими объясненіями въ моей невинности, но, все-таки, отобралъ отъ меня паспортъ, на случай, какъ онъ выразился, возникновенія обо мнѣ дѣла, и обязалъ меня подпискою увѣдомлять его каждонедѣльно о своемъ мѣстопребываніи! Вотъ каковы результаты моей поѣздки въ Рыбинскъ!

Замѣчательно легкомысліе людей, подобныхъ моему рыбинскому амфитріону. Повидимому, они набожны, охотно ходятъ въ церковь, служатъ всенощныя, молебны и приносятъ значительныя пожертвованія на благолѣпіе храмовъ, а между тѣмъ никто легче ихъ не переходитъ отъ набожности къ самому циническому кощунству. Случай со мной, какъ меня уложили въ гробъ, служитъ тому очевиднымъ доказательствомъ. И я вполнѣ убѣжденъ, что Иванъ Иванычъ даже не понималъ, что онъ кощунствуетъ, а просто полагалъ, что это—такая же «шутка», какъ и та, которую онъ дозволялъ себѣ, кормя меня ухою изъ «дохлой» рыбы!

Да; печальна участь русскаго корреспондента![1] Мало того, что онъ, подобно американскимъ піонерамъ, рискуетъ, изслѣдуя русскія дебри, быть растерзаннымъ дикими звѣрьми—надъ нимъ еще всячески издѣваются люди, которымъ, по ихъ богатству и положенію, слѣдовало бы стоять на стражѣ отечественной культуры!

За все мое пребываніе въ Рыбинскѣ случилось одно только замѣчательное происшествіе: битва въ клубѣ, причемъ враждующіе раздѣлились на двѣ партіи: одна, подъ предводительствомъ моего принципала (въ этомъ же лагерѣ находился, конечно, и я), другая—подъ предводительствомъ одного изъ здѣшнихъ сильныхъ міра, статскаго совѣтника Р. Враждующія стороны давно уже пикировались изъ-за первенства въ клубѣ и, наконецъ, надняхъ, во время выборовъ въ старшины, когда партія статскаго совѣтника была торжественно прокачена на вороныхъ, не выдержали. Генеральное сраженіе устроилось какъ-то совершенно

---

[1] Печальна, правда, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполнѣ заслуженна. Если мы желаемъ, чтобъ насъ уважали, необходимо, во-первыхъ, чтобы мы сами выполняли принятыя нами добровольно обязанности честно и добросовѣстно, не ставя лицъ, ни въ чемъ неповинныхъ, въ затруднительное положеніе предъ подписчиками, а во-вторыхъ, чтобы мы даже для выраженія чувствъ восторга пріискивали болѣе приличныя формы, а не впадали въ крайности, которыя позволяютъ, безъ нашего вѣдома, высаживать насъ на пустынный берегъ Волги

Прим. редакціи газеты «Краса Демидрона».

внезапно. «Наши», по окончаніи баллотировки, преспокойно разсѣлись за карточные столы, какъ вдругъ развѣдчики донесли Тр., что въ непріятельскомъ лагерѣ происходитъ какое-то подозрительное движеніе. И дѣйствительно, статскій совѣтникъ совѣщался въ большой залѣ съ своими акколитами и металъ глазами молніи. Убѣдившись, что нападеніе должно воспослѣдовать въ самомъ непродолжительномъ времени, «наши», не подавая вида, что подозрѣваютъ что-либо, продолжали сидѣть за картами, но между тѣмъ приготовились и разослали по домамъ за подкрѣпленіями. Но и за всѣмъ тѣмъ, положеніе наше было очень и очень сомнительное, и, еслибъ непріятель сдѣлалъ нападеніе немедленно (онъ самъ, повидимому, не былъ увѣренъ въ своихъ силахъ), то весьма возможно, что наше дѣло было бы проиграно навсегда. Но въ этотъ вечеръ статскій совѣтникъ дѣлалъ промахъ за промахомъ. Во-первыхъ, онъ пропустилъ удобный моментъ, во-вторыхъ, допустилъ, что коллежскій совѣтникъ N и отставной ротмистръ Ж. ушли домой, и, въ-третьихъ, ворвался въ игральныя комнаты, не разсчитавъ, что мы были защищены игральными столами и вооружены подсвѣчниками. Результатъ былъ таковъ, какого и слѣдовало ожидать. Непріятель былъ смятъ въ нѣсколько мгновеній и бѣжалъ съ поля сраженія, съ трудомъ подобравъ своихъ раненыхъ. Съ нашей стороны потерь не было, но лицо Тр. оказалось до такой степени испещреннымъ разнообразными боевыми знаками, какъ будто по немъ проѣхали желѣзной бороной. Я также получилъ ушибъ въ лѣвое ухо и въ правую скулу, но награды себѣ за это не ожидаю [1].

Еще особенность Рыбинска: тамошнія мѣщанки гораздо охотнѣе, нежели мѣщанки другихъ городовъ Ярославской Губерніи, назначаютъ на бульварѣ любовные рандеву. Я самъ однажды, въ качествѣ любопытнаго, отправился, когда стемнѣло, на бульваръ и невольно вспомнилъ о Немировичѣ-Данченко. Только его чарующее перо можетъ достойно описать упоительную рыбинскую ночь среди групъ густолиственныхъ липъ, каждый листъ которыхъ полонъ сладострастнаго шопота! По увѣреніямъ старожиловъ, любовное предрасположеніе здѣшнихъ жителей происходитъ отъ того, что они питаются преимущественно рыбою (от-

---

[1] Сотрудникъ нашъ приложилъ при этомъ даже планъ дома, въ которомъ происходило сраженіе, съ обозначеніемъ расположенія враждующихъ сторонъ. Мы, однакожь, не воспроизводимъ этой карты на страницахъ нашей газеты и вновь убѣждаемъ г. Подхалимова 1-го, не увлекаясь посторонними предметами, немедленно слѣдовать къ мѣсту назначенія. *Прим. той же редакціи.*

сюда и самое названіе Рыбинскъ), которая, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ много фосфора.

Я и самъ получилъ приглашеніе на рандеву отъ нѣкой Аннушки, но остерегся пойти, подозрѣвая въ этомъ новую шутку моего амфитріона. И дѣйствительно, я угадалъ: на другой день, отецъ Николай сообщилъ мнѣ за тайну, что все это было устроено съ единственною цѣлью *помять мнѣ бока!*

Итакъ, я въ Варнавинѣ!.. [1].

5 [2].

Село Баки (между Варнавинымъ и Семеновымъ). Итакъ, я на Ветлугѣ; разскажу по порядку, какимъ образомъ это произошло.

Послѣ извѣстнаго вамъ рыбинскаго погрома, будучи высаженъ съ парохода на пустынный берегъ Волги, я достигъ, наконецъ, Кинешмы, гдѣ и пробылъ три дня, во-первыхъ, чтобы отдохнуть, а во-вторыхъ, чтобы покончить непріятное дѣло о превратныхъ толкованіяхъ, возникшее по поводу злополучной сторублёвки, подаренной мнѣ купцомъ Тр.

Изъ Кинешмы я хотѣлъ отправиться по желѣзной дорогѣ въ Москву, дабы оттуда уже безостановочно ѣхать на Дунай и далѣе, но, вмѣсто того, попалъ на пароходъ, который нечувствительно привезъ меня въ Юрьевецъ. Бѣда была бы, однакожъ, не велика, потому что я могъ бы доѣхать этимъ порядкомъ до Нижняго и, все таки, рано или поздно, добраться до Москвы; но въ Юрьевцѣ случился со мною новый казусъ. Тамъ, какъ вамъ, конечно, извѣстно, существуютъ двѣ пароходныя линіи: одна идетъ внизъ и вверхъ по Волгѣ на Нижній и Рыбинскъ, другая же уклоняется къ сѣверу и идетъ по рѣкѣ Унжѣ до Макарьева (костромского). Выйдя съ парохода погулять, я, ничего не подозрѣвая, попалъ, вмѣсто нижегородскаго парохода, на макарьевскій, и, къ великому моему удивленію, на другой день утромъ очутился въ Макарьевѣ. Къ счастью, я имѣю привычку никогда не оставлять моего дорожнаго сака ни въ вагонахъ, ни

---

[1] На этомъ письмо обрывается. Оно не подписано г. Подхалимовымъ 1-мъ, но почеркъ его слишкомъ хорошо знакомъ намъ, чтобы мы могли хотя на минуту усомниться въ принадлежности письма именно ему.

Прим. той же редакціи.

[2] На сей разъ мы даже не сопровождаемъ письма нашего корреспондента никакими комментаріями, предоставляя читателямъ самимъ разсудить, съ какимъ чувствомъ мы его помѣщаемъ. Письма г. Подхалимова становятся, впрочемъ, короче и короче, что отчасти утѣшаетъ насъ.

Прим. той же редакціи.

въ пароходныхъ каютахъ, и потому всѣ вещи мои оказались на лицо. Тѣмъ не менѣе, кàкъ я ни оправдывался передъ капитаномъ парохода и даже показывалъ ему билетъ, взятый на пароходѣ до Нижняго, но меня, все-таки, заставили заплатить за мое невольное путешествіе отъ Юрьевца до Макарьева. Я даже подозрѣваю, что капитанъ, въ самый моментъ моего появленія на унженскій пароходъ, очень хорошо понималъ, что я попалъ туда ошибкою, но нарочно оставилъ меня въ заблужденіи, такъ какъ публики по унженской линіи ѣздитъ мало, и подобныя заблужденія, конечно, на руку компаніи. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые пассажиры мнѣ сказывали, что такіе случаи здѣсь нерѣдки, особливо во время нижегородской ярмарки, когда купцы вообще дѣлаются особенно склонными впадать въ заблужденія.

Въ Макарьевѣ я пробылъ менѣе сутокъ, и такъ какъ былъ сильно утомленъ, то цѣлый день проспалъ и никакихъ городскихъ достопримѣчательностей осмотрѣть не могъ. Вечеромъ, впрочемъ, отправился въ мѣстный клубъ, но тутъ-то именно и случилось фатальное недоразумѣніе. Сторожъ потребовалъ отъ меня рекомендаціи кого-либо изъ членовъ, а я, при этомъ требованіи, неизвѣстно почему, обробѣлъ. Тогда онъ началъ самымъ наглымъ образомъ настаивать, чтобъ я предъявилъ свой паспортъ, грозя, въ противномъ случаѣ, дать знать исправнику. Впослѣдствіи я узналъ, что эта необыкновенная щепетильность имѣетъ свою законную причину: не задолго передъ тѣмъ, въ городѣ произошло нѣсколько пожаровъ, причину которыхъ относятъ къ поджогамъ. Слѣдовательно, теперь появленіе каждаго новаго лица въ городѣ поднимаетъ тревогу и возбуждаетъ подозрѣніе, не поджигатель ли. А такъ какъ у меня паспортъ былъ отобранъ еще въ Кинешмѣ, то, натурально, я не могъ ничего предъявить. Кàкъ бы то ни было, я долженъ былъ дать гривенникъ изъ собственныхъ своихъ, чтобы только замять это дѣло, которое могло разъиграться тѣмъ, что, крикни только сторожъ—и разъяренная чернь меня, человѣка совсѣмъ невиннаго [1], навѣрное, разорвала бы на части!

Въ виду такой перспективы, я, даже не возвращаясь на постоялый дворъ, поспѣшилъ выбраться изъ города и очутился на совершенно незнакомой мнѣ дорогѣ. Я шелъ на-угадъ цѣлыхъ четыре дня, не зная, куда приведетъ меня звѣзда, ночевалъ бòльшею частью въ стогахъ сѣна и питался ягодами, которыми, къ счастью, здѣшніе лѣса изобилуютъ. Но, ахъ! еслибъ вы знали, какіе это лѣса! Дремучіе, торжественно-молчаливые,

[1] Но пьянаго. *Прим. той же редакціи.*

наполненные всякаго рода птицей, звѣремъ и гадомъ! Изрѣдка только, въ перелѣскахъ, попадаются небольшія селенія, которыхъ я, однакоже, какъ безпаспортный, старался избѣгать.

Но, сколько могу судить по мимолётнымъ моимъ наблюденіямъ, восторгъ, по случаю войны, и здѣсь не мѐньшій, нежели въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ я до сихъ поръ былъ. По крайней мѣрѣ, одна старушка, къ которой я зашелъ въ избу, чтобы хоть сколько-нибудь подкрѣпить свои силы горячей пищей (семья была въ это время на работѣ, а она домовничала), узнавъ, что я — корреспондентъ газеты «Краса Демидрона», нетолько накормила меня задаромъ прекраснѣйшей глазуньей-яичницей, но и дала мнѣ на дорогу большую лепёшку, которая сослужила мнѣ очень-очень большую службу въ дальнѣйшемъ путешествіи. Отъ нея же я узналъ, что деревня ихъ Варнавинскаго Уѣзда и отстоитъ отъ Варнавина въ сорока верстахъ. Пользуясь этимъ случаемъ, я вздумалъ кстати собрать нѣсколько небезполезныхъ этнографическихъ данныхъ, которыя могли бы мнѣ послужить матеріаломъ для характеристики этой мѣстности, и съ этою цѣлью вступилъ въ разговоръ съ старушкой.

— Ну, милая старушка! сказалъ я:—за хлѣбъ за соль благодарю, а все-таки попрошу тебя и еще одну службушку мнѣ сослужить.

— Какую, кормилецъ?

— Разскажи ты мнѣ, какіе тутъ у васъ есть нравы и обычаи?

— Какимъ у насъ, кормилецъ, обычаямъ быть? Извѣстно, лѣтомъ работаемъ, весною работаемъ, осенью работаемъ, зимою работаемъ—вотъ и всѣ наши обычаи здѣшніе!

Болѣе этого я узнать такъ-таки ничего и не могъ, и ка́къ ни старался втолковать доброй женщинѣ, что слово «обычай» означаетъ «игры», «пѣсни», «обряды свадебные и похоронные» и проч., но она уперлась на своемъ, что никакихъ обычаевъ у нихъ нѣтъ, кромѣ одного: и лѣтомъ, и зимой, и осенью, и весной— всѣ работаютъ. Къ довершенію всего, когда я собрался въ путь, она бросилась ко мнѣ въ ноги и стала умолять, чтобъ я попомнилъ ея хлѣбъ-соль и не «трогалъ» ихъ деревни. Представьте! она приняла меня за поджигателя!

Ровно черезъ сутки я очутился въ виду Варнавина, да и пора была, потому что ноги у меня ужасно отекли и распухли. Варнавинъ—довольно чистенькій городокъ на Ветлугѣ, при впаденіи въ нее Лапшанги. Я пришелъ туда хотя подъ вечеръ, но еще не поздно; однако, на улицахъ было до того пустынно, что самые дома, въ изумленіи, что̀ раздались чьи-то шаги, казалось, спрашивали: кто здѣсь блуждаетъ? Насилу нашелъ постоялый

дворъ, разумѣется, сейчасъ же снялъ сапоги, напился сквернѣйшаго чаю и заснулъ какъ убитый. На другой день, проснувшись довольно рано, хотѣлъ осмотрѣть достопримѣчательности города— не тутъ-то было! Представьте! и здѣсь на дняхъ было нѣсколько пожаровъ, и здѣсь ходятъ слухи о поджогахъ, такъ что внезапное появленіе мое пѣшкомъ и неизвѣстно откуда окончательно всполошило и полицію, и обывателей. И вотъ, въ то самое время, какъ я писалъ мое предыдущее письмо къ вамъ, вдругъ возникъ вопросъ о паспортѣ, и я вновь долженъ былъ мгновенно исчезнуть... что̀ я и сдѣлалъ, оставивъ на столѣ два двугривенныхъ для расплаты съ хозяиномъ за постой.

Вотъ почему мое послѣднее письмо къ вамъ осталось неподписаннымъ, а совсѣмъ не потому, чтобы я былъ *нездоровъ*, какъ вы, быть можетъ, предположили. Люди вообще склонны дѣлать слишкомъ скорыя заключенія въ ущербъ своимъ ближнимъ, а редакторы газетъ въ особенности. Но опытъ доказываетъ, что очень часто подобныя заключенія оказываются нетолько преждевременными, но даже и вполнѣ неосновательными!

Итакъ, я въ самомъ центрѣ Ветлужскаго Края. Бакѝ—довольно большое село, стоящее на крутомъ берегу рѣки Ветлуги. Здѣсь дорога изъ Семенова (Нижегородской Губерніи) развѣтвляется: одна вѣтвь идетъ на сѣверъ, черезъ Варнавинъ до города Ветлуги, а можетъ быть, и дальше, другая—поворачиваетъ на востокъ на Яранскъ и Вятку. Бакѝ принадлежали прежде... [1]

6.

Отъ редакціи газеты «Краса Демидрона». Сегодня мы опять получили телеграмму отъ нашего дунайскаго корреспондента, весьма странную телеграмму, которую, однакожь, не считаемъ нужнымъ скрывать отъ нашихъ читателей, дабы они могли видѣть сами, какими неожиданными результатами увѣнчались наши старанія удовлетворить справедливымъ требованіямъ публики, по случаю настоящихъ военныхъ обстоятельствъ. Вотъ эта телеграмма:

«**Козьмодемьянскъ.** 20 іюля. Наши войска перешли за Балканы. Ура генералу Гурко! Всеобщій восторгъ. Пью за ваше здоровье, Аннушка! (не понимаемъ!). Кажется успѣлъ напасть на слѣды Подхалимова 2-го, который дня три тому назадъ былъ здѣсь. Подробности почтою. Подхалимовъ 1-й».

---

[1] И это письмо недописано... вѣроятно, тоже по случаю паспорта?!

Примѣч. той же редакціи.

Такимъ образомъ, есть признаки, свидѣтельствующіе что и малоазіатскій нашъ корреспондентъ совсѣмъ не попалъ въ плѣнъ, какъ мы первоначально полагали, а просто на просто запутался въ Чебоксарѣ... Будемъ ожидать дальнѣйшихъ разъясненій.

7.

Васильсурскъ. Я вышелъ изъ Баковъ съ такой поспѣшностью, что даже и птицы дивились быстротѣ моихъ ногъ. Представьте: оказалось, что хотя въ Бакахъ и не было въ настоящемъ году пожаровъ, но, такъ какъ таковые были во всѣхъ ближайшихъ селеніяхъ, то у меня до такой степени настоятельно потребовали паспорта, что я долженъ былъ скрыться, не допивъ даже стакана чаю, лишь бы не быть арестованнымъ!

Хотя изъ Баковъ идетъ прямая дорога на Семеновъ, но я предпочелъ слѣдовать берегомъ рѣки Ветлуги, тѣмъ больше, что незадолго предъ тѣмъ прочиталъ романъ Печерскаго «Въ лѣсахъ» и зналъ, что этимъ путемъ попаду въ село Воскресенское, гдѣ могу полакомиться отмѣнными ветлужскими стерлядями. Я не стану описывать восторговъ, происходящихъ въ этой мѣстности по случаю военныхъ обстоятельствъ: они вездѣ одинаковы. Замѣчу, однакожъ, что все, описанное г. Печерскимъ въ его романѣ, я нашелъ здѣсь на лицо и въ полной исправности. Не успѣлъ я пройти нѣсколько верстъ отъ Баковъ, какъ на меня напала «строка» и чуть не заѣла. Изъ Воскресенскаго, наѣвшись до отвала въ тамошнемъ трактирѣ отличнѣйшей стерляжьей ухи, зашелъ въ женскій раскольничій скитъ, гдѣ нашелъ все совершенно такъ, какъ описывается у г. Печерскаго. Въ горницахъ «матери» угощаютъ макарьевскаго исправника провѣсной бѣлорыбицей и переславскими копчоными сельдями, а въ это время, въ подпольѣ, сидитъ старецъ и дѣлаетъ фальшивыя ассигнаціи. И меня приглашали заняться этимъ выгоднымъ ремесломъ, но я, понимается, отказался и, поѣвъ въ келарнѣ пухлыхъ скитскихъ блиновъ, отправился далѣе.

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается» — эта пословица съ буквальною точностью осуществилась на мнѣ. Цѣлыхъ двѣ недѣли бродилъ я по Ветлугѣ, но гдѣ бродилъ и что видѣлъ — хоть убейте, сказать не могу. Знаю, что видѣлъ множество мѣстъ, укрѣпленныхъ самою природою, и безчисленное количество болотъ, которыя тоже могутъ служить отличнѣйшею защитою. И больше—никсъ!

Странное свойство этой мѣстности! Еще про покойнаго П. И.

Якушкина разсказывали, что онъ цѣлыхъ два года ходилъ по Ветлугѣ, въ качествѣ собирателя этнографическихъ матеріаловъ, и когда его, впослѣдствіи, спрашивали, что онъ замѣтилъ, то онъ отвѣчалъ: забылъ! То же самое повторилось и со мною. Гдѣ былъ, что видѣлъ, объ чемъ говорилъ—ничего не помню! Хотя же выше я и написалъ вамъ о «строкѣ» и воскресенскихъ стерлядяхъ и о житьѣ-бытьѣ въ скитахъ, но не могу ручаться, что все это было на дѣлѣ, а не есть послѣдствіе недавняго прочтенія романа «Въ лѣсахъ». Однимъ словомъ, Ветлуга, это—наша русская Лета, въ волнахъ которой никому безвозбранно окунуться не дозволяется!

Наконецъ, я дошелъ до Волги, сѣлъ на пароходъ, и на сей разъ удачно, потому что попалъ не въ Козьмодемьянскъ, а въ въ Васильсурскъ, то есть прямо по направленію къ дунайскому театру войны, отъ котораго до сихъ поръ такъ настойчиво отдаляли меня тысячи мелкихъ случайностей. Я знаю, что мнѣ слѣдовало бы ѣхать прямо въ Нижній (тѣмъ болѣе, что тамъ началась уже ярмарка и въ Кунавинѣ можно было бы собрать громадный матеріалъ для бытовыхъ сценъ), но что хотите! Отецъ Николай сказалъ правду, что плоть человѣческая немощна; я вспомнилъ о знаменитыхъ сурскихъ стерлядяхъ и рѣшился побывать въ Васолѣ... впрочемъ, только отъ парохода до парохода.[1]

Васильсурскъ, очень хорошенькій городокъ, стоящій на возвышенномъ берегу Волги, при сліяніи ея съ Сурой, отчего произошло и самое наименованіе его. По календарю Суворина, въ немъ значится жителей 2,507 душъ обоего пола, но мнѣ кажется, что я въ однихъ трактирныхъ заведеніяхъ насчиталъ въ разное время больше (впрочемъ, очень возможно, что это были однѣ и тѣ же лица, приходившія пить чай по нѣскольку разъ). На столбѣ, врытомъ у почтовой станціи, значится: отъ С. Петербурга 1186, отъ Москвы 582, отъ Нижняго Новгорода 112 верстъ. Плата за телеграммы взимается въ обѣ столицы одинаковая: одинъ рубль; но международной корреспонденціи нѣтъ, такъ что, если бы вамъ вздумалось, напримѣръ, телеграфировать мнѣ по-французски, то, извините, мы этого діалекта здѣсь не понимаемъ! Еще особенность Васильсурска: онъ лежитъ подъ 56, 8' сѣверной широты и подъ 63, 40' восточной долготы. Будущность, ожидающая этотъ городъ — громадная, особливо, когда проведутъ отсюда желѣзный путь до Алатыря (Симбирской Губерніи), а отсюда, черезъ Коняковъ, до Пензы. Тогда весь хлѣбъ сурскаго бассейна пойдетъ сюда; и моршан-

---

[1] Отчего жъ не подольше? *Примѣч. той же редакціи.*

ско-сызранской дорогѣ — капутъ, такъ, по крайней мѣрѣ, при мнѣ говорили посѣтители трактира, въ которомъ я ѣлъ знаменитую сурскую уху.

Какъ вашъ корреспондентъ, я счелъ нелишнимъ представиться здѣшнему инвалидному начальнику, который очень любезно меня принялъ, представилъ меня своей супругѣ и показалъ свою команду [1]. Ахъ, что это за бравый, бодрый, отличный народъ! Всѣ (ихъ было пять человѣкъ) [2], какъ на подборъ одинъ къ одному — молодцы! Коренастые, кровь съ молокомъ — загляденье! Поздоровавшись съ ними, какъ слѣдуетъ (начальникъ [3] показывалъ мнѣ ихъ въ манежѣ), я обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— А что, ребята, горите желаніемъ сразиться съ врагомъ?

— Га-а-рр-ы имъ, ваше калеспандентное ва-ше-ство! грянули въ отвѣтъ молодцы, какъ изъ пушки.

— И скоро вы выступаете въ походъ? обратился я къ начальнику.

— Какъ скоро, такъ сейчасъ! отвѣтилъ онъ мнѣ.

Итакъ, въ походъ. Мы еще не за Балканами, но съ такими молодцами будемъ тамъ скоро; это не подлежитъ никакому сомнѣнію [4]. Возвращаясь изъ манежа домой, мы были застигнуты въ дорогѣ такимъ проливнымъ дождемъ, что буквально на насъ не осталось ни одной сухой нитки Къ тому же, порядочно ужъ стемнѣло, и грязь на улицахъ сдѣлалась непролазная (здѣсь начало черноземной полосы, этого неисчерпаемаго золотого дна Россіи). Къ несчастью, я еще упалъ, и такимъ образомъ, измокшіе, всѣ въ грязи, мы явились обратно. Миловидная супруга начальника очень смѣялась, увидя насъ въ этомъ непривлекательномъ видѣ, но амфитріонъ мой сердито замѣтилъ:

— Чѣмъ смѣяться-то, лучше бы велѣла подать гостю сухое бѣлье!

Черезъ нѣсколько минутъ, я былъ уже переодѣтъ: въ сухомъ бѣльѣ и въ турецкомъ халатѣ, и въ этомъ видѣ любезный начальникъ повелъ меня къ своей супругѣ (я протестовалъ, но онъ такъ убѣдительно просилъ не церемониться, что я вынуж-

---

[1] Вотъ до чего велико невѣжество нашего корреспондента: онъ не знаетъ даже, что инвалидныя команды давно упразднены! Впрочемъ, для насъ это — дѣло ясное: вѣроятно, г. Подхалимовъ 1-й опять попалъ въ гости къ новому Ивану Иванычу Тр., и тотъ показалъ ему, подъ видомъ инвалидной команды своихъ переодѣтыхъ приказчиковъ... *Примѣч. той же редакціи.*

[2] Такъ и есть, приказчики. Слыханное ли дѣло, чтобы даже инвалидная команда состояла всего на все изъ пяти человѣкъ?, *Тоже.*

[3] Т. е. моссельсурскій Иванъ Иванычъ Тр. и не въ манежѣ, конечно, а въ какомъ-нибудь сарайшкѣ. *Тоже.*

[4] Ужъ давно тамъ... пьяница! *Тоже.*

денъ былъ покориться), которая, увидѣвъ меня въ моемъ импровизированномъ костюмѣ, сейчасъ же прозвала меня злымъ туркомъ, а потомъ, когда хозяинъ дома на минуту отлучился изъ комнаты, потихоньку сказала мнѣ, что это—халатъ ея мужа и что я въ немъ такъ похожъ на него, что... Къ сожалѣнію, она не докончила, потому что въ эту минуту вошелъ слуга съ самоваромъ.

Налили чай, въ который я, для вкуса, подбавилъ рюмочку рома [1], и затѣмъ бесѣда наша пошла далеко за ночь. Обсуждали военныя дѣйствія, сперва на малоазіатскомъ театрѣ, потомъ на дунайскомъ, и, по совѣсти, нашли болѣе поводовъ для одобренія, нежели для порицанія. Впрочемъ, вы и сами, по опыту, знаете, какое живительное вліяніе оказываютъ на бесѣду во время и у мѣста проглоченныя двѣ-три рюмки ямайскаго [2]!

Взаключеніе, гостепріимный хозяинъ велѣлъ сервировать скромную закуску и двѣ полбутылочки холодненькаго [3], которыя мы и роспили за здоровье храбрыхъ русскихъ воиновъ.

Когда я всталъ, наконецъ, чтобы проститься, мой амфитріонъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и просилъ не забывать. На это я отвѣтилъ, что корреспонденты никогда ни одного проглоченнаго куска не забываютъ, и сослался на примѣръ малоазіатскаго корреспондента «Сѣвернаго Вѣстника», который передъ лицомъ всей Россіи далъ клятву вѣчно хранить благодарное воспоминаніе о радушномъ пріемѣ, оказанномъ ему кутаисскимъ бомондомъ Еще бы: кормили шемаей, поили кахетинскимъ—какъ это забыть!

Да, воспоминаніе о Васильсурскѣ будетъ до гроба жить въ моемъ сердцѣ! Во-первыхъ, отъ меня не потребовали паспорта, а во-вторыхъ, нетолько не «пошутили» надо мной [4], но обласкали и накормили меня совершенно какъ слѣдуетъ. Согласитесь, что это не вездѣ и не со всякимъ бываетъ!

Возвратясь на постоялый, засѣлъ за корреспонденцію, но, признаюсь, до того усталъ, что дальше продолжать не могу: совсѣмъ глаза слипаются. Прощайте; иду спать, и, навѣрное, засну какъ убитый. Но завтра, въ пять часовъ утра — въ Нижній! и на этотъ разъ ужь вѣрнѣе смерти! [5].

Подхалимовъ 1-й.

---

[1] Не десять ли? *Тоже.*

[2] Отроду, кромѣ квасу, ничего не пивали! *Тоже.*

[3] Не двадцать ли двѣ, и притомъ не шампанскаго, а ерофѣича? *Тоже.*

[4] А мы такъ крѣпко въ этомъ сомнѣваемся, хотя, конечно, шутки васильсурскаго Ивана Иваныча носятъ болѣе гуманный характеръ, нежели шутки Ивана Иваныча—рыбинскаго. *Тоже.*

[5] Поѣхалъ въ Нижній, а попалъ въ Козьмодемьянскъ, какъ доказываетъ вчерашняя телеграмма, извѣщающая о переходѣ черезъ Балканы. Посмотримъ, чѣмъ-то кончится эта новая Одиссея?! *Тоже.*

P. S. Чтобы окончательно успокоить васъ насчетъ непремѣннаго моего отъѣзда въ Нижній, спѣшу прибавить, что самъ здѣшній представитель военной власти взялся устроить мнѣ мѣсто на пароходѣ, отправляющемся въ пять часовъ. За часъ передъ этимъ, онъ пришлетъ на постоялый одного изъ своихъ юныхъ героевъ, чтобы разбудить меня. Слѣдовательно, вы можете быть спокойны: все заранѣе такъ комбинировано, что я даже проспать не могу.

8 [1].

Чебоксары. Даже не извиняюсь передъ вами—надоѣло. Вчерашній амфитріонъ мой, вѣроятно, разсудилъ, что черезъ Васильсурскъ можно ѣхать только на малоазіатскій театръ войны, и потому взялъ билетъ на пароходѣ, идущемъ въ Казань. А я не справился — вотъ и вся моя вина! Знаю, что подобные qui pro quo не всегда умѣстны, но на практикѣ они бываютъ очень назидательны. Ѣдешь часъ, ѣдешь другой, думаешь: вотъ сейчасъ будетъ Лысково—и вдругъ Козьмодемьянскъ! Удивительный переворотъ въ мысляхъ производятъ подобныя неожиданности!

Однако, въ сторону все это. Главное: я отыскалъ *Подхалимова 2-го.*

Вотъ какъ было дѣло. Узнавъ на пароходѣ, что наши перешли черезъ Балканы, я воспользовался остановкой въ Козьмодемьянскѣ, чтобы подѣлиться съ вами этою радостью. Прихожу на телеграфную станцію, подаю телеграмму, настаиваю, чтобы ее поставили на аппаратъ немедленно, при мнѣ—и вдругъ телеграфистъ говоритъ мнѣ:

— А вчера точь въ точь такую телеграмму и въ ту же газету подавалъ у насъ одинъ господинъ.

Разумѣется интересуюсь, разспрашиваю и получаю въ отвѣтъ: черноватенькій (онъ!), небольшого роста (онъ!), шадроватый изъ лица (тысячу разъ онъ!).

— И чудной господинъ! прибавляетъ телеграфистъ:—точно во

---

[1] Мы безпрерывно получаемъ письма отъ нашихъ подписчиковъ, въ которыхъ послѣдніе укоряютъ насъ за то, что мы, вмѣсто дѣйствительныхъ извѣстій съ театра войны, печатаемъ какую-то фантастическую дребедень. Просимъ, однакожъ, войти въ наше положеніе. Въ свое время мы сдѣлали всѣ зависящія распоряженія, чтобы получать самыя свѣжія и точныя свѣдѣнія съ обоихъ театровъ войны, и, положа руку на сердце, можемъ сказать, что не щадили при этомъ ни трудовъ, ни издержекъ. Предпріятіе это намъ не удалось, это — правда; но нужно же намъ вознаградить себя хотя за понесенныя издержки, не говоря уже о трудахъ!! *Тоже.*

снѣ ходитъ (опять таки, онъ!). Подалъ-это телеграмму и говоритъ: зачѣмъ я, однако, въ Козмодемьянскъ пріѣхалъ?—Вамъ, говорю, лучше это знать!—«Да въ Чебоксарахъ, вѣдь, есть своя телеграфная станція?»—Есть, говорю.—«Ну, такъ, говоритъ, лучше изъ Чебоксаръ отправлю». Взялъ назадъ и уѣхалъ [1].

Онъ! онъ! онъ! Въ Чебоксарахъ, это—вѣрно!

Покуда я такимъ образомъ бесѣдовалъ, нашъ пароходъ ушелъ; но я уже не жалѣлъ о потерянныхъ деньгахъ за мѣсто, взятое до Казани, и думалъ лишь о томъ, кàкъ бы съ будущимъ пароходомъ опять не вышло ошибки, и мнѣ, вмѣсто Чебоксаръ, не пришлось воротиться въ Васильсурскъ!

На этотъ разъ, однако, обошлось благополучно. Проходитъ два часа—и Чебоксары уже въ виду. Пристаемъ; я выхожу на берегъ и спѣшу въ первый попавшійся на глаза трактиръ.

— Подхалимовъ 2-й, ты?

— Я!

— Какими судьбами? У родственниковъ, что ли, загостился? Помнится, ты говорилъ, что у тебя въ Чебоксарахъ родные живутъ? [2].

— Какіе, братъ, къ чорту родственники! развѣ у Подхалимовыхъ бываютъ родственники!

Слова эти опечалили меня. Горемычные мы, Подхалимовы, въ самомъ дѣлѣ, люди! Безъ роду, безъ племени (все-то мы растеряли!), шатаемся изъ трактира въ трактиръ, разъискивая, гдѣ бы хоть крошечку пріютиться! Выйдетъ мѣстечко—не успѣешь и оглянуться, смотришь и опять чѣмъ-нибудь не потрафилъ! Неуживчивы мы, мятежа въ насъ много—вотъ оно что̀! Но, съ другой стороны, кабы не было этого мятежа—что̀ бы поддерживало насъ? Вотъ и вы, поди, теперь думаете: безпремѣнно я этому Подхалимову 1-му, за его неисправности, отъ мѣста откажу! Чтожъ! откажите! [3].

— Что̀ же такое случилось? деньги, что ли, потерялъ?

— Деньги потерялъ, паспортъ потерялъ—все какъ слѣдуетъ! А главное, штучка у меня тутъ завелась.

— Гм... штучка! Интересно, братъ, интересно!

— Да что! бестія, братъ! то-есть—такая выжига, что Боже упаси!

— Кàкъ же ты на нее напалъ?

---

[1] Вотъ до чего можетъ довести неумѣренное употребленіе алкоголя! *Тоже.*

[2] И насъ въ томъ удостовѣрялъ, а на повѣрку выходитъ, что имѣлъ въ предметѣ—прелюбодѣяніе!! *Тоже.*

[3] И откажемъ! И нетолько Подхалимову 1-му, но и Подхалимову 2-му! Въ этомъ читатели наши и сомнѣваться не должны! *Тоже.*

— А знаешь Василья, который въ гостинницѣ «Москва» половымъ служилъ, ну такъ это—его сестра. Самъ то онъ изъ черемисъ, а Чебоксары это — черемисская столица. Когда я отправлялся подъ Карсъ-то, вотъ онъ и говоритъ мнѣ: будете, говоритъ, мимо нашихъ мѣстовъ ѣхать, такъ потрудитесь сестрицѣ писемцо да пять рублей денегъ отдать...

— Чтожь, хороша, по крайней мѣрѣ?

— Разсыпчатая!

— Дѣвица?

— Замужемъ. И сама—бестія, и мужъ—шельма. Засталъ я ихъ въ лачугѣ, съ голоду мрутъ, а теперь — распивочную продажу открыли!

— Эге! такъ вонъ куда корреспонденческое-то содержанье ушло! [1].

— Туда. Сперва всѣ наличныя изъ меня высосали, а потомъ и векселя въ ходъ пошли. Сколько я этихъ векселей надавалъ— страсть!

— Ничего, другъ! Богъ милостивъ! Напишемъ въ редакцію «Краса Демидрона» слезное прошеніе—выручатъ! [2].

Однако, онъ усумнился въ этомъ и сталъ доказывать, что редакція нисколько непричастна его злоключеніямъ; что она и безъ того не щадила ни трудовъ, ни издержекъ, чтобы удовлетворить справедливымъ требованіямъ публики, и что, слѣдовательно, было бы въ высшей степени несправедливо привлекать ее къ отвѣтственности по такому дѣлу, которое не подходитъ прямо къ программѣ газеты, какъ изданія литературнаго, политическаго и ассенизаціоннаго. Я, конечно, не могъ внутренно не согласиться съ его доводами, но, все-таки, чтобы окончательно не обезкуражить его, нѣкоторое время поддерживалъ мой тезисъ, хотя, признаюсь, довольно слабо.

— Но, по крайней мѣрѣ, ты хоть пожуировалъ! наконецъ, сказалъ я, чтобы перемѣнить разговоръ, принимавшій черезчуръ печальное направленіе.

— Ни-ни! воскликнулъ онъ съ необыкновенною живостью.

Я былъ ошеломленъ.

— Ну, братъ, это ужь совсѣмъ глупо!

— Въ томъ-то и дѣло, что изгибы человѣческаго сердца... очень, братъ, это—мудреная штука! отвѣчалъ онъ печально: —

[1] Да-съ, вонъ оно куда! Мы не щадимъ ни трудовъ, ни издержекъ, имѣя въ виду полезныя цѣли, а, вмѣсто того, наши деньги оказываются косвеннымъ орудіемъ для приведенія въ исполненіе постыдныхъ предпріятій! *Тоже.*

[2] Непремѣнно! послѣ дождичка въ четвергъ! *Тоже.*

она-то, повидимому, не прочь, да бестія мужъ такъ и вертится... А впрочемъ, можетъ быть и она... шельмы они оба, это—вѣрнѣе!

Мы умолкли: обоимъ намъ было тяжело. Ему — потому что встрѣча со мной заставила его опомниться и обнаружила во всей наготѣ пропасть, зіявшую подъ его ногами; мнѣ — потому что и надо мной начинали тяготѣть смутныя предчувствія чего-то недобраго.

— Сколько-нибудь, однако, осталось у тебя денегъ? первый я прервалъ молчаніе.

Вмѣсто отвѣта, онъ выложилъ на столъ жолтенькую и, обращаясь къ служителю, скомандовалъ:

— Гарсонъ! полштофа очищенной... живо!

Это былъ крикъ отчаянія, который меня глубоко взволновалъ.

— Спрячь этотъ послѣдній рессурсъ, вскричалъ я:—я плачу за все! И сверхъ того... я могу даже рубликовъ двадцать-пять удѣлить тебѣ... идетъ?

Онъ крѣпко пожалъ мою руку.

— Извини, что не больше; самъ знаешь, впереди предстоитъ еще Дунай — дорога неблизкая!

Но онъ только горько усмѣхнулся въ отвѣтъ и запѣлъ:

— Ахъ, Дунай ты мой, Дунай!
Сынъ Ивановичъ Дунай!

— Погодимъ, братъ, и въ Чебоксарахъ! прибавилъ онъ съ фаталистическою увѣренностью поклонника ислама.

— Ну нѣтъ, другъ, это — ни-ни! Я тово... я — непремѣнно! Нынче же ночью, вотъ только дождусь парохода — и сейчасъ! И прямо такъ-таки нигдѣ не останавливаясь—на Дунай! [1].

Увѣренный тонъ, которымъ я выразилъ мое намѣреніе, повидимому, ободрилъ его.

— А сѐмъ-ка и я въ Малую Азію хвачу! воскликнулъ онъ весело:—авось либо до Самары доѣду!

— Хватимъ, другъ!

Увы! Это было только «плѣнной мысли раздраженье!» Черезъ минуту, онъ уже опять опустилъ голову.

— Нѣтъ, голубчикъ! сказалъ онъ уныло:—теперь мнѣ остается только объ одномъ Бога молить: чтобъ меня отсюда куда ни на есть по этапу выслали [2]. Да куда, вотъ—вопросъ! Гдѣ моя родина? Гдѣ мое мѣстожительство? Въ «Старомъ Пекинѣ?» Въ

---

[1] Не трудитесь, сдѣлайте милость! Лучше въ Кинешму съѣздите, да паспортъ выручите! *Тоже.*

[2] Такъ непремѣнно и будетъ. *Тоже.*

гостиницѣ «Москва»? Вотъ ужь подлинно: бѣгаемъ мы, корреспонденты, и «града невѣдомаго взыскуемъ»!

— Кстати! скажи, пожалуйста: кàкъ это ты паспортъ потерялъ?

— Да такъ вотъ: купаться въ Волгѣ вздумалъ. Признаться, выпито нѣсколько было — вотъ и приди мнѣ въ голову дикая мысль: украдýтъ, молъ, у тебя этотъ самый паспортъ, ежели ты его на берегу оставишь! Ну, раздѣлся, положилъ его подъ мышку да какъ поплылъ—совсѣмъ и забылъ; смотрю: въ сторонѣ какая-то бумажка плыветъ! Анъ это онъ и былъ! Исправникъ ужь разъ десять присылалъ, никакихъ резоновъ не принимаетъ — навѣрнякъ этапомъ кончится! Впрочемъ, что все обо мнѣ да обо мнѣ — ты кàкъ, вмѣсто Дуная, въ Чебоксары попалъ?

Я разсказалъ подробно все, чтò вамъ уже извѣстно изъ моихъ писемъ. Исторія вышла тоже невеселая, но нѣкоторымъ эпизодамъ ея мы, все-таки, искренно посмѣялись [1]. Когда я кончилъ, онъ сравнилъ мое положеніе съ своимъ (относительно редакціи «Красы Демидрона») и нашелъ, что я, все-таки, могу оправдаться передъ редакціей довольно прилично [2].

— Ты, по-крайности, все-таки, какую ни на есть корреспонденцію посылалъ, сказалъ онъ: —тогда какъ я... Вѣдь я, братъ, даже вѣсточкой о взятіи Ардагана не подѣлился!

— Неужто?

— Да, братъ. То есть, я-то собственно не преминулъ, да она... Шельма! Позвольте, говоритъ, я сама на станцію снесу... А послѣ оказалось, что и телеграммы не послала, да и цѣлковый мой рубль какъ пить далъ!

— Такъ знаешь ли чтò? Право, уѣдемъ отсюда вмѣстѣ! Я тебя до Самары провожу, потому что мнѣ все равно: я и черезъ Моршанскъ по желѣзной дорогѣ на Дунай попаду! Ѣдемъ! Прямо вотъ изъ трактира пойдемъ на берегъ, и, какъ только причалитъ пароходъ—фюить!

Онъ на минуту задумался, но потомъ—только рукой махнулъ.

— Нѣтъ, братъ, alea jacta est! Пускай свершится! А вотъ что лучше: не раздѣлимъ ли вмѣстѣ еще посудинку?

Сначала я было согласился, но потомъ вспомнилъ, что вы будете, пожалуй, сердиться, если узнаете объ этомъ—и отказалъ наотрѣзъ [3].

---

[1] Веселые люди! даже въ столь несомнѣнно критическихъ обстоятельствахъ—и то находятъ поводъ для смѣха! *Тоже.*

[2] Никогда! Lasciate ogni speranza! *Тоже.*

[3] Ахъ, господа, господа! Не въ томъ дѣло, что вы при свиданіи выпили. И выпить, и закусить можно да въ мѣру, въ мѣру, въ мѣру! *Тоже.*

— Ну, въ такомъ случаѣ, пойдемъ ко мнѣ! предложилъ онъ:— я тебя съ нею познакомлю...

Признаюсь откровенно: искушеніе было велико. Я люблю женскій полъ и съ трудомъ отказываю себѣ въ сближеніи съ нимъ, если представляется къ тому случай... Но голосъ разсудка и на сей разъ восторжествовалъ. Я вспомнилъ, какъ вы, отпуская насъ на театръ войны, настаивали, чтобъ мы не задерживались на пути безъ надобности — и дрогнулъ. Къ тому же, я разсчиталъ, что деньги, данныя вами, еще всѣ на лицо, да пожалуй еще, благодаря щедрости Ивана Иваныча Тр., и небольшой прибавочекъ есть, ужаснулся при мысли, что такая сравнительно значительная сумма, безъ всякой пользы для «Красы Демидрона», утонетъ въ зіяющей безднѣ разврата [1]!

Онъ угадалъ мои мысли и одобрительно покачалъ головой.

— Ты поступаешь правильно, сказалъ онъ, вставая:—исполни свой долгъ передъ «Красой Демидрона», а меня — предоставь моей злосчастной участи!

— Бѣдный другъ!

Я отсчиталъ ему обѣщанные двадцать-пять рублей, прибавилъ еще отъ себя пятирублёвку, послѣ чего онъ взялъ шапку и удалился. Затѣмъ. я потребовалъ себѣ отдѣльную комнату, чтобы заняться корреспонденціей, но, едва лишь расположился писать, какъ онъ опять возвратился въ трактиръ.

— Возьми назадъ свои двадцать-пять рублей, съ меня и синюги довольно! сказалъ онъ, кладя деньги на столъ.

Я, разумѣется, протестовалъ, но онъ остался непоколебимъ.

— Все равно, сколько бы у меня не было денегъ—ихъ отнимутъ! повторялъ онъ уныло.

Благородный, честный другъ! Высказавши все это, онъ быстро повернулся, и направился къ двери, но на сей разъ я самъ уже воротилъ его.

— Позволь! каково здѣсь народное настроеніе? спросилъ я.

— Восторгъ всеобщій!

— А здѣшняя инвалидная команда?

— Молодцы! одинъ къ одному, какъ на подборъ! Не крупные, но коренастые, кровь съ молокомъ—заглядѣнье! Такъ и рвутся!

Онъ постоялъ немного и съ горькой усмѣшкой прибавилъ:

— А мы съ тобой, все таки—свиньи!

— Это почему?

— То есть, не мы одни, а вообще... Сидимъ въ укромномъ мѣстѣ, галдимъ: ату его! ребятушки! не выдавайте! Гнусно, любезный другъ!

---

[1] Насилу-то догадались! *Тоже.*

— Ну нѣтъ, съ этимъ я не согласенъ! Природа поступила мудро, предоставивъ однимъ возбуждать патріотическій духъ; другимъ—примѣнять этотъ духъ на практикѣ!

— Ладно, братъ! Разсказывай по понедѣльникамъ!

На этомъ мы разстались. Я сошелъ съ крыльца, чтобы проводить его, и долго слѣдилъ глазами, какъ постепенно утопала колеблющаяся фигура во мракѣ сгустившейся ночи и, наконецъ, совсѣмъ пропала за угломъ сосѣдняго переулка.

Благородный, бѣдный другъ! говорилъ я себѣ, ты просишь у судьбы, какъ милости, чтобы тебя отправили по этапу — и кто знаетъ? Можетъ быть, вскорѣ получишь желаемое!

Послѣ того, я окончательно усѣлся за писаніе, но долгое время воспоминаніе о погибающемъ русскомъ корреспондентѣ преслѣдовало меня [1]. Знаю, что слѣдовало бы сказать что-нибудь о Чебоксарахъ, но, по настоящему позднему времени, могу сказать лишь кратко: это—дрянной и грязный черемисскій городишко, стоящій на высокомъ берегу Волги. По Суворинскому календарю, (который, кстати, очень мнѣ помогаетъ въ моихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ), жителей въ немъ всего 3,564 чел. обоего пола. Однако, еслибы выстроить здѣсь крѣпость, то, съ стратегической точки зрѣнія, вышелъ бы второй Гибралтаръ, за исключеніемъ, разумѣется, пролива.

Въ ту минуту, какъ я дописываю эти строки, бьетъ два часа, и я слышу приближеніе парохода. Пыхтитъ, шумитъ, свиститъ... На Дунай [2]!

Подхалимовъ 1-й.

9.

Отъ редакціи газеты «Краса Демидрона». Предчувствія не обманули насъ: Одиссея господъ Подхалимовыхъ кончилась, и, кажется, весьма для нихъ неблагополучно. Сегодня мы получили отъ г. чебоксарскаго уѣзднаго исправника оффиціальную бумагу, изъ которой видно, что въ Чебоксарахъ пойманы двое безпаспортныхъ бродягъ, по фамиліи Подхалимовы, которые называютъ себя корреспондентами «Красы Демидрона». Разумѣется, мы поспѣшили сообщить все, что намъ извѣстно объ этихъ господахъ, но при этомъ, конечно, не упустили опредѣлить съ точностью наши отношенія къ нимъ, дабы отстранить отъ себя всякую прикосновенность къ этой непріятной исторіи.

---

[1] А кто виноватъ? *Тоже.*

[2] А мы такъ думаемъ, что вы преспокойно останетесь въ Чебоксарахъ, влекомые страстью къ женскому полу, а ежели и попадете куда-нибудь, то не на Дунай, а въ укромное мѣсто, чѣмъ ваша Одиссея и кончится. *Тоже.*

Вообще, намъ непосчастливилось съ корреспондентами. Г. Ящерицынъ, посланный на малоазіатскій театръ войны, вмѣсто г. Подхалимова 2-го, тоже измѣнилъ намъ: изъ полученнаго сегодня письма его видно, что онъ принялъ мѣсто квартальнаго надзирателя въ Сызрани, и уже вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Новая, чувствительная потеря для насъ, ибо и г. Ящерицына мы снабдили и подъемными, и поверстными, и кормовыми деньгами. Будемъ надѣяться, что онъ возвратитъ забранные, тѣмъ болѣе, что мѣсто квартальнаго надзирателя въ Сызрани, знаменитой своей обширной хлѣбной торговлей—очень выгодное.

За всѣмъ тѣмъ, мы продолжаемъ не щадить ни трудовъ, ни издержекъ для удовлетворенія нашихъ подписчиковъ. На-дняхъ, мы пріусловили двоихъ талантливыхъ молодыхъ людей: г. Милевзорова и г. Прелестникова, и уже отправили перваго за Дунай, а второго — въ Малую Азію. Оба они—изъ архіерейскихъ пѣвчихъ, обладаютъ прекрасными голосами и чрезвычайно солиднаго характера. Мы не станемъ увѣрять, что они совсѣмъ не пьютъ, но, кажется, не ошибемся, ежели скажемъ, что они пьютъ—въ мѣру.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

РУССКАЯ ЖИЗНЬ СЪ АНГЛІЙСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(Russia, by W. Mackenzie Wallace).

Книга Меккензи Уоллеса о Россіи вполнѣ оправдываетъ ту громкую репутацію, которая предшествовала ея появленію. Успѣхъ книги соотвѣтствовалъ ея несомнѣннымъ достоинствамъ. Въ самой Англіи она уже выдержала нѣсколько изданій и, сверхъ того, переведена на иностранные языки. Меккензи Уоллесъ, на основаніи этого сочиненія, можетъ быть поставленъ на ряду съ наиболѣе серьёзными иностранными изслѣдователями русской жизни. Такихъ уже можно насчитать нѣсколько въ англійской и французской литературахъ. Рольстонъ, Леруа-Болье, Рамбо служатъ образчиками серьёзнаго отношенія къ дѣлу ознакомленія европейцевъ съ особенностями умственной и матеріальной жизни нашей малоизвѣстной для европейцевъ страны. Меккензи Уоллесъ представляетъ ту особенность отъ своихъ предшественниковъ по изученію Россіи, что ставитъ цѣлью своего труда лучшее ознакомленіе и, вслѣдствіе того, сближеніе Англіи съ Россіею; онъ дѣйствительно изучалъ Россію въ разныхъ ея краяхъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ: жилъ и въ столицахъ, и въ провинціальныхъ городахъ, плавалъ по Волгѣ, путешествовалъ по южнымъ степямъ, бесѣдовалъ съ раскольниками о вѣрѣ, съ сельскимъ священникомъ о положеніи духовенства, съ крестьянами о положеніи крестьянства послѣ освобожденія изъ крѣпостной зависимости—короче, былъ, по возможности, вездѣ и наблюдалъ все, что иностранцу можно видѣть и наблюдать. Кромѣ того, имѣя «русскихъ друзей», авторъ дополнилъ личныя наблюденія устными разсказами и характеристиками тѣхъ или другихъ русскихъ учрежденій, невсегда, впрочемъ, удачными. Вообще, тѣ главы книги Меккензи, которыя написаны по его личнымъ впечатлѣніямъ, а именно: путевыя главы, и также мѣста, посвя-

щенныя предмету спеціальнаго изученія, напримѣръ, крестьянскому вопросу, гораздо лучше составленныхъ по чужимъ указаніямъ: послѣднія неизбѣжно носятъ на себѣ печать воззрѣнія извѣстной групы русскихъ людей, живущихъ среди описываемыхъ интересовъ, и потому бываютъ не лишены односторонности, которая, въ соединеніи съ британскими тенденціями автора, иногда вводитъ его въ несправедливую оцѣнку, въ преувеличенныя похвалы или неумѣстныя порицанія нашимъ дѣятелямъ и учрежденіямъ. Второе главное свойство книги Меккензи, дающее ей особый интересъ и отчасти составившее ея извѣстность раньше выхода въ свѣтъ на основаніи напечатанныхъ отрывковъ, это—спеціальное изученіе имъ нашего крестьянскаго дѣла, вопроса объ общинѣ, о современномъ положеніи русскаго крестьянства и вѣроятной будущности, его ожидающей (хотя, впрочемъ, сообразно общему трезвому тону книги, авторъ уклоняется отъ предсказаній какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ разборѣ другихъ учрежденій преобразованной Россіи). Не говоря уже о европейскомъ читающемъ мірѣ, который едва ли не впервые находитъ въ книгѣ Меккензи Уоллеса почти всестороннюю, добросовѣстную картину русской жизни, сочиненіе это весьма небезполезно и для русскаго читателя: въ изслѣдованіи крестьянскаго поземельнаго вопроса авторъ можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими отечественными спеціалистами по этой части; въ другихъ же вопросахъ даже и нѣкоторое высокомѣріе автора и чистокровные британскіе взгляды на нашу жизнь дадутъ поводъ кому-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ оглянуться на себя лишній разъ. Впрочемъ, мы лично думаемъ, что авторъ вообще несовсѣмъ справедливъ, именно къ нашему обществу, и недостаточно вошелъ въ духъ его исторіи. Между тѣмъ, онъ изучалъ и русскую исторію, прочелъ 18 томовъ Соловьева и прекрасно ее характеризуетъ, называя собраніемъ весьма цѣннаго, но непереваренннаго историческаго матеріала. Отдѣльные историческіе очерки, приложенные авторомъ къ изложенію той или другой русской общественной сферы, всегда вѣрны теоретически. Недостаетъ иногда только практическаго общаго вывода, или же онъ является такимъ, какой могъ быть сказанъ только человѣкомъ, совершенно постороннимъ русской жизни, притомъ, принадлежащимъ къ такой націи, которая обладаетъ вѣковымъ habeas corpus, знаетъ, что это обладаніе ненарушимо, и, спокойная за себя, тѣмъ высокомѣрнѣе относится къ чужимъ невзгодамъ. Главы съ описаніемъ путешествія или разговоровъ полны характерными сценами и показываютъ въ авторѣ если не художника, то, во всякомъ случаѣ, умнаго и занимательнаго разсказчика.

Сочиненіе начинается чисто-путевыми очерками плаванія по Волгѣ и переѣзда по провинціальнымъ дорогамъ. Затѣмъ слѣдуетъ характеристика сельскаго священника въ селѣ Ивановкѣ, куда авторъ осудилъ себя на «добровольное изгнаніе», съ цѣлью изучать русскій языкъ, и картина старосвѣтской крестьянской

семьи. Отъ изложенія быта крестьянъ на сѣверѣ читатель переходитъ къ превосходному изслѣдованію о русской сельской общинѣ, ея прошломъ и будущемъ, но, мѣняя предметъ и характеръ изложенія, даетъ цѣлый рядъ совершенно иныхъ картинъ, съ пошибомъ туриста, о финскихъ и татарскихъ деревняхъ, о русскихъ городахъ, торговомъ классѣ, чиновникахъ, земствѣ, дворянствѣ (нѣсколько характерныхъ картинокъ землевладѣльцевъ стараго и новаго образца), о раскольникахъ, о кочующихъ степныхъ племенахъ, казакахъ и иностранныхъ колонистахъ, пересыпая эти очерки историческими отступленіями и общими взглядами, напримѣръ, на общественные классы въ Россіи и т. п. Картины Петербурга и Москвы даютъ поводъ автору набросать бѣглый, но для русскихъ малоинтересный и недовольно полный очеркъ европейскаго вліянія въ нашей литературѣ и славянофильства, крымской войны и послѣдовавшаго за ней общественнаго возрожденія, и затѣмъ уже посвящается нѣсколько весьма дѣльныхъ главъ положенію бывшихъ крѣпостныхъ, освобожденію ихъ и слѣдствіямъ освобожденія для помѣщиковъ и для крестьянъ. Послѣдняя глава, вмѣстѣ съ прежней характеристикой русской общины, составляютъ капитальныя части всего сочиненія. Послѣ блѣдной и несамостоятельной картины новыхъ судовъ, авторъ заканчиваетъ «злобою дня»—восточнымъ вопросомъ и територіальнымъ расширеніемъ Россіи, включая сюда свою статью, уже напечатанную въ прошломъ году въ «Fortnightly Review» и имѣющую болѣе мимолетный интересъ.

I.

Выбирая наиболѣе характерные изъ очерковъ и наблюденій Меккензи Уоллеса, мы остановимся сперва на общественныхъ классахъ и самоуправленіи, какъ на такихъ предметахъ, въ которыхъ авторъ высказывается не какъ спеціалистъ по изучаемому предмету, а какъ британецъ и, притомъ, вполнѣ вѣрный отличительнымъ качествамъ своей расы.

Въ качествѣ британца, Уоллесъ вездѣ порицаетъ непривычку русскихъ къ частной иниціативѣ, обычай во всемъ полагаться на правительство, всего ожидать отъ него и слагать на него вину въ случаѣ неудачи того или другого учрежденія. Русскихъ заѣли бюрократическія привычки, чиновничество, и Мекензи поясняетъ это нѣсколькими примѣрами. Такъ на нѣсколькихъ юмористическихъ страницахъ авторъ описываетъ, какъ, при предварительной выработкѣ проекта закона въ комиссіяхъ, «проливаютъ на дѣло свѣтъ науки». «Возьмемъ для примѣра, говоритъ онъ;—проектъ реформы благотворительныхъ учрежденій. За философскимъ разсужденіемъ о благотворительности вообще, я нахожу въ проектѣ нѣсколько замѣчаній о талмудѣ и коранѣ,

потомъ свѣдѣнія о содержаніи бѣдныхъ въ Аѳинахъ, послѣ пелопонезской войны, и въ Римѣ при императорахъ, нѣсколько общихъ замѣчаній о среднихъ вѣкахъ съ цитатою, которая, очевидно, по замыслу, должна быть латинскою; затѣмъ, законы о бѣдныхъ въ новѣйшее время, гдѣ мы встрѣчаемъ и англо-саксонское господство, и королей Эгберта и Этельреда, и книгу исландскихъ законовъ, Швецію и Норвегію, Францію, Голландію, Бельгію, Пруссію и почти всѣ мелкія германскія владѣнія. Всего удивительнѣе, что эта масса историческихъ данныхъ, отъ талмуда до законовъ Гессен-Дармштадта, сжата на 21 страницѣ въ осьмушку. Теоретическая часть записки не менѣе богата: туда привлечены многія почтенныя имена изъ нѣмецкой, французской и англійской литературъ, а общій выводъ изъ этихъ сырыхъ, непереваренныхъ матеріаловъ считается «послѣднимъ словомъ науки». Въ другомъ проектѣ о заключеніи за долги съ первой же страницы попадаются салическіе законы V столѣтія, іерусалимскія ассизы и т. п.». Недостатокъ обсужденія проектовъ частными людьми, свѣдущими въ данномъ предметѣ, купцами, промышленниками, сельскими хозяевами, не можетъ не отзываться потомъ при примѣненіи законовъ на практикѣ. Эти замѣтки и размышленія предпосылаются очерку возникновенія русскаго земства. Оно не росло, подобно сельской общинѣ, медленно, цѣлыми столѣтіями, не составляетъ, въ нынѣшней своей формѣ, воспоминанія о древнихъ правахъ, устоявшихъ противъ исторической централизаціи, и по этому самому не пользуется большимъ сочувствіемъ автора. Это—учрежденіе новое, создано самимъ правительствомъ, составляетъ новѣйшую попытку облегчить бремя податей и устранить злоупотребленія чиновниковъ посредствомъ мѣстнаго самоуправленія. Въ эпоху, когда создавались земскія учрежденія, бо̀льшая часть русскаго образованнаго общества владѣла простымъ, удобнымъ критеріемъ для оцѣнки учрежденій всякаго рода: достоинство учрежденія соразмѣрялось съ его «либеральнымъ» характеромъ (какъ не безъ ироніи подчеркиваетъ авторъ). Мало думали о томъ, насколько оно приложимо къ существующимъ условіямъ, къ характеру народа, не думали, что̀, превосходное само по себѣ, оно можетъ быть убыточно для самаго дѣла. Каждое учрежденіе, основанное на «избирательномъ принципѣ» (опять ироническія кавычки) и представлявшее арену для свободныхъ публичныхъ преній, могло разсчитывать въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ на благопріятный пріемъ. Ожиданія, возбужденныя земствомъ, были крайне разнообразны. Одни ожидали отъ него такой же роли, какую играло мѣстное самоуправленіе въ Англіи, съ тѣмъ большими шансами успѣха, что земство не имѣло англійскаго аристократическаго характера. Другіе ждали, что земство въ самомъ скоромъ времени дастъ странѣ хорошія дороги, безопасные мосты, многочисленныя сельскія школы, хорошо устроенныя больницы, усовершенствуетъ земледѣліе, разовьетъ торговлю и промышлен-

ность, улучшить положеніе крестьянъ, разгонить апатію провинціальной жизни и наслѣдственное равнодушіе къ мѣстнымъ общественнымъ дѣламъ. Едва ли нужно говорить, что необычайныя надежды нетолько первыхъ, но и вторыхъ, неосуществились. Сфера дѣйствій земства вскорѣ была указана съ точностью, но даже и въ этой сферѣ оно не оправдало ожиданій, хотя сдѣлало, все-таки, больше, чѣмъ предполагаетъ большинство его критиковъ. Правда, страна не покрылась сѣтью макадамизированныхъ дорогъ, и мосты все еще не столь безопасны, какъ слѣдовало бы желать, сельскихъ школъ еще мало, а больницы рѣдко можно встрѣтить. Правда, что мѣстные сборы возросли съ ужасающею быстротою, такъ что многіе заключили изъ этого о полной непригодности земства, какъ учрежденія, но, все-таки, оно неизмѣримо лучше тѣхъ учрежденій, которыя замѣнило, и, по соображеніи съ ограниченностью своихъ средствъ, сдѣлало многое для распространенія народнаго образованія путемъ основанія школъ по деревнямъ и нѣсколькихъ семинарій для подготовки школьныхъ учителей; значительно улучшило положеніе больницъ, создало новую болѣе правомѣрную систему обложенія, систему взаимнаго страхованія въ деревняхъ, а это весьма важно въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ большинство крестьянъ живетъ въ деревянныхъ домахъ и пожары чрезвычайно часты.

За всѣмъ тѣмъ, по мнѣнію автора, земство теперь переживаетъ критическій періодъ. Оно не пользуется болѣе общественнымъ довѣріемъ (!) и выказываетъ уже безошибочные признаки истощенія. Въ первый періодъ энтузіазма къ учрежденію, оно имѣло за себя прелесть новизны; земскіе дѣятели чувствовали, что на нихъ обращено вниманіе публики. Нѣкоторое время все шло хорошо, и земство такъ было довольно собственною дѣятельностью, что сатирическіе журналы сравнивали его съ Нарциссомъ, который любуется своимъ изображеніемъ на водѣ. Но время это миновало, публика нашла себѣ другіе интересы, лихорадочная энергія земскихъ дѣятелей испарилась, и многіе изъ нихъ стали искать болѣе прибыльныхъ занятій. Въ то время былъ большой запросъ на способныхъ, энергическихъ, образованныхъ людей: преобразовывались нѣкоторыя отрасли гражданской службы, размножались желѣзныя дороги, банки, акціонерныя компаніи. Земству трудно было съ ними конкурировать какъ по служебнымъ приманкамъ, такъ и по высокимъ окладамъ жалованья. Качество исполнительныхъ земскихъ органовъ понижалось по мѣрѣ того, какъ уменьшался общественный интересъ къ самому учрежденію. Нѣкоторые видятъ причину истощенія и вялости земства въ томъ, что его дѣятельность, будто бы, обставлена тяжелыми ограниченіями: такъ, положенъ предѣлъ обложенію торговыхъ и промышленныхъ заведеній, оглашеніе земскихъ преній обусловлено согласіемъ губернатора, предсѣдательство обязательно передано предводителямъ дворянства и т. п. Но авторъ видитъ въ подобныхъ объясненіяхъ только проявленіе сродной

русскимъ привычки ссылаться во всемъ на правительство, тогда какъ несомнѣнно, что учрежденіе, которое такъ легко падаетъ при неблагопріятныхъ условіяхъ, должно — eo ipso — имѣть въ себѣ мало жизненности. Авторъ предлагаетъ, для разъясненія вопроса, нѣкоторую параллель между британскимъ и русскимъ способомъ создавать новыя учрежденія:

«Характеристической чертой англійской политической жизни служитъ то, что тамъ учрежденія всѣ произошли изъ реальныхъ, практическихъ нуждъ, живо сознаваемыхъ бо̀льшою частью населенія. Осторожные и консервативные во всемъ, что касается общественнаго блага, англичане смотрятъ на перемѣну, какъ на необходимое зло, и откладываютъ день наступленія этого зла возможно долѣе, хотя бы даже были убѣждены, что онъ неизбѣжно придетъ. Сверхъ того, вмѣсто того, чтобъ дѣлать tabula rasa и начинать реформу съ самыхъ основъ, англичане до послѣдней степени стараются утилизировать то, чѣмъ владѣютъ, и допускаютъ прибавки лишь безусловно необходимыя. Они поправляютъ и расширяютъ свое политическое зданіе, по мѣрѣ измѣняющихся потребностей жизни, не обращая большаго вниманія на абстрактные принципы или случайности отдаленнаго будущаго. Зданіе можетъ выйдти чудовищно въ эстетическомъ отношеніи, не принадлежать ни къ какому признанному архитектурному стилю, но оно хорошо приложено къ потребностямъ; каждое отверстіе, каждый уголъ въ немъ, навѣрное, принесутъ пользу.

«Совершенно иная была политическая исторія Россіи въ послѣднія два столѣтія. Это былъ рядъ переворотовъ, мирно совершенныхъ самодержавною властью. Каждый молодой, энергическій государь старался основать новую эпоху, посредствомъ коренной передѣлки администраціи сообразно наиболѣе принятой чужеземной политической философіи своего времени. Учрежденіямъ не давалось возможности вырости самимъ собою изъ народныхъ нуждъ; они изобрѣтались бюрократами-теоретиками для удовлетворенія такихъ потребностей, которыхъ народъ еще и не сознавалъ. Поэтому, административная машина, если и извлекала изъ народа движущую силу, то ничтожную, и ея движеніе всегда поддерживалось неустанною энергіею центральнаго правительства. Неудивительно, если и неоднократныя попытки правительства облегчить бремя централизованной администраціи созданіемъ о̀ргановъ мѣстнаго самоуправленія должны были оказаться въ высшей степени безуспѣшными. Главная причина вялости земства состоитъ въ томъ, что очень немногіе живо чувствуютъ (?) потребность въ тѣхъ предметахъ, завѣдывать которыми призвано земство. Вотъ примѣръ. Необходимость хорошихъ дорогъ для развитія національнаго богатства хорошо извѣстна каждому русскому, имѣющему претензію быть образованнымъ, но изъ тѣхъ просвѣщенныхъ земскихъ представителей, которые при случаѣ высказываютъ этотъ принципъ, очень немногіе настолько

«сознаютъ необходимость имѣть хорошія дороги въ своемъ уѣздѣ, насколько чувствуютъ необходимость играть въ карты. Первое составляетъ теоретическую потребность, а второе—практическую. Когда землевладѣльцы научатся аккуратно вести счеты и сознаютъ, что деньги, потраченныя на дорогу, съ избыткомъ вознаграждаются уменьшеніемъ путевыхъ издержекъ, только тогда дорожныя коммиссіи сдѣлаются жизненными учрежденіями. Это же замѣчаніе, mutatis mutandis, можно приложить ко всѣмъ другимъ отраслямъ мѣстнаго самоуправленія».

Для нагляднаго поясненія крайне непрактичнаго, по мнѣнію автора, характера земскихъ учрежденій, приводится примѣръ слышанныхъ имъ преній о начальныхъ школахъ. Предложено было ввести обязательную систему обученія сразу во всемъ уѣздѣ. «Странно, говоритъ авторъ:—предложеніе это почти прошло, хотя всѣ наличные члены знали или могли знать, что существующее число школъ нужно будетъ увеличить въ 20 разъ и что мѣстные налоги уже и такъ очень тяжелы. Чтобъ сохранить свою либеральную репутацію (русскій либерализмъ вообще составляетъ нѣкоторый bête noire автора), ораторъ предложилъ, несмотря на обязательность образованія, не употреблять ни штрафовъ, ни другихъ карательныхъ мѣръ. Какимъ образомъ система можетъ быть обязательною безъ понудительныхъ мѣръ — онъ не удостоилъ объяснить... А во время этихъ преній, улица передъ окнами дома, гдѣ они происходили, была покрыта слоемъ грязи, почти въ два фута толщины. Другія улицы были въ такомъ же состояніи, и значительное число членовъ собранія всегда пріѣзжали поздно, потому что пробраться пѣшкомъ было почти невозможно, а публичный экипажъ былъ только одинъ въ городѣ. Къ счастію, многіе члены имѣли собственные экипажи, но даже и въ нихъ сообщеніе было не легко. Разъ, на главной улицѣ города, такой экипажъ опрокинулся и представитель земства полетѣлъ въ грязь».

Казалось бы, подобные мелочные случаи не даютъ еще права дѣлать общіе выводы о мнимой непрактичности нашего земства, но авторъ ихъ дѣлаетъ. Будущность земства онъ не рѣшается предсказывать. «Я скорѣе готовъ думать, что оно переживетъ нынѣшнее летаргическое состояніе и постепенно пріобрѣтетъ новую, здоровую жизненность по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться сознаніе необходимости тѣхъ предметовъ, которыми оно должно завѣдывать. (Будто бы только тогда?) Но, съ другой стороны, возможно, что земство умретъ отъ истощенія или будетъ снесено какимъ-нибудь новымъ порывомъ реформирсскаго энтузіазма, прежде, чѣмъ успѣетъ пустить корни. Кто-то справедливо замѣтилъ, «что время мало церемонится съ такими учрежденіями, которыя обходились безъ его содѣйствія». Это выраженіе едва ли гдѣ такъ часто оправдывалось, какъ въ Россіи...»

Какъ видно, авторъ твердо стоитъ на британской точкѣ зрѣнія, и по отношенію къ своему отечеству онъ, быть можетъ, и

правъ. Относительно Россіи онъ забылъ только бездѣлицу: историческій ходъ ея политическаго развитія; упустилъ изъ виду татарское иго и его послѣдствія въ общемъ складѣ русской жизни, хотя, говоря отдѣльно о татарскомъ нашествіи, онъ же довольно вѣрно опредѣляетъ его значеніе. Какъ бы то ни было, вотъ политическіе выводы относительно нашего самоуправленія: «Русскіе значительно подвинулись въ своемъ политическомъ воспитаніи... но Россія гораздо бѣднѣе и скуднѣе населеніемъ, чѣмъ тѣ передовыя націи, которыя она ставитъ себѣ образцомъ. Предполагать, чтобъ она могла сразу создать себѣ, путемъ административной реформы, всѣ общественныя условія, какими пользуются эти націи, было бы столь же нелѣпо, какъ воображать, что бѣдный человѣкъ можетъ сразу построить великолѣпный дворецъ, потому только, что онъ получилъ отъ богатаго сосѣда необходимые архитектурные планы. Нетолько годы, но цѣлыя поколѣнія должны пройти прежде, чѣмъ Россія можетъ принять видъ Германіи, Франціи или Англіи. Метаморфозу можно ускорить или замедлить хорошимъ управленіемъ, но она не можетъ быть произведена сразу, хотя бы для этой цѣли въ законодательствѣ участвовала соединенная мудрость всѣхъ философовъ и государственныхъ людей Европы».

Такъ какъ мы пока имѣемъ цѣлью только изложеніе наиболѣе характерныхъ сценъ книги и воззрѣній автора на русскую жизнь, то не будемъ разбирать и опровергать подобные политико-философскіе выводы автора, хотя нетрудно было бы доказать, что онъ вращается въ нѣкоторомъ заколдованномъ кругу или—что теорія постепенности, во что бы то ни стало, порицаніе либерализма у него обратились почти въ idée fixe, которую необходимо помнить при сужденіи о русской жизни. Откуда же возьмутся у насъ общественныя формы по образцу иностранныхъ, если ни одинъ законодатель не приметъ на себя труда вводить ихъ, ознакомлять съ ними русское общество, какъ оно знакомилось послѣдніе четыре вѣка съ иными формами политическими. И можно ли доказать, что тѣ формы государственныя, которыя установились, положимъ, со временъ Іоанна III, были прямымъ, органическимъ, постепеннымъ (во вкусѣ автора) послѣдствіемъ древнихъ формъ удѣльно-вѣчевой Россіи? И если онѣ такими не были, а составляли результатъ чужеземныхъ вліяній и воздѣйствій, для введенія которыхъ московскіе князья не отступали и передъ кровопролитіемъ (покореніе Новгорода), значитъ, не разсчитывали на постепенное вліяніе этихъ новыхъ формъ, то откуда же послѣдующее болѣе и болѣе полное развитіе послѣднихъ и въ московскій, и въ петербургскій періоды русской жизни? Приходится допустить, что внѣшнее усвоеніе государствомъ извѣстныхъ политическихъ и общественныхъ формъ не зависитъ отъ внутренняго превосходства этихъ формъ надъ прежними и отъ принаровленности ихъ въ данный моментъ къ народнымъ нуждамъ. Внѣшнее усвоеніе извѣстной политической формы, а

въ особенности болѣе совершенной, при пассивномъ положеніи массы народа, наконецъ, пріучаетъ его къ ней, содѣйствуетъ политическому воспитанію народа и сознательному воспринятію такой формы, по крайней мѣрѣ, не менѣе того, какъ и желаемая авторомъ, внутренняя подготовка, для которой дѣйствительно потребуются годы и поколѣнія... Еслибы у насъ не было сильной личности Петра, еслибы у него и нѣкотораго числа окружающихъ его людей не выработалась мысль о возможности насильственно двинуть Россію на путь преобразованія и открыть ей образецъ въ лицѣ тогдашней Европы, то, быть можетъ, цѣлыя поколѣнія потребовались бы, чтобъ дойти до петровскихъ преобразованій. Во всякомъ случаѣ, дѣло великаго царя-работника, съ точки зрѣнія г. Уоллеса, слѣдуетъ признать крайне неблагоразумнымъ, опаснымъ. Впрочемъ, Меккензи уже и говоритъ, что успѣшны были болѣе отрицательныя реформы Петра, а положительныя, большею частію, не привились, вслѣдствіе излишней поспѣшности...

II.

Вѣрный сословному духу своего отечества, Меккензи Уоллесъ изумляется при отсутствіи антагонизма между представителями сословій въ земскомъ собраніи; несмотря на то, что крестьяне бываютъ въ рѣшительномъ большинствѣ, они встрѣчаются со своими бывшими господами на равной ногѣ, безъ всякихъ слѣдовъ антагонизма. Когда авторъ присутствовалъ въ собраніяхъ, пренія всегда велись дворянствомъ, но члены изъ крестьянъ не разъ вставляли свои ясныя, практическія замѣчанія, которыя выслушивались присутствующими со вниманіемъ. Слишкомъ большое единодушіе въ собраніи указываетъ, по мнѣнію автора, на то, что большинство членовъ не очень интересуется дѣлами, которыя обсуждаются.

Вопросъ: существуютъ ли въ Россіи общественные классы? самъ по себѣ весьма любопытенъ и пріобрѣтаетъ особый интересъ въ оцѣнкѣ британца, неизмѣнно вѣрнаго отечественной опытности въ дѣленіи общества на всевозможныя перегородки. Какъ и слѣдовало ожидать, Меккензи Уоллесъ говоритъ, что различія общественныхъ классовъ нетолько существуютъ въ Россіи, но и составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей русскаго общества, хотя самъ же потомъ доходитъ до заключенія, что у насъ очень мало кастоваго духа и кастовыхъ предразсудковъ. Общественные классы онъ различаетъ внѣшнимъ образомъ: высшій классъ, говорящій по-французски, въ европейскомъ платьѣ; бородатый купецъ—въ черной суконной фуражкѣ и длинномъ двубортномъ сюртукѣ; духовенство—съ длинными волосами и въ широкихъ рясахъ; крестьянинъ—съ

большой бородой, въ грязномъ овчинномъ тулупѣ. Таково первое впечатлѣніе иностранца, которое еще болѣе подтверждается справкой со сводомъ законовъ, содержащимъ въ себѣ законы о состояніяхъ. Потомъ уже иностранецъ убѣждается, что это — только нѣчто въ родѣ административной фикціи, что между этими «состояніями» нѣтъ непереходимыхъ границъ и что Россія не имѣетъ ни кастъ въ восточномъ смыслѣ, ни западно-европейскихъ организованныхъ политическихъ единицъ съ сословнымъ духомъ и ясно-сознанными политическими цѣлями. «Такъ какъ въ Россіи цѣлыя столѣтія не было политической жизни, то не могло возникнуть тамъ и политическихъ партій. Ожиданіе многихъ русскихъ, что ихъ страна будетъ нѣкогда пользоваться политическою жизнью безъ политическихъ партій, составляетъ, по меньшей мѣрѣ, утопію и нелѣпость, если даже не противорѣчіе въ словахъ, но когда въ Россіи явятся политическія партіи, онѣ будутъ весьма различны отъ существующихъ въ Германіи, Франціи и Англіи». Такое воззрѣніе авторъ поддерживаетъ любопытными, хотя и крайне спорными соображеніями.

Авторъ несогласенъ, чтобъ наши раздѣленія состояній были простыми фикціями: обращаясь къ исторіи, онъ утверждаетъ, что общественные классы не переставали существовать со временъ «Русской правды», хотя и не имѣли строго-опредѣленныхъ границъ, и самыя особенности ихъ опредѣлились больше образомъ жизни и соціальнымъ положеніемъ, чѣмъ извѣстными обязанностями и привилегіями. Изложеніемъ того же предмета въ другихъ частяхъ книги авторъ подтверждаетъ ту самую мысль, противъ которой думаетъ бороться. Извѣстно, что попытки, сдѣланныя при Екатеринѣ II, создать у насъ tiers-état, на подобіе французской буржуазіи, оказались неудачны. Вообще, городской элементъ въ Россіи былъ незначителенъ сравнительно съ сельскимъ населеніемъ. Противъ Западной Европы въ этомъ отношеніи—разница громадная. Причины слабаго развитія въ Россіи городского элемента, по мнѣнію автора, заключаются въ значительно меньшей плотности населенія Россіи. Къ востоку она никогда не имѣла естественныхъ границъ; напротивъ, обширныя пространства плодородной, невоздѣланной земли представляли обширное поле для эмиграціи, и крестьянство всегда пользовалось выгодами такого географическаго положенія. Даже наиболѣе густо населенная полоса Россіи—сѣверная часть черноземнаго пояса — населена только 40 человѣками па квадратную версту, а во всей Европейской Россіи только 14 человѣкъ, тогда какъ въ Великобританіи—114. Народъ, обладающій такимъ изобиліемъ земли, которое даетъ ему возможность жить хлѣбопашествомъ, не очень склоненъ обращаться къ промышленности и скучиваться въ городахъ. Кромѣ того, развитію городовъ воспрепятствовали крѣпостныя отношенія. Они стѣсняли передвиженіе населенія и не допускали направляться въ города даже той

небольшой промышленности, какая существовала: помѣщики жили въ своихъ имѣніяхъ и ремесленниковъ-крѣпостныхъ удерживали при себѣ. Предвидя возраженіе, что подобныя же причины въ средневѣковой Европѣ не помѣшали развитію цвѣтущихъ городовъ и ихъ важной роли въ соціальной и политической исторіи Германіи, какъ торговыхъ, промышленныхъ и даже умственныхъ центровъ, авторъ обстоятельно выясняетъ свой взглядъ на причины такого различія. Въ средневѣковой Европѣ шла постоянная борьба между различными политическими факторами, составлявшими тогдашнее общество, и значительные города были отчасти продуктомъ этой борьбы: несомнѣнно, что города поддерживались и усиливались, благодаря взаимной враждѣ королевской власти, феодальнаго дворянства и церкви. Въ Россіи никогда не бывало подобной политической борьбы. Московскіе цари, послѣ сверженія татарскаго ига, безраздѣльно пользовались властью и устроивали страну по своему произволу. Самодержавная власть, земледѣльческій характеръ страны и обиліе незанятой земли дѣлали невозможными и ненужными тѣ междусословныя столкновенія, которыя бываютъ слѣдствіемъ разнородности соціальныхъ положеній и напряженной борьбы за существованіе. Нѣкоторыя соціальныя групы образовались съ теченіемъ времени, но ихъ обязанности, правà, взаимныя отношенія и относительное положеніе въ политическомъ строѣ государства опредѣлялись верховною властью. Потому-то въ русской исторіи почти нѣтъ и слѣда сословной ненависти, составляющей выпуклую черту исторіи Западной Европы. Эти общественныя групы явились просто въ силу обстоятельствъ. Законодательство признало и развило соціальныя различія, уже существовавшія. Что касается городовъ, то, при бòльшей послѣдовательности политики московскихъ царей, по мнѣнію автора, могъ бы создаться богатый городской (burgher) классъ, но случилось противное: тяжелые налоги и зависимое положеніе промышленнаго и торговаго населенія вызвали эмиграцію изъ городовъ, которая приняла такіе размѣры, что правительство вынуждено было преслѣдовать ее карательными мѣрами. Серьёзныя попытки создать въ Россіи городской классъ сдѣланы были Петромъ и Екатериною. Относясь иронически вообще къ реформамъ екатерининской эпохи, въ томъ числѣ и къ модной тогда мысли создать, по французскому образцу, tiérs état и bourgeosie, игравшія во Франціи важную политическую роль, авторъ объясняетъ относительную безуспѣшность городской реформы обоихъ государей тѣмъ, что муниципальныя учрежденія создаются вѣками для удовлетворенія, дѣйствительно, сознаваемыхъ потребностей, которыхъ въ Россіи еще не было; главнымъ практическимъ результатомъ попытокъ создать буржуазію было болѣе систематическое распредѣленіе городскихъ жителей на категоріи съ цѣлью обложенія и увеличенія податей. Еслибъ исчезла эта движущая сила (царская власть и фискальный интересъ) и горожане были бы предоставлены са-

мимъ себѣ, то немедленно исчезли бы и всѣ эти ратуши, бургомистры, гильдіи и другія безжизненныя тѣни, созданныя на иностранный ладъ. На западѣ монархія должна была бороться съ муниципальными учрежденіями, чтобъ они не сдѣлались слишкомъ могущественными, въ Россіи—тоже бороться, но для того, чтобъ они не совершили самоубійства или не погибли отъ истощенія силъ. Еще недавно петербургское городское собраніе постановило налагать штрафъ за неявку своихъ членовъ, чтобъ обезпечить присутствіе узаконеннаго ихъ числа. Такой фактъ чрезвычайно ярко указываетъ низкую степень жизненности этихъ учрежденій. «Если это случается въ столицѣ, то что же въ провинціальныхъ городахъ?» спрашиваетъ авторъ.

Интересны сравнительныя соображенія автора и о характерѣ русскаго дворянства. Въ Германіи, Франціи и Англіи дворянство рано сложилось въ однородное организованное цѣлое и, вслѣдствіе необходимости отстаивать себя, съ одной стороны, отъ монархіи, съ другой — отъ буржуазіи, развило сильный сословный духъ и болѣе и болѣе усвоивало себѣ характеръ касты, со своеобразной умственной и нравственной культурой. Въ Германіи оно прилѣпилось къ феодальнымъ преданіямъ и сохраняетъ до сихъ поръ свою сословную исключительность. Во Франціи оно было лишено политическаго вліянія монархіею и низложено революціей. Въ Англіи умѣрило свои притязанія, заключило союзъ со средними классами, создало аристократическую республику подъ фирмою конституціонной монархіи и шагъ за шагомъ, по требованіямъ необходимости, уступало долю своего политическаго вліянія союзнику, который помогъ ей сокрушить королевскую власть. Германскій баронъ, французскій gentilhomme, англійскій nobleman, хотя и представляютъ три рѣзко очерченные типа, но имѣютъ и много общаго: они всѣ, въ большей или меньшей степени, сохранили высокомѣрное сознаніе прирожденнаго превосходства надъ низшими классами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторую нелюбовь къ среднему сословію, которое было и остается идущимъ все впередъ соперникомъ. Русское дворянство (noblesse) не имѣло подобныхъ характеристическихъ качествъ. Оно сформировалось изъ болѣе многочисленныхъ и разнородныхъ матеріаловъ; въ него вошли: московскіе бояре, татарскіе мурзы, старинныя новгородскія фамиліи, литовскіе вельможи, выходцы изъ тевтонскаго ордена, счастливые солдаты со всѣхъ концовъ русской земли, дворянство присоединенныхъ земель. Сильный политическій факторъ нелегко составить изъ такого разнороднаго матеріала; на практикѣ дворянство никогда не было и полунезависимымъ факторомъ, никогда не составляло органическаго цѣлаго въ европейскомъ смыслѣ, потому что его полубюрократическій характеръ, а также раздѣленіе, въ силу закона и обычая, поземельной собственности между всѣми дѣтьми по смерти родителей лишаютъ дворянство устойчивости. Притомъ, и преданія, унаслѣдованныя русскимъ дворяниномъ

(иногда совершеннымъ французомъ по внѣшности), иныя, чѣмъ у какого-нибудь французскаго gentilhomme, прямого потомка феодальныхъ бароновъ, обладающаго большимъ умственнымъ и нравственнымъ наслѣдіемъ и нѣкоторою высокомѣрною постановкою со временъ феодализма. Между тѣмъ, отецъ и дѣдъ русскаго дворянина чувствовали скорѣе тягости, чѣмъ преимущества своего званія. Они не считали за безчестіе тѣлесныя наказанія и ставили почетъ не въ томъ, что они—потомки бояръ, но въ томъ, что назывались бригадирами, коллежскими ассесорами и совѣтниками. Достоинство ихъ основывалось на волѣ царской. Несомнѣненъ тотъ фактъ, что русское дворянство почти совсѣмъ не имѣетъ такъ-называемаго аристократическаго чувства, того надменнаго, высокомѣрнаго, исключительнаго духа, который мы привыкли соединять съ понятіемъ объ аристократіи. Многіе изъ русскихъ гордятся своимъ богатствомъ, развитіемъ, оффиціальнымъ положеніемъ, но едва ли найдется хотя одинъ, который бы гордился рожденіемъ или воображалъ, что длинная родословная даетъ ему право на политическія привилегіи или общественное значеніе. Подобныя идеи показались бы обыкновенному русскому дворянину нелѣпыми и смѣшными. Потому-то авторъ признаетъ извѣстную долю правды въ часто повторяющемся выраженіи, что, въ сущности, аристократіи въ Россіи нѣтъ. Дворянство, взятое въ цѣломъ, не можетъ быть названо аристократіей. Истинная основа высокаго положенія многихъ даже старинныхъ фамилій состоитъ не въ родословной и не въ чистотѣ крови, а въ оффиціальномъ положеніи и въ общемъ развитіи. Хотя нѣкоторая обособленность отъ прочихъ классовъ общества обыкновенно бываетъ на практикѣ и среди русскаго дворянства, но нѣтъ ничего подобнаго кастовымъ свойствамъ германскаго Adel, вполнѣ непонятны учрежденія, подобныя Tafelfähigkeit, въ силу котораго лицо, неимѣющее опредѣленной длины родословной, считается недостойнымъ сидѣть за королевскимъ столомъ. Русское дворянство скорѣе ставитъ себѣ образцомъ англійскую аристократію, и хотя по закону не имѣетъ особыхъ привилегій, но фактическое положеніе въ администраціи и при дворѣ даетъ возможность его членамъ быстро повышаться въ государственной службѣ. Съ другой стороны, въ силу тѣхъ же оффиціальныхъ отличій, въ его ряды пролагаютъ себѣ дорогу новые люди, между тѣмъ какъ бѣдность иногда заставляетъ и старинныя фамиліи удаляться изъ его рядовъ. Сынъ мелкаго помѣщика или сельскаго священника можетъ подняться до высшихъ государственныхъ должностей, а потомки полумиѳическаго Рюрика могутъ спуститься до положенія крестьянъ. Говорятъ, что не очень давно нѣкто князь Крапоткинъ заработывалъ свое пропитаніе извозчичьимъ промысломъ въ Петербургѣ. Въ иной деревнѣ можно найти много бѣдныхъ, необразованныхъ людей, которые живутъ въ крошечныхъ, убогихъ домикахъ и нелегко отличаются отъ крестьянъ.

Они—дворяне, какъ и любой князь, но не имѣютъ ни оффиціальнаго званія, ни большого состоянія, и все ихъ помѣстье состоитъ изъ нѣсколькихъ десятинъ скудной земли, едва достаточной для удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей. Въ такомъ же положеніи можно найти и людей, носящихъ княжескій титулъ. Аристократію вообще нельзя смѣшивать съ титулованными фамиліями. Титулы въ Россіи не имѣютъ того значенія, какъ въ Западной Европѣ. Это—естественный результатъ русскихъ законовъ о наслѣдованіи, непризнающихъ принципа первородства по отношенію къ титуламъ и имѣніямъ. Сыновья князя—всѣ князья, даже при жизни родителей, и по смерти его собственность, движимая и недвижимая, раздѣляется между всѣми ими поровну. Есть сотни князей и княгинь, которые не были бы приняты ни въ петербургское высшее общество, ни вообще въ образованное общество какой бы ни было страны.

Если русскій дворянинъ говоритъ съ негодованіемъ или горечью о чиновничествѣ, буржуазіи и т п., то можно быть увѣреннымъ, что эти чувства коренятся не въ традиціонныхъ понятіяхъ, а просто заимствованы изъ новѣйшихъ школъ общественной и политической философіи. Дворянскій классъ въ Россіи прошелъ чрезъ столько преобразованій, что не имѣетъ закоренѣлыхъ предразсудковъ и всегда охотно приспособляется къ существующимъ условіямъ. Вообще можно сказать, что онъ больше смотритъ въ будущее, чѣмъ въ прошлое, и всегда готовъ усвоить себѣ новыя идеи, носящія отпечатокъ прогресса. Свобода отъ преданій и предразсудковъ дѣлаетъ его воспріимчивымъ къ великодушному энтузіазму, къ сильному порывистому дѣйствію, но спокойное нравственное мужество и стойкое преслѣдованіе цѣли не принадлежатъ къ числу его выдающихся качествъ. Въ будущемъ, по взгляду автора, скорѣе можно ожидать, что русское дворянство сольется съ другими классами, чѣмъ обособится въ корпорацію съ духомъ исключительности. Вообще, наслѣдственныя аристократіи создавать больше нельзя; можно только сохранять ихъ или, по крайней мѣрѣ, замедлять ихъ разложеніе тамъ, гдѣ они уже существуютъ. Въ Западной Европѣ остается еще въ значительной степени аристократическое чувство, но и тамъ оно существуетъ вопреки современнымъ общественнымъ условіямъ, а не вызывается ими. Оно—не продуктъ новѣйшаго общества, а остатокъ феодальныхъ временъ, когда власть, богатство и образованіе находились въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ людей. Въ Россіи же очень мало аристократическаго чувства и въ народѣ, и въ дворянствѣ, и трудно представить себѣ, откуда бы оно нынѣ могло возникнуть. Сверхъ того, само дворянство не желаетъ пріобрѣтенія исключительныхъ правъ и привилегій, а сливаетъ свои стремленія со стремленіями цѣлаго народа; еслибы и нашлись отдѣльныя личности, которыя желали бы исключительнаго вліянія для своего класса, то онѣ имѣли бы самые ничтожные шансы не успѣхъ.

Кастовый духъ настолько слабъ въ дворянствѣ, что теперь уже немало дворянъ мѣняютъ сельскую жизнь и государственную службу на торговыя и промышленныя предпріятія, и такимъ образомъ формируется зародышъ богатой, просвѣщенной буржуазіи, которую напрасно старались создать при Екатеринѣ законодательнымъ путемъ; конечно, много лѣтъ пройдетъ прежде, чѣмъ этотъ классъ пріобрѣтетъ достаточно значенія, чтобъ сдѣлаться русскимъ tiers-état. Поводомъ надѣяться на сліяніе дворянства съ прочими классами служитъ то, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права и съ преобразованіемъ мѣстнаго самоуправленія, легальныя исключительныя права дворянства противъ прочихъ классовъ отмѣнены; право владѣть поземельною собственностью теперь не принадлежитъ исключительно дворянамъ.

Приведенное нами подробное изложеніе мыслей автора о значеніи въ Россіи общественныхъ классовъ неособенно гармонируетъ съ его непремѣннымъ желаніемъ во что̀ бы то ни стало видѣть у насъ обособившіяся сами собою общественныя групы, раздѣленіе которыхъ только подтверждено формальнымъ закономъ. Служилый характеръ дворянства выясненъ авторомъ вообще хорошо, и взглядъ на наши общественные классы показываетъ, какъ и вся книга, старательное книжное изученіе предмета. Экономическія послѣдствія крестьянской реформы для дворянства, по взгляду автора, мы приведемъ въ связи съ его изложеніемъ крестьянской реформы. Но у него недостаточно выяснено то обстоятельство, что, кромѣ оффиціальнаго положенія, въ русскихъ сословныхъ отношеніяхъ весьма большую роль играетъ имущественный достатокъ въ соединеніи съ образованіемъ и что именно теперь, по крайней мѣрѣ, преобладаніе перваго изъ этихъ признаковъ обѣщаетъ перенесеніе центра общественной тяжести на сторону купечества и капиталистовъ, въ руки которыхъ переходятъ земли, покидаемыя бывшими владѣльцами. Говоря о застоѣ въ средѣ русскаго купечества, авторъ замѣчаетъ въ немъ признаки перемѣны къ лучшему: нѣкоторые купцы даютъ уже своимъ дѣтямъ самое лучшее воспитаніе, какое возможно, и встрѣчается уже молодёжь изъ купечества, которая говоритъ на иностранныхъ языкахъ и можетъ называться образованною. «Къ несчастью, говоритъ авторъ:—многіе изъ нихъ покидаютъ занятіе отцовъ и ищутъ себѣ другой дороги». Не служитъ ли и это также доказательствомъ, что замкнутыя общественныя групы, которыя желаетъ видѣть британецъ-авторъ, намъ чужды и что все обусловливается достаткомъ, способностями и образованіемъ, и первый въ особенности сталъ теперь получать значеніе. Что же касается нашихъ будущихъ политическихъ партій, которымъ авторъ сулитъ полное несходство съ европейскими, то ихъ возникновеніе и формировка (замѣтныя въ зародышѣ, впрочемъ, и теперь) опредѣлятся, главнымъ образомъ, будущей судьбой нашего крестьянства: за нимъ—численное преобладаніе, до нѣкоторой степени опредѣленное въ общемъ

экономическомъ положеніи, и несомнѣнная умственная пытливость, доказательства которой находимъ и у автора, между прочимъ, въ главахъ, посвященныхъ русскому расколу.

III.

Въ числѣ несправедливыхъ обвиненій автора противъ русскаго общества и народа находится внѣшняя религіозность, за которою у многихъ русскихъ не остается будтобы никакого опредѣленнаго смысла. Правда, это бываетъ, но нетолько у русскихъ, а и у англичанъ, составляя результатъ извѣстнаго уровня образованности. Что безсознательное отношеніе къ подобнымъ вопросамъ является у насъ скорѣе исключеніемъ, встрѣчающимся въ такой средѣ, какъ купеческая, доказывается прекрасными страницами самого автора, посвященными раскольникамъ и старовѣрамъ.

Посѣтивъ Самарскую Губернію и, съ осмотромъ кумысныхъ заведеній, выполнивъ всѣ обязанности туриста, авторъ заинтересовался сектой молоканъ, о которой много слышалъ раньше. Того же происхожденія и въ томъ же положеніи, какъ и православные крестьяне, молокане, однакожь, лучше живутъ, лучше одѣваются, исправнѣе платятъ подати—словомъ, сравнительно процвѣтаютъ. Автору сообщали, что это—люди спокойные, честные, трезвые, но относительно ихъ религіозныхъ вѣрованій показанія были разнородны и неопредѣленны. Одни называли ихъ протестантами, лютеранами, другіе—остаткомъ еретической секты, существовавшей въ первобытной церкви, а какой-то господинъ объяснилъ даже, что молоканство — видоизмѣненная форма манихейства, но оказалось, что онъ манихейство знаетъ только по названію.

Ближе ознакомиться съ религіозными вѣрованіями секты казалось тѣмъ затруднительнѣе, что при встрѣчѣ, по деревнямъ, съ молоканами, послѣдніе обнаруживали рѣшительное нежеланіе говорить объ этомъ: погода и состояніе хлѣбовъ—вотъ единственные предметы, о которыхъ разговоръ склеивался; мало по малу дѣло пошло лучше. Авторъ видѣлъ, что прямыми вопросами ничего не добиться, и исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій сдѣлалъ два уже ранѣе имъ замѣченныя обстоятельства: что молоканство имѣетъ нѣкоторое поверхностное сходство съ пресвитеріанствомъ и что вообще умныя головы изъ русскихъ крестьянъ интересуются разсказами о чужихъ странахъ. Такимъ путемъ ему удалось познакомиться съ молоканскимъ попомъ, который пользовался уваженіемъ собратій по вѣрѣ, и чрезъ него съ молоканами сосѣднихъ деревень. Нѣкоторые крестьяне совѣтовали автору посѣтить деревню Александровъ-Гай, расположенную на границахъ киргизской степи: «мы здѣсь—люди тем-

ные, и ничего не знаемъ, говорили крестьяне:—а тамъ вы найдете знающихъ вѣру, они съ вами потолкуютъ». Возвращаясь изъ путешествія во внутреннюю киргизскую орду, авторъ заѣхалъ въ деревню Александровъ-Гай и нашелъ гостепріимный пріемъ у одного изъ молоканъ. Бесѣдуя съ нимъ о религіозныхъ предметахъ, онъ какъ-то выразилъ желаніе видѣть кого-нибудь хорошо свѣдущаго въ вѣрѣ и знающаго св. писаніе. Хозяинъ обѣщалъ и сдержалъ слово нѣсколько неожиданнымъ для автора способомъ. На слѣдующее же утро, какъ только сняли со стола самоваръ, въ комнату вошли двѣнадцать человѣкъ крестьянъ бесѣдовать о вѣрѣ. Хозяинъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, положилъ предъ своимъ чужестраннымъ гостемъ фоліантъ славянской библіи для нужныхъ справокъ и цитатъ. «Такъ какъ я совсѣмъ не былъ приготовленъ къ формальному богословскому пренію, разсказываетъ авторъ:—то и почувствовалъ себя въ немаломъ затрудненіи. Мои два русскіе друга, дорожные спутники, которые вовсе неинтересовались подобными вещами, наслаждались моимъ замѣшательствомъ и ушли, шепнувъ мнѣ: «предоставляемъ васъ вашей участи». Моя участь, впрочемъ, была совсѣмъ не такъ ужасна, какъ ожидали, но сначала дѣйствительно, положеніе было неловкое. Ни которая сторона не имѣла яснаго понятія о томъ, чего другая желала; мои собесѣдники ожидали, что я начну разговоръ, и это было вполнѣ естественно, потому что я же неумышленно и вызвалъ ихъ на религіозное собесѣдованіе. Всякіе предварительные посторонніе разговоры, въ родѣ погоды и хлѣбовъ, были теперь неумѣстны. Мнѣ на минуту пришло въ голову предложить пропѣть псаломъ, чтобъ прервать первую сдержанность, но это значило бы придать собранію торжественность, которой я желалъ избѣгнуть. Лучше всего было сразу приступить къ формальному разсужденію. Я такъ и сдѣлалъ, сказавъ, что говорилъ со многими изъ ихъ собратій и замѣтилъ важныя заблужденія въ ихъ ученіи; такъ, напримѣръ, не могу согласиться съ ними, будто бы незаконно ѣсть свинину. Послѣ такого нѣсколько крутаго вступленія, свободно началась оживленная бесѣда. Мои противники пытались доказывать свои мнѣнія сначала новымъ завѣтомъ, а когда набранные отсюда доводы оказались ненадежными, то пятикнижіемъ. Отъ частностей обрядоваго закона мы перешли къ болѣе широкому вопросу о томъ: насколько вообще обязателенъ обрядовый законъ?—а затѣмъ къ другимъ, столь же важнымъ пунктамъ. Если логика крестьянъ и невсегда безукоризненна, то ихъ знаніе писаній не оставляетъ ничего желать. Въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ они цитировали на память длинные отрывки изъ библіи, а три-четыре человѣка изъ нихъ, повидимому, знаютъ наизусть весь новый завѣтъ. Послѣ четырех-часовыхъ непрерывныхъ преній мы рѣшили, что расходимся во второстепенныхъ вопросахъ, и разстались безъ всякаго слѣда той враждебности, какую обыкновенно порождаютъ религіозные

диспуты. Никогда не встрѣчалъ я людей болѣе честныхъ и вѣжливыхъ въ спорѣ, болѣе ревностныхъ въ исканіи истины и менѣе заботившихся о діалектическомъ торжествѣ, какъ эти простые, необразованные крестьяне».

Это собесѣдованіе и другія разсужденія съ молоканами убѣдили автора, что хотя ученіе ихъ имѣетъ сходство съ пресвитеріанствомъ, но важная разница состоитъ въ томъ, что послѣднее имѣетъ церковную организацію, письменное изложеніе вѣры, что ученіе пресвитеріанское ясно установлено и публичными преніями, и полемической литературой, и собраніями; молокане же не имѣли средствъ развить свои основные взгляды и формулировать неопредѣленныя вѣрованія въ стройную логическую систему. При свободѣ каждаго отдѣльнаго лица толковать св. писаніе по собственному разумѣнію, неизбѣжно образовалось значительное разногласіе въ мнѣніяхъ между различными молоканскими общинами, но нигдѣ не видно узкаго, фанатическаго, догматически-сектаторскаго духа. Если кто встрѣчаетъ сомнѣніе въ дѣлѣ вѣры и желаетъ разъясненія, то заявляетъ о томъ конгрегаціи (собранію), и нѣкоторые изъ прочихъ членовъ подаютъ свои мнѣнія по спорному вопросу вмѣстѣ съ текстами, на которыхъ мнѣнія эти основаны. Если вопросъ разъясняется текстами, то считается рѣшеннымъ, если нѣтъ — то оставляется открытымъ. Та же система совокупнаго дѣйствія примѣняется у молоканъ къ «нравственному надзору» надъ сочленами и къ матеріальной помощи нуждающимся собратьямъ. Виновнаго въ поступкѣ, неприличномъ христіанину, сначала увѣщеваетъ «пресвитеръ» наединѣ или предъ собраніемъ; если убѣжденіе не производитъ желаемаго дѣйствія, то виновный исключается изъ собраній на болѣе или менѣе долгій срокъ, съ запрещеніемъ всякаго общенія съ вѣрными, а въ крайнемъ случаѣ изгоняется совсѣмъ. Но если кто изъ сочленовъ не по собственной винѣ попалъ въ денежныя затрудненія, то прочіе помогаютъ ему. Въ этой системѣ взаимнаго надзора и взаимной помощи авторъ видитъ частію объясненіе того, что молокане отличаются отъ окружающаго населенія воздержностью, правдивостью и матеріальнымъ благосостояніемъ.

Переходя къ историческому обзору развитія секты, авторъ мимоходомъ разсказываетъ исторію нѣкоего Ивана Григорьева, ложнаго пророка, который пытался согласить христіанство съ крайнимъ утилитаріанизмомъ, и на возраженія окружавшихъ его ученію о свободной любви напоминалъ, что писаніе должно понимать по духу, а не по буквѣ, что христіанство сдѣлало людей свободными и каждый христіанинъ долженъ пользоваться своей свободой. «Все законно, но не все удобно», училъ этотъ пророкъ, т. е. мы должны въ поступкахъ руководствоваться только удобствомъ; а кто позволяетъ себя стѣснять закону, тотъ— не истинный христіанинъ. Этотъ Иванъ Григорьевъ—по выраженію автора, интересное соединеніе пророка, общественнаго

реформатора и хитраго обманщика—былъ простой русскій крестьянинъ, который съ молоду принадлежалъ къ безпокойнымъ людямъ, неуживающимся съ правильной, подначальной работой. Почему онъ покинулъ свою родину и гдѣ она была, онъ этого никому не открывалъ по причинамъ, лучше всего извѣстнымъ ему самому; но путешествовалъ много и внимательно наблюдалъ; навѣрное, былъ въ Турціи и вступалъ въ сношеніе съ тамошними русскими сектаторами, живущими въ значительномъ числѣ близь Дуная. Здѣсь, должно быть, онъ пріобрѣлъ многія свои своеобразныя религіозныя идеи, и потомъ задумалъ явиться основателемъ новой религіи, но вскорѣ былъ понятъ, и теперь едвали кого увлечетъ. Каковы бы ни были религіозныя воззрѣнія молоканъ, но авторъ, на основаніи своего личнаго знакомства съ ними, удостовѣряетъ, что имъ совершенно чужды всякія политическія тенденціи, въ которыхъ иные любятъ обвинять сектаторовъ. Въ этомъ молокане не отличаются отъ обыкновенныхъ русскихъ крестьянъ.

Описывая различныя раскольничьи секты, авторъ оговаривается, что, въ сущности, о нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно немногое и, притомъ, изъ враждебныхъ имъ источниковъ, такъ что, весьма вѣроятно, многія изъ разсказываемыхъ о нихъ исторій просто вымышлены: таковы, напримѣръ, обвиненія въ убиваніи дѣтей и употребленіи ихъ крови при совершеніи жертвы, и т. п. Авторъ старается объяснить враждебное отношеніе къ русскимъ раскольничьимъ сектамъ тѣмъ, что, по русскому взгляду, національность отождествляется съ религіей: по установившемуся мнѣнію, татаринъ долженъ быть магометаниномъ, полякъ—католикомъ, нѣмецъ—протестантомъ. Если и предпринимались обращенія иновѣрцевъ, то побужденія тутъ всегда были политическія, и подобныя попытки никогда не пользовались особеннымъ сочувствіемъ въ народѣ. Потому же не нашли поддержки въ народѣ и миссіонерскія общества, которыя иногда основывались въ подражаніе западу. По отношенію къ иноземцамъ, теорія эта вела къ значительной религіозной терпимости: татары, поляки, нѣмцы—въ извѣстномъ смыслѣ еретики, но ихъ еретичество понятно и извинительно. Другое дѣло—сами русскіе; въ силу тѣхъ же взглядовъ, русскій долженъ быть православнымъ, и если онъ сдѣлался католикомъ или протестантомъ, хотя бы по самымъ возвышеннымъ побужденіямъ, онъ—преступникъ и подлежитъ уголовному закону. Приводя такіе взгляды, авторъ напрасно не добавилъ, что они всегда имѣли только казенный характеръ и уже значительно устарѣли, что лучшая часть русской интеллигенціи давно уже не раздѣляетъ подобныхъ воззрѣній, что постепенно выясняется въ образованномъ обществѣ различіе между вѣрующими и скептиками (впрочемъ, о скептицизмѣ образованныхъ людей Маккензи упоминаетъ и самъ, но съ ироніей), а въ «простомъ» народѣ, по сознанію самого автора, секты съ протестантскимъ характеромъ, обладающія большою жизненностью,

*

быстро распространяются. Очевидно, что неразрывность связи между православіемъ и русскою народностью не существуетъ уже въ народномъ сознаніи, и вопросъ о признаніи свободы совѣсти законодательствомъ стоитъ на очереди въ недалекомъ будущемъ. Авторъ ясно раздѣляетъ раскольниковъ «протестантскихъ и фанатическихъ сектъ» отъ старообрядцевъ, различающихся только старинными книгами и обрядами.

Подробно излагая исторію исправленія богослужебныхъ книгъ при Никонѣ и послѣдующія мѣры правительства по отношенію къ старобрядцамъ, авторъ основательно замѣчаетъ, что давно бы слѣдовало признать раскольничьи браки, вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать и карать ихъ, потому что такіе браки, хотя и неправильны по церковнымъ установленіямъ, но, все-таки, составляютъ лучшее средство привести фанатическія секты къ здравой соціальной жизни и тѣмъ уменьшить самый ихъ фанатизмъ. Съ прекращеніемъ религіозныхъ преслѣдованій и гражданской неполноправности подобныя секты сами собою исчезнутъ. Авторъ отдаетъ полную справедливость учености и начитанности поморцевъ и ѳедосѣевцевъ, которые въ спорахъ изумляютъ своими діалектическими способностями и логикой. «Нѣкоторые трактаты, написанные простыми крестьянами, могли бы выдержать сравненіе съ замысловатыми диссертаціями средневѣковыхъ ученыхъ». Кромѣ того, отмѣчена и замѣчательная стойкость, съ какою русскій мужикъ, считающійся обыкновенно безгласнымъ, пассивнымъ существомъ, отстаивалъ свою религіозную свободу.

Въ параллель съ раскольничьими сектами, приведемъ характеристику русскаго сельскаго духовенства. Знакомство съ нимъ описываетъ авторъ еще въ началѣ сочиненія, при описаніи своего пребыванія въ селѣ Ивановкѣ, гдѣ онъ хотѣлъ даже поселиться въ домѣ сельскаго священника. Хотя помѣщеніе въ семьѣ священника и не состоялось, но онъ, все-таки, прожилъ въ селеніи нѣкоторое время. Отчего народъ не уважаетъ сельскихъ священниковъ? Вотъ вопросъ, который задаетъ себѣ авторъ и разсматриваетъ его въ связи съ вопросомъ о положеніи духовенства; онъ отвѣчаетъ на это цитатою изъ извѣстнаго писателя и знатока провинціальной жизни, г. Мельникова, въ смыслѣ, уже извѣстномъ большинству русскихъ читателей. Въ разговорѣ съ сельскимъ «попомъ» авторъ показываетъ, какъ готовящихся въ священники женятъ по выбору епископовъ (этотъ разговоръ происходилъ въ 1870 году), каково положеніе запрещеннаго священника, какъ каждый изъ нихъ относится къ консисторіи, благочиннымъ, прихожанамъ и т. п. — «Быть можетъ, вы слышали, говорилъ собесѣдникъ автора: — что священники вымогаютъ деньги съ крестьянъ, отказываясь совершать крестины или погребеніе, пока имъ не заплачена извѣстная сумма. Это, къ несчастію, вѣрно, но кого тутъ винить? Священнику надо жить и воспитывать свою семью, а вы не можете себѣ

представить, какимъ униженiямъ онъ подвергается, чтобъ добыть свое скудное пропитанiе. Я знаю это по опыту. Совершая обходы, я вижу, какъ крестьянамъ жаль каждой горсти рису, каждаго яйца, которое они мнѣ даютъ. «Попъ беретъ съ живаго и съ мертваго», говорятъ многiе изъ нихъ. Иные запираютъ двери передо мною, какъ бы не находясь дома, но и тогда даже не даютъ себѣ труда помолчать, пока я могу ихъ услышать».— «Вы меня удивляете, возразилъ авторъ:—я всегда слыхалъ, что русскiе весьма религiозны, по крайней мѣрѣ, низшiй классъ народа».—«Они дѣйствительно таковы, но крестьяне бѣдны и обременены тяжелыми налогами. Они придаютъ большое значенiе таинствамъ, строго соблюдаютъ посты, которые занимаютъ почти половину года, но выказываютъ мало уваженiя къ своимъ пастырямъ, которые почти такъ же бѣдны, какъ они сами. Помочь этому можно только свободою и гласностью. Прежде всего, наши нужды должны быть сдѣланы извѣстными. Въ нѣкоторыхъ губернiяхъ дѣлались уже попытки къ этому путемъ съѣздовъ духовенства, но ихъ усилiямъ всегда упорно противились консисторiи, члены которыхъ боятся гласности больше всего. Но, чтобы имѣть гласность, намъ нужно больше свободы». «Мой собесѣдникъ, очевидно, вращался въ безвыходномъ кругѣ», добавляетъ авторъ. Послѣднiй, какъ англичанинъ, нѣсколько непрiятно пораженъ былъ простыми сужденiями сельскаго священника о бѣдности, о невыгодной финансовой сторонѣ запрещенiя совершать требы и т. п. «Не всѣ русскiе священники таковы, прибавляетъ онъ.—Многiе изъ нихъ достойны уваженiя, полны добрыхъ намѣренiй, сознательно исполняютъ свои скромныя обязанности и стараются дать хорошее воспитанiе своимъ дѣтямъ. Если у нихъ меньше учености, образованiя, утонченности, чѣмъ у католиковъ, то меньше фанатизма, гордости и нетерпимости». Хорошiя и дурныя качества русскаго священника легко объясняются его исторiею и нѣкоторыми особенностями нацiональнаго характера: кастообразностью духовенства, особымъ его характеромъ, особыми привычками и идеалами, многочисленностью духовенства и безгласностью его по отношенiю къ бывшимъ помѣщикамъ, которые иногда немногимъ отличали «поповъ» отъ крѣпостныхъ; затѣмъ—сильною наклонностью и въ духовенствѣ, и въ мiрянахъ придавать чрезмѣрное значенiе обрядовой сторонѣ религiи, при чемъ обрядности имѣютъ нестолько духовное, сколько магическое значенiе. Приводя навыворотъ извѣстную пословицу «каковъ приходъ, таковъ попъ», авторъ проводитъ параллель между русскимъ священникомъ и протестантскимъ пасторомъ. «По протестантскимъ понятiямъ, деревенскiй пасторъ—человѣкъ примѣрнаго поведенiя, съ важной осанкой, съ извѣстнымъ образованiемъ и даже утонченностью. Кромѣ каждонедѣльной проповѣди въ простыхъ, но выразительныхъ словахъ, онъ долженъ утѣшать страждущихъ, помогать нуждающимся, подавать совѣты людямъ, удрученнымъ сомнѣнiями, увѣщевать при-

хожанъ держаться путей правды. Таковъ идеалъ пастора въ народномъ сознаніи, и почти всѣ пасторы стараются осуществить его, если не на самомъ дѣлѣ, то хотя по наружности. Русскому священнику прихожане не ставятъ подобнаго идеала. Отъ него ожидаютъ просто соблюденія извѣстныхъ обычаевъ и выполненія обрядовъ и церемоній, предписанныхъ церковью. Если онъ дѣлаетъ это, не допуская вымогательствъ, то прихожане совершенно довольны. Онъ рѣдко говоритъ проповѣди, дѣлаетъ увѣщанія, не имѣетъ и не ищетъ нравственнаго вліянія на свое стадо. Кромѣ того, протестантское духовенство во всѣхъ странахъ оказало важныя услуги дѣлу народнаго образованія. Причину этого найти не трудно. Чтобъ быть добрымъ протестантомъ, необходимо умѣть читать и понимать Св. Писаніе; въ греческой же церкви, по народнымъ понятіямъ, чтеніе писанія не составляетъ необходимости, и потому первоначальное образованіе не имѣетъ въ глазахъ священника такой важности, какъ у протестантскаго пастора, хотя первый не считаетъ и опаснымъ начальное ученіе, подобно католическому священнику». Авторъ, очевидно, увлекается непригляднoю внѣшностью нашего сельскаго священника и крестьянина: достаточно указать на различныхъ черницъ, борцовъ противъ раскола, на самихъ расколо-учителей, чтобъ видѣть неосновательность сужденій автора.

«Русскій народъ, въ извѣстномъ смыслѣ, религіозенъ. Онъ аккуратно ходитъ въ церковь по воскресеньямъ и праздникамъ, крестится, проходя мимо церкви или иконы, причащается въ опредѣленное время, строго воздерживается отъ животной пищи нетолько по средамъ и пятницамъ, но и во всѣ посты, иногда ходитъ на богомолье къ святымъ мѣстамъ, словомъ, пунктуально выполняетъ всѣ обрядовыя правила, считаемыя необходимыми для спасенія. Но тутъ религіозность и кончается. О такъ называемой протестантами внутренней «религіозной жизни» русскій крестьянинъ не имѣетъ понятія.

Авторъ не забываетъ и новѣйшихъ реформъ въ положеніи духовенства, которыя обѣщаютъ впослѣдствіи перемѣну къ лучшему, хотя «пройдутъ долгіе годы прежде, чѣмъ преобразуется духъ, которымъ проникнутъ этотъ классъ», прибавляетъ онъ; указываетъ и на поразительное для англичанина равнодушіе русскаго образованнаго общества къ церковнымъ дѣламъ и иронически относится къ «передовымъ», которые считаютъ религію только устарѣлымъ предразсудкомъ. Намъ кажется, что общечеловѣческія черты авторъ принимаетъ за русскія, упуская изъ виду, что невѣрующіе изъ образованнаго класса найдутся и въ Англіи, какъ найдутся и тамъ люди, видящіе въ религіи только внѣшность или вовсе не имѣющіе понятія о «внутренней религіозной жизни». Бо̀льшее или меньшее число тѣхъ или другихъ людей зависитъ отъ народнаго характера и общаго склада жизни и также отъ распространенности образованія. Нельзя также

приписывать причину всѣхъ дурныхъ сторонъ русской жизни исключительно, какъ въ настоящемъ случаѣ, прихожанамъ; не напрасно же у насъ сложилась поговорка, приведенная авторомъ, которую едва ли правильно выворачивать. «Инертность, апатію, недостатокъ самостоятельной силы, составляющія одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ русской національной жизни», авторъ видитъ даже въ томъ, что русскіе монастыри не участвовали въ реформахъ, которыя совершились въ теченіи послѣднихъ 200 лѣтъ, а ограничивались религіозными церемоніями, молитвой и созерцаніемъ; тогда какъ на западѣ монашество не разъ дѣлало попытки къ своему обновленію, путемъ основанія различныхъ орденовъ, которые ставили себѣ каждый свою, но всегда полезную цѣль. Такое ограниченіе нашихъ монаховъ религіозными цѣлями можетъ считаться только достоинствомъ, и авторъ, излагая правильный очеркъ отношеній у насъ между государствомъ и церковью, самъ же признаетъ, что русское духовенство отличается къ лучшему и отъ католическаго, и отъ протестанскаго: отъ перваго—отсутствіемъ высокомѣрной нетерпимости, отъ послѣдняго—неимѣніемъ въ себѣ узкаго, желчнаго сектаторскаго духа; нетолько еретикамъ, но и членамъ своего исповѣданія оно оставляетъ полную умственную свободу, не думая поражать анаѳемой за научныя мнѣнія». Развѣ это—не достоинство, и чему же мы этимъ обязаны, какъ не исторической чертѣ отчужденія духовенства отъ свѣтскихъ дѣлъ и безусловнаго подчиненія его свѣтской власти?

М. Уоллесъ удѣлилъ два слова и проекту о единеніи русской и англійской церквей. Онъ уничтожаетъ этотъ проектъ немногими словами. «Достойно сожалѣнія, говоритъ онъ:—что смѣлые умы, задумывающіе подобные проекты, и краснорѣчивые ораторы, обсуждающіе ихъ, не дадутъ себѣ труда ознакомиться съ фактами, съ исторіей и современнымъ положеніемъ восточной церкви въ ея различныхъ отрасляхъ. Они поняли бы, что соединеніе русской и англиканской церквей столько же неосуществимо и нежелательно, какъ соединеніе русскаго государственнаго совѣта и британской палаты общинъ».

IV.

Приведемъ нѣсколько нарисованныхъ авторомъ типовъ русскихъ землевладѣльцевъ, въ числѣ которыхъ несомнѣнно найдутся знакомыя лица.

«Между русскими землевладѣльцами можно встрѣтить людей почти всѣхъ состояній и званій—отъ богатаго вельможи, окруженнаго утонченною роскошью западно-европейской цивилизаціи, до бѣднаго, дурно-одѣтаго, невѣжественнаго собственника нѣсколькихъ десятинъ, которыя едва доставляютъ ему необходимыя жиз-

ненныя потребности. Вотъ нѣсколько образцовъ изъ числа людей средняго порядка.

«Въ одной изъ центральныхъ губерній, близь берега тинистой, мутной рѣки, стоитъ неправильная група деревянныхъ построекъ, старыхъ, почернѣвшихъ отъ времени, съ высокими крышами, которыя подернулись мхомъ. Главное зданіе—длинный, одноэтажный жилой домъ, выстроенный прямымъ угломъ на дорогу. Передъ фасадомъ дома тянется просторный, дурно содержимый дворъ, а сзади—также просторный, тѣнистый садъ, въ которомъ искуство видимо уступаетъ природѣ. По другую сторону двора, противъ дверей дома, стоятъ конюшни, сарай и амбаръ, а ближе къ этому отдаленному отъ дороги концу дома расположены два маленькіе домика—кухня и людская. За ними, сквозь рядъ деревьевъ можно различить еще групу почернѣвшихъ отъ времени деревянныхъ построекъ еще въ бо̀льшемъ упадкѣ. Это—скотный дворъ. Несмотря на отсутствіе симметричности, въ постройкахъ замѣтенъ нѣкоторый порядокъ. Постройки, въ которыхъ ненужно печей, поставлены на значительномъ разстояніи отъ жилого дома и кухни, кухня стоитъ отдѣльно; строгое раздѣленіе половъ, составлявшее отличительную черту стариннаго русскаго общества, уже давно исчезло, но вліяніе его еще замѣтно въ домахъ, построенныхъ по старому образцу. Домъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: мужской и женской половинъ и, по срединѣ, нейтральной области, т. е. столовой и залы. Это имѣетъ свои удобства и объясняетъ, почему у дома двое входныхъ дверей. Сзади—еще третья дверь, изъ нейтральныхъ комнатъ на просторный балконъ, возвышающійся надъ садомъ. Здѣсь живетъ и жилъ много лѣтъ Иванъ Ивановичъ К., дворянинъ стараго порядка, человѣкъ очень достойный въ своемъ родѣ. Отъ природы широкоплечій, рослый, онъ могъ бы обладать большою мускульною силою, но ухитрился уничтожить эти счастливые задатки и теперь имѣетъ больше жиру чѣмъ мускуловъ. Коротко обстриженная голова кругла, какъ ядро, лицо массивно и пасмурно, но это выраженіе смягчается спокойнымъ довольствомъ, которое иногда расплывается въ широкую улыбку. Лицо И. И. изъ такихъ, что съ нимъ никакой комедіантъ не могъ бы выразить заботу и тревогу, да такого выраженія никогда и не требовалось. И. И., подобно прочимъ смертнымъ, испытываетъ иногда небольшія невзгоды, и, при такихъ случаяхъ его маленькіе сѣрые глазки сверкаютъ, а лицо обливается багровымъ цвѣтомъ, который указываетъ на опасность апоплексіи; несчастіе еще не преслѣдовало его; онъ не узналъ по опыту (а больше только по наслышкѣ), что̀ значатъ разочарованіе, надежда и другія чувства, которыя сообщаютъ жизни драматическій интересъ. Лѣтъ 60 назадъ, И. И. родился въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ теперь живетъ. Первымъ учителемъ его былъ приходскій священникъ, а потомъ дьяконскій сынъ, некончившій курса въ семинаріи. Оба эти педагога обращались съ мальчикомъ чрезвы-

чайно снисходительно; онъ учился сколько хотѣлъ—не больше. Отецъ думалъ-было хорошенько выучить сына, но мать боялась, чтобъ ученьемъ не разстроилось его здоровье, и давала ему по нѣсколько праздниковъ каждую недѣлю. Успѣхи, разумѣется, не могли идти быстро, и мальчикъ едва былъ знакомъ съ основными правилами ариѳметики, когда отецъ объявилъ, что ему уже минуло 18 лѣтъ и пора поступать на службу. Но куда? Иванъ не чувствовалъ склонности ни къ какой особой дѣятельности. Проектъ поступить юнкеромъ въ кавалерійскій полкъ, начальникъ которого былъ старымъ пріятелемъ отца, не нравился Ивану; онъ не любилъ военной службы, а перспектива экзамена внушала ему ужасъ. Ивану предстояла дилемма такого рода: изъ угожденія отцу, онъ желалъ поступить на службу и получить чинъ, который каждый русскій дворянинъ желаетъ пріобрѣсти, а между тѣмъ, по желанію матери и по собственному вкусу, лучше бы казалось оставаться дома и вести прежнюю лѣнивую жизнь. Мѣстный предводитель дворянства выручилъ юношу изъ затрудненія, предложивъ записать его секретаремъ въ дворянскую опеку. Дѣло могъ дѣлать наемный секретарь, и номинальному владѣльцу мѣста оставалось только получать, время отъ времени, чины; этого-то именно и нужно было Ивану. Въ теченіи 7 лѣтъ, безъ всякихъ усилій съ своей стороны, онъ получилъ чинъ коллежскаго секретаря. Чтобъ идти выше въ чинахъ, нужно было искать мѣста съ настоящимъ дѣломъ; поэтому И. И. рѣшился успокоиться на своихъ дешевыхъ лаврахъ и подалъ въ отставку. Такъ же легко, какъ чинъ, получилъ онъ и жену, безъ всякихъ хлопотъ со своей стороны. Любовныя тревоги прошли для него спокойно. Дѣло уладили родители, выбравъ сыну невѣсту—единственную дочь ближайшаго сосѣда. Дѣвушка была только 16 лѣтъ, не отличалась ни красотой, ни талантами, но имѣла одно весьма важное качество: была дочерью помѣщика смежнаго имѣнія, и въ приданое за нею могъ пойти участокъ земли, которымъ отцу жениха давно уже было желательно округлить свои границы. Переговоры были нѣсколько деликатнаго свойства, и потому ихъ вела старая дама, имѣвшая дипломатическую опытность для подобныхъ дѣлъ; черезъ нѣсколько недѣль дѣло сладили и назначили день свадьбы. Хотя жениху и въ голову не приходило быть влюбленнымъ въ свою будущую жену, но ему не пришлось жалѣть о выборѣ, который былъ для него сдѣланъ. Марья Петровна, по характеру и по воспитанію, какъ разъ годилась быть женою человѣка въ родѣ И. И. Выросла она дома, въ обществѣ нянекъ и горничныхъ, и всѣ познанія получила отъ священника и «мамзели», личности, занимавшей средину между прислугой и гувернанткой. Первымъ событіемъ въ жизни дѣвушки было извѣстіе, что она должна выходить замужъ, и приготовленія къ свадьбѣ. Первые годы замужней жизни были не очень счастливы; свекровь смотрѣла на Машу, какъ на капризнаго ребенка, и частенько ее журила, но та вынесла все

съ примѣрнымъ терпѣніемъ и въ свое время сама сдѣлалась полной госпожей въ домашнихъ дѣлахъ. Съ этихъ поръ она стала жить дѣятельною, незатѣйливою жизнью. Она посвящаетъ всю свою энергію на удовлетвореніе простыхъ матеріальныхъ потребностей мужа (умственныхъ онъ не имѣетъ) и доставленіе ему всевозможныхъ удобствъ. При такой заботливости супруги И. И., какъ самъ говоритъ, совсѣмъ «обабился». Склонность охотиться, стрѣлять у него пропала, сосѣдей онъ посѣщаетъ все рѣже и рѣже и съ каждымъ годомъ больше времени проводитъ въ своемъ спокойномъ креслѣ. Лѣтомъ, И. И. встаетъ часовъ въ 7 и съ помощью лакея надѣваетъ простой, порядкомъ поношенный и покрытый пятнами сюртукъ. Дѣла особаго у него нѣтъ; онъ садится къ открытому окну и смотритъ во дворъ, разспрашиваетъ проходящихъ слугъ, отдаетъ имъ приказанія или бранитъ ихъ, смотря по обстоятельствамъ. Часамъ къ 9-ти онъ идетъ пить чай въ столовую—длинную, узкую комнату, съ простымъ деревяннымъ поломъ и безъ всякой другой мебели, кромѣ стола и креселъ. Жена за самоваромъ уже ждетъ. Приходятъ младшія дѣти, цѣлуютъ руку отца и садятся вокругъ стола. Такъ какъ утренняя трапеза состоитъ только изъ хлѣба и чая, то она продолжается недолго; глава дома начинаетъ дневную работу тѣмъ, что опять садится у открытаго окна съ турецкой трубкой, набивать и зажигать которую долженъ мальчикъ, котораго обязанность въ томъ и состоитъ, чтобъ держать въ порядкѣ трубки барина. Послѣ двухъ-трехъ трубокъ и соотвѣтствующаго количества безмолвнаго созерцанія, И. И. выходитъ съ намѣреніемъ посѣтить конюшни и скотный дворъ, но обыкновенно, не перейдя еще и двора, находитъ, что жара невыносимая, и возвращается на свое прежнее мѣсто передъ окномъ. Когда солнце подвинется настолько, что балконъ сзади дома дѣлается совершенно въ тѣни, кресло передвигается туда, и И. И. сидитъ до обѣда. Марья Петровна проводитъ утро гораздо дѣятельнѣе, въ хлопотахъ по хозяйству. Въ часъ—обѣдъ. И. И. приготовляетъ аппетитъ, выпивая залпомъ рюмку домашней горькой. Обѣдъ—важное событіе дня. Пища изобильна, хорошаго качества, но грибы, лукъ, жирныя блюда играютъ слишкомъ большую роль, и вообще при изготовленіи кушанья обращается мало вниманія на кулинарную гигіену. Многія кушанья привели бы въ ужасъ слабаго здоровьемъ британца, но, повидимому, не вредятъ русскому организму, не ослабленному городскою жизнью, нервнымъ возбужденіемъ и умственными усиліями. Послѣ послѣдняго блюда, въ домѣ воцаряется мертвая тишина. Молодежь идетъ въ садъ, И. И. удаляется въ свою комнату, изъ которой мухи заботливо изгоняются тѣмъ же мальчикомъ-трубконосцемъ. Марья Петровна дремлетъ въ креслѣ въ гостиной, покрывъ лицо носовымъ платкомъ. Слуги храпятъ въ корридорахъ, на чердакѣ или на сѣновалѣ; даже старая собака растянулась во дворѣ во всю длину подлѣ своей конуры. Часа черезъ два, домъ мало по малу

просыпается. Начинаютъ скрипѣть двери, имена разныхъ слугъ выкрикиваются на всѣ лады. отъ баса до фальцета. Изъ кухни появляется слуга съ огромнымъ самоваромъ, шипящимъ, какъ паровая машина. Такъ какъ сонъ послѣ тяжелой пищи вызываетъ жажду, то въ Россіи чай и другія питья очень употребительны. Послѣ чаю, И. И. ѣдетъ въ поле на бѣговыхъ дрожкахъ, а Марья Петровна иногда принимаетъ попадью, главную кумушку во всемъ сосѣдствѣ, знающую и аккуратно разносящую всѣ мѣстныя новости и сплетни. По вечерамъ, нерѣдко является во дворъ кучка крестьянъ, желающихъ видѣть барина. «Ну, ребята, что нужно?» спрашиваетъ И. И. Крестьяне начинаютъ несвязно говорить, нѣсколько человѣкъ разомъ; онъ переспрашиваетъ ихъ нѣсколько разъ прежде, чѣмъ пойметъ, въ чемъ дѣло. Если баринъ отказываетъ въ ихъ просьбѣ, крестьяне начинаютъ умолять его съ низкими поклонами, полуфамильярнымъ, полуласкающимъ тономъ. И. И. добродушно слушаетъ, опять толкуетъ имъ о невозможности выполнить ихъ просьбу, но когда просители не унимаются — онъ теряетъ терпѣніе и говоритъ имъ полу-отечески, полусердито: «Ну довольно, довольно, дураки вы, дураки круглые! Что толковать, сказано—нельзя!» и уходитъ въ домъ. Постоянную долю вечернихъ занятій составляетъ бесѣда съ управляющимъ. Сдѣланныя сегодня дѣла, предположенія на завтра, подробныя разсужденія о погодѣ на нѣсколько дней занимаютъ очень много времени. Прибѣгаютъ къ календарю, хотя его предсказанія часто оказываются не очень вѣрными. Разговоръ длится до ужина, составляющаго сокращенное повтореніе обѣда, и затѣмъ тотчасъ всѣ удаляются на ночлегъ.

«Такъ проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы въ домѣ И. И., и рѣдко допускается отступленіе отъ принятаго порядка. Въ длинные зимніе вечера вся семья—въ гостиной, и каждый убиваетъ время какъ можетъ. И. И. куритъ свою длинную трубку и размышляетъ или прислушивается къ оргáну, на которомъ играетъ одинъ изъ дѣтей. Марья Петровна вяжетъ чулокъ. Старая тетка, которая зиму обыкновенно проводитъ съ ними, раскладываетъ пасьянсъ и по картамъ предсказываетъ будущее. Любимой тэмой предсказаній, обыкновенно, бываетъ, пріѣздъ незнакомаго человѣка или скорая свадьба, причемъ опредѣляется даже цвѣтъ волосъ жениха; дальнѣйшихъ подробностей гадальщица предвидѣть не можетъ.

«Книги и газеты рѣдко видны въ гостиной, но для желающихъ читать найдутся въ книжномъ шкафу самые разнородные продукты литературы, показывающіе вкусы нѣсколькихъ поколѣній семьи: самыя давнишнія книги принадлежатъ дѣду И. И.. который, по семейнымъ преданіямъ, былъ въ свое время высокопоставленнымъ фаворитомъ. Очевидно, это былъ человѣкъ съ нѣкоторыми претензіями на развитіе. Портретъ, рисованный иностраннымъ артистомъ не-безъ таланта, еще виситъ въ гостиной; изъ нѣсколькихъ купленныхъ имъ вещей севрскаго фар-

фора, послѣдняя еще стоитъ въ углу на комодѣ и составляетъ странный контрастъ съ грубою мёбелью домашней выдѣлки и неопрятною внѣшностью комнаты. Въ числѣ книгъ, носящихъ его имя, находятся Сумароковъ, Фонъ-Визинъ, оды Державина, нѣсколько книгъ о молитвѣ въ истолкованіи Шварца и Новикова, русскіе переводы «Памелы», «Ричардсона», «Грандисона» и «Клариссы Гарло», «Новая Элоиза» Руссо въ русской одеждѣ и три или четыре тома Вольтера въ оригиналѣ. — Изъ сочиненій, собранныхъ въ позднѣйшую пору, находятся переводы Анны Радклиффъ, первые романы Скотта и повѣсти Дюкре-Дюмениля. На этомъ литературные вкусы семьи обрываются: послѣдующая литература представлена исключитетьно баснями Крылова, руководствомъ для сельскихъ хозяевъ, домашнимъ лечебникомъ и рядомъ календарей. Впрочемъ, видны и нѣкоторые признаки возрожденія: на нижней полкѣ стоятъ послѣднія изданія Пушкина, Лермонтова, Гоголя и нѣсколько сочиненій живыхъ авторовъ.

«Однообразіе зимней жизни прерывается иногда посѣщеніемъ сосѣдей и пріемомъ къ себѣ гостей или, еще сильнѣе, поѣздкой на нѣсколько дней въ губернскій городъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Марья Петровна тратитъ почти все время на ходьбу по магазинамъ и привозитъ домой множество разныхъ предметовъ. Осмотръ ихъ домочадцами составляетъ важное домашнее событіе, совершенно оставляющее въ тѣни случайныя посѣщенія разносчиковъ. Бываютъ и менѣе пріятныя случайности. Вдругъ, выпадетъ глубокій снѣгъ, такъ что нужно бываетъ прорывать дорогу въ кухню и конюшни, или ночью заходятъ во дворъ волки и начинаютъ борьбу съ дворовыми собаками, или приносятъ извѣстіе, что пьяный крестьянинъ изъ сосѣдней деревни найденъ на дорогѣ замерзшимъ.

«Семья ведетъ жизнь очень уединенную, но, все-таки, имѣетъ связь съ внѣшнимъ міромъ, въ лицѣ двухъ сыновей, которые служатъ въ арміи и иногда присылаютъ письма матери и сестрамъ. На этихъ двухъ юношей истощенъ весь небольшой запасъ нѣжности, какимъ обладаетъ Марья Петровна. Она можетъ говорить о нихъ цѣлый часъ каждому, кто только захочетъ ее слушать, и сто разъ разсказывала попадьѣ каждый ничтожный случай изъ ихъ жизни. Хотя сыновья никогда не подавали ей большого повода къ тревогѣ, но она постоянно боится, чтобъ съ ними чего не случилось. Больше всего она боится, чтобъ они не были отправлены на войну и не влюбились въ актрисъ. Война и актрисы—два пугала ея существованія; когда ей приснится дурной сонъ, она проситъ священника отслужить молебенъ за здоровье отсутствующихъ. Иногда рѣшается сообщить свою тревогу мужу и проситъ его написать имъ, но онъ считаетъ письмо крайне тяжелымъ дѣломъ и всегда отговаривается: «хорошо, хорошо, подумаемъ». Вскорѣ послѣ крымской войны, И. И. былъ встревоженъ слухами о крестьянскомъ вопросѣ, о томъ, что

крѣпостные скоро будутъ вольными. Въ первый разъ въ жизни И. И. попросилъ объясненій. Увидя разъ, какъ одинъ изъ его сосѣдей, человѣкъ почтенный, любившій дисциплину, говорилъ подобнымъ образомъ, И. И. отвелъ сосѣда въ сторону, и спросилъ что все это значитъ? Тотъ разъяснилъ, что наступаютъ совсѣмъ новые порядки. И. И. слушалъ молча, а потомъ, съ нетерпѣливымъ движеніемъ, прервалъ его: «полно дурачиться, Василій Петровичъ! говори мнѣ толкомъ». Когда пріятель побожился, что говоритъ правду, И. И. посмотрѣлъ на него съ невыразимымъ состраданіемъ и, отвернувшись, сказалъ: «Да всѣ вы, кажется, изъ ума выжили»! Очевидно было, однакожь, что страна вступала въ эпоху великихъ реформъ, въ числѣ которыхъ освобожденіе крестьянъ занимало первое мѣсто. Даже такой скептикъ, какъ И. И. скоро въ этомъ убѣдился. И. И. нѣсколько опечалила перспектива потери власти надъ крѣпостными. Хотя онъ никогда не былъ жестокъ, но не жалѣлъ и розогъ, когда считалъ ихъ необходимыми, а березовыя лозы считалъ даже необходимыми въ русской системѣ земледѣлія. Нѣкоторое время И. И. утѣшался еще мыслью, что крестьяне—не птицы небесныя, что имъ нужна будетъ и пища, и одежда, и что они рады будутъ работать у него же по вольному найму, но когда онъ узналъ, что они же получатъ и значительную часть его помѣстья, И. И. упалъ духомъ и сталъ бояться неизбѣжнаго раззоренія. Эти мрачныя предчувствія вовсе не оправдались. Освобожденные крѣпостные, правда, получили около половины земли И. И., но въ вознагражденіе за землю уплачиваютъ ему значительную сумму и всегда готовы воздѣлывать его поля за справедливое вознагражденіе. Ежегодныя издержки теперь значительно увеличились, но и цѣна на хлѣбъ также возрасла, и этимъ совершенно уравновѣшиваются лишніе расходы. Управленіе имѣніемъ стало гораздо менѣе патріархально; многое, что прежде предоставлялось обычаю и безмолвному соглашенію, теперь опредѣляется соглашеніемъ на чисто-коммерческихъ основаніяхъ; гораздо больше денегъ и выплачивается, и получается; въ рукахъ помѣщика меньше власти, но, соразмѣрно этому, уменьшилась и его отвѣтственность. Несмотря на всѣ эти перемѣны, И. И. очень затруднился бы рѣшить: богаче-ли онъ сдѣлался, или бѣднѣе? Онъ имѣетъ меньше прежняго лошадей и слугъ, но все еще больше того, сколько ему нужно, и въ образѣ жизни не произошло замѣтнаго измѣненія. Марья Петровна жалуется, что крестьяне больше не приносятъ яицъ, цыплятъ и домотканнаго холста и всё сдѣлалось втрое дороже прежняго, но, такъ или иначе, кладовая еще полна и изобиліе господствуетъ въ домѣ какъ и въ старину».

Пропускаемъ по недостатку мѣста, другіе приводимые авторомъ старые типы, какъ напримѣръ, брата Ивана Ивановича, Димитрія, стараго, развратнаго холостяка, любящаго причуды, въ родѣ насильственнаго зазыванія къ себѣ въ гости проѣзжихъ, и

т. п., затѣмъ отставнаго генерала Б., который водворяетъ у себя въ имѣніи порядокъ, принялся-было, самъ за хозяйство, но увидѣлъ, что это труднѣе командованія полкомъ, и давно передалъ хозяйство управляющему, но успокоиваетъ себя тѣмъ, что строго за нимъ наблюдаетъ; читаетъ «Русскій Инвалидъ» и, замѣтивъ повышеніе или крупный орденъ кому-нибудь изъ старыхъ товарищей, хмурится и жалѣетъ, что оставилъ службу. Не заслуживаетъ подробнаго портрета и сказочный монстръ, Андрей Васильичъ, о которомъ въ сосѣдствѣ ходятъ самые невѣроятные слухи. Принужденный выйдти изъ арміи, монстръ устроилъ порядки магометанскаго свойства у себя въ имѣніи, завелъ гаремъ, безжалостно наказывалъ и ссылалъ въ Сибирь крестьянъ, которые даже подожгли его домъ, но самъ онъ спасся и продолжалъ тиранствовать до самого выхода воли. Сосѣдніе помѣщики не любятъ даже играть съ нимъ въ карты, потому что монстръ всегда какъ-то ухитряется уѣхать домой съ туго-набитымъ кошелькомъ. — Вотъ помѣщикъ маленькій, чисто-выбритый, съ татарскимъ лицомъ, Алексѣй Петровичъ Т., бывшій, въ молодости писцомъ въ одномъ изъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Онъ бралъ взятки сколько могъ, но, по своему ничтожному положенію, не могъ бы отъ этого разбогатѣть, если бы не помогла ему остроумная выдумка. Узнавъ, что одинъ помѣщикъ, у котораго была единственная дочь, пріѣхалъ на нѣсколько недѣль въ городъ, Т. занялъ комнату въ гостиницѣ, гдѣ жили пріѣзжіе, познакомился съ ними и затѣмъ внезапно заболѣлъ, почувствовалъ приближеніе послѣднихъ минутъ, послалъ за священникомъ и составилъ завѣщаніе, которымъ отказывалъ значительныя суммы своимъ роднымъ и церкви, а въ свидѣтели пригласилъ пріѣзжаго помѣщика. Разумѣется, больной выздоровѣлъ и, въ качествѣ богатаго человѣка, успѣшно получилъ руку дочери помѣщика, который вскорѣ затѣмъ умеръ. Теперь Т.— владѣлецъ хорошенькаго имѣнія, отличается строгою честностью (хотя и даетъ деньги въ ростъ по 15%); онъ—видный дѣятель въ земствѣ, гдѣ выдается здравымъ смысломъ и практическими знаніями.

Изъ землевладѣльцевъ новой школы приведемъ только русскаго «петиметра», какъ выражается авторъ, и вельможу на отдыхѣ.

Въ уѣздѣ, населенномъ старосвѣтскими помѣщиками, видное изъ нихъ исключеніе составляетъ Викторъ Александровичъ Л.; уже подъѣзжая къ его дому, замѣтно, что онъ непохожъ на сосѣдей. Ворота выкрашены и легко двигаются на петляхъ, заборъ въ хорошемъ состояніи, дорожка къ крыльцу содержится исправно, а въ саду больше обращается вниманія на цвѣты, чѣмъ на полезныя растенія. Деревянный домъ не чуждъ нѣкоторыхъ архитектурныхъ претензій. Внутри дома вездѣ слѣды вліянія западной цивилизаціи. Л. вовсе не богаче Ивана Ивановича, но комнаты дома убраны гораздо роскошнѣе. Въ изящной гостиной стоитъ фортепіано одного изъ лучшихъ мастеровъ и много за-

граничныхъ вещицъ; слуги одѣты въ чистый европейскій костюмъ. Хозяинъ обращаетъ большее вниманіе на свой туалетъ; шлафрокъ надѣваетъ только рано утромъ, а остальное время дня носитъ модный сюртукъ. Къ турецкимъ трубкамъ, которыя любилъ его дѣдъ, Л. питаетъ отвращеніе и обыкновенно куритъ сигары; съ женой и дочерью говоритъ по-французски и называетъ ихъ французскими или англійскими именами. Кабинетъ всего больше обрисовываетъ разницу между старымъ и новымъ типомъ. Въ кабинетѣ И. Ив-ча мебель состоитъ изъ широкаго дивана, который служитъ и постелью, нѣсколькихъ сосновыхъ стульевъ, ряда трубокъ и топорнаго сосноваго стола, на которомъ, обыкновенно, лежатъ связки сѣрыхъ бумагъ, старая чернильница и календарь. Кабинетъ Виктора Александровича невеликъ, но изященъ и комфортабеленъ. Главные предметы въ немъ: письменный столъ съ чернильницей, прессъ-папье, разрѣзными ножами и другими вещицами, и въ противоположномъ углу большой книжный шкафъ. Библіотека замѣчательна не числомъ томовъ, не рѣдкостью изданій, а разнообразіемъ предметовъ. Исторія, искусство, фантазія, театръ, политическая экономія, сельское хозяйство тамъ имѣютъ представителей поровну. Нѣсколько книгъ русскихъ, другія нѣмецкія, много французскихъ, есть даже итальянскія. Маленькій Викторъ получилъ тщательное домашнее образованіе, затѣмъ прослушалъ полный курсъ въ московскомъ университетѣ, поступилъ на службу въ одно изъ министерствъ, но рутина казенной службы была ему не по вкусу. Онъ подалъ въ отставку и, по смерти отца, уѣхалъ въ имѣніе, надѣясь найти тамъ много дѣла, болѣе сообразнаго съ его наклонностями, чѣмъ сочиненіе оффиціальныхъ бумагъ. Въ университетѣ онъ слушалъ лекціи Грановскаго, читалъ много, но безсвязно. Главнымъ результатомъ ученія было пріобрѣтеніе дурно переваренныхъ общихъ принциповъ и нѣкоторыя неопредѣленныя гуманныя стремленія. Съ этимъ-то умственнымъ капиталомъ онъ надѣялся вести полезную жизнь въ деревнѣ. Среди отрывочнаго чтенія, Виктору Александровичу удалось узнать кое-что объ англійской и тосканской системахъ земледѣлія, о раціональной системѣ фермерства, и онъ рѣшилъ, что Россія должна послѣдовать примѣру Англіи и Тосканы. Введеніемъ дренажа, изобильнаго удобренія, хорошихъ плуговъ и воздѣлыванія искуственныхъ травъ, производительность можно удесятерить, а употребленіемъ земледѣльческихъ машинъ значительно уменьшить трудъ рабочаго. Викторъ Александровичъ, не колеблясь, издержалъ наличныя деньги на выписанныя изъ Англіи молотильную машину, плуги, бороны и другія усовершенствованныя земледѣльческія орудія. Присылка этихъ вещей была событіемъ. Крестьяне разсматривали ихъ внимательно и не безъ удивленія, но не сказали ничего. Когда помѣщикъ сталъ имъ объяснять выгоды новыхъ машинъ и орудій, они, все-таки, молчали, и только одинъ старикъ замѣтилъ, какъ бы про себя: «а

хитрый народъ эти нѣмцы!» На вопросъ, какого они мнѣнія о машинахъ, крестьяне сказали: «почемъ намъ знать? должно быть такъ». А когда господинъ удалился и сталъ разъяснять женѣ и гувернанткѣ-француженкѣ, что главнымъ препятствіемъ прогрессу въ Россіи апатія, лѣнь и отсталость мужика, въ эту пору крестьяне выразили свои мнѣнія свободнѣе. «Оно, можетъ быть, и хорошо для нѣмцевъ, а развѣ наши лошаденки стащатъ эдакіе большіе плуги и бороны? А изъ этой (молотильной машины) и вовсе толку не будетъ».

«Предсказанія крестьянъ оправдались. Плуги и бороны оказались тяжелы для крестьянскихъ лошадей, а молотильная машина сломалась при первой же попыткѣ употреблять ее въ дѣло. На покупку легкихъ орудій или сильныхъ лошадей денегъ уже не было, а чинить машину никто и не умѣлъ на разстояніи 150 миль. Нѣсколько недѣль послѣ этого помѣщикъ былъ въ уныніи и больше обыкновеннаго говорилъ о лѣни и тупости крестьянина. Вѣра въ непогрѣшимость науки въ немъ нѣсколько пошатнулась, а благія намѣренія были на время отложены въ сторону. Но это было непродолжительно. Мало-по-малу, явились новые планы. Изъ нѣкоторыхъ экономическихъ сочиненій онъ узналъ, что общинное землевладѣніе вредно дѣйствуетъ на плодородіе почвы, а свободный трудъ производительнѣе крѣпостнаго. При свѣтѣ этихъ принциповъ онъ узналъ, почему русскіе крестьяне бѣдны и какими средствами можно улучшить ихъ положеніе. Общинную землю нужно раздѣлить на семейные участки, а крѣпостнымъ, не заставляя ихъ работать на помѣщика, предложить уплачивать ему ежегодную сумму въ видѣ ренты. Первымъ шагомъ къ осуществленію этихъ плановъ было созвать самыхъ умныхъ и вліятельныхъ изъ крѣпостныхъ и объяснить имъ, въ чемъ дѣло, но усилія помѣщика тутъ оказались совершенно безуспѣшны. Даже въ обыкновенныхъ текущихъ дѣлахъ онъ не умѣлъ выражаться привычнымъ для крестьянъ простымъ, грубымъ языкомъ, а когда заговорилъ объ отвлеченныхъ предметахъ, то сдѣлался и совсѣмъ невразумителенъ своимъ слушателямъ. Крестьяне слушали внимательно, но ничего не поняли. Вторая попытка была успѣшнѣе. Крестьяне сообразили, что помѣщикъ хочетъ разрушить «міръ», и пустить ихъ всѣхъ на «оброкъ», и, къ величайшему изумленію, Виктора Александровича, не выказали къ этому сочувствія. Еще перейти на оброкъ крестьяне не особенно противились, хотя и предпочитали остаться, какъ были, но предложеніе уничтожить «міръ» ихъ поразило несказанно. Они не говорили много, но помѣщикъ понялъ, что встрѣтитъ упорное, пассивное сопротивленіе: тиранить онъ не хотѣлъ никого и потому оставилъ дѣло такъ. Послѣ неудачи еще нѣсколькихъ подобныхъ попытокъ ему начало уясняться, что трудно на свѣтѣ дѣлать добро, особенно русскимъ крестьянамъ.

«А между тѣмъ, нельзя сказать, чтобъ Викторъ Александровичъ былъ глупъ. Онъ умѣлъ и схватить новую идею, и соста-

вить планъ ея осуществленія, и ловко владѣть отвлеченными принципами. Ему недоставало умѣнья обращаться съ конкретными фактами. Принципы, вынесенные изъ университетскихъ лекцій, и поверхностное чтеніе были слишкомъ неопредѣленны для практическаго приложенія: ставъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью, онъ походилъ на студента, который, изучивъ механику по учебникамъ, внезапно явился въ мастерскую и сталъ распоряжаться постройкой машины. Разница была только та, что Викторъ Александровичъ ничѣмъ не распоряжался. Добровольно, безъ всякой видимой необходимости, онъ принялся за дѣло съ орудіями, которыми даже не умѣлъ владѣть. Это-то больше всего и озадачивало крестьянъ. Изъ-за чего онъ бьется со своими затѣями, когда могъ бы и такъ жить спокойно? Они приписывали эти затѣи или желанію получать больше дохода, или чистому капризу, и рѣшили, что онъ изъ тѣхъ чудаковъ, какихъ въ числѣ помѣщиковъ бывало довольно. Предъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права было довольно много помѣщиковъ, которые желали сдѣлать что-нибудь доброе, но не знали какъ. Съ освобожденіемъ крѣпостныхъ, многіе изъ нихъ приняли дѣятельное участіе въ реформѣ и оказали странѣ важныя услуги. Викторъ Александровичъ поступилъ иначе: сперва онъ горячо сочувствовалъ предположенному освобожденію и написалъ нѣсколько статей о преимуществахъ свободнаго труда, но, когда правительство взяло дѣло въ свои руки, онъ перешелъ въ оппозицію. Передъ выходомъ манифеста, онъ уѣхалъ за-границу и три года путешествовалъ по Германіи, Франціи и Италіи. По возвращеніи, женился на прелестной дѣвушкѣ, дочери петербургскаго сановника, и съ тѣхъ поръ живетъ въ имѣніи. Этотъ молодой, образованный человѣкъ проводитъ время почти такъ же лѣниво, какъ и Иванъ Ивановичъ. Встаетъ онъ поздно и, вмѣсто сидѣнья у окна, перелистываетъ книгу или журналъ; тратитъ меньше часовъ на сидѣнье на галереѣ и расхаживанья взадъ и впередъ съ заложенными назадъ руками потому только, что можетъ разнообразить операцію убиванія времени, написавъ письмо или стоя за стуломъ жены, пока она играетъ на фортепьяно изъ Моцарта и Бетховена. Существенная разница между старымъ и новымъ помѣщиками та, что послѣдній никогда не ѣздитъ въ поле смотрѣть на работы и не безпокоится о состояніи погоды, хлѣбахъ и т. п. Чувствуя глубокій интересъ къ крестьянину, какъ къ безличному, абстрактному существу, онъ любитъ созерцать и отдѣльные образчики этой породы въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ популярныхъ авторовъ, но не любитъ имѣть прямыя отношенія съ крестьянами, какъ физическими лицами. Крестьянъ, приходящихъ съ жалобами или просьбами, онъ отсылаетъ къ управляющему, которому предоставилъ и управленіе имѣніемъ. Поговоривъ съ ними самъ, онъ чувствуетъ себя неловко и страдаетъ отъ запаха ихъ полушубковъ. Иванъ Ивановичъ всегда готовъ поговорить съ крестьянами, дать имъ здоро-

вый практическій совѣтъ или суровое увѣщаніе, въ старыя времена онъ не прочь былъ въ сердитую минуту подкрѣпить увѣщаніе и кулаками. Викторъ Александровичъ никогда не могъ дать другого совѣта, кромѣ общихъ мѣстъ, а отъ употребленія въ дѣло кулака, разумѣется, отступилъ бы нетолько изъ уваженія къ гуманнымъ принципамъ, но и по побужденіямъ, относящимся къ области эстетической чувствительности. Различіе между двумя помѣщиками отзывается и на ихъ денежныхъ дѣлахъ. Управляющіе обкрадываютъ того и другого: но у Ивана Ивановича управляющій крадетъ съ величайшимъ затрудненіемъ и въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, тогда какъ у Виктора Александровича—правильно и методически, считая выгоды уже не копейками, а рублями. Хотя имѣнія обоихъ почти одинаковой величины, но приносятъ весьма различный доходъ. Иванъ Ивановичъ, безъ сомнѣнія, оставитъ дѣтямъ имѣніе, необремененное долгами, и сверхъ того извѣстный капиталъ. Викторъ Александровичъ уже началъ закладывать свою недвижимость и вырубать лѣсъ и всегда находитъ въ концѣ года дефицитъ. Что будетъ съ его женою и дѣтьми, когда имѣніе будетъ продано за долгъ, трудно сказать. Онъ мало думаетъ о такой случайности, а когда она и придетъ на мысль, то утѣшается тѣмъ, что ранѣе катастрофы получитъ наслѣдство отъ богатаго бездѣтнаго дяди. Онъ хорошо знаетъ или могъ бы знать, еслибы далъ себѣ трудъ подумать, что шансы на это наслѣдство крайне невѣрны; дядя можетъ еще жениться и имѣть дѣтей или выбрать наслѣдникомъ другого племянника, или просто жить и пользоваться своимъ богатствомъ еще лѣтъ тридцать. Викторъ Александровичъ, подобно другимъ беззаботнымъ людямъ, надѣется, что въ нужную минуту его выручитъ благодѣтельный Deus ex machina, а пока разнообразитъ деревенскую жизнь поѣздками каждую зиму на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ, а лѣтомъ пользуется обществомъ своего брата—un homme tout-à-fait civilisé, имѣніе котораго находится на разстояніи нѣсколькихъ миль.

«Этотъ братъ обучался въ одномъ изъ привилегированныхъ заведеній и быстро пошелъ по службѣ. Онъ занимаетъ видное мѣсто въ одномъ изъ министерствъ, имѣетъ придворное званіе и метитъ современемъ попасть въ министры. Онъ хорошо знакомъ съ французскими и англійскими классиками, и особенно поклонникъ Маколея, котораго считаетъ нетолько великимъ писателемъ, но и знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ вообще—послѣдователь просвѣщенныхъ взглядовъ и считается либераломъ, но умѣетъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ и съ тѣми, которые считаютъ себя консерваторами. Въ этомъ онъ успѣваетъ, благодаря своимъ мягкимъ, медовымъ манерамъ. Выслушавъ ваше мнѣніе, онъ всегда скажетъ, что вы совершенно правы, и если потомъ покажетъ, что вы совершенно неправы, то, по-крайней-мѣрѣ, дастъ понять, что ваше заблужденіе нетолько

извинительно, но даже приноситъ большую честь вашему уму или сердцу. Его либерализмъ, въ сущности, сводится къ тому, что нѣкоторыхъ сановниковъ слѣдовало бы смѣнить и замѣстить людьми болѣе энергическими. Какъ всѣ истые петербургскіе чиновники, онъ вѣритъ въ чудесную силу административныхъ мѣропріятій, и въ то, что національный прогрессъ зависитъ отъ умноженія министерскихъ циркуляровъ и административной централизаціи. Какъ вспомогательное средство къ прогрессу, онъ весьма одобряетъ также эстетическое развитіе и можетъ краснорѣчиво говорить о гуманизирующемъ вліяніи изящныхъ искуствъ. По части иностранной изящной литературы отдаетъ пальму первенства Джорджу Эллiоту, а объ отечественныхъ романистахъ отзывается съ пренебреженіемъ.

«Самое важное лицо въ уѣздѣ, безъ сомнѣнія—князь С., обладающій огромными имѣніями, аристократическими претензіями и называющій себя консерваторомъ. Фамилія его принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ странѣ, происходя отъ самого Рюрика, но князь пользуется значеніемъ не по причинѣ своей родословной, потому что родословныя, сами по себѣ, немного значатъ въ Россіи, но благодаря высокому оффиціальному положенію и связямъ. Послѣ домашняго воспитанія подъ надзоромъ гувернера-англичанина, онъ прошелъ пажескій корпусъ, а потомъ поступилъ въ гвардейскій полкъ, хотя дѣятельность свою проявлялъ больше по гражданской администраціи. Впрочемъ, князь не игралъ видной роли ни въ одной изъ крупныхъ реформъ настоящаго царствованія. Онъ сочувствовалъ идеѣ освобожденія крестьянъ, но вовсе не сочувствовалъ земельному ихъ надѣлу и сохраненію общины. Онъ желалъ, чтобъ помѣщики освободили крѣпостныхъ безъ всякаго денежнаго вознагражденія и взамѣнъ получили нѣкоторую долю политическаго значенія, уподобившись сколько-нибудь крупнымъ англійскимъ собственникамъ. По мнѣнію князя, этого можно достигнуть передачей въ ихъ руки мѣстной администраціи по сельскимъ дѣламъ. Впрочемъ, князь не желаетъ, чтобъ крупные собственники несли, вмѣстѣ съ тѣмъ, и бо̀льшую часть мѣстныхъ налоговъ, и совершенно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что въ такомъ случаѣ аристократіи пришлось бы измѣнить свой характеръ и научиться предпочитать служебнымъ почестямъ мѣстное значеніе. Оффиціальныя обязанности и личныя отношенія заставляютъ князя проводить бо̀льшую часть года въ столицѣ. Въ имѣніи онъ проводитъ всего нѣсколько недѣль въ году, иногда даже нѣсколько дней. Княжескій домъ просторенъ, устроенъ въ англійскомъ вкусѣ, имѣя цѣлью соединить изящество съ комфортомъ. Въ немъ нѣсколько просторныхъ комнатъ, библіотека и бильярдная. Имѣется обширный паркъ съ краснымъ звѣремъ, огромный садъ съ теплицами, много лошадей и экипажей и легіонъ слугъ. Семья князя всегда привозитъ въ деревню гувернантокъ—англичанку и француженку, и англичанина-гувернёра; постоянно получается запасъ англійскихъ и французскихъ

книгъ, газетъ, журналовъ и «Journal de St.-Pétersbourg», изъ котораго узнаются новости дня. Русскія книги и газеты можно достать безъ труда, если кто ихъ пожелаетъ. Нельзя сказать, чтобы семейство князя съ особеннымъ удовольствіемъ проводило время въ деревнѣ. Впрочемъ, княгиня не имѣетъ противъ этого возраженій. Она посвятила себя своимъ дѣтямъ, любитъ чтеніе и корреспонденцію, развлекается школой и больницей, которыя основала для крестьянъ, и иногда ѣздитъ по ту сторону озера къ своему другу, графинѣ М., которая живетъ миляхъ въ 15. Но князь находитъ сельскую жизнь нестерпимо скучною; ѣздить верхомъ, охотиться онъ не любитъ, а больше ему дѣлать нѣчего. Въ управленіи имѣніемъ онъ ничего не понимаетъ и только для виду совѣщается съ управляющимъ; это имѣніе, а также и другія въ разныхъ губерніяхъ, находятся въ завѣдываніи петербургскаго главнаго управляющаго, къ которому князь чувствуетъ полнѣйшее довѣріе. Разумѣется, онъ—человѣкъ необщительный и усвоилъ себѣ сухую, холодную, сдержанную внѣшность, обыкновенную въ Англіи, но рѣдко встрѣчаемую въ Россіи. Это отталкиваетъ отъ князя сосѣдей, о чемъ онъ вовсе не жалѣетъ, потому, что они не принадлежатъ къ его «кругу» и въ своихъ привычкахъ выказываютъ нѣкоторую деревенскую распущенность, отъ которой князя коробитъ. Поэтому, знакомство съ ними у него ограничивается формальными визитами. Бо̀льшую часть дня князь безцѣльно бродитъ, часто зѣваетъ, съ сожалѣніемъ вспоминаетъ пріятную рутину петербургской жизни, веселую болтовню съ товарищами, оперу, балетъ, французскій театръ и спокойный робберъ англійскаго клуба. По мѣрѣ приближенія дня отъѣзда, расположеніе духа князя улучшается, а отъѣзжая на станцію, онъ смотритъ веселымъ и сіяющимъ. Еслибы онъ могъ слѣдовать только своимъ личнымъ вкусамъ, то вовсе не посѣщалъ бы своихъ имѣній и проводилъ бы лѣтній досугъ въ Германіи, Франціи или Швейцаріи, какъ дѣлалъ во время холостой жизни; но теперь князь—отецъ семейства и считаетъ справедливымъ жертвовать своими личными наклонностями обязанностямъ своего положенія».

V.

Въ характерѣ русскихъ купцовъ, какъ общественнаго класса, авторъ подмѣчаетъ два пятна: невѣжество и недостатокъ честности. Относительно перваго не можетъ быть никакихъ споровъ. Огромное большинство купцовъ не обладаютъ и элементарными началами образованія. Иные не знаютъ даже порядочно граматѣ (?) и должны вести счеты замысловатыми гіероглифами, понятными только самимъ изобрѣтателямъ. Другіе умѣютъ разбирать календарь и житія святыхъ, умѣютъ сносно подписать

свое имя и могутъ сдѣлать простѣйшія ариѳметическія вычисленія на счетахъ. Лишь меньшинство понимаетъ секретъ правильнаго веденія книгъ, и изъ этого меньшинства крайне ничтожный процентъ можетъ назваться людьми дѣйствительно образованными. Относительно нечестности купечества авторъ склоняется къ тому мнѣнію, что иностранцы слишкомъ строги въ этомъ отношеніи. «Мы склонны постоянно примѣнять собственную мѣрку коммерческой нравственности, забывая, что торговля въ Россіи только еще выходитъ изъ первобытнаго состоянія, въ которомъ опредѣленныя цѣны и умѣренная прибыль неизвѣстны. Случайно открывающійся обманъ потому особенно и поражаетъ насъ, что онъ слишкомъ первобытенъ и неловокъ сравнительно съ тѣмъ, къ какому мы привыкли. Обмѣръ и обвѣсъ гораздо больше заставляетъ насъ негодовать, чѣмъ замысловатые способы поддѣлки, которые совершаются въ нашихъ сторонахъ и считаются почти законными. Тѣмъ не менѣе, сами русскіе признаютъ фактъ существованія безчестности и обмановъ въ торгующемъ классѣ. Во всѣхъ нравственныхъ дѣлахъ низшіе классы въ Россіи очень снисходительны въ своихъ сужденіяхъ и, подобно американцамъ, расположены восхищаться «ловкостью» человѣка, хотя бы и невсегда честною. Надо вспомнить и то, что русскій купецъ покажется образцомъ честности въ сравненіи съ жидомъ, грекомъ или армяниномъ. Не должно думать, чтобъ и существующія неудовлетворительныя черты коммерческаго класса составляли результатъ какой нибудь особенности русскаго характера. Всѣ молодыя страны должны пройти чрезъ такой порядокъ вещей, а въ Россіи многіе признаки предвѣщаютъ поворотъ къ лучшему. Въ каждомъ большомъ городѣ найдется нѣкоторое число купцовъ, которые ведутъ торговлю на европейскій манеръ и убѣдились по опыту, что честность—лучшая политика».

«Развитіе торговли и промышленности, разумѣется, обогатило торгующіе классы, но неособенно затронуло ихъ образъ жизни. Среди новыхъ условій они остаются во многихъ отношеніяхъ сторонниками старины. Русскій купецъ, разбогатѣвъ, строитъ для себя хорошій домъ или покупаетъ и за-ново передѣлываетъ домъ какого-нибудь раззорившагося дворянина и щедро тратитъ деньги на щегольскіе паркеты, огромныя зеркала, малахитовые столы, фортепьяно лучшихъ мастеровъ и другую мёбель, сдѣланную изъ самаго цѣннаго матеріала. Въ особыхъ случаяхъ, при свадьбѣ или похоронахъ кого-нибудь изъ членовъ семейства, онъ дѣлаетъ великолѣпные пиры, тратитъ громадныя суммы на гигантскія стерляди, лучшіе осетры, заграничные плоды, шампанское и проч. Но вся эта показная расточительность не измѣняетъ обычнаго теченія его жизни. Войдя въ эти роскошно-убранныя комнаты, вы тотчасъ видите, что онѣ не назначены для повседневнаго употребленія. Строгая симметричность и неописанная пустота показываютъ вамъ, что все стоитъ точно такъ, какъ было установлено сначала мёблировщиками. Дѣло въ

томъ, что бо́льшая часть дома употребляется только при парадныхъ случахъ. Хозяинъ съ семьей живетъ въ нижнемъ этажѣ, въ крошечныхъ, грязныхъ комнаткахъ, мёблированныхъ совершенно иначе, съ бо́льшимъ для нихъ удобствомъ. Въ обыкновенное время, парадныя комнаты бываютъ заперты и хорошая мёбель тщательно закрывается. Если вы дѣлаете визитъ помимо особаго приглашенія, то встрѣтите затрудненіе попасть въ парадную дверь. Вы нѣсколько разъ постучали или позвонили; тогда кто-нибудь обойдетъ кругомъ съ задняго крыльца и спроситъ, что вамъ нужно. Затѣмъ, слѣдуетъ еще длинная пауза, и, наконецъ, вы слышите, что изнутри приближаются шаги. Задвижки отодвигаются, двери отпираются, и вы поднимаетесь въ просторную гостиную. На сторонѣ, противоположной о́кнамъ, навѣрное, стоитъ диванъ и предъ нимъ круглый столъ. По каждую сторону стола, подъ прямымъ угломъ къ дивану—по три кресла. Остальныя кресла симметрически размѣщены по комнатѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ, входитъ хозяинъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, приносится угощеніе въ видѣ стакановъ чаю съ кусками лимона и вареньемъ и, быть можетъ, бутылка вина. Женщинъ въ семьѣ вы не увидите, если не особенно близко знакомы: въ купеческой средѣ еще держится кое-что изъ того затворничества женщинъ, которое было въ употребленіи и въ высшихъ классахъ общества до Петра Великаго. Самъ хозяинъ—человѣкъ умный, но совершенно необразованный и отчасти угрюмый. О погодѣ и объ урожаѣ онъ еще можетъ говорить довольно свободно, но не выкажетъ охоты переходить за предѣлы этихъ тэмъ. Если вы вздумаете побесѣдовать съ нимъ о предметѣ, всего лучше ему знакомомъ—о торговлѣ, то, вѣроятно, немногое отъ него узнаете. Съ однимъ русскимъ путешественникомъ, собиравшимъ свѣдѣнія о торговлѣ хлѣбомъ по порученію двухъ ученыхъ обществъ, случился даже такой казусъ: посѣтивъ купца, который обѣщалъ посодѣйствовать ему въ изслѣдованіяхъ, онъ встрѣтилъ гостепріимный пріемъ, но когда заговорилъ о мѣстной торговлѣ хлѣбомъ, купецъ вдругъ прервалъ рѣчь и разсказалъ ему слѣдующую исторію: «У одного богатаго помѣщика былъ сынъ, совсѣмъ избалованный мальчикъ; разъ сынъ попросилъ отца созвать молодежь изъ крѣпостныхъ къ дому пѣть пѣсни. Пробовалъ отецъ отговорить, а потомъ согласился. Тѣ собрались, и какъ только стали пѣть, такъ мальчикъ выгналъ ихъ вонъ».

«Послѣ подробнаго и продолжительнаго разсказа этой незамысловатой исторіи, купецъ помолчалъ, прихлебнулъ чай и спросилъ: «А какая, вы думаете, была причина того, что онъ ихъ прогналъ?» Гость отвѣчалъ, что догадаться не можетъ.

«А вотъ я вамъ скажу, продолжалъ купецъ, пристально, съ усмѣшкой смотря на него: — причины никакой не было, просто сказалъ: пошли вонъ, я отхотѣлъ». Смыслъ исторіи становился очень ясенъ. Посѣтитель воспользовался намекомъ и откланялся.

«Тщеславіе русскаго купца и желаніе показать себя имѣетъ свою особенность: несмотря на роскошно-убранныя комнаты, великолѣпные обѣды, дорогіе мѣха, на богатые вклады въ церкви, монастыри и благотворительныя учрежденія, онъ не имѣетъ притязанія быть не тѣмъ, что онъ есть. Купецъ обыкновенно носитъ костюмъ, ясно показывающій его общественное положеніе, и не ищетъ доступа въ «высшее общество». Это сообщаетъ ему нѣкоторое спокойное достоинство, составляющее пріятный контрастъ съ тѣми мелкими дворянами, которые, претендуя на высокое образованіе, стараются усвоить себѣ внѣшнія формы французской культуры. Правда, за своими роскошными обѣдами купецъ любитъ видѣть въ числѣ гостей генераловъ, особенно украшенныхъ лентами, но вовсе не изъ желанія связать знакомство и сблизиться съ этими генералами, а просто изъ удовольствія видѣть у себя за столомъ человѣка высокопоставленнаго и возвысить тѣмъ свое значеніе среди своихъ собратовъ. Генералъ, кушая отличный обѣдъ, также не остается въ накладѣ. Тутъ, какъ и вообще въ Россіи, нестолько обращается вниманіе на происхожденіе, сколько на ордена и ленты. Тотъ же купецъ оцѣнитъ прямаго потомка Рюрика ниже генерала въ лентѣ и звѣздѣ, хотя бы послѣдній не могъ назвать своего дѣда. «Кто его знаетъ?» скажетъ купецъ про титулованнаго, но не украшеннаго регаліями человѣка. Разумѣется, купецъ и самъ стремится получать подобные знаки отличія, дѣлая, въ этой надеждѣ, щедрые взносы въ благотворительныя учрежденія. Впрочемъ, въ послѣднее время, стремленіе къ медалямъ и орденамъ и къ угощенію генераловъ среди купечества значительно уменьшилось».

Общій строй жизни русскаго провинціальнаго (именно губернскаго) города, въ характеристикѣ автора, выходитъ крайне однообразнымъ и унылымъ. Отсутствіе важныхъ интересовъ общественныхъ заставляетъ членовъ губернскаго общества обращать неумѣренное вниманіе на частныя дѣла другъ друга: ссоры, зависть, сплетни, обсужденіе чужихъ туалетовъ и поступковъ помогаютъ убивать время, которое лежитъ на этихъ людяхъ неимовѣрно тяжелымъ бременемъ. Но этими способами еще не наполняется весь досугъ. До обѣда мужчины заняты выполненіемъ своихъ офиціальныхъ обязанностей, дамы дѣлаютъ визиты, ѣздятъ по магазинамъ, а остальное время посвящаютъ хозяйству и дѣтямъ; но дневная работа кончается къ четыремъ часамъ, послѣобѣденный отдыхъ займетъ еще часъ или полтора, а къ 7 часамъ вечера нужно же найдти какое-нибудь занятіе. Отсюда—необходимость въ карточной игрѣ, которою и занимаются въ такихъ размѣрахъ, о какихъ не имѣютъ и понятія въ западной Европѣ. Цѣлые часы русское общество обоего пола просиживаетъ въ душныхъ комнатахъ, наполненныхъ облаками табачнаго дыма, молчаливо занимаясь преферансомъ или ералашемъ, а люди одинокіе развлекаются пасьянсомъ. Игра производится обыкновенно по самой маленькой ставкѣ, но засиживаются за ней дол-

го. Послѣ обыкновенныхъ клубныхъ обѣдовъ, почти всѣ присутствующіе нетерпѣливо рвутся къ карточнымъ столамъ и проводять за ними съ пяти часовъ пополудни до двухъ часовъ утра. «Да и что бы мы стали дѣлать? говорилъ автору его русскій знакомый.—Мы цѣлый день читали или писали казенныя бумаги и вечеромъ нуждаемся въ отдыхѣ. Разговаривать намъ почти не о чемъ, потому что всѣ мы читали новыя газеты, а больше ничего нѣтъ». «Кромѣ газетъ, нѣкоторые читаютъ еще мѣсячные журналы — толстые томы, содержащіе въ себѣ серьёзныя статьи по историческимъ и общественнымъ предметамъ, части одного или двухъ романовъ, сатирическіе очерки и длинные обзоры внутренней и заграничной политики по образцу появляющихся въ «Revue des deux Mondes». Нѣкоторые изъ этихъ журналовъ ведутся хорошо и даютъ читателямъ большой запасъ цѣнныхъ свѣдѣній, но листы серьёзныхъ отдѣловъ книги часто остаются неразрѣзанными. Переводъ романа Эмиля Зола или Уильки Коллинза найдетъ больше читателей, чѣмъ экономическая или историческая статья. Отдѣльныя книги, повидимому, читаются меньше. Въ провинціальныхъ городахъ лавки для продажи гастрономическихъ предметовъ возникаютъ и процвѣтаютъ, а магазины, которые снабжали бы умственной пищей, рѣдко можно встрѣтить. Выводъ изъ этихъ фактовъ очевиденъ.

«Около начала декабря обычное однообразіе городской жизни (авторъ спеціально говоритъ о Новгородѣ) нѣсколько нарушается годичнымъ земскимъ собраніемъ, которое въ продолженіи двухъ или трехъ недѣль обсуждаетъ мѣстныя экономическія нужды. Общество нѣсколько оживляется. Но съ приближеніемъ Рождества выборные разъѣзжаются, и опять наступаетъ «вѣчная тишина», характеризующая русскую провинціальную жизнь...»

Прежде, чѣмъ перейти къ изслѣдованію авторомъ русской сельской жизни, приведемъ еще сторону провинціальнаго быта, граничащую съ бытомъ крестьянъ. Это—провинціальная медицина.

«Путешествуя по глухимъ угламъ Россіи, говоритъ авторъ:—проѣзжій долженъ стараться быть всегда въ добромъ здоровьѣ, а въ случаѣ болѣзни—обходиться безъ правильной медицинской помощи. Я это узналъ по опыту во время пребыванія въ Ивановкѣ.

«На мои разспросы, нѣтъ ли по сосѣдству доктора, старый слуга отвѣчалъ: «Настоящаго доктора нѣтъ, а вотъ есть въ деревнѣ фельдшеръ».—«Это—старый солдатъ, который перевязываетъ раны и даетъ лекарства», пояснилъ онъ.

«Хотя такая характеристика не особенно располагала меня въ пользу этой личности, но какъ лучшаго ничего не было, то я и послалъ за нимъ, несмотря на сопротивленіе слуги, который, очевидно, не вѣрилъ въ фельдшеровъ».

Первое свиданіе автора съ фельдшеромъ было вообще удовлетворительно. Правда, послѣдній не принесъ больному помощи ме-

дицинской, но, все-таки, доставилъ нѣкоторое развлеченіе на часъ времени и сообщилъ кое-какія свѣдѣнія о медицинѣ у крестьянъ, о болѣзняхъ на Шекснѣ, о сибирской язвѣ, холерѣ и т. п. Перечисленіе разнообразныхъ болѣзней сдѣлано было до того обстоятельно, что авторъ даже вывелъ изъ этого заключеніе, будто Россія—завидная страна для молодого медика, желающаго дѣлать открытія въ наукѣ о болѣзняхъ...

«Старый слуга Антонъ, бывшій крѣпостной, съ недоумѣніемъ встрѣтившій въ свое время вѣсть о свободѣ, не имѣлъ времени составить себѣ въ жизни много опредѣленныхъ взглядовъ на вещи, но нѣкоторыя убѣжденія у него были весьма твердыя и крайне консервативныя: къ числу ихъ принадлежало то, что фельдшера—безполезные и опасные члены общества. Онъ совѣтовалъ обратиться къ старухѣ Машѣ, знахаркѣ, которая жила въ деревнѣ за нѣсколько верстъ отъ Ивановки. По мнѣнію Антона, Маша могла прогнать всякую болѣзнь травами и нашептываніемъ, могла вылечить каждаго больного, и только относительно способности ея оживлять мертвыхъ Антонъ еще воздерживался высказывать свое мнѣніе». Авторъ задумалъ-было свести вмѣстѣ и фельдшера, и знахарку, которые, безъ сомнѣнія, питали взаимную вражду, но проэктъ не осуществился за несогласіемъ знахарки посѣтить иностранца. Послѣ авторъ слышалъ про успѣхи знахарки, особенно въ леченіи сифилитическихъ болѣзней, страшно распространенныхъ между русскимъ крестьянствомъ. Насколько авторъ получилъ понятіе о ея чарахъ, онѣ были меркуріальнаго свойства: одна изъ жертвъ искуства знахарки потеряла уже совершенно зубы. Этотъ примѣръ и случаи употребленія въ дѣло знахарками (для нѣкоторыхъ недозволенныхъ цѣлей) другихъ медицинскихъ снадобій показываютъ, что такъ или иначе эти женщины имѣютъ извѣстное понятіе о свойствахъ нѣкоторыхъ лекарствъ и умѣютъ ихъ себѣ добывать.

«Знахарка и фельдшеръ представляютъ собою два различные періода въ области медицинской науки. Русскіе крестьяне имѣютъ еще много понятій, принадлежащихъ къ первому изъ этихъ періодовъ, магическому». Въ подтвержденіе этого, авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ какъ наглаго обмана легковѣрныхъ путемъ разныхъ мнимо-сверхъестественныхъ явленій, такъ и остатковъ языческихъ обрядовъ, въ родѣ извѣстнаго «опахиванія» полей крестьянскими дѣвушками. Дѣйствительныхъ опасностей крестьяне боятся меньше, хладнокровія и присутствія духа ихъ въ опасныя минуты авторъ самъ былъ очевидцемъ.

Старинныя понятія о болѣзняхъ мало по малу вымираютъ въ народѣ, благодаря вліянію устраивающихся стараніями земства больницъ, домовъ для умалишенныхъ и т. п. учрежденій, но знахарки все еще находятъ себѣ дѣло. Фактъ, что знахарка и фельдшеръ уживаются рядомъ, авторъ считаетъ характернымъ вообще для русской цивилизаціи, составляющей странное скопленіе произведеній самыхъ различныхъ періодовъ. «Самыя пер-

вобытныя учрежденія существують рядомъ съ новѣйшими плюдами французскаго доктринерства; самыя дѣтскія суевѣрія въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ ушедшею далеко впередъ свободою мышленія. Одну минуту человѣкъ видитъ себя въ отдаленномъ прошломъ, а въ слѣдующую онъ неожиданно выходитъ на дорогу, которая ведетъ кратчайшимъ путемъ въ невѣдомое будущее»...

Въ слѣдующей статьѣ мы изложимъ и разберемъ взгляды Меккензи Уоллеса на русскую общину и положеніе крестьянъ и приведемъ соображенія автора объ отношеніи русскихъ къ нѣмцамъ, татарамъ и финнамъ.

Н. Поповскій.

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ЗАПАДѢ.

Новый философскій журналъ въ Германіи. (Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, herausgegeben von R. Avenarius. I Heft. Octob. 1876, II Heft. Jan. 1877).

Нѣмецкая философія съ давнихъ временъ стяжала себѣ репутацію философіи туманной, заоблачной, вѣчно-витающей въ той сферѣ, которую сами нѣмцы насмѣшливо прозвали *Wolkenkukusheim*'омъ. Общеизвѣстенъ, въ самомъ дѣлѣ, фактъ, что самое видное мѣсто и самая громкая извѣстность, въ теченіи времени, пережитаго цѣлымъ рядомъ поколѣній, принадлежала философамъ *умозрительной* (спекулятивной) или, какъ у насъ чаще ее называютъ, *метафизической* школы. Но, если метафизика играла такъ долго въ Германіи первую роль, то это не можетъ еще служить основаніемъ для игнорированія другихъ философскихъ направленій въ этой странѣ—направленій, хотя и не столь громкихъ, какъ метафизическія, но ни въ какомъ случаѣ не менѣе важныхъ, и не можетъ оправдывать взгляда, признающаго *всю* нѣмецкую философію однородною, равномѣрно-проникнутою метафизическими принципами. Такое понятіе о нѣмецкой философіи можетъ возникнуть только, какъ слѣдствіе одной изъ грубѣйшихъ ошибокъ обыденнаго мышленія, которое никогда не затрудняется смѣшивать часть и цѣлое, заключать по одной о другомъ и сплошь и рядомъ толковать о глубокомысленныхъ нѣмцахъ, легкомысленныхъ французахъ, своекорыстныхъ англичанахъ и т. п. Только такое смѣшеніе понятій могло дать поводъ говорить о туманности и заоблачности нѣмецкой философіи вообще. На самомъ дѣлѣ, нѣмецкая философія есть

явленіе весьма сложное и разнородное. При томъ же, метафизическій принципъ въ нѣмецкой философіи получилъ громкую извѣстность вслѣдствіе многихъ внѣшнихъ условій и такимъ образомъ скрылъ отъ глазъ поверхностнаго наблюдателя другія теченія нѣмецкой мысли, шедшія этому принципу въ разрѣзъ и имѣвшія несравненно болѣе важное философское значеніе. Эти анти-метафизическія направленія и разрушили, мало по малу, обаяніе метафизики, подрыли ея основаніе и подготовили полное торжество надъ нею той основанной на наукѣ философіи, которая имѣетъ въ Германіи въ настоящее время весьма видное мѣсто. Несостоятельность огульнаго прозванія нѣмецкой философіи метафизическою, заоблачною, темною совершенно очевидна. Въ самомъ дѣлѣ, правильно ли считать заоблачность и темноту общими признаками умственной дѣятельности въ ея высшемъ выраженіи—философіи—тамъ, гдѣ геніальные люди, какъ Кантъ и Фейербахъ, высоко-талантливые, какъ Шопенгауэръ и Гербартъ, работали именно для разогнанія мрака и смѣло и успѣшно разрушали темную область *Wolkenkukushein*'а? Люди эти, какъ я только-что сказалъ, являются предшественниками современнаго научно-философскаго движенія, но ко многимъ изъ нихъ непосредственно примыкаютъ ученики, послѣдовательно поддерживавшіе и продолжавшіе ихъ дѣло: Карлъ Грюнъ. Бертольдъ Зуль, [1] Группе, Фрауэнштадтъ и цѣлая школа Губерта. Ихъ всѣхъ не долженъ упускать изъ виду тотъ, кто дѣйствительно желаетъ имѣть о нѣмецкой философіи правильное понятіе.

Но, если огульный эпитетъ «метафизическій» не годился для нѣмецкой философіи и тогда, когда метафизика находилась еще въ славѣ и пользовалась силою, то тѣмъ менѣе годится онъ теперь, когда славныя метафизическія системы лежатъ въ развалинахъ и научная философія успѣшно развивается и пользуется вліяніемъ. Успѣхи научной философіи свидѣтельствуютъ, конечно, весьма краснорѣчиво въ пользу присутствія въ природѣ нѣмцевъ стремленія къ окончательному выходу изъ темныхъ умозрѣній, но въ то же время, успѣхи эти, опять-таки, очень далеки еще до того, чтобы дать нѣмецкой философіи однородный характеръ. Сколько неправильно видѣть въ ней метафизическую исключительность, столько же неправильно было бы считать теперь господствующимъ характеромъ ея научность: пестрота и разнородность остаются прежнія. Одинъ успѣхъ Гартмана болѣе чѣмъ достаточенъ для того, чтобы разогнать въ этомъ отношеніи всякія иллюзіи, тѣмъ болѣе, что Гартманъ—не геній и не отличает-

---

[1] Бертольдъ Зуль (Bertholde Suhl) совершенно у насъ неизвѣстенъ, а потому я считаю нужнымъ отмѣтить здѣсь его монографію о Шопенгауэрѣ «A. Schoppenhauer und die Philosophie der Gegenwart. *Antimetaphysiche* Untersuchungen mit besonderer Rücksicht auf die Denker des XVIII Iahrhunderts». 1862. I Theil.

ся никакими возвышенными качествами, какъ напр., Фихте-старшій. Но невѣжество и шарлатанство Гартмана не остаются скрытыми, и философія Гартмана подъ ударами сильныхъ противниковъ падаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ поднялась. Можно сказать, что въ настоящее время, внѣ групы поклонниковъ, отличающихся несомнѣнною склонностью къ мистицизму, Гартманъ вовсе уже не имѣетъ сторонниковъ и почитателей. [1]

Рѣшительнымъ поворотомъ противъ метафизики слѣдуетъ, конечно, считать провозглашеніе необходимости для философіи возвратиться къ Канту. Характеристическія подробности этого важнаго момента развитія современной нѣмецкой философіи читатель найдетъ въ моемъ «Опытѣ критическаго изслѣдованія основаній позитивной философіи»; здѣсь же я коснусь только той стороны этого многознаменательнаго поворота, которая можетъ пригодиться намъ для ознакомленія съ характеромъ кружка послѣдователей научной философіи, основавшихъ въ Лейпцигѣ новый философскій журналъ.

Необходимость возвращенія къ Канту была провозглашена въ 1865, движеніе же умовъ, вызванное ею, стало получать выраженіе въ цѣломъ рядѣ трудовъ по критической философіи, начиная съ 1870 года. Ранѣе этого года появилась только «Исторія матеріализма» Фр. Альб. Ланге, въ которой изслѣдованію философіи Канта дано было очень видное мѣсто; позже, т. е. съ 1871 года, сочиненія Когена, Паульсена, Риля, Гёринга и др. весьма многочисленныхъ писателей, число коихъ все возрастаетъ, а также и второе изданіе упомянутаго сочиненія Ланге съ главой о Кантѣ, совершенно передѣланной вслѣдствіе вліянія новой литературы о Кантѣ, въ особенности трактата Когена. Между сочиненіями, вызванными призывомъ къ возвращенію къ Канту, надо отличить всего прежде тѣ, которыя посвящены изученію и изслѣдованію кантовой философіи, отъ тѣхъ, которыя въ воскрешеніи вліянія Канта на современную философію видятъ только толчокъ къ новому шагу въ ея развитіи. Рѣшительность и опредѣленность второго изъ этихъ взглядовъ не у всѣхъ писателей одинаковы: они возрастали тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе выяснялось отношеніе философіи Канта къ наукѣ нашего времени и чѣмъ болѣе становилась очевидною невозможность буквальнаго и точнаго осуществленія «возврата» къ этой философіи. Если Альб. Ланге развивалъ еще мысль о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя должна претерпѣть система Канта подъ вліяніемъ современной науки, и впадалъ чрезъ то въ немалыя противорѣчія, то Риль и Гёрингъ не являются уже болѣе кантіонцами, хотя бы и *не ортодоксальными* какъ Ланге. Риль нахо-

[1] Научное ничтожество воззрѣній Гартмана превосходно разоблачено Оскаромъ Шмидтомъ въ его «Die naturwissenschaftlichen Grundlagen der Philosophie des Unbewussten». 1877.

дить, что *система* Канта страдаетъ двойственностью и что принципіальные успѣхи естественныхъ наукъ не дозволяютъ оставаться болѣе на точкѣ зрѣнія Канта; однакоже, онъ смотритъ еще на *методъ* Канта, какъ на *непреходящую* заслугу этого мыслителя, и полагаетъ поэтому возможнымъ остановиться на ней. (*A. Riel.* Der philosophische Kriticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft, I. Band. Vorrede). Что же касается Гёринга, то онъ уже рѣшительно объявляетъ о своей полной независимости отъ Канта. «Предлагаемая мною система критической философіи, говоритъ онъ:—не входитъ въ область историческаго критицизма или кантіанизма; она названа мною критическою только потому, что критика, въ общемъ научномъ значеніи этого термина, составляетъ ея основаніе». (*C. Göring.* System der kritischen Philosophie. I. B-d, Vorwort). Такимъ образомъ, между системою Гёринга и системою Канта только и есть общаго что̀ идея критики «въ общемъ научномъ значеніи этого термина». Вникая, однакоже, въ мнѣнія Гёринга о философіи Канта, вводя мнѣнія эти въ связь съ тѣми философскими воззрѣніями, которыя возникли подъ вліяніемъ возобновленнаго изученія Канта, и слѣдя за постепеннымъ установленіемъ идеи самобытной философіи критики у ново-кантіанцевъ, нельзя не прійдти къ несомнѣнному убѣжденію, что Гёрингъ, при всей его философской самостоятельности, при всей сокрушительности его критики тѣхъ воззрѣній Канта, за которыя еще держится Риль, что Гёрингъ есть дѣтище ново-кантіанства и безъ него, какъ безъ прецедента, необъяснимъ. Нѣтъ спора, что контіонство является у Гёринга до такой степени растворенныйъ въ наукѣ и до того поглощеннымъ ею, что теряется основаніе считать систему его даже и сколько-нибудь кантіанскою, но несомнѣнно только, что привело къ ней кантіанство, что оно играло весьма важную роль въ созданіи тѣхъ условій, которыми опредѣлилась новая критическая точка зрѣнія.

Идти далѣе только что указаннаго толкованія соотношенія между Кантомъ и Гёрингомъ было бы еще тѣмъ ошибочно, что не одинъ только Кантъ подготовилъ элементы философіи Гёринга, но еще въ извѣстной мѣрѣ и Шопенгауэръ, и при томъ, тою именно стороною своего ученія, которая наиболѣе противоположна воззрѣніямъ Канта. Но, замѣтить надо, воззрѣнія Шопенгауэра достигли Гёринга точно такимъ же путемъ, какъ и воззрѣнія Канта, а именно пройдя чрезъ науку и очистясь въ ней. Роль Шопенгауэра уступаетъ, впрочемъ, роли Канта въ этомъ процессѣ, а потому и система носитъ названіе критической. «Только соединеніе *критики* и систематической философіи, говоритъ Гёрингъ:—дѣлаютъ успѣхи въ области философіи возможными». Такимъ образомъ, критичность является тою существенною чертою, которою характеризуются воззрѣнія вышедшей изъ ново-кантіанства философіи главнаго изъ сотрудниковъ новаго журнала, посвященнаго разработкѣ «научной философіи».

При такомъ генетическомъ *восхожденіи* къ Канту, не можетъ быть и рѣчи для научной философіи о *возвращеніи* къ нему. Унаслѣдовывается не *система*, не *рѣшеніе задачи*, но только духъ и смыслъ этой задачи. «Критицизмъ, говоритъ Риль:—есть разрушеніе трансцендентнаго, основаніе положительной философіи. Положительное направленіе критицизма отличаетъ его отъ простого скептицизма. Онъ сомнѣвается не для того, чтобы отвергать, но чтобы полагать основанія. Самъ по себѣ, онъ, конечно, лишенъ творчества, но онъ освобождаетъ творческія силы. Онъ пробуждаетъ духъ отъ метафизическихъ грёзъ для дѣятельной дневной жизни и дѣйствительности. Онъ указываетъ философіи путь прогрессирующей науки». [1] Изъ этого видно, что критицизмъ выступаетъ у новѣйшихъ мыслителей въ такой формѣ, въ которой центръ тяжести переносится изъ области воззрѣній Канта въ область требованій положительной науки и, слѣдовательно, можетъ вести къ результатамъ, находящимся къ *системѣ* Канта въ полной противуположности. У Риля противуположность эта смягчается еще удержаніемъ метода Канта, у Гёринга она идетъ по всѣмъ направленіямъ его системы, у Авенаріуса получаетъ даже яркое внѣшнее выраженіе въ самомъ заглавіи его труда, въ «*Критикѣ чистаго опыта*». (См. *R. Avenarius*. Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des Kleinsten Kraftmasses. Prolegomena zu einer Kritik der *reinen Erfahrung* 1876).

Основной характеръ критицизма представляется такимъ образомъ анти-метафизическимъ: критицизмъ стремится къ устраненію трансцендентнаго и обоснованію положительной философіи. Это—крайне важный моментъ современной нѣмецкой научной философіи, и у Риля онъ является принципіально сознаннымъ и установленнымъ. «Критическая философія, говоритъ Риль:—немедленно по своемъ возникновеніи, обнаружила анти-метафизическую тенденцію и, слѣдовательно, стала держаться строго-научнаго направленія. Когда она уклонилась отъ разсмотрѣнія вещей и всего прежде устранилась внутрь разума и стала изслѣдовать и измѣрять способность пониманія, то случилось это, говоря вмѣстѣ съ Юмомъ, затѣмъ, чтобы выдѣлить изъ науки «тяжеловѣснѣйшую и абструзнѣйшую часть» мнимаго знанія сверхчувственныхъ вещей и разрушить область вымышленнаго бытія и превращенныхъ въ вещи понятій. Такимъ образомъ, Локкъ доходитъ до источника понятій съ тѣмъ, чтобы истребить порожденную воображеніемъ врожденность знанія. Онъ изслѣдуетъ образъ происхожденія понятій для того, чтобы пріобрѣсти

---

[1] Я передалъ въ этой цитатѣ выраженіе Риля «*positive* Philosophie словами *положительная* философія, а не *позитивная*, потому что Риль не имѣетъ въ виду философіи Огюста Конта, а только такую, которая, исходя изъ критическаго начала и основываясь на наукѣ, даетъ ученіе, противуполагающееся скептицизму.

критерій, при посредствѣ котораго возможно бы было отличать естественно возникшія понятія отъ понятій, образованныхъ искуственно. Юмъ, одинъ изъ «географовъ человѣческаго разума», обслѣдуетъ природу разума и подвергаетъ его способности и силы тщательному анализу; онъ имѣетъ при этомъ въ виду показать, что познавательная способность совсѣмъ не направлена на такіе отдаленные предметы, какъ объекты метафизики. Это изслѣдованіе человѣческой природы представляется ему тою *истинною метафизикою*, которая призвана къ устраненію *ложной метафизики* школъ. Кантъ, наконецъ, ставитъ вопросъ о правильности и значенія синтетическихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, независимыхъ отъ опыта знаній, преслѣдуя такою постановкою цѣль, заключавшуюся въ томъ, чтобы посредствомъ ограниченія знанія повести противъ метафизики процессъ и раскрыть призракъ мнимаго знанія сверхчувственнаго и надъ-эмпирическаго (метэмперическаго, какъ сказалъ бы Льюисъ). Для того, чтобы рѣшить единственный этотъ вопросъ о возможности существованія метафизики, составилъ онъ цѣлый инвентарь чистыхъ понятій, испыталъ съ несравнимою основательностью и проницательностью каждый изъ нихъ и сдѣлалъ, такимъ образомъ, свою метафизику основаніемъ научной критики и научной теоріи. Такимъ образомъ, борьба противъ метафизическаго призрачнаго знанія выставила въ особенно-яркомъ свѣтѣ выработку истиннаго знанія и его значеніе. Вся же важность критическаго движенія философіи станетъ ясною только тогда, когда мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что метафизическое мышленіе глубоко коренится въ естественномъ стремленіи людей ко всему безмѣрному и безграничному. Не ограничивая своего произвола при образованіи и комбинированіи мысленныхъ формъ, разумъ создавалъ основаніе силѣ своего свободнаго творчества и тѣмъ поддерживалъ и—болѣе того—вызывалъ метафизическій обманъ. Такъ объясняется и тотъ фактъ, что самыя положительныя науки даже не могли не подвергнуться искаженію этимъ обманомъ. Основныя понятія ихъ—матерія и сила—и до послѣдняго времени даже оставались въ туманѣ метафизической двусмысленности. Философскій критицизмъ оказываетъ, слѣдовательно, и положительнымъ наукамъ важнѣйшія услуги, а именно: онъ создаетъ извѣстный родъ имманентной критики, которая заключается въ отдѣленіи теоріи отъ фактовъ и выясненіи правильнаго отношенія первой къ послѣднимъ. Теорія, съ этой критической точки зрѣнія, является только орудіемъ, дающимъ способы охватить и обработать самое ядро знанія—факты. Понятія перестаютъ разсматриваться поэтому въ отношеніи ихъ значенія самихъ по себѣ, и установляется различіе между тѣми основными частями знанія, которыя являются только идеальными формами умственной дѣятельности, и между содержаніемъ знанія, дѣйствительными лицами и событіями. Для болѣе тонкихъ же метафизическихъ обмановъ, скрывающихся въ самихъ поня-

тіяхъ, установляется еще критика этихъ понятій и ихъ приложеній. Такимъ образомъ, подтверждается правильность мнѣнія, что философскій критицизмъ составляетъ эпоху и во всеобщей исторіи наукъ».

Какъ много ни заключаетъ взглядъ Риля вѣрныхъ мыслей, какъ рѣшительно не ставитъ онъ вопроса объ устраненіи изъ философіи посягательства на познаніе трансцендентнаго, какъ близко не подходитъ къ правильному опредѣленію истиннаго значенія знанія, но другіе представители научнаго направленія философіи ясно доказали, однакоже, что философія эта не примиряется со всѣми тезисами Риля, не можетъ остановиться тамъ, гдѣ онъ останавливается, и необходимо идетъ далѣе, до окончательнаго преодолѣнія кантовскаго критицизма, до самобытнаго обоснованія новаго научнаго критицизма, освобождающаго знаніе нетолько отъ всего *трансцендентнаго* (непознаваемаго), но также и отъ всого *трансцендентальнаго* (апріорнаго). Карлъ Гёрингъ, подвергнувъ воззрѣнія Канта строгой критикѣ и разработавъ новую теорію познаванія на началахъ науки, доказалъ, что a priori есть не что иное, какъ еще разъ поставленное a posteriori, а Рихардъ Авенаріусъ, изслѣдуя вопросъ объ очищеніи опыта отъ всѣхъ наносовъ, ему чуждыхъ, пояснилъ, что *чистый* опытъ является *чистымъ* нетолько отъ антропоморфизма, обусловленнаго чувствами, но и отъ антропоморфизма, обусловленнаго разумомъ, т. е. отъ апріорныхъ формъ мышленія. Формы мышленія были подведены такимъ образомъ подъ категорію *наивнаго* опыта, опыта *не чистаго*, смѣшаннаго съ антропоморфическими придатками.

Сочиненіе Авенаріуса, обѣщающее быть весьма важнымъ вкладомъ въ юную литературу научной философіи въ Германіи, едва еще начато, и оригинальный принципъ его (Princip des Kleinsten Kraftmasses) требуетъ еще развитія и поясненія. Что же касается «*Системы критической философіи*» Гёринга, то первая половина ея уже вышла въ свѣтъ и даетъ возможность судить о значеніи этого мыслителя, въ самое короткое время заслужившаго весьма почетную извѣстность. Система Гёринга не есть система въ старомъ, метафизическомъ смыслѣ. Гёрингъ исходитъ изъ непосредственнаго изученія фактовъ, и потому знаніе фактовъ считаетъ онъ тѣмъ ядромъ истиннаго знанія, которое могло бы разростаться до неопредѣленныхъ предѣловъ, еслибы условія этого разростанія заключались въ самомъ принципѣ знанія, а не въ свойствахъ познающаго. Эти свойства ограниченностью своею кладутъ ограниченіе и знанію и заставляютъ разумъ уклониться отъ пути непосредственнаго знанія и перейти на путь знанія посредственнаго. Представленія, сохраняющія конкретно-индивидуальныя черты дѣйствительности, замѣняются обобщеніями, теряющими эти черты, т. е. *понятіями*, при помощи которыхъ и возможно только для человѣческаго ума развитіе знанія. Это развитіе неизбѣжно совершается при посредствѣ

расширенія предѣловъ понятій на счетъ содержанія представленій; но за то только этою цѣною пріобрѣтаются *наука* и *философія*, эти двѣ высшія степени *обобщенія* знанія, замѣняющія для человѣка безпредѣльное его *накопленіе*. Гёрингъ—не творецъ этого взгляда на характеръ и значеніе нашего знанія; ранѣе его Шопенгауэръ, Гербартъ, Ибервегъ и др. высказывали его съ бо̀льшею или меньшею силою и послѣдовательностью. Главы перваго сочиненія Шопенгауэра (Ueber die vierfache Wurzel etc.) и особенно основнаго сочиненія его (Die Welt als Wille und Vorstellung), посвященныя этому вопросу, могутъ и теперь считаться лучшимъ изъ всего, что было написано для его выясненія. Заслуга Гёринга и не заключается, впрочемъ, въ проявленіи философскаго творчества, но въ разумномъ заимствованіи у своихъ предшественниковъ того, что въ воззрѣніяхъ ихъ могло служить обоснованію научной философіи, и затѣмъ—что особенно важно—гармоническомъ объединеніи этого наслѣдія съ результатами современной науки. Гёрингъ *пчелообразно* отнесся ко всему тому, что доставляло ему прошедшее и современное, но онъ не впалъ въ эклектизмъ, онъ не пытался соглашать несогласимыя начала, не пробовалъ прилагать къ философіи принципъ «нельзя не сознаться, но надо признаться», а, напротивъ того, соединялъ только существенно-однородное и отвергалъ все невыдерживавшее строгой критической провѣрки. Эта выдержка помѣшала Гёрингу совершить именно тѣ ошибки, о которыя разбились усилія тѣхъ мыслителей, у которыхъ Гёрингъ заимствовалъ нѣкоторыя свои воззрѣнія: Гёрингъ былъ послѣдовательнѣе ихъ самихъ въ проведеніи этихъ воззрѣній. Такимъ образомъ, и его основное воззрѣніе на характеръ человѣческаго знанія проведено у него стройно, безъ противорѣчій: онъ дѣйствительно исходитъ изъ представленій; онъ всегда различаетъ ихъ отъ понятій, никогда не ищетъ объекта этихъ послѣднихъ и тѣмъ менѣе никогда не кладетъ смѣшаннаго съ представленіемъ понятія въ основу теоріи. Гёрингъ поэтому не строитъ своей системы, подобно метафизикамъ, не выводитъ ея изъ какого-нибудь излюбленнаго понятія, но созидаетъ ее критическою работою мысли надъ матеріаломъ, доставляемымъ положительными науками. Цѣль его заключается въ образованіи такихъ общихъ понятій, которыя были бы выработаны тѣмъ-же методомъ, что и частныя понятія отдѣльныхъ наукъ, и общая совокупность которыхъ могла бы образовать систематическое цѣлое, которому Гёрингъ и придаетъ названіе научной философіи. Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ философія Гёринга образуетъ систему. Какъ всякая отдѣльная наука образуетъ систему понятій низшихъ степеней обобщенія, точно также и научно философская или критическая система философіи, устанавливаемая Гёрингомъ, образуетъ сводъ понятій высшихъ степеней обобщенія—понятій, выработанныхъ изъ научныхъ обобщеній и чрезъ ихъ посредство

связанныхъ съ представленіями, съ непосредственнымъ знаніемъ явленій міра дѣйствительнаго.

Не останавливаясь передъ задачей образованія высшихъ понятій и неуклонно слѣдуя критическому методу при ихъ образованіи, Гёрингъ ставитъ задачею научной философіи такое восхожденіе по лѣстницѣ понятій, отъ обобщенія къ обобщенію, которое имѣло бы возможность всегда сохранить научный характеръ. Такимъ образомъ, философская критика, строго слѣдящая за сохраненіемъ научнаго характера, постоянно удерживаетъ разумъ отъ перехода чрезъ ту демаркаціонную черту, которая отдѣляетъ понятія о мірѣ дѣйствительномъ отъ пустыхъ понятій некритическаго мышленія, отъ области миражей и призраковъ. Миражи эти и призраки повседневно создаются обыденнымъ мышленіемъ и всегда принимаются за дѣйствительность тамъ, гдѣ отсутствуетъ критика: то понятіе принимается за представленіе и измышляется несуществующій въ дѣйствительности объектъ, то принимается безъ критики произвольно и неправильно образованное понятіе, то часть принимается въ основаніе для заключенія о цѣломъ, то — и это всего чаще—побужденія, хотѣнія, стремленія принимаются вмѣсто умозаключеній и становятся руководящими началами жизни. Этотъ-то хаосъ обыденнаго мышленія, всегда возрастающій вмѣстѣ съ возрастаніемъ объема личнаго опыта и вмѣстѣ съ такимъ возрастаніемъ принимающій все болѣе и болѣе рѣзкія черты, и составляетъ тотъ жизненный опытъ, съ которымъ такъ носится большинство людей. Рѣдко кого изъ насъ не окружаетъ, подобно безбрежному морю, этотъ личный опытъ, этотъ «пошлый опытъ— умъ глупцовъ», рѣдко кто не зацѣплялся объ эту гнилую занозу, рѣдко кому удавалось благополучно миновать это бревно, лежащее на дорогѣ всего живого, рвущагося къ свѣту и правдѣ— бревно, о которое споткнулись тысячи людей, особенно въ счастливую пору жизни. Противъ этого-то тлетворнаго мышленія, противъ этой уличной философіи, не менѣе, чѣмъ противъ омерзительнаго пустословія метафизиковъ, направляются удары научнометодическаго, философско-критическаго міроразумѣнія; оно должно разбить ветхаго истукана и разсѣять на четыре вѣтра пыль его зачумляющаго вліянія.

Было бы излишне говорить о каждомъ сотрудникѣ новаго философскаго журнала отдѣльно; достаточно было охарактеризовать тѣ два, хотя и близкія, но все же по нѣкоторымъ вопросамъ расходящіяся направленія, представителями которыхъ могутъ служить упомянутые мною писатели: Гёрингъ, Авенаріусъ и Риль. Какъ будутъ идти рядомъ оба эти направленія, объ этомъ говорить еще рано, хотя редакторское положеніе Авенаріуса нѣсколько и предрѣшаетъ этотъ вопросъ. Какъ тѣ сотрудники, имена которыхъ постоянно выставляются на обложкѣ и которые имѣютъ значеніе соредакторовъ (Гёрингъ, Гейнце и Вундтъ), такъ и вообще авторы статей, которыя были по настоящее время

помѣщены въ двухъ вышедшихъ книжкахъ, извѣстны своими солидными учеными трудами: *Гейнце* — авторъ монографіи «Die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie»; *Либманъ*—авторъ извѣстнаго «Kant und die Epigonen», съ котораго начинается поворотъ въ нѣмецкой философіи къ Канту, а также весьма почтеннаго труда, вышедшаго въ прошломъ году «Zur Analysis der Wirklichkeit»; *Виндельбондъ*—авторъ очень хорошей работы по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ теоріи познаванія «Ueber die Gewissheit der Erkenntniss»; *Паульсенъ* — одинъ изъ самыхъ выдающихся изслѣдователей кантовой теоріи познаванія, извѣстный въ высшей степени замѣчательнымъ трудомъ: «Versuch einer Entwickelungsgeschichte der Kantischen Erkenntnisstheorie»; далѣе *Карлъ Гёрингъ*, *Авенаріусъ* и *Риль*, о которыхъ я уже говорилъ, и извѣстный у насъ *Вундтъ*, котораго «Grundzüge der Physiologischen Psychologie» и «Untersuchungen zur Mechanik der Nerven und Nervencentren» ждутъ еще русскихъ переводчиковъ. Изъ этого перечня видно, что первый по времени *научно-философскій* журналъ въ Германіи обѣщаетъ быть весьма виднымъ явленіемъ въ необширной философской журналистикѣ нетолько въ Германіи, но и во всей Европѣ, и окажетъ несомнѣнно развитію научной философіи важныя услуги.

Программа журнала и вступительная статья редактора даютъ весьма опредѣленное понятіе о цѣли журнала и направленіи, избранномъ имъ для ея достиженія. Здѣсь встрѣчаемъ мы всего прежде указаніе на реакцію противъ умозрительной философіи, исторически связанную съ процвѣтаніемъ естественныхъ наукъ, и недовѣріемъ, съ которымъ обыкновенно относятся ко всякой философіи въ такъ называемыхъ «строго научныхъ» кружкахъ. Характеръ реакціи противъ умозрительной философіи опредѣляется при этомъ по его отношенію къ сторонамъ этой философіи, противъ которыхъ она направляется: *всецѣло*—противъ метода и только *отчасти* противъ постановки вопросовъ. Эти послѣдніе не устраняются огульно, но изъ нихъ дѣлается выборъ. Что же касается недовѣрія извѣстныхъ кружковъ ученыхъ къ философіи вообще, то недовѣріе это весьма справедливо разсматривается какъ заключительный фазисъ указанной выше реакціи противъ умозрительной философіи. И, такъ какъ процвѣтаніе естественныхъ наукъ все болѣе и болѣе влечетъ ихъ къ рѣшенію философскихъ задачъ, то задачи эти и сводятся съ пути умозрительнаго на путь научный, и философія стремится сдѣлаться научною. Вотъ этой то философіи, какъ наукѣ или научной философіи, и предполагаетъ служить новый философскій журналъ. Кругъ дѣятельности журнала обозначенъ такимъ образомъ весьма опредѣленно: въ него не будетъ допущена философія, отождествляющая себя съ творчествомъ поэзіи или грезами мистики, но только та, которая желаетъ быть наукою въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и всѣ другія науки—*не болѣе* и *не иначе*. Первымъ

вопросомъ является такимъ образомъ вопросъ о томъ: какимъ образомъ философія возможна какъ наука? или иначе: какимъ образомъ возможна *научная философія*?

Для установленія всякой науки, насколько идетъ рѣчь о понятіяхъ, изъ которыхъ она слагается, необходимы *два условія*:

Первое изъ этихъ условій заключается въ томъ, чтобы матеріалъ наукъ представлялся какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, въ формѣ понятій.—Случайныя и разсѣянныя свѣдѣнія могутъ заключать въ себѣ познанное нѣчто, т. е. знаніе о чемъ-то, но установить науки они не могутъ. Наука не отмѣчаетъ всякій особенный признакъ каждаго отдѣльнаго предмета, но собираетъ только тѣ признаки, которые составляютъ общую принадлежность всѣхъ отдѣльныхъ предметовъ, которые, слѣдовательно, всеобщи и которые должны давать возможность опредѣлить, при новомъ появленіи предмета, тождество его съ разсматривавшимся прежде и, слѣдовательно, должны неизбѣжно сопровождать предметъ, т. е. быть необходимыми для узнаванія его. Такъ совокупность *всеобщихъ* и *необходимыхъ* признаковъ предмета и составляетъ *научное понятіе* о немъ, и только пріобрѣтеніе такого понятія о предметѣ даетъ научное знаніе этого предмета.

Охвативъ матеріалъ посредствомъ понятій, мы затѣмъ устанавливаемъ разъясненіе этихъ понятій чрезъ образованіе высшихъ понятій изъ низшихъ. Организованная, такимъ образомъ, система понятій завершается высшимъ понятіемъ, которое и становится во главѣ всѣхъ низшихъ понятій, расположенныхъ сообразно ихъ соотвѣтственнымъ степенямъ.

Недисциплинированное знаніе можетъ, такимъ образомъ, имѣть общее съ наукою содержаніе, его понятія могутъ даже совпадать съ понятіями науки, но послѣдняя всегда будетъ отличаться отъ него формально тѣмъ, что она располагаетъ содержаніе свое въ разъясненной системѣ родственныхъ, одно изъ другого выработанныхъ понятій.

Изъ такого образованія понятій и такой ихъ организаціи истекаетъ для мышленія очень важная выгода: понятіе, содержащее все, что есть общаго въ отдѣльномъ предметѣ, является какъ единство этого отдѣльнаго предмета; все же общее въ мышленіи субъекта является какъ единство различныхъ мыслимыхъ объектовъ. Такимъ образомъ, наука, удовлетворяя стремленію человѣка къ знанію, удовлетворитъ и стремленію человѣческаго разума къ единству. Въ этомъ и замѣчается преимущество науки надъ простымъ знаніемъ, на этомъ же основывается и сознаніе наукою ея значенія. Понятно, что простое знаніе можетъ быть предпочтено наукѣ только чуждыми этой послѣдней индивидуальными и практическими интересами. Само собою разумѣется и то, что сознаніе собственнаго значенія тѣмъ въ наукѣ интенсивнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяется ею потребность обобщенія знанія, потребность выработки высшихъ понятій и — въ послѣдней инстанціи—самого наивысшаго. Сознаніе

собственнаго значенія въ этомъ послѣднемъ случаѣ особенно интенсивно по той причинѣ, что удовлетвореніе потребности разума—въ единствѣ, и происходящее отъ того удовольствіе достигаетъ наивысшаго своего развитія.

На основаніи вышесказаннаго можно сдѣлать два заключенія: *первое*, что всякой наукѣ, въ силу самихъ условій ея установленія, должно быть присуще стремленіе къ полному объединенію охватываемаго ею знанія, т. е. къ завершенію образованія входящихъ въ нее понятій *однимъ* высшимъ понятіемъ. Только оно одно завершаетъ установленіе науки. Стремленіе къ этому завершенію составляетъ для науки нетолько логическую, но и психологическую необходимость. *Второе* заключеніе относится къ тому основанію, на которое опирались въ прежнее время при оцѣнкѣ значенія умозрительной философіи. Основаніе это, заключающееся въ удовлетвореніи потребности разума въ единствѣ, есть, очевидно, основаніе формальной стороны философіи. Но, такъ какъ эта сторона составляетъ только одно изъ условій установленія науки, то возможность установленія умозрительной философіи доказывала, слѣдовательно, только то, что философія, какъ *формальная* наука—возможна.

Обращаясь затѣмъ ко *второму условію*, необходимому для установленія науки, Авенаріусъ останавливается всего прежде на выясненіи вопроса о томъ: почему умозрительная философія, получивъ значеніе въ одномъ отношеніи, потеряла его въ другомъ? «Потому, отвѣчаетъ онъ:—что *умозрительная философія была научною только по отношенію къ формѣ, а не по отношенію къ содержанію*. Предстоитъ доказать, что философія можетъ возвратить себѣ это значеніе, *ставъ наукою и по содержанію*, т. е. только философіею, которую мы называемъ *научною*. Надо начать, слѣдовательно, съ рѣшенія вопроса объ опредѣленіи тѣхъ условій, удовлетворить которымъ должно *содержаніе* понятій, для того чтобы изъ понятій этихъ возможно было строить науку.

Мысль эту очень удобно пояснить примѣрами, основанными на прямо противоположномъ положеніи; для бо̀льшей ясности, примѣры берутся рѣзкіе. *Первый примѣръ:* положимъ, что ктонибудь принимаетъ свои галлюцинаціи за объективныя явленія дѣйствительнаго міра, какъ то и случалось при низкомъ уровнѣ общественнаго развитія; положимъ далѣе, что нашъ галлюцинантъ есть личность даровитая, способная подвести мнимые объекты свои подъ отвлеченныя понятія и затѣмъ свести такія понятія въ систему. Система эта, конечно, не можетъ имѣть научнаго значенія, такъ какъ она удовлетворяетъ однимъ только формальнымъ условіямъ, требуемымъ наукою; условія же, опредѣляющія значеніе содержанія науки, были-бы выполнены только въ такомъ случаѣ, еслибы галлюцинаціи принимались не какъ внѣшнія явленія, а какъ явленія внутреннія, субъективныя, и въ этомъ смыслѣ служили бы матеріаломъ для образованія о нихъ понятій.—*Второй примѣръ*: положимъ, что грохотъ кам-

ней, набросанныхъ въ сосудъ, принимается за проявленіе мыслей фетиша, какъ то дѣйствительно и имѣетъ мѣсто у нѣкоторыхъ племенъ въ Бразиліи; положимъ далѣе, что изреченія фетиша были собраны жрецами, сохранились въ ихъ потомствѣ и разработаны въ систему тогда уже, когда о чудѣ съ камнями не было и помину. Будетъ-ли такая система научна? Формально—да; матеріально—нѣтъ, и опять таки потому, что происхожденіе понятій, изъ которыхъ построена система, не можетъ быть дано никакимъ опытомъ.

Выражая въ *положительной формѣ* заключеніе, выводимое изъ двухъ приведенныхъ *отрицательныхъ примѣровъ*, можно сказать, что объекты, долженствующіе сдѣлаться содержаніемъ науки, могутъ быть даны однимъ только *опытомъ*. Безъ соблюденія этого условія, содержаніемъ для устанавливаемой науки явятся мнимые объекты, и сама наука становится *мнимою наукою*. Такую науку необходимо, однакоже, отличать отъ *науки о мнимомъ*, т. е. о психическомъ фактѣ, несомнѣнно существующемъ и могущемъ дать содержаніе для науки. Всякая наука, такимъ образомъ, имѣетъ основаніемъ только опытъ; внѣ опыта, науки также строятся, какъ воздушные зàмки, и, если ихъ и признаютъ иногда науками, то это случается вслѣдствіе увлеченія *формальною* ихъ стороною.

Столь употребительное выраженіе «*опытныя науки*» слѣдуетъ считать, какъ видно изъ этого, плеоназмомъ; но плеоназмъ этотъ находитъ себѣ оправданіе до тѣхъ поръ, пока смыслъ и значеніе понятія о наукѣ остается невыясненнымъ. Такимъ же плеоназмомъ слѣдуетъ считать и терминъ «научная философія» и въ томъ же обстоятельствѣ усматривать и его временное оправданіе.

Это послѣднее замѣчаніе прямо ведетъ къ поставленному выше вопросу: возможна ли такая философія, которая и по содержанію была бы научною?

Разрѣшеніе этого вопроса много зависитъ оттого, какъ представляется сопоставленіе опытныхъ наукъ и философіи. Если бы философское знаніе и философскія задачи были чужды опыта, то между философіею и науками не могло бы быть ничего общаго и философія неизбѣжно, по содержанію, существенно отличалась бы отъ наукъ. Но, въ дѣйствительности, факты показываютъ намъ, что науки, поднявшись надъ извѣстнымъ уровнемъ, непремѣнно стремятся къ завершенію своего развитія философскимъ понятіемъ, которое всегда неизбѣжно и всегда можетъ быть выработано, когда дѣло идетъ объ образованіи высшихъ логичныхъ научныхъ положеній. Основаніе къ такому стремленію очевидно: опытныя науки суть спеціальныя науки, а для ихъ высшихъ конечныхъ понятій спеціальная точка зрѣнія не можетъ быть достаточна. Высшія понятія, по самой природѣ своей, не спеціальны, но общи, т. е. они общи нѣсколькимъ спеціальнымъ областямъ, или иначе: предметъ спеціальныхъ наукъ можетъ

быть изучаемъ въ различныхъ отношеніяхъ разными спеціальными науками. Всякая спеціальная наука поэтому, подходя къ выработкѣ своего высшаго понятія, должна войти въ соприкосновеніе съ другими науками, т. е. въ этомъ отношеніи перестать быть спеціальною наукою. Такимъ образомъ, всѣ спеціальныя науки стремятся къ одному пункту, въ которомъ они сливаются въ одно общее понятіе, совершенно лишонное спеціальнаго характера.

Изъ этого видно, что опытныя науки сопоставляются съ философіей не какъ противуположности съ точки зрѣнія опыта, какъ общаго ихъ основанія, но только по-столько, по-сколько опытныя науки суть науки *спеціальныя*, а философія—наука *всеобщая*, наука, объединяющая понятія, выработанныя отдѣльными дисциплинами, и подводящая ихъ подъ высшее, общее понятіе.

Таковъ результатъ; каковы же средства?

Такъ какъ всякая спеціальная наука вырабатываетъ тѣ спеціальныя свои понятія, которыя она можетъ выработать, не выходя изъ круга своей спеціальности, безъ вниманія къ нуждамъ другихъ спеціальныхъ наукъ, то задача выработки общихъ понятій изъ частныхъ понятій двухъ или нѣсколькихъ спеціальныхъ наукъ должна представлять новыя особенности и чуждыя кругу спеціальной науки трудности. Ни одинъ изъ спеціальныхъ методовъ не можетъ быть годенъ самъ по себѣ для преодолѣнія этихъ трудностей, но для разрѣшенія задачи потребуется отчасти подвергнуть односторонность спеціальныхъ понятій болѣе строгой логической обработкѣ, отчасти провѣрить прикладные методы посредствомъ методологическаго анализа и въ то же время изслѣдовать физіологическую и (въ широкомъ смыслѣ) психологическую сторону вліянія субъекта. Понятно, что общая совокупность частныхъ понятій спеціальныхъ наукъ наложитъ на умственную работу особый отпечатокъ: мышленіе опредѣлится всестороннѣе, станетъ шире, отвлеченнѣе въ отношеніи логическомъ, глубже—въ психологическомъ. Тутъ-то поэтому и лежитъ та граница, которую собственно-спеціальное мышленіе не осмѣливается переступать, та область, въ которой инстинктъ спеціалиста безошибочно чуетъ философію и поэтому не вступаетъ въ эту чуждую ему область, а предпочитаетъ предоставить изслѣдованіе ея философу. Спеціалисты и не подымаютъ, впрочемъ, науки до ея заключительныхъ понятій: это дѣло остается принадлежностью умовъ, предрасположенныхъ къ обобщеніямъ.

Теперь и стоимъ мы на порогѣ философіи и именно той научной философіи, возможность которой начинаетъ для насъ просвѣчиваться.

Припомнимъ, что система понятій, заключающая въ себѣ знаніе какихъ-бы то ни было опытомъ данныхъ объектовъ, требуетъ для завершенія своего въ формальномъ отношеніи выработки послѣдняго высшаго понятія, которое, завершая систему, образуетъ изъ нихъ замкнутое въ себѣ цѣлое—науку. Это по-

слѣднее высшее понятіе не есть уже понятіе спеціально-научное, но общее понятіе, принявшее въ себя всѣ частныя понятія, изъ которыхъ состоитъ система, или, иначе говоря, абстрактно представляющее всю совокупность данныхъ объектовъ. Пока оно не можетъ удовлетворять такому требованію общности и не охватываетъ ряда или групы объектовъ, до тѣхъ поръ мыслимо такое понятіе, объемъ котораго еще общнѣе, и самое общее понятіе остается невыработаннымъ.

Такимъ образомъ, всякой спеціальной наукѣ предстоитъ: или оставаться незаконченною, страдать отсутствіемъ заключительной идеи, или завершиться общимъ, высшимъ понятіемъ. Само собою разумѣется, что, при образованіи этого общаго, высшаго понятія всѣхъ спеціальныхъ наукъ, безотносительно къ ихъ сродству, представляется несравненно болѣе сложная работа, чѣмъ при образованіи общихъ понятій для двухъ или нѣсколькихъ спеціальныхъ наукъ. Однакоже, именно то, въ чемъ сосредоточивается здѣсь трудность, является побужденіемъ къ преодолѣнію ея; и побужденіе это бывало такъ интенсивно, что заставляло пытаться достигнуть указанной выше цѣли, безсознательно или сознательно обходя находящіеся на пути опытныя науки; попытка, успѣхъ которой могъ, очевидно, всегда быть только кажущимся. Такимъ образомъ, потребность единства неудержимо влечетъ къ выработкѣ единства всѣхъ наукъ и объектовъ ихъ, къ выработкѣ единства, которое было бы, если то возможно, истинно высшимъ и послѣднимъ единствомъ данныхъ опытомъ объектовъ.

Разсмотримъ нѣсколько ближе это единство объектовъ, такъ какъ, согласно замѣчанію, сдѣланному выше, требованіе его установленія дѣлаетъ ощутимыми сопряженныя съ такимъ дѣломъ трудности и въ то же время влечетъ къ преодолѣнію ихъ. Трудности, о которыхъ идетъ рѣчь, заключаются въ томъ, что требуемое высшее единство понятій должно быть свободно отъ противорѣчій, а между тѣмъ, при историческомъ состояніи развитія спеціальныхъ наукъ — не можетъ не соединять въ себѣ такихъ противуполагающихъ признаковъ, которые дѣлаютъ его дуалистическимъ. Такъ какъ дуализмъ этотъ, повидимому, принципіаленъ и включеніе его въ научное понятіе, долженствующее имѣть характеръ единства, неизбѣжно дѣлаетъ понятіе это противорѣчивымъ, то возможность устраненія можетъ явиться только какъ результатъ цѣлаго ряда попытокъ подвергнуть изслѣдованію, путемъ изученія принциповъ познаванія, самые крайніе послѣдніе корни противорѣчія какъ на почвѣ объекта, такъ и на почвѣ субъекта. Это изслѣдованіе должно освѣтить упомянутыя трудности установленія самого общаго понятія, какъ высшаго единства, и обнаружить ту многосложность вопросовъ, которые могутъ повести къ установленію особыхъ спеціальныхъ наукъ, а также выяснить, что всѣ спеціальныя науки должны быть разсматриваемы какъ спеціальныя по отношенію къ результату са-

мого изслѣдованія, т. е. по отношенію къ выработкѣ высшаго понятія. Это изслѣдованіе, наконецъ, приведетъ къ убѣжденію, что специально-научныя работы, какъ въ томъ случаѣ, когда онѣ сознательно задаются цѣлью выработки этого конечнаго результата, такъ и въ томъ, когда онѣ стремятся доказать невозможность этой выработки, могутъ быть сами разсматриваемы какъ работы, относящіяся къ области отдѣльной, самостоятельной науки—философіи.

Опредѣляя такимъ образомъ философію, мы имѣемъ въ виду то широкое понятіе, которое, съ одной стороны, охватываетъ спеціальныя и сложныя изслѣдованія, немогущія быть отнесенными ни къ одной изъ спеціальныхъ наукъ и имѣющія цѣлью возвести понятія низшихъ степеней обобщенія къ послѣднему, самому общему; съ другой стороны, философія обнимаетъ всю область спеціальныхъ наукъ, относящихся къ указанному выше изслѣдованію въ качествѣ наукъ вспомогательныхъ. Такимъ образомъ, всякая спеціальная наука, ведущая къ наивысшему общему (философскому) понятію, получаетъ значеніе *философской*, такъ какъ она для завершенія своего вводитъ свое относительно-общее понятіе въ связь съ такими же понятіями другихъ наукъ и сознательно служитъ такимъ образомъ выработкѣ наивысшаго понятія.

Чтобы по праву называться *наукой* и не быть только *массой накопленнаго знанія*, всякая наука должна необходимо завершиться послѣднимъ высшимъ понятіемъ. Удовлетвореніемъ этого требованія исполняется изложенное выше условіе формальной организаціи понятій. Изъ этого слѣдуетъ, что всякая спеціальная наука, только благодаря философскому элементу, въ нее входящему, становится «*наукою*». По этой-то причинѣ и стремится всякая достигшая высшей степени развитія спеціальная наука къ проникновенію философіи въ ея понятія, сперва инстинктивно, потомъ сознательно.

Послѣ всего сказаннаго, формулированный выше вопросъ: какимъ образомъ возможна научная философія? ставится такъ: возможно-ли существованіе науки безъ посредства философіи?

Доведя разсужденіе до этого пункта, Авенаріусъ указываетъ на то, что онъ постоянно не терялъ изъ виду того научно-философскаго понятія, которое должно выражать единство всѣхъ спеціально-научныхъ объектовъ. Этимъ понятіемъ завершаютъ спеціальныя науки выработку понятій о своихъ объектахъ и, какъ науки, сами завершаются. Такимъ образомъ, результатомъ выработки одного высшаго понятія объ объектахъ вообще является единство понятія о всемъ, подлежащемъ научному изслѣдованію — единство міроразумѣнія. Ни одна изъ спеціальныхъ наукъ не можетъ считаться законченною, пока она не указала мѣста своего объекта въ мірѣ какъ цѣломъ; тѣ-же науки, которыя указываютъ человѣческому разуму его мѣсто и стараются выработать о немъ самомъ научныя понятія, обыкновенно считаются

философскими науками по преимуществу. Не останавливаясь долго надъ этою стороною вопроса, Авенаріусъ выставляетъ другую, главнѣйшую, заключающуюся въ томъ, что именно стремленіемъ своимъ стать философскими науки нетолько завершаются въ формальномъ отношеніи, но, и по содержанію, даютъ своимъ работамъ законченность только тогда, когда онѣ провѣрятъ свои относительно-общія понятія высшимъ единымъ понятіемъ и такимъ образомъ возсодѣйствуютъ установленію единства міроразумѣнія. Такое проникнутое единствомъ міроразумѣніе и считаютъ обыкновенно задачею философіи и считаютъ по праву, такъ какъ философія, въ послѣдней инстанціи, есть не что иное, какъ результатъ слитія спеціальныхъ наукъ въ одно всеобщее понятіе.

Выяснивъ такое единство всѣхъ спеціальныхъ наукъ и философіи, можно сравнить это единство съ пирамидой, вершину которой занимаетъ философія, или съ окружностью, центръ которой занимаетъ философія. Понятно, что при такомъ сравненіи совершенно ясно выражается идея значенія философіи, какъ науки: относясь одинаково ко всѣмъ спеціальнымъ наукамъ, философія подымаетъ каждую изъ нихъ отдѣльно до значенія науки и въ то-же время, давая всей совокупности ихъ единство, и этому единству также придается значеніе науки.

Въ заключеніе, Авенаріусъ еще разъ видоизмѣняетъ постановку вопроса и этимъ измѣненіемъ очень удачно даетъ своей мысли весьма характеристическую законченность. «Теперь, говоритъ онъ:—вопросъ нашъ заключается не въ томъ, возможно-ли существованіе науки безъ философіи, и не въ томъ, какимъ образомъ возможна философія, которая не была бы наукой, но въ томъ, какимъ образомъ возможна наука, которая не была бы философіей?»

Я подробно изложилъ содержаніе статьи Авенаріуса потому, что статья эта имѣетъ общее руководящее значеніе по отношеню всему журналу и самою редакціею отмѣчена, какъ такая, которая назначена «Zur Einführung». Она, какъ могъ видѣть читатель, разсматриваетъ вопросъ о принципіальномъ значеніи философіи и даетъ полную возможность оріентироваться въ этой области, впервые возводимой на высоту науки въ самомъ основоначалѣ своемъ, а не пріемомъ групированія или классицированія наукъ, какъ это пытались дѣлать до сихъ поръ. Философія, по мысли Авенаріуса, стремится къ рѣшенію своей задачи не чрезъ суммированіе отдѣльныхъ наукъ, не чрезъ созиданіе цѣлаго изъ этихъ частей, но чрезъ продолженіе работы этихъ наукъ до ихъ высшаго заключительнаго результата, при непремѣнномъ условіи удержанія за работою этою того-же характера, который она нашла въ нѣдрахъ отдѣльныхъ наукъ. Такимъ образомъ установляются цѣльность и единство всего систематическаго знанія и выясняется то условное различіе между наукою и философіею, вопросъ о которомъ впервые ставится правильно новою нѣмецкою научно-философскою школою, такъ какъ у позитивистовъ тождество философіи и науки являлось предрѣшен-

нымъ, и философія противопоставлялась только наукѣ описательной, т. е., собственно говоря, совокупности научнаго матеріала, а не наукѣ. Этотъ важный и интересный вопросъ объ отношеніи философіи къ наукѣ, разрѣшенный принципіально въ статьѣ Авенаріуса, разсмотрѣнъ съ исторической его стороны Паульсеномъ, въ первой же книжкѣ журнала. Изслѣдуя вопросъ объ отношеніи философіи и науки въ различные историческіе періоды, Паульсенъ неизбѣжно касается еще разъ и основоначальной стороны этого вопроса и представляетъ нѣкоторыя соображенія, весьма удачно пополняющія воззрѣнія Авенаріуса. Такъ какъ я не имѣю возможности передать содержаніе статьи Паульсена съ такою же подробностью, съ какою я передалъ содержаніе, статьи Авенаріуса, то и остановлюсь только надъ тѣми общими соображеніями ея, которыя дополняютъ воззрѣнія Авенаріуса. Такимъ образомъ, я, по возможности, исчерпаю вопросъ о принципіальномъ значеніи философіи, съ точки зрѣнія редакціи новаго журнала, и дамъ о принципіальномъ значеніи философіи достаточно-полное понятіе, а свѣдѣнія о разнообразныхъ частныхъ вопросахъ, разсматриваемыхъ въ остальныхъ статьяхъ обѣихъ книжекъ, изложу бѣгло, предоставляя тѣмъ, которые заинтересуются ими, обратиться прямо къ самому источнику.

Паульсенъ поясняетъ въ началѣ своей статьи, что понятія, охватывающія содержаніе отдѣльныхъ наукъ, и всѣ вообще *научныя понятія* не должны быть смѣшиваемы съ *представленіями*, предметы которыхъ даны эмпирическою дѣйствительностью; научныя понятія суть *задачи*, разрѣшеніе которыхъ представляетъ безконечный или, по крайней мѣрѣ, еще не завершившійся процессъ. Научныя понятія соотвѣтствуютъ, такимъ образомъ, «идеямъ», по кантовскому словоупотребленію—«идеямъ, съ которыми не можетъ быть совмѣстимъ ни одинъ предметъ, данный чувствами». Это вѣрно по отношенію ко всѣмъ наукамъ: не существуетъ учебника химіи, геометріи или исторіи, который могъ бы указать на конкретный предметъ, адекватно представляющій химію, геометрію, исторію или какое либо изъ входящихъ въ науки эти *понятій*. Можетъ случиться, конечно, что въ томъ или другомъ изъ этихъ понятій воплощается все познанное въ настоящую минуту; но объемъ знанія даннаго времени не исчерпываетъ содержанія науки. Нѣтъ возможности также указать и человѣка, въ которомъ, какъ къ обладателѣ или носителѣ, наука имѣла бы значеніе эмпирической дѣйствительности. Изъ этого слѣдуетъ, что, по отношенію къ вопросу образованія и оцѣнки значенія научныхъ понятій, никогда не должно быть выставляемо требованія объ опредѣленіи соотвѣтствующаго имъ реальнаго объекта, такъ же какъ и не должно быть указываемо иного пути къ нимъ отъ конкретной дѣйствительности, кромѣ пути абстракціи. Неустойчивость на этой точкѣ зрѣнія прямо ведетъ къ запутанности и превратности сужденія о наукѣ и философіи.

Пояснивъ, что съ древнѣйшихъ временъ понятіе о философіи

соотвѣтствовало *единству всей совокупности знанія*, Паульсенъ обращаетъ особенное вниманіе на измѣненіе, внесенное въ это понятіе апріорными формами мышленія Канта. Уже прежде, Гёрингъ (System der kritischen Philosophie) и Авенаріусъ (Philosophie als Denken der Welt) показали, что апріорныя формы отнимаютъ у философіи Канта то научное значеніе, которое мыслитель этотъ имѣлъ въ виду установить, какъ основной принципъ своей системы, и я имѣлъ уже случай въ другомъ мѣстѣ изложить съ нѣкоторою подробностью необходимость перерѣшенія кантовой задачи, совершающагося въ настоящее время (см. «Опытъ критич. изслѣдов.», стр. 158 и слѣд.). Двойственность въ воззрѣніяхъ Канта выяснена теперь совершенно удовлетворительно, и невозможность для научной философіи руководствоваться его теоріею познаванія вполнѣ ясна, а потому врядъ ли можно спорить съ Паульсеномъ о томъ, что раздвоеніе, внесенное въ философію идеею апріорности и устраненное новою научно-философскою школою, представляетъ только эпизодъ въ общемъ ходѣ развитія понятія о философіи, вступившей въ наше время опять на путь единства. Извѣстно, однако же, что роковое раздвоеніе знанія скоро дало свои монструозные плоды и что, вслѣдъ за принятіемъ апріорныхъ формъ Канта и забвеніемъ его критическихъ требованій, отношеніе отторгшагося отъ опыта умозрѣнія къ положительной наукѣ, развивавшейся на почвѣ опыта, стало до послѣдней степени безобразнымъ и достигло крайнихъ границъ безсмысленнѣйшаго высокомѣрія. Но именно тутъ-то и обнаружилось, что съ философіей случилось, какъ замѣчаетъ Паульсенъ, то же, что съ собакою въ баснѣ: она бросила опытное, научное знаніе и устремилась за какимъ-то знаніемъ высшимъ; когда же это высшее знаніе оказалось призракомъ, то философія и осталась ни съ чѣмъ.

Съ этого времени идетъ начало такого же презрѣнія наукъ къ философіи, съ какимъ прежде философія относилась къ наукамъ. «Философія—не наука, стали говорить ученые въ одинъ голосъ:—философское знаніе—призрачно; ея область есть область мнимая... За предѣлами заэмпирическаго изслѣдованія точныхъ наукъ не существуетъ ничего болѣе». Не напрасно считаютъ метафизику ядромъ и главною частью философіи; самое названіе ея достопримѣчательно: она ищетъ то, что обрѣтается за физикой, за природой, за дѣйствительнымъ міромъ. Тѣ, которые выражали такое презрѣніе, допускали изрѣдка только, въ минуты благодушія, надежду на то, что безпорядочныя скачки генія могутъ случайно привести къ воззрѣніямъ, имѣющимъ значеніе и для солиднаго изслѣдователя, могущаго напасть на воззрѣнія эти позже. Такимъ образомъ, философію допускали идти впереди науки только въ той же роли, которую берутъ на себя на крайнемъ Западѣ Америки разбойники и всякая презирающая порядокъ и трудъ сволочь, которые служатъ піонерами цивилизаціи и предшествуютъ земледѣльцамъ и основателямъ городовъ.

Какъ же, въ виду такихъ обвиненій, поступила философія? Ей предстояло, конечно, отречься отъ раздвоенія, внесеннаго въ нее ученіемъ объ апріорныхъ формахъ мышленія, и вновь возвратиться къ прежнему опредѣленію, разумѣвшему подъ философіею общую совокупность знанія. До настоящаго времени она не осмѣлилась еще сдѣлать этого по причинамъ, о которыхъ и предстоитъ сказать теперь нѣсколько словъ. Она выключила изъ своей области именно тѣ науки, которыя выработаны вполнѣ до научной точности и сдѣлала затѣмъ попытку обозначить границы той области, которую собственно и считала своею. Границы этой области охватили, такимъ образомъ, науки невполнѣ развившіяся, но и эти науки не выдѣлялись изъ философіи только до тѣхъ поръ, пока не достигали самостоятельности. Философія сдѣлалась, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ питомника наукъ, областью, къ которой относились тѣ науки, которыя обрѣтались еще въ младенческомъ состояніи.

Понятіе о философіи, вытекающее изъ такого положенія вещей, опредѣляетъ философію, какъ науку основоначалъ (Wissenschaft von den Principien) или *науку о всеобщемъ* въ противуположность *частному отдѣльныхъ наукъ*, и затѣмъ приходилось считать частями этого цѣлаго тѣ науки, которыя, какъ-то пояснено выше, включаются въ область философіи въ качествѣ наукъ, недостигшихъ самостоятельности. Метафизика, логика, эстетика, этика, психологія становились при этомъ отдѣлами *всеобщей науки основоначалъ* и въ этомъ смыслѣ противуполагались математикѣ, физикѣ, химіи и т. д. Логическая несостоятельность такого взгляда очевидна, и Паульсенъ полагаетъ, что такая несостоятельность явилась, какъ неизбѣжное слѣдствіе того обстоятельства, что отдѣлы философіи не были опредѣлены согласно съ основною идеею ея, но *даны* общею совокупностью тѣхъ наукъ, которыя *остались* еще принадлежностью философской каѳедры послѣ того, какъ другимъ наукамъ удалось завоевать себѣ каѳедры самостоятельныя.

Оставляя въ сторонѣ возникающія отъ внѣшнихъ причинъ трудности и разсматривая только одно опредѣленіе, мы замѣчаемъ, что понятіе общаго, основоначальнаго или принципіальнаго есть понятіе относительное и что, поэтому, нѣтъ возможности опредѣлить черту, отдѣляющую общее отъ частнаго. «Всѣ вôроны черны» представляетъ такую же общую истину, какъ и «всѣмъ тѣламъ свойственна тяжесть» или «всякое дѣйствіе имѣетъ причину». Всѣ ли эти положенія должны быть отнесены къ области философіи? Если мы дадимъ на вопросъ этотъ утвердительный отвѣтъ, то обозначимъ имъ возвращеніе къ прежнему понятію о философіи, какъ общей совокупности всего знанія. Отвергая такой отвѣтъ и его послѣдствія, слѣдуетъ отвергнуть и возможность опредѣленія границъ философіи.

Въ близкой степени родственно приведенному выше опредѣленію то, которое видитъ въ философіи *науку*, *объясняющую*

частнымъ наукамъ необъясненныя ими основныя понятія. Понятія эти, согласно такому взгляду, остаются необъясненными потому, что объясненіе это возможно только при условіи общей связи основныхъ понятій всѣхъ отдѣльныхъ наукъ. Такимъ образомъ, утверждается необходимость соединенія всѣхъ наукъ въ одну, и философія опять становится общею совокупностью научнаго знанія.

Существуетъ мнѣніе, не допускающее возможности выработки такой общей совокупности знанія, если только философія не будетъ поставлена, какъ отдѣльная наука, рядомъ съ другими отдѣльными науками. Мнѣніе это опирается на утвержденіи, что философское знаніе неоднородно знанію остальныхъ наукъ и что методы, ведущіе къ тому и другому, различны: философія идетъ отъ цѣлаго къ единичному, остальныя науки идутъ путемъ обратнымъ; или философія пользуется дедукціею, науки—индукціею. Не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что такое утвержденіе было бы невозможно, еслибы различіе дедукціи отъ индукціи представлялось ясно. Возможно ли достичь цѣлаго, не исходя отъ единичнаго? Дано ли цѣлое первоначально? Если нѣтъ, то не зиждется ли всякое научное изслѣдованіе на началахъ, коими характеризуется индукція? Не есть ли путь отъ цѣлаго къ единичному только нисхожденіе сдѣланнаго уже восхожденія—пріемъ, не увеличивающій ни достовѣрности, ни объема нашего знанія. Впрочемъ, ясно до очевидности, что дедуктивный методъ не можетъ сдѣлаться монополіею философіи. Дедуктивнымъ методомъ могутъ пользоваться и дѣйствительно пользуются всѣ науки, и одно пользованіе имъ не даетъ еще основанія для различенія философскихъ положеній отъ научныхъ и, такимъ образомъ, отнимаетъ у приведеннаго выше мнѣнія всякую устойчивость.

Паульсенъ полагаетъ, что упомянутая формулировка опредѣленія философіи, а именно, что философія объясняетъ необъясненныя частными науками основныя понятія, имѣетъ основаніемъ своимъ только тотъ фактъ, что эмпирическія науки считали обыкновенно, а иногда и теперь считаютъ, философскими вопросами тѣ, которые онѣ не въ состояніи изслѣдовать, какъ, напримѣръ, химія—понятіе матеріи, исторія—вопросъ о томъ: представляетъ ли развитіе человѣчества нѣчто связное, направленное къ извѣстной цѣли? и т. п. Но философія имѣетъ свои основанія относиться къ этимъ вопросамъ съ осторожностью. Если, по природѣ своей, она, въ самомъ дѣлѣ, есть только резервуаръ всѣхъ необслѣдованныхъ вопросовъ, то, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ ей требовать, чтобы въ резервуаръ этотъ направлены были и вопросы обслѣдованные. Но, въ такомъ случаѣ, что предстоитъ ей съ ними дѣлать? Что же касается вопросовъ, необслѣдованныхъ отдѣльными науками, то и ихъ рѣшеніе философіею представляется безплоднымъ, такъ какъ ни одна наука не приметъ ея рѣшеній. И напрасно бы мечтала

философія, какъ отдѣльная наука, принести въ даръ, напримѣръ, химіи понятіе матеріи. Понятно, что химія ни на минуту не поколеблется отринуть такой даръ и не приметъ дара отъ тѣхъ, ноги которыхъ никогда не переступали порога лабораторіи. Въ послѣднее время и психологія близится въ такому же отношенію къ философіи, понимаемой въ смыслѣ отдѣльной науки: и она откажется принять метафизически выработанное понятіе о душѣ, напримѣръ, если таковое будетъ ей предложено.

Нѣкоторые ограничиваютъ область философіи и опредѣляютъ ее или какъ *психологію*, или какъ *теорію познаванія*. Но такое предназначеніе философіи къ одному опредѣленному предмету противорѣчитъ происхожденію какъ ея, такъ и тѣхъ наукъ, съ которыми ее смѣшиваютъ. Зачѣмъ придавать названіе философіи наукамъ, имѣющимъ свои опредѣленныя названія, если философія, по происхожденію своему, имѣетъ значеніе общей совокупности знанія? Желаютъ ли, такимъ образомъ, настаивать на мнѣніи, что психологія или теорія познаванія тождественны по содержанію своему, съ философіей? Что касается психологіи, то отождествленіе ея съ философіей оправдываютъ указаніемъ на объемъ, охватываемыхъ ею, въ качествѣ науки о духѣ человѣческомъ, предметовъ, общая совокупность которыхъ необходимо тождественна съ общей совокупностью человѣческаго знанія. *Въ формальномъ отношеніи*, замѣчаніе это не можетъ быть опровергнуто, такъ какъ міръ данъ намъ лишь по столько, по сколько онъ входитъ въ область нашего сознанія. Но, въ формальномъ отношеніи, такое же значеніе можно придать и географіи, ибо при изученіи всякой страны берется во вниманіе духовное развитіе ея населенія; такимъ образомъ, можно и географію считать наукою, обнимающею всю совокупность знанія, т. е. философіею. Таково послѣдствіе увлеченія внѣшнимъ принципомъ! Если же намъ скажутъ, что, сводя философію на психологію, мы ярче поставимъ на видъ ту великую истину, что знаніе, которымъ мы обладаемъ, есть знаніе не абсолютное, но субъективное—знаніе, установленное съ точки зрѣнія человѣческаго духа, то мы можемъ возразить тогда, вмѣстѣ съ Лотце, что, хотя памятованіе этой истины и полезно, но тѣмъ не менѣе оно не можетъ оправдать измѣненіе въ словоупотребленіи, выработанномъ въ полной отъ него независимости. Словоупотребленіе не препятствуетъ признаванію этой истины въ такой же мѣрѣ, въ какой удержаніе выраженій обыденнаго говора не препятствуетъ признаванію системы Коперника.

По отношенію къ отождествленію философіи съ теоріею познаванія, Паульсенъ замѣчаетъ, что теорія познаванія, изучая знаніе, какъ таковое, есть наука формальная, и что, слѣдовательно, если рядомъ съ нею мы допустимъ другую науку, которая будетъ имѣть въ виду знаніе какъ по отношенію къ его формѣ, такъ и по отношенію къ его содержанію, то намъ только и остается, что удержать за этою наукою то названіе, которое она

имѣла первоначально въ качествѣ *общей совокупности знанія* — названіе *философіи*.

Переходя затѣмъ къ причинамъ, задерживающимъ возвратъ къ прежнему понятію о философіи, какъ всеобщей совокупности знанія, Паульсенъ находитъ, что причины эти, главнымъ образомъ, находятся въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что опредѣленіе философіи установляется не съ точки зрѣнія знанія, но съ точки зрѣнія знающаго. Онъ утверждаетъ, что личное отношеніе къ познаваемой наукѣ всегда имѣетъ большое вліяніе на опредѣленіе границъ ея области. Внимательный наблюдатель можетъ указать на многіе примѣры этого рода въ исторіи наукъ. Понятно, что умственный кругозоръ, такъ же какъ и кругозоръ физическій, опредѣляется для всякаго его точкою зрѣнія, принимаемою за центръ. Историкъ считаетъ исторіей именно ту науку, которой онъ самъ обладаетъ, и т. д.; точно также и философъ: и онъ опредѣляетъ свою науку такимъ образомъ, чтобы онъ, философъ, могъ остаться ея обладателемъ. При такомъ условіи, теряется возможность пользоваться прежнимъ опредѣленіемъ философіи, ибо кто же дерзнетъ считать себя, въ такомъ случаѣ, философомъ? Очевидно, однакоже, что для установленія понятія какой-нибудь науки нѣтъ никакого основанія принимать къ руководству вопросъ о томъ: требуется ли задачею этой науки одна или нѣсколько головъ? Существуютъ ли философы въ смыслѣ обладателей философіи? Это—вопросъ, нисколько не касающійся понятія философіи. Философія, какъ-то и было уже выяснено, есть идея, сужденіе о годности которой не можетъ быть установлено чрезъ сравненіе идеи этой съ самою дѣйствительностью; опредѣленіе философіи, по этой причинѣ, не имѣетъ никакого отношенія къ тому, что̀ является въ дѣйствительности у извѣстнаго обладателя понятія, принимаемаго самимъ обладателемъ за понятіе философіи. Если же хотятъ непремѣнно не покидать вопроса о мѣстѣ нахожденія философіи въ дѣйствительности, то гораздо правильнѣе обратиться за этимъ къ философскимъ факультетамъ, чѣмъ къ отдѣльнымъ цеховымъ философамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что понятіе, которое можно составить, при посредствѣ отвлеченія, изъ частей, на которыя подѣлилась первоначальная идея философіи въ факультетахъ, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ понятію философіи, чѣмъ то понятіе, которое можно заимствовать у «философовъ».

Итакъ, всякому, кто не признаетъ раздвоенія, внесеннаго въ знаніе апріорными формами мышленія, приходится возвратиться къ старому понятію философіи, какъ общей совокупности знанія. Если знаніе фактовъ однородно (одна только математика, какъ косвенно служащая къ пріобрѣтенію знанія фактовъ и не представляющая самого знанія ихъ, составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе), если существуетъ единственный матеріалъ знанія дѣйствительности данныхъ явленій, если къ разработкѣ этого матеріала можетъ быть приложенъ только одинъ методъ,

различаемый какъ индуктивный и дедуктивный, но не раздвоиваемый этимъ различеніемъ, то слѣдуетъ заключить, что знаніе неудержимо стремится къ единству, всѣ разграниченія въ области котораго относительны или случайны. Какъ все дѣйствительное, связанное тысячами отношеній, образуетъ единство, единый міръ, такъ и знаніе представляетъ также единство— философію.

При возвращеніи къ прежнему понятію философіи, какъ общей совокупности всего знанія, подлежатъ устраненію два ошибочныя мнѣнія, порожденныя раздвоеніемъ науки и философіи, основывающейся на апріорности. Во-первыхъ, то мнѣніе, теперь уже устарѣвшее, что философія, независимо отъ науки, возможна, и, во-вторыхъ, то, что возможна наука, отрѣзанная отъ философіи. Послѣднее мнѣніе исходитъ, конечно, изъ весьма основательнаго убѣжденія въ негодности апріорической натурфилософіи, внесшей порчу во многія добропорядочные умы и создавшей препятствіе къ развитію естественныхъ наукъ. Но если такое мнѣніе было основательно по отношенію къ апріорической философіи, навязывавшей наукамъ готовыя теоріи, то оно не можетъ быть признано таковымъ по отношенію къ той философіи, которая обосновывается на наукѣ. Такая философія далека отъ навязыванія наукѣ своихъ теорій и представляетъ только высшія обобщенія, опирающіяся на факты, изслѣдованные научнымъ же методомъ. Теорія, отвергающая такія высшія обобщенія, перестаетъ быть научною и должна быть признана эмпирическою въ невыгодномъ значеніи этого слова. Когда знаніе перестаетъ стремиться къ такимъ высшимъ обобщеніямъ, когда оно не ставитъ наивысшаго изъ обобщеній цѣлью конечнаго единства, тогда оно теряетъ жизнь и гибнетъ. Можетъ случиться, конечно, что спеціальныя изслѣдованія и будутъ еще продолжаться нѣкоторое время и послѣ того, какъ жизнь эта уже угаснетъ, подобно тому, какъ нѣкоторыя отдѣльныя функціи организма не прекращаютъ своей дѣятельности немедленно послѣ смерти самого организма; но продолжаться долго такой порядокъ вещей не можетъ. Смерть философіи неизбѣжно влечетъ за собою и смерть науки. Средніе вѣка представляютъ для подтвержденія этой истины краснорѣчивѣйшія доказательства.

Умственное движеніе въ Германіи, по словамъ Паульсена, даетъ многочисленныя указанія на то, что оно идетъ къ выходу изъ такого состоянія. Представители науки разработываютъ ее весьма часто въ духѣ философскомъ, а философы считаютъ долгомъ быть знакомыми съ науками. Стѣна, раздѣлявшая обѣ эти области, разрушается, такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ, и въ настоящее время пограничная черта между философіею и наукою стала уже едва замѣтною. Можно питать увѣренность, что она никогда ужь не превратится въ пропасть.

Пограничная черта между наукою и философіею должна исчезнуть окончательно по отношенію къ ихъ содержанію и можетъ

остаться только по отношенію къ характеру пріемовъ изслѣдованія. Всякая наука, по содержанію своему, не различается отъ философіи; но разрабатывать ее можно или въ направленіи философскомъ, или въ направленіи эмпирическомъ. Философскимъ направленіемъ слѣдуетъ считать то, которое стремится къ конечному единству знанія; эмпирическимъ же—то, которое остается при отдѣльныхъ фактахъ, какъ послѣднихъ истинахъ. Философомъ, такимъ образомъ, называться можетъ тотъ, кто обладаетъ способностью приводить множественность и разнообразіе къ существенному и единому и прилагаетъ эту способность къ дѣлу.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что нѣтъ никакого основанія различать *науку*, по отношенію къ содержанію, *на философскую* и *нефилософскую*, а потому такія работы по естествознанію, какъ работы Гёте, Ал. Гумбольдта или Дарвина, также и въ области историко-филологической В. Гумбольдта, Бокля или Штейнталя, слѣдуетъ, конечно, признать философскими. Напротивъ того, труды какого-нибудь схоластика, изслѣдующаго формы сужденія, фигуры заключенія и т. п. такъ же какъ и разсужденія зажившагося метафизика, разъискивающаго сущности и т. д., нельзя, само собою разумѣется, считать относящимися къ философіи. Философское значеніе науки очерчивается, такимъ образомъ, съ достаточною опредѣленностью.

Въ заключеніе своей статьи, Паульсенъ говоритъ о вопросахъ, входящихъ въ кругъ изслѣдованія присяжныхъ или цеховыхъ философовъ (Philosophen von Fach), и находитъ, что въ кругъ этотъ должны быть включены: теорія познаванія съ ученіемъ о методѣ и логикѣ, психологія и всѣ тѣ науки, которыя теперь имѣютъ значеніе наукъ философскихъ, т. е., согласно тому, что объяснено было выше—всѣ науки, выработавшія высшія обобщенія. Казалось бы съ перваго взгляда, что собственно философія, *философіи въ тѣсномъ смыслѣ,* совсѣмъ не оказывается; но, если мы припомнимъ выясненное выше стремленіе всѣхъ наукъ къ общему единству, то получимъ возможность подъ философіею въ тѣсномъ смыслѣ разумѣть *науку, формулирующую это единство, завершающую стремленія всѣхъ наукъ.* И если наука эта находится еще въ процессѣ образованія, то это нисколько не умаляетъ важнаго ея значенія, такъ какъ собственно ея задача остается задачею всего нашего знанія; законченность же ея зависитъ отъ успѣховъ всѣхъ остальныхъ наукъ. И если наука эта только приближается постоянно къ такой законченности, не достигая ея, то это предрѣшаетъ вопросъ о законченности философіи. Стремясь къ законченности, философія развивается параллельно съ развитіемъ остальныхъ наукъ, никогда не упуская изъ виду, что она—какъ то поясняемо было выше—выражаетъ идею, соотвѣтствующій предметъ, который не можетъ быть данъ чувствами.

Остается прибавить, что Паульсенъ придаетъ этой, такимъ

образомъ опредѣляемой имъ *«философіи собственно»* или философія въ тѣсномъ смыслѣ названіе *метафизики*, изъ чего ошибочно было бы заключать, однакоже, что онъ отстаиваетъ метафизику въ томъ смыслѣ, въ какомъ она отвергается позитивною школою и въ какомъ очень часто понимается и въ нашей литературѣ. Метафизика, съ позитивной точки зрѣнія, характеризуется свойствомъ метода и въ этомъ смыслѣ отождествляется съ тою философіею, которую Паульсенъ называетъ *спекулятивною* или *умозрительною*. Метафизика же, въ смыслѣ Паульсена, какъ я то пространно пояснилъ въ моемъ «Опытѣ», представляетъ собою такую философскую дисциплину, которая хотя и была намѣчена въ философской системѣ Ог. Конта, но которая осталась, однакоже, неразработанною, зачаточною, почти не существующею или, по крайней мѣрѣ, едва замѣтною. Это отсутствіе вѣнчающей систему науки и низводитъ позитивную систему, какъ доказалъ я тамъ же (см. «Опытъ» гл. II), на степень энциклопедіи наукъ, лишая ея, вслѣдствіе отсутствія высшихъ обобщеній, философскаго значенія. Правильность такого толкованія воззрѣнія Паульсена доказывается въ достаточной степени тѣмъ, что и Паульсенъ также считаетъ позитивную систему не болѣе какъ энциклопедіею наукъ! (стр. 29). Эта идея была совершенно непонята референтомъ статьи Паульсена въ философскомъ журналѣ Рибо (Revue philosophique de la France et de l'étranger. 1877 № 2). Здѣсь весьма ошибочно придается новой научно-философской школѣ, къ которой принадлежитъ Паульсенъ, названіе позитивной и дается читателю идея о такомъ смѣшеніи понятій, и тѣни котораго нельзя отыскать при сравненіи воззрѣній позитивистовъ съ воззрѣніями научно-философской школы, представляемой разсматриваемымъ теперь нами органомъ.

Прежде, чѣмъ я перейду къ обозрѣнію остальныхъ статей журнала, считаю нужнымъ отмѣтить новое выдающееся явленіе въ нѣмецкой литературѣ, весьма выразительно свидѣтельствующее о живости того движенія, истолкователями котораго являются сотрудники журнала Авенаріуса, а именно, я имѣю въ виду новое періодическое изданіе, начавшее выходить съ апрѣля настоящаго года въ Лейпцигѣ, подъ редакціей Отто Каспари, Эрнста Краузе и Густава Iегера—«Космосъ» (Kosmos, Zeitschrift für einheitliche Weltanschauung auf Grund der Entwicklungslehre). Первая руководящая статья этого изданія и посвящена, само собою разумѣется, тому вопросу, который положенъ краеугольнымъ камнемъ этого литературнаго предпріятія—вопросу о «союзѣ философіи съ естествознаніемъ», разсмотрѣнному Каспари. Не останавливаясь надъ этою статьей, стоящей, главнымъ образомъ, на точкѣ зрѣнія ново-кантіанства, въ той обработкѣ, въ которой оно является у Альберта Ланге, я указываю на нее только какъ на явленіе, обнаруживающее совершающееся въ нѣмецкой наукѣ движеніе. Замѣчу еще, что въ числѣ сотрудниковъ новаго журнала названы Дарвинъ, Гельвальдъ, Прейеръ,

Оскаръ Шмидтъ, Францъ Шульце, Вайгингеръ и др. лица, пользующіяся болѣе или менѣе громкою извѣстностью, что обѣщаетъ журналу несомнѣнный успѣхъ.

Переходя теперь къ остальнымъ статьямъ журнала Авенаріуса, я остановлюсь прежде всего на первой статьѣ второй книжки, разсматривающей вопросъ объ «основоначальномъ различіи воззрѣній теоріи познаванія» и принадлежащей тоже Паульсену. Различая воззрѣнія теоріи познаванія сообразно двумъ основоначальнымъ вопросамъ этой теоріи: «что такое знаніе? и какимъ образомъ оно пріобрѣтается?» Паульсенъ имѣетъ въ виду приложить выработанное имъ различеніе къ характеристикѣ философскихъ міровоззрѣній вообще и установить для нихъ новыя категоріи, которыя онъ называетъ *идеографическими* и которымъ онъ имѣетъ въ виду дать право гражданства въ философской литературѣ на ряду съ категоріями, до сихъ поръ употребляющимися, какъ *хронографическими* (догматизмъ, критицизмъ), такъ и *топографическими* (пантеизмъ, матеріализмъ, спиритуализмъ и т. д.). На вопросъ, что такое знаніе или какъ относится знаніе къ остальному дѣйствительному міру, существуетъ, говоритъ Паульсенъ, два отвѣта: *первый* изъ нихъ утверждаетъ, что знаніе есть идеальное воспроизведеніе дѣйствительности, отраженіе ея мыслью и что представленія, если только они образованы правильно, подобны вещамъ и могутъ быть съ ними сравниваемы. *Второй* отвѣтъ утверждаетъ, что знаніе не есть идеальное воспроизведеніе вещей, а нѣчто отъ нихъ отличное и съ ними несравнимое. Первымъ изъ этихъ отвѣтовъ опредѣляется то воззрѣніе, которое называютъ обыкновенно наивнымъ *реализмомъ*; воззрѣніе же, которое опредѣляется вторымъ изъ этихъ отвѣтовъ, правильнѣе всего назвать *феноменализмомъ*. Можно возразить, конечно, что второе рѣшеніе вопроса, представляя только отрицаніе перваго, страдаетъ неопредѣленностью и, при томъ же, основываясь не на естественномъ, присущемъ вещамъ, моментѣ, беретъ точкою опоры ложное мнѣніе обыденнаго мышленія (наивнаго реализма). Это возраженіе правильно, но оно не можетъ быть принято къ руководству ранѣе, чѣмъ наивный реализмъ не потеряетъ всякаго значенія и не перестанетъ облекаться въ форму философскихъ системъ; да и тогда онъ все же таки останется въ качествѣ основной черты характера той теоріи познаванія, которая предполагается обыденнымъ мышленіемъ. Въ настоящее же время, когда обыденное мышленіе играетъ еще въ философіи весьма видную роль, противуположность наивнаго реализма и феноменализма не можетъ еще быть устранена, и понятіе, даваемое ею объ этихъ противуположныхъ воззрѣніяхъ, вполнѣ удовлетворяетъ имѣющіяся въ виду цѣли.

На вопросъ о происхожденіи знанія существуетъ также два отвѣта, которые въ первоначальномъ видѣ своемъ противупоставляютъ два источника знанія: чувство и разумъ. Ученія, развивающіяся изъ этого противупоставленія, носятъ названіе *сен-*

суализма и *раціонализма*. Замѣняя терминъ сенсуализмъ, потерявшій опредѣленность, вслѣдствіе обычной примѣси къ нему этико-метафизическихъ понятій, терминомъ, яснѣе выражающимъ основную мысль ученія, а именно—терминомъ *«эмпиризмъ»*, Паульсенъ опредѣляетъ тѣ элементы, изъ которыхъ должны выработаться его идеографическія категоріи, чрезъ соединеніе элементовъ этихъ попарно. Въ результатѣ получается слѣдующая схема идеографическихъ характеристикъ философскихъ міровоззрѣній:

1) эмпирически-реалистическое (наивный реализмъ обыденнаго мышленія),

2) эмпирически-феноменалистическое (Локкъ, Юмъ),

3) раціоналистически-реалистическое (Декартъ и его послѣдователи),

4) раціоналистически-феноменалистическое (Кантъ).

Вникая въ смыслъ противупоставленія феноменализма и реализма, нельзя не замѣтить, что противупоставленіе это сведено у Паульсена на противупоставленіе *наивнаго реализма* обыденнаго мышленія *критическому реализму* науки, такъ что строго послѣдовательный или крайній идеализмъ, собственно идеализмъ грёзъ (Traumidealismus), исключенъ изъ приведенныхъ выше категорій, и схема можетъ поэтому показаться неполною. Но исключеніе крайняго идеализма Паульсенъ мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что право на существованіе такого идеализма представляется еще сомнительнымъ, пока возможность поглощенія мышленіемъ всякой дѣйствительности остается недоказанною. Исключенъ также изъ паульсеновской схемы и скептицизмъ, по той причинѣ, что послѣдовательное проведеніе основной его идеи—неразличенія знанія отъ незнанія—потеряло въ наше время всякое основаніе и не имѣетъ представителей въ европейской философской литературѣ.

Идеографическія категоріи Паульсена, не вытѣсняя хронографическихъ и топографическихъ, какъ то имѣетъ въ виду и самъ Паульсенъ, должны принести разработкѣ философскихъ вопросовъ много пользы. Достаточно указать, во-первыхъ, на значеніе ихъ при оріентировкѣ среди философскихъ воззрѣній и, во-вторыхъ—на разсѣяніе тѣхъ сужденій о такъ-называемыхъ «измахъ», сужденій, имѣющихъ у насъ совершенно особенное значеніе. Что касается оріентировки, то идеографическія категоріи съ поразительною очевидностью обнаруживаютъ сродство такихъ міровоззрѣній, которыя, вслѣдствіе различія ихъ топографическихъ и хронографическихъ свойствъ и наименованій, могли казаться и часто казались коренньмъ образомъ различными, такъ что не бросающееся въ глаза сродство ихъ должно было явиться только какъ результатъ анализа и болѣе или менѣе сложныхъ доказательствъ. Категоріи Паульсена очень упрощаютъ этотъ вопросъ: онѣ сразу показываютъ, что, напримѣръ, позитивизмъ Конта и научная философія групы Авенаріуса одинаково относятся къ категоріи эмпирическаго феноменализма и что

только упрежденіе въ развитіи послѣдняго надъ первымъ полагаетъ между ними хронографическое различіе и возводитъ міровоззрѣніе «научной философіи» на высоту совершенно-самоопредѣлившагося *критическаго* реализма, тогда какъ неопредѣлившійся еще характеръ позитивизма допускаетъ возможность смѣшенія его съ совершенно чуждою ему категоріею—*эмпирическимъ* реализмомъ. Что касается выясненія вопроса о пресловутыхъ «измахъ», то услуга идеографическихъ категорій заключается, по отношенію къ этимъ «измамъ», главнымъ образомъ, въ томъ, что онѣ неопровержимо ясно доказываютъ неизбѣжность того или иного «изма» для всякаго міровоззрѣнія *безъ исключенія*. Идеографическія категоріи оставляютъ вопросъ о томъ, какой «измъ» преодолѣетъ остальные—открытымъ, но онѣ окончательно устраняютъ мечты о такой философіи, которая бы могла стоять выше всякихъ «измовъ». Выясняя до очевидности, что «измы» вовсе не являются результатами искуственности, вносимой въ разработку философіи, какъ думаютъ нѣкоторые, категоріи Паульсена, напротивъ того, приводятъ къ необходимости примиренія съ тѣмъ или другимъ «измомъ» во всякой философіи и разъ навсегда отнимаютъ у огульнаго осужденія «измовъ» всякое значеніе. Вникнувъ внимательно въ основной смыслъ характеристикъ, даваемыхъ категоріями Паульсена, нетрудно убѣдиться, что лишенная всякихъ «измовъ» философія можетъ мыслиться только *какъ понятіе*, т. е. какъ нѣчто, лишенное всѣхъ признаковъ конкретности и индивидуальности, и, слѣдовательно, какъ нѣчто, неимѣющее и не могущее имѣть непосредственно соотвѣтствующаго себѣ объекта въ дѣйствительности. Съ исчезновеніемъ такого реальнаго объекта исчезаютъ и тѣ мечты о поглощеніи, какъ принципіальномъ, такъ и фактическомъ, всѣхъ философскихъ направленій, «единымъ міросозерцаніемъ». Химера такого поглощенія могла грезиться Ог. Конту только вслѣдствіе крайняго несовершенства или, вѣрнѣе, младенчества его психологической теоріи, игнорирующей значеніе элемента воли, что въ настоящее время совсѣмъ немыслимо. Вмѣсто мечты о поглощеніи всѣхъ міросозерцаній однимъ, все болѣе и болѣе обозначается тотъ несомнѣнный фактъ, что одинъ изъ «измовъ», и именно соотвѣтствующій научной философіи, можетъ получить такое значеніе, что всѣ остальные «измы» потеряютъ возможность существовать и развиваться, не питаясь его крохами и такъ или иначе не считаясь съ нимъ. Этотъ «измъ» опредѣляется идеографически, какъ «эмпирическій феноменализмъ», хронографически, какъ «критическій реализмъ», и топографически, какъ позитивизмъ или научная философія, и неизмѣнно сохраняетъ тѣ конкретные и индивидуальные признаки, которые начинаютъ всякое поползновеніе къ абсолютному единству и поглощенію въ немъ всего остальнаго, своеобразно конкретнаго и индивидуальнаго [1].

[1] Упомянутый выше журналъ «Kosmos» отнесся къ воззрѣніямъ Паульсена съ большимъ одобреніемъ (статья проф. Гюнтера), хотя далеко не охватилъ

Мнѣ остается теперь остановиться съ нѣкоторою подробностью еще на одной статьѣ, имѣющей общее значеніе и отличающейся новостью разсматриваемаго ею предмета. Статья эта подписана Рилемъ и помѣщена въ 1-й книжкѣ журнала. Предметъ ея—«современная англійская логика». Особенность и новость этой логики заключается въ приложеніи къ ней алгебрическихъ пріемовъ. Точки соприкосновенія алгебры и логики были уже замѣчены Декартомъ; новая разработка логики была поставлена на очередь Ж. Бернулли и осуществлена въ новѣйшее время Боолемъ (1854) и, наконецъ, доведена до высокой степени совершенства Дживонсомъ (W. Stanley Jevons), въ сочиненіи его «The principles of Science, a treatise on Logik and Scientific method», вышедшемъ въ 1874 году. Между алгеброю и логикою, какъ выяснили эти ученые мыслители, существуетъ нетолько близость, но та и другая могутъ быть слиты въ одно высшее обобщеніе. Простѣйшіе законы понятій и величинъ тождественны. Такимъ образомъ, возникаютъ задачи: представить отдѣльное изложеніе той части алгебры, которая изслѣдуетъ логическую форму соединенія величинъ, независимо отъ численнаго ихъ значенія, и, слѣдовательно, дать то, что обыкновенно называется законами формальной логики.

Преслѣдуя эту цѣль, Бооль перевелъ операціи мышленія на языкъ счисленія и на мѣсто изученія законовъ мышленія поставилъ изученіе законовъ знаковъ. Слѣдствіемъ этого пріема явилось освобожденіе его изслѣдованій отъ всякихъ метафизическихъ и психологическихъ положеній о природѣ разума. Характеръ объективности, сдѣлавшійся съ этого времени присущимъ логикѣ, былъ явленіемъ новымъ въ этой наукѣ, ибо, если объективность и не была уже чуждою логикѣ Аристотеля, то нельзя не замѣтить, что логика эта получала законы мышленія чрезъ отвлеченіе ихъ отъ законовъ языка. Древняя логика, такимъ образомъ, стояла въ близкой связи съ реторикой и грамматикой; направленіе ея было существенно діалектическое. Характеръ такого направленія вытекаетъ изъ того ошибочнаго мнѣнія, что языкъ выражаетъ законы мышленія во всей ихъ полнотѣ и чистотѣ; но мнѣніе это ошибочно. Кромѣ законовъ логическихъ, на законы языка вліяютъ законы физіологическіе — образованіе и соединеніе звуковъ, эстетическіе — благозвучія и симметріи,

---

ихъ значенія и не намекнулъ даже на вытекающія изъ нихъ слѣдствія. Нагляднымъ отрицательнымъ доказательствомъ значенія ихъ можетъ служить статья П. Жанэ объ идеализмѣ (Qu'est ce que l'idéalisme), помѣщенная въ январьской книжкѣ журнала Рибо. Жанэ, не подозрѣвая разнородности принятыхъ характеристикъ, доказываетъ тождество идеализма и спиритуализма, основываясь почти исключительно на двойственномъ значеніи, которое имѣетъ во французскомъ языкѣ слово ésprit. Очевидно, однакоже, что такое смѣшеніе идеографическихъ и топографическихъ категорій есть одно изъ тѣхъ смѣшеній понятій, которыя ведутъ къ наибольшей путаницѣ и затемненію вопросовъ.

психологическіе—выраженія психической жизни. Въ языкѣ отпечатываются не однѣ только мысли и ихъ соотношенія, но и ощущенія. Выработываясь прежде всего, какъ практическое средство сношенія между людьми, языкъ представляется лишь несовершеннымъ орудіемъ по отношенію къ теоретическому пониманію. Выражая мышленіе только отчасти, онъ является причиною того, что и основывающаяся на немъ логика можетъ быть только частью логики вообще. И, такъ какъ, съ другой стороны, языкъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ элементовъ мышленія, и другіе, то пріуроченіе логики къ языку вноситъ въ нее много такого, что относится не къ формѣ мышленія, а къ его содержанію. Выдѣлить этотъ излишекъ и установить систему знаковъ, точно соотвѣтствующую законамъ мышленія, и составляло задачу Бооля и Дживонса, рѣшеніе которой и составляетъ содержаніе статьи Риля. Я не могу, къ сожалѣнію, остановиться теперь надъ изложеніемъ воззрѣній Бооля и Дживонса, какъ потому, что это завело бы меня далеко за предѣлы этой статьи, такъ и по той причинѣ, что имѣю въ виду возвратиться къ этому интересному предмету, говоря о журналѣ Рибо [1].

Замѣчу еще, что идея Бооля и Дживонса можетъ много послужить къ устраненію путаницы изъ рѣшенія вопроса о томъ: въ какой мѣрѣ философское изложеніе можетъ сдѣлаться общедоступнымъ? Несоотвѣтствіе между мышленіемъ и языкомъ, выясненное этими двумя учеными, ясно показываетъ, что популяризація какого бы то ни было философскаго направленія не можетъ не страдать нѣкоторою неполнотою, недосказанностью и неясностью, а точное изложеніе неизбѣжно должно требовать извѣстнаго напряженія мысли и бо́льшихъ или ме́ньшихъ подготовительныхъ знаній и, слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ не удовлетворять требованіямъ общедоступности. Это правило—общее, распространяющееся на всѣ четыре идеографическія категоріи философскихъ воззрѣній, не исключая и обыденнаго мышленія, поскольку оно можетъ принимать философскія формы. Понятно, однако же, что обыденное міросозерцаніе, все же таки, останется самою простою и общедоступною изъ всѣхъ философій, такъ какъ всѣ затрудненія, сопряженныя съ ея пониманіемъ, относятся, главнымъ образомъ, къ формальной ея сторонѣ. Что же касается трехъ остальныхъ философскихъ направленій, то,

---

[1] Поясненіемъ основной идеи Бооля и Дживонса могутъ служить изслѣдованія д-ра Кусмауля (Kussmaul), изложенныя въ только-что вышедшей монографіи его «Die Störungen der Sprache. Versuch einer Pathologie der Sprache». Упомяну мимоходомъ только о примѣрѣ глухонѣмого мальчика, брошеннаго родителями на улицахъ Праги, отданнаго въ училище глухонѣмыхъ и объяснившаго впослѣдствіи примѣты жилья своихъ родителей съ такою опредѣленностію, что они были найдены. Примѣръ сознательнаго мышленія, совершенно независимаго отъ какихъ бы то ни было формъ языка. (Kussmaul, стр. 18).

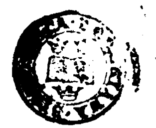
сохраняя всѣ трудности, сопряженныя съ несоотвѣтствіемъ мышленія и языка, они представляютъ еще и тѣ новыя трудности, которыя проистекаютъ изъ противоположности содержанія, доставляемаго ихъ точками зрѣнія (реализмъ, феноменализмъ). Ясно поэтому, что популярность и общедоступность тѣмъ недостижимѣе, чѣмъ болѣе точка зрѣнія философіи удаляется отъ точки зрѣнія обыденнаго мышленія. И если изъ этого не слѣдуетъ, что трудность пониманія свидѣтельствуетъ объ истинности филофскаго воззрѣнія, то еще ошибочнѣе было бы думать, что и общедоступность имѣетъ въ этомъ отношеніи какое-нибудь значеніе. Общедоступность положенія не свидѣтельствуетъ нетолько о его истинности, но даже и о его ясности. Формулы высшей математики или логики Джевонса отличаются чрезвычайною ясностью, но онѣ далеко не общедоступны и ихъ нельзя сдѣлать таковыми. Это—столь же безотрадно, какъ и неотвратимо. Не подлежитъ сомнѣнію, что философія, гордившаяся своею простотою и общедоступностью, обязана была этимъ свойствомъ только тому, что она въ одномъ формальномъ лишь отношеніи отступала отъ обыденнаго мышленія и, по вопросу о значеніи философіи и связи ея съ наукой, спотыкалась на недоразумѣніе. Пора, наконецъ, всѣмъ, занимающимся философіею, усвоить ту мысль Шопенгауэра, что «die Wahrheit ist keine Hure, die sich denen an den Hals wirft, welche ihrer nicht begehren: vielmehr ist sie eine so spröde Schöne, dass selbst wer ihr alles opfert noch nicht ihrer Gunst gewiss seyn darf».

Разсмотрѣнныя четыре статьи новаго журнала даютъ о немъ, какъ я полагаю, довольно полное и опредѣленное понятіе, исчерпывая притомъ же все, что доставляютъ вышедшія двѣ книжки по общимъ философскимъ вопросамъ. Остальныя затѣмъ статьи этихъ двухъ книжекъ относятся къ вопросамъ болѣе частнымъ, хотя и представляютъ для занимающихся философіей весьма много поучительнаго и интереснаго. Статья Гейнце содержитъ весьма обстоятельную критику воззрѣній Альберта Ланге и раскрываетъ во многихъ отношеніяхъ ихъ несостоятельность. Читатель, который обратитъ вниманіе на почти одновременное съ нею появленіе руководящей статьи упомянутаго выше журнала «Kosmos», для автора которой Ланге представляется чуть что не непогрѣшимымъ, вынесетъ изъ сопоставленія этихъ двухъ статей много важныхъ уроковъ. Далѣе статья Виндельбанда о «Различныхъ фазисахъ ученія»; Канта—о «Вещи въ себѣ»; Вундта—о «Задачѣ космологіи»; Риля и Либмана—объ «Ученіи о пространствѣ» и, наконецъ, Кольмана—о «Характеристическихъ чертахъ жизни спрутовъ», по поводу которыхъ авторъ затрогиваетъ очень ловко многіе психологическіе вопросы. Въ заключеніе, слѣдуетъ еще упомянуть, что книжки эти заключаютъ въ себѣ нѣсколько рецензій и новый отдѣлъ, называемый «Selbstanzeigen», въ которомъ авторы сами извѣщаютъ о содержаніи и задачахъ

какъ появившихся, такъ и печатаемыхъ своихъ сочиненій. Объявленія этого рода оказываютъ читателямъ важныя услуги. Они печатаются только съ согласія редакціи.

Таковъ новый философскій журналъ, которому мы не можемъ не пожелать наилучшаго успѣха и наибольшаго распространенія въ средѣ нашей интеллигенціи.

Ѳ. Лесевичъ.



ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Дѣятельность новаго министерства.—Гуртовыя смѣны чиновниковъ.—Легитимисты и Мак-Магонъ.—Толки объ оставленіи маршаломъ поста президента республики.—Тьеръ и Гамбетта.—Дѣятельность 363 депутатовъ въ провинціи.—Министерскіе циркуляры и распоряженія.—Нарушенія различныхъ правъ свободы.—Непоколебимое спокойствіе націи.—Протестъ торговцевъ и промышленниковъ.—Средства и истинная цѣль реакціи.

Лучшимъ доказательствомъ того, что переворотъ 16-го мая произошелъ не по внезапному рѣшенію маршала, какъ хотѣли бы въ этомъ всѣхъ увѣрить реакціонеры, а приготовлялся исподоволь и издавна, служитъ то, что новому министерству было достаточно только 15-ти дней, чтобы произвести коренное измѣненіе во всемъ административномъ и судебномъ персоналѣ. Маршалъ, который, при прежнихъ министрахъ, такъ медленно поддавался убѣжденіямъ въ необходимости смѣны нѣсколькихъ лицъ изъ самыхъ непріязненныхъ конституціи, съ легкимъ сердцемъ сталъ подписывать ежедневно чуть не по сотнѣ декретовъ, которыми или отнималась власть у республиканцевъ, или предоставлялась приверженцамъ которой-нибудь изъ трехъ борющихся между собою монархическихъ партій. Такъ какъ при этомъ, по обыкновенію, самый лакомый кусокъ выпалъ на долю бонапартистовъ, то нельзя было и думать, что коренное это измѣненіе чуть не всей администраціи во Франціи не вызоветъ какъ въ орлеанистахъ, такъ и въ легитимистахъ нѣкотораго неудовольствія. И дѣйствительно, неудовольствіе это приняло довольно значительные размѣры въ обѣихъ этихъ партіяхъ, и преимущественно въ средѣ легитимистовъ, которые сочли нужнымъ отправить, подъ предводительствомъ неизмѣннаго Шенелона, бывшаго торговца свиньями, а нынѣ сенатора, депутацію къ министрамъ де-Брольи, де-Мо и де-Фурту, которая заявила, что крайніе правые только

въ такомъ случаѣ будутъ на сторонѣ новаго министерства, когда хотя одному изъ ихъ членовъ будетъ уступленъ министерскій портфёль и когда маршалъ обязуется, что не станетъ хлопотать ни о пожизненномъ президенствѣ, ни о продленіи срока своихъ полномочій послѣ семи лѣтъ. Де-Брольи, однако, не стòило большаго труда убѣдить недовольныхъ, что уступка имъ одного изъ министерскихъ мѣстъ *немедленно* выказала бы передъ цѣлой Франціей, что дѣятельность ихъ не безкорыстна и основана на честолюбіи, а, главное, указала бы на раздоръ въ самой средѣ реакціи, захватившей власть, чтò необходимо скрывать въ виду союза республиканцевъ. Что же касается желанія ихъ, чтобы власть президента республики не была продолжена далѣе 1880 года, то имъ обѣщаны всякія гарантіи, что Мак-Магонъ не пожелаетъ оставаться на своемъ постѣ далѣе этого срока, уступивъ его тому изъ претендентовъ, который съумѣетъ овладѣть престоломъ. Делегаты, неособенно довѣряя обѣщаніямъ де-Брольи, потребовали аудіенціи у самого Мак-Магона, и онъ высказалъ имъ приблизительно слѣдующее: «Я не намѣренъ допускать никакихъ перемѣнъ въ составѣ кабинета, такъ какъ онѣ были бы истолкованы въ смыслѣ измѣненій въ политикѣ. Кандидатамъ изъ легитимистовъ, какъ главнѣйшимъ изъ консерваторовъ на предстоящихъ выборахъ, повсюду, гдѣ бы только они ни представились съ нѣкоторою вѣроятностью на успѣхъ избранія, будетъ оказана твердая и открытая поддержка со стороны правительства. Что же касается продленія моей власти послѣ 1880 года, то я думаю, что тогда вы первые станете меня объ этомъ просить». Такимъ образомъ, напечатанъ былъ отвѣтъ маршала въ англійскомъ «Times», гдѣ приведено и слѣдующее окончаніе его рѣчи, перепечатанное въ монархической «Union», которое, какъ должно думать, было только продиктовано лондонскому корреспонденту, въ видахъ успокоенія общественнаго мнѣнія какъ во Франціи, такъ и заграницей: «Я не стану оказывать содѣйствія никакой насильственной попыткѣ... никакой монархической или имперіалистской реставраціи. У меня немало воспоминаній, связывающихъ меня съ имперіей, какъ и связывающихъ меня съ легитимистами. Съ орлеанистами я въ отличныхъ отношеніяхъ, которыя желаю сохранять и впредь, но я не соглашусь ни на что, чтò способствовало бы къ реставраціи, все равно, императорскаго ли принца, или графовъ Шамбора и Парижскаго... До 1880 года я облеченъ опредѣленною властью на основаніи конституціи и буду пользоваться ею вполнѣ сообразно съ обстоятельствами, но я не поступлюсь ею въ пользу какой бы то ни было попытки, противной конституціоннымъ законамъ, которымъ и вы также подчинены. *Точно также и отъ васъ я не потребую никакихъ жертвъ.* Можетъ быть, мнѣ будетъ необходимо потребовать распущенія палаты. Если вы мнѣ поможете достигнуть этого распущенія, то я воспользуюсь имъ наилучшимъ образомъ. *Если же*

вы мнѣ въ немъ откажете, то, имѣя противъ себя изъ трехъ двѣ силы, я оставлю власть». Мы увидимъ далѣе, что, при объясненіи отъ имени министровъ передъ палатами, о послѣднемъ рѣшеніи маршала не было упомянуто ни слова, такъ что, если онъ и говорилъ что-либо подобное легитимистскимъ делегатамъ, то эти слова его помѣщены въ иностранной газетѣ для того, чтобы вызвать въ средѣ конституціонистовъ сената согласіе на распущеніе. Въ палатахъ же объ этомъ не было упомянуто потому, что, заручившись предварительно необходимыми для распущенія голосами, новые министры не сочли удобнымъ упоминать о рѣшеніи президента, чтобы не придавать характера формальнаго обязательства со стороны маршала выходу его въ отставку, въ случаѣ если новые выборы будутъ настолько же благопріятны для республиканцевъ, какъ февральскіе 1875 г.

Нужно замѣтить, что наканунѣ 16-го мая угроза отставкою Мак-Магона, сколько можно судить по оффиціознымъ органамъ, должна была служить главнѣйшимъ орудіемъ для заручёнія голосами той части избирателей безъ опредѣленныхъ мнѣній, которые всегда голосуютъ за существующее правительство, изъ боязни неизвѣстности, которая должна послѣдовать за его паденіемъ. Въ настоящемъ случаѣ этого опасенія, впрочемъ, не могло существовать. Имя Тьера, какъ наслѣдника власти Мак-Магона съ іюня, еслибы сенатъ не согласился на распущеніе, или съ октября, если новые выборы оказались бы въ пользу республиканцевъ, облетѣло всю Францію, не возбуждая ни въ комъ никакихъ опасеній. Напрасно реакціонеры указывали, какъ на препятствіе для занятія президентскаго поста, на преклонный возрастъ маленькаго буржуа и даже распространяли слухи объ его смерти. Здоровье Тьера, какъ на зло, никогда не было столь цвѣтущимъ, какъ въ настоящее время, а аргументъ о возможности близкой смерти 80-тилѣтняго человѣка падалъ самъ собою передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что и Тьеру былъ готовъ наслѣдникъ въ лицѣ Греви. Греви, бывшій президентъ бордоско-версальскаго собранія и президентъ настоящей палаты депутатовъ, принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые пользуются полнѣйшимъ довѣріемъ самыхъ трусливыхъ буржуа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляютъ собою всѣ данныя, что, достигнувъ власти, станутъ ею пользоваться вполнѣ честно и демократично. Порукою въ этомъ служитъ знаменитое его заявленіе 1848 года противъ безъотвѣтственнаго и независимаго отъ парламента президенства. Со стороны республиканцевъ противъ этихъ именъ не можетъ возникнуть никакого противодѣйствія. Мало того: глава всей республиканской партіи, Гамбетта, котораго реакціонеры постоянно стараются выставить честолюбцемъ, только и думающимъ о томъ, какъ бы занять постъ Мак-Магона, выставилъ прямо и просто отъ лица всей своей партіи возможность кандидатуры Тьера. Принимая депутацію студентовъ, пришедшую къ нему для поздравленія съ успѣхомъ его рѣчи, направ-

ленной противъ происковъ ультрамонтановъ, въ первыхъ числахъ іюня, онъ сказалъ: «Въ настоящую минуту мы переживаемъ ожесточенную войну, объявленную всѣми сторонниками прежнихъ порядковъ, отжившихъ кастъ и привилегій такъ же, какъ и агентами римской теократіи, дѣтямъ республики 89-го года. Что бы ни произошло, страна будетъ призвана для произнесенія своего рѣшенія. Продолжать далѣе агонію всѣхъ интересовъ Франціи невозможно. Тѣ, кто вызвалъ страну на произнесеніе ея рѣшенія, должны будутъ ему покориться. Я не хочу оскорблять ихъ сомнѣніемъ въ томъ, что они постараются этого избѣгнуть. Страну хотѣли запугать отставкой главы государства... но въ средѣ республиканцевъ немало знаменитыхъ людей, которые въ состояніи быть вполнѣ конституціонными президентами республики. Одного изъ такихъ людей, уже занимавшихъ этотъ высокій постъ, мы видѣли на дѣлѣ и видѣли, съ какой простотой, самоотверженіемъ и величіемъ лицо это оставило свой постъ, когда это было нужно. Вѣроятно, и другіе сочтутъ своимъ долгомъ поступить, въ свое время, сообразно такому высокому примѣру... Будемъ же ждать терпѣливо; новые выборы сдѣлаютъ Францію свободною».

363 депутата, подписавшіе манифестъ къ странѣ, отъ имени всѣхъ лѣвыхъ, разославъ его въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ по всей Франціи къ отдѣльнымъ избирателямъ и къ цѣлымъ групамъ департаментскихъ депутацій, снабдили его циркулярами, въ которыхъ указали на то, какъ легко и безъ всякихъ замѣшательствъ произведено было замѣщеніе Тьера Мак-Магономъ, и выразили увѣренность, что и замѣна первымъ послѣдняго, удовлетворяющее всѣмъ желаніямъ общественнаго мнѣнія, произойдетъ также легко и удобно. Замѣчательно, что въ этихъ объясненіяхъ съ народомъ наиболѣе жосткими въ сужденіяхъ о президентѣ 24-го мая 1873 года, проявившимъ 16-го мая 1877 года стремленіе къ единоличной власти, являются не непримиримые, а наиболѣе умѣренные члены лѣваго центра, какъ напримѣръ, графъ Орасъ де-Шуазель, депутатъ департамента Сены и Марны, намекающій о томъ, что маршалъ былъ при Седанѣ, а между тѣмъ Франція «шесть лѣтъ озабочена изглаженіемъ воспоминанія о седанской капитуляціи». Всѣ депутаты въ своихъ циркулярахъ, при разнообразіи внѣшнихъ ихъ формъ, согласно заявляютъ, что только при республикѣ возможенъ во Франціи общественный порядокъ и внѣшній миръ, долгое же господство воскресшаго правительства борьбы приведетъ непремѣнно за собою какъ внутреннія междоусобія, такъ и войну. Никто не счелъ нужнымъ скрывать отъ избирателей важное значеніе возникшей борьбы. «Настоящій кризисъ, пишетъ Жюль Мань (депутатъ отъ Верхней Луары):—яркій эпизодъ великой борьбы, около ста лѣтъ происходящей во Франціи, борьбы свѣта съ мракомъ, прогресса съ реакціей, свободы съ деспотизмомъ, равенства съ привилегіей, мира, согласія и братства съ войной, раздоромъ и ненавистью, чутъ

не цѣлой страны съ ничтожною горстью меньшинства». «Если законъ, конституція и всѣ великіе принципы нашей страны подверглись нападенію, говорилъ своимъ избирателямъ бывшій хранитель печати Мартель:—то вы съумѣете защитить ихъ!» Іонскій депутатъ Гюишаръ пишетъ къ своимъ избирателямъ: «Выборы должны рѣшить, хочетъ ли Франція быть управляема закономъ, или она согласна на господство папы и іезуитовъ». Мелье, депутатъ Сены и Марны, заявляетъ въ своемъ циркулярѣ: «Настоящій кризисъ, это — послѣдняя судорога военно-жреческой цивилизаціи... Франція умѣла выходить побѣдительницей изъ испытаній болѣе печальныхъ и продолжительныхъ; настоящее—скоротечно и результатъ его будетъ рѣшительнымъ». Ненарушимость республиканскаго союза передъ общей бѣдой лучше всего выражена въ циркулярѣ, подписанномъ Мадье де-Монжо вмѣстѣ съ депутатами, на которыхъ онъ еще недавно смотрѣлъ чуть не какъ на враговъ. «Передъ оффиціальнымъ заявленіемъ, говорится въ немъ:—правительства, стремящагося къ единоличной власти, передъ возникновеніемъ новаго министерства борьбы—нѣтъ мѣста для какихъ либо препирательствъ между республиканцами; всякіе оттѣнки мнѣній должны стушеваться при исключительной заботѣ объ общественномъ спасеніи, и всѣ республиканскія фракціи должны въ настоящее время соединиться въ одно нераздѣльное и могучее республиканское единство!»

Съ своей стороны, «честные люди» 16-го мая озаботились, кромѣ учрежденія цѣлой арміи кулачныхъ рыцарей въ администраціи, и заготовленіемъ полной уймы всяческихъ мѣръ для зажатія ртовъ оппозиціи и устрашенія страны. Первый циркуляръ герцога де-Брольи, ставшаго министромъ юстиціи, заключалъ въ себѣ такія назначенія въ судебномъ вѣдомствѣ, цѣлью которыхъ, обставить суды какъ генеральными прокурорами, такъ и цѣлой сворой «обвинителей» и «исполнителей» такого закала, чтобы они могли бы съ честью и легкимъ сердцемъ вести хроническую облаву противъ всякаго свободнаго слова въ печати или изустной рѣчи ораторовъ. Не опасаясь огорчить роялистовъ, которые дѣйствительно и протестовали, и доставивъ громадное удовольствіе бонапартистамъ, де-Брольи теоретически заявляетъ что «великое рѣшеніе 16-го мая, легальное примѣненіе къ практикѣ одной изъ прерогативъ президентской власти — ничего не измѣняетъ въ учрежденіяхъ, установившихъ республику»; но, какъ инсинуируетъ онъ далѣе, прокуратура, очищенная отъ всякой примѣси республиканскаго элемента, не должна думать, что ей придется охранять «ярлыкъ» правительства или бороться съ явными стремленіями къ реставраціи сторонниковъ Генриха V, Луи-Филиппа II или Наполеона IV, такъ какъ ея долгомъ представляется охранять нѣчто гораздо высшее всяческихъ конституцій, а именно: великіе принципы нравственности, религіи и собственности». Преслѣдованію судебной власти этимъ циркуляромъ особенно рекомендуется: «оскорбленіе противъ главы го-

сударства», «толки, распускаемые въ видахъ смущенія страны о возможности войны съ дружественными державами», и «ложные слухи», какъ послѣдніе понималъ декретъ 1852 года, отмѣненный палатою депутатовъ, но еще дѣйствующій, такъ какъ отмѣны этой сенатъ утвердить не успѣлъ—т. е. опубликованіе всякаго недоказаннаго факта, который можетъ повредить правительству или даже просто показаться ему непріятнымъ... Что генеральные прокуроры, получивъ такой министерскій циркуляръ, стали употреблять всяческія усилія, чтобы помѣшать депутатамъ публично говорить или печатать объясненія настоящаго кризиса, объ этомъ и говорить нечего, но, къ сожалѣнію, прямыя судебныя преслѣдованія противъ нихъ, безъ испрошенія предварительно на ихъ начатіе согласія палаты—невозможны, а потому они и изобрѣли способъ дѣйствовать противъ нихъ косвенно, подвергая суду исправительной полиціи тѣ газеты, въ которыхъ печатались письма депутатовъ. Самихъ депутатовъ не приглашали на эти процессы даже въ качествѣ свидѣтелей, а если кто либо изъ нихъ являлся, какъ адвокатъ, защитникомъ подсудимыхъ, то ему не давали возможности объясняться. Три или четыре подобные процесса вызвали значительный взрывъ негодованія общественнаго мнѣнія, да и не принесли никакой существенной пользы реакціи, такъ какъ начаты были поздно, когда цѣлыя сотни обличительныхъ писемъ 363 депутатовъ были уже напечатаны заразъ чуть на въ ста газетахъ, а, такъ какъ всѣхъ ихъ судить сразу оказалось невозможнымъ, то процессы этого рода и прекратились. Притягивать къ суду либеральныя газеты, кромѣ того, стало еще весьма затруднительнымъ, такъ какъ чуть не всѣ онѣ, по примѣру «Temps» и «Journal des Débats», приняли ироническій тонъ, и хотя на маршала и новый кабинетъ ежедневно въ нихъ появляются десятками ядовитѣйшія насмѣшки, но форма статей обыкновенно такая, къ которой почти невозможно придраться. Только въ «Marseillaise» да въ «Radical», не съумѣвшихъ удержаться въ такихъ границахъ, можно было найти фразы, заключавшія значительное оскорбленіе Мак-Магона, за что редакторы ихъ и были подвергнуты огромному штрафу и продолжительному тюремному заключенію, а «Radical», судившійся и при министерствѣ Симона, могъ быть, какъ рецидивистъ, пріостановленъ на шесть мѣсяцевъ.

Разсчитывая на неосторожность языка нѣкоторыхъ ораторовъ-депутатовъ или радикальныхъ кандидатовъ будущихъ выборовъ, правительство обратило частныя собранія въ публичныя, сдѣлавъ обязательнымъ присутствіе на нихъ полицейскихъ агентовъ. Цѣлью его приэтомъ было желаніе засадить хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ къ сроку выборовъ въ тюрьму и тѣмъ избавить своихъ сторонниковъ отъ опасныхъ конкурентовъ, а если возможно, то вызвать и вообще въ массахъ недовольство и безпорядки. Но это ему не удалось, такъ какъ полиція, отъ избытка усердія, съ одной стороны, стала запрещать даже простыя публичныя лекціи, а съ

другой—на дозволяемыя ею собранія стала отряжать такихъ своихъ агентовъ, которые всѣмъ извѣстны, какъ отъявленные шпіоны. Поэтому, демократы рѣшили отложить всяческія свои собранія до болѣе благопріятнаго времени. Травля радикаловъ удалась полиціи въ одномъ только случаѣ; но правительство такъ ему обрадовалось и накинулось съ такою ненужною жестокостью на неосторожнаго оратора, что случай этотъ, весьма печальный для пострадавшаго лица, научилъ только республиканцевъ еще бо́льшей осторожности. Я говорю о дѣлѣ съ Бонне-Дюверцье, президентомъ парижскаго муниципальнаго совѣта, который былъ на улицѣ внезапно арестованъ, а потомъ десятою палатою исправительной полиціи присужденъ къ двумъ тысячамъ франковъ штрафу и къ 15-ти-мѣсячному заключенію, по доносу полицейскаго шпіона за то, что на частномъ собраніи въ Сен-Дени, въ зданіи муниципалитета, произвелъ весьма нелестную оцѣнку событія 16-го мая, выразилъ сомнѣніе въ справедливости полученія Мак-Магономъ раны при Седанѣ, избавившей его отъ необходимости принять участіе въ капитуляціи, и—что́, впрочемъ, на судѣ было вполнѣ опровергнуто—сдѣлалъ жестъ, которымъ будто бы хотѣлъ выразить, что маршалъ заслуживаетъ разстрѣлянія. Противъ ожиданія правительства, парижскій муниципальный совѣтъ—весьма ему непріятный—послѣ этого случая, не счелъ необходимымъ разойтись. Точно такъ же привительству не удалось вызвать нималѣйшихъ безпорядковъ ни въ Ліонѣ, ни въ Марсели, гдѣ оно желало бы имѣть хоть какой-нибудь предлогъ какъ для закрытія враждебныхъ ему муниципальныхъ совѣтовъ, такъ и для объявленія обоихъ этихъ большихъ городовъ на осадномъ положеніи.

Нѣсколько весьма извѣстныхъ комунаровъ, не постыдившихся въ Женевѣ присоединиться къ имперіалистскимъ соціалистамъ, появились внезапно въ этихъ городахъ, а можетъ быть, были даже нарочно и вызваны для произведенія возбужденія къ безпорядкамъ. Но о появленіи ихъ тотчасъ же увѣдомили публику всѣ республиканскіе журналы, а предсѣдатели двухъ избирательныхъ ронскихъ совѣтовъ, окружнаго и генеральнаго, вмѣстѣ съ президентомъ совѣта муниципальнаго, подписали общее заявленіе къ гражданамъ, въ которомъ выразили, что «всякое лицо, которое неосторожными словами или дѣйствіями подастъ поводъ къ правительственнымъ притѣсненіямъ, будетъ считаться отнынѣ или шпіономъ, или сумасшедшимъ». Такое заявленіе было весьма раціонально, такъ какъ реакція въ настоящую минуту болѣе всего нуждается въ возникновеніи безпорядковъ, безъ чего, запрещая теперь частныя собранія и преслѣдуя газеты, оно лишено возможности придерживаться той же системы во время избирательнаго періода—даже въ главнѣйшихъ республиканскихъ центрахъ, если въ нихъ предварительно не будетъ объявлено осадное положеніе.

Но если сторонники радикализма рѣшительно не желаютъ,

ради удовольствія правительства борьбы, второго исправленнаго и умноженнаго изданія, представлять собою въ лицахъ *гидру революціи*, то «спасительное событіе 16-го мая» вызвало цѣлый рядъ возстаній торговцевъ и промышленниковъ какъ въ одномъ изъ парижскихъ кварталовъ, такъ и въ пятидесяти другихъ значительныхъ промышленныхъ центрахъ Франціи, гдѣ зажиточные буржуа скопами составляютъ жалобы къ Мак-Магону и петиціи въ палату, въ которыхъ заявляется, что «внезапный и никѣмъ неожиданный переворотъ въ политикѣ произвелъ во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ самый пагубный застой, породилъ всеобщее и ко всему недовѣріе». Члены всѣхъ комерческихъ судовъ и учрежденій, являясь къ новымъ префектамъ или прощаясь съ старыми, единогласно это подтвердили. Напрасно маршалъ, при своемъ посѣщеніи Марсоваго Поля и площади Трокадеро, старался увѣрять, что всемірная выставка будетъ открыта въ будущемъ году, а во время поѣздки своей въ Компьень, за которой предполагалъ сдѣлать, какъ это было объявлено, нѣсколько другихъ, неосуществившихся, утверждалъ, что въ сохраненіи внѣшняго мира не можетъ существовать никакихъ сомнѣній и что измѣненія въ политикѣ вызваны главнѣйше въ видахъ усиленія земледѣлія, промышленности и торговли—ему никто не повѣрилъ, какъ не повѣрили и де-Фурту, который, при пріемѣ биржевыхъ агентовъ, увѣрялъ, что «управленіе маршала, это—миръ и порядокъ». Въ «Оффиціальномъ Журналѣ» появилась даже длинная сообщенная статья, въ которой доказывалось, что, если промышленность и торговля и переживаютъ для себя въ настоящую минуту кризисъ, то кризисъ этотъ вызванъ общими причинами: дурнымъ положеніемъ рынка въ Америкѣ и восточною войною, а 16-е мая нетолько его не усилило, но даже ослабило его вліяніе на Францію. Несмотря на это, фабриканты продолжаютъ ограничивать число своихъ рабочихъ, а торговцы — подписывать новыя петиціи. Чтобы разомъ прекратить агитацію, одинъ изъ наиболѣе рьяныхъ подпрефектовъ (въ Вьеннѣ, Изерскаго Департамента) придумалъ даже весьма остроумный способъ: онъ потребовалъ судебнаго преслѣдованія мѣстной газеты за помѣщеніе въ ней адреса почетнѣйшихъ гражданъ, которыхъ за подписаніе адреса таскали къ допросу судебныхъ слѣдователей и осмѣлились даже потребовать у нихъ торговыя книги, для повѣрки, дѣйствительно ли ими понесены за послѣднее время значительные убытки!

Мировые судьи, составъ которыхъ также радикально обновленъ де-Фурту, по распоряженію генеральныхъ прокуроровъ, занялись усиленною травлею уличныхъ продавцовъ листковъ «съ печатнымъ выраженіемъ сочувствія къ нѣкоторымъ групамъ сената и распущенной палаты депутатовъ» или «наполненныхъ преувеличенными слухами о торговыхъ и промышленныхъ за-

трудненіяхъ». По всей Франціи зарыскали жандармы, наводя страхъ на жителей деревень, и безъ пользы для реакціи, такъ какъ о продажѣ означенныхъ листковъ нельзя составлять протоколовъ, ибо всѣ они — перепечатки петицій, составленныхъ законнымъ образомъ. Подобно тому, какъ въ самое злосчастное время декабрскаго переворота, запрещено было распространять какимъ бы то не было образомъ печатныя выраженія общественнаго мнѣнія, неблагопріятныя для правительства, на основаніи диктаторскаго декрета, изданнаго въ ту эпоху, и нынѣ стало значительно опасно высказывать мнѣнія о маршалѣ и новомъ кабинетѣ, во всякомъ публичномъ мѣстѣ. Де-Фурту издалъ циркуляръ, которымъ учрежденъ надзоръ надъ винными погребками, кофейнями, театрами и всѣми мѣстами, гдѣ собирается публика въ видахъ «воспрепятствованія распространенію въ нихъ ложныхъ слуховъ, направленныхъ къ нарушенію общественнаго спокойствія и порядка». Такимъ образомъ, всякій слишкомъ громкій разговоръ можетъ, по доносу перваго полицейскаго шпіона, навлечь на разговаривающихъ непріятность ареста, а на хозяина кофейни, уже рѣшительно ни въ чемъ неповиннаго, опасность, что его заведеніе будетъ запечатано. Нѣкоторые изъ префектовъ, по примѣру неустрашимаго паши департамента Верхней Луары, де-Нерво, написавшаго распоряженіе, объ усиленіи надзора надъ кофейнями въ такой грубой формѣ, что само начальство нашло это распоряженіе «черезъ чуръ неловкимъ», проявили такой актъ насилія надъ частною собственностью, подобныхъ которому мало найдется въ цѣлой исторіи Франціи. Они приказали отобрать у всѣхъ содержателей общественныхъ заведеній разрѣшенія, полученныя ими на ихъ открытіе при предшествовавшихъ префектахъ, и предоставили себѣ право, на основаніи своего личнаго произвола—лишить нѣкоторыхъ изъ такихъ содержателей законно полученнаго ими права! Всѣ народные клубы, за исключеніемъ, конечно, католическихъ, ростущихъ, какъ грибы, особенно на югѣ Франціи, закрыты сразу. Въ Ніорѣ большое кафѐ было закрыто единственно за то, что въ немъ избиратели депутата Антонена Пруста угостили его пуншемъ! Въ Марсели закрыты три клуба, въ которыхъ демократы собирались для игры въ домино, а въ самомъ Парижѣ закрытъ извѣстный клубъ въ Пасси, въ которомъ читались превосходныя научныя лекціи для рабочихъ и представителемъ котораго былъ депутатъ докторъ Мармоттанъ, а почетнымъ президентомъ—сенаторъ Анри Мартенъ, знаменитый авторъ «Исторіи Франціи».

При отсутствіи осаднаго положенія, которое позволяло бы безъ суда пріостанавливать или даже запрещать журналы, де-Фурту снова ввелъ въ административную практику способъ, изобрѣтенный Бюффе, чтобы обойти законъ 1875 года, которымъ отъ префектовъ отнято право запрещенія уличной прода-

жи газетъ. Всѣхъ уличныхъ продавцовъ и разносчиковъ обязали представленіемъ въ префектуры выданныхъ имъ патентовъ, которые тамъ и застряли. Опасаясь запретить продажу и разноску именно той или другой газеты, префекты отдали назадъ эти патенты только продавцамъ и разносчикамъ большихъ городовъ, а изъ продавцовъ въ городахъ незначительныхъ и деревняхъ только тѣмъ, которые продавали и разносили реакціонные органы. При этомъ были пущены въ ходъ и всякія другія хитрости: такъ, чтобы отнять отъ «Petit Lyonnais», который обладалъ отдѣльною телеграфною проволокою для возможности помѣщать на своихъ столбцахъ, въ 7 часовъ утра, все, что происходило наканунѣ въ Парижѣ и обѣихъ палатахъ до полуночи, важнѣйшій его интересъ, привлекавшій къ нему массы читателей, ему запретили помѣщеніе такихъ телеграммъ, подъ предлогомъ ихъ неточности!

Во времена имперіи, хотя и производились подобныя же преслѣдованія, но жертвы ихъ, по крайней мѣрѣ, всегда находили себѣ защиту въ средѣ честныхъ людей всѣхъ партій. Если правительство запрещало печатаніе книги де-Брольи, конфисковало брошюру герцога Омальскаго или вызывало къ суду исправительной полиціи Монталамбера, всѣ республиканцы единодушно громко протестовали. Точно также и легитимистскіе, и орлеанистскіе органы возмущались, если административный произволъ или судебная несправедливость обрушивались на кого-либо изъ демократовъ. Ничего подобнаго не существуетъ въ настоящее время. Бонапартистскія газеты самымъ безстыднымъ образомъ одобряютъ всякія административныя злоупотребленія правительства борьбы и постоянно подзадориваютъ его на новыя и новыя «изнасилованія легальности», говоря образнымъ языкомъ «Pays». Другія монархическія партіи молчатъ и своимъ молчаніемъ доказываютъ, что онѣ вполнѣ согласны съ доктриной правительства (замѣтьте, все-таки, въ республикѣ), что «противъ республиканцевъ все позволительно». Происходитъ это потому, что у всѣхъ трехъ монархическихъ партій одна и та же почтенная цѣль—вырвать во что бы то ни стало у французскаго народа и страны такое голосованіе при новыхъ выборахъ, которое служило бы опроверженіемъ блестящаго заявленія народной воли въ 1876 году. Главнѣйшій и ближайшій результатъ, котораго хотѣла достигнуть реакція дѣломъ 16 го мая, одинаково дорогъ для всѣхъ монархическихъ партій, для которыхъ правильное развитіе республиканскихъ учрежденій во Франціи равнозначительно постепенной потери всякаго вліянія и всякихъ надеждъ въ будущемъ. Еслибы муниципальные выборы и возобновленіе одной трети состава генеральныхъ совѣтовъ произошли въ настоящемъ году при управленіи либеральнаго министерства, то они подготовили бы образованіе въ 1879 году республиканскаго большинства, что устранило бы возможность столкновеній между двумя палатами, и, при пересмотрѣ конституціи въ 1880

*

году, во Франціи неизбѣжно установилась бы прочно окончательная республика. Чтò же было бы тогда съ тѣмъ сословіемъ, въ которомъ самыя дѣти родятся чуть не министрами? Къ услугамъ различныхъ отпрысковъ благородныхъ семействъ не было бы мѣстъ ни сенаторовъ, ни депутатовъ, ни генеральныхъ совѣтниковъ, которыя можно бы было занимать десятки лѣтъ, не открывая рта и подавая голосъ только въ переносномъ смыслѣ этого слова. Всѣ общественныя должности, занимаемыя теперь потомками проѣвшихся предковъ изъ управляющихъ классовъ, доставались бы людямъ таланта и заслугъ, и порядокъ, тяготѣющій надъ Франціею съ 1800 года въ ущербъ бюджету, такимъ образомъ самъ собою былъ бы разрушенъ. Демократія начинала выдвигаться на первый планъ и, вѣроятно, вытѣснила бы скоро отовсюду тунеядство и деспотизмъ. Будущность начинала принадлежать только труду и таланту. Это не могло нравиться тремъ значительнѣйшимъ нашимъ герцогамъ: Маджентскому, де-Брольи и Деказу, и въ то же время способствовало тому, что всякіе консерваторы, зажмуривъ глаза и очертя голову, согласились подъ ихъ коноводствомъ испытать избирательную ловлю, цѣлью которой было бы появленіе на поверхности русла политической жизни всего того, чтò было низвергнуто сильной рукой народа на самое дно пучины, при февральскихъ выборахъ 1876 года. До тѣхъ поръ, пока легитимисты и орлеанисты не были увѣрены, что представители вторичнаго правительства борьбы пойдутъ на всякія неправды, чтобы добиться реакціоннаго результата выборовъ, они еще требовали отъ него для себя какихъ-нибудь гарантій, не желая, разумѣется, быстраго государственнаго переворота, которымъ воспользовались бы одни бонапартисты, но когда истинные взгляды на будущіе выборы де-Брольи стали вполнѣ извѣстны и когда, съ другой стороны, бонапартисты заявили, что они не желаютъ особенно торопиться съ своей реставраціей и даже согласны подавать свои голоса за легитимистовъ и орлеанистовъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ кандидаты не могутъ разсчитывать на большинство—все пошло какъ по маслу, и пока между всѣми реакціонерами установилось хотя и внѣшнее, но полное согласіе. Рѣшено, что прикрываться именемъ сторонника Мак-Магона на выборахъ будетъ дозволено всѣмъ кандидатамъ монархическихъ партій, которые окажутся достаточно сильными для борьбы съ кандидатами республиканцевъ. Каждая такая кандидатура будетъ оффиціальною, и ея побѣдѣ станетъ усердно способствовать вся администрація и для ея успѣха будутъ пущены въ ходъ всѣ вліянія католическаго духовенства. Послѣднему, конечно, рѣшительно все равно, въ чью пользу ни совершилась бы впослѣдствіи реставрація; ему необходимо только, чтобы какъ можно скорѣе, въ виду со дня на день ожидаемой смерти папы—во Франціи была уничтожена республика и побѣждена демократія. Ему хорошо извѣстно, что, по

уничтоженія республики, какъ бы ни организовалась Франція, она, по силѣ вещей, волей-неволей станетъ цитаделью іезуитизма. Съ тѣмъ же тактомъ, съ какимъ духовенство съумѣло внушить Мак-Магону мысль о переворотѣ 16-го мая, и помогло ему его осуществить, оно предлагаетъ въ распоряженіе правительства, при будущихъ выборахъ, всѣ средства своей образцовой организаціи для ихъ подтасовки; съ тѣмъ же тактомъ оно съумѣло на время притаиться и пріостановить всю свою агитацію, еще такъ недавно волновавшую Францію. Самые ярые изъ епископовъ позволили герцогу Деказу въ телеграммѣ, а де-Фурту въ рѣчи, помѣщенной въ «Journal Officiel», *для виду* выразить, что они собираются противодѣйствовать «кознямъ ультрамонтановъ». Съ минуты, когда друзья ихъ достигли власти, самые краснорѣчивые изъ нихъ какъ бы онѣмѣли. Парижскій архіепископъ Гюиберъ отправляется въ Римъ за благословеніемъ папы французскимъ избирателямъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ клерикальные органы заявляютъ, что будто бы они стали совершенно равнодушны къ притѣсненіямъ, якобы претерпѣваемымъ святѣйшимъ отцомъ отъ итальянскаго правительства. Послѣдователи Лойолы умѣютъ выжидать и воздерживаться; они согласны вызывать противъ себя обвиненія въ полнѣйшей бездѣятельности, если это можетъ помочь имъ довести ихъ заговоръ до конца. Давно ли они оглашали воздухъ своими криками о необходимости войны, и вотъ всѣ ихъ ораторы и публицисты чуть не захлебываются отъ наслажденія, варьируя изустно и печатно на тэму о прелестахъ и необходимости мира. Бѣда народу, если онъ забудетъ то, что они недавно говорили, и повѣритъ искренности того, что говорятъ они теперь! Іезуиты рѣшились раздавить демократію и ни передъ чѣмъ не остановятся для достиженія этой цѣли. Къ сожалѣнію, въ настоящую минуту и положеніе всей Европы таково, что позволяетъ пессимистамъ съ вѣроятностью дѣлать самыя горькія предположенія о ближайшемъ будущемъ Франціи. Зато и удивительный союзъ національныхъ партій республики, и величественное спокойствіе цѣлой страны, начиная съ ея интелигентныхъ вершинъ и кончая массой земледѣльцевъ и рабочихъ, несмотря на то, что никогда еще ни наканунѣ 1789 года, ни наканунѣ 1830-го всѣ классы населенія не были такъ единодушно раздражены—даетъ оптимистамъ весьма вѣскій поводъ надѣяться, что, безъ пролитія даже одной капли крови, предстоящимъ всеобщимъ голосованіемъ жизненная задача Франція будетъ безповоротно рѣшена въ смыслѣ желательной свободы и твердаго вступленія на прочный путь дальнѣйшаго демократическаго развитія.

II.

Рѣчи Гамбетты въ Амьенѣ и Аббевилѣ.—Открытіе палатъ.—Внесеніе въ сенатъ требованія о распущеніи палаты депутатовъ.—Знаменательныя засѣданія 16-го, 18-го и 19-го іюня.—Три обвинительные акта противъ правительства—Гамбетты, Жюля Ферри и Леона Рено.—Жалкая защита министровъ: де-Фурту, Париса и Деказа.—Безобразія бонапартистовъ.—Очередной порядокъ 19-го іюня.

Мѣсяцъ, въ теченіи котораго была закрыта палата депутатовъ, начавшійся неудачной поѣздкой маршала въ Компьень, окончился небольшимъ путешествіемъ Гамбетты въ Амьенъ и Аббевиль. Трибуну пришлось говорить съ публикой во время этой экскурсіи три раза въ два дня, и на одномъ собраніи, гдѣ присутствіе полицейскаго дѣлало невозможнымъ произнесеніе политической рѣчи, онъ съумѣлъ, разбирая критически одну ученую книгу, вызвать въ средѣ присутствовавшихъ единодушный крикъ: «да здравствуетъ разумъ!», что равнялось какъ бы манифестаціи, если принять во вниманіе, что дѣло происходило въ одномъ изъ самыхъ реакціонныхъ и католическихъ угловъ Франціи. На банкетѣ, устроенномъ въ честь его жителями Аббевиля, онъ произнесъ весьма сильную рѣчь, въ которой разсказалъ всю исторію интригъ 24-го мая и 16-го мая и объяснилъ, что для противодѣйствія всѣмъ своекорыстнымъ планамъ честолюбцевъ, ставящихъ на карту судьбы Франціи, достаточно одного «нравственнаго отпора страны» при будущихъ выборахъ, такъ какъ, если на нихъ Франція произнесетъ снова свое рѣшеніе въ пользу республики, то ему уже «всѣ, рѣшительно всѣ (а слѣдовательно, въ томъ числѣ и Мак-Магонъ) обязаны будутъ покориться».

Когда, 16-го іюня, сенаторы и депутаты собрались въ дебаркадерѣ желѣзной дороги для поѣздки въ Версаль—никто изъ республиканцевъ не зналъ, какое рѣшеніе принято маршаломъ и хочетъ ли онъ снова мѣсячнаго распущенія палаты депутатовъ, или, поколебленный взрывомъ общественнаго негодованія нетолько одной Франціи, но цѣлой Европы, онъ съумѣлъ сыскать какой-нибудь благовидный предлогъ для выхода на старый путь изъ своего неловкаго положенія. Сами правые сената были изумлены, когда при открытіи засѣданія, де Брольи сталъ читать посланіе маршала, предлагавшее распущеніе палаты—и даже не рукоплескали. Лѣвые же, при этомъ чтеніи, едва удерживались отъ смѣха и не разъ прерывали чтеніе весьма вѣскими опроверженіями.

Въ палатѣ депутатовъ министерское заявленіе о внесеніи въ сенатъ предложенія о распущеніи было прочитано де-Фурту. Легитимисты выразили нѣкоторое недовольство при словахъ за-

явленія о томъ, что «правительство исполнено полнѣйшаго уваженія къ учрежденіямъ, которыми управляется Франція, и рѣшилась оставить ихъ неизмѣнными». Лѣвые же едва сдерживали свое негодованіе при слушаніи этого заявленія. Оно тотчасъ же, впрочемъ, и прорвалось, вслѣдъ затѣмъ, какъ министръ финансовъ предложилъ распущеннымъ депутатамъ немедленно вотировать утвержденіе прямыхъ налоговъ по четыремъ статьямъ бюджета, что было бы равносильно предоставленію возможности правительству обходиться безъ парламента—до зимы. «Вы сдѣлаете это, сказалъ де-Кальйо:—если не захотите, чтобы во всѣхъ дѣлахъ произошла остановка?»—«Остановку эту произвели вы, а не мы», дружно отвѣчали ему лѣвые.

Какъ предсѣдатель бюджетной комиссіи, Гамбетта отвѣчаетъ министру небрежнымъ, презрительнымъ тономъ, что большинство, не нуждаясь въ совѣтахъ новыхъ министровъ, само уже рѣшило, не желая препятствовать странѣ въ возможности защиты противъ внѣшнихъ враговъ, еслибы таковая была вызвана необходимостью, утвердить кредиты—военный и морской—въ 209.679,000 и 16.720,000. Великодушіе республиканцевъ въ этомъ случаѣ едвали даже было особенно умѣстно. Деньги эти, въ настоящемъ случаѣ, попали въ такія руки, что могутъ быть употреблены даже и на погибель Франціи. Послѣ этого бонапартисты, цѣлью которыхъ было вызвать какъ можно болѣе шума и безпорядковъ въ этомъ засѣданіи, чтобы добиться возможно скорѣйшаго его закрытія, натравили одного изъ легитимистовъ выйти на трибуну и потребовать, чтобы палата до своего расхожденія провѣрила счеты правительства 4-го сентября, хотя счетная палата, что было, вѣроятно, неизвѣстно этому депутату, не нашла въ нихъ никакого дефицита. Гамбетта пользуется этимъ случаемъ и проситъ представителей правительства самихъ заявить объ истинѣ, какъ она есть, и тѣмъ сразу покончить съ клеветой, «которую его враги давно перестали бы уже повторять, если бы сколько-нибудь совѣтовались съ своею совѣстью». Крайніе правые, обидѣвшись этими словами, требуютъ отъ Греви призванія Гамбетты къ порядку. Греви имъ въ этомъ отказываетъ и въ теченіи 10 минутъ сдерживаетъ, съ своего президентскаго кресла, настоящую революцію меньшинства.

Запросъ, поставленный 18-го іюня во главѣ очередного порядка о «министерствѣ 17-го мая, составленномъ изъ лицъ, присутствіе которыхъ въ правительствѣ компрометируетъ внѣшній и внутренній миръ», развивается депутатомъ Бетмономъ отъ лѣваго центра. «24-ое мая было затѣяно, говоритъ онъ:—въ видахъ реставраціи Генриха V-го, которая не удалась, и мы хотѣли бы знать, въ видахъ чьей реставраціи задумано 16-ое мая. Что оно задумано давно, лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить, что достаточно было одной недѣли для коренныхъ измѣненій во всемъ административномъ и судебномъ составѣ, причемъ характеристической чертой каждаго изъ безчисленнаго множества

вновь назначенныхъ чиновниковъ служитъ—ненависть къ республикѣ». Среди безпрестанныхъ перерывовъ Робера Митчеля, навлекшихъ на этого крикуна парламентскую цензуру, ораторъ умѣренныхъ республиканцевъ заключаетъ, что монархическія партіи, по наущенію клерикаловъ, потому затѣяли всю эту неурядицу, что ихъ смущало преуспѣяніе страны, возроставшее чуть не съ каждымъ днемъ при республиканскомъ управленіи. Отвѣчаетъ ему де-Фурту, начиная съ обращенія къ лѣвымъ такихъ словъ: «Вы отказываете намъ въ своемъ довѣріи, но и вы не пользуетесь нашимъ». Лѣвая готова отвѣтить на это свистомъ, но ее удерживаетъ Гамбетта, и что же: всю свою защиту правительственный ораторъ основываетъ на дѣтскихъ обвиненіяхъ противъ того самаго лица, которое даетъ ему возможность продолжать начатую имъ рѣчь. Обязательство передъ бельвильскими избирателями, подписанное Гамбеттой въ 1869 г., служитъ де-Фурту главнѣйшимъ аргументомъ того положенія, что «политика уступчивости—не что иное, какъ замаскированный радикализмъ»—хотя ни подъ одной изъ статей этого обязательства не отказался бы подписаться обѣими руками самый трусливый изъ членовъ лѣваго центра.

Вынужденный обратиться къ прямому объясненію того, что онъ называетъ «спасительнымъ дѣйствіемъ 16-го мая», де-Фурту старается отрицать тѣ взгляды, которые здравый смылъ народа связываетъ съ значеніемъ трехъ монархическихъ партій, вступившихъ въ коалицію. Онъ осмѣливается, кромѣ того, утверждать, что Мак-Магонъ своимъ переворотомъ нетолько не нарушилъ конституціи, но поднялся на ея защиту, и что его слѣдуетъ считать настоящимъ учредителемъ республики во Франціи, такъ какъ онъ вырвалъ ее изъ рукъ радикаловъ, которые загубили бы ее. «Маршалъ, восклицаетъ онъ къ крайнему изумленію правыхъ:—не служитъ никакимъ надеждамъ монархическихъ партій, которыхъ онъ не желаетъ и знать, и не подчиняется никакимъ чуждымъ ему вліяніямъ клерикаловъ». Неосторожность свою онъ доводитъ до того, что вскрикиваетъ: «все это—призраки, изобрѣтенные агитаціею противъ насъ. Мы, такъ же, какъ и другіе:—*друзья Франціи 89-го года*!» Слова эти сопровождаетъ дружный взрывъ хохота лѣвыхъ, ропотъ легитимистовъ и рукоплесканія бонапартистовъ. «Мы—Франція 89-го года, возставшая противъ Франціи 93-го», повторяютъ послѣдніе вслѣдъ за ораторомъ.

Чтобы дискредитировать палату 1876 года, де-Фурту начинаетъ перечислять заслуги собранія 1871-го и съ крайней безтактностью называетъ его «освободителемъ территоріи». «Освободитель территоріи—въ этой залѣ!» прерываютъ лѣвые, и 363 депутата встаютъ, какъ одинъ человѣкъ, обращаясь съ рукоплесканіями къ Тьеру, который, въ свою очередь, поднимается съ мѣста и, утирая слезы радости, благодаритъ своихъ товарищей за эту величественную овацію. Аплодисменты усиливаются и продолжаются, по крайней мѣрѣ, минутъ пять сряду. Такимъ образомъ, пред-

шественникъ «участника седанскаго позора» привѣтствуется національнымъ большинствомъ—какъ вѣроятный его намѣстникъ.

Озадаченный де-Фурту едва собирается съ мыслями, чтобъ продолжать свои обвиненія противъ палаты. Онъ обвиняетъ своихъ враговъ въ распущеніи слуховъ, подрывающихъ довѣріе къ правительству за-границей. хвастается, что онъ съумѣлъ добиться прекращенія агитаціи епископовъ, гораздо успѣшнѣе, чѣмъ его предшественникъ Жюль-Симонъ, утверждаетъ, что никогда стремленіе къ сохраненію внѣшняго мира не было сильнѣе во Франціи, чѣмъ при настоящемъ правительствѣ, и что, наконецъ, «макмагонизмъ» есть нѣчто ни на что въ прошломъ не похожее и ни откуда не заимствованное, а есть ни болѣе, ни менѣе какъ «хорошее правительство», какимъ его желаетъ видѣть Франція.

Въ отвѣтѣ своемъ министру Гамбетта обнаруживаетъ не столько гнѣвъ, сколько крайнее презрѣніе. Съ безпощадной ироніей, какъ бы вскользъ, указываетъ онъ на «политическое убожество» министра, который, при такихъ важныхъ обстоятельствахъ, какія переживаетъ Франція, основываетъ чуть не всю свою аргументацію на такомъ бѣдномъ документѣ, какъ избирательное обязательство 1869 года, и проводитъ параллель между главой государства и «скромнымъ депутатомъ, тогда только выступившимъ на общественно-политическое поприще». Кромѣ этого, онъ говоритъ, между прочимъ, что де-Фурту, упомянувъ *такъ кстати* объ освобожденіи территоріи, прямо указалъ этимъ, что во Франціи существуетъ человѣкъ, который съумѣетъ совладать со всякими одолѣвающими ее затрудненіями, чтобы встать во главѣ «мирной, легальной и прогрессивной республики».

При этихъ словахъ Гамбетты, бонапартисты затѣваютъ шумъ невообразимый. Нѣкоторые изъ нихъ доводятъ до того свою безцеремонность, что *буквально начинаютъ хрюкать по-свинячьи*. Напрасно Греви останавливаетъ ихъ. Напрасно налагаетъ на Поль-де-Касаньяка парламентскую цензуру и дѣлаетъ имъ строгое внушеніе, подвергая ихъ поведеніе «негодованію палаты и цѣлой Франціи». Шумъ, умолкающій на минуту, снова подымается, и это повторяется каждыя пять минутъ въ теченіи двухъ часовъ сряду. Бонапартистамъ во что бы то ни стало необходимо помѣшать говорить Гамбеттѣ, но онъ не изъ тѣхъ ораторовъ, которыхъ можно къ этому принудить. Едва шумъ нѣсколько стихалъ, онъ напрягалъ свой голосъ и покрывалъ его, едва шумъ усиливался, онъ смолкалъ и, съ непоколебимымъ хладнокровіемъ глотая изъ чашки черный кофе, выжидалъ его окончанія. Такъ говорилъ онъ въ продолженіи двухъ часовъ и, въ теченіи всего этого времени, не проронилъ ни одного рѣзкаго выраженія, которое могло бы не понравиться умѣреннѣйшему изъ членовъ лѣваго центра, союзомъ котораго трибунъ весьма дорожилъ въ видахъ бóльшей торжественности публичнаго наказанія министерства 17-го мая.

Привести здѣсь всю эту длинную историческую рѣчь Гамбет-

ты цѣликомъ невозможно; сокращать ее, но такъ, чтобы не упустить ничего существеннаго—тоже, такъ какъ въ ней едва ли было хотя одно лишнее слово; остается одно—привести только главнѣйшія ея положенія, оставляя въ сторонѣ даже такія цѣнныя частности, какъ, напримѣръ, портреты каждаго изъ новыхъ министровъ, мастерски набросанные ораторомъ для доказательства того, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности и всѣ они вмѣстѣ, несмотря на крайнія различія ихъ мнѣній—заклятые враги конституціи.

«363 депутата, сказалъ онъ:—которыхъ только-что обвинили въ агитаціи страны, совершенно напротивъ того, задержали взрывъ негодованія цѣлой Франціи». Отъ имени ихъ, онъ требуетъ отъ министерства одного: «не затягивать агоніи страны», т. е. обратиться къ народному голосованію какъ можно скорѣе, ранѣе конца іюля, и тѣмъ показать, что оно не стремится къ «подтасовкѣ всеобщаго голосованія и поддѣлкѣ народнаго приговора», тѣмъ болѣе что, что бы оно ни предприняло, «оно цѣлей своихъ не достигнетъ, и съ нимъ повторится въ болѣе яркомъ видѣ та же исторія, какъ съ павшимъ такъ позорно министерствомъ Бюффе». Для доказательства этого, онъ разсматриваетъ и характеризуетъ четыре партіи, составившія коалицію для веденія совмѣстно выборной борьбы. Желанія и надежды каждой изъ нихъ различны—и едва ли осуществимы. Чего, напримѣръ, хочетъ первая партія — мак-магоніанцы, считающая самого маршала «и конституціей, и образомъ правленія?» Легитимисты ждутъ ни болѣе, ни менѣе какъ цѣлаго ряда чудесъ, т. е., чтобы всѣ избирательные округа выбрали легитимистовъ. Они желаютъ, чтобы Мак-Магонъ оставался на своемъ постѣ до 1880 г., а если король ихъ вернется ранѣе, то уступилъ бы ему тотчасъ же свое мѣсто, забывая при этомъ, что и маршалъ можетъ тоже оказаться прежде всего мак-магоніанцемъ. Орлеанисты, ожидающіе «счастливаго событія», смерти графа Шамбора, для своей легитимизаціи, несмотря на всѣ свои связи въ высшихъ слояхъ общества Франціи и Европы, умѣютъ вести мастерски только салонныя и будуарныя конспираціи, на дѣлѣ же ни въ чемъ не успѣваютъ. Въ 1872 и 1873 годахъ они не успѣли достигнуть уничтоженія всеобщаго голосованія — чего такъ горячо добивались, въ 1875 г. не съумѣли направить его въ свою пользу. Бонапартисты не отличаются солидарностью, и въ средѣ ихъ—нѣсколько партій. Одна изъ многочисленныхъ групъ этой партіи, называющая себя «очень честною», полагаетъ, что для спасенія общества достаточно одного батальйона пѣхоты. «Двухъ жандармовъ!» громко прерываетъ Поль де-Кассаньякъ, которому ораторъ былъ принужденъ замѣтить, что ему-то, какъ недавно приговоренному въ тюрьму, и если туда не отправленному, то только благодаря благожелательности къ нему правительства не подобало бы требовать жандармовъ для другихъ. Бонапартистская политика въ настоящую минуту—продолжаетъ развивать ораторъ—состоитъ

въ возбужденіи дѣятелей переворота 16-го мая идти «до конца, до преступленія», какъ они сами безнаказанно заявляютъ въ своихъ органахъ «переполненныхъ грязи и крови». «Я ни на минуту не могу допустить въ себѣ сомнѣнія, чтобы, облеченный довѣріемъ Франціи, глава исполнительной власти сознательно сталъ помогать проискамъ, стремящимся направить солдатъ нашихъ на путь насильственнаго низверженія законовъ. Но я боюсь, что страну могли увѣрить и что она могла хотя одну минуту думать, что послѣ Седана наше войско можетъ стать орудіемъ государственнаго переворота. Подобное дѣло не можетъ уже повториться, и войско уже знаетъ, что подобныя попытки уносятъ съ собой нетолько честь знаменъ и полковъ, но безопасность страны и ея военное величіе... «Еслибы когда-нибудь, къ несчастію нашего отечества, что-либо подобное могло бы повториться, то Франція, съ этого времени, перестала бы существовать». Но ораторъ рѣшительно не признаетъ возможности, чтобы это могло случиться, иначе «раскаяніе и наказаніе было бы удѣломъ злоумышленниковъ съ самого перваго ихъ шага. Но, кромѣ четырехъ перечисленныхъ партій въ коалиціи участвуетъ еще пятая—ультрамонтаны и іезуиты, которые эксплуатируютъ въ свою пользу всѣ стремленія и заблужденія остальныхъ». Ораторъ увѣренъ, что республиканское министерство распущено за очередной порядокъ 4-го мая, что предпріятіе 16-го — дѣло Ватикана; не даромъ народъ, узнавъ о составѣ новаго кабинета, единодушно окрестилъ его названіемъ «правительства священниковъ».

На заявленіе де-Фурту, что новое министерство состоитъ изъ друзей 89 года, Гамбетта возразилъ тѣмъ, что дѣятели 16-го мая не имѣютъ съ людьми первой революціи ровно ничего общаго ни по стремленіямъ, ни по своему «олигархическому» происхожденію, и настоящимъ ихъ прозвищемъ должно быть «контр-революція».

Увѣреніе де-Фурту въ томъ, что возникновеніе новаго кабинета было необходимо для успокоенія умовъ, утвержденія порядка и заявленія миролюбія Франціи остальной Европѣ, ораторъ опровергъ тѣмъ, что ни одно государство въ Европѣ и Америкѣ не отнеслось къ этой перемѣнѣ благопріятно, а въ «Times», напримѣръ, просто отказывались печатать оправдательныя корреспонденціи, составленныя въ министерствѣ, что̀ подало поводъ къ весьма курьёзному обстоятельству. Въ одной изъ газетъ была напечатана статья, якобы переведенная съ англійскаго изъ «Times», но подлинникъ ея редакція этого изданія отказалась печатать. Когда ораторъ хотѣлъ коснуться Италіи, то на скамьяхъ клерикальныхъ легитимистовъ поднялся шумъ невообразимый. Герцогъ де-Бизаччіа, графъ де-Мёнъ и т. д. стали возражать, что было бы непатріотично во внутреннія пренія Франціи вмѣшивать иностранныя государства, на что̀ ораторъ сталъ отвѣчать имъ прямо и рѣзко: «Мы нетолько имѣемъ пра-

во касаться нашей политики относительно иностранныхъ державъ на нашихъ преніяхъ, но прямо обязаны заявить съ французской трибуны, чтобы это услышали по ту сторону Альповъ, что если, по печальной случайности, управленіе на короткое время и могло у насъ попасть въ подозрительныя руки»... Кончить ему не дали; министръ Парисъ бросился на трибуну такъ стремительно, что можно было думать, что онъ собирается убить Гамбетту, но вслѣдъ за нимъ трибуну окружили лѣвые и правые, и поднялся всеобщій гвалтъ, который Греви едва могъ успокоить не безъ участія парламентскихъ приставовъ. По водвореніи спокойствія, ораторъ продолжалъ говорить о томъ, что Европа для безопасности Франціи должна знать всю истину о настоящемъ кризисѣ, что, приписавъ происхожденіе его клерикаламъ, она не ошиблась, но опасаться особенно вредныхъ послѣдствій отъ временнаго преобладанія клерикализма во Франціи нѣчего, такъ какъ «министерства переходчивы, нація же — постоянна», чувства же націи совершенно противоположны стремленіямъ настоящаго кабинета, повидимому, нежелающаго понять, что «римская экспедиція привела за собою, черезъ 20 лѣтъ, потерю Франціей Эльзаса и Лотарингіи».

Упомянувъ о затрудненіяхъ, вызванныхъ переворотомъ 16-го мая въ промышленности и торговлѣ, ораторъ заявляетъ, что введеніемъ полицейскаго подслушиванія разговоровъ въ общественныхъ мѣстахъ кабинетъ нисколько этому дѣлу не поможетъ.

Сорвавъ съ новаго министерства личину либерализма и доказавъ его кровное родство съ іезуитами и епископами, Гамбетта опровергъ всѣ упреки де-Фурту распущенной палатѣ, высказавъ ихъ «неточность», и такимъ образомъ резюмировалъ пользу, принесенную ею Франціи. «Она создала правильность, порядокъ и отчетность для нашихъ бюджетовъ, ассигновала мильйоны на народное образованіе. Она сдѣлала все, что только было возможно, въ видахъ будущей защиты страны, и обезпечила участь солдатъ и офицеровъ». Для засвидѣтельствованія послѣдняго ораторъ предлагаетъ кабинету обратиться къ военному министру Бертò, который не откажется, конечно, подтвердить его слова.— «Итакъ, продолжаетъ ораторъ:—будемъ говорить на чистоту. Вы затѣяли освободиться отъ палаты не потому, чтобы она была, какъ вы говорите, радикальна и предъявляла утопическія требованія, а, напротивъ, потому именно, что она была благоразумна и не доставляла вамъ случаевъ упрекать ее въ крайностяхъ, потому что общественное мнѣніе видѣло въ ея дѣятельности обезпеченіе мира и прогресса, потому что страна начинала считать ея дѣло своимъ дѣломъ, видя единодушіе большинства въ самыхъ разнородныхъ ея групахъ, отъ групы центра до крайней лѣвой. Видя, что она съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все бóльшее значеніе и любовь Франціи, вы поспѣшили къ маршалу и втянули его на скользкій путь случайностей. И для чего

вы сдѣлали это? Только для того, чтобы каждая изъ партій, составляющихъ вашу коалицію, могла еще нѣкоторое время утѣшаться своими надеждами.

«Страна все это знаетъ—она разсудитъ насъ.

«Помните только одно: мы—накануне выборовъ, и я смѣло утверждаю, что, подобно тому, какъ въ 1830 г. распущено было 221, а возвратилось 270 депутатовъ, мы въ 1877 расходимся въ числѣ 363, а вернемся въ числѣ 400!

«Странѣ, чтобы такимъ образомъ выразить свою волю, должно не забывать двухъ вещей:

«Первое, что *всѣ дѣла попали въ руки коалиціи.*

«И второе, что *которая бы партія изъ составляющихъ коалицію, ни побѣдила—будущность Франціи предстоитъ некрасивая.*

«Страна знаетъ, что ни между легитимистами и бонапартистами, ни между бонапартистами и орлеанистами не можетъ быть ничего кромѣ раздора, а слѣдовательно, впослѣдствіи, и междоусобія.

«У страны хорошая память. Она знаетъ отлично, какая участь предстояла бы ей, если бы была возстановлена монархія, основанная на божественномъ правѣ. Она знаетъ отлично, что̀ ее ожидало бы въ случаѣ реставраціи конституціонной монархіи.

«Она вполнѣ понимаетъ, сколько позора и рабства принесло бы съ собою возстановленіе имперіи, если бы оно было возможно.

«Она знаетъ также весьма хорошо, что система всеобщей подачи голосовъ достигла полной зрѣлости и что этою системою признана наилучшею формою правительства во Франціи—республика, управляемая ея выборными людьми.

«Она главнѣйше знаетъ и то—въ виду желанія нѣкоторыхъ придать совѣщанію съ ней плебисцитарный характеръ—что̀ такое плебисцитъ и къ какимъ невзгодамъ онъ уже ее однажды привелъ.

«Она вспомнитъ, когда будетъ нужно, и то, что ей совѣтовали заниматься ея частными дѣлами и не думать о политикѣ, вспомнитъ и то, что ее увѣряли, что она можетъ удовлетвориться единоличною властью; она вспомнитъ и то, что, *обѣщая миръ, ей давали войну!*»

Въ воскресенье засѣданія не было. Такимъ образомъ, въ теченіи 48 часовъ публика находилась подъ впечатлѣніемъ рѣчи Гамбетты. 18-го іюня, два министра: иностранныхъ дѣлъ и общественныхъ работъ, пробовали ее опровергать. Герцогъ Деказъ сталъ доказывать, что во внѣшней политикѣ не произошло никакихъ измѣненій тѣмъ, что онъ остался на своемъ постѣ, что̀ доказываетъ только способность его уживаться съ людьми всякихъ убѣжденій, и тѣмъ, что между французскими посланниками и представителями иностранныхъ дѣлъ другихъ странъ не происходило послѣ 16-го мая никакихъ взаимныхъ пререканій. Ему возражалъ, на слѣдующій день, депутатъ Антоненъ Прустъ, что живчивость министра—еще весьма недостаточный аргументъ для

доказательства, что международныя отношенія не будутъ скомпрометированы дѣятельностью новаго кабинета и что странно даже и думать, что Европа можетъ относиться равнодушно къ внутреннимъ дѣламъ Франціи, принявшимъ клерикальную окраску, когда католическій вопросъ сильно занимаетъ всѣ главныя европейскія державы и послѣ того какъ, серьёзная журналистика всѣхъ странъ Европы и Америки единодушно осудила злосчастное предпріятіе 16-го мая. Министръ общественныхъ работъ Парисъ, о которомъ обыкновенно говорятъ, что его душевная красота вся выражается въ его лицѣ (къ сожалѣнію, онъ потерялъ носъ, вслѣдствіе болѣзни), попытался преподать республиканскому большинству урокъ, какъ слѣдуетъ понимать настоящую конституцію, изъ котораго слѣдовало такое заключеніе: что конституція—сама по себѣ, а маршалъ—самъ по себѣ; что власть послѣдняго выше власти первой и что съ радикализмомъ вообще не слѣдуетъ нисколько церемониться.

Этому стороннику произвола отвѣчалъ Жюль Ферри, бывшій предсѣдатель умѣренной лѣвой, всѣхъ менѣе изъ республиканскихъ депутатовъ расположенный къ радикаламъ и нѣкогда весьма усердно хлопотавшій о сліяніи центровъ. Рѣчь его оказалась настолько же энергична, какъ и рѣчь Гамбетты. Возстановивъ настоящій смыслъ и духъ конституціи, въ виду лживыхъ ея истолкованій Парисомъ, онъ поставилъ вопросъ: «состоитъ ли Франція подъ управленіемъ законовъ, или она подчинена произволу размаховъ шпаги маршала»? Несмотря на шумъ, поднятый бонапартистами, онъ утверждаетъ, что, несмотря на всѣ неясности конституціи 1875 года и на всѣ лазейки, какія реакція предусмотрительно себѣ въ ней обезпечила, примѣненіе ея къ практикѣ не вызывало бы никакихъ особенныхъ затрудненій, «еслибы хотѣли легально ее исполнять». «Для закрытія палаты нѣтъ другаго предлога, говоритъ онъ:—кромѣ нежеланія маршала дѣйствовать совмѣстно съ радикалами. Но ни одна радикальная мѣра, начиная съ амнистіи и кончая отмѣной бюджета исповѣданій, не была принята палатой. Палата нетолько не уничтожила этого бюджета, но даже имѣла непростительную слабость его увеличить, и вообще въ религіозныхъ вопросахъ стояла даже ниже требованія наполеоновскаго конкордата, стремясь только къ тому, чтобы церковь не выходила изъ храмовъ и чтобы ультрамонтаны перестали компрометировать страну своими кознями».

Послѣ этого, онъ напомнилъ, что, если послѣ 25 февраля де-Брольи и его друзья и согласились голосовать за конституцію, то только для того, чтобы получить этимъ возможность впослѣдствіи постепенно ее разрушать. Когда Бюффе заправлялъ выборами, то онъ напустилъ всѣхъ своихъ чиновниковъ на республиканцевъ; побѣдившіе республиканцы, естественно, пожелали смѣны этихъ чиновниковъ, но на этомъ именно пунктѣ министерства де-Марсэра и Симона, имѣвшія постоянно за себя большинство, и встрѣтили упорную оппозицію тайнаго правительства, образовавшагося

въ Елисейскомъ Дворцѣ. Палату распускаютъ съ единственною цѣлью доведенія до конца дѣла неудавшагося Бюффе—извращенія всеобщаго голосованія. Для этого все уже подготовлено съ бóльшимъ нарушеніемъ всѣхъ частныхъ и общественныхъ правъ, чѣмъ позволила бы себѣ даже имперія. «Но, восклицаетъ ораторъ:—будьте, господа, осторожнѣе! Вы бросаете намъ въ лицо распущеніе, какъ угрозу, мы смотримъ на нее какъ на наше освобожденіе. Чтò бы вы ни предпринимали, какъ бы вы намъ ни противодѣйствовали, мы, во всякомъ случаѣ, снова сюда вернемся, но тогда мы уже не удовольствуемся однимъ непризнаніемъ неправильныхъ, подтасованныхъ выборовъ, мы съумѣемъ доказать всякимъ чиновникамъ, какъ бы они ни были высоко поставлены, что *во Франціи есть еще судьи*. Мы напомнимъ имъ, что правительство 4-го сентября отмѣнило 75 § конституціи VIII-го года [1]. Вы позабыли объ этомъ, г. де-Фурту! Итакъ, пусть это будетъ моимъ послѣднимъ словомъ: мы позволимъ себѣ торжественно предостеречь васъ, господа министры, префекты и мировые судьи, какъ мастеровъ оффиціальныхъ кандидатуръ, что во французскихъ законахъ существуютъ статьи, подчиняющія дѣятельность этого рода гражданской и исправительной отвѣтственности. Мы съумѣемъ отъискать эти статьи и примѣнить ихъ къ вамъ съ твердостью!»

Послѣ Ферри и тѣмъ же тономъ говорилъ и Леонъ-Рено, бывшій съ 1872 по 1875 г. полицейскимъ префектомъ экс-орлеанистъ и ближайшій пріятель графа Парижскаго, вынужденный, по его выраженію, присоединиться къ республикѣ «по необходимости, ясно сознавая, что, въ настоящее время, республиканское устройство Франціи представляетъ собою единственную гарантію сохраненія въ ней внутренняго порядка и внѣшняго мира». Въ началѣ его рѣчи, крайніе правые думали его смутить тѣмъ, что онъ еще надняхъ былъ въ Елисейскомъ Дворцѣ, но это его нисколько не заставило смягчить своего тона. Потомъ, знаменитый де-Сен-Поль, этотъ ученикъ Руэра и одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей всѣхъ интригъ «потайного правительства» и сторонниковъ правительства борьбы, закричалъ ему: «Въ 1873 году вы говорили, что достаточно истратить мильйонъ, чтобы ввести Генриха V-го въ Парижъ и разцвѣтить столицу бѣлыми знаменами». «Вы лжете, какъ никогда еще не одинъ человѣкъ не лгалъ» отвѣчалъ ему Рено. Изъ этого столкновенія произошла бы неизбѣжно дуэль, еслибы, на слѣдующій день, Сен-Поль, при свидѣтеляхъ, не отрекся отъ своихъ словъ.

Въ рѣчи своей, Рено, подобно Ферри, опровергъ всѣ обвиненія палаты въ радикализмѣ. Обращаясь къ де-Фурту, онъ сказалъ: «Вы себя совершенно напрасно называете людьми 89-го года, вы—люди 1852. Вы понимаете принципы 89-го года совершенно такъ же, какъ понималъ ихъ творецъ конституціи 1852 года, привед-

---

[1] Этимъ параграфомъ признавалось, что чиновники неотвѣтственны передъ частными лицами.

шій ихъ во главѣ статей, организовавшихъ имперію. Въ принципахъ 89-го года должно различать двѣ вещи: гражданское равенство, всѣми признаваемое, и общность политическихъ правъ гарантирующее это равенство. Эти права подвергнетъ опасности новый кабинетъ, мы же требуемъ ихъ сохраненія.

«Вызывать воспоминанія 93-го года—дѣло нечестивое и антиконституціонное. Нарушить общественную безопасность во Франціи можетъ только диктатура и репрессивное правительство.

«Въ странѣ нашей, можетъ быть, найдутся и дурныя страсти, и зажигательные элементы, и несбыточныя мечтанія, но противъ этихъ золъ единственное лекарство—политическая свобода.

«Настоящее же министерство не можетъ дать странѣ ничего, кромѣ смутъ, безпорядковъ и общественной безурядицы».

На слова Париса, что палата не имѣла права говорить на основаніи конституціи о республикѣ, какъ объ окончательно установившейся во Франціи формѣ правленія, ораторъ счелъ необходимымъ высказать слѣдующее: «Когда либеральные консерваторы, подобные мнѣ, вотировали за республику, жертвуя при этомъ самыми дорогими своими убѣжденіями, то они не могли не быть вполнѣ убѣждены, что они утверждали прочный образъ правленія и что они приносили Франціи *свободное и окончательное* устройство».

Въ качествѣ несомнѣннаго консерватора, онъ обращается къ людямъ 16-го мая съ вопросомъ: какъ воспользовались они консервативными гарантіями, заключающимися въ конституціи? Маршала, долженствующаго пользоваться, въ качествѣ легальнаго президента республики, общимъ почетомъ и уваженіемъ всѣхъ партій, они, по словамъ оратора, «унизили, умалили значеніе его достоинства, сана и самой личности, а еще выдаютъ себя за его друзей!» Сенатъ, это высшее учрежденіе, созданное «для устраненія несогласій, для сдержанія слишкомъ смѣлыхъ попытокъ», они расшатали, связавъ его судьбу съ своею, въ случаѣ его согласія на распущеніе. Относительно администраціи они навсегда подорвали ея авторитетъ». Ораторъ повторяетъ весьма распространенное въ печати сравненіе новаго министерства съ министерствомъ Полиньяка, обусловившаго паденіе Карла X. «У Полиньяка, впрочемъ, говоритъ онъ:—были предлогъ, цѣль и вѣра; у васъ же нѣтъ ни того, ни другаго, ни третьяго!»

Де-Брольи не выказалъ отваги явиться на самозащиту передъ республиканскимъ большинствомъ. Никто изъ правыхъ—также не отвѣтилъ на такую защиту, и, такимъ образомъ, 20-го іюня были закончены общія пренія. Орасу де-Шуазёлю, самому юному члену лѣваго центра, выпало на долю внесеніе республиканскаго очереднаго порядка. Кабинетъ готовъ былъ позорно обратиться въ бѣгство ранѣе голосованія, еслибы его сторонники не остановили его, убѣдивъ выпустить на трибуну министра Париса. Парисъ ограничился, впрочемъ, всего какою-то пустою дерзостью республиканцамъ, за которую тотчасъ же былъ наказанъ лов-

кимъ отвѣтомъ Гамбетты. 363 депутата, какъ одинъ человѣкъ, противъ 158 приняли слѣдующій очередной порядокъ—*историческую пощечину*, какой никогда въ мірѣ не получало еще ни одно министерство въ парламентахъ.

Вотъ этотъ знаменательный документъ:

«Палата депутатовъ,

«принимая во вниманіе, что министерство, составленное 17-го мая президентомъ республики и порученное предводительству г. де Брольи, было призвано къ дѣламъ въ противность закону о большинствахъ, составляющему основу парламентскихъ правительствъ;

«что оно отстранилось, съ самаго своего возникновенія, отъ всякихъ объясненій передъ представителями страны;

«что оно перестроило всю администрацію, чтобы тяготѣть подъ всеобщимъ голосованіемъ всѣми средствами, какими только можетъ располагать;

«что оно не представляетъ собою ничего, кромѣ коалиціи монархическихъ партій, дѣйствующей подъ внушеніемъ партіи клерикаловъ;

«что, такимъ образомъ, оно, съ 17-го мая, оставляло безнаказанными всякія нападки противъ національнаго представительства и всѣ возбужденія къ нарушенію законовъ открытою силою;

«что, по всему этому, оно стало препятствіемъ къ сохраненію порядка и внѣшняго мира, такъ же какъ причиною застоя во всѣхъ комерческихъ дѣлахъ и интересахъ;

«объявляетъ, что министерство это не заслуживаетъ довѣрія народнаго представительства, и переходитъ къ очередному порядку».

III.

Предложеніе распущенія въ сенатѣ. — Викторъ-Гюго и де-Мо. — Рѣчь Виктора-Гюго. — Объясненіе Жюль-Симона. — Де-Брольи, получившій даръ слова. — Рѣчь Беранже. — Вопросы Берто. — Невозможный министръ Брюне. — Голосованіе распущенія. — Послѣднее засѣданіе палаты депутатовъ. — Послѣднія заявленія и предосторожности лѣвыхъ.

Извѣщенный 16-го іюня о предложеніи президентомъ распущенія палаты, сенатъ тотчасъ же приступилъ къ выбору, по жребію, бюро, которыя 18-го и избрали 9 комиссаровъ для составленія доклада объ этомъ предложеніи. Предварительныя пренія по этому дѣлу были довольно шумны. Жюль-Фавръ назвалъ «вздоромъ» предлоги, приведенные де-Брольи, для распущенія. Викторъ-Гюго поставилъ де-Мо, зятю покойнаго Монталамбера, совершенно такой же вопросъ, какой поставленъ былъ въ 1851 году, по инициативѣ Монталамбера, Барошу, а именно: «что сдѣлаетъ исполнительная власть, если 363 депутата будутъ снова

выбраны»? Совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ нѣкогда министръ-президентъ Бонапарта, министръ-президентъ Мак-Магона, отвѣчалъ на это, что: «не считаетъ себя въ правѣ на это отвѣчать». Тогда поэтъ обратилъ вниманіе палаты на тождество этихъ двухъ отвѣтовъ и прибавилъ затѣмъ: «черезъ три мѣсяца послѣ этого, произошло преступленіе 2-го декабря!»

20-го іюня, докладъ Депейра, заключавшій въ распущенію, былъ внесенъ на трибуну. Правые хотѣли немедленно приступить къ его голосованію, но лѣвые потребовали преній на основаніи регламента, чѣмъ выиграли 24 часа открытаго объясненія съ Франціей.

На слѣдующій день, засѣданіе открылось великолѣпною рѣчью Виктора-Гюго. Поэтъ, опасаясь, чтобы шумъ не помѣшалъ ему, еслибы онъ сталъ говорить, предварительно ее написалъ и прочелъ громкимъ и ровнымъ голосомъ. Началъ онъ свою рѣчь сравненіемъ состоянія Франціи до и послѣ «странной инсуррекціи», обратившей «трудъ, оживленный надеждою», въ «разрушеніе, обусловленное страхомъ», и сравнилъ въ настоящую минуту страну «съ локомотивомъ, шедшимъ на всѣхъ парахъ... передъ которымъ внезапно были сняты рельсы». Чтобы подѣйствовать на членовъ праваго центра, онъ сказалъ: «Сегодня сенату предстоитъ сдѣлаться судьею... Но сегодня же онъ самъ можетъ обратиться въ подсудимаго... Докажите, что сенатъ необходимъ. Франція въ опасности—придите на помощь Франціи!. Распустить палату въ настоящую минуту, когда въ Европѣ война, значитъ обезоружить Францію! Почему не подождать бы хотя того времени, когда европейская буря уляжется?» Выразивъ увѣренность, что никогда средніе вѣка, олицетворяемые Syllabus'омъ, не восторжествуютъ надъ свободомысліемъ, завѣщаннымъ странѣ еще Вольтеромъ, и ни одна изъ монархическихъ партій не побѣдитъ во Франціи республики, поэтъ заключилъ свою рѣчь словами: «я подаю голосъ противъ катастрофы. Я отказываю въ распущеніи».

И здѣсь, какъ и въ палатѣ, никто изъ министровъ не явился на защиту кабинета изъ опасенія, конечно, что первое неосторожное слово представителя той или другой партіи можетъ разстроить коалицію. Поэтому, слово получилъ второй ораторъ оппозиціи—Жюль-Симонъ. Его можно обвинить развѣ въ излишней церемонности его выраженій о Мак-Магонѣ, поступившемъ съ нимъ такъ безцеремонно. Онъ опровергъ, впрочемъ, предлоги къ распущенію, высказанные маршаломъ, и доказалъ, что настоящею причиною кризиса былъ очередной порядокъ 4-го мая. «Мы пали, сказалъ онъ:—вмѣстѣ съ парламентскою независимостью, такъ какъ мы представляли собою парламентское и республиканское министерство. Другихъ причинъ нашего паденія не было». Онъ опровергъ претензію выдавать себя за людей 89 года групы лицъ разнородныхъ мнѣній, изъ которыхъ никто не

осмѣливается высказать своихъ принциповъ изъ опасенія отпаденія при этомъ отъ групы двухъ ея третей. Что же это за люди? Они—даже и не бонапартисты, хотя одни только бонапартисты могутъ воспользоваться плодами ихъ дѣятельности. Они—не что иное какъ «правительство недоразумѣній». Въ заключеніе, Жюль-Симонъ предсказалъ, что 363 депутата вернутся въ палату, и республику задушить не удастся.

Понявъ, что дальнѣйшее молчаніе было бы верхомъ неуваженія къ сенату, де-Брольи рѣшился, наконецъ, отвѣчать. Выбранный въ члены академіи за заслуги своего отца, онъ изучилъ до тонкости искуство много и долго говорить, ничего не сказавши. За невозможностью вызвать къ жизни сданный въ архивъ еще съ 1873 года призракъ «общественной опасности», онъ придумалъ другой—«скрывающагося радикализма», о которомъ и началъ распространяться на всѣ лады. Обвиненія его противъ палаты, за невозможностью подъисканія фактовъ, всѣ вертѣлись на томъ, что она затѣвала противъ сената какіе то «конфликты молчанія» и не обращала достаточнаго вниманія на маршала, т. е. считала его парламентски неотвѣтственнымъ... Чуть ли не единственнымъ яснымъ мѣстомъ его рѣчи было слѣдующее: «Президентъ республики не желаетъ поступиться радикализму ни одною частицею своей исполнительной власти.. Логика парламентской системы заставила его призвать г. Гамбетту для составленія министерства. *Мак-Магоны же никогда не могутъ быть солидарны съ Гамбеттами*!» Затѣмъ, онъ ставитъ вопросъ о выборахъ такимъ образомъ, что Франціи предстоитъ рѣшить: хочетъ ли она, чтобы во главѣ всѣхъ ея соціальныхъ силъ, войска и магистратуры (изъ духовенства слышится перерывъ) стоялъ Мак-Магонъ или бордосскій диктаторъ и ораторъ Бельвиля». О Тьерѣ, чтобы исправить ошибку де-Фурту, де-Брольи не упомянулъ ни одн[illegible]мъ.

За де-Бро[illegible] говорить извѣстный юристъ-консультъ Беранже, респуб[illegible]цъ еще болѣе умѣренный, чѣмъ Леонъ-Рено, такъ какъ онъ старѣе послѣдняго, но, тѣмъ не менѣе, преподнесшій хорошій урокъ первому министру «кабинета недоразумѣній». Онъ отрѣзалъ ему напрямки, что вопросъ, поставленный имъ о соперничествѣ между Мак-Магономъ и Гамбеттою—праздная только фантазія, и что на выборахъ пойдетъ весьма важный вопросъ—быть-ли республикѣ, или монархіи? Онъ рѣшительно опровергъ, что Мак-Магону пришлось-бы послѣ Дюфора и Симона необходимо обратиться за составленіемъ кабинета къ Гамбеттѣ, такъ какъ онъ могъ бы легко образовать министерство, обратясь къ кому-нибудь «изъ убѣжденныхъ республиканцевъ и въ то же время искреннихъ консерваторовъ». Соображенія о скрытномъ радикализмѣ выводятъ оратора изъ себя: «И такимъ образомъ осмѣливаются, восклицаетъ онъ: — обращаться къ судьямъ, такъ какъ сенатъ призванъ быть судомъ въ этомъ важномъ дѣлѣ!» Онъ указываетъ на невозможность для правительства удовлетворить тре-

*

бованіямъ всѣхъ трехъ партій коалиціи и найти такую формулу при выборахъ, которая была бы принята и страною, и ими. «Это заставляетъ ихъ бросать въ свалку имя маршала и создавать оффиціальныя кандидатуры во что бы то ни стало. Но даже при употребленіи всяческихъ насилій — добьются-ли они чего нибудь?—Нѣтъ. Имя маршала перестало быть талисманомъ для страны, съ тѣхъ поръ какъ его связали съ ненавистью къ республикѣ. Если же имъ ничего не удастся, то что станутъ они дѣлать? Можетъ быть, они и сами еще этого не знаютъ, но, въ такомъ случаѣ, какіе же они государственные люди?..

Замѣчательно, что, коснувшись возможности государственнаго переворота, ораторъ добивается такого перерыва одного изъ корпусныхъ начальниковъ: «войско никогда не пойдетъ ни на что противузаконное!»

21-го іюня, вечеромъ, было еще возможно думать, что распущеніе не состоится и что человѣкъ 15 сенаторовъ, подъ вліяніемъ логики рѣчей трехъ ораторовъ, откажутся отъ обѣщаннаго ими соучастія кабинету. Несмотря на нежеланіе министерства, заключеніе преній не было принято и продолженіе ихъ назначено было на слѣдующій день. Сенатъ раздѣлялся какъ будто на двѣ половины съ одинаковымъ числомъ голосовъ, т. е. представлялъ собою совершенно тоже, что было тотчасъ по его учрежденіи до тѣхъ поръ, пока это равенство не было разрушено гораздо бо̀льшимъ числомъ смертей сенаторовъ лѣвой стороны, чѣмъ правой. Такъ, еще на дняхъ, послѣ Токвиля и Ѳрнеста Пикара, были погребены еще два сенатора изъ лѣвыхъ Ѳдмонъ-Аданъ и Пьеръ-Лефранъ. Кромѣ того, пять или шесть лѣвыхъ, и въ томъ числѣ Литтрэ и и Ланфрэ—такъ сильно больны, что ихъ даже нельзя было принести въ сенатъ для голосованія. Кабинетъ же употребилъ, съ своей стороны, всѣ мѣры для подкрѣпленія своихъ силъ. Такъ, Гонто-Биронъ былъ вызванъ изъ Германіи ко дню голосованія, а Шанзи воспрепятствовали оставить Алжиръ, адмирала же Жореса (тоже республиканца) нарочно отправили въ какую-то экспедицію. Но, какъ бы то ни было, несмотря на всѣ разсчеты и дѣйствія де-Брольи, 21-го іюня, побѣда кабинета въ вопросѣ о распущеніи была еще сомнительна, и весьма вѣроятно, что еслибы Тьеръ считалъ, что недопущеніе распущенія полезно для его плановъ, онъ, употребивъ нѣсколько свое вліяніе, весьма легко достигъ бы того, что Мак-Магону было бы въ немъ отказано. Но Тьеръ, очевидно, этого необходимымъ не счелъ.

Такимъ образомъ, при открытіи засѣданія 22-го, сенаторъ Берто, знаменитый профессоръ правъ, имѣлъ еще разъ (что весьма не лишнее) возможность высказаться о неспособности кабинета, играющаго въ опасную игру соперничества маршала не съ Гамбеттой, но «съ великимъ государственнымъ человѣкомъ, заслужившимъ никѣмъ не оспариваемую признательность своего отечества, съ

Тьеромъ». Затѣмъ, онъ поставилъ министерству слѣдующіе вопросы, на случай, если распущеніе будетъ достигнуто.

«Думаете-ли вы объявить Францію на осадномъ положеніи? вы не имѣете на это права, и я считаю необходимымъ вамъ объ этомъ заявить.

«Возстановите-ли вы оффиціальныя кандидатуры?

«Разрѣшите-ли вы свободное обращеніе газетъ и въ какой мѣрѣ?

«Эти три вопроса существенны, такъ какъ, смотря потому, какъ они будутъ разрѣшены, выборы получатъ легальный характеръ или будутъ его лишены.

«Думали-ли вы объ опасностяхъ, какія можетъ навлечь на Францію война и пріостановленіе парламентскаго управленія?

«Наконецъ, куда вы ведете насъ?

«Изъ трехъ вашихъ партій, которая обманетъ двѣ другихъ?»

На это берется отвѣтить министръ народнаго просвѣщенія, Брюне, бывшій наполеоновскій судья по дѣламъ печати, тѣмъ, что онъ не считаетъ особенно нужнымъ ни отвѣчать на эти вопросы, ни опровергать діалектики Беранже. Заявляетъ объ этомъ онъ въ такихъ дерзкихъ выраженіяхъ, что предсѣдатель сената Одиффре-Пакье, присоединившійся къ коалиціи изъ-за того, чтобы получить въ пользу своего избранія въ академики голоса де-Брольи и его присныхъ, хотя, подъ вліяніемъ Тьера, вмѣсто него избранъ былъ въ безсмертные Викторьенъ Сарду, вынужденъ былъ дважды напомнить ему о необходимости сдерживаться въ границахъ приличія. По мнѣнію Брюне, странѣ предоставляется рѣшить несогласіе во взглядахъ, возникшее между маршаломъ и Жюль-Симономъ. Отъявленный бонапартистъ, онъ пользуется случаемъ говорить съ трибуны, чтобы назвать «недостойнымъ» заключеніе бывшаго хранителя печати Мартеля о смѣшанныхъ судахъ, почему добивается со стороны Мартеля новаго энергическаго порицанія судебной процедуры послѣ переворота 2-го декабря. Далѣе онъ говоритъ, что спрашивать о томъ, что̀ станетъ дѣлать правительство, если выборы окажутся радикальными—безполезно, такъ какъ они таковыми не окажутся. *Немедленнаго* государственнаго переворота, по его словамъ, правительство дѣлать не собирается. Относительно оффиціальной кандидатуры оно ограничится указаніемъ лицъ, ему пріятныхъ. Относительно осаднаго положенія—вопросъ еще не рѣшенъ самимъ правительствомъ; затѣвать же войну—никто не думаетъ.

Вслѣдъ за нимъ, говоритъ Лабулэ, который находитъ, что изъ взглядовъ правительства можно понять только то, что оно опасается, «чтобы демократическое управленіе, предоставленное своему естественному развитію, не перешло въ соціальное переустройство». «Но, развиваетъ онъ:—найдется ли въ наши дни хотя какая-нибудь политическая, философская или административная реформа, которой можно было бы поставить предѣлъ,

дальше котораго она не могла бы развиваться?» «Салоннымъ политикамъ», думающимъ, что они могутъ останавливать естественный ходъ вещей, онъ даетъ слѣдующее предостереженіе: «Вы рѣшительно не видите ничего, совершающагося вокругъ васъ въ теченіи 60 лѣтъ. Вы не видите, какъ рабочій, мало-по-малу, преобразуется въ механика и мелкаго собственника, какъ винодѣлъ дѣлается обладателемъ своего виноградника, какъ ростетъ, съ часу на часъ, преобладающее вліяніе врачей и адвокатовъ.

«Людямъ трудящимся, по большей части не получившимъ образованія и обязаннымъ всѣмъ улучшеніемъ своей участи революціи, вы говорите: у васъ отнимутъ республику, и думаете, что они на это согласятся!»

Лабулэ говоритъ еще, что бездна, куда заманили маршала, проглотитъ и сенатъ, такъ какъ палата, которую хотятъ уничтожить—возродится, и всѣ поймутъ, «что сенатъ, который могъ защитить страну, предпочелъ обречь ее на возможность погибели».

По многимъ признакамъ и, между прочимъ, по гнѣву, обнаруженному «Union» за слова де-Фурту, которыми онъ выдавалъ кабинетъ за составленный изъ сторонниковъ 89 года—можно было думать, что нѣкоторые изъ легитимистовъ воздержатся отъ голосованія распущенія. Надежду эту разрушилъ де-Франльё, заявившій съ трибуны, что «хотя онъ и далекъ отъ довѣрія къ министерству, но станетъ голосовать за распущеніе потому, что палата отказалась утвердить кредитъ по четыремъ статьямъ прямыхъ наловъ».

Сенаторъ Корбье пользуется этой странной выходкой, чтобы, въ интересѣ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, потребовать отъ правительства назначенія опредѣленнаго срока выборовъ, но никто изъ министровъ ему не отвѣчаетъ. Голосованіе даетъ 150 голосовъ за и 130 противъ распущенія.

Въ этотъ самый день и на слѣдующій, въ палатѣ происходило добровольное утвержденіе кредитовъ на военное и морское управленія. Но, несмотря на повторенныя просьбы Кальйо, она рѣшительно отказалась утвердить взиманіе всѣхъ прямыхъ налоговъ. Сдѣлавъ иначе, она поступилась бы самымъ существеннымъ правомъ представителей народа—завѣдывать общественною казною и сама дала бы возможность сомнительному кабинету откладывать срокъ выборовъ, насколько онъ счелъ бы это для себя полезнымъ.

Декретъ о распущеніи палаты былъ внесенъ въ нее 25-го іюня въ 2 часа, когда депутаты не были еще въ полномъ сборѣ. Греви, прежде его прочтенія, произнесъ слѣдующія прощальныя слова, до нельзя раздражившія реакціонеровъ. «Приближается время, когда странѣ придется сказать о нашей палатѣ, что за все краткое время ея существованія *она ни на одинъ день не переставала заслуживать полнѣйшей благодарности отечества и республики*». Тотчасъ вслѣдъ за прочтеніемъ декрета, депута-

ты стали расходиться. Лѣвые кричали: «Да здравствуетъ республика!» «Да здравствуетъ миръ!», правые же отвѣтили имъ крикомъ: «да здравствуетъ Франція!», а бонапартистъ Тристанъ Ламберъ воскликнулъ даже: «Да здравствуетъ императоръ!..»

За два дня до этого, 23-го іюня, въ бюро четырехъ лѣвыхъ происходило редижированіе и подписаніе слѣдующей декларации, немедленно опубликованной: «363 депутата, голосовавшіе очередной порядокъ съ выраженіемъ недовѣрія министерству 17-го мая, соединенные общею мыслью, коллективно и подъ одинаковыми условіями явятся на всеобщее голосованіе, едва избиратели будутъ собраны въ свои округа». 25-го іюня и три лѣвыя фракціи сената, съ своей стороны, обнародовали слѣдующее заявленіе: «Новый выборъ 363 депутатовъ есть гражданская обязанность избирателей и дѣлается обязательнымъ для страны, какъ былъ, въ 1830 году, новый выборъ 221 депутата. Этотъ вторичный выборъ будетъ самымъ торжественнымъ подтвержденіемъ, какое можетъ дать Франція, ея волѣ—поддержать и упрочить республиканскія учрежденія, которыя одни способны обезпечить ей внутренній порядокъ и внѣшній миръ. Дѣлая вызовъ къ патріотизму всѣхъ и каждаго, мы увѣрены, что ни въ одномъ изъ округовъ не будетъ выставлено ни одной республиканской кандидатуры противъ 363 депутатовъ, голосовавшихъ очередной порядокъ съ заявленіемъ недовѣрія правительству».

Такъ какъ правительство борьбы можетъ запретить распущеннымъ депутатамъ собираться въ бюро или избирательные комитеты до времени открытія избирательнаго періода, начинающагося за 20 дней до дня выборовъ, то сенаторы, которые сохраняютъ всѣ свои полномочія, а слѣдовательно, и парламентскую неприкосновенность, за исключеніемъ права общихъ засѣданій, сохранили свою организацію по групамъ и составили изъ себя родъ постоянной комиссіи, которая будетъ собираться у одного изъ предсѣдателей групъ—Эммануеля Араго. Кромѣ того, они избрали изъ своей среды комитетъ юрист-консультовъ, на усмотрѣніе котораго будутъ представляться всѣ превышенія власти, какія могутъ себѣ позволить агенты «правительства борьбы», что дастъ возможность избирателямъ легально имъ противодѣйствовать. Предсѣдателемъ этого комитета—Дюфоръ, и засѣданія будутъ происходить у него на квартирѣ. Такимъ образомъ, Франція можетъ быть совершенно спокойна, и великій союзъ республиканцевъ можетъ противодѣйствовать всякимъ поддѣлкамъ своихъ враговъ во время избирательной борьбы. Съумѣютъ ли и враждебныя между собою партіи коалиціи составить изъ себя подобную же прочную организацію? согласятся ли они прятать передъ избирателями свои знамена и удастся ли имъ проводить свои оффиціальныя кандидатуры подъ ярлыкомъ мак-магонизма, все это—вопросы, которымъ, вѣроятно, предстоитъ рѣшеніе отрицательное.

Ни одна изъ партій не можетъ отважиться на государствен-

ный переворотъ, иначе онъ былъ бы давно уже произведенъ. Прибѣгать къ внѣшней войнѣ, для отвлеченія вниманія отъ внутренней неурядицы—едва ли кому-либо будетъ полезно. Европу провести трудно: она умѣетъ отличить Францію отъ управляющаго ею эфемернаго министерства; нація же не пойдетъ на удочку религіозныхъ страстей. Но, несмотря ни на что, положеніе Франціи весьма тяжелое и трагическое. Наступаетъ именно та рѣшительная минута, когда должны сразиться на жизнь и смерть прошедшее и будущее. Разумѣется, побѣда демократіи вѣроятнѣе, какой бы кровавой цѣной она ей ни досталась.

Людовикъ.

Парижъ, 1-го іюля 1877 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Профессіональная гигіена или гигіена умственнаго и физическаго труда. Доктора *Ф. Эрисмана*. Спб. 1877 г.

Извѣстенъ разсказъ о врачѣ, рекомендовавшемъ своему нищему паціенту поѣздку въ Италію, хорошую пищу, стаканъ-другой хорошаго вина и проч. Это—не совсѣмъ сказка, и многіе, смѣющіеся надъ анекдотомъ въ этой формѣ, сами, можетъ быть, принимаютъ дѣятельное участіе въ подобныхъ же анекдотахъ. Они возможны и случаются во всякой области знанія, соприкасающейся съ вопросами практическаго свойства. Народное образованіе, поднятіе уровня народной нравственности, возвышеніе общаго благосостоянія, да и мало ли еще такихъ вопросовъ, въ которыхъ постоянно варьируется анекдотъ о наивно-жестокомъ врачѣ. Если притчей во языцѣхъ сталъ именно врачъ, такъ только потому, что дѣло-то здѣсь ужь очень ясное и наглядное. Анекдотъ способенъ и къ дальнѣйшему развитію. Тотъ же врачъ можетъ негодовать на невѣжество нищаго паціента, который, вопреки ясной, какъ Божій день, истинности преподаваемыхъ ему гигіеническихъ совѣтовъ, продолжаетъ сидѣть за многочасовой работой въ какомъ-нибудь сыромъ подвалѣ и ѣсть скудную и неудобоваримую пищу. Сообразно личности врача, анекдотъ можетъ принимать весьма разнообразные оттѣнки отъ наивно-комическаго до глубоко-возмутительнаго. Дана какая-нибудь истина; дана извѣстная среда, извѣстная обстановка, въ которой эта истина своеобразно преломляется; данъ, наконецъ, человѣкъ, не понимающій этого преломленія или почему-нибудь не принимающій его въ соображеніе—вотъ вамъ и всѣ элементы анекдота на лицо. Ясно, что на взаимныя отношенія этихъ элементовъ

нисколько не повліяетъ дальнѣйшее развитіе, распространеніе и упроченіе истины. Соотвѣтственная наука можетъ дѣлать огромные шаги впередъ, но, если при этомъ остаются безъ вниманія законы преломленія ея истинъ въ данной средѣ, никакой прогрессъ не смететъ съ своей дороги анекдота. Собственно, и упомянутый врачъ—прогрессистъ: онъ не пичкаетъ больного лекарствами; онъ принадлежитъ къ той новой, гигіенической школѣ, которая, вмѣсто подстановки въ жизнь организма частныхъ, искуственныхъ и притомъ эмпирически-находимыхъ условій, рекомендуетъ измѣнить всю совокупность условій жизни больного. Врачъ можетъ быть даже совершенно правъ въ своихъ совѣтахъ. Ошибка его—логическая или нравственная — состоитъ только въ томъ, что онъ не видитъ, какъ прекрасные совѣты эти отскакиваютъ, какъ отъ стѣны горохъ, отъ общественнаго положенія паціента.

Г. Эрисманъ не впадаетъ въ эту ошибку, по крайней мѣрѣ, хочетъ не впадать, и это-то именно обстоятельство дѣлаетъ его книгу достойною всякаго вниманія. Основная точка зрѣнія г. Эрисмана лучше всего выражается въ слѣдующемъ разсужденіи объ условіяхъ крестьянскаго быта: «Въ общемъ, изъ всего приведеннаго матеріала получается впечатлѣніе, что не въ самой профессіональной дѣятельности сельскаго рабочаго заключается причина, обусловливающая какъ родъ, такъ и величину цифры заболѣваемости и смертности въ этомъ сословіи, но что неблагопріятный моментъ лежитъ въ остальной жизненной обстановкѣ крестьянина; сама же работа на свѣжемъ воздухѣ, хотя подчасъ и тяжелая, но въ общемъ—укрѣпляющая организмъ, скорѣе заключаетъ въ себѣ компенсирующій факторъ, который способенъ уменьшить смертность въ крестьянскомъ сословіи. Если это положеніе справедливо, а въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться, то *сельскому населенію могутъ помочь только тѣ гигіеническія мѣры, которыя идутъ рука объ руку съ улучшеніемъ его экономическаго положенія* (курсивъ г. Эрисмана). Покуда крестьянину едва хватаетъ средствъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей; покуда земля, которою онъ обладаетъ, не въ состояніи прокормить его съ семьей, такъ что ему приходится искать другихъ средствъ къ добыванію хлѣба; покуда на него тяжело ложатся мѣстные налоги и государственныя подати—до тѣхъ поръ всѣ попытки къ улучшенію санитарнаго состоянія народа будутъ безуспѣшны». На этомъ основаніи, г. Эрисманъ «далекъ отъ того, чтобы бросить камнемъ въ губернское земское собраніе Вятской Губерніи, которое, въ прошломъ году, отмѣнило свое постановленіе, отъ 11-го декабря 1873 г., о приглашеніи для медицинско-санитарныхъ занятій по вятскому земству особаго врача-гигіениста и рѣшило «должность санитарнаго врача при вятскомъ земствѣ упразднить». Дѣло стоитъ, дѣйствительно, такъ, какъ сказано въ представленіи вятской губернской земской управы: «дѣятельность санитара въ средѣ населе-

нія, лишеннаго возможности, частью по неразвитости, а главнымъ образомъ—по бѣдности, принимать его совѣты и требованія относительно жилищъ, воздуха, пищи, воды, парализуется въ дѣлѣ достиженія какихъ-либо полезныхъ результатовъ для страны» (Профессіон. гигіена, стр. 137 и слѣд.). «Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ авторъ:—нетрудно понять, что, при такомъ соціальномъ положеніи сельскаго рабочаго, въ которомъ послѣдній находится, напримѣръ, въ Англіи, улучшеніе его санитарныхъ условій положительно невозможно, и *всѣ старанія, направленныя исключительно къ исправленію санитарныхъ недостатковъ сельскаго быта и неимѣющія въ виду общаго соціальнаго положенія крестьянина, должны оставаться тщетными, безуспѣшными* (курсивъ подлинника). Скажемъ больше: мы считали бы просто неприличнымъ, неумѣстнымъ глумленіемъ надъ несчастнымъ сельскимъ рабочимъ—давать ему гигіеническіе совѣты въ томъ, какъ онъ долженъ одѣваться, питаться, какъ онъ долженъ строить свое жилище, беречь свои силы и т. д. въ то время, когда почти вся земля находится въ собственности нѣкоторыхъ вельможей (landlords); когда помѣщики и арендаторы кругомъ обираютъ сельскаго рабочаго; когда послѣдній, напрягая всѣ свои силы, едва можетъ спастись отъ голодной смерти и когда не можетъ быть и рѣчи даже объ удовлетвореніи самыхъ элементарныхъ требованій гигіены. При такихъ условіяхъ, можетъ помочь только коренное измѣненіе жизненной обстановки сельскаго работника».

Такъ широко и вмѣстѣ такъ трезво смотритъ нашъ авторъ на свой предметъ—качества, какъ извѣстно, очень рѣдкія въ спеціалистахъ, склонныхъ самоувѣренно выдвигать свою спеціальность въ видѣ единственнаго якоря спасенія. Этой тупой самоувѣренности нѣтъ и слѣда въ г. Эрисманѣ. Мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ бережности его отношеній къ затрогиваемымъ имъ вопросамъ и только укажемъ въ особенности на главы о санитарныхъ условіяхъ умственнаго труда, о фабричныхъ рабочихъ, о женскомъ трудѣ. Анализируя гигіеническія условія различныхъ видовъ труда, авторъ нигдѣ не забываетъ отмѣтить соціологическое, общественное происхожденіе громадной доли антигигіеническихъ явленій. Можно только пожалѣть, что въ трудѣ его встрѣчается сравнительно мало данныхъ изъ русской жизни, хотя пробѣлъ этотъ до извѣстной степени объясняется скудостью соотвѣтственныхъ матеріаловъ вообще.

Такое широкое пониманіе задачъ «профессіональной гигіены» естественно очень усложняетъ роль автора. Гигіена для него не есть собраніе отвлеченно вѣрныхъ правилъ здороваго образа жизни, въ тѣсномъ, медицинскомъ смыслѣ слова. Она есть, съ его точки зрѣнія, ученіе объ условіяхъ здоровой жизни вообще, причомъ, естественнымъ ходомъ самого изслѣдованія, въ него вовлекаются такія вещи, которыя принято обыкновенно отмежевы-

вать въ вѣдѣніе такъ-называемыхъ нравственно-политическихъ наукъ: политической экономіи, науки права. Мы ничего, разумѣется, не имѣемъ противъ такого вторженія гигіены въ область нравственно-политическихъ наукъ. Напротивъ, мы думаемъ, что оно можетъ сильно способствовать уясненію настоящаго смысла многихъ туманныхъ положеній наукъ «юридическаго факультета». Поэтому, мы склонны скорѣе сожалѣть, что авторъ вторгся недостаточно глубоко, лучше сказать, недостаточно твердо и опредѣленно.

Читатель видѣлъ, что г. Эрисманъ совершенно одобряетъ поведеніе вятскаго губернскаго земскаго собранія, которое, послѣ трехгодичнаго опыта, упразднило должность земскаго санитарнаго врача. Читатель видѣлъ и резоны г. Эрисмана. А между тѣмъ, развернувъ книгу на стр. 146, онъ прочтетъ слѣдующее. Г. Эрисманъ полагаетъ, что «просвѣщенное земское управленіе, при помощи дѣльныхъ врачей», можетъ имѣть «громадное вліяніе на физическое благосостояніе сельскаго населенія». Онъ рекомендуетъ для этой цѣли періодическіе съѣзды земскихъ врачей. «Есть, однако, продолжаетъ онъ:—одно условіе, выполненіе котораго необходимо для того, чтобы съѣзды и работы земскихъ врачей имѣли желаемые результаты, именно: *на съѣздахъ непремѣнно должно присутствовать лицо съ спеціальнымъ гигіеническимъ образованіемъ* (курсивъ подлинника), способное обсудить всѣ санитарные вопросы съ научной точки зрѣнія. Гигіенистъ въ этомъ случаѣ явится посредникомъ между наукой и практикой; онъ будетъ обращать вниманіе земскихъ врачей на тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ всего важнѣе для общественнаго здоровья въ селахъ и деревняхъ; онъ будетъ вырабатывать программы для будущихъ наблюденій или принаравливать готовыя уже программы къ даннымъ условіямъ; онъ будетъ представлять земству и врачамъ тѣ мѣры, введеніе которыхъ, при данномъ состояніи науки и при данной жизненной обстановкѣ народа, возможно; наконецъ, на его обязанности, до нѣкоторой степени, будетъ лежать разсмотрѣніе и разработка матеріала, собраннаго врачами. Другими словами: на немъ будутъ лежать всѣ обязанности земскаго санитарнаго врача». Итакъ, неизвѣстно еще, хорошо ли поступило вятское земство, упразднивъ должность земскаго санитарнаго врача.

Откуда это противорѣчіе? Мы думаемъ—вотъ откуда. Если гигіенистъ пришелъ къ заключенію, что та или другая профессія можетъ быть «оздоровлена» только путемъ соціологическимъ, путемъ общественной реформы, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ право, въ ожиданіи этой реформы, сложить руки. Можетъ быть, ему это придется сдѣлать, а можетъ быть—и нѣтъ. Все зависитъ отъ частныхъ условій разсматриваемаго случая, предрѣшить которыя общею формулою невозможно. Напримѣръ: г. Эрисманъ, изображая правдивыми красками положеніе фабричныхъ рабочихъ вообще, приходитъ къ заключенію, что

главнымъ антигигіеническимъ моментомъ ихъ быта является ихъ общественное положеніе. При этомъ, сравнительная высота заработной платы въ томъ или другомъ частномъ случаѣ нисколько не колеблетъ основныхъ неблагопріятныхъ складокъ: необезпеченности, полнѣйшей зависимости отъ предпринимателя, отсутствія нужнаго образованія и капитала въ рукахъ у рабочаго. Слѣдовательно, коренною гигіеническою мѣрою было бы соотвѣтственное измѣненіе взаимныхъ отношеній элементовъ производства. Но это—дѣло будущаго, а въ ожиданіи его мы имѣемъ, напримѣръ — одинъ изъ тысячи примѣровъ—такой веселенькій пейзажикъ: «Промышленный трудъ оказываетъ свое пагубное вліяніе на дѣтей еще во время ихъ утробной жизни. Гиршу удалось доказать переходъ свинца и анилина изъ материнской крови (беременныхъ работницъ) черезъ плаценту и зародышевую воду въ организмъ зародыша» (Проф. гигіена, 265). Ртуть также ядовито дѣйствуетъ на зародышъ. Изъ дѣтей, родившихся отъ работницъ, имѣвшихъ дѣло съ ртутью, на первомъ году умираетъ около 70%, тогда какъ, при сносныхъ гигіеническихъ условіяхъ, приблизительно 20%. Ясно, что тутъ требуются какія нибудь немедленныя мѣры, потому что этимъ путемъ отравленія въ утробѣ матери можетъ получиться жалкое, разслабленное поколѣніе. Отношеніе этихъ, такъ сказать, вторичныхъ требованій гигіены къ требованіямъ основнымъ, кореннымъ разработано у г. Эрисмана довольно поверхностно. И вотъ почему онъ, между прочимъ, то упраздняетъ, то учреждаетъ должность санитарнаго земскаго врача. Мы не знаемъ какъ именно разрѣшается для него это частное противорѣчіе, да и не будемъ этого доискиваться, потому что насъ занимаетъ общій характеръ книги, далеко не свободный отъ указаннаго недостатка.

«Предохранительныя мѣры противъ вредоноснаго вліянія производства» г. Эрисманъ раздѣляетъ на общія и спеціальныя. Къ общимъ онъ относитъ: опредѣленіе нормальнаго рабочаго дня, регулированіе дѣтскаго и женскаго труда, улучшеніе жизненной обстановки рабочихъ устройствомъ здоровыхъ жилищъ, дешевыхъ кухонь; учрежденіе правительственнаго санитарнаго надзора надъ промышленными заведеніями. «Спеціальныя предохранительныя мѣры касаются устройства самыхъ фабрикъ и тѣхъ вообще приспособленій, которыя въ состояніи хотя до нѣкоторой степени отстранять отъ рабочихъ вредные моменты, лежащіе въ самихъ производствахъ. Слѣдовательно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ устройствомъ мастерскихъ, ихъ относительною величиною, ихъ отопленіемъ и вентиляціей и, наконецъ, съ мѣрами для предохраненія рабочихъ отъ пыли, вредныхъ газовъ, ядовитыхъ веществъ, поврежденій машинами и проч.» (384). Эта классификація «предохранительныхъ мѣръ» очень удобна въ смыслѣ конспекта, программы изложенія и, во всякомъ случаѣ, должна быть сохранена. Но ея, казалось бы, немножко мало для ученаго, смотрящаго на свой предметъ такъ широко, какъ смотритъ г. Эрисманъ. Есть,

разумѣется, большая разница между высокой и низкой заработной платой; однако, эта разница исчезаетъ для г. Эрисмана въ самомъ понятіи заработной платы, служащей выраженіемъ необезпеченности и зависимости рабочаго. Точно также есть большая разница между какими нибудь спеціальными предохранительными аппаратами, напримѣръ, отъ вдыханія вредной металлической пыли и такою общею мѣрою, какъ устраиваемые фабрикантами рабочіе дома (коттэджи). Но эта общая и та спеціальная предохранительныя мѣры совершенно сходны въ томъ отношеніи, что нисколько не измѣняютъ основныхъ чертъ быта фабричныхъ рабочихъ. Въ громаднѣйшей рабочей колоніи знаменитаго Круппа въ Эссенѣ рабочій пользуется самыми разнообразными удобствами, но остается такимъ же пролетаріемъ, какъ еслибы онъ работалъ на заводѣ самого отсталаго и небогатаго предпринимателя. Слѣдовательно, съ извѣстной точки зрѣнія (которая есть точка зрѣнія самаго г. Эрисмана), разница между общими и спеціальными предохранительными мѣрами оказывается вопросомъ второстепеннымъ, хотя и имѣющимъ значеніе. Еслибы г. Эрисманъ смѣлѣе и послѣдовательнѣе провелъ собственную мысль о гигіеническомъ значеніи обстановки различныхъ профессій, то, рядомъ съ раздѣленіемъ предохранительныхъ мѣръ на общія и спеціальныя, для него получилась бы еще иная классификація. А вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыя общія мѣры, какъ рабочіе дома, потребительныя общества и нѣкоторыя другія ассоціаціи получили бы менѣе высокую, но за то болѣе справедливую оцѣнку.

Все это не мѣшаетъ, однако, книгѣ г. Эрисмана быть трудомъ чрезвычайно почтеннымъ. Надо также радоваться, что именно онъ, какъ видно изъ объявленія, напечатаннаго на оборотѣ «Профессіональной гигіены», готовитъ «Популярную гигіену, для распространенія гигіеническихъ понятій въ народѣ».

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ *П. В. Анненкова.* 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877.

Тамбур-мажоръ есть солдатъ очень высокаго роста, числящійся по музыкантской командѣ, но въ отличіе отъ прочихъ музыкантовъ расшитый по всѣмъ швамъ галунами и позументами, украшенный густыми, чуть не генеральскими эполетами и вооруженный не какимъ нибудь музыкальнымъ инструментомъ, а булавой, тоже изукрашенной галунами и кистями. Роль тамбуръ-мажора темна и баснословна. По крайней мѣрѣ, непосвященнымъ трудно понять значеніе этого высокаго человѣка, появляющагося только въ рѣдкихъ, торжественныхъ случаяхъ передъ хоромъ музыкантовъ, хотя хоръ этотъ въ зауряднихъ случаяхъ и безъ его таинственныхъ подбрасываній и размахиваній булавой исполняетъ свое дѣло столь же хорошо или столь же дурно (смотря по составу хора), какъ и при немъ.

Столь же темно и баснословно было не такъ давно значеніе въ русской литературѣ П. В. Анненкова. Теперь онъ уже ровно

никакого значенія не имѣетъ, да и дѣятельность свою значительно сократилъ. Новѣйшіе его труды, спѣшимъ замѣтить, чрезвычайно почтенные (о Пушкинѣ), имѣютъ только біографическій и библіографическій характеръ. Не то было лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ, когда всякое выдающееся литературное произведеніе непремѣнно вызывало критическую статью г. Анненкова. Не пропустилъ бы онъ тогда мимо себя ни «Нови», ни «Анны Карениной». Онъ не былъ, такъ сказать, литературнымъ критикомъ по профессіи, который пользуется крупными и мелкими беллетристическими произведеніями для выясненія своихъ задушевныхъ мыслей. Подобно тамбур-мажору, онъ являлся только въ торжественныхъ случаяхъ. Статьи его не представляли ни басистаго голоса «трубы, зовущей на бой», ни скуднаго, однообразнаго боя барабана, ни тонкихъ и нѣжныхъ звуковъ флейты, ни вообще сходства съ игрой на какомъ-нибудь опредѣленномъ музыкальномъ инструментѣ. Ихъ скорѣе можно сравнить съ беззвучными движеніями разукрашенной кистями булавы, ловко подбрасываемой, поднимаемой, отодвигаемой и опять подбрасываемой руками опытнаго тамбур-мажора. Если появлялось что-нибудь крупное въ беллетристикѣ, всякій зналъ, что г. Анненковъ непремѣнно станетъ передъ хоромъ критиковъ и начнетъ красиво размахивать булавой; всякій слѣдилъ за ходомъ его мыслей съ тѣмъ же совсѣмъ особеннымъ, спеціальнымъ интересомъ, съ которымъ вы невольно слѣдите за таинственными манипуляціями тамбур-мажора; и никто, наконецъ, не понималъ, зачѣмъ этотъ человѣкъ все это продѣлываетъ и почему онъ расшитъ по всѣмъ швамъ позументами. Теперь, когда г. Анненковъ—явленіе уже историческое, можно бы было попытаться отвѣтить на эти вопросы. Къ сожалѣнію, пока мы должны отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, потому что критическія статьи г. Анненкова (его главный багажъ) не вошли въ «первый отдѣлъ» его сочиненій. Они составятъ второй отдѣлъ, какъ видно изъ предисловія, подписаннаго буквой С. Затѣмъ, явится, быть можетъ, еще третій, куда войдутъ литературныя воспоминанія г. Анненкова, надъ которыми онъ теперь работаетъ. Авторъ предисловія справедливо говоритъ, что «дружба и знакомство г. Анненкова со многими изъ писателей эпохи 40-хъ и 50-хъ годовъ ручаются за интересъ подобнаго труда, образчикъ котораго онъ далъ намъ въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ, вошедшихъ въ составъ настоящаго перваго отдѣла». Кромѣ воспоминаній о Гоголѣ, въ первый отдѣлъ вошли слѣдующія статьи: «Наканунѣ пятидесятыхъ годовъ. Письма изъ провинціи»; «Февраль и мартъ въ Парижѣ, 1848 года»; «Е. П. Ковалевскій, біографическій очеркъ».

Мы оставимъ въ сторонѣ чрезвычайно любопытныя воспоминанія о Гоголѣ и совершенно незначительную біографическую замѣтку о Ковалевскомъ и остановимся только на парижскихъ и провинціальныхъ письмахъ.

«Въ жизни цѣлыхъ обществъ, какъ и въ жизни частныхъ лицъ, воспоминаніе о тѣхъ событіяхъ, которыя измѣнили коренныя основы ихъ существованія, играетъ, разумѣется, весьма значительную роль. Съ воспоминаніемъ о такихъ событіяхъ рука объ руку идетъ для лицъ и обществъ цѣлый рядъ моральныхъ соображеній, нравственныхъ и политическихъ выводовъ, которые клонятся къ тому, чтобы ограничить или ослабить печальное дѣйствіе историческаго факта, если онъ былъ неблагопріятенъ; распространить или усилить его вліяніе, если онъ былъ полезенъ и благотворенъ. Этой работѣ современной мысли, рождаемой воспоминаніемъ, не могутъ быть чужды и тѣ общества, которыя не подпали прямому дѣйствію какого-либо повсемѣстнаго, европейскаго событія. Собирая извѣстія о немъ изъ чужихъ рукъ, сличая ихъ съ указаніями очевидцевъ и занимаясь ими, общество, находящееся въ положеніи зрителя, учится законамъ и причинамъ, рождающимъ историческія явленія, опредѣленному, неизбѣжному ходу ихъ при извѣстныхъ условіяхъ и моральному смыслу, который непремѣнно отъ нихъ отдѣляется, каковы бы ни были ихъ свойства, сущность и содержаніе». Такими словами г. Анненковъ начинаетъ и мотивируетъ свой очеркъ «Февраль и мартъ въ Парижѣ 1848 г». Но жестоко ошибется тотъ, кто будетъ искать въ самомъ очеркѣ какого-нибудь, хотя бы самаго отдаленнаго отраженія этихъ словъ. Читатель найдетъ тамъ много очень живо и красиво написанныхъ картинокъ, но не найдетъ нетолько заслуживающихъ вниманія «моральныхъ соображеній», «нравственныхъ и политическихъ выводовъ», но даже и поводовъ къ нимъ. На дѣлѣ г. Анненковъ такъ понимаетъ свою тэму, какъ будто въ ней ровно никакого «моральнаго смысла» нѣтъ. «Переворотъ 1848 г., говоритъ онъ:—родился преимущественно на улицѣ, тамъ выросъ, тамъ и кончился. Кого онъ засталъ или повстрѣчалъ на мостовой, тотъ и могъ видѣть его вполнѣ и ознакомиться съ нимъ со всѣхъ сторонъ. Другіе историческіе перевороты обыкновенно имѣютъ длинную генеалогію. Нить, которая приводитъ ихъ въ движеніе и управляетъ ими, скрывается отъ глазъ въ кабинетахъ главныхъ и, по большой части, невидимыхъ дѣятелей. Нельзя говорить о такихъ переворотахъ, не изслѣдовавъ предварительно идей и ученій, подъ вліяніемъ которыхъ они созрѣли. Переворотъ 1848 года былъ весь на лицо, весь на площади, безъ остатка. Онъ произведенъ единственно улицей: люди, партіи, идеи, словомъ, всѣ попытки дать ему опредѣленный политическій оттѣнокъ, навязаться ему въ отцы и руководители, пришли къ нему гораздо позднѣе. Настоящая исторія его должна начаться очень скромно, почти какъ «дневникъ замѣчательныхъ происшествій», какъ «перечень событій» или какъ «вѣдомость о необыкновенныхъ случаяхъ» въ городѣ. Если разсказъ о трехъ февральскихъ дняхъ 1848 г. (22, 23 и 24), пережитыхъ Парижемъ, захочетъ быть вѣрнымъ, неподрумяненнымъ отраженіемъ дѣйствительности, онъ долженъ

держаться преимущественно, такъ сказать, мостовой. Правда, и всякое происшествіе на улицѣ должно имѣть свой поводъ: февральскіе дни, само собой разумѣется, не лишены, поэтому, ближайшей, основной и очевидной причины». И затѣмъ, идетъ уже сплошной разсказъ о «банкетахъ», объ озлобленіи противъ Гизо и т. д. Выходитъ, что «ближайшей, *основной* и очевидной причиною» февральскихъ дней была агитація въ пользу избирательной реформы. Мы не считаемъ нужнымъ опровергать этотъ взглядъ г. Анненкова на происхожденіе февральской революціи, такъ какъ несостоятельность его слишкомъ очевидна. Мы привели его слова только для характеристики его отношеній къ событіямъ, очевидцемъ которыхъ ему привелось быть. Если источниковъ политическихъ переворотовъ слѣдуетъ искать въ «кабинетахъ невидимыхъ дѣятелей» (что, конечно, неправда); если, далѣе, этихъ «кабинетовъ» въ настоящемъ случаѣ не было (что опять-таки неправда), то какіе ужь тутъ «нравственные и политическіе выводы», какой «моральный смыслъ» и какіе ужь тутъ историческіе уроки для постороннихъ зрителей! И дѣйствительно, моральный смыслъ наблюдаемыхъ г. Аненковымъ явленій остается для него неприкосновеннымъ. Правда, онъ недоволенъ февральской революціей; до такой степени недоволенъ, что въ роли Робера Макера (въ піесѣ того же имени), совершенно безсовѣстнаго и въ конецъ развращеннаго разбойника, видитъ какъ бы олицетвореніе или отраженіе «многаго, что̀ дѣлалось на улицахъ Парижа, что̀ говорилось въ клубахъ и что̀ думалось большинствомъ толпы про себя». Но это недовольство, равно какъ и замѣчательное недовѣріе къ республиканскимъ свидѣтельствамъ о событіяхъ, ничѣмъ ни мотивируется и проносится надъ моральнымъ смысломъ явленій, какъ безформенный туманъ надъ горами и долами. Его больше занимаютъ картинки. То маршалъ Бюжо разъѣзжаетъ по всему пространству, занятому войскомъ «на превосходномъ сѣромъ конѣ, окруженный великолѣпнымъ штабомъ и въ маршальской шляпѣ своей, обложенной широкимъ золотымъ галуномъ». А въ это время «солнце выглядывало изъ-за сѣрыхъ облаковъ и ярко ударяло въ кивера, каски, латы и штыки». Красота! То г. Анненковъ «имѣлъ случай видѣть превосходный типъ парижскаго мальчика, красавца собой, который яростно работалъ ломомъ своимъ, между тѣмъ какъ вѣтеръ разносилъ по воздуху его длинные черные волосы». Опять—красота! А когда красота блистаетъ и направо, и налѣво, такъ, опять-таки до моральнаго ли тутъ смысла и до нравственныхъ ли и политическихъ выводовъ?!

Читатель, можетъ быть, отчасти и теперь уже, не ожидая выхода собранія критическихъ статей г. Анненкова, понимаетъ, почему его роль была темна и баснословна и почему его литературная дѣятельность напоминаетъ таинственныя и едва ли необходимыя, хотя и красивыя тѣлодвиженія тамбур-мажора.

Г. Анненковъ случайно попалъ на парижскую улицу въ фев-

ралѣ 1848 г. Онъ не выбиралъ въ этомъ случаѣ своей тэмы, она сама, такъ сказать, навязалась ему. Другое дѣло—«письма изъ провинціи», слишкомъ претенціозно и несоотвѣтственно своему содержанію озаглавленныя «Наканунѣ пятидесятыхъ годовъ». Это—рядъ, какъ сказали бы теперь, фёльетонныхъ картинокъ и портретовъ, мѣстами забавныхъ, мѣстами трогательныхъ и вообще прекрасно и остроумно написанныхъ. Здѣсь авторъ гораздо больше chez soi. Онъ не трактуетъ о моральномъ смыслѣ наблюдаемыхъ имъ явленій, который, между тѣмъ, очевидно гораздо доступнѣе ему, чѣмъ смыслъ февральскихъ дней въ Парижѣ. Это очень естественно: онъ не стѣсненъ выборомъ тэмы и свободно переходитъ отъ забавнаго пустомели Нила Ивановича къ доморощенному представленію въ бѣдномъ балаганѣ, потомъ, къ возмутительной губернской исторіи съ дѣвушкой и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что г. Анненковъ останавливается по большой части на такихъ явленіяхъ, моральный смыслъ которыхъ или совершенно ничтоженъ, или такъ избитъ и ясенъ, что для извлеченія его на свѣтъ Божій не требуется ровно никакихъ усилій. Можетъ быть, именно вслѣдствіе этого «Письма изъ провинціи» читаются съ несравненно бо̀льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ парижскія воспоминанія. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ нѣтъ, все-таки, ничего характернаго для «кануна пятидесятыхъ годовъ», и мы рѣшительно не понимаемъ, на чемъ основывается мнѣніе г. С. (автора предисловія), будто этотъ «канунъ» «даетъ возможность сравнить недалекое прошлое съ настоящимъ». Ничего онъ не даетъ, кромѣ легкаго и пріятнаго чтенія, какъ можетъ убѣдиться всякій проницательный и непроницательный читатель.

Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской Губерніи на 1877 годъ. Изданіе (второе) Эттингера. Спб. 1877.

Волею судебъ литература у насъ искуственно сосредоточена въ столицахъ. Провинціалы этимъ естественно недовольны. Но, собственно говоря, какъ столичнымъ жителямъ вообще, такъ, можетъ быть, въ особенности столичнымъ писателямъ, тутъ тоже мало поводовъ радоваться. Для послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, вопросъ о провинціальной литературѣ есть въ принципѣ вопросъ рѣшенный, конечно, въ смыслѣ распространенія на всю Россію того сравнительно льготнаго положенія, въ которомъ находится литература столичная. Но не отъ насъ зависитъ практическое осуществленіе свободы провинціальной литературы. Мы можемъ только желать, заявлять свои желанія, да развѣ еще высказывать свои мнѣнія о томъ, что̀ можетъ и должна дѣлать провинціальная литература при данныхъ стѣснительныхъ условіяхъ. Надо правду сказать, провинціалы очень нуждаются въ подобныхъ указаніяхъ, потому что часто поступаютъ безтактно и во вредъ самимъ себѣ, и если не во вредъ, то, по крайней мѣрѣ, безъ всякой пользы. Такъ еще недавно большіе разговоры возбуждалъ казанскій сборникъ «Первый шагъ». «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ», и потому мы не будемъ припоминать

частныхъ грѣховъ «Перваго шага». Скажемъ только, что онъ имѣлъ въ виду исключительно литературные интересы и именно потому, несмотря на всю свою горячую преданность идеѣ провинціальной литературы, весьма мало послужилъ ей. Гораздо болѣе скромная и смѣшно озаглавленная «Вятская незабудка» дастъ, надо надѣяться, лучшіе результаты. Начать съ того, что «Первый шагъ», полный мѣстнаго патріотизма, пожелалъ явиться въ Казани, а «Вятская незабудка» благоразумно расцвѣла въ Петербургѣ, т. е. воспользовалась льготнымъ положеніемъ столичной печати, нетолько не утративъ провинціальной физіономіи, а напротивъ, обнаруживъ ее съ гораздо бóльшею опредѣленностью, чѣмъ казанскій сборникъ. «Первыя шагъ» желалъ преимущественно дать исходъ провинціанымъ литературнымъ силамъ, показать, что онѣ есть, что онѣ ни въ чемъ не уступаютъ силамъ столичнымъ, а кое въ чемъ даже превосходятъ и т. д. Сообразно этому, онъ явился, по формѣ, сколкомъ съ литературнаго отдѣла любого столичнаго журнала: повѣсти, разсказы, стихотворенія, литературное обозрѣніе. Благодаря полемическому тону послѣдняго, сборникъ обратилъ на себя вниманіе въ столичной литературѣ, но не могъ возбудить интереса въ мѣстномъ читателѣ, объ чемъ собственно только и долженъ былъ заботиться. Въ самомъ дѣлѣ, спеціально-литературный интересъ провинціальнаго читателя, конечно, лучше удовлетворяется номеромъ «Вѣстника Европы», «Дѣла», «Русскаго Вѣстника», «Отечественныхъ Записокъ», чѣмъ «Первымъ шагомъ», а потому послѣдній могъ вызвать сочувствіе преимущественно только въ друзьяхъ и знакомыхъ сотрудниковъ сборника, да развѣ еще въ крайнихъ мѣстныхъ патріотахъ, которыхъ вовсе не много. Совсѣмъ иначе поступила редакція «Вятской незабудки». Она понимаетъ, что, въ виду крайняго неравенства шансовъ, ей не приходится конкурировать съ столичной литературой, а надо выдумывать что-нибудь свое; что, при данныхъ, по крайней мѣрѣ, условіяхъ, провинціальная литература призвана удовлетворять не спеціально-литературнымъ, а жизненнымъ интересамъ мѣстнаго общества. «Вятская незабудка» есть сборникъ кореспонденцій, написанныхъ за послѣдніе полтора года въ столичныя газеты изъ разныхъ городовъ Вятской Губерніи, съ прибавкою, кажется, нѣкоторыхъ, спеціально для нея написанныхъ статеекъ. Какъ видно изъ надписи на доставленномъ намъ экземплярѣ, первое изданіе «Вятской незабудки» въ количествѣ 800 экземпляровъ разошлось въ полтора мѣсяца. Надо думать, что большинство изданія раскуплено мѣстнымъ обществомъ, а, принимая въ соображеніе малую населенность Вятской Губерніи вообще и малочисленность въ ней представителей культурныхъ классовъ въ особенности, это—успѣхъ огромный, огромный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ естественный, заслуженный. Провинціальныя корреспонденціи часто отклоняются столичными газетами, урѣзываются, наконецъ, затериваются въ массѣ разнообразнѣйшихъ

свѣдѣній, ежедневно доставляемыхъ газетами. Между тѣмъ, многія изъ нихъ чрезвычайно интересны, а всѣ вмѣстѣ, въ цѣломъ, даютъ въ высокой степени любопытную картину. Вотъ маленькій букетъ, который мы набираемъ безъ особенно тщательнаго выбора.

«О каждомъ, мало-мальски знакомомъ съ ссыльными, граждане начинаютъ сплетничать, увѣряютъ, что онъ и самъ уже отданъ подъ строжайшій надзоръ полиціи и, принимая измышленія своей фантазіи за дѣйствительность, клянутся и божатся, что собственными глазами видѣли «секретную» бумагу объ этомъ; мужья грозятъ женамъ ссылкой куда Макаръ телятъ не гонялъ; родители преслѣдуютъ дѣтей бранью и укорами; словомъ, не успокоятся до тѣхъ поръ, пока или сами ссыльные не прекратятъ всякое знакомство, или заблудившія овцы не обратятся снова на путь истинный. По поводу же собраній недавно произошелъ слѣдующій курьёзъ: въ домѣ городскаго головы Платунова нѣсколько лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и мировой судья Шиллегодскій, собирались для занятій музыкой и пѣніемъ и вздумали перенести свои музыкальные вечера въ клубъ, образовавъ нѣчто въ родѣ крошечнаго музыкальнаго общества. Въ первый же пріѣздъ губернатора, Шиллегодскій, какъ наиболѣе храбрый изъ этихъ любителей музыки, отправился къ нему и почтительнѣйше просилъ *дозволить* принадлежащимъ къ музыкальному кружкѝ лицамъ *собираться* въ клубѣ. Губернаторъ былъ, говорятъ, до того пораженъ этой просьбой со стороны лица̀, занимающаго такой видный постъ въ городѣ, что не нашелся ничего сказать, кромѣ: «вы можете собираться, гдѣ вамъ угодно», но про себя, вѣроятно, подумалъ: «до какой степени характерны анекдоты о томъ, какъ вятичи тащили корову на баню и какъ они семеро одного не боятся («Общій очеркъ Слободскаго за 1876 годъ»).

«Что десятникъ былъ засѣченъ—нѣтъ сомнѣнія; вѣроятно, онъ, не имѣя возможности выносить удары, сильно метался; но производители секуціи, для того, чтобы производить операцію удобнѣе, держали несчастнаго за руки и за ноги, садились на голову, на ноги и проч.; насколько сильно, наконецъ, былъ онъ придавленъ къ полу, показываютъ изломы реберъ. Является самый естественный вопросъ: кто это такъ безчеловѣчно сѣкъ и увѣчилъ десятника? Передъ смертью онъ былъ только въ двухъ мѣстахъ въ полицейскомъ управленіи и въ больницѣ; значитъ, гдѣ нибудь тутъ онъ и пострадалъ. Чтожъ, найдены ли виноватые? Вѣроятно, нѣтъ, да и найдти ихъ невозможно» («Яранскіе баши-бузуки»).

«Сарапульское земство очень часто нуждается въ деньгахъ и прибѣгаетъ къ займамъ. Плательщики сарапульскаго земства почти исключительно крестьяне, и земскій сборъ поступаетъ иногда очень неаккуратно и несообразно съ производимыми земствомъ расходами. Займы эти иногда дѣлаются у частныхъ лицъ. Между

*

частными лицами, снабжавшими земство деньгами, оказались: *предсѣдатель управы* г. Ковалдинъ и *членъ ея* г. Митрошинъ. Гг. Ковалдинъ и Митрошинъ, *снабжая земство деньгами, взимали за это по девяти процентовъ»* («Земцы-ростовщики»).

«Въ предшествовавшіе годы развилась въ губерніи страсть къ доносамъ, такъ что мѣстный преосвященный Аполлосъ, чрезъ напечатаніе въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, выразилъ свое порицаніе» («Грустные факты изъ лѣтописи земской медицины»).

Но довольно, кажется. При такихъ условіяхъ вятской жизни (едва ли сильно отличающейся отъ жизни другихъ провинцій), весьма естественно, что большинство статей «Вятской незабудки» имѣетъ обличительный характеръ. Это покажется, конечно, очень скуднымъ и мизернымъ на взглядъ провинціальныхъ писателей, желающихъ конкурировать съ столичною печатью. Но участники и жертвы приведенныхъ безобразій, надо думать, лучше оцѣнять силу и значеніе мѣстной литературы по «Вятской незабудкѣ», чѣмъ по посредственнымъ повѣстямъ, драмамъ и стихотвореніямъ мѣстныхъ писателей. Спеціально-литературный интересъ есть, можетъ быть, очень сладкій плодъ, а возня съ мѣстными безобразіями, можетъ быть—очень горькій корень, но это, все-таки—корень, а то, все-таки—плодъ. Произрастаніе мѣстной литературы должно начинаться съ корня, т. е. съ удовлетворенія потребностей, во-первыхъ, неотложныхъ, во-вторыхъ, большинства, втретьихъ, наконецъ, такихъ, которыя не находятъ удовлетворенія въ существующей уже печати. Желать «Вятской незабудкѣ» успѣха, кажется, незачѣмъ. Мы пожелали бы ей только не гоняться за полнотою коллекціи мѣстныхъ корреспонденцій, а то въ ней попадаются замѣтки, неимѣющія ровно никакого значенія.

Луи Жакольо. **Паріи въ человѣчествѣ.** Переводъ съ французскаго. Спб. 1877 г.

Маленькая книжка Жакольо, очень любопытная и сама по себѣ, наводитъ на слѣдующую мысль. Мы выразили какъ-то сожалѣніе, что наши спеціалисты очень не прочь уличать публику въ невѣжествѣ, а, между тѣмъ, сами мало склонны пригнуться до сообщенія ей нужныхъ свѣдѣній. Говорили мы объ этомъ по поводу русскаго перевода книги Каницца о Болгаріи, въ которомъ отмѣтили, между прочимъ, нѣсколько грубыхъ ошибокъ. Гораздо позже (въ іюньской книжкѣ) въ «Вѣстникѣ Европы» появилась замѣтка объ этой же книгѣ Каницца и о книгѣ Фрилея и Влаховича (въ русскомъ изданіи «Влохити». Авторъ замѣтки г. Д., очевидно, спеціалистъ, гораздо полнѣе и лучше, чѣмъ это могли сдѣлать мы, показалъ безобразіе перевода. (Любопытно, что одна изъ грубѣйшихъ ошибокъ перевода книги Каницца, а именно превращеніе Іоанна Рыльскаго въ св. Рило, повторилась, по замѣчанію г. Д., и въ спеціальномъ изданіи, въ III томѣ «Славянскаго сборника», изданномъ славянскимъ комитетомъ подъ редакціи г. Гильтебрандта). Авторъ не преминулъ, при семъ удобномъ случаѣ, бросить нѣсколько презрительныхъ

укоровъ «нашей средней интеллигенціи», показателемъ невѣжества которой можетъ, по его мнѣнію, служить безобразный переводъ книги Каннтца. Это едва ли основательно, но—пусть. Во всякомъ случаѣ, безобразіе этого перевода можетъ также служить показателемъ безучастности нашихъ спеціалистовъ. Еслибы они нѣсколько пристальнѣе слѣдили за русской литературой, то издатели, изъ боязни получить строгій и своевременный репримандъ отъ компетентныхъ людей, были бы осмотрительнѣе въ выборѣ переводчиковъ, да и переводчики имѣли бы опаску. А то, напримѣръ, тотъ же г. Д. только въ іюнѣ 1877 г. собрался объяснить, что книги, изданныя въ 1876 г., изъ рукъ вонъ плохо переведены. Полгода человѣкъ ждалъ, книга за это время, можетъ быть, разошлась уже, Іоаннъ Рыльскій утвердился въ сознаніи читателей въ видѣ св. Рило, Палаузовъ въ видѣ Паланцова и пр. И онъ же потомъ бранится: невѣжды, говоритъ...

Къ книжкѣ Жаколью все это имѣетъ вотъ какое отношеніе. Жаколью пишетъ очень много, кое-что изъ его произведеній у насъ переведено, а, судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ будетъ переводиться усиленно. Онъ говоритъ о себѣ, какъ о бывшемъ «верховномъ судьѣ въ Пондишери и президентѣ трибунала въ Чандернагорѣ», говоритъ также о своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ по Индіи и Цейлону, о томъ, какъ онъ изучалъ санскритскій языкъ и индійскія древности и пр. Значитъ, человѣкъ свѣдущій. Между тѣмъ, нѣкоторые его взгляды должны, кажется, считаться совершенно еретическими, съ точки зрѣнія существующей историко-филологической науки. Напримѣръ, принято, что паріи суть остатки туземныхъ племенъ, подавленныхъ пришельцами-арійцами. Жаколью рѣшительно возстаетъ противъ этого мнѣнія и утверждаетъ, что паріи или чандала составляютъ продуктъ внутренней исторіи Индіи, а не столкновенія двухъ или болѣе различныхъ племенъ. Другая, не менѣе оригинальная и еще болѣе смѣлая мысль Жаколью состоитъ въ томъ, что паріи, постоянно гонимые, лишаемые нетолько общественныхъ правъ, но даже крова и воды, время отъ времени цѣлыми массами эмигрировали изъ своей родины и населяли такія страны, родственность которыхъ съ Индіей никѣмъ не подозрѣвается. Въ одномъ своемъ сочиненіи Жаколью доказываетъ, что семиты суть именно такіе эмигранты-паріи. Въ лежащей передъ нами книжкѣ «Паріи въ человѣчествѣ» онъ намекаетъ, что таково же происхожденія кафровъ. Правда, доводы его очень слабы, но онъ ссылается на другія свои сочиненія, намъ неизвѣстныя. Въ виду несомнѣннаго знакомства Жаколью, если не съ исторической, то съ живой Индіей; въ виду популярности его изложенія, благодаря которой онъ будетъ, вѣроятно, у насъ сильно переводиться и читаться, было бы чрезвычайно любопытно выслушать мнѣніе спеціалистовъ: въ какой мѣрѣ два приведенные взгляда заслуживаютъ вниманія и чего стоитъ этотъ пи-

сатель вообще. Но наши историко-филологическіе авторитеты молчать...

Кромѣ довольно бездоказательныхъ историческихъ построеній, книжка Жаколье содержитъ чрезвычайно любопытное, хотя и поверхностное описаніе быта и нравовъ паріевъ съ образцами ихъ литературы. Быть можетъ, самое поразительное въ книгѣ представляютъ басни паріевъ, лучше сказать, ихъ мораль. Напримѣръ, одна басня оканчивается такимъ нравоученіемъ: «Не разсчитывай никогда на признательность голоднаго брюха. Если ты услышишь человѣка, взывающаго къ тебѣ изъ глубины ямы, брось ему камнемъ въ голову; если ты поможешь ему, то онъ же тебя убьетъ». Другая: «Не полагайся на боговъ, такъ какъ самое пламенное воззваніе къ нимъ не спасетъ тебя отъ хорошаго удара дубины». Третья: «Вступай въ союзъ только съ тѣмъ, кто можетъ быть полезенъ. Устроивай свое жилище близь перекрестковъ, гдѣ помѣщаются храмы, и, когда настанетъ ночь, воруй жертвы, принесенныя богамъ». Четвертая: «Есть нѣчто еще болѣе лживое, чѣмъ молитвы браминовъ, милосердіе королей, честность финансистовъ и вѣрность женщинъ: это — слёзы наслѣдниковъ. Когда покойникъ-парій брошенъ въ кустарникъ, сынъ его не плачетъ: онъ знаетъ, что отецъ его ничего не оставилъ ему, что могло бы окупить его слёзы». Одно изъ двухъ: или это—тонкая иронія собственно баснописцевъ, или непосредственное, положительное выраженіе нравственныхъ понятій массы паріевъ. Какъ ни невѣротнымъ кажется послѣднее предположеніе, но это—дѣло возможное. Тайлоръ приводитъ обычай какого-то индійскаго племени или касты произносить при одной церемоніи, совершаемой надъ дѣтьми, слова: «да будешь ты воромъ!» И каста эта, дѣйствительно, живетъ воровствомъ, какъ другіе живутъ земледѣліемъ, охотой и т. п. Но даже и въ первомъ случаѣ, т. е. если мораль басень есть продуктъ нѣкоторой иронической философіи выдающихся мизантроповъ-баснописцевъ, она, все-таки, свидѣтельствуетъ объ отчаянномъ матеріальномъ положеніи и глубокомъ нравственномъ паденіи массы паріевъ. И, дѣйствительно, Жаколье разсказываетъ на этотъ счетъ ужасы. А между тѣмъ, число паріевъ во всей Индіи простирается, по его словамъ, до сорока мильйоновъ. Понятно, что было бы очень важно знать, чѣмъ доведены эти мильйоны людей до послѣдней грани человѣкообразія—нашествіемъ ли иноплеменниковъ, съ глубокою національною ненавистью обрушившихся на туземцевъ, какъ обыкновенно думаютъ, или же процессомъ сословнаго развитія внутренней исторіи Индіи, какъ утверждаетъ Жаколье. Общій вопросъ о характерѣ группъ національныхъ и сословныхъ и взаимномъ ихъ отношеніи получилъ бы очень цѣнный матеріалъ для своего разрѣшенія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нѣсколько словъ «Сѣверному Вѣстнику».

Газета «Сѣверный Вѣстникъ» завела у себя особаго обозрѣвателя для научнаго отдѣла русскихъ журналовъ. Обозрѣватель этотъ, какъ и подобаетъ обозрѣвателю научнаго отдѣла, корчитъ изъ себя нетолько великаго ученаго, но и великаго ревнителя чести всѣхъ ученыхъ. Встрѣтивъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» мысль, что «ученые люди далеко не всегда бываютъ развитыми, а развитые—честными» и что знанія сами по себѣ никакой панацеи противъ общественныхъ золъ не составляютъ, что «они могутъ принести свой пышный плодъ только на черноземной почвѣ цѣльныхъ характеровъ, неразслабленныхъ ухищреніями культуры, недеморализованныхъ бѣшеной погоней за личными наслажденіями», онъ приходитъ въ притворное недоумѣніе. Кàкъ!? ученые люди—и не развитые?? и даже канальи и прохвосты?? возможно ли это допустить? «Читая подобныя вещи, говоритъ ученый обозрѣватель:—подумаешь, что наука, въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ разрабатывается только одними льстецами, биржевиками и тому подобными людьми». Намъ странно слышать подобное недоумѣніе въ устахъ ученаго обозрѣвателя, личность котораго мы очень хорошо знаемъ. Намъ кажется, онъ, скорѣе, чѣмъ кто-нибудь, долженъ бы былъ понимать, что ученые люди могутъ быть и канальями и прохвостами—да еще какими?—А еще страннѣе та инкриминація, которую, по поводу вышеозначенныхъ труизмовъ, онъ дѣлаетъ противъ «Отеч. Записокъ». Не во гнѣвъ будь сказано ученому обозрѣвателю: надобно было имѣть немалую дозу безстыдства и нахальства, чтобы вчинить подобную инкриминацію. Именно авторъ говоритъ: «читатель, научившійся у «Отеч. Записокъ» (подразумѣвается тому, что «ученые люди бываютъ иногда канальи и прохвосты и что знанія безъ соотвѣтственной имъ дѣятельности общества не спасутъ»), будетъ ходить козыремъ, повторяя, что старая наука и искуство—это махровые цвѣтки старой эгоистической культуры и вмѣстѣ съ тѣмъ главные рычаги ея. Мнѣ, стало быть, подумаетъ читатель:—нѣчего заниматься старой дрянной наукой; я буду дожидаться новой, а пока буду ходить въ «Буффъ».—Спрашивается: возможно ли, нетолько найдти, но

и представить себѣ хоть одного недалекаго человѣка, который бы изъ двухъ вышеприведенныхъ труизмовъ сдѣлалъ выводъ, предполагаемый ученымъ обозрѣвателемъ? Что-нибудь одно изъ двухъ: или читатель ничего кромѣ повѣстей не читаетъ, и тогда онъ въ небеллетристическіе отдѣлы вовсе не заглядываетъ, или, если онъ заглядываетъ и въ послѣдніе, то, навѣрное, очень хорошо понимаетъ, что иное дѣло—наука, а иное дѣло—ея служители или прикидывающіеся таковыми. Наука есть и остается прекрасною, а ученый можетъ быть и самымъ дряннымъ человѣкомъ. Если бы я ученаго обозрѣвателя назвалъ, напримѣръ, пошлякомъ, а я имѣю на это право, потому, что онъ, какъ увидитъ читатель ниже, употребляетъ свои знанія для дрянныхъ цѣлей, то какой же здравомыслящій читатель обвинитъ меня за это «въ пренебреженіи къ наукѣ», предполагая даже, что онъ обозрѣвателя считаетъ дѣйствительно ученымъ? Всякому извѣстно, что знанія могутъ употребляться и употребляются многими и для дрянныхъ цѣлей—и наука тутъ совсѣмъ не причемъ. Далѣе, на томъ же самомъ столбцѣ, гдѣ инкриминируются «Отеч. Зап.» за то, что не скрываютъ отъ своихъ читателей, что ученые могутъ быть и пошляками, и тѣмъ яко-бы отвращаютъ ихъ отъ науки, г. N. N. поучаетъ насъ, что «честность въ наукѣ заключается въ безусловно-объективномъ отношеніи ко всякимъ взглядамъ партій и что возможность вполнѣ самостоятельнаго отношенія къ предмету открываетъ писателю только книжная литература, а не журнальная». Спрашивается: насколько это поученіе о безусловно-объективномъ отношеніи и самостоятельномъ отношеніи къ предметамъ вяжется съ поученіемъ автора о необходимости аккомодаціи къ разумѣнію читателей на счетъ ученыхъ?—Вѣдь, если среди ученыхъ есть немало пошляковъ, то безусловно объективное и самостоятельное отношеніе къ предметамъ или, говоря другими словами, честность требуетъ не скрывать этого, а напротивъ, разъяснять это, когда нужно. Мы издаемъ не дѣтское чтеніе и не христоматію для юнаго возраста, чтобы отъ насъ требовать аккомодаціи къ разумѣнію читателей.

Уже сказаннаго мною довольно, чтобъ читатель могъ понять, что не ревность по наукѣ и не безпристрастіе водятъ перомъ ученаго обозрѣвателя, когда онъ начинаетъ говорить объ «Отечественныхъ Запискахъ», а соображенія и чувства совсѣмъ другого характера. Еще относительно прошедшаго фёльетона г. NN о «Вѣстникѣ Европы» многіе говорили, что хотя фёльетонистъ и ведетъ рѣчь о «Вѣстникѣ Европы», но умъ его занимаютъ и чувства его волнуютъ не «Вѣстникъ Европы», а «Отечественныя Записки», и онъ туда направляетъ свои косвенные удары. Въ особенности, г. NN неравнодушенъ ко мнѣ, внутреннему обозрѣвателю. А ужь, кажется, что значилъ бы для такого великаго ученаго, какъ г. NN, который не допускаетъ даже вообще въ серьёзныхъ отдѣлахъ журналовъ возможности вполнѣ честныхъ статей, такъ какъ, по его мнѣнію, только въ книгѣ «пи-

сатель остаётся полнымъ хозяиномъ своихъ мыслей», а о серьёзномъ отдѣлѣ «Отечественныхъ Записокъ» говоритъ, что здѣсь нѣтъ никакой серьёзности, что здѣсь «не столько разсуждаютъ, сколько рисуютъ пріятныя картинки»—что, говорю, для такого великаго ученаго значилъ бы *я*, скромный внутренній обозрѣватель, бѣгло отмѣчающій характеръ нѣкоторыхъ текущихъ явленій? Но онъ льнетъ ко мнѣ и будетъ льнуть, ибо я ему очень непріятенъ. Это меня лично нисколько, конечно, не печалитъ, а, напротивъ, радуетъ, ибо я всегда чувствую удовольствіе, когда мнѣ представляется случай напомнить какому-нибудь самодовольному пошляку, что онъ—пошлякъ. Но вотъ только какое я чувствую при этомъ неудобство. Закулисная сторона литературныхъ отношеній публикѣ неизвѣстна: неизвѣстны и отношенія г. NN къ «Отечественнымъ Запискамъ» вообще, и въ частности лично ко мнѣ. Поэтому ей могутъ показаться странными тѣ *исполненныя ревности по наукѣ и безпристрастія* собесѣдованія, какія мы будемъ вести съ г. NN, и она будетъ находиться въ крайнемъ недоумѣніи. Не на моей, конечно, прямой обязанности лежало бы выводить публику изъ этого недоумѣнія, а на г. NN. На мѣстѣ г. NN, человѣкъ, не говорю, честный, а лишь сколько-нибудь совѣстливый, не сталъ бы писать иначе объ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ за подписью полнаго своего имени. Разъ г. NN этого не сдѣлалъ, на мнѣ лежитъ обязанность разъяснить публикѣ или, что почти тоже, назвать г. NN по имени. Имѣю ли я право, спросятъ меня, принять на себя обязанность, исполненіе которой невозможно безъ нарушенія существующаго въ литературѣ обычая не открывать чужихъ псевдонимовъ и анонимовъ? Думаю, что въ данномъ случаѣ я имѣю полное на это право. Ибо данный случай, по по моему мнѣнію, относится къ числу тѣхъ случаевъ, когда псевдонимъ и анонимъ сорвать нетолько такъ же позволительно, но и похвально, какъ позволительно сорвать маску съ любителя чужой собственности, забравшагося въ вашъ домъ ночью. Но пока я этимъ своимъ правомъ не воспользуюсь, предоставляя самому г. NN или его сообщнику г. Коршу исполнить свою прямую обязанность по отношенію къ публикѣ. Но если они этой обязанности не исполнятъ, то пусть потомъ на меня не пеняютъ. Я сдѣлаю то, что я считаю себя въ правѣ сдѣлать. Теперь же пока я оставлю ученаго обозрѣвателя подъ принятымъ имъ анонимомъ NN и познакомлю читателя съ тѣмъ якобы открытіемъ, которымъ г. NN подарилъ г. Корша.

Отвѣчая «Русскому Міру» на высказанное имъ противъ «Отечественныхъ Записокъ» обвиненіе въ томъ, что въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», вышедшей спустя всего 12 дней послѣ объявленія манифеста, не было ни слова сказано о войнѣ, я написалъ, между прочимъ, слѣдующія строки: «Вопреки мнѣнію «Русскаго Міра», редакція «Отечественныхъ Записокъ» не считаетъ ни нужнымъ, ни достойнымъ себя помѣщать заднимъ

числомъ тѣ извѣстія о войнѣ, которыя передаются ежедневными газетами — а болѣе и писать было не о чемъ. Единственный предметъ, которымъ она могла заняться по поводу объявленія войны, это—отношеніе Россія къ славянскому вопросу и славянамъ, о томъ, нужна ли эта война? желательна ли она? но объ этомъ предметѣ мы такъ много говорили въ прошедшемъ году по поводу сербско-турецкой войны, помѣстили нѣсколько даже отдѣльныхъ статей, что намъ бы пришлось теперь только повторять старое и сказанное нами уже много разъ».

Ученый обозрѣватель передаетъ эти слова такимъ образомъ: «Отечественныя Записки» не нашли ничего сказать оригинальнаго по поводу настоящей войны, а потому признали благоразумнымъ ничего не сказать вовсе. Конечно, это лучше, чѣмъ повторать сказанное другими». И еще: «собственное сознаніе «Отечественныхъ Записокъ» въ неимѣніи сказать ничего новаго по поводу восточнаго славянскаго вопроса наводитъ меня» и проч. Спрашивается: возможно ли недобросовѣстнѣе и злостнѣе подтасовывать и коверкать чужія слова? И такой-то господинъ смѣетъ говорить о безусловно-объективномъ отношеніи къ предметамъ, о честности въ наукѣ и въ литературѣ??!!

Но пойдемъ далѣе. Учинивъ означенную продѣлку по отношенію ко мнѣ, г. NN начинаетъ кривляться и ломаться. Оно точно, говоритъ:—о славянскомъ вопросѣ такъ много говорилось, что онъ кажется исчерпаннымъ. Но, вѣдь, кто говорилъ? Филантропы, славянофилы, западники. Мотивировали наше участіе въ дѣлахъ Востока филантропы человѣческими и христіанскими симпатіями, славянофилы — симпатіями племенными; западники, «принимая обѣ эти причины, какъ мотивъ къ настоящему вмѣшательству въ восточныя дѣла, отвергаютъ, однакожъ, необходимость проповѣдуемаго славянофилами союза на борьбу съ Западомъ, утверждая, что... славянству есть еще чему научиться у Запада. Оба послѣднія воззрѣнія, продолжаетъ авторъ: — давно живутъ въ нашей литературѣ, и на этотъ разъ выносятся изъ почтенныхъ архивовъ для украшенія газетъ и журналовъ по поводу внѣшнихъ событій. Они ставятъ вопросъ довольно отвлеченно для того, чтобы обнимать всѣ его существенныя стороны, ибо слишкомъ литературны... Наши западники и славянофилы занимались болѣе возвышенными проявленіями народной жизни, пѣснями, эпопеями и проч., а не такими пустяками, какъ экономическіе счеты». А въ экономическихъ-то счетахъ, дескать, и есть вся суть восточнаго вопроса.

Прежде всего, я долженъ сказать, что г. NN впадаетъ въ большое заблужденіе, когда изображаетъ славянофиловъ подъ образомъ какихъ-то простодушныхъ мечтателей, которыхъ ничто не занимаетъ, кромѣ пѣсней, эпопей и т. п. Всякому знакомому съ исторіею славянофильства и оффиціально, и неоффиціально извѣстно, что, подъ покровомъ невинныхъ занятій славянскими древностями, славянофилами велась самая сильная сла-

вянская агитація, которая нетолько не выпускала изъ виду, вмѣстѣ съ другими современными ей вопросами, экономическихъ счетовъ, но и однимъ изъ главныхъ ея стремленій было поправить экономическую постановку обществъ, насажденную и насаждаемую «гнилымъ», по ея выраженію, Западомъ. Точно также, только неподумавши, можно впасть въ такую грубую ошибку, въ какую впадаетъ г. NN, когда говоритъ, что и въ настоящую минуту всѣ желающіе освобожденія славянъ совершенно выпустили изъ виду экономическую сторону дѣла и что честь открытія этой стороны восточнаго вопроса принадлежитъ ему, ученому обозрѣвателю. Чѣмъ бы ни мотивировалась необходимость освобожденія славянъ отъ турецкаго владычества, человѣческими ли и христіанскими симпатіями, симпатіями ли племенными и т. п., но разъ это освобожденіе требуется, то съ понятіемъ освобожденія соединаются всѣ тѣ блага, которыми пользуются люди свободные, а въ томъ числѣ, конечно, и право устроить свою экономическую жизнь по своему желанію. Иначе въ чемъ же и состояло бы освобожденіе? Чего ищутъ другого и филантропы, и славянофилы, и западники, какъ не того, чтобы, освободивъ славянъ отъ турецкаго владычества, дать имъ черезъ это возможность обезпечить для себя лучшее моральное и матеріальное благосостояніе? Во всѣхъ извѣстіяхъ, корреспонденціяхъ, передовыхъ статьяхъ, фёльетонахъ, особыхъ статьяхъ и разсужденіяхъ, вездѣ на первый планъ ставится бѣдственное экономическое положеніе славянъ, находящихся подъ турецкимъ владычествомъ, и, главнымъ образомъ, для улучшенія этого положенія требуется освобожденіе славянъ и филантропами, и славянофилами, и западниками. Удивительно, ка̀къ все это могъ просмотрѣть ученый обозрѣватель и сказать такой грубый вздоръ, что на экономическую сторону восточнаго вопроса никто до сихъ поръ не обращалъ вниманія. Надобно предположить одно изъ двухъ: или авторъ вовсе не читаетъ текущей прессы, или онъ употребляетъ здѣсь такую же продѣлку какъ и со мною, то есть умалчиваетъ о томъ, что̀ несогласно съ его цѣлію — представить себя публикѣ Колумбомъ, открывшимъ Америку въ разрѣшеніи восточнаго вопроса.

Обратимся къ этой открытой ученымъ обозрѣвателемъ Америкѣ.

Я не буду говорить о множествѣ мелкихъ открытій, которыя дѣлаетъ авторъ, усиливаясь подъѣхать къ своей Америкѣ, открытій въ родѣ слѣдующихъ: что во всякомъ государствѣ есть городское и сельское населеніе, что городское населеніе живетъ въ городахъ, а сельское—въ деревняхъ и селахъ, что городъ—не то, что деревня, а деревня—не то, что городъ, что деревня кормитъ городъ, а городъ не кормитъ деревни, что между тѣмъ, не деревня владѣетъ городомъ, а городъ деревней, что, торговля служитъ культурнымъ государствамъ средствомъ для подчиненія некультурныхъ и т. д. и т. д.. Всѣ эти открытія ав-

тора ничѣмъ не отличаются по своему содержанію, а въ данномъ случаѣ, пожалуй, и по цѣли отъ того, которое дѣлалъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ о пространствѣ Русскаго Государства Собакевичу, объясняя послѣднему, «что даже самая древняя римская монархія не была такъ велика, и иностранцы справедливо удивляются»... и авторъ имѣлъ полное основаніе и право не сообщать этихъ открытій публикѣ. а хранить ихъ въ своихъ правовѣдскихъ или лицейскихъ тетрадочкахъ для вящшаго накопленія своего экономическаго богатства.

Я обращусь прямо къ дѣлу—къ тому, что авторъ выдаетъ за найденный имъ ключъ къ разрѣшенію восточнаго вопроса.

Съ давняго времени, говоритъ онъ:—культурныя государства съ малоземельными территоріями поняли необходимость, для пропитанія своего возростающаго населенія, подчинять себѣ такія некультурныя или малокультурныя страны, по отношенію къ которымъ они могли бы играть такую же роль, какую играетъ городъ по отношенію къ деревнѣ, т. е. гдѣ бы они могли находить сырье для обработки и гдѣ могли бы имѣть сбытъ для своихъ обработанныхъ продуктовъ. Этого помянутыя государства достигали двумя путями: одни, какъ Римъ—посредствомъ завоеваній, другія — посредствомъ торговли, какъ Финикія въ древности, и въ болѣе позднее время Голландія, Венеція и, наконецъ, Англія. Но «ни одно государство не воспользовалось торговлею, какъ средствомъ для подчиненія себѣ другихъ странъ, съ такимъ сознаніемъ и такою настойчивостію, какъ Англія». Вслѣдъ за Англіей поняла эту тактику и переняла ее и остальная Европа. «Поэтому, онѣ, говоритъ авторъ: — т. е. Англія и вся Европа, давно играютъ роль своего рода города относительно Восточной Европы и, что тоже—славянства. Россія и покровительствуемыя ею земли давно играютъ роль европейской житницы, и въ то время, какъ Англія и Европа богатѣютъ, славянство играетъ только роль сельскаго рабочаго». Этого сельскаго рабочаго натурально старается сохранить себѣ Англія, могущая поддерживать свое существованіе только чрезъ расширеніе рынковъ своей торговли, а не сокращеніе ихъ, и «вотъ причина, почему Англія *должна* ревниво противодѣйствовать всему, что облегчало бы Россіи найти себѣ азіатскіе рынки и развить самостоятельную промышленность». По той же причинѣ она должна относиться враждебно ко всякимъ успѣхамъ цивилизаціи и у остального славянства и, слѣдовательно, быть заинтересованной въ существованіи Турціи; ибо, «пока будетъ существовать Турція, славянскія земли будутъ лишены возможности всякаго экономическаго и промышленнаго развитія, и сама Турція, и юго-западъ Азіи осуждены на положеніе невѣжества, въ которомъ они коснѣютъ издавна; Россія точно также будетъ лишена всякихъ средствъ воспользоваться своимъ близкимъ положеніемъ къ Черному Морю, для развитія своей торговли. Турція, это—геркулесовы столбы территоріальнаго развитія европейской культуры и ярмо, надѣтое на сла-

вянство и охраняемое происками Англіи». Ахъ какія все это новости! Не даромъ авторъ въ такой витійственный жаръ впадаетъ: и «Геркулесовы столбы», и «ярмо» изъ своихъ школьныхъ тетрадочекъ при семъ удобномъ случаѣ вспомнилъ. Но это не все, слушайте далѣе: «никто столько не заинтересованъ въ уничтоженіи этого ярма, какъ славянство и Россія, никто настолько не заинтересованъ въ его сохраненіи, какъ западъ Европы (?) и Англія по преимуществу». И насчетъ славянства и Россіи и Англіи—опять новости! Вѣдь, вотъ подите же, и просто, кажется, а никто этого до сихъ поръ не зналъ и не сказалъ! Да, никто не зналъ и не сказалъ ни одинъ человѣкъ. Въ этомъ совершенно убѣжденъ авторъ, что онъ только одинъ и *первый*, все это проникъ и повѣдалъ. За то какое же самодовольное и заключеніе! Мы беремъ только ничтожную часть его: «Вотъ почему, говоритъ авторъ: — восточный вопросъ является общеславянскимъ вопросомъ, вопросомъ освобожденія всего востока Европы отъ того деревенскаго положенія, въ которомъ онъ до сихъ поръ находился къ западу».

Въ этомъ и состоитъ вся суть открытія! Читатель, къ удивленію своему, видитъ, что, вмѣсто открытія, съ такою помпою ученымъ обозрѣвателемъ возвѣщеннаго, онъ встрѣчаетъ плохое ученическое сочиненіе на тэму: чѣмъ объяснить наше участіе въ нынѣшней войнѣ? сочиненіе, въ которомъ нетолько нѣтъ отвѣта на вопросъ, но и нѣтъ простой логической связи и послѣдовательности. Это—сплошная путаница.

Какъ могло скомпановаться подобное чудное открытіе въ головѣ автора—объяснить это очень нетрудно. Автору сильно хотѣлось сказать что-нибудь оригинальное по вопросу, о которомъ такъ много было говорено и многими. Ему представилось, что онъ легко достигнетъ этой цѣли, примѣнивъ аналогію отношеній между городомъ и деревнею къ отношеніямъ, существующимъ между государствами, стоящими на различныхъ степеняхъ культуры. Пока авторъ развивалъ отношенія города къ деревнѣ, дѣло шло какъ по маслу. Но когда привелось примѣнять эту аналогію къ отношеніямъ государствъ между собою, у автора никакихъ фактовъ за душою для подтвержденія этой теоріи не оказалось. Даже избитая и вполнѣ, конечно, справедливая мысль, что Англія поддерживаетъ существованіе Турціи изъ-за своихъ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, въ смыслѣ теоріи автора, совсѣмъ не вытанцовывается. Не потому Англія поддерживаетъ Турцію, что боится съ уничтоженіемъ Турціи потерять роль города по отношенію къ славянскимъ землямъ. Ужь если Россія, работающая столько времени надъ своимъ развитіемъ, остается по отношенію къ Англіи селомъ, то тѣмъ болѣе никакой другой роли не могутъ играть по отношенію къ Англіи освобожденныя славянскія земли. По своемъ освобожденіи, онѣ сдѣлались бы даже лучшимъ селомъ для Англіи, чѣмъ были до сихъ поръ, потому что стали бы производить гораздо больше, можетъ быть, въ 10, въ 100 разъ болѣе

сырья, чѣмъ производятъ теперь. Если Англія употребляетъ всѣ усилія, чтобы отстоять Турцію, то, повторяемъ, вовсе не изъ боязни того, что освобожденныя славянскія земли выйдутъ изъ роли села, какъ полагаетъ авторъ, а потому, что теперь, благодаря ея сильному вліянію на Турцію, ея торговые, промышленные и биржевые интересы здѣсь болѣе или менѣе монополизированы, что, конечно, неминуемо исчезнетъ съ уничтоженіемъ Турціи. Что касается остальной Европы, то хотя авторъ и повторяетъ, что вся Европа старается держать славянскія земли во власти Турціи, но не привелъ ни одного факта, изъ котораго бы было видно, что этого желаетъ Италія, Испанія, Франція, Германія, и привести не можетъ, потому, какъ я уже сказалъ, что если бы они и желали оставить славянскія земли по отношенія къ себѣ въ положеніи села, то ихъ простой разсчетъ долженъ былъ бы заставить ихъ желать освобожденія славянскихъ земель изъ-подъ турецкаго ига, ибо тогда эти сёла будутъ производить гораздо болѣе сырья, будутъ богаче, и тогда они будутъ представлять гораздо лучшій рынокъ и для пріобрѣтенія сырья, и для сбыта обработанныхъ продуктовъ. Объ одной только Австріи, можетъ быть, можно сказать, что она желаетъ, какъ и Англія, поддержать существованіе Турціи. Но и тутъ дѣйствуетъ не желаніе играть роль города по отношенію къ славянскимъ землямъ, а причины племенныя и политическія. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что Австрія отказалась отъ присоединенія къ своей территоріи Босніи и Герцеговины, которыя ей предлагались. Авторъ смѣется надъ славянофилами, которые въ восточномъ вопросѣ даютъ большое значеніе племеннымъ симпатіямъ. «Задача славянства, говоритъ онъ:—состоитъ не въ возстановленіи мурмолокъ, не во всесвѣтномъ торжествѣ кирилицы, а въ уничтоженіи прежде всего тѣхъ преградъ къ его собственному развитію, которыя ревниво охраняетъ противъ него западная Европа, и открытія затѣмъ свободнаго пути цивилизаціи къ азіатской территоріи». Однакожъ изъ-за чего же волнуются чехи, хорваты, словене и другіе славяне—свободные граждане конституціоннаго австрійскаго государства? Изъ-за чего хлопочетъ Россія, если все дѣло идетъ о томъ, чтобы уничтожить преграды къ собственному развитію и открыть свободные пути цивилизаціи въ Азію? Кажется ужъ Россія, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, не можетъ жаловаться на помѣху со стороны Англіи и тѣмъ болѣе Европы!

Нѣтъ, увѣряетъ г. NN, можетъ, и прибѣгаетъ къ самымъ забавнымъ натяжкамъ, чтобы доказать это. Англія, видите ли, враждебно смотритъ на успѣхи развитія Россіи и *должна* (слышите ли: *должна*!) имъ противодѣйствовать. Мало ли кто на кого смотритъ враждебно и *долженъ*... но если у него руки коротки, чтобы достать противника, то что за дѣло послѣднему до его вражды? Въ такомъ именно положеніи безсильной вражды противъ Россіи находится и Англія, и по отношенію внутренняго развитія Россіи, и въ отношеніи дѣйствія послѣдней

въ Азіи. Правда, относительно Азіи авторъ усиливается представить дѣло такимъ образомъ, что Россія, какъ будто, стѣснена здѣсь Англіей. Но всѣмъ извѣстно, что дѣло идетъ совсѣмъ наоборотъ. Россія безъ всякой помѣхи такъ глубоко проникла въ Азію, что стоитъ теперь чуть не на границѣ индійскихъ владѣній Англіи и имъ угрожаетъ. Что касается, въ частности, до замѣчанія автора, что пока будетъ существовать Турція, «Россія будетъ лишена всякихъ средствъ воспользоваться своимъ близкимъ положеніемъ къ Черному Морю для развитія своей торговли», то насколько это замѣчаніе относится до славянъ и другихъ прибрежныхъ жителей Чернаго Моря, это—еще вопросъ: разовьетъ ли здѣсь свою торговлю Россія и по освобожденіи славянскихъ земель и даже по уничтоженіи Турція? Вотъ Сербія давно уже не подъ властію Турціи, а между тѣмъ Россія не имѣетъ съ нею никакихъ торговыхъ сношеній. Почему? Потому что сырья у Россіи и своего довольно, и ей нѣтъ никакой нужды запасаться имъ еще изъ Сербіи; что касается обработанныхъ продуктовъ, то сербамъ доставляла ихъ нѣмецкая промышленность, и лучшіе, чѣмъ могли бы мы доставить, и по цѣнамъ болѣе дешевымъ. Тоже самое будетъ и съ другими славянскими землями по ихъ освобожденіи, и вообще съ прибрежнымъ черноморскимъ населеніемъ Турціи, даже по совершенномъ уничтоженіи послѣдней. При той свободѣ торговли, которая откроется здѣсь для государствъ, Россія не въ состояніи будетъ конкурировать съ промышленностію, ни нѣмецкою, ни французскою, ни англійскою, тѣмъ болѣе, что, и по разстоянію, нѣмецкая промышленность гораздо ближе къ прибрежьямъ Чернаго Моря и Дуная, чѣмъ русская. Впрочемъ, и близость разстоянія въ этомъ случаѣ не можетъ дать особеннаго важнаго перевѣса. Говорятъ, что англійскіе ситцы, выдержавшіе круговое морское путешествіе въ Китай, все-таки, продаются тамъ вдвое дешевле московскихъ.

Вообще, пока рѣчь идетъ только о славянскихъ земляхъ, находящихся подъ владычествомъ турецкимъ, то теорія автора, по крайней мѣрѣ, по наружности, для перваго впечатлѣнія сохраняетъ нѣкоторый смыслъ. Но какъ скоро авторъ въ число славянскихъ земель включаетъ и Россію, то онъ сразу обращаетъ всѣ свои измышленія въ совершенную путаницу и безсмыслицу. Россія политически сильна, нетолько ни отъ кого не зависима, но и другимъ страшна; въ своемъ внутреннемъ развитіи совершенно свободна. И, однакожь, находится, по словамъ автора, въ состояніи села по отношенію къ Англіи и вообще всей Европѣ. Въ такомъ же положеніи селъ по отношенію къ Англіи и Европѣ, нетолько не лучшемъ, а въ много разъ худшемъ, чѣмъ Россія, останутся и освобожденныя славянскія земли. Въ такомъ случаѣ, для чего же война, когда, по словамъ автора, цѣль войны не иная какая, какъ освобожденіе славянства отъ того деревенскаго положенія, въ какомъ оно до сихъ поръ находилось

къ западу? Авторъ можетъ сказать, что политическое освобожденіе славянства отъ турецкаго владычества, добытое войною, можетъ послужить первою ступенью для освобожденія ихъ и отъ деревенскаго положенія по отношенію къ Европѣ. Да, можетъ послужить, но можетъ и не послужить. Очень вѣдь, возможно, что нѣкоторыя изъ славянскихъ земель, а можетъ быть и всѣ, никогда не будутъ въ состояніи добиться того, чтобы выйдти изъ деревенскаго положенія по отношенію къ Европѣ, можетъ быть. не будутъ даже употреблять и усилій для того, чтобы выйдти изъ этого положенія? Въ такомъ случаѣ, опять вопросъ: для чего война? съ точки зрѣнія автора остается неразрѣшеннымъ. Когда филантропы, славянофилы и западники говорятъ, что славянъ надобно освободить для того, чтобы обезпечить имъ свободное моральное и матеріальное развитіе, не задаваясь впередъ тѣмъ, какъ пойдетъ у славянъ это развитіе – обгонятъ ли они Европу, станутъ ли съ ней на равную ногу и будутъ ли въ состояніи съ нею конкурировать, или останутся навсегда ниже ея—тогда цѣль войны для всякаго осязаема и понятна. Но, когда авторъ говоритъ, что война ведется для того, чтобы освободить славянство отъ деревенскаго положенія его по отношенію къ Европѣ, чего войною достигнуть никакъ нельзя и что никакъ не необходимо обусловливается самымъ освобожденіемъ славянъ и даже не можетъ быть предусматриваемо, въ видѣ необходимаго результата послѣдняго, въ самомъ отдаленномъ будущемъ, то война изъ-за восточнаго вопроса становится совершенно безцѣльною, донкихотскою, безсмысленною. И выходитъ, что *литературны*, какъ обзываетъ ихъ авторъ, не тѣ мотивы, которыми объясняютъ наше участіе въ дѣлахъ востока филантропы, славянофилы и западники, а литературенъ тотъ, измышленный авторомъ, сумбуръ, который онъ выдаетъ за мотивъ къ этому участію, хотя онъ и взялся поправить и филантроповъ, и славянофиловъ, и западниковъ и выдаетъ свой сумбуръ за перлъ открытія.

А вы, впрочемъ, милый Колумбъ, отъ этого не унывайте, продолжайте шарлатанить такъ же, какъ шарлатаните и теперь, только непремѣнно съ *ученымъ видомъ знатока*, и вы всегда найдете сбытъ своему товару. Немножко хлестаковщины по части учености у насъ дѣлаетъ ходкимъ самый гнилой товаръ нетолько у г. Корша, а у людей далеко его посерьёзнѣе.

Теперь я обращусь лично къ вамъ, почтенный Валентинъ Ѳедоровичъ, какъ главному руководителю газеты «Сѣверный Вѣстникъ»:

Десять лѣтъ вы, Валентинъ Ѳедоровичъ, были издателемъ-редакторомъ «Спб. Вѣдомостей» и десять лѣтъ неутомимо омрачали смыслъ русской публики, сдѣлавъ свою газету нетолько органомъ всѣхъ партій и мнѣній, но и орудіемъ для достиженія разныхъ мелкихъ личныхъ, эгоистическихъ цѣлей въ рукахъ очень обширнаго круга вашихъ приспѣшниковъ и прихлебателей. Но васъ постигло несчастіе — у васъ отняли газету. Въ васъ приняли

участіе и все прошлое вамъ простили: одни, знавшіе васъ лично, потому, что считали васъ Титомъ милосерднымъ, который, говорили, если и пакости творилъ, то по невѣдѣнію и незлобиво; другіе говорили: Титъ ли, не Титъ ли, но все равно—напакощеннаго не воротишь, и потому Богъ съ нимъ; третьи, къ числу которыхъ принадлежали и мы, сказали... я, впрочемъ, не скажу, что они сказали, но также все простили. Однимъ словомъ: прощеніе было общее. Напутствуемый имъ, вы отправились за-границу; долго объ васъ не было ни слуху, ни духу. Наконецъ, вы снова появились въ Петербургѣ... Пронеслись слухи, что вы сдѣлались инымъ человѣкомъ, возродились и умственно, и нравственно—такъ, по крайней мѣрѣ, намъ передавали—что вы прочли нѣкоторыя избранныя русскія публицистическія сочиненія, которыхъ раньше, за редакторскимъ недосугомъ, не могли прочитать, признаёте основательность и справедливость этихъ сочиненій и потому на свои воззрѣнія во время редактированія въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» смотрите, какъ на далеко неудовлетворительныя, которыя потому, дескать, и обусловили цѣлый рядъ ошибокъ въ содержаніи и направленіи газеты.—Когда намъ разсказали объ этомъ, мы ахнули отъ удивленія. Намъ какъ-то не вѣрилось, чтобы такое превращеніе съ вами было возможно. Потому мы съ нетерпѣніемъ стали ожидать появленія «Сѣвернаго Вѣстника», главнымъ руководителемъ котораго были объявлены вы. Наконецъ, сталъ выходить и «Сѣверный Вѣстникъ». Мы прочли около десятка, если не болѣе, передовыхъ статей, въ которыхъ разсуждалось о разныхъ вопросахъ по поводу нынѣшней войны, но суть дѣла всегда резюмировалась по слѣдующимъ шаблонамъ, которые мы беремъ для примѣра въ двухъ попавшихся намъ №№ «Сѣвернаго Вѣстника».

«Объ этихъ намѣреніяхъ трудно сказать пока что-нибудь опредѣленное. Текущіе дипломатическіе переговоры вездѣ прикрыты отъ публики *непроницаемой завѣсой важной политической тайны*. Мы можемъ говорить и судить лишь по даннымъ, уже извѣстнымъ» и т. д.

Или: «положеніе дѣлъ такъ запутано, намѣренія кабинетовъ такъ *прикрыты благовидными формами*, что нѣтъ возможности извлечь ничего вѣрнаго и правдиваго изъ этой массы печатной бумаги. Ни на одинъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ минуты нельзя дать положительнаго отвѣта. Ка̀къ отнесется Австрія?.. Что̀ предприметъ Англія? Состоится ли участіе Греціи? Какое вліяніе окажетъ Германія на Австрію? вотъ вопросы, которые у всѣхъ на умѣ и на которые никто не можетъ отвѣчать».

Изъ этихъ краткихъ, но много говорящихъ политическихъ резюме мы поняли, что въ «Сѣверный Вѣстникъ» цѣликомъ перешла изъ бывшихъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» та же самая политическая мудрость, для которой все прикрыто или «непроницаемой завѣсой важной политической тайны», или «благовидными формами кабинетовъ». Насъ это, впрочемъ нисколько не

опечалило. Насъ интересовала другая сторона газеты—ея нравственный характеръ. Мы желали знать: насколько въ этомъ отношеніи измѣнился и возродился бывшій редакторъ «Петербургскихъ Вѣдомостей?» На первый разъ лучшими указателями для этого служатъ обыкновенно фёльетоны, обозрѣвающіе русскую журналистику. Серьёзной критической оцѣнки въ этихъ фёльетонахъ, само собою разумѣется, никогда не бываетъ и быть не можетъ; но они служатъ вывѣскою отчасти личныхъ симпатій и антипатій редакціи къ тѣмъ или другимъ идеямъ, преимущественно же тѣхъ житейскихъ частныхъ отношеній, въ которыхъ состоитъ редакція газеты къ другимъ редакціямъ. Я могъ бы сказать, что бо̀льшая часть фёльетоновъ по журналистикѣ, подкупные, еслибы только подкупъ производился здѣсь на деньги; но здѣсь подкупъ производится посредствомъ дружбы, пріязни, кумовства, знакомства, вражды и т. п.; вообще здѣсь дѣйствуютъ очень мелкія страстишки. Можетъ быть, мелкота этихъ страстишекъ, которыми пропитана наша житейская атмосфера и которою мы и живемъ, и дышемъ, и составляетъ причину того, что путь журнальнаго фёльетона для руководителя газеты—всегда самый скользкій путь. Руководителю газеты надобно быть или дѣйствительно честнымъ человѣкомъ, чтобы не дѣлать изъ литературы гнуснаго средства для возвеличенія своихъ друзей и униженія своихъ враговъ, или имѣть настолько ума или такта, чтобы понимать, что грязь, такимъ образомъ выливаемая, минуя тѣхъ, для кого она предназначена, въ концѣ концовъ, всегда мараетъ только самого руководителя газеты и его сателлитовъ и прихлебателей—и никого болѣе. Но такія качества встрѣчаются въ редакторахъ рѣдко; мы не примѣчали ихъ прежде и въ В. Ѳ. Коршѣ. Вотъ, почему, мы стали ждать появленія фёльетоновъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» по журналистикѣ, чтобы видѣть, обновился ли морально бывшій редакторъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» — и насколько? Но и здѣсь постигло насъ не меньшее разочарованіе. Явившіеся фёльетоны г. N N объ «Вѣстникѣ Европы» и «Отечественныхъ Запискахъ» удостовѣрили насъ, что букетъ кумовства и пошлости, которыми обдавалъ Валентинъ Ѳедоровичъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», онъ сохранилъ всецѣло и всецѣло внесъ и въ новую, руководимую имъ газету. Ни несчастіе, доставившее ему столько отдыха для размышленія, ни уединеніе, ни чтеніе избранныхъ публицистическихъ сочиненій, ничто ему не помогло и не научило сколько-нибудь порядочному пониманію журнальнаго дѣла. Очевидно, для этого нужны другія мѣры, и одною изъ такихъ мѣръ я считаю собесѣдованіе съ нимъ по душѣ, вслѣдствіе чего и пишу ему настоящее письмо.

Кто дѣлается, Валентинъ Ѳедоровичъ, руководителемъ газеты, тотъ непремѣнно долженъ испытать себя въ слѣдующихъ двухъ вещахъ: 1) есть ли у него какое, болѣе или менѣе цѣльное и стройное общественное міросозерцаніе, въ вѣрности котораго онъ убѣжденъ искренно и убѣжденъ настолько, что въ немъ не

зарождается никакого сомнѣнія, что разсматриваніе текущихъ общественныхъ явленій, дѣлъ, вопросовъ съ точки зрѣнія этого міросозерцанія будетъ приносить несомнѣнную пользу обществу, будетъ, прилагаемое къ практикѣ жизни, поднимать уровень моральнаго и матеріальнаго развитія общества; 2) честенъ ли онъ и стоекъ ли въ этой честности настолько, чтобы не измѣнять своему міросозерцанію въ сердцѣ никогда, ни ради страха, корысти, дружбы, вражды и т. п., и чтобы вообще никогда не допускать себя ни до какой несправедливости въ своей газетѣ, сознательно не позволять ни себѣ самому, ни кому бы то ни было сдѣлать изъ нея орудіе мелкихъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей, корысти, ненависти, мести и т. д.

Я не знаю: думали ли вы, Валентинъ Ѳедоровичъ, о вашихъ обязанностяхъ, какъ руководителя газеты, и испытывали ли вы себя въ этомъ отношеніи. Теперь вамъ представляется случай испытать себя по второму изъ этихъ двухъ пунктовъ. О первомъ мы пока помолчимъ. Я предоставляю вамъ самимъ произнести, по нижеслѣдующимъ фактамъ, судъ о томъ: заботитесь ли вы о сохраненіи честнаго характера вашей газеты?

Вы знали и знаете очень хорошо, что г. NN имѣетъ непримиримую вражду къ «Отечественнымъ Запискамъ». Вы знаете, что онъ не можетъ относиться безпристрастно къ предмету своей ненависти. Вамъ извѣстно, что въ судахъ даже очевидцы происшествія, имѣющіе подобную вражду, не допускаются къ свидѣтельству по совѣсти, а честная литература не можетъ и быть ничѣмъ другимъ какъ постояннымъ свидѣтельствомъ по совѣсти. Ваша прямая обязанность въ виду этого была не дозволять г. NN дѣлать для себя изъ вашей газеты орудіе мести. Но вы этого не сдѣлали. Очень можетъ быть, что внутренно вы даже услаждались тою злостною диффамаціею, тѣми подтасовками, передержками, которыя г. NN дѣлаетъ относительно «Отечественныхъ Записокъ». По крайней мѣрѣ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что вы сами завѣдомо, совершенно сознательно приняли съ нимъ участіе въ его мальчишеской выходкѣ по поводу г. Краевскаго. Извините за рѣзкость выраженія; но не умѣю назвать иначе, какъ мальчишеской выходкой съ вашей стороны, то мѣсто фельетона г. NN, гдѣ говорится, что г. Краевскій есть такой же редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», какъ и «Голоса». Вы знали очень хорошо, что не такой же. Вы знали—что знаете, впрочемъ, не однѣ вы, а знаетъ весь интеллигентный читающій міръ—что г. Краевскій есть не руководящій редакторъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», а только отвѣтственный; въ «Голосѣ» же онъ—руководящій и отвѣтственный вмѣстѣ. Много разъ было объявляемо, что редакціи «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса» не имѣютъ между собою ничего общаго, кромѣ имени отвѣтственнаго редактора; всѣ, кто имѣетъ какія нибудь сношенія съ редакціей «Отечественныхъ Записокъ» и отношенія къ ней, знаютъ, что это—редакція совершенно отдѣльная отъ редакціи «Голоса»;

всѣ, наконецъ, которые читаютъ «Отечественныя Записки» и «Голосъ», знаютъ, что въ этихъ двухъ изданіяхъ сплошь и рядомъ высказываются мнѣнія, діаметрально противоположныя по однимъ и тѣмъ же предметамъ. Все это вы, Валентинъ Θедоровичъ, очень хорошо знали и, однакожь дозволили напечатать такую выходку, что такъ какъ, дескать, и «Голосъ», и «Отечественныя Записки» имѣютъ одного и того же отвѣтственнаго редактора г. Краевскаго, между тѣмъ въ «Голосѣ» г. Е. Марковъ состоитъ сотрудникомъ, а въ «Отечественныхъ Запискахъ» тотъ же Марковъ осмѣивается, то или «Отечественныя Записки» осмѣиваютъ г. Маркова не въ серьёзъ, а въ шутку, или г. Краевскій не помнитъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» того, что онъ печатаетъ въ «Голосѣ». Согласитесь, Валентинъ Θедоровичъ, что этой выходки, въ виду имѣющихся у васъ самыхъ точныхъ и неподлежащихъ никакому сомнѣнію фактовъ объ отношеніяхъ редакцій «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса», нельзя иначе назвать какъ мальчишеской, вполнѣ сознательно и преднамѣренно вами допущеной къ опубликованію. Я пока не рѣшаюсь, конечно, назвать васъ за это ни мальчишкой, ни лгуномъ, но фактъ вашей мальчишеской лжи въ данномъ случаѣ отрицать никакъ не могу.

Повѣрьте мнѣ, Валентинъ Θедоровичъ, что путь эксплуатированія вашей газеты для дрянныхъ и грязныхъ цѣлей, на который вы вступаете, въ концѣ концовъ не принесетъ вамъ ничего, кромѣ огорченій. Я говорю не о мелкихъ только огорченіяхъ газетной и журнальной полемики. Эти огорченія очень мимолетны: сегодня вы мнѣ наговорите разныхъ нелестныхъ вещей, завтра я вамъ наговорю столько же или немного больше, или немного меньше — и потомъ мы оба успокоимся до новыхъ подобныхъ привѣтствій. Но есть огорченія другія, внутреннія, которыя не проходятъ такъ скоро. Въ вашей головѣ, которая давно уже украшена самою почтенною сѣдиною, вѣроятно, время отъ времени пробѣгаетъ серьёзная мысль о смыслѣ и цѣли вашей дѣятельности. Въ такомъ случаѣ, одно воспоминаніе о «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» должно доставлять вамъ не мало горечи...

А впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь въ данномъ случаѣ. Можетъ быть, вопросъ о смыслѣ и о цѣли вашей дѣятельности никогда не безпокоитъ вашей мысли, и вамъ все равно, чѣмъ бы ни была ваша газета: храмомъ или кабакомъ, только представляла бы собою хорошую доходную статью для васъ?!

Однако, пора мнѣ кончить свое собесѣдованіе съ вами, почтенный Валентинъ Θедоровичъ. Если оно нѣсколько огорчитъ васъ своею прямотою, то въ этомъ не моя вина. На сей разъ я не имѣлъ намѣренія огорчать васъ и писалъ, насколько возможно воздерживаясь отъ личнаго раздраженія, единственно съ цѣлію высказать вамъ то, что я считалъ нужнымъ высказать вамъ для вашего вразумленія.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛЕВИТОВЪ.

(Его жизнь и сочиненія).

Статья вторая.

Въ первой статьѣ мы познакомились съ фактами жизни А. И. Левитова; теперь мы обратимся къ его сочиненіямъ. Эти факты жизни выяснили передъ нами тѣ обстоятельства и условія, которыя дѣйствовали на творчество поэта подобно тому, какъ поздніе весенніе и лѣтніе морозы дѣйствуютъ на всходы хлѣбовъ, особенно же нѣжныхъ полуденныхъ растеній, несвойственныхъ слишкомъ сѣвернымъ широтамъ, и помѣшали этому творчеству развернуться вполнѣ роскошнымъ и богатымъ цвѣтомъ, во всей его красѣ. Теперь мы посмотримъ, какъ тѣ же самыя обстоятельства обусловили собою характеръ и содержаніе произведеній А. И. Левитова, какъ вполнѣ естественно и органически вытекли образы и мотивы творчества покойнаго поэта изъ фактовъ и условій его жизни. Мы увидимъ, такимъ образомъ, въ лицѣ А. И. Левитова вовсе не одного изъ тѣхъ искуственно-тенденціозныхъ писателей, какими привыкли у насъ представлять себѣ всѣхъ беллетристовъ этой школы. Подобное представленіе предполагаетъ обыкновенно отсутствіе всякой органической связи между жизнію поэта и образами его произведеній. Онъ можетъ быть богатъ или бѣденъ, счастливъ или несчастливъ, можетъ жить въ какой угодно средѣ общества, пожалуй, хоть въ полномъ затворничествѣ кабинетнаго труженичества, это — рѣшительно все равно: онъ искуственно нанизываетъ въ своихъ произведеніяхъ тѣ факты жизни, какіе внушаетъ ему тенденціозность, которую онъ проводитъ. Его сердце, можетъ быть, переполнено счастіемъ и блаженствомъ только-что удовлетворенной любви, но долгъ велитъ ему изображать муки и слезы семейнаго раздора, и онъ долженъ во что бы то ни стало настраивать

свои нервы на скорбный ладъ и выжимать изъ глазъ непослушныя слезы; ему тепло и сытно послѣ какого-нибудь дюссотовскаго обѣда передъ ярко-горящимъ каминомъ, а ему слѣдуетъ во что бы то ни стало изображать муки голода и холода непокрытой нищеты. Сочиненія А. И. Левитова въ связи съ обстоятельствами его жизни показываютъ намъ совершенно противное. Мы видимъ, въ лицѣ А. И. Левитова, поэта въ истинномъ смыслѣ этого слова—поэта, который въ каждой строкѣ выражалъ всего себя, всецѣло, со всѣми внутренними тайниками своей души, каждая строка котораго была пережита, вымучена не однимъ задѣваніемъ симпатическихъ струнъ его сердца, но и личнымъ, тяжкимъ опытомъ. Однимъ словомъ, передъ нами—вовсе не поэзія гуманнаго сочувствія и сострадація, а поэзія личнаго горя. Въ этомъ отношеніи скорѣе можно усомниться относительно органической связи съ жизнію и непроизвольной непосредственности въ твореніяхъ весьма многихъ нашихъ поэтовъ, считающихся представителями «чистаго искуства», въ родѣ, напримѣръ, Ап. Майкова, Тютчева, Фета и проч., чѣмъ въ произведеніяхъ А. И. Левитова. Можно скорѣе подумать, что какой-нибудь «Клермонтскій соборъ» г. Ап. Майкова или «Василій Шабановъ» гр. А. Толстого суть произведенія искуственно измышленныя, неимѣющія ни малѣйшей связи ни съ внутреннимъ міромъ поэтовъ, создавшихъ эти произведенія, ни съ внѣшними обстоятельствами ихъ жизни, чѣмъ предположить это относительно любого изъ очерковъ А. И. Левитова.

Стоитъ обратить вниманіе на одну внѣшность произведеній А. И. Левитова, на форму ихъ, языкъ, пріемы автора, «физіономію» поэзіи его, если можно такъ выразиться, чтобы убѣдиться въ этомъ. Произведенія эти, какъ уже было объ этомъ говорено въ первой статьѣ, представляютъ рядъ отрывочныхъ, клочковатыхъ, нестройныхъ и по большей части неоконченныхъ очерковъ. Но, собственно говоря, названіе «очерковъ» не совсѣмъ точно и можетъ дать нѣсколько ложное понятіе о формѣ произведеній А. И. Левитова. Подъ очеркомъ разумѣется произведеніе объективно-эпическое, изображающее тѣ или другія явленія жизни въ общихъ, наиболѣе крупныхъ чертахъ и притомъ касающееся преимущественно внѣшнихъ сторонъ, не заходя глубоко въ сущность изображаемыхъ явленій. Но А. И. Левитовъ былъ слишкомъ субъективный поэтъ для того, чтобы быть способнымъ писать подобнаго рода художественно-созерцательные или тенденціозно-поучительные очерки. Поэтому, если вы захотите въ точности опредѣлить форму произведеній его, то вы не найдете иного термина, какъ развѣ «безформенныя лиро-эпическія импровизаціи». Каждое произведеніе А. И. Левитова представляетъ изъ себя обыкновенно разноцвѣтный калейдоскопъ образовъ, воспоминаній, мыслей и воплей наболѣвшей души. Все это въ пестромъ хаосѣ тѣснится, словно спѣша и едва поспѣвая другъ за другомъ и смѣняясь съ такою же

капризною произвольностью, какъ смѣняются сны или грёзы въ горячечной головѣ. Съ большими обиняками добирается обыкновенно авторъ до главнаго предмета своего повѣствованія, и много ему нужно сначала выпустить переполняющихъ голову образовъ и впечатлѣній, чтобы, наконецъ, добраться! И всѣ эти обиняки дѣлаются безъ всякой предвзятой цѣли, съ тою же непроизвольностью, съ какою въ головѣ каждаго человѣка одни представленія смѣняются другими, занося его иногда не вѣсть въ какую область. Ему, напримѣръ, хочется изобразить вамъ горе какого-нибудь сапожника или отставного солдата, но начинаетъ онъ рѣчь не иначе, какъ съ самого себя, изображая свою особу въ виду бездомнаго горемыки Ивана Сизаго, обычнаго своего псевдонима, и вотъ онъ разсказываетъ, какъ этотъ Иванъ Сизой идетъ поздно ночью по улицамъ какого-нибудь московскаго захолустья, тонетъ въ сугробахъ и разговариваетъ въ хмѣльномъ чаду съ едва мигающими фонарями. И вотъ развертывается передъ вами картина этого хмѣльного чада, проносятся образы одни другихъ мрачнѣе, цѣлый рядъ разъѣдающихъ думъ, сѣтованій, проклятій, и вдругъ среди этой страшной мглы словно блеснетъ яркій лучъ солнца и развернется передъ вами, въ видѣ воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ, степная картина, блещущая яркими красками и отраднымъ, теплымъ колоритомъ, а далѣе—опять мракъ, снѣжные сугробы, свинцовыя грёзы delirium-tremens, а на слѣдующей же страницѣ передъ вами внезапно раздается молодой, бойкій, раскатистый хохотъ надъ какимъ-нибудь смѣшнымъ движеніемъ или выраженіемъ героя, и вся страница обливается меткимъ, сильнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простодушно-веселымъ юморомъ. Однимъ словомъ, видно, что авторъ никогда не заботился ни о строгомъ планѣ, ни о размѣрахъ и соотвѣтствіи частей своего произведенія, а отдавался всецѣло на волю своей прихотливой фантазіи, не зная заранѣе, куда она его занесетъ. Фантазія же эта была живая, пламенная, и вообще можно сказать, что поэзія А. И. Левитова, по яркости колорита, по страстности и лиричности, вполнѣ представляетъ изъ себя южный типъ. Это отражается и въ языкѣ А. И. Левитова. Слогъ его своею музыкальностью, пѣвучестью, принимающею въ лирическихъ и патетическихъ мѣстахъ почти стихотворные размѣры, напоминаетъ въ этомъ отношеніи слогъ Гоголя: рѣчь А. И. Левитова представляетъ собою рядъ неріодовъ, такихъ же длинныхъ и закрученныхъ, какъ у Гоголя, и точно также длиннота ихъ, главнымъ образомъ, происходитъ отъ массы картинныхъ и затѣйливыхъ эпитетовъ, метафоръ и уподобленій, которыми до излишества оснащена рѣчь поэта. Въ то же время одною изъ самыхъ рѣзкихъ, бросающихся въ глаза и весьма характеристическихъ особенностей поэзіи А. И. Левитова представляется страсть къ олицетвореніямъ мертвой природы: ни одного очерка не обходится у А. И. Левитова безъ того, чтобы у него не переговаривались между собою или съ героями стулья,

столы, диваны, самовары и пр. Такъ, въ одномъ очеркѣ, онъ олицетворяетъ старое бревно, лежавшее у кабака, въ одномъ степномъ селѣ, въ образъ пропившагося, обнищалаго старичонки и заставляетъ это бревно произносить цѣлые монологи о кабачныхъ посѣтителяхъ, садившихся на немъ калякать между собою, а подъ конецъ бревно это, возмутившись сценами, происходившими возлѣ кабака, «приподнялось съ земли, гнѣвно засверкало впалыми глазами и заговорило столь грозно, что дорожная пыль отъ говора того яростно кружившимися столбами къ небу взвилась и все его затуманила». Въ другомъ же мѣстѣ своихъ произведеній («Вѣрное средство отъ раззоренія») онъ заставляетъ разговаривать между собою мраморныя статуи на лѣстницѣ одного купеческаго дома въ Москвѣ, и статуи произносятъ цѣлые сатирическіе монологи о грубости и дикости купеческихъ нравовъ и пр. Эта страсть къ олицетвореніямъ, выходящая мѣстами изъ всѣхъ границъ и отягощающая излишними длиннотами рѣчь, и безъ того уже чрезвычайно образную и преисполненную яркихъ метафоръ и уподобленій, есть тоже одно изъ свойствъ южнаго типа поэзіи А. И. Левитова.

Но довольно о внѣшней физіономіи поэзіи А. И. Левитова; обратимся теперь къ внутреннему ея характеру и содержанію. Но здѣсь на пути нашемъ стоитъ рядъ ходячихъ предразсудковъ, обойти которые нѣтъ никакой возможности и отъ которыхъ первымъ дѣломъ слѣдуетъ расчистить путь нашей характеристики. Предразсудки эти происходятъ вслѣдствіе отсутствія всякаго твердаго и опредѣленнаго критерія относительно беллетристики народнаго быта. Каждый руководствуется въ этомъ случаѣ своими личными требованіями и вкусами, смотря по тому, какими самъ глазами смотритъ на бытъ народа, насколько ему знакомъ или незнакомъ этотъ бытъ и чтò онъ въ немъ предполагаетъ или отрицаетъ. Такъ мы видимъ, что одни читатели и судьи вполнѣ удовлетворяются вѣрностью изображенія народнаго быта съ одной внѣшней его стороны, въ духѣ грубаго натурализма. Для нихъ совершенно достаточно, чтобы изображаемые мужики говорили совершенно вѣрно по-мужицки, чесали въ затылкѣ пятернею, когда слѣдуетъ, и просили на водку совершенно такъ же точно, какъ это происходитъ въ дѣйствительности. Затѣмъ, если писатель съумѣетъ описать довольно натурально базарный или праздничный день въ селѣ, знаетъ, гдѣ у мужика лежатъ соха и борона, когда и кàкъ происходитъ сватовство, какія рѣчи ведутся и какія пѣсни поются на дѣвичникѣ, при этомъ съумѣетъ описать ухаживанье парня за дѣвкою такъ, что оно выйдетъ настоящимъ деревенскимъ ухаживаньемъ, а не облеченными въ мужицкія рѣчи нѣжными изліяніями въ любви салонныхъ селадоновъ, да если еще ко всему этому съумѣетъ ловко ввернуть два-три мѣстныя словечка или особенности жаргона, то весьма многіе будутъ готовы видѣть въ авторѣ самого тонкаго и глубокаго знатока народнаго быта. Зато иные подхо-

дять къ этой беллетристикѣ съ такими страшными, по своей необъятности и туманности, требованіями, что невольный ужасъ беретъ за бѣдныхъ изобразителей народнаго быта. Людямъ этимъ постоянно мерещется, что гдѣ-то тамъ, въ нѣдрахъ народныхъ массъ, въ самой глубокой глубинѣ народной, словно на морѣ Океанѣ, на островѣ Буянѣ, за тридесятью замками, таится нѣкій кладъ, въ видѣ особеннаго какого-то народнаго міросозерцанія, народныхъ идеаловъ, постиженіе которыхъ и должно, будто бы, составлять задачу каждаго нравоописателя народнаго быта. Народъ, по мнѣнію этихъ господъ, вовсе не проводитъ открыто въ самой жизни этихъ своихъ завѣтныхъ идеаловъ, а блюдетъ ихъ въ своей душѣ и особенно тщательно скрываетъ ихъ отъ каждаго человѣка, носящаго европейское платье, питая къ такимъ людямъ крайнее недовѣріе. Поэтому, самою высшею заслугою и конечною, идеальною цѣлію нравоописателя должно представляться умѣнье заслужить полное довѣріе народа, войти въ его душу и успѣть захватить тамъ за хвостъ искомую жаръ-птицу, для того, чтобы вывести ее на свѣтъ Божій въ очеркахъ, повѣстяхъ или романахъ. Такія рѣчи доводилось мнѣ не разъ слышать не отъ однихъ славянофиловъ, но и отъ людей, неимѣющихъ ничего общаго съ этимъ ученіемъ. Это—своего рода мистицизмъ, исканіе чего-то невѣдомаго, особеннаго, фантастически-чудеснаго и желаннаго, но чего именно—искатели сами не могутъ дать себѣ отчета. Я не говорю, чтобы мы вполнѣ знали народную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и разнообразныхъ отношеніяхъ, знали всѣ нужды, желанія народа, всѣ его симпатіи и антипатіи и пр., и чтобы намъ нѣчего было бы изучать въ этой области и нѣчему поучиться въ ней. Напротивъ того, я первый готовъ утверждать, что область эта мало изучена, что мы—большія невѣжды въ ней и что все, сдѣланное до сихъ поръ для этого изученія—капля въ морѣ нашего невѣжества. Но, въ то же время, мнѣ сдается, что изученіе это должно быть настоящимъ, реальнымъ изученіемъ различныхъ народныхъ отношеній, нуждъ и возникающихъ изъ нихъ требованій, а вовсе не мистическимъ исканіемъ нѣкоего клада, который можетъ быть въ одинъ прекрасный день найденъ и открытъ ключемъ довѣрія и проникновенія въ душу простого человѣка, и затѣмъ должны, будто бы, послѣдовать сразу различныя сліянія, просвѣтленія, возрожденія и т. п. Путемъ науки, разсматривающей жизнь народа въ ея собирательномъ цѣломъ, науки, вооруженной статистическими, экономическими, этнографическими, филологическими, историческими и пр., и пр. данными, мы, можетъ быть, раньше или позже дойдемъ до болѣе обстоятельнаго и точнаго знанія народной жизни, чѣмъ какое имѣемъ въ настоящее время, но какимъ бы безконечнымъ довѣріемъ вы ни пользовались въ кругу простыхъ людей, и хоть бы, пользуясь этимъ довѣріемъ, вы залѣзали въ души тысячъ мужиковъ на всемъ пространствѣ Россіи, повѣрьте, что вмѣсто искомыхъ таин-

ственныхъ идеаловъ, вы всегда будете натыкаться на массу конкретныхъ отношеній и дрязгъ жизни, въ хаосѣ которыхъ совсѣмъ потеряетесь, и какъ ни будете копаться въ испытуемыхъ душахъ, ничего въ нихъ не откроете, кромѣ мелочныхъ будничныхъ, насущныхъ заботъ о кускѣ хлѣба, о томъ какъ бы свалить съ плечъ недоимку, выгодно сбыть съ рукъ негодную лошадёнку, которою въ прошлую ярмарку надулъ барышникъ, прибрать къ рукамъ и поутюжить лѣнивую невѣстку и т. п.—и тщетны будутъ всѣ ваши исканія. Но подите, вразумите въ этомъ нашихъ мистиковъ по части народныхъ идеаловъ: повѣрьте, что какія бы новыя данныя и открытія ни представляла имъ наука въ своемъ изученіи народной жизни, они все будутъ оставаться недовольны; имъ все будетъ казаться, что за этими данными и открытіями таится нѣчто такое, что именно и составляетъ самую суть-то, такъ сказать, пупъ земли.

Понятно, что подобные господа должны остаться неудовлетворенными и недовольными всѣми беллетристическими произведеніями изъ народнаго быта, какія только когда-либо появлялись въ нашей литературѣ, не исключая даже произведеній и такихъ знатоковъ народной жизни, какъ Рѣшетниковъ, Гл. Успенскій или Левитовъ. Имъ подавай такой разсказъ, въ которомъ на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ народная жизнь была бы исчерпана вся дотла, со всѣхъ ея сторонъ, во всей ея глубинѣ и во всей сути народныхъ идеаловъ и чтобы въ разсказѣ этомъ героями парадировали не какіе-либо Ѳедоръ, Иванъ, Сидоръ, а нѣкій собирательный русскій человѣкъ, въ лицѣ котораго весь народъ предсталъ бы передъ ними, какъ онъ есть до самого нутра. Но замѣтьте при этомъ, что еслибы проявился такой чудо-разсказъ и сразу избавилъ бы васъ отъ заботы изученія народнаго быта, предоставивъ вамъ только прочесть его и въ мигъ постигнуть всѣ таинства народныхъ идеаловъ, то мистики наши, все-таки, не удовлетворились бы имъ, и все-таки, продолжало бы казаться, что нѣтъ, это—не то, что народные идеалы, все-таки, продолжаютъ скрываться гдѣ-то за тридесятью замками на морѣ Океанѣ, на островѣ Буянѣ.

Имѣя въ виду всѣ подобнаго рода требованія отъ разсказовъ изъ народнаго быта, съ одной стороны, требованія слишкомъ поверхностныя и жалкія по своимъ результатамъ, съ другой—слишкомъ строгія и неисполнимыя, я впередъ заявляю, что произведенія А. И. Левитова стоятъ совершенно внѣ этихъ требованій, не имѣя съ ними ничего общаго. Вовсе не заботясь о тщательномъ изученіи жизни народной со стороны, А. И. Левитовъ ни мало не заботился и о томъ, чтобы изображать народный бытъ въ его внѣшнихъ проявленіяхъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, и въ то же время не имѣлъ онъ въ виду никакихъ мистическихъ проникновеній въ суть народныхъ идеаловъ. Какъ истинный, вполнѣ наивно-непосредственный художникъ, будучи самъ человѣкомъ народа и жившій его жизнію до послѣднихъ своихъ

дней, онъ изображалъ въ своихъ произведеніяхъ не всю народную жизнь всецѣло, а только тѣ ея стороны, которыя его занимали, поражали, соотвѣтствовали фактамъ его личной жизни и вслѣдствіе этого наиболѣе возбуждали его творчество.

Такимъ образомъ, въ произведеніяхъ А. И. Левитова мы имѣемъ изображеніе народной жизни только съ нѣкоторыхъ сторонъ, наиболѣе авторомъ излюбленныхъ и завѣтныхъ, и, согласно за-законамъ художественнаго творчества, эти стороны народной жизни представляются въ произведеніяхъ А. И. Левитова въ гораздо болѣе рельефномъ, рѣзкомъ, поразительномъ цвѣтѣ, чѣмъ они существуютъ въ дѣйствительности, гдѣ они стушевываются въ массѣ разнородныхъ, конкретныхъ фактовъ.

Какія-же именно стороны народной жизни наиболѣе отразились въ произведеніяхъ А. И. Левитова, и почему онѣ именно, а не какія-либо другія? Отвѣтить на этотъ вопросъ было-бы очень легко даже a priori, не читая произведеній этихъ и будучи совсѣмъ съ ними незнакомымъ. Очевидно, что человѣкъ, прожившій жизнь такъ мрачно и безотрадно, какъ прожилъ ее А. И. Левитовъ, вынесшій изъ нея такъ много горя, слёзъ и униженій, долженъ невольно обращать вниманіе преимущественно на мрачныя стороны окружающей его жизни, долженъ особенно близко принимать къ сердцу всяческое горе своихъ ближнихъ и чутко отзываться на каждый стонъ людскихъ страданій. И дѣйствительно, это мы и видимъ въ произведеніяхъ А. И. Левитова. Онъ вполнѣ справедливо и весьма метко озаглавилъ одно изъ изданій своихъ сочиненій «Горемъ селъ, деревень и городовъ». Дѣйствительно, въ лицѣ А. И. Левитова мы видимъ пѣвца народнаго горя и, прибавимъ мы отъ себя, народнаго пьянства, вытекающаго изъ этого горя и сопровождающаго его. Подъ «народнымъ горемъ», пѣвцомъ котораго является А. И. Левитовъ, слѣдуетъ разумѣть здѣсь не одно какое-либо тенденціозное горе, что-либо въ родѣ «гражданской скорби» по случаю несправедливостей исправника или неправедныхъ поборовъ становаго, но горе вообще во всѣхъ его многоразличныхъ видахъ: горе нищеты, семейнаго раздора, горе невѣжества, грубости нравовъ и суевѣрій, горе обманутыхъ ожиданій и неудавшейся жизни, горе безпомощнаго сиротства и безчеловѣчнаго надруганья, ломанья и помыканья всяческой силы надъ всяческой слабостью и пр. и пр. Однимъ словомъ, это—то самое «горе злосчастіе», которые народъ воспѣваетъ во множествѣ пѣсенъ и сказокъ, олицетворяя его въ видѣ чудовища, преслѣдущаго людей отъ колыбели до могилы и отъ котораго некуда схорониться доброму молодцу, ни въ пескахъ сыпучихъ, ни въ лѣсахъ дремучихъ.

Уже «Степные очерки», этотъ сборникъ первыхъ юношескихъ произведеній автора, являются передъ нами преисполненными этого горя. Кстати здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что ничто такъ не говоритъ въ пользу полной органичности и непроизвольной есте-

ственности произведеній А. И. Левитова, какъ время и обстоятельства жизни, подъ вліяніемъ которыхъ они являлись. Такъ нѣтъ ничего естественнѣе, что наивный степнякъ, возросшій среди простора и раздолья заволжскихъ луговъ, подъ теплыми лучами полуденнаго солнца и затѣмъ кинутый судьбою на дальній сѣверъ въ шенкурскую глушь, долженъ былъ, томясь тоскою по родинѣ, съ особенною отрадою и грустью вспоминать родную сторону. Всѣ ея краски должны были ярко воскресать въ его воображеніи, гораздо ярче, чѣмъ еслибы онъ оставался на родинѣ и не покидалъ ея; всѣ малѣйшія подробности ея быта должны были принять радужно-поэтическій, волшебный колоритъ. И, конечно, первыя произведенія поэта въ положеніи А. И. Левитова должны были отразить все это настроеніе и быть посвящены воспоминаніямъ о родномъ краѣ. Такъ, Гоголь, пріѣхавши изъ Малороссіи, во время первыхъ лѣтъ своего одинокаго скитальчества по Петербургу и всякихъ мытарствъ, писалъ «Вечера на хуторѣ близь Диканки»; такъ и Левитовъ первыя свои произведенія посвятилъ изображенію жизни родного края и написалъ рядъ «Степныхъ очерковъ». И дѣйствительно, «Степные очерки», это лучшее произведеніе А. И. Левитова, блещутъ особенно яркимъ, поэтическимъ колоритомъ: они преизобилуютъ описаніями красотъ степной природы, всѣхъ малѣйшихъ подробностей жизни обитателей степей, всѣхъ ихъ заботъ, хлопотъ, обычаевъ, повѣрій и суевѣрій. Массы личныхъ воспоминаній дѣтства разсѣяны по всѣмъ очеркамъ. Рѣдкій очеркъ обходится безъ изображенія дѣтей, играющихъ, бѣгающихъ, по степнымъ лугамъ и лѣсамъ и живущихъ одною жизнію съ окружающею природою. И въ то же время, каждый штришокъ, каждая мелкая черточка выведены съ горячею, нѣжною любовью и блещутъ слезами надрывающей тоски бобыля, заброшеннаго въ чужедальнюю сторону.

Но всѣ прелести степной природы и все поэтическое обаяніе воспоминаній беззаботнаго дѣтства не могли заглушить преобладающихъ струнъ поэзіи А. И. Левитова, и въ своихъ «Степныхъ очеркахъ», какъ и во всѣхъ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ А. И. Левитовъ является передъ вами все тѣмъ же пѣвцомъ народнаго горя: общее впечатлѣніе, какое выносите вы изъ «Очерковъ», сводится все къ тому же всеобщему горю, которое одно только и видитъ поэтъ во всей окружающей его жизни.

«Истинно скажу, говоритъ онъ въ своемъ очеркѣ «Уличныя картины.—Ребячьи учители» (см. «Степ. Очерки», Т. I, стр. 68):—что человѣкъ, которому приведетъ судьба нетолько что родится на мягкой почвѣ нашихъ сельскихъ улицъ, но и помять много травы этой, бѣгаючи по ней дитей неразумнымъ до тѣхъ поръ, пока придется ему въ послѣдній разъ потяготить гробомъ своимъ ихъ родную ширину, такъ присмотрится къ нимъ человѣкъ этотъ, что и самъ непремѣнно сдѣлается такимъ же молчаливо-печальнымъ, такимъ же покорно-страдающимъ, какими кажутся улицы, потому что во

всю его жизнь лишь одно только горе, какъ обозъ какой нескончаемый, тянулось по нимъ. Родитъ горе степнаго человѣка и оно же его, по нашей пословицѣ, въ ранній гробъ кладетъ. Голова у него закружится и глаза ослѣпнутъ отъ слёзъ, при видѣ страданья, безсмѣнно ползущаго по уличной пыли, при видѣ нищеты, пугливо, какъ настращенный звѣрь, сравнявшейся съ этой пылью. Смотритъ на всё это степной человѣкъ каждый день Божій до того, что и на свѣтлое солнышко взглянуть ему нѣкогда, да и нельзя никакъ проглянуть къ нему, потому что не столько заслоняютъ его отъ хорошихъ глазъ пыльные столбы, вздымаемые страданьемъ и нищетою, сколько тѣми громадными, все небо занимающими клубами, которые вздымаетъ на нашихъ улицахъ глупая, чванливая, но богатая спѣсь, когда она съ крикливымъ хвастаньемъ, заглушающимъ всякій человѣческій голосъ, валитъ по саду впереди и вслѣдъ за горемъ страдающимъ и горемъ нищенствующимъ...»

Еще ярче и рельефнѣе выражаетъ авторъ подобныя же свои мысли о степномъ горѣ въ другомъ своемъ очеркѣ «Степная дорога днемъ» (см. 84 стр). «Миръ вамъ! Миръ вамъ, добрые, бѣдные люди, обставлявшіе нѣкогда мою бѣдную, дѣтскую жизнь! Миръ тебѣ и покой бѣдная, родная сторона моя! Давно я покинулъ тебя, потому и не знаю, какъ живутъ теперь твои дѣти, но какъ они тогда при мнѣ жили—я знаю, и опять говорю: миръ вамъ, добрые, бѣдные люди! Миръ тебѣ и покой, бѣдная, родная сторона моя! Какъ люди, нѣкогда жившіе на тебѣ, знаю я, нуждались въ покоѣ, хоть-бы даже въ смертномъ, какъ они говорили, такъ и ты, помню я, нуждалась тогда въ немъ и, можетъ быть, даже и теперь также ищешь его...

«Сквозь рѣдѣющій мракъ, закрывавшій отъ меня лицо матери-степи, я увидѣлъ, наконецъ, что все та же она, какою я оставилъ ее много лѣтъ назадъ... Длинный строй рогатыхъ вѣшекъ-сиротъ выстроился по обѣимъ сторонамъ степной, проѣзжей дороги; сама дорога малоѣзженная, но избитая кѣмъ-то до того, будто только сейчасъ прошла по ней мильйонная армія, лѣпилась по придонскимъ горамъ, спускалась въ глубокіе овраги и, выгибая свою безцѣльную дугу, пугливо пряталась отъ глазъ, опечаленныхъ унылымъ видомъ. Все та же ты, степь! Вотъ довольно ясно показались мнѣ долины и косогоры, испещренные хлѣбами, единственнымъ богатствомъ твоимъ; по сторонамъ дороги забѣлѣли церкви, замелькали кресты колоколенъ, а около нихъ мрачно рисуются слитныя, растрепанныя массы крышъ изъ почернѣвшей гнилой соломы, развалившіяся, закоптѣлыя избы безъ оконъ, безъ трубъ, подпертыя со всѣхъ сторонъ кольями и безобразно заваленныя, съ укрѣпляющею, надо полагать, цѣлью, сѣрымъ навозомъ.

«Да, по прежнему наводятъ на душу тоску самую гнетущую уродливыя и какъ будто хворыя норы степныхъ обитателей. Такими же сирыми кажутся онѣ и такъ же безпомощно выгля-

дываютъ изъ-за навоза ихъ маленькія слѣпыя оконца, какъ вотъ эта ватага калѣкъ, слѣпыхъ и хромыхъ, которая сейчасъ встрѣтилась со мной, усиливаясь холодкомъ доползти и дохромать на сельскую ярмарку за кускомъ насущнаго хлѣба...

«Вижу, вижу я теперь, что все та же ты, степь, что все такъ же ты нуждаешься въ покоѣ и мирѣ, какъ и при мнѣ ты нуждалась въ нихъ, потому что заслышалъ я сейчасъ жалующуюся, скорбную пѣсню твою. Не прибавилось, должно быть, радостей тяжкой долѣ степной, не прибавилось веселья и въ пѣснѣ —

«Ой, вали валомъ! Ой, вали валомъ!
Изъ-подъ камени вода»

тоскуетъ, какъ горлица, эта пѣсня — и по всей ширинѣ степи разносила звонкая заря жалобный припѣвъ: «О-ой, изъ-подъ камени вода»! По степнымъ сказаньямъ, такъ, зачуявъ несчастье дома, доможилъ, его заботникъ и покровитель, стонетъ и плачетъ въ глухую, одинокую полночь...

«Я остановился и слушалъ эти рыданія по степному, почти общему, горю. По всему полю тяжкимъ стономъ стояли они, и, слушая ихъ, мнѣ казалось, что имъ мало этого поля; я желалъ, чтобы слёзы, вызвавшія ихъ, рѣкой многоводной зашумѣли по всему лицу земному, потому что плакала ими неутѣшная мать. «Стоитъ мать, говоритъ пѣсня: — у подгорнаго придонскаго ключа и ведетъ съ нимъ рѣчь: какимъ-бы шумнымъ валомъ, ключъ, не валила вода твоя изъ-подъ камня, все ей не заглушить моего лютого горя. Моего вдовьяго, послѣдняго сына міръ отдалъ въ солдаты, а дочь, по барскому приказу, увезли въ новыя деревни, въ Самару. Мнѣ сказали: снаряди свою дочь въ дорогу. Ее баринъ посылаетъ въ свои новыя деревни, а то тамъ, говоритъ, невѣстъ нѣтъ, а я горюю и плачу объ томъ, что ей тамъ жениховъ нѣтъ. Давно ужь я, вспоминаючи свой послѣдній конецъ, просватала ее за милаго жениха, чтобы навсегда быть ей въ родимыхъ мѣстахъ. Знать придется мнѣ умереть одинокой безъ дѣтушекъ, знать некому будетъ сдѣлать мнѣ вдовій гробъ. Обрушится послѣ меня большая изба наша, дѣдомъ изъ толстаго лѣса срубленная, крапивой заростетъ огородъ, и на нашемъ родимомъ, насиженномъ мѣстѣ ляжетъ унылая пустошь». Много такихъ материнскихъ жалобъ и воплей отнесли надгорные, придонскіе ключи къ далекому морю Азовскому, къ братьямъ-выселыщикамъ степнымъ.

«Какъ и прежде, какъ и встарину при мнѣ, степной день начинался жалобами и рыданіями, потому что, чѣмъ рѣже становился мракъ ночи, чѣмъ шумнѣе стукъ и скрипъ немазанныхъ колесъ оживляли окрестность, тѣмъ чаще и повсемѣстнѣе слышались родные звуки родимыхъ пѣсенъ. Издали, съ глухихъ, заросшихъ травою, проселковъ, соединявшихся съ проѣзжей дорогой, доносились они до меня, неумолчно звенѣли назади и впереди меня на самой дорогѣ, и въ головѣ безотвязно стояла

одинокая мысль: о чемъ плачутъ и скорбятъ эти люди, проснувшіеся вмѣстѣ съ ранними птицами?

«Все такъ же! Все попрежнему! Птицы проснулись, проснулся и людъ степной, и вотъ теперь до самыхъ краевъ зачерпнулась имъ большая дорога. Отовсюду идетъ и ѣдетъ онъ залить кормилицу землю пòтомъ своимъ трудовымъ. Благослови васъ Богъ, труженники, на силу и терпѣніе въ вашей работѣ-страдѣ подъ томящимъ солнечнымъ зноемъ, который запалитъ сейчасъ всю степь однимъ общимъ пожаромъ».

Иногда авторъ до такой степени увлекается зрѣлищемъ всеобщаго горя, что ему кажется, будто сама природа, цвѣтущая и роскошная степная природа, въ свою очередь, преисполнена горя, и она вмѣстѣ съ людьми страдаетъ и стонетъ. Такъ, въ томъ же очеркѣ, на 115 страницѣ, онъ развиваетъ передъ нами слѣдующую картину страданія природы:

«Чувствую я, говоритъ онъ:—что голову мою начинаетъ жечь палящій жаръ степной. Удрученная своею скорбною думой, съ каждымъ шагомъ развивавшеюся все печальнѣе и печальнѣе, она невыразимо страдала: какія-то проклятья слагались въ ней, какая-то мука тяготѣла надъ нею и не давала ей возможности сообразить, лучъ-ли солнечный билъ въ нее этою мукой, или какое-то смертное томленіе, обыкновенно примѣчаемое въ пустынѣ, когда солнце зальетъ ее потоками своего палящаго свѣта, заставляетъ ее страдать?

«И дѣйствительно, самое равнодушное сердце, не могло не биться усиленно при видѣ этой картины одного общаго, всецѣлаго, такъ сказать, страданія.

«И, казалось вамъ, тѣмъ тяжелѣе страдала природа, что не было слышно ни одного звука, обыкновеннаго въ этихъ случаяхъ; только одни глаза видѣли во всемъ какую-то удушающую, гнетущую полноту...

«Придорожныя вѣшки, какъ человѣкъ въ нежданномъ несчастьи, распустили свои запыленныя вѣтви и молчаливо стояли, будто окаменѣлыя. Десятки птицъ унизали ихъ кривые сучья. Идете вы и видите, какъ какой-нибудь воронъ, въ другое время чуткій и пугливый, теперь и не думаетъ примѣчать васъ. Вцѣпился онъ острыми когтями въ древесную кору, раздвинулъ сѣрыя крылья и озадаченно смотритъ на васъ, удивляясь, повидимому, вашей охотѣ шататься въ такую мучительную пору. Навстрѣчу вамъ, время отъ времени, пробѣжитъ тощая, искалѣченная, съ перебитою ногой, собака, съ хвостомъ, волочащимся по землѣ. И въ глазахъ животнаго видна та же мука. Такъ жалобно посмотрѣла на васъ собака, такъ выразительно замахала хвостомъ, что будто просила васъ помочь какъ-нибудь ея перебитой ногѣ.

«А по обѣимъ сторонамъ степной дороги изъ золотыхъ волнъ ржи мелькаютъ бѣлыя рубахи на трудящихся спинахъ людей.

Вамъ не видно красивыхъ, изможденныхъ лицъ этихъ людей, покрытыхъ пòтомъ—и лучше!

«И все это, какъ-то непріязненно молчитъ молчаніемъ мертвеца, словно по чьему-нибудь строгому запрещенію... Но прихотливы бываютъ дорожныя думы... Идете вы и думаете: чтò было бы, ежели бы все это, не вынесши своей тяжкой боли, вскрикнуло вдругъ?..»

Подобные тоскливые мотивы проходятъ сквозь всѣ «Степные очерки» А. И. Левитова, и мотивамъ этимъ вполнѣ соотвѣтствуютъ сюжеты разсказовъ и выводимыя сцены. Повсюду передъ вами, какъ я уже сказалъ выше, льются слёзы непокрытой нищеты и горькаго покинутаго сиротства, повсюда какая-нибудь безжалостная сила ломается надъ беззащитной слабостью, и на каждомъ шагу гибнетъ чья-нибудь молодая, только-что разцвѣтающая жизнь. Такимъ образомъ, передъ вами проходитъ рядъ возмутительныхъ, иногда кровавыхъ драмъ, и болѣе всего ужасаетъ и леденитъ ваше сердце то обстоятельство, что далеко не всѣ эти драмы имѣютъ въ основѣ своей какую бы то ни было роковую, систематическую борьбу: напротивъ того, передъ вами развертывается картина, дикаго чисто средневѣковаго неустройства, въ которомъ главную роль играютъ то слѣпой и безсмысленный случай, то такіе неоспоримо невмѣняемые факторы, какъ суевѣрія, грубость нравовъ и культуры и т. п. При такихъ условіяхъ, вы видите, что въ этой средѣ ничья жизнь, ничье благосостояніе ни въ малѣйшей степени не обезпечены, никто не можетъ поручиться, что завтра же не грянетъ гроза, если не со стороны злыхъ вороговъ въ образѣ людей, то со стороны звѣрей, въ видѣ какого-нибудь волка, который съѣстъ ребенка, и что всего ужаснѣе, что гроза эта разразится нежданно, негаданно изъ-за самыхъ, повидимому, пустыхъ и ничтожныхъ поводовъ.

Такъ, прочтите, напримѣръ, очеркъ «Расправу». Жила-была убогая вдова Козлиха, терпѣла она самую горемычную бѣдность и беззащитность, но тянула свой сиротскій вѣкъ кое-какъ, такъ какъ была у нея и хатка, и кое-какое хозяйство, овечекъ даже имѣла. Такимъ образомъ, могла бы скоротать весь вѣкъ, свыкнувшись съ своей горемычной долей, какъ вдругъ выпалъ такой ничтожный случай, какихъ ежедневно можетъ быть по нѣскольку въ каждой деревнѣ, и посмотрите, что изъ этого случая вышло:

«По сосѣдству отъ ея убогой хатки, жилъ богатый и спѣсивый мужикъ Өедотъ, воротила всего сельскаго міра. Однажды, когда стадо возвращалось съ поля домой, Козлихина ярочка попала во дворъ Өедота. Козлиха обратилась тотчасъ же къ Өедотовой старухѣ съ ласковою просьбою возвратить ей ярочку, но та не тутъ-то было:

«— Что насилкой-то лѣзешь? Ай на свой дворъ пришла? гнѣвно закричала на нея сварливая старуха.—Однѣ только наши

овцы пришли—чужихъ ни одной нѣтъ. Сама видѣла, какъ пускала.

«Слово за слово, поругались старухи, закипѣла брань, а тамъ за каменья, насилу мужики розняли. Сѣрая бабочка была прогнана въ три шеи сыновьями Өедотихи.

«Но этимъ не кончилось дѣло. Өедотъ созвалъ міръ и началъ щедро угощать его съ цѣлію учинить судъ надъ Козлихою.

«— Извѣстно, бабы люты на брань, толковалъ онъ собранію, обнося его водкою.—Потачки своей старухѣ я не далъ, потому, ярка Козлихина въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ на дворъ забѣжала. Только рази могла Козлиха сыновей моихъ ворами и разбойниками, а меня жидомъ и іудой ругать? Хорошо она это сдѣлала, или нѣтъ?.. Поругу она чести моей великую нанесла. Опять-же въ бѣдности такой находимшись, Козлиха богатому человѣку должна уваженіе всякое воздавать, а она вонъ куда затесалась, въ брань! Ежели бы она со старухи моей за лютость ея не взыскала, я къ яркѣ-то ея баранчика своего еще-бы придалъ, а она, про богачество мое позабымши, сама, сказываю, при бѣдности при своей пустилась въ брань.

«Упоенный щедростью Өедота, міръ мало того, что присудилъ горемычную Козлиху къ розгамъ, но и къ штрафу въ десять рублей, а такъ какъ десяти рублей у нея не было, то вышло вотъ какое окончательное рѣшеніе:

«— Знаете вы, православные, обратился къ міру Өедотъ: убогая баба Козлиха, вдовая, ни роду, ни племени нѣтъ у нея. Такъ я теперича за избу ея даю пять рублевъ, за дворъ и за животину, какая у нея есть, тоже пять рублевъ. Пусть на міру знаютъ, што не притѣснитель я какой, не грабитель, а, примѣромъ, на убожество ея взираючи, призрѣть хочу. За ее самое, ежели то-ись присудить вамъ захочется эдакъ, даю десять рублевъ за посмертную кабалу.

«Міръ на томъ и порѣшилъ. Продали Өедоту-же весь домашній скарбъ Козлихинъ и ее самое въ вѣчную ему кабалу, да еще и дивились ея счастію.

«— Счастье къ тебѣ невидимо подвалило, завидовалъ Козлихѣ сторожъ.—Перекрести рожу-то: въ богатомъ домѣ жить будешь.

«— Отцы родные! закричала Козлиха. Вѣдь старуха-то Өедота Иваныча поѣдомъ меня живую съѣстъ, коли вы такъ-то присудите.

«— Счастья своего не понимаешь! сказалъ ей толстый мужикъ.

«— Истинно, Господь-то великъ и много милостивъ къ сирымъ, закончилъ рыжій дьячекъ, тоже затесавшійся въ мірскую ватагу.»

Вотъ передъ нами другая столь-же мрачная картина и такая-же ужасная драма, и опять-таки въ ней играетъ роль столь-же слѣпой и непредвидѣнный случай (см. «Деревенскій Случай» т. 2, стр. 28):

Горькая солдатка сидитъ передъ печкою у огня и горюетъ. Живетъ она, правда, въ своей отцовской семьѣ, но не радостна жизнь ея:

«— Весь вѣкъ такъ-то гнусь, говоритъ она сама съ собой:—а радости-то только и было, когда съ матерью въ дѣвкахъ жила. Да пожалуй, и тогда-то не очень плясала. Голодъ-то съ холодомъ изъ избы отъ насъ, сиротъ, никогда не выхаживали. Смотрѣли мы только на другихъ отцовскихъ ребятъ, да на ихъ счастье серчали... Вишь вонъ братецъ родимый раститъ себѣ сынка-то—вѣтру вольному подуть на него не даетъ. Такъ онъ и всю свою жизнь проживетъ, а мой, горемычный, теперь-то всей семьей на потѣху данъ (исхитрились сиротѣ прозвище дать: Безбокимъ, вмѣсто крещенаго имени, зовутъ!..); а какъ выростетъ, на службу за нихъ ступай, но чужимъ сторонамъ свою молодость развѣивай... Какое это счастье людское чудное? шепотомъ спрашиваетъ стряпуха у избяной тишины.—Вонъ мальченка-то мой: такъ, вѣдь, онъ тоже, какъ и я, до самой темной могилы, не знаючи свѣтлыхъ дней, пойдетъ, потому безъ меня съ нимъ въ нашей избѣ и горевать бы нѣкому было. Вонъ все какіе веселые люди въ этой избѣ безъ насъ-бы жили!

«Говоритъ это горькая солдатка, а сама съ великой досадой на сынишку старшаго брата глядитъ.

«— По буднямъ, такъ и то въ ситцевыхъ рубахахъ ходитъ. Дѣдовъ любимецъ! Продамъ ужо и я холста два, какъ ярмарка подойдетъ, и своему такую же сошью. Вонъ, молъ, у насъ какія рубахи солдатскія сироты понашиваютъ. Пусть тогда люди грѣшатъ, нашей долѣ убогой завидуютъ!.. «А дѣдовъ любимецъ такъ и хлесталъ по завистливымъ отъ всегдашняго несчастья, глазамъ материнимъ своею красною ситцевою рубахою. Отцовскій, черноволосый сынъ, онъ, какъ кубаремъ, повертывалъ бѣлоголовою солдаткиной радостью.

«— Безбокій! кричалъ шустрый мальчикъ на сироту. — Давай играть: я буду попомъ, а ты — пономаремъ.

«— Я буду лучше въ медвѣдя играть, сосредоточенно отвѣчаетъ Безбокій.

«— А я тебя оттаскаю, ежели ты меня не послушаешься...

«Слово за слово, мальчуганы окончательно повздорили:

«— Такъ ты не будешь со мной играть, Безбокій? приставалъ мальчикъ въ красной рубахѣ.

«— Дерешься ты больно! Я одинъ буду въ медвѣдя играть.

«— Я же тебя, когда такъ, зарѣжу сейчасъ. Дѣдушка вчера ножикъ-то изъ кузни принесъ, видѣлъ? Я тебя имъ и полыхну сейчасъ, безбокаго шута.

«— А я мамѣ скажу, когда ты меня полыхнешь-то!

«И между тѣмъ, какъ мать, вся уйдя въ свои скорбныя думы, совсѣмъ упустила изъ виду ссору мальчугановъ, вдругъ въ избѣ раздался болѣзненный крикъ:

«— Мамушка! какъ будто вся эта большая изба закричала.—Онъ меня полыхнулъ...

«Опомнилась мать отъ этого крика, смотритъ, а ея послѣдняя радость лежитъ на полу, вся залитая горячею кровью. Мальчикъ въ красной рубахѣ равнодушно стоялъ надъ зарѣзаннымъ Безбожимъ съ новымъ хлѣбнымъ ножомъ и поучительно растягивалъ:

«— Я, вѣдь, тебѣ толкомъ сказывалъ, что полыхну, коль играть не станешь со мной. Тебѣ все въ медвѣдя хотѣлось!..»

«Несчастная мать тотчасъ же сошла съ ума, и на другой день ее увезли въ городъ, прикованною къ телегѣ. Яростно вцѣпилась сумасшедшая зубами въ веревку, которой привязали ее къ телегѣ, и закричала:

«— Онъ у меня, внукъ-то твой чертенокъ, сына зарѣзалъ; а я теперь должна за него на чужую сторону въ службу идти! Погодите же вы у меня: дождусь и я праздника. Всѣхъ васъ залѣпятъ огненныя птицы, какія изъ печи со мной разговаривали. Все они ваше счастье сожгутъ, и васъ сожгутъ, и избы, все, все...

«Пророча селу это несчастье, солдатка приподняла свою растрепанную голову и такъ страшно поглядѣла на всѣхъ мутными, оловянными глазами, что народъ забылъ въ эту минуту свой смѣхъ и съ ужасомъ отшатнулся отъ телеги.

«— Съ Богомъ! крикнулъ дѣдъ, подбирая вожжи.

«— То-то съ Богомъ! какъ бы укоряя кого, толковали сосѣди, расходясь.—Какъ бы мы Господа-то Бога понимали какъ слѣдуетъ, души-то человѣческія по деревнямъ у насъ врядъ ли бы погибали такъ часто...»

Хотя въ этой трагедіи и играетъ роль непредвидѣнный случай въ видѣ ножа, подвернувшагося подъ руку ребенку, но не имъ однимъ обусловливается исходъ ея; за этимъ непредвидѣннымъ случаемъ, все-таки, таится здѣсь семейный раздоръ и притѣсненіе, а главное дѣло—сиротская беззащитность женщины, лишенной въ лицѣ взятаго въ солдаты мужа всякой опоры въ своей семьѣ. Но въ очеркахъ встрѣчаются и такого рода трагедіи, которыя лишены всякихъ побудительныхъ причинъ; въ которыхъ нежданно-негаданно является на сцену тяжелый родительскій кулакъ, обрушивается на любимое и лелеянное дѣтище и губитъ его, дѣлая на всю жизнь несчастнымъ. Такъ, напримѣръ, въ очеркѣ «Блаженнинькая» авторъ рисуетъ передъ нами прелестную картину лѣтняго полудня въ степной деревнѣ; всѣ взрослые ушли на страду, остались дома одни дѣти. И вотъ передъ нами махонькая дѣвочка, одна одинехонькая, прокрадываетъ въ свою избу и начинаетъ въ ней хозяйничать. Съ большимъ трудомъ достаетъ она съ полокъ горшки съ съѣстнымъ, поставленные туда родителями, и начинаетъ уписывать говядину. А между тѣмъ, на сосѣдней завалинѣ какая-то старуха разсказывала дѣтямъ сказку про непослушнаго брата Алёнушки,

Ванюшку. Заслушался ребенокъ этой сказки и забылъ про говядину.

Въ это время, къ воротамъ подъѣхала телега. Съ нея соскочилъ мужикъ и пошелъ въ избу. Это былъ отецъ дѣвочки, что-то забывшій дома. Его пріѣзда не замѣтила очарованная сказкой шалунья. Только-что вошелъ въ избу сердитый хозяинъ, кошка, безмятежно убиравшая украденную говядину, стремглавъ бросилась подъ печку, оставивъ на полу обличающія кости; мухи поднялись черною жужжащею тучей; отъ громкаго прихлопа дверью голуби слетѣли съ избяной пелены; но ничего этого не слыхала дѣвочка. Попрежнему уткнулась она въ окно и напряженно слушала сказку, которая съ каждымъ словомъ становилась все занимательнѣе, а передъ нею стоялъ опустошенный горшокъ, валялись объѣдки ужина уработавшейся семьи. Злость взяла отца.

«— Ахъ, ты каторжная! крикнулъ онъ на дочь и съ этимъ словомъ, захваченнымъ съ собою кнутомъ вытянулъ онъ ее вдоль спины.

«— А-а-ахъ! дико раздалось въ избѣ. По тѣлу бѣдняжки пробѣжала дрожь; она, какъ обожженная, вскочила съ лавки и бросилась въ сторону, противуположную той, съ которой послѣдовалъ ударъ. Въ ея прыжкѣ было что-то такое, что болѣе походило на отчаянный прыжокъ подстрѣленнаго зайца, нежели на прыжокъ ребенка, сознательно увертывающагося отъ наказанія. Она прижалась въ уголъ и безъ обыкновенныхъ въ этомъ случаѣ слезъ и воплей смотрѣла на отца.

«— Што это ты надѣлала, озорница? спрашивалъ ее отецъ, съ котораго спалъ первый припадокъ гнѣва. Сказывай, што?

«Дѣвочка по прежнему молчала и все такъ же смутно, такъ же бозсмысленно смотрѣла на него. И на отцовскую ласку потомъ ни однимъ звукомъ, ни однимъ движеніемъ не отвѣтилъ бѣдный ребенокъ. Помертвѣвшее смуглое личико, посинѣвшія губы и потухшіе глазки ясно сказали отцу, что дочь его отнынѣ уже ничего разумно не услышитъ, ни на что разумно не отзовется».

Такъ и остался ребенокъ на всю жизнь идіотомъ, «блаженненькою», какъ ее прозвали, на свое собственное и родителей мученіе и на людское посмѣяніе.

Подобный фактъ нѣсколько разъ повторяется въ «Степныхъ очеркахъ» А. И. Левитова: такъ, одинъ дьячекъ погубилъ сына своего Петрушу за то, что тотъ не удержалъ сдѣланный отцомъ змѣй: схватилъ онъ его въ охапку, да объ дорогу его, какъ камень тяжелыми телегами убитую, и бросилъ. Оказался мальчикъ послѣ этого случая хромъ и горбатъ, и какъ онъ прежде того еще немножко раскосъ былъ, такъ глаза-то у него пуще, послѣ отцовскаго наказанія раскосились. Такъ, наконецъ, богатый купецъ на посадѣ Лука Петровичъ «однажды разсердился за что-то на своего единственнаго сына, да какъ царапнетъ его по головѣ палкой, тотъ и ополоумѣлъ. А прежде этого несчастія хоро-

шій былъ мальчикъ. Пятнадцать годовъ ему въ то время считали, и торгаша такого сметливаго по хлѣбной части, во всемъ уѣздѣ найти нельзя было, и грамотѣ зналъ не хуже приходскаго священника, а какъ отецъ паренька по головѣ ошарашилъ, не выдержалъ паренёкъ и ополоумѣлъ: ополоумѣвши, блаженничать сталъ. Распустилъ слюни и въ глубокомъ безмолвіи сталъ бродить по селу».

Вообще описаніе несчастнаго, забитаго и запуганнаго дѣтства представляетъ одну изъ излюбленныхъ тэмъ А. И. Левитова и весьма часто повторяется, какъ въ «Степныхъ очеркахъ», такъ и во многихъ другихъ позднѣйшихъ его разсказахъ, что, безъ сомнѣнія, представляетъ глубокую связь съ его собственнымъ дѣтствомъ. Такъ, въ «Степныхъ очеркахъ» мы находимъ цѣлый разсказъ «Горбунъ», посвященный изображенію любви двухъ запуганныхъ дѣтей—Анюты, дочери купца Козакова, и того самаго Петруши, котораго отецъ сдѣлалъ на-вѣки горбатымъ изъ-за змѣя. Разсказъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ, какъ по своему содержанію, такъ и по своей поэтичности; видно, что авторъ положилъ въ него всю душу. На первыхъ же страницахъ трогаетъ васъ до слезъ высокохудожественная картина забитой мужемъ-тираномъ матери, раздѣляющей съ маленькой своей дочерью общее ихъ горе.

«Послѣ ухода отца, читаемъ мы въ разсказѣ (см. стр. 19):—дѣвочка снова становилась къ матери, а мать снова клала свои руки на ея головку, и прерванная крикомъ старшаго бесѣда между старой и малой шла попрежнему, какъ будто никто и не бранилъ ихъ и думъ ихъ тихихъ не обезпокоивалъ. Тихою, какъ лѣтній сельскій день, бесѣдой этой мать передавала своей дочкѣ тѣ своеобразные порядки простой жизни, которымъ, въ свою очередь, сама она научилась отъ матери. Слушала тутъ дѣвочка—и какіе люди были у нея дѣдушка съ бабушкой, какъ они, по ея словамъ, пышно, будто бы, жили, и какъ народъ почиталъ ихъ пуще всѣхъ окрестныхъ богачей. Убитой настоящимъ горемъ душою своей переносилась старуха въ ту далекую, счастливую сторону, когда она молодымъ цвѣткомъ цвѣла подъ крыломъ матери, какъ выходила замужъ, какіе наряды въ это время были надѣты на ней и какія тогда невѣстамъ пѣсни пѣвались. Снимала тогда старуха съ своего пояса винтовый ключъ, отпирала свою зеленую, окованную желѣзными полосами, приданую укладку съ свѣтлымъ платьемъ, и одно за другимъ вынимались эти платья и шубки, янтари и жемчуги, и такъ много веселаго и хорошаго припоминали эти наряды теперь сѣдой головѣ, что голова эта начинала держаться какъ-то не по всегдашнему — прямо, а со сморщенныхъ губъ нечувствительно слетали давно забытые околоткомъ старинныя пѣсни.

«Унылая спальня дѣлалась веселѣе отъ этихъ пѣсенъ, хотя ихъ пѣлъ разбитый старушечій голосъ. Походила въ такіе разы залитая солнцемъ спальня на тайно запрятанное въ лѣсной

чащѣ птичье гнѣздо. Тамъ, вмѣстѣ съ непонятнымъ говоромъ лиственныхъ тучъ, подъ зелеными куполами непроглядныхъ кустовъ, часто слышится какая-то особенная, непохожая на обыкновенное пѣніе, птичья рѣчь, которою, конечно, мать учитъ своихъ малышей, какъ надобно разсѣкать воздухъ легкими крыльями, на какомъ деревѣ безопаснѣе вить теплыя гнѣзда и чѣмъ именно разнятся колосья пшеницы отъ негодныхъ на кормъ птицамъ травъ. Такъ и въ спальнѣ робкая рѣчь старухи учила ребёнка, такъ же тихо и смирно, протянуть до гроба начинающуюся жизнь, какъ дотягиваетъ ее сама учительница. И, слушая материнскіе разсказы, дѣвочка очень скоро научилась, какъ и мать, широко и безсмысленно раскрывать глаза и безсильно дрожать беззащитною головой, когда какое-нибудь дѣтское горе разражалось надъ нею, безъ блеска въ глазахъ и безъ обыкновенныхъ радостныхъ криковъ встрѣчать неожиданно нахлынувшее счастье и даже пугаться этого счастья, потому что все, что только могли услышать молодыя уши въ такъ рѣдко оживающей спальнѣ, все это говорило молодому сердцу о томъ только, что хотя и много растетъ въ степной сторонѣ всякихъ красивыхъ цвѣтовъ и травъ благовонныхъ, зато неминуемо гибнетъ въ этой сторонѣ всякая, сколько-нибудь живая душа дѣвичья, которой никогда еще не давала и, вѣроятно, долго не дастъ какъ слѣдуетъ разцвѣсть степная, старинная дурь...

«Такъ, сама того не вѣдая, старуха передавала Анютѣ свой жизненный мученическій вѣнецъ, и долго Анюта ходила въ этомъ вѣнцѣ, безмолвная и несмысленная, какъ и мать, которая надѣла его на покорную дочернюю голову».

Когда Анюта подросла, грозный отецъ отдалъ ее въ ученье тому самому дьячку, у котораго былъ сынъ, горбунъ Петруша. Не веселое было дѣтство и Петруши, особенно, послѣ того, какъ отецъ сдѣлалъ его горбуномъ:

«Вѣчно всклокоченный и, какъ будто, постоянно улыбающійся чему-то, бѣгалъ Петруша по селу всегда одинъ-одинёшенекъ. Ни одного товарища не находилось ему во всѣхъ этихъ звонкоголосыхъ ребьячихъ стаяхъ, которыя, одна передъ другой, старались окрестить мальчика какимъ-нибудь замысловатымъ прозвищемъ. Затащутъ они, бывало, Петрушу въ свою бѣснующуюся середину и начнутъ угощать его конькомъ-горбункомъ и цѣлымъ хоромъ пропоютъ ему про косого зайца, который, будто бы, дивился, когда онъ, какъ какая-нибудь курица, вдругъ нанесъ яицъ, и изъ нихъ—«вывелъ дѣтей, косыхъ чертей». А Петруша. словно молодой волчокъ, въ западнѣ, терпѣливо слушаетъ насмѣшливую пѣсню, съ видимою ненавистью, измѣряя пѣвцовъ своими косыми глазами».

При такихъ условіяхъ, дѣтей свело одно общее горе забитости и загнанности. Горбунъ, защищая дѣвочку отъ отцовскихъ всклочковъ и пощечинъ, «при помощи которыхъ дьячокъ обыкновенно вбивалъ въ головы начинающихъ питомцевъ таинствен-

стая, какъ сельская дуброва, азы», взялся самъ учить ее грамотѣ. Мало-по-малу, сблизились они, учась и играя вмѣстѣ, до взаимной, всепоглощающей привязанности. Описаніе ихъ дѣтскихъ игръ и гуляній, музыкальнаго таланта, проявившагося въ горбунѣ, разлуки ихъ по самодурству родителей, затѣмъ смерти горбуна, которому не дали и проститься съ любимой дѣвушкой и, наконецъ, горячечныхъ грёзъ Анюты, которыми прерывается неоконченная повѣсть—все это верхъ художественнаго совершенства, ставящаго разсказъ этотъ на высоту одного изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній въ нашей новѣйшей литературѣ.

Что касается типовъ, выведенныхъ въ «Степныхъ очеркахъ», то всѣ они, горемъ повитые и печалью взлелеянные, рѣзко распадаются на двѣ совершенно противуположныя категоріи. Одни изъ нихъ представляютъ людей загнанныхъ, забитыхъ, кроткихъ, терпѣливо выносящихъ всѣ невзгоды, обиды и поношенія. Обезличенные и обездоленные, они съ смиренною покорностью стараются вымолить себѣ у судьбы и у людей право не на счастье, а хоть бы на самое горемычное существованіе, и одними лишь слезами горючими и стонами протестуютъ противъ рушащихся на нихъ невзгодъ, неправдъ и поношеній. Таковы знакомые уже намъ Козлиха, солдатка, такова мать Анюты и сама она съ своимъ милымъ горбуномъ музыкантомъ и пр. Въ противуположность этимъ кроткимъ страдальцамъ рисуется передъ нами рядъ личностей, которыя подъ вліяніемъ того же горя и тѣхъ же обстоятельствъ доходятъ до мрачнаго ожесточенія. Это—натуры страстныя, крутыя, хищныя, глубоко сосредоточенныя; за каждую обиду стараются они заплатить вдесятеро, возмущаются, наконецъ, нетолько противъ всѣхъ людскихъ неправдъ, но и вообще противъ всего человѣчества и падаютъ въ неравной борьбѣ или спиваются въ одиночествѣ полнаго отчужденія отъ всѣхъ и вся. Наиболѣе рѣзко и осмысленно проведена паралель между двумя столь противуположными типами въ очеркѣ «Степные выселки», самомъ обширномъ изъ всѣхъ степныхъ очерковъ, наиболѣе глубоко задуманномъ и тщательно-отдѣланномъ, хотя, къ сожалѣнію, тоже неоконченномъ. Здѣсь представляются намъ на первомъ планѣ два типа: типъ Ивана и Петра Крутаго, которые, при довольно схожихъ обстоятельствахъ ихъ дѣтства, развились въ двухъ совершенно противуположныхъ человѣка:

«Жилъ былъ въ ближнемъ селѣ Иванъ одинъ съ женой и дѣтьми. Большое село это было, на широкомъ тракту стояло, и народъ въ немъ кипѣлъ, какъ вода въ котлѣ, и свой, и пріѣзжій. Только весь этотъ народъ, ежели ему случалось празднымъ зимнимъ вечеромъ, когда и старый, и малый высыпаютъ на морозныя улицы, встрѣтиться съ тѣмъ Иваномъ, не зналъ для себя бóльшей потѣхи, какъ дружною, улюлюкающею стаей проводить его до самой избы. Насмѣшки и снѣжные комья безъ счета сы-

*

пались въ Иванову спину; а онъ, бывало, какъ раненый медвѣдь, сгорбится весь и развалистою рысью улепетываетъ отъ толпы, не допытываясь у ней, за чтò она каждый разъ его преслѣдуетъ, какъ хищнаго волка. Только, бывало, когда уже черезъ чуръ невтерпежъ приходились ему потѣхи односельцевъ, останавливался онъ передъ толпой и толковалъ ей:

«— Братцы! Грѣхъ вамъ передъ Господомъ Богомъ будетъ, что вы на крещенаго человѣка, какъ на бѣшеную собаку улюлюкаете!

«— Ахъ ты, колдунъ! чортъ! орала на него толпа.—Туда-же про Господа Бога толкуетъ!

«И снѣжные комья сыпались на него все гуще и гуще.

«Въ то еще время, какъ Иванъ по сельскимъ улицамъ малымъ несмыслемъ бѣгалъ, односельцы думами про его отца, что онъ, должно быть—великій колдунъ, да кстати ужь, и про мальчишку то же задумали. Пытались сосѣди встарину отца-колдуна также травить за его колдовство, какъ травили они сейчасъ колдуна-сына; но старый колдунъ, должно быть, поискуснѣе молодаго былъ. Онъ не сталъ долго разговаривать съ шутниками, а однажды выхватилъ изъ нихъ одного, поглупѣе кто былъ, вздулъ его на обѣ корки, да потомъ въ управу свелъ; тамъ тоже шутника вспарили, да за обиду безвиннаго человѣка штофъ водки содрали. Этимъ случаемъ всѣ потѣхи надъ старикомъ и покончились.

«Не имѣлъ отцовской удали нашъ Иванъ. Въ младенчествѣ прозвали его колдуномъ, теперь зовутъ и будутъ звать, надобно думать, тогда даже, когда онъ въ сырую землю заляжетъ. Пробовала по-началу жена уговариватъ его, чтобъ онъ не давался міру въ обиду, такъ Иванъ такое-то-ли плетево заплеталъ ей въ отвѣтъ, что она на него и рукой махнула.

«— Что это у тебя, Иванъ, заговаривала съ нимъ жена, когда онъ, облаянный отъ волосъ до пятъ, приходилъ съ улицы въ избу:—ровно и словъ никакихъ для твоихъ обидчиковъ нѣтъ! Ты-бы, чѣмъ мамлить-то съ ними: тае, да подтае, да энтого тае, отлупилъ-бы какого-нибудь идола, али-бы въ правленьи пожаловался. Они, можетъ, посмирнѣе-бы стали.

«Посмотритъ Иванъ на жену, послѣ этихъ словъ, во всѣ смирные глаза свои поглядитъ, равно-бы дивился ея великой неправдѣ и скажетъ:

«— Любушка ты моя! Никогда я на словахъ-то рѣчистъ не былъ. Не сговорю я съ ними, пожалуй, на словахъ-то, а ужь лучше-же стану я лаской съ нимъ обращаться. Тихостью я, можетъ, полажу какъ-нибудь съ ними, жалостью...

«И такъ-то онъ славно тихостью своей ладилъ съ сосѣдями, что они, бывало, на сходкѣ только и дѣла дѣлаютъ, что вино съ него опиваютъ, да на него-же каждый день то подводу, то какую-нибудь мірскую повинность навалить ухитряются».

Я сказалъ уже выше, что въ дѣтствѣ Петра Кругаго было

много общаго съ дѣтствомъ Ивана: точно такъ же его преслѣдовали суевѣрныя подозрѣнія односельчанъ въ связи съ нечистою силою. Родители его были крѣпостные и отданы бариномъ на оброкъ одному богатому купцу, который вынудилъ Петрова отца идти въ солдаты за купцова сына. Село, гдѣ купецъ жилъ, стояло въ дремучемъ лѣсу. «И была, братецъ ты мой, разсказывалъ Крутой: — одною весною такая то ночь, такая ли ночь бѣлая — страсть! цѣлыми снопами мѣсячные лучи по селу разливались. Только въ самую полночь всѣхъ купецкихъ домашнихъ страшный крикъ на дворѣ разбудилъ. Глядятъ, а *онъ*, съ колокольню ростомъ, въ длинной черной шерсти весь, и расшагиваетъ по сараямъ... Къ худу, молъ, или къ добру? спрашивали купецкіе рабочіе, какъ *онъ* прогуливался.—Къ ху-у-ду! засвисталъ онъ сначала сердитою бурей, словно бы несосчетная стая большихъ птицъ поднялась съ болота и полетѣла... Всѣмъ слышно было, какъ отъ этого пóсвиста весь лѣсъ зашепталъ и задвигался въ тихую пору полночную. Видимо было всѣмъ, какъ онъ перешагивалъ черезъ сараи, черезъ избы, а тамъ и пошелъ по высокому лѣсу, и чѣмъ выше лѣсъ былъ, тѣмъ выше онъ самъ подымался, и тѣмъ страховитѣе грохоталъ. Все село, сказывали, сходилось смотрѣть и дивиться на такое рѣдкое диво. Въ одну такую-то ночь, какъ онъ свои шутки продѣлывалъ, я и родился. Нашъ батюшка-попъ въ губернію въ это время отлучившись былъ, а сосѣдскій попъ не поѣхалъ: такъ по этимъ самымъ случаямъ некрещеный недѣли съ двѣ я и пробылъ. Тутъ народъ и догадался, къ чему это *онъ* къ нашему двору съ гарканьемъ подходилъ».

Однимъ словомъ, прослылъ Петръ по селу лѣшимъ-обмѣнышемъ. «Сталъ я лишь человѣческую рѣчь понимать, разсказывалъ онъ:—какъ ужь люди меня отъ себя гнать начали. Зашушукали они около меня—и свои, и чужіе, кивками да миганьемъ съ боязнью стали на меня показывать, вотъ-де, онъ, ребята—обмѣненокъ-то! Глядите, какіе они, лѣшевы дѣтеныши-то, бываютъ... Примѣчайте... Къ ребятамъ, бывало, въ какую-нибудь игру присунешься, тоже отцы ихъ и матери за руку меня возьмутъ и отведутъ отъ нихъ».

И вотъ, повадился ребенокъ въ лѣсъ ходить. «Зайду, говоритъ: — бывало, въ трущобу какую лѣсную и сижу тамъ, а такъ то мнѣ это въ привычку вошло, что въ лѣсу ужь и заночевывать сталъ, потому глядишь-глядишь тамъ, думаешь-думаешь—и никто тебѣ ни въ чемъ не мѣшаетъ, никто не сѐрдитъ. Много я въ томъ лѣсу ребячьихъ слёзъ разронялъ, не то, чтобъ отъ обиды какой, не зналъ я тогда обидъ, а такъ, на душѣ было ужь очень спокойно».

Сердились на него и домашніе, видя, кàкъ онъ все въ лѣсъ бѣгаетъ, кàкъ смотритъ на нихъ изъ-подлобья и не отвѣчаетъ на ихъ вопросы, уставивъ глаза въ землю. Начинали колотить его, онъ опять убѣгалъ въ лѣсъ... въ такомъ приливѣ злости,

что «такъ-бы бросился на всѣхъ и зубами изгрызъ». Иногда находило на него спокойное раздумье, что, вѣдь, они—большіе, а я—маленькій, всѣмъ, молъ, такъ-то маленькимъ вихры-то большіе дерутъ; дай, я къ нимъ съ лаской подойду, вотъ, молъ, они меня хвалить-то всѣ примутся, когда я имъ гостинецъ принесу. Съ этими мыслями, шелъ онъ въ лѣсъ, набиралъ тамъ въ кувшинъ земляники и прибѣгалъ съ ними къ роднымъ. Но еще пуще отшатывались отъ него домашніе и въ испугѣ говаривали: ѣшь, ѣшь самъ — мы не хочемъ, а мать вздыхала и говорила: всѣ люди, какъ люди, а мы—словно черти... Подавалъ тогда свой голосъ съ печи и старый хозяйскій дѣдъ: «черти—не черти, а отъ тѣхъ мѣстовъ неподалече живемъ—родня не такъ, чтобы дальняя».—Бѣжи ты лучше съ глазъ моихъ прочь! скройся ты отъ меня, лѣшонокъ ты эдакой, прокуратъ ты—идольскій, комедьянкъ! принималась кричать мать послѣ такихъ словъ старшаго, и била сына въ спину и за волосья, и такъ изъ избы совсѣмъ прогоняла. Выбѣгалъ тогда мальчикъ на улицу, разбивалъ объ землю кувшинъ, растаптывалъ ягоды—и въ лѣсъ. А родные, всѣ до единаго человѣка изъ оконъ смотрѣли, бѣлые такіе, испуганные, и говорили:—вишь, вишь печалуется какъ, что не удалось ему христіанскихъ душъ чортовымъ подаркомъ опоганить. Вѣдь, это ему безпремѣнно лѣшій нарвалъ ягодъ и насъ обкормить ими научалъ.—Бѣжи, бѣжи, проклятый! кричала ему вслѣдъ мать:—туда тебѣ и дорога, проклятому! *Онъ* тебя тамъ вдосталь въ лѣшаго передѣлаетъ».

И вотъ въ то время, какъ Иванъ подъ вліяніемъ подобнаго всеобщаго гоненья, совсѣмъ размякъ и обезличился, Петръ, напротивъ того, ожесточился, и выработалась изъ него одна изъ тѣхъ мрачныхъ, хищныхъ, скитальческихъ натуръ, изъ которыхъ въ старину составлялись полчища понизовой вольницы или которыя избирали товарищами темный лѣсъ да булатный ножъ. Человѣкъ, въ высшей степени талантливый, энергическій, у котораго всякое дѣло спорилось и кипѣло подъ руками, онъ въ то же время ни на какомъ дѣлѣ не могъ остановиться, ему не сидѣлось на одномъ мѣстѣ, онъ не могъ ужиться съ людьми и вытерпѣвать всѣ ихъ неправды, и бродяжничалъ, заливая, въ то же время, виномъ свое неисходное горе.

Въ «Степныхъ очеркахъ» вы найдете нѣсколько такого рода гордыхъ и непокорливыхъ личностей, подобныхъ Петру Крутому. Таковы сапожникъ Шкурланъ со своими шестью сыновьями, защищавшій своихъ односельчанъ отъ обидъ властей и богатыхъ людей; недопускавшій бѣдныхъ парней сдавать неправильно въ рекруты и потомъ, во время войны, добровольно сдавшій въ солдаты всѣхъ своихъ шестерыхъ сыновей и самъ пошедшій съ ними. Таковъ Петруша-художникъ, дьячковъ сынъ (см. Ст. очерки «Степная дорога ночью», стр. 52), который не захотѣлъ покориться молодому барину и поклониться ему и заѣхалъ ему въ физіономію, за что былъ объявленъ сумасшедшимъ и заса-

жемъ въ сумасшедшій домъ. Таковъ Теокритовъ (тамъ же, «Степная дорога днемъ», стр. 81), который, подобно автору, шелъ пѣшкомъ въ столицу искать счастія въ наукѣ, но возмущенный самодурскими ломаньями и издѣваньями зятя надъ его горемычной сестрою, всадилъ этому зятю ножъ въ сердце и угодилъ, такимъ образомъ, подъ уголовщину. Такова бабушка Маслиха, уличная торговка, поражавшая дѣтей своимъ пѣніемъ псалмовъ и заступавшаяся за несчастненькихъ семинаристиковъ, готовая въ глаза вцѣпиться какому-нибудь слишкомъ ужъ безчеловѣчному изъ семинарскихъ воспитателей. Всѣ эти личности, умѣющія нетолько возмущаться и мстить за личныя обиды, но и стоять за други и братья, представляются передъ нами словно маяками, освѣщающими непроглядный мракъ невѣжества, притѣсненій, съ одной стороны, и приниженности — съ другой; они свидѣтельствуютъ своимъ присутствіемъ въ «Степныхъ очеркахъ», что не все еще окончательно подавлено въ той средѣ, которая рисуется передъ нами въ очеркахъ А. И. Левитова и, слѣдовательно, не все еще окончательно погибло.

Заплативши, такимъ образомъ, дань своей родинѣ и воспѣвши ее въ «Степныхъ очеркахъ», А. И. Левитовъ отразилъ всѣ дальнѣйшія впечатлѣнія своей скитальческой жизни по мёблированнымъ комнатамъ, чердакамъ и подваламъ обѣихъ столицъ, въ ряду очерковъ, собранныхъ имъ въ изданіи 1875 года подъ заглавіемъ «Жизнь московскихъ закоулковъ», и ранѣе въ изданіи 1874 года — «Горе селъ, дорогъ и городовъ» (таковы очерки этого изданія: «Безпечальный народъ», «Петербургскій случай», «Фигуры и тропы о московской жизни», «Московскія уличныя картины», «Шоссейный день» и пр.). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ другою категоріею сочиненій А. И. Левитова, рѣзко отличающеюся отъ первой категоріи степныхъ разсказовъ и не имѣющею съ ними ничего общаго. Какъ ни много мрачныхъ красокъ народнаго горя собрано въ «Степныхъ очеркахъ», но эти мрачныя краски, все-таки, смягчаются нѣсколько, съ одной стороны, обаяніемъ степной природы, съ другой—присутствіемъ цѣльныхъ, сильныхъ и благихъ характеровъ, на созерцаніи которыхъ отдыхаетъ сердце ваше, измученное зрѣлищемъ горя, слёзъ, страданій и изнываній. «Въ «Степныхъ очеркахъ» вы найдете не мало, наконецъ, и такихъ страницъ, въ которыхъ авторъ какъ бы на время совершенно забываетъ главный предметъ своей поэзіи—изображеніе народнаго горя, увлекаясь то какими-нибудь воспоминаніями о впечатлѣніяхъ дѣтства, то бытовыми подробностями или юмористическими сценами. Когда же вы приметесь читать «Жизнь московскихъ закоулковъ», вы должны проговорить про себя извѣстную вамъ надпись на вратахъ Дантова ада: «оставь за собою всякую надежду». Начать съ того, что, вмѣсто юноши, исполненнаго нѣжной тоски по родинѣ, изъ-за каждой страницы выглядываетъ на васъ съ злобной саркастической улыбкою и съ не-

прерывными проклятіями на устахъ, окончательно ожесточенный голякъ, утратившій всякія надежды въ своей неудавшейся жизни. Онъ словно на зло вамъ съ зубовнымъ скрежетомъ спѣшитъ набрасывать картины одна другой мрачнѣе, чудовищнѣе и безнадежнѣе и, въ то же время, какъ будто, тщеславится передъ вами своею одинокою, безучастною нищетою, своими отрепьями и своимъ безпробуднымъ пьянствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдкій очеркъ этой категоріи обходится безъ того, чтобы авторъ на первомъ же планѣ не выставилъ самого себя, голоднымъ, безпріютнымъ, шагающимъ по московскимъ или петербургскимъ улицамъ въ холодъ и непогоду, въ какомъ-нибудь рваномъ пальтишкѣ—и непремѣнно въ кабакъ или изъ кабака.

Какъ на наиболѣе рѣзкій примѣръ укажу на очеркъ «Грачевку», начинающійся такимъ образомъ (См. Ж. моск. зах., стр. 146): «Начало весны для человѣка, неодѣтаго въ драповое пальто на легкой ватной подкладкѣ, необутаго въ крѣпкія калоши— вещь, по общему мнѣнію, далеко неублажающая. Такимъ образомъ, было однажды начало весны, а у меня не было драповаго пальто на легкой ватной подкладкѣ и калошъ не было, потому собственно, можетъ быть, что были сапоги, которые, что называется, просили каши. Они, т. е. мои несчастные сапожёнки, до того широко разинули свои рты, что, какъ будто, хотѣли вычерпать всю грязную воду, залившую грязныя улицы. Не знаю, какимъ образомъ не умеръ я въ описываемое время отъ холода первой весенней ночи, и какъ не отвалились у меня ноги, обваренныя рѣжущимъ кипяткомъ натаявшей изъ снѣга воды. И такъ, было начало весны. На дворѣ стояла непроглядная ночь, именно та самая ночь, которой можно дать имя ночи любопытствующей, ночи всячески старающейся опредѣлить, что крѣпче на семъ свѣтѣ есть: дерево ли фонарныхъ столбовъ, или лбы пѣшеходовъ, несчастные, бѣдные лбы, осужденные во время любопытствующихъ ночей стукаться нетолько объ означенные столбы, но, пожалуй, даже, говоря возвышенною рѣчью, и объ холодный гранитъ тротуаровъ. Можете себѣ представить, какъ я благословлялъ эту ночь, шлепая по ея лужамъ, утопая въ ея канавахъ и ежеминутно удовлетворяя ея любознательность насчетъ того, какъ сказать, насколько я мѣдно-лобенъ. Весеннимъ страницамъ Фета положительно, докладываю, весьма было бы лестно украситься благословеніями, которыя я призывалъ на первую весеннюю ночь».

И далѣе авторъ описываетъ, какъ квартирный хозяинъ выгналъ его за неплатежъ денегъ, какъ тщетно искалъ онъ ночлега у разныхъ своихъ пріятелей и никто изъ нихъ не принялъ его, на томъ основаніи, что у всѣхъ у нихъ, по случаю рабочаго шабаша въ суботній день, ночевали пріятельницы, какъ онъ встрѣтилъ, наконецъ, гдѣ-то на бульварѣ, знакомаго, такого же, какъ и онъ, безпріютнаго ночлежника подъ открытымъ небомъ, и тотъ потащилъ его въ Грачевку, въ какой-то ужасный мазур-

ническій вертепъ.—Мы, сказалъ пріятель:—тамъ на гривенникъ хватимъ самой оглушающей водки и вдобавокъ просидимъ цѣлую ночь безданно, беспошлинно.

«Я, говоритъ авторъ при этомъ:—не буду ѣсть никакого меда, когда меня обѣщаютъ сводить въ какое-либо мѣсто, въ родѣ нехорошевскаго клуба, гдѣ обыкновенно гнѣздится по ночамъ тѣ ночныя птицы человѣческаго рода, рѣдкое появленіе которыхъ на улицѣ среди бѣлаго дня колетъ, какъ будто, свѣтлые глаза Божьему солнцу. Я быстро шагаю за моимъ руководителемъ въ нехорошевскій клубъ, куда меня тянетъ магнетическая надежда на возможное тепло, а въ темной дали яркой путеводною звѣздой блещетъ стаканъ водки, заглушающій человѣческое горе».

Въ другихъ очеркахъ авторъ съ большими подробностями описываетъ свои возвращенія съ различныхъ попоекъ, какъ онъ брелъ по темнымъ, тускло освѣщеннымъ закоулкамъ московскихъ трущобъ, шатаясь и отуманенный виномъ, разговаривалъ съ фонарями и другими неодушевленными предметами, которые оживали и принимали фантастическія формы, подъ вліяніемъ мрачныхъ и гнетущихъ грёзъ бѣлой горячки.

Въ этой категоріи очерковъ мы имѣемъ дѣло тоже съ народнымъ горемъ, но куда горю «Степныхъ очерковъ» сравняться съ нимъ: это не то горе, которое идетъ размыкаться въ лѣсъ дремучій и тамъ успокоивается на лонѣ ласкающей природы—или разливается въ звучной пѣснѣ на все село, или, наконецъ, находитъ себѣ исходъ въ кельѣ Божьей невѣсты, послушницы. Это — горе, безвыходно и безучастно задыхающееся въ смрадѣ столичныхъ заднихъ дворовъ и сырыхъ подваловъ, горе, стоны и вопли котораго безслѣдно исчезаютъ, заглушаемые шумомъ и гамомъ столичной суеты, горе, наконецъ, находящее себѣ единственный исходъ въ рядѣ безобразныхъ оргій, сопровождаемыхъ неистовыми взвизгиваніями и бѣшеною пляскою трепака и общею кровавою потасовкою въ мутномъ чаду похмѣлья. Поэтому, очерки этой категоріи, представляя нескончаемый рядъ мрачныхъ картинъ народныхъ попоекъ и потасовокъ, и являются какъ бы спеціально посвященными изображенію народнаго пьянства. Ни одного очерка, можно положительно сказать, необходится безъ описанія какой-нибудь оргіи, въ которой непосредственнымъ участникомъ является и самъ авторъ. Созерцаніе этого пьянства вмѣстѣ съ личнымъ участіемъ въ немъ, словно сдѣлалось главнымъ содержаніемъ его жизни и поэзіи: «Обвиняйте, сколько угодно, мой эгоизмъ, говоритъ онъ въ очеркѣ «Крымъ» (см. Ж. моск. зак., стр. 128):—ежели вамъ это понравится; но, вѣдь, я зачѣмъ пришелъ въ *Крымъ*? Я пришелъ въ *Крымъ* съ тою цѣлью, чтобы смотрѣть цѣлую ночь многоразличные виды нашего русскаго горя; чтобы, смотря на эти виды, провесть всю ночь въ болѣзненномъ нытьѣ сердца, немогущаго не сочувствовать сценамъ людскаго паденія, чтобы скоротать эту ночь, молчаливо бѣснуясь больною душой, кото-

рая видитъ, что и она такъ же гибнетъ, какъ гибнетъ здѣсь столько народа».

Что касается до выводимыхъ личностей въ этихъ очеркахъ второй категоріи, то въ нихъ вы не найдете уже тѣхъ непосредственныхъ, цѣльныхъ, народно-типическихъ характеровъ, какіе проходятъ передъ вами въ «Степныхъ очеркахъ». Это все—личности надломленныя, перемолотыя и стертыя до полной безличности въ мытарствахъ столичной жизни, искаженныя иногда до потери всякаго человѣческаго образа и опустившіяся до страшнаго, чудовищнаго разврата. Про А. И. Левитова нельзя въ этомъ отношеніи сказать, чтобы онъ льстилъ народу и идеализировалъ его: онъ изображалъ народъ вполнѣ непосредственно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представлялся ему, глубоко сочувствуя ему и скорбя за него въ его вынужденномъ обстоятельствами паденіи. Какъ на особенно замѣчательные очерки по изображенію наиболѣе страшныхъ трущобныхъ типовъ и самыхъ сокровенныхъ подонковъ столичныхъ омутовъ слѣдуетъ указать на очерки «Крымъ», «Грачевка», «Безпечальный народъ», «Не сѣютъ, не жнутъ», «Шоссейный день».—Всѣ эти очерки обличаютъ въ А. И. Левитовѣ знатока народной жизни въ такихъ ея непроницаемыхъ столичныхъ трущобахъ, куда, кромѣ него, не приходилось заглянуть ни одному еще наблюдателю народныхъ нравовъ. Ничего подобнаго этимъ очеркамъ вы не найдете въ нашей литературѣ. Будь эти очерки болѣе тщательно обработаны въ техническомъ, формальномъ отношеніи и не столь растянуты, ихъ можно было бы причислить къ числу первостепенныхъ произведеній русской литературы, хотя и въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся, они представляются вполнѣ своеобразными и въ высшей степени замѣчательными явленіями ея.

Изъ всего вышеизложеннаго можно заключить, что субъективный элементъ въ очеркахъ второй категоріи присутствуетъ въ огромныхъ размѣрахъ, гораздо въ большихъ даже, чѣмъ въ «Степныхъ очеркахъ». Но есть очерки, въ которыхъ этотъ элементъ преобладаетъ вполнѣ и стоитъ на первомъ планѣ. Изъ этихъ вполнѣ субъективныхъ очерковъ особенно замѣчательны тѣ, въ которыхъ авторъ не ограничивается однимъ изображеніемъ народнаго горя, а дѣлаетъ различныя сопоставленія нравовъ и понятій, господствующихъ въ народной средѣ подъ условіями ея жизни, съ разными гуманными и высокими идеалами, выработанными въ авторѣ высшимъ образованіемъ. Подобныя сопоставленія отличаются крайне болѣзненнымъ настроеніемъ, переходящимъ въ мрачное отчаяніе при видѣ того, какъ идеалы автора, такъ или иначе, разбиваются о грубую и грязную дѣйствительность, полную мрака невѣжества. Такъ, въ очеркѣ «Фигуры и тропы московской жизни» авторъ изображаетъ себя находящимся въ квартирѣ какого-то кума Чижа, личности весьма темной и двусмысленной. Оказывается, что этотъ кумъ Чижъ, пользуясь безпробуднымъ пьянствомъ автора, продалъ весь его

скарбъ и собаку. И вотъ, автору чудится сквозь грёзы бѣлой горячки, будто онъ ведетъ съ Чижомъ слѣдующаго рода разговоръ:

«— Да скажите, ради Бога! Вѣдь—продали? Ну нужда вамъ случилась, вы и продали. Скажите.

«Два голоса отрицали эти слова:—Станемъ мы такъ то поступать, куманёкъ! У насъ и то на душахъ-то, можетъ, вонъ сколько грѣховъ то! Да, право, ей-Богу! Насъ здѣсь, слава Богу, всѣ знаютъ...

«— Нѣтъ, вы вотъ что: вы, пожалуйста, не думайте, чтобы я на васъ сталъ жаловаться, или бы сердиться. Не буду, вы только не лгите.

«— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

«— Напраслина-съ!

«— Если вы откровенно скажете, что, молъ, продали—грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ, я самъ все отдамъ. Вамъ больше нужно, чѣмъ мнѣ; у васъ семейство. Скажите?

«Въ мои уши полился какой-то тревожный, суетливый шепотъ. Одинъ голосъ говоритъ:

«— Скажу, что его мучать!

«— Тсъ! Я тебѣ скажу! У меня своихъ не узнаешь.

«— Право, скажу. Когда онъ насъ обманывалъ?..

«— Гляди, гляди имъ въ зубы то. Не обманывалъ, такъ теперь обманетъ. Какъ ты ему обо всемъ этомъ дѣлѣ объяснишь, сейчасъ онъ въ книжку въ свою и засвидѣтельствуетъ.

«— Передъ кѣмъ онъ засвидѣтельствуетъ? Вѣдь, мы одни.

«— Разговаривай. Они, грамотные-то, какъ дьяволы хитры. Ко всему придерутся...

«Между тѣмъ, голосъ, умолявшій о правдѣ (т. е. голосъ самого автора), перешелъ въ отчаянно-буйные тоны и гремѣлъ:

«— Убью я васъ, гады! Всѣхъ переколочу. Самаго простого слова не дождаться отъ васъ. Экъ ихъ скотовъ перекоробило какъ!.. Какого вы дьявола хитрите? Развѣ я вамъ триста тысячъ разъ не показалъ, что я васъ насквозь вижу. Ужь добьюсь же я, что вы мнѣ скажете правду. Ужь осилю же я васъ. Убью, а осилю. Въ Сибирь пойду, а осилю...

«— Напрасно такъ изволите говорить, слышалось мнѣ:—ей-Богу, напрасно, потому объ насъ такъ никто не понимаетъ...

«— Дуб-бина! продолжалъ буйствовать басъ (т. е., опять-таки, самъ авторъ),—Что ты зубы-то точешь. Отъ тебя только одного слова и добиваются, чтобы ты правду сказалъ. Ну, молъ, укралъ. И причину тебѣ въ зубы прямо кладутъ, совсѣмъ пережеванную. А, укралъ, молъ, отъ того, что работать ничего какъ слѣдуетъ, не умѣю; а еслибы и умѣлъ, такъ въ хорошей-то работѣ, въ настоящей, у насъ никто не нуждается!

«— Ахъ, кумъ! Вы этого не извольте говорить, потому работа тоже на сорты... Теперича: первый сортъ, второй сортъ, третій... Какъ же съ?

«— Да будетъ! Перестань бобы разводить. Признавайся: укралъ, продалъ? Одно скажи, прошу тебя.

«— Точно что, кумъ, времена энтѣ какъ очень тижелы... конфузливо заговорила было хозяйка; но мужъ усиленно закивалъ и замигалъ на нее и такъ страшно прошипѣлъ: тс-с-съ, что она понурила голову и смолкла».

Потомъ, когда окончательно пьяный, авторъ заушилъ любовника Насти, сестры хозяина, и былъ за это вытуренъ отъ Чижа, онъ слышалъ, проходя мимо оконъ, такой разговоръ про него:

«— Езуитъ онъ завсегда былъ. Онъ изстари, голь эдакая, со мной езуитничалъ. И ничего у него не поймешь никогда! горячо принялась было разъяснять меня Настя; но Аннушка живо перебила золовку и, какъ старая моя знакомая, охарактеризировала меня такими словами:

«— Они бла-а-родные!

«— Какой чортъ благородный! возразилъ недовольный басъ. Что же онъ служитъ, что ли?

«— Нѣтъ! Принимать никуда не велѣно, потому они съ Моховой, какъ тамъ его называютъ, этту училищу-то?..

«— Университетъ?

«— Такъ, такъ! Они изъ ней... исключенные...

«— За что же это?..

«— А за... какъ энто? Собрались они энто...

«— Т-ссъ! Страху нѣтъ на тебя, дурища! закончилъ Матвѣй Петровъ. И я видѣлъ въ окно, какъ онъ съ стаканомъ водки на подносѣ подошелъ къ гладко выбритому барину и съ глубокимъ поклономъ сказалъ ему:

«— Не угодно-ли, ваше в-діе, огорчиться на счетъ водочки?»

Все это такъ обезкуражило автора, что онъ шелъ убитый до крайняго безсилія и тупости и думалъ:—Господи! Куда же я пойду?.. Гдѣ и съ какими людьми я жить смогу?

Въ отчаяньи, онъ рѣшился даже броситься подъ карету. Но лошади были во время остановлены, и автора потащили въ часть.

«— Экъ ты налупился, любезный! не то укоризненно, не то въ шутку сказалъ буточникъ.

«— Не знаю, отвѣчалъ ему авторъ.

«— Чего незнаешь?

«— А жить гдѣ?.. Какъ и съ кѣмъ?

«— Тамъ пристроютъ... смѣялся городовой. Пыдемъ-касы!.. Тамъ вашего брата вдоволь...

Еще болѣе замѣчателенъ въ этомъ отношеніи очеркъ «Счастливые люди». Здѣсь авторъ описываетъ попойку у какого-то мѣщанина Мирона Петрова, праздновавшаго именины, и, между прочимъ, выводитъ въ видѣ учителя типъ народника-мистика и вмѣстѣ эстетика, что-то въ родѣ Ап. Григорьева или Мея, типъ, теперь уже почти вымершій, но лѣтъ 10, 15, 20 тому на-

задъ, въ шумную эпоху нашего Sturm und Drang, встрѣчавшійся очень часто въ интеллигентныхъ кружкахъ.

«— Отъ т-топ-пота к-коп-пытъ ппыль ипо п-полю нес-сется! пробарабанило новое существо, входя въ комнату тѣмъ пьяно-церемоніальнымъ маршемъ, которымъ входятъ на сцену многообразные «Любимы Торцовы», подготавливая этимъ маршемъ эффектное: «Быть или не быть» Островскаго.—Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать!..

«Вошедшая такимъ образомъ личность была остаткомъ *добраго стараго университетскаго времени.* Не было вещи, которой бы этотъ человѣкъ не зналъ: говорилъ онъ чуть ли не на десяти языкахъ, былъ тонкій знатокъ классической музыки, а главное— онъ былъ народникъ, самый экстатическій, и все это въ себѣ онъ понималъ какъ нельзя болѣе хорошо, и все это онъ, съ страшнымъ цинизмомъ, на какихъ-то, для самыхъ близкихъ ему людей неуловимыхъ, основаніяхъ, топталъ въ грязь, заходя, примѣрно, послѣ изящныхъ обѣдовъ въ кабаки, съ цѣлію выпить на пятачекъ водки и поѣсть печенки. Когда его спрашивали: «Отчего ты, Алексѣй, ничего не дѣлаешь?» онъ обыкновенно, балуясь, отвѣчалъ: «Дѣвка да чарка сгубили»...

Эта сгубившая дѣвка представляется въ разсказѣ, въ видѣ любезной учителя Груши, о которой буточникъ Илюша разсказываетъ автору слѣдующую исторію:

«— Ты вотъ зналъ, можетъ, востроносую дѣвицу, какая жила у прачки Петрухи съ учителемъ-то? Да ты и учителя-то знаешь: я васъ съ нимъ часто, въ прошломъ году, въ кабакахъ видывалъ... У нихъ тоже исторія, да смѣху въ этой исторіи малость. Ахъ, жаль парня: ни за грошъ пропадаетъ, а парень добрый... Видишь, ему, это учителю-то—слышь? мѣсто какое-то на городѣ вышло. На желѣзку я его провожалъ, чемоданчикъ это, подушки, саквояжъ съ книжками — все это въ пролетку я ему выносилъ, и она тутъ-же, востроносая-то, провожать его ѣдетъ—и, т. е. я тебѣ говорю, плачетъ, рѣкой разливается и, словно-бы даже какъ въ помраченіи ума, металась и вскрикивала. Слышу толкуетъ она ему: «Ты это, говоритъ, нарочно къ мѣсту ѣдешь—отвязаться отъ меня, какъ ни-на есть захотѣлъ!» потому ей это въ привычку было, не въ первый разъ. Самъ знаешь, когда, ежели къ примѣру, «гысспада офицерà» по полкамъ своимъ разбираются, такъ бросаютъ, дѣвокъ-то, безъ всякихъ эфтихъ церемоніевъ—ну, ей это, значитъ, и въ привычку. А онъ ей свое толкуетъ: «Я, говоритъ—не прапорщикъ». И точно-что это онъ вправду сказалъ, потому онъ совсѣмъ штатскій... «Сколько разъ говорилъ я тебѣ, сказываетъ онъ ей:—затѣмъ и ѣду, чтобъ и тебѣ, и себѣ спокой доставить какой-нибудь, чтобы не мыкаться намъ больше съ тобой по бѣлу свѣту»... Утѣшаетъ онъ ее такъ-то, а мнѣ пятиалтынный въ руки, потому—душа-человѣкъ! Укатили. Смотрю, посмотрю: къ вечеру эдакъ возвращается моя барышня. Спрашиваю: проводили? «Проводила», гово-

ритъ, и смѣется; а изъ-за угла — о, чтобъ тебя черти забрали!— ужь и выглядываетъ хахаль какой-то, рукой, эдакъ, помахиваетъ—поскорѣе, значитъ, не замѣшкайся! Но что меня смѣхъ разбираетъ, такъ истинно потому случаю, что въ тотъ-же день... «Это послѣ слёзъ-то такъ-то вы, барышня? спрашиваю. Послѣ шести-то годовъ вы эдакъ-то?!!» Смотритъ на меня и хохочетъ, аки безумная какая! «Моя, говоритъ, теперь воля! Куда хочу, туда и пойду. Одна, говоритъ, осталась. Ха-ха-ха-ха»! И то года съ три я видалъ: гулять, бывало, пойдетъ съ самимъ, или одна по надобности куда-нибудь—всегда это такъ тихо, степенно—всегда, бывало, ласково такъ поклонится; а тутъ... примѣчай, куда пошло! Какъ начнетъ приплясывать моя барышня, какъ загорланитъ на всю улицу пѣсню: «Съ кѣмъ хочу, съ тѣмъ и гуляю»... Нѣтъ, вишь, какая тварь-то! Воротившись ко мнѣ, сейчасъ четвертакъ подаетъ; говоритъ: «получи, да смотри, не очень болтай, потому—учитель — забери его душу самъ дьяволъ—жениться на мнѣ похотѣлъ. А впрочемъ, посмѣивается, ежели и проболтаешь съ дуру, такъ онъ не повѣритъ... Какъ, говоритъ, знаешь»!.. Такая тварюха бѣдовая!.. и опять заплясала, и опять загорланила».

Далѣе въ разсказѣ описывается трогательное примиреніе Груши съ учителемъ на именинахъ Мирона Петрова при посредствѣ староверки, старушки Марьи Петровны. Эта сцена примиренія такъ умилила автора, что, лежа на сундукѣ, сильно ужь охмѣлѣвшій, онъ произнесъ про себя:

«Раститеся, множитеся и наполняйте землю», а сердце, говоритъ онъ:—такъ и подталкивало меня сбросить съ себя тулупъ, подбѣжать къ плакавшей групѣ, обняться съ нею вмѣстѣ и плакать; но я чувствовалъ, что въ головѣ моей сидѣлъ кто-то, съ гордымъ, одутло-насмѣшливымъ лицомъ, и говорилъ мнѣ:— Ты куда? Зачѣмъ тебѣ къ нимъ? Ты ни любить такъ не умѣешь, какъ они, ни прощать... Лежи, тебѣ и плакать-то стыдно! — Я еще крѣпче завернулъ въ тулупъ голову, потому что, дѣйствительно, стыдился моихъ слёзъ, которыя совсѣмъ было задушили меня...

«— Ну, ежели такъ, такъ Господь съ вами, счастливые люди! пробормоталъ я и уснулъ въ какой-то отчаянной тоскѣ по комъ-то и почемъ-то... Всю ночь мнѣ снилось *обѣщанное царство благодати*, тихое царство, безъ слезъ и скорбей, разрушающихъ жизнь. Я былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ мой проклятый мозгъ не имѣлъ обыкновенія, даже и во снѣ, выпрядать какія-то отвратительно-шероховатыя нити, отъ щупанья которыхъ все существо мое нервно вздрагивало и, противъ воли озлобляясь, говорило: «Но, вѣдь, я сплю!.. Вотъ и тулупъ, которымъ я накрытъ, *слѣдовательно*, все это я вижу во снѣ... Это *слѣдовательно* губитъ и сны, и дѣйствительность...»

На-другое утро *царство благодати* нарушилось всеобщею ру-

ганью: ругалась жена Мирона Петрова со своимъ сожителемъ, и еще бо̀льшая ругань шла между Грушею и учителемъ:

«— Варваръ! варваръ! неистовымъ голосомъ взывала вчерашняя востроносая дѣвица.

«— Вѣдь, ты жизнь мою загубилъ! Что же ты молчишь-то, Иродъ? Аспидъ! ты что-же молчишь-то?

«Учитель, говоритъ авторъ, какъ-то особенно тяжело приподнялъ со-стола голову, взглянулъ на меня уныло и апатически улыбаясь, и, будто сквозь сонъ, проговорилъ: — видишь? Пойдемъ!..

«Мы пошли—и цѣлый адъ закипѣлъ въ домѣ, гладко выструганныя стѣны котораго вчера еще такъ славно блестѣли на морозномъ полуночномъ фонѣ, смягчая его угрюмую, сѣрую безжизненность своей ярко-зеленой крышей и пугливо, но отрадно мелькавшими изъ оконъ огоньками».

Описавши за тѣмъ всеобщую потасовку, какая поднялась на «дѣвственной улицѣ» возлѣ этого дома, авторъ заключаетъ свой разсказъ слѣдующимъ образомъ:

«Весь этотъ день мы кружились съ учителемъ по разнымъ развлекающимъ заведеніямъ. Мрачно уставя глаза въ стаканъ, онъ часто спрашивалъ меня: — Такъ ты говоришь, все это— вздоръ-а?—Я молчалъ.—Ну скажи же что нибудь. Ты думаешь, я пьянъ? Нѣ-ѣтъ! Я, вѣдь, все помню. Ты сказалъ именно: неотразимый вздоръ... Такъ вѣдь-а?

«— Ну и сказалъ! Тысячу разъ говорилъ тебѣ... Отвяжись теперь...

«— Во что-же я вѣрилъ? Боже мой! Во что-же я вѣрилъ? Вѣдь, это—именно такое слово тутъ должно стоять: неотразимый вздоръ... Чортъ знаетъ, какъ это я не догадался прежде! Во что я вѣрилъ?.. Ну-ка, налей!

«Я наливалъ, а онъ пилъ и скрежеталъ зубами, обращая тѣмъ на себя общее вниманіе всего кабацкаго человѣчества. Между тѣмъ, на дворѣ стояла тихая, первозимняя ночь. Съ неба, граціозно волновавшимися пушинками, летѣлъ мягкій снѣгъ, а мѣсяцъ, словно красавица изъ-подъ вуали, такъ привѣтливо всматривался въ далекую отъ него землю...

«Всю душу измучила мнѣ сложенная мною въ эту ночь какая-то рѣшительно новая, нигдѣ неслышанная и нечитанная мною, молитва, съ которой я обращался къ небу этого вечера. Зажгла она сердце мое несказаннымъ жаромъ любви къ природѣ и людямъ; но тѣмъ не менѣе, когда я мысленно произносилъ ее, это прекрасное, всегда утѣшающее меня небо принимало въ моихъ глазахъ какой-то холодный, исполненный неумолимой, но прекрасно-величавой мудрости, о̀бразъ, который, будто-бы, отвернувшись отъ меня, наотрѣзъ говорилъ мнѣ:

«— О чемъ ты просишь?.. Молчи—и иди!

«И я шелъ... я шелъ; но съ каждымъ шагомъ становилось бремя мое тяжелѣе и тяжелѣе и всю человѣческую, такъ долго

и страстно горѣвшую и страдавшую кровь мою охватило непреодолимое желаніе—спать, спать и спать...»

Вотъ какіе тоскливые, разъѣдающіе мотивы проходятъ сквозь всѣ очерки А. И. Левитова второй категоріи. Въ этихъ мотивахъ передъ нами ярко выступаетъ, въ лицѣ А. И. Левитова, типъ тѣхъ писателей-народниковъ-реалистовъ, которые проявились въ нашей литературѣ въ прошлое десятилѣтіе: вышедши изъ народа, вынеся на своихъ плечахъ его страданія и живя до конца своихъ дней непосредственно его жизнію, они не идеализировали народа, не возводили его на пьедесталъ, не искали въ немъ какихъ-либо особенныхъ невѣдомыхъ міру идеаловъ и считали «неотразимымъ вздоромъ» туманныя фантазіи народниковъ-мистиковъ предшествовавшаго періода въ родѣ Ап. Григорьева или Мея, олицетворенныхъ А. И. Левитовымъ въ типѣ учителя-народника. Это сознаніе «неотразимаго вздора» происходило, конечно, изъ того реальнаго опыта, который открылъ имъ всѣ вѣковыя язвы, всю ту вѣковую грязь, которыя въѣлись въ народъ подъ вліяніемъ условій жизни его въ теченіи многихъ столѣтій!.. Но дорого стоило имъ это трезвое сознаніе: увидя народъ не такимъ, какимъ-бы имъ хотѣлось его видѣть и какимъ представляли его предшественники ихъ, они исполнились глубокою, безвыходною скорбью о всѣхъ его язвахъ и страданіяхъ, и, въ то же время, дѣйствительность, представившаяся имъ, совершенно ошеломила ихъ и обезкуражила. Въ уныніи и отчаяніи, опустили они руки, тоскливо восклицая: во чтѐ же послѣ этого вѣрить? Къ кому идти? Куда преклонить голову? Чтѐ дѣлать?...» И они окончательно спивались, находя единственное утѣшеніе въ забвеніи вина и смерти...

Сочиненія А. И. Левитова въ этомъ отношеніи полезны не тѣмъ только, что раскрываютъ намъ народную жизнь со стороны ея горя, страданій и всѣхъ наросшихъ на народѣ вѣковыхъ сыпей и язвъ. Они вдвойнѣ поучительны должны быть для нашихъ новѣйшихъ народниковъ-мистиковъ, которые снова, подобно ихъ отцамъ и дѣдамъ, подходятъ къ народу съ исканіями невѣдомыхъ міру идеаловъ.—Пусть эти народники-мистики читаютъ сочиненія А. И. Левитова и, съ одной стороны, извлекаютъ изъ нихъ представленіе о народѣ, хотя и одностороннее, но тѣмъ не менѣе, вполнѣ реальное, представленіе человѣка, который самъ былъ изъ народа и вынесъ на своихъ плечахъ его тяготу; а съ другой стороны, пусть они не забываютъ, что за періодомъ каждаго мечтательнаго и фантастическаго очарованія долженъ слѣдовать періодъ отрезвленія и разочарованія при видѣ суровой дѣйствительности, рушащей воздушные зáмки. Такъ мы и видимъ, что всѣ наши беллетристы-народники 60-хъ годовъ, Помяловскій, Рѣшетниковъ, А. И. Левитовъ выразили собою моментъ разочарованія въ мистическихъ грёзахъ относительно народа ихъ предшественниковъ. Теперь спрашивается: чтѐ же дѣлаютъ наши новѣйшіе народники-мистики, снова начавшіе

искать въ народѣ различныхъ несказанныхъ идеаловъ, въ родѣ новыхъ деревенскихъ словъ, долженствующихъ посрамить растлѣнный городъ и заткнуть за поясъ европейскую науку, какъ не начинаютъ съизнова пережитую уже нашими отцами исторію фантастическаго очарованія, и грозятъ въ грядущемъ новый періодъ разочарованія, унынія, отчаяннаго опусканія рукъ и восклицаній: во-что же вѣрить? куда же дѣться? къ кому идти? что дѣлать?..

Не было-ли бы въ милліонъ разъ благотворнѣе, еслибы мы, вмѣсто подобнаго возвращенія къ заблужденіямъ отцовъ, вчитались и вдумались глубже въ сочиненія беллетристовъ-народниковъ 60-хъ годовъ и взяли-бы въ разсчетъ дѣйствительность, открывшуюся намъ въ этихъ сочиненіяхъ. А затѣмъ, не останавливаясь на томъ уныніи и отчаяніи, на которомъ остановились эти беллетристы, ободрились-бы, собрались съ силами и занялись бы трезвымъ пріисканіемъ цѣлительныхъ средствъ для излеченія тѣхъ народныхъ язвъ, которыя намъ показали эти беллетристы. Только въ подобномъ ободреніи и трезвомъ исканіи цѣлительныхъ средствъ можетъ проявиться тотъ новый шагъ впередъ и то желанное «новое слово», о которомъ мечтаютъ наши народники-мистики.

А. Скабичевскій.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ СЪ АНГЛІЙСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(Russia, by W. Mackenzie Wallace).

VI.

«Россія — страна парадоксовъ», говоритъ Мекензи Уоллесъ, прилагая, въ особенности, этотъ афоризмъ къ положенію сельской общины, составляющей, по его словамъ, любопытный образчикъ представительства съ крайнимъ демократическимъ характеромъ въ странѣ централизованной бюрократіи. Порядки въ русской общинѣ — нѣсколько англійскаго типа; это—сводъ неписьменныхъ, традиціонныхъ понятій, которыя возросли и видоизмѣнялись подъ вліяніемъ перемѣнныхъ, практическихъ потребностей. Теоретическаго опредѣленія обязанностей и взаимныхъ отношеній сельскаго старосты и сельскаго схода не знаетъ ни староста, ни кто другой изъ членовъ общины; но каждый крестьянинъ знаетъ, какъ бы по инстинкту, что могутъ и чего не могутъ дѣлать тѣ или другія сельскія власти. Община—жи-

вое учрежденіе, и самая его жизненность даетъ возможность обходиться безъ помощи и руководства писаннаго закона.

Въ этомъ авторъ видитъ преимущество общины предъ нѣкоторыми новыми, искуственными, по его мнѣнію, учрежденіями, обязанными своимъ происхожденіемъ правительственнымъ указамъ. (Изъ прежней статьи нашей читатели знаютъ, что это— камешекъ въ русское земство). Замѣтимъ кстати, что кажущееся противорѣчіе общины съ бюрократическими порядками вполнѣ объясняется ея существенно-практическимъ характеромъ: даже странно слышать, когда иностранцы къ русскимъ деревенскимъ порядкамъ примѣняютъ термины западнаго представительства, какъ-то: спикеръ, деревенскій парламентъ, демократическое начало — вмѣсто: сельскаго старосты, сельскаго схода, мірскаго прàва. Практическій характеръ общинныхъ учрежденій обрисовывается, между прочимъ, и тѣмъ, что самые «выборы» въ должности не представляютъ ничего привлекательнаго для русскаго крестьянина и даже составляютъ для него немалое обремененіе. Авторъ приводитъ нѣсколько недурныхъ сценъ, не оставляющихъ иностранцу сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Изысканія о сущности сельской общины, приводимыя авторомъ, частію уже напечатанныя отдѣльно въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, весьма любопытны, нетолько какъ взглядъ ученаго иностранца на характерное русское учрежденіе, но и какъ мнѣніе знатока предмета. Извѣстно, что Меккензи имѣлъ спеціальною цѣлью изученіе экономическаго быта Россіи и положенія русскаго крестьянства, хотя выполнилъ эту послѣднюю задачу далеко не вполнѣ. Исходнымъ пунктомъ своихъ сужденій авторъ ставитъ приводимое имъ, не безъ ироніи, мнѣніе нѣкоторыхъ образованныхъ русскихъ людей о томъ, что сельская община, будто бы, представляетъ практическое рѣшеніе многихъ трудныхъ соціальныхъ задачъ, съ которыми долго и тщетно боролись философы и государственные люди запада. «Націи запада стремятся къ политической и соціальной анархіи, такъ резюмируетъ авторъ упомянутыя русскія сужденія по этому предмету:—и на долю Англіи выпало незавидное отличіе мчаться по такому пути впереди всѣхъ. Естественный приростъ населенія, въ соединеніи съ экспропріаціей мелкихъ землевладѣльцевъ крупными земельными собственниками, породилъ опасный, постоянно увеличивающійся пролетаріатъ: огромную, неорганизованную массу человѣческихъ существъ, не имѣющихъ ни пріюта, ни постояннаго жилища, ни какой бы то ни было собственности, ни малѣйшей доли участія въ существующихъ учрежденіяхъ. Нѣкоторая часть ихъ снискиваетъ ничтожное пропитаніе въ качествѣ земледѣльческихъ рабочихъ и находится въ такомъ положеніи, которое несравненно хуже рабства. Другіе навсегда оторваны отъ почвы и собрались въ большихъ городахъ, гдѣ добываютъ ненадежныя средства къ жизни промышленными занятіями или усиливаютъ собою ряды преступниковъ. Въ Англіи нѣтъ болѣе крестьянъ въ

настоящемъ смыслѣ слова, и едвали можно даже создать подобный классъ, потому что люди, долго подвергавшіеся зловредному вліянію городской жизни, уже физически и нравственно неспособны сдѣлаться земледѣльцами. Промышленное первенство Англіи близится къ концу. Народы убѣдились въ непригодности принциповъ свободной торговли и теперь учатся выдѣлывать сами все необходимое для своихъ потребностей. Скоро англійскія произведенія не будутъ находить себѣ сбыта на чужеземныхъ рынкахъ, и что̀ тогда сдѣлается съ голоднымъ англійскимъ пролетаріатомъ»? Такъ какъ, вмѣстѣ съ этой мрачной картиной будущности Англіи, авторъ постоянно слышалъ увѣреніе, что Россія избавлена отъ подобныхъ бѣдствій, благодаря сельской общинѣ—учрежденію, которое западные европейцы, повидимому, совершенно неспособны понять и оцѣнить, несмотря на его простоту и неисчислимую пользу, то онъ и рѣшился приняться за его изученіе.

«Учрежденіе, которое обѣщаетъ удовлетворительно разрѣшить самыя трудныя соціальныя задачи будущаго, встрѣчается не каждый день даже въ Россіи, хотя послѣдняя особенно богата матеріалами для изученія соціальной науки», говоритъ авторъ, сознаваясь, что интересъ и энергія въ изученіи общины, подъ вліяніемъ такихъ ожиданій, еще усилились. Жаль только, что, принимаясь за изученіе общинныхъ учрежденій, авторъ не принялъ въ соображеніе новѣйшихъ изысканій европейскихъ ученыхъ, особенно своего соотечественника Мэна. Тогда самыя изслѣдованія Меккензи Уоллеса много бы выиграли въ широтѣ и отсутствіи не всегда умѣстной ироніи. Первая попытка автора въ изысканіяхъ была неособенно цѣлесообразна и неуспѣшна. Авторъ началъ съ того, что прямо поставилъ своему русскому слугѣ изъ крестьянъ Ивану вопросъ: что̀ такое «міръ»? Иванъ казался смущеннымъ, пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника, почесалъ въ затылкѣ (способъ ускоренія мозговой дѣятельности у русскаго крестьянина, замѣчаетъ авторъ) и, несмотря на всѣ эти усилія, вымолвилъ только «какъ вамъ сказать»? Видя, что избранъ ненадлежащій способъ изслѣдованія, что отъ простого человѣка должно требовать не обобщеній и не отвлеченныхъ опредѣленій, а только матеріалъ въ формѣ конкретныхъ фактовъ, авторъ измѣнилъ методъ изслѣдованія и такимъ, чисто практическимъ путемъ добылъ, какъ самъ говоритъ, много интересныхъ данныхъ.

Рисуя въ другомъ мѣстѣ крестьянскую семью прежняго образца (этотъ очеркъ мы приведемъ особо, если позволитъ мѣсто), авторъ нашелъ, что сельская крестьянская семья составляетъ особый родъ первобытной ассоціаціи, въ которой члены почти всѣми предметами пользуются сообща. Деревня, по мнѣнію автора—также первобытная ассоціація въ бо̀льшемъ объемѣ. Между этими двумя соціальными единицами много пунктовъ сходства. Въ той и другой—общіе интересы и общая отвѣтствен-

ность; въ той и другой имѣется глава во внутреннихъ дѣлахъ и представитель въ дѣлахъ внѣшнихъ: хозяинъ въ семьѣ и староста въ общинѣ. Какъ власть хозяина, такъ и власть старосты ограничена взрослыми членами семьи и домохозяевами общины. Въ той и другой группѣ имѣется извѣстное количество общей собственности: въ семьѣ—домъ и почти все, что въ немъ находится; въ деревнѣ—пахатная и пастбищная земля. Въ семьѣ и въ общинѣ существуетъ извѣстная доля общей отвѣтственности: въ первой за долги, во-второй — за всѣ налоги и общинныя повинности. И семья, и община охраняются до извѣстной степени противъ обычныхъ законныхъ послѣдствій несостоятельности: семью докучные кредиторы не могутъ лишить усадьбы или необходимыхъ земледѣльческихъ принадлежностей, а общину—земли. Пункты различія между семьею и общиной нѣтъ надобности перечислять: очевидно, что взаимныя отношенія между членами общины далеко не такъ близки, какъ между членами семьи.

Любопытна параллель, проводимая авторомъ, между деревней въ русскомъ и въ англійскомъ смыслѣ. Семья, живущая въ англійской деревнѣ, мало интересуется дѣлами своихъ сосѣдей. Это не означаетъ, впрочемъ, полной изолированности отдѣльныхъ семействъ: человѣкъ вообще склоненъ интересоваться дѣлами своихъ ближнихъ, и эта соціальная обязанность выполняется слабѣйшей половиной человѣческаго рода даже съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ какое необходимо для общественнаго благополучія; но отдѣльныя семьи могутъ жить цѣлые годы въ одной и той же деревнѣ, не имѣя ни малѣйшаго сознанія общности своихъ интересовъ до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь Джонсъ не совершитъ такого нарушенія общественнаго порядка, которое грозитъ всѣмъ прочимъ общею опасностью, въ родѣ грабежа или пожара; но пока этого нѣтъ, то до пьянства, до несостоятельности, до внезапнаго исчезновенія того же Джонса никому нѣтъ дѣла. Подобная обособленность немыслима между семьями, составляющими русскую деревню. Домохозяева собираются на сходъ и разсуждаютъ объ общественныхъ дѣлахъ. Они не начнутъ косить или боронить, пока сходъ этого не рѣшитъ. Пьянство крестьянина, несостоятельность его составляютъ общій интересъ, потому что всѣ домохозяева коллективно отвѣтственны въ исправномъ платежѣ податей. По той же причинѣ, крестьянинъ не можетъ, безъ согласія общины, покинуть навсегда деревню, а это согласіе обусловливается гарантіею въ исправномъ выполненіи всѣхъ его настоящихъ и будущихъ повинностей. Даже отпущенный обществомъ крестьянинъ можетъ быть во всякое время вытребованъ имъ же обратно: иногда такое отозваніе служитъ только предлогомъ къ вымогательству денегъ отъ члена общины, присутствіе котораго на мѣстѣ оказывается вовсе не необходимымъ, какъ только онъ вышлетъ обществу деньги; но

это—уже злоупотребленія, составляющія явленіе исключительное и несогласное съ общимъ духомъ общинныхъ отношеній.

Въ основу правильнаго пониманія русской хозяйственной общины авторъ ставитъ два важные факта изъ числа извѣстныхъ русскимъ читателямъ признаковъ общиннаго порядка: принадлежность пахатной и пастбищной земли не отдѣльнымъ домохозяевамъ, но цѣлой общинѣ, и коллективная и личная отвѣтственность всѣхъ домохозяевъ за цѣлую сумму, какую община должна ежегодно выплачивать въ казну.

Въ русской сельской общинѣ авторъ усматриваетъ весьма важное по своимъ послѣдствіямъ разногласіе между административной теоріей и практикой. Онъ оговаривается, впрочемъ, что такое разногласіе существуетъ во всѣхъ странахъ, но въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, и въ сельской общинѣ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ учрежденіяхъ. По теоріи, крестьяне мужескаго пола, во всѣхъ частяхъ имперіи, вписываются въ ревизскія сказки, служащія основаніемъ прямаго обложенія. Каждая община имѣетъ у себя подобный списокъ и вноситъ ежегодно сумму, соразмѣрную числу ревизскихъ душъ, а родившіеся или умершіе послѣ ревизіи не включаются въ списокъ и не облагаются платежами. У русскихъ крестьянъ уплата податей нераздѣльно соединена съ владѣніемъ землею. Каждый крестьянинъ, уплачивающій подати, предполагается имѣющимъ долю пахатной и пастбищной земли, принадлежащей общинѣ: т. е. ревизская душа, соотвѣтственно платежамъ, имѣетъ право на долю земли.

Казалось бы, поэтому, что подать, платимая крестьянами, составляетъ особый видъ ренты за землю, которою крестьянинъ пользуется, или, по крайней мѣрѣ, особый видъ поземельнаго налога. Въ дѣйствительности, это не такъ: желаетъ ли крестьянинъ пользоваться землею, или нѣтъ—онъ обязанъ платить причитающуюся съ него подать, тогда какъ извѣстно, что частный человѣкъ, извлекая ренту изъ земли, заключаетъ относительно ея добровольный контрактъ съ собственникомъ. (Замѣтимъ притомъ, что и платежъ податей, кромѣ поземельныхъ платежей, нынѣ даже не обусловливается владѣніемъ землею: закономъ уже оффиціально признанъ классъ крестьянъ безземельныхъ, приписанныхъ къ волостямъ лишь для счета при платежѣ податей—классъ, неизвѣстный прежнимъ изслѣдователямъ русской жизни и незамѣченный Меккензи Уоллесомъ). Хотя поземельный налогъ вообще соразмѣряется съ количествомъ и качествомъ состоящей въ крестьянскомъ пользованіи земли, но строгой соразмѣрности здѣсь нѣтъ, такъ какъ общины, владѣющія шестью десятинами и владѣющая семью десятинами платятъ одинаковый сборъ. Дѣло въ томъ, что налогъ этотъ, въ сущности—личный, и только исчисляется соразмѣрно числу ревизскихъ, владѣющихъ землею, душъ. Правительство не входитъ въ самый порядокъ распредѣленія общинной земли. Между тѣмъ, при этомъ-то распре-

дѣленіи земли по числу ревизскихъ душъ, численная сила работника часто вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительной рабочей силѣ, а притомъ и срокъ пользованія каждымъ участкомъ, при рѣдкости ревизій, довольно долгій. При измѣненіи количества работниковъ, напр. смерти взрослыхъ рабочихъ, возрастаніи дѣтей, общинныя тягости, распредѣляемыя всегда пропорціонально землѣ, могутъ сдѣлаться крайне неуравнительными; самое распредѣленіе земли не будетъ уже въ соотвѣтствіи съ нуждами и способностями членовъ общины, если слѣдовать этой системѣ, потому что въ Россіи, какъ замѣтилъ авторъ, владѣніе извѣстною долею общинной земли составляетъ часто не привилегію, а бремя. Въ нѣкоторыхъ общинахъ земли такъ много и она такъ скудна, что ее нельзя сдать въ наймы ни за какую цѣну, напримѣръ, въ Смоленской Губерніи, гдѣ въ общинныхъ поляхъ остается много невоздѣланныхъ полосъ. Въ другихъ мѣстахъ доходы съ земли едва только покрываютъ обработку, но чистой ренты недостаетъ на уплату податей и налоговъ. Потому-то въ нѣкоторыхъ общинахъ земля распредѣляется не по ревизскимъ душамъ, а сообразно рабочей силѣ семействъ или по тягламъ, хотя и тутъ трудно достигнуть уравнительности вслѣдствіе естественныхъ колебаній населенія. Для возстановленія равномѣрности между силами рабочихъ и требованіями съ нихъ существуютъ передѣлы земли, зависящіе отъ воли самой общины. Вотъ въ этой-то самостоятельности сельскихъ общинъ относительно внутренняго распредѣленія земель Мекензи и видитъ новое доказательство въ пользу своего, нѣсколько парадоксальнаго взгляда, что «Россія—страна парадоксовъ». Въ подтвержденіе такого мнѣнія, онъ, между прочимъ, приводитъ частный случай изъ прошлой исторіи, а именно, что при Николаѣ I-мъ вводилась у государственныхъ крестьянъ подача голосовъ баллотировкой, но опытъ не удался, изъ-за недовѣрчиваго отношенія крестьянъ къ нововведенію. Въ сущности, парадоксальности тутъ никакой нѣтъ; дѣло въ точкѣ зрѣнія на предметъ: баллотировка, составлявшая въ Англіи предметъ горячей политической борьбы, подразумѣвала собою тамъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ въ Россіи, гдѣ она вводилась лишь ради внѣшней правильности.

Авторъ даетъ толковое изложеніе нѣкоторыхъ особенностей нашихъ сельскихъ порядковъ, напримѣръ, касается положенія женщины, которая, хотя, по народной поговоркѣ, будто бы не имѣетъ души, а только паръ, однако, въ качествѣ домохозяйки, пользуется фактически немалымъ значеніемъ въ крестьянской общинѣ по дѣламъ, касающимся ея домохозяйства. Мекензи признаетъ ясный практическій здравый смыслъ, проникающій обыкновенно рѣшенія сельскихъ сходовъ, но не забываетъ сказать и о несчастныхъ уклоненіяхъ въ сторону, виною которыхъ служитъ водка; также разъясняетъ англійскимъ читателямъ приведенное уже нами и, безъ сомнѣнія, малопонятное для нихъ явленіе, что выборы въ сельскія должности нетолько не би-

ваютъ полны особаго шумнаго возбужденія, какого могъ бы ожидать европеецъ, но даже производятъ слишкомъ мало и обычнаго оживленія по той простой причинѣ, что никто не желаетъ быть избраннымъ: русскій крестьянинъ считаетъ выборъ въ общественную должность скорѣе бременемъ, нежели почестью.

Вотъ нѣсколько сценъ изъ сельскихъ выборовъ и изъ порядка раздѣла крестьянской земли:

«Воскресный полдень. Мужики и бабы, въ праздничной одеждѣ, медленной толпой собираются на открытомъ мѣстѣ подлѣ церкви. Тутъ найдутся представители всѣхъ классовъ населенія. На окраинѣ толпа веселыхъ, красивыхъ дѣтей: одни изъ нихъ стоятъ или лежатъ на травѣ и внимательно смотрятъ на происходящее, другіе бѣгаютъ и играютъ. Подлѣ нихъ видна група молодыхъ дѣвушекъ, судорожно сдерживающихъ смѣхъ. Причиною ихъ веселости служитъ парень лѣтъ 17 — очевидно, деревенскій балагуръ: съ гармоникой въ рукѣ, онъ разсказываетъ имъ полушепотомъ, что его сейчасъ выберутъ въ старосты и какихъ штукъ онъ тогда надѣлаетъ. Одна изъ дѣвушекъ начинаетъ хохотать громко; тогда стоящія по близости пожилыя бабы оборачиваются и хмурятся. Одна изъ нихъ подходитъ и сердито говоритъ виновницѣ, чтобъ шла домой, если не уймется. Преступница въ смущеніи удаляется, а парень находитъ въ этомъ поводъ къ новой шуткѣ. Между тѣмъ, начинаются разсужденія. Вниманіе большинства членовъ обращено на трехъ мужиковъ и женщину, стоящихъ нѣсколько поодаль отъ другихъ. Тутъ дѣйствительно идетъ рѣчь о дѣлѣ. Женщина, со слезами на глазахъ и со множествомъ ненужныхъ повтореній, толкуетъ, что ея «старикъ», теперешній староста, очень боленъ и не можетъ выполнять свою должность.

«— Да, вѣдь, онъ еще и году не служилъ, а теперь ему лучше стало», говоритъ крестьянинъ, очевидно, младшій изъ всей групы.

«—Богъ знаетъ, говоритъ женщина, всхлипывая.—На все Божья воля, только врядъ ли онъ опять встанетъ на ноги. Фельдшеръ приходилъ четыре раза, самъ лекарь побывалъ и велѣлъ перенести его въ больницу.—«А отчего онъ туда не пошелъ?»—«Да кàкъ же онъ пойдетъ? Кто его понесетъ? Ребенокъ онъ, что-ли? До больницы-то сорокъ верстъ. Повезти его въ телегѣ, такъ и версты не проѣдетъ, помретъ. Да и Богъ-то знаетъ, что дѣлаютъ тамъ съ ними въ больницахъ-то въ этихъ?

«—Ну, ладно, будетъ, придержи языкъ, говоритъ бабѣ сѣдобородый старикъ, и потомъ обращается къ сходу:—тутъ ничего не подѣлаешь. Становой будетъ на-дняхъ и опять нашумитъ, если мы не выберемъ новаго старосту. Кого же выбрать»? Какъ только вопросъ поставленъ такъ прямо, нѣкоторые крестьяне смотрятъ, потупившись, въ землю или какимъ-нибудь другимъ способомъ стараются отвлечь отъ себя вниманіе, чтобъ не было

произнесено ихъ имя. Минуты двѣ всѣ молчатъ; наконецъ, старикъ говоритъ: «да вотъ Алексѣй Ивановъ еще не служилъ»!— «Да, да, Алексѣй Ивановъ», гудитъ съ полдюжины голосовъ, принадлежащихъ, вѣроятно, тѣмъ крестьянамъ, которые боятся, чтобъ ихъ не выбрали. Алексѣй протестуетъ сильнѣйшимъ образомъ. Онъ не можетъ сослаться на болѣзнь, потому что толстое, красное лицо его сейчасъ обличило бы во лжи, но пріискиваетъ много другихъ доводовъ, на основаніи которыхъ проситъ его освободить отъ выбора. Но его отказовъ не слушаютъ, и дѣло кончается. Новый староста избранъ».

Выборы въ должности имѣютъ важность для крестьянина именно только въ смыслѣ опасенія, чтобъ самъ онъ не попалъ во власть. Помимо этого, ему все равно: Иванъ, Алексѣй или Николай будутъ выбраны, лишь бы только его самого оставили въ покоѣ: онъ знаетъ, что сельскія власти имѣютъ очень мало значенія въ общинныхъ дѣлахъ. Другое дѣло—когда происходитъ распредѣленіе общинныхъ земель: тутъ ни одинъ крестьянинъ не можетъ оставаться пассивнымъ зрителемъ, потому что матеріальное благосостояніе каждаго домохозяина зависитъ, въ значительной степени, отъ количества земли и отъ повинностей за нее, которыя приходятся на его долю.

Земля имѣетъ не одинаковую важность для крестьянина въ сѣверныхъ и въ южныхъ губерніяхъ. Въ послѣднихъ, гдѣ почва плодородна и налоги не превышаютъ нормальной ренты, земля необременительна и даже весьма полезна для крестьянъ, а процессъ раздѣла и жеребьевки земель сравнительно простъ. Здѣсь крестьянамъ выгодно получить земли сколько можно больше, и потому каждый домохозяинъ требуетъ себѣ всю землю, на какую имѣетъ право, т. е. число долей, равное числу членовъ, записанныхъ за нимъ въ послѣднюю ревизскую сказку. Поэтому, сходъ не встрѣчаетъ никакихъ трудностей въ рѣшеніи вопросовъ о назначеніи участковъ. По ревизской сказкѣ общества видно, на сколько долей слѣдуетъ раздѣлить землю и сколько долей назначить каждой семьѣ. Единственное затрудненіе можетъ возникнуть въ томъ, какіе именно участки получитъ каждая отдѣльная семья, и это обыкновенно разрѣшается жребіемъ. Вопросъ о времени новаго передѣла разрѣшается также очень легко простымъ большинствомъ голосовъ схода.

Иную картину представляетъ раздѣлъ земли въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ земля часто бываетъ очень неплодородна, а налоги превышаютъ нормальную ренту, и потому можетъ случиться, что крестьяне стараются имѣть земли какъ можно меньше. Такъ увѣряетъ авторъ, но, при всемъ уваженіи къ его наблюдательности и знанію дѣла, едвали подобные отказы отъ земли не слѣдуетъ признать исключительнымъ явленіемъ. При всемъ своемъ неплодородіи, земля, все-таки, составляетъ единственный, болѣе прочный источникъ существованія крестьянина, сравнительно съ отхожими, лѣсными и всякими другими промыслами.

Притомъ, самъ авторъ, какъ увидимъ, говоритъ, что въ этихъ мѣстностяхъ земля, мало-по-малу, переходитъ отъ помѣщиковъ въ руки крестьянъ, чего бы, конечно, не было, если бы земля оказывалась такъ обременительна.

Вотъ картина раздѣла земель, приводимая авторомъ:

«Ивана спросили: сколько участковъ общинной земли онъ хочетъ взять? Медленно, размышляя, онъ возражаетъ:—«У меня три сына, да самъ я; такъ возьму три участка, а то и поменьше, если на то будетъ ваша милость.

«—Меньше! восклицаетъ крестьянинъ среднихъ лѣтъ, не староста, а просто вліятельный членъ общины, принимающій руководящее участіе въ совѣщаніяхъ.—Пустяки говоришь. Твои сыновья ужь на возрастѣ, могутъ быть тебѣ помощниками, скоро женятся и приведутъ въ домъ двухъ работницъ.

«—Да вѣдь мой старшій сынъ всегда работаетъ въ Москвѣ, а другой часто уходитъ отъ меня лѣтомъ, возражаетъ Иванъ.

«—А все-таки, они оба посылаютъ или приносятъ домой деньги, а женятся, такъ жены съ тобой будутъ оставаться.

«—Богъ-то знаетъ, возражаетъ Иванъ, проходя молчаніемъ первую половину возраженій.—«Богъ знаетъ, еще женятся-ли они?»

«—Тебѣ это легко уладить!

—«Нѣтъ, времена теперь не тѣ. Молодые парни теперь, какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ, а женятся, то захотятъ жить своимъ домомъ. Три участка для меня будетъ тяжело!

«—Нѣтъ, нѣтъ, когда сыновья отдѣлятся, тогда и возьмутъ отъ тебя лишнюю часть земли. Тебѣ надо взять, по крайней мѣрѣ, четыре доли. Вотъ старухи съ малыми дѣтьми—тѣ не могутъ брать землю по душамъ.

«—Да онъ—богатый мужикъ! говоритъ чей то голосъ изъ толпы.—Дайте ему на пять душъ!»—«Не могу на пять душъ! Видитъ Богъ, не могу!»—«Ну ладно, такъ тебѣ будетъ на четыре души», говоритъ деревенскій воротило Ивану. «Такъ вѣдь?» повторяетъ онъ, обращаясь къ толпѣ.—«Четыре, четыре!» гудитъ толпа, и вопросъ рѣшонъ.

«Является одна изъ старухъ, о которыхъ только-что упоминалось. Мужъ у нея больной, да трое малыхъ дѣтей, изъ которыхъ только одинъ въ состояніи справляться съ полевыми работами. Если распредѣлять землю по ревизіи, то этой старухѣ пришлось бы взять четыре полосы, но столько она не въ состояніи заплатить общественныхъ тягостей. Значитъ, ей нужно назначить меньше. Спросили—сколько. Она, смиренно опустивъ глаза, говоритъ: «какъ міръ назначитъ, такъ тому и быть!»—«Ну, возьми-ка три полосы».

«—Да, что ты это, батюшка? восклицаетъ женщина, внезапно теряя свой смиренный видъ.—Слышите, православные! На меня хотятъ наложить на три души. Да слыханое ли это дѣло? Съ самаго Петрова дня, мужъ мой слегъ—вѣрно испорченъ, все

нѣтъ легче нисколько. Не можетъ на ноги встать; все одно—что мертвый, только хлѣбъ ѣстъ!»

«—Что пустяки-то мелешь, говоритъ сосѣдъ:—еще на прошлой недѣлѣ онъ былъ въ кабакѣ».—«А самъ-то ты! возражаетъ старуха, видимо уклоняясь отъ предмета:—что ты-то дѣлалъ въ прошлый разъ о праздникѣ? Напился пьянъ, да жену такъ отколотилъ, что она голосила на всю деревню? А въ прошлое-то воскресенье—тьфу!»

«—Слушай! сурово говоритъ старикъ, обрывая этотъ потокъ брани.—Ты должна взять, по крайней мѣрѣ, двѣ полосы съ половиной. Если сама не справишься, такъ позови кого на помощь».—«Ну, какъ же я сдѣлаю? Гдѣ я возьму денегъ заплатить работнику? начинаетъ со слезами голосить старуха.—Помилосердуйте, православные, надъ бѣдными сиротами! Богъ васъ наградитъ за это» и т. д.

«Всѣ присутствующіе сильно заинтересованы происходящимъ, потому что распредѣленіе земли составляетъ важнѣйшее событіе въ жизни русскаго крестьянина, но прежде окончательнаго устройства неизбѣжны безконечные толки и разсужденія. Когда число долей каждому семейству назначено, является вопросъ о назначеніи самыхъ участковъ. Хозяева, хорошо удобрившіе свою землю, стараются получить опять свои прежніе участки, и община обыкновенно уважаетъ ихъ право, насколько оно согласимо съ новымъ распредѣленіемъ; но часто случается, что невозможно согласить частное право съ общиннымъ интересомъ, и тогда первое приносится въ жертву послѣднему, чего не потерпѣли бы люди англосаксонской расы. Впрочемъ, это никогда не ведетъ къ серьёзнымъ раздорамъ. Крестьяне привыкли рѣшать дѣла сообща подобнымъ образомъ, дѣлать личныя уступки для блага общины и безгранично преклоняться предъ «міромъ». Не бывало примѣра, чтобъ кто-нибудь изъ «общественниковъ» открыто противился мірскому рѣшенію.

«Общинная земля въ Россіи бываетъ трехъ родовъ: усадебная, пахатная и пастбищная. На первой находится домъ и огородъ, составляющіе наслѣдственное владѣніе крестьянина и не подлежащіе передѣлу. Пахатная и луговая земля передѣляется, но на различныхъ отчасти основаніяхъ. Вся общинная пахатная земля прежде всего раздѣляется на три поля, сообразно трехпольному сѣвообороту, и каждое поле раздѣляется на много длинныхъ узкихъ полосъ, соотвѣтственно числу мужскихъ членовъ общины, полосъ, по возможности равныхъ по пространству и качеству. Иногда бываетъ необходимо раздѣлить поле на нѣсколько частей, сообразно качеству почвы, и потомъ подраздѣлить каждую изъ этихъ частей на потребное число полосъ. Такимъ образомъ, каждый домохозяинъ владѣетъ, по крайней мѣрѣ, одной полосой въ каждомъ полѣ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо подраздѣленіе, каждый хозяинъ владѣетъ полосой въ каждомъ изъ участковъ, на которые подраздѣляется поле. Эта

сложная процедура дѣленія и подраздѣленія выполняется сами-ми крестьянами, при помощи простыхъ шестовъ, и достигаемая при этомъ точность—поистинѣ изумительна.

«Луга раздѣляются на такое же число частей, какъ и паш-ня. Но тамъ раздѣлъ происходитъ не въ неопредѣленные про-межутки времени, а ежегодно, въ назначенный сходомъ день. Бросаютъ жребій, и каждое семейство тотчасъ начинаетъ ко-сить назначенную ему часть. Въ нѣкоторыхъ общинахъ луга ко-сятся всѣми крестьянами сообща, а потомъ сѣно распредѣляет-ся между семьями по жребію, но такой порядокъ встрѣчается далеко не часто. Такъ какъ вся общинная земля, до нѣкото-рой степени, походитъ на крупную ферму, то необходимы опре-дѣленныя для всѣхъ правила относительно воздѣлыванія земли. На назначенномъ участкѣ домохозяинъ можетъ сѣять что хо-четъ, но непремѣнно долженъ сообразоваться съ принятой си-стемой сѣвооборота, а также не можетъ начать пахать подъ озимый хлѣбъ раньше назначеннаго времени, такъ какъ иначе нару-шилъ бы права другихъ хозяевъ, которымъ залежное поле слу-житъ пастбищемъ».

Изложивъ съ достаточною подробностью порядки общиннаго воздѣлыванія земли, авторъ находитъ страннымъ, что подобная первобытная система можетъ существовать въ XIX столѣтіи, а еще болѣе замѣчательнымъ то, что учрежденіе, часть котораго она составляетъ, считается многими просвѣщенными людьми почти панацеей отъ соціальныхъ и политическихъ золъ. Если бы авторъ, игнорирующій, повидимому, изысканія въ области науки, твердо держался на подобномъ quasi-европейскомъ и про-свѣщенномъ взглядѣ, столь обычномъ у нѣкоторыхъ старолибе-ральныхъ мыслителей, то книга его неособенно заслуживала бы подробнаго анализа; но Мекензи умѣетъ относиться съ нѣко-торой ироніей, къ сторонникамъ «laissez faire», которые, съ воз-рожденіемъ русскаго общества послѣ крымской войны, считали общину несоотвѣтственною съ духомъ прогресса.

При многочисленныхъ оговоркахъ относительно англійскаго и русскаго способовъ законодательства, также о неосновательности нѣкоторыхъ русскихъ взглядовъ на пролетаріатъ, онъ, при разборѣ хорошихъ и дурныхъ послѣдствій общинной системы, обнаружи-ваетъ замѣчательную добросовѣстность умѣнье отличать вре-менныя неудобства общинныхъ порядковъ отъ постоянныхъ ея результатовъ ихъ и, въ связи съ бѣглыми мыслями о городскомъ пролетаріатѣ, оказывается въ состояніи бросить трезвый взглядъ на настоящее положеніе общины и на возможную ея будущ-ность. Конечно, англичанинъ виденъ вездѣ, но, при неизмѣнной добросовѣстности изслѣдованія, англійская точка зрѣнія сооб-щаетъ даже бо̀льшую оригинальность выводамъ автора.

Мекензи не упускаетъ случая и здѣсь лишній разъ сопоста-вить благоразуміе своихъ соотечественниковъ съ русскими ре-форматорами, воспитанными не на аренѣ практической полити-

ки, но въ области политическаго умозрѣнія. Какъ скоро русскіе начинаютъ разсматривать какой-нибудь простой предметъ съ точки зрѣнія законодательной, онъ сейчасъ становится общимъ вопросомъ и возносится въ область политической и соціальной науки. Англичане цѣлыя столѣтія пробирались по неизслѣдованному пути, держались правила «довлѣетъ дневи злоба его» и клеймили прозваніемъ мечтателей всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ отвлечь вниманіе общества отъ непосредственныхъ насущныхъ нуждъ. Между тѣмъ, русскіе (по крайней мѣрѣ, съ начала прошлаго столѣтія) постоянно планировали, при помощи заграничнаго опыта, свою страну и двигались впередъ гигантскими шагами сообразно новѣйшимъ политическимъ теоріямъ. Люди такого направленія не могутъ довольствоваться палліативными мѣрами; они хотятъ вырывать зло съ корнемъ и проектируютъ законы нетолько для себя, но и для будущихъ поколѣній. Будучи призваны, въ началѣ текущаго царствованія, къ перестройкѣ политическаго и соціальнаго зданія своей страны, русскіе усердно стали знакомиться съ новѣйшими англійскими, французскими и нѣмецкими писателями по соціальной и политической наукѣ и здѣсь-то ознакомились съ понятіемъ пролетаріата. Вскорѣ пролетаріатъ сдѣлался какимъ-то страшилищемъ для образованныхъ классовъ общества, и читающая публика пришла къ убѣжденію, что общинныя учрежденія должно сохранить въ Россіи именно для устраненія изъ нея этого чудовища.

Авторъ говоритъ, что часто старался выяснить, что̀ именно подразумѣваютъ русскіе подъ именемъ пролетаріата, но усилія его въ этомъ отношеніи были неособенно успѣшны. «Иногда казалось, что это—нашъ старый недругъ—пауперизмъ, но при ближайшемъ ознакомленіи онъ разрастался до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что совмѣщалъ въ себя всѣхъ, кто не обладаетъ неотчуждаемою поземельною собственностью». Самая неопредѣленность понятія о пролетаріатѣ, по словамъ автора, немало способствовала его успѣху.

Разбирая вліяніе, какое идея о пролетаріатѣ оказывала на общественное настроеніе и на законодательство въ эпоху освобожденія крѣпостныхъ, авторъ говоритъ, что русскихъ, начитавшихся о пролетаріатѣ изъ иностранныхъ книгъ, можно было уподобить человѣку, который сидитъ неподвижно дома и въ то же время усердно читаетъ описанія путешествій по отдаленнымъ странамъ. «Они пріобрѣли преувеличенныя понятія о предметѣ и научились бояться пролетаріата гораздо больше, чѣмъ мы, постоянно живущіе среди него. Конечно, очень возможно, что ихъ взглядъ на предметъ вѣрнѣе нашего и что мы когда-нибудь дождемся горькаго пробужденія отъ нынѣшней довѣрчивости, какъ люди, спокойно живущіе на вулканѣ, но это—совершенно другой вопросъ», прибавляетъ авторъ, тутъ же оговариваясь, что хочетъ только выяснить, почему русскіе, почти неимѣющіе практическаго знакомства съ пауперизмомъ, принимали противъ не-

го такія предосторожности. Такъ говорить можетъ только европеецъ, ознакомившійся съ самыми уродливыми проявленіями пролетаріата; казалось бы, что именно въ избыткѣ предосторожности противъ нарожденія пролетаріата въ Россіи нельзя обвинить дѣятелей эпохи освобожденія; скорѣе ихъ можно упрекнуть, что они слишкомъ многимъ жертвовали текущей минутѣ и многія предохранительныя мѣры, въ то время легкія, предоставляли будущему, не зная, каково будетъ это будущее. Но, послѣдуемъ за авторомъ въ его замѣчательномъ анализѣ взаимныхъ отношеній общины и пролетаріата.

«Люди, изучавшіе таинства соціальной науки, обыкновенно приходили къ заключенію, что пролетаріатъ возникалъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе экспропріаціи крестьянства или мелкихъ собственниковъ и что образованіе пролетаріата можно предупредить или, по крайней мѣрѣ, замедлить такими законами, которые обезпечивали бы крестьянамъ владѣніе землею и недопускали бы возможности изгнанія ихъ съ земли. Я рѣшаюсь утверждать, что ни одно учрежденіе въ свѣтѣ не выполняетъ этой обязанности лучше, чѣмъ русская общинная система. Въ настоящее время, около половины всей пахатной земли въ имперіи оставлено крестьянамъ и не можетъ быть захвачено крупными собственниками и капиталистами; каждый крестьянинъ простымъ фактомъ рожденія пріобрѣтаетъ почти неотчуждаемое право на участокъ этой земли. Но если крестьяне составляютъ около пяти-шестыхъ населенія и если крестьянину трудно разорвать связь съ сельской общиной, то очевидно, что возникновеніе пролетаріата въ Россіи почти невозможно». Отозвавшись съ сомнѣніемъ о сангвиническихъ ожиданіяхъ исцѣленія общиною всевозможныхъ золъ, осуществленіе чего трудно пока замѣтить, авторъ находитъ въ настоящемъ нѣкоторыя указанія насчетъ будущаго, видитъ уже и теперь измѣненія въ существовавшихъ до сихъ поръ общинныхъ порядкахъ.

«Если бы Россія довольствовалась долею чисто земледѣльческой страны, то сельская община могла бы предупредить возникновеніе пролетаріата въ будущемъ, подобно тому, какъ она не допускала его въ прошломъ цѣлыя столѣтія. Періодическіе передѣлы общинной земли обезпечивали каждому долю земли, а когда населеніе становилось слишкомъ густо, то зло чрезмѣрнаго подраздѣленія земли можно было отклонить правильной системой эмиграціи въ окраинныя области съ рѣдкимъ населеніемъ. Мнѣ кажется, однакожъ, что одна часть новѣйшихъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью предохранить общину, на дѣлѣ нанесла серьёзный ударъ основному принципу этого учрежденія. По положенію 1861 года, общинѣ предоставлено выкупить платежи и сдѣлаться безусловнымъ собственникомъ земли. Это совершается посредствомъ послѣдовательныхъ годовыхъ платежей, въ теченіи почти полстолѣтія, и каждое семейство участвуетъ въ этихъ платежахъ соразмѣрно количеству земли, которымъ обла-

даетъ. Теперь вопросъ въ томъ: согласятся ли крестьяне, платившіе выкупъ за извѣстное, опредѣленное количество земли, добровольно подчиниться передѣлу, отъ котораго могутъ получить меньше того количества, за которое платили? Не думаю. Выкупъ или—иными словами—покупка земли уже значительно измѣнили понятія крестьянъ объ общинной собственности, и въ тѣхъ общинахъ, которыя предприняли выкупную операцію, передѣлы стали рѣже или и совсѣмъ исчезли». Этотъ важный фактъ, указываемый авторомъ, доказываетъ, впрочемъ, только то, что періодическіе передѣлы всей земли по душамъ, хотя и служатъ средствомъ къ уравненію крестьянъ въ землѣ и повинностяхъ, но въ томъ видѣ, какъ существовали, не могутъ считаться неотъемлемою принадлежностью общиннаго порядка. Напротивъ, громоздкая система такихъ передѣловъ, удобная только при господствѣ полупатріархальнаго быта, и прежде вызывала мѣстами неудовольствія. Если крестьяне не продолжаютъ передѣловъ послѣ выкупа земель, но и не покидаютъ общиннаго порядка землевладѣнія, то это служитъ лишь доказательствомъ, что они ищутъ другой формы для выраженія той идеи, которой представителями служили передѣлы. Если не ошибаемся, эта новая форма уже стала показываться чаще и чаще параллельно съ исчезаніемъ прежнихъ передѣловъ, но авторъ, какъ увидимъ, относится къ ней несовсѣмъ благосклонно.

Едвали нужно останавливаться на предполагаемыхъ дурныхъ послѣдствіяхъ общиннаго порядка, добросовѣстно отмѣчаемыхъ и тутъ же опровергаемыхъ авторомъ. Однимъ изъ самыхъ горячихъ вопросовъ составляетъ мнимая помѣха общины земледѣльческому прогрессу. Общинная система, будто бы, не выполняетъ ни котораго изъ двухъ главныхъ условій этого прогресса. Она не даетъ прочности землевладѣнія, при которой сельскій хозяинъ могъ бы мирно пользоваться плодами своихъ улучшеній, увѣренный, что у него не отнимутъ земли по произволу общины; передѣлъ можетъ быть произведенъ во всякое время по распоряженію общины, и каждый крестьянинъ обязанъ принять систему воздѣлыванія, сообразную съ общинными распоряженіями. Другимъ необходимымъ условіемъ успѣха земледѣлія служитъ то, чтобъ земледѣлецъ былъ свободенъ воздѣлывать свое поле какъ хочетъ, несвязанный никакими ограниченіями, исключая неправильнаго истощенія почвы. По западноевропейскимъ понятіямъ о земледѣліи, весьма дурною системою земледѣльческой культуры должно признать такой порядокъ, когда поселянинъ не получаетъ сплошнаго поземельнаго участка, а лишь извѣстное число мелкихъ полосъ въ разныхъ поляхъ. При обособленномъ владѣніи, подобный порядокъ представлялъ бы собою нѣчто невозможное. «Представьте себѣ, говоритъ авторъ:—англійскаго фермера, который узналъ бы, что снялъ ферму, состоящую изъ разнородныхъ мелкихъ участковъ, расположенныхъ на значительномъ разстояніи одинъ отъ другого и отъ самой фермы, что онъ ко-

жетъ, по произволу собственника, быть изгнанъ съ земли (это-то послѣднее обстоятельство, впрочемъ, не должно бы изумлять англійскаго фермера), что онъ долженъ сообразоваться съ опредѣленнымъ сѣвооборотомъ и что не можетъ ни косить, ни пахать, не получивъ позволенія отъ сосѣдей. Но отсюда не должно непремѣнно слѣдовать, прибавляетъ авторъ:—что подобная система безусловно дурна и для такой страны, въ которой экономическія и соціальныя условія совершенно отличны отъ тѣхъ, съ какими мы знакомы практически». Прибавимъ, что весь смыслъ общинной системы заключается во взаимности обязательствъ и ограниченій общинниковъ для общей пользы. Приведенная картинка положенія фермера, безъ сомнѣнія—комична, но односторонняя. Тотъ же фермеръ почувствовалъ бы себя иначе, еслибы увидѣлъ, что и въ его пользу возможны кое-какія ограниченія сосѣдей, что вообще лишнее стѣсненіе одного члена общиннаго союза служитъ только на пользу всему союзу; не говоримъ уже, что подобныя сравненія, выдернутыя по произволу, безъ сопоставленія съ окружающимъ, поражаютъ своею неумѣстностью, сами ничего не доказывая. По взгляду Меккензи, препятствія земледѣльческому прогрессу въ общинной системѣ дѣйствительно существуютъ, но они далеко не такъ велики, какъ обыкновенно предполагается. «Говорить, что община мѣшаетъ русскому крестьянину усвоить себѣ усовершенствованныя системы земледѣлія, все равно, что признать отсутствіе въ американскихъ преріяхъ университетовъ мѣшающимъ краснокожимъ преуспѣвать въ познаніяхъ по классической философіи», поясняетъ авторъ. Крестьяне не начинали еще и думать о чемъ бы то ни было близкомъ усовершенствованному хозяйству, и въ этомъ видятъ примѣръ въ лицѣ своихъ бывшихъ помѣщиковъ, обладающихъ землею иногда за самой общинной границей и не дѣлающихъ у себя никакихъ улучшеній. «Приверженцы учрежденія (т. е. общины) заявляютъ, что всякія помѣхи земледѣльческому прогрессу легко устранить небольшою поправкою въ законѣ, что возраженія противъ общинной системы можно устранить превращеніемъ общины въ земледѣльческую ассоціацію, въ которой всѣ должны работать сообща, а продукты (но не земля) будутъ пропорціонально раздѣляться между ними. Нѣкоторые рѣшаются предсказывать, что подобное преобразованіе дѣйствительно будетъ имѣть мѣсто, и яркими красками описываютъ общину будущаго. Авторъ называетъ мысль о раздѣлѣ продукта непрактичнй фантазіей, говоритъ, что разборъ ея завелъ бы въ дальнее будущее, и отступаетъ, забывая, что самъ же незадолго мимоходомъ указалъ, что крестьяне подобнымъ способомъ дѣлятъ сѣнокосы.

Повидимому, въ этомъ именно случаѣ, авторъ напрасно тревожится: такая форма общинныхъ отношеній, какъ раздѣлъ продукта, вовсе не составляетъ чего-нибудь неслыханнаго среди нашихъ крестьянъ, и именно ее мы разумѣли, говоря, что по-

является новая форма общинныхъ отношеній, паралельно съ упадкомъ передѣловъ. Въ прошлогоднихъ русскихъ журналахъ мы видѣли нѣсколько образчиковъ подобныхъ отношеній, и эти образчики приводились и серьёзно обсуждались даже въ нашихъ ученыхъ сельскохозяйственныхъ обществахъ.

Ту или другую форму приметъ въ будущемъ община, но несомнѣнно, что теперешнее ея положеніе — переходное. Это признаетъ и самъ авторъ. Но хотя можно догадываться, что община рано или поздно понесетъ значительныя измѣненія, но нелегко предсказать, какъ говоритъ и авторъ, какую форму она впослѣдствіи приметъ. «Быть можетъ, всѣ ея особенности исчезнутъ, и она сдѣлается просто органомъ мѣстнаго самоуправленія; но, съ другой стороны, можетъ быть и то, что она преобразуется сообразно съ новыми требованіями, не теряя своихъ нынѣшнихъ основныхъ отличительныхъ свойствъ. Легкость, съ какой община до сихъ поръ примѣнялась къ обстоятельствамъ, и изумительная жизненность, какую она вездѣ проявляетъ, оправдываетъ эти ожиданія, но говорить съ увѣренностью было бы слишкомъ рано. Одно только время можетъ разрѣшить задачу».

Такъ резюмируетъ авторъ характеристику современнаго положенія русской общины, и въ его воззрѣніяхъ было бы много правильнаго, если бы не одностороннее стремленіе подводить явленія нашей общинной жизни подъ западноевропейскія рубрики, звучащія иногда неособеннно хорошо, особенно въ такую пору, когда нѣкоторые доморощенные европейцы неблагосклонно смотрятъ на общину и ея порядки, на вѣковое органическое отношеніе народа къ землѣ, которое они охотно замѣнили бы крупными, на европейскій образецъ, фермами, богатыми сельскими хозяевами съ сооотвѣтственнымъ числомъ европейски-безземельнаго люда. Земледѣльческую ассоціацію съ раздѣломъ продукта мы потому считаемъ вѣроятною формою общины въ малоземельныхъ мѣстностяхъ, что, въ противномъ случаѣ, община, лишенная возможности земельнаго прироста на мѣстѣ, неимѣющая дозволенія выдѣлять изъ себя колоніи другихъ общинъ, должна сама-собой разрушиться съ измельчаніемъ земельныхъ паевъ внутри общаго земельнаго довольствія каждой отдѣльной единицы. Гдѣ изобиліе земли, тамъ хозяйственная община можетъ удержаться, потому что отвѣчаетъ понятію нашего крестьянина о справедливости. Мы знаемъ примѣры, что даже крестьяне переселенцы, покупавшіе себѣ земли въ собственность въ восточныхъ губерніяхъ, селились тамъ, все-таки, общиною, со всѣми ея принадлежностями. Община, конечно, предохраняетъ отъ пролетаріата, но подъ условіемъ полной свободы ея собственнаго существованія, какъ она предохраняла отъ него крестьянъ сотни лѣтъ. Въ нынѣшнемъ же своемъ видѣ, при хлопотахъ объ облегченіи замѣны общиннаго владѣнія подворнымъ, она можетъ удержаться въ центральныхъ губерніяхъ только въ томъ случаѣ, если будетъ выдѣлять изъ себя постоянный контингентъ, въ видѣ-ли безземельныхъ

мельнаго люда, неимѣющаго прàва на мірскую землю (но это противорѣчило бы духу русской общины), или въ видѣ земледѣльческихъ колоній, если не на казенныя, то на свои покупныя земли, предполагая, что у крестьянъ достанетъ капиталовъ и кредита на покупку такихъ земель. Во всякомъ случаѣ, тотъ періодъ, когда община имѣла самостоятельную жизненность и дѣйствительно могла служить панацеей для крестьянства отъ пролетаріата, повидимому, миновалъ съ тѣхъ поръ, какъ допущены поправки въ общинномъ устройствѣ. Сѣверныя и степныя, а также черноземныя мѣстности—особое дѣло: тамъ изобиліе или особое плодородіе земли и особый родъ хозяйства; притомъ и сама община на сѣверѣ Россіи нѣсколько иного типа!

VII.

Чтобъ лучше сгрупировать изложеніе автора относительно общины, приведемъ его взглядъ на послѣдствія освобожденія крестьянъ, въ связи съ тѣми или другими сужденіями, собранными имъ по вопросу о вліяніи общины на крестьянскій бытъ.

Констатируя тотъ фактъ, что положеніе крестьянъ послѣ освобожденія не улучшилось, авторъ приводитъ различныя причины этого, которыя мы изложимъ ниже. Между прочимъ, авторъ бросаетъ взглядъ на мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что матеріальный прогрессъ крестьянства задерживается, главнымъ образомъ, не одними только злоупотребленіями общинной администраціи, но именно самыми общинными учрежденіями. «Рабство, говорятъ эти люди:—измѣнило только названіе. Прежде крестьянинъ былъ рабомъ помѣщика, теперь онъ—рабъ общины. Онъ прикрѣпленъ къ землѣ и не можетъ покинуть свое жилище даже на короткое время безъ формальнаго дозволенія общины, стоющаго иногда неимовѣрно дорого. Крестьянинъ получаетъ долю общинной земли, но не имѣетъ никакого побужденія улучшать ее, зная, что община можетъ во всякое время сдѣлать передѣлъ земли и что трудъ его на ея обработку будетъ потерянъ».

По поводу такой, весьма знакомой читающей публикѣ тирады, авторъ заявляетъ, что не намѣренъ входить въ quaestio vexata о выгодахъ и невыгодахъ общинной собственности, но постарается только нѣсколько разсѣять туманъ, облекающій предметъ. «Почти всѣми упускается изъ виду, говоритъ онъ:—что община не вездѣ имѣетъ одинаковыя природу и свойства. Въ черноземной полосѣ Россіи, гдѣ ежегодныя повинности менѣе величины нормальной поземельной ренты, принадлежность къ общинѣ составляетъ привилегію, тогда какъ та же принадлежность къ общинѣ составляетъ бремя въ сѣверной земледѣльческой полосѣ, заключающей въ себѣ на сѣверной оконечности Петер-

бургскую, Новгородскую, Вологодскую и Вятскую губерніи». Меккензи допускаетъ, что въ сѣверныхъ полосахъ страны община дѣйствительно заняла мѣсто помѣщиковъ и держитъ своихъ членовъ въ состояніи полурабства, но не общину должно въ этомъ винить, а существующую податную систему. Община несетъ на себѣ отвѣтственность за всѣ подати и сборы, и, когда послѣдніе превышаютъ цифру выгоды, какую община можетъ приносить своимъ членамъ, то она не можетъ не удерживать своихъ членовъ принудительными мѣрами, не справляясь о томъ, желаютъ ли они оставлять за собою землю, или нѣтъ: короче, община въ этой части страны превратилась въ сборщика податей. Поэтому, такъ называемую общинную тиранію авторъ относитъ не къ винѣ самой общины, составляющей лишь орудіе въ рукахъ финансовой администраціи, а къ самому положенію о крестьянахъ, которое «заставило крѣпостныхъ въ этой мѣстности покупать свое освобожденіе подъ видомъ уплаты за землю, дарованную имъ безъ ихъ согласія». Автору, какъ иностранцу, простительно не знать, что даже въ этой холодной полосѣ крестьяне постоянно добиваются земли, считая только ее единственнымъ прочнымъ обезпеченіемъ своего быта, и что, слѣдовательно, говорить о согласіи или несогласіи крестьянъ на практикѣ нужно только по отношенію къ платежамъ за землю, а не къ самой землѣ. «Въ черноземной полосѣ, гдѣ повинности не превышаютъ нормальной ренты и гдѣ, слѣдовательно, община болѣе имѣетъ характеръ добровольной ассоціаціи, почти вовсе не слышно жалобъ на общинную тиранію: здѣсь каждый общинникъ, желающій отлучиться или и совсѣмъ оставить общину, съ приписвою къ мѣщанству, безъ труда получитъ увольненіе: его повинности охотно будутъ приняты на себя сосѣдями вмѣстѣ съ его долею земли». Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, многія изъ обвиненій, дѣлаемыхъ противъ общины, должны бы дѣлаться противъ существующей податной системы. «Какъ бы ни былъ обременителенъ и ненавистенъ налогъ, но сборщика нельзя винить за то, что онъ исполняетъ свой долгъ, особенно, когда онъ сдѣлается сборщикомъ противъ воли».

Затѣмъ, авторъ касается весьма интереснаго, и частію затронутаго выше вопроса: насколько общинное право собственности на землю и періодическіе передѣлы земли ограничиваютъ свободу крестьянина обработывать его землю или лишаютъ его побужденій ее обработывать? Въ словахъ Меккензи разборъ этого вопроса получаетъ тѣмъ бо́льшій интересъ, что онъ самъ — вовсе не поклонникъ общины въ принципѣ и даже подсмѣивается надъ тѣми, кто видитъ въ ней панацею отъ соціальныхъ недуговъ, а притомъ онъ спеціально изучалъ предметъ. Поставленный теперь вопросъ не разъ слышался и побѣдоносно разрѣшался въ желаемомъ ставившими смыслѣ во время возникшаго въ послѣдніе годы похода противъ общины со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ и мужей. Прежде всего, авторъ отрицаетъ,

для настоящей минуты, у вопроса ту важность, какая ему приписывается. Авторъ признаетъ, что гораздо труднѣе вести хозяйство хорошо на множествѣ узкихъ полосъ земли, разбросанныхъ на значительномъ разстояніи, чѣмъ на одномъ сплошномъ участкѣ. Равнымъ образомъ, несомнѣнно и то, что земледѣлецъ скорѣе улучшитъ свою землю, когда его владѣніе прочно, или когда увѣренъ, что, въ случаѣ изгнанія, получитъ справедливое вознагражденіе за потраченные капиталъ и трудъ; но вопросъ нужно разсматривать не отвлеченно, а по отношенію къ настоящему его положенію.

Меккензи считаетъ едва ли заслуживающимъ серьёзнаго разсмотрѣнія то возраженіе, что община будто бы мѣшаетъ крестьянамъ усвоивать различныя усовершенствованныя хозяйственныя системы. Ни о чемъ подобномъ, какъ мы упоминали, крестьяне еще и не помышляютъ, а еслибы и помышляли, то имъ недостаетъ ни знанія, ни капиталовъ. Встрѣчаются примѣры, что богатый крестьянинъ, болѣе другихъ просвѣщенный и энергическій, покупаетъ землю на сторонѣ и воздѣлываетъ ее по своему произволу, безъ всякихъ общинныхъ стѣсненій, но воздѣлываетъ непремѣнно тѣмъ самымъ способомъ, какъ и свою долю общинной земли. Что же касается второстепенныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, введенія новаго вида обработки, то опытъ показалъ, что міръ этому не ставитъ серьёзныхъ препятствій: доказательствомъ служитъ усилившееся въ послѣдніе годы производство свекловицы, для выдѣлки сахара, и культура льна. Общинная система чрезвычайно эластична и можетъ выносить какія угодно видоизмѣненія, какъ только большинство общинниковъ признаютъ ихъ выгодными. Когда крестьяне начнутъ думать о прочныхъ улучшеніяхъ, въ родѣ дренажа, орошенія и т. п., то они въ общинѣ найдутъ скорѣе помощь, чѣмъ помѣху, потому что предпринимать такія улучшенія можно только въ широкомъ размѣрѣ, а «міръ» представляетъ собою уже готовую, существующую ассоціацію. Единственное прочное улучшеніе, какое можно предпринять съ пользою въ настоящее время, состоитъ въ воздѣлываніи пустопорожнихъ земель; авторъ самъ видѣлъ, что такъ уже и дѣлается въ нѣкоторыхъ общинахъ, при помощи наемныхъ рабочихъ. Міръ вовсе не стѣсняетъ въ этомъ отношеніи частной иниціативы. Последняя особенно сильна въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ каждый членъ общины можетъ занять пустопорожнюю землю и можетъ владѣть ею нѣсколько лѣтъ, сообразно количеству употребленнаго на заимку труда. Столь же легко разрѣшаетъ авторъ и второй, обращенный противъ общины, вопросъ: не препятствуетъ ли община хорошей обработкѣ земли при существующемъ нынѣ способѣ земледѣлія?

За исключеніемъ дальняго сѣвера и степной полосы, хозяйство ведется въ Россіи по трехпольной системѣ простѣйшей формы, при которой хорошее воздѣлываніе означаетъ просто изобильное удобреніе. Значитъ, вопросъ сводится къ тому: не

мѣшаетъ ли «міръ» крестьянамъ удобрять поля какъ слѣдуетъ? Но и здѣсь мы встрѣчаемся съ причинами, въ которыхъ община совершенно неповинна. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ почва богата, плодородна, крестьяне думаютъ, и не безъ основанія, что было бы вовсе не полезно вывозить навозъ на поля, и потому или выбрасываютъ его вонъ, или употребляютъ на топливо; но въ сѣверномъ земледѣльческомъ поясѣ, гдѣ безъ удобренія почва почти не даетъ урожая, крестьяне вывозятъ на поля все удобреніе, какое имѣютъ. Если этого, все-таки, недостаточно, то лишь потому, что у крестьянъ мало скота. Наконецъ, если крестьяне выбрасываютъ навозъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ могъ бы послужить на пользу, то и это объясняется лишь невѣжествомъ и рутиной и встрѣчается въ тѣхъ же мѣстностяхъ средней полосы даже у помѣщиковъ. Но, убѣдившись въ пользѣ употребленія навоза, крестьяне тотчасъ начинаютъ постоянно употреблять его. Собственно по поводу недостатка скота противники общины указываютъ не на недостатокъ выгоновъ въ крестьянскомъ надѣлѣ, какъ бы слѣдовало, а на особаго рода «мірскую неправоту», которую авторъ, впрочемъ, легко разбиваетъ. «Крестьянинъ можетъ бояться только двухъ случайностей въ этомъ отношеніи, говоритъ онъ: — во-первыхъ, продажи части скота за недоимку, хотя бы самъ исправно уплатилъ свою часть податей и повинностей, и, во-вторыхъ—новаго общаго передѣла, при которомъ полосы, тщательно имъ удобренныя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, могутъ достаться другимъ. Если первая изъ этихъ случайностей и дѣйствительно бываетъ, то вина за нее опять падаетъ не на поземельную общину, а на существующую податную систему. Подобные случаи встрѣчаются и тамъ, гдѣ, какъ въ Малороссіи, существуетъ одна административная община, безъ общины хозяйственной или поземельной.

Допустить возраженіе относительно произвольныхъ передѣловъ земли значило бы упустить изъ виду нравственную сторону мірского порядка, признать, что большинство крестьянъ глухо къ голосу совѣсти и всегда готово ограбить меньшинство. Но это было бы противно самому принципу общины, притомъ не вполнѣ сообразно и съ фактами. Передѣлы совершаются почти каждый годъ именно тамъ, гдѣ никакого удобренія не требуется, въ южныхъ губерніяхъ; чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ срокъ передѣловъ удлинняется, а въ сѣверномъ земледѣльческомъ поясѣ, гдѣ удобреніе необходимо, общіе передѣлы почти неизвѣстны. Напримѣръ, въ Ярославской Губерніи (въ которой авторъ вообще имѣлъ возможность дѣлать наблюденія) общинная земля обыкновенно дѣлится на двѣ части: удобренную землю близь деревни и неудобренную за деревней. Частымъ передѣламъ подвергается только послѣдняя, а если когда и случится выдѣлить изъ первой долю новому хозяину, то это совершается съ полнымъ уваженіемъ къ существующимъ уже правамъ.

Вообще лицъ, считающихъ «міръ» серьёзной помѣхой экономическому прогрессу сельскаго населенія, авторъ дѣлитъ на двѣ категоріи, сообразно предлагаемымъ ими способамъ исцѣленія зла. По мнѣнію однихъ, необходимо сразу уничтожить самый принципъ общинной собственности и подѣлить общинныя земли на участки по числу существующихъ домохозяевъ. Другіе предлагаютъ общину пока оставить, но регулировать ея дѣйствія нѣкоторыми законодательными мѣропріятіями. Авторъ признаетъ вполнѣ неосновательными оба проекта.

Полное уничтоженіе общинной собственности произвело бы такой экономическій переворотъ, въ сравненіи съ которымъ само освобожденіе крѣпостныхъ явилось бы дѣломъ незначительнымъ, а между тѣмъ, въ такомъ уничтоженіи вовсе нѣтъ нужды. Авторъ, какъ мы показали, придерживается весьма умѣренныхъ взглядовъ на общину. Онъ—нетолько не поклонникъ ея вообще, но даже не признаетъ за нею способности предупреждать развитіе пролетаріата (какъ мы показали, онъ не беретъ въ соображеніе того, что замкнутая, безъ права прироста, община не заключаетъ уже въ своихъ нѣдрахъ средствъ пропитанія нарождающагося населенія, а взятая особнякомъ отъ другихъ аграрныхъ реформъ будетъ безсильна). Авторъ идетъ даже дальше, предполагая, что періодическіе передѣлы земли, вѣроятно, прекратятся. Но онъ противопоставляетъ нашимъ доморощеннымъ европейцамъ такое возраженіе, которое могъ сдѣлать именно трезвый англійскій умъ: «Зачѣмъ совершать внезапнымъ, насильственнымъ путемъ то, что̀ совершится (если совершится) постепенно, естественнымъ ходомъ вещей? Въ этомъ дѣлѣ наиболѣе компетентными судьями должны быть сами крестьяне, какъ практически знакомые съ учрежденіемъ, но между ними почти нѣтъ «аболиціонистовъ». Каждая община уже и теперь имѣетъ право раздѣлить свою землю на участки и передать отдѣльнымъ семьямъ эти участки безвозвратно, но воспользоваться этимъ правомъ до сихъ поръ изъявили желаніе весьма немногія общины, за исключеніемъ получившихъ такъ-называемый «сиротскій надѣлъ».

Вторая категорія возражателей, болѣе тонкихъ, предлагающихъ подчинить общину законодательнымъ ограниченіямъ и потомъ, мало-по-малу, ее обезсилить и уничтожить, едва ли труднѣе опровергается. Община имѣетъ въ себѣ еще такую жизненность, что не нуждается въ постороннемъ руководствѣ. Община разумѣетъ свои интересы гораздо лучше тѣхъ, кто желаетъ издавать для нея спеціальные законы, и, по своему составу и способамъ дѣйствія, она вполнѣ способна ко всякимъ измѣненіямъ, какихъ потребуютъ ея интересы. Авторъ, по свойственной британцамъ нелюбви къ бюрократическому элементу, не упускаетъ случая замѣтить, что, конечно, община можетъ сдѣлаться сучкомъ въ глазу для бюрократовъ, потому что представляетъ единственное въ Россіи учрежденіе, обходившееся до сихъ поръ безъ

административной опеки, имѣющее само въ себѣ самостоятельную, независимую жизнь и нетребующее оживленія со стороны власти. «Странно видѣть, говоритъ авторъ:—людей, которые воображаютъ себя приверженцами самоуправленія, а сами дѣлаютъ все возможное, чтобъ уничтожить единственный образчикъ самоуправленія, существующій въ ихъ отечествѣ. Всѣ другіе ôрганы самоуправленія въ Россіи болѣе или менѣе искуственны служатъ для показа, и власть, вызвавшая ихъ на свѣтъ, могла бы тотчасъ же и уничтожить ихъ безъ малѣйшаго серьёзнаго замѣшательства; одна только община имѣетъ глубокіе корни въ преданіяхъ, обычаяхъ, вседневныхъ интересахъ народа. Крестьяне, опять-таки—лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ, и они имѣютъ самыя основательныя причины молить небо, чтобъ оно оградило ихъ отъ друзей и самозванныхъ защитниковъ».

VIII.

Въ связи съ воззрѣніями автора на будущность нашей общины находятся обстоятельные выводы его вообще о послѣдствіяхъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости для крестьянъ. Можно сказать, что возраженія противъ общины и разборъ ихъ составляетъ только часть этого общаго вопроса, въ тѣсной связи съ которымъ находится и жизненный для Россіи вопросъ о будущей судьбѣ нашего крестьянства.

Авторъ многочисленными оговорками заявляетъ крайнюю трудность прямо отвѣчать на вопросъ: улучшилось ли матеріальное и нравственное положеніе крестьянъ со времени освобожденія? Онъ признаетъ громадное улучшеніе въ легальномъ положеніи крестьянства, допускаетъ увеличеніе возможности крестьянамъ достигать благосостоянія. «Но, говоритъ онъ:—какъ только изслѣдователь попытается сдѣлать шагъ дальше, точнѣе опредѣлить выгодныя стороны и благопріятныя случайности новаго положенія вещей, такъ начинаетъ чувствовать, что почва подъ ногами его не тверда. Встрѣчаются деревни, цѣлыя волости, обитатели которыхъ живутъ далеко лучше прежняго; но встрѣчаются сотни селеній и волостей, въ которыхъ хорошія и худыя послѣдствія реформы такъ перемѣшаны, что какой нибудь опредѣленный выводъ становится невозможнымъ. Сами крестьяне, если захотятъ вполнѣ искренно отвѣтить на вопросъ: лучше теперь или хуже прежняго? бôльшею частію почешутъ въ затылкѣ и отвѣтятъ неопредѣленнымъ тономъ: «кáкъ вамъ сказать? и лучше, и хуже». И, давая такой отвѣтъ искренно, они будутъ правы; простые люди не умѣютъ дѣлать обобщеній; свести вѣрный балансъ между двумя концами счета — для нихъ дѣло нелегкое. Теперешнія подати и повинности часто бываютъ тяжеле барщинной работы. Если крѣпостные выполняли много не-

опредѣленныхъ обязанностей, въ родѣ рубки дровъ на барина, поставки ему яицъ, холста и т. п., то они имѣли и столь же неопредѣленныя привилегіи: часть года они пасли свой скотъ на господской землѣ, получали топливо, а иногда и кое-какой лѣсъ для починки избъ; въ случаѣ скотскаго падежа помѣщикъ иногда ссужалъ имъ корову или лошадь; въ голодные годы мужикъ шелъ къ барину за помощью. Все это миновало. Теперь крестьяне должны платить по рыночной цѣнѣ за каждое деревцо, которое срубятъ на топливо, за каждый клочекъ земли, на которомъ пасется ихъ скотъ. Пала корова или лошадь, крестьянинъ, если не имѣетъ наличныхъ денегъ, долженъ обращаться къ деревенскому ростовщику, который считаетъ себя весьма умѣреннымъ, если сдеретъ только 20 или 30% роста. Иногда крестьянинъ вынужденъ платить деньги, не получая ничего взамѣнъ, если его скотина зайдетъ на поле помѣщика, а это очень легко случается тамъ, гдѣ стѣны и плетни почти неизвѣстны. Прежде за это крестьянинъ отдѣлался бы бранью или нѣсколькими ударами розогъ, скоро забытыми; теперь онъ платитъ порядочную сумму, что̀ для него гораздо чувствительнѣе. Взвѣсивъ это все, немудрено, что крестьянинъ только почешетъ въ затылкѣ и по совѣсти затруднится отвѣтомъ на вопросъ: лучше или хуже стало теперь?»

Авторъ беретъ этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ. «Для научнаго рѣшенія вопроса, говоритъ онъ: — необходимо имѣть полныя и точныя статистическія данныя объ экономическомъ состояніи крестьянъ до и послѣ освобожденія» [1]. Принимать же мнѣнія и отзывы наблюдавшихъ реформу и прикосновенныхъ къ ней лицъ авторъ не считаетъ особенно полезнымъ, и вотъ почему:

«Большинство образованныхъ русскихъ терпятъ теперь разочарованіе въ несбывшихся надеждахъ, въ надеждахъ, что Россія самымъ актомъ эмансипаціи откроетъ новый путь къ прогрессу, избѣгнетъ дѣйствія суровыхъ экономическихъ законовъ, которые лежатъ столь тяжкимъ бременемъ на рабочихъ классахъ Западной Европы, и оградитъ себя отъ соціальныхъ бѣдъ, которыми мучится Европа». Это огражденіе состояло въ оставленіи за крестьянами земли, которою они, дѣйствительно, владѣли, и въ развитіи общинныхъ учрежденій въ смыслѣ самоуправленія». Авторъ допускаетъ еще, что были опасенія насчетъ участи помѣщиковъ, но относительно положенія крестьянъ сомнѣній не было. Авторъ, характеризующій настроеніе тогдашняго общества по случайно попавшимъ въ его руки и одностороннимъ документамъ или по печатнымъ памятникамъ, или журнальнымъ статьямъ эпохи освобожденія, ошибочно характеризуетъ опти-

---

[1] Хорошія данныя насчетъ нынѣшняго экономическаго положенія крестьянъ читатель найдетъ въ книгѣ г. Янсона, отзывъ о которой помѣщенъ въ № 5-мъ «Отеч. Записокъ».

мистскія ожиданія отъ эмансипаціи чего-то внезапнаго, свѣтлаго, вполнѣ преобразующаго мысль и характеръ крестьянина. Въ этомъ онъ судитъ, какъ иностранецъ, знакомый или только съ книгами, которыя у насъ зачастую не досказываютъ дѣйствительности, или съ извѣстной небольшой групой людей, по настроенію которыхъ онъ считаетъ себя вправѣ судить о всемъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что сюда можно приклеить любимаго конька г. Меккензи—пристрастіе русскихъ ждать всякихъ перемѣнъ не отъ благотворной силы времени, но отъ повелѣній власти. Мы не станемъ опровергать автора, когда онъ говоритъ, что, спустя 10 лѣтъ послѣ освобожденія, явились нѣкоторыя мрачныя явленія, вовсе «не входившія въ програму». Чужезенцу простительно, но его русскимъ друзьямъ и руководителямъ непростительно не знать, что были люди, неожидавшіе особаго добра, если крестьянская реформа останется безъ дальнѣйшаго развитія многихъ началъ и намёковъ, которые въ «Положеніи о крестьянахъ» чуть замѣтны или составляютъ уступку времени. Непомѣрнымъ развитіемъ однѣхъ сторонъ, полнымъ умолчаніемъ о другихъ, не менѣе важныхъ, «Положеніе» удовлетворяло требованіямъ минуты, но оставляло просторъ ожиданіямъ, большинство которыхъ относилось къ девятилѣтнему сроку. Дальнѣйшую сторону дѣла желающіе могутъ прослѣдить въ «Докладѣ» комиссіи 1872 г. или въ книжкѣ г. Янсона. Испуганное общество стало искать причинъ то въ зловредномъ вліяніи общины, то въ пьянствѣ крестьянъ, то въ неспособности ихъ къ просвѣщенному самоуправленію. Меккензи, при всей своей добросовѣстности, отразилъ на себѣ нѣкоторые изъ этихъ толковъ:

«Крестьяне стали больше пить и меньше работать (авторъ тутъ же оговаривается, что онъ лично не увѣренъ въ этомъ, но таково общее, very general, (?) убѣжденіе, въ чемъ мы, по меньшей мѣрѣ, сомнѣваемся); на сельскихъ сходахъ пріобрѣли предосудительное вліяніе «горлопаны», а во многихъ волостяхъ выборные крестьянскіе судьи стали продавать свои рѣшенія за водку. Слѣдствіемъ этого было то, что преувеличенныя надежды смѣнились непомѣрнымъ уныніемъ, при которомъ вещи казались гораздо хуже, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ.

«Но также пессимистскій взглядъ на вещи усвоили себѣ и люди, которые не сочувствовали эмансипаціи въ той формѣ, въ какой она явилась: эти люди, если вѣрить ихъ словамъ, предвидѣли все, предсказывали все, разъясняли всѣмъ, кто хотѣлъ ихъ слушать, все неблагоразуміе общиннаго землевладѣнія и самоуправленія крѣпостныхъ, и вотъ кара за «соціалистическія» увлеченія. Эти сѣтованія особенно усиливались въ то время, когда самъ сѣтующій безуспѣшно боролся съ трудностями вольнонаемнаго труда въ хозяйствѣ и т. п.». Убѣдившись, что большинство образованныхъ классовъ въ Россіи предрасположено видѣть настоящее положеніе крестьянства въ неблагопріятномъ свѣтѣ, авторъ заключилъ, что общепринятыя мнѣнія имѣютъ

менѣе цѣнности, чѣмъ имъ приписывается. Мекензи упомянулъ въ числѣ недовольныхъ также и «крайнихъ либераловъ», которыхъ, впрочемъ, охарактеризовалъ только желаніемъ, чтобъ «положеніе крестьянъ было и далѣе улучшаемо законодательными постановленіями». Казалось бы, для англичанина такое скромное желаніе не должно было казаться крайнимъ либерализмомъ, но, быть можетъ, и тутъ нѣсколько виноваты русскіе друзья, окрашивающіе его всегда добросовѣстныя изслѣдованія своими кружковыми взглядами. Тѣмъ не менѣе, такая трудность рѣшенія вопроса, въ связи съ неопредѣленнымъ, хотя нелишеннымъ меткости взглядомъ самихъ крестьянъ, приводитъ автора къ упомянутому убѣжденію, что въ положеніи крестьянъ не произошло улучшенія или произошло очень небольшое. Крупное, рѣшительное улучшеніе, навѣрное, дало бы уже себя знать и было бы замѣчено. Очевидно, крестьяне не совершили того прогрессивнаго шага, который ожидался отъ реформы, и освобожденіе не имѣло еще тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, какихъ отъ него ожидали даже умѣренныхъ мнѣній люди.

Доискиваясь причинъ такого явленія, авторъ раздѣляетъ мнѣнія по этому предмету на три групы. Одну изъ нихъ мы уже разсматривали, говоря объ общинныхъ учрежденіяхъ; это—люди, которые видятъ все зло въ общинѣ и требуютъ ея уничтоженія вмѣстѣ съ ограниченіемъ крестьянскаго самоуправленія. Эта група мнѣній въ послѣдніе годы, со времени комиссіи 1872 г., повидимому, значительно усилилась, если судить по тому, что въ прошломъ году разосланы были крестьянскимъ присутствіямъ вопросы объ удобнѣйшихъ способахъ замѣны общиннаго землевладѣнія подворнымъ. Небезполезно было бы принять въ соображеніе и другія, указываемыя г. Мекензи, мнѣнія—положимъ, не мнѣнія второй групы, гласящей, что все дѣло—въ деморализаціи крестьянъ, которую слѣдуетъ устранить нравственнымъ воспитаніемъ—но въ особенности мнѣнія третьей групы изслѣдователей, которые указываютъ на особенное экономическое положеніе крестьянъ въ настоящее время и считаютъ самыми необходимыми мѣрами значительное уменьшеніе налоговъ и поземельныхъ повинностей, радикальную податную реформу и обширную систему переселеній. По мнѣнію самого автора, дурное положеніе крестьянъ составляетъ результатъ не одной, а различныхъ причинъ, и потому зло не можетъ быть устранено только однимъ какимъ-нибудь лекарствомъ.

Авторъ признаетъ извѣстную долю правды и за тѣмъ мнѣніемъ, что пьянство и безпечность много вредятъ крестьянскому благосостоянію.

Сравнительно цвѣтущее положеніе нѣкоторыхъ селеній староверовъ и молоканъ, у которыхъ нѣтъ пьянства и гдѣ община пользуется сильнымъ нравственнымъ контролемъ надъ отдѣльными членами, показываетъ, по мнѣнію автора, что болѣе совершенное нравственное состояніе само по себѣ (не наоборотъ-ли?) ведетъ

и къ болѣе удовлетворительному матеріальному состоянію крестьянъ. Печальное положеніе сельскаго духовенства служитъ немалымъ препятствіемъ къ такому нравственному возвышенію крестьянъ-нераскольниковъ. Народное образованіе составляетъ болѣе вѣрный, но крайне долгій путь къ улучшенію положенія крестьянъ, такъ что вообще эту групу мнѣній, по справедливости, можно назвать недостаточною какъ въ указаніи причинъ зла, такъ и способовъ къ его исцѣленію.

Еще нѣсколько словъ о тѣхъ людяхъ, которые видятъ причину зла въ современной крестьянской общинной администраціи. Излагая эти взгляды, авторъ относится съ одинаковой иронiей и къ современному, по его мнѣнію, ультрадемократическому порядку крестьянскаго самоуправленія, и къ притязаніямъ тѣхъ нашихъ партій, которыя хотѣли бы получить легальное покровительство и полицейскую власть надъ крестьяниномъ. Авторъ находитъ несообразнымъ, что нынѣ поземельные собственники у насъ тщательно исключены изъ волостной администраціи и юрисдикціи, т. е., что волость не имѣетъ всесословнаго характера. Извѣстно, что у насъ были проекты всесословной волости и что подъ этими проектами скрывались, въ сущности, стремленія къ вотчинной полиціи. Съ британской точки зрѣнія не выходитъ такъ; но у насъ преданія господскихъ отношеній еще такъ свѣжи, что опасно было бы рѣшаться на что-нибудь подобное. При настоящемъ положеніи вещей, странное явленіе въ обширной системѣ крестьянскаго самоуправленія составляетъ, по мнѣнію автора, именно тщательное огражденіе административной общины отъ вліянія другихъ классовъ общества, такъ что «даже тотъ землевладѣлецъ, имѣніе котораго лежитъ среди волости, не имѣетъ права вмѣшиваться въ волостныя дѣла». Можетъ быть, не вслѣдствіе ли этого тщательнаго устраненія, нѣкоторые вліятельные, по выраженію автора, люди и считаютъ крестьянское самоуправленіе главною причиною неудовлетворительнаго состоянія крестьянъ? Авторъ самъ того мнѣнія, что крестьянское самоуправленіе далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Сельскіе сходы стали хуже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Въ тѣ времена, домохозяева-старики, которые одни только имѣютъ право голоса въ собраніяхъ, были немногочисленны, трудолюбивы, зажиточны и держали подъ строгимъ контролемъ лѣнивыхъ, безпокойныхъ членовъ; теперь же большія семьи подѣлились; почти каждый взрослый крестьянинъ сталъ домохозяиномъ; общинныя дѣла часто рѣшаются шумнымъ большинствомъ, и если угостить міръ водкой, то можно добиться какого угодно рѣшенія. Допуская все это, авторъ вовсе не думаетъ, чтобъ зло было такъ велико, какимъ его представляютъ: общественное мнѣніе возбуждено филиппиками собственниковъ, сѣтующихъ подъ вліяніемъ озлобленія на личныя хозяйственныя неудобства, которыхъ уже невозможно устранять съ такою быстротою, какъ прежде: самъ авторъ слышалъ, какъ иные помѣщики утвержда-

ли, что невозможно болѣе жить въ Россіи, что скоро надо будетъ строить укрѣпленные зàмки и т. п. «Хотя я долго жилъ въ странѣ, замѣчаетъ авторъ:—но никогда не видѣлъ чего-нибудь такого, чтò давало бы хотя малѣйшее основаніе къ такимъ преувеличеннымъ жалобамъ. Многіе требуютъ отъ крестьянскаго самоуправленія того, чего никакое управленіе имъ дать не можетъ. По желанію этихъ недовольныхъ землевладѣльцевъ, нужно бы облечь волостныхъ старшинъ или какихъ-нибудь другихъ оффиціальныхъ лицъ патріархальною властью, принадлежавшею прежде помѣщику. Если старики-крестьяне жалуются на нынѣшніе порядки, то ихъ жалобы нельзя принимать буквально». Въ доказательство преувеличенности нареканій на нынѣшніе сельскіе сходы, авторъ приводитъ примѣръ, который имъ уже приводился по другому случаю. Еслибы мірскими дѣлами постоянно заправляли лѣнивые, недостойные члены, то въ сѣверной земледѣльческой полосѣ страны, гдѣ необходимо хорошо удобрять почву, передѣлы общинной земли были бы очень часты, потому что, при новомъ раздѣлѣ, лѣнтяй имѣетъ надежду получить хорошо удобренный участокъ въ замѣнъ того, который имъ истощенъ. Между тѣмъ, авторъ, къ собственному изумленію, не нашелъ ничего подобнаго. Почти во всѣхъ, посѣщенныхъ имъ общинахъ этой части страны, со времени освобожденія, вовсе не было общихъ передѣловъ.

Авторъ разсудительно замѣчаетъ, что крестьянское самоуправленіе такъ еще молодо, что на него нельзя и возлагать пока большія требованія. Настоящее самоуправленіе не можетъ и возникнуть въ такой короткій промежутокъ времени. Все, чтò законодательство можетъ сдѣлать, это — устранять препятствія, создать формы: духъ, который долженъ оживить эти формы, долженъ явиться изъ народа и порождается только долгимъ опытомъ. Теперь уже замѣтенъ значительный шагъ къ лучшему: во многихъ крестьянахъ является сознаніе недостатковъ ихъ самоуправленія и желаніе исправить эти недостатки. Автору кажется, что и въ этомъ отношеніи всего лучше предоставить крестьянъ самимъ себѣ, чтобъ они научились опытомъ. Опасность онъ видитъ именно въ указываемой нѣкоторыми реформаторами «школы Петра Великаго» необходимости примѣнять къ крестьянамъ тѣ высшіе принципы справедливости, которые находятся въ писанномъ законѣ и въ совѣсти образованныхъ классовъ. Примѣненіе legis scriptæ къ сферѣ обычныхъ отношеній произвело бы переворотъ въ нравственныхъ понатіяхъ крестьянина и въ концѣ подорвало бы его понятія о правдѣ и неправдѣ, которыя уже и такъ довольно расшатаны по наблюденіямъ автора. «Нравственная нетвердость, замѣтная въ низшихъ слояхъ русскаго общества, была результатомъ (?) тѣхъ насильственныхъ реформъ, какія наполняли русскую исторію въ послѣднія два столѣтія». Хотя послѣдняя сентенція составляетъ обычную дань британскимъ понятіямъ, но опасность вводить письменный за-

конъ въ сферу суда по совѣсти и обычаю подмѣчена авторомъ вѣрно.

Наконецъ, Меккензи бросаетъ нѣсколько ироническихъ словъ тѣмъ, кто считаетъ теперешнее самоуправленіе крестьянъ преградой цивилизующему вліянію образованныхъ классовъ. Помѣщикъ, способный и желающій имѣть подобное вліяніе на крестьянъ, не нуждается въ административномъ авторитетѣ для этого, а кто собственными усиліями не въ состояніи пріобрѣсти такое вліяніе, тотъ, по всей вѣроятности, злоупотребитъ и ввѣренною ему властью. Помѣщики въ теченіи многихъ поколѣній пользовались неограниченною властью, но нельзя сказать, чтобъ ихъ цивилизующее вліяніе было велико. Дѣло въ томъ, что эти слова повторяются людьми, желающими какъ-нибудь пріобрѣсть себѣ вліяніе на крестьянъ, но не желающими потрудиться, чтобъ пріобрѣсть его именно естественнымъ путемъ.

Переходимъ къ самому важному отдѣлу критики настоящаго положенія крестьянъ—къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя считаютъ возможнымъ улучшить это положеніе посредствомъ радикальной реформы податной системы, вмѣстѣ съ организаціей переселенія на другія, болѣе плодородныя и скуднѣе заселенныя земли. Авторъ прибавляетъ отъ себя, что это мнѣніе наиболѣе популярно въ Россіи по своей простотѣ и по тому, что даетъ возможность ожидать помощи отъ правительства, а не ожидать всего отъ частной self-help.

Въ сущности, самъ Меккензи, какъ увидимъ, приходитъ къ тому же самому выводу, съ небольшими разъясненіями, предназначенными, по его словамъ, къ тому, чтобъ разсѣять туманъ, облекающій этотъ вопросъ. Здѣсь мы находимъ вполнѣ вѣрныя, хотя уже знакомыя читателямъ мысли. Кромѣ казенныхъ, земскихъ и общинныхъ налоговъ (составляющихъ, по вычисленію автора, около $9^1/_2$ рублей на душу, или около $23^3/_4$ рублей на крестьянскую семью—весьма тяжелый налогъ для большинства), крестьяне платятъ еще поземельныя повинности (оброчную подать) за пользованіе землею. Хотя это, и не налогъ, но имѣетъ нѣкоторое съ нимъ сродство, потому что наложено на крестьянъ вмѣстѣ съ землею, безъ ихъ согласія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ страны такое обязательное наложеніе составляетъ привилегію, въ другихъ — бремя: въ первыхъ, т. е. тамъ, гдѣ нормальная рента превышаетъ цифру подати, крестьянинъ можетъ освободиться отъ послѣдней, передавъ землю; въ послѣднихъ мѣстностяхъ, гдѣ повинности превышаютъ ренту, ни община, никто изъ другихъ крестьянъ не возьмутъ у него земли на этихъ условіяхъ. Поэтому, за вычетомъ нормальной поземельной ренты, мы можемъ считать остающуюся часть поземельной подати личнымъ налогомъ съ крестьянина. Это относится именно къ большинству мѣстъ сѣвернаго земледѣльческаго пояса, тогда какъ въ южномъ земледѣльческомъ поясѣ земля обыкновенно стóитъ болѣе, чѣмъ платимый за нее оброкъ, который, поэтому, тамъ

вовсе не можетъ считаться налогомъ. Но если тамъ, гдѣ подобный излишекъ подати существуетъ, его прибавить къ собственно такъ-называемымъ налогамъ, то составится большая сумма, слишкомъ тяжелая для крестьянъ, живущихъ однимъ земледѣліемъ выплачивая ее, эти крестьяне не имѣютъ никакой возможности улучшить свое положеніе. Оно становится даже еще хуже, такъ какъ, судя по оффиціальнымъ даннымъ, количество скота въ такихъ мѣстностяхъ уменьшается, а уменьшеніе скота означаетъ мѣньшее унавоживаніе и менѣе изобильные урожаи.

При всемъ томъ, авторъ, признавая извѣстную долю справедливости въ томъ, что чрезмѣрное обложеніе составляетъ одно изъ главныхъ препятствій къ улучшенію быта крестьянина, особенно въ сѣверномъ поясѣ, находитъ въ современномъ экономическомъ положеніи крестьянъ болѣе общую помѣху ихъ прогрессу. Это—семейные раздѣлы, значеніе которыхъ уже указано по отношенію къ крестьянскому самоуправленію. Содержаніе выдѣлившихся двухъ или трехъ домовъ неизбѣжно ухудшаетъ ихъ относительное экономическое положеніе, отнимая ту способность сопротивляться несчастіямъ, какою скорѣе можетъ обладать одна большая семья. Но самое худшее послѣдствіе семейныхъ раздѣловъ находится въ связи съ «Положеніемъ о крестьянахъ». Извѣстно, что бывшіе крѣпостные крестьяне получили надѣлы крайне ограниченные. Крестьянинъ, владѣющій однимъ законнымъ надѣломъ, имѣетъ и мало работы, и мало дохода. При большомъ семействѣ, съ этой бѣдой еще какъ-нибудь можно справиться. Домохозяинъ, при помощи жены и свояченицъ, съ прибавкой наемнаго рабочаго на время жатвы, можетъ обработывать всю свою землю, а другіе члены семьи ищутъ работы на сторонѣ и присылаютъ домой деньги для уплаты податей и на необходимые расходы. Но когда каждый способный къ работѣ человѣкъ составляетъ главу самостоятельнаго хозяйства, эта форма домашней экономіи, разумѣется, невозможна. Домохозяинъ долженъ или оставаться дома, или ввѣрять обработку своей земли женѣ. Въ первомъ случаѣ у него будетъ много свободнаго времени, если только онъ не найметъ гдѣ-нибудь по сосѣдству участка земли по умѣренной цѣнѣ; въ послѣднемъ случаѣ урожай, навѣрное, выйдетъ скуденъ, потому что женщина, даже несвязанная домашними заботами, рѣдко такъ хорошо воздѣлываетъ землю, какъ мужчина. Во многихъ мѣстахъ крайняя нужда въ пахатной землѣ по близости деревни заставляетъ крестьянъ платить нѣчто въ родѣ ирландской rack-rent.

Авторъ уклоняется отъ прямаго отвѣта, какъ исправить это зло, но признаетъ, согласно съ мнѣніемъ послѣдней групы критиковъ, что можно сдѣлать многое тщательнымъ пересмотромъ финансовой системы вообще и поземельной подати въ частности. Въ видѣ добавленія къ этому—организовать въ обширныхъ размѣрахъ переселеніе части крестьянъ съ безплодныхъ сѣверныхъ и за-

падныхъ земель на богатыя, плодородныя земли восточныхъ провинцій.

Эти выводы почтеннаго автора, составляющіе результатъ долгаго и терпѣливаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе цѣнны въ глазахъ русскихъ читателей, что авторъ, отправляясь отъ чисто британскихъ взглядовъ, шагъ за шагомъ, дошелъ до сходства во взглядахъ съ наиболѣе правильными отечественными мыслителями по части народнаго хозяйства. Отказываясь, по принципу, признавать въ общинѣ нѣчто высшее противъ европейскихъ порядковъ, онъ фактически, безпристрастно признаетъ неоцѣненную ея важность для Россіи и цѣлымъ арсеналомъ меткихъ доводовъ громитъ противниковъ общины и крестьянскаго самоуправленія. Можно бы сказать, что оговорки въ британскомъ вкусѣ Меккензи Уоллесъ вставляетъ какъ бы изъ осторожности или для приличія: до того выводы его по аграрному вопросу разумны и чужды поверхностнаго увлеченія, особенно непріятнаго въ иностранцѣ, трактующемъ о нашихъ дѣлахъ. Дойдя до признанія необходимости облегчить податное бремя и свободу переселеній крестьянамъ, Меккензи опять оговаривается, что этотъ выводъ—не болѣе, какъ личное мнѣніе непредубѣжденнаго изслѣдователя.

Авторъ не забываетъ и будущаго. Въ заключеніе своего изслѣдованія, онъ говоритъ нѣсколько словъ утѣшенія. Россія переживаетъ теперь великій экономическій переворотъ и страдаетъ тѣми невзгодами, которыя неизбѣжно связаны съ переходнымъ временемъ: экономическое положеніе ея, поэтому, далеко не столь отчаянно, какъ обыкновенно думаютъ. «Судя по смѣлому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣшному ходу трудной задачи освобожденія крѣпостныхъ, говоритъ Меккензи:—мы можемъ довѣрчиво ожидать, что Россія въ свое время успѣшно преодолѣетъ и тѣ аграрныя трудности, какія еще лежатъ передъ нею».

IX.

Картина экономическаго положенія крестьянства послѣ освобожденія, представленная нами по Меккензи, была бы неполна, еслибы мы не дополнили ея обстоятельнымъ очеркомъ той же книги Уоллеса о вліяніи крестьянской реформы на русское дворянство.

Авторъ—не противникъ дворянства и даже не прочь напомнить о своихъ симпатіяхъ къ британскимъ порядкамъ но, все-таки, помня объ этихъ симпатіяхъ, и въ этомъ очеркѣ читатель найдетъ только безпристрастную оцѣнку положенія, хотя, впрочемъ, съ нашей точки зрѣнія, иногда и невѣрную.

Воздерживаясь отъ общей оцѣнки моральнаго вліянія крестьянской реформы на помѣщиковъ, авторъ находитъ, однакожъ,

что реформа заставила ихъ «привести свой домъ въ порядокъ», выйти изъ «атмосферы долга», въ которой многіе изъ нихъ жили. Говорить объ общихъ результатахъ освобожденія крестьянъ теперь, по мнѣнію автора, затруднительно, такъ какъ аграрныя отношенія находятся еще въ переходномъ, хаотическомъ состояніи, и невозможно предсказать, какую форму они примутъ. Въ хозяйственномъ отношеніи, безъ сомнѣнія, результаты реформы легче прослѣдить у помѣщиковъ, такъ какъ у крестьянъ, даже изъ крѣпостныхъ, примѣшивается много постороннихъ причинъ, вліяющихъ на ихъ положеніе.

Очертивъ два противоположныя направленія мнѣній относительно выгодности реформы и свободнаго труда, господствовавшія въ русскомъ обществѣ въ эпоху освобожденія, авторъ останавливается на томъ замѣчательномъ явленіи, что сами помѣщики не могутъ выяснить, сколько они потеряли или выиграли отъ реформы; при крѣпостномъ состояніи, очень немногіе изъ нихъ акуратно вели счеты. Теперь многіе изъ нихъ получаютъ больше дохода, чѣмъ прежде, а между тѣмъ, сдѣлались, въ нѣкоторомъ смыслѣ, бѣднѣе: т. е. имъ стало труднѣе жить безпечно и въ довольствѣ. Потому-то заявленія самихъ помѣщиковъ о нынѣшнемъ ихъ положеніи имѣютъ въ глазахъ автора мало значенія, такъ какъ даже въ добросовѣстные разсчеты входитъ много постороннихъ аграрному дѣлу соображеній. При томъ, и самыя показанія бываютъ невсегда безпристрастны, особенно, когда даются иностранцу. Землевладѣльцевъ, говорящихъ о крестьянской реформѣ, авторъ раздѣляетъ на двѣ категоріи: одни желаютъ показать, что реформа была успѣшна во всѣхъ отношеніяхъ, что она подѣйствовала благотворно на всѣ классы общества и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ; другіе же выставляютъ помѣщиковъ вообще, а себя въ особенности — добровольными жертвами великой реформы, мучениками дѣла свободы и прогресса.

Авторъ ставитъ два вопроса: 1) насколько помѣщики *непосредственно* вознаграждены за потерю крѣпостного труда и за переданную крестьянамъ землю? и 2) насколько они были вознаграждены *косвенно* путемъ экономическихъ перемѣнъ, происшедшихъ съ тѣхъ поръ, и что̀ помѣщики сдѣлали съ оставшеюся въ ихъ распоряженіи землею? Первый вопросъ, основанный на общеизвѣстныхъ данныхъ, мы изложимъ возможно короче; второй, передающій наблюденія самого автора, передадимъ подробнѣе.

Въ сѣверной части черноземной полосы Россіи, гдѣ употреблялась трехпольная система полеводства, условія были очень благопріятны для уничтоженія крѣпостного труда. При естественномъ богатствѣ почвы, она легко могла давать больше хлѣба, чѣмъ нужно было жителямъ. Количество земли, уступленное крѣпостнымъ для пользованія, могло считаться правомѣрнымъ (!) вознагражденіемъ за работы ихъ на помѣщика. Поэтому, помѣщикъ, который не налагалъ непомѣрныхъ тягостей

на крѣпостныхъ, освободивъ ихъ лично и взявъ назадъ состоявшую въ ихъ пользованіи землю, нисколько не остался бы отъ этого въ убыткѣ. Бывшіе крѣпостные сдѣлались бы у него же вольными рабочими или арендовали бы его землю за хорошую ежегодную плату. Доходы съ имѣнія, такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ, не сократились бы. Короче, по экономическому положенію этой полосы, крѣпостной трудъ едва ли былъ выгоднѣе свободнаго. Что же касается повинностей за уступленную общинамъ землю, то хотя онѣ, быть можетъ, и не вполнѣ соотвѣтствовали цѣнности земли, но разница между тою и другою цифрами была невелика. Если помѣщики могутъ жаловаться, то развѣ на то, что возрастаніе земли въ цѣнѣ не было принято въ разсчетъ. Въ южной, степной части черноземнаго пояса крѣпостной трудъ имѣлъ значительную цѣнность, по рѣдкости населенія и преобладанію спроса труда надъ предложеніемъ; помѣщики, по мнѣнію автора, далеко не вознаграждены за его отмѣну, такъ какъ крестьяне этой полосы получили много земли и не платили за нее выше стоимости.

«Въ сѣверной земледѣльческой полосѣ крѣпостной трудъ былъ еще необходимѣе для помѣщиковъ, хотя и по другимъ причинамъ. Скудная, истощенная почва не вознаграждала за затрачиваемый на нее трудъ. Поэтому, для помѣщиковъ, хозяйство держалось не на естественныхъ экономическихъ условіяхъ, а на искуственной основѣ крѣпостного труда (?). Лишившись этого послѣдняго, помѣщики были лишены самого цѣннаго своего достоянія, но за эту потерю они были частію (!?) вознаграждены ежегодными платежами за землю, далеко превышавшими нормальную ренту. Для тѣхъ помѣщиковъ, которые держали крѣпостныхъ на оброкѣ, освобожденіе безъ вознагражденія было бы раззорительно. Потому-то всѣ крестьяне, даже тѣ, которые жили не земледѣльческими занятіями, обязаны были принять землю и платить за нее повинности, превышавшія нормальную ренту». (Мы приводимъ это объясненіе безъ всякихъ комментарій, полагая, что для русскаго читателя оно мало нуждается въ особыхъ опроверженіяхъ).

«Вознагражденіе, полученное помѣщиками сѣверной земледѣльческой полосы за потерю крѣпостного труда, въ видѣ ежегодныхъ повинностей, вовсе не было такъ велико, какъ казалось. Помѣщикъ всегда находилъ труднымъ, а иногда и невозможнымъ, собирать повинности, а между тѣмъ, имѣлъ основаніе опасаться, что крестьяне, по истеченіи первыхъ девяти лѣтъ, совершенно освободятъ себя отъ этихъ платежей посредствомъ переселенія въ города или въ болѣе плодородныя части страны. Единственнымъ способомъ избѣгнуть такихъ затрудненій и опасностей для помѣщика было потребовать обязательнаго выкупа, но и это соединено было съ значительными пожертвованіями, съ обязательнымъ принятіемъ 4/5 суммы вмѣсто полнаго платежа, и притомъ, большею частью, не наличными деньгами, а процент-

ными билетами, которые быстро упали въ цѣнѣ». Авторъ забылъ прибавить, что къ такой будто бы убыточной для помѣщиковъ мѣрѣ нѣтъ надобности всегда прибѣгать: переходъ получившихъ надѣлы крестьянъ съ помѣщичьихъ земель вообще не состоялся какъ по причинѣ огромныхъ платежей, приковывающихъ ихъ къ землѣ, такъ и потому, что новое поселеніе такихъ крестьянъ на свободныя казенныя земли вовсе не допускается, хотя еще при изданіи «Положенія» оно подразумѣвалось по истеченіи девятилѣтняго срока. Переходить же на другія частныя земли значило бы попадать только «изъ огня въ полымя».

Само собою разумѣется, что приведенныя соображенія автора о вознагражденіи помѣщиковъ за потерю крѣпостного труда мы не опровергали потому лишь, что на русскій взглядъ они невѣрны даже въ принципѣ, какъ исчисленіе вознагражденія за крѣпостную власть, отмѣна которой не должна вовсе подлежать вознагражденію. Вѣроятно, англійскіе взгляды требуютъ такихъ выкладокъ.

Интереснѣе у автора оцѣнка экономическаго положенія помѣщиковъ и соединенные съ этимъ вопросы. На всѣхъ помѣщиковъ реформа имѣла благодѣтельное вліяніе, повторяетъ авторъ; она заставила ихъ выйти изъ состоянія рутинной безпечности и вступить на узкую, тернистую тропинку заботъ о добываніи средствъ къ жизни. Пришлось подумать, какъ выгоднѣе употребить остававшуюся у нихъ землю. Для тѣхъ помѣщиковъ, которые не жили въ своихъ имѣніяхъ или не желали вести хозяйство на свой счетъ, проще всего было сдавать землю крестьянамъ изъ опредѣленной годовой платы. Это избавляло отъ хлопотъ, но имѣло и крайне невыгодную сторону: крестьяне, въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно истощаютъ землю всѣми мѣрами, такъ что, въ результатѣ, эта система невыгодна для самихъ собственниковъ. Въ Россіи нѣтъ класса, соотвѣтствующаго англійскимъ фермерамъ, которые бы снимали фермы и воздѣлывали ихъ безъ ущерба для почвы.

Помѣщикамъ предстояло нѣсколько способовъ вести хозяйство: или продолжать обработку земли бывшими крѣпостными, какъ прежде, съ тою разницей, что теперь община крестьянъ поставляла бы полевой трудъ взамѣнъ платежей за отошедшую отъ помѣщика землю, или войти въ соглашеніе съ обществомъ и даже съ отдѣльными крестьянами о томъ, чтобъ извѣстное количество земледѣльческой работы было выполняемо за опредѣленную сумму денегъ, за пастбище, за топливо; при этой системѣ, крестьяне всегда употребляютъ собственныхъ лошадей и рабочія орудія, съ разсчетомъ подесятинно; или — принять систему половничества, при которой помѣщикъ даетъ землю и сѣмена, а крестьяне производятъ работу собственными лошадьми и орудіями, урожай дѣлится между обѣими сторонами поровну или въ условленной пропорціи; или, наконецъ, самимъ нанимать рабочихъ и устроить фермерскія хозяйства по образцу западной Европы. Болѣе просвѣщенные помѣщики поняли, что только по-

слѣдній способъ и давалъ возможность поддержать существующія хозяйства, но это былъ способъ самый трудный. Большую сумму денегъ нужно было затратить сразу и потомъ имѣть еще значительный капиталъ для текущихъ издержекъ. Въ Англіи, по вычисленію Стефенса, даже безъ всякой перемѣны системы полеводства, фермеръ, снимающій 500 акровъ, долженъ издержать въ первые полтора года около 3,000 ф. ст. Въ Россіи издержки хозяйства должны были быть гораздо больше. Притомъ, гдѣ взять было денегъ русскимъ хозяевамъ той эпохи? Большинство изъ нихъ имѣло не столько денегъ, сколько долговъ, занять было негдѣ, а организація поземельнаго кредита еще не образовалась; были и еще болѣе важныя препятствія. Помѣщики вообще имѣли мало техническихъ свѣдѣній и почти вовсе не имѣли практическихъ опытовъ научнаго хозяйства. Практиковъ-хозяевъ было много, было нѣсколько людей съ научными познаніями, но то и другое рѣдко соединялось въ одномъ лицѣ. Даже тѣмъ немногимъ, которые обладали и необходимымъ капиталомъ, и знаніями, и опытомъ, дѣло представлялось крайне труднымъ, по невозможности найти подходящихъ рабочихъ, а иногда и вовсе какихъ бы то ни было рабочихъ. При такихъ обстоятельствахъ большинству помѣщиковъ оставалось довольствоваться прежней системой, съ соотвѣтствующими измѣненіями, т. е. первымъ изъ перечисленныхъ способовъ. Но и тутъ опытъ оказался неудачнымъ: крестьяне, недостаточно понимая новыя права и обязанности, отказывались работать иногда въ самую горячую пору, отправлялись убирать собственное сѣно или хлѣбъ; жалобы мировымъ посредникамъ отнимали много времени, когда дорогъ былъ и одинъ день. Въ результатѣ, обѣ стороны почувствовали необходимость перейти къ другимъ рѣшеніямъ. Здѣсь опять выдвигается различіе между черноземной и сѣверной полосами. Въ черноземной полосѣ, благодаря плодородію почвы, сосѣдніе крестьяне всегда были готовы взять землю за хорошую ренту, и хозяйство оставалось выгоднымъ, хотя бы велось и по старымъ пріемамъ: слѣдовательно, помѣщикъ могъ постепенно, не стѣсняя себя, дѣлать тѣ улучшенія, какія считалъ необходимыми. Въ сѣверной же полосѣ, по скудости почвы, помѣщики не могли продолжать хозяйство, не дѣлая сразу коренныхъ и постоянныхъ улучшеній въ имѣніяхъ, а отъ сдачи земель крестьянамъ доходъ могъ получаться лишь весьма скудный. Потому-то въ сѣверной полосѣ почти всѣ землевладѣльцы оставили хозяйство и сдали сколько можно больше своей земли сосѣднимъ крестьянамъ. Домà, въ которыхъ помѣщики жили (многіе въ качествѣ grands seigneurs), бòльшею частію покинуты и предоставлены безжалостной рукѣ времени, а сами собственники живутъ въ городахъ, заработывая жалованье или въ казенной службѣ, или въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, которыя съ поразительною быстротою возникали въ послѣдніе годы. Напротивъ, въ южной полосѣ, почти всѣ помѣщики воздѣлываютъ, по крайней мѣрѣ, часть

своей земли, другую сдаютъ сосѣднимъ крестьянамъ. Нѣкоторые ввели систему половничества, у другихъ работаютъ крестьяне за опредѣленную плату съ десятины, и значительное число помѣщиковъ устроили фермы по западно-европейскому образцу. Въ нѣкоторыхъ густо-населенныхъ мѣстностяхъ собственники обыкновенно сдаютъ всю свою землю, извлекая этимъ большой доходъ. Почти всѣ имѣнія съ наемными рабочими и усовершенствованной системой хозяйства находятся въ сѣверной части черноземной полосы: земля тамъ плодородна, рабочія руки сравнительно изобильны, климатъ умѣренный и рынки для сбыта продуктовъ подъ рукой. Въ хорошихъ рукахъ доходъ съ имѣній сдѣлался въ 2½ раза болѣе извлекавшагося при крѣпостномъ правѣ (таковъ, приводимый авторомъ, примѣръ доходовъ большаго имѣнія кн. В. Васильчикова). Но это—случаи исключительные и бывающіе лишь тамъ, гдѣ за долго до освобожденія крестьянъ уже сдѣланъ былъ переходъ отъ крѣпостнаго къ свободному труду, при условіи научныхъ знаній, энергіи и практическаго умѣнья со стороны помѣщиковъ. Доходы обыкновенныхъ помѣщиковъ этой полосы, хотя не увеличились въ подобныхъ размѣрахъ, но серьёзно и не уменьшились со времени освобожденія. Было только временное уменьшеніе тотчасъ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, вслѣдствіе временной неурядицы, вызванной реформою. Такое мнѣніе авторъ подтверждаетъ цифрами доходности одного рязанскаго помѣстья, взятаго имъ за типъ, потому что въ этомъ случаѣ все время не было сдѣлано никакой перемѣны ни въ системѣ хозяйства, ни въ управленіи имѣніемъ. Признавая вообще, что землевладѣльцы этой полосы получаютъ теперь больше доходовъ, чѣмъ до реформы, авторъ оговаривается, что не считаетъ, все-таки, ихъ матеріальное положеніе улучшившимся. Дороговизна значительно возросла, особенно для тѣхъ, кто всегда жилъ въ своихъ имѣніяхъ, и дѣло управленія имѣніемъ стало сложнѣе и труднѣе. Въ южной части той же полосы положеніе землевладѣльцевъ нѣсколько иное. Сельское населеніе состоитъ больше изъ казенныхъ крестьянъ и иностранныхъ колонистовъ, которые имѣютъ довольно своей земли и не нуждаются въ томъ, чтобъ арендовать земли или наниматься въ рабочіе. Большія помѣстья или употреблялись для разведенія овецъ изъ-за добыванія мериносовой шерсти, или сдавались землевладѣльцамъ, спекуляторамъ (посѣвщикамъ), которые, съ возможно-меньшими издержками, снимали три или четыре жатвы и потомъ оставляли земли въ залежи отъ 8 до 10 лѣтъ. Отъ подобнаго способа воздѣлыванія собственники извлекали такой ничтожный доходъ, что въ 1872 г. когда авторъ проѣзжалъ по юго-восточной части Самарской Губерніи, обширныя пространства казенныхъ земель, бо́льшею частію, весьма плодородныя, сдавались около 25 копеекъ за десятину. Впрочемъ, въ послѣдніе годы овечья шерсть упала въ цѣнѣ, а увеличеніе желѣзныхъ дорогъ и усиленіе вывозной торговли съ Черняго и Азовскаго морей сдѣлали воздѣ-

*

лываніе пшеницы и льна выгоднѣе, чѣмъ прежде. Овцеводство и первобытный промыселъ посѣвщиковъ, въ значительной степени, смѣнились правильнымъ земледѣліемъ, и прямымъ послѣдствіемъ этого было значительное возвышеніе цѣнъ на землю.

Хотя оно и вознаградило землевладѣльцевъ этой полосы за убытки при реформѣ, но, при правильномъ хозяйствѣ, имъ все еще приходится бороться съ большими трудностями, въ особенности съ частыми засухами и съ недостаткомъ рабочихъ рукъ. Засухи прежде считались неотвратимыми для земледѣльца. Суровость климата, такъ говорили, происходитъ отъ неимѣнія лѣсовъ и можетъ быть устранена только искуственнымъ лѣсоразведеніемъ въ обширныхъ размѣрахъ. По мнѣнію автора, есть подъ рукой другое, менѣе грандіозное и дорогостоющее, но болѣе дѣйствительное средство. Нужно только глубже пахать землю и вообще усовершенствовать способъ ея обработки. Колонисты менониты говорили автору, что они страдаютъ отъ засухъ гораздо менѣе окрестныхъ крестьянъ; объяснить это можно только тѣмъ, что земля лучше обработывается менонитами, чѣмъ ихъ сосѣдями. Что касается недостатка рабочихъ рукъ, то жалобы на это землевладѣльцевъ въ цѣлой странѣ составляютъ хоръ довольно согласный. Говорятъ, что крестьяне со времени освобожденія сдѣлались лѣнивы, безпечны, предались пьянству, неисправны въ выполненіи своихъ обязательствъ такъ, что трудно вести хозяйство даже по прежнему порядку, не говоря уже объ усовершенствованныхъ способахъ культуры. Авторъ считаетъ необходимымъ сознаться, что подобныя обвиненія не совершенно лишены основанія, но напоминаетъ, что явленія этого рода болѣе или менѣе часто встрѣчаются вездѣ и должны быть особенно часты въ странѣ, въ которой умственное и нравственное воспитаніе народа было въ полнѣйшемъ пренебреженіи и рабство недавно отмѣнено. Ошибочно было бы думать, что вина лежитъ вполнѣ на крестьянахъ или что подобные факты составляютъ неодолимое препятствіе введенію раціональной системы земледѣлія, основанной на свободномъ трудѣ; или воображать, съ большинствомъ землевладѣльцевъ, что эти трудности можно значительно уменьшить, даже совершенно устранить бо̀льшею строгостью судей или улучшенною системою паспортовъ.

Хозяйство, основанное на свободномъ трудѣ, требуетъ значительныхъ знаній, разсудительности, благоразумія и такта, которыхъ не могутъ замѣнить никакіе законы, ни судебная строгость. При наймѣ рабочихъ необходимо дѣлать строгій выборъ, ставить ихъ въ такое положеніе, чтобъ они цѣнили свое положеніе и боялись потерять его; нужны сверхъ того, зоркій глазъ и опытная рука хозяина. Между тѣмъ, русскіе землевладѣльцы, изъ ложной экономіи, часто набираютъ самыхъ дешевыхъ рабочихъ, не разбирая другихъ ихъ качествъ или, пользуясь денежными затрудненіями крестьянина, заключаютъ съ нимъ такой контрактъ, котораго тотъ не въ состояніи выполнить. Напримѣръ,

весною, когда крестьянину нечего ѣсть и нѣтъ денегъ заплатить подати, они ссужаютъ ему ржаной муки или немного денегъ и требуютъ взамѣнъ, чтобъ крестьянинъ имъ отдалъ долгъ работою внѣ всякой соразмѣрности съ цѣнностью ссуженныхъ денегъ или муки. Крестьянинъ вполнѣ сознаетъ, что условіе для него невыгодно, но что онъ будетъ дѣлать, когда у семьи его нѣтъ хлѣба, а сельскія власти грозятъ продать его послѣднюю корову за недоимку? Онъ беретъ задатокъ на авось, разсчитывая какъ-нибудь извернуться, но когда срокъ подходитъ, то прежнія затрудненія возобновляются еще въ худшемъ видѣ. По условію, онъ долженъ работать на землевладѣльца почти все лѣто, а между тѣмъ, ни у него, ни у семьи нѣтъ пропитанія, нѣтъ запасовъ на зиму. Немудрено, если крестьянинъ старается уклониться отъ выполненія условія всевозможными средствами. Землевладѣлецъ, видя разстройство отъ этого своихъ плановъ, поднимаетъ вопль о необходимости болѣе суровыхъ законовъ или замысловатыхъ административныхъ мѣръ, чтобъ заставить крестьянъ выполнять обязательство. «Трудно и вообразить на практикѣ какую-нибудь подобную мѣру, замѣчаетъ авторъ:—кромѣ возстановленія крѣпостной зависимости. Даже въ Англіи, прибавляетъ Меккензи:—на которую землевладѣльцы подобнаго типа любятъ указывать какъ на счастливую страну, гдѣ законъ уважается, а нарушенія контрактовъ строго наказываются—фермеръ который имѣлъ бы безуміе заплатить за полевую работу за два или за три года впередъ (какъ дѣлали нѣкоторые русскіе землевладѣльцы), былъ бы скоро вынужденъ покинуть фермерство и избрать себѣ другое занятіе, болѣе подходящее къ его непрактичному характеру». Что вина въ подобныхъ случаяхъ не лежитъ вполнѣ на сторонѣ крестьянъ, это доказывается, въ глазахъ автора, тѣмъ, что жалобъ не слышно отъ дѣятельныхъ, энергическихъ, разумныхъ сельскихъ хозяевъ, живущихъ круглый годъ въ своихъ имѣніяхъ; напротивъ, жалуются на рабочихъ люди, воображающіе, что управленіе имѣніемъ можно предоставить лицамъ подчиненнымъ и что занятіе сельскимъ хозяйствомъ похоже на тѣ комфортабельныя должности въ государственной службѣ, на которыхъ нужно только показываться по торжественнымъ случаямъ. Вообще, землевладѣльцамъ, упрекающимъ русскаго мужика въ неисправимой лѣности, мужикъ, по мнѣнію автора, могъ бы отвѣчать весьма сильнымъ аргументомъ tu quoque. Дѣло въ томъ, что въ Россіи борьба за существованіе далеко не такъ напряженна, какъ въ странахъ, гуще населенныхъ, и общество сложено такъ, что всѣ могутъ жить безъ особенно ревностнаго труда. Западному путешественнику русскіе кажутся лѣнивой, апатичной расой. Но тотъ же путешественникъ, явившись въ Россію съ востока, особенно проживъ нѣсколько времени среди пастушескихъ племенъ, признаетъ русскихъ чрезвычайно энергическимъ и трудолюбивымъ народомъ. Ихъ характеръ въ этомъ отношеніи соотвѣтствуетъ географическому положенію: русскіе стоятъ на полдоро-

гѣ между трудащимся, выносливымъ, предпріимчивымъ населеніемъ западной Европы и безпечными чуждыми, всякой дисциплинѣ, порывисто энергическими пастушескими степными племенами. Русскіе въ состояніи сдѣлать многое однимъ сильнымъ напряженіемъ, но еще не усвоили себѣ правильныхъ рабочихъ навыковъ. Можно подумать, что русскіе сдвинутъ земной шаръ однимъ натискомъ, а на дѣлѣ ихъ не хватаетъ для спокойной настойчивости и упорной непоколебимости, въ трудѣ, характеризующихъ тевтонскую расу.

Говоря о недостаткѣ рабочихъ рукъ въ южной части черноземной полосы, авторъ не могъ не упомянуть о рабочихъ передвиженіяхъ. Для подготовки почвы и засѣва зерна достаточно мѣстнаго рабочаго населенія, но на время жатвы необходима бываетъ помощь странствующихъ жнецовъ; поэтому, когда урожай особенно хорошъ, то цѣна на трудъ повышается до такой степени, что землевладѣлецъ готовъ даже скорбѣть по поводу исключительной милости природы. Авторъ приводитъ случай, бывшій въ 1868 г. въ Самарской Губерніи, когда, вслѣдствіе изобильнаго урожая, цѣна на рабочихъ поднялась неимовѣрно, а потомъ зерно было попорчено непрерывными дождями, такъ что издержки на наемъ рабочихъ были чистою потерею. Даже помимо такой случайности, издержки эти часто поглощаютъ почти всю прибыль хозяина. Чтобы оградиться отъ этихъ колебаній въ цѣнѣ на трудъ, нѣкоторые землевладѣльцы шлютъ агентовъ на сѣверъ раннею весною для найма рабочихъ на время жатвы по умѣренной цѣнѣ. Нанять бываетъ не трудно на ярмаркахъ или по договорамъ съ сельскими начальствами за недоимщиковъ, но толку изъ этого выходитъ мало. Наемные рабочіе не являются въ условленное время или работаютъ только нѣсколько дней и откочевываютъ всѣ, какъ только заслышатъ о болѣе высокихъ цѣнахъ по сосѣдству. Обращаться къ властямъ безполезно, потому что время жатвы пройдетъ, а взыскать съ виновныхъ убытки, разумѣется, невозможно. Болѣе догадливые и энергическіе землевладѣльцы не хлопочутъ объ усиленіи паспортныхъ строгостей, а стараются иными мѣрами сдѣлаться менѣе зависимыми отъ отхожихъ рабочихъ: они сѣютъ часть хлѣба рано, часть—поздно, и сверхъ того, заводятъ жатвенныя машины. Между тѣмъ, населеніе быстро увеличивается, и, по всей вѣроятности, заключаетъ авторъ, затрудненіе въ пріискиваніи рабочихъ черезъ нѣсколько лѣтъ само собою исчезнетъ.

Если бы это говорилъ не британецъ, то мы могли бы упрекнуть автора въ нѣкоторой недогадливости, такъ какъ онъ, признавая недостатокъ рабочихъ рукъ у помѣщиковъ, въ другомъ мѣстѣ, какъ мы видѣли, доходитъ до сознанія о необходимости облегчить крестьянамъ переселенія и податную тяжесть. По общепринятому въ лучшей части литературы мнѣнію, стѣсненіе переселеній, обрѣзываніе и замкнутость надѣловъ, продолжающіяся нынѣ, по примѣру бывшихъ крѣпостныхъ, даже у казенныхъ

крестьянъ, имѣютъ цѣлью именно доставленіе землевладѣльцамъ дешевыхъ рабочихъ въ большомъ числѣ. Авторъ не считаетъ возможнымъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ; потому-то, несмотря на пространныя сужденія его о способахъ вознагражденія помѣщиковъ за потерю оброковъ и дароваго труда, читатель выноситъ отъ авторскаго изложенія впечатлѣніе, спокойнаго, серьёзнаго, иногда, быть можетъ, чрезмѣрно объективнаго изслѣдованія. Жаль, что Мекензи Уоллесъ ограничился для своихъ изслѣдованій только меньшимъ отдѣломъ крестьянскаго класса, не принявъ въ соображеніе характера аграрной реформы, продолжающейся у другихъ видовъ сельскаго сословія. Впрочемъ, въ качествѣ иностранца онъ и такъ сдѣлалъ немало.

Нѣсколько заключительныхъ выводовъ автора объ экономическихъ результатахъ крестьянской реформы относительно землевладѣльцевъ показываютъ, что въ общемъ положеніе послѣднихъ теперь вовсе не такъ невыгодно, какъ положеніе крестьянъ. Землевладѣльцы сѣверной земледѣльческой полосы, понесшіе серьёзный ущербъ вслѣдствіе отмѣны крѣпостныхъ отношеній, сочли землепашество невыгоднымъ занятіемъ и во множествѣ покинули его; только немногіе изъ нихъ начинаютъ теперь дѣло съизнова, болѣе раціональнымъ путемъ: вмѣсто того, чтобъ обработывать какъ можно больше земли безъ всякаго соображенія съ количествомъ затрачиваемаго труда, они ограничиваются сравнительно малымъ пространствомъ, но стараются обработывать его хорошо. По мнѣнію автора, прибыль, даже и въ этомъ случаѣ слишкомъ незначительна, чтобъ побудить многихъ землевладѣльцевъ дѣлать подобныя же попытки; вѣрнѣе, что пахатная земля въ этой части страны постепенно перейдетъ въ руки крестьянъ, которые часто извлекаютъ чистый доходъ съ земли даже и въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ хозяйничаетъ на ней въ убытокъ себѣ. Процесъ этотъ, по мысли автора, пойдетъ гораздо скорѣе нынѣшняго, если только покупка малыхъ земельныхъ участковъ соединена будетъ съ меньшими формальностями и издержками. Землевладѣльцы двухъ южныхъ полосъ не несутъ вовсе никакого денежнаго ущерба вслѣдствіе эмансипаціи, если принять въ соображеніе экономическія перемѣны, происшедшія съ тѣхъ поръ. Многіе изъ нихъ получаютъ теперь гораздо болѣе дохода, чѣмъ при крѣпостныхъ, частію посредствомъ хозяйства съ вольнонаемнымъ трудомъ, частію путемъ сдачи земель крестьянамъ. Если же, при всемъ томъ нѣкоторые помѣщики даже въ южныхъ полосахъ могутъ сказать, что освобожденіе крестьянъ ихъ раззорило, то это тѣ, которые жили хотя въ своихъ имѣніяхъ, но въ роскоши и въ долгъ, или въ городахъ, получая и проживая большіе доходы съ имѣній, ушедшихъ потомъ съ аукціона на удовлетвореніе кредиторовъ. Эти люди держались тогда, какъ держатся несостоятельные купцы, перебиваясь новыми займами, росписками и тому подобными безнадежными средствами. Для такихъ помѣщиковъ освобожденіе крестьянъ при-

несло съ собою минуту разсчета: не оно раззорило ихъ, но указало, что они раззорены. Нѣсколько сходно положеніе и тѣхъ людей, которые хотя были еще состоятельны въ эпоху реформы, но потомъ жили безпечно, не соображая своихъ средствъ съ наступившими новыми отношеніями. Кто съумѣлъ удержаться отъ крушенія въ эпоху кризиса, тотъ испытываетъ на себѣ благотворное моральное значеніе реформы, которая уничтожила ограды, охранявшія даже и безпечныхъ людей отъ раззоренія, и заставила землевладѣльцевъ обращать больше вниманія на тѣ простыя элементарныя начала, которыя составляютъ основу каждаго благоустроеннаго, цивилизованнаго общества. Другими словами: крестьянская реформа имѣла на помѣщиковъ воспитательное вліяніе, и, судя по современному направленію нашихъ аграрныхъ дѣлъ, бывшимъ помѣщикамъ уже теперь не приходится жалѣть о перемѣнѣ, а въ близкомъ будущемъ, вѣроятно, придется жалѣть еще менѣе.

Н. Поповскій.

РАЗДАЧА НАСЕЛЕННЫХЪ ИМѢНІЙ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Всѣмъ извѣстно, что населенныя имѣнія жаловались при Екатеринѣ II въ громадныхъ размѣрахъ; но на основаніи отрывочныхъ данныхъ по этому предмету, разбросанныхъ въ различныхъ печатныхъ источникахъ, невозможно было опредѣлить даже приблизительно, сколько въ это время было роздано крестьянъ. Найти опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ можно было только однимъ путемъ: перебравъ всѣ именные указы императрицы о пожалованіи имѣній, которые разсѣяны среди множества другихъ распоряженій, не имѣющихъ никакого отношенія къ раздачѣ имѣній. Мы это и сдѣлали, и собранныя нами свѣдѣнія, основанныя на подлинныхъ именныхъ указахъ, представляютъ все то, что могли дать оффиціальные матеріалы по этому вопросу. Такъ какъ правильность выводовъ, которые будутъ сдѣланы въ настоящемъ очеркѣ, прежде всего зависитъ именно отъ того, дѣйствительно ли полны собранныя нами свѣдѣнія о пожалованіи имѣній, то мы, по необходимости, должны сказать нѣсколько словъ о матеріалахъ, которые легли въ основаніе нашего изслѣдованія, чтобы убѣдить читателей, что другихъ болѣе полныхъ источниковъ быть не можетъ.

Собраніе подлинныхъ именныхъ указовъ Екатерины II сенату, расположенныхъ въ строго-хронологическомъ порядкѣ, состав-

ляетъ за все царствованіе около 70 большихъ томовъ. Оно сохранилось весьма хорошо и представляетъ небольшой пробѣлъ только за мартъ и апрѣль мѣсяцы 1764 года. Но эта потеря для насъ маловажна, во-первыхъ, потому, что въ этомъ году раздача имѣній производилась въ весьма ничтожномъ количествѣ, а во-вторыхъ, потому, что нѣкоторые происшедшіе такимъ образомъ пропуски мы могли возстановить по другимъ даннымъ.

Гораздо болѣе важнымъ препятствіемъ, при подведеніи точныхъ итоговъ всего числа пожалованныхъ крестьянъ, могло бы послужить другое обстоятельство: въ указахъ довольно часто не обозначено количество жалуемыхъ крестьянъ, а сказано только въ какой губерніи и провинціи и какія имѣнія жалуются [1]. Вслѣдствіе этого, многіе изъ именныхъ указовъ о пожалованіи потеряли бы для насъ половину своей цѣны, еслибы нельзя было опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, сколько душъ было въ томъ имѣніи, которое названо въ указѣ. Къ счастью, совершенно другіе неизданные матеріалы дали возможность въ большинствѣ случаевъ возстановить число крестьянъ въ пожалованномъ имѣніи. Такую услугу оказали намъ вѣдомости о числѣ дворянъ и принадлежащихъ имъ крестьянъ, собранныя въ 1777 году, изъ разныхъ провинцій Россіи, по секретному предписанію генералъ-прокурора. Изъ этихъ вѣдомостей не всѣ сохранились, а, быть можетъ, и не всѣ были доставлены; но, къ счастью, уцѣлѣли именно тѣ, которыя были намъ всего необходимѣе въ данномъ случаѣ, именно—вѣдомости о провинціяхъ, входившихъ въ составъ бѣлорусскихъ губерній. Пересматривая списки дворянъ этой мѣстности за 1777 годъ, мы встрѣчаемъ почти исключительно польскія фамиліи и находимъ въ каждой провинціи лишь небольшую групу русскихъ землевладѣльцевъ. Сравнивъ ихъ имена съ указами о пожалованіяхъ за 1773 по 1777, мы убѣдились, что почти всѣ безъ исключенія имѣнія, принадлежавшія въ 1777 году русскимъ землевладѣльцамъ въ Бѣлоруссіи, были пріобрѣтены путемъ пожалованія. Съ помощью этихъ вѣдомостей было почти всегда возможно пополнить пробѣлы о числѣ пожалованныхъ крестьянъ, какіе попадались въ именныхъ указахъ до 1777 года. Наконецъ, нѣсколько другихъ дополненій возможно было сдѣлать на основаніи различныхъ отрывочныхъ свѣдѣній, разбросанныхъ во всевозможныхъ какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ источникахъ, причемъ, однако, мы всегда относились критически къ источникамъ неоффиціальнымъ [2].

---

[1] Особенно часто такой пропускъ мы встрѣчаемъ за періодъ времени съ 1773 по 1777 годъ, при раздачѣ имѣній въ Бѣлоруссіи.

[2] Замѣтимъ, что изъ 383 пожалованій въ наслѣдственную собственность, произведенныхъ въ теченіи всего царствованія Екатерины, только въ 18-ти намъ не удалось опредѣлить ихъ размѣровъ, и потому относительно этихъ послѣднихъ пожалованій, при подведеніи окончательнаго итога, придется принять приблизительныя данныя.

Послѣ всей этой подготовительной работы, мы могли составить списокъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ лицъ, получившихъ при Екатеринѣ населенныя имѣнія, съ обозначеніемъ числа душъ въ имѣніи, мѣстности, въ которой было дано пожалованіе, рода имѣній, изъ которыхъ оно было произведено, мотива пожалованія, если онъ былъ обозначенъ въ указѣ, и, наконецъ, точнымъ указаніемъ источниковъ, откуда былъ заимствованъ каждый отдѣльный фактъ. Со временемъ, мы напечатаемъ этотъ списокъ; теперь же познакомимъ читателей только съ общими выводами, полученными нами, какъ результатъ этой работы.

Относительно раздачи населенныхъ имѣній, царствованіе Екатерины II можно раздѣлить на три періода: 1) отъ 1762 по 1772 годъ, когда правительству приходилось отъискивать для пожалованія свободныя имѣнія въ Великороссіи и Малороссіи, гдѣ уже большинство имѣній было роздано въ предшествовавшія царствованія; 2) отъ 1773 до половины 1795, когда съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи нашлись новыя населенныя земли, пригодныя для раздачи, которыми правительство немедленно воспользовалось съ этою цѣлью; и наконецъ, 3) 1795 и 1796 годы, когда съ увеличеніемъ территоріи Россія присоединеніемъ Литвы и юго-западнаго края, стали жаловать имѣнія въ этихъ областяхъ. Собственно говоря, гранью между вторымъ и третьимъ періодами долженъ былъ бы служить 1793 годъ, когда совершился второй раздѣлъ Польши. Но хотя многія крупныя пожалованія были обѣщаны въ день празднованія мира съ турками, 2-го сентября 1793 года, указы объ этихъ пожалованіяхъ были подписаны только 18-го августа 1795 года, когда и началась раздача имѣній во вновь присоединенныхъ провинціяхъ. А въ 1793—1794 и первой половинѣ 1795 г. было еще нѣсколько случаевъ небольшихъ пожалованій въ Бѣлоруссіи и Финляндіи, которыя мы поэтому и относимъ ко второму періоду. Количество пожалованій распредѣляется между этими тремя періодами такимъ образомъ: на первый падаетъ 71 пожалованіе [1], на второй—216, на третій—96; слѣдовательно, въ первымъ періодѣ на каждый годъ, среднимъ числомъ, приходится 6 пожалованій; во второмъ—18, въ третьемъ—48. Разсмотримъ подробнѣе каждый изъ этихъ періодовъ.

Извѣстно, что, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императрицы, были произведены значительныя пожалованія лицамъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ переворотѣ. Изъ собственноручнаго росписанія императрицы видно, что первоначально

---

[1] Мы вездѣ говоримъ о пожалованіяхъ въ наслѣдственную собственность, не упоминая о пожизненныхъ пожалованіяхъ, которыхъ, впрочемъ, было весьма немного.

предполагалось наградить имѣніями только 19 человѣкъ и дать почти всѣмъ по 1000 душъ (всего 17,029 душъ) [1], а остальныхъ наградить деньгами и чинами; но потомъ многіе, вмѣсто денегъ, вѣроятно по собственному желанію, получили имѣнія. Словомъ, вмѣсто 19-ти человѣкъ, были награждены населенными имѣніями въ полное и потомственное владѣніе 29 лицъ, причемъ общая цифра пожалованныхъ крестьянъ мало измѣнилась: именно, было роздано 18,752 души [2], такъ что каждый получилъ менѣе, чѣмъ предполагалось прежде, именно отъ 250 до 1000 душъ. Наибольшее пожалованіе получилъ гардеробмейстеръ Василій Шкуринъ, въ семействѣ котораго воспитывался потомъ графъ Ал. Гр. Бобринскій. (Судьба послѣдняго озабочивала Екатерину съ самаго младенчества) [3]. Изъ 18,752 душъ, розданныхъ въ вознагражденіе за содѣйствіе императрицѣ при вступленіи ея на престолъ, 11,951 д. были даны изъ дворцовыхъ вотчинъ, 5,229 д., изъ собственныхъ государевыхъ вотчинъ, а изъ какихъ имѣній было произведено пожалованіе двумъ лицамъ—неизвѣстно.

Въ теченіи всего перваго періода (1762—1772) было пожаловано 56,346 душъ м. п., кромѣ того, 876 крестьянскихъ дворовъ и 53 бобыльскія хаты въ Малороссіи, 78 гаковъ въ Лифляндіи и, наконецъ, количество душъ при трехъ пожалованіяхъ неизвѣстно. Что касается крестьянскихъ дворовъ въ Малороссіи, то въ каждомъ изъ нихъ было среднимъ числомъ 4 д. м. п, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по 5 и 6 д. м. п. [4]; но мы примемъ, согласно съ обычнымъ опредѣленіемъ правительства, по 4 души, а въ бобыльской хатѣ будемъ считать по 1 душѣ; тогда въ крестьянскихъ дворахъ и бобыльскихъ хатахъ получимъ 3,557 душъ. Что касается лифляндскихъ гаковъ, то на каждомъ изъ нихъ жило во второй половинѣ прошлаго столѣтія среднимъ числомъ 30 д. м. п. [5], слѣдовательно, въ 78 гакахъ получимъ 2,340 душъ. Неизвѣстны размѣры трехъ пожалованій, между прочимъ, генералу Вейсману и генерал-квартирмейстеру Боуру; положимъ, что въ нихъ было 4,000 д. Итого, во весь первый періодъ было роздано 66,243 души. Самыя крупныя пожалованія въ это время достались на долю графовъ Орловыхъ.—Къ концу этого періода до такой степени чувствовался недостатокъ въ имѣніяхъ, нужныхъ

[1] Сбор. Ист. Об. VII т. 109—110.

[2] При вступленіи на престолъ Елизаветы, было роздано лейб-кампанцамъ на 299 человѣкъ—13,930 душъ (П. С. З. т. XI. №№ 8,491 и 8,666); между прочимъ, 258 рядовыхъ были сдѣланы помѣщиками, каждый въ 29 душъ.

[3] Сбор Ис. Об. т. VII стр. 122 пр.

[4] См. Лазаревскій: «Малороссійскіе посполитые крестьяне» Зап. Чер. Стат. Ком. кн. I стр. 138—141. Обозрѣніе Румян. Опис. Мал. Черниговъ 1867. вып. II, стр. 221.

[5] См. *Hagemeister*. Ueber die ehemalige Bedeutung eines Livländischen Hakens und die verschiedenen Hakenrevisionen. Livl. jahrbücher der Landwirth. B. II', S. 20. О значеніи гака срав. *Самаринъ*. Окраины Россіи, вып. VI, стр. 3—6.

для пожалованія, что иной разъ приходилось нарочно покупать помѣстья у разныхъ лицъ, чтобы немедленно послѣ того отдать ихъ въ пожалованіе.

Въ періодъ времени съ 1773 до половины 1795 года было роздано всего 172,646 душъ, 422 двора и 146 гаковъ; переводя дворы и гаки указаннымъ выше способомъ на число душъ, получимъ всего 182,730 душъ м. н. Кромѣ того, въ 14-ти пожалованіяхъ намъ неизвѣстно число душъ и въ одномъ не вполнѣ извѣстно. Такъ какъ въ томъ числѣ находится одно пожалованіе Потемкину, то мы можемъ принять, что въ этихъ послѣднихъ пожалованіяхъ было не менѣе 20,000 душъ. Итого, въ теченіи всего періода было роздано 202,730 душъ, по большей части въ бѣлорусскихъ губерніяхъ.

Какъ въ концѣ второго періода чувствовался большой недостатокъ въ имѣніяхъ для раздачи въ пожалованіе, такъ и къ 1793 году были уже сильно истощены въ Бѣлоруссіи имѣнія, пригодныя для раздачи. Когда 2-го сентября 1793 года, въ день празднованія заключенія мира съ Турціей, былъ торжественно провозглашенъ списокъ имѣній, пожалованныхъ 15-ти лицамъ, то раздавать, собственно говоря, было еще нѣчего. Правда, мѣсяца за полтора до этого, гродненскій сеймъ уже былъ вынужденъ подписать договоръ, по которому Россіи уступалась значительная часть польской территоріи, но трактатъ съ Пруссіею, возбуждавшій еще большее сопротивленіе, далеко не былъ заключенъ. Еслибы сеймъ могъ показать болѣе упорства или вмѣшалась бы какая другая держава, правительство было бы поставлено въ весьма затруднительное положеніе, какъ исполнить свои обѣщанія. 12-го сентября 1793 года, состоялось знаменитое нѣмое засѣданіе гродненскаго сейма, и договоръ съ Пруссіей сочли заключеннымъ. Быстро шли затѣмъ событія: не прошло и двухъ лѣтъ, какъ взята была Варшава, а тамъ послѣдовалъ и третій раздѣлъ Польши.

Тогда настало время исполнить давно данныя обѣщанія. Кромѣ пожалованій, назначенныхъ въ день празднованія мира съ Турціей, о чемъ мы уже упоминали, въ разное время, съ сентября 1793 по 1-е января 1795 г., были назначены крупныя пожалованія 18-ти лицамъ: нужно было только точно указать ихъ размѣръ и мѣстность, гдѣ они были даны. Такимъ образомъ, алчущихъ и жаждущихъ было уже много, но къ прежнимъ спискамъ было прибавлено еще 37 лицъ, и вотъ, 18-го августа 1795 года, въ день, знаменитый въ лѣтописяхъ пожалованія населенныхъ имѣній, императрица за одинъ разъ подписала множество указовъ, по которымъ было роздано всего въ Минской Губерніи, Литвѣ, Юго-Западномъ Краѣ и остзейскихъ губерніяхъ около 104,000 душъ. Въ довольно почтенныхъ размѣрахъ производились пожалованія и въ слѣдующемъ 1796 году. Въ годовщину восшествія на престолъ, 28 іюня 1796 года, императрица за четыре мѣсяца до своей смерти, въ одинъ пріемъ

подписала 16 указовъ, по которымъ было роздано въ той же мѣстности, какъ и въ 1795 году, 18,787 душъ. Всего же, указами, подписанными съ 18-го августа 1795 года до 25-го іюля 1796 года, когда состоялся послѣдній екатерининскій указъ о пожалованіи, было роздано 121,580 душъ, 35⅞ лифляндскихъ гаковъ, 45⅛ эзельскихъ, 350 дворовъ и 1 замокъ въ Курляндіи, что составитъ приблизительно 130,000 душъ.

Раздача имѣній въ земляхъ, вновь присоединенныхъ отъ Польши, производилась съ такимъ усердіемъ, что, уже въ концѣ августа 1795 года, по словамъ Трощинскаго въ письмѣ къ Рѣпнину, «по новымъ четыремъ губерніямъ (Подольской, Волынской, Брацлавской и Минской), почти не осталось уже ничего къ раздачѣ, кромѣ тѣхъ староствъ, которыя по смерти нынѣшнихъ дожизненныхъ владѣльцевъ, поступятъ въ казну. «Отъ васъ теперь, пишетъ онъ Рѣпнину, управлявшему Литвою:—ожидаютъ подробныхъ вѣдомостей, какъ о староствахъ, такъ о конфискованныхъ имѣніяхъ и о монастырскихъ, и прочихъ духовныхъ лицъ заграничныхъ». Но Рѣпнину приходилось отвѣчать, что «заграничныхъ монастырей и духовенства совсѣмъ нѣтъ, потому что вся Литва взята и всѣ чиновники духовные здѣсь свое пребываніе всегда имѣли... Съ Польшею же Литва, какъ особое государство, николи, ниже по духовенству и имѣніямъ его не смѣшивалось, слѣдственно конфискацій почти нѣтъ. А притомъ, признаюсь вамъ, что какъ конфискаціи, такъ конфискованныя деревни тѣ отвратительны. Но здѣсь есть экономіи, еще осталось ихъ тысячъ до 30 душъ, нѣсколько староствъ упраздненныхъ и прочія деревни казенныя. Все вмѣстѣ тысячъ до 40, которыя раздать можно» [1]. Имѣнія эти, разумѣется, не замедлили пустить въ ходъ.

Подведемъ общій итогъ пожалованіямъ за все царствованіе: въ первый періодъ было роздано 66,243 души, во второй—202,730 душъ, въ третій—130,000 итого 398,973 д.; но такъ какъ вездѣ, гдѣ мы не имѣли точныхъ данныхъ, мы брали весьма умѣренныя числа, то, принявъ общій итогъ пожалованіи въ 400,000 душъ мужескаго пола, мы получимъ скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе того, что было роздано въ дѣйствительности, а слѣдовательно, обоего пола было роздано болѣе 800,000 душъ.—Съ 1796 по 1858 годъ народонаселеніе Россіи болѣе, чѣмъ удвоилось [2]; это произошло, конечно, не отъ одного естественнаго прироста, а также и вслѣдствіе присоединенія къ Россіи Царства Польскаго и Финляндіи, но, все-таки, мы можемъ приблизительно принять, что 800,000 душъ, розданныхъ при Екатеринѣ, превратились ко времени освобожденія крестьянъ въ 1.000,000 душъ обоего

[1] «Сбор. Ис. Об.» т. XVI, 283, 286.

[2] По пятой ревизіи (1796 г.) считаютъ населеніе Россіи въ 36 милл. по десятой (1858 г.)—74 милл. *Германъ*. Статистическія изслѣдованія т. I, 1819 г., стр. 19, *Лиеронъ*. Ст. Обоз. Рсс. Имп. 1875 г., стр. 28.

пола, тѣмъ болѣе, что двѣ трети крестьянъ было роздано при Екатеринѣ до четвертой ревизіи (1782 г.), и отъ времени пожалованія до пятой ревизіи въ крестьянскомъ населеніи розданныхъ имѣній естественно накопился значительный приростъ. А такъ какъ по десятой ревизіи было 22 мильйона душъ крѣпостныхъ обоего пола [1], то оказывается, что почти одна четырнадцатая этого количества крестьянъ была передана въ собственность частныхъ лицъ, въ теченіи одного царствованія императрицы Екатерины.

Разсмотримъ теперь, изъ какихъ имѣній производились пожалованія. Мы уже видѣли, что большая часть лицъ, заявившихъ свое усердіе при вступленіи на престолъ Екатерины, получили имѣнія изъ *дворцовыхъ вотчинъ*. Изъ нихъ и позднѣе производились пожалованія. Такъ, въ 1771 году гр. Орлову было дано изъ дворцовыхъ крестьянъ 4,000 душъ; въ 1764 году бригадиру Подгоричани—682 д. въ Бѣлгородской Губерніи изъ приписанныхъ ко дворцу и т. д. [2]. Всего изъ дворцовыхъ имѣній въ Великороссіи было роздано около 36,000, въ Бѣлоруссіи—22,500 душъ (въ томъ числѣ, мѣстечко Кричевъ съ 13,674 д., которое, по присоединеніи Бѣлоруссіи, было зачислено въ составъ дворцовыхъ имѣній, а потомъ отдано Потэмкину) [3].

Точно также производились пожалованія изъ *собственныхъ государевыхъ вотчинъ*. Такъ было еще при Петрѣ Великомъ, такъ дѣлалось и при Петрѣ III. Въ шестимѣсячное царствованіе послѣдняго государя, было роздано 13,066 душъ собственныхъ государевыхъ крестьянъ, въ томъ числѣ 6,039 душъ въ Новгородскомъ Уѣздѣ было дано императрицѣ Екатеринѣ, а 4,708 д. гр. Елизаветѣ Воронцовой. Любопытно, что хотя Воронцова получила мѣньшее число душъ, но ея имѣнія приносили болѣе доходу. Съ имѣній, данныхъ императрицѣ, получалось до того времени 3,130 р. въ годъ, а съ имѣній, пожалованныхъ Воронцовой—4,202 р.; это совершенно понятно, такъ какъ Воронцова, между прочимъ, получила извѣстное промышленное село Кимру (тогда Кашинскаго, нынѣ Корчевскаго Уѣзда), которое одно приносило 3,000 р. доходу [4]. Ко времени вступленія на престолъ

---

[1] Тройницкій. «Крѣпостное населеніе Россіи по десятой переписи». С.-Петербургъ, 1861 г.

[2] Былъ случай пожалованія изъ дворцовыхъ имѣній всего 1 души: такъ надѣленъ былъ въ 1762 году, полковникъ Опицъ изъ важескихъ дворцовыхъ волостей.

[3] Раздача крестьянъ изъ дворцовыхъ вотчинъ производилась до Екатерины II въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что при Петрѣ I было роздано разнымъ лицамъ съ 1682—1711 г. изъ дворцовыхъ волостей 43,655 дворовъ съ 338,960 чет. пашни (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т. I, прилож. № 12). При Петрѣ III, изъ дворцовыхъ имѣній было пожаловано въ 1762 году болѣе 5,000 душъ.

[4] Екатерина, въ октябрѣ 1762 г., подтвердила это пожалованіе, но не на имя Елизаветы Воронцовой, а на имя ея матери.

Екатерины II оставалось нерозданныхъ государевыхъ крестьянъ 62,052 д., изъ которыхъ иногда и производились пожалованія. Такъ, изъ этихъ вотчинъ братья Орловы получили въ 1762 году 2,929 д., а черезъ два года гр. Орловъ получилъ мызу Ропшу, ту самую, въ которой умеръ Петръ III, и нѣкоторыя другія.

Третьимъ источникомъ пожалованій были имѣнія *конфискованныя* или *отписныя* и *вымороченныя*, находившіяся въ вѣдомствѣ особой канцеляріи конфискаціи. Отписывались имѣнія за недоимки, за долги банку, за разныя вины владѣльцевъ, а въ предшествовавшія царствованія особенно часто у вельможъ, впадавшихъ въ немилость при перемѣнѣ правительства. Екатерина не любила возвращать конфискованныхъ имѣній, но зато не отнимала вотчинъ и у тѣхъ, кто подвергся опалѣ со вступленіемъ ея на престолъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи она послѣдовала только примѣру Петра III. Жалованною грамотою дворянству была окончательно отмѣнена конфискація, и послѣ того она допускалась лишь за участіе въ бунтѣ, заговорѣ противъ верховной власти или государственной измѣнѣ [1]. Поводы къ конфискаціи, впрочемъ, скоро нашлись, и при присоединеніи отъ Польши земель по второму раздѣлу было секвестровано много имѣній лицъ, участвовавшихъ въ «бывшемъ польскомъ мятежѣ».

Система секвестраціи, принятая въ это время правительствомъ, вызывала неудовольствіе въ нѣкоторыхъ весьма высокопоставленныхъ лицахъ русской служебной іерархіи. Въ маѣ 1795 г. Т. И. Тутолминъ, исправлявшій должность генералъ-губернатора минскаго, брацлавскаго, волынскаго и подольскаго, написалъ изъ Петербурга Н. В. Рѣпнину, управлявшему Литвою, что о секвестрованіи имѣній разсуждали въ совѣтѣ и что въ повелѣніи, данномъ ему, предписано: «всѣ имѣнія, принадлежащія явнымъ преступникамъ, взять въ казну; староства тѣхъ владѣльцевъ, которые при утвержденіи права владѣнія оными въ предѣлахъ имперіи не находились, равномѣрно отобрать, отлучнымъ владѣльцамъ, кои до 1-го января сего года возвратилися, секвестрованныя ихъ помѣстья возвратить, а тѣмъ, которые и до днесь не пріѣхали изъ-за границы, приказано продать въ годовой срокъ». Рѣпнинъ отвѣчалъ на это Тутолмину, что онъ опечаленъ несправедливою строгостью рѣшенія совѣта. «По истинѣ могу сказать, продолжаетъ онъ:—что оное не соотвѣтствуетъ правиламъ и сердцу нашей премилосердой законодательницы. Справедливо наказать явныхъ преступниковъ, но дѣти ихъ виновны ли и можно ли лишить ихъ наслѣдства, имъ слѣдующаго, когда и наши законы точно преступленія родителей на дѣтей не распространяютъ? Прибавьте къ сему женъ, сестеръ незамужнихъ и прочихъ безвинныхъ наслѣдниковъ. Отдѣлите притомъ тѣхъ

---

[1] Срав. Побѣдоносцевъ. «Курсъ гражданскаго права», т. I, стр. 383—384.

помѣщиковъ, которые имѣли имѣнія, какъ у насъ, такъ въ Польшѣ. Какимъ образомъ имъ было къ намъ въ границу въѣзжать, не подвергнувъ совершенному истребленію ихъ имѣнія?.. Лучше и честнѣйше въ ихъ положеніи было то, чтобъ удалиться въ чужіе краи, дабы не быть невѣрнымъ ни которому отечеству. Сверхъ того, многіе уже и были въ чужихъ краяхъ, отдаляясь отъ всѣхъ замѣшательствъ, бывшихъ въ послѣдніе годы въ Польшѣ. Слѣдственно, они въ тѣхъ замѣшательствахъ участія не имѣли... а потому, какъ же ихъ наказывать за невозвращеніе въ наши границы, какъ самихъ мятежниковъ, отнятіемъ старостствъ, имъ уже утвержденныхъ, и принужденіемъ продать ихъ деревни въ срочное время, конечно, за безцѣнокъ. Развѣ русскіе люди не имѣли у себя собственнаго своего, чѣмъ имъ жить пристойно? Развѣ и куска хлѣба у нихъ своего нѣтъ? Не хочу я полякамъ ту честь отдать, чтобы они насъ кормили, когда мы—побѣдители, и считаемъ себя быть лучше ихъ во всемъ. «Я совершенно увѣренъ, писалъ дальше Рѣпнинъ, вѣроятно, надѣясь, что его мысли будутъ переданы императрицѣ:—что наша великодушная, справедливая и премилосердая государыня не будетъ одного мнѣнія съ симъ рѣшеніемъ, и что ея рѣшенія докажутъ свѣту и намъ, какъ и всегда то было, что она слѣдуетъ правиламъ, которыхъ мы, по нашему мелкодушію, достигать не умѣемъ. Вотъ моя мысль... и я ее, какъ основанную на внутреннемъ убѣжденіи совѣсти, не скрываю и ни передъ кѣмъ скрывать не буду» [1]. Однакожъ, ожиданія Рѣпнина не оправдались, и въ провинціяхъ, присоединенныхъ отъ Польши по второму раздѣлу, изъ однихъ секвестрованныхъ имѣній было роздано разнымъ лицамъ въ 1795—1796 гг. болѣе 30,000 душъ. Лишь весьма немногимъ полякамъ удавалось выхлопотать возвращеніе отнятыхъ у нихъ имѣній, и то не всегда въ полномъ объемѣ [2].

Кромѣ указанныхъ нами выше разрядовъ вотчинъ: дворцовыхъ, государевыхъ, конфискованныхъ и выморочныхъ, крестьяне жаловались еще *изъ казенныхъ имѣній*. Такъ, въ 1777 году Г. А. Потемкинъ получилъ въ потомственное владѣніе мызу Осиновую Рощу, состоявшую въ вѣдомствѣ петербургской губернской канцеляріи. Въ Остзейскомъ Краѣ имѣнія жаловались обыкновенно изъ коронныхъ маетностей. Въ Малороссіи раздавались коронныя маетности, а также урядовыя, ранговыя. Особенно много имѣній изъ отдававшихся прежде на урядъ получилъ Безбородко. Въ Бѣлоруссіи, послѣ перваго раздѣла Польши, раздавались въ громадномъ количествѣ коронныя старостства [3].

---

[1] «Сбор. истор. об.», т. XVI, 190, 197—198.

[2] Нѣкоторые примѣры возвращенія имѣній при Екатеринѣ. См. «Сбор. ист. об.», т. XVI, 237, 343. При Павлѣ—ibid. 548.

[3] Старостствами въ Рѣчи Посполитой назывались государственныя имущества, раздаваемыя королемъ первѣйшимъ польскимъ магнатамъ въ пожизнен-

Въ областяхъ, присоединенныхъ по второму и третьему раздѣлу, жаловались имѣнія, поступившія въ казну: это были или прежнія королевскія имѣнія, или принадлежавшія католическому и уніатскому духовенству и монастырямъ, или конфискованныя у лицъ, «участвовавшихъ въ мятежѣ». О послѣднемъ разрядѣ имѣній мы уже упоминали. Что касается вотчинъ духовенства, то тутъ были имѣнія, принадлежавшія прежде католическимъ епископамъ: виленскому, владимірскому, заграничному епископу триполитанскому, разнымъ суффраганамъ, каноникамъ и плебанамъ, капитуламъ виленской, жмудской, луцкой, архидіаконіи виленской, ксензамъ, миссіонерамъ, монастырямъ доминиканскимъ, бенедиктинскимъ и базиліанскимъ, наконецъ, уніатскому митрополиту и его суффрагану [1]. Относительно Великороссіи слѣдуетъ еще замѣтить, что мы встрѣчаемъ по одному случаю пожалованія казенныхъ крестьянъ: ясашныхъ, приписанныхъ къ госпиталю, бывшихъ во владѣніи сухопутнаго шляхетнаго корпуса и находившихся въ вѣдомствѣ канцеляріи строенія государственныхъ дорогъ. Жаловались, наконецъ, имѣнія, нарочно купленныя для пожалованія.

Вотъ всѣ разряды крестьянъ, изъ которыхъ производились пожалованія. Въ нашей литературѣ высказывалось мнѣніе, что Екатерина раздала множество такъ называемыхъ *экономическихъ крестьянъ*, т. е. принадлежавшихъ прежде православному духовенству и монастырямъ; дворянство, по словамъ нашего извѣстнаго историка русской церкви г. Знаменскаго, сочувствовало секуляризаціи церковныхъ имѣній, такъ какъ «ему не трудно было догадаться, что, при тогдашнемъ стремленіи правительства къ возвышенію дворянства, къ обширной раздачѣ ему населенныхъ земель и къ закрѣпощенію свободныхъ людей изъ подлаго народа за какимъ-нибудь владѣльцемъ, души, освобожденныя отъ крѣпостнаго права церковнаго, бо̀льшею частью перейдутъ въ руки его же, россійскаго дворянства» [2]. Это предположеніе г. Знаменскаго совершенно неосновательно; изъ экономическихъ крестьянъ вовсе не производилось пожалованія при Екатеринѣ II. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что, такъ какъ лицу, получающему пожалованіе, нерѣдко давалось право выбрать имѣніе по своему усмотрѣнію, то бывали случаи, что просили пожаловать экономическія деревни. Однако, правительство, если и исполняло такую просьбу, то, взамѣнъ пожалованныхъ деревень, отдавало такое же количество крестьянъ въ вѣдомство коллегіи экономіи, чтобы число экономическихъ крестьянъ не уменьшалось.

ное владѣніе, съ обязательствомъ вносить въ казну четвертую часть доходовъ. *Де-Пуле*. Послѣдній польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій. «Заря» 1871 г., № 7, стр. 238.

[1] Нѣкоторыя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ имѣніяхъ въ Литвѣ можно найти въ только-что названной нами статьѣ г. Де-Пуле.

[2] Чтенія изъ исторіи русской церкви. Прав. Соб. 1875 г. февраль, стр. 142.

Такихъ случаевъ было всего три, и всѣ они относятся къ пожалованію имѣній братьямъ Орловымъ [1]. Очевидно, только для людей особенно близкихъ, Екатерина согласилась, хотя бы путемъ обмѣна, нарушить принципъ неприкосновенности бывшихъ духовныхъ имѣній, котораго она, вѣроятно, придерживалась именно изъ опасенія услышать отъ духовенства то обвиненіе, которое теперь несправедливо дѣлаютъ ей историки церкви. Мы считаемъ необходимымъ сдѣлать эту фактическую поправку тѣмъ болѣе, что она показываетъ намъ ту осторожность, съ какою Екатерина поступала въ случаяхъ щекотливыхъ, хотя, само собою разумѣется, это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла.

Пожалованіе производилось всегда письменнымъ именнымъ указомъ сенату, который прочитывался въ засѣданіи перваго департамента и сообщался для свѣдѣнія въ третій. Нерѣдко въ указѣ выставлялся и мотивъ пожалованія; въ первомъ періодѣ это дѣлалось невсегда, а затѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще въ указахъ упоминалось, за какія заслуги давалось имѣніе; въ третьемъ же періодѣ всегда приводился мотивъ пожалованія. Въ оффиціальномъ извѣстіи въ газетахъ о наградахъ, данныхъ разнымъ лицамъ по восшествіи на престолъ Екатерины, сказано, что императрица оказала «особливые знаки своего благоволенія и милости» тѣмъ, «которые, по ревности для поспѣшенія благополучія народнаго, побудили самымъ дѣломъ ея величества сердце милосердое къ скорѣйшему принятію престола россійскаго и къ спасенію такимъ образомъ нашего отечества отъ угрожавшихъ ему бѣдствій». Въ другихъ случаяхъ, имѣніе жаловалось и за долговременную службу, за храбрость: гр. Румянцову въ 1770 году «за знаменитыя побѣды надъ непріятелемъ», гр. Алексѣю Орлову въ 1771 году «за Чесменскую баталію», гр. Никитѣ Панину въ 1773 году «за его намъ и отечеству при воспитаніи нашего любезнѣйшаго сына и наслѣдника Е. И. В. государя цесаревича Павла Петровича вѣрную и прилежную службу», гр. П. М. Голицину въ 1774 году «за разбитіе при Татищевѣ злодѣевъ», кн. Вяземскому въ 1775 году по заключеніи мира съ Турціей «за трудолюбіе и ревностное попеченіе, что во время войны денежные платежи исправно текли». Но въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины мотивъ пожалованія выражался гораздо подробнѣе. Приведемъ два примѣра. Въ 1788 году, въ одномъ изъ указовъ императрицы сказано: «въ воздаяніе усердной службы и отличному мужеству командующаго легкимъ флотомъ нашимъ на Лиманѣ принца Нассау Зигена, который не токмо въ 7-ой день сего іюня знатную надъ непріятелемъ одержалъ поверхность, но послѣ 17-го того же мѣсяца и совершенную получилъ побѣду надъ флотомъ турецкимъ, самимъ капитанъ пашою предводи-

[1] Былъ также случай, что правительство разрѣшило обмѣнить помѣщичье имѣніе на экономическую вотчину; это дозволено было сдѣлать въ 1771 году гр. Захару Чернышеву.

мымъ, истребилъ 6 линейныхъ кораблей и взялъ 2 таковыхъ же съ многочисленнымъ плѣномъ, пожаловали мы ему» и проч. Въ 1795 году жалуются деревни: «нашему генералу, аншефу кн. Николаю Рѣпнину за усердное служеніе и за доброе распоряженіе войсками, начальству его ввѣренными, посредствомъ коихъ онъ вездѣ предуспѣлъ одержать поверхность надъ мятежниками польскими, занять черту, ему предписанную, очистить край въ Литвѣ и въ немъ возстановить тишину». Нерѣдко такіе указы писались императрицею собственноручно.

Иногда, напротивъ, при весьма крупныхъ пожалованіяхъ не указывается никакого мотива: такъ, напр. при пожалованіи Гр. Орлову Гатчины въ 1762 году, Ропши въ 1764, мызы Роненбургъ въ 1767, [1] камергеру Ал. Васильчикову въ 1774. При пожалованіи П. Завадовскому въ 1774 г, одинъ разъ совсѣмъ не указано мотива, а въ другой—только сказано «по его прошенію». При пожалованіяхъ Гр. Потемкину въ 1777 и 1785, Зоричу въ 1777, дѣйствительному камергеру Римскому-Корсакову въ 1779, Александру Ермолову 1786 также не указано, за какія заслуги они получали награды. Въ 1795 гр. Пл. Зубову было дано болѣе 13,000 душъ «за похвальные, усердные и ревностные труды его, паче же за дѣло возвращенія и соединенія древнихъ россійскихъ областей».

Форма указа о пожалованіи была обыковенно такова: «Всемилостивѣйше жалуемъ (такія-то села и деревни) въ полное, и потомственное (или въ вѣчное и наслѣдственное) владѣніе со всѣми землями, лѣсами и всякими принадлежащими угодьями». Иногда тоже самое выражается нѣсколько подробнѣе: напр. жалуется Румянцеву имѣніе въ Малороссіи «со всѣми къ онымъ селамъ, деревнямъ и хуторамъ принадлежащими крестьянами и бобылями и со всѣми къ нимъ принадлежностями, т. е. мельницами, рыбными ловлями, полями, лѣсами, сѣнокосами и прочими угодьями»; или напр. даютъ Завадовскому въ Бѣлоруссіи четыре фольварка съ принадлежащими къ онымъ селами, деревнями и прочими селеніями, мельницами, лѣсами, пашенными землями, сѣнными покосами, всякаго званія угодьями и со всею въ тѣхъ фольваркахъ хозяйственною наличностью». Это прибавленіе съ «хозяйственною наличностью» особенно часто встрѣчается въ указахъ 1795—1796 годахъ при раздачѣ имѣній въ земляхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Нужно замѣтить, что, при передачѣ имѣній въ руки новыхъ владѣльцевъ, въ этой послѣдней мѣстности имъ отдавались и непоступившіе въ казну помѣщичьи доходы, собранные во время казеннаго управленія.

Случалось, что въ пожалованномъ имѣніи оказывалось болѣе

---

[1] Гр. Орловъ въ 1771 году получилъ 6000 душъ, по словамъ указа императрицы, «въ разсужденіе великихъ заслугъ и ревности къ намъ и отечеству».

*

душъ, чѣмъ предполагали; тогда обыкновенно императрица жаловала и ихъ новому владѣльцу.

Когда истощились имѣнія, пригодныя для пожалованія, то приходилось давать помѣстья весьма дробными частями. Такъ, напр., въ 60-хъ годахъ награждать имѣніями въ Великороссіи было уже весьма затруднительно, если не хотѣли касаться крупныхъ дворцовыхъ вотчинъ, и потому приходилось давать по немногу въ разныхъ уѣздахъ [1]. Тоже приходилось дѣлать въ началѣ 90-хъ годовъ и въ Бѣлоруссіи послѣ того, какъ тамъ было раздарено почти все, что можно было раздать.

Обыкновенно крестьянъ жаловали вмѣстѣ съ землею, на которой они были поселены. Но былъ одинъ случай пожалованія нѣсколькихъ крестьянъ, съ разрѣшеніемъ перевести на другое мѣсто: въ 1765 году, камердинеру императрицы Сахарову были даны изъ Ильинской мызы, находившейся прежде въ вѣдомствѣ придворной конюшенной конторы 5 русскихъ и 9 маймистовъ съ ихъ семействами съ тѣмъ, чтобы перевести ихъ въ Копорскій Уѣздъ на землю, ему принадлежавшую.

Иногда получившій жалованное имѣніе, почему либо имъ недовольный, просилъ о замѣнѣ его другимъ и такія просьбы исполнялись. Само собою разумѣется, что обращаться съ такимъ прошеніемъ рѣшались только лица, близко стоявшія къ императрицѣ. Такъ напр. генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій получилъ мызу Цербенъ въ Венденскмъ Уѣздѣ; но потомъ, по просьбѣ его, она была взята въ казну и причислена къ кроннымъ мызамъ, а вмѣсто того ему было дано дворцовое село въ Пензенскомъ Уѣздѣ. Особенною склонностью къ перемѣнѣ имѣній отличались братья Орловы, о чемъ мы скажемъ ниже.

Разныя лица, приближенныя ко двору, частенько сами выпрашивали себѣ имѣнія. Иногда эти просьбы отличались крайнею безцеремонностью. Безбородко, въ 1786 году, обратился съ такою просьбою чрезъ Потемкина. Несмотря на то, что, по его собственнымъ словамъ, онъ получилъ уже 7000 душъ, онъ желалъ имѣть еще деревни, прилегающія къ его малороссійскимъ имѣніямъ, и въ особенной запискѣ, приложенной къ его письму, перечислилъ до 100 названій. Чувствуя и самъ, что его желанія чрезмѣрны, Безбородко, чтобы смягчить свою просьбу, прибавляетъ: «чтобы не имѣла ея величество сомнѣнія по множеству названій деревень малороссійскихъ въ запискѣ, ваша свѣтлость скажете самую истину, что оставшіяся изъ нихъ за раздачею суть вовсе незавидныя, да и такія, въ коихъ и приращенія почти быть не можетъ» [1], Ему было вновь пожаловано 4,000 душъ.

---

[1] Такъ, напр., въ 1763 году секундъ-майору Жихареву было пожаловано изъ отписныхъ и вымороченныхъ въ Алексинскомъ Уѣздѣ 26 душъ, въ Елецкомъ 49, въ Шацкомъ 21, въ Казанскомъ въ одномъ селѣ 9, въ другомъ 28, въ Симбирскомъ 20—всего 153 души.

[1] Лебедевъ «Графы Панины». Спб. 1863 стр. 317—318.

При всеобщей жадности къ урыванію лакомыхъ кусковъ, было бы пріятною неожиданностью встрѣтить людей нетолько не выпрашивавшихъ подачекъ, но и отказывавшихся отъ назначенныхъ имъ пожалованій. И вотъ, намъ дѣйствительно говорятъ, что Н. В. Рѣпнинъ не принялъ предложенныхъ ему императрицею Екатериною 3000 душъ крестьянъ [1]. Но изъ именныхъ указовъ мы положительно видимъ, что 1 января 1795 года ему было пожаловано, а въ августѣ того же года окончательно назначено 4385 душъ въ Минской Губерніи; и въ теченіи полугода Рѣпнинъ и не думалъ отказываться отъ пожалованія. Точно также въ день коронаціи императора Павла князю Рѣпнину было дано 6000 душъ. Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ основаній вѣрить разсказу о безкорыстіи Рѣпнина въ этомъ отношеніи [2]. Кромѣ того, говорятъ, что П. Д. Еропкинъ не принялъ 4000 душъ, назначенныхъ ему за его дѣятельность во время чумы въ Москвѣ [3]. Дѣйствительно, имени Еропкина мы не находимъ въ числѣ лицъ, которымъ раздавались имѣнія. Масонъ Гамалѣя отказался взять въ награду за службу 3000 душъ крестьянъ [4]. Во всякомъ случаѣ, это—исключительныя явленія среди толпы царедворцевъ и вельможъ, выпрашивавшихъ разныя награды.

При обзорѣ трехъ періодовъ, указанныхъ нами въ исторіи раздачи населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II, мы привели уже общіе итоги всего числа пожалованныхъ крестьянъ. Теперь остановимся на нѣкоторыхъ лицахъ, получившихъ наибольшія пожалованія, и опредѣлимъ, сколько всего на все получило каждое изъ такихъ лицъ. За исключеніемъ Безбородко и Румянцова, это были всего чаще люди особенно близкіе къ императрицѣ, пользовавшіеся ея особеннымъ расположеніемъ. Посмотримъ, какъ награждала ихъ Екатерина.

Изъ людей, къ которымъ была расположена Екатерина до вступленія на престолъ [5], воспользовался этимъ расположеніемъ, во первыхъ, Захаръ Чернышевъ. Правда, въ началѣ, быть можетъ, раздраженный карьерой Григорія Орлова, онъ пробовалъ разъиграть роль оскорбленнаго, а въ концѣ 1763 года, возвратившись изъ Пруссіи, гдѣ онъ находился съ русскими войсками, подалъ прошеніе объ отставкѣ, которое и было принято, но черезъ мѣсяцъ вновь просилъ принять его на служ-

---

[1] Карновичъ: «Замѣчательныя богатства». стр. 298.

[2] Бантышъ-Каменскій говоритъ (Біографіи генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ II, 232), что Рѣпнинъ предоставилъ пользоваться доходомъ съ имѣнія, пожалованнаго ему Екатериною, прежнему владѣльцу, гр. Огинскому, по кончину его. Слова эти опровергаются тѣмъ, что Рѣпнинъ получилъ пожалованіе вовсе не изъ секвестрованныхъ имѣній.

[3] Карновичъ, «Замѣчательныя богатства» 298.

[4] Незеленовъ. Новиковъ стр. 94.

[5] См. «Письма Карамзина къ Дмитріеву» Спб. 1866 годъ стр. 277 (Въ рукахъ Карамзина была переписка Екатерины съ Чернышевымъ) См. Сборникъ Ист. Об. т. VII стр. 337.

бу. Желаніе его было исполнено, и уже въ мартѣ 1764 года онъ занялъ мѣсто вице-президента военной коллегіи, а затѣмъ былъ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ и президентомъ той же коллегіи. Въ 1765 году ему были пожалованы въ Остзейскомъ Краѣ три гака, прежде данные ему на аренду въ дополненіе къ имѣніямъ, пожалованнымъ еще при Елизаветѣ. Въ 1773 году онъ получилъ 5831 д. въ Могилевской Губерніи, но затѣмъ, другихъ населенныхъ имѣній ему не досталось.

Переходимъ къ Григорію Орлову и его братьямъ, отъ которыхъ его довольно трудно отдѣлить, какъ потому, что они очень дружно жили между собою, такъ и вслѣдствіе того, что не разъ они всѣ вмѣстѣ получали пожалованія.

Григорій Орловъ получилъ отдѣльно 14,228 душъ, Алексѣй Орловъ 7.452, Ѳедоръ 800 и Иванъ 529, да кромѣ того всѣ вмѣстѣ лишнихъ при обмѣнѣ 2,535 душъ, итого 25,544 души; да кромѣ того, земли въ Самарской Лукѣ, Алексѣю Орлову, 120,000 десят. въ Воронежской Губерніи и 38,000 десят. Ѳедору Орлову. По извѣстію англійскаго посланника Гарриса[1] братья Орловы получили 45,000 душъ, вѣроятно, онъ разумѣетъ душъ обоего пола; въ такомъ случаѣ, наши данныя почти совершенно совпадаютъ.

Доля камергера А. Васильчикова, сверхъ денежныхъ подарковъ, ограничилась имѣніями, данными ему въ Бѣлоруссіи въ 1774 году, въ которыхъ было 2,927 душъ[2].

Гр. А. Потемкинъ получилъ въ 1762 году, въ числѣ другихъ лицъ, награжденныхъ послѣ восшествія на престолъ Екатерины, 400 душъ. Затѣмъ, въ 1776 году, онъ сразу получаетъ громадное пожалованіе въ Могилевской Губерніи, Мстиславской провинціи: мѣстечко Кричевъ и все староство кричевское, въ которомъ было 13,674 души. Въ 1777 году, Потемкину были даны псковскія деревни и двѣ мызы въ Ингерманландіи съ пильными и мучными мельницами и кирпичнымъ заводомъ, взятыя за долги отъ графа Ягужинскаго, которыя стоили около 450,000 рублей; въ этихъ имѣніяхъ было 6,000 душъ; черезъ недѣлю Потемкину была пожалована еще мыза Осиновая Роща, которая нѣкогда принадлежала Г. Орлову и въ которой было тогда 806 душъ. Въ 1785 году, Потемкину были пожалованы въ Могилевской Губерніи два казенныхъ староства, которыя и были причислены къ купленному въ той же губерніи Потемкинымъ графству Дубровскому; количество душъ въ нихъ неизвѣстно. Кромѣ нихъ, Потемкинъ получилъ болѣе 20,880 душъ, а всего около 25,000[3].

---

[1] Diaries and correspondence of Iames Harris first earl of Malmesbury 1845 v. II, 57—58.

[2] По Гаррису, онъ получилъ 7,000 душъ; опять-таки, вѣроятно, обоего пола что весьма близко къ истинѣ.

[3] По Гаррису 37,000, вѣроятно, обоего пола. Такъ какъ Гаррисъ, отозванный въ 1783 году, не могъ знать о послѣднемъ пожалованіи въ Могилевской Губерніи, то наши данныя почти совершенно совпадаютъ.

Петръ Завадовскій получилъ въ 1877 году около 8,700 душъ.

Зоричъ получилъ болѣе 13,300 душъ.

Дѣйствительный камергеръ Римскій-Корсаковъ въ 1777 году получилъ въ Могилевской Губерніи изъ дворцовой экономіи 4,875 душъ.

Александру Ланскому въ 1781 году были даны казенныя земли въ Ямбургскомъ и Шлиссельбургскомъ Округахъ, всего 24,250 десятинъ.

Александръ Ермоловъ получилъ въ Могилевской Губерніи въ 1786 году 6,000 душъ.

Дмитріевъ-Мамоновъ въ 1789 году—2,250 душъ, нарочно для него купленныхъ.

Наконецъ, Платонъ Зубовъ получилъ назначенные ему въ 1793 году и окончательно опредѣленные въ 1795 г.—13,669 душъ въ Литовской Губерніи.

Сводя все это въ одинъ общій итогъ, оказывается, что бывшія, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ «въ случаѣ» при Екатеринѣ II (до и послѣ ея вступленія на престолъ) получили всего навсе 108,265 д. муж. пола. Такимъ образомъ, «случайные люди» получили болѣе четверти того, что было роздано во все царствованіе Екатерины.

Изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей въ то время, кромѣ Потемкина, были наиболѣе обогащены имѣніями гр. П. А. Румянцевъ и гр. Безбородко.

Графъ Румянцевъ, за различныя побѣды и прочія заслуги, получилъ около 20,000 душъ. Александру Безбородко, въ 1779 году, было дано за участіе въ улаженіи крымскихъ дѣлъ съ Турціею около 1,300 душъ въ Полоцкой Губерніи. «Все, что я о сихъ деревняхъ знаю, писалъ онъ своимъ родителямъ: — состоитъ только въ томъ, что онѣ изъ оставшихся казенныхъ, кромѣ дворцовыхъ, почитаются лучшими, что по вѣдомости показано довольно въ нихъ лѣсу, что лежатъ онѣ отъ Двины рѣки не болѣе 40 верстъ... и что лучшее въ добромъ ихъ состояніи свидѣтельство есть, что князь А. А. Вяземскій пожалованные ему въ мирное торжество 2,000 душъ взялъ въ семъ же староствѣ». Императрица сама приказала Безбородко, за нѣсколько дней до назначенія, выбрать 1,200 душъ въ Бѣлоруссіи: «не смѣлъ я, продолжаетъ онъ:—отягощать таковымъ выборомъ въ Малой Россіи: надлежало бы тутъ обидѣть кого-либо изъ собратіи своей... Своихъ же урядовыхъ я для того не полагалъ въ число, что тутъ и выигрыша было бы немного, ибо они перемѣнили бы только натуру, а доходы все тѣ же остались бы. Владѣть ими можно спокойно, покуда прилично мнѣ остаться въ чинѣ военномъ: ибо нетолько бригадиръ, но и генералъ-маіоръ можетъ быть подобнаго полку полковникомъ, а ежели какая либо реформа случится, то я не думалъ бы,

чтобы встрѣтилася трудность въ полномъ тѣхъ маетностей присвоеніи» [1].

Изъ этого письма видно, что Безбородко умѣлъ выбрать лакомый кусокъ, умѣлъ обдѣлывать свои дѣлишки. Благодатная Малороссія, уроженцемъ которой былъ Безбородко, гораздо болѣе привлекала его, чѣмъ обиженная Богомъ Бѣлоруссія, и вотъ мы видимъ, что при дальнѣйшихъ пожалованіяхъ онъ подбирается къ разнымъ малороссійскимъ урядовымъ имѣніямъ.

Безбородко нетолько безцеремонно выпрашивалъ крестьянъ цѣлыми тысячами, онъ, кромѣ того, съ величайшею скаредностью доискивался всякой недостающей души въ пожалованномъ имѣніи. Вотъ примѣръ, который дорисуетъ намъ характеръ одного изъ видныхъ представителей этой толпы царедворцевъ.

Въ то время, когда село Луки (Мглинскаго уѣзда, Черниговской Губерніи) было во владѣніи, какъ ранговое имѣніе, у полковника Апостола, прикащикъ Апостола пріобрѣлъ себѣ въ этомъ имѣніи жилой дворъ и землю. Онъ умеръ бездѣтнымъ; вдова его вышла замужъ за какого-то проѣзжаго офицера, а дворъ и земля остались во владѣніи тамошняго крестьянина, по смерти же послѣдняго — за его женою и дѣтьми. При пріемѣ коронными смотрителями маетностей, считающихся на рангъ полковника Дубенскаго, эта земля и дворъ сочтены были выморочными и поступили въ казенное вѣдомство, вмѣстѣ съ семействомъ крестьянина, состоящемъ изъ 7 душъ мужескаго пола и 5 женскаго, которое и было обложено оброчными деньгами въ пользу казны, сверхъ семигривеннаго подушнаго оклада. Когда село Луки было пожаловано Безбородко, онъ сталъ хлопотать о передачѣ въ его собственность и этихъ крестьянъ. Черниговская казенная палата и директоръ экономіи, въ виду того, что прикащикъ полковника Апостола не имѣлъ права пріобрѣтать населеннаго имѣнія, на которое и жена его не могла изъявлять никакой претензіи, рѣшили, что это имѣніе принадлежитъ къ селу Луки и, слѣдовательно, должно быть передано Безбородко. Однако, дѣло не могло быть окончательно рѣшено въ этой инстанціи, такъ какъ именнымъ указомъ 1781 года было предписано, что «сложеніе и выключка изъ оклада оброчныхъ статей не должны инако дѣланы быть, какъ представленіемъ мнѣнія генералъ-губернаторовъ и казенныхъ палатъ сенату на его разсмотрѣніе и рѣшеніе». Поэтому Румянцевъ, согласившись съ мнѣніемъ черниговской палаты, послалъ донесеніе сенату. Дѣло это доходило, наконецъ, до государыни, и она приказала отдать Безбородко землю, которой онъ добивался, и сложить съ крестьянъ наложенный на нихъ оброкъ. Вотъ сколько хлопотъ надѣлалъ онъ изъ-за 7 душъ.

Если наши вельможи нерѣдко безпокоили императрицу по по-

---

[1] «Канцлеръ князь Безбородко», ст. Григоровича въ «Рус. Арх.» 1874 г. № 9, стр. 627—628.

воду пожалованныхъ имъ имѣній, то понятно, что они причиняли несравненно болѣе хлопотъ начальникамъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они получали пожалованіе. Въ этомъ отношеніи весьма интересна переписка графа П. А. Румянцова съ Н. В. Рѣпнинымъ, управлявшимъ Литвою, объ имѣніи, данномъ Румянцову въ 1795 году изъ бржестской экономіи, переписка, въ которой вопросы хозяйственные для приличія скрашиваются посторонними размышленіями и сообщеніемъ политическихъ новостей. Румянцевъ особенно озабоченъ тѣмъ, чтобы къ имѣнію, ему назначенному, было отведено достаточное количество лѣсу, особенно же ему хотѣлось бы получить часть тѣхъ лѣсовъ, гдѣ водятся «дикія коровы» (т. е. зубры). На письмо объ этомъ гр. Румянцева, Рѣпнинъ отвѣчаетъ ему, что лѣсничество Бѣловѣжское, гдѣ есть «дикія коровы», лежитъ далеко отъ пожалованной ему волости, а онъ думаетъ отвести для него часть сосѣдняго кобринскаго лѣсничества. Но Кобринскій лѣсъ пожелалъ имѣть Суворовъ, которому было пожаловано имѣніе по сосѣдству съ Румянцевымъ, и вслѣдствіе родственныхъ связей со всесильными Зубовыми (не даромъ онъ выдалъ за Н. А. Зубова свою «Суворочку»), ему легко было достигнуть своей цѣли; поэтому, къ имѣнію Румянцева было отчислено 9,000 дес. лѣсу изъ Бѣловѣжскаго лѣсничества со стражниками и приписными крестьянами: именно въ этомъ лѣсу водились недававшіе Румянцеву покоя зубры и, хотя Бѣловѣжская Пуща была дальше отъ его имѣнія, чѣмъ Кобринскій лѣсъ, но гораздо лучше ея. Зная, какъ добивался Румянцевъ зубровъ, Рѣпнинъ, объѣзжая въ слѣдующемъ году Брестскій Край, поспѣшилъ извѣстить его, что ѣхалъ черезъ пожалованныя ему деревни и что въ его лѣсу дѣйствительно водятся «дикія коровы». «Подлинно звѣри превеликіе, замѣчаетъ онъ: но притомъ весьма смирны, не дѣлая ничему никакого вреда» [1]. Одному до смерти хотѣлось имѣть зубровъ, другой хлопоталъ, чтобы въ пожалованной ему въ потомственное владѣніе арендѣ былъ оставленъ, при проведеніи границы съ казеннымъ имѣніемъ, господскій домъ и принадлежащія къ нему пахатныя поля. И обо всемъ этомъ приходилось позаботиться, на всѣ просьбы дать отвѣтъ.

Мы опредѣлили размѣры пожалованій лицамъ, особенно близкимъ къ императрицѣ Екатеринѣ, и затѣмъ двумъ государственнымъ дѣятелямъ этого времени. Изъ болѣе крупныхъ пожалованій перваго періода, о которыхъ мы еще не говорили, упомянемъ слѣдующія: въ 1762 году, генерал-майору Мих. Измайлову 2,135 душъ, въ 1764 году тайному совѣтнику сенатору Неплюеву 3,179 душъ въ Малороссіи, гр. П. Панину за взятіе Бендеръ 2,577 душъ, купленныхъ въ Ржевскомъ Уѣздѣ, адмиралу Спиридову за отличіе на войнѣ 1,600 душъ, кн. Вяземскому въ обмѣнъ на прежде пожалованную ему мызу 1,676 душъ изъ двор-

[1] «Сбор. Ис: Об.» т. XVI.

цовыхъ (мы уже знаемъ, что Вяземскому было пожаловано еще 2,000 душъ въ Бѣлоруссіи).

Во второмъ періодѣ: гофмейстеру И. П. Елагину 3,747 душъ гр. Никитѣ Панину, при окончаніи воспитанія Павла Петровича 8,412 душъ, кн. П. М. Голицыну за пораженіе Пугачева 1,325 душъ, гр. И. Остерману 2,824 души (да въ 1795 году 4,167 душъ), вдовѣ и дѣтямъ А. И. Бибикова 2,565 душъ, князьямъ Дондуковымъ 1,804 д., вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну 4,024 д., кн. волошскому Мих. Кантакузину за вѣрную службу во время турецкой войны 2,016 душъ, адмиралу С. Мордвинову 2,000 д., княгинѣ Е. Р. Дашковой 2,554 д., П. Бакунину, члену коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 1,229 д. (да еще 2 имѣнія въ Полоцкой Губерніи), принцу Нассау-Зигену 3,020 д., адмиралу Чичагову за побѣды надъ шведами въ два пріема 3,805 д., Якову Булгакову за труды въ званіи посланника въ Турціи и за то, что вынесъ тамъ заключеніе 1,500 душъ, члену коллегіи иностранныхъ дѣлъ А. Моркову 1,132 (да въ 1795 г. 3,304 д.), кн. Матв. Кантакузину 2,187 д.

Пожалованія, произведенныя въ третьемъ періодѣ, почти всѣ отличаются значительными размѣрами; кромѣ уже названныхъ нами, упомянемъ о слѣдующихъ: генерал-аншефу гр. Салтыкову 4,701 д., генерал-поручику М. И. Голенищеву-Кутузову 2,667 д. Якову Сиверсу, нашему посланнику въ Польшѣ, во время гродненскаго сейма 2,808 д. (да еще ранѣе ему были даны 1,021 д.), А. Протасову за труды при воспитаніи Александра Павловича 2,007 д., генерал-поручику Ферзену 3,121 д. въ Волынской и Подольской Губерніи, да еще 13 гаковъ въ Лифляндіи, гр. Суворову-Рымникскому за подвиги въ войнѣ съ Польшею 6,922 д., Т. И. Тутолмину 3,000 д., барону Игельстрому, бывшему посланникомъ въ Польшѣ послѣ Сиверса, 2,530 душъ и т. д.

Чтобы дать читателямъ хотя нѣкоторое понятіе объ отношеніяхъ нашихъ вельможъ къ крестьянамъ въ имѣніяхъ, пожалованныхъ имъ въ западномъ краѣ, мы остановимся на кричевскомъ графствѣ, данномъ, въ 1776 году, Потемкину въ Могилевской Губерніи, съ которымъ мы хорошо знакомы, благодаря подробному описанію, составленному въ 1786 году [1].

Графство это раздѣлялось на 5 войтовствъ или ключей; въ немъ было 5 мѣстечекъ и 145 селъ, селецъ, фольварковъ и деревень. Населеніе простиралось до 14,000 душъ мужскаго пола, преимущественно православнаго вѣроисповѣданія, но было также немного католиковъ и уніатовъ, десятка два старообрядцевъ да сотни двѣ-три евреевъ. Въ графствѣ были устроены всевозможныя хозяйственныя заведенія: канатный, стеклянный, мѣдный и кирпичный заводы, парусная фабрика, кожевенные и винокуренные заводы, мучныя и пильныя мельницы, пеньковыя толчеи,

[1] Авторъ этого неизданнаго описанія—Мейеръ, составившій, между прочимъ, описаніе Очаковской Земли.

сукновальни и маслобойни. Посмотримъ, какіе поборы взымалъ владѣлецъ графства съ мѣстнаго населенія

Мѣщане платили, во-первыхъ, за свои дворовыя мѣста по 1 коп. съ квадратной сажени, да, кромѣ того, оброку по 2 рубля съ души. Кочующіе по разнымъ мѣстамъ цыгане платили по 2 рубля съ воза «за позволеніе жить безъ притѣсненія въ кричевскихъ деревняхъ». Гораздо сложнѣе были поборы съ крестьянъ. Они платили, во-первыхъ, по 1 р. 50 к. въ годъ оброку, затѣмъ, съ нихъ собиралась «мельничная ссыпка»: съ каждой души по 1 четверику ржи, столько же овса, по ½ четверика ячменя и по 2 пуда сѣна. Прежде они также вносили съ души по 1 четверику конопли, но потомъ взамѣнъ этого было положено вывозить изъ кричевскихъ лѣсовъ по ½ саж. дровъ и по 1 бревну отъ 3—6 саж. въ длину. Земля крестьянская была раздѣлена на уволоки (по 20 дес. въ каждой), и такъ какъ они не могли развести лѣса на своихъ полосахъ, то было дозволено вывозить для себя валежникъ и бревна для строенія, но, однако же, не даромъ. За это слѣдовало представлять по 1 четверти золы въ годъ съ каждой души (въ кричевскомъ графствѣ былъ «зольный» заводъ). Кромѣ того, каждая женщина и взрослая дѣвушка должны были спрясть въ теченіи зимы по 1 пуду пакли. Переведя всѣ эти поборы натурою на деньги, получаемъ почти по 1 р. съ каждой души мужского пола, что съ полутора рублями денежнаго оброка составитъ около 2 р. 50 к. съ души. Но, кромѣ того, крестьяне обязаны были давать съ каждыхъ 100 душъ по 1 конному и 1 пѣшему работнику на недѣлю. Работы эти, или, какъ называли ихъ тамъ, «пригоны», были очень обременительны для крестьянъ. «Весьма бы нужно было изыскать такое средство, говоритъ авторъ описанія кричевскаго графства: — которое бы крестьянъ отъ обременяющихъ ихъ пригоновъ, по крайней мѣрѣ отъ конныхъ, освободить могло, ибо каждую недѣлю принуждены они нетолько изо-дня въ день давать посту и болѣе для работъ въ мѣстечкѣ лошадей, но и отлучаясь иногда верстъ за 70 отъ своихъ домовъ, ни работъ своихъ исправлять, ни себя и лошадей своихъ кормить не могутъ». По словамъ автора, по крайней мѣрѣ половина крестьянъ охотно согласилась бы платить сверхъ оброка по полтинѣ въ годъ, чтобы только избавиться «отъ сихъ какъ людей, такъ и лошадей, изнуряющихъ пригоновъ». Такимъ образомъ, всѣ денежные и натуральные поборы и повинности крестьянъ въ кричевскомъ графствѣ можно оцѣнить въ 3 рубля въ годъ съ каждой души. Государственные крестьяне въ это время по всей Россіи платили также трехрублевый оброкъ, что касается крѣпостныхъ, то правительство считало наиболѣе обычнымъ въ это время оброкъ въ 4 рубля, но то, что было не легко уплачивать въ Великороссіи, составляло крайнее обремененіе въ малоплодородной Бѣлоруссіи. И дѣйствительно, при трехрублевомъ оброкѣ крестьянамъ кричевскаго графства приходилось сильно бѣдствовать;

этого не можетъ скрыть и авторъ описанія, изъ котораго мы заимствуемъ наши свѣдѣнія, несмотря на то, что оно, вѣроятно, предназначалось для самого свѣтлѣйшаго князя. «Изъ кричевскихъ жителей есть многіе посредственно богатые, пишетъ онъ:— но большая часть между ними суть бѣдные, и нѣкоторые изъ нихъ нетолько съ мякиною смѣшаннаго хлѣба не имѣютъ, но и въ лѣтнее время для сбереженія своего запаса принужденными бываютъ вмѣсто онаго употреблять испеченныя изъ овсяной съ щавелемъ смѣшанной муки лепешки, прибавляя къ нимъ для вязкости и нѣсколько ржаной, или, въ случаѣ недостатка въ хлѣбѣ, толкутъ обмоченное въ водѣ гнилое дубовое изъ средины дерево и пекутъ изъ онаго съ прибавленіемъ муки хлѣбъ [1].

Много говорено было въ нашей литературѣ о томъ крайне тяжеломъ положеніи, въ которомъ находились крестьяне подъ владычествомъ польскихъ пановъ, и отрицать этого, конечно, нѣтъ никакой возможности. Но вотъ по тремъ раздѣламъ Польши, Бѣлоруссія, Литва и Юго-западный Край присоединяются къ Россіи; правительство, быть можетъ, лелѣя мечты объ обрусеніи края, тысячами и десятками тысячъ раздаетъ крестьянъ въ этихъ земляхъ. Чтò же, приносятъ ли съ собою эти новые владѣльцы болѣе гуманные порядки, чѣмъ тѣ, которые существовали прежде, легче ли жилось крестьянину при русскомъ баринѣ, чѣмъ подъ властью польскаго пана? Мы не беремся въ настоящемъ случаѣ за окончательное рѣшеніе этого вопроса, такъ какъ не имѣемъ всѣхъ необходимыхъ для этого матеріаловъ, но скажемъ лишь нѣсколько словъ по поводу свѣдѣній о повинностяхъ крестьянъ, только-что заимствованныхъ нами изъ описанія кричевскаго графства.

Ни личный характеръ Потемкина, ни его громадныя богатства не позволяютъ думать, чтобы положеніе крестьянъ въ его имѣніяхъ могло быть тяжелѣе, чѣмъ у другихъ русскихъ землевладѣльцевъ Западнаго Края. Хотя и нѣкоторые изъ богачей, какъ мы сейчасъ увидимъ, крайне отягощали крестьянъ, но вообще слѣдуетъ думать, что землевладѣльцы, неимѣвшіе такихъ громадныхъ средствъ, какъ Потемкинъ, должны были быть гораздо требовательнѣе относительно своихъ крестьянъ. Посмотримъ же, что платили крестьяне во время польскаго владычества, и возьмемъ для этого мѣстность наиболѣе близкую къ той, гдѣ было кричевское графство, а именно Волынь. Здѣсь maximum платежей въ концѣ столѣтія, при переводѣ всѣхъ работъ и даней натурою на деньги было 107 злотыхъ, т. е. 16 рублей съ крестьянской семьи, а такъ какъ по счету правительства въ семьѣ было обыкневенно четыре души мужского пола, то, слѣ-

---

[1] Нѣкоторые крестьяне были, какъ видно, сдѣланы въ кричевскомъ графствѣ постоянными заводскими рабочими.

довательно, помѣщикъ получалъ по 4 рубля съ души [1]. Замѣтимъ, что, по словамъ г. Антоновича, изслѣдованіе котораго мы цитируемъ, это было именно maximum повинностей; меньшая же плата съ семьи въ началѣ столѣтія въ этой мѣстности равнялась 77½ злотыхъ, т. е. 11 р. 62 к., что составляетъ менѣе, чѣмъ по 3 рубля съ души. Такимъ образомъ, средній размѣръ поборовъ въ пользу помѣщика на Волыни во второй половинѣ XVIII вѣка была по 3 р. 50 к. съ души, что касается мѣстностей болѣе южныхъ, то тамъ повиности были гораздо умѣреннѣе. Такъ, напримѣръ, въ Житомірскомъ Повѣтѣ кіевскаго воеводства крестьянская семья, въ послѣднемъ десятилѣтіи XVIII вѣка, вносила помѣщику 71 злотыхъ, т. е. по 2 р. 60 к. съ души [2]. Если сравнить эти платежи съ поборами, взимаемыми Потемкинымъ, то окажется, что русскимъ вельможамъ нельзя было похвастать бо̀льшею гуманностью, сравнительно съ польскими панами, да и вообще экономическое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Западномъ Краѣ, по всей вѣроятности, едва ли улучшилось съ присоединеніемъ его къ Россіи.

Что касается Литвы, то нѣкоторые современники изъ русскихъ возмущались, и, конечно, совершенно справедливо, отношеніемъ тамошнихъ польскихъ пановъ къ крестьянамъ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, въ своихъ запискахъ Мертва̀го, посѣтившій этотъ край въ 1801 году: «Проѣзжая Литву надсѣдалося сердце отъ жалости и досады. Богатая земля населена людьми, томящимися въ рабствѣ, и глупые паны, водимые жидовскими плутнями, управляютъ съ необузданною властью крестьянами, доведенными до совершенной нищеты. Обычай отдавать имѣнія въ аренду уничтожилъ всякое человѣколюбіе и промышленность... Много наѣзжалъ я такихъ селеній, гдѣ нельзя было достать кусокъ хлѣба, а между тѣмъ, въ городахъ царствовали безпутная роскошь и сластолюбивая праздность» [3]. Вполнѣ признавая справедливость этихъ словъ, замѣтимъ только, что въ «необузданности власти» помѣщиковъ повинно было и правительство: оно всегда могло положить предѣлъ неограниченному произволу; однако же, этого не дѣлали, очевидно, опасаясь, что, по словамъ Безбородко, «вольность крестьянъ и т. п. (въ Литвѣ) удобны раздразнить нашихъ поселянъ, одинъ почти языкъ и нравы въ сосѣдствѣ имѣющихъ» [4]. Но дѣло въ томъ: одни ли польскіе паны въ Литвѣ страшно эксплуатировали своихъ крестьянъ? Лучше ли были вновь наѣхавшіе русскіе землевладѣльцы? Какъ въ Бѣлоруссіи мы взяли для образца огромное имѣніе Потемкина, такъ здѣсь посмотримъ, какъ хозяйничалъ Пл. Зубовъ, получившій до 14,000 душъ крестьянъ (городъ Шавли, въ нынѣш-

[1] Арх. юго-зап. Россіи. Ч. VI, т. II, стр. 40, 41, и 45.
[2] Ibid. стр. 49, 50.
[3] Рус. Арх. 1867 г. «Записки Мертваго», стр. 134.
[4] Сбор. ис. общ. Т. XVI, стр. 57.

ней Ковенской Губерніи). Вотъ что узнаемъ мы объ этомъ изъ оффиціальнаго источника. Н. Новосильцевъ, по приказанію государя, писалъ въ 1807 году къ военному губернатору, управлявшему Кіевскою и Минскою Губерніями: «Государь императоръ въ проѣздъ свой черезъ Шавельскій Повѣтъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ бѣдственнаго положенія принадлежащихъ... кн. Зубову крестьянъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть, оставивъ поля свои необработанными, снискиваютъ себѣ пропитаніе мірскимъ подаяніемъ, нѣкоторые же, по свидѣтельству жителей, умираютъ отъ болѣзней, происходящихъ единственно отъ дурной и недостаточной пищи, высочайше отозваться соизволилъ, что, ежели честь и самый долгъ, законами налагаемый, требуетъ, дабы и бѣднѣйшіе изъ помѣщиковъ кормили и призирали крестьянъ своихъ въ трудные и безплодные годы, то тѣмъ болѣе предосудительно одному изъ богатѣйшихъ доводить ихъ до такой крайности. По сему повелѣно мнѣ сообщить вашему высокопревосходительству, дабы вы... сдѣлали надлежащее внушеніе кн. Зубову о принятіи въ самоскорѣйшемъ времени нужныхъ мѣръ для снабженія крестьянъ его потребнымъ количествомъ хлѣба, какъ на прокормленіе оныхъ до новаго урожая, такъ и на посѣвъ ихъ полей; въ противномъ же случаѣ его императорское величество, въ защиту страждущаго человѣчества, не преминетъ обратить на него всю строгость законовъ [1]».

Императоръ Павелъ, который такъ старательно передѣлывалъ все, что было сдѣлано въ царствованіе Екатерины, относительно раздачи населенныхъ имѣній слѣдовалъ ея примѣру. Въ одинъ день своей коронаціи (5-го апрѣля 1797 года) онъ роздалъ 105 лицамъ болѣе 80,000 душъ [2]. Екатерина въ одинъ день (18-го августа, 1795 года) подписала указы о пожалованіи болѣе 100,000 душъ, но, такимъ образомъ, вознаграждалась служба многихъ лицъ въ теченіи второй войны съ Турціею и Польшею, Павелъ роздалъ почти такое же число крестьянъ. Кончилось тѣмъ, что уже въ слѣдующемъ году, какъ видно изъ записокъ Державина, затруднялись находить имѣнія для пожалованія, и императоръ Александръ долженъ былъ окончательно прекратить раздачу населенныхъ имѣній. На письмо одного сановника, желавшаго получить такое имѣніе, императоръ отвѣчалъ въ 1801 году: «русскіе крестьяне, бо̀льшею частію, принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія, и потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило никому не давать въ собственность крестьянъ» [3]. Съ этихъ поръ населенныя имѣнія стали давать только въ аренду,

---

[1] Рус. Стар. 1870 г. Т. II, стр. 804.
[2] Чт. об. ис. и др. рос. 1867 г. Кн. I.
[3] Богдановичъ, «Исторія царств. Александра I». Т. I, стр. 97.

зато въ обширныхъ размѣрахъ продолжалось пожалованіе ненаселенныхъ земель.

Что касается раздачи ненаселенныхъ земель при Екатеринѣ, то особенно громадныя владѣнія были розданы Орловымъ, Потемкину, Ланскому, Безбородко. Особенно въ обширныхъ размѣрахъ раздача земель производилась на югѣ Россіи. Атаманъ волжскаго войска, Персидскій, получилъ болѣе 12,000 десятинъ по р. Иловлѣ; кн. Вяземскій при раздѣлѣ запорожскихъ земель—100,000 дес., и въ томъ числѣ обѣ Сѣчи; кн. Прозоровскій почти столько же; Мордвиновъ бо̀льшую часть Ялтинской долины въ Крыму [1]. Раздавалъ земли нетолько Потемкинъ, раздавали даже губернаторы, и, притомъ, подъ видомъ ненаселенныхъ, поступали въ частную собственность иногда и населенныя земли. Такъ, по словамъ Державина, одинъ изъ его родственниковъ, екатеринославскій губернаторъ Синельниковъ, далъ ему 6.000 дес. земли съ поселенными на ней запорожцами (130 душъ). Раздавались также земли въ Кавказской и Астраханской Губерніяхъ [2]. Въ 1794 г. безплатная раздача земель была пріостановлена, такъ какъ ихъ предполагалось пустить въ продажу [3]. Такимъ образомъ, не прекратилась еще раздача населенныхъ имѣній, какъ пожалованіе земель уже практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Къ счастью, Александръ I положилъ предѣлъ раздариванію крестьянскихъ душъ.

Василій Семевскій.

---

[1] Скальковскій, «Ист новой Сѣчи», изд. 2-е 1846 г. Т. III, стр. 181. Иконниковъ, «Біогр. Мордв.», стр. 574.

[2] Пол. соб. зак. Т. XXI, № 15, 619, XXII, № 16, 194, п. 6, № 16, 223.

[3] Пол. соб. зак. Т. XXIII, № 17, 225.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Смотръ войскамъ 1-го іюля.—Программа маршала Мак-Магона.—Избирательная программа де-Фурту. – Недовольство ею коалиціи.—Образъ дѣйствій принца Наполеона. — Центральный имперіалистскій комитетъ. — Тристанъ Ламбѐръ.—Министерское сообщеніе и телеграмма.—Неразрушимость союза 363-хъ и факты, доказавшіе это. — Роялистскій избирательный комитетъ. — Интриги орлеанистовъ.—Вмѣшательство «Фигаро» въ анархію монархическихъ партій.—Клерикальный комитетъ и его манифестъ. — Выходка сенатора де-Франлье.—Отсрочка выборовъ.

Въ воскресенье, 1-го іюля, происходилъ обычный годовой смотръ войскамъ—мѣсяцемъ позднѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ. Въ предшествовавшіе годы, на такихъ смотрахъ, учрежденныхъ Тьеромъ для того, чтобы правительство и страна могли, такъ сказать, во очію видѣть результаты реорганизаціи войска, обыкновенно присутствовали почти всѣ депутаты, а лѣвые постоянно являлись на нихъ въ полномъ своемъ составѣ. На настоящемъ смотру послѣдніе блистали своимъ отсутствіемъ, и это вмѣнено было имъ въ вину нетолько въ оффиціозныхъ газетахъ, но и въ оффиціальныхъ органахъ, наклеиваемыхъ на стѣнахъ мэрій во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Франціи, хотя причины отсутствія ихъ были вполнѣ уважительныя, такъ какъ палата за недѣлю до смотра была распущена и большинство республиканцевъ разъѣхалось по своимъ департаментамъ, да, кромѣ того, разсылая именныя приглашенія къ разнымъ лицамъ, маршалъ не пригласилъ ни одного изъ 363-хъ депутатовъ-республиканцевъ; общей же трибуны для членовъ палаты депутатовъ, за ея распущеніемъ, не было, конечно, отведено.

Сдѣлавъ невозможнымъ для республиканскихъ представителей присутствіе на этомъ смотру, наши *трехмѣсячные* правители, какъ прозвалъ ихъ остроумно народъ, были бы весьма не прочь, чтобы публикою, присутствовавшей на немъ, были произведены какіе-нибудь безпорядки. Они ждали, что изъ толпы возникнутъ крики противъ маршала, что это подастъ поводъ къ вмѣшательству полиціи и происшедшей, вслѣдствіе этого, суматохѣ можно

будетъ придать революціонный характеръ, для полученія благовиднаго предлога къ объявленію Парижа въ осадномъ положеніи. Еще бо̀льшаго ожидали бонапартисты. Обладая въ совершенствѣ искуствомъ производить въ народѣ волненія при пособіи бѣлыхъ блузъ и разсчитывая, что, подпоивъ предварительно солдатъ, можно добиться отъ нихъ враждебной народу манифестаціи, они и на этотъ разъ пустили въ ходъ оба эти способа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заранѣе уже приготовляли общественное мнѣніе къ возможности того, что настоящій смотръ въ Лоншанѣ, подобно смотру въ Саторй 1851 года, послужитъ прелюдіей къ государственному перевороту. Поэтому, съ начала іюня они стали распространять по фабрикамъ и мастерскимъ записки съ кабалистическими словами: «терпѣніе—до смотра!», подобно тому, какъ нѣкогда въ Римѣ распространяли слова: «ждите мартовскихъ идъ!»; а наканунѣ смотра въ «Фигаро» и другихъ газетахъ того же закала появились инсинуаціи, въ которыхъ говорилось, что «la canaille» собирается освистать маршала, «одинъ видъ котораго, какъ *спасителя* Франціи, можетъ вызвать такой энтузіазмъ въ войскѣ, что, несмотря на то, что въ строю солдатамъ запрещено говорить, ихъ будетъ трудно удержать отъ громкихъ заявленій своего къ нему сочувствія». Никакія ожиданія этого рода, однакоже, не сбылись. Передъ воителемъ, раненымъ при Седанѣ, прошли стройными рядами всѣ корпуса, подчиненные управленію Ладмиро, начиная съ учениковъ сен-сирскаго училища и кончая пожарной командой, и ни въ комъ созерцаніе этого героя не произвело воинственнаго одушевленія и азарта, а когда онъ оставлялъ смотръ, то даже друзья его и сторонники, наполнявшіе трибуны, выказали изумительную сдержанность. Нѣсколько голосовъ, вѣроятно, подпрефектовъ, жаждущихъ повышенія, прокричали: «да здравствуетъ Мак-Магонъ!»; вслѣдъ затѣмъ нѣсколько другихъ отвѣчали восклицаніемъ: «да здравствуетъ императоръ!», и это вышло такъ эффектно, что даже полицейскіе едва сдерживали свои улыбки. Зато во всю дорогу до Елисейскаго Дворца публика услаждала слухъ маршала криками: «да здравствуетъ республика!», чему полиція воспрепятствовать не могла, такъ какъ чуть не всѣ ея агенты были согнаны на смотръ.

Такимъ образомъ, благодаря дисциплинѣ войска и еще бо̀льшей дисциплинѣ, какой добровольно подчинилось все парижское населеніе, день смотра, на который такъ разсчитывала реакція, не оправдалъ ея упованій. Даже приказъ маршала по войскамъ, предварительно написанный для него де-Брольи и де-Фурту, хотя и подвергся многочисленнымъ толкованіямъ въ газетахъ, не произвелъ на массы того впечатлѣнія, на какое, очевидно, былъ разсчитанъ. Печать, однако, очень долго имъ занималась, особенно же его окончательной фразой, заключавшей въ себѣ противорѣчіе тѣмъ увѣреніямъ правительства, благодаря которымъ отъ сената можно было добиться распущенія палаты де-

путатовъ. «Я увѣренъ, сказалъ маршалъ войскамъ:—что вы мнѣ поможете поддержать уваженіе къ власти и законамъ *при исполненіи мною обязанности, возложенной на меня моимъ избраніемъ и которую я намѣреваюсь довести до конца*». По разъясненію оффиціальныхъ органовъ, слова «до конца» слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, что Мак-Магонъ намѣренъ оставаться президентомъ до 1880 года, несмотря ни на что и еслибы даже новые выборы послужили прямымъ осужденіемъ перемѣны 16-го мая. Между тѣмъ, до распущенія палаты, въ видахъ убѣжденія сенаторовъ, въ «Times»'ѣ была напечатана кореспонденція, въ которой приводились слова маршала о его желаніи оставить свой постъ, и большинство, необходимое для распущенія, могло быть получено только потому, что робкіе сенаторы опасались, чтобы отказъ ихъ не вызвалъ немедленной отставки президента и низверженія всего правительства. Конечно, съ тѣхъ поръ кабинетъ имѣлъ случай убѣдиться, что страха сенаторовъ не раздѣляла ни буржуазія, ни народъ, нетолько въ городахъ, но даже и въ селахъ Франціи, и что большинство ея вполнѣ увѣрено, что, въ случаѣ отставки Мак-Магона, его также мирно можетъ замѣстить Тьеръ, какъ онъ самъ 24-го мая замѣстилъ маленькаго буржуа. Поэтому-то реакціонеры и рѣшились измѣнить свой первоначальный планъ ради устрашенія невѣжественной и нерѣшительной части французскихъ избирателей. Имъ нужно было провести въ народное сознаніе мысль, что маршалъ настолько могущественъ, что, несмотря на формальное осужденіе цѣлой Франціи, онъ можетъ, все-таки, оставаться во главѣ ихъ, и, стòитъ ему обнажить свою шпагу, висящую подобно мечу Дамоклеса надъ республикой, къ нему немедленно примкнетъ и все войско со всѣми своими пушками и митральёзами. Оффиціальные строчилы получили приказаніе прокричать какъ въ парижскихъ, такъ и въ провинціальныхъ газетахъ, что основный атрибутъ власти маршала есть его несмѣняемость и что онъ можетъ распускать палату депутатовъ столько разъ сряду, сколько захочетъ. «Нельзя не порадоваться, печатаетъ, напримѣръ, развязный «Фигаро»:— тому, что нижняя палата представляетъ собою такое удобное учрежденіе, которое, была бы охота, можно разгонять столько разъ, сколько вздумается. Нашей палатѣ депутатовъ предстоитъ быть многократно разгоняемой, и если не безъ конца, то, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока народъ не обратится снова къ здравому смыслу». Въ другихъ газетахъ стали появляться цѣлыя теоріи о возможности управленія страною противъ ея желаній, при пособіи одного сената, и о собираніи податей съ народа такими грубыми способами, какіе положительно невозможны ни въ одной странѣ, въ которой существуетъ какая-нибудь, хотя бы самая жалкая конституція.

Всему этому правительство старалось придать характеръ угрожающій, но вызвало въ общественномъ мнѣніи только смѣхъ. Всѣ честныя газеты осмѣяли нелѣпую теорію, и умѣренный

«Temps», напримѣръ—даже безпощаднѣе «Шаривари» и «Фонаря». Мак-Магону отъ этого смѣха не поздоровилось, и, благодаря этимъ статьямъ, для цѣлой Франціи стало ясно какъ тò, что за нимъ не водится никакихъ личныхъ заслугъ и поступаетъ онъ вполнѣ неконституціонно, такъ и тò, что для него, несмотря на его маршальское званіе, изъ того жалкаго положенія, въ которое онъ вовлеченъ своими корыстными совѣтниками, нѣтъ никакого иного выхода, кромѣ вынужденной отставки. Особенною меткостью отличались статьи Эмиля де-Жирардена, направленныя противъ «беззаконій» трехъ герцоговъ, напечатанныя имъ въ газетѣ «France»; въ статьяхъ этихъ Жирарденъ какъ бы помолодѣлъ на 30 лѣтъ. «Journal des Débats», такъ удачно нѣкогда способствовавшій паденію реставраціи, тоже съ безпощадной ироніей допекаетъ въ каждомъ своемъ нумерѣ какъ кабинетъ, такъ и маршала. «Маршалъ не краснорѣчивъ, замѣчаетъ эта газета въ одной изъ своихъ статей:—но у него есть одно кабалистическое выраженіе, которымъ онъ отвѣчаетъ всѣмъ и на все: *я остаюсь!* Скоро, вѣроятно, ему придется отвѣтить цѣлой Франціи на приглашеніе удалиться: я остаюсь, еслибы даже не осталось и самой Франціи!»

Между тѣмъ, въ виду приближенія избирательнаго періода, правительство позволило себѣ отсрочить на неопредѣленное время выборы въ генеральные совѣты, долженствовавшіе происходить на основаніи закона въ теченіи лѣта, для возобновленія половины состава этихъ совѣтовъ. Де-Фурту отправилъ во всѣ префектуры длинный циркуляръ съ изложеніемъ способовъ, какими должно «подготовлять страну къ великому избирательному заявленію, для котораго она скоро созовется». Циркуляръ этотъ напечатанъ въ «Оффиціальномъ Журналѣ», очевидно, съ значительными сокращеніями; лучше сказать: изъ него напечатано только то, чтò де-Фурту счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія публики. Выраженіе «оффиціальная кандидатура» въ немъ ни разу не упоминается. Министръ заявляетъ въ немъ, что правительство желаетъ, чтобы населеніе подавало свои голоса за того или другого кандидата «съ полнымъ пониманіемъ обстоятельствъ» и всеобщее голосованіе избѣгло «тѣхъ западней, которыя ему разставляютъ». Префектамъ рекомендуется «изобличать» неправильный характеръ кандидатуръ, т. е. препятствовать республиканскимъ кандидатамъ являться, какъ это было въ 1876 году, мак-магоніанцами, хотя, само собой разумѣется, что никто изъ тѣхъ республиканцевъ, которые еще недавно вѣрили въ «легальность» маршала и въ то, что онъ можетъ быть настоящимъ конституціоннымъ президентомъ, не станетъ уже въ настоящее время предаваться такимъ иллюзіямъ. На обязанность префектовъ возложено примирять «личныя несогласія» между кандидатами консервативныхъ партій, если таковыя возникнуть, и министръ надѣется, что своимъ нравственнымъ вліяніемъ они

съумѣютъ *«достигнуть временныхъ уступокъ самоотверженія, необходимыхъ въ видахъ общаго дѣла»*. Какого дѣла—объ этомъ циркуляръ умалчиваетъ. Полагая, что всю массу избирателей Франціи весьма нетрудно обмануть, де-Фурту идетъ еще далѣе Бюффè въ заявленіяхъ своего уваженія къ существующему порядку. Если Бюффè завѣрялъ избирателей въ своемъ «искреннемъ и легальномъ» признаніи конституціонныхъ законовъ, то Фурту, говоритъ, что «такъ какъ національнымъ собраніемъ учреждена *республика*, то необходимо озаботиться объ ея сохраненіи», хотя онъ тотчасъ же и прибавляетъ, для успокоенія тѣхъ, чьи стремленія направлены на уничтоженіе этой республики, что правительство, «сообразно самому характеру конституціи, въ которой будутъ произведены измѣненія, *не обязываетъ никого отказываться отъ какихъ бы то ни было убѣжденій*, но только закрываетъ до 1880 года арену для политическаго соперничества».

Изъ такого способа выраженій должно вывести заключеніе, что правительство 17-го мая не оставило еще надежды привлечь на свою сторону изъ республиканскаго союза слабѣйшихъ членовъ лѣваго центра, чтобы показать этимъ, что оно, будто бы—не противъ умѣренной республики и, кромѣ того, что оно поддерживаетъ въ маршалѣ надежду, что онъ и послѣ 1880 года сохранитъ за собою власть, такъ какъ, вѣроятно, и тогда, какъ теперь, ни одна изъ монархическихъ партій не будетъ настолько сильна, чтобы отнять ее у него, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поддерживаетъ и противоположныя надежды во всѣхъ трехъ монархическихъ партіяхъ, нужныхъ ему и которыхъ оно надѣется убѣдить въ необходимости временно сдержать свои стремленія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, всеобщее голосованіе обратится противъ нихъ всѣхъ. Изъ многочисленныхъ донесеній префектовъ правительство это не могло не убѣдиться, что главнѣйшимъ шансомъ на успѣхъ республиканцевъ на предстоящихъ выборахъ представляется то обстоятельство, что народу извѣстно, что коалиція трехъ монархическихъ партій составилась въ видахъ уничтоженія республики и что, въ случаѣ побѣды этой коалиціи, составляющія ея партіи изъ-за нея передерутся между собою. Правительству положительно необходимо убѣдить страну въ томъ, что, если указываемые имъ «консерваторы» не войдутъ въ большинствѣ въ новую палату, то тотчасъ же произойдетъ «радикальная» революція. Но его положеніе такъ ложно и стремленія составляющихъ коалицію партій до того различны, что даже и при этомъ оно не можетъ обѣщать ничего болѣе, какъ три года порядка подъ охраною шпаги маршала. Народъ, слѣдовательно, нужно при этомъ убѣдить еще и въ томъ, что всѣ консерваторы рѣшились въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ не стоять за свои мнѣнія и не бороться за нихъ, что начать они должны тотчасъ же, т. е. спрятать по карманамъ свои знамена и выставить въ каждомъ округѣ по одному кандидату отъ всей коалиціи, котораго власти и стали бы поддерживать именемъ Мак-

Магона. Таковъ именно идеалъ выборовъ, къ осуществленію котораго стремится правительство.

Къ сожалѣнію для него, только одни орлеанисты считаютъ такой идеалъ практически осуществимымъ, надѣясь, что онъ будетъ для нихъ полезенъ. Чистые роялисты не прочь прикрыться именемъ Мак-Магона, но они не хотятъ принимать на себя такую роль, которая заставляла бы сомнѣваться въ нихъ, не рѣшились ли они дѣйствительно отказаться отъ короля, да, кромѣ того, они положительно несогласны на дальнѣйшее продленіе республики, хотя бы «всего на три года». Между имперіалистами есть и такіе — и, какъ это ни комично, знаменитый Поль де-Кассаньякъ въ ихъ числѣ!—которые готовы принять правительственную програму, воздерживаться отъ криковъ: «да здравствуетъ императоръ!» и «искренно» оставить своего будущаго цезаря смиренно ждать политическаго совершеннолѣтія — 25 лѣтъ; но бо́льшая часть изъ нихъ на это не согласны. Во главѣ послѣднихъ—Руэръ, и въ средѣ ихъ не мало опытныхъ дѣльцовъ, фабриковавшихъ не однажды законодательныя собранія въ теченіи 18 лѣтъ. Они близко знакомы съ выборной механикой и хорошо понимаютъ, что въ имени Мак-Магона не заключается ничего, что̀ могло бы увлечь за нимъ массы и что смѣшиваніе того, что̀ могло привязывать невѣжественныя массы къ имперіи съ тѣмъ, что̀ ихъ устрашало при бурбонской монархіи, можетъ послужить только во вредъ имперіалистскимъ кандидатурамъ. Такъ, напримѣръ, въ Шарантскомъ Департаментѣ или въ департаментѣ Жиронды земледѣльцы—пламенные сторонники наполеоновской легенды, но не терпятъ клерикализма; противъ бѣлаго знамени они готовы поднять революцію, а, въ сравненіи съ орлеанистскими буржуа, они—чуть не соціалисты. Такое настроеніе умовъ, рѣшительно необъяснимое для лицъ, незнакомыхъ основательно съ бытомъ земледѣльческихъ классовъ Франціи, съ 1860 года свыкшихся съ равенствомъ и цезаризмомъ, тѣмъ неменѣе до того реально, что въ одномъ изъ подобныхъ департаментовъ, прозванномъ за невѣжественность его населенія «континентальною Корсикой»—принцъ Жеромъ-Наполеонъ намѣренъ выступить въ качествѣ республиканца изъ 363-хъ, для борьбы со всякимъ другимъ имперіалистскимъ кандидатомъ изъ согласныхъ на совмѣстное дѣйствіе съ клерикалами и роялистами. Бонапартисты, согласившіеся, подобно Кассаньяку, на правительственную програму, могутъ, конечно, выиграть этимъ отъ любезности де-Фурту или протекціи де-Брольи нѣсколько лишнихъ оффиціальныхъ кандидатуръ, которыхъ иначе они не получили бы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они рискуютъ при этомъ потерять нѣсколько депутатскихъ мѣстъ, уже занимаемыхъ ими, да, сверхъ того, вліяніе принца Наполеона можетъ значительно распространиться въ ущербъ Наполеону IV.

Руэра вообще никакъ нельзя упрекнуть въ недостаточной дѣятельности въ пользу императорскаго принца. Послѣ нѣсколькихъ

совѣщаній съ наиболѣе близкими съ нимъ изъ министровъ, де-Фурту и Брюнэ, въ видахъ принятія правительствомъ составленнаго имъ списка имперіалистскихъ кандидатовъ, на что, однако, не послѣдовало согласія Деказа и де-Брольи, онъ съѣздилъ въ Чайзльгёрстъ для опредѣленія ббраза дѣйствій, какой долженъ принять будущій императоръ какъ въ настоящую минуту, такъ и въ ближайшемъ будущемъ, и, по возвращеніи, учредилъ въ Парижѣ центральный избирательный бонапартистскій комитетъ изъ пятнадцати членовъ, образовавъ при немъ исполнительную комиссію изъ четырехъ лицъ (Руэръ, герцогъ Падуа, баронъ де-Макко (Mackau) и адвокатъ Жолибуа). Комитетомъ этимъ тотчасъ же, не дожидаясь правительственнаго выбора, были избраны во всѣ благопріятные бонапартистамъ избирательные округа кандидаты, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращалось вниманіе на обязательства, принятыя на себя правительствомъ относительно роялистовъ, а въ другихъ—не обращалось. Такъ, напримѣръ, въ Жирондскомъ Департаментѣ, гдѣ графъ Шамборъ требовалъ лично оффиціальной кандидатуры для своего ближайшаго партизана Караон-Латура, комитетъ этотъ выставилъ кандидатуру Граса. Въ департаментѣ Сены-и-Марны, однако, рекомендованный комитетомъ кандидатъ своею излишнею горячностью надѣлалъ бонапартистамъ немало хлопотъ. Кандидатъ этотъ—хорошо извѣстный читателямъ по своей шумливости депутатъ Тристанъ Ламбѐръ. Предвидя, что ему въ этомъ ббругѣ придется вести весьма серьёзную борьбу съ кандидатомъ-орлеанистомъ, пользующимся значительнымъ вліяніемъ на населеніе округа, нетерпѣливый этотъ кандидатъ, не извѣстивъ даже предварительно о своемъ намѣреніи администрацію, отважился напечатать письмо, въ которомъ заявлялъ, что онъ въ этомъ ббругѣ будетъ единственнымъ кандидатомъ, котораго правительство станетъ поддерживать, и въ то же время не удержался отъ заявленія о томъ, что «съ окончаніемъ полномочій маршала» онъ «направитъ всѣ свои усилія къ достиженію плебисцита и утвержденію имперіи, *авторитарной имперіи 1852 года*».

Такая несдержанная и откровенная торопливость до-нельзя раздражила орлеанистовъ, и брганъ герцога Деказа, «Moniteur Universel», съ такимъ ожесточеніемъ набросился на бонапартистовъ, что вызвалъ безпокойство въ де-Брольи, изобрѣтателѣ «безсрочнаго макмагонизма», и заставилъ де-Фурту въ «сообщеніи» обличить во лжи Тристана Ламбѐра, «самопроизвольно явившагося въ качествѣ оффиціальнаго кандидата», и отправить ко всѣмъ префектамъ циркулярную телеграмму, въ которой подтверждалось, что «на правительственную поддержку могутъ разсчитывать только такіе кандидаты, которые согласятся слѣдовать политикѣ согласія и единенія между всѣми фракціями, составляющими консервативную партію». Слова эти слѣдовало понимать такъ, что, такъ какъ зло уже трудно поправимо, то правительство требуетъ отъ своихъ сторонниковъ уже не того, чтобы они скрывали свои

стремленія, но чтобы, по крайней мѣрѣ, не высказывали бы ихъ подобно Ламбѣру, со всею ихъ рѣзкостью, ибо непристойно было бы заводить раздоры въ виду несокрушимости республиканскаго союза 363-хъ!

И дѣйствительно, несмотря на всѣ искушенія, какими реакція старается уловлять въ свои сѣти республиканцевъ лѣваго центра, союзъ 363-хъ остается неразрушимымъ. Напрасно газета «Français» открыто приглашаетъ кого-либо изъ увлеченныхъ послѣдовать, при всеобщемъ голосованіи, образу дѣйствій Таржэ при парламентскомъ переворотѣ 24-го мая, напрасно де-Брольи соблазняетъ ту или другую личность всякими приманками выгодъ или удовлетворенія честолюбія—а въ этомъ онъ великій мастеръ—до сихъ поръ былъ только одинъ случай временнаго дезертирства изъ республиканскаго союза. Дезертировалъ секретарь лѣваго центра Морель; но едва этотъ податливый республиканецъ явился въ свой избирательный округъ и переговорилъ съ нѣкоторыми изъ своихъ избирателей, какъ тотчасъ же убѣдился, что правительственное покровительство его кандидатурѣ будетъ одновременно и смертельнымъ ея приговоромъ, почему и поторопился опровергнуть скорѣе слухъ о своемъ отступничествѣ. Въ письмѣ своемъ, онъ объясняетъ, что, хотя онъ и отказался подписать окончательное заявленіе четырехъ фракцій лѣвой стороны, которое какъ бы уничтожало всякое различіе мнѣній между консервативными республиканцами и непримиримыми крайней лѣвой, но тѣмъ не менѣе онъ никогда не откажется отъ своего протеста противъ событія 16-го мая и своего голосованія очереднаго порядка по поводу этого событія.

Былъ еще случай, доставившій реакціи радость, но тоже весьма непродолжительную. Во время процеса одного ліонскаго банкира, бѣжавшаго изъ Франціи, въ присутствіи гражданскаго суда было прочитано письмо бывшаго радикальнаго депутата Ординэра, участвовавшаго, въ качествѣ повѣреннаго, въ спекуляціяхъ этого банкира, въ которомъ Ординэръ говоритъ, что новости иностранной политики сообщаетъ ему самъ Тьеръ, и къ дѣламъ желѣзнодорожника Филиппара примѣшиваетъ имя Гамбетты и бюджетную комиссію, бывшую подъ его предсѣдательствомъ. Письмо это вызвало цѣлый потокъ статей о деморализаціи республиканцевъ въ реакціонныхъ журналахъ, хотя адвокатами нравственности и явилось при этомъ немало лицъ, которыя, подобно бывшему министру Клеману Дювернуа, были судомъ изобличены въ мошенничествѣ, а, по выходѣ изъ тюрьмы, стали сотрудничать въ такихъ газетахъ, какъ «Soir» или «Фигаро». Поэтому, авторы этихъ статей ограничивались болѣе теоритическою проповѣдью морали, нежели разсмотрѣніемъ самаго факта, опасаясь, чтобы республиканцы не вызвали на свѣтъ божій и ихъ личныхъ продѣлокъ въ томъ же родѣ, да и «République française» сразу прекратила возможность дальнѣйшихъ диффамацій, доказавъ, что бюджетная комиссія «никогда не разсматривала ни одного воп-

роса, относившагося къ желѣзнодорожной дѣятельности Филиппара», а комиссія желѣзныхъ дорогъ, къ которой обращался этотъ предприниматель за ратификаціей его договора съ обществомъ орлеанской желѣзной дороги способствовала тому, что договоръ этотъ былъ отвергнутъ палатою». Кромѣ того, органъ Гамбетты порицалъ поведеніе Ординэра, какъ человѣка, стремящагося къ наживѣ и раззоряющагося на такихъ спекуляціяхъ, отъ участія въ которыхъ, какъ депутатъ, онъ былъ бы обязанъ воздерживаться. «Республиканская партія, говоритъ эта газета:—имѣетъ привычку весьма строго относиться къ тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые настолько несостоятельны, что не умѣютъ согласовать всѣ свои дѣйствія съ высотою тѣхъ принциповъ, которые они исповѣдуютъ». Ординэръ пробовалъ-было оправдаться, но даже «Mot d'ordre»—газета, въ основаніи которой, взамѣнъ «Марсельезы», загубленной штрафами, и «Radical»'я, временно пріостановленнаго, принималъ дѣятельное участіе самъ Ординэръ—едва согласилась напечатать его оправдательное письмо и помѣстила его съ оговоркою, что, оставляя отвѣтственность за него на авторѣ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращаетъ всякую полемику по этому печальному поводу, доставившему столько радости врагамъ республики. Ліонскіе избиратели, съ своей стороны, для того, чтобы, при выборахъ, случай этотъ не подавалъ повода къ новымъ скандаламъ, немедленно отказались отъ Ординэра и избрали себѣ на его мѣсто другого кандидата-республиканца—личность, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающую всякаго уваженія. Былъ еще случай, обрадовавшій консерваторовъ, но и онъ промелькнулъ только метеоромъ. Я говорю о депутатѣ округа Верхней Вьенны, Кодѐ, который не былъ выбранъ въ генеральный совѣтъ, почему и считалъ себя какъ бы вынужденнымъ отказаться и отъ депутатской своей кандидатуры. Но, такъ какъ онъ былъ побѣжденъ республиканцемъ же, который былъ ему предпочтенъ только потому, что онъ своимъ вліяніемъ можетъ быть полезнѣе Кодѐ въ той мѣстности, гдѣ лучшія имѣнія принадлежатъ ему, то избирателямъ и удалось уговорить Кодѐ—не оставлять его кандидатуры, такъ какъ «оставленіе ея имъ могло быть истолковано врагами республики, какъ его отступничество».

Я нарочно распространился объ этихъ случаяхъ (ничего другаго не было), чтобы, на основаніи извѣстнаго положенія, что исключенія подтверждаютъ правило, показать, что союзъ республиканцевъ составляетъ дѣйствительную силу, съ которой реакція будетъ неособенно легко считаться. Годовщина каждаго сколько нибудь важнаго событія подаетъ поводы къ банкетамъ и частнымъ собраніямъ, на которыхъ произносятся энергическія рѣчи противъ произвола и въ честь принциповъ 89-го года, съ осужденіемъ всего, что хотя сколько-нибудь напоминаетъ порядки монархической Франціи. Во многихъ департаментахъ, а съ особеннымъ блескомъ въ департаментѣ Сены-и-Уазы, на родинѣ Леона Рено и Вартелеми Сент-Илэра, всѣ лица, получавшія ког-

да-либо какія-либо полномочія отъ избирателей, пожизненные и выбранные сенаторы или депутаты составляютъ изъ себя кружки, рекомендующіе избирателямъ выборъ депутатовъ, разогнанныхъ 25-го іюня. Право каждаго изъ 363-хъ республиканцевъ поддерживается всѣми его товарищами, такъ же какъ и всѣмъ сенатскимъ меньшинствомъ. Точно также, и въ тѣхъ 158 избирательныхъ округахъ, въ которыхъ, въ 1876 г., монархистамъ удалось добиться своего избранія, республиканскіе кандидаты, выставляемые мѣстными комитетами, поддерживаются всѣмъ бывшимъ парламентскимъ большинствомъ чрезъ посредство центральнаго парижскаго комитета, состоящаго не изъ журналистовъ и бывшихъ депутатовъ, такъ какъ комитетъ подобнаго состава могъ бы быть подвергнутъ преслѣдованію, какъ недозволенное политическое общество съ числомъ членовъ болѣе 20-ти, но изъ сенаторовъ, которые, такъ какъ сенатъ не распущенъ, а засѣданія его только пріостановлены впредь до образованія новой палаты, сохраняютъ за собою, поэтому, всѣ привиллегіи парламентской неприкосновенности.

И реакція, такъ же какъ республиканцы, желала бы имѣть одинъ только центральный противореспубликанскій избирательный комитетъ, но это оказалось для нея невозможнымъ. Возникновеніе бонапартистскаго комитета обусловило появленіе и роялистскаго, съ Кольб-Бернаромъ въ качествѣ предсѣдателя и Робертомъ де-Мёномъ въ качествѣ секретаря. Два эти имени—оффиціальнаго кандидата временъ имперіи и отъявленнаго клерикала—своимъ соединеніемъ долженствуютъ выражать, что люди самыхъ различныхъ партій могутъ уживаться между собою подъ покровительствомъ Мак-Магона. Орлеанисты основали, стараясь не придавать ему большой гласности, особый избирательный комитетъ членовъ праваго центра, куда они хотѣли бы завербовать личностей самыхъ несходныхъ мнѣній, начиная съ герцога Брольи и кончая герцогомъ д'Одифре-Пакье. Такъ, они удовольствовались только тѣмъ, что, изъ зависти и ненависти къ бонапартистамъ, въ отношеніи которыхъ де-Фурту оказался черезъ-чуръ щедрымъ и роздавъ имъ бо̀льшую часть служебныхъ должностей, напечатали въ «Soleil» такое къ нимъ обращеніе: «Вы говорите, что въ настоящее время вы стоите за маршала, въ будущемъ же заявите себя за имперію; мы заявляемъ себя точно такъ же нынѣ за маршала, впослѣдствіи—за монархію». Графъ Парижскій, съ своей стороны, написалъ корреспонденцію въ *Times*, въ которой, напоминая о фрошсдорфскомъ соглашеніи, заявляетъ о томъ, что онъ желаетъ оставаться «внѣ политики дѣйствія», и добровольно отрицается отъ «своего права вмѣшательства въ нее». Въ корреспонденціи этой будущій Луи-Филиппъ II помѣстилъ, между прочимъ, весьма курьёзную фразу, смыслъ которой заключается въ томъ, что онъ считаетъ себя стоящимъ позади графа Шамбора, но постройка фразы вышла такою комическою («Je suis derrière quelq'un, je me tiens derrière le comte de Cham-

bord»), что заключающуюся въ ней двусмысленность парижане тотчасъ же подхватили на смѣхъ и прозвали съ этихъ поръ всѣхъ его сторонниковъ «дерьеристами». Орлеанисты вообще значительно воспрянули духомъ и рѣшились спокойно ожидать смерти Генриха V, въ надеждѣ, что послѣ нея имъ будетъ гораздо легче, чѣмъ въ 1873 году, если только въ будущей палатѣ не явится ни республиканскаго, ни бонапартистскаго большинства, отдѣлаться по добру по здорову отъ своихъ невольныхъ друзей легитимистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже черезъчуръ радужно смотрятъ на будущее, какъ, напримѣръ, одинъ генералъ, сообщившій генералу Вимпфену слѣдующія свои соображенія, которыя послѣдній имѣлъ неосторожность напечатать въ «Bien public». «Если, при помощи коалиціи, мы добьемся отъ будущей палаты низверженія республики, то мы нисколько не сомнѣваемся, что около ²/з настоящихъ республиканцевъ станутъ вмѣстѣ съ нами поддерживать графа Парижскаго противъ имперіи и лигитимистовъ... Мы приняли, впрочемъ, всѣ необходимыя мѣры, чтобы придать нашимъ политическимъ попыткамъ должную силу... Герцогъ Омальскій командуетъ корпусомъ, а другіе наши принцы, изъ которыхъ кто—полковникъ, кто—адмиралъ, кто—капитанъ, лейтенантъ или эскадронный командиръ, получили уже въ войскѣ такія вліянія и популярность, которыя теперь уже могутъ выдержать конкуренцію съ бонапартистскимъ вліяніемъ».

Такимъ образомъ, несмотря на то, что «Фигаро», этотъ главнѣйшій органъ безпримѣснаго мак-магонизма, заклинаетъ всѣми святыми консерваторовъ коалиціи «скрывать какъ можно глубже свои мысли—ибо въ этомъ заключается единственный путь, могущій привести къ осуществленію ихъ надеждъ», крики «да здравствуетъ императоръ!», и «да здравствуетъ король!» не перестаютъ ежедневно раздаваться, такъ что волей-неволей, наконецъ, вся Франція ихъ разслушаетъ. «Фигаро», по этому случаю, сталъ уже просто требовать отъ правительства, чтобы оно, если только желаетъ себѣ успѣха, стало прямо противодѣйствовать бонапартистскому и роялистскому комитетамъ, заявило себя исключительно за Мак-Магона и въ этомъ смыслѣ издало бы манифестъ, объявивъ, что будетъ поддерживать только тѣхъ кандидатовъ, которые подпишутся подъ нимъ и обязуются на три года оставить всякія свои надежды. Только такимъ способомъ можно бороться съ Тьерами и Гамбеттами, замѣчаетъ дѣйствительно вѣрно «Фигаро»; но, какъ мы уже видѣли, для правительства издать подобный манифестъ—невозможно, да и вообще проповѣдывать согласіе между партіями гораздо легче, чѣмъ достигать его на дѣлѣ. Самъ «Фигаро» оказалъ правительству въ этомъ смыслѣ медвѣжью услугу, значительно усиливъ недовольство противъ него клерикаловъ. Когда, послѣ переворота 16-го мая, произведеннаго положительно подъ клерикально-іезуитскимъ вліяніемъ, правительство увидало, что общественное мнѣніе всей

Европы посмотрѣло на это неодобрительно, оно поняло, что ему необходимо нѣсколько прикрыть свои симпатіи отъ постороннихъ взоровъ, и Виллъмессану было, конечно, сообщено, что слѣдуетъ разувѣрить общество въ томъ, что клерикальное вліяніе получило преобладающее значеніе въ правительствѣ. Но строчилы «Фигаро», не отличающіеся сдержанностью, сразу пересолили. Тонъ противуклерикальныхъ статей «Фигаро» былъ несоотвѣтственно жостокъ, и въ газетѣ этой, къ крайнему удивленію ея читателей, да, конечно, и Елисейскаго Дворца, попадались выходки въ родѣ слѣдующей: «Мы считаемъ себя вполнѣ сторонниками маршала и вѣрнѣйшими его пособниками и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы—прирожденные враги демократіи, но мы стали бы нападать на министерство, стали бы безпощадно и бѣшено бороться съ нимъ, дошли бы до требованія низверженія маршала и замѣны его Тьеромъ и даже Гамбеттой... *еслибы могли допустить мысль, что министерство 16-го мая, хотя сколько-нибудь и въ малѣйшей степени, клерикально или обязано дѣлать какія-нибудь, даже ничтожнѣйшія уступки ультрамонтанамъ!*» Дѣло было въ такомъ положеніи, когда ретивый Сен-Жене, бывшій тогда въ Россіи корреспондентомъ — прислалъ, и съ своей стороны, громовую статью противъ клерикализма, въ которой онъ указываетъ на него, какъ на поводъ къ неизбѣжной войнѣ, къ оставленію Франціи всякими союзниками и т. д., и говоритъ даже, что «*клерикализмъ, это—рѣшительная смерть Франціи!*». Бонапартисты и роялисты, понимая, какой грубый фарсъ разъигрывался передъ ними, только смѣялись, но не такъ посмотрѣли на это легитимисты, и въ «Univers» появился рядъ ядовитыхъ статей какъ противъ лицемѣрнаго правительства, такъ и противъ слишкомъ усердныхъ его газетныхъ сторонниковъ. Сен-Жене, между прочимъ, названъ былъ очень безцеремонно этою газетою словомъ polisson.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, клерикалы поняли, что имъ слѣдуетъ дѣйствовать прямо и открыто, для чего они и учредили въ улицѣ Сен-Доминикъ—Сен-Жерменъ избирательный клерикальный комитетъ, секретаремъ котораго назначенъ Адеодатъ Лефевръ. Комитетъ этотъ напечаталъ открытое письмо къ правительству и тремъ партіямъ коалиціи, въ которомъ прямо поставилъ условія, на которыхъ римская курія и общество іезуитовъ согласны помогать правительству въ избирательной борьбѣ своимъ вліяніемъ и вліяніемъ всего французскаго духовенства, такъ же какъ католическихъ клубовъ; конгрегаціонный комитетъ соглашается помогать кандидатамъ только двухъ категорій, первую изъ которыхъ онъ называетъ *кандидатами откровенно католическими*, а вторую—*кандидатами чисто консервативными*. Первыхъ онъ обязуетъ «поддерживать вездѣ, гдѣ это будетъ только возможно, но подъ условіемъ, что они развернутъ откровенно католическое знамя... не станутъ бояться, что ихъ назовутъ клерикалами, и не станутъ краснѣть за свою приверженность къ Sylla-

Ѳиз'у, какъ не краснѣютъ отъ исповѣдыванія ими символа вѣры». Вторыхъ онъ соглашается поддерживать только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не отважатся появляться кандидаты перваго рода, и потребуетъ отъ нихъ формальнаго обязательства «поддержки свободы церкви, сохраненія законовъ о полковыхъ священникахъ и высшемъ образованіи, соблюденія постановленій о праздновании воскресеній, защиты религіозныхъ корпорацій и голосованія въ ненарушимомъ видѣ бюджета вѣроисповѣданій». Еслибы оффиціальные кандидаты не удовлетворяли такимъ требованіямъ, то комитетъ считаетъ долгомъ всѣхъ католиковъ отстраняться отъ всякаго участія при ихъ избирательствѣ. Въ одной изъ статей своихъ по поводу этого заявленія, Вёльйо говоритъ, между прочимъ, что онъ предпочелъ бы выборъ любаго радикала или даже извѣстнаго комунара—кандидату мак-магоніанцу, который отказался бы назвать себя клерикаломъ!

Маркизъ де-Франльё, сенаторъ крайней правой, голосовавшій за распущеніе палаты «безъ выраженія довѣрія кабинету», напечаталъ, 22-го іюня, письмо изъ Тулузы къ де-Фурту и его товарищамъ, въ которомъ онъ объясняетъ имъ, что они напрасно выдаютъ себя за «спасителей Франціи». Негодуя на щедрую раздачу ими административныхъ мѣстъ бонапартистамъ, онъ отрицаетъ для нихъ «возможность собрать вокругъ маршала всѣхъ настоящихъ католиковъ и настоящихъ роялистовъ» и предсказываетъ имъ, что не далѣе, какъ черезъ три мѣсяца, «воскресшій призракъ имперіи заставитъ соединиться *противъ нихъ* всѣхъ, кто искренно и дѣятельно любитъ свое отечество».

Эта оригинальная выходка—неодобренная, впрочемъ, оффиціальнымъ органомъ легитимистовъ «Union»—была послѣднею каплею, переполнившею чашу горестей мак-магоніанской коалиціи. И кабинетъ, и седанскій солдатъ увидали, наконецъ, что они стоятъ на краю бездны. Очевидно, что, въ случаѣ, если республиканскій союзъ войдетъ побѣдителемъ въ новую палату, они будутъ оставлены сенатскимъ большинствомъ. Ни отсрочка засѣданій, ни распущеніе палатъ не будутъ болѣе возможными, и не останется болѣе ничего, кромѣ позорной отставки и трагическаго паденія!

Еслибы первоначальный планъ правительства, при которомъ въ каждомъ округѣ долженъ явиться одинъ мак-магоніанскій кандидатъ отъ цѣлой коалиціи, могъ осуществиться, то для правительства было бы всего выгоднѣе не медлить назначеніемъ срока выборовъ, и мнѣніе герцога Деказа, что въ виду могущихъ возникнуть компликацій по восточному вопросу, съ выборами необходимо поторопиться—было бы принято. Одно время республиканцы даже боялись, что они не успѣютъ довести до конца свою подготовительную избирательную работу, такъ какъ носились настойчивые слухи, что выборы произойдутъ въ сентябрѣ, а, можетъ быть, даже въ августѣ. Но теперь извѣстно, что они отложены на 14-ое октября, на 20 дней позднѣе закон-

наго конституціоннаго срока. Потерявъ голову, правительство, очевидно, хочетъ выиграть время, какъ можно болѣе времени, надѣясь, что ему удастся хотя какъ-нибудь дисциплинировать своихъ сторонниковъ, и разсчитывая, съ другой стороны, какъ на утомленіе страны, такъ и на возможность возникновенія какихъ-нибудь внѣшнихъ компликацій или даже внутреннихъ смутъ, которыми оно могло бы воспользоваться для своихъ цѣлей. Съ другой стороны, герои нравственнаго порядка очень хорошо понимаютъ, что, если какіе-нибудь два мѣсяца или шесть недѣль— срокъ весьма незначительный для жизни страны и въ теченіи его весьма трудно передѣлать Францію такъ, какъ имъ бы этого хотѣлось, то, въ виду возможности паденія, весьма полезно удержать за собою высокіе посты на два лишніе мѣсяца. Частныя свои дѣла въ такой срокъ можно устроить весьма благополучно!

II.

Тьеръ и консультація о срокѣ выборовъ.—Комитетъ юристовъ-республиканцевъ. — Консультація о запрещеніи продажи газетъ. — Способы противодѣйствія административному произволу.—Противодѣйствіе судовъ министерству.—Преслѣдованіе кафè и винныхъ погребковъ. — Диффамаціи «Бюллетеня Общинъ».—Легальное сопротивленіе. — Подписка въ пользу республики. — Де-Брольи и Брюне въ театрѣ Французской Комедіи.—Анархія въ средѣ консерваторовъ.—Жизненное значеніе будущихъ выборовъ для Франціи.

Одною изъ причинъ, побудившихъ маршала согласиться на отсрочку выборовъ, было то обстоятельство, что Тьеръ, въ изложеніи мотивовъ консультацій комитета республиканскихъ юристовъ, высказалъ мнѣніе, какъ разъ противуположное таковой отсрочкѣ. Хотя это изложеніе и не подписано Тьеромъ, а появилось въ печати за подписью знаменитѣйшихъ адвокатовъ Франціи, Сенара, Аллу, Жюля-Фавра, Кремьё, Леона-Рено, Герольда, Эмануэля Араго и т. д., но всѣ знали, что оно имъ продиктовано. Въ изложеніи этомъ сказано, что, въ случаѣ, когда при конституціонномъ управленіи возникаютъ конфликты между властями, то первымъ долгомъ исполнительной власти является забота о наискорѣйшемъ ихъ прекращеніи и на обязанности ея лежитъ скорѣйшій созывъ избирателей. До сихъ поръ ни одно изъ правительствъ во Франціи, пользовавшихся правомъ распущенія палаты депутатовъ, не пропускало законнаго срока для созыва новой палаты. Самый бо̀льшій срокъ до сихъ поръ былъ двухмѣсячный. Ни одно правительство не позволяло себѣ истолковывать «слово созывать» въ смыслѣ только назначенія выборовъ и не рѣшалось не считать 20 дней собственно избирательнаго періода въ трехмѣсячномъ срокѣ, составляющемъ maximum ле-

гальнаго періода распущенія, допускаемаго конституціоннымъ устройствомъ. Отступленіе «отъ подобнаго образа дѣйствій при настоящихъ обстоятельствахъ тѣмъ опаснѣе, что восточное столкновеніе можетъ каждую минуту разрушить существующее европейское равновѣсіе, а антагонизмъ, существующій на западѣ между католическою церковью и Германіей, можетъ разгорѣться въ политическую борьбу». Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ парламенты существуютъ въ полномъ своемъ составѣ и будутъ готовы дѣйствовать, когда этого потребуютъ обстоятельства, и одна только Франція находится въ такомъ положеніи, что лишена возможности оказывать на ходъ европейскихъ дѣлъ полное, надлежащее вліяніе. Изъ всего этого комитетъ заключаетъ, что созваніе избирателей должно быть произведено безъ малѣйшаго промедленія и что теперь «отсрочивать на три мѣсяца двадцатидневный выборный періодъ было бы *явнымъ беззаконіемъ и нарушеніемъ конституціи*».

Но если правительство рѣшилось на такое нарушеніе конституціи въ принципѣ, то осмѣлится ли оно его осуществить на практикѣ, и нѣтъ ли въ послѣднемъ случаѣ какихъ-нибудь средствъ, которыми можно было бы его заставить уважать конституцію? Средства къ этому даетъ законъ Тревенёка, предусматривающій случай, когда палатамъ почему-либо невозможно собираться въ засѣданія, и дающій право генеральнымъ совѣтамъ замѣнять ихъ до правильнаго открытія ихъ засѣданій. Не изъ опасенія ли этого правительство отсрочило и частные выборы въ генеральные совѣты, при которыхъ половина изъ членовъ должна была обновиться и, разумѣется, усилить ихъ республиканскій элементъ, до зимы? Эта отсрочка — такой же произволъ, какъ и поздній созывъ депутатскихъ избирателей, и въ комитетѣ юристовъ-республиканцевъ произошли двѣ консультаціи какъ о генеральныхъ совѣтахъ, такъ и о законѣ Тревенёка. Заключенія этихъ консультацій, такъ же, какъ и заключеніе о незаконности отсрочки выборовъ, будутъ полезны въ томъ отношеніи, что дадутъ прочную юридическую основу для обвиненій виновниковъ 16-го мая въ явныхъ нарушеніяхъ конституціи республиканскимъ большинствомъ депутатовъ, если таковое окажется въ новой палатѣ.

Но комитетъ юристконсультовъ, учрежденный подъ покровительствомъ сенаторовъ лѣвой стороны и имѣющій своимъ предсѣдателемъ сенатора Ренуара, бывшаго генеральнаго прокурора кассаціоннаго суда, полезенъ нетолько потому, что подготовляетъ матеріалъ для будущихъ легальныхъ обвиненій правительства 16-го мая. Учрежденіе это очень важно и въ настоящую минуту, такъ какъ оно зорко слѣдитъ за всѣми уклоненіями министерства и преданныхъ ему префектовъ отъ законныхъ путей, въ видахъ успѣха реакціи на будущихъ всеобщихъ выборахъ, а также за всѣми случаями превышенія и злоупотребленія властью поборниками «нравственнаго порядка», доставляя этимъ возмож-

ность частнымъ лицамъ добиваться на судахъ справедливости при столкновеніяхъ съ этими слишкомъ ретивыми слугами реакціи.

Главнымъ неправильнымъ дѣйствіемъ такого рода де-Фурту было принятіе имъ и примѣненіе къ практикѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ способовъ, изобрѣтенныхъ Бюффѐ для противодѣйствія свободному распространенію республиканскихъ газетъ въ противность 3-му параграфу закона 29-го декабря 1875 года (поправкѣ де-Жанзе), отнимающему у префектовъ право, которымъ они пользовались при имперіи, «запрещать уличную продажу и раздачу той или другой газеты отдѣльно». Префекты «нравственнаго порядка», по распоряженію министра, отбираютъ отъ всѣхъ газетныхъ продавцовъ и разносчиковъ выданныя имъ на свободное производство ихъ промысла позволенія и выдаютъ новыя только тѣмъ изъ нихъ, которые представляютъ предварительно списокъ тѣхъ газетъ, которыя они намѣреваются продавать. Само собою разумѣется, что въ такихъ спискахъ не должны оказываться республиканскія газеты и изданія!

Комететъ юристконсультовъ постановилъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, префекты совершаютъ «очевидное беззаконіе и прямое злоупотребленіе властью», что каждый издатель, становящійся жертвою такого произвола, имѣетъ право искать съ префектовъ какъ передъ администраціей, такъ и судебнымъ порядкомъ, вознагражденія за понесенныя имъ потери; онъ постановилъ, что такимъ же правомъ должны воспользоваться и продавцы, и разносчики газетъ, «свободное производство законнаго промысла которыхъ было затруднено неправильнымъ отнятіемъ отъ нихъ разрѣшенія на него». Очень многіе издатели провинціальныхъ газетъ уже начали судебные иски съ префектами по этому поводу. Въ Монпелье, Тулузѣ, Ориллькѣ и Діеппѣ гражданскіе суды разрѣшили продажу газетъ въ лавкахъ продавцамъ ихъ наперекоръ распоряженіямъ префекторальной полиціи. Въ Сент-Этьеннѣ нѣкоторые торговцы, продолжавшіе продажу газеты послѣ запрещенія ея имъ префектомъ, были приговорены къ штрафу, но только въ 25 франковъ и подъ предлогомъ неуплаты ими налога за торговый патентъ. Впрочемъ, и на такой приговоръ они могутъ апеллировать, такъ какъ комитетъ выяснилъ, что, при существованіи декрета правительства 4-го сентября, неотмѣненнаго версальскимъ національнымъ собраніемъ 1871 года, о свободѣ книжной торговли, каждый торговецъ, заявившій въ министерство внутреннихъ дѣлъ о своемъ желаніи открыть книжную лавку или продавать книги вмѣстѣ съ другими предметами своей торговли, имѣетъ право продавать въ своей лавкѣ и газеты безъ всякаго отдѣльнаго на то разрѣшенія префекта. Для городовъ такой законъ имѣетъ весьма важное значеніе, но для деревень онъ безполезенъ, такъ какъ тамъ дешевыя газеты, по одному су за нумеръ, составляющія единственное чтеніе населенія, не продаются въ лавкахъ, а за-

носятся разносчиками, и произвольная мѣра префектовъ сдѣлала невозможною эту розничную ихъ продажу. Получать эти газеты въ деревняхъ теперь можно не иначе, какъ по почтѣ, что увеличиваетъ стоимость каждаго нумера четырьмя сантимами почтовой платы. «Le Petit Lyonnais» чуть не совершенно раззоренъ такою мѣрою, а знаменитый «Petit Journal», республиканизмъ котораго болѣе, чѣмъ умѣренъ, потерялъ почти три четверти изъ цифры 500,000 своихъ подписчиковъ! Большія газеты вынуждены были организовать мѣсячную и даже недѣльную подписку и, кромѣ того, даровую пересылку прочитанныхъ или непроданныхъ нумеровъ для деревенскихъ кофеенъ, причемъ подписчики платятъ за одни почтовые расходы. Такимъ образомъ, благодаря усиліямъ и жертвамъ республиканцевъ, правда еще можетъ, хотя и съ трудомъ, проникать даже и въ самыя захолустныя мѣстности Франціи, несмотря на все противодѣйствіе администраціи.

Чтобы уменьшить какъ можно болѣе число центровъ, гдѣ собираются низшіе классы населенія, гдѣ они читаютъ газеты и толкуютъ о политикѣ, администрація пустила въ ходъ всякіе способы. На югѣ Франціи, гдѣ общественная жизнь такъ развита, закрыты всѣ клубы, за исключеніемъ, конечно, католическихъ; на сѣверѣ запрещены даже такія невинныя собранія, какъ, напримѣръ, собранія гимнастовъ, а масонскія ложи закрываются одна за другою по первому доносу любого шпіона, который вздумаетъ указать на то, что онъ слышалъ въ ихъ помѣщеніяхъ разговоры о политикѣ. Мало того: учителямъ запрещены сходки и съѣзды ихъ въ кантональныя помѣщенія! Какъ общая мѣра для всей Франціи, введенъ въ силу знаменитый декретъ 29-го декабря 1851 года, изданный тотчасъ же вслѣдъ за наполеоновскимъ переворотомъ и на основаніи котораго префектамъ предоставляется право безапелляціонно закрывать кофейни, погребки и кабаки безъ всякаго вознагражденія ихъ собственниковъ, если въ нихъ собираются подозрительныя правительству личности или ведутся политическіе разговоры. Вслѣдствіе этого, во многихъ большихъ городахъ, по распоряженіямъ префектовъ, были заперты кафè, представлявшія значительную стоимость, а въ мѣстностяхъ, гдѣ закрытіе ихъ было неудобно, хозяевъ ихъ обязали ежедневнымъ представленіемъ въ полицію отчетовъ о происходившихъ въ нихъ наканунѣ между посѣтителями разговорахъ! Комитетъ юристконсультовъ, вслѣдствіе обращеній къ нему множества раззоренныхъ содержателей кафè и погребковъ, указалъ министерству на существованіе разъясненія къ декрету 29-го декабря, которымъ даже Морни (3-го января 1852 г.) находилъ необходимымъ предостеречь своихъ подчиненныхъ отъ слишкомъ усерднаго примѣненія къ практикѣ этого диктаторскаго произведенія, «такъ какъ, говорится въ этомъ разъясненіи:—наносить несправедливо или легкомысленно ущербъ частной собственности значило бы не признавать одного изъ священнѣйшихъ

правъ, на которыхъ зиждется общество, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣять въ странѣ недовѣріе къ дѣйствіямъ администраціи». Комитетъ опредѣлилъ, что, кромѣ случаевъ неисполненія хозяевами заведеній этого рода законныхъ распоряженій и постановленій правительства, относящихся до производства ихъ промысла, и весьма рѣдкихъ случаевъ, когда того потребуетъ общественная безопасность, произвольное закрытіе ихъ «есть не что иное, какъ конфискація, нетерпимая ни французскими законами, ни нравами». Онъ совѣтовалъ потерпѣвшимъ жаловаться министерству и государственному совѣту, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, искать съ префектовъ вознагражденія за понесенные убытки путемъ обыкновенныхъ судовъ. Впрочемъ, едва ли дѣло ихъ выгоритъ. Хотя въ распущенной палатѣ и шелъ уже вопросъ объ отмѣнѣ декрета 29-го декабря, но, такъ какъ она не успѣла его законно отмѣнить, то, значитъ, администрація имѣла полное право дѣйствовать на его основаніи.

Противодѣйствуя свободному распространенію въ деревняхъ газетъ республиканскаго характера и возможности обсужденія политическаго положенія Франціи въ общественныхъ мѣстахъ, правительство достигаетъ еще невполнѣ своей цѣли: ему необходимо, кромѣ того, чтобы всякая опозиція противъ него умолкла, также и то, чтобы всѣ слышали о томъ, что оно намѣрено высказывать. И для этого имъ были приняты мѣры. Съ 1852 года, вмѣсто объемистаго «Бюллетеня законовъ», который прежде разсылался по всей Франціи, по всѣмъ мэріямъ разсылается извлеченіе изъ него подъ названіемъ «Бюллетеня общинъ». Листокъ этотъ предназначается для всеобщаго свѣдѣнія, почему его мѣстныя власти и обязаны прибивать или къ общинному дому, или къ приходской церкви. Въ листкѣ этомъ обыкновенно печатались, кромѣ правительственныхъ распоряженій, коротенькіе отчоты о палатскихъ засѣданіяхъ и мелкія свѣдѣнія о посѣвахъ, всходахъ хлѣба, цѣнахъ на него и т. д., необходимыя для земледѣльцевъ. Съ 6-го іюля министерство ввело въ него передовыя руководящія статьи полемическаго съ республиканцами характера. Первая изъ этихъ статей была посвящена осужденію дѣйствій распущенной палаты и, кромѣ того, въ ней же проводилась параллель между Мак-Магономъ, «нещадящимъ для Франціи своей крови», и неспособнымъ диктаторомъ, «*обогатившимся* на счетъ своего отечества». Нѣчего и говорить, что Гамбетта увидалъ въ этомъ диффамацію и рѣшился начать съ министерствомъ за нее процессъ. Во второй статьѣ, направленной противъ 363-хъ республиканскихъ депутатовъ, всѣ они безъ различія названы радикалами и дѣятельность ихъ сравнена съ дѣятельностью коммунаровъ, «такъ какъ цѣлью ихъ были дезорганизація и уничтоженіе арміи, такъ же какъ дезорганизація и уничтоженіе всего другого, составляющаго славу и благоденствіе Франціи». Немедленно вслѣдъ за появленіемъ этого нумера, множество депутатовъ, и притомъ изъ самыхъ умѣренныхъ, на-

печатали энергическіе протесты противъ этой статьи. Самый сильный изъ этихъ протестовъ принадлежитъ депутату Филиппотò, бывшему седанскому мэру. Онъ заявляетъ въ немъ, что, исполняя свои обязанности мэра въ самыя тяжелыя времена седанскаго погрома и заслуживъ тѣмъ за свой патріотизмъ уваженіе цѣлой арміи, онъ нисколько не намѣренъ позволять министерству оскорблять его на глазахъ 36,000 общинъ. Комитетъ юрист-консультовъ, на особомъ совѣщаніи по поводу статьи «Бюллетеня», призналъ въ ней «въ высокой степени всѣ признаки преступной диффамаціи», направленной противъ всѣхъ 363-хъ республиканцевъ вмѣстѣ и противъ каждаго въ отдѣльности. Онъ призналъ, что, такъ какъ эта диффамація распространена во всѣхъ общинахъ Франціи, то подлежитъ обжалованію въ судахъ каждаго избирательнаго округа оскорбленныхъ депутатовъ съ требованіемъ проторей и убытковъ и напечатанія резолюціи, которая должна быть наклеена на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наклеивается «Бюллетень». Преслѣдованіе, по заключенію юристовъ, подписавшихъ это опредѣленіе (Сенаръ, Аллу, Кремьё, Ж. Фавръ, Герольдъ, Леонъ-Рено, Леммерель, Дюрье, Бозерьянъ, Клэри и Араго), можетъ быть начато въ теченіи 3-хъ лѣтъ; оно должно быть направлено противъ типографщика и редактора или распорядителя изданія, министерство же внутреннихъ дѣлъ должно быть привлечено къ суду въ качествѣ гражданскаго отвѣтчика. 363 депутата рѣшили начинать искъ не всѣмъ вмѣстѣ, а отдѣльно или небольшими групами, такъ какъ, при такой постановкѣ дѣла, во все время, предшествующее выборамъ, и при самомъ избирательномъ періодѣ, судамъ волею-неволею придется высказываться противъ министерства «нравственнаго порядка», а общественное мнѣніе получитъ достаточный матеріалъ для обсужденія, къ какимъ средствамъ прибѣгало правительство для опороченія непріятныхъ ему республиканцевъ. Въ движеніи этомъ приняли участіе такіе умѣренные экс-депутаты, какъ названный уже мною Филиппотò, бывшій полицейскій префектъ Леонъ-Рено и представитель Вандеи—Боссиръ. «Бюллетень общинъ» получилъ въ публикѣ названіе «Лгуна общинъ» (Menteur des Communes). Хотя всѣ бывшіе депутаты, состоявшіе, въ то же время, и мэрами въ большихъ общинахъ, гдѣ назначеніе послѣднихъ зависитъ отъ правительства, и смѣщены де-Фурту, но и въ средѣ мэровъ правительство встрѣтило для себя неожиданную опозицію. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшительно отказались вывѣшивать «Бюллетень» на указанныхъ мѣстахъ, изъ опасенія, чтобы республиканскіе депутаты не привлекли ихъ къ суду въ качествѣ сообщниковъ и распространителей оффиціальной диффамаціи. Другіе, послѣдовавъ совѣту «Temps», вывѣсили «Бюллетень» на опредѣленныхъ мѣстахъ, но вырѣзавши изъ нихъ предварительно передовыя статьи. Третьи же, хотя и не рѣшились его не вывѣшивать, но перемѣнили мѣста вывѣшиванія, и тамъ, гдѣ

поселяне собираются обыкновенно, чтобы его читать, они, въ удивленію своему, видять пустое мѣсто.

Законъ 1876 года, вслѣдствіе котораго въ 33-хъ тысячахъ общинъ мэры избираются муниципальными совѣтами, весьма стѣснялъ министерство въ организаціи имъ оффиціальныхъ кандидатуръ, по подобію ихъ во времена имперіи. Благодаря этому закону, той централизаціонной цѣпи, которою можно было бы задушить свободу всяческаго голосованія, т. е. заставить повсюду населеніе вотировать за тѣ имена, списокъ которыхъ составится въ Парижѣ, недостаетъ нѣсколькихъ посредствующихъ звеньевъ. Поэтому-то, съ бо̀льшею безцеремонностью, чѣмъ въ 1852 и 1870 году, всѣ министры, одинъ вслѣдъ за другимъ, стремятся обратить всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ въ правительственныхъ выборныхъ агентовъ и угрожаютъ отставкою тѣмъ, кто станетъ вотировать на выборахъ не за кандидатовъ, пріятныхъ маршалу. Даже при Наполеонѣ III подобныя распоряженія дѣлались секретно, но современные герои нравственнаго порядка не считаютъ необходимымъ стѣсняться какими бы то ни было соображеніями и разсылаютъ открыто по своимъ вѣдомствамъ циркуляры, въ которыхъ утверждаютъ, что разъ чиновникъ получаетъ жалованье отъ того или другаго министерства, то онъ уже теряетъ право на всякую независимость и обязуется служить интересамъ этого министерства, не пренебрегая ни доносами, ни шпіонствомъ. Министръ народнаго просвѣщенія Брюне не стѣсняется все учебное вѣдомство рекомендовать усиленному надзору полиціи. Министры торговли и земледѣлія и финансовъ заявляютъ желаніе, чтобы всѣ подвѣдомственные имъ служащіе, исполняющіе даже самыя низшія обязанности, сборщики податей, таможенная стража, поливальщики улицъ, и т. д. оказались пламенными монархистами и не осмѣливались подавать голоса за республиканцевъ. Министръ общественныхъ работъ Парисъ отъискалъ даже какой-то декретъ 1852 года, вслѣдствіе котораго онъ считаетъ себя въ правѣ увольнять въ отставку служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ за образъ ихъ мыслей, враждебный правительству.

Я бы никогда не кончилъ, еслибы только захотѣлъ перечислять подробно всѣ тѣ мѣры, къ какимъ прибѣгаютъ представители правительства борьбы для того, чтобы заставить Францію на предстоящихъ выборахъ высказаться въ противность ея дѣйствительнымъ желаніямъ и стремленіямъ. Никогда попытка извращенія системы всеобщаго голосованія не предпринималась въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ бо̀льшею наглостью. Дѣло дошло до того, что директоръ почтъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ напоминаетъ почтальонамъ, что префектъ имѣетъ право просмотра поручаемой ихъ разносу корреспонденціи, писемъ, газетъ, брошюръ и т. д. Нѣсколько префектовъ уже воспользовались такимъ своимъ *правомъ* и, приказавъ доставлять себѣ всѣ получаемые журналы и газеты, поручили своимъ канцеляріямъ соста-

*

вить списки лицъ, абонированныхъ въ ихъ пашалыкахъ на республиканскія изданія, чтобы на основаніи этого факта учредить надъ ними негласный полицейскій надзоръ. Когда до комитета юристовъ дошли свѣдѣнія о злоупотребленіи этого рода, то онъ открылъ для всѣхъ пострадавшихъ даровыя консультаціи и для желающихъ отстаивать свои права передъ судомъ обязался доставлять даровыхъ защитниковъ, а, въ случаѣ надобности, согласился принимать на себя и расходы по веденію дѣлъ, уплатѣ судебнымъ приставамъ и т. д. Для покрытія такихъ расходовъ по распространенію демократическихъ газетъ повсюду во Франціи между республиканцами открылась подписка, называющаяся сборомъ су для поддержанія республики. Республиканцы не позволяютъ себѣ ни малѣйшей консомаціи въ кафѣ, безъ того, чтобы не отложить хотя одного су на этотъ сборъ. Всякій дружескій обѣдъ, всякая пирушка въ средѣ республиканцевъ, не говоря уже о банкетахъ, не обходится безъ того, чтобы, по окончаніи ихъ, каждый участникъ не вносилъ своей доли, въ капиталъ, собираемый этимъ путемъ.

Непоколебимое мужество и терпѣливое упорство въ отстаиваніи законности до сихъ поръ были качествами исключительно англичанъ и американцевъ. Французы вовсе ими не обладали. «Нравственный порядокъ» съ 24-го мая 1873 г. по 15-е февраля 1876 г. сталъ, помимо своего желанія, воспитывать въ нихъ это чувство. Съ 16-го мая 1877 г. воспитательное значеніе «нравственнаго порядка» усилилось и разобщалось повсюду, а, благодаря возникновенію комитета юристконсультовъ, отдѣленія котораго стали учреждаться во многихъ провинціальныхъ городахъ, легальное сопротивленіе гражданъ развивается въ такихъ размѣрахъ, что всякое вліяніе администраціи на суды, до сихъ поръ, благодаря централизаціи, бывшее такимъ могущественнымъ, начинаетъ исчезать, къ крайнему неудобству «правительства борьбы» въ виду близости общихъ выборовъ.

Друзья правительства совѣтовали ему, въ противодѣйствіе комитету юристовъ-республиканцевъ учредить комитетъ юристовъ-консерваторовъ, но такая мысль не состоялась по недостатку въ лагерѣ борьбы юристовъ, сколько-нибудь авторитетныхъ, и все дѣло ограничилось тѣмъ, что въ оффиціозной «Gazette des tribunaux» стали, время отъ времени, появляться *неподписанныя* опроверженія правильности нѣкоторыхъ заключеній комитета. Такъ какъ опроверженія эти почти не выдерживали критики, то помѣщеніе ихъ и не принесло никакой существенной пользы правительству. Органы реакціи вооружились всѣми своими силами противъ комитета, и во многихъ газетахъ, какъ «Фигаро», «Pays» и т. д. спрашивали съ недоумѣніемъ: какимъ образомъ правительство не закроетъ комитета, возбуждающаго по цѣлой странѣ столько противъ него затрудненій? Сдѣлать этого оно не можетъ оттого, отвѣчали республиканскіе органы, что законъ покровительствуетъ во Франціи тѣмъ, кто защищаетъ законъ. Въ

такомъ случаѣ, не остается, значитъ, ничего, кромѣ объявленія Франціи въ осадномъ положеніи, глубокомысленно заключаетъ «Фигаро».

Но осуществить и эту, повидимому, такую простую мысль для правительства нелегко. Объявить на осадномъ положеніи Парижъ, при несуществованіи палаты, означало бы произвесть государственный переворотъ; для временнаго же введенія такого положенія въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ департаментахъ необходимо имѣть предлоги. Но, такъ какъ вполнѣ естественное раздраженіе народа противъ героевъ нравственнаго порядка успокоено организаціей легальнаго сопротивленія и увѣренностью его, что результаты выборовъ, кàкъ бы ихъ ни отдаляли и ни производили, будутъ въ пользу демократіи, то никакія административныя провокаціи не вызываютъ въ странѣ ничего, кромѣ насмѣшливаго къ нимъ отношенія. Полиціи, кàкъ она ни усердствуетъ, не удаются политическіе аресты, кромѣ какъ за словесныя оскорбленія маршала, обыкновенно за какія-нибудь неосторожныя выраженія, высказываемыя съпьяна, въ кабакѣ или на улицѣ, и ни къ кому необращаемыя. Нигдѣ ни малѣйшаго бунта, ни даже сколько-нибудь многолюдныхъ скопищъ на улицахъ, ни тѣни ничтожнѣйшаго заговора! Когда маршалъ показывается гдѣ-либо въ общественныхъ мѣстахъ, ему не кланяются, поворачиваются къ нему спиной—вотъ и все! Нѣсколько болѣе разрѣшаетъ себѣ публика, когда, напримѣръ, де-Брольи или Брюне позволятъ себѣ появляться на представленіяхъ возобновленнаго «Севильскаго Цирюльника» Бомарше въ театрѣ Французской Комедіи. Въ оба представленія, когда они тамъ присутствовали, публика съ усердіемъ *подчеркивала* вызовами своими малѣйшія аллюзіи на настоящій порядокъ дѣлъ, заключающіяся въ такомъ изобиліи въ этой безсмертной сатирѣ кануна революціи. Стоило этимъ господамъ нѣсколько выдвинуться впередъ въ ихъ ложахъ, какъ поднимался въ театрѣ громкій гулъ неодобренія, такъ что оба министра вынуждены были бѣжать изъ театра до конца представленія, изъ опасенія болѣе существенныхъ выраженій общественнаго негодованія.

Все это не должно особенно веселить витязей 16-го мая, и я увѣренъ, что многіе изъ нихъ съ удовольствіемъ оставили бы маршала одного расхлебывать заваренную ими кашу, если бы засѣданія палаты были только пріостановлены, а она не была такъ легкомысленно распущена. Въ то именно время, когда долженствовалъ быть назначенъ срокъ выборовъ и законченъ списокъ оффиціальныхъ кандидатуръ, оказалась полнѣйшая невозможность осуществить на избирательной почвѣ консервативный союзъ. Еще недѣлю тому назадъ, правительство хвалилось въ «Бюллетенѣ Общинъ», что оно выставитъ по одному кандидату въ каждомъ округѣ и что сельскія населенія примутъ ихъ съ распростертыми объятіями, такъ какъ они должны были понять, что выбирать другихъ кандидатовъ, враждебныхъ маршалу,

ни къ чему бы не повело, при твердой рѣшимости Мак-Магона не оставлять своего пôста до 1880 года и разгонять всякую новую палату, составъ которой окажется ему не по-нутру. И вдругъ все пошло прахомъ! Напрасно министръ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдъ за этимъ грубымъ фарсомъ, заявилъ въ своемъ «воззваніи къ консерваторамъ», что онъ циркуляромъ извѣстилъ всѣхъ префектовъ о напоминаніи ими «избраннымъ кандидатамъ», что главнѣйшую ихъ обязанность составляетъ «не заявлять того, что̀ было бы въ противорѣчіи съ политикой правительства, приглашающею всѣхъ кандидатовъ сохранять свои личныя надежды и стремленія для будущаго времени, чтобы не вызвать въ настоящемъ препирательствъ и несогласій въ союзѣ консерваторовъ»; бонапартисты этимъ воззваніемъ оказались недовольны и самымъ рѣзкимъ тономъ отвѣчали правительству, что, такъ какъ оно не хотѣло принять всѣхъ кандидатуръ, выставленныхъ комитетомъ Руэра повсюду, гдѣ они разсчитываютъ на большинство въ свою пользу, и такъ какъ оно предлагаетъ кандидатамъ скрывать свои знамена, лишая ихъ такимъ образомъ возможности высказывать именно то, чѣмъ они могутъ дѣйствовать на населеніе, *то они считаютъ, что между ними и маршаломъ произошелъ полный разрывъ, что мак-магоновская партія умерла до своего рожденія. «Вслѣдствіе этого*, говорятъ далѣе имперіалисты: — *мы намѣрены выставлять своихъ кандидатовъ повсюду, гдѣ намъ вздумается, и, если отъ этого восторжествуютъ республиканцы, то нечего дѣлать!»* Какъ подкрѣпленіе этого отвѣта, въ «Gaulois» появилась статья, въ которой заявляется сожалѣніе, что маршалъ, «вмѣсто того, чтобы спасти Францію возстановленіемъ имперіи, поддался вліянію полудюжины политиковъ съ слабымъ мозгомъ».

Роялисты, уже и до того раздраженные тѣмъ, что бонапартистамъ досталась львиная доля въ администраціи, заявили, съ своей стороны, что они откажутъ во всякомъ своемъ содѣйствіи министерству, если бонапартистамъ и на выборахъ будетъ сдѣлана какая-нибудь уступка, и требуютъ отъ маршала, чтобы онъ открыто отказался «*отъ этихъ бунтовщиковъ*». «Безъ этого, говоритъ «Union»:—общественное мнѣніе будетъ свидѣтелемъ *стачки конспираторовъ*, при которой его *одурачатъ комедіанты*». Орлеанисты, испуганные этою свалкою, лепечутъ въ «Soleil» свои оправданія, говоря, что, такъ какъ не они совѣтовали переворотъ 16-го мая, то они не могутъ нести и никакой отвѣтственности за его послѣдствія. Подобно крысамъ, они спѣшатъ спасаться съ корабля, которому предстоитъ крушеніе. «Фигаро» приходится, въ совершенномъ отчаяніи, констатировать «безумства реакціи и расколъ консерваторовъ», изъ которыхъ одни кричатъ другимъ на каждомъ шагу: вы врете, а другіе отвѣчаютъ имъ: вы передергиваете, такъ что Европа вправѣ заключить, что во Франціи «торжество реакціи всегда равносильно водворенію анархіи!»

Съ «Фигаро» неособенно пристойно соглашаться, но въ этомъ случаѣ онъ положительно правъ. Что̀, какъ не анархію, представляетъ собою наканунѣ выборовъ этотъ консервативный союзъ, при которомъ бонапартисты требуютъ отъ правительства, чтобы оно было за нихъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, идти противъ него; легитимисты обращаются за помощью и благословеніемъ къ папѣ, утверждая, что дѣйствовать вмѣстѣ съ другими консерваторами они не могутъ; орлеанисты заранѣе бѣгутъ отъ борьбы, и посреди всей неурядицы стоитъ всѣми оставленный единственный вѣрный сторонникъ мак-магонизма, самъ Мак-Магонъ? Въ виду такой именно неурядицы стоитъ нація, спокойно ожидающая минуты, безпрестанно отдаляемой министерствомъ, когда ей предстоитъ закидать своими бюллетенями злосчастную политику наложенія оковъ на всѣ ея стремленія къ достиженію желательнаго демократическаго устройства.

Минута знаменательная, и во всей исторіи едвали существовало, что либо подобное. Въ 1830 году представлялось гораздо менѣе условій для происхожденія революціи, а, между тѣмъ, положеніе Франціи въ то время всего сходнѣе съ настоящимъ ея положеніемъ. Каковъ будетъ исходъ переживаемаго нами кризиса? Вотъ—вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ чуть не все будущее Франціи. Должно надѣяться, хотя и нельзя утверждать навѣрное, что намъ на этотъ разъ не придется переживать особенно тяжелыхъ перипетій; ручаться же можно только за одно—что исходъ нашъ изъ настоящаго политическаго состоянія, если онъ разрѣшится въ смыслѣ желательномъ для республиканцевъ, будетъ несравненно важнѣе но своимъ послѣдствіямъ для Франціи, чѣмъ это было въ 1830 году.

Франціи предстоитъ однимъ ударомъ разорвать навсегда союзъ со всѣмъ своимъ прошлымъ, со всѣмъ, что̀ уже отжило и ждетъ своего погребенія, чтобы вслѣдъ затѣмъ уже идти прямымъ путемъ къ завершенію дѣла революціи 1789 года.

Парижъ, 1-го августа 1877 г.

Людовикъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ странахъ. *Кн. А. Васильчикова.* 2 тома. Спб. 1876 г.

Кн. Васильчиковъ, авторъ извѣстнаго сочиненія «О самоуправленіи», сдѣлалъ недавно новый цѣнный вкладъ въ русскую литературу. Нѣчего много распространяться о томъ, насколько избранный для изслѣдованія предметъ важенъ и интересенъ вообще и для насъ въ особенности: каждый изъ читателей, надѣемся, знаетъ это, а потому приступимъ прямо къ ознакомленію съ самымъ изслѣдованіемъ.

Авторъ прежде всего останавливается на европейской эмиграціи, въ которой видитъ «вѣрный признакъ соціальнаго разстройства государствъ»; далѣе разсматриваетъ землевладѣніе во Франціи, Англіи и Германіи, гдѣ находитъ столько подтвержденій этому; затѣмъ опредѣляетъ наивыгоднѣйшія условія землевладѣнія и земледѣлія и переходитъ къ Россіи, предостерегая ее отъ ошибокъ Европы и выставляя настоятельную необходимость немедленно же подумать о своемъ аграрномъ устройствѣ съ необходимымъ дополненіемъ къ нему — правильною колонизаціею. Страны и мѣстности, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, идетъ эмиграція—вовсе не наиболѣе густо населенныя страны и мѣстности (Познань, Мекленбургъ, Ирландія и др.); равнымъ образомъ, не могутъ онѣ пожаловаться и на недостатокъ политическихъ правъ и религіозной свободы (напр., Англія, Пруссія), служившій въ прежнія времена причиною выселеній; точно также это—вовсе и не наиболѣе бѣдныя страны, если судить о народномъ богатствѣ по числу кораблей, по массѣ произведеній, валовой суммѣ денежныхъ оборотовъ и проч., т. е. вообще по такъ называемому національному капиталу, не вникая въ распредѣленіе богатствъ. Кн. Васильчиковъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги проводитъ рѣзкую черту между такимъ понятіемъ о богатствѣ и собственно народнымъ благосостояніемъ и приводитъ множество фактовъ, доказывающихъ, что смѣшивать ихъ нельзя, что наивысшіе моменты государственнаго богатства и

славы очень часто совпадаютъ съ наибольшею нищетою народа и что экономическія теоріи, смѣшивавшія ихъ, породили много зла, затемняли настоящія цѣли и перепутали стремленія человѣчества. Равнымъ образомъ, онъ неоднократно доказываетъ также, что политическія права, такъ много разъ провозглашавшіяся послѣднимъ словомъ прогресса, безъ экономическихъ правъ немногаго стоятъ и обращаются въ пустой звукъ. Что эмиграція является плодомъ соціальныхъ причинъ, это можно видѣть изъ тѣсной связи ея съ бѣдностью, изъ связи, которая такъ тѣсна, что достаточно неурожайнаго года, чтобы эмиграція усилилась (Англія въ 1825—6 гг., Ирландія въ 1847 г. и т. д.). Сличая громадную эмиграцію изъ Англіи и Германіи [1] съ сравнительно незначительною французскою и итальянскою эмиграціей, кн. Васильчиковъ пытается объяснить эту разницу племенными особенностями, особымъ складомъ характера саксонскихъ и романскихъ племенъ, но объясненіе это выходитъ у него довольно неудачнымъ — связь слишкомъ отдаленна, да и самъ онъ, впрочемъ, находитъ живыя, болѣе близкія причины этому, говоря, что бѣдность въ полуденныхъ странахъ, какъ Италія и Франція, не сопряжена съ такими лишеніями и физическими страданіями, какъ на сѣверѣ (6). Очень вѣроятно, что извѣстную роль здѣсь играютъ также и другія причины, въ родѣ того, что во Франціи, все-таки, гораздо больше собственниковъ, чѣмъ въ Англіи и Германіи, и т. п. Всѣ подобныя вліянія оказываются, однако, очень недѣйствительными противъ накопляющагося пролетаріата; нищета въ той же самой Франціи находится въ такомъ напряженномъ и близкомъ ко взрыву состояніи, что частыя революціонныя движенія этой страны, по мнѣнію автора, объясняются этой причиной. Въ Англіи и Германіи эмиграція, сдѣлавшись правильнымъ явленіемъ, «дѣйствуетъ, въ отношеніи пролетаріата, какъ охранительный клапанъ, выпускающій лишніе пары изъ котла»; но ошибочно было бы думать, что затрудненія такимъ образомъ устраняются и положеніе общества становится безопаснымъ: оставлять отечество и родныхъ нелегко; замѣчено, что населеніе, прежде, чѣмъ выселиться, долго бродитъ по государству, какъ бы ища хоть какой-нибудь возможности остаться дома; наконецъ, остающееся населеніе постоянно волнуется, ищетъ облегченія своего положенія и, рано или поздно, конечно, найдетъ его. Замѣчательно также, что эмигрируетъ вовсе не бѣднѣйшее населеніе, у котораго не хватаетъ даже средствъ на проѣздъ, а разрядъ людей «хотя также очень бѣдныхъ, но умѣвшихъ скопить посредствомъ усиленной работы, строгой бережливости или отъ распродажи домашняго скарба сумму или часть суммы, нужной для переселенія и перваго во-

---

[1] Изъ Англіи съ 1815 по 1869 г. выселилось 6.786,677 чел., а изъ Германіи съ 1815 по 1872 г.—3.160,310 чел., т. е. всего изъ двухъ только странъ около 10.000,000.

дворенія» (24). Это ясно доказывается тѣмъ, что эмигранты, по свѣдѣніямъ, собраннымъ нѣкоторыми правительствами, вывозятъ каждый, среднимъ числомъ, отъ 280 до 546 р. Приводя цифры высылаемыхъ ирландскими переселенцами изъ Америки въ Ирландію оставшимся тамъ родственникамъ денегъ—цифры, которыя, по однимъ только оффиціальнымъ и далеко неполнымъ свѣдѣніямъ англійской эмиграціонной комиссіи, простирались въ теченіи 14-ти лѣтъ (съ 1847 по 60 г.) до 89.716,768 р., князь Васильчиковъ обращаетъ вниманіе на то, что это высылаютъ тѣ самые ирландцы, которыхъ ландлорды постоянно осыпали упреками «въ пьянствѣ, развратѣ, лѣности и всевозможныхъ порокахъ». «Изъ всего этого, говоритъ кн. Васильчиковъ:—какъ намъ кажется, можно заключить, что европейскій пролетаріатъ и всѣ проистекающія изъ него язвы исходятъ не изъ порочныхъ нравовъ людей и даже не изъ невѣжества и грубости, а единственно изъ того безпріютнаго и безземельнаго положенія народа въ Европѣ, чего полнѣйшимъ образцомъ является Ирландія» (28). «Гнётъ безземельнаго состоянія, продолжаетъ авторъ:—становится невыносимъ, и эмиграція лучше всего показываетъ, что соціальныя смуты происходятъ вовсе не отъ «ложнаго пониманія самими рабочими своихъ интересовъ» и не отъ «подстрекательства неблагонамѣренныхъ людей, волнующихъ народныя толпы», какъ это думаютъ «поверхностные наблюдатели народной жизни» (33). Нужно знать, отъ чего люди уходятъ и чего ищутъ: «они уходятъ отъ тѣхъ порядковъ, которые лишили ихъ осѣдлости, отобрали у нихъ земли и предали ихъ произволу землевладѣльцевъ и капиталистовъ, и ищутъ за морями, за океанами ничего болѣе, какъ участка земли или такой работы, которая дала бы возможность пріобрѣсти на заработанныя деньги такой уголокъ полевыхъ угодій за дешевую цѣну съ избой, дворомъ и огородомъ» (34). Таковы исходныя положенія, выведенныя кн. Васильчиковымъ изъ изслѣдованія эмиграціи.

Разбирая землевладѣніе и земледѣліе въ трехъ важнѣйшихъ странахъ Европы, считающихся каждая особымъ типомъ землевладѣнія: крупнаго (Англія), мелкаго (Франція) и смѣшаннаго (Германія), авторъ отмѣчаетъ въ каждой изъ нихъ бытовыя и историческія особенности, несмотря, однако, на которыя можно видѣть вездѣ одну общую черту--стремленіе высшихъ классовъ къ обезземеленію народа и сосредоточенію поземельной собственности въ своихъ рукахъ. Стремленіе это далеко не ново и проявилось очень рано, но окончательное обезземеленіе народа произошло въ послѣдніе вѣка, въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, даже на нашихъ глазахъ. Средства для этого употреблялись самыя разнообразныя: первоначальнымъ основаніемъ поземельной собственности вездѣ, разумѣется, была сила, право завоевателя, затѣмъ феодальные порядки, породившіе патримоніальныя права господъ, податная льготность и стремленіе сдѣлать землевладѣніе заповѣднымъ, чего постоянно добивалось дворянство, нако-

нецъ, разныя плутни, разныя вѣжливыя и quasi-законныя насилія, мотивируемыя обыкновенно общегосударственными интересами, пользою хозяйства, экономическою и агрономическою наукою—насилія, извѣстныя подъ разными именами: разчистки помѣстій, размежеванія черезполосныхъ владѣній, разверстанія общинныхъ земель, округленій межъ, консолидацій и проч. Наконецъ, явилось еще болѣе вѣжливое средство—капиталъ, подъ давленіемъ котораго мелкая собственность исчезаетъ сама собою и уступаетъ volens-nolens мѣсто крупной собственности. Если Англія раньше другихъ странъ отказалась отъ податной льготности, отъ грубаго раззоренія и сноса крестьянскихъ деревень и выступила раньше другихъ на путь вѣжливаго мошенничества (inclosure и clearing), то она нетолько достигла тѣхъ же самыхъ результатовъ обезземенія народа, какъ и другія страны, но и достигла этихъ результатовъ гораздо раньше и полнѣе ихъ. Уступчивость англійскихъ лордовъ показала ихъ практическую сметку и дала образчикъ деликатнаго законнаго плутовства и другимъ народамъ. Упиравшееся дворянство другихъ странъ вызвало революціонныя движенія и на нѣкоторое время запоздало и задержало процессъ обезземенія. Германія, употреблявшая долгое время грубую силу для своза крестьянскихъ дворовъ (Legung der Bauernhöfe), также отказалась съ теченіемъ времени отъ насилій и перешла къ Gemeinheitstheilung, Verkoppelung, Separation, Consolidation; освободивъ крестьянъ безъ земли и предоставивъ имъ выкупать землю у помѣщиковъ по вольнымъ цѣнамъ, безъ кредита и безъ содѣйствія правительствъ, она затянула выкупъ съ 1702 до 1848 г. и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до настоящаго времени. Цѣны на землю поднимались, выкупать ихъ могли только наиболѣе зажиточные крестьяне; крестьянство раскололось на двѣ части—на имущую и неимущую, и между ними легла цѣлая пропасть. Первые (Vollbauern) превратились въ мелкихъ помѣщиковъ, вторые (kleine ländliche Stellen)—въ бобылей, батраковъ, поденьщиковъ, чернорабочихъ и вообще въ пролетаріевъ. Результатъ вышелъ нѣсколько иной, чѣмъ въ Англіи: тамъ государственная территорія принадлежитъ только 30,000 собственникамъ, тогда какъ, напримѣръ, въ Пруссіи считается 12,000 рыцарей-помѣщиковъ и около 360,000 крестьянъ полныхъ хозяевъ, но за то дворянство Германіи пріобрѣло себѣ, въ лицѣ зажиточнаго крестьянства, въ особенности съ примѣненіемъ къ нему майоратнаго наслѣдованія, надежную защиту отъ пролетаріата. «Нигдѣ, говоритъ кн. Васильчиковъ:—рознь сословій и антагонизмъ между собственниками и рабочими не поставлены въ такія непримиримыя условія, какъ въ нѣмецкихъ земляхъ; нигдѣ они не пустили такихъ глубокихъ и широкихъ корней». (284) Это—«не борьба между аристократическимъ и демократическимъ элементами, какъ въ Англіи, или между среднимъ сословіемъ (буржуазіей) и пролетаріатомъ, какъ во Франціи, но семейная и домашняя распря внутри сельскихъ об-

ществъ, между крестьянами, изъ коихъ старшіе братья надѣлены полными подворными участками, а младшіе нанимаются у нихъ въ батраки и чернорабочіе» (285). Франція, дольше другихъ странъ защищавшая сословныя привилегіи, пережила нѣсколько революцій, которыя, однако, ровно ничего не сдѣлали въ пользу крестьянскаго землевладѣнія. Дѣятели 1789 г. конфискованныя монастырскія земли и имѣнія дворянъ-эмигрантовъ продали буржуазіи; они захватили и распродавали съ торговъ даже крестьянскія общинныя земли; потерпѣвшимъ помѣщикамъ впослѣдствіи, при реставраціи, $^{2}/_{3}$ еще нераспроданныхъ ихъ имѣній были возвращены обратно, а за распроданную $^{1}/_{3}$ было выдано денежное вознагражденіе. Такимъ образомъ, великая французская революція нетолько не увеличила крестьянскаго землевладѣнія, не только не создала его, какъ это часто говорится и пишется, а, напротивъ, даже дала толчекъ къ его упадку. Передъ революціей французская территорія распредѣлялась такимъ образомъ: $^{2}/_{10}$ принадлежало духовенству, $^{3}/_{10}$ дворянству, $^{1}/_{4}$ среднимъ сословіямъ и $^{1}/_{4}$ крестьянству; послѣ революціи (въ 1815—30 г.) крупнымъ собственникамъ (среднимъ числомъ, по 880 гектар.) принадлежало 19 мил. гек., среднимъ (отъ 12 до 62 гект.)—18.300.000 гект. и мелкимъ (отъ 1 до 12 гект.)—7.450,000 гект. Въ настоящее время, крестьянству принадлежитъ лишь $^{1}/_{6}$ или 17% территоріи, тогда какъ среднимъ собственникамъ—41% и крупнымъ—42% (85). Между тѣмъ, населеніе возросло вдвое. Большинство французскихъ крестьянъ находится въ настоящее время въ положеніи нашихъ бобылей, владѣя $1^{1}/_{2}$—2 гект. или даже одною только усадьбою; около 3 мил. домохозяевъ увольняются совсѣмъ отъ оклада, потому что не имѣютъ никакого дохода, и отъ 600 до 900 тысячъ домохозяевъ—потому, что окладъ съ нихъ—только 5 сант. ($1^{1}/_{4}$ к.) и не стóитъ издержекъ взиманія. Если мы обратимъ вниманіе, что земельный окладъ во Франціи=3 фр. съ 1 гектара, то можемъ составить себѣ понятіе о такомъ землевладѣніи. «У всей этой массы 3.600,000 собственниковъ имѣется не болѣе 20,000 гект.» (51). Въ особенности интересно излагаетъ авторъ повсемѣстное преслѣдованіе общиннаго землевладѣнія, являвшагося вездѣ оплотомъ отъ пролетаріата: оно выставлялось обыкновенно тормазомъ для сельско-хозяйственныхъ улучшеній; общинныя земли разверстывались, конфисковались, продавались съ публичныхъ торговъ, захватывались частными лицами, которыя разводили на нихъ фермы и т. д. Кн. Васильчиковъ довольно подробно излагаетъ эту борьбу, кончившуюся распродажею и расхищеніемъ бóльшей части и самыхъ лучшихъ земель (стр. 62 — 70, 154 и 217); затѣмъ излагаетъ поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу общины. И люди науки (Рау, Милль, Штейнъ, Лавеле и др.), и правительства останавливаются какъ бы въ раздумьи и съ сожалѣніемъ надъ обломками общины, стремятся во что бы то ни стало сохранить ее и вдохнуть въ нее жизнь (720 — 30).

Кн. Васильчиковъ приводитъ и доказательства высокаго состоянія сельскаго хозяйства на общинныхъ земляхъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ общины «не были подавлены самоуправствомъ крупныхъ собственниковъ» и гдѣ общинное землевладѣніе еще сохранилось — въ Голландіи, Швейцаріи и частью герцогствѣ Баденскомъ (729). Эти страны могутъ служить лучшимъ доказательствомъ, что высокая культура можетъ быть и на общинныхъ земляхъ и что она вовсе не требуетъ обезземеленія народа, благосостояніе котораго можетъ идти съ нею рядомъ.

Что касается собственно наивыгоднѣйшихъ условій землевладѣнія и земледѣлія, агрономическихъ успѣховъ въ связи съ размѣрами землевладѣнія, то мы видимъ одинаково высокую культуру и при мелкомъ, и при среднемъ, и при крупномъ землевладѣніи; успѣхъ прямо опредѣляется средствами и силами, какія кладутся на обработку; смотря по тѣмъ или инымъ условіямъ, есть, разумѣется, разсчетъ соединять очень мелкія хозяйства въ большія и есть точно также разсчетъ разбивать большія экономіи на мелкія фермы. (Англія, напр., будучи страною крупнаго землевладѣнія, есть въ то же время страна мелкой культуры и т. п.). Вопросы эти кн. Васильчиковъ совершенно справедливо отводитъ на второй планъ, считаетъ ихъ не очень существенными, а ставитъ на первое мѣсто вопросъ: кѣмъ обработывается земля — самостоятельными ли хозяевами, или наемщиками? «И наука, и практика сельско-хозяйственной теоріи, говоритъ онъ:—равно и политическая экономія, согласны въ томъ, что непосредственная эксплуатація (земли) самимъ владѣльцемъ представляетъ въ агрономическомъ отношеніи неисчислимыя выгоды». Трудъ, говоритъ онъ, вообще становится наиболѣе производительнымъ, когда дѣлается вольнымъ и примѣняется къ личнымъ способностямъ человѣка, каковымъ никакъ нельзя считать трудъ наемный, хотя онъ и называется «вольнонаемнымъ» (566). Силы человѣка, разумѣется, должны прилагаться возможно полнымъ образомъ, соразмѣрно съ чѣмъ должны опредѣляться и размѣры участковъ, такъ какъ, если участки настолько малы, что неспособны пропитывать земледѣльца, то онъ будетъ искать другой работы на сторонѣ и свое хозяйство въ большинствѣ случаевъ будетъ вести небрежно. — Словомъ: «земледѣліе оказывается тѣмъ болѣе производительнымъ, чѣмъ болѣе изъ числа жителей страны и сельскихъ сословій имѣется земледѣльцевъ хозяевъ» (568). Крупное землевладѣніе не разъ уже было причиною упадка хозяйствъ и гибели государствъ. «Если бы, говоритъ кн. Васильчиковъ:—изученіе классической цивилизаціи Греціи и Рима послужило въ пользу германско-романской цивилизаціи, то она извлекла бы изъ нея общее указаніе, что централизація собственности въ высшихъ сословіяхъ, крупное землевладѣніе и денежная олигархія были и въ прежнія времена признаками и предвѣстниками распаденія обществъ» и не повторяли бы ихъ жизни «слово въ слово, черта въ черту».

Кн. Васильчиковъ находитъ, что не на фабрикѣ, а на землѣ, всего скорѣе и удовлетворительнѣе могутъ осуществиться постоянныя, естественныя и завѣтныя желанія рабочихъ — жить на своемъ хозяйствѣ, освободиться отъ наемнаго труда и вольно распоряжаться своими силами и способностями. — Эти желанія сливаются въ понятіяхъ рабочаго класса съ понятіемъ объ освобожденіи, вольности и равноправности; они лежатъ въ основѣ каждаго рабочаго движенія, хотя бы мотивы разныхъ движеній и выставлялись различные; рабочій не умѣетъ еще точно формулировать своихъ желаній, но онъ учится этому. «Никакія гуманныя мѣропріятія о регулированіи рабочихъ цѣнъ или часовъ, объ ассоціаціи хозяевъ и рабочихъ, о товариществахъ и артеляхъ его не утѣшатъ и не успокоятъ» (613). «Въ Англіи, говоритъ кн. Васильчиковъ:—ученые и государственные люди уже твердо сознаютъ, что время палліативныхъ мѣръ и полумѣръ скоро минуетъ, что рабочій вопросъ скоро превратится въ земельный, и подготовляютъ умы и понятія къ этому роковому перевороту» (164). Мало надежды, чтобы переворотъ этотъ могъ совершиться мирнымъ путемъ — покупкою рабочими земли у собственниковъ: цѣны на земли громадны, отъ 600 до 2,000 руб. за десятину, заработная плата мала; пріобрѣтеніе участка, достаточнаго для существованія, требуетъ такой суммы, которая «превышаетъ въ нѣсколько разъ сумму заработковъ и возможныхъ сбереженій человѣка во весь его вѣкъ» (612).

Положеніе Россіи совершенно иное, болѣе благопріятное: крестьянство у насъ надѣлено землею, ему принадлежитъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи 30% всѣхъ земель (казнѣ принадлежитъ 45,6%, помѣщикамъ, удѣламъ и другимъ владѣльцамъ, 24,4%); кромѣ того, у насъ еще громадныя пространства совершенно свободныхъ земель въ Сибири, Азіи, на Кавказѣ. Но въ послѣднее время положеніе это стало измѣняться, стало замѣтно, что въ жизни происходитъ какой-то процессъ, чрезвычайно схожій съ тѣмъ, какой происходилъ когда-то въ Европѣ, и стали обнаруживаться нѣкоторые зловѣщіе признаки: стали появляться безземельные люди, пролетаріи... «Пролетаріатъ зарождается и ростетъ довольно быстро въ Россіи», нѣсколько разъ говоритъ кн. Васильчиковъ въ своей книгѣ. Точныхъ свѣдѣній о числѣ безземельныхъ крестьянъ пока не имѣется, но и отрывочныя свѣдѣнія таковы, что могутъ внушать опасенія: въ Тамбовской Губерніи насчитывается уже 5% безземельныхъ крестьянъ, въ Курской 10%, въ Гродненской 13%, въ Костромской 15%, въ Ковенской 34% и т. д. Чѣмъ дальше мы углубимся на западъ, къ нашимъ европейскимъ окраинамъ, тѣмъ больше будемъ встрѣчать безземельныхъ — вліяніе Германіи несомнѣнно отразилось въ Польшѣ, Литвѣ и Прибалтійскомъ Краѣ. Въ польскихъ губерніяхъ, благодаря участковому землевладѣнію и различнымъ размѣрамъ надѣловъ, мы видимъ уже сотни тысячъ бобылей, кутниковъ, огородниковъ и батраковъ, или вовсе уже не имѣю-

щихъ земли, или имѣющихъ одну только усадебную осѣдлость. Въ Прибалтійскомъ Краѣ, благодаря тому, что баронамъ удалось провести не обязательный, а вольный выкупъ, на подобіе германскаго, изъ 75,162 крестьянскихъ дворовъ приступили къ выкупу только 10,530 дворовъ, а остальные, вѣроятно, и не приступятъ, потому что цѣны па землю поднялись до недоступной высоты—до 200 и даже 420 р. за десятину (525). Крестьянство остзейскихъ губерній и Польши рѣзко распалось на двѣ части: на имѣющихъ 50, 100 и даже больше десятинъ земли и на имѣющихъ только 3, 2 и $^1/_2$ десятины и совсѣмъ безземельныхъ[1]. Во внутреннихъ губерніяхъ большинство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ получили надѣлы средніе, ниже среднихъ, низкіе и четвертные. Если мы обратимъ вниманіе на приростъ населенія, на податную систему съ выкупными и оброчными платежами, вездѣ превышающимя нормальную доходность земли, на высокія, раззорительныя аренды, платимыя крестьянами помѣщикамъ (аренды дошли до 20 и даже до 60 р. за десятину), на то, что господствующія системы хозяйства уже отжили свой вѣкъ, между тѣмъ какъ, при отсутствіи кредита, нѣтъ никакой возможности перейдти къ болѣе раціональнымъ системамъ и т. д.—то поймемъ почему крестьянство во многихъ мѣстностяхъ отказывается отъ надѣловъ. «Моментъ этотъ, говоритъ кн. Васильчиковъ:—надо схватить». Онъ сильно вооружается противъ распространяющихся мнѣній, что мы должны идти по пути европейскихъ народовъ, что русскій бытъ не имѣетъ въ себѣ ничего своеобразнаго и представляетъ только примитивную общественную форму, черезъ которую прошли въ историческомъ своемъ развитіи всѣ народы: порядокъ первобытнаго водворенія у насъ былъ совершенно иной, чѣмъ на западѣ—князья земель ни у кого не отбирали, а только княжили и владѣли, пользуясь правомъ суда и дани; дворянскія правà на землю очень шатки, словà «собственность» и «наслѣдство» не встрѣчаются ни въ лѣтописяхъ, ни въ граматахъ; до временъ Петра землевладѣніе было не частнымъ правомъ, а только фактомъ владѣнія, сопряжоннымъ съ тягломъ, съ исправленіемъ государевой, земской или городовой службы; обѣленіе земель было исключеніемъ и милостью; только съ XVIII вѣка государи, раздавая земли царедворцамъ, узаконивають права частной собственности; черные люди, неся извѣстное тягло, владѣли землею совершено свободно—куда соха и топоръ ходили. «Они, говоритъ кн. Васильчиковъ:—собрали подъ скипетръ великихъ своихъ государей новыя земли; бродяги, казаки, старовѣры присоединили къ русской державѣ болѣе областей, чѣмъ всѣ наши арміи и флоты; станицами, волостями, міромъ занимались и защищались наши окраины» и т. д.

---

[1] Невидимая рука перетасовываетъ и другія сословія: помѣщичьи хозяйства, все болѣе и болѣе истощаемыя хищническою культурою, падаютъ и переходятъ къ другому безсословному сословію землевладѣльцевъ—капиталистовъ.

Но главная особенность нашей жизни есть мірское устройство, выработанное народомъ совершенно самостоятельно и сохранившееся въ теченіи 259 лѣтъ крѣпостнаго права. Поддерживать эти начала и вообще крестьянское землевладѣніе князь Васильчиковъ считаетъ безусловно необходимымъ, чтобы не повторять исторіи запада. «Крупное землевладѣніе, говоритъ онъ:—у насъ окончательно утратило тѣ черты, тѣ достоинства, которыя могутъ его оправдать въ глазахъ простаго народа, и сохранило только тѣ, которыя дѣлаютъ его въ хозяйственномъ отношеніи непроизводительнымъ и безплоднымъ» (828). Мы очень сожалѣемъ, что не можемъ въ библіографическомъ отзывѣ познакомить читателя со многими превосходными мѣстами разбираемаго сочиненія, показывающими въ авторѣ хорошее изученіе предмета, пониманіе народнаго духа, обширное историческое и экономическое образованіе и стремленіе стать на высшую точку безпристрастнаго отношенія къ предмету, чт такъ трудно достигается писателями при обсужденіи вопросовъ грѣшной жизни. Когда кн. Васильчикову удается вполнѣ овладѣть этимъ безпристрастіемъ, то доставляетъ большое удовольствіе слѣдить за его спокойною, глубокою и ясною мыслью.

Но... въ трудѣ кн. Васильчикова есть и недостатки, и недостатки, къ сожалѣнію, не такіе, какъ пятнышки на солнцѣ (тогда мы о нихъ и не говорили бы), а другіе, болѣе глубокіе. Къ пятнышкамъ мы и не будемъ придираться, не будемъ, напр., останавливаться на томъ, что очеркъ гоненій на общину недостаточно полонъ и могъ бы быть пополненъ интересными подробностями изъ исторіи Даніи; что статистика французскаго землевладѣнія, несмотря на выставленныя авторомъ уважительныя причины, могла бы быть изложена менѣе сбивчиво; что заключеніе, будто русскій народъ всегда дѣлилъ землю исключительно только по рабочимъ силамъ, не принимая въ соображеніе полуработниковъ и число ѣдоковъ, нѣсколько обобщено; что выводъ, будто заработная плата возрастаетъ быстрѣе цѣнъ на хлѣбъ и на другіе жизненные припасы и что цѣны на хлѣбъ въ теченіи настоящаго столѣтія или вовсе не измѣнились, или даже упали, (601—612) нуждается въ болѣе обстоятельномъ разсмотрѣніи и т. д. Всѣ эти вопросы, разумѣется, очень важны сами по себѣ: такъ называемые сиротскіе и вдовьи надѣлы, существующіе во многихъ нашихъ деревняхъ, показываютъ, что къ раздѣлу земель по рабочимъ силамъ, имѣвшему самое широкое приложеніе, когда земли было въ волю, присоединяется и другое соображеніе; а на счетъ заработной платы есть писатели, которые доказываютъ какъ разъ обратное, т. е. что цѣны на хлѣбъ и другіе жизненные припасы возростаютъ гораздо быстрѣе заработной платы. Мы припоминаемъ такія указанія у Блока, Р. Будона, Тука.

Но всѣ эти вопросы — второстепенные, потому что они не имѣли серьёзнаго вліянія на выводы автора. Насъ гораздо больше интересуютъ практическіе совѣты кн. Василь-

чикова, которые онъ предлагаетъ для поправленія нашихъ дѣлъ и поземельнаго устройства. Эти совѣты, по настоящему, должны были бы быть дальнѣйшимъ логическимъ развитіемъ мыслей, изложенныхъ во всемъ сочиненіи; между тѣмъ, они являются какъ бы противурѣчіемъ имъ и полны недоразумѣній.

Князь Васильчиковъ рекомендуетъ прежде всего установленіе сроковъ для передѣловъ крестьянскихъ земель и арендованія частныхъ имѣній. Это онъ считаетъ первымъ, наиболѣе нужнымъ и дѣйствительнымъ шагомъ къ улучшенію сельскаго хозяйства. (680) Установленіе сроковъ для передѣловъ, т. е. регламентированіе передѣловъ, прежде всего должно стѣснить мірскую волю, затѣмъ, такъ какъ этимъ путемъ имѣется въ виду возможно продлить сроки для передѣловъ, то не будетъ ли это первымъ шагомъ къ участковому землевладѣнію, къ погибели того, что самъ князь называетъ «животворнымъ началомъ»? Мы думаемъ, что передѣлы наши вовсе не такъ часты, не такъ гибельны для хозяйства и что и при нихъ возможно множество улучшеній. Что касается до арендованія помѣщичьихъ земель, то мы не понимаемъ, какъ это вяжется съ краснорѣчивыми доводами въ пользу того, чтобы крестьянинъ прилагалъ весь свой трудъ не къ чужой, а къ своей землѣ? Вѣроятно, авторъ предполагаетъ такъ устроить крестьянъ, чтобы они постоянно нуждались въ арендованіи чужихъ земель? Такъ оно и есть. «Никакой подарокъ, говоритъ онъ:—не былъ бы для русскаго крестьянина болѣе вреденъ, какъ чрезмѣрное расширеніе земельнаго надѣла; во всей сѣверной полосѣ, отъ Олонецка до Вятки и Самары, широкій надѣлъ крестьянъ вовсе не способствовалъ улучшенію ихъ быта, а, напротивъ, разстроилъ и продолжаетъ разстраивать сельское хозяйство.» (813) Но какія же доказательства приводятся этому? А никакихъ, или, собственно говоря, одно—что земля обработывается небрежно. Князь Васильчиковъ полагаетъ, что maximum надѣла на дворъ, состоящій изъ 3 рабочихъ душъ, долженъ быть никакъ не болѣе 10—15 дес., при чемъ 15 дес. допускаются только *въ нѣкоторыхъ* степныхъ губерніяхъ, гдѣ рабочая пора—6 мѣсяцевъ и земля не унавоживается. (812) Но почему же, спросимъ мы:—10, а не 2 или 3 десятины, съ которыхъ, при раціональной обработкѣ, можно получить столько же, сколько и съ 10 десятинъ? Видите ли, князь Васильчиковъ выводитъ этотъ размѣръ по другимъ европейскимъ странамъ, примѣняясь къ рабочей силѣ. Но не самъ ли же князь Васильчиковъ приводитъ слѣдующіе размѣры заграничныхъ хозяйствъ, обработываемыхъ собственными силами семьи и считающихся за норму самостоятельнаго хозяйства: въ Шотландіи 15 дес., въ Германіи отъ 12½ до 20 дес., въ Венгріи 20¼ дес., въ Америкѣ 14,8 дес., въ Англіи 14,8 дес. и т. д. (809—836)? Не самъ ли князь Васильчиковъ приводитъ, что у насъ одинъ работникъ обработываетъ по 14 дес. (689)? Такимъ образомъ, выходитъ, что надѣлъ въ 10 дес. на дворъ вовсе не сообразуется съ дѣйстви-

тельною рабочею силою двора, а сообразуется только съ вычисленіями князя Васильчикова, который желаетъ направить остатокъ или, лучше сказать, половину силъ на арендуемыя земли. Еще менѣе, конечно, такой надѣлъ сообразуется съ возможностью самостоятельнаго существованія крестьянина: съ десятины въ Европѣ получается въ 5 и болѣе разъ больше хлѣба, чѣмъ съ нашей десятины. Но князь Васильчиковъ мимоходомъ даже откровенно высказывается по этому поводу: онъ признаетъ «совершенно нормальнымъ» такое положеніе, когда при среднемъ надѣлѣ 3—4 дес. на душу, изъ крестьянскаго двора, состоящаго изъ 3 братьевъ, одинъ отходитъ на заработки, а двое остаются дома для хозяйственныхъ работъ. (572) Князь Васильчиковъ въ своихъ разсчетахъ доходитъ иногда до такого увлеченія, что забываетъ и о «пролетаріатѣ, растущемъ довольно быстро въ Россіи», и о главной цѣли своего труда и говоритъ, что крестьянство у насъ надѣлено такими надѣлами, которые «далеко превышаютъ рабочія силы мѣстнаго населенія и обратились въ тягость (?) сельскимъ обществамъ и всему крестьянскому сословію» (813), что крестьяне, стѣсненные землей—только «исключеніе» (675), что крестьянскаго землевладѣнія у насъ 158.000,000 дес., тогда какъ помѣщичьяго только 63 мил. (496), что во многихъ губерніяхъ у насъ приходится на 1 дворъ отъ 26 до 58 дес., что въ Землѣ Войска Донскаго на 1 служилаго казака приходится 147 дес., въ Кубанскомъ—169 дес., Астраханскомъ—284, Оренбургскомъ—226, Уральскомъ—464 и т. п. (813) Изъ этого можно бы было сдѣлать много выводовъ и отложить всѣ печали на счетъ аграрнаго устройства... Но очевидно, что авторъ увлекается. У него вообще цифры довольно часто танцуютъ и становятся, смотря по желанію, то больше, то меньше, чего статистическимъ цифрамъ дѣлать не полагается. Не объ уральскихъ и оренбургскихъ казакахъ мы толкуемъ, а о крестьянахъ. Если мы въ крестьянское землевладѣніе включимъ колонистскія земли, 40 мил. дес. казачьихъ земель, да прибавимъ еще сюда башкирскія степи, хивинскія владѣнія и проч., то у насъ навѣрное выйдетъ еще бо́льшая цифра, чѣмъ вышла у князя Васильчикова; но толку изъ этого будетъ очень мало. Для разъясненія недоразумѣнія отсылаемъ читателя къ «Опыту статис. изслѣд.» Г. Янсона, который выводитъ, что въ 50 губерніяхъ Евопейской Россіи крестьянамъ (вмѣстѣ съ колонистами) принадлежитъ 116,1 мил. дес. (цифра эта есть и у князя Васильчикова, въ другомъ только мѣстѣ—494 стр.), помѣщикамъ, удѣлу и другимъ частнымъ владѣльцамъ—95,3 м. и казнѣ—177,4 мил. дес. Затѣмъ, г. Янсонъ разсчитываетъ, что въ бо́льшей части губерній, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, даже государственные крестьяне не имѣютъ 5 дес. на душу, что большіе надѣлы встрѣчаются только въ 3—4 губерніяхъ и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ другихъ губерній, вслѣдствіе чего даже средніе выводы по губерніямъ не могутъ достаточно точно выражать

распредѣленія земли, что большинство помѣщичьихъ крестьянъ, составляющихъ почти половину всего крестьянскаго населенія, получили надѣлы средніе и ниже среднихъ, что земли вообще у крестьянъ недостаточно и они снимаютъ ее у помѣщиковъ. (Князь Васильчиковъ тоже, въ одномъ мѣстѣ, говоритъ, что крестьяне обработываютъ и свои, и помѣщичьи земли). Словомъ, здѣсь, полное недоразумѣніе. Далѣе, князь Васильчиковъ предлагаетъ организацію кредитнаго учрежденія для покупки крестьянами земель у помѣщиковъ. Сознавая всю важность кредита для крестьянства, мы думаемъ, что кредитъ, открытый ему для покупки помѣщичьихъ земель, не принесетъ особыхъ услугъ: вздорожаніе земель ненормально велико (100, 200 и даже 400 р. дес.), земли бо̀льшею частью истощены, выпаханы; слѣдовательно, крестьянство должно бы было надѣть на свою шею новую кабалу и надолго отказаться отъ дохода. А слѣдовательно, какъ намъ кажется, не́чего пока было и говорить объ этомъ и лучше было бы прямо предлагать колонизацію и заселеніе свободныхъ земель, которыхъ такъ много; что же касается заселенныхъ уже земель, то надо было хлопотать объ уравненіи крестьянскихъ платежей съ помѣщичьими: это, въ связи съ колонизаціей, вѣроятно, могло бы ввести цѣны на помѣщичьи земли въ нормальные предѣлы и, можетъ быть, сдѣлало бы ихъ доступными для крестьянъ. Затѣмъ, предлагая колонизацію и указывая мѣстности наиболѣе удобныя для этого, князь Васильчиковъ рекомендуетъ продавать земли по 3—4 р. за десятину подворными участками по 15 дес., при чемъ допускаетъ продажу въ однѣ руки по 2, по 3 и по 4 такихъ участка, смотря по желанію, рабочимъ силамъ и состоянію переселенцевъ. «Эта комбинація, говоритъ онъ:—на́мъ представляется, какъ *единственное* средство для нѣкотораго (хотя, разумѣется, и не совершенно точнаго) распредѣленія поземельныхъ имуществъ, соразмѣрно средствамъ и силамъ поселянъ, чего *никакими правилами* достичь невозможно». (1008). Для того, чтобы не брали лишней земли, предлагается прогрессивно возвышать цѣну на каждый послѣдующій участокъ: 1-й 45 р. 2-й 67 р. 50 к., 3-й 90 р., 4-й 135 р.; но это, конечно—неособенно сильная преграда, а потому мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующія два замѣчанія: 1) не кладется ли такимъ образомъ основаніе соціальной розни въ крестьянствѣ и на новыхъ земляхъ, не кладется ли эта рознь тѣми же самыми руками, которыя такъ вооружались противъ нея, когда разбирали германскій аграрный строй? и 2) куда же это дѣвалась община, это «животворное начало», которое также могло бы быть средствомъ уравнительнаго распредѣленія поземельныхъ имуществъ, и средствомъ лучшимъ, къ которому не пришлось бы добавлять въ скобкахъ «хотя, разумѣется»?.. и т. д. Но это все позабыто. Вы видите теперь, что практическіе совѣты князя Васильчикова нетолько не представляютъ собою дальнѣйшаго логическаго развитія изложенныхъ въ сочиненіи мыслей, а, напротивъ, идутъ даже имъ

въ разрѣзъ. Одно дѣло—писать о заграницѣ и о далекомъ прошломъ, другое—о себѣ и о настоящемъ; одно дѣло—быть безпристрастнымъ къ чужимъ дѣламъ, другое—къ своимъ; одно дѣло—разсуждать, другое—примѣнять разсужденіе. Это—очень старая, но, тѣмъ не менѣе, очень грустная исторія. Мы думаемъ, что писатель долженъ всегда доводить свою мысль до логическаго конца; если онъ—даже публицистъ и главная его задача—проводить извѣстные принципы въ жизнь, то онъ долженъ только примѣняться и примѣнять свои принципы къ извѣстнымъ условіямъ, но отнюдь не поступаться ими: иначе писателя можно заподозрить въ безпринципности и даже въ противуположныхъ принципахъ. Вступать съ своими принципами въ компромиссы писатель не долженъ—ихъ всегда сдѣлаетъ жизнь, и сдѣлаетъ обыкновенно больше, чѣмъ нужно. Людей, у которыхъ начинаются разные охи! ахи!, сожалѣнія и сомнѣнія при всякомъ общественномъ преобразованіи, такъ много, что на нихъ въ этомъ отношеніи всегда можно положиться, и стремиться угодить имъ—значитъ дѣйствовать въ пользу реакціи, противъ себя. Желаніе угодить всѣмъ есть путь очень скользкій и, главное, недостаточно чистый. Все это дѣлаетъ одну половину сочиненія князя Васильчикова, половину, такъ сказать, теоритическую, прекрасною, другую же половину, практическую—никуда негодною.—Мы прочли это сочиненіе съ большимъ удовольствіемъ, но въ устроители русской земли, какъ бы въ ней ни мало было порядка, автора не пригласили бы, не пригласили бы потому, что неизвѣстно—какому Богу онъ поклоняется и что̀ будетъ не говорить, а дѣлать. Мы позволимъ себѣ напомнить князю Васильчикову одно мѣсто изъ премудростей Іисуса сына Сирахова—мѣсто, подходящее къ нему; вотъ оно: «Горе сердцамъ страшливымъ, и рукамъ ослабленнымъ, и грѣшнику, ходящу на двѣ стези».

Анна Каренина. Романъ *графа Льва Н. Толстого*. Часть восьмая и послѣдняя. Москва, 1877.

Графъ Л. Н. Толстой изморилъ своихъ читателей, печатая «Анну Каренину» впродолженіи трехъ лѣтъ съ большими перерывами. Интересъ, возбужденный первыми главами романа, давно остылъ. Нѣсколько превосходныхъ отдѣльныхъ мѣстъ не выкупали вялости и убійственной растянутости цѣлаго, такъ что подъ конецъ интересъ большинства читателей можно бы было формулировать въ видѣ ряда вопросовъ: женится ли Левинъ на Китти? что̀ станется съ Анной Карениной? и проч. Это—плохой знакъ для романа, когда интересъ къ нему сводится на интересъ къ его внѣшней фабулѣ. Правда, большинство читателей относится такъ къ большинству романовъ; но графъ Толстой владѣлъ прежде секретомъ (и, надо надѣяться, не потерялъ его и теперь) возбуждать интересъ болѣе глубокій. Какъ бы то ни было, но теперь, когда Анна Каренина умерла, Левинъ женился, Китти вышла замужъ, вопросамъ о судьбѣ дѣйствующихъ лицъ

нѣтъ мѣста (воронòй жеребецъ Вронскій въ счетъ не идетъ), а потому вышедшій нынѣ отдѣльной книжкой эпилогъ многихъ, вѣроятно, даже удивитъ: зачѣмъ, дескать, онъ?

Эпилогъ этотъ, однако, завершаетъ собой сторону романа, едва ли не самую любопытную, хотя, сколько намъ извѣстно, весьма мало обратившую на себя вниманіе. Дѣло въ томъ, что всѣ дѣйствующія лица романа, кромѣ одного, отличаются чрезвычайно твердою поступью. Плаксивая, сѣренькая Долли, воронòй жеребецъ Вронскій, ученый Кознышевъ, бон-виванъ Облонскій, чиновный Каренинъ — всѣ эти люди почти не знаютъ колебаній и сомнѣній насчетъ своего жизненнаго пути. Если какое-нибудь экстренное событіе и выбиваетъ ихъ изъ сѣдла, то они мятутся очень недолго и вновь быстро взбираются на своего конька. Собственно говоря, такова и героиня. Анна Каренина, несмотря на свою трагическую судьбу. Во всякомъ случаѣ, не таковъ излюбленный герой графа Толстого—Константинъ Левинъ, который, правда, какъ это часто бываетъ съ излюбленными героями авторовъ, вышелъ сравнительно блѣденъ, не рельефенъ, но который, все-таки, рѣзко выдвигается изъ толпы дѣйствующихъ лицъ романа именно отсутствіемъ нравственнаго равновѣсія. Повидимому, впродолженіи печатанія, планъ романа потерпѣлъ измѣненія, можетъ быть, даже не одинъ разъ. Но въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ, очевидно было намѣреніе автора противопоставить колебанія и сомнѣнія Левина твердости и самоувѣренности другихъ. Эти другіе увѣрены, что они дѣлаютъ чрезвычайно важныя всероссійскія дѣла; что они имѣютъ полное право поступать такъ, кàкъ они поступаютъ; что ихъ правà на общее уваженіе, на жизнь, полную наслажденій, на извѣстное общественное положеніе непоколебимы и несомнительны и т. п. Словомъ, такъ или иначе, но они привели себя въ равновѣсіе со всею сферою своей жизни и дѣятельности. Левинъ не знаетъ этого равновѣсія; онъ его страстно ищетъ, но не можетъ примириться съ тѣми образцами его, которые видитъ вокругъ себя И это дѣлаетъ Левина нетолько глубоко-симпатичнымъ, но заинтересовываетъ читателя тѣмъ высшимъ интересомъ, котораго, разумѣется, не имѣли нетерпѣливыя московскія дамы, засылавшія, какъ разсказываютъ, къ наборщикамъ и корректорамъ «Русскаго Вѣстника» за справками: чтò станется съ героиней романа, Анной Карениной? Правда, графъ Толстой заставляетъ иногда своего любимца продѣлывать изумительныя глупости (напримѣръ, сцены, когда онъ ревнуетъ жену къ какому-то пріѣзжему оболтусу), но въ общемъ онъ былъ близокъ къ достиженію естественной цѣли каждаго романиста: сдѣлать своего любимца любимцемъ читателя. Трудно теперь, не имѣя въ рукахъ всего романа (а гдѣ же рыться по тремъ годамъ «Русскаго Вѣстника»?), прослѣдить всѣ подробности колебаній Левина и его погони за душевнымъ спокойствіемъ, за нравственнымъ равновѣсіемъ. Но мы помнимъ два очень характерныя, въ этомъ отношеніи, мѣста. Во-первыхъ, раздумье Ле-

вина на сѣнокосѣ, во-вторыхъ—его разговоръ съ Облонскимъ и а охотѣ. И тамъ, и тутъ вы видите человѣка, которому совѣст ь не даетъ покоя, который хочетъ знать правду, справедливост ь и осуществить ее въ своей личности. Онъ чувствуетъ, что есть какое-то огромное несоотвѣтствіе между его образомъ жизни и его понятіями о справедливомъ и честномъ, но все еще колеблется, ищетъ. Это несоотвѣтствіе должно быть устранено. Надо или жить иначе, или думать иначе. На сѣнокосѣ, наединѣ съ самимъ собой, Левинъ, помнится, склоняется къ первому рѣшенію; позже, въ разговорѣ съ Облонскимъ — ко второму.

Эпилогъ разсказываетъ намъ, какъ все это кончилось. Левинъ больше не колеблется; онъ обрѣлъ душевный покой, привелъ себя въ равновѣсіе со всей сферой жизни и дѣятельности. Вотъ какъ это случилось. Со смерти брата Николая, Левина посѣтили новыя колебанія и сомнѣнія. Онъ задалъ себѣ вопросъ: «что я такое и зачѣмъ я здѣсь?», то-есть зачѣмъ онъ живетъ на землѣ? и не нашелъ отвѣта, а безъ такого отвѣта, казалось ему, жить нельзя—надо умереть. Вопросы эти старые, какъ человѣческая мысль. На нихъ давала отвѣты религія, но Левинъ, какъ говорится—«невѣрующій». Давала отвѣты метафизика, но разныя матеріалистическія и спиритуалистическія системы представляются ему безплодною игрою ума. Наука тоже не удовлетворяетъ его, и это совершенно понятно, такъ какъ, съ научной точки зрѣнія, его вопросы прежде всего не научны, то-есть не подлежатъ юрисдикціи науки. Левинъ приходилъ въ отчаяніе. Замѣчательно, однако, что отчаяніе находило на него только тогда, когда онъ задавалъ себѣ эти вопросы, а когда онъ «просто жилъ», занимался хозяйствомъ, дѣлами, охотой и проч., «онъ какъ будто зналъ: и что онъ такое, и для чего онъ живетъ, потому что твердо и опредѣленно дѣйствовалъ и жилъ; даже въ это послѣднее время онъ гораздо тверже и опредѣленнѣе жилъ, чѣмъ прежде». Дѣйствительно, къ великому изумленію внимательнаго читателя «Анны Карениной», у Левина, колеблющагося, сомнѣвающагося, ищущаго Левина, оказывается такая программа жизни, твердости и опредѣленности, которой могли бы позавидовать и Вронскій, и Каренинъ, и Кознышевъ, и Облонскій. Вотъ что, напримѣръ, зналъ теперь Левинъ: «Жить въ семьѣ такъ, какъ привыкли жить отцы и дѣды, то-есть въ тѣхъ же условіяхъ образованія и въ тѣхъ же воспитывать дѣтей, было несомнѣнно нужно. Это было такъ же нужно, какъ обѣдать, когда ѣсть хочется, и для этого такъ же нужно, какъ приготовить обѣдъ, нужно было вести хозяйственную машину такъ, чтобы были доходы. Такъ же несомнѣнно, какъ нужно отдать долгъ. нужно было держать родовую землю въ такомъ положеніи, чтобы сынъ, получивъ ее въ наслѣдство, сказалъ такъ же спасибо отцу, какъ Левинъ говорилъ спасибо дѣду за все то, что онъ настроилъ и насадилъ. И для этого нужно было не отдавать земли въ наймы, а самому хозяйничать, держать скотину, навозить

поля, сажать лѣса». Но всего этого мало. Левинъ нетолько зналъ, что слѣдуетъ извлекать изъ своей земли доходы (прежде онъ въ этомъ сильно сомнѣвался), но онъ зналъ, *какъ* их слѣдуетъ извлекать. «Онъ зналъ, что нанимать рабочихъ надо было какъ можно дешевле; но брать въ кабалу ихъ, давая впередъ деньги дешевле, чѣмъ они стоятъ, не надо было, хотя это и было очень выгодно. Продавать въ безкормицу мужикамъ солому можно было, хотя и жалко было ихъ; но постоялый дворъ и питейный, хотя они и доставляли доходъ, надо было уничтожить. За порубку лѣсовъ надо было взыскивать сколь возможно строже, но за загнанную скотину нельзя было брать штрафовъ, и, хотя это и огорчало караульщиковъ и уничтожало страхъ, нельзя было не отпускать загнанную скотину. Петру, платившему ростовщику десять процентовъ въ мѣсяцъ, нужно было дать взаймы, чтобы выкупить его; но нельзя было спустить и отсрочить оброкъ мужикамъ-неплательщикамъ. Нельзя было простить работнику, ушедшему въ рабочую пору домой потому, что у него умеръ отецъ, какъ ни жалко его было, и надо было расчесть его дешевле за прогульные, дорогіе мѣсяцы; но нельзя было и не выдавать мѣсячины старымъ, ни на что ненужнымъ дворовымъ. Левинъ зналъ тоже, что, возвращаясь домой, надо было прежде всего идти къ женѣ, которая нездорова, а мужикамъ, дожидавшимся его уже три часа, можно было еще подождать, и зналъ, что, несмотря на все удовольствіе, испытываемое имъ при сажаніи роя, надо было лишиться этого удовольствія и, предоставивъ старику безъ себя сажать рой, пойти толковать съ мужиками, нашедшими его на пчельникѣ».

Вотъ сколько твердыхъ, несомнѣнныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полезныхъ свѣдѣній пріобрѣлъ Левинъ съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его разговаривающимъ съ Облонскимъ, когда онъ сомнѣвался, имѣетъ ли онъ право получить пять тысячъ дохода съ имѣнія и не долженъ ли онъ отдать это имѣніе мужику. Теперь все это прошло; теперь онъ, «не переставая, чувствовалъ въ душѣ своей присутствіе непогрѣшимаго судьи, рѣшавшаго, который изъ двухъ возможныхъ поступковъ лучше и который хуже; и какъ только онъ поступалъ не такъ, какъ надо, онъ тотчасъ же чувствовалъ это». Когда и какимъ образомъ снизошелъ миръ въ его мятущуюся душу, когда и какимъ образомъ свилъ себѣ въ ней гнѣздо «непогрѣшимый (и, мимоходомъ сказать, довольно снисходительный) судья»—это остается тайной автора. Но если Левинъ пріобрѣлъ столько полезныхъ свѣдѣній, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, потерялъ всякое право на интересъ къ нему читателя. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ его мученія изъ-за вопросовъ о томъ, что онъ такое и зачѣмъ онъ здѣсь, мученія, позывавшія его даже на самоубійство, не стоютъ ломанаго гроша, потому что онъ ищетъ теперь уже не программы жизни, не нравственнаго равновѣсія—оно уже имъ достигнуто — а только внѣшней для него санкціи. Прежде совѣсть и разумъ волновались едино-

временно. Теперь, когда совѣсть успокоилась, замолчала—заставить и разумъ молчать совсѣмъ ужъ нетрудно. Можно и за соломинку схватиться. Такъ именно поступаетъ Левинъ. Одинъ крестьянинъ сказалъ ему, между прочимъ, что есть люди, живущіе «для нужды своей», и есть такіе, которые «для души живутъ, Бога помнятъ». Эти слова такъ и освѣтили Левина. Онъ сразу получилъ отвѣтъ на свои мучительные вопросы и успокоился. Ка̀къ это случилось — понять довольно трудно, потому что Левинъ весьма основательно упрекаетъ себя въ одномъ мѣстѣ: «Мнѣ лично, моему сердцу открыто знаніе, непостижимое разумомъ, а я упорно хочу разумомъ и словами выразить это знаніе». Онъ дѣлаетъ себѣ этотъ упрёкъ по поводу одной частности, съ которой не можетъ справиться при помощи осѣнившаго его новаго для него міросозерцанія. Именно онъ не знаетъ, ка̀къ поставить иновѣрцевъ въ отношеніи къ единой спасающей христіанской церкви. Но графу Толстому не мѣшало бы обобщить самоупрёкъ Левина и не пытаться «разумомъ и словами выразить» настроеніе Левина, то-есть, по-просту говоря, не писать своего эпилога. «На словахъ» и «отъ разума»—все это выходитъ, по малой мѣрѣ, странно и даже неразумно и почти безсловесно, что̀ и естественно, конечно.

Оставивъ въ сторонѣ разумъ и разумное сочетаніе словъ, Левинъ не замѣчаетъ, что ему немножко рано успокоиваться и почивать на лаврахъ. «Что̀ бы я былъ такое, разсуждаетъ онъ:— и ка̀къ бы прожилъ свою жизнь, еслибы не имѣлъ этихъ вѣрованій, не зналъ, что надо жить для Бога, а не для своихъ нуждъ? Я бы грабилъ, лгалъ, убивалъ». Зачѣмъ же непремѣнно грабить, лгать, убивать, почтеннѣйшій? Штрафовать за порубку лѣсовъ, неукоснительно взыскивать оброки, дѣлать вычеты за прогульные дни, употребленные на похороны отца — развѣ это не значитъ «жить для своихъ нуждъ?» А вѣдь вы отъ всего этого не отказываетесь. Но что̀ за дѣло Левину до этихъ вопросовъ, когда его совѣсть уже успокоилась и когда ему такъ хочется заставить молчать разумъ? Что̀ и намъ за дѣло до Левина, подававшаго надежды и обратившагося въ самаго обыкновеннаго пустого человѣка, примиряющаго непримиримое и довольствующагося стертымъ пятиалтыннымъ, хотя, можетъ быть, и прекраснаго помѣщика, и добраго семьянина? Гора не въ первый и не въ послѣдній разъ родитъ мышь. Только не графу бы Толстому этими фокусами заниматься.

Эпилогъ, какъ извѣстно, появился отдѣльно книжкой, потому что редакція «Русскаго Вѣстника» не согласилась печатать его безъ нѣкоторыхъ измѣненій, а авторъ не согласился на эти измѣненія. Быть можетъ, читателю интересно узнать, почему г. Катковъ рѣшился опустить шлагбаумъ передъ такимъ генераломъ-отъ-литературы, какъ гр. Л. Н. Толстой. Дѣло, повидимому, вышло изъ-за совершенныхъ пустяковъ—изъ-за нѣсколькихъ

пренебрежительныхъ сужденій о русскихъ добровольцахъ въ Сербіи и сомнѣній во всенародности русскаго возбужденія во время сербско-турецкой войны.

Владычный судъ. Быль. (Изъ недавнихъ воспоминаній). Pendant къ разсказу «На краю свѣта». *Н. Лѣскова.* Спб. 1877.

Извѣстно, что въ началѣ настоящаго царствованія былъ отмѣненъ законъ о наборѣ еврейскихъ дѣтей въ кантонисты извѣстно также, что мѣра эта, само по себѣ очень ужь суровая, приводилось въ исполненіе чиновниками типа Держиморды самымъ ужаснымъ и возмутительнымъ образомъ. Вотъ эти-то наборы и дали сюжетъ для разсказа г. Лѣскова. Молодымъ человѣкомъ онъ самъ былъ производителемъ этихъ наборовъ въ Кіевѣ, и, слѣдовательно, передъ глазами его прошло не мало ужасныхъ и глубоко-трагическихъ случаевъ. Одинъ изъ нихъ— нынѣ послужившій основою для литературнаго произведенія, названнаго «Владычный судъ»—заключается въ томъ, что какъ-то разъ при наборѣ, производимомъ г. Лѣсковымъ, доставленъ былъ въ его канцелярію сынъ какого-то уѣзднаго переплетчика, который хотя и нашелъ на свое мѣсто наемщика, что по закону дозволялось, но которому пришлось, однакоже, увидѣть надежду свою рухнувшею и все состояніе, просаженное на наемъ, погибшимъ втунѣ, по той причинѣ, что наемщикъ, бѣжавъ отъ сдатчиковъ, явился въ кіевскую лавру и объявилъ о желаніи своемъ принять православную вѣру. Это заявленіе освобождало его отъ обязательствъ, взятыхъ на себя по отношенію къ переплетчику, но не освобождало этого послѣдняго отъ лежавшаго на немъ рекрутскаго долга. Нанимать вновь было уже не на что: сынъ былъ въ рукахъ пріемщиковъ, и горе отца не знало границъ. Уже по ходу дѣла, которое г. Лѣсковъ велъ чрезвычайно вяло, видно было, что бѣднымъ евреямъ нѣтъ никакой возможности спастись отъ неумолимо-суроваго закона, какъ о происшествіи этомъ узналъ тогдашній кіевскій митрополитъ Филаретъ. Онъ одинъ могъ дать согласный со справедливостью исходъ всей этой компликаціи, не пожелавъ поощрить обмана и отказавъ наемщику въ крещеніи. Что за пріобрѣтеніе, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ собою этотъ наглый мошенникъ! И митрополитъ такъ и сдѣлалъ. «Недостойнаго крещенія» хитреца привели въ пріемъ, а ребенка отдали его отцу. Вотъ и все.

Слова нѣтъ, что, при всей элементарности началъ добра и правды, которыя проявились въ такомъ поступкѣ митрополита Филарета, о поступкѣ этомъ, во вниманіе ко времени, къ которому онъ относится, слѣдовало, конечно, сообщить въ «Русскую Старину» или какое подобное изданіе, какъ матеріалъ для біографіи покойнаго, изложивъ все, само собою разумѣется, просто, трезво, прилично, безъ всякаго ненужнаго литературнаго гарнира и, въ особенности, безъ того проявленія непомѣрнаго усердія автора къ преувеличенному прославленію іерарховъ россійской церкви, кото-

рое, переходя извѣстныя границы, напоминаетъ собою пресмыкающихся и даетъ, въ концѣ концовъ, отрицательные результаты. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, что сдѣлалъ г. Лѣсковъ для внесенія въ біографію митрополита Филарета одной, единственной черты, долженствующей показать, что элементарныя понятія о справедливости были не чужды этому епископу: г. Лѣсковъ написалъ 77 страницъ (не считая эпилога), возвелъ поступокъ митрополита въ какое-то такое удивительное, нежданное-негаданное событіе, которое и возможно только назвать «чудомъ» (стр. 15), для осуществленія котораго ему показалось необходимо непосредственное участіе Провидѣнія (стр. 74) и благодаря которому митрополитъ въ его глазахъ является «земнымъ ангеломъ» (стр. 15). Хоть вспомнилъ бы онъ слова «Натана Мудраго», обращенныя къ домашнимъ, считавшимъ ангеломъ тампліера, спасшаго Реху отъ пожара. Но увы! судящіе по «преизбыточествію усердія своего» никогда не имѣютъ обычая обращаться къ совѣтамъ мудрыхъ, а всегда поступаютъ «по удостовѣренію» собственнаго своего разума. Зато и плачевна же всегда бываетъ подкладка ихъ усердія. Настоящій случай съ г. Лѣсковымъ доказываетъ это какъ нельзя убѣдительнѣе. Замысливъ возвести поступокъ митрополита Филарета въ перлъ созданія, онъ такъ старательно провелъ его чрезъ горнило своего вдохновенія, т. е.— какъ было уже давно замѣчено о г. Лѣсковѣ — такъ непомѣрно окунулъ его въ сѣрную кислоту своего таланта, что получилось нѣчто совершенно чудовищное. Судите сами: авторъ описываетъ самого себя, своихъ знакомыхъ и ихъ глупѣйшія похожденія, чиновниковъ, отмѣчая прохожденіе ими службы во время приключенія съ евреемъ и даже гораздо позже; онъ описываетъ Кіевъ, занося въ это описаніе характеристики нѣкоторыхъ генерал-губернаторовъ и не забывая упомянуть о томъ, который изъ нихъ покровительствовалъ кафè-шантанамъ; не забываетъ посвятить цѣлыя страницы погодѣ и упомянуть о связи ея съ совершавшимися событіями; наконецъ, онъ не пропускаетъ и собаки графа Браницкаго (лица, чуждаго описываемому происшествію), и не безъ видимаго огорченія видитъ себя принужденнымъ дать о ней только свѣдѣнія, основанныя на догадкахъ: «эта собака (о шерсти, нравахъ и привычкахъ которой говоритъ не безъ подробностей), была, *кажется*, ублюдкомъ изъ породы бульдоговъ»; но зато онъ можетъ съ полною достовѣрностію засвидѣтельствовать, что начальникъ его (впослѣдствіи, служившій въ Петербургѣ, а не какой-нибудь) самъ ставилъ своей собакѣ промывательное! И надъ всѣмъ этимъ эпиграфъ: «Не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ» (Іоан. 7. 24). Слишкомъ много потрачено таланта, слишкомъ много!

Есть, однако, въ разсказѣ сторона, заслуживающая, по нашему мнѣнію, самаго высокаго одобренія. Мы имѣемъ въ виду ту искренность, съ которою авторъ передаетъ черты своей біогра-

фіи. Намъ пріятно было думать, что «Владычный судъ» есть, быть можетъ, первое звено въ серіи разсказовъ, которые и последующіе годы жизни автора передадутъ съ такою же замѣчательною откровенностію. Мы полагаемъ, что это было бы интересно и поучительно. Но это—между прочимъ. Изъ «Владычнаго суда» мы узнаемъ, что г. Лѣсковъ подумалъ-было минуту, что не мѣшало би-де, возвращаясь изъ присутствія, заѣхать къ состоящему у набора флигель-адъютанту и походатайствовать у него о мальчикѣ; но онъ только подумалъ такъ, а сдѣлать—не сдѣлалъ. Онъ оставилъ еврея преспокойно въ канцеляріи, гдѣ чиновники не знали мѣры насмѣшкамъ, съ которыми они къ нему относились, и поѣхалъ домой. А еврей, между тѣмъ, убѣжалъ вслѣдъ за нимъ, бѣжалъ всю дорогу по кіевскимъ горамъ, прибѣжалъ на его квартиру и легъ спать на козью шкуру рядомъ съ охотничьей собакой. «Я былъ доволенъ и жидомъ, и собакой (?), говоритъ г. Лѣсковъ:—и оставилъ ихъ до утра дѣлить одну подстилку, а самъ легъ въ мою постель» (стр. 41). И при всемъ этомъ, г. Лѣсковъ остается при убѣжденіи, что имъ руководило Провидѣніе и что, поэтому, онъ хорошо сдѣлалъ, что самъ о евреѣ не хлопоталъ. И до какой степени онъ не хлопоталъ о немъ, видно изъ того, что утромъ, не видя его рядомъ съ собакой, совсѣмъ забылъ о немъ и пошелъ спозаранку хлопотать объ освобожденіи себя отъ участія въ какомъ-то домашнемъ спектаклѣ. Еврей, который вѣрно ожидалъ его гдѣ-нибудь за угломъ и слѣдилъ за нимъ, снова присталъ къ нему съ просьбами, когда увидѣлъ его бесѣдующимъ съ какимъ-то лицомъ на улицѣ. Бесѣда шла о спектаклѣ, а тутъ опять подвернулся жидъ. Къ счастью жида, чиновникъ, съ которымъ говорилъ г. Лѣсковъ, былъ человѣкъ гуманный; онъ взялъ подъ свое покровительство еврея и, при посредствѣ генерал-губернатора, довелъ дѣло до «владычнаго суда», исходъ котораго намъ извѣстенъ. Что же дѣлаетъ г. Лѣсковъ хоть теперь? Кладетъ ли онъ хоть каплю и своего меда въ это, по его мнѣнію, святое дѣло? Вѣдь, ему было оно особенно хорошо знакомо; вѣдь, у него содержался и мальчикъ, и съ его собакою спалъ отецъ этого бѣднаго мальчика! Но онъ о евреѣ и не подумалъ, и только лѣтъ черезъ семь, встрѣтя его въ Москвѣ, узналъ, что сынишка его, вскорѣ послѣ владычнаго суда, умеръ: «ставщики заморили его». Такова автобіографическая сторона этой печальной исторіи и такова откровенность г. Лѣскова. Повторяемъ еще разъ: откровенность эта примѣрна.

Что касается литературной стороны разсказа, то затрудняемся какъ и сказать о ней, такъ какъ не желаемъ выражаться рѣзко. Это — какая-то невообразимая пошлость чиновничьяго балагурства съ примѣсью дьячковской начитанности. Мы не прочь, пожалуй, не вмѣнять въ вину г. Лѣскову негодности литературной обработки его разсказа, такъ какъ непомѣрность словоизверженія по отношенію къ сюжету можетъ ука-

зывать на причины патологическія. Мы имѣемъ въ виду проявленіе полифразіи (Polyphrasia, Redesucht) или даже логорреи (Logorhoea, Geshwätzigkeit); но мы не можемъ не дать ему совѣта перечитывать написанное и по возможности исправлять вкрадывающіяся, вслѣдствіе многорѣчія, несообразности. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 6-й, говоря о такъ называвшихся «присяжныхъ розъисканіяхъ», производившихся въ случаѣ неимѣнія опредѣленныхъ свѣдѣній о возрастѣ дѣтей, онъ замѣчаетъ, что розъисканія эти могутъ представиться весьма поучительными «для нѣкоторыхъ мечтателей, имѣющихъ высокое понятіе о еврейской религіозности». И, черезъ нѣсколько строкъ ниже, тотъ же г. Лѣсковъ приписываетъ безнравственность этихъ розъисканій тому обстоятельству, что въ то печальное время возникъ особый промыселъ «присягателей»—промыселъ, практиковавшійся «самымъ мерзкимъ отребьемъ жидовскихъ вагадовъ». Но для всякаго очевидно, какъ мы полагаемъ, что одно изъ этихъ двухъ показаній должно быть устранено, такъ какъ нигдѣ и никогда о религіозности народа не заключаютъ по отребью этого народа, да еще и самому мерзкому. Вѣдь, это—совсѣмъ не то, что заключать о русской литературѣ по произведеніямъ г. Лѣскова.

Русскій среди американцевъ. *М. М. Владимірова.* Спб. 1877 г.

Когда читаешь русскія путешествія, то всегда почти является вопросъ: отчего это наши путешествія такъ отличаются отъ иностранныхъ? Иностранные путешественники, пріѣзжая въ какую-нибудь чужую страну, какъ-то умѣютъ наблюдать ее, какъ-то умѣютъ, не упуская изъ виду природы и внѣшняго благоустройства, подмѣтить и то, гдѣ бьется пульсъ общественной жизни, куда тяготѣютъ общественные интересы, что̀ волнуетъ мысль и проч., словомъ—умѣютъ заинтересовать и познакомить читателя и со страною, и съ нравами, и съ общественными пороками и идеалами. Русскіе же путешественники, въ большинствѣ случаевъ, описываютъ свои сборы, проводы, дорогу, дорожные разговоры, мечты и думы; наконецъ, пріѣзжая куда нибудь, описываютъ лѣса, водопады, улицы, театры, монументы, галлереи, картины и проч. Въ особенности, на послѣдняго рода описанія щедры путешествующіе по Америкѣ: очутившись въ этомъ чудеснѣйшемъ изъ міровъ, путешественникъ превращается въ какую-то ворону, разѣваетъ ротъ и удивляется, рѣшительно всему удивляется. Онъ, пожалуй, описываетъ и жизнь, разсказываетъ, ка̀къ американцы дорожатъ своею политическою свободой, описываетъ бурныя собранія, выписываетъ изъ газетъ и отчетовъ цифры бюджета, промышленности, торговли, народнаго образованія, полицейскіе и желѣзнодорожные порядки; но все это является какими то обрывками, какою-то кучею, въ которой все такъ перемѣшано, что ничего не разберешь. И въ самомъ дѣлѣ: кто изъ русскихъ путешественниковъ больше Гиппо познакомилъ русскую публику съ народнымъ образованіемъ въ Америкѣ.

больше Токвиля и Жанѐ съ политическими ея учрежденіями, больше Макса-Вирта съ ея спекуляціями, больше Диксона съ ея нравами? (Хоть про послѣдняго писателя и идетъ нѣсколько нелестная молва, но, тѣмъ не менѣе, книги его представляютъ большой интересъ). Кто, наконецъ, какъ не иностранцы, познакомили насъ съ отрицательными сторонами американской жизни? Весьма вѣроятно, что на русскій языкъ переводятся только избранныя путешествія, но русскія путешествія отъ такого объясненія не становятся лучше...

Путешествіе г. Владимірова представляетъ собою какъ разъ всѣ тѣ слабыя стороны, про которыя мы говоримъ. Прежде всего онъ разсказываетъ о своихъ сборахъ, о томъ, какъ у него съ нѣсколькими товарищами зародилась и зрѣла мысль отправиться въ Америку, какъ у какихъ-то казенныхъ соляныхъ амбаровъ (въ Саратовѣ) обсуждалась эта мысль, какъ товарищи отстали отъ него и какъ, наконецъ, онъ рѣшилъ ѣхать, причемъ сначала сказалъ, не то робко, не то твердо: «поѣду», а затѣмъ произнесъ вслухъ съ твердымъ жестомъ правой руки: «ѣду!» Разсказъ ведется съ самыми удивительными подробностями: тутъ и внутренняя борьба, и громадность задачи, и недостатокъ энергіи, и робость, утѣшительное воспоминаніе «грандіозной фигуры лорда Нэпира, задававшаго себѣ вопросъ: что̀ такое страхъ? и отвѣчавшаго: я его не знаю!» Все путешествіе, главнымъ образомъ, сосредоточивается вокругъ личности самого г. Владимірова; онъ просто ведетъ дневникъ своего времяпрепровожденія и приключеній: сколько заплатилъ за квартиру, за обѣдъ, сколько осталось денегъ въ карманѣ, гдѣ въ комнатѣ стоялъ стулъ, лежали инструменты и т. п. «Утромъ пью чай съ молокомъ, часа въ три обѣдаю (бифстекъ изъ $^1/_2$ ф. мяса), вечеромъ—опять чай съ молокомъ»; «хорошо пообѣдалъ за 25 сент.»; «сижу на мосту»; «сѣлъ на берегу Миссури и дѣлаю эту замѣтку»; «вырѣзалъ вишневую палку»; «поймалъ подстрѣленнаго кулика и промѣнялъ его за обѣдъ»; «я взялъ въ руки хлѣбъ, а онъ мягкій, горячій, да румяный» и т. д. Или: «садишься на камень, вынимаешь хлѣбъ изъ кармана, мочишь его въ чистыя, какъ кристалъ, струи журчащаго ручейка и, право, ѣшь съ наслажденіемъ. Захочется ли полежать — растянешься подъ тѣнью громаднаго камня, нависшаго надъ дорогой, и думаешь: рука какого великана обтесала эти горы?» (125). Изъ приключеній автора наибо̀льшаго вниманія заслуживаютъ приключенія по пріисканію работы и путешествіе изъ Ст. Луиса въ Сан-Франциско. Главный интересъ заключается, видите ли, въ томъ, что г. Владиміровъ рѣшился объѣхать Америку безъ денегъ, т. е. останавливаться въ какомъ-нибудь мѣстѣ, заработывать деньги и на нихъ отправляться дальше, затѣмъ—опять останавливаться и т. д. Хотя онъ и взялъ изъ Россіи на дорогу 300 р., изъ которыхъ у него осталось 90 дол., хотя въ Америкѣ у него и были знакомые, поддерживавшіе его въ трудную минуту, но, тѣмъ не менѣе, онъ

старался работать и перебывалъ въ разныхъ положеніяхъ: токаря, плотника, носильщика, педагога. Вотъ онъ ходитъ и ищетъ работы, описываетъ, какъ горбыли и доски, при носкѣ ихъ, рѣжутъ плечи, какъ тяжело таскать кирпичи и вообще сколь трудно работать (еще бы! по педагогической части гораздо легче), какъ часто ему отказываютъ отъ работы, ведетъ обстоятельный счетъ своимъ мозолямъ: «изъ мозолей, пишетъ онъ:—осталась одна, самая главная, между двухъ-трехъ лористымъ желѣзомъ и помогаетъ» (104), «сегодня утромъ мозоль прорвалась» (105), «на лѣвой рукѣ у меня 6 мозолей» (109), «на обѣихъ рукахъ у меня 10 мозолей» (110) и т. д. Для человѣка, никогда не работавшаго и впервые взглянувшаго «въ лицо голоду» только въ Нью-Йоркѣ, все это можетъ быть и очень интересно; но для читателя, полагаемъ, неособенно любопытно слѣдить за мозолями г. Владимірова и за мэню его обѣда. Читателя могли бы гораздо больше интересовать общія отношенія рабочихъ и хозяевъ въ Америкѣ; но отношенія эти изъ похожденій г. Владимірова рисуются очень слабо: удивительно ли, въ самомъ дѣлѣ, что хозяева часто отказывали г. Владимірову, когда онъ нетолько не умѣлъ ничего работать, но не зналъ даже, какъ надо срубить дерево (92), не зналъ, что новую пилу прежде, чѣмъ пустить въ дѣло, надо развести (35). При наемкѣ на работу, г. Владиміровъ обыкновенно объ этомъ умалчивалъ или даже говорилъ, что умѣетъ работать (26, 34, 35), но, когда хозяинъ ознакомлялся съ этимъ умѣньемъ, то, разумѣется, отказывалъ ему, не желая платить даромъ 2—2½ дол. въ день. Даже изъ общаго описанія отношеній между хозяевами и рабочими нельзя вывести яснаго представленія: вотъ одинъ хозяинъ плохъ, а другой — хорошъ; вотъ заработная плата ниже доллара, а вотъ=3—5 дол. въ день; вотъ хозяева строги и зорко слѣдятъ за работой, а вотъ рабочіе лѣнятся и надуваютъ хозяевъ. Изъ этихъ описаній читателю никакъ не вывести такого заключенія о положеніи труда, которое какъ-то, совершенно безъ всякой связи съ предъидущимъ, прорвалось у г. Владимірова на страницѣ 205, о которой нѣсколько ниже мы и скажемъ нѣсколько словъ. Путешествіе изъ Ст. Луиса въ Сан-Франциско (до 3,000 верстъ) совершено г. Владиміровымъ пѣшкомъ или, вѣрнѣе, наполовину пѣшкомъ, наполовину по желѣзнымъ дорогамъ, за проѣздъ по которымъ онъ, однако, ничего не платилъ, а запрятывался въ товарные вагоны, прицѣплялся гдѣ-нибудь на платформѣ отъ станціи до станціи или давалъ кондукторамъ и брексманамъ (прислуга на тормазахъ) взятки, если они замѣчали его и просили удалиться. Нѣсколько разъ его такимъ образомъ и удаляли, но онъ вскакивалъ на слѣдующій поѣздъ и т. д. Способъ такой ѣзды, говоритъ г. Владиміровъ, довольно распространенъ въ Америкѣ ему «рекомендовали» (107) его многіе американцы. Вообще, нашъ соотечественникъ обнаружилъ немало практичности: и кулика-то онъ промѣняетъ (105), и въ

музей ничего не заплатитъ (65), и по чугункѣ даромъ проѣдетъ, и съ хозяина, удержавшаго у него ¼ дол., съумѣетъ вытребовать удержанное лучше всякаго американца (71). Что касается до путешествія пѣшкомъ, то такое путешествіе могло бы быть очень полезно для изученія страны, но хожденіе по желѣзнодорожному полотну и описаніе только ночлеговъ, обѣдовъ, мозолей и какъ выживали его съ непріятностями изъ вагоновъ, кажется, не дастъ понятія о странѣ. Но ради чего же г. Владиміровъ подвергался всѣмъ этимъ приключеніямъ? Не было у него денегъ, что ли? Денегъ у него, дѣйствительно, было только 35 дол., а проѣздъ стоитъ 65 дол., но онъ говоритъ, что могъ всегда заработать эту сумму. Можетъ быть, ему время было дорого? Чтобы заработать и сберечь 80 дол. нужно было, по его разсчету, 2—3 мѣсяца, а путешествіе продолжалось «66 дней, 1 часъ и 30 минутъ» (139). Разница во времени незначительная. «Показалось, говоритъ г. Владиміровъ:— выгоднѣе—и я иду!» Но это мало: онъ видитъ въ этомъ путешествіи нѣчто героическое: «Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ:—это—предпріятіе большое и не даромъ же нашлись многіе, отвергающіе исполнимость его. Господа, я самъ очень трезво смотрю на это дѣло, но оно не кажется мнѣ такимъ труднымъ, какъ вамъ. Оно исполнимо, и я докажу это» (98). Ну, и доказалъ.

Что касается до описательной части всего путешествія г. Владимірова вообще, то онъ больше описываетъ города, туннели, улицы, объясняетъ, что̀ означаетъ по-русски названія Массачузетсъ, Блакъ-бютсъ и т. п., и изъ удивленій. Удивляется же онъ на каждомъ шагу: въ самой простой поливкѣ улицъ онъ видитъ уже усовершенствованіе, видитъ, что дѣти пришли въ библіотеку мѣнять книги и читать, и у него уже «что-то особенно пріятное» шевелится въ сердцѣ; подходитъ онъ къ зданію, проводникъ говоритъ ему: «это—нашъ капитолій!» и душою его «овладѣваетъ какое-то волненіе отъ этихъ простыхъ словъ» (137). Видитъ онъ въ Нью-Йоркѣ три памятника безъ подписей и восклицаетъ: «счастлива страна, имѣющая гражданъ-президентовъ, монументы которыхъ не нуждаются въ подписяхъ»; а у гроба Вашингтона въ его воображеніи возстаетъ уже «величественный колоссъ Америки, озаряющій своимъ свѣтомъ всѣ концы вселенной». Но больше всего, повидимому, удивило его слѣдующее: пошолъ онъ поздравлять Гранта съ новымъ 1876 годомъ; президентъ подалъ ему руку, какъ и всѣмъ поздравляющимъ. Удивленіе!.. Пошолъ вторично, сталъ въ толпу и снова подошолъ къ Гранту, Грантъ опять подалъ руку. «Въ восторгѣ, говоритъ г. Владиміровъ:—бѣгу домой и разсказываю, что видѣлъ самого Гранта, что самому Гранту пожалъ руку, а мой хозяинъ преспокойно отвѣчаетъ мнѣ: чему же вы такъ радуетесь? Вѣдь, онъ намъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ, такъ и долженъ уважать насъ». Этотъ отвѣтъ вотъ какъ подѣй-

ствовалъ на г. Владиміра: «я, какъ спрыснутый холодной водой, присѣлъ на стулъ, задумчиво опустивъ голову» (247—8). Самыя простыя вещи описываются какъ-то особенно возвышенно: такъ, напримѣръ, отъѣзжая на Западъ, авторъ говоритъ: «здравствуй, западъ! я иду взглянуть на тебя», а, отъѣзжая изъ ст. Луиса въ Сан-Франциско, не иначе выражается, какъ: «испыталъ я бури Атлантики, наслаждался тишиною Мексиканскаго Залива, видѣлъ свирѣпствующій Мичиганъ—остается полюбоваться на Великій Океанъ». Все это совершенно загромождаетъ собою, дѣйствительно, интересные факты, встрѣчавшіеся г. Владимірову. Онъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ Новаго Свѣта находилъ явленія, которыя составляютъ позоръ и для стараго свѣта: тѣлесныя наказанія въ школахъ, взяточничество высокопоставленныхъ лицъ, необезпеченное положеніе труда; у него вырываются даже такія строки, что въ Америкѣ «мозолистыя руки, сыны тяжелаго труда, остаются на самомъ заднемъ планѣ»; что, несмотря на борьбу съ капиталомъ, доходящую иногда до кровавыхъ стычекъ, рабочіе ничего не могутъ съ нимъ подѣлать; что нѣтъ тамъ «той силы, которая могла бы подчинить его своему контролю» (205). Все это, кажется, заслуживало бы бо̀льшаго вниманія, чѣмъ упоминаніе объ этомъ на 2—3 страничкахъ и увѣренія, что американцы владѣютъ «могучимъ рычагомъ—избирательнымъ шаромъ, имѣющимъ въ себѣ всѣ средства къ исправленію зла»... О томъ, что могущество капитала въ Америкѣ безгранично, что подъ сѣнью самой широкой политической свободы продѣлываются возмутительныя вещи, что республиканская и демократическая партія борятся—мы давно уже слышимъ; знаемъ мы также и то, что «избирательный шаръ» есть сильный рычагъ; но мы не знаемъ или очень мало знаемъ, какъ прикладывается этотъ рычагъ, какими цѣлями руководятся партіи, какими средствами хотятъ бороться противъ общественныхъ золъ и проч. Все это, конечно, было бы гораздо интереснѣе описанія капитоліевъ и улицъ. Наиболѣе интересныя свѣдѣнія по народному образованію, рабочей платѣ, печати, бюджету и проч. встрѣчаются въ X, XI и XII главахъ, хотя и здѣсь они перепутаны опять съ монументами, капитоліями, асфальтомъ и проч. Несмотря на приложенныя къ изданію картинки, читатель доберется до этихъ свѣдѣній только послѣ неоднократной зѣвоты. Вообще, было бы гораздо лучше, еслибы г. Владиміровъ оставилъ бо̀льшую часть своего дневника въ рукописи для своихъ воспоминаній и обращался бы съ печатью болѣе деликатно.

ПАЛКА О ДВУХЪ КОНЦАХЪ.

Захеръ-Мазохъ. «Завѣщаніе Каина». Галицкіе разсказы. Переводъ съ нѣмецкаго *С. А. Катедьниковой.* М. 1877.

«Идеалы нашего времени». Романъ въ 4-хъ частяхъ *Захеръ-Мазоха.* Переводъ съ нѣмецкаго. *С. А. Катедьниковой.* М. 1877 [1].

«Не одинъ только чисто-литературный интересъ представляютъ намъ произведенія Захеръ-Мазоха: если французская и нѣмецкая критика восхваляютъ его ради новизны, ради того невѣдомаго для нихъ и широко раскрывшагося новаго міросозерцанія, ради той мощной реальности, которой дышатъ всѣ выводимые авторомъ типы, наконецъ, ради того энергичнаго изложенія и блестящаго юмора, которымъ пропитана каждая страница его труда, то все это вдвойнѣ дорого для насъ, ибо невѣдомый западу и интересующій его новый кругозоръ—*нашъ*, славянскій кругозоръ; выводимые Захеръ-Мазохомъ типы—*наши*, хотя и съ мѣстною окраской, но все же родные намъ, русскіе типы; сцена дѣйствія во всѣхъ лучшихъ разсказахъ автора—русская Галиція; хотя дѣйствующія здѣсь лица и австрійцы по своему государственному положенію, но по вѣрѣ и языку, по своему нравственному и интеллектуальному складу, всѣ они русскіе, весьма мало отличающіеся отъ русскихъ нашей Малороссіи. Хотя всѣ произведенія автора написаны имъ на нѣмецкомъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе онъ всецѣло можетъ назваться національнымъ писателемъ Галицкой Руси, какъ Гоголь или Тургеневъ, которыхъ взялъ онъ себѣ за образцы—національные писатели Великороссіи, или какъ Шевченко—народный малороссійскій поэтъ. Отсюда понятна та особая, кровная связь, которая, помимо общеевропейскаго литературнаго значенія Захеръ-Мазоха, дѣлаетъ его особенно близкимъ и интереснымъ для русской публики».

Такъ говорится въ предисловіи къ русскому переводу «Завѣ-

---

[1] Есть еще петербургское изданіе «Идеаловъ нашего времени».

щанія Каина». Кажется, это—не простая издательская реклама и не исключительно личное мнѣніе автора предисловія: высокая оцѣнка таланта Захеръ-Мазоха и мнѣніе о «кровной» его связи съ нами, русскими читателями, чуть не цѣликомъ заимствованы у французскихъ и нѣмецкихъ критиковъ, какъ видно изъ «Голоса критики», приложеннаго къ «Идеаламъ нашего времени». (Мимоходомъ сказать, если и вообще переводъ Захеръ-Мазоха не блещетъ достоинствами, то эти отрывки изъ французскихъ и нѣмецкихъ рецензій переведены просто безбожно). Передъ нами, значитъ, во всякомъ случаѣ — чрезвычайно любопытное литературное явленіе. Благодаря многочисленнымъ переводамъ, мы довольно хорошо знакомы съ главными европейскими литературными теченіями, по крайней мѣрѣ, въ самыхъ видныхъ ихъ представителяхъ. Но вотъ намъ указываютъ на европейскаго писателя, намъ совершенно незнакомаго, оригинальность котораго состоитъ, между прочимъ, именно въ его славянскомъ или даже прямо русскомъ «кругозорѣ» и который, вдобавокъ, высоко талантливъ. Французскіе критики часто поминаютъ рядомъ Тургенева и Захеръ-Мазоха, какъ двухъ яркихъ и равносильныхъ представителей русскаго міросозерцанія, русской національности, духа русскаго народа и проч...

Теперь, когда оба главныя произведенія Захера-Мазоха переведены, русскій читатель можетъ составить себѣ вполнѣ удовлетворительное понятіе объ этомъ любопытномъ литературномъ явленіи. И съ перваго же раза онъ наткнется на слѣдующій фактъ. «Завѣщаніе Каина» представляетъ рядъ разсказовъ, связанныхъ одною общею идеею. Мѣсто дѣйствія этихъ разсказовъ—Галиція. Авторъ постоянно говоритъ о «нашей народности», «нашей пѣснѣ» и т. п., вездѣ разумѣя Галицкую Русь, которая притомъ вяжется для него съ Русью русскою. Онъ и родомъ—галичанинъ, и говоритъ иногда: «мы, русскіе». А въ «Идеалахъ нашего времени» столь же часто повторяются выраженія: «мы, нѣмцы», «наше общество», «наши писатели» и т. д., причемъ разумѣется Германія, новая, объединенная Германія Бисмарка и Круппа. Захеръ-Мазохъ относится къ ней сатирически, и страстный тонъ его сатиры не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло дѣйствительно со «своимъ», близко къ сердцу лежащимъ. Спрашивается, къ какой же, въ концѣ концовъ, націи причисляетъ себя Захеръ-Мазохъ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ *свой*,—въ Германіи, или въ Галицкой Руси? Какъ слѣдуетъ отвѣчать на этотъ вопросъ—мы увидимъ ниже. Ясно, однако, что отвѣтъ не такъ простъ, какъ думаетъ авторъ предисловія къ «Завѣщанію Каина». Мало того: смыслъ самого вопроса становится подозрительнымъ.

Но сперва—нѣсколько словъ о художественной сторонѣ произведеній Захеръ-Мазоха. «Мощная реальность типовъ» изобрѣтена переводчикомъ. У Захеръ-Мазоха ея нѣтъ. Есть художники мелкаго письма, старательно выслѣживающіе мельчайшія по-

дробности какого-нибудь психологическаго процесса или какого-нибудь образа, картины, подбирающіе свой матеріалъ, какъ въ мозаичной работѣ, изъ мелкихъ, болѣе или менѣе вѣрно подражающихъ краскамъ природы камешковъ. Захеръ-Мазохъ не принадлежитъ къ ихъ числу. Онъ склоненъ къ широкимъ розмахамъ кисти; тщательная разработка подробностей, въ видахъ вѣрно или невѣрно понятой художественной правды, попадается у него очень рѣдко. Но его нельзя причислить и къ тѣмъ художникамъ крупнаго письма, которые, жертвуя подробностями и фотографическою правдой, нѣсколькими штрихами создаютъ глубоко потрясающіе образы. Если подойти къ этимъ образамъ съ аршиномъ, вѣсовою гирей и другими измѣрительными инструментами (какъ это недавно сдѣлалъ Зола съ Жоржъ-Зандъ и Викторомъ Гюго), то можно найти много мелкихъ неточностей, неправильностей, но дѣло въ томъ, что подобные образы производятъ такое впечатлѣніе, какое почти никогда не удается производить даже самымъ талантливымъ художникамъ мелкаго письма. Возможно, конечно, и соединеніе тщательной детальной разработки съ яркостью и потрясающимъ впечатлѣніемъ цѣлаго. Впрочемъ, это для насъ здѣсь—постороннее дѣло, потому что съ высоко талантливыми представителями крупнаго письма Захеръ-Мазохъ имѣетъ общаго только розмахъ, но отнюдь не силу удара. Его изображенія не говорятъ сами за себя: они нуждаются въ обстоятельной рекомендаціи со стороны автора, доходящей иногда чуть не до плоскости знаменитой подписи: се левъ, а не собака. Не обладая большой творческой силой, Захеръ-Мазохъ прибѣгаетъ къ обыкновеннымъ ея суррогатамъ, какіе пускаются въ ходъ второстепенными и третьестепенными талантами: или пересаливаетъ, или влагаетъ въ уста своихъ героевъ длинные, длинные монологи сатирическаго, описательнаго, нравоучительнаго, философскаго и т. д. характера, не говоря о подобныхъ же тирадахъ, которыя онъ вставляетъ время отъ времени уже прямо отъ собственнаго лица.—Онъ большею частью умно, хотя иногда слишкомъ эксцентрично, придумываетъ положенія для своихъ дѣйствующихъ лицъ; но, приводя свой планъ въ исполненіе, вдругъ заставитъ, напримѣръ, юношу, объясняющагося въ любви, проговорить цѣлую диссертацію о предметѣ, можетъ быть, и очень важномъ, но въ данномъ случаѣ напоминающемъ «чиновника, совсѣмъ посторонняго вѣдомства». И въ предисловіи къ «Идеаламъ нашего времени», и диссертаціями, вложенными въ уста героевъ, Захеръ-Мазохъ требуетъ правды отъ романа и громитъ ходульную идеализацію. Но когда самъ онъ принимается рисовать положительные типы, то передъ читателемъ встаютъ люди, добродѣтельные до глупости и, притомъ, столь обширнаго ума, сколько только его имѣется въ распоряженіи самого автора.

Этотъ недостатокъ творческой силы, оставаясь, разумѣется, недостаткомъ, не играетъ однако большой роли въ произведеніяхъ

Захеръ-Мазоха. Онъ—романистъ-философъ, романистъ-публицистъ. Онъ говоритъ, что нельзя «воспретить поэзіи строгое и серьёзное изученіе соціальныхъ вопросовъ», и прямо объявляетъ себя однимъ изъ представителей этого рода поэзіи. А одинъ изъ его любимыхъ героевъ (въ «Идеалахъ нашего времени») говоритъ: «Вальтеръ превосходно выразился, замѣтивъ, что задача писателя—срывать съ глазъ публики повязку заблужденій. Но наши писатели задались иною задачей: они нарочно завязываютъ публикѣ глаза еще плотнѣе, и потому я называю ихъ идеализмъ безнравственнымъ. Кто въ мірѣ, полномъ несчастій, пороковъ и глупостей, не заботясь объ участи своихъ братьевъ, воспѣваетъ луну или разсказываетъ чувствительныя нравоучительныя сказочки, того нельзя назвать нравственнымъ писателемъ». При такомъ пониманіи задачи романиста, Захеръ-Мазохъ не можетъ нетолько подлежать чисто эстетической критикѣ, но даже желать ея. Было бы, конечно, очень хорошо, еслибы онъ оказался художественнымъ дарованіемъ первой величины, но на нѣтъ и суда нѣтъ. Судить, значитъ, надо не столько художника, сколько философа и публициста, склоннаго облекать свои идеи въ художественную форму. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что недостатокъ творческой силы иногда шутитъ дурныя шутки и съ внѣ поэтическими цѣлями Захеръ-Мазоха. Намъ, вѣроятно, не разъ придется указывать мимоходомъ на художественные промахи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣчать ихъ вредное вліяніе на выполненіе нравственныхъ или философскихъ задачъ автора.

«Завѣщаніе Каина» задумано по очень широкой программѣ. Его основная идея выражается въ прологѣ, который почему-то не переведенъ, а только разсказанъ въ предисловіи. Мы его въ такомъ видѣ и приведемъ.

«Съ ружьемъ на плечѣ, разсказываетъ авторъ:—бродилъ онъ въ сопровожденіи стараго егеря по густой чащѣ дѣвственнаго лѣса, какъ вдругъ спутникъ его остановился, указывая на высоко парившаго надъ ними орла; егерь прицѣлился, и убитая птица упала къ ногамъ охотниковъ.—«Каинъ! Каинъ!»—послышался вдругъ чей-то мощный голосъ, и изъ-за раздвинувшихся кустовъ выступила странная фигура старца съ длинной сѣдой бородой и съ такими же длинными, развѣвающимися на вѣтрѣ сѣдыми волосами; ветхій костюмъ и тыквенная фляжка на боку изобличали въ незнакомцѣ человѣка, чуждаго людской средѣ, бѣжавшаго отъ всѣхъ удобствъ и наслажденій жизни.—«Какая была вамъ польза въ убійствѣ невинной твари, дѣти Каина?»—началъ старецъ, и между нимъ и авторомъ завязалась оживленная бесѣда. Старецъ оказался *странникомъ*, т. е. принадлежащимъ къ *страннической* сектѣ, довольно распространенной среди православнаго населенія Галиціи. Основные принципы странниковъ таковы: міръ есть царство сатаны, почему странники бѣгутъ отъ него, бѣгутъ отъ человѣчества и отъ всего, что только составляетъ интересъ и рычагъ его жизни и дѣятельности,

ибо надъ всѣмъ этимъ тяготѣетъ проклятіе; любовь, стремленіе къ богатству и власти, все, что радуетъ и двигаетъ человѣка въ его общественной и индивидуальной жизни, все это—завѣтъ Каина потомству, все это вещи, отъ которыхъ все зло, все несчастіе и вся гибель человѣчества; одна смерть можетъ вырвать изъ рукъ человѣка проклятое наслѣдіе, отравляющее его; одна смерть можетъ вполнѣ возстановить въ человѣкѣ тотъ миръ, которымъ нѣкогда пользовался онъ въ лонѣ природы, только одна смерть опять возвратитъ его въ это лоно; отсюда смерть есть желанный предѣлъ, къ которому съ упованіемъ стремится странникъ, а въ ожиданіи ея онъ долженъ вести такой образъ жизни, который болѣе приближалъ бы живаго человѣка къ мертвецу: отсюда самоотреченіе, страданіе и терпѣніе».

Такова прелюдія. Затѣмъ идетъ самая драма, рядъ разсказовъ, въ которыхъ долженъ послѣдовательно развернуться весь ужасъ составныхъ частей проклятаго наслѣдія Каина: «любви, стремленія къ богатству и власти, всего, что радуетъ и двигаетъ человѣка въ его общественной и индивидуальной дѣятельности». До сихъ поръ мы имѣемъ, однако, дѣло только съ любовью. Правда, авторъ предисловія упоминаетъ о второй серіи «Завѣщанія Каина», о разсказахъ: «Правосудіе крестьянъ», «Гайдамакъ», «Газара-Раба», въ которыхъ рисуется «та неустанная, вѣчная борьба, какая всюду ведется между неимущими и богатыми классами человѣчества; проклятіе, тяготѣвшее надъ любовью, переносится здѣсь на корыстолюбивые и алчные инстинкты человѣческой природы; на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ сцены самой ожесточенной рѣзни и кровавой мести». Но, во-первыхъ, эти разсказы, къ большому сожалѣнію, не переведены, а, во-вторыхъ, и въ нихъ мы «встрѣчаемъ опять ту надменную, но торжествующую Далилу, этого вампира съ золотыми кудрями, высасывающаго кровь изъ сердца мужчины, поверженнаго въ прахъ передъ нею и обезоруженнаго волшебными чарами ея поцѣлуевъ».

Читатель согласится, конечно, что, каково бы ни было нравственное и философское значеніе идеи «Завѣщанія Каина», планъ задуманъ широко и удачно, даже еслибы онъ ограничивался только однимъ параграфомъ каинова завѣщанія—истрепанною безчисленнымъ множествомъ романистовъ, драматурговъ и лирическихъ поэтовъ любовью. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» было недавно замѣчено, что истасканность этой тэмы грозитъ очень неблагопріятными для литературы послѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, въ старые годы графиня Ростопчина распѣвала: «въ горахъ я встрѣтила черкеса и предалась любви съ тѣхъ поръ». «Черкесъ», это, все-таки—идея, въ которую входитъ представленіе чего-то мужественнаго, вольнолюбиваго, цѣльнаго, гордаго. А нынѣ г-жа Га—рини объявляетъ, съ благословенія г. Тургенева, что она около Турина встрѣтила «бѣлыя ноги» красиваго итальянца и предалась любви съ тѣхъ поръ. Здѣсь

уже нѣтъ ничего, кромѣ бѣлыхъ ногъ и другихъ частей тѣла мужчины. Дальше въ лѣсъ—больше дровъ. Для поддержанія интереса къ истасканной тэмѣ придется все больше и больше обнажать бѣлыя ноги, а потомъ перейти къ изображенію противоестественныхъ пороковъ, какъ оно уже и практикуется во французской литературѣ. Мать дочери велитъ на эту книгу плюнуть, но дочь, разумѣется, ее прочтетъ, а мать—и подавно. Пріемъ Захеръ-Мазоха можетъ спасти тэму отъ такого нравственнаго и художественнаго паденія, потому что переноситъ интересъ съ пикантныхъ подробностей любовныхъ исторьетокъ на развитіе и воплощеніе нѣкоторой общей мысли. Если испорченный современнымъ романомъ читатель и отсюда извлечетъ только извѣстное эротическое возбужденіе и сантиментальное участіе къ судьбамъ Альфонса и Луизы, Надины и Фіоріо, то и иного сорта читатель можетъ получить нѣкоторую умственную пищу.

Первый разсказъ называется «Коломейскій Дон-Жуанъ». Случайность задерживаетъ автора на нѣкоторое время въ жидовской корчмѣ. Та же самая случайность заводитъ въ корчму коломейскаго Дон-Жуана—сосѣдняго помѣщика. Что се левъ, а не собака, Дон-Жуанъ, а не обыкновенный смертный, это, благодаря мало художественной торопливости автора, обнаруживается при самомъ его появленіи въ корчмѣ. Жена корчмаря, какъ увидѣла его, такъ и растаяла: «она нагнулась надъ прилавкомъ и, вертя жестяную мѣрку въ своихъ прозрачныхъ рукахъ, вперила свои глаза въ пріѣзжаго. Пылкая, жаждущая душа засвѣтилась въ ея большихъ страстныхъ глазахъ, черныхъ, какъ ночь; то былъ вампиръ, выползшій изъ могилы истлѣвшаго трупа и впившійся въ прекрасное лицо незнакомца». А когда еврей-корчмарь прогналъ ее прочь, «она какъ будто еще больше сгорбилась и съ полузакрытыми глазами, *шатаясь, какъ во снѣ*, отошла отъ прилавка». До такой степени неотразимъ коломейскій Дон-Жуанъ! До такой степени онъ—Дон-Жуанъ: пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ, какъ не удавалось побѣждать и байроновскому Дон-Жуану! Но, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень разговорчивъ, то немедленно принимается бесѣдовать съ авторомъ и, разумѣется, о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Онъ—человѣкъ семейный и когда-то безумно любилъ свою жену, она его тоже любила, они были счастливы. Но все это счастіе разлетѣлось, какъ дымъ, послѣ перваго ребенка. Коломейскій Дон-Жуанъ имѣетъ кое-какое литературное образованіе, хотя обнаруживаетъ такъ мало вкуса, что цитируетъ пошлѣйшее стихотвореніе Карамзина: «измѣнилъ, иной прельстился, виноватъ передъ тобой; но не надолго влюбился, измѣнилъ уже и той» и т. д. (это же стихотвореніе Захеръ-Мазохъ выбралъ эпиграфомъ своему разсказу); онъ склоненъ къ философствованію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ—человѣкъ слишкомъ «веселый», чтобы умѣть выразить отвлеченный итогъ множества отдѣльныхъ конкретныхъ непріятностей, причиненныхъ ему первымъ ребенкомъ, первымъ «залогомъ люб-

ви». Онъ очень хорошо знаетъ этотъ итогъ, еще того лучше чувствуетъ, но не можетъ его выразить словами. Онъ можетъ разсказать только нѣкоторые отдѣльные случаи того, кàкъ «залогъ любви» становился между нимъ и безумно любимой женой. По своей грубоватой и чувственной натурѣ, онъ напираетъ преимущественно на тѣ случаи, когда залогъ любви нарушаетъ его право «хорошей постели». А «что̀ называете вы, напримѣръ, хорошей постелью? спрашиваетъ онъ:—не правда ли — хорошій матрацъ, мягкія подушки, теплое одѣяло и красивая жена?» Вотъ этотъ-то послѣдній элементъ хорошей постели и отвлекается постепенно ребенкомъ, который то ѣсть хочетъ, то пугается, то такъ, ни съ того, ни съ сего кричитъ. Такъ или иначе, но будущій коломейскій Донъ-Жуанъ начинаетъ сильно ревновать жену къ ребёнку. Хотя, надо замѣтить, «когда у насъ гости, разсказываетъ онъ съ горечью:—тогда ребёнокъ можетъ и покричать; тогда она вбѣжитъ къ нему на минуту и спокойно потомъ разливаетъ чай, смѣется и болтаетъ—вѣдь, что̀ не дѣлается для гостей?» Бѣдный кандидатъ въ Донъ-Жуаны, поносившись съ своимъ горемъ, начинаетъ искать утѣшенія на сторонѣ, а утѣшеніе ему нужно очень скромное, очень дешевое; онъ его находитъ поэтому очень скоро, сначала въ полудикой крестьянкѣ, потомъ—въ сосѣдкѣ-помѣщицѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь къ женѣ не совсѣмъ изсякаетъ. Въ женѣ, между тѣмъ, амурныя похожденія мужа порождаютъ какую-то странную смѣсь «любви и ненависти», какую-то «неистовую нѣжность». Она начинаетъ кокетничать съ другими, отчасти, кажется, по прямому внутреннему влеченію, а отчасти, чтобы насолить мужу, но увлекается этой игрой до того, что, наконецъ, мужъ застаетъ ее въ объятіяхъ одного своего пріятеля. Съ этихъ поръ Донъ-Жуанъ «сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на особую породу дичи, охота за которой труднѣе, но за то и благодарнѣе». Съ этихъ поръ онъ сталъ грозой мужей всей коломейской округи. Но среди всего веселья, которое даетъ такое препровожденіе времени, ему приходятъ, однако, въ голову мрачныя мысли; онъ ихъ гонитъ, разумѣется, и можетъ гнать, благодаря силѣ, здоровью, темпераменту; но веселый разсказъ его, все-таки, звучитъ чѣмъ-то натянутымъ и внутреннею болью.

Коломейскій Донъ-Жуанъ разсказываетъ преимущественно факты. Только разъ пытается онъ сдѣлать болѣе или менѣе опредѣленный отвлеченный выводъ, который гласитъ такъ: «Дѣти связываютъ насъ на-вѣки и неразлучно гонятъ насъ въ самый шквалъ, какъ окаянныхъ въ дантовомъ аду. Вообще, не случалось ли вамъ поразмыслить: какую ловушку намъ ставитъ природа въ любви? Не допускаете ли вы... ахъ! что бишь я хотѣлъ сказать?—да, съ самаго начала мужчина и женщина созданы собственно для обоюдной вражды. Надѣюсь, вы поняли меня? Природа поставила себѣ задачей продолжать человѣческій родъ, а по свойственному намъ тщеславію и легковѣрію, мы вообра-

жаемъ себѣ, что она только заботится о нашемъ счастіи. Какъ бы не такъ! Едва появится на свѣтъ Божій ребенокъ, какъ конецъ счастію, конецъ и любви. Мужъ и жена начинаютъ смотрѣть другъ на друга, какъ люди, сдѣлавшіе между собою плохую сдѣлку; оба обмануты, а между тѣмъ, ни тотъ, ни другой не обманывалъ. Но они все еще думаютъ, что рѣчь идетъ объ одномъ ихъ счастіи—они враждуютъ между собой, вмѣсто того, чтобы винить природу, присоединившую другое чувство къ ихъ непостоянной любви, чувство непроходящее — любовь къ дѣтямъ». Мысли эти нестолько принадлежатъ самому коломейскому Дон-Жуану, сколько навѣяны ему другомъ, Львомъ Бодошканомъ, который «слишкомъ много читалъ и думалъ, оттого и захворалъ». Дон-Жуанъ постоянно носитъ на груди рукопись Льва Бодошкана и охотно читаетъ автору отрывки изъ нея. «Что называется жизнью?.. размышляетъ ученый Бодошканъ:—страданіе, сомнѣніе, страхъ и отчаяніе. Откуда пришелъ ты? кто ты? куда идешь?— И не имѣть ни малѣйшей власти надъ природой, не слышать отвѣта на эти жалкіе, отчаянные вопросы! Вся людская премудрость, въ концѣ концовъ—самоубійство. Но природа создала намъ муку, которая хуже жизни. Эта мука — любовь. Люди называютъ ее радостью, наслажденіемъ» и т. д. Продолжать не стоитъ, потому что и мысли Льва Бодошкана нестолько принадлежитъ ему, сколько заимствованы имъ у Артура Шопенгауера.

Да и вообще все «Завѣщаніе Каина» есть нѣчто иное, какъ попытка художественнаго комментарія, иллюстраціи къ мрачной философіи Шопенгауера—попытка, заслуживающая вниманія въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, пессимизмъ Шопенгауера нынѣ въ лицѣ Гартмана возродился и добился успѣха, какого отнюдь не имѣлъ при своемъ оригинальномъ творцѣ. Во-вторыхъ, философія Шопенгауера сплетается у Захеръ-Мазоха съ нѣкоторыми чисто народными воззрѣніями, и это-то сплетеніе составляетъ едва ли не самую любопытную сторону его сочиненій. Въ немъ, между прочимъ, слѣдуетъ искать и отвѣта на вопросъ о томъ, гдѣ Захеръ-Мазохъ *свой*—въ Галицкой Руси, или въ Германіи? Извѣстная родственность философіи Шопенгауера съ нѣкоторыми воззрѣніями русскаго (можетъ быть, слѣдуетъ сказать галицко-русскаго) народа стоитъ для Захеръ-Мазоха внѣ всякаго сомнѣнія. «Какая замѣчательная пѣсня! перебиваетъ себя въ одномъ мѣстѣ коломейскій Дон-Жуанъ, прислушиваясь къ пѣснѣ ночного сторожа. — И въ ней этотъ вѣчный напѣвъ... Вотъ у нѣмцевъ есть Фаустъ; вѣрно, и у англичанъ есть своя книга. У насъ же каждый мужикъ это знаетъ безъ книги. Онъ какъ будто по предчувствію понимаетъ, въ чемъ заключается жизнь. Отчего народъ нашъ имѣетъ наклонность къ меланхоліи? — Отъ равнины. Она разливается, какъ необозримое море, и волнуется, когда въ ней бушуетъ ничѣмъ не сдерживаемый вѣтеръ. Небо окунается въ нее, какъ и въ море; она молчалива, какъ вѣч-

ность, и неизвѣстна, какъ природа. Со всѣхъ сторонъ окружаетъ она человѣка. Ему хотѣлось бы побесѣдовать съ нею и получить отвѣтъ на то, что его тревожитъ. Пѣснь его похожа на болѣзненный стонъ, который вырывается изъ груди, и, ничѣмъ не утѣшенный, замираетъ какъ вздохъ. Тогда человѣку становится жутко». Въ разсказѣ «Фринко Балабанъ» авторъ уже отъ собственнаго лица говоритъ: «Мнѣ стало любопытно послушать старика, такъ какъ наши крестьяне, никогда не заглядывающіе въ книгу, не владѣющіе перомъ — врожденные политики и философы. Въ нихъ та же восточная мудрость, что въ бѣдныхъ рыбакахъ, пастухахъ и нищихъ «Тысячи и одной ночи», къ которымъ заходилъ знаменитый Гарунъ аль-Рашидъ. Я ожидалъ услышать нѣчто такое, чего не приходится слышать ежедневно и чего не найдешь ни въ Гегелѣ, ни въ Молешотѣ». Но что найдешь, пожалуй, у Шопенгауера — можетъ сказать читатель, узнавъ, что думаетъ заинтересовавшій Захеръ-Мазоха старикъ. И, дѣйствительно, старикъ-крестьянинъ Коланко разсуждаетъ о суетѣ суетъ, о мукахъ и ничтожествѣ бытія совершенно такъ же, какъ ученый Левъ Бодошканъ, какъ отставной солдатъ Фринко-Балабанъ, какъ веселый коломейскій Донъ-Жуанъ, какъ многія другія дѣйствующія лица Захеръ-Мазоха, наконецъ, какъ самъ Захеръ-Мазохъ. Всѣ они какъ бы развиваютъ и собственною своею судьбою подтверждаютъ различныя части пессимистскаго ученія Шопенгауера вообще и его теоріи любви въ частности. Только этимъ и замѣчательны разсказы «Фринко-Балабанъ» и «Лунная ночь», въ художественномъ отношеніи очень натянутые и вообще плохіе. Мы ихъ совсѣмъ обойдемъ, отмѣтивъ только упомянутое совпаденіе шопенгауеровскихъ идей съ идеями народными.

Не стоило бы останавливаться и на «Любви Платона», еслибы не крайняя эксцентричность постройки этого разсказа. Жилъ былъ, изволите ли видѣть, юный философъ, графъ Гендрикъ Тарновскій, который боялся любви и женщинъ. «Я смотрю на женщину, какъ на что-то непріязненное, пишетъ онъ своей матери.—Существо ея вполнѣ чувственное». Задача женщины, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы притянуть къ себѣ мужчину, произвести новыя существа «и затѣмъ обречь меня на смерть». Настоящая любовь, такая, которой юный философъ хотѣлъ бы отдаться, состоитъ въ «духовной преданности другой личности»; но такую любовь невозможно встрѣтить въ женщинѣ или по отношенію къ ней, потому что тутъ примѣшивается чувственность, сбивающая человѣка съ настоящаго пути. Тутъ возможенъ только рядъ очарованій и разочарованій, а въ результатѣ—утомленіе и отвращеніе отъ жизни. Настоящая любовь возможна только между двумя мужчинами. Прочитавъ «Пиршество» Платона, Тарновскій пришелъ отъ него въ восторгъ. Въ особенности, ему понравились банальный афоризмъ насчетъ преимущества духовной красоты надъ тѣлесною и глубокая мысль о происхожденіи по-

ловыхъ различій. По мнѣнію одного изъ участниковъ «Пиршества», Аристофана, какъ извѣстно, мужчина и женщина составляли нѣкогда одно цѣлое, но богъ боговъ раздѣлилъ ихъ и съ тѣхъ поръ они ищутъ каждый свою половину. «И я—такая же жалкая половина!» восклицаетъ Тарновскій. Но это нисколько не колеблетъ его страха къ любви и къ женщинамъ. Онъ готовъ любоваться красотою послѣднихъ, но избѣгаетъ сближенія съ ними. До какой степени онъ, по мысли автора, добродѣтеленъ и благороденъ и до какой степени онъ, въ сущности, глупъ, видно изъ слѣдующаго эпизода. Товарищи завели его въ пріютъ веселыхъ дамъ. Онъ не понимаетъ гдѣ онъ. Одна веселая дама увлекаетъ его въ свою комнату. «Ахъ, какой очаровательный и поэтичный будуаръ, замѣтилъ я (это самъ юный мизогинъ пишетъ матери): — настоящее обиталище фей; здѣсь нельзя не придти въ прекрасное настроеніе и не поддаться чистѣйшимъ ощущеніямъ!»—Малютка съ улыбкой взглянула на меня. — «Сядемте въ бесѣдку», сказала она.—«Если вы позволите», отвѣчалъ я. — «О! я все позволю вамъ» вскричала она, и опять та же улыбка показалась на ея устахъ.—«Любите ли вы розаны?» спросила она, немного погодя.—«Я брежу розами», отвѣтилъ я:—«но еще болѣе розовыми бутонами, которые такъ дѣвственны и такъ нѣжны».—Бесѣда эта, между прочимъ, даетъ вамъ нѣкоторое понятіе о «мощной реальности типовъ» Захеръ-Мазоха. Какъ бы то ни было, но такого олуха, какъ графъ Гендрикъ Тарновскій, провести, разумѣется, не трудно. И вотъ находится женщина (наша соотечественница, княгиня Барагрева), которая переодѣвается мужчиной и въ такомъ видѣ проводитъ время съ нашимъ женоненавистникомъ, выслушивая его кисло-сладкіе разговоры, густо усыпанные сантиментально-философскимъ миндалемъ и изюмомъ. Но когда, наконецъ, обманъ открывается, Тарновскій приходитъ въ ярость и сразу обрываетъ знакомство, доставившее ему столько наслажденій духовной любви, сопровождавшейся, впрочемъ, и нѣкоторыми вещественными знаками вродѣ цѣлованія рукъ и объятій. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, Тарновскій снова встрѣчаетъ Барагреву, женится на ней, но черезъ годъ разводится (у нея оказался любовникъ) и поселяется въ деревнѣ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Шустеромъ, который одинаково съ нимъ смотритъ на женщинъ и на любовь. Онъ выражается объ этихъ вещахъ такъ: «Мужу лучше безъ жены, говоритъ самъ апостолъ Павелъ; ты страдаешь только пока обладаешь ею, но какъ скоро потеряешь ее, ты сейчасъ же почувствуешь облегченіе. Что касается до меня, то я предпочитаю добровольное иночество браку и даже вашимъ связямъ съ разведенными и неразведенными женщинами. Не говоря уже о тѣхъ страданіяхъ, которымъ подвергаешься, имѣя жену, я считаю безсовѣстнымъ оставлять послѣ себя дѣтей, которыя будутъ страдать не менѣе меня и, какъ и я, сдѣлаются добычею смерти».

Такое истинно нелѣпое произведеніе, какъ «Любовь Платона»

(обладай авторъ нѣсколько большимъ талантомъ, онъ бы могъ, разумѣется, сдѣлать хоть что-нибудь даже изъ этакой эксцентричной тэмы), нужно было Захеръ-Мазоху въ качествѣ лишней иллюстраціи къ шопенгауеровскому тезису горя отъ любви. А этотъ тезисъ составляетъ лишь частный случай общаго положенія о горѣ отъ существованія—положенія, усердно развиваемаго Захеръ-Мазохомъ.

II.

Не въ первый и, вѣроятно, не въ послѣдній разъ возвѣщается міру, что жизнь есть тяжелое бремя, что ея минутныя и обманчивыя радости не выкупаютъ продолжительныхъ и дѣйствительныхъ страданій существованія. Не въ первый разъ это мрачное недовѣріе къ жизни пріобрѣтаетъ многочисленныхъ сторонниковъ. Шопенгауеръ самъ отмѣтилъ сходство своего ученія со взглядами буддистовъ и аскетовъ всѣхъ временъ. Мы имѣемъ цѣлую коллекцію этихъ мрачныхъ воззрѣній, очень разнообразно формулированныхъ, въ различной степени разработанныхъ, очень разнообразно осуществляемыхъ практически. Тутъ есть и тонкое кружево индійской метафизики, и грубая, но плотная ткань русскихъ «вредныхъ» сектъ, и плетево якобы «индуктивно-естественно-научнаго» метода Гартмана, и истерзанныя покаянныя одежды средневѣковья, и бѣлыя хламиды ессеевъ и проч., и проч. Обширность этой коллекціи представляетъ множество данныхъ для сравненія и выводовъ. Сравненіе тутъ важно не столько для непосредственной критической оцѣнки пессимизма, какъ доктрины, (хотя и въ этомъ отношеніи оно можетъ дать цѣнныя указанія), сколько для выясненія источниковъ пессимизма, причины его возникновенія и распространенія. Само собою разумѣется, что причины эти должны быть очень общи и очень важны. Личность проповѣдника, какими бы выдающимися качествами она ни обладала, значитъ здѣсь меньше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ ученіи. Допустимъ, что жизнь есть, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто мрачное, тяжкое, безпросвѣтное. Убѣдиться въ этомъ, во всякомъ случаѣ, не легко. Разочарованіе можетъ послѣдовать только за очарованіемъ. Жизнь, какъ признаютъ всѣ пессимисты-теоретики и практики-аскеты, представляетъ столько соблазновъ, что для признанія міра безъисходною юдолью плача и скрежета зубовнаго мало пламенныхъ рѣчей проповѣдника, мало и холодныхъ доводовъ разума: надо почувствовать бремя жизни, надо изнемочь подъ нимъ. Если, какъ гласитъ преданіе, греческій философъ Гегезій публичнымъ прославленіемъ смерти, какъ избавительницы отъ мукъ существованія, вызвалъ настоящую манію самоубійства, такъ ужь, конечно, его краснорѣчіе играло тутъ только второстепенную, подчиненную роль. Элементы для маніи

были уже всѣ на лицо въ самой жизни учениковъ Гегезія, да и самъ онъ былъ только выразителемъ извѣстнаго общественнаго настроенія. Не рѣчи проповѣдниковъ и не отвлеченныя разсужденія о горѣ отъ существованія побуждаютъ индійскаго аскета впродолженіи нѣсколькихъ часовъ стоять вверхъ ногами, зарывшись головой въ муравьиную кучу; жизнь его, значитъ, дѣйствительно настолько горька, что горечь ея перевѣшиваетъ боль отъ приливовъ крови и укусовъ муравьевъ. Проповѣди, воззванія и доводы отъ разума могутъ, конечно, раздувать огонь костровъ, на которыхъ горѣли наши фанатики-самосожигатели; но они безсильны зажечь, его, безсильны и потушить: потушить и зажечь его можетъ только сама жизнь, изъ которой бѣгутъ фанатики. Вообще, никогда и нигдѣ люди не принимали ученія, несоотвѣтствующаго условіямъ ихъ жизни.

Приглядываясь къ исторіи пессимистскихъ доктринъ, моментовъ учащеннаго самоубійства, аскетическихъ взглядовъ, мы безъ труда увидимъ, что всѣ эти явленія имѣютъ двоякое происхожденіе.

Одинъ нѣмецкій писатель (Dühring, «Der Werth des Lebens») очень остроумно и наглядно поясняетъ одно изъ теченій, завершающихся полнымъ разочарованіемъ въ жизни, примѣромъ объѣвшагося человѣка. Умѣренное насыщеніе, т. е. нормальное удовлетвореніе потребности питанія, ведетъ къ пріятному ощущенію равновѣсія и покоя. Напротивъ, пресыщеніе сопровождается тяжелымъ чувствомъ, и объѣвшемуся человѣку въ особенности непріятно вспоминать ѣду, видѣть обѣдающихъ, кушанья, напитки: все это вызываетъ въ немъ отвращеніе. Пресыщеніе же, такъ сказать, хроническое, т. е. постоянное злоупотребленіе органовъ питанія, вызываетъ усиленное требованіе все новыхъ и болѣе сильныхъ возбужденій, оканчивающееся притупленіемъ нервовъ и крайнимъ затрудненіемъ всей функціи питанія. Такому человѣку естественно разочароваться въ жизни, такъ какъ богъ, которому онъ молился, отступился отъ него. Обладая, при разстроенномъ желудкѣ и развинченныхъ нервахъ, нѣкоторымъ образованіемъ и діалектикой, онъ можетъ обратиться въ философа-пессимиста, болѣе или менѣе логически оправдывающаго свой мрачный взглядъ на жизнь. Можетъ онъ и самоубійствомъ кончить. Таково именно происхожденіе значительной доли пессимистскихъ взглядовъ въ высшихъ, болѣе состоятельныхъ и образованныхъ классахъ общества. Далеко переступая, въ погонѣ за разнаго рода наслажденіями, предѣлы нормальныхъ потребностей человѣка, эти люди не въ состояніи уравнять ростъ ощущеній съ ростомъ раздраженій и часто изнываютъ отъ тоски среди такой обстановки, въ которой, кажется, чего хочешь, того просишь. (Подробнѣе объ этомъ см. въ «Отеч. Зап.» 1875 г., № 10, «Борьба за индивидуальность»). Затѣмъ является мыслитель, составляющій плоть отъ плоти и кость отъ костей пресыщеннаго общества, и облекаетъ это мрачное настроеніе въ философскія

формулы. Онъ объявляетъ, что жизнь есть цѣпь страданій, что лучшее, что можно съ нея взять, это—покой, отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, сокращеніе желаній, такъ какъ они все равно не дадутъ ничего, кромѣ горя, а еще лучше оборвать жизнь, умереть, не быть. Онъ не говоритъ, въ сущности, ничего новаго, невѣдомаго слушающему его люду; онъ только подводитъ философскій итогъ множеству отдѣльныхъ, разбросанныхъ жизненныхъ фактовъ. Нѣтъ никакой надобности, чтобы самъ мыслитель былъ пресыщенъ на подобіе своихъ согражданъ, чтобы онъ утопалъ въ наслажденіяхъ. Напротивъ, онъ можетъ быть бѣденъ, какъ Іовъ, и вести самую умѣренную жизнь, не прельщаясь ни одною изъ цѣлей, которыя волнуютъ окружающихъ его. Онъ долженъ только быть съ ними въ общеніи, наблюдать ихъ бѣшеную и напрасную погоню за все далѣе убѣгающимъ счастіемъ, видѣть ихъ скучающія лица, трупы самоубійцъ, слышать періодическую смѣну ихъ рѣчей въ мажорномъ и минорномъ тонѣ. Есть, однако, одна сторона во всей этой печальной исторіи, которая захватываетъ непосредственно лично его. Обыкновенно, онъ — мыслитель и ничего больше, притомъ, мыслитель, ищущій въ себѣ самомъ, въ своемъ «духѣ» отвѣтовъ на загадки жизни. Такъ было, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, да такъ оно и должно быть. Но «духъ» мыслителя, подобно духу самого обыкновеннаго смертнаго, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что не было бы въ него предварительно вложено, въ видѣ сознательнаго или безсознательнаго опыта. А, такъ какъ сфера опыта человѣка, который—мыслитель и ничего больше, крайне узка, а его жажда знанія очень велика и требуетъ все новой и новой пищи, каковой взять неоткуда, то возникаетъ внутреннее противорѣчіе, разрѣшающееся пессимизмомъ. Достойно, въ самомъ дѣлѣ, вниманія, что всѣ выдающіеся нѣмецкіе философы болѣе или менѣе отдали дань пессимизму, окончательно восторжествовавшему въ ученіяхъ Шопенгауера и Гартмана. Захеръ-Мазохъ не знаетъ этого параграфа «завѣщанія Каина», хотя не разъ восторгается «Фаустомъ» Гёте, который представляетъ превосходный примѣръ жизни, разбитой жаждой знанія, несоотвѣтствующей ни силамъ человѣка вообще, ни жизненному опыту ея носителя въ частности. Съ какой, впрочемъ, стороны «Фаустъ» интересуетъ Захеръ-Мазоха, это понять довольно трудно, такъ какъ онъ, не обинуясь, дѣлаетъ такія, напримѣръ, сопоставленія: «когда, говоритъ, читаешь «Фауста» или «Дворянское гнѣздо», то» и т. д...

Есть, однако, и другой источникъ недовѣрія и презрѣнія къ жизни, источникъ совершенно противоположный — невольное воздержаніе всякаго рода. Что жизнь не мила голодному человѣку, это очень естественно и не требуетъ ни объясненій, ни доказательствъ: замедленіе процесса обмѣна веществъ въ организмѣ понижаетъ энергію всѣхъ отправленій и, слѣдовательно, въ корень подрываетъ возможность жизнерадост-

наго взгляда на міръ. Понятны эффекты голоданія хроническаго. Вообще всякаго рода лишенія, дойдя до извѣстнаго предѣла, низводятъ энергію жизненныхъ отправленій до такого minimum'а, дорожить которымъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не стòитъ. Представляется просто выгоднымъ—искуственно подавить этотъ малый остатокъ жизне-дѣятельности, дабы, дойдя до полной нечувствительности къ внѣшнему міру, избѣжать страданій. Таково, происхожденіе пессимизма въ низшихъ классахъ общества, среди которыхъ всякое экстренное крупное бѣдствіе—война, голодовка, эпидемія, усиленіе гнёта—вызываетъ цѣлыя толпы людей, готовыхъ идти въ дѣлѣ отреченія отъ жизни до послѣднихъ предѣловъ. И здѣсь, въ свою очередь, являются люди, способные охватить это настроеніе общею формулою, дать ему знамя. Но это—не философы, не спеціалисты мысли, гордо черпающіе рѣшеніе занимающихъ ихъ вопросовъ изъ своего разума. Удаляясь въ пустыни, зарываясь въ пещеры, терпя голодъ и жажду, воздерживаясь отъ полового акта, словомъ, до послѣдней степени сокращая свои сношенія со всѣмъ, дѣйствующимъ на внѣшнія чувства, подвижники приходятъ въ состояніе экстаза. Они видятъ видѣнія, слышатъ голоса, сообщающіе имъ тайны прошедшаго и грядущаго, они пророчествуютъ, и пророчествамъ ихъ внимаютъ тѣмъ охотнѣе, что справедливо видятъ въ нихъ только концентрацію своихъ собственныхъ горькихъ чувствъ и думъ. Притомъ же, экстатическое состояніе сопровождается высокою степенью нечувствительности къ страданію. Экстатика можно рѣзать, колоть, жечь, не вызывая или почти не вызывая въ немъ ощущенія боли. Окружающимъ это, естественно, представляется, во-первыхъ, чудомъ, а во-вторыхъ—вполнѣ желаннымъ состояніемъ, потому что они, изстрадавшіеся, ищутъ именно выхода изъ цѣпи страданій. Все это вмѣстѣ высоко поднимаетъ значеніе экстаза; является надобность вывести его изъ-подъ власти случайности, пріискиваются средства для искуственнаго его достиженія — «радѣнія», посты, наркотическія вещества и проч.

Кàкъ ни много существенныхъ чертъ упущено нами въ этомъ болѣе, чѣмъ бѣгломъ очеркѣ происхожденія мрачныхъ взглядовъ на жизнь, но ясно, во всякомъ случаѣ, что именно этими двумя путями, а не какими нибудь другими, внѣдряется пессимизмъ. Ясно далѣе, что мы имѣемъ здѣсь палку о двухъ концахъ, которая бьетъ «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику». Поэтому, Захеръ-Мазохъ, во всякомъ случаѣ, до извѣстной степени правъ, заставляя крестьянина Коланко и отставного солдата Балабана высказывать тѣ же шопенгауеровскія мысли, которыми проникнуты ученый Бодошканъ, коломейскій помѣщикъ, философствующій графъ Тарновскій и, наконецъ, самъ Захеръ-Мазохъ. Если имѣть въ виду только окончательный результатъ, къ которому приходятъ объѣвшіеся и голодные, отправляясь отъ противоположныхъ точекъ, то мы най-

демъ, дѣйствительно, значительное сходство между обоими концами палки. Пѣсня полудикаго фанатика: «нѣсть спасенья въ мірѣ, нѣсть; смерть одна спасти насъ можетъ, смерть», развѣ это—не шопенгауеровскій мотивъ? и развѣ не то же самое говорилъ одолѣваемый сплиномъ англійскій лордъ, утверждая, что въ его роскошномъ саду нѣтъ ни одного дерева, которое не внушало бы ему страстнаго желанія повѣситься? Но, во-первыхъ. Захеръ-Мазохъ безконечно далекъ отъ мысли, что это, дѣйствительно—два конца одной и той же палки. Каинъ, по его мнѣнію, завѣщалъ свое проклятое наслѣдство всѣмъ людямъ безъ исключенія и совершенно независимо отъ какого бы ни было различія въ ихъ положеніи. Вѣруя и исповѣдуя, что пессимизмъ есть истина и Шопенгауеръ—пророкъ ея, Захеръ-Мазохъ, какъ это часто бываетъ съ вѣрующими людьми, даже не задаетъ себѣ вопроса объ общественно-историческихъ корняхъ истины: это—единная, безотносительная истина, въ чемъ можно убѣдиться, прослѣдивъ личную судьбу каждаго, наугадъ выхваченнаго изъ толпы. Его герои приходятъ къ пессимизму, къ убѣжденію, что все скверно въ этомъ сквернѣйшемъ изъ міровъ, не потому, что одни изъ нихъ хронически объѣдались, а другіе хронически голодали, а потому, что пессимизмъ есть истина, соотвѣтствующая міровому порядку. Страдать должны всѣ вообще и каждый въ особенности; такъ было, такъ и будетъ, потому что таковъ міровой законъ; не въ тѣхъ или другихъ историческихъ случайностяхъ лежитъ причина зла, а въ самой жизни. Вы можете устраивать и пытаться устраивать эту жизнь какъ вамъ угодно, но, въ концѣ-концовъ, на верхъ, все-таки, всплыветъ единая, безотносительная истина анти-Панглосса: все скверно въ этомъ сквернѣйшемъ изъ міровъ. Значитъ, какъ въ безконечности теряется всякое различіе между правымъ и лѣвымъ, переднимъ и заднимъ, такъ и въ омутѣ жизни теряютъ всякое значеніе особенности обоихъ концовъ палки, бьющей по барину и по мужику: не барина и не мужика она бьетъ, а человѣка, существо, по самой природѣ своей, несчастное, отъ вѣка и до вѣка обреченное на горе и страданіе. Можетъ быть, въ непереведенныхъ разсказахъ Захеръ-Мазоха—«Гайдамаки», «Судъ (кажется, «месть») крестьянъ» — побѣдоносные концы палки получаютъ свое логическое оправданіе съ пессимистской точки зрѣнія и включаются въ «завѣщаніе Каина», въ качествѣ самостоятельнаго параграфа, но въ томъ, что̀ мы до сихъ поръ имѣемъ, объ ней даже и помину нѣтъ. Но мы знаемъ, ка̀къ разсуждаютъ объ этомъ нѣкоторые другіе пессимисты. Они могли бы сказать, что, прослѣдивъ общественно-историческіе корни пессимизма, мы указали только пути его торжества, но что пути эти фатальны, неизбѣжны, а потому и вопросъ о нихъ есть вопросъ второстепенный: это значитъ только, что въ числѣ золъ, на которыя обреченъ человѣкъ самою природою, есть палка о двухъ концахъ. Мы приводимъ, отъ лица пессимистовъ, это замѣчаніе только для

полноты бесѣды, а, въ сущности, намъ въ настоящей статьѣ заниматься имъ не приходится. Защищать жизнь отъ ея искреннихъ и неискреннихъ враговъ мы здѣсь не намѣрены. Скажемъ только одно. Природа, какъ цѣлое, дѣйствительно, неособенно милостива къ своимъ созданіямъ, и Шопенгауеръ правъ, говоря, что страданія пожираемаго животнаго далеко превышаютъ наслажденіе пожирающаго, а между тѣмъ, пожираніе это—законъ природы. Но собственно въ дѣлѣ о побѣдоносной палкѣ велѣнія природы несравненно мягче, благопріятнѣе. Англійскій лордъ, одолѣваемый сплиномъ, коломейскій Донъ-Жуанъ, усталый въ погонѣ за женскимъ сердцемъ, обжора, которому тошно смотрѣть на бѣлый свѣтъ, и проч.—всѣ эти объѣвшіеся люди разбиты въ погонѣ за наслажденіями: они ихъ получаютъ безъ труда и, притомъ, въ такомъ количествѣ, которое рѣшительно не соотвѣтствуетъ обыкновеннымъ человѣческимъ силамъ. Полудикому фанатику, воспѣвающему смерть, какъ спасительницу, галицкимъ крестьянамъ Коланкѣ и Балабану и проч. выпало, напротивъ, на долю слишкомъ много труда и слишкомъ мало наслажденій. Говорятъ: таковъ законъ природы. Но природа издала законъ совершенно другого рода. Трудъ есть напряженіе извѣстной системы органовъ съ цѣлью произвести то или другое измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ. Всякое наслажденіе, кромѣ наслажденія отдыха, есть точно также напряженіе извѣстной органической системы, только завершающееся не во внѣшнемъ мірѣ, а въ сознаніи наслаждающагося. И, по природѣ вещей, рѣшительно ничто не мѣшаетъ совпаденію этихъ двухъ теченій. Мы знаемъ, напротивъ, даже и теперь такіе виды и степени труда, которые сопровождаются высокимъ наслажденіемъ. Сами по себѣ, трудъ и наслажденіе составляютъ только двѣ стороны одного и того же процесса. Разлучаютъ ихъ не коренныя требованія природы, а вторичныя условія.

Это, впрочемъ—мимоходомъ. Вернемся къ Захеръ-Мазоху.

Какъ ни велико сходство жизненныхъ итоговъ объѣвшихся и голодныхъ, но это, все-таки—не полное совпаденіе. Разница въ формулированіи итоговъ — дѣло, разумѣется, пустое: необразованный человѣкъ выразитъ свою мысль грубо и не разовьетъ ея, человѣкъ образованный пуститъ въ ходъ тончайшую діалектику или яркія поэтическія картины, но результатъ—тотъ же. Главная разница—въ отношеніяхъ тѣхъ и другихъ къ печальному нулю стоящему въ итогѣ. Голодные пессимисты страшно логичны. Если они признàютъ, напримѣръ, любовь зломъ, источникомъ страданій, они отказываются отъ нея, а если замѣчаютъ, что воля ослабѣваетъ, они прямо и просто скопятъ себя. Коломейскій Донъ-Жуанъ поступаетъ иначе. Онъ кокетничаетъ горемъ отъ любви и съ нѣкоторымъ своеобразнымъ удовольствіемъ ворочаетъ пессимистскій ножъ въ своихъ ранахъ. Онъ лично вовсе не намѣренъ измѣнять свой образъ жизни, отказываться или даже мало-мальски стѣсняться въ дѣлѣ любви, хотя она и представ-

ляется ему въ видѣ какого-то чудовища. Онъ только развиваетъ первому встрѣчному въ корчмѣ свои идеи, а бѣжать отъ чудовища у него просто нравственныхъ силъ нѣтъ. Онъ фокусничаетъ. Графъ Гендрикъ Тарновскій придумываетъ еще болѣе замысловатый фокусъ—влюбляется въ мужчину. Ошибка Захеръ-Мазоха состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ Тарновскаго идеально чистаго юношу. Весь жизненный опытъ этого двадцатилѣтняго мизогина состоитъ въ томъ, что онъ видѣлъ, какъ несчастна была его мать. Это немножко маловато для обращенія на противоестественный путь любви къ мужчинѣ, которое было бы, однако, совершенно понятно въ объѣвшемся старикѣ. Старый развратникъ (можетъ быть, и молодой годами), которому, дѣйствительно, надоѣла жизнь вообще и любовь въ особенности, но у котораго не хватаетъ силы покончить ни съ той, ни съ другой, можетъ прибѣгнуть, какъ къ послѣднему рессурсу, послѣднему раздражающему отупѣлые нервы средству—къ такой пакости. Если у Захеръ-Мазоха вся эта исторія вышла не пакостна, а глупо-смѣшна, такъ единственно потому, что онъ далъ идеально чистому юношѣ совсѣмъ неподходящую роль. И такъ во всемъ и всегда. Объѣвшійся можетъ очень обстоятельно, съ большою эрудиціей и діалектикой и, притомъ, вполнѣ искренно громить всѣ параграфы завѣщанія Каина и, въ то же время, цѣпляться за каждый изъ нихъ скрюченными отъ истощенія, изможденными пальцами. Голодный же пессимистъ, если его пальцы инстинктивно, помимо его воли, тянутся къ какому-нибудь клочку каинова наслѣдства, просто отрубаетъ ихъ. На одномъ только практическомъ пунктѣ могутъ сойтись объѣвшіеся и голодные—на самоубійствѣ. Здѣсь объѣвшіеся даже, повидимому, много рѣшительнѣе, чѣмъ голодные, потому что сравнительно чаще лишаютъ себя жизни. Но это зависитъ отъ другихъ различій между ними.

Въ упомянутомъ сочиненіи, Дюрингъ сводитъ происхожденіе пессимизма въ общемъ къ тѣмъ же двумъ источникамъ, хотя нѣсколько иначе развиваетъ вопросъ. Между прочимъ, онъ справедливо говоритъ, что то небытіе, та нирвана, къ которой такъ рвутся объѣвшіеся пессимисты, не есть собственно ни бытіе, ни небытіе, ни жизнь, ни смерть, а нѣчто совершенно двусмысленное, особенно если его поставить рядомъ съ твердыми, опредѣленными чертами загробной жизни, какъ она представляется уму пессимистовъ голодныхъ. Нетрудно объяснить причины такой разницы. Въ погонѣ за наслажденіемъ объѣвшійся изнемогаетъ, готовъ проклинать жизнь, которая, дѣйствительно—едва выносимое бремя для него, но, въ силу основнаго психо-физическаго закона Фехнера (ощущеніе ростетъ медленнѣе раздраженія, именно—какъ логариѳмъ его), не можетъ остановиться и разными способами все еще пытается щекотать свои нервы. Онъ и по ту сторону гроба вытягиваетъ эту мучительно дорогую для него нить и боится совершеннаго уничтоженія своей личности, но,

въ то же время, онъ—болѣе или менѣе вольнодумный философъ, съ презрѣніемъ смотрящій на понятія простыхъ людей о загробной жизни. Онъ лавируетъ между тѣмъ и другимъ и создаетъ какую-то туманную, двусмысленную сферу ни жизни, ни смерти, ни бытія, ни небытія. Голодный пессимистъ находится въ совершенно иномъ положеніи, потому что и болѣзнь его совсѣмъ другая. Источникъ его мрачнаго взгляда на жизнь—чрезмѣрный трудъ при ничтожномъ количествѣ наслажденій, страшное напряженіе творчества при отсутствіи пользованія плодами его. На его долю досталась только та сторона единаго по природѣ вещей процесса труда-наслажденія, которая завершается во внѣшнемъ мірѣ. Какъ бы ни была велика проистекающая отсюда исковерканность человѣческой природы, взросшій на этой почвѣ труда пессимизмъ сохраняетъ въ себѣ нѣкоторое зерно животворнаго начала. Въ девяносто девяти случаяхъ на сто, голодные пессимисты увѣрены, что рано или поздно, на землѣ или на небѣ наступитъ конецъ мукамъ и воцарятся правда и добро. Они, какъ наши бѣгуны, настоящаго града не имутъ, но грядущаго взыскуютъ. Многое въ этомъ случаѣ должно быть поставлено на счетъ степени умственнаго развитія голоднаго пессимиста, но многое также составляетъ продуктъ чисто нравственныхъ его требованій. Достойно вниманія, что объѣвшіеся пессимисты страдаютъ, мыслятъ, живутъ въ одиночку, каждый въ берлогѣ своей. Только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ изъ нихъ слагаются кружки и общины, непремѣнно, надо замѣтить, принимающія фанатически-піэтистическую, мракобѣсную окраску, взятую на прокатъ у голодныхъ пессимистовъ, но совершенно извращенную. Намъ извѣстенъ только одинъ случай оригинальной, своеобразной групировки объѣвшихся пессимистовъ, именно — клубъ самоубійцъ, существовавшій въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, члены котораго, по уставу, ежегодно накладывали на себя руки поочередно, по одному въ годъ. Наоборотъ: голодные пессимисты въ большинствѣ случаевъ групируются въ общины, толки, «корабли», живутъ и даже умираютъ, какъ самосожигатели, сообща. Это, конечно, такъ и быть должно, потому что подавляющее большинство жизненныхъ процессовъ объѣвшихся завершается въ нихъ самихъ, въ одинокой личности, тогда какъ значительнѣйшая доля жизненной энергіи голодныхъ направлена, въ видѣ творчества, труда, на внѣшній міръ, на созданіе предметовъ общей пользы и необходимости. Подвергая себя ужаснѣйшимъ мученіямъ, «убивая плоть» самыми варварскими способами, голодные пессимисты почти всегда увѣрены, что они дѣлаютъ не личное свое, а общее дѣло водворенія или приближенія взыскуемаго ими «грядущаго града», въ которомъ всѣмъ мѣсто будетъ. Такимъ же характеромъ искупленія отличаются и ихъ сравнительно рѣдкія, но за то, такъ сказать, общественныя и, притомъ, болѣе или менѣе мучительныя самоубійства. Простое: взялъ да зарѣзался—

почти не практикуется. Для объѣвшихся, напротивъ, это—единственный исходъ, когда весь запасъ возможныхъ фокусовъ истощился или когда какой-нибудь крупный, рѣзкій переворотъ въ жизни моментально обрываетъ источники новыхъ возбужденій.

Впрочемъ, область пессимистскаго фокусничества можетъ быть, при нѣкоторомъ искусствѣ и доброй волѣ, чрезвычайно расширена, причемъ отличіе отъ требованій голодныхъ пессимистовъ станетъ, разумѣется, обозначаться все рѣзче и яснѣе.

Представимъ себѣ невозможное: голоднаго пессимиста, читающаго «Философію Безсознательнаго» Гартмана. Читатель этотъ—человѣкъ съ изболѣвшимъ сердцемъ, мало образованный, но крайне серьёзно, строго относящійся къ себѣ и ко всему, что̀ доступно его понятію. Онъ не безъ интереса читаетъ первыя главы книги Гартмана, многаго не понимаетъ, многое пропускаетъ, многаго не одобряетъ — потому слишкомъ вольнодумно. Но вотъ онъ приходитъ къ XII главѣ: «Неразумность хотѣнія и муки существованія». Онъ сильно заинтересованъ. «Первая стадія иллюзіи, читаетъ онъ: счастіе предполагается достижимымъ на настоящей ступени міроваго развитія, т. е., теперь же доступнымъ для всякаго». Затѣмъ идетъ пессимистская оцѣнка здоровья, молодости, свободы, дружбы, любви, богатства, славы и проч. Всѣ эти вещи оказываются обманчивыми, эфемерными, отовсюду торчатъ змѣиныя жала, слабо прикрытыя розами и золотомъ. Читатель неудовлетворенъ, но интересъ его все ростетъ, онъ видитъ что-то какъ будто родственное себѣ; многое сказано чуть не прямо тѣми самыми словами, которыя онъ и прежде, въ своемъ кругу, слыхалъ. «Вторая стадія иллюзіи: счастіе предполагается достижимымъ въ вѣчной, посмертной жизни». Этимъ параграфомъ нашъ читатель совершенно недоволенъ, даже возмущенъ имъ... «Третья стадія иллюзіи: счастіе предполагается лежащимъ въ будущемъ естественнаго міроваго процесса». Читатель хмурится все сильнѣе и сильнѣе, но нѣсколько успокоивается, увидя заглавіе XIII главы: «Цѣль міроваго процесса и значеніе сознанія (переходъ къ практической философіи)». А, онъ не даромъ прочиталъ толстую книгу: вотъ, наконецъ—«переходъ къ практической философіи», то, что̀ ему особенно нужно! Онъ, вольно или невольно привыкшій къ труду, сростившій съ нимъ свое нравственное существо, онъ, дѣйствующій, дѣлающій, всего ближе къ сердцу принимаетъ вопросъ: что̀ же ему дѣлать, ка̀къ ему вести себя въ этой юдоли плача и скрежета зубовнаго, горя и страданій?—«Всѣ стремятся къ счастію, читаетъ онъ:—въ этомъ именно и состоитъ ищущая удовлетворенія воля». Но мы видѣли, что это стремленіе—просто глупость, что надежда на его осуществленіе — иллюзія, что конецъ его—горе разочарованія. Такимъ образомъ, возникаетъ непримиримое противорѣчіе между волей, жаждущей удовлетворенія и счастія, и разумомъ. Противорѣчіе все ростетъ и оканчивается побѣдой сознанія: всякое хотѣніе оказывается вздоромъ; только

*

отреченіе ведетъ къ лучшему изъ возможныхъ состоянію—отсутствію страданія.—Очень одобряетъ это знакомое вступленіе нашъ читатель и, тяжко и сочувственно вздохнувъ, идетъ дальше. Тамъ опять нѣчто знакомое, интересное, за душу хватающее: маленькое разсужденіе о томъ, цѣлесообразно-ли самоубійство вообще и въ особенности добровольная смерть отъ голода, при которой неразумная воля, въ конецъ побѣжденная сознаніемъ, проволакивается за его тріумфальной колесницей по всему долгому процессу мучительной агоніи? «Нѣтъ, говоритъ Гартманъ:—медленно или внезапно вымрутъ люди—бѣдный міръ отъ этого не перестанетъ существовать. Мало того: великое метафизическое начало Безсознательнаго воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ для созданія новаго человѣка или другаго подобнаго типа, и рогъ изобилія страданія наполнится вновь. Всѣ попытки индивидуальнаго отреченія отъ воли основаны на узкомъ и безнравственномъ себялюбіи: надо не себя только освободить, а способствовать освобожденію всего бѣлаго свѣта».—Есть тутъ вещи неясныя и непріятныя для нашего воображаемаго читателя, но конецъ онъ встрѣчаетъ, какъ манну небесную голодный еврей въ пустынѣ, тѣмъ болѣе, что авторъ дѣлаетъ ссылку на посланіе къ римлянамъ. Да, это—именно тò, чтò ему нужно: не себя только спасти — велика штука повѣситься! — а весь божій міръ; правда, онъ до сихъ поръ подъ міромъ больше людей разумѣлъ, но если господинъ Эдуардъ фон-Гартманъ научитъ какъ спасти «всякую тварь», такъ чего лучше? Но не продолжительны, однако, надежды читателя—не даромъ господинъ Эдуардъ фон-Гартманъ убѣждалъ его никогда не надѣяться! Конецъ страданіямъ, гласитъ толстая книга:—можетъ наступить только въ моментъ окончанія мірового процесса. Поэтому, каждый долженъ отдаться теченію міроваго процесса, сдѣлать цѣли Безсознательнаго цѣлями своего сознанія. Такимъ путемъ «инстинктъ снова водворится въ своихъ правахъ, и обращеніе воли къ жизни провозгласится единою предварительною истиною [1]; потому что, только вполнѣ отдавшись жизни и ея страданіямъ, а не путемъ жалкаго личнаго отреченія и самоустраненія, можно совершить нѣчто для міроваго процесса». «Мыслящій читатель пойметъ, прибавляетъ Гартманъ:—что построенная такимъ образомъ практическая философія заключаетъ въ себѣ полное примиреніе съ жизнью».—Можетъ быть, все это очень хорошо, но, увы! нашъ читатель не имѣетъ права титуловаться «мыслящимъ». Поэтому, онъ съ негодованіемъ швыряетъ объ полъ толстую книгу, которая обѣщала ему такъ много и

---

[1] Сомнѣваясь въ удовлетворительности своего перевода этой фразы, напечатанной у Гартмана крупнымъ шрифтомъ, приводимъ ее въ подлинникѣ: «...wird auf diesem Standpuncte der Instinct... wieder in seine Rechte eingesetzt und die Bejahung des Willens zum Leben als das vorläufig allein Richtige proclamirt.

дала такъ мало, которая такъ старалась поссорить его съ жизнью, полною страданій, только для того, чтобы потомъ стараться примирить его съ тою же жизнью, полною тѣхъ же страданій. А это, опять-таки, нужно только для того, чтобы не задерживать міроваго процесса съ его концомъ — опустѣлымъ, охладѣлымъ міромъ... Дрянной, возмутительный фокусъ! возмутительная насмѣшка надъ страданіемъ!» думаетъ нашъ грубоватый читатель. И хорошо еще, что онъ не дочиталъ конца книги, гдѣ излагается въ общихъ чертахъ проектъ прекращенія воли и существованія во всемъ мірѣ единовременнымъ рѣшеніемъ людскаго сознанія, людскаго или же сознанія другихъ, высшихъ существъ, которыя замѣнятъ къ тому времени людей на землѣ; потому что это еще не очень скоро будетъ. Хорошо также, что онъ не прочиталъ нѣкоторыхъ другихъ сочиненій Гартмана и, между прочимъ, его любезно сообщенной человѣчеству автобіографіи. Онъ узналъ бы тогда, что господинъ Эдуардъ фон-Гартманъ, такъ краснорѣчиво описывающій муки бытія, такъ рѣшительно разбивающій надежды на любовь, дружбу, семейное счастіе и проч., нанимаетъ въ Берлинѣ очень миленькій домъ, гдѣ проводитъ время, свободное отъ философскихъ занятій, въ кругу горячо любимой и горячо любящей супруги, прелестныхъ малютокъ-дѣтей и добрыхъ друзей, которые часто «приходятъ повеселиться къ пессимисту». Хорошо, что всего этого не узналъ нашъ голодный пессимистъ, потому что, при его необразованности и склонности къ фанатизму, можно бы было ждать большихъ непріятностей для господина Эдуарда фон-Гартмана и подобныхъ ему объѣвшихся пессимистовъ... Это вполнѣ натурально, впрочемъ: пока палка не сломана, концы ея сблизить нельзя.

Захеръ-Мазохъ до такой степени далекъ отъ пониманія того, что̀ произошло бы въ дѣйствительности при встрѣчѣ объѣвшихся и голодныхъ пессимистовъ, что заставляетъ ихъ дружественно бесѣдовать между собой и, притомъ, такъ, что не знаешь, гдѣ кончается рѣчь одного и гдѣ начинается рѣчь другого. Образчикомъ можетъ служить бесѣда самого автора съ солдатомъ Балабаномъ и столѣтнимъ старикомъ-крестьяниномъ Коланко въ разсказѣ «Фринко Балабанъ». Не въ томъ бѣда, что всѣ собесѣдники говорятъ одно и то же, развивая на разные лады мысль древняго объѣвшагося пессимиста насчетъ суеты сует и всяческой суеты. Мы видѣли, что до извѣстной степени такое совпаденіе мыслей и даже чуть не словъ—совершенно въ порядкѣ вещей. Но отношеніе къ предмету у голодныхъ и объѣвшихся непремѣнно различное, чего Захеръ-Мазохъ не досмотрѣлъ или, по малой мѣрѣ, не съумѣлъ выразить. Нельзя допустить, чтобы галицкіе голодные пессимисты, галицкіе «странники» рѣзко отличались отъ другихъ людей того же рода. Пусть Австрія—имъ мать (какъ это даетъ понять Балабанъ въ разсказѣ о своихъ солдатскихъ похожденіяхъ), а голодъ—даже не тётка, а такъ, ка-

кая-то седьмая вода на киселѣ; но голодные люди всѣхъ странъ и временъ, все-таки, какъ-то удивительно другъ на друга похожи. Въ непереведенной второй серіи разсказовъ, входящихъ въ составъ «Завѣщанія Каина», должно быть не мало картинъ изъ собственно народнаго галицкаго быта. Но изъ того, что имѣется у насъ въ рукахъ теперь, можно выудить, кажется, только одну характерную въ этомъ отношеніи черту. Коломейскій Донъ-Жуанъ, чтобы показать, какъ счастливъ былъ онъ первое время съ женой, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Однажды казачекъ роняетъ дюжину тарелокъ: онъ положилъ гору тарелокъ и несъ ее, придерживая подбородкомъ, какъ вдругъ все летитъ на полъ. Жена хватаетъ кнутъ съ гвоздя: «Ну, если госпожа меня постегаетъ, говоритъ онъ:—такъ я всякій день буду ронять по дюжинѣ тарелокъ!»—понимаете ли вы?—и оба смѣются». Это—одна идиллія, а вотъ другая. Героиня повѣсти «Сказка о счастіи» (о которой сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ), прелестнѣйшая, умнѣйшая, образованнѣйшая, добрѣйшая, словомъ, идеальнѣйшая Марцелла, пишетъ мужу: «Я не могла побѣдить своего гнѣва и начала хлестать своимъ кнутикомъ этого негодяя (работника Вальтера) и хлестала его до тѣхъ поръ, пока кровь не выступила на его лицѣ; теперь онъ своимъ видомъ похожъ на тигра, но зато совершенно присмирѣлъ». Преступленіе же Вальтера состояло въ томъ, что онъ накормилъ своего ястреба воробьями, находившимися подъ покровительствомъ барыни. Можетъ быть, слѣдуетъ видѣть нѣчто національно галицко-русское или государственно-австрійское въ обычаѣ галицкихъ изящныхъ дамъ (читающихъ, между прочимъ, «Фауста» и «Дворянское гнѣздо»)—собственноручно расправляться «кнутиками» (маленькіе они такіе, дамскіе). Но, что касается казачка и Вальтера, такъ они могли съиграть свою роль во всякой даже совершенно чужестранной идилліи, въ свое время, разумѣется. Теперь, можетъ быть, и галицко-русскія изящныя дамы не дерутся.

Итакъ, и галицкіе «странники», и Балабанъ, и Коланко, едва ли рѣзко отличаются отъ голодныхъ пессимистовъ всѣхъ вѣковъ и странъ. А между тѣмъ, Захеръ-Мазохъ влагаетъ имъ въ уста совершенно несоотвѣтственныя рѣчи. Извольте, напримѣръ, понять, что нижеслѣдующую рѣчь ведетъ не bel-esprit какой-нибудь, а галицкій мужикъ: «Видите ли, баринъ, я такъ думаю про себя: ты, братъ, довольно поскучалъ въ свою столѣтнюю жизнь, но будетъ же этому конецъ, а тутъ вдругъ о вѣчной жизни вспомнишь. Положимъ, господа, что оно все такъ и есть, какъ говорится о будущемъ блаженствѣ. Хорошо. Сперва могло бы показаться, что и тамъ не скучно, что и тамъ нѣтъ недостатка въ забавныхъ разговорахъ. Вотъ, напримѣръ, св. Севастьянъ разскажетъ мнѣ, какъ турки пускали въ него свои стрѣлы, какъ пригвоздили его, подобно совѣ, и какъ онъ, все-таки пошелъ навстрѣчу къ государю-язычнику и сказалъ ему: въ тебѣ собачья кровь! Разскажетъ онъ, какъ послѣ того его оконча-

тельно убили. Затѣмъ епископъ Поликарпъ повѣдаетъ мнѣ, какіе дѣльные отвѣты давалъ онъ какому-то фельдмаршалу-язычнику и какъ за то его изжарили на кострѣ. Но, наконецъ, св. Севастьянъ тысячу разъ будетъ разсказывать о стрѣлахъ и св. Винцентъ объ острыхъ стеклянныхъ осколкахъ; но, вѣдь, это что-же? А вдобавокъ — не спать, вовсе не знать благодатнаго сна! Вѣдь, когда спишь, то хотя на краткое время умираешь. Здѣсь, все-таки, если не спишь, то въ волю позѣваешь, а кто знаетъ, могутъ ли даже зѣвать блаженныя души?»—Не беремся судить объ остроуміи этихъ игривостей, но что онѣ вполнѣ неумѣстны—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Для голоднаго пессимиста затронутый вопросъ слишкомъ серьёзенъ и задушевенъ, чтобы онъ могъ трактовать его *съ такимъ* юморомъ. Оцѣнка настоящаго и будущаго съ точки зрѣнія скуки приличествуетъ только объѣвшемуся пессимисту.

Такъ же неумѣстны и размышленія Балабана, котораго Захеръ-Мазохъ хотѣлъ одѣлить всѣми возможными и невозможными достоинствами и обвалялъ въ мелко истолченной добродѣтели, какъ котлету въ сухаряхъ. Вообще надо замѣтить, что лучшій изъ мелкихъ переведенныхъ разсказовъ Захеръ-Мазоха— «Коломейскій Донъ-Жуанъ». Это—дѣйствительно типичная фигура, но зато это—единственный герой, котораго авторъ откровенно изображаетъ объѣвшимся. Всѣ остальные или совсѣмъ ничтожны, или на ходуляхъ стоятъ, или говорятъ совсѣмъ не тѣ рѣчи, которыя по ходу дѣла могутъ и должны говорить. Зависитъ это отчасти отъ необширныхъ размѣровъ таланта Захеръ-Мазоха, а отчасти оттого, что онъ самъ фокусничаетъ, а не серьёзно и строго относится къ своему дѣлу. Получивъ «просіяніе своего ума» отъ Шопенгауера, онъ безъ разбора тычетъ всѣмъ и каждому ученіе нѣмецкаго пессимиста, даже не пытаясь прослѣдить, какимъ путемъ могло оно привиться тому, другому, пятому, десятому лицу. Но верхъ его фокусничества, это—послѣдній разсказъ—«Марцелла или сказка о счастьи», изъ котораго можно пожалуй вывести заключеніе, что авторъ, въ дѣйствительности— вовсе не такой ужъ отчаянный пессимистъ, какимъ желалъ бы казаться.

Извѣстно, какъ смотритъ на любовь Шопенгауеръ: природа сводитъ мужчину и женщину подъ предлогомъ будто бы ихъ личнаго счастія, а, въ сущности, единственно для того, чтобы продолжить родъ человѣческій; когда дѣло сдѣлано, повязка падаетъ съ глазъ, и лучезарное счастіе, такъ обольстительно манившее, оказывается ничѣмъ не лучше пламени свѣчи, на которое летитъ и обжигаетъ себѣ крылья ночная бабочка. До сихъ поръ въ повѣстяхъ Захеръ-Мазоха мы и видѣли разные случаи горя отъ любви. Авторъ предисловія къ русскому переводу «Завѣщанія Каина» разсказываетъ, что повѣсти эти своей тенденціей произвели неблагопріятное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ нѣмецкихъ критиковъ; автора обвинили, какъ это и въ другихъ

странахъ бываетъ, въ разныхъ злокозненныхъ «измахъ». «Какъ бы въ отвѣтъ на эти обвиненія, пишетъ авторъ предисловія:— Захеръ-Мазохъ написалъ свою «Марцеллу», названную имъ «сказкой о счастіи»; здѣсь любовь и семейный очагъ находятъ себѣ полное уваженіе, а душевная гармонія любящихъ сердецъ и вся обстановка окрашены такими цвѣтами, которые никакъ не могли сойти съ палитры художника-матеріалиста». Въ отвѣтъ-ли, не въ отвѣтъ-ли на упреки написалъ Захеръ-Мазохъ «Марцеллу», во всякомъ случаѣ, онъ напустилъ въ нее столько «цвѣтовъ», столько цвѣтовъ, что не одинъ Калхасъ сказалъ бы: слишкомъ много цвѣтовъ! Не слѣдуетъ думать, что заглавіе «сказка о счастіи» намекаетъ на какія-нибудь тайныя намѣренія автора перенести счастіе въ область сказки и тѣмъ рѣшительнѣе протестовать противъ возможности его въ дѣйствительности, какъ этого можно бы было ожидать отъ послѣдовательнаго пессимиста. Нѣтъ, въ повѣсти фигурируетъ настоящая сказка о счастіи, разсказанная сначала въ видѣ аллегорическаго вступленія, а потомъ чуть-чуть припутанная къ фабулѣ. Мораль этой незамысловатой сказки состоитъ въ томъ, что счастія надо искать на родинѣ и въ любви. Въ повѣсти, по обыкновенію нашего автора, дѣйствующія лица излагаютъ, не переводя духа, цѣлыя диссертаціи объ условіяхъ любви, и необыкновенно только то, что идутъ разсужденія объ условіяхъ *счастливой* любви. Все это мало любопытно, скучно и, наконецъ, къ дѣлу не идетъ. А дѣло-то въ томъ, что графъ Александръ Комаровъ обладаетъ необыкновенными и многоразличными достоинствами. Онъ—«со всѣхъ точекъ зрѣнія человѣкъ, подобнаго которому найти не легко»: богатъ, красивъ, образованъ, уменъ, силенъ, здоровъ, добродѣтеленъ, одаренъ всепокоряющей силой воли. Зато же и пара ему досталась: «она была такъ хороша, что мнѣ не случалось и никогда не случится увидѣть такую женщину. Всѣ прелести дѣвицы и женщины, все очарованіе естественности, простодушія и силы соединялись въ ней съ пикантнымъ благородствомъ, граціозной эластичностью и умственною возвышенностью; такъ что все вмѣстѣ взятое вѣяло такою обольстительностью, что я совершенно пришелъ втупикъ—трудно бы найти равное ей существо». Вдобавокъ, она такъ хорошо дерется «кнутикомъ» и такъ понимаетъ Тургенева, что мужъ отзывается объ ней въ тонѣ, достойномъ коломейскаго Дон-Жуана: «днемъ—самая красивая и умная изъ Сивиллъ, а ночью—Венера». Вы ждете, что пессимистъ-авторъ такъ густо нарумянилъ и набѣлилъ графа Комарова и Марцеллу съ тою злостною, но естественною въ авторѣ «Завѣщанія Каина» цѣлью, чтобы показать, что вотъ-молъ—на что ужь, кажется, ангелы, а и то въ концѣ-концовъ передрались и разбѣжались въ разныя стороны. Ничуть не бывало. Графъ Комаровъ и Марцелла, несмотря на дѣтей, несмотря на всѣ обманы природы, несмотря на Шопенгауера и завѣщаніе Каина, до такой степени счастливы, что описаніе ихъ счастія можетъ произвести

тошноту въ читателѣ съ мало-мальски развитымъ эстетическимъ чутьемъ. При чемъ же тутъ завѣщаніе Каина? И не есть ли это— повтореніе фокуса Гартмана, который на протяженіи толстой книги ссоритъ читателя съ жизнью, чтобы мирить его съ тою же жизнью на одной изъ послѣднихъ страницъ?

III.

Въ чемъ же состоитъ славянскій или даже «русскій» кругозоръ, открывшійся Европѣ чрезъ посредство произведеній Захеръ-Мазоха? Прежде всего, тутъ есть нѣкоторыя недоразумѣнія, отчасти серьёзныя, отчасти забавныя. Одинъ изъ французскихъ рецензентовъ, мнѣнія которыхъ приложены къ «Идеаламъ нашего времени», говоритъ: «На славянскомъ востокѣ мы замѣчаемъ возникновеніе реалистической школы. Тутъ реализмъ является съ совершенно своеобразнымъ, новымъ взглядомъ и неразлученъ съ тѣмъ пессимизмомъ, который лежитъ въ основѣ нравственной философіи этихъ пастушескихъ народовъ, именно—съ покорностью судьбѣ и слѣпымъ подчиненіемъ закону. Самымъ замѣчательнымъ и значительнымъ представителемъ этой школы является Захеръ-Мазохъ, малороссіянинъ изъ Галиціи... Онъ — доктринёръ и ярый послѣдователь Шопенгауера, чего онъ и не скрываетъ. И дѣйствительно, онъ имѣетъ право ссылаться на него. Смѣло можно назвать Захеръ-Мазоха, послѣ Шопенгауера, величайшимъ изъ славянскихъ философовъ. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ нихъ не съумѣлъ, подобно ему, возвести пессимизмъ на степень нравственнаго закона и основать метафизику на природномъ побужденіи».

Французскіе критики отличаются часто такимъ невѣжествомъ, а русскіе переводчики столь же часто такою безграматностью, что мы не беремся рѣшить, кто въ данномъ случаѣ обратилъ Шопенгауера въ славянина и на чьей вообще душѣ лежитъ грѣхъ приведенной сплошной нелѣпости. По всей вѣроятности, надо раздѣлить грѣхъ пополамъ: французъ сболтнулъ, русскій повторилъ и немножко еще переврал. Но и болѣе, вообще говоря, свѣдущіе нѣмецкіе критики называютъ Захеръ-Мазоха «народнымъ, славянскимъ и современнымъ намъ Шопенгауеромъ» и т. п. И самъ Захеръ-Мазохъ считаетъ себя національнымъ «русскимъ» писателемъ, хотя и пишетъ по-нѣмецки и ищетъ, какъ мы упоминали, «нашихъ» и «нашего» въ Германіи. Останавливаясь на внѣшней сторонѣ дѣла, можно замѣтить, что Захеръ-Мазохъ раздѣляетъ судьбу многихъ австрійскихъ славянъ: славянинъ родомъ, онъ впутывается въ государственный организмъ Австріи, а, черезъ нее, черезъ борьбу ея съ Пруссіей изъ-за преобладанія въ Германіи, въ нѣмецкія дѣла вообще, такъ что онъ и тамъ, и тутъ — «свой». (Кстати: авторъ предисловія

къ «Завѣщанію Каина» утверждаетъ, что, послѣ Садовой, «основавъ оппозиціонную «Пруссіи» газету, Захеръ-Мазохъ открыто заявилъ себя представителемъ галиційской русской партіи, которая торжественно отдала себя подъ его покровительство». Отнюдь не хвастаясь знакомствомъ съ взаимными отношеніями галицкихъ партій, мы беремъ на себя, все-таки, смѣлость сказать, что это — пустяки). Но дѣло не въ этомъ, а въ славянскомъ «кругозорѣ» Захеръ-Мазоха. Славянскій кругозоръ, имѣющій въ діаметрѣ нѣмца Шопенгауера, это — нѣчто, очень странное. Да и какой же національности можетъ быть поставленъ въ счетъ кругозоръ, возникающій, при извѣстныхъ условіяхъ, во всѣ времена и во всякой странѣ? Индусы и евреи, малороссы и греки, великороссы и нѣмцы, римляне и болгаре — всѣ попробовали этого меда и именно въ тѣхъ двухъ направленіяхъ, которыя мы пытались обозначить. Вся разница въ томъ, что въ такой-то странѣ и въ такое-то время одно изъ этихъ направленій выразилось ярче, чѣмъ другое, а въ другой странѣ и въ другое время—наоборотъ. Если писатель избираетъ театромъ дѣйствія для своихъ произведеній свою родину, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что онъ — національный писатель, тѣмъ паче, когда онъ, какъ Захеръ-Мазохъ, пишетъ на чужомъ языкѣ. Вотъ еслибы онъ уловилъ ту мѣстную пропорцію голодныхъ и объѣвшихся пессимистовъ, какая имѣется на его родинѣ, еслибы онъ прослѣдилъ эту пропорцію до самыхъ ея корней въ мѣстной жизни — тогда былъ бы другой разговоръ. Тогда онъ былъ бы писатель національный по колориту и, въ то же время, общечеловѣческій, какъ пѣвецъ объѣвшихся или голодныхъ, смотря по тому, чье горе и чье отношеніе къ жизни ближе принялъ бы къ сердцу. Теперь же, въ виду произведеній Захеръ-Мазоха, даже и не приходится говорить о національномъ и общечеловѣческомъ элементахъ въ поэзіи: нѣтъ поводовъ для такого разговора. Онъ — просто неразборчивый и мало-талантливый художественный комментаторъ Шопенгауера. Для пессимистской теоріи онъ сдѣлалъ, какъ мы видѣли, очень немного; для своей родины—еще меньше, потому что, если, напримѣръ, олухи, въ родѣ графа Гендрика Тарновскаго, или изящныя дамы, въ родѣ Марцеллы, вообще возможны, то они одинаково могутъ рождаться и въ Галиціи, и въ Китаѣ.

Для своей второй родины, Германіи, онъ сдѣлалъ больше. Это не значитъ, однако, чтобы онъ сдѣлалъ много.

«Идеалы нашего времени» посвящены Германіи, новой, побѣдоносной Германіи. Для послѣдовательнаго пессимиста трудно найти болѣе благодарную тэму. Это водвореніе грубаго милитаризма и самохвальства, эта пятимильярдная контрибуція, съигравшая чуть не роль троянскаго деревяннаго коня, эта страшная горячка спекуляціи, породившая въ два года чуть не тысячу акціонерныхъ компаній, наполовину дутыхъ, эти банкротства, крахи и биржевые скандалы — какая тэма выгоднѣе для рома-

ниста-пессимиста? Осмѣявъ старую Германію, русокудрую дѣву, съ голубыми очами, воздѣтыми горѣ, съ вѣнкомъ изъ незабудокъ на головѣ, съ кружкой пива въ одной и Вертеромъ въ другой рукѣ; разбивъ старыя иллюзіи сантиментальной любви, самодовлѣющей учености, мѣщанскаго счастія и проч., романистъ-пессимистъ могъ бы перейти къ новымъ иллюзіямъ власти, богатства, славы. Но Захеръ-Мазохъ оказался художникомъ, недоросшимъ до своей тэмы, и довольно дешевымъ моралистомъ. И самъ онъ, и его излюбленные, благороднѣйшіе до глупости герои громятъ иногда «наше время» за такіе пустяки, объ которыхъ, во-первыхъ, говорить не стоитъ и которые, во-вторыхъ, вовсе не составляютъ исключительнаго достоянія нашего времени. Мужчина надѣваетъ дѣвушкѣ коньки. Авторъ морализируетъ по этому случаю такъ: «Лицемѣріе, столь же слѣпое, какъ и самъ богъ Амуръ, такъ вкралось въ нашу общественную жизнь и изгнало изъ нея столько невинныхъ удовольствій, что теперь люди принуждены закрывать глаза на гораздо худшія вещи. Что можетъ, напримѣръ, болѣе возбудить фантазію, пробудить чувственность и прогнѣвить моралиста, какъ не близость красивой дамы, которая ставитъ ножку на колѣни къ лежащему (?) возлѣ нея мужчинѣ?» Нѣкто Плантъ, оказывающійся впослѣдствіи отъявленнымъ мерзавцемъ (около этого мерзавца групируются, впрочемъ, лучшія и, дѣйствительно, хорошія мѣста романа), занялъ у своего благороднѣйшаго пріятеля Андора фракъ, чтобы сходить на экзаменъ, да и заложилъ его. Событіе довольно обыкновенное въ студенческомъ быту и нашего, и стараго времени. Но авторъ освѣщаетъ его слѣдующимъ полупатетическимъ, полусаркастическимъ замѣчаніемъ: «Такова была его благодарность за всѣ благодѣянія, которыми до сихъ поръ осыпало его старомодное семейство, а, такъ какъ оно попрежнему продолжало принимать его привѣтливо, то не имѣлъ ли онъ права осмѣивать всѣхъ его членовъ?» Такая стрѣльба изъ пушекъ по воробьямъ раздается чуть не на каждой страницѣ, что утомляетъ читателя и сглаживаетъ впечатлѣніе болѣе сильныхъ мѣстъ романа. Они есть. Захеръ-Мазохъ не церемонится со своей побѣдоносной второй родиной, и намъ, готовящимся нынѣ побѣдить Турцію, не мѣшаетъ познакомиться съ «Идеалами нашего времени». Тѣмъ болѣе, что Захеръ-Мазохъ дѣлаетъ намъ въ одномъ мѣстѣ любезность, утверждая, что насъ—въ противоположность нѣмцамъ—военные успѣхи не склоняютъ къ заносчивости, къ презиранію другихъ націй, вообще не портятъ...

Читатель, разумѣется, избавитъ насъ отъ пересказа «Идеаловъ нашего времени», и мы покончимъ двумя-тремя замѣчаніями.

«Идеалы нашего времени» — скорѣе обличительный романъ, чѣмъ философскій. Даже любимая пессимистская идея Захеръ-Мазоха, хотя и тянется кое-гдѣ, но очень слабо, неполно, небрежно. «Идеаламъ нашего времени» противопоставляются

СТРАН.

Herwegh, herausgegeben nach seinem Tode (Zürich, 1877) 375

УАРДА. Романъ изъ временъ древняго Египта. **Георга Эберса.** (*Окончаніе второй части*) 414

ЗОЛОТЫЯ СЕРДЦА.—VI. **Н. Златовратскаго** 503

ТРЯПИЧКИНЫ-ОЧЕВИДЦЫ. **Н. Щедрина.** 533

НЕНАВИСТНИКЪ ЖЕНЩИНЪ. Романъ **Чарльза Рида.** (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 97—128).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Іюль № 7.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ СЪ АНГЛІЙСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. (Russia, by W. Mackenzie Wallace).—I—V. **Н. Поповскаго** 1

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ЗАПАДѢ. Новый философскій журналъ въ Германіи. (Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, herausgegeben von R. Avenarius. I Heft. Octob. 1876, II Heft. Jan. 1877). **В. Лесевича** 42

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Дѣятельность новаго министерства. — Гуртовыя смѣны чиновниковъ.— Легитимисты и Мак-Магонъ. — Толки объ оставленіи маршаломъ поста президента республики. — Тьеръ и Гамбетта.—Дѣятельность 363 депутатовъ въ провинціи.—Министерскіе циркуляры и распоряженія. — Нарушенія различныхъ правъ свободы.—Непоколебимое спокойствіе націи. — Протестъ торговцевъ и промышленниковъ. — Средства и истинная цѣль реакціи. — II. Рѣчи Гамбетты въ Амьенѣ и Аббевилѣ. — Открытіе палатъ.—Внесеніе въ сенатъ требованія о распущеніи палаты депутатовъ. — Знаменательныя засѣданія 16-го, 18-го и 19-го іюня. — Три обвинительные акта противъ правительства—Гамбетты, Жюля Ферри и Леона Рено.—Жалкая защита министровъ: де-Фурту, Париса, Деказа. — Безобразія бонапартистовъ. — Очередной порядокъ 19-го іюня. — Предложеніе распущенія въ сенатѣ.—Викторъ-Гюго и де-Мо.—Рѣчь

Виктора-Гюго.—Объясненіе Жюль-Симона.—Де-Брольи, получившій даръ слова. — Рѣчь Беранже. — Вопросы Берто. — Невозможный министръ Брюне.—Голосованіе распущенія.—Послѣднее засѣданіе палаты депутатовъ. — Послѣднія заявленія и предосторожности лѣвыхъ. **Людовика** 74

НОВЫЯ КНИГИ. Профессіональная гигіена или гигіена умственнаго и физическаго труда. Доктора Ф. Эрисмана. — Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. — Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской Губерніи на 1877 годъ. Изданіе (второе) Эттингера. — Луи Жакольо. Паріи въ человѣчествѣ. Переводъ съ французскаго 104

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Нѣсколько словъ «Сѣверному Вѣстнику» 119

Августъ № 8.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛЕВИТОВЪ. (Его жизнь и сочиненія). Статья вторая. **А. Скабичевскаго** 335

РУССКАЯ ЖИЗНЬ СЪ АНГЛІЙСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. (Russia, by Mackenzie Wallace). — VI — IX. **Н. Поповскаго**. 165

РАЗДАЧА НАСЕЛЕННЫХЪ ИМѢНІЙ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II. **Василія Семевскаго** 204

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Смотръ войскамъ 1-го іюля.—Программа маршала Мак-Магона.—Избирательная программа де-Фурту.—Недовольство ею коалиціи. — Образъ дѣйствій принца Наполеона. — Центральный имперіалистскій комитетъ. — Тристанъ Ламбѐръ. — Министерское сообщеніе и телеграмма. — Неразрушимость союза 363-хъ и факты, доказавшіе это.—Роялистскій избирательный комитетъ.—Интриги орлеанистовъ.—Вмѣшательство «Фигаро» въ анархію монархическихъ партій.—Клерикальный комитетъ и его манифестъ. — Выходка сенатора де-Франлье. — Отсрочка выборовъ. — II. Тьеръ и консультація о срокѣ выборовъ. — Комитетъ юристовъ-республиканцевъ. — Консультація о запрещеніи продажи газетъ. — Способы противодѣйствія административному произволу.—Про-

СТРАН.

тиводѣйствіе судовъ министерству. — Преслѣдованіе кафè и винныхъ погребковъ. — Диффамаціи «Бюллетеня Общинъ». Легальное сопротивленіе. — Подписка въ пользу республики.—Де-Брольи и Брюне въ театрѣ Французской Комедіи.—Анархія въ средѣ консерваторовъ. — Жизненное значеніе будущихъ выборовъ для Франціи. **Людовика** 228

НОВЫЯ КНИГИ. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ странахъ. Кн. А. Васильчикова. — Анна Каренина. Романъ графа Льва Н. Толстого. — Владычный судъ. Быль. (Изъ недавнихъ воспоминаній). Pendant къ разсказу «На краю свѣта». Н. Лѣскова.—Русскій среди американцевъ. М. М. Владимірова 252

ПАЛКА О ДВУХЪ КОНЦАХЪ. Захеръ-Мазохъ. «Завѣщаніе Каина». Галицкіе разсказы. Переводъ съ нѣмецкаго С. А. Катальниковой. М. 1877. — «Идеалы нашего времени». Романъ въ 4-хъ частяхъ Захеръ-Мазоха. Переводъ съ нѣмецкаго. С. А. Катальниковой. М. 1877. **Н. М.** 277